ОП

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО ТЕАТРА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

И. ПЕСОЦКИМЪ,

НА 1840 ГОДЪ.

ТОМЪ 2-Й.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Плюшара.

1840.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
ТЕАТРА ДРАМЫ

Dessiné d'après nature J. Alexeeff. Engraved by K. Jennings.

УРОКЪ МАТУШКАМЪ.

РУССКАЯ ПРОВИНЦІЯЛЬНАЯ БЫЛЬ,

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

М. Н. ЗАГОСКИНА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Анна Степановна Слукина..... *Сабурова.*
Варинька, падчерица Слукиной. *Панова.*
Николай Ивановичъ Холминъ, крестный отецъ Вариньки... *Щепкинъ.*
Князь Верхоглядовъ..... *Живокини.*
Иванъ Ѳедоровичъ Вельскій..... *Асенскій.*
Алексѣй Андреевичъ Зоринъ..... *Потанчиковъ.*
Александръ Михайловичъ Тонскій..... *Самаринъ.*
Княгиня Ландышева, молодая вдова..... *Орлова.*
Глафира Филипповна Горегледова..... *Аленская.*
Ольга Дмитріевна Зарѣцкая..... *Синецкая.*

влюбленные въ Вариньку.

съ знакомыя.

Ѳома Ѳомичъ Фонъ-Дахъ, губернскій докторъ..... *Никифоровъ.*
Губернаторъ..... *Соколовъ.*
Губернскій предводитель..... *Волковъ.*
Аксинья, ключница..... *Кашина.*
Кондратьевна, нянюшка.... *Богославская.*
Даша, горничная..... *Златопольская.*
1-я дѣвушка..... *Акимова.*
2-я дѣвушка..... *Григорьева.*
Маленькая дѣвочка..... *Лаврентьева.*

Слукиной.

Мальчикъ князя Верхоглядова.
Слуги князя Верхоглядова.
Слуги Слукиной.
Гости обоихъ половъ, на балѣ у княгини Ландышевой.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ комнату въ домѣ Слукиной, обитую старинными обоями; по стѣнамъ развѣшаны фамильные портреты; мебель ветхая, стараго фасона.

ЯВЛЕНІЕ I.

СЛУКИНА, ХОЛМИНЪ И ВАРИНЬКА. Слукина сидитъ за ломбернымъ столомъ и раскладываетъ гранъ-пассіансъ; Холминъ также сидитъ подлѣ нея на стулѣ; Варинька стоитъ у раствореннаго окна.

СЛУКИНА, оттолкнувъ съ досадою карты.

Опять не вышло!... А все этотъ проклятый валетъ; пейдетъ, какъ пейдетъ!... Эй, дѣвка!... Дашка!... *(Входитъ горничная.)* Возьми, положи карты въ комодъ, въ третій ящикъ!... Да что это, мать моя?... Никакъ въ корсетъ?... Смотри пожалуй!... и онѣ ужъ стали затягиваться!... Варинька!...

ВАРИНЬКА, оборачиваясь, торопливо.

Что вамъ угодно, маменька?

СЛУКИНА.

Ну, что?... Дождикъ пересталъ?

ВАРИНЬКА.

Кажется, пересталъ, маменька.

СЛУКИНА.

Такъ на дворѣ прочищается?

ВАРИНЬКА.

Кажется, прочищается.

(Въ эту минуту слышенъ большой шумъ отъ дождя.)

СЛУКИНА.

Чу!... Помилуй, матушка! Дождь ливмя льетъ, а ты говоришь... Да что ты — ослѣпла, что ль?... Эй, человѣкъ... человѣкъ!... *(Человѣкъ входитъ.)* Ну, что стоишь?... Слышишь, протекло въ гостиной!.. Ведро! *(Слуга уходитъ.)* Да вѣрно на чердакѣ ушатовъ нѣтъ; вотъ я васъ, разбойники!... Смотри пожалуй, дождь пейлетъ!... прочистилось!... Да чего жъ ты въ окно-то смотрѣла, сударыня?... Ужъ не на этого ли молодчика?...

ХОЛМИНЪ.

На кого это, матушка Анна Степановна, на кого?

СЛУКИНА.

Да вотъ недавно отвели квартиру, противъ нашего дома... терпѣть не могу этого усача! Ну, словно осенняя муха, такъ въ глаза мнѣ и лѣзетъ... Куда ужъ я не люблю этихъ подлипалъ!

ВАРИНЬКА.

А онъ очень васъ любитъ и уважаетъ, маменька.

СЛУКИНА.

Право? — И что мнѣ, матушка, въ его любви?... И на какую потребу уваженіе этого пришлаго? Я и сама замѣчаю это; онъ что-то умильно на меня посматриваетъ; ужъ не хочетъ ли денегъ въ займы попросить — чего добраго! Вѣдь эта голь хитра на выдумки: на обухѣ рожъ молотитъ.

ВАРИНЬКА.

Вы напрасно, маменька, такъ дурно о немъ думаете: онъ, право, честный и хорошій человѣкъ.

СЛУКИНА.

Ась?... Что, мать моя?

ВАРИНЬКА.

Я говорю, что онъ хорошій человѣкъ.

СЛУКИНА.

Право?... Да что ты за него такъ заступаешься?... Что это значитъ, сударыня?

ВАРИНЬКА.

Такъ, маменька, ничего.

СЛУКИНА.

То-то ничего; у меня смотри!...

ХОЛМИНЪ.

Да о комъ вы, матушка, говорите?

СЛУКИНА.

Вотъ объ этомъ гусарскомъ офицеришкѣ... какъ бишь его... дай Богъ память... Да!... Топской!

ХОЛМИНЪ.

Александръ Михайловичъ?... Ну что жъ!... Онъ точно отличный молодой человѣкъ.

(Во время этого разговора Варинька потихоньку отходитъ прочь и становится опять у окна.)

СЛУКИНА.

И, батюшка! Да что въ немъ отличнаго... Ну, конечно, собой онъ молодецъ изрядный; говорятъ, не пьетъ, въ карты не играетъ — да и то сказать — что ему сердечному проигрывать? — Вѣдь голъ, какъ соколъ; а какъ поглядишь иногда — Господи Боже мой! — Весь облитъ золотомъ; фунта три вынѣги будетъ; а, чай, дома перекусить нечего. Вотъ то-то и есть: служилъ бы себѣ да служилъ въ пѣхотѣ, такъ нѣтъ, — всякая стрень-брень въ гусары лѣзетъ.

ХОЛМИНЪ.

Онъ не такъ бѣденъ, какъ вы думаете; его дядя оставилъ ему небольшое, но прекрасно-устроенное имѣніе.

СЛУКИНА.

Право?... А сколько душъ, батюшка?

ХОЛМИНЪ.

Конечно, немного: душъ тридцать...

СЛУКИНА.

Тридцать душъ! И ты, Николай Ивановичъ, зовешь это имѣніемъ.

ХОЛМИНЪ.

Нельзя же всякому, какъ вамъ, Анна Степановна, имѣть тысячъ пятьдесятъ въ годъ доходу. Разумѣется, въ сравненіи съ вами Топскій бѣденъ, но за то какой добрый, вѣжливый молодой человѣкъ...

СЛУКИНА.

Да, Николай Иваповичъ! — Что правда, то правда: и вѣжливъ и услужливъ; прошлое воскресенье, кабы не онъ, такъ не знаю, что было бы со мною; на рукахъ вынесъ изъ губернаторской столовой.

ХОЛМИНЪ.

А что такое съ вами было?

СЛУКИНА.

Вотъ что, батюшка, Николай Ивановичъ: я прошлое воскресенье была у губернатора въ благородномъ театрѣ. Какъ вошла я въ этотъ театръ, гляжу: на заднихъ скамеечкахъ просторно, по за то на передней, вотъ такъ человѣкъ на человѣкѣ и сидятъ. Ну, нельзя же, мой отецъ, статской совѣтницѣ сидѣть сзади, и Богъ вѣсть подлѣ кого. Вотъ я, гдѣ бочкомъ, гдѣ локотками, продралась, и сѣла впереди. Тѣсно, батюшка, душно, — а дѣлать нечего — сижу! Вотъ, подъ конецъ, голова стала у меня кружиться и начало въ глазахъ зеленѣть — а я все-таки сижу! Когда театръ кончился, я встала вмѣстѣ съ другими, а что-то плохо! — Вошла въ гостиную — мнѣ какъ будто бы получше. Вотъ поднялись всѣ, чинъ чиномъ, въ столовую къ ужину; я, пропустя мимо себя губернаторшу, хотѣла было, по моему чину, вслѣдъ за нею, какъ вдругъ, откуда ни возьмись дворянская предводительница — шмыгъ изъ-подъ меня, да шасть первая къ столу!... Коллежская ассессорша!... Ну, батюшка, хоть я и беззащитная вдова, хоть за меня, круглую сироту, вступиться некому, а ужъ не стерпѣла бы я такого афронта, и если бъ это не было у губернатора, подняла бы такую кутерму, что и Боже упаси! А тутъ дѣлать нечего — смолчала! Да ужъ каково-то было моей душенькѣ! Начало меня подергивать, подкатилось къ сердцу, схватило удушье, и если бъ не подвернулся этотъ Топскій — дай Богъ ему здоровья! — то я бы со всѣхъ ногъ грянулась о полъ.

ХОЛМИНЪ.

Скажите, пожалуй-ста! Подлинно спасибо ему!... А знаете ли, Анна Степановна, что если бъ Топскій былъ побогаче, такъ этакого жениха поискать!

СЛУКИНА.

Да! — Если бъ у него было тысячъ тридцать въ годъ доходу.

ХОЛМИНЪ.

Погодите, будетъ и больше. Онъ отличный офицеръ, служитъ охотникъ и пойдетъ далеко.

СЛУКИНА.

Статься можетъ, батюшка, — да вѣдь это еще буки.

ХОЛМИНЪ.

Я увѣренъ, что и теперь любая невѣста, въ нашемъ городѣ, за него пойдетъ.

СЛУКИНА.

Любая, не любая, а, можетъ быть, и найдутся охотницы. Вѣдь дураковъ и дуръ вездѣ много, Николай Ивановичъ; ихъ не орутъ, не сѣютъ, сами родятся.

ХОЛМИНЪ.

Ну, нѣтъ! — По мнѣ, Топскій хоть кому женихъ.

СЛУКИНА.

Что это, батюшка? Ужъ не мѣтишь ли ты на Варинькy?... Да сохрани ее Господи!... Да если бы самъ покойникъ всталъ изъ гроба!... Добро бъ еще этотъ Топскій былъ въ чинахъ, статскій совѣтникъ или пятаго класса, а то простой офицеришка, нищій... Чему же ты смѣешься, батюшка?

ХОЛМИНЪ.

Да какъ не смѣяться? Эхъ, матушка Анна Степановна! Ну, какъ вы могли подумать, чтобъ я сталъ свататъ не-шутя вашу падчерицу, мою крестную дочь, за какого нибудь гусарскаго поручика, съ тридцатью ревизскими душами, потому только, что онъ уменъ, молодецъ собою и добрый малый?

СЛУКИНА.

Ну то-то же, мой отецъ! — А то было и совсѣмъ перепугалась. — Да и я дура! Какъ будто не знаю, что ты всегда подшучиваешь... А мнѣ бы надобно съ тобой о серьёзномъ дѣлѣ поговорить, батюшка, — да вотъ видишь ты какой: опять начнешь балагурить!... Варинька!... Что жъ ты, мой другъ, или позабыла, что намъ пора ѣхать? ступай одѣваться.

(Варинька уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

тѣ же, кромѣ вариньки.

ХОЛМИНЪ.

Куда вы сбираетесь?

СЛУКИНА.

Теперь съ визитами, а тамъ прямо проѣдемъ на балъ къ княгинѣ Ландышевой.

ХОЛМИНЪ.

И я также приглашенъ. Говорятъ, она зазвала весь городъ. Ну, тѣсно же будетъ въ ея домикѣ.

СЛУКИНА.

Да вѣдь она даетъ балъ въ домѣ своего родственника, князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

ХОЛМИНЪ.

Ну, это другое дѣло; у него домъ—настоящія палаты.

СЛУКИНА.

Теперь, Николай Ивановичъ, мы остались одни; поговоримъ-ка о дѣлѣ.

ХОЛМИНЪ.

Поговоримте, матушка.

СЛУКИНА.

Ты человѣкъ умный, мой батюшка, посовѣтуй!—Что ты, родной, скажешь, такъ тому и быть.

ХОЛМИНЪ, улыбаясь.

То есть, когда мой совѣтъ будетъ согласенъ съ вашей волею?

СЛУКИНА.

И, батюшка! Да развѣ у меня есть какая нибудь воля? Что скажутъ добрые люди, то и дѣлаю. Вотъ, изволишь видѣть: твоя крестная дочка ужъ на возрастѣ.

ХОЛМИНЪ.

А что? Развѣ вы хотите выдать ее замужъ?

СЛУКИНА.

Пора, мой отецъ, вѣдь ужъ ей скоро семнадцать лѣтъ.

ХОЛМИНЪ.

Да это что еще за года, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

Полно, полно, Николай Ивановичъ, я сама по четырнадцатому году за перваго мужа вышла замужъ, такъ что тутъ говорить; да и не объ томъ рѣчь.

ХОЛМИНЪ.

А что, развѣ кто нибудь сватается?

СЛУКИНА.

Кто нибудь?... Нѣтъ, батюшка, женишки-то давно ужъ около насъ увиваются, и въ-старину бы мнѣ отъ свахъ отбою не было; вотъ теперь дѣло другое, за это ремесло взялись наши сестры, дворянки; да полно, лучше ли? Бывало, отъ свахи узнаешь всю подноготную, отберешь все до копѣечки, и коли замѣтишь, что она начала лисой лисить да переминаться, такъ ее, голубушку мою, въ три-шея со двора долой.—Вѣдь дѣло-то было торговое, а теперь—прошу покорно! Сама губернаторша пріѣдетъ сватать, съ ней много говорить не станешь; вѣрь на честное слово: «У такого-де, сударыня, тысяча душъ, да столько-то доходу, да то, да сё!» А попробуй сказать: «Нельзя ли, матушка, ваше превосходительство, документики сообщить?» такъ пойдутъ исторіи, претензіи, разстанешься домами; нашей сестрѣ, беззащитной вдовѣ, отъ этой губернаторши и всѣхъ ея прихвостницъ, житья не будетъ.

ХОЛМИНЪ.

А что, развѣ губернаторша дѣлала вамъ предложеніе?...

СЛУКИНА.

Вотъ то-то и есть, батюшка: она говорила мнѣ о своемъ племянникѣ.

ХОЛМИНЪ.

Объ Иванѣ Ѳедоровичѣ Вельскомъ?

СЛУКИНА.

Да, Николай Ивановичъ. Я ужъ давно замѣтила, что этотъ отставной камеръ-юнкеръ имѣетъ виды на мою Варвару. — Конечно, онъ человѣкъ порядочный, слишкомъ тысяча душъ, прекрасный домъ, отличная услуга, музыка—все это хорошо—да говорятъ, что у него до пяти сотъ тысячъ рублей долгу, такъ это почти все равно, что онъ ничего не имѣетъ.

ХОЛМИНЪ.

Слѣдовательно, вы ему отказали.

СЛУКИНА.

Ужъ тотчасъ и отказать! — Погоди, батюшка, пусть посватается порядкомъ. — Вотъ, какъ онъ сдѣлаетъ формальное предложеніе, и весь городъ будетъ знать, что онъ ищетъ въ Варинькѣ, такъ успѣю и тогда. Небольшая бѣда, если станутъ говорить: у нея много женяховъ было.

ХОЛМИНЪ.

Такъ какого же матушка вы просите у меня совѣта?

СЛУКИНА.

А вотъ постой, мой отецъ: сеть еще одинъ женихъ.

ХОЛМИНЪ.

А кто жъ другой?

СЛУКИНА.

Алексѣй Андреевичъ Зоринъ.

ХОЛМИНЪ.

Предсѣдатель гражданской палаты?

СЛУКИНА.

Да, батюшка!

ХОЛМИНЪ.

Пожилой вдовецъ.

СЛУКИНА.

Да, батюшка!

ХОЛМИНЪ.

Съ большой семьей.

СЛУКИНА.

Такъ что жъ?

ХОЛМИНЪ.

Да кстати ли ему свататься за Варинькy? она ему въ меньшія дочери годится!

СЛУКИНА.

Это ничего, Николай Ивановичъ! — И мой покойникъ былъ вдвое меня старѣе; а вотъ что худо: у Зорина наслѣдственнаго имѣнія нѣтъ, а все благопріобрѣтенное; куплено было на имя покойной жены, такъ онъ изъ него только и можетъ взять законную седьмую часть, то есть, много, много душъ сто. Конечно, онъ человѣкъ умный, нажилъ бы еще; да времена-то не тѣ, батюшка: ко всему придираются. Судья возьметъ по дружбѣ какой ни есть полярочекъ, а его назовутъ взяточникомъ; не бери ничѣмъ: ни деньгами, ни натурой. Да этакъ скоро вовсе служить нельзя будетъ.

ХОЛМИНЪ.

И, матушка Анна Степановна. Ну, что Господа Бога гнѣвить! — И теперь еще такъ-то себѣ деревеньки и домики наживаютъ, что на-поди!

СЛУКИНА.

Да! — Небось ты скопилъ имѣньице? Шесть лѣтъ былъ дворянскимъ предводителемъ, сколько разъ засѣдалъ въ рекрутскомъ присутствіи, а что нажилъ?

ХОЛМИНЪ.

Да покамѣстъ честное имя, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

Честное имя! — Да вѣдь честное-то имя доходу не даетъ; его ни продать, ни въ опекунскій совѣтъ заложить нельзя, такъ съ нимъ далеко не уѣдешь; а сверхъ того вы всѣ честные люди гордецы, а гордымъ Богъ противится — ну, что ухмыляешься?

ХОЛМИНЪ.

Радуюсь, матушка Анна Степановна, что вы такъ хорошо знаете и такъ-ловко толкуете Священное Писаніе.

СЛУКИНА.

Да что объ этомъ говорить: всякой молодецъ на свой образецъ. Скажи-ка лучше, что мнѣ дѣлать? И сама вижу, что Зоринъ не женихъ Варинькѣ.

ХОЛМИНЪ.

Такъ откажите ему.

СЛУКИНА.

А про мое тяжебное дѣло ты вѣрно забылъ, Николай Ивановичъ.

ХОЛМИНЪ.

Нѣтъ помню, — такъ что жъ?

СЛУКИНА.

А то, что коли испортятъ его здѣсь въ палатѣ, такъ еще Богъ вѣсть, поправятъ ли въ Москвѣ. — Нѣтъ, мой отецъ! Успѣю ему отказать и тогда, какъ дѣло будетъ рѣшено въ мою пользу.

ХОЛМИНЪ.

Ну вотъ уже два жениха забраковано; нѣтъ ли еще третьяго?

СЛУКИНА.

Есть, Николай Ивановичъ — есть женишокъ! Да и дѣло-то почти совсѣмъ сдѣлано.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что?—Какъ же мнѣ Варинька ничего объ этомъ не намекнула?

СЛУКИНА.

Да она еще сама не знаетъ.

ХОЛМИНЪ.

Право? — Такъ вы заранѣе увѣрены, что этотъ женихъ ей понравится.

СЛУКИНА.

Какъ ему не понравиться, батюшка? вѣдь у него — легко вымолвить — четыре тысячи душъ.

ХОЛМИНЪ.

Четыре тысячи? — Такъ это...

СЛУКИНА.

Князь Владиміръ Ивановичъ Верхоглядовъ. Что, батюшка, каковъ женишокъ?

ХОЛМИНЪ.

Да хорошо ли вы знаете этого человѣка?

СЛУКИНА.

Я знаю па-вѣрное, что у него четыре тысячи душъ, и ни копѣйки долгу.

ХОЛМИНЪ.

Конечно, послѣ этого и говорить нечего.— Вотъ если бы у него не было ста тысячъ въ годъ доходу...

СЛУКИНА.

Полтораста, батюшка!

ХОЛМИНЪ.

Неужели? — Прошу покорно!—Такъ что жъ это говорятъ, будто онъ самый пустой человѣкъ; что у него нѣтъ никакихъ правилъ; что онъ на словахъ ужасный филантропъ, а на дѣлѣ трехъ-бунчужный паша; что онъ толкуетъ безпрестанно о потребности вѣка, высшихъ взглядахъ, правахъ человѣчества и разоряетъ своихъ крестьянъ; что у него давно ужъ умъ за разумъ зашелъ, и что рано или поздно, а ему не миновать опеки!

СЛУКИНА.

И что ты, мой отецъ! Да развѣ отдаютъ подъ опеку людей, у которыхъ полтораста тысячъ въ годъ доходу и ни копѣйки долгу?

ХОЛМИНЪ.

Вотъ то-то и есть: говорятъ также, что будто-бы у него такой причудливой характеръ, что съ нимъ ужиться нѣтъ ни какой возможности.

СЛУКИНА.

Вздоръ, батюшка, вздоръ! — То же самое говорили и про моего перваго мужа, да вѣдь жили-же кое какъ? — Ну, конечно, какъ безъ того — бывало пошумимъ, погрыземся, а все-таки онъ, дай Богъ ему царство небесное! — сдѣлаетъ, какъ сдѣлаетъ по моему. Нравный мужъ не бѣда, мой отецъ. — Лишь только не подлавайся да кричи громче его, такъ все пойдетъ своимъ чередомъ.

ХОЛМИНЪ.

Правда, Аппа Степановна, правда! Это самый лучшій способъ жить въ ладу съ мужемъ. Дурака запугаешь, умному не до насъ, такъ и тотъ и другой будутъ по неволѣ дѣлать все, что жена захочетъ. Да Варинька-то, кажется, у насъ не такого характера: она уступчива, добра, самаго кроткаго нрава.

СЛУКИНА.

Перемѣнится, мой отецъ, перемѣнится! Вѣдь нужда чему не научитъ?

ХОЛМИНЪ.

Конечно, Аппа Степановна, конечно! Да и материнскіе ваши совѣты, быть можетъ, на нее подѣйствуютъ. И такъ это дѣло кончено: племяннику губернаторши Вельскому.

СЛУКИНА.

Я ничего рѣшительнаго не сказала; однако жъ, признаюсь, палецкой кольстила.

ХОЛМИНЪ.

Предсѣдателю палаты Зорину.

СЛУКИНА.

Его по-неволѣ приголубливаю, батюшка! вотъ такъ, изрѣдка намеки дѣлаю, обиняками говорю.

ХОЛМИНЪ.

А князю Владиміру Ивановичу?..

СЛУКИНА.

И ему еще формальнаго слова не давала.

ХОЛМИНЪ.

То есть, вы обнадежили разомъ трехъ женишковъ?

слукина.

Эхъ, батюшка, батюшка! Да когда же мнѣ и поломаться-то, какъ не теперь. — Пока я не совсѣмъ еще порѣшилась, такъ мнѣ житье-то славное. Посмотри въ собраніи, на балахъ, кому такой почетъ? — Одинъ слугу отыщетъ, другой салопъ подастъ, третій съ лѣстницы сведетъ; не успѣваешь раскланиваться. — А какъ въ вистикъ-то съ ними засяду, — батюшка — въ вистикъ! Житье да и только! Репопсъ сдѣлаю, никто не видитъ; безъ двухъ фигуръ сочту четыре опера — молчатъ. И даже этотъ скопидомъ Зоринъ не заикнется сказать, что я ошиблась. А ужъ о томъ не говорю, сколько другихъ, прочихъ, мелкихъ женишковъ въ глаза-то мнѣ забѣгаютъ. Ну, такъ и рвутся одинъ передъ другимъ, чтобъ мнѣ услужить.

холминъ.

Ну, да! Теперь хорошо, а когда они узнаютъ, что вы ихъ дурачили.

слукина.

Такъ что жъ, батюшка? — Посердятся, посердятся, да будутъ таковы. Одинъ Алексѣй Андреевичъ Зоринъ могъ бы мнѣ хлопотъ надѣлать, да къ-счастію, дѣло мое слушаютъ на будущей недѣлѣ, — а ты знаешь, батюшка, резолюцію перемѣнить нельзя.

холминъ.

Разсчетъ вѣрный, Анна Степановна! Вы забыли только одно, — что отъ этого можетъ пострадать репутація вашей падчерицы. — Станутъ говорить, что она заводила женишковъ, кокетничала, обманывала съ вами заодно...

слукина.

Помилуй! — Да съ чего бы это взяли?

холминъ.

Знаю, Анна Степановна, что въ этомъ и на волосъ не будетъ правды; но зачѣмъ давать поводъ къ злословію? вѣдь клевета, какъ уголь, не обожжетъ, такъ замаретъ.

слукина.

И полно, мой отецъ! — Стану я бояться всѣхъ людскихъ рѣчей. Да мало ли, что и про меня говорили: и обобрала-то я покойнаго моего мужа, и пустила по міру роднаго брата, да и Богъ вѣсть что! — Всего не переслушаешь. А вотъ и Варинька! (*Варинька входитъ.*) Побудь покамѣстъ съ твоимъ крестнымъ, а я пойду и сама приряжусь; да если кто заѣдетъ, такъ извините меня! (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

тѣ же, кромѣ слукиной.

варинька, послѣ нѣкотораго молчанія.

Послушайте, крестной папенька; вы, кажется, говорили съ Анной Степановной.

холминъ, улыбаясь.

О чемъ, мой другъ?

варинька.

Ну!.. О немъ!..

холминъ.

Говорилъ.

варинька.

Что жъ она!

холминъ.

Твоя мачиха! — Она рѣшилась выдать тебя замужъ.

варинька, съ радостію.

Возможно ли?

холминъ.

За князя Владиміра Ивановича Верхоглядова.

варинька, съ ужасомъ.

Что вы говорите?

холминъ.

Что жъ ты испугалась? — Не бойся, мой другъ, на Святой Руси насильно никого не вѣнчаютъ. — Послушай, моя душа! Ты ужъ не ребенокъ и должна подумать о будущемъ. — Ты любишь Топскаго, и онъ достоинъ этого счастія; но у князя полтораста тысячъ въ годъ доходу, а Топскій почти ничего не имѣетъ; ты такъ же, мой другъ, безъ всякаго состоянія, или — что почти одно и тоже: оно совершенно зависитъ отъ твоей мачихи. — Покойный твой отецъ былъ человѣкъ истинно-добрый, но подъ-старость такъ ослабѣлъ и тѣломъ и душею, что не имѣлъ рѣшительно собственной своей воли.

Ты знаешь, Варинька: всѣмъ его имѣніемъ владѣетъ Анна Степановна, и хотя по духовной покойнаго ты имѣешь право требовать въ приданое за собою тысячу душъ, но только тогда, когда выйдешь замужъ съ ея согласія; въ противномъ случаѣ, одно только добровольное ея прощеніе можетъ возвратить тебѣ это право. — Теперь ты видишь, мой другъ, что у тебя ничего нѣтъ; Анна Степановна никогда не согласится выдать тебя замужъ за Топскаго, и никогда не проститъ, если ты выйдешь за него противъ ея воли!

ВАРИНЬКА.

Ахъ, Боже мой! Да какая ей прибыль, если я выйду за этого князя?

ХОЛМИНЪ.

Пребольшая, мой другъ. Засадить тебя вѣчно въ дѣвкахъ она не можетъ, это было бы слишкомъ явнымъ доказательствомъ ея жадности; ты сирота, правительство можетъ взять тебя подъ свою защиту, а сверхъ того, и самые бездушные люди боятся общаго мнѣнія. Я узналъ печально, но отъ вѣрнаго человѣка, что князь Владиміръ Ивановичъ беретъ тебя безъ приданаго, и сдѣлалъ даже какую-то бумагу, которая обезпечиваетъ на этотъ счетъ твою мачиху. Теперь видишь ли, мой другъ?

ВАРИНЬКА, съ живостію.

Такъ что жъ? Неужели вы думаете, что Топскій не откажется такъ же отъ моего приданаго.

ХОЛМИНЪ.

О, я не сомнѣваюсь въ этомъ.

ВАРИНЬКА.

И развѣ богатство можетъ сдѣлать наше счастіе?

ХОЛМИНЪ.

Не о богатствѣ рѣчь, мой другъ. Полтораста тысячъ въ годъ доходу не сдѣлаютъ тебя и на волосъ счастливѣе. — Но бѣдность! Ахъ, Варинька, Варинька! Мы живемъ не въ Аркадіи; кустъ розановъ, шалашъ и милый другъ — все это прекрасно — въ романсѣ, который ты поешь, сидя за форте-піано; но въ шалашѣ и холодно и тѣсно; розаны цвѣтутъ только весною; милый другъ не вѣчно будетъ ворковать подлѣ тебя; онъ захочетъ ѣсть, ты также, а тамъ семья, дѣти!.. Нѣтъ, мой ангелъ, если счастье наше не всегда бываетъ слѣдствіемъ хорошаго состоянія, то по крайней мѣрѣ оно помогаетъ намъ сносить терпѣливѣе всѣ житейскія горести и напасти, которыя при бѣдности становятся еще несноснѣе. Подумай хорошенько: если ты выйдешь за князя, то всѣ желанія твои, всѣ прихоти будутъ исполняться; ты молода, мой другъ, тебя вѣрно еще плѣняютъ, и щегольской экипажъ, и модныя платья, и тысяча другихъ блестящихъ бездѣлушекъ, которыя стоятъ такъ дорого и не служатъ ни къ чему; пока еще года и горькій опытъ не отучатъ тебя забавляться этими игрушками взрослыхъ людей, ты станешь тосковать о нихъ. Сколько разъ ты будешь плакать отъ зависти и досады, сравнивая свой простенькій московской буръ-лесуа съ какимъ нибудь колокольцовскимъ платкомъ или турецкою шалью, прежней твоей подруги! Встрѣчая на каждомъ шагу знакомыхъ, которые станутъ давить тебя своими богатствами и роскошью, ты по-неволѣ сдѣлаешься подозрительною; дружба богатыхъ людей будетъ тебѣ казаться обиднымъ покровительствомъ, а каждое ласковое слово милостынею, которую даютъ тебѣ изъ состраданія. Что, если тогда встревожennое твое самолюбіе и эта тяжкая необходимость отказывать себѣ почти во всемъ, расхолодятъ прежнюю любовь твою? Что, если ты начнешь горевать о томъ, что не вышла за богатаго князя, и бѣдный мужъ твой отгадаетъ наконецъ причину этой горести?

ВАРИНЬКА, съ жаромъ.

Мужъ мой! — Тотъ, кого выбрало мое сердце!... И вы можете такъ дурно думать о вашей крестной дочери!... щегольской экипажъ!... турецкая шаль!... Боже мой!... Да, я стала бы плакать о турецкой шали, если бы могла въ ней показаться милѣе моему мужу... Но желать ее для себя, горевать о томъ, что я не принадлежу этому князю, котораго ненавижу — да, да! ненавижу.

ХОЛМИНЪ, улыбаясь.

Да за что же, мой другъ?

ВАРИНЬКА.

За то, что онъ хочетъ быть моимъ мужемъ. И вы могли мнѣ совѣтовать!..

ХОЛМИНЪ.

Да полно, не гнѣвайся! — Послушай, мой другъ! — Прежде чѣмъ ты еще рѣшилась отказаться отъ супружества, которое свѣтъ сталъ бы называть блестящимъ, я долженъ былъ описать тебѣ всѣ невыгоды замужства съ человѣкомъ небогатымъ; я исполнилъ мою обязанность, и если бѣдность тебя не пугаетъ, то вотъ рука моя: ты будешь женою Тонскаго. Я не богатъ, Варинька; но все, что имѣю, будетъ принадлежать вамъ. Не благодари меня, мой другъ!.. У меня пѣтъ дѣтей, — а живя съ вами, я забуду объ этомъ. — Да и зачѣмъ отчаиваться? Почему знать? быть можетъ, ты выйдешь за Тонскаго и не потеряешь своего состоянія.

ВАРИНЬКА.

Но вы сами говорили, что Анна Степановна никогда не согласится.

ХОЛМИНЪ.

Безъ всякаго сомнѣнія, не согласится; но дѣло не въ томъ, чтобъ она была твоей посаженой матерью — а лишь только бы послѣ свадьбы-то васъ простила... У меня кой-что бродитъ въ головѣ... Что, если бы?... Почему же нѣтъ?.. А какъ-бы это было забавно!... Только смотри, Варинька!—Слушаться меня во всемъ.

ВАРИНЬКА.

О, въ этомъ можетъ быть увѣрены.

ХОЛМИНЪ.

Постой! Кажется, кто-то пріѣхалъ. *(Смотритъ въ окно.)* Вельскій! — Вотъ кстати. Поди, мой другъ, къ себѣ въ компату. *(Варинька уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ХОЛМИНЪ и ВЕЛЬСКІЙ.

ХОЛМИНЪ, идя на встрѣчу Вельскому.

Анна Степановна дома, но проситъ васъ извинить ее: она сейчасъ ѣдетъ съ визитами.

ВЕЛЬСКІЙ.

Здравствуйте, Николай Ивановичъ! Очень радъ, что васъ вижу.

ХОЛМИНЪ.

Да присядьте хоть на минутку, Иванъ Ѳедоровичъ. Позвольте мнѣ похозяйничать. *(Садятся.)*

ВЕЛЬСКІЙ.

Покорнѣйше васъ благодарю! — И признаюсь, мнѣ надо отдохнуть: я такъ усталъ! У тетушки обѣдалъ Зорипъ, и я имѣлъ дурачество съ нимъ сѣсть въ карты. Ахъ, какой злодѣй! — Полчаса думаетъ, полчаса держится за карту, двадцать разъ ее мѣняетъ— измучилъ!

ХОЛМИНЪ.

А что вы сдѣлали?

ВЕЛЬСКІЙ.

Проигралъ.

ХОЛМИНЪ.

Немного?

ВЕЛЬСКІЙ.

Бездѣлицу! — Рублей полтораста или двѣсти — не помню.

ХОЛМИНЪ.

Вы, кажется, всегда проигрываете?

ВЕЛЬСКІЙ.

Почти.

ХОЛМИНЪ.

Такъ зачѣмъ вы играете?

ВЕЛЬСКІЙ.

А что жъ прикажете мнѣ дѣлать? — У насъ въ провинціи, если васъ не посадятъ за карты, такъ смѣю спросить, какъ вы проведете вашъ день? — Говорить? — О чемъ?, — Съ кѣмъ? — Съ Хапровой, что ея горничная дѣвушка свела любовную связь съ вице-губернаторскимъ лакеемъ; съ Елецкимъ, что у него взбѣсился борзой кобель и перекусалъ всю стаю; съ губернскимъ докторомъ Ѳомою Ѳомичемъ фонъ-Дахомъ, что онъ дѣлаетъ изъ своего табаку отличный кнастеръ; съ Вельдизевой, что у нея сманили третью мадамъ... Конечно, все это имѣетъ свою забавную сторону — въ первые три дня; но круглый годъ и всякій день одно и тоже!... Нѣтъ, Николай Ивановичъ! — Холостому человѣку невозможно жить въ провинціи; а если ему придется, по своимъ обстоятель-

ствемъ, заживо сгоропить себя, въ какомъ нибудь губернскомъ городѣ... то онъ долженъ непремѣнно....

ХОЛМИНЪ.

Жениться? — Не правда ли?

ВЕЛЬСКІЙ.

Разумѣется. Разсчетъ самый вѣрный: съ хорошей женой ему будетъ весело и дома, съ дурной онъ станетъ безпрестанно ссориться, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ не умретъ отъ этой проклятой скуки, которая душитъ меня съ утра до вечера.

ХОЛМИНЪ.

Такъ что жъ, Иванъ Ѳедоровичъ; лекарство у васъ, кажется, подъ руками.

ВЕЛЬСКІЙ, значительно улыбаясь.

Вы думаете?

ХОЛМИНЪ.

Да мало-ли у насъ невѣстъ? Вотъ, напримѣръ, Катерина Ѳедоровна Радугина: восьмнадцать лѣтъ, собой не дурна, воспитана...

ВЕЛЬСКІЙ,

Прекрасно! — Двухъ словъ не умѣетъ сказать съ-ряду, и одѣвается, какъ прачка. Помилуйте! Да ее стыдно будетъ въ люди показать.

ХОЛМИНЪ.

Я думаю, вы не скажете этого о Катинькѣ Ладиной.

ВЕЛЬСКІЙ.

Да! Она довольно мила, но за то... послушайте! я не хлопочу о богатствѣ... однако жъ...

ХОЛМИНЪ.

Понимаю! — Такъ вамъ бы жениться на дочери нашего винпаго заводчика Расторгуева. Конечно, Степанида Алексѣевна не красавица...

ВЕЛЬСКІЙ.

Что вы? Что вы? — Да развѣ мой домъ купецъ-камера?... Расторгуева! — Побойтесь Бога! Да ее можно водить по ярмаркамъ, да за деньги показывать.

ХОЛМИНЪ.

Ну вотъ-то-то и есть! — На васъ не угодишь.

ВЕЛЬСКІЙ.

Да вы Бокъ знастъ кого называете.

ХОЛМИНЪ.

Какъ, Богъ знаетъ? — Я назвалъ вамъ первыхъ здѣшнихъ невѣстъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

А для чего же вы ни слова не говорите о вашей крестницѣ?

ХОЛМИНЪ.

О Варинькѣ?

ВЕЛЬСКІЙ.

Да, о Варварѣ Николаевнѣ.

ХОЛМИНЪ.

Для того, что одна дѣвушка не можетъ быть невѣстою двухъ женіховъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

Двухъ женіховъ? — Что вы хотите сказать?

ХОЛМИНЪ.

Не погнѣвайтесь — это еще покамѣстъ семейная тайна; по настоящему, мнѣ бы не должно было и намекать объ этомъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

Ахъ, сдѣлайте милость!...

ХОЛМИНЪ.

Послушайте, Иванъ Ѳедоровичъ. Я могу вамъ сказать только одно, и то подъ большимъ секретомъ: не сватайтесь за мою крестницу, — она почти помолвлена.

ВЕЛЬСКІЙ.

За кого?

ХОЛМИНЪ.

Извините! Этого я не могу вамъ сказать.

ВЕЛЬСКІЙ.

Вы меня удивляете! Третьяго дня тетушка говорила обо мнѣ съ Анной Степановной, и она не только не отказала, но даже подала большую надежду.

ХОЛМИНЪ.

Что вы говорите?

ВЕЛЬСКІЙ.

Увѣряю васъ.

ХОЛМИНЪ.

Ну, это нехорошо! Очень нехорошо!.. Эхъ, Анна Степановна! Вѣчно падѣластъ глупостей. Ну, прилично ли заводить, дурачить?

вельскій, приподымаясь невольно съ креселъ.

Дурачить ?.. Меня ?.. Да нѣтъ, это невозможно. (*Садится опять.*)

холминъ.

Со мною хитрить ей нечего; такъ воля ваша — мнѣ кажется, она дурачитъ васъ.

вельскій, вскочивъ.

Меня? О! cecі est trop fort! Я не люблю, чтобъ меня дурачили женщины и помоложе Анны Степановны. Впрочемъ я, во всякомъ случаѣ, благодаренъ, что вы мнѣ это сказали.

холминъ.

Постойте, постойте! Что вы хотите дѣлать?

вельскій.

Не безпокойтесь — я васъ не компрометирую. Но сегодня же эта статская совѣтница скажетъ мнѣ рѣшительно: принимаетъ ли мое предложеніе, или нѣтъ. И если для того, чтобъ продолжать грабить свою падчерицу, она станетъ отдѣлываться отъ рѣшительнаго отзыва, то дядя мой, какъ начальникъ губерніи, и безъ сомнѣнія, нашъ предводитель дворянства, вступятся въ положеніе этой несчастной сироты, тѣмъ болѣе, что я имѣю право думать, что мои исканія не противны Варварѣ Николаевнѣ...

холминъ.

Въ самомъ дѣлѣ?

вельскій.

Да, да! Я имѣю этому доказательства. Недѣли три тому назадъ, мой дядя давалъ балъ; я пріѣхалъ поздно, потому что долженъ былъ завернуть къ Александру Михайловичу Топскому, вотъ къ этому гусарскому офицеру— вы, кажется, его знаете?

холминъ.

Да, немного.

вельскій.

Онъ также приглашенъ былъ на балъ и просилъ меня заѣхать за нимъ въ моей каретѣ. Тетушка разсказала мнѣ послѣ все. До моего пріѣзда на балъ, ваша крестница была печальна, задумчива, разсѣянна, безпрестанно смотрѣла на дверь и какъ будто бы дожидалась кого нибудь; но лишь только я показался на балѣ, то она въ ту же самую минуту стала весела, разговорчива, словомъ, совершенно переродилась. Смѣю спросить, что это значитъ?

холминъ.

О, это явное предпочтеніе.

вельскій.

Когда я сталъ въ первый разъ говорить ей о любви моей, такъ она побѣдѣла и до того смѣшалась, что не могла отвѣчать ни слова. Конечно, не всякій постигнетъ настоящую причину этого испуга; но тотъ, кто имѣетъ нѣкоторый опытъ, кто успѣлъ уже разгадать женское сердце, тотъ безъ труда пойметъ, что значитъ такая необычайная робость.

холминъ.

Ну, Иванъ Ѳедоровичъ, исполать вамъ! — Да я вижу, вы настоящій профессоръ въ этомъ дѣлѣ.

вельскій, улыбаясь съ гордостію.

Опытъ, Николай Ивановичъ, опытъ! Женщины имѣли всегда такое сильное вліяніе на судьбу мою, въ жизни моей было столько необычайныхъ случаевъ... да вы вѣрно знаете Французскую пословицу: a force de forger...

холминъ.

Какъ не знать!

вельскій.

Прощайте покамѣстъ! я надѣюсь сегодня увидѣть васъ и Анну Степановну у княгини Лавлышевой?

холминъ.

Да, мы тамъ будемъ.

вельскій.

И такъ до свиданія.

холминъ.

Только сдѣлайте милость, если у васъ дойдетъ до какого нибудь изъясненія, прошу васъ, чтобъ я былъ совершенно въ сторонѣ.

вельскій.

Не безпокойтесь, я комедій не люблю.

(Идетъ и встрѣчается въ дверяхъ съ Зорицынымъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣ же и зоринъ.

зоринъ, кланяясь Вельскому.

Честь имѣю... (*Вельскій откланивается и уходитъ.*)

холминъ.

Здравствуйте, Алексѣй Андреевичъ.

зоринъ.

А почтеннѣйшій!... Какими судьбами? Я думалъ, что васъ нѣтъ и въ городѣ?

холминъ.

Да, я недавно пріѣхалъ изъ деревни. Прошу покорно! (*Садятся.*)

зоринъ.

Гдѣ жъ Анна Степановна...

холминъ.

Она ѣдетъ съ визитами, и не можетъ теперь васъ принять.

зоринъ.

А я было зашелъ потолковать о ея дѣльцѣ.

холминъ.

Ну что? Какъ поживаете?

зоринъ.

Плохо, батюшка Николай Ивановичъ, плохо! Когда хозяйки нѣтъ въ домѣ, такъ какое житье?

холминъ.

Хозяйки нѣтъ—такъ что жъ! Вы, Алексѣй Андреевичъ, не въ такихъ еще годахъ, чтобъ вамъ оставаться вдовцомъ. Я думаю, вамъ и пятидесяти нѣтъ.

зоринъ.

Да — съ небольшимъ.

холминъ.

Такъ зачѣмъ же дѣло стало, неужели за невѣстою?

зоринъ, улыбаясь.

Невѣста, быть можетъ, найдется.

холминъ.

Вотъ что?—Поздравляю! А кто, если смѣю спросить?

зоринъ.

Полно-те, почтеннѣйшій! Полно-те подшучивать! Чай, вы давнымъ-давно знаете.

холминъ.

Право, нѣтъ.

зоринъ.

Да перестаньте! Какъ вамъ не знать — вы у нихъ человѣкъ свой.

холминъ.

У кого, Алексѣй Андреевичъ?

зоринъ.

Да хоть у Анны Степановны...

холминъ.

Слукиной... Такъ вы на ней хотите жениться!

зоринъ.

И, нѣтъ, батюшка!—Что ей за охота идти за-мужъ... Вотъ дѣло другое, дѣвица безродная, безъ отца, безъ матери...

холминъ.

Какъ?.. Такъ дѣло-то идетъ о моей крестной дочери?

зоринъ.

Что жъ вы этому такъ удивились, Николай Ивановичъ? — Конечно, мы съ ней не ровни...

холминъ.

И что вы? — Не о лѣтахъ рѣчь; по мнѣ, чѣмъ старѣе мужъ, тѣмъ лучше. Да нечего ждать путнаго, если бы такой ребенокъ, какъ Варинька, вышла за какого нибудь мальчишку?

зоринъ.

Конечно, конечно!

холминъ.

Когда дѣвушка, по сиротству, выходитъ прежде двадцати лѣтъ за-мужъ, такъ ей надобенъ мужъ, не вѣтрогонъ, не мальчикъ какой нибудь, а человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, опытный и благоразумный.

зоринъ.

Совершенная правда.

холминъ.

Хороши мужъ и жена, которые оба еще въ куклы играютъ! — Вѣдь страсть пустое дѣло, Алексѣй Андреевичъ; и къ молодому и къ старому мужу приглядимся; любовь пройдетъ, а дружба и уваженіе остаются.

зоринъ.

Правда, — истинная правда!

ХОЛМИНЪ.

Нѣтъ, батюшка! Я знаю, какой мужъ ей надобенъ: человѣкъ умный (*Зорину кланяется*), солидный (*Зорину кланяется*), который не станетъ учиться у другихъ, а самъ поучитъ, какъ домъ вести (*Зорину кланяется*), который ея приданаго не промотаетъ, да и своего имѣнія не проживетъ.

ЗОРИНЪ.

Да! —

ХОЛМИНЪ.

Который можетъ быть, въ одно и то же время, ея супругомъ и наставникомъ; по милости котораго жена будетъ занимать не послѣднее мѣсто въ губерніи; однимъ словомъ, такой мужъ, какъ вы, Алексѣй Андреевичъ!

ЗОРИНЪ.

Помилуйте!... Мнѣ, право, и совѣстно!... И такъ вы не прочь отъ этого?

ХОЛМИНЪ.

Кто, я?—Да если бъ это отъ меня зависѣло, такъ я и думать бы не сталъ — Но вы знаете, что ея мачиха.

ЗОРИНЪ, (*улыбаясь.*)

Съ ней-то мы какъ нибудь поладимъ. —

ХОЛМИНЪ.

Право?—А что, развѣ ужъ объ этомъ рѣчь была?

ЗОРИНЪ.

Какъ же; сначала мы говорили все обиняками, да намеки другъ другу дѣлали; третьяго дня пришлось какъ-то къ слову, такъ я просто, напрямки сказалъ.

ХОЛМИНЪ.

Ну, что же она?

ЗОРИНЪ.

Почти слово дала, просила только пообождать и до времени не говорить никому.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ что!... Ай да Анна Степановна! — Ну!!!

ЗОРИНЪ.

А что такое?

ХОЛМИНЪ.

Такъ, ничего!... Что мнѣ въ эти вздоры мѣшаться. Когда онѣ отъ меня секретничаютъ, да не хотятъ со мною посовѣтоваться, такъ мое дѣло сторона.

ЗОРИНЪ.

Да что жъ вы такое знаете?

ХОЛМИНЪ,

Что я знаю?... (*Помолчавъ нѣсколько времени оглядывался.*) Послушайте, Алексѣй Андреевичъ! Мнѣ васъ учить нечего, а на вашемъ мѣстѣ, я зналъ бы, какъ поступить. Всѣ эти секреты да отстрочки ни къ чему не ведутъ. Я настоятельно бы сталъ требовать помолвки — да не по домашнему, а публично, торжественно, чтобъ весь городъ зналъ, что вы женитесь на Варинькѣ. И мальчишкѣ лѣтъ въ двадцать остаться съ носомъ во все не забавно, а какъ нашему брату, пожилому человѣку, забреютъ затылокъ— такъ призваюсь!

ЗОРИНЪ.

Забреютъ затылокъ? Такъ вы полагаете, что Анна Степановна изволитъ надо мною потѣшаться?

ХОЛМИНЪ.

Я не говорю этого; и какъ подумаю, такъ на что бы, кажется, ей васъ обманывать?... Э!... Постойте-ка! Вѣдь у нея есть тяжебное дѣло, и если оно должно скоро рѣшиться...

ЗОРИНЪ.

Ну, нѣтъ еще! Очередь не за нимъ... А позвольте васъ спросить: развѣ у нея есть еще какіе нибудь женишки на примѣтѣ?

ХОЛМИНЪ.

Женихи?... Да въ нашемъ городѣ, кажется, женіховъ довольно. Вотъ хоть Иванъ Ѳедоровичъ Вельскій...

ЗОРИНЪ.

Э, э, э! Губернаторскій племянникъ?

ХОЛМИНЪ.

Да этого также обракуютъ. (*Понизивъ голосъ.*) А развѣ князь Владимиръ Ивановичъ...

ЗОРИНЪ.

О, о!... Вотъ что! — Такъ и онъ также сватался за Варвару Николаевну.

ХОЛМИНЪ, *улыбаясь.*

Не знаю.

ЗОРИНЪ.

Ну, если такъ, то позвольте же, Николай Ивановичъ! И подлинно, это дѣло надо привести въ ясность.

ХОЛМИНЪ.

Однако жъ, смотрите, не выдайте меня.

ЗОРИНЪ.

Не безпокойтесь!

ХОЛМИНЪ.

Ну то-то же! Пожалуста, чтобъ это осталось между нами.

ЗОРИНЪ.

Да ужъ будьте увѣрены: тутъ и умерло.

ХОЛМИНЪ.

Правду сказать, мнѣ бы вовсе не слѣдъ мѣшаться въ эти сплетни; да и что мнѣ пришло въ голову?... Вотъ то-то и есть: языкъ мой — врагъ мой!...

ЗОРИНЪ, вставая.

Не бойтесь, Николай Ивановичъ!—Мы люди присяжные, молчать умѣемъ. — Да сдѣлайте милость, заверните когда нибудь! — Я до двѣнадцати часовъ всегда дома.

ХОЛМИНЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

ЗОРИНЪ.

Прошу покорно!—Часикъ, другой побесѣдуемъ. — Закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, а тамъ отвѣдаемъ донскаго, выпьемъ рюмочку мадеры...

ХОЛМИНЪ.

Я очень скоро буду имѣть это удовольствіе.

ЗОРИНЪ.

И такъ до свиданья!... Честь имѣю кланяться!

ХОЛМИНЪ.

Прощайте, Алексѣй Андреевичъ!... Да смотрите же!...

ЗОРИНЪ.

Ужъ я вамъ сказалъ — не безпокойтесь!... (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХОЛМИНЪ, одинъ.

Ну!... И этотъ готовъ!... Теперь надобно приняться за князя Владиміра Ивановича.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Театръ представляетъ довольно-богатую гостиную комнату; съ правой и съ лѣвой стороны по одной двери; въ глубинѣ театра трое дверей. Нѣсколько раскинутыхъ любмерныхъ столовъ съ приготовленными картами и свѣчами; на авант-сценѣ вольтеровскія кресла, подлѣ которыхъ круглый столъ; на столѣ лежатъ книги.

ЯВЛЕНІЕ I.

КНЯЗЬ ВЕРХОГЛЯДОВЪ и МАЛЬЧИКЪ, лѣтъ тринадцати. Князь сидитъ въ вольтеровскихъ креслахъ, мальчикъ стоитъ противъ его на колѣняхъ. Князь держитъ въ одной рукѣ исписанный листъ бумаги, а въ другой хлыстъ. — Холминъ входитъ съ правой стороны, и, не замѣченный княземъ, останавливается на порогѣ.

КНЯЗЬ.

Глупое созданье!—Алеутъ, Камчадалъ безмозглый! Ничего не понимаетъ! Да я вколочу въ тебя просвѣщеніе! — Мало ли я толковалъ тебѣ о достоинствѣ человѣка, животное! — Ну, что такое человѣкъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Человѣкъ есть твореніе самобытное....

КНЯЗЬ.

Слѣдовательно, никто не имѣетъ права посягать на его личность... ну!

МАЛЬЧИКЪ.

На его личность... и всякой подобный ему...

КНЯЗЬ.

Обязанъ обходиться съ нимъ... ну!

МАЛЬЧИКЪ.

Обходиться съ нимъ...

КНЯЗЬ, бьетъ его хлыстикомъ.

Кротко и сердобольно!

мальчикъ.

Ай, ай, ай! . . . Сердобольно!... Больно, больно!

холминъ, входитъ.

Что это вы, князь Владиміръ Ивановичъ, какую науку преподаете?

князь, вставая.

Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ?

холминъ.

Извините, я вошелъ къ вамъ безъ докладу; въ лакейской никого нѣтъ.

князь.

Вѣрно всѣ въ залѣ (*Мальчику.*) Пошелъ, дуракъ въ лакейскую. (*Мальчикъ уходитъ.*) Сегодня моя кузина, княгиня Лапдышева, даетъ здѣсь балъ.

холминъ.

Я это знаю.

князь.

Теперь еще рано, такъ я отъ нечего дѣлать занялся этимъ мальчикомъ — сыномъ моего прикащика; хочу сдѣлать изъ него человѣка. Да прошу покорно садиться. Моя кузина еще не пріѣхала, такъ, покамѣстъ, я здѣсь хозяиномъ... вы вѣрно приглашены на балъ.

холминъ.

Княгиня сдѣлала мнѣ эту честь.

князь.

Ну что? — Не слыхали ли чего нибудь новаго? Правда ли, что въ Петербургѣ начинаютъ входить въ большое употребленіе Артезіанскіе колодцы?

холминъ.

Нѣтъ, не слыхалъ. — Да и для чего бы это?

князь.

Какой вопросъ! — Помилуйте, Николай Ивановичъ! Да будемъ ли мы когда нибудь Европейцами?

холминъ, улыбаясь.

А развѣ Европеецъ долженъ непремѣнно пить воду изъ Артезіанскаго колодца?

князь.

О святая Русь!... Да не ужели вы не постигаете, что отвергать всѣ улучшенія, держаться во всемъ старины, стоять на одномъ мѣстѣ, когда вся Европа идетъ впередъ — есть самый вѣрный признакъ варварства!

холминъ.

Нѣтъ, князь, я постигаю, что хорошее перенимать вовсе не стыдно; да только вотъ бѣда: не все хорошее равно хорошо для всѣхъ перенимать, не думая о томъ, полезна ли будетъ эта новость собственно для насъ; передразнивать иностранцевъ, только для того, чтобъ сказать: «я иду за вѣкомъ, я Европеецъ!»—воля ваша, а это, по мнѣ, просто пускать пыль въ глаза и увлекаться однѣми фразами и громкими словами, которыя конечно имѣютъ свою цѣну послѣ сытнаго обѣда и рюмки шампанскаго, но на тощій желудокъ никуда не годятся.

князь.

Да почему же вы полагаете, что, хоть напримѣръ, введеніе Артезіанскихъ колодцевъ..

холминъ.

Чрезвычайно будетъ полезно въ степныхъ и безводныхъ мѣстахъ: въ этомъ конечно съ вами никто спорить не станетъ; но въ Петербургѣ, гдѣ полъ-часъ отъ воды не знаютъ куда дѣваться, — смѣю васъ спросить — какую пользу?...

князь.

Пользу, пользу!... Вы только и думаете о пользѣ! Да знаете ли, сударь, что эти-то меркантильные расчеты и убиваютъ все на свѣтѣ. — Прошу говорить о просвѣщеніи и высшихъ взглядахъ съ людьми, которые считаютъ копѣйки!... Нѣтъ, почтенный Николай Ивановичъ! Вы человѣкъ умный, съ познаніями, много читали; но не-смотря на это, признайтесь — вы очень, очень отстали отъ нашего вѣка.

холминъ, усмѣхаясь.

Статься можетъ, князь: я человѣкъ пожилой, бѣгать не мастеръ, да и боюсь: какъ-разъ спотыкнешься.

князь.

Мы этого не боимся.

холминъ.

И полноте, князь, будто бы вы никогда и ни въ чемъ не ошибались? — Не смотря на премудрость и глубину нашего вѣка, мы точно такъ же, какъ прежде, рабы своихъ страстей, слѣдовательно ошибаемся, дѣлаемъ глупости и всегда возстаемъ противъ здраваго смысла, если онъ противорѣчитъ нашему образу

мыслей. Въ-старину, закоренѣлые невѣжды называли благоразумнаго человѣка вольнодумцемъ, а нынче его же и, можетъ быть, тѣ же самые люди назовутъ старовѣромъ, отсталымъ и варваромъ. Нѣтъ, Владиміръ Ивановичъ, люди всегда останутся людьми. Да, одна любовь сколько глупостей заставляетъ насъ дѣлать, не только въ молодости, но и въ годахъ зрѣлаго разсудка; и если, князь, вы когда нибудь любили...

князь.

Я?... Если я любилъ?... И вы это спрашиваете у меня!

холминъ.

Ого!—Да вы, кажется, и теперь еще любите?...

князь.

Съ безумiемъ, съ неистовствомъ!...

холминъ.

Ай, ай ай!..

князь.

Какъ Ромео любилъ свою Джулiсту, какъ Дюмасовъ Антоній свою... свою...

холминъ.

Невѣсту?

князь.

Нѣтъ, жену другаго.

холминъ.

Ахъ, батюшка! Да неужели и вы также?...

князь, почти съ горемъ.

Ахъ, нѣтъ! — Она свободна.

холминъ.

Слава Богу!.. Да кто же эта красавица, которая, какъ видно, къ крайнему вашему прискорбію, можетъ законнымъ образомъ принадлежать вамъ.

князь.

Кто она?... Это фантастическое созданіе пламеннаго юга!—Это полувоздушная пери!—Это сильфида!... О! какъ она прекрасна! Какое блаженство льется изъ подъ ея сладостно-опущенныхъ рѣсницъ... она... да неужели вы не отгадали, о комъ я говорю?

холминъ.

Нѣтъ, князь, это піитическое описаніе вовсе меня съ толку сбило.

князь.

Виноватъ! Я позабылъ, что вашъ идеалъ красоты не можетъ быть сходенъ съ моимъ—вы человѣкъ русскій! По-вашему, была бы только бѣла, да дородна, да румянецъ во всю щеку — а такъ какъ ваша крестная дочь блѣдна и худощава...

холминъ.

А! такъ вы говорите о Варинькѣ.

князь.

Да о комъ же, Николай Ивановичъ? Кого могъ бы я назвать сильфидою.

холминъ.

Вотъ что? Вѣроятно, и вы, князь, ей также нравитесь?

князь.

О, мы давно уже понимаемъ другъ друга. Съ мѣсяцъ тому назадъ, я пріѣхалъ поутру къ Аннѣ Степановнѣ: въ гостиной никого не было; по на столѣ лежало рукодѣлье и бѣлый платокъ; онъ былъ смоченъ, вымытъ слезами; этотъ платокъ былъ ея! Я невольно прижалъ его къ груди, и чувство сладостное и горькое, чувство вовсе до того мнѣ незнакомое — какъ дикій звѣрь впилось въ мое сердце. О, сколько поэзіи было въ этомъ брошеномъ платкѣ: этотъ платокъ былъ цѣлая поэма! Она вошла въ гостиную, наши взоры встрѣтились, и все было кончено...

холминъ.

Такъ вы даже и не говорили съ ней объ этомъ?

князь.

Нѣтъ, одинъ взглядъ сказалъ мнѣ все; я прочелъ въ немъ — и настоящій адъ ея положенія, и будущій рай моего блаженства. Мнѣ нужно было только переговорить съ ея мачихою,—тутъ земной языкъ былъ необходимъ; мы съ ней поладили, а можетъ быть, недѣли черезъ двѣ вы поздравите меня женихомъ вашей крестной дочери.

холминъ.

Отъ всего сердца. Но зачѣмъ же черезъ двѣ недѣли? Зачѣмъ не прежде?

князь.

Нѣтъ, ужъ объ этомъ меня не спрашивайте. — Анна Степановна никакъ не хотѣла согласиться на мои просьбы, и даже требовала, чтобъ я отъ всѣхъ скрывалъ это, какъ государственную тайну.

холминъ.

Право?... Послушайте, князь, дѣлайте все, что хотите, но, по моему, чѣмъ скорѣе бу-

детъ вашъ сговоръ съ Варинькою, тѣмъ лучше.

КНЯЗЬ.

Вы думаете?

ХОЛМИНЪ.

Имѣю полное право такъ думать. Отвѣчайте откровенно, какъ вы полагаете: выдавая за васъ свою падчерицу, что имѣетъ въ виду Анна Степановна: ея счастіе или собственную свою выгоду? — Да не церемоньтесь, говорите прямо!

КНЯЗЬ.

Ну, если вы хотите, такъ и думаю, что дѣло идетъ вовсе не о счастіи вашей крестной дочери.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ видите? — Вы теперь поладили съ Анной Степановной, а если кто другой поладитъ съ ней еще болѣе?... Вы меня понимаете?

КНЯЗЬ.

Понимаю; но развѣ вы имѣете причины подозрѣвать, что кто нибудь другой...

ХОЛМИНЪ.

Я не скажу вамъ ничего; только не совѣтую соглашаться ни на какую отсрочку. Эй, князь, куйте желѣзо, пока оно горячо! — Вы не знаете Анны Степановны: она готова объявить торги и съ аукціона продать свою падчерицу.

КНЯЗЬ.

Что вы говорите?

ХОЛМИНЪ.

То, что внушаетъ въ меня искреннее желаніе выдать мою крестную дочь за человѣка, который ея достоинъ, и за которымъ она вѣрно будетъ счастлива.

КНЯЗЬ.

Мнѣ чрезвычайно пріятно слышать, Николай Ивановичъ... Я вамъ очень благодаренъ.

ХОЛМИНЪ.

Не безпокойтесь, князь; вамъ, право, не за что меня благодарить.

ХОЛМИНЪ.

Настоятельно требовать, чтобъ все было рѣшено, какъ можно скорѣе, да оно впрочемъ и натурально: вы сами говорите, что любите безъ ума Вариньку, а любовь всегда нетерпѣлива; это знаютъ всѣ; это пойметъ даже и Анна Степановна. Вѣдь всякій изъ насъ любилъ хоть разъ въ своей жизни.

КНЯЗЬ.

Любилъ! И полноте! Да знаютъ ли у насъ, что такое любовь?... Можемъ ли мы, воспитанные на русскомъ квасѣ, понимать это чувство, исполненное жизни и энергіи? — Взгляните на изображеніе этой неукротимой страсти, во всѣхъ произведеніяхъ юной европейской словесности, и если дыханіе не сопрется въ груди вашей, если волосы ваши не станутъ дыбомъ, если вы не постигнете всю прелесть этихъ судорожныхъ восторговъ, этихъ пѣнистовыхъ порывовъ страсти, этой адской пытки и райскаго наслажденія, то сдѣлайте милость, Николай Ивановичъ, кушайте на здоровье ваши солепые огурды, живите двѣ трети года по уши въ снѣгу, заведитесь, если хотите, хозяйкою, только, Бога ради, не говорите ничего о любви.

ХОЛМИНЪ, улыбаясь.

Слушаю, ваше сіятельство. Впрочемъ, если за мои грѣхи Господь Богъ пошлетъ на меня горячку съ пятнами, такъ, можетъ быть, тогда и я...

КНЯЗЬ, почти съ презрѣніемъ.

Не будемте говорить объ этомъ. Постойте!—Кажется, подъѣхала карета... вѣрно княгиня!—Вотъ женщина, съ которой еще можно провести безъ скуки нѣсколько часовъ; не правда ли, что она вовсе не походитъ на нашу русскую барыню.

ХОЛМИНЪ, усмѣхаясь.

А мнѣ такъ кажется, что очень походитъ.

КНЯЗЬ.

Я слышу ея голосъ... извините! Мнѣ надо надѣть фракъ... Да не угодно ли и вамъ ко мнѣ въ кабинетъ: вы ей помѣшаете хозяйничать.

ХОЛМИНЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

(Уходятъ налѣво; — всѣ три среднія двери отворяются; за ними видна ярко освѣщенная комната.)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ АКАДЕМ. Центральная БИБЛІОТЕКА имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

ЯВЛЕНІЕ II.

Княгиня Лидышева, Гореглядова и слуги.

КНЯГИНЯ, выходя изъ среднихъ дверей и обращаясь къ слугамъ.

Теперь стучайте скорѣй и зажигайте въ залѣ люстру; сюда поставить два канделабра!... Да по ломбернымъ столамъ зажгите всѣ свѣчи!... Кажется, мы не опоздали. Да гдѣ же князь.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Вѣрно одѣвается; вѣдь онъ долженъ сюда явиться, какъ гость.

КНЯГИНЯ.

Сядемъ, ma chère!—Мы еще успѣемъ устать обѣ.

ГОРЕГЛЯДОВА, садясь въ вольтеровскія кресла.

Ахъ, какъ покойно...

КНЯГИНЯ.

Да, мой кузенъ любитъ, чтобъ у него было все конфортабельно.

ГОРЕГЛЯДОВА, беретъ со стола книгу.

Что это за книга?... «Сцены изъ приватной жизни, сочиненіе Бальзака».

КНЯГИНЯ.

Я что-то объ нихъ слышала отъ князя.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Онъ хвалитъ ихъ?

КНЯГИНЯ.

Да! — Ну, ужъ вѣрно онѣ не такъ интересны, какъ романы милаго Дарленкура... Помнишь «Пустынникъ»!... Ахъ!...Fuis, fleur de la vallée! — О, Дарленкуръ!

ГОРЕГЛЯДОВА.

Мнѣ помнится, я читала въ какомъ-то русскомъ журналѣ, что этотъ Бальзакъ...

КНЯГИНЯ.

И, ma chère!... Что такое Бальзакъ, Бальзакъ!... Да вѣдь это старый писатель, я еще ребенкомъ слыхала о немъ отъ нашего Французскаго учителя... Вотъ Дарленкуръ... ахъ, какъ онъ милъ!... Fuis, fleur!...

СЛУГА.

Ольга Дмитріевна Зарѣцкая.

КНЯГИНЯ.

Ольга Дмитріевна, наша пріѣзжая изъ Москвы.

(Идетъ къ ней на встрѣчу.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Зарѣцкая.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Ольга Дмитріевна, какъ я рада, что вы опять съ нами. *(Цалуются.)* Прошу покорно садиться. *(Всѣ садятся.)*

ЗАРѢЦКАЯ.

Ну что, здоровы ли вы, княгиня?

КНЯГИНЯ.

Слава Богу!... Ахъ, ma chère! Какіе у васъ чудные рукава!... Какъ это мило!...

ЗАРѢЦКАЯ.

Да, это самая послѣдняя мода. Мадамъ Лебуръ поклялась мнѣ, что этимъ фасономъ первое платье сдѣлано для меня.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Ахъ, какъ хорошо!

КНЯГИНЯ.

Прелесть!...

ГОРЕГЛЯДОВА.

А косынка? Посмотри, ma chère!

ЗАРѢЦКАЯ.

Ихъ только что привезли изъ Парижа — это....

КНЯГИНЯ.

Comme c'est bisarre!

ГОРЕГЛЯДОВА.

Ну, что скажете? Вы очень веселились въ Москвѣ?

ЗАРѢЦКАЯ.

О не говорите мнѣ, я умирала съ тоски.

КНЯГИНЯ.

Неужели?

ЗАРѢЦКАЯ.

Ахъ, княгиня, что за общество, что за тонъ! — Я вообразить себѣ не могла, чтобъ въ городѣ, который называется столицею, было такъ мало образованности; одни варварскія названія улицъ выведутъ всякаго изъ

терпѣнія! — Напримѣръ: я остановилась у моей родственницы, въ собственномъ ея домѣ... Какъ вы думаете, гдѣ?.. на Плющихѣ!!!

КНЯГИНЯ.

На Плющихѣ?.. Dieu, comme c'est vulgaire! —

ЗАРѢЦКАЯ.

А какъ живутъ, ma chère! — Вотъ однажды пригласили меня на балъ въ одинъ домъ, помнится, за Москвой рѣкой на Зацѣпѣ.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Боже мой, какія тривіяльныя названія!

КНЯГИНЯ.

Согласитесь, что это можетъ быть только у насъ.

ЗАРѢЦКАЯ.

И только въ Москвѣ. Вотъ мы ѣхали, ѣхали какими то огородами... Крымскимъ бродомъ... Ужасть!... И что жъ, вы думаете, нашли мы на этомъ балѣ?... Хозяйку, которая заговорила съ нами по-русски, голыя стѣны и сальныя свѣчи въ запачканныхъ хрустальныхъ люстрахъ.

КНЯГИНЯ.

Нѣтъ, шутите?

ЗАРѢЦКАЯ.

Увѣряю васъ!.. Теперь вы можете судить, какъ живутъ въ Москвѣ. Въ Благородномъ Собраніи я была только однажды на масляницѣ. Зала не дурна; но что за лица! — Ни одного знакомаго. — Молодые люди ходятъ взадъ и впередъ, никто не обращаетъ на васъ никакого вниманія, и если вы не хотите сидѣть на скамейкѣ, то ужъ конечно не догадаются подать вамъ стулъ; я это испытала на себѣ.

КНЯГИНЯ.

А театръ, ma chère?

ЗАРѢЦКАЯ.

Французскій хорошъ — по русскій!.. Что за актеры! Какія названія у этихъ актеровъ!.. Щепкинъ, Рѣпина! — Ну, повѣрите ли, тошно слышать! — А какъ играютъ! — Меня уговорили однажды посмотрѣть какую-то оперу, кажется «Волшебнаго Стрѣлка». — Ну, ma chère! — Признаюсь, мнѣ стало стыдно, что я русская!.. Но это еще ничего; подлѣ меня въ ложѣ какой-то господинъ началъ говорить съ своими дамами, самымъ безстыднымъ образомъ хвалить все, и даже увѣрять, что онъ видѣлъ эту оперу въ Вѣнѣ, и что она дается тамъ не лучше, чѣмъ въ Москвѣ — какъ вы думаете! — Эти дамы, которыя впрочемъ были одѣты недурно и, казалось, принадлежали къ хорошему обществу, слушали его, какъ оракула. — Такое невѣжество вывело меня совершенно изъ терпѣнія, и чтобъ показать этому господину, какъ мнѣ гадко было слушать его наглую ложь, я вскочила, накинула шаль, и тотчасъ уѣхала изъ театра.

КНЯГИНЯ.

Признаюсь, и я бъ на вашемъ мѣстѣ не усидѣла бы спокойно.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Вы меня удивляете, Ольга Дмитріевна! — Такое варварство, и гдѣ жъ? въ столицѣ!

КНЯГИНЯ.

И, ma chère! Чему тутъ удивляться? Да развѣ прошлаго года не были у насъ пріѣзжіе изъ Москвы? — Помните этого князя Брянскаго, и еще какого то ученаго?.. Ну, вотъ этихъ, надъ которыми мы такъ смѣялись, когда они объявили преважно, что путешествуютъ — по Россіи!! Они не хотѣли сблизиться съ нашимъ кругомъ, а съ кѣмъ были знакомы? — Съ Волгиными, съ Дубровинымъ, съ Закаменскимъ, съ этимъ педантомъ Холминымъ — помните, что они говорили: «Вотъ почтенные люди! — Вотъ настоящіе русскіе дворяне! Вотъ истинно-просвѣщенные помѣщики!» — Просвѣщенные!.. А первый Дубровинъ говоритъ по-французски такъ, что безъ смѣха нельзя слышать.

ЗАРѢЦКАЯ.

Ну, ma chère, — я въ Москвѣ видѣла двухъ англичанъ вояжеровъ, которые еще больше Дубровина коверкаютъ несчастный французскій языкъ.

КНЯГИНЯ.

И, ma bonne amie! — Да за то они прекрасно говорятъ по-англійски.

ГОРЕГЛЯДОВА, Зарѣцкой.

Я вижу, ma chère, намъ нечего перенимать у Москвы.

ЗАРѢЦКАЯ.

Намъ перенимать?.. Помилуйте! — Не мы у Москвы, Москва должна перенимать у насъ.

КНЯГИНЯ.

Да, да! — Не мѣшало бы ей здѣсь поучиться хорошему тону, и спросить у насъ, что̀ значитъ образованный вкусъ.

ЗАРѢЦКАЯ, которая взяла между тѣмъ со стола книгу.

Ахъ, Боже мой!.. Бальзакъ!

КНЯГИНЯ.

Вы читали его?

ЗАРѢЦКАЯ.

Бальзака? Какой вопросъ?.. Вся Москва отъ него безъ ума.

ГОРЕГЛЯДОВА.

Неужели?

КНЯГИНЯ.

Однако жъ вѣрно Дарленкуръ...

ЗАРѢЦКАЯ.

Фи, ma chère! — Что̀ вы говорите? — Дарленкуръ!.. Да его ужъ никто не читаетъ; всѣ надъ нимъ смѣются.. Но Бальзакъ... Ахъ, Бальзакъ! — Въ Москвѣ нѣтъ ни одной порядочной женщины, которая не знала бы его наизустъ.

КНЯГИНЯ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ЗАРѢЦКАЯ.

Да, ma chère. На масляницѣ я была въ Благородномъ Собраніи: кто то сказалъ, что Бальзакъ въ Москвѣ, потомъ стали говорить, что онъ въ Собраніи — Боже мой! — Какъ всѣ дамы засуетились, какая пошла тревога, шумъ, распросы, и одного молодаго человѣка, который съ виду походилъ на Француза, совсѣмъ было задушили; къ-счастію, онъ заговорилъ по-русски: это его спасло.

ГОРЕГЛЯДОВА, КНЯГИНѢ.

Ахъ, ma chère, пожалуй-ста возьмите у князя эти книги..

КНЯГИНЯ.

Да, да, ma bonne amie! — Мы прочтемъ ихъ вмѣстѣ. Но вотъ, кажется, Радугины!.. Такъ точно! —

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и гости, которые входятъ одни за другими. Мужчины раскланиваются, а дамы цалуются съ княгинею.

КНЯГИНЯ, встрѣчая.

А, Софья Егоровна!.. Ѳедосья Степановна!.. Максимъ Ивановичъ!.. Кирило Семеновичъ!.. *(Горегляловой.)* Похлопочи, ma chère, раздай карточки. *(Горегляловой составляетъ партіи и разсаживаетъ за ломберные столы гостей.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ПРЕЖНІЕ, СЛУКИНА И ВАРИНЬКА.

КНЯГИНЯ.

Анна Степановна! —

СЛУКИНА.

Здоровы ли, матушка, ваше сіятельство?

КНЯГИНЯ.

Какъ видите, слава Богу! Mesdames, прошу покорно въ залу!

СЛУКИНА.

Я, матушка княгиня, здѣсь останусь! — Да не безпокойтесь, я составлю себѣ партію; вотъ ужъ одинъ игрочекъ на лицо. *(Въ задней комнатѣ показывается Вельскій.)*

КНЯГИНЯ, Варинькѣ.

Пойдемте, Варвара Николаевна.

(Всѣ уходятъ, на сценѣ остается только одна Слукина и тѣ гости, которые сидятъ за картами; чрезъ минуту раздается вдали музыка, она должна быть едва слышна. Въ задней комнатѣ отъ времени до времени проходятъ слуги и прохаживаются гости; музыка также по временамъ перестаетъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ВЕЛЬСКІЙ.

СЛУКИНА.

Здравствуйте, Иванъ Ѳедоровичъ! *(Вельскій вѣжливо, но очень-сухо кланяется.)* Ну, что̀ наши игрочки, подъѣхали?

ВЕЛЬСКІЙ.

Я видѣлъ въ залѣ Алексѣя Андреевича Зорина.

СЛУКИНА.

А князь?

ВЕЛЬСКІЙ.

Его, кажется, нѣтъ.

СЛУКИНА.

Охота жъ ему терять золотое времечко.—Да не сѣсть ли намъ, батюшка, въ-троемъ? Я буду играть парти-фиксъ съ болваномъ.

ВЕЛЬСКІЙ.

Позвольте мнѣ прежде сказать съ вами нѣсколько словъ... Сядемте! *(Садятся.)*

СЛУКИНА.

А время-то идетъ, какъ идетъ!

ВЕЛЬСКІЙ.

Успѣете наиграться, сударыня.—Слышали ли вы, что говорятъ въ городѣ?

СЛУКИНА.

А что такое, Иванъ Ѳедоровичъ?

ВЕЛЬСКІЙ.

Вы вѣрно забыли, зачѣмъ пріѣзжала къ вамъ третьяго дня моя тетка; вы почти дали ей слово, а не смотря на это, говорятъ, будто бы вы имѣете какіе-то другіе виды на Варвару Николаевну. Я не хочу этому вѣрить; но согласитесь, что эти слухи очень непріятны; и такъ извините, Анна Степановна, если я попрошу васъ не откладывать моего благополучія, и объявить рѣшительно, что вы принимаете мое предложеніе.

СЛУКИНА.

Что вы, что вы, Иванъ Ѳедоровичъ! Подумайте, мѣсто ли здѣсь...

ВЕЛЬСКІЙ.

Да я и не прошу васъ сдѣлать помолвку здѣсь на балѣ; а если позволите, пріѣду къ вамъ послѣ завтра съ моею теткою.

СЛУКИНА.

Послѣ завтра, то есть: въ пятницу?.. Помилуйте, что за экстра такая, и къ чему такъ спѣшить?

ВЕЛЬСКІЙ.

Да хотя бы для того, сударыня, чтобъ уничтожить эти вздорные слухи, столь же обидные для васъ, сколько и для меня. Впрочемъ я не хочу васъ женировать; извольте, я пріѣду къ вамъ не въ пятницу, а въ субботу; но тогда уже попрошу у васъ позволенія извѣстить всѣхъ родныхъ и знакомыхъ о моей помолвкѣ. Послѣ того, что вы изволили говорить моей теткѣ, я не смѣю сомнѣваться...

СЛУКИНА.

Помилуйте! Да что жъ я такое говорила? я сказала ея превосходительству, что для меня весьма пріятно, что я очень буду рада...

ВЕЛЬСКІЙ.

Слѣдовательно вы согласны?—И позвольте вамъ сказать, Анна Степановна, что послѣ этого, всякое съ вашей стороны затрудненіе будетъ явнымъ доказательствомъ, что вы хотѣли насъ дурачить, смѣяться надъ мной, надъ моей теткою, надъ всѣмъ нашимъ семействомъ... Но, виноватъ! — Я вижу, что ужъ одно это обидное предположеніе васъ огорчаетъ—и такъ въ субботу!.. *(Вставая.)* Теперь я въ вашихъ приказаніяхъ, и если вы желаете играть въ вистъ...

СЛУКИНА.

Покорнѣйше васъ благодарю.

ВЕЛЬСКІЙ.

Какъ вамъ угодно. *(Кланяется и уходитъ.)*

СЛУКИНА.

Въ субботу!.. Нѣтъ, батюшка! Хоть вы и родня нашему губернатору, а не прогнѣвайтесь: своя рубашка къ тѣлу ближе.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И ЗОРИНЪ.

ЗОРИНЪ, кланяясь Слукиной.

Здравствуйте, матушка Анна Степановна, радъ сердечно, что могу съ вами словечка два перемолвить. Позвольте. *(Садится подлѣ нея.)*

СЛУКИНА.

Вы давно ужъ здѣсь?

ЗОРИНЪ.

Съ четверть часа.—Да гдѣ же Варвара Николаевна?

СЛУКИНА.

Здѣсь, батюшка Алексѣй Андреевичъ; танцуетъ,—да вотъ никакъ она ходитъ съ Расторгуевой... Варинька!.. Варвара Николаевна! Поди сюда, мой другъ!.. *(Варинька подходитъ.)* Ну, вотъ ты все спрашивала: «Да будетъ ли сюда Алексѣй Андреевичъ? — Да пріѣдетъ ли онъ?» Вотъ онъ на лицо! Ну что, успокоилась?

(Варинька смотритъ съ удивленіемъ на Слукину.)

ЗОРИНЪ, встасть и съ вѣжливой уклонкой.

Какъ вы изволили вспотѣть, Варвара Николаевна!.. Словно розанъ раскраснѣлись! *(Варинька присѣдаетъ.)* Вѣрно очень устать изволили?

ВАРИНЬКА.

Нѣтъ-съ!

ЗОРИНЪ.

Вы, какъ вижу, отмѣнно любите танцы?

ВАРИНЬКА.

Да-съ! *(Входитъ Вельскій.)*

ВЕЛЬСКІЙ, Варинькѣ.

Угодно вамъ французскую кадриль?

ВАРИНЬКА.

Извольте-съ! *(Уходитъ вмѣстѣ съ Вельскимъ.)*

ЗОРИНЪ, помолчавъ нѣсколько времени.

Сегодня, матушка Анна Степановна, я цѣлое утро занимался вами.

СЛУКИНА.

Мною, Алексѣй Ивановичъ?

ЗОРИНЪ.

То есть вашей тяжбою.

СЛУКИНА.

Покорнѣйше васъ благодарю!

ЗОРИНЪ.

Ахъ, Анна Степановна, надѣли вы мнѣ петлю на шею.

СЛУКИНА.

Какъ такъ, батюшка?

ЗОРИНЪ.

Да вѣдь дѣло то ваше больно плоховато.

СЛУКИНА.

Что ты, отецъ мой! — Дѣло чистое, святое!

ЗОРИНЪ.

Нѣтъ, матушка Анна Степановна! Пополамъ съ грѣшкомъ. — Конечно, можно бы повернуть его иначе, да что бъ оглядокъ не было. — Вѣдь рѣшеніе уѣзднаго суда не законъ, а голословныя доказательства вашего права, не документы, матушка Анна Степановна!

СЛУКИНА.

Ну, Алексѣй Андреевичъ! — Не ожидала я, чтобъ ты...

ЗОРИНЪ.

Помилуйте! — Да что жъ мнѣ дѣлать? — Я вамъ докладывалъ, что дѣло то плоховато. Ужъ мы сегодня съ секретаремъ около него попотѣли, матушка... плохо-больно плохо! — Думали и такъ, думали и эдакъ... что ты будешь дѣлать! — Приступу нѣтъ. —

СЛУКИНА.

Полно, батюшка! — Захочешь помирволить, такъ натянешь какъ нибудь, ну хоть съ грѣхомъ пополамъ — такъ что жъ?

ЗОРИНЪ,

Конечно — одинъ Богъ безъ грѣха, что и говорить: какъ подчасъ не покривить душою для роднаго человѣка.

СЛУКИНА.

Вотъ то-то и есть, батюшка!

ЗОРИНЪ.

Да вѣдь мы еще съ вами не родня, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

Я тебѣ что говорила, мой отецъ? Возьми терпѣніе недѣльки на три.

ЗОРИНЪ.

Терпѣніе? — Что терпѣніе!... А впрочемъ, пожалуй, извольте! — Только и вы, матушка, потерпите!

СЛУКИНА.

Какъ потерпѣть? — А не ты ли мнѣ сказалъ, что на будущей недѣлѣ.

ЗОРИНЪ.

Мало ли что говорится, сударыня? Да вѣдь я же это вамъ не передъ зерцаломъ объявилъ, и мои слова въ протоколъ не записаны.

СЛУКИНА.

Ну, батюшка Алексѣй Андреевичъ!... Покорнѣйше благодарю.

ЗОРИНЪ.

Да что, Анна Степановна, изъ пустаго въ порожнее переливать! неугодно ли вамъ этакъ, денька чрезъ три помолвку сдѣлать, такъ я за ваше дѣло примусь поплотомъ; а тамъ, какъ свадебку сыграемъ, такъ на другой день и резолюцію подмахну.

СЛУКИНА.

Что ты, что ты? — Черезъ три дня помолвка? Да это вѣдь не что другое: около пальца не обведешь... Черезъ три дня!... Да въ умѣ ли ты, батюшка?

ЗОРИНЪ.

Какъ угодно, Анна Степановна: вашъ разумъ, ваша и воля.

СЛУКИНА.

И гдѣ видано? Пристать, какъ съпожемъ къ горлу!

ЗОРИНЪ.

И, матушка! Да коли вы сами проволочекъ не жалуете, такъ за что же и мнѣ ихъ любить? — Но извините! Я взялъ карточку, и чай, меня дожидаются! — Подумайте хорошенько! — Денька чрезъ два я самъ у васъ побываю. Честь имѣю кланяться! *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЛУКИНА и вскорѣ КНЯЗЬ ВЕРХОГЛЯДОВЪ.

СЛУКИНА.

Прошу покорно!... Да что это на нихъ нашло!... Ну, худо-дѣло!... *(Князь входитъ, становится противъ Слукиной и устремляетъ на нее неподвижный взглядъ.)* Ахъ, князь Владиміръ Ивановичъ! — Это вы?

КНЯЗЬ, мрачнымъ и торжественнымъ образомъ.

Да, сударыня! — Это я.

СЛУКИНА.

Ахъ, батюшка, ваше сіятельство!—Да что съ вами сдѣлалось?

КНЯЗЬ.

Ничего! — Безумица! — Самый обыкновенный случай; я вздумалъ понтировать, и счастье всей моей жизни поставить на одну карту.

СЛУКИНА.

Эхъ, князь, напрасно! — Что вамъ дался этотъ банкъ? — Играли бы себѣ да играли въ вистикъ.

КНЯЗЬ.

Да! — Все блаженство, всѣ радости, все, что привязываетъ насъ къ жизни, поставлено на одной картѣ, и вы думаете, что я позволю банкомету передернуть?... Вы меня понимаете?

СЛУКИНА.

Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

КНЯЗЬ.

Скажите мнѣ, Анна Степановна: знаете ли вы, что такое любовь?

СЛУКИНА.

Какъ не знать, Владиміръ Ивановичъ; я очень любила покойнаго мужа.

КНЯЗЬ.

Любили!... То есть: поплакали, когда онъ умеръ, износили черное фланелевое платье и построили деревянный голубецъ надъ его могилою?

СЛУКИНА.

Да, князь, я все это выполнила, какъ слѣдуетъ.

КНЯЗЬ.

Какъ слѣдуетъ! — почему жъ какъ слѣдуетъ?... Нѣтъ, Анна Степановна, я говорю вамъ не объ этой любви.

СЛУКИНА.

О какой же, батюшка?

КНЯЗЬ.

О той, которая наполняетъ мою душу, о той, которая не знаетъ и не хочетъ знать никакихъ приличій, никакихъ условій свѣта, которая... Но я вижу, что мнѣ должно говорить съ вами яснѣе... Эта любовь, сударыня, походитъ на булатный кинжалъ Черкеса; онъ гладокъ, свѣтелъ и красивъ, но имъ играть опасно... Вы меня понимаете?

СЛУКИНА.

Нѣтъ, батюшка, не понимаю.

КНЯЗЬ.

Послушайте! Я люблю Варвару Николаевну, и если кто нибудь осмѣлился забавляться этой страстію, шутить счастіемъ всей моей жизни... Если бъ вы, Анна Степановна...

СЛУКИНА.

Ахъ, батюшка, ваше сіятельство — что вы, что вы?

КНЯЗЬ.

Я васъ спрашиваю: для чего она до сихъ поръ не принадлежитъ мнѣ?—Для чего всѣ эти отсрочки?... Кажется, между нами все кончено; мы сторговались.

СЛУКИНА.

Опомнитесь, князь? — Что вы говорите?

КНЯЗЬ.

Не прогнѣвайтесь, Анна Степановна: я ненавижу эту приторную вѣжливость, которая хочетъ все на свѣтѣ усыпать розами; я люблю называть вещи собственными ихъ именами, и повторяю еще разъ: мы сторговались и теперь вы не имѣете никакого права продавать эту несчастную сироту съ публичнаго торга, какъ продаютъ невольницъ на базарахъ Востока — она моя!

СЛУКИНА.

Тише, князь, Бога ради, тише! — Что вы это?...

КНЯЗЬ.

Скажите одно слово, и я замолчу.

СЛУКИНА.

Да помилуйте, съ чего вы это взяли, что я отступлюсь отъ моего слова; но вѣдь надобно подумать и о Варинькѣ: какъ больно повернемъ, да дѣвка то-заупрямится...

КНЯЗЬ.

О, объ этомъ не безпокойтесь!

СЛУКИНА.

А Богъ вѣсть! Вѣдь она еще молода, глупа, не вдругъ поймётъ, что жениха, у котораго четыре тысячи душъ, не встрѣтишь на каждомъ перекресткѣ.

КНЯЗЬ.

Фи!... Что это такое! — Да кто вамъ говоритъ о душахъ, Анна Степановна? — Я вижу: мы вѣчно не поймемъ другъ друга. Послушайте: быть можетъ, вы имѣете причины откладывать нашу свадьбу; но я ихъ не имѣю, и говорю вамъ рѣшительно: или завтра же вы меня примите, какъ жениха Варвары Николаевны, или весь городъ узнаетъ, какъ вы торгуете вашей падчерицей.

СЛУКИНА.

Завтра! — Какъ завтра!

КНЯЗЬ.

Да, да, сударыня!—Я даю вамъ одни сутки (*Смотритъ на свои часы.*) Завтра ровно въ одиннадцать часовъ.—Вечеромъ, Варвара Николаевна назоветъ меня женихомъ своимъ, а вы — какъ вамъ угодно — вы можете не называть меня вашимъ сыномъ. Я объ этомъ не хлопочу. (*Кланяется и уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СЛУКИНА, и вскорѣ ХОЛМИНЪ.

СЛУКИНА.

Да что жъ это такое?... Что они, прости Господи! бѣлены что ли объѣлись?... Какъ они вздумаютъ столкнуться, да все трое разомъ ко мнѣ пристанутъ.... Ахъ, Господи!...

ХОЛМИНЪ, подходя къ Слукиной.

Что это вы не за картами, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

До картъ ли мнѣ, батюшка! Поди-ка сюда, садись.

(Холминъ садится подлѣ нея.)

ХОЛМИНЪ.

Что съ вами сдѣлалось?

СЛУКИНА.

Ахъ, бѣда, кормилецъ! — Сущая бѣда! —

ХОЛМИНЪ.

Да что такое?

СЛУКИНА.

Что, батюшка, худо! — Всѣ женихи мои взбѣсились.

ХОЛМИНЪ.

Какъ такъ?

СЛУКИНА.

Да такъ, словно заговоръ какой.—Пристали ко мнѣ; да еще, слава Богу, что поодиночкѣ: рѣши, да рѣши! — Я и такъ и сякъ — куда-те! — и слышать не хотятъ! —Повѣришь ли, никто больше трехъ дней сроку не далъ!— Этотъ франтъ - шематонъ, губернаторской племянничекъ, такъ закидалъ меня словами,

что я чуть было сама не повѣрила, что выдаю за него Варинькy. А крапивное то сѣмя, выжига проклятая — Зоринъ, какъ будто бы ему чортъ на ухо шепнулъ, формально объявилъ, что дѣло мое до тѣхъ поръ не будетъ рѣшено, пока я сама не порѣшусь. — И даже этотъ шальной князь Владиміръ Ивановичъ, ну вотъ такъ и напрасъ; да какія рѣчи говоритъ!... Господи Боже мой! — Уши вянутъ, батюшка.

ХОЛМИНЪ.

Ну!! Не предсказывалъ ли я вамъ?

СЛУКИНА.

Эхъ, Николай Ивановичъ, брани меня, ругай, да только выручи.

ХОЛМИНЪ.

Выручи! — Это легко сказать, Анна Степановна. Какъ ни вертись, какъ ни хитри, а надобно сказать, за кого Варинька идетъ за-мужъ.

СЛУКИНА.

Да лишь только я объявлю, то Зоринъ и Вельскій...

ХОЛМИНЪ.

Что и говорить, житья вамъ не будетъ — а особливо Вельскій... и его семейство...

СЛУКИНА.

Охъ, бѣда! — Живую съѣдятъ.

ХОЛМИНЪ.

Вотъ то-то и есть. Впрочемъ, что жъ въ самомъ дѣлѣ, не за того, такъ за другаго, а надобно выйдти замужъ: посердятся, посердятся — да перестанутъ; а вотъ чего вамъ никогда не простятъ: что вы ихъ обманывали, водили за носъ, за-знамо дурачили.

СЛУКИНА.

Такъ, батюшка, такъ!

ХОЛМИНЪ.

Ну, пусть Варинька выйдетъ замужъ за князя Владиміра Ивановича — это еще ничего: лишь только бы васъ-то какъ нибудь выгородить.

СЛУКИНА.

Въ томъ-то и дѣло, мой отецъ; постарайся, придумай что нибудь!

ХОЛМИНЪ.

Постойте-ка !... А что ?... Въ самомъ дѣлѣ!... Вѣдь вы тогда только будете въ отвѣтѣ, когда отдадите Варинькy за-мужъ?... Ну! А если она убѣжитъ и обвѣнчается безъ вашего вѣдома?

СЛУКИНА.

Какъ убѣжитъ?

ХОЛМИНЪ.

Ну да! Если ее увезутъ?

СЛУКИНА.

Увезутъ? Кто увезетъ?

ХОЛМИНЪ.

Разумѣется, князь Владиміръ Ивановичъ.

СЛУКИНА.

А!... Понимаю !... Только, воля твоя, что̀ ему за радость увозить Варинькy, когда онъ и безъ этого можетъ на ней жениться?

СЛУКИНА.

Что̀ за радость? Да онъ съ тоски умираетъ, что долженъ жениться такимъ обыкновеннымъ и пошлымъ образомъ. Да знаете ли, что онъ ужъ предлагалъ Варинькѣ бѣжать.

ХОЛМИНЪ.

Неужели?... Что̀ жъ она?...

ХОЛМИНЪ.

Ну, разумѣется, не согласилась. Хоть она очень его любитъ...

СЛУКИНА.

Въ самомъ дѣлѣ?

ХОЛМИНЪ.

Она мнѣ сама въ этомъ призналась.

СЛУКИНА.

Такъ чего же она думаетъ?

ХОЛМИНЪ.

Вы знаете, какъ она къ вамъ привязана; да и легко ли скромной и невинной дѣвушкѣ — рѣшиться на такой поступокъ. Вотъ, если я ей посовѣтую...

СЛУКИНА.

Посовѣтуй, батюшка!

ХОЛМИНЪ.

Ужъ такъ и быть! — Я это дѣло слажу, и сегодня же...

СЛУКИНА.

Сегодня?...

ХОЛМИНЪ.

Да. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Черезъ полчаса ступайте домой, скажите, что у васъ го-

лова болитъ, лягте почивать и строго прикажите, чтобъ васъ ни подъ какимъ предлогомъ не смѣли будить. Часу въ первомъ почи, когда всѣ будутъ спать, Варинька выйдетъ потихоньку въ садъ; у калитки будетъ дожидаться коляска,.. да ужъ не безпокойтесь, все будетъ сдѣлано.

СЛУКИНА.

Дай Богъ тебѣ здоровье. То-то истинный родной!

ХОЛМИНЪ.

Вы, Анна Степановна, не извольте вставать ранѣе обыкновеннаго, а какъ встанете да хватитесь Варинькн, такъ и подымите штурмъ—ревите, плачьте... *(Раскрывая свою табакерку.)* Да что вамъ толковать — ученаго учить, лишь только портить... Не прикажете ли?

СЛУКИНА, нюхая табакъ изъ табакерки Холмина.

И, батюшка, гдѣ намъ! — Вѣдь я человѣкъ глупый: что на умѣ, то и на языкѣ... да дѣлать нечего! Попробую, прикинусь какъ нибудь.

ХОЛМИНЪ.

Теперь я пойду и переговорю съ Варинькой—а тамъ все улажу съ княземъ. Прощайте покамѣстъ! *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЛУКИНА, и вскорѣ ТОПСКІЙ.

СЛУКИНА,

Охъ, батюшки, кабы удалось?.. Дай-то Господи! Рублевую свѣчу поставлю.

(Топскій подходитъ и кланяется Слукиной.)

Здравствуйте, господинъ Топскій!

ТОПСКІЙ.

Какъ ваше здоровье, Анна Степановна?

СЛУКИНА, очень сухо и отрывисто.

Слава Богу, батюшка, слава Богу.

ТОПСКІЙ.

Позвольте мнѣ рекомендовать себя вашимъ сосѣдомъ: я теперь живу напротивъ.

СЛУКИНА.

Знаю, батюшка, знаю. Домишка маленькой, какъ избенка... да и на что вамъ больше—вѣдь не балы давать.

ТОПСКІЙ.

А гдѣ же Варвара Николаевна?

СЛУКИНА.

Здѣсь, батюшка, танцуетъ.

ТОПСКІЙ.

Такъ она въ залѣ?

СЛУКИНА.

Ахъ, батюшки! — Да неужто въ передней? Разумѣется, въ залѣ. *(Топскій кланяется и уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ X.

СЛУКИНА и вскорѣ ДОКТОРЪ ФОНЪ ДАХЪ.

СЛУКИНА.

Да что этотъ пустокарманникъ мнѣ такъ въ глаза лѣзетъ? — Знала бы сверчокъ свой шестокъ! — А, батюшка Ѳома Ѳомичъ!

ФОНЪ ДАХЪ.

Страстфуйте, моя матушка Анна Степановна! Страстфуйте!... Ну што? — Какъ паше сторофье?...

СЛУКИНА.

Худо, отецъ мой, худо! — Голова что-то очень болитъ.

ФОНЪ ДАХЪ.

Калофка палитъ.

СЛУКИНА.

Смерть, батюшка! — Вотъ словно молотками въ виски колотятъ.

ФОНЪ ДАХЪ, беретъ у нея руку.

Пасфольте!... Гмъ, гмъ!... Калофка палитъ!... Та, та!... Сильна пульсацій... ошень сильна!... Экъ, матушка, матушка!... Все сидитъ за карточка — мала масіонъ, мноka крофъ...

СЛУКИНА.

И, Ѳома Ѳомичъ! — Что за много!

ФОНЪ ДАХЪ

Ошень мноka!... Анна Степанофна! — Пускантъ крофъ — пожалуста пускантъ!... По-

смотрить, какъ ѳи красна — а класки — а класки свѣтла, ошень свѣтла... пускаитъ крофъ, матушка—пошалуста, пускаитъ!...

СЛУКИНА.

Не хочется начинать, Ѳома Ѳомичъ.

ФОНЪ ДАХЪ, въ полголоса.

А что скашите мнѣ... *(Начинаетъ говорить съ нею тихо.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ХОЛМИНЪ И ВАРИНЬКА.

ХОЛМИНЪ, Варинькѣ.

Да, мой другъ! Въ полночь, коляска будетъ у калитки вашего сада; я стану васъ дожидаться въ моемъ селѣ: ты знаешь, она въ двухъ верстахъ отъ города; тамъ все будетъ готово; вы обвѣнчаетесь, и я отвезу васъ въ мой городской домъ; потомъ...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, сердце мое обмираетъ отъ ужаса — Боже мой! — И я должна рѣшиться...

ХОЛМИНЪ.

Вотъ Топскій! — Онъ разскажетъ тебѣ все подробнѣе.

(Музыка становится слышнѣе, на сцену входитъ длинный Польскій; въ первой парѣ князь Владиміръ Ивановичъ съ княгиней Ландышевой.)

ТОПСКІЙ, Варинькѣ.

Угодно вамъ Польскій? *(Беретъ ее за руку и входитъ въ средину танцующихъ которые, обогнувъ всю сцену, уходятъ назадъ тѣми же дверьми.)*

ХОЛМИНЪ, подходя къ Слукиной.

Не угодно ли и вамъ пройдтись со мною.

СЛУКИНА.

Изволь, батюшка! — Да смотри же, будь молодцомъ, проведи меня хорошенько.

ХОЛМИНЪ.

Постараюсь, Анна Степановна.

(Уходитъ вмѣстѣ съ нею, вслѣдъ за танцующими.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Театръ представляетъ комнату перваго дѣйствія.

ЯВЛЕНІЕ I.

ДАША И КОНДРАТЬЕВНА.

Даша стоитъ у боковыхъ дверей съ лѣвой стороны отъ зрителей и смотритъ въ замочную скважину. Кондратьевна выглядываетъ въ полурастворенныя средніи двери.

КОНДРАТЬЕВНА, выходитъ на цыпочкахъ.

Даша, а Даша!... Ну, что?

ДАША.

Почиваетъ.

КОНДРАТЬЕВНА, въ полголоса.

Экой грѣхъ! — Экой грѣхъ!... Пропали наши головушки.

АКСИНЬЯ, выглядывая изъ среднихъ дверей.

Кондратьевна!... Что барыня?

КОНДРАТЬЕВНА.

Изволитъ почивать.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и аксинья выходитъ потихоньку, вскорѣ 1-я и 2-я дѣвушки.

АКСИНЬЯ.

Что это на бѣду она такъ распочивалась сегодня—о Господи, Господи! — Что будетъ съ нами горемычными! *(1-я и 2-я дѣвуш-*

ки входитъ.) Тсъ! — Тише вы, тише! Экія ступы проклятыя.

КОНДРАТЬЕВНА.

Аксинья Власьевна, ты человѣкъ умный; придумай, матушка, приставь голову къ плечамъ! Какъ намъ сказать? — Какъ приступиться къ такому дѣлу?

АКСИНЬЯ.

По неволѣ скажешь, какъ барыня спроситъ: «Гдѣ Варвара Николаевна? — Давай «сюда Варвару Николаевну! — Подавай ее!— Гдѣ она?» Гдѣ? А кто ее знаетъ. Эхъ, барышня, барышня! — Богъ тебѣ судья! — Будемъ пить по милости твоей горькую чашу!

КОНДРАТЬЕВНА.

И какъ она прокралась?.. Какъ мы не усмотрѣли?

АКСИНЬЯ.

Ну, вотъ поди ты!

ДАША.

Эхъ, бабушка Кондратьевна! Снявши голову, о волосахъ не плачутъ; что тутъ «какъ прокралась?» Видно, хорошо смотрѣли... Ужъ вы! Не могли укараулить барышни! Сихи-хи!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Да, ты бы укараулила!

КОНДРАТЬЕВНА.

Что и говорить: всѣ безъ вины виноваты!

ДАША.

Всѣ? Нѣтъ, бабушка! Я хожу за барыней, такъ мнѣ за другими смотрѣть нѣкогда — мое дѣло сторона.

КОНДРАТЬЕВНА.

Ахъ, мать моя! Да ты-то что за святая?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Видишь, какая!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Смотри, какая барыня! — Ея дѣло сторона!

ДАША, первой дѣвушкѣ.

Ты, Дуня, молчи! — Ты всѣхъ виноватѣе.

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Какъ бы не такъ!

ДАША.

Ты спишь подлѣ барышниной комнаты... А гдѣ ты была ночью-то, какъ она убѣжала?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Какъ, гдѣ?

ДАША.

Да, гдѣ? Чай на улицѣ, за воротами?... То-то и есть,—видали мы!... Оедька пѣсенку поетъ, Андрюшка на балалайкѣ, а ты себѣ стоишь да орѣшки пощелкиваешь. Знаемъ мы васъ!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Ну, ужъ хороша и ты!

ДАША.

Что я?

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

Да, да! Выпросилась намедни въ собачью комедію съ дѣдушкой Филиппомъ, а небось Ванька проводилъ.

ДАША.

Анъ врете, сударыня, не Ванька!

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Такъ деньщикъ этого офицера, что противъ насъ живетъ; вѣдь ты съ нимъ давно перемигиваешься.

ДАША.

Кто? Я? Ахъ, ты лгунья!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

А помнишь, вчерась, что ты передъ окномъ-то лизезила?

ДАША.

Ты врешь, ты врешь!

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

Да, даромъ ты тянешься! Видишь, корсетница какая!

ПЕРВАЯ ДѢВУШКА.

А роговой-то гребень съ рѣзьбою кто тебѣ купилъ?

ВТОРАЯ ДѢВУШКА.

А томпаковое-то колечко... Небось, на улицѣ нашла?

КОНДРАТЬЕВНА.

Что вы это, мерзкія!... Что вы грызетесь? Я васъ!

АКСИНЬЯ.

Да ну ихъ совсѣмъ! Толкуютъ, луры, кто правъ, кто виноватъ; что тутъ толковать — всѣ придемъ съ повинной головой: воля ея барская, что хочетъ, то и дѣлаетъ... Чу!... Никакъ изволила проснуться... *(Подходитъ*

къ двери и смотритъ въ замочную скважину.) Надѣла пудремантъ... Идетъ сюда!.. Тсъ! *(Всѣ уходятъ потихоньку изъ комнаты.)*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

СЛУКИНА, выходитъ въ бѣломъ пудремантѣ и волосахъ.

Десять часовъ!... Чай, теперь молодые сбираются ко мнѣ просить прощенія... Ну, не поспала я эту почку!... Охъ, этотъ князь, все дѣластъ не по-людски!... Ну, кто увозитъ дѣвушку въ такую лунную ночь — я все видѣла изъ окна—какъ онъ встрѣтилъ Варвиньку въ саду, какъ вышли изъ калитки... и караульщикъ могъ ихъ увидѣть, да поднять тревогу — и дозоръ остановить... Ну, да слава Богу, никто не помѣшалъ. Фу, батюшки, какъ гора съ плечъ! Варинька за-мужемъ, имѣніе при мнѣ, а судиться некому и не за что. «Чѣмъ, дискать, она, бѣдная, виновата», подумаютъ... Вотъ то-то, не знаешь!... Кажется, пустой человѣкъ этотъ Николай Ивановичъ Холминъ, а пригодился, какъ пригодился! Кабы не онъ, такъ мнѣ бы и въ голову не пришло.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

СЛУКИНА и ХОЛМИНЪ.

ХОЛМИНЪ.

Здравствуйте, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

А, это ты, батюшка Николай Ивановичъ!

ХОЛМИНЪ.

Мнѣ сказали, что вы еще почиваете; но я все таки вошелъ.

СЛУКИНА.

Ну что, мой отецъ?

ХОЛМИНЪ.

Все кончено. А вамъ еще, кажется, не докладывали, что Варинька ушла?

СЛУКИНА.

Нѣтъ, батюшка; я еще покамѣстъ ничего не знаю.

ХОЛМИНЪ.

Насилу-то, Анна Степановна, я все уладилъ; да чего мнѣ это и стоило! Ужъ я уговаривалъ, уговаривалъ Варвиньку... Не вѣнчайте, да и только!—Помилуй, матушка, вѣдь ты его любишь? — Я люблю, а безъ согласія маменьки вѣнчаться не хочу!

СЛУКИНА.

Смотри, пожалуй!

ХОЛМИНЪ.

Я объявилъ ей рѣшительно, что вы никогда не выдадите ее замужъ за того, кого она любитъ...

СЛУКИНА.

Ну!... Что жъ она?

ХОЛМИНЪ.

Заплакала, а къ вѣнцу пойдетъ. Я сказалъ ей, что она не родная ваша дочь и не обязана вамъ слѣпымъ повиновеніемъ...

СЛУКИНА.

Ну, ну!... Что жъ она?

ХОЛМИНЪ.

И слушать не хотѣла. Я сталъ доказывать, что это для нея одинъ способъ выйти замужъ, что она вѣчно останется въ дѣвкахъ, если будетъ дожидаться вашего благословенія.

СЛУКИНА.

Ну!...

ХОЛМИНЪ.

Въ этомъ-то она согласилась со мною, а вѣнчаться все таки не хотѣла.

СЛУКИНА.

Экая упрямая дѣвчонка!... Батюшкинъ нравъ, что и говорить!... Да чего же она хотѣла?

ХОЛМИНЪ.

Чтобъ я далъ честное слово, что выпрошу ей прощеніе.

СЛУКИНА.

Вотъ что!

ХОЛМИНЪ.

Нечего было дѣлать: я побожился ей, что вы торжественно и при всѣхъ ее простите. Теперь смотрите же, Анна Степановна, не введите меня въ слово.

СЛУКИНА.

Такъ она очень этого добивалась?... А не знаешь ли, батюшка, на что ей мое прощеніе?

ХОЛМИНЪ.

Она говоритъ, что ей стыдно будетъ на людей смотрѣть, если вы навсегда отъ нея отступитесь.

СЛУКИНА.

Право?... Такъ у нея нѣтъ ничего другаго на умѣ?

ХОЛМИНЪ.

А что такое?

СЛУКИНА.

Такъ ничего!... Впрочемъ, мы съ княземъ на этотъ счетъ ужъ объяснились и у меня есть кой какіе документики.

ХОЛМИНЪ.

Документы, какіе документы?

СЛУКИНА.

Такъ, батюшка, такъ. Вотъ изволишь видѣть: дѣло мое вдовье, сохрани Боже, навяжется зять ябедникъ — затаскаетъ по судамъ. Вѣдь за меня, бѣдную сиротинку, вступиться некому... Такъ Варинька хочетъ непремѣнно, чтобъ я ее простила?

ХОЛМИНЪ.

Да, Анна Степановна, я въ этомъ далъ ей честное слово.

СЛУКИНА.

Ну, хорошо... Однако жъ, какъ ты думаешь, батюшка, все таки надобно поломаться?

ХОЛМИНЪ.

Немножко — да, — но много не совѣтую: это будетъ не натурально. Вы всегда такъ любили Варинькy; ваша нѣжность къ ней всѣмъ извѣстна, и если вы хотя крошечку пересолите, то злые люди тотчасъ скажутъ, что вы играете комедію.

СЛУКИНА.

Хорошо, батюшка, хорошо.

ХОЛМИНЪ.

Ну, теперь прощайте. Я поѣду къ губернатору, и если до него дошли ужъ объ этомъ слухи, такъ я исподволь приготовлю его къ вашему пріѣзду: опишу ему ваше отчаяніе, горе надобно, знаете, хорошенько это раскрасить; а вы межъ тѣмъ начинайте ваше дѣло, да смотрите, небольно надрывайтесь сначала, поберегите себя къ концу. Ну, прощайте. *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

СЛУКИНА, одна.

Эхъ, лучше бы не прощать!... Оно бы вѣрнѣе... Конечно, станутъ говорить, что я это дѣлаю изъ какихъ нибудь видовъ... Да и что жъ я, въ самомъ дѣлѣ, чего боюсь?... А условіе-то, подписанное княземъ, что онъ отказывается отъ приданаго; а въ случаѣ, если жена его потребуетъ отъ меня, слѣдующіе ей по духовной, тысячу душъ, то обязанъ заплатить мнѣ пять сотъ тысячъ; вѣдь оно заключено по формѣ, и имѣетъ силу контракта, а контрактъ святъ и непарушимъ... Однако жъ, не пора ли?... Я думаю... Эй, Дашка! Дашка!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

СЛУКИНА и ДАША, остановясь въ дверяхъ.

ДАША.

Чего изволите?

СЛУКИНА.

Который часъ?

ДАША.

Скоро одиннадцать.

СЛУКИНА.

Какъ я заспалась!... Что, Варинька встала?... Ну, что жъ ты молчишь? Иль оглохла?... Да что ты стала въ дверяхъ, дура; войди! *(Даша входитъ; за нею показываются Кондратьевна и Аксинья, первая и вторая дѣвушки, останавливаются въ дверяхъ.)* Что вы? Что вы? Зачѣмъ? *(Всѣ кланяются и молчатъ.)* Ну, что жъ вы молчите?. . Зачѣмъ пришли?

КОНДРАТЬЕВНА.

Ахъ, матушка Анна Степановна!

АКСИНЬЯ.

Родная ты наша!

СЛУКИНА.

Да что такое сдѣлалось?

АКСИНЬЯ.

Бѣда, матушка: такой грѣхъ, что и доложить нельзя!

СЛУКИНА.

Да скажете ли вы мнѣ, негодныя, что сдѣлалось?... Говори хоть ты, Кондратьевна!

КОНДРАТЬЕВНА.

Что, матушка! Несчастье—да и только: Варвара Николаевна безъ-вѣсти пропала.

СЛУКИНА.

Какъ пропала?

КОНДРАТЬЕВНА.

А такъ, кормилица, сгинула да пропала. — Вчера около полуночи она изволила пойти гулять въ садъ, Дуняшкѣ приказала себя не дожидаться, а та съ дуру-то прилегла соснуть, да и прохрапѣла до самаго утра окаянная! — Какъ проснулась — глядь, барышни нѣтъ, — постеля не измята — вотъ Дунька въ садъ: — и тамъ никого, а калитка отперта; какъ она увидѣла, что дѣло-то плохо — ко мнѣ!...

СЛУКИНА.

Ну!...

КОНДРАТЬЕВНА.

Мы подняли всю дворню на ноги, обшарили всѣ мышиныя норки — нѣтъ, какъ нѣтъ!

СЛУКИНА.

Ахъ, Боже мой! Да что жъ это значитъ? Неужели Варинька убѣжала съ какимъ нибудь пострѣломъ?... Быть не можетъ!...

АКСИНЬЯ.

Ахъ, кормилица — видно такъ! Я сейчасъ ходила купить французскихъ хлѣбовъ къ нѣмцу булочнику, вотъ что живетъ позади нашего сада. — «Все ли у васъ здорово?» спросилъ онъ у меня. — «А что, Францъ Иванычъ?» — Да такъ, вчера этакъ въ полночь подлѣ калитки вашего сада стояла коляска, и я самъ видѣлъ, какой-то баринъ вышелъ съ вашей барышней изъ саду, сѣли въ нее, да и по всѣмъ по тремъ.

СЛУКИНА.

Ахъ, Господи!... Такъ въ самомъ дѣлѣ... она ушла!... ушла изъ моего дома!... А вы-то на что? — Чего вы смотрѣли — карету!... Ужъ я съ вами раздѣлаюсь!...Одѣваться скорѣй — сейчасъ!... Ахъ, срамъ какой!... Бѣгите къ Николаю Ивановичу, скажите ему, что я поскакала къ губернатору... Что стоите? Ступайте вонъ!... (*Всѣ, кромѣ Даши, уходятъ.*) Вотъ до чего дожила!... Антонъ и Филька поѣдутъ за каретою!... Ахъ, батюшки мои свѣты — что это?... Дашка, черную шаль!... Да поворачивайся, неголвая!... Государи мои, что это? Бѣлый чепецъ! да Богарали — карету, скорѣй карету!...

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И ХОЛМИНЪ.

СЛУКИНА, идя къ нему навстрѣчу.

Николай Ивановичъ!... Батюшка!... Знаешь ли, какая бѣда сдѣлалась?

ХОЛМИНЪ.

Знаю, Анна Степановна, знаю! (*Тихо.*) Хорошо, хорошо! (*Громко.*) Мнѣ нужно съ вами поговорить наединѣ.

СЛУКИНА, Дашѣ.

Пошла вонъ! (*Даша уходитъ.*)

=

ЯВ. ЛЕПЕЧІИ.

СЛУКИНА И ХОЛМИНЪ.

ХОЛМИНЪ.

Къ вамъ сейчасъ будетъ губернаторъ.

СЛУКИНА.

А я къ нему ѣхала.

ХОЛМИНЪ.

Все равно. Я повстрѣчался съ полиціймейстеромъ, онъ сказалъ мнѣ, что губернатору все извѣстно — и что его превосходительство вмѣстѣ съ предводителемъ ѣдетъ къ вамъ. А какъ они должны думать, что это очень васъ поразило, то привезутъ съ собою доктора.

СЛУКИНА.

Ѳому Ѳомича?

ХОЛМИНЪ.

Да, онъ на ту пору случился у губернатора. Ну, Анна Степановна, смотрите, не ударьте

лицемъ въ грязь! Боже сохрани, если замѣтятъ, что вы играете комедію. Это должно для всѣхъ въ мірѣ остаться тайною.—На мой счетъ — вы совершенно можете быть спокойны: сдержите ваше слово, простите Варвару, и эта тайна умретъ со мною. — Надѣюсь, вы понимаете, какъ это важно? И малѣйшее подозрѣніе можетъ васъ совершенно погубить въ общемъ мнѣніи; а если на бѣду откроется вся истина, то вы совсѣмъ погибли, весь городъ на васъ обрушится — чего добраго: пожалуй, эту невинную хитрость назовутъ подборомъ, стачкою, фальшивымъ поступкомъ, вмѣшаютъ правительство— а вы знаете, Анна Степановна, какъ у насъ судятъ дворянъ за фальшивые поступки?

СЛУКИНА.

Ахъ, знаю, батюша, знаю!... Лишаютъ чиновъ и дворянства...Только воли твоя, гдѣ жъ тутъ фальшивый поступокъ.

ХОЛМИНЪ.

Какъ гдѣ? — Да развѣ вы не должны будете принесть жалобу губернатору? Развѣ не станете кричать, что Варвару увезли, что она обвѣнчалась безъ вашего вѣдома и согласія? Вѣдь чѣмъ болѣе вы надѣлаете шуму, тѣмъ невиннѣе будете казаться въ глазахъ тѣхъ, которые по милости вашей останутся въ дуракахъ.

СЛУКИНА.

Правда, мой отецъ, правда!

ХОЛМИНЪ.

Губернаторъ знаетъ только, что Варинька убѣжала, а съ кѣмъ убѣжала, это ему не извѣстно — такъ смотрите же. Если онъ спроситъ, на кого вы имѣете подозрѣніе, не вздумайте намекнуть на князя: онъ изо всѣхъ Варинькиныхъ женховъ самый выгодный; слѣдовательно, тотчасъ можетъ родиться подозрѣніе, что тутъ есть съ вашей стороны хитрость и подборъ.

СЛУКИНА.

Правда, Николай Ивановичъ, правда!

ХОЛМИНЪ.

Стойте въ одномъ: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю.

СЛУКИНА.

Слушаю, батюшка.

ХОЛМИНЪ.

Погодите, я на васъ посмотрю!... Глаза-то у васъ — да!... вовсе не заплаканы. Эхъ, не догадались, матушка, хрѣну понюхать!

СЛУКИНА.

Вотъ Николай Ивановичъ у меня пузырекъ съ нашатырнымъ спиртомъ.

ХОЛМИНЪ.

Все равно! — Нюхайте, нюхайте! — Чу!... Никакъ пріѣхали?... Да что это у васъ шаль какъ надѣта!... Помилуйте! Что вы, съ визитами что ли ѣдете? Набросьте се какъ нибудь... Переверните на изнанку!... Вотъ такъ!... А чепецъ-то, чепецъ!...

СЛУКИНА, хватаясь за голову.

Что такое, батюшка?

ХОЛМИНЪ.

Точно на балъ собрались! — Да сдерните его на одну сторону... Понизомните! — Чтобъ во всемъ было замѣтно горе, отчаяніе... безпорядокъ — хорошо... идутъ! *(Входятъ два лакея и растворяютъ настежь двери.)* Ну, матушка! — принимайтесь!

СЛУКИНА, встаетъ и опираясь на Холмина, идетъ къ дверямъ.

Гдѣ его превосходительство? гдѣ? — Ведите меня къ нему!...Ведите!... Ахъ, батюшки мои свѣты!... Ноги не идутъ!

ХОЛМИНЪ, въ полголоса.

Славно, Анна Степановна, славно!—Только пожалуста, не такъ налегайте — тяжело, матушка!

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Губернаторъ, Предводитель и Фонъ дахъ.

СЛУКИНА.

Ахъ, батюшка ваше превосходительство! Отецъ ты нашъ!... Помоги, спаси!...

ГУБЕРНАТОРЪ, беретъ ее за руку и усаживаетъ въ кресла.

Успокойтесь, сударыня! Будьте увѣрены, я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ. Я сейчасъ узналъ, что Варвара Николаевна...

СЛУКИНА.

Вотъ, ваше превосходительство, до чего я дожила... Какой позоръ!... Уйдти изъ моего дома, убѣжать Богъ знаетъ съ кѣмъ...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Какъ? — Такъ вы не знаете?

СЛУКИНА.

Нѣтъ, ваше превосходительство, какъ Богъ святъ—не знаю.

ГУБЕРНАТОРЪ.

И не имѣете даже подозрѣнія?

СЛУКИНА.

Не имѣю — видитъ Богъ, не имѣю! — Да и кого могу подозрѣвать?... Какъ могло мнѣ придтти въ голову, чтобъ дочь покойнаго моего Николая Степановича рѣшилась на такое дѣло? Ахъ Господи, да неужели бы я стала противиться ея склонности? — Ужъ я ли не любила, я ли не тѣшила ее неблагодарную — на всѣхъ пошлось: въ глаза ей смотрѣла, сдувала съ нее каждую порошинку... и чѣмъ же она мнѣ отплатила! — Ахъ, я несчастная!... Ахъ, тошно!... Батюшки мои, тошно!... Смерть моя!... *(Падаетъ въ обморокъ.)*

ГУБЕРНАТОРЪ.

Воды! — Скорѣй воды! — Ей дурно!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Однако жъ она вовсе не поблѣднѣла.

ФОНЪ ДАХЪ, щупаетъ у нея пульсъ.

Пасфольте!... Гмъ, гмъ!... пульсъ ошень, весьма фисока!... Крѣпка прилифъ крофъ къ калафф... Эта можетъ имѣпть суріозна ресултатъ. Сей шасъ патанно пускапть крофъ!...

ХОЛМИНЪ.

Вы думаете?

ФОНЪ ДАХЪ.

Та, та! — Пасфольте, со мной кашись есть лапсетъ — ія, ія!... Гей, слуга!.. Тарелка, плотепсъ — скорѣй — хешвипдъ!.. Не патанно теряпть не отпа минутъ, зафоротить рукафа — коть па прафа рукъ — все рафно!

СЛУКИНА, вскочивъ съ кресель.

Что вы, что вы?

ФОНЪ ДАХЪ.

Ништего, моя сутарынь — ништего! Потерпить отпа минутъ; вамъ пата испремѣнно пускапть крофъ!...

СЛУКИНА, отталкивая фонъ Даха.

Ахъ, батюшка, зачѣмъ? — На что? Подите прочь, подите прочь!...

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Какъ вы себя чувствуете?

СЛУКИНА, садясь опять.

Крошечку получше! — Охъ, батюшка ваше превосходительство — что мнѣ дѣлать? къ чему приступить?—Надоумьте меня, посовѣтуйте!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Если вамъ угодно знать мое мнѣніе, такъ вотъ оно: вѣроятно Варвара Николаевна уже обвѣнчана, слѣдовательно этого перемѣнить нельзя; на вашемъ мѣстѣ, я простилъ бы ее.

СЛУКИНА.

Какъ, батюшка ваше превосходительство, вы мнѣ совѣтуете...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да вы сами говорили, что не стали бы противиться ея склонности.

СЛУКИНА.

О, конечно бы не стала... но разсудите милостиво...

ГУБЕРНАТОРЪ.

Я не оправдываю поступокъ вашей падчерицы; она дурно сдѣлала, что не имѣла къ вамъ склонности, вы такъ ее любите...

СЛУКИНА.

Какъ родную дочь, видитъ Богъ какъ родную.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

А если такъ, сударыня, такъ будьте же до конца нѣжной матерью: простите ее!

ХОЛМИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, Анна Степановна — Добро-бы дѣло то было поправное, а то что толку и себя надрывать и ихъ мучить. — Эхъ, матушка, простите ее! *(Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину.)*

СЛУКИНА.

Ну, если всѣ меня прелять — такъ видно пришлось простить!

ГУБЕРНАТОРЪ.

Но, можетъ быть, тотъ, за кого она вышла за-мужъ...

СЛУКИНА.

Да кто бы онъ ни былъ — все равно! — Нѣтъ, батюшка ваше превосходительство, по моему, прощать—такъ прощать; онъ мужъ ея, такъ я и его буду любить, какъ роднаго сына.

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Какъ вы добры, Анна Степановна.

СЛУКИНА.

Что жъ дѣлать, Алексѣй Иванычъ! — Знаю сама, что это слабость, да ужъ у меня натура такая.

ХОЛМИНЪ, Губернатору.

Вы изволили слышать: Анна Степановна добровольно, по одному побужденію своего добраго сердца, прощаетъ мою крестницу...

(Входитъ слуга и шепчетъ на ухо Холмину.)

ГУБЕРНАТОРЪ.

Мы всѣ этому свидѣтели.

ХОЛМИНЪ.

Анна Степановна, они пріѣхали — позвольте имъ войти.

СЛУКИНА.

Охъ, постой, батюшка! — Постой! — Дай собраться съ духомъ... Сердце-то у меня, сердце — вотъ такъ выскочить и хочетъ!

ФОНЪ ДАХЪ.

Анна Степановна!... Прафа не мѣшаитъ пускать фамъ крофъ — фи фъ такой волненья...

СЛУКИНА.

Эхъ, отвяжитесь, Ѳома Ѳомичъ! — Ну!... Пусть войдутъ... О Господи, укрѣпи меня грѣшную!

(Холминъ подходитъ къ дверямъ и подаетъ знакъ, чтобъ они вошли; Слукина сидитъ, закрывъ рука ми лицо.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ВАРИНЬКА, а позади ея ТОПСКІЙ

ХОЛМИНЪ, подводитъ къ Слукиной Вариньку.

Вотъ она!

СЛУКИНА.

Ну, Варинька,—Богъ тебѣ судья! — Огорчила ты меня на старости... да такъ и быть, Господь съ тобой! Я прощаю тебя, мой другъ!.. *(Обнимаетъ ее.)* Да гдѣ же твой мужъ?

ВАРИНЬКА, отсторонясь.

Вотъ онъ, маменька.

СЛУКИНА, одеревенѣвъ отъ ужаса.

Топскій!...

ХОЛМИНЪ, тихо.

Молчите, Бога ради, молчите! — Насъ обманули!

СЛУКИНА.

Что это, что это?... *(Вскочивъ.)* Нѣтъ! Не прощаю!

ХОЛМИНЪ, тихо.

Что вы, что вы?

ГУБЕРНАТОРЪ.

Да вы ихъ ужъ простили, сударыня; мы всѣ были этому свидѣтели.

СЛУКИНА.

Но могла ли я вообразить... я думала...

ХОЛМИНЪ, тихо.

Опомнитесь! Что вы?... А фальшивой-то поступокъ...

СЛУКИНА, падая въ кресла.

Ахъ, смерть моя!

ТОПСКІЙ, Слукиной.

Я не знаю, чѣмъ могъ заслужить, сударыня...

СЛУКИНА, тихо Холмину.

Злодѣй!

ХОЛМИНЪ, тихо.

Послѣ, матушка, послѣ.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ЗАРѢЦКАЯ И КНЯГИНЯ ЛАНДЫШЕВА.

КНЯГИНЯ.

Ахъ, Анна Степановна, что вы? Какъ вы себя чувствуете?

ЗАРѢЦКАЯ.

Успокойтесь! — *(Княгинѣ.)* Мы, кажется, попали въ самую интересную минуту.

ХОЛМИНЪ, Княгинѣ.

Жаль, что вы немного опоздали — и не могли вмѣстѣ съ нами полюбоваться поступкомъ Анны Степановны.

СЛУКИНА, тихо Холмину.

Варваръ!

ПРЕДВОДИТЕЛЬ.

Да, Анна Степановна поступила въ этомъ случаѣ, какъ нѣжная мать.

ХОЛМИНЪ.

И какъ самая благородная женщина. — Если бъ она не простила Варвару Николаевну, то имѣла бы, по основанію духовной покойнаго мужа, полное право не выдать ей слѣдующую часть имѣнія; Анна Степанова не посмотрѣла на это, забыла свой собственный интересъ.

ЗАРѢЦКАЯ.

Какой благородный поступокъ!

КНЯГИНЯ.

Какъ это великодушно!

ХОЛМИНЪ.

Она могла простить ее наединѣ, съ глазу на глазъ — такъ нѣтъ! Анна Степановна сдѣлала это при начальникахъ губерніи — публично, чтобъ не было никакой возможности остаться Варварѣ Николаевнѣ безъ приданаго.

СЛУКИНА, тихо.

Молчи, палачъ!... Задыхаюсь!

ЗАРѢЦКАЯ.

Ахъ, Анна Степановна, какую это дѣлаетъ вамъ честь.

ГУБЕРНАТОРЪ.

Это истинно-отличный поступокъ.

ХОЛМИНЪ.

Да, не подумайте чтобъ часть имѣнія, которую она такъ великодушно, такъ безкорыстно уступила своей падчерицѣ, была какая нибудь бездѣлка; нѣтъ, милостивые государи, тысячу душъ!

СЛУКИНА,

Тысячу душъ! — Нѣтъ силъ! Ахъ, тошно! Душно — умираю!...

КНЯГИНЯ.

ВМѢСТѢ.

Что съ вами?...

ВАРЮШКА.

Ахъ, маменька!

ХОЛМИНЪ.

Успокойтесь.

СЛУКИНА.

Подите прочь!... Подите прочь!... Тысяча душъ... Дурно, дурно!... Ахъ, смерть моя!... Ѳома Ѳомичъ, пустите мнѣ кровь!

(Фонъ Дахъ засучиваетъ ей рукавъ и вынимаетъ ланцетъ; всѣ около нея суетятся.

ХОЧУ БЫТЬ АКТРИСОЙ,

ИЛИ

ДВОЕ ЗА ШЕСТЕРЫХЪ.

ШУТКА-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Соч. П. С. Ѳедорова.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Герасимъ Васильевичъ Оховъ, актеръ.....	*Самойловъ.*
Омега, Грекъ.....	
Сурковъ, режиссеръ театра...	
Варвара Петровна, жена Охова.	*Самойлова 2.*
Акулина, кухарка.....	
Марья Архиповна Гуслина, старая помѣщица.....	

Дѣйствіе въ провинціи.

Театръ представляетъ небольшую комнату, бѣдно-меблированную. Въ глубинѣ театра дверь. Съ правой стороны окно. Налѣво комодъ и надъ нимъ зеркало. Впереди столъ; на немъ книги, бумаги, чернильница и перья. У задней стѣны шкафъ.

ЯВЛЕПІЕ I.

ВАРИНЬКА, ПОТОМЪ ОХОВЪ.

ВАРИНЬКА, стоя предъ зеркаломъ, поетъ.

«Сценическій жаръ
Сберегъ мой Макаръ!..»

Ахъ, какъ хороша эта роль! Я въ ней была бы, просто, чудо!.. Какъ бы я мило вышла!.. Вдругъ вижу Губкина... онъ поетъ:

Мужскимъ голосомъ:

«Мой Боже! Что я вижу?»

Своимъ:

«Вѣрить я боюсь глазамъ!..»

Мужскимъ:

«Я своимъ не вѣрю самъ...»

Своимъ:

«Макаръ Алексѣевичъ!»

Мужскимъ:

«Ты ль это, Аннета?»

Своимъ:

«Откуда, голубчикъ...»

(При послѣднихъ стихахъ входитъ Оховъ; Варинька бросается къ нему на шею.)

ВАРИНЬКА.

Откуда, голубчикъ?

ОХОВЪ.

Извѣстно откуда, съ репетиціи!.. А ты опять занимаешься пустяками?

ВАРИНЬКА.

Пустяками?.. Помилуй, я прохожу роль Аннеты изъ водевиля: «Студентъ, артистъ, хористъ и аффористъ».

ОХОВЪ.

А къ чему?

ВАРИНЬКА.

Я въ ней буду дебютировать.

ОХОВЪ.

Такъ ты все еще не выкинула изъ головы этого вздора?

ВАРИНЬКА.

Стыдись! Ты называешь вздоромъ такое благородное, высокое искусство... ты самъ актеръ...

ОХОВЪ.

Да, я актеръ, актеръ въ душѣ и горжусь этимъ... но чувствовать свой талантъ и играть здѣсь, въ провинціи, гдѣ тебя не понимаютъ, гдѣ твое искусство считаютъ ремесломъ... о, это ужасно!..

ВАРИНЬКА.

Мы поѣдемъ въ Москву, въ Петербургъ... тамъ насъ примутъ...

ОХОВЪ.

Давно я самъ думаю объ этомъ, Варинька... Да трудно отсюда вырваться...

ВАРИНЬКА.

Почему?

ОХОВЪ.

Потому что я запутался здѣсь въ долгахъ... Моего жалованья и бенефиса едва достаетъ на хлѣбъ... Между тѣмъ я не хочу и здѣсь уронить себя... я всегда прилично одѣтъ на сценѣ... люблю и тебя принарядить... это все чего нибудь да стоитъ... А содержатель нашего театра еще очень радъ, что я занимаю у него деньги... чрезъ это онъ удерживаетъ меня на своемъ дрянномъ театрѣ...

ВАРИНЬКА.

Отчего жъ ты не позволишь мнѣ здѣсь играть?.. Я бы тебѣ помогала... Иванъ Ивановичъ съ удовольствіемъ приметъ меня въ свою труппу... и дастъ вѣрно хорошее жалованье...

ОХОВЪ.

Я никогда на это не соглашусь.

ВАРИНЬКА.

Отчего?

ОХОВЪ.

Я не хочу вводить тебя за провинціяльныя кулисы, знакомить съ нашимъ ужаснымъ обществомъ... ты не такъ воспитана, мой другъ... ты слишкомъ скромна: тебя у насъ загрызутъ, истиранятъ, замучатъ...

ВАРИНЬКА.

Не безпокойся, я буду себя такъ вести, что вѣрно пріобрѣту у васъ общую любовь!..

ОХОВЪ.

Общую любовь? — За кулисами?.. О, какъ ты худо знаешь театръ!

Можетъ быть, любовь актеровъ
Ты заслужишь межъ кулисъ,
Но ужъ сплетней и укоровъ
Не избѣгнешь отъ актрисъ.
Будь ты ихъ во всемъ дурнѣе,
Такъ тебя лишь осмѣютъ,
Будь ихъ лучше и умнѣе —
Загрызутъ и заклюютъ!
О лѣтахъ ужъ ни полслова:
Счета нѣтъ на сценѣ лѣтъ:
Тамъ любовницей готова
Быть актриса въ сорокъ лѣтъ.
Тамъ въ заботѣ благодарность,
Этикеты и почетъ;
Тамъ съ талантами бездарность
По одной доскѣ идетъ!
Тамъ въ большомъ ходу интриги
И въ презрѣніи талантъ,
Тамъ тому и въ руки книги,
Кто на славу интригантъ!

ВАРИНЬКА.

Э, мой другъ, да въ цѣломъ свѣтѣ
Безъ интригъ не льзя прожить;
Если польза на примѣтѣ —
Интригантомъ надо быть!
Свѣтъ во всемъ примѣръ актеру!
Въ свѣтѣ часто, въ свой чередъ,
Интриганты лѣзутъ въ гору,
А талантъ въ грязи живетъ!

Пускай бранятъ меня ваши актеры: я играть буду не для нихъ, а для публики.

ОХОВЪ.

А если тебя приметъ дурно публика?

ВАРИНЬКА.

О, нѣтъ, ужъ навѣрное хорошо.

ОХОВЪ.

Развѣ ты такъ въ себѣ увѣрена?

ВАРИНЬКА.

О, чрезвычайно увѣрена!

ОХОВЪ.

А мнѣ такъ кажется, Варинька, что ты не имѣешь никакого таланта для сцены!

ВАРИНЬКА.

Боже мой, какъ ты ошибаешься!.. Я чувствую, что я талантъ... я рождена для сцены... когда я была еще маленькой, когда покойный папенька имѣлъ состояніе — я часто ѣзжала въ театръ... и ужъ тогда любила его безъ ума!.. Я читала піесы, заучивала ихъ наизусть... потомъ, когда судьба насъ забросила сюда, когда я увидала тебя, и полюбила сначала твой талантъ, потомъ уже твою душу... Я радовалась, что когда выйду за тебя за-мужъ, то наконецъ исполнятся мои желанія... Но могла ли я воображать, что ты первый будешь противъ меня!.. Ну что, кажется, мнѣ можетъ мѣшать?..

ОХОВЪ.

А твой дядя?

ВАРИНЬКА.

Что мнѣ за дѣло до него?

ОХОВЪ.

Однако жъ ты его единственная наслѣдница?

ВАРИНЬКА.

Ну, что жъ! Пускай онъ лишитъ меня наслѣдства, я обезпечу тебя своимъ талантомъ...

ОХОВЪ.

Здѣсь, въ провинціи?

ВАРИНЬКА.

О, нѣтъ, мы будемъ въ Петербургѣ... непремѣнно будемъ.

ОХОВЪ.

Но знаешь ли ты, что нужно для актрисы, чтобъ пожинать лавры, чтобъ нравиться публикѣ, что бъ заслужить похвалу журналистовъ?

ВАРИНЬКА.

Ну, что? Говори!

ОХОВЪ.

Ты часто должна играть противъ воли!

ВАРИНЬКА.

Противъ воли?.. Съ истиннымъ дарованіемъ, съ любовію къ своему искусству?..

ОХОВЪ.

Если тебѣ дадутъ роль кокетки...

ВАРИНЬКА.

Эти роли немудрены для женщины!..

ОХОВЪ.

Иная роль потребуетъ пламеннаго чувства...

ВАРИНЬКА.

Я дочь гречанки!

ОХОВЪ.

Ты должна непритворно и плакать и смѣяться...

ВАРИНЬКА.

Женщина всегда готова и плакать и смѣяться...

ОХОВЪ.

Такъ ты рѣшительно...

ВАРИНЬКА.

Герочка, душечка, позволь мнѣ дебютировать... Если тебѣ откровенно признаться, я вчера ужъ говорила съ Иваномъ Ивановичемъ... онъ хотѣлъ прислать ко мнѣ новаго своего режиссера испытать меня...

ОХОВЪ.

И не спросясь меня!.. Ахъ, какая ты вѣтреница!..

ВАРИНЬКА.

Ну, не брани меня!

ОХОВЪ.

Ты видѣла нашего режиссера?

ВАРИНЬКА.

Нѣтъ еще... Говорятъ, знаетъ свое дѣло...

ОХОВЪ.

Ужасный человѣкъ!.. Умничаетъ безъ ума, и при своемъ безобразіи волочится за всѣми актрисами!.. Конечно, если ты будешь ему отвѣчать...

ВАРИНЬКА.

А! да ты, кажется, изъ ревности не хочешь согласиться на мое желаніе?

ОХОВЪ.

Какой взоръ!.. Я только не надѣюсь на твой талантъ...

ВАРИНЬКА.

А если я тебѣ докажу противное?

ОХОВЪ.

Какимъ образомъ?

ВАРИНЬКА.

Какимъ бы ни было... Ну, если я докажу тебѣ, что у меня есть талантъ — согласишься ли ты?

ОХОВЪ.

Увидимъ!

ВАРИНЬКА.

Давай руку! Если я чрезъ часъ не докажу тебѣ этого... тогда и помину не будетъ о моей просьбѣ... Но если я докажу, тогда смотри...

ОХОВЪ.

О, тогда я соглашусь...

ВАРИНЬКА.

Только будь справедливъ...

ОХОВЪ.

Непремѣнно!

ВАРИНЬКА.

Прощай же...

ОХОВЪ.

Куда ты?..

ВАРИНЬКА.

Я сейчасъ вернусь... Сбѣгаю только на почтовый дворъ...

ОХОВЪ.

Зачѣмъ?

ВАРИНЬКА.

Ты забылъ, что къ намъ, тогои гляди, пріѣдетъ дядюшка изъ Одессы... Надобно дать адресъ новой нашей квартиры, а то ему придется насъ искать...

ОХОВЪ.

Ну, ступай... увидимъ, что-то скажетъ почтенный твой Константинъ Константиновичъ Омега, когда узнаетъ о твоемъ намѣреніи... Ужъ одно, что онъ Грекъ... Я думаю, строптивъ, капризенъ...

ВАРИНЬКА.

Я его не помню... вотъ ужъ пятнадцать лѣтъ, какъ онъ живетъ въ Одессѣ... Да что бы онъ ни говорилъ, мнѣ все равно... былъ бы ты согласенъ, а тамъ хоть трава не расти!.. Ну, прощай...

(Цалуетъ его и убѣгаетъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ОХОВЪ, ОДинъ.

Нѣтъ средствъ ее уговорить; она не постигаетъ, для какихъ тяжкихъ обязанностей посвящаетъ свою жизнь!.. Актеръ!.. Что такое актеръ!..

Его обязанности жалки,
Онъ долженъ публикою жить,
Работать часто изъ подъ палки
И маску цѣлый вѣкъ носить.
Въ душѣ нѣтъ жалости ни крошки,
А долженъ слезы проливать;
Подчасъ скребутъ на сердцѣ кошки, —
А онъ обязанъ хохотать.
На сценѣ, то друзей ругаетъ,
То унижать жену готовъ,
То вдругъ цалуетъ, обнимаетъ
И негодяевъ и враговъ;
Цѣпями къ сценѣ онъ привязанъ,
Сегодня роль позволятъ дать,
А завтра онъ уже обязанъ
Ее предъ публикой играть.
Кричатъ: да онъ не понялъ роли!
А не хотятъ и знать о томъ,
Что онъ играетъ по неволѣ
И заучилъ ее съ трудомъ!
Долби — чего и не желаетъ;
Иной напишетъ сущій вздоръ,
Когда жъ піеса погибаетъ,
Такъ виноватъ во всемъ актеръ!
То, смотришь, партія сберется
И шикать бѣдному начнетъ;
То онъ съ Зоиломъ не сойдется,
И за талантъ свой брани ждетъ!
Да, истинно актеры жалки!
Должны для публики лишь жить,
Работать часто изъ подъ палки
И маски цѣлый вѣкъ носить!

Вотъ сегодня дали мнѣ новую роль — да какую еще роль... и хотятъ, чтобъ я выучилъ ее въ два дня!.. Когда жъ я успѣю ее обдумать?.. Но дѣлать нечего, надобно учить; не то, возьмутъ штрафъ... а у меня и безъ того пять копѣйки въ карманѣ... Я еще не знаю, на что купить завтра хлѣба!.. Ужасное положеніе!..

(Вынимаетъ изъ кармана роль, перелистываетъ ее и читаетъ.)

«Она моя, ее отдайте мнѣ;
Мнѣ Богъ ее подругой создалъ,
Она моя, о, люди!.. Изъ міра цѣлаго ее одну —
И все вамъ, все вамъ остальное!..»

(Останавливаясь.)

Не знаю, у кого и попросить въ долгъ... Неужель опять прибѣгнуть къ Ивану Ивановичу?.. Этакъ я вѣкъ съ нимъ не развяжусь!.. Онъ, по милости нашей, огребаетъ деньги, а мы, несчастные... чортъ бы его взялъ!.. *(Продолжаетъ читать роль.)*

«Ты любишь
Меня! Святые ангелы! Внимайте! Вероника!

Позволь мнѣ плакать предъ тобою,
Какъ плакалъ праотецъ, изгнанникъ рая!
Но я — я не люблю тебя — нѣтъ! это слово
Выдумано человѣкомъ — потемнѣло оно...
Скажи мнѣ, какъ у васъ на небѣ говорятъ?
Да, тамъ не говорятъ!.. »

(Предъ концемъ монолога входитъ Варпинька въ костюмѣ Акулины, и начинаетъ хохотать.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ОХОВЪ, АКУЛИНА.

ОХОВЪ, увидя Акулину.

Что ты? Что такъ расхоталась?

АКУЛИНА.

Да какъ же не хохотать, родимый... видишь ты какую камедь ломаешь!..

ОХОВЪ.

Кого тебѣ нужно?

АКУЛИНА.

Какъ кого, родимый? Вѣстимо кого — хозяина.

ОХОВЪ.

Я хозяинъ...

АКУЛИНА.

Ты, родимый!.. Ну, слава Богу!.. Кажись, человѣкъ хорошій...

ОХОВЪ.

Да что тебѣ нужно?..

АКУЛИНА.

Да мнѣ, покамѣстъ, ничего еще не нужно... а вотъ какъ поживу у васъ съ мѣсяцъ, такъ попрошу деньжонокъ... Надо будетъ послать оброкъ въ деревню...

ОХОВЪ.

А!.. Тебя вѣрно папяла жена въ кухарки...

АКУЛИНА.

Вѣстимо, папяла и послала меня сюда... а то за чѣмъ бы мнѣ и идти къ вамъ?... Развѣ вотъ камедіи послушать... а ужъ я куда люблю вашу братью комедіянтовъ...

ОХОВЪ.

Ты вздоръ мелешь...

АКУЛИНА.

Какой вздоръ, родимый!.. Вонъ у насъ въ деревнѣ Андріяшка—ужъ такой комедіянтъ, что инда уморитъ... ужъ хохочешь, хохочешь... Такіе фокусы мастеритъ... такія рожи корчитъ... что и разсказать нельзя... Опъ, видишь, родимый, живалъ въ Питерѣ... былъ піатральнымъ плотникомъ, такъ насмотрѣлся на всякія штуки... А разъ онъ поразсказалъ намъ такую жалостную исторію, что душенька, родимый, изныла...

ОХОВЪ.

Что жъ за исторія?

АКУЛИНА.

Видишь ли, родимый... Какой-то арабъ... сущее бѣсово паваждепіе... женился на какой то графской дочкѣ... а дочка то эта была, что маковъ цвѣтъ, бѣла, румяна... и вѣдь полюбись ей это пугало... видно нечистый попуталъ... Вотъ, родимый, какъ она вышла за него, такъ свѣту Божьяго не взвидѣла... проклятый совсѣмъ заѣлъ голубушку... Тиранилъ, тиранилъ ее, да и задумалъ страшную думушку...

ОХОВЪ.

За что жъ тиранилъ?..

АКУЛИНА.

Да вѣстимо за что... видно изъ зависти, али съ досады, что она, голубушка, передъ нимъ была что лепь передъ ночью... Можетъ статься, и по другой какой оказіи... Андріашка, правда, и не говорилъ за что... да вѣдь оно и такъ понятно... Ну, вотъ родимый, и задумай это пугало страшную думушку... Пришелъ къ ней въ самую полночь... съ ужаснѣйшимъ пожищемъ... убью, говоритъ тебя, убью... За что жъ, говоритъ, родимый, хочешь ты сгубить мою головушку?.. Что я тебѣ сдѣлала?.. Я ли тебѣ не угождала?.. Ужъ она молилась, молилась... а онъ... ахъ, окаянный!.. Какъ пырнетъ ее ножемъ въ бокъ... такъ и повалилъ голубушку!.. *(Плачетъ.)*

ОХОВЪ.

Вотъ такъ-то и многіе попимаютъ у насъ Шекспира...

АКУЛИНА.

Шепира... да... такъ и есть... его звали Шепира!.. Ты вѣрно, родимый, видалъ эту комедію...

ОХОВЪ.

Видалъ!...

АКУЛИНА.

Жалостная... нече сказать, жалостная... Хотѣлось бы мнѣ ее посмотрѣть... ужъ хоть бы утонула въ слезахъ, а ужъ охотно бы поглядѣла.. Сведи-ка меня, родимый, въ вашъ кіатеръ...

ОХОВЪ,

Хорошо...

АКУЛИНА.

Спасибо, родимый, а ужъ я какъ буду благодарна... мнѣ хоть кофею не давай, только въ кіатеръ сведи... А еще разсказывалъ Андріашка...

ОХОВЪ.

Нѣтъ, ужъ довольно... увольте...

АКУЛИНА.

Ничего, родимый... я вѣдь не устала... разскажу еще хотъ десять исторій...

ОХОВЪ.

Мнѣ нѣкогда теперь тебя слушать... въ другое время...

АКУЛИНА.

Ну, пожалуй, хоть въ другое... только прикажи, такъ съ великимъ удовольствіемъ готова... Вотъ, какъ я жила у купца Кулькова..: такъ ужъ какъ вѣдь потѣшала дѣтей; пристанутъ: Акулинушка, голубушка, родимая... разскажи исторійку... и гостинцы-то мнѣ всѣ отдаютъ...

ОХОВЪ.

Поди въ кухню, дожись тамъ барыню...

АКАЛИНА.

Сейчасъ, родимый... ужъ какое мнѣли житье тамъ было — ай, люли! Всякій день кормили пирогами, кофеемъ раза по три въ день поили...

ОХОВЪ,

Боже мой, какая ты болтунья!...

АКАЛИНА,

Да ужъ могу похвастаться... за словомъ въ карманъ не полѣзу... А какъ я пою... словно соловей... Хочешь, спою пѣсенку...

ОХОВЪ.

Нѣтъ, не трудись, пожалуй-ста...

АКУЛИНА.

Что за трудъ, родимый... дѣло охочье... Слушай-ка... я спою тебѣ новую деревенскую...

ОХОВЪ, въ сторону.

Да это новая каторга!

АКУЛИНА.

На улицѣ мелкій дождь,
Мой милый хорошъ!
На дворѣ густой туманъ,
Мой душа румянъ!...
Сяду я къ окошечку,
Возьму въ руки кошечку,
Стану съ кошечкой играть,
Друга поджидать!...

ОХОВЪ.

Довольно, довольно!

АКУЛИНА.

Погоди, родимый, еще не вся...

ОХОВЪ.

Будетъ и этого...

АКУЛИНА

Да я не устала... (*Поетъ.*)

Обѣщалъ другъ милый мой,
Пріѣхать за мной...

ОХОВЪ.

Довольно, говорю я тебѣ!...

АКУЛИНА.

Да никакъ ты, родимый, серлишься...

ОХОВЪ.

Да!...

АКУЛИНА.

Что жъ я тебѣ сдѣлала?

ОХОВЪ.

Ты мнѣ надоѣла!... Пошла вонъ!

АКУЛИНА.

Пажалуй, я и пойду!... Вотъ еще какой привередникъ... По лицу ты мнѣ показался такимъ... да Богъ со тобой!... я и безъ тебя найду мѣсто... Вѣдь городъ-то не клиномъ сталъ...

ОХОВЪ, соскочивъ со стула.

Пошла вонъ!... Мнѣ тебя не нужно... (*Вглядываясь въ Акулину, въ сторону.*) Боже мой, да это Варинька! Ахъ, она проказница!... (*Акулинѣ.*) Ступай, голубушка, ступай...

АКУЛИНА, со слезами.

Богъ съ тобой... не думала я, родимый!... Послѣ и покаешься, да будетъ поздно... Про-

щай, родимый, не поминай лихом... Богъ съ тобой...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОХОВЪ, одинъ.

Такъ вотъ она за какія промыслы принялась!... Не дурно для перваго дебюта!... Посмотримъ, что будетъ дальше... Въ ней, конечно, есть талантъ, но этого еще недостаточно: надобно испытать ея терпѣніе:..

Ужъ актриса непремѣнно
Терпѣливой быть должна;
Безъ того не совершенна
И съ талантами она!
Если капля камень точитъ,
Смѣлость крѣпости беретъ,
Такъ артистъ ужъ, что захочетъ,
Все терпѣніемъ возьметъ!
При театрѣ эта сила
Такъ нужна для всѣхъ актрисъ,
Какъ румяна и бѣлила,
Молодежь и бенефисъ!

Боже мой, какая мысль! Безподобно, прекрасно!... Я могу испытать ея терпѣніе... если она его выдержитъ, тогда смѣло можетъ вступить на сцену!... Посмотримъ, Варвара Петровна, чѣмъ вы кончите эту комедію...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ОХОВЪ, ВАРИНЬКА.

ВАРИНЬКА.

Здравствуй, Герочка!...

ОХОВЪ.

А, здравствуй!

ВАРИНЬКА.

Я сейчасъ съ почтоваго двора...О дядюшкѣ еще ни духу, ни слуху...

ОХОВЪ, взявъ шляпу.

Прощай!...

ВАРИНЬКА.

Куда же ты?

ОХОВЪ.

Необходимое дѣло...

ВАРИНЬКА.

Я напяла дорогой кухарку, велѣла ей идти сюда... Что это ея нѣтъ?... Куда она пропала?

ОХОВЪ.

Она была здѣсь, да и се пропалъ!... Пренесносная болтунья!... Прощай!...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВАРИНЬКА, одна.

Прекрасно! Онъ меня не узналъ!... Пренесносная болтунья!... Стало быть, я съ успѣхомъ сыграла первую роль... Погодите, мой почтеннѣйшій супругъ, я вамъ докажу, что могу быть актрисой не хуже многихъ вашихъ театральныхъ героинь!... Я буду актрисой, непремѣнно буду! И какой еще: столичной, Петербургской!... Я воображаю, съ какимъ торжествомъ примутъ меня!... Театръ будетъ полонъ публики... все это ждетъ моего выхода!... Ахъ, чудо, чудо!

Ахъ, какой мнѣ пріемъ
Предстоитъ!
Лишь войду — все кругомъ
Загремитъ!
Я хочу роль начать —
Не даютъ!
И ужъ тутъ
Мнѣ придется присѣдать...

(Присѣдаетъ.)

Я присѣдаю, а мнѣ всѣ хлопаютъ... Наконецъ аплодисементы затихнутъ и я начинаю роль... между тѣмъ на меня...

Кто въ лорнетъ, кто въ очки
Всѣ глядятъ,
Молодежь, старички
Всѣ кричатъ:
Вотъ талантъ, вотъ примѣръ!
Какъ мила!...
Ла, ла, ла...
Въ восхищеньи весь партеръ!

А я... Боже мой, въ какомъ я восторгѣ!... Сначала я робѣю, но пріемъ публики меня ободритъ...: я играю съ душою, запята одной моей ролью... весь міръ мною забытъ... мнѣ аплодируютъ за каждый монологъ...

А межъ тѣмъ, межъ кулисъ,
Шумъ другой,
Зависть, толкъ у актрисъ
Межъ собой:
«Вотъ талантъ! просто смѣхъ!..»
Но придетъ
Мой чередъ —
Осмѣю и я ихъ всѣхъ!

Посмотри, говоритъ одна другой, кажется, у нея накладные волосы?... Это еще ничего, отвѣчаетъ другая, у нея одна нога короче!... Ну, словомъ, сдѣлаютъ меня и уродомъ и ничтожной актрисой, а публика все аплодируетъ; я кончаю роль, меня съ тріумфомъ вызываютъ и соперницы мои остаются съ носами!

Пусть ворчатъ, имъ въ примѣръ
Стану я!
Не онѣ, а партеръ
Мой судья!
Будь ему я мила —
Все потомъ
Ничочемъ!
Ла, ла, ла, ла, ла, ла, ла!...

(Танцуетъ и сталкивается съ Оховымъ, переодѣтымъ въ костюмъ Омеги.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ОМЕГА И ВАРИНЬКА.

ОМЕГА.

Тисе, тисе, пужалусте... ви съ ума сосли?

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Это что за человѣкъ?... (*Омегѣ.*) Что вамъ угодно?...

ОМЕГА.

Сто вамъ угодно?... Мнѣ угодно? А ви кто?

ВАРИНЬКА.

Страшный вопросъ!... Скорѣе я должна васъ спросить объ этомъ?...

ОМЕГА.

А! Вамъ угодно знать, кто я?... Я, милостивая сударыня, такой человѣкъ, такой честный человѣкъ, какой мало во всей Россіи... Еслибъ вы зили въ Одессѣ и спросили Константино Константиновичъ Омега...

ВАРИНЬКА.

Дядюшка!... Боже мой, это вы!...

ОМЕГА.

Да, дядюска, это я!... а ви... а ти, стало, моя племянница?...

ВАРИНЬКА, бросается ему на шею.

Дядюшка, милый дядюшка!... Скажите!... Я васъ не узнала!...

ОМЕГА

Да, да... очень прекрасно!... только пятнадцать лѣтъ не видаться и не узнать...

ВАРИНЬКА.

Меня можно извинить, дядюшка, вѣдь я осталась послѣ отъѣзда вашего по четвертому году!...

ОМЕГА.

По четвертому году!... Гм! Бездѣлица! И на четвертомъ годѣ усъ умѣлъ читать книги и викладывалъ на сцетахъ тисяци!...

ВАРИНЬКА.

Ну, извините меня, дядюшка... что дѣлать, у меня память дурная... Боже мой! Сколько перемѣнъ произошло во время вашего отъѣзда... И папенька и маменька скончались...

ОМЕГА.

И оцень прекрасно сдѣлали... они не умѣли копить деньга... а безъ деньга сто зить!... Но вотъ ти... ти такихъ проказъ надѣлала, сто тебѣ не будетъ прощенія и на томъ свѣтѣ!

ВАРИНЬКА.

Помилуйте, дядюшка, что я сдѣлала дурнаго?

ОМЕГА.

Сто? Сто сдѣлала дурнаго? Сто сдѣлала? Первое: безъ посволенія дяди, цестнаго дяди, висла замусъ... второе, если бъ висла замужъ за цестнаго цеповѣка, за цестнаго Грека, или по крайности за русскаго мы... чиновника или купца...

ВАРИНЬКА.

Да развѣ мой мужъ безчестный человѣкъ?

ОМЕГА.

Хузе!... Актеръ!... Комидіантъ!...

ВАРИНЬКА.

Дядюшка! Вы меня обижаете! Онъ мой мужъ, имѣетъ талантъ...

ОМЕГА.

И пи гроса деньга!

ВАРИНЬКА,

Мы не умремъ съ голода!...

ОМЕГА.

Умрете-съ!... Непремѣнно умрете-съ!... Ви думаете, сто у васъ богатый дядя, сто онъ вамъ помозетъ, сто онъ вамъ отказетъ свой капиталъ... Нѣтъ, извините!... Дядя васъ честный человѣкъ... но не богацъ, а если у него и есть не большіе деньзонки, такъ онъ честно ихъ называлъ и оставитъ ихъ честнымъ людямъ, а не комедіантамъ и актерамъ...

ВАРИНЬКА.

Дядюшка! Неужели вы думаете...

ОМЕГА.

Все думаю-съ! Все думаю-съ!... Но, пузалусте, слусай!... изъ любви къ покойной моей сестрицѣ, которая была честная Грецанка, я сдѣлаю тебя моей наслѣдницей, только пузалусте ты отказись отъ муза?

ВАРИНЬКА.

Мнѣ отказаться отъ мужа?

ОМЕГА.

Сто-съ тутъ удивительнаго!... Для деньга висё мозно!

ВАРИНЬКА.

Можетъ быть, для васъ, дядюшка?

ОМЕГА.

Да, для мене-съ! Ну, да! для меня съ!...

Для деньга честный Грекъ
Всѣмъ зертвовать обязанъ,
Онъ съ ними сцастьемъ связанъ
Какъ всякій человѣкъ!
Охъ, охъ!
Безъ деньга въ свѣтѣ худо!
Безъ нихъ еще покуда
Никто прозить не могъ!

Умъ, слова и процентъ
Не въ людяхъ, не въ книзонкахъ, —
Въ одних, въ одних деньзонкахъ
Ихъ человѣкъ найдетъ!
Охъ, охъ!
Бѣда кто ихъ не любитъ!
Бѣда кто деньга губитъ,
Дастъ не подъ закладъ!

Прислалъ намъ тяскій годъ
Отъ денезныхъ клієнтовъ,
Ни долга, ни процентовъ
Никто не отдаетъ!
Охъ, охъ!
Теперь усъ много, много,
Когда намъ кромѣ долга
Сто на сто дастъ залогъ!

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Боже мой, какія правила!...

ОМЕГА.

Ну, пузалуйсте... слусай!... Когда усъ ти любисъ такъ своего комедіанта, такъ это дѣло сдѣлаю я... такъ и быть. Я прощу тебя, лазе помирюсь съ твоимъ муземъ, если онъ честный человѣкъ...

ВАРИНЬКА.

О, пречестнѣйшій!...

ОМЕГА.

Но, только съ уговоромъ... у меня теперь много винныхъ откуповъ!... Куда какъ мало сталъ пить народъ!.. Въ здѣшней губерніи у меня есть нѣсколько пасевъ... я пріѣхалъ сюда для тебя, э, по дѣламъ... мнѣ нузно повѣренный... Хоцесь ли, я дамъ мѣсто музу?

ВАРИНЬКА.

Моему мужу?... Да ему нѣкогда, дядюшка, онъ такъ занятъ!...

ОМЕГА.

А ви думаетъ, сто я оставлю его при театрѣ?... Да я и знать не хочу комедіантовъ... я только тогда сойдусъ съ нимъ, когда онъ броситъ свое проклятое ремесло и будетъ называть капиталъ...

ВАРИНЬКА.

Онъ никогда на это не рѣшится...

ОМЕГА.

Вздоръ, если онъ не глупъ, такъ рѣшится... Я дамъ ему залованья сесть тисяцъ... слисись, сесть тисяцъ!... а?

ВАРИНЬКА.

Это все пустяки для него...

ОМЕГА.

Пустяки! Сесть тисячь пустяки?... Пузалусте, дай мнѣ сесть тисяцъ, я съ радостью возьму!... Но если онъ дуракъ, глупъ, такъ ти для своего спастія уговори его...

ВАРИНЬКА.

Никогда, дядюшка, не рѣшусь я отвлекать моего мужа отъ благороднаго его искусства, и не только не буду отговаривать его, но сама еще поступлю на сцену!...

ОМЕГА.

Ти! ти будешь актрисой!... Ти, дочь моей сестрицы? да я, да я... Пузалусте, гляди, вотъ тутъ у меня въ карманѣ двѣ тысяци, я хотѣлъ ихъ подарить тебѣ...

ВАРИНЬКА.

Мнѣ не нужны ваши подарки?...

ОМЕГА.

Двѣ тысяци? — Не нузно... такъ сидите-зе вѣкъ голодомъ!... Я тебя лису наслѣдства?

ВАРИНЬКА.

Какъ угодно!

ОМЕГА.

Какъ угодно? И тебѣ все равно?

ВАРИНЬКА.

Все равно!...

ОМЕГА.

Да ти подумала ли?...

ВАРИНЬКА.

Все обдумала!

ОМЕГА.

Я и знать васъ не хоцу послѣ этого... Смотри, не кайся послѣ, будетъ поздно... Я хоть цеповѣкъ цестный, по узъ сто сказу, такъ не отступлю во вѣкъ отъ слова.

ВАРИНЬКА.

Я никогда не буду каяться...

ОМЕГА.

Не хоцу васъ и знать?... Умирайте-съ хоть сейцасъ съ голода, не помогу вамъ!... И наслѣдства васъ лису!... слышешь! прощай, прощай!. . и знать васъ не хоцу!... актеръ! актриса! . . . дочь цестной Грепанки! . . . О, страмъ!... и деньга не хоцетъ!... Фуи. дрешь!... Фуй!...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВАРИНЬКА, одна.

Богъ съ вами, дядюшка, и не жалѣю о деньгахъ вашихъ; мнѣ только больно, что вы лишаете меня единственнаго родственника... но, Боже мой, что это за родственникъ... У него всѣ чувства заняты однѣми деньгами!... О чемъ горевать!... Въ двоемъ съ Герочкой, я буду счастливѣе... только бы онъ согласился исполнить мое желаніе... Однако жъ дебюты мои еще не кончены... Въ чемъ бы мнѣ теперь къ нему явиться... давича я заняла костюмъ у Авдотьи... а теперь... ахъ, какъ кстати... у меня здѣсь капотъ, шляпка и чепчикъ Анны Петровны... и ихъ перешивала для нея на новый ладъ...(*Бѣжитъ къ шкафу, вынимаетъ капотъ, шляпку и чепчикъ, и надѣваетъ на себя.*) Герочка ихъ не видалъ, потому-что я работаю тихонько отъ него... одинъ его жалованьемъ жить трудно... вотъ такъ... (*смотритъ въ зеркало.*) Какъбы мнѣ измѣнить лицо!... А! вотъ здѣсь въ коробочкѣ все есть... (*Беретъ со стола коробочку и вынимаетъ прежде обожженую пробку, потомъ румяна.*) Насурмлю брови... какъ можно больше... вотъ такъ... нарумянюсь... безподобно!... Теперь я деревенская барыня... хоть Марья Архиповна Гуслина... Въ нашей губерніи много оригинальныхъ помѣщицъ... Да, еще нужепъ вѣеръ... теперь жаркое время... сдѣлаю хоть изъ бумаги... (*Беретъ со стола бумаги и дѣлаетъ вѣеръ.*) Теперь милости просимъ, Герасимъ Васильичъ...(*Дѣлаетъ реверансъ.*)Кажется, идетъ. (*Садится въ крѣсла и беретъ въ руки одну изъ ролей.*)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ГУСЛИНА и ОХОВЪ.

ОХОВЪ, входя въ среднюю дверь, въ сторону.

Посмотримъ, что она мнѣ скажетъ?... (*Увидя Гуслину.*) Это кто?... (*Подходя къ ней.*) Позвольте узнать...

ГУСЛИНА.

Ахъ, мой Боже, извините... я такъ занялась чтеніемъ... такая очаровательная много тонность... навѣрное имѣю честь говорить съ Герасимомъ Васильевичемъ Оховымъ?

ОХОВЪ.

Точто такъ...

ГУСЛИНА.

Съ перломъ нашего театра искусствъ...

ОХОВЪ.

Помилуйте!...

ГУСЛИНА.

Съ героемъ драматической образованности...

ОХОВЪ, въ сторону.

Что за гиль!...

ГУСЛИНА.

Если бъ вашъ прононсъ, то есть, не вашъ голосъ, я ни какъ бы не узнала въ васъ нашего индуальнаго артиста... на сценѣ ваша физическая наружность чрезвычайно обманьчива... тамъ вы безподобны, но въ комнатѣ вы очаровательны для лицезрѣнія...

ОХОВЪ.

Что̀ вамъ угодно?...

ГУСЛИНА.

Ахъ, вы меня извините!... Я пріѣхала къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой.

ОХОВЪ.

Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?...

ГУСЛИНА.

Здѣшняя помѣщица... Марья Архиповна Гуслина... мой титулъ: вдова, гвардейская штабсъ-капитанша... селеніе мое въ семи верстахъ отъ города... я владѣтельница трехъсотъ душъ... мои праотцы...

ОХОВЪ.

Что̀ жъ вы прикажете?...

ГУСЛИНА.

Ахъ, если бъ вы знали, какъ я очарована драматической поэзіей... У меня есть племянница... мы съ утра до ночи занимаемся чтеніемъ... театральныхъ геніальностей, заучиваемъ наизусть трагическія произведенія и исполняемъ вдвоемъ обязанности служителей очаровательной декламаціи!

ОХОВЪ.

Чего жъ вы отъ меня хотите?

ГУСЛИНА.

У насъ устраивается театральное искусство... сосѣдъ мой Климъ Ѳомичъ Суслиновъ также прелестный драматистъ... и въ совершенствѣ знаетъ декораціонное художество... мы хотимъ представить злополучнаго Эдипа въ Аѳинахъ!

ОХОВЪ.

Втроемъ?

ГУСЛИНА.

Нѣтъ-съ, вдвоемъ... Климъ Ѳомичъ и я... онъ будетъ играть Антигону, а я Эдипа...

ОХОВЪ.

Вы Эдипа?

ГУСЛИНА.

Ахъ, что я!... Онъ будетъ играть лицепигаго зрѣнія Эдипа, а я очаровательную Антигону!...

ОХОВЪ.

Антигону? Вы?

ГУСЛИНА.

Да!

Всѣ говорятъ, что я сходна
Лицомъ и нравомъ съ Антигоной!

ОХОВЪ, въ сторону.

Скорѣй сходна во всемъ она
Не съ Антигоной, а съ Матреной!

ГУСЛИНА.

А Климъ Ѳомичъ ужъ по всему
Быть долженъ истиннымъ Эдипомъ!

ОХОВЪ, въ сторону.

Она Матрена, такъ ему
Приличнѣе ужъ быть Антипомъ!...

(Гуслиной.) Что жъ вы сдѣлаете съ прочими ролями?

ГУСЛИНА.

Мы ихъ предадимъ уничтоженію...

ОХОВЪ.

А! Да?... безподобно...

ГУСЛИНА.

Не правда ли?... Я увѣрена была, что вы согласитесь совершенно съ моими идеями... Я бы могла набрать и другихъ дѣйствующихъ персонажей; но думаю, зачѣмъ окружать два идеальные таланта непатуральными существами...

ОХОВЪ.

Прекрасно! Прекрасно!... Такъ что̀ жъ вамъ отъ меня угодно?

ГУСЛИНА.

Ахъ, я пріѣхала къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой... принять благотворительное ваше участіе въ нашемъ торжествѣ... быть наставительнымъ ментором нашимъ...

ОХОВЪ.

Вы хотите, чтобъ я васъ училъ?...

ГУСЛИНА.

Ахъ, да-съ... вы такъ очаровательны на спектакельномъ нашемъ поприщѣ... не откажитесь...

ОХОВЪ.

Извините меня, сударыня, я такъ занятъ...

ГУСЛИНА.

Ахъ, неужели вы лишите насъ своего лѣстнѣйшаго присутствія?... Я прислала бы за вами линейку... сама бы прилетѣла за вами, чтобъ усыпать селиверстный вашъ путь цвѣтами краснорѣчивыхъ разговоровъ!...

ОХОВЪ.

Помилуйте, зачѣмъ вамъ безпокоиться... Клянусь вамъ, не могу...

ГУСЛИНА.

Нѣтъ, ужъ какъ угодно... по позвольте... я вамъ прочту декламаціонно хоть начало...

«Постой, дочь нѣжная...»

ОХОВЪ.

Но это не ваша роль...

ГУСЛИНА.

Все равно... я передамъ Климу Ѳомичу ваши декламаторскія наставленія...

ОХОВЪ.

Сдѣлайте милость, увольте меня... право мнѣ нѣкогда... мнѣ нужно учить свою роль!..

ГУСЛИНА.

Ахъ, Боже мой... да займитесь при мнѣ вашимъ занимательнымъ изученіемъ... я съ восхитительнымъ упоеньемъ готова присутствовать при вашихъ занятіяхъ...

ОХОВЪ, въ сторону.

Нѣтъ средства отъ нея отдѣлаться... *(Вслухъ.)* Позвольте... если угодно, я могу вамъ доставить прекраснаго учителя... нашего режиссера...

ГУСЛИНА.

Но почему же не хотите вы, свѣтило нашего театра искусствъ!

ОХОВЪ.

Боже мой, я ужъ вамъ сказалъ, я не имѣю времени!...

ГУСЛИНА.

Да вы никакъ сердитесь... вы, красота...

ОХОВЪ.

Извините... мнѣ надо итти... я къ вамъ пришлю нашего режиссера... Не угодно ли вамъ посидѣть здѣсь... съ моей женой... Варинька!

ГУСЛИНА, забывшись.

Что?... *(Опомнясь, въ сторону.)* Ахъ, Боже мой!...

ОХОВЪ, въ сторону.

Это она!... Браво!... Не дурно!... Еще одно испытаніе... и тогда... *(Вслухъ.)* Я сейчасъ позову мою жену...

(Уходитъ въ среднюю дверь.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ВАРИНЬКА, одна.

Какъ я проболталась!... Чуть онъ меня не поймалъ!... Но, кажется, ему и не въ догадъ!... Я опять его вывела изъ терпѣнія!.. Ахъ, какъ я довольна!... Скорѣй, долой этотъ костюмъ!.. *(Снимаетъ капоть, чепчикъ и шляпку.)* Онъ приведетъ режиссера... и очень кстати... этимъ должно кончиться мое испытаніе... *(Смотрясь въ зеркало.)* Боже мой! я совсѣмъ забыла вытереть лицо... *(Вынимаетъ изъ комода полотенце и вытираетъ брови и щеки.)* Вотъ я и опять Варинька!... Что жъ бы мнѣ приготовить? Какую роль?... А! Изъ «Угомино»!... Вотъ здѣсь кстати книга... эту піесу теперь ставятъ на нашемъ театрѣ, и вообразите: роль Вероники отдана г-жѣ Щетининой, сорокалѣтней дѣвушкѣ, картавой, косой и бездушной!... И каково жъ будетъ моему милому супругу играть съ такимъ прекраснымъ существомъ... какъ будетъ интересно, когда онъ скажетъ:

Нѣтъ, не видалъ въ моей я жизни
Такихъ блестящихъ глазъ, какъ звѣзды неба,
И не слыхалъ рѣчей столь милыхъ...

А вѣдь часто случаются такія исторіи на сценѣ... И еще винятъ артистовъ, что они холодны... да какого же играть съ уродомъ, помилуйте! Публика этого не видитъ, театральные секреты для нея закрыты... она не рѣдко бранитъ невиннаго и восхищается ничтожествомъ, особенно въ актрисахъ!

Актрисѣ стоитъ набѣлиться,
На щеки наложить румянъ,
Да по картинкѣ нарядиться,
Такъ всѣхъ введетъ она въ обманъ!
Иную, въ первый разъ встрѣчая,
Вблизи никто бъ узнать не могъ. . .
На сценѣ розанчикъ иная,
Вблизи точь въ точь—чертополохъ!...

Идутъ!... Ахъ, что-то будетъ!... Хорошо, что я знаю роль Вероники!...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ВАРИНЬКА и ОХОВЪ, въ костюмѣ СУРКОВА.

СУРКОВЪ, входя.

Конечно, опо... я имѣю удовольствіе говорить съ супругой Герасима Васильича...

ВАРИНЬКА.

Точно такъ!

СУРКОВЪ.

Имѣю честь рекомендоваться... опо... режиссеръ здѣшняго театра, Сергѣй Иванычъ Сурковъ!...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, Сергѣй Иванычъ!.. Какое вы намъ сдѣлали удовольствіе!... Прошу покорно садиться... а мужъ мой?...

СУРКОВЪ.

Онъ сейчасъ будетъ... онъ сказалъ мнѣ, оно... что здѣсь какая-то барыня... опо... желала меня видѣть...

ВАРИНЬКА.

Она ужъ уѣхала!...

СУРКОВЪ.

Уѣхала?... Ну, опо... и прекрасно... я слышалъ, сударыня, оно... вы желаете, опо... опредѣлиться къ намъ?...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, очень желаю!...

СУРКОВЪ.

Мнѣ говорилъ, опо... содержатель нашего театра... и супругъ вашъ, опо... просилъ испытать васъ и дать вамъ наставленія...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, сдѣлайте одолженіе!...

СУРКОВЪ.

Извольте-съ, извольте-съ... я люблю, оно... приготовлять актрисъ... особенно, опо... такихъ, какъ вы... опо... хороши, статны... замѣчательныя средства, опо!..

ВАРИНЬКА.

Прослушайте же, пожалуйста, меня...

СУРКОВЪ.

Охотно-съ... что жъ вы, опо... намѣреваетесь взять для перваго дебюта?..

ВАРИНЬКА.

Я думаю, Веронику изъ Уголино!...

СУРКОВЪ.

А! Да-съ!... Роль безподобная... опо... драма-съ отличная... только, жаль, въ новомъ вкусѣ!.. Позвольте же узнать... декламація ваша къ какой школѣ принадлежитъ? То есть, опо... къ старой или новѣйшей?

ВАРИНЬКА.

Къ новѣйшей!

СУРКОВЪ.

А, къ новѣйшей!... Опо, видите... если разобрать... такъ старая гораздо превосходнѣе... напримѣръ... хоть опо... начало изъ Димитрія Донскаго... какъ вы скажете по нынѣшнему?... Неужели опо: *(Говоря обыкновеннымъ тономъ.)*

Россійскіе князья, бояре, воеводы?
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы.

Вѣдь смѣшно, опо... не правда ли?...

ВАРИНЬКА.

Да, правда!..

СУРКОВЪ.

Ну, а какая разница, когда опо... я сяду героемъ... и начну такъ... *(Читая съ эффектомъ.)*

Россійскіе князья, бояре, воеводы,
Прешедшіе чрезъ Донъ отыскивать свободы!

А! каково, опо?...

ВАРИНЬКА.

Но Уголино не такая трагедія... въ ней нужны натура, чувство...

СУРКОВЪ.

Справедливо, опо... справедливо... а жаль, что у насъ перестали писать героическія трагедіи!.. Какая разница, опо... тамъ все герои, а тутъ... опо... и мужики, и пастухи... и роли-то опо, читай по мужицки... ну, да хорошо, опо... такъ вы принадлежите къ новѣйшей школѣ... и попаторѣли таки опо... и

въ этой школѣ... позвольте же... оно... у васъ есть роль?...

ВАРИНЬКА.

А вотъ здѣсь вся піеса!... *(Беретъ со стола книгу и подаетъ Суркову.)*

СУРКОВЪ.

Ну, и безподобно!... Что жъ бы намъ пройдти... оно?...

ВАРИНЬКА.

А вотъ хоть изъ втораго дѣйствія сцену съ Нино...

СУРКОВЪ.

Очень хорошо-съ... извольте же, оно ..

(Сурковъ садится въ кресла; Варинька становится посрединѣ и начинаетъ декламировать.)

ВАРИНЬКА.

«Нино! Спаси меня!...
Ни людей, ни свѣта я не знаю;
Но тебя я знаю такъ давно?...»

СУРКОВЪ, вставая.

Извольте, немножко не такъ... оно...

«Нино! спаси меня!...

Тутъ надобно, оно... чтобъ голосъ вашъ дрожалъ... Вероника говоритъ: «спаси», такъ стало она въ опасности и страхѣ... а при подобныхъ случаяхъ всегда дрожитъ голосъ!...

«Нино! спаси меня!....»

Слышите!

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Какъ скверно!...

СУРКОВЪ.

«Ни людей... покажите оно... на людей...

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Да со мной одинъ Нино...

СУРКОВЪ.

Нужды нѣтъ... оно... покажите на Нино... правда, онъ одинъ, такъ это человѣкъ а не люди... да вотъ, оно, покажите на публику...

«Ни людей, ни свѣта я не знаю...»

При словѣ: «свѣта», махните кругомъ рукою... это означаетъ свѣтъ... «но тебя!...» вотъ ужъ, оно... это прямо на него...

«Но тебя я знаю такъ давно.»

ВАРИНЬКА.

Помилуйте, да это не-натурально!...

СУРКОВЪ.

Извините-съ! Чистая натура!

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Боже мой! Да онъ ничего не смыслитъ? *(Въ-слухъ.)* Позвольте мнѣ продолжать... только, пожалуйста, не перебивайте... на каждомъ словѣ...

«Когда услышала я голосъ твой —
Онъ былъ родной, знакомый сердцу моему.»

СУРКОВЪ.

Руку къ сердцу!...

ВАРИНЬКА.

«Когда я встрѣтила твой взоръ горящій!»

СУРКОВЪ.

Какіе, оно... хорошенькіе глазенки?...

ВАРИНЬКА.

«Онъ былъ звѣздою счастья моего!...
Ты мнѣ родной, ты братъ мнѣ...»

СУРКОВЪ, вскакивая, начинаетъ декламировать.

Твой супругъ!...
Насъ сочетали тайныя судьбы —
Не разорвать союзъ нашъ человѣку?...»

(Схватываетъ ее за руку.)

Какая пухленькая ручка!...

ВАРИНЬКА.

Помилуйте, зачѣмъ же вы меня берете за руку?...

СУРКОВЪ, взявъ ее снова за руку.

Оно необходимо!... *(Смотритъ въ книгу.)*

ВАРИНЬКА, въ сторону.

Боже мой!... Кольцо моего мужа!... Это онъ!... А! Хорошо же...

СУРКОВЪ.

Видите, оно...

«Не разорвать союзъ нашъ человѣку.»

Союзъ! Это значитъ, оно... мы соединены... а соединяютъ обыкновенно руками... и даже, оно... при этомъ случаѣ нужно поцаловать вашу руку...

ВАРИНЬКА.

А! хорошо!...

СУРКОВЪ, цалуя ей руку, въ сторону.

Это что значитъ?...

ВАРИНЬКА.

Повторите-ка еще....

СУРКОВЪ.

Еще?...

«Не разорвать союзъ нашъ человѣку!...»

(Схватываетъ ее за руку и цалуетъ; въ сторону.)

Каково! Она жметъ мнѣ руку!...

ВАРИНЬКА.

Прекрасно! Прекрасно!... Позвольте... не лучше ли намъ начать сцену изъ 3-го дѣйствія?...

СУРКОВЪ.

Изъ 3-го?.. Да, оно лучше...

ВАРИНЬКА, роясь въ книгѣ.

Вотъ... я въ крестьянскомъ одѣяніи... вы плетете корзинку... я вхожу... «Я принесла тебѣ завтракъ, милый Нино!... Извини: не мастерская работа, но я сама пекла этотъ хлѣбъ, мой милый другъ!»

СУРКОВЪ.

«А я кончилъ мою работу, и жду твоего поцѣлуя. Посмотри — вѣдь и это не мастерская работа, но я самъ плелъ эту корзинку!»

ВАРИНЬКА.

«Какая миленькая! А! Ты заслужилъ поцалуй!...»

СУРКОВЪ.

Тутъ, оно... написано: цалуетъ его...

ВАРИНЬКА.

Неужели нужно цаловаться...

СУРКОВЪ,

Непремѣнно, оно...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, какъ это совѣстно!...

СУРКОВЪ.

Помилуйте, какъ же вы хотите быть актрисой?...

ВАРИНЬКА.

Да неужели и теперь?...

СУРКОВЪ.

Всенепремѣнно...

ВАРИНЬКА.

Но, вѣдь это можно сдѣлать фальшивымъ образомъ... «А! ты заслужилъ поцалуй!...» *(Цалуетъ его.)*

СУРКОВЪ, въ сторону.

Нѣтъ, ужъ это не фальшивымъ...

ВАРИНЬКА.

Ну, дальше...

СУРКОВЪ.

Нѣтъ, ужъ довольно...

ВАРИНЬКА.

Это что̀ значитъ?

СУРКОВЪ.

А то — что вы не годитесь для театра?... Вы дурно декламируете.... У васъ нѣтъ жестовъ...

ВАРИНЬКА.

А если гожусь?...

СУРКОВЪ.

Нѣтъ...

ВАРИНЬКА.

Вы сердитесь?... *(Хохочетъ.)*

СУРКОВЪ.

Чему жъ вы расхохотались...

ВАРИНЬКА.

Ахъ, ты актеръ, актеръ!...

СУРКОВЪ.

Это что̀?

ВАРИНЬКА.

Ты думаешь — я тебя не узнала? Сними свой парикъ, тебѣ жарко!...

ОХОВЪ, снимая парикъ.

Варинька! Такъ ты нарочно...

ВАРИНЬКА.

Разумѣется, нарочно! Ну, предпочту ли я кого нибудь тебѣ?... Вотъ и видно, что ты не хочешь изъ ревности...

ОХОВЪ.

Какіе пустяки!

ВАРИНЬКА.

И еще актеръ — а ужъ третій разъ сегодня я вывела тебя изъ терпѣнія... Послѣ этого, неужели я не актриса?... Акулина и Гуслина...

ОХОВЪ.

Была ты... я это знаю!...

ВАРИНЬКА.

Ты меня узналъ?...

ОХОВЪ.

Теперь я сознаюсь, въ тебѣ есть талантъ... но что скажетъ дядя?

ВАРИНЬКА.

Онъ былъ здѣсь — я съ нимъ на-всегда разсорилась...

ОХОВЪ.

А знаешь ли, кто это былъ?

ВАРИНЬКА.

Кто?

ОХОВЪ.

Я!...

ВАРИНЬКА.

Ты!... О, сознаюсь... теперь и я скажу: ты талантъ!...

ОХОВЪ.

Вотъ тебѣ письмо... дядя твой умеръ...

ВАРИНЬКА.

Умеръ?

ОХОВЪ.

Не сдѣлавъ никакой духовной!... Его пришибъ внезапно параличъ... ты его наслѣдница!

ВАРИНЬКА.

Неужели?

ОХОВЪ.

Теперь мы ѣдемъ въ Петербургъ — и тамъ ты начнешь свои дебюты!...

ВАРИНЬКА, бросаясь въ его объятія.

Герочка! Милый Герочка!

ОХОВЪ И ВАРИНЬКА, вмѣстѣ.

Скорѣе, въ Петербургъ, на сцену!
Здѣсь ты съ талантомъ пропадешь!
Въ столицѣ лишь прямую цѣну
И славу ты пріобрѣтешь!

ВАРИНЬКА.

Теперь мы съ просьбой къ вамъ,
Чтобъ на прощанье къ намъ
Поснисходительнѣй вы были,
И чтобъ на этотъ разъ
И автора и насъ
За новые грѣхи простили!
Предъ вами рады мы стараться,
И не жалѣя силъ своихъ,
Готовы даже къ вамъ являться
Всегда вдвоемъ за шестерыхъ!

И МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ТЕАТРѢ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

1812-й годъ. — Заграничные нѣмецкіе театры. — Pièces d'occasion. — Русскій театръ. *Народныя и патріотическія представленія.* Князь Шаховской. — Блистательный періодъ русскаго театра. Трагедія и Комедія: *К. С. Семенова, М. И. Валберхова, Яковлевъ*; Театральное Училище. *Я. Г. Брянскій, Борецкій.* Смерть *Рыкалова, Боброва, И. И. Сосницкій, А. М. Колосова (Каратыгина), А. Е. Асенкова, Рамазанова, Величкина, В. А. Каратыгинъ.* — Драматическіе авторы: *Лобановъ, Кн. Шаховской, Хмельницкій, Грибоѣдовъ, Катенинъ*, и пр. Опера: *В. М. Самойловъ, Климовскій (Кванцкій), Самойлова, Сандунова, И. С. Семенова, Е. Я. Сосницкая, Злоевъ.*—Постановка оперъ.—Балетъ: *Дидло, Новицкая, Истомина*; Машинистъ *Тибо, Анхутина, Огюстъ, Колосова, Шемаевъ.* Возобновленіе французской труппы. Нѣмецкая труппа. Общія замѣчанія.

Съ послѣднимъ выстрѣломъ на высотахъ Монмартра окончилась великая Европейская драма, продолжавшаяся два года. Развязка была великолѣпная, неожиданная; никто бы не могъ ее и вообразить себѣ за два года предъ тѣмъ, когда въ мартѣ 1812 года Наполеонъ жилъ въ Дрезденѣ, окруженный вѣнценосцами всей почти Европы.—Чудное время! Непостижимый переворотъ судьбы! — Намъ, мелкимъ соучастникамъ въ этой великой драмѣ, казалось тогда, что дѣла и не могли иначе идти; а теперь, чѣмъ болѣе сія эпоха отдаляется, тѣмъ все событіе становится баснословнѣе.

Но вѣдь я пишу театральныя воспоминанія, а не военныя: такъ обратимся же къ первымъ. — Въ предъидущей статьѣ не говорилъ я ни слова о нѣмецкомъ театрѣ, и причиною этому было то, что я, посѣщая всякій день русскіе и французскіе спектакли, ни разу не былъ въ нѣмецкомъ. Отчего происходило это равнодушіе — не знаю; только первыя впечатлѣнія и понятія о нѣмецкомъ театрѣ получилъ я въ Германіи во время похода. — Конечно, въ то время некогда было вникать въ оттѣнки нѣмецкой сценики и классифицировать достоинства артистовъ. Вся Европа была въ какомъ-то чаду отъ событій, столь чудно-совершившихся въ глазахъ нашихъ. Спектакли были болѣе случайные, аналогическіе, аллегорическіе, торжественные. — Помню только, что не смотря на все самолюбіе *Русскаго,* пришедшаго къ добрымъ Нѣмцамъ въ видѣ побѣдителя, мнѣ не понравилась первая аллегорическая піеса, которую я видѣлъ въ Кёнигсбергѣ. Это было сочиненіе знаменитаго Коцебу: *Der Fluss Gott Niemen und noch Iemand.* Это было не что иное, какъ разговоръ между рѣкою Неманомъ и Наполеономъ, во время его отступленія изъ Россіи. Актеръ, игравшій *Iemand*, нарочно костюмировался такимъ образомъ, чтобъ зритель тотчасъ же догадался, что это самъ Наполеонъ,—и признаюсь, мнѣ было грустно видѣть, что великаго полководца и вѣнце-

носца, какимъ признала его тогда вся Европа, какой то нѣмецкій актеръ превращалъ въ жалкую, смѣшную карикатуру. Разгаръ народныхъ страстей былъ, конечно, тогда доведенъ до высочайшей степени. Ненависть къ порабощителю всей Западной Европы закипѣла тогда бурнымъ моремъ, при видѣ побѣдоносныхъ русскихъ знаменъ, развѣвавшихся посреди Германіи. Но все такое величіе лица заслуживало уваженіе. Можно было патріотическими піесами помогать всеобщему воспламенѣнію умовъ въ Германіи; но Коцебу былъ не правъ, выведя Наполеона въ такомъ видѣ. Объ актерѣ, представлявшемъ его, и говорить нечего. Онъ полагалъ, что надобно смѣшить—и смѣшилъ.

За то вторая нѣмецкая піеса, которую я видѣлъ, помирила меня съ нѣмецкимъ театромъ. Это была комедія Die deutche Hausfrau. Простая, семейственная картина, обыкновенное, домашнее происшествіе, со всѣми подробностями внутренняго нѣмецкаго быта, — и больше ничего. Но какъ естественно, мило! Я видѣлъ уже не актеровъ, которыхъ странная дикція и жестикуляція всегда натянуты, а добрыхъ Нѣмцевъ, въ домашнемъ ихъ кругу. Вотъ единственный родъ піесъ, въ которыхъ Нѣмцы отлично-хороши. Выйдя изъ этой черты, они же дѣлаются неестественными.

Болѣе всѣхъ понравился мнѣ актеръ *Аншюцъ;* черезъ годъ потомъ я его видѣлъ въ Данцигѣ, и снова восхищался его талантомъ; но все, однако же, въ піесахъ Иффланда и Коцебу. Только въ Германіи можно вполнѣ оцѣнить піесы Иффланда. Никто еще не списывалъ такъ вѣрно своихъ соотечественниковъ, какъ онъ. Оттого никто такъ и не сыграетъ піесъ его, какъ нѣмецкіе актеры; притомъ же Иффландъ хорошо зналъ сцену и тайны человѣческаго сердца. Его драматическій интересъ всегда вѣренъ, потому-что проистекаетъ изъ самыхъ событій, а не отъ набора пышныхъ словъ. Его *Игрокъ, Охотники, Старые холостяки, Вязальныя иголки,* превосходныя драмы, которыхъ достоинство паиболѣе чувствуешь, побывавъ въ Германіи и приглядясь къ домашнему быту Нѣмцевъ.

Въ Берлинѣ видѣлъ я тогда *большую оперу;* но она произвела на меня невыгодное впечатлѣніе. Послѣ *Весталки,* которою я каждую субботу восхищался въ Петербургѣ, слыша Бертень, Меса, Леблана и Буржуа, мнѣ вовсе не интересно было смотрѣть на Нѣмцевъ. Все показалось натянутымъ, слабымъ. Декораціи, разумѣется, хуже Гонзаго и Корсини, танцы бѣднѣе.— За то оперы: *Титово Милосердіе* и *Волшебная Флейта* чрезвычайно мнѣ понравились.—Тогда я еще былъ новичокъ между дилеттантами, и не имѣлъ той *начитанности,* которую потомъ пріобрѣлъ двадцати-пяти-лѣтнею опытностію; однако же Моцартъ поразилъ меня, и, признаюсь, въ *Волшебной Флейтѣ* онъ мнѣ больше понравился, чѣмъ въ *Clemenza di Tito.* Это чувство было безотчетно,—но оно осталось при мнѣ на всю жизнь. Одинъ *Донъ Жуанъ* поколебалъ, въ послѣдствіи, безусловную мою привязанность къ *Волшебной Флейтѣ;* но это уже было наслажденіе опытному меломану, а Волшебная Флейта была первымъ впечатлѣніемъ юноши-любителя. Кто не знаетъ, что послѣднее ощущеніе всегда пріятнѣе?

Берлинскій драматическій театръ не оставилъ во мнѣ никакихъ пріятныхъ воспоминаній. — Давали тогда все какіе-то фарсы для увеселенія союзнаго войска; но врядъ ли оно очень забавлялось. Для знающихъ нѣмецкую литературу пріятнѣе было бы видѣть произведенія великихъ геніевъ Германіи, — а незнающіе и вовсе не посѣщали театра.

Вскорѣ раздались громы Люцена и Бауцена,— и звѣзда Наполеона снова засіяла блескомъ побѣдъ. Рейхенбахское же перемиріе, какъ антрактъ великой драмы, снова дозволило беззаботной юпостп заняться забавами. Спектакли, балы, праздники, заставили каждаго забыть, что завѣса кровавыхъ сценъ скоро опять поднимется, и что всѣ эти эфемерныя увеселенія не что иное, какъ дивертиссементъ, обыкновенно предшествующій ужасной катастрофѣ.

Я не былъ изъ числа избранныхъ судьбою счастливцевъ и не участвовалъ въ знаменитой развязкѣ европейской драмы, разъигранной на высотахъ Монмартра и въ стѣнахъ Парижа. Тамъ бы я могъ увидѣть всѣ знаменитости и театральнаго міра. Къ-несчастію, я долженъ былъ, по окончаніи осады одной знаменитой крѣпости, любоваться снова нѣмецкими *Hausgemälde*, и снова увидѣлъ Аншюца, снова восхищался Иффландовымъ *Игрокомъ*.

Съ этими впечатлѣніями нѣмецкой драматургіи воротился я въ Петербургъ. Закулисное царство приняло меня опять подъ свое вѣдѣніе, — и съ тѣхъ поръ двадцать-два года безпрерывно крутило въ своемъ Маельстромѣ, покуда не послѣдовало то же, что и со всѣми, издали попадающимися въ водовороты.

Во время моего двухъ-лѣтняго отсутствія русская драматическая литература занималась однѣми патріотическими пѣсами. Всѣ отрасли искусствъ имѣли тогда одну цѣль: любовь къ отечеству. На сценѣ ничего не хотѣли видѣть, кромѣ истинно-русскаго, національнаго. Кому какое дѣло было до литературныхъ успѣховъ! Всѣ думали объ одномъ только предметѣ, всѣ жили одною только мыслію, дышали однимъ желаніемъ — величія и славы Россіи. И никогда еще исторія не представляла подобныхъ событій; никогда народъ не имѣлъ столько причинъ къ воодушевленію; никогда и не развивались народныя доблести съ такою силою и въ такомъ блескѣ, какъ въ эту великую эпоху!

И русскій театръ вполнѣ умѣлъ пользоваться тогдашнимъ расположеніемъ публики. Зала всегда была наполнена, какъ скоро аффиша объявляла спектакль патріотическій, — и восторгъ зрителей при каждомъ словѣ, имѣющемъ какую нибудь аналогію, доходилъ до изступленія. — Неподдѣльное, неприготовленное чувство сильно и величественно выражалось и зрителями и актерами. — Сами артисты, возбуждая въ другихъ сіи ощущенія, вполнѣ раздѣляли ихъ съ публикою. И они въ то время хотѣли быть истинными сынами отечества. И они, часто забывая свои роли, предавались сильнѣйшему чувству—любви къ отчизнѣ. Однажды, первая трагическая актриса, *К. С. Семенова*, узнавъ нечаянно за кулисами о новомъ торжествѣ русскихъ, съ радостнымъ изступленіемъ выбѣжала на сцену и закричала: побѣда! побѣда! — чего, разумѣется, ни въ піесѣ, ни въ роли ея не было. И однако же выходка ея была принята со всѣмъ справедливымъ восторгомъ тогдашняго состоянія умовъ.

И трагедіи, и драмы, и оперы, и даже балеты соревновали ежедневно въ возбужденіи въ зрителяхъ всей силы народныхъ чувствованій. Любимыми спектаклями были тогда: *Димитрій Донской* (*), *Пожарскій*, *Всеобщее Ополченіе*, *Илья Богатырь* (гдѣ послѣдніе куплеты: «Побѣда, побѣда Русскому герою»—всегда приводили въ восторгъ), балетъ *Любовь къ отечеству* и множество девертисементовъ, въ которые П. А. Корсаковъ вставлялъ свои куплеты, которыхъ лирическое и національное достоинство останутся незабвенными, которые такъ хорошо высказывали тогда русскому сердцу русскія чувства. Тогда все это казалось такъ-просто, такъ-естественно, — потому-что всякій чувствовалъ то же, хотя и не умѣлъ высказать такъ хорошо; но теперь, когда восторженное состояніе умовъ давно остыло, мы вполнѣ чувствуемъ все величіе тогдашней поэзіи. Разберите: сколько высокихъ идей въ стихѣ: «*Ликуй, Москва! Въ Парижѣ Россъ!*»—и вы сознаетесь, что паша теперешняя поэзія, съ ея тоскою, туманною далью и цвѣтистыми фразами,—вся основана на словахъ, на блесткахъ, а не на высокихъ чувствахъ и идеяхъ, порождаемыхъ великими отечественными событіями. Вспомните *Пѣвца въ станѣ Русскихъ воиновъ*, и вы убѣдитесь въ моихъ словахъ. — Еще и теперь помню дѣйствіе, произведенное этимъ сочиненіемъ юнаго воина-поэта. Описать этого дѣйствія нельзя: подобно его чувство-

(*) Какъ не вспомнить того эффекта, который производили въ сердцахъ зрителей два стиха русскаго боярина въ 5 актѣ:

Спокойся, о Княжна! Побѣда совершена:
Разбитый *ханъ* бѣжитъ, Россія свобождена!

Соч.

вать, перенестись мысленно въ ту великую эпоху.

При полученіи извѣстія о вступленіи Русскихъ въ Парижъ, поставленъ былъ на сценѣ: *Геній благости*, балетъ-дивертисементъ, соч. *Огюста*. Это была аллегорическая апотеоза великому Виновнику славы Россіи и спасенія Европы. — При перемѣнѣ декораціи, аллегорія оканчивалась, а сцена переходила въ Парижъ, гдѣ побѣжденные и побѣдители вмѣстѣ праздновали торжество *Генія благости*. Какой громовой эффектъ производили тогда куплеты на голосъ: *Vive, Henri quatre*. Ихъ пѣлъ вовсе не пѣвецъ (г. Бобровъ),— но слова ихъ были-такъ близки и драгоцѣнны для каждаго русскаго сердца, что ихъ надобно было бы вырѣзать на мѣди въ память потомства. Они начинались стихами:

«Честь Александру!
Хвала Царю Царей!»

Вспомнитъ ли теперь о возвращеніи въ столицу «Генія благости» Россіи и о народныхъ къ нему чувствахъ! Къ сожалѣнію, тутъ безсильна будетъ и высочайшая поэзія. Исторія никогда не начертитъ подобныхъ минутъ. — Тогда вездѣ и у всѣхъ было всеобщее празднество.

На сценѣ впервые блеснуло тогда дарованіе князя Шаховскаго. Его *Казакъ Стихотворецъ* былъ первымъ опытомъ національнаго водевиля, — и едва ли не самымъ удачнымъ изъ всѣхъ. Онъ имѣлъ огромный и заслуженный успѣхъ. Послѣ *Мельника*, Аблесимова, еще въ первый разъ водевильное пѣніе было составлено изъ національныхъ пѣсень, а попытка изображенія малороссійскаго быта и нарѣчія впервые принадлежитъ князю Шаховскому. Притомъ же и эпоха, избранная имъ для содержанія водевиля, самая счастливая; всякій русскій съ радостнымъ трепетомъ переносится воображеніемъ въ ту великую эпоху русской исторіи, когда побѣда подъ Полтавою положила основаніе славѣ и величію Россіи. Священное же имя Петра, слышимое на сценѣ, одно достаточно для успѣха піссы. — Сверхъ-того авторъ заслуживалъ благодарность и за главное лице водевиля, Казака Климовскаго, котораго имя было до тѣхъ поръ не многимъ извѣстно. Однимъ словомъ, Казакъ Стихотворецъ останется на всегда однимъ изъ лучшихъ и любимѣйшихъ народныхъ водевилей. — Знатоки малороссійскаго языка говорятъ, что языкъ водевиля неправиленъ,—но что намъ до того? Можетъ быть, зрители и не поняли бы половины, если бъ авторъ правильно зналъ это нарѣчіе, а теперь всѣ понимаютъ и хвалятъ.

Одно изъ любопытнѣйшихъ представленій сего водевиля было въ Павловскѣ, на маленькомъ воздушномъ театрѣ. Онъ и теперь еще существуетъ. Всякій изъ посѣтителей сего прекраснаго загороднаго дворца вѣрно видалъ эту сцену и залу, устроенныя на открытомъ воздухѣ. Съ тѣхъ поръ на немъ уже ничего не играли, но театръ остается цѣлъ. Кулисы изъ акацій и теперь еще зеленѣютъ. Углубленіе для оркестра и дерновые скамьи въ видѣ амфитеатра для зрителей и теперь привлекаютъ любопытныхъ. При томъ, театръ такъ-хорошо и скрытно устроенъ, что обойдя его кругомъ, вы не будете знать о его существованіи, а многіе даже и входа не найдутъ. Какъ теперь помню прекрасный іюньскій вечеръ, когда давали тамъ Казака Стихотворца. Въ глубинѣ была одна только сборка (*), писанная Гонзаго и изображающая домъ *Прудіуса*. Все прочее замѣнялось роскошью зелени природы. Освѣщеніе театра произведено было не печальнымъ свѣтомъ лампъ, а блескомъ солнца, склоняющагося уже къ западу. Сводъ театра — ясное голубое небо. Зрители были не многочислены, но тутъ сидѣла Августѣйшая Мать Благословеннаго и приближенныя къ ней особы. Чего же больше и величественнѣе?

Вскорѣ послѣ Казака Стихотвора, князь Шаховской написалъ другой водевиль, еще болѣе національный: *Встрѣча незваныхъ*. Эта піеса вполнѣ принадлежала къ числу

(*) Виновать! Это есть театрально-техническое выраженіе, означающее не полную декорацію, а приставной кусокъ холста, изображающій какой нибудь отдѣльный предметъ. *Соч.*

патріотическихъ, порожденныхъ тогдашними великими событіями. Русскіе крестьяне изображены въ ней прекрасно. Истинное же чувство народности одушевляетъ ее отъ начала до конца. Сердце невольно затрепещетъ симъ священнымъ чувствомъ, когда русскій старикъ запоетъ:

Не бывало, и не быть тому,
Чтобъ врагу мы покорялися!
Лучше лечь намъ всѣмъ въ мать сыру землю,
Чѣмъ безславить имя русское.

Вскорѣ послѣ *Встрѣчи незваныхъ* явился *Ломоносовъ*, того же автора. — И это произведеніе имѣло блистательный успѣхъ. Мысль была самая счастливая и удачная. Молодой русскій студентъ, который первый постигъ всю силу и красоту русскаго языка, окончивъ въ Марбургѣ курсъ наукъ, пробирается пѣшкомъ на свою родину, чтобъ звучными стихами воспѣть славу сыновъ Сѣвера; вдругъ захваченъ онъ Прусскими вербовщиками, которымъ вовсе нѣтъ дѣла до его учености и стихотворныхъ дарованій. Сердце обливается кровью, когда воображаешь, что отъ малѣйшей неудачи при побѣгѣ его, Россія на всегда потеряла бы одного изъ величайшихъ своихъ мужей. Авторъ водевиля велъ его сюжетъ самымъ искуснымъ образомъ; драматическій интересъ возрастаетъ до конца; нѣтъ ничего натянутаго, неправдоподобнаго. Однимъ словомъ, это одинъ изъ лучшихъ водевилей нашего репертуара. Стихи Ломоносова приведены вездѣ кстати и невольно возбуждаютъ восторгъ.

Всѣ эти сочиненія дали князю Шаховскому почетное мѣсто въ русской литературѣ и первое современное на театрѣ. Онъ самъ уже начиналъ чувствовать свои силы и хотѣлъ создать что нибудь поважнѣе. Далѣе опишу я драматическіе его труды того времени, а теперь скажу нѣсколько словъ о тогдашнемъ составѣ труппъ.

Съ 1814 года начинается второй и самый блистательный періодъ русскаго театра.

По драматической части развилось во всемъ блескѣ дарованіе *К. С. Семеновой*. — Эта артистка принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ въ исторіи русскаго театра. Воспитанная въ Театральномъ Училищѣ, она, по тогдашнему составу и средствамъ сего заведенія, не могла получить обширнаго образованія. Одно внутреннее чувство, совѣты нѣсколькихъ любителей театра и образецъ г-жи Жоржъ, развили въ ней всѣ элементы превосходной актриссы. Сверхъ - того природа одарила ее всѣми средствами, которыми могла блистать артистка. Самое пылкое воображеніе живописца не могло бы придумать прекраснѣйшаго идеала женской красоты для трагическихъ ролей. И при этомъ, голосъ чистый, звучный, пріятный при малѣйшемъ одушевленіи страстей, потрясающій всѣ фибры человѣческаго сердца. Когда она играла, то предавалась въ своей роли безотчетному чувству, ее увлекавшему. Все искусство ея состояло въ изящной природѣ и высокихъ ощущеніяхъ. Оттого то болѣе игра ея и увлекала, поражала, очаровывала. Все дѣлалось какимъ то художническимъ инстинктомъ, какимъ-то вдохновеніемъ. Выходки были нечаянны, поразительны и всегда вѣрны. — Если бъ она съ малолѣтства получила блистательное воспитаніе, то, можетъ быть, по искусству и отдѣлкѣ ролей, стала бы еще на высшую степень, но отъ этого едва ли бы она не потеряла съ другой стороны. Кто въ драматическомъ искусствѣ много разсчитываетъ и систематически приготовляетъ свои эффекты, тотъ часто бываетъ холоденъ и рѣдко увлекаетъ. О К. С. Семеновой можно сказать, что если въ ученомъ отношеніи она и могла бы сыграть лучше, то въ истинномъ, естественномъ и увлекательномъ — невозможно превзойдти ея.

Въ это же самое время явилась на первыя драматическія роли другая прекрасная актрисса, которая долго соперничествовала съ Семеновой. Это была *М. И. Валберхова*. Тутъ уже все было соединено для достиженія первенства. И прекрасное образованіе, и прелестнѣйшая наружность, и пріятный голосъ, и опытные совѣты при изученіи ролей, и собственное пламенное чувство, создающее истинныхъ артистовъ. — Недоставало только физиче-

скихъ средствъ, именно, для выраженія сильныхъ страстей голосъ Валберховой былъ слабъ. Долго съ успѣхомъ боролась она съ своею соперницею, имѣла сильную партію между любителями искусства, превозносима была въ журналахъ и экспромтахъ, но все-таки наконецъ Семенова одержала верхъ. Тогда Валберхова перешла на первое амплуа въ комедію—и зрители должны были вдвойнѣ радоваться побѣдѣ Семеновой. Они выигрывали актрису, небывалую еще на русской сценѣ. Валберхова съ перваго шага заняла первое мѣсто въ комедіи и навсегда почти сохранила его. Тутъ уже не нужно было ей усиливать своего голоса, — а прочія качества ея неоспоримо давали ей первенство. — Далѣе опишу я начало и успѣхи блистательнаго ея поприща. Теперь упомянемъ о прочихъ лицахъ драматической части.

Знаменитый *Яковлевъ* видимо упадалъ. Это уже былъ потухающій волканъ, который изрѣдка иногда вспыхивалъ, но уже не потрясалъ болѣе своимъ могуществомъ. Любители искусства, съ сокрушеннымъ сердцемъ и болезливостію, осматривались вокругъ и не видѣли ни одного артиста, который могъ бы замѣнить прежняго любимца Мельпомены. Вдругъ явился Брянскій, и подалъ нѣкоторую надежду.

Въ это время *князь Шаховскій* принялъ на себя драматическое образованіе питомцевъ Театральнаго Училища, — и чтобъ они могли болѣе усовершенствоваться и чаще играть, устроилъ изъ нихъ особенную труппу, особенный репертуаръ, и заставилъ играть на особенномъ публичномъ театрѣ. — Это была превосходная мысль, которой мы обязаны многими хорошими артистами, и въ томъ числѣ образованіемъ Брянскаго. — Труппа воспитанниковъ и воспитанницъ играла тогда въ домѣ нынѣшняго Главнаго Штаба. Въ то время былъ тамъ нѣмецкій театръ; — и въ тѣ дни, которые оставались свободными отъ нѣмецкихъ спектаклей, занимала эту сцену *молодая* русская труппа.

Но первымъ дебютамъ Брянскаго никакъ нельзя было ожидать, чтобъ онъ совершенно занялъ столь отмѣнное мѣсто между артистами русской драматической труппы. Ростъ его былъ вовсе невыгоденъ для героевъ трагедіи, голосъ казался до чрезвычайности монотоннымъ, игра холодна. Онъ игралъ тогда Видостана въ «Русалкѣ» и тому подобныя роли. Но мало по малу собственное стараніе и наставленія князя Шаховскаго образовали изъ него артиста, который впослѣдствіи столько лѣтъ восхищалъ нашу публику.

Къ новымъ явленіямъ тогдашняго драматическаго періода принадлежало вступленіе на сцену г. Каменогорскаго. Онъ дебютировалъ въ «Дебборѣ,» трагедіи князя Шаховскаго, въ роли Первосвященника, въ «Эдипѣ» Озерова, и не-смотря на нѣсколько иностранный свой выговоръ, имѣлъ значительный успѣхъ. Онъ занялъ амплуа благородныхъ отцовъ и во все продолженіе своего театральнаго поприща игралъ эти роли.

Другое явленіе гораздо болѣе обрадовало публику. Это былъ дебютъ г. *Борецкаго* въ «Эдипѣ.» Никогда еще не видѣлъ я столь блистательнаго и заслуженаго успѣха. Борецкій былъ еще молодой человѣкъ, но такъ превосходно выполнялъ трудную роль Эдипа, что возбудилъ всеобщее удивленіе и восторгъ. Въ-послѣдствіи играли эту роль другіе артисты, но никто доселѣ не сравнялся съ Борецкимъ. Чего же должно было ожидать отъ актера, который съ перваго появленія на сценѣ обнаружилъ рѣдкое дарованіе? — Къ-сожалѣнію, всеобщія надежды не сбылись. Борецкій остался на той же самой степени, на которой явился. Онъ 20 лѣтъ занималъ амплуа благородныхъ отцовъ, и не только никогда не портилъ своихъ ролей, но еще часто хорошею своею игрою поддерживалъ піссы, — а все таки далѣе превосходной игры въ роли Эдипа онъ не пошелъ.

Вотъ всѣ перемѣны, которыя произошли въ началѣ этого періода по части драмы и трагедіи.

Въ комедіи потеряла русская сцена лучшаго своего артиста, Рыкалова; — онъ умеръ, оставя многочисленное семейство, изъ котораго вышли, въ-послѣдствіи, два замѣчательнѣйшіе таланта: сынъ его, Василій Рыкаловъ, сперва игравшій на здѣшней сценѣ амплуа слугъ, а потомъ перешедшій на Мос-

сковскій театръ, и дочь его, Рыкалова, по замужеству Марсель. — Русская Талія казалась неутѣшною при потерѣ своего маститаго любимца; всѣ съ горестію думали: кто же теперь будетъ играть его роли, — и кто могъ ожидать? Не прошло и года, какъ явился ему преемникъ, если не съ такимъ же высокимъ дарованіемъ, то по крайней мѣрѣ такой, который неподдѣльною веселостію и искусствомъ заставилъ зрителей вскорѣ забыть о понесенной потерѣ. Это былъ Бобровъ. — Изъ самыхъ посредственныхъ тирановъ и паперсниковъ, онъ вдругъ сдѣлался прекраснымъ комикомъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ больше пріобрѣталъ любовь публики.

Между тѣмъ и молодая труппа князя Шаховскаго начала снабжать главную сцену хорошими артистами. *Рамазановъ* отлично игралъ слугъ и простаковъ, а *Великинъ* шаржированныя роли. Наконецъ явился и *Сосницкій*.

Судьба великаго, геніяльнаго артиста бываетъ замѣчательна. Съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ Сосницкій былъ въ Театральномъ Училищѣ и вовсе не обращалъ на себя особеннаго вниманія. Никто не подозрѣвалъ въ немъ будущаго великаго артиста, — и самъ онъ, кажется, всѣхъ менѣе. Онъ пристрастился къ механикѣ, — строить театры, выдумывать машины, удивлялъ всѣхъ своею изобрѣтательностію и рѣшительно, кажется, готовился посвятить себя этой части. Вдругъ князю Шаховскому въ новой его комедіи: *Урокъ кокеткамъ*, понадобился молодой человѣкъ, который бы съ выгодною наружностію соединялъ ловкость и фатюцизмъ (*) хорошаго тона. Сосницкій взялся, и съ той минуты сценическая его участь была рѣшена. Всѣ были изумлены прелестною игрою молодаго человѣка, умѣвшаго такъ-вѣрно и хорошо создать роль, дотолѣ небывалую на русской сценѣ. Съ этой минуты онъ сдѣлался любимцемъ публики, и уже слишкомъ 25 лѣтъ сохраняетъ свое превосходство. Удивительное дѣло—чувство художника! Воспитанникъ Театральной Школы, получившій точно такое образованіе, какъ и другіе, не бывшій никогда въ аристократическомъ кругу, не видавшій нигдѣ пріемовъ и обращенія людей высшаго круга, самъ собою постигаетъ эту тайну, представляетъ публикѣ персонажей съ самымъ утонченнымъ вкусомъ, и такъ-хорошо поддѣлывается подъ ихъ тонъ, что они сами удивляются молодому артисту и стараются узнать: гдѣ онъ вывѣдалъ всѣ ихъ пріемы и манеры.

И все-таки слава подобнаго подарка русской сценѣ принадлежитъ опять князю Шаховскому. Какою благодарностію обязанъ ему русскій театръ! Много славы имѣлъ онъ въ началѣ своего поприща, много враговъ во все продолженіе жизни, много неудачъ испыталъ онъ, и все-таки литературное его достоинство не оцѣнено еще. Но потомство будетъ справедливѣе насъ.—Мы обязаны только сказать, что безъ него русскій театръ и чрезъ полстолѣтія не достигъ бы до теперешняго своего блистательнаго состоянія, что всѣ лучшіе артисты, такъ-долго восхищавшіе публику, обязаны *ему* своимъ образованіемъ и, что русскій репертуаръ обязанъ ему лучшими своими піесами.

Я уже выше сказалъ, что послѣ успѣха своихъ народныхъ водевилей, князь Шаховской намѣренъ былъ предпринять что нибудь позначительнѣе. Переходъ Вальберховой изъ трагедіи въ комедію послужилъ ему поводомъ къ сочиненію русской комедіи,—и *Липецкія воды* вдвойнѣ обрадовали публику—и появленіемъ прелестнѣйшей актрисы, и созданіемъ новаго прекраснаго драматическаго произведенія. — Въ то время строгость классицизма держала еще всѣхъ авторовъ на спасительной привязи, — и новая комедія князя Шаховскаго была, разумѣется, подчинена условіямъ единства времени и мѣста. Она состояла изъ 5-ти актовъ и написана хорошими Александрійскими стихами. Если бъ Княжнинъ не написалъ своихъ *Чудаковъ* (потому что *Хвастунъ* былъ подражаніемъ Французской комедіи *Le Florieux*)

(*) Виноватъ! Этого техническаго термина я не умѣлъ перевести по Русски, — и слава Богу, что наши нравы не имѣютъ еще нужды въ подобныхъ понятіяхъ и словахъ.

Сост.

и Капнистъ своей *Ябеды*, то князю Шаховскому принадлежала бы честь перваго созданія русской классической комедіи *въ стихахъ*.—Я не буду разбирать достоинства этой піесы: я пишу не рецензіи, а воспоминанія, — и потому скажу только, что *Липецкія воды* имѣли въ то время самый блистательный и заслуженый успѣхъ. Театръ былъ всякій разъ полонъ, актеровъ осыпали аплодисментами. Авторъ очень искусно умѣлъ вставить въ свою піссу два лица, участвовавшія въ великихъ битвахъ и событіяхъ 1813 и 1814 годовъ, — и патріотическія рѣчи ихъ сильно потрясали русскія сердца, еще исполненныя высокими воспоминаніями. Однимъ словомъ, авторъ *Липецкихъ водъ* занялъ первое мѣсто въ тогдашней драматической литературѣ. Болѣе же всего могъ онъ гордиться тѣмъ, что всѣ артисты, игравшіе въ этой піесѣ, были обязаны своимъ дарованіемъ его руководству и совѣтамъ. —Валберхова, Брянскій, Сосницкій, Рамазановъ, Величкинъ, Асенкова и другіе были тогда въ самой свѣжести и развитіи своихъ талантовъ. Всѣ они подавали блистательнѣйшія надежды на будущее усовершенствованіе, — и если онѣ не сбылись, то вѣрно усердіе наставника не было въ томъ виною.

Съ этой минуты наступилъ самый блистательный періодъ русской комедіи, а апогеемъ коего можно почесть поступленіе на сцену А. М. Колосовой, нынѣ Каратыгиной 1-й, дочери первой нашей пантомимной танцовщицы. — Она первоначально и преимущественно посвящала себя, кажется, къ первымъ трагическимъ роллямъ, — и въ 3-мъ періодѣ моихъ воспоминаній мы увидимъ, что она съ большимъ успѣхомъ займетъ ихъ; но тогда еще блистала Семенова во всей силѣ своего великаго дарованія—и борьба съ нею была трудна. За то въ комедіи г-жа Колосова пріобрѣла, съ перваго шагу, пальму первенства. И странное дѣло! Не смотря на весь успѣхъ ея и дарованія, Валберхова продолжала пользоваться прежнею любовью публики. Отъ столкновенія двухъ талантовъ на одно амплуа не произошло никакого закулиснаго соперничества, никакихъ интригъ, партій,—и вотъ, по моему мнѣнію, въ чемъ состоитъ лучшее доказательство истиннаго дарованія. Только жалкая посредственность, насильно порывающаяся изъ своей сферы, порождаетъ духъ партій, ищетъ помощи въ друзьяхъ вызывальщикахъ и поддерживаетъ услужливыхъ шикальщиковъ. Артистъ, умѣющій уважать самъ себя, уважаетъ и другаго. Онъ не будетъ прибѣгать къ средствамъ, которыя и при самомъ успѣхѣ унижаютъего. Валберхова и Колосова были тогда обѣ отлично хороши,—и обѣ въ равной мѣрѣ наслаждались своими успѣхами.

Нельзя не вспомнить еще одного замѣчательнаго таланта того времени. Это молодая субретка *г-жа Асенкова*. Всѣ комедіи основаны были тогда на хитростяхъ слугъ и служанокъ, — и это амплуа было одно изъ самыхъ нужныхъ и блистательныхъ. Долго занимала его *Жебелева* — и публика была довольна ея рѣзкою игрою и дикціею; но явилась Асенкова и вполнѣ овладѣла репертуаромъ субретокъ и благосклонностію публики. Кажется, сама природа напередъ знала, что Асенкова займетъ это амплуа, и нарочно для него создала ее. Красота, быстрый, огненный взглядъ, чистая и живая дикція, расторопность, лукавство, умъ—все соединилось въ ней, чтобъ сдѣлать изъ нея отличнѣйшую субретку,— и наставленія князя Шаховскаго вполнѣ развили ея дарованія. Теперь уже заброшены всѣ эти старинныя піесы съ Финеттами и Лизетами, а потому и самое амплуа теперь не существуетъ на сценѣ. Мы едва можетъ составить себѣ идею о немъ; но тогда оно было одно изъ могущественнѣйшихъ пружинъ комедіи — и Асенкова блистала въ немъ истиннымъ, неподдѣльнымъ дарованіемъ.

Рамазановъ принадлежитъ также къ замѣчательнымъ талантамъ своего времени. Неподдѣльная веселость, живость — были его элементами; единственный порывъ его былъ излишество жестовъ, но при живости игры его охотно прощали ему этотъ недостатокъ. Онъ былъ равно хорошъ въ роляхъ простодушныхъ и хитрыхъ слугъ.

О *Величкинѣ* упомянули мы, какъ объ артистѣ, подававшемъ большія надежды,—

и хотя въ послѣднее время театральнаго его поприща благоволеніе публики вовсе его оставило, на все-таки былъ періодъ, въ которомъ онъ блисталъ своимъ комизмомъ. Тѣ, которые его видѣли въ послѣднее время на сценѣ, скажутъ, можетъ быть, что тогдашніе зрители имѣли дурной вкусъ. Не знаю и не хочу спорить ни съ нынѣшнимъ, ни съ прошедшимъ поколѣніемъ публики. Скажу только собственное свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что г. Величкинъ имѣлъ въ себѣ все, чтобъ сдѣлаться хорошимъ комикомъ — и руководимый опытными совѣтами и наставленіями князя Шаховскаго, долгое время занималъ свое амплуа съ большимъ успѣхомъ. Его юморъ и комизмъ долго нравились публикѣ, потому-что были естественны и проистекали изъ самыхъ ситуацій играемыхъ имъ піесъ. Онъ дѣйствительно былъ хорошъ тогда; ему хлопали, его вызывали, его хвалили въ журналахъ. — Но въ поприщѣ каждаго артиста есть роковая точка, которая рѣшаетъ его художническій жребій и отсылаетъ его безвозвратно въ ту категорію, къ которой онъ по степени своего дарованія принадлежитъ. —

При первомъ вступленіи на сцену, каждый артистъ старается подражать кому нибудь изъ любимцевъ публики, чтобъ имѣть такое же право на ея благоволеніе. Мало по малу, онъ знакомится ближе съ своимъ поприщемъ, своимъ назначеніемъ, своими средствами, и наконецъ, съ тѣми художественными пружинами, которыя двигаютъ сердцами зрителей. Тогда дарованіе и самолюбіе артиста начинаютъ говорить ему, что пора создавать *свое*. Но что это за свое? И каково оно? Вотъ рѣшительная точка, съ которой геніяльный артистъ восходитъ до прекраснѣйшихъ образцевъ изящества, а посредственный, жертвуя всѣмъ для пустыхъ аплодисментовъ толпы, становится эфемернымъ, ничтожнымъ явленіемъ въ области искусства. Прекрасная вещь — эти аплодисменты! Они возбуждаютъ въ артистахъ соревнованіе, одушевляютъ ихъ, — и, служа выраженіемъ всеобщаго удовольствія и благодарности, становятся самою лестною для нихъ наградою; но вмѣстѣ съ тѣмъ эти же самые аплодисменты и губятъ артистовъ. — Кто не знаетъ, что публика вовсе не занимается художническимъ образованіемъ артистовъ; вовсе не для того ходитъ въ театръ, чтобъ слѣдить за ходомъ и усовершенствованіемъ искусства; что большая часть зрителей ищетъ только разсѣянія и удовольствія; что степень удовольствія зависитъ отъ вкуса, склонностей и просвѣщенія каждаго зрителя; и что, наконецъ, къ-сожалѣнію, на всемъ пространствѣ земнаго шара число людей съ хорошимъ вкусомъ и тонкою образованностью очень не-велико: слѣдственно вездѣ большинство составляетъ массу зрителей, раздающихъ свои аплодисменты по степени своего разумѣнія, иногда очень-невысокой, по прихоти и удовольствію, какое актеръ доставляетъ. Изъ всего этого слѣдуетъ, что если артистъ довольно слабъ душею, или не имѣетъ самъ къ себѣ довольно уваженія, и покорялсь авторитету аплодисментовъ, основываетъ на нихъ всю свою славу и свое достоинство, ищетъ ихъ всѣми возможными средствами и полагаетъ все свое счастіе въ вызовахъ и крикахъ толпы, — то этотъ артистъ никогда не пойдетъ дальше посредственности, и чѣмъ болѣе будетъ искать аплодисментовъ, тѣмъ болѣе будетъ упадать. Трагическій актеръ будетъ для этого выходитъ изъ себя, кричать, неистовствовать, — а комическій мало по малу прилѣпится къ низкимъ фарсамъ, кривляньямъ, и всѣмъ неестественностямъ унижающимъ искусство. Г. Величкинъ началъ свое поприще съ самой выгодной точки. Онъ видѣлъ Рыкалова, Воробьева, Пономарева: образцы были передъ глазами; опытный же наставникъ велъ его по стезѣ настоящаго комизма и неподдѣльной веселости. И вотъ нѣсколько лѣтъ сряду *Г. Величкинъ* всѣмъ нравился, потому что дѣйствительно былъ хорошъ. Но онъ наконецъ дошелъ до роковой точки, когда самолюбіе сказало ему: создавай свое. Благосклонность публики была къ нему въ это время очень-велика. Онъ хотѣлъ на всегда упрочить это расположеніе и сталъ день-ото-дня болѣе приноравливаться ко вкусу большинства зрителей, надѣляющихъ его аплодисментами. — Послѣдствія этой

слабости были неизбѣжны. Всѣ ихъ видѣли, — и этотъ примѣръ могъ бы послужить урокомъ каждому артисту. Къ-сожалѣнію, никогда еще ни примѣръ, ни уроки не исправляли людей, а всего менѣе ослѣпленное самолюбіе артистовъ.

За то г. *Брянскій* выдержалъ это искушеніе съ большою твердостію и самостоятельностію. Излишняя любовь публики не могла его избаловать. Онъ пускался на амплуа перваго ея любимца, Яковлева, и зрители никакъ не довѣряли его преемнику. Можетъ быть, этой-то самой борьбѣ и первоначальной холодности публики и обязаны мы развитіемъ дарованія Г. Брянскаго. — Яковлевъ умеръ наконецъ, бывъ 20-ть лѣтъ украшеніемъ и славою русскаго театра; Брянскій занялъ его амплуа, — но долго публика не могла пріучить себя къ мысли, что онъ — преемникъ Яковлева. Ростъ его часто не соотвѣтствовалъ величію занимаемыхъ ролей; расчетливая его дикція не легко согрѣвалась сценическими страстями и передавала этотъ холодъ зрителямъ. — Всѣ смотрѣли на него, какъ будто по-неволѣ, и только немногіе приверженцы его учителя надѣляли его аплодиссментами, — Но твердо убѣжденный въ художническомъ своемъ призваніи, Брянскій продолжалъ съ усердіемъ совершенствовать свое дарованіе, и наконецъ побѣдилъ холодность публики. Комедіи князя Шаховскаго первыя послужили ему ступенью къ пріобрѣтенію благосклонности зрителей. Онъ занялъ первое амплуа въ комедіи,—и это уже была заслуга, которою онъ превосходилъ Яковлева, и за которую публика должна была благодарить его. Мало по малу эта благодарность распространилась и на трагедіи и драмы. Если въ немъ недоставало тѣхъ пламенныхъ порывовъ, которыми Яковлевъ такъ часто увлекалъ публику, то Брянскій выдерживалъ свои роли съ бо́льшею отчетливостію и художническимъ усердіемъ, которые въ глазахъ знатоковъ значили иногда болѣе, нежели геніяльные порывы, не всегда поддерживаемые въ-продолженіе всей піесы. Такъ напримѣръ, игралъ онъ тогда *Отелло* (разумѣется, не Шекспировскаго, за жалкую передѣлку съ Дюсиса), и съ рѣдкимъ искусствомъ выдерживалъ эту трудную роль. Точно также игралъ онъ и Гамлета (переводъ Висковатова съ Дюсиса), и какъ въ иныхъ мѣстахъ ни вздыхали тогда любители старины по умершемъ Яковлевѣ, но обѣ эти роли доставили Брянскому славу хорошаго трагическаго актера. Съ тѣхъ поръ благосклонность публики ежедневно къ нему возрастала, и онъ, не увлекаясь аплодиссментами, и не унывая отъ минутной холодности зрителей, продолжалъ болѣе и болѣе развивать свое дарованіе.

Этотъ второй періодъ моихъ воспоминаній составляетъ самую блистательную половину театральнаго поприща Г. Брянскаго. Онъ дѣйствительно, по усердію своему, истинной любви къ искусству и художнической отчетливости въ исполненіи ролей, заслуживаетъ занятое имъ почетное мѣсто. Въ 3-мъ періодѣ мы еще возвратимся къ нему.

Наконецъ произошло и послѣднее явленіе сего періода, самое блистательное, самое отрадное. Это былъ дебютъ г. *Каратыгина б.*

Отецъ его былъ старинымъ актеромъ, занимавшимъ съ большимъ успѣхомъ амплуа молодыхъ вертопраховъ; о матери же его было говорено въ 1-мъ періодѣ. — Юношескіе года провелъ г. Каратыгинъ б. въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ и поступилъ въ гражданскую службу, слѣдственно, онъ готовился съ малолѣтства не на то поприще, которое теперь съ такою славою проходитъ, и трудно рѣшить: къ пользѣ ли его это послужило, или нѣтъ? Конечно, театральное воспитаніе съ малолѣтства пріучаетъ артистовъ къ сценѣ и оставляетъ въ нихъ ежедневныя впечатлѣнія того, что происходитъ въ ихъ глазахъ. Закулисный бытъ заранѣе открываетъ имъ всѣ свои тайны и случайности; родственное поколѣніе заранѣе покровительствуетъ своему собрату и предаетъ его покровительству знакомцевъ зрителей. Это уже важныя выгоды для вступающаго на скользкое сценическое поприще. Но съ другой стороны, есть свои и невыгоды. Театральное воспитаніе всегда одностороннее. Хотя заботливое начальство и имѣетъ преподавателей по всѣмъ предметамъ, входящимъ въ составъ всеобщаго воспитанія, — но питомцы очень мало ими

пользуются. — Зная свое предназначеніе, они преимущественно занимаются одними сценическими предметами, полагая, что все прочее для нихъ безполезно. Такимъ образомъ, поступая на сцену, они, кромѣ театральнаго быта, ничего не знаютъ; съ прочимъ обществомъ знакомы только изъ піесъ, а о тонѣ высшаго общества судятъ по образцамъ, представляемымъ на сценѣ. Очень естественно послѣ того, что подобный артистъ, при всей опытности и дарованіи, сохранитъ на-всегда какую-то неловкость и часто долженъ будетъ прибѣгать съ вопросами о полсненіи ему какихъ нибудь мѣстъ своей роли, которыя касаются до паукъ и художествъ.

Г. Каратыгинъ б. избѣжалъ всѣхъ этихъ невыгодъ, воспитываясь для гражданской службы и пріобрѣтя, однако же, съ младенчества всѣ закулисныя свѣдѣнія, потому что-отецъ и мать его были артистами. Отъ соединенія подобныхъ преимуществъ можно уже было ожидать всего хорошаго: другія качества увеличили всеобщія надежды. Прекраснѣйшій ростъ, даже превышавшій Яковлева, чистый, звучный голосъ, пріятная наружность, выразительный взглядъ и пламенное чувство—все это соединилось, чтобъ составить отличнѣйшаго артиста, и дебютъ его былъ началомъ того торжественнаго поприща, которое онъ съ тѣхъ поръ протекаетъ.

Онъ дебютировалъ въ Фингалѣ — и всеобщій восторгъ былъ предвѣстникомъ, что г. Каратыгинъ вскорѣ сдѣлается любимцемъ публики. Впрочемъ апогеи его принадлежатъ уже къ 3-му періоду моихъ воспоминаній, и я возвращусь къ подробнѣйшему разбору достоинствъ этого отличнаго артиста. Теперь долженъ только сказать, что при самомъ началѣ поступленія его на сцену, знатоки замѣтили въ немъ нѣкоторые недостатки. Ростъ его по тогдашней молодости его лица, казался слишкомъ-высокъ, потому что Каратыгинъ не обладалъ еще искусствомъ — хорошо держать себя; грудь его казалась слаба для выраженія сильныхъ страстей, а лицо слишкомъ моложаво для ролей Гамлета и Отелло. — Въ послѣдствіи мы увидимъ, какъ всѣ эти недостатки исчезли и какъ онъ быстро сталъ совершенствовать свое высокое дарованіе.

Вотъ составъ тогдашней драматической труппы! — Опять таки повторяю, что это была самая блистательная эпоха для нея. Въ трагедіи: Семенова, Колосова, Каратыгина (мать дебютанта), Брянскій и Каратыгинъ! Въ комедіи, Колосова, Валберхова, Асенкова, Брянскій, Сосницкій, Бобровъ, Рамазановъ, — все это во всей еще свѣжести развивающихся талантовъ! Не скоро опять наступитъ такая счастливая эпоха! Нынѣшнее поколѣніе зрителей можетъ позавидовать намъ — старожиламъ. Мы пользовались тогда наслаждевіемъ, которое они теперь напрасно стараются замѣнить пѣлою фалангою водевилей. — Это не то! Нынѣшніе водевили, можетъ быть, и хороши,—но комедіи теперь нѣтъ,—а это, право, очень жаль.

О драматическихъ авторахъ тогдашняго времени не много можно сказать. Изъ переводчиковъ прославился тогда г. Лобановъ, котораго труды имѣли въ свое время блистательный успѣхъ. «Ифигенія въ Авлидѣ» и «Федра» долго восхищали нашу публику.

Изъоригинальныхъ авторовъ одинъ князь Шаховской владѣлъ сценою, и по всей справедливости. Лутературная посредственность часто обвиняла его, что онъ никого не допускалъ изъ писателей на сцену, отвергая всѣ піесы, поступавшія на его разсмотрѣніе. Онъ дѣйствительно ненавидѣлъ литераторовъ - самозванцевъ и терпѣть не могъ переводовъ. — Ему хотѣлось, чтобъ русскіе авторы писали свое и писали хорошо. Это желаніе простительно. — Я не помню, чтобъ князь Шаховской загородилъ кому либо изъ даровитыхъ писателей дорогу къ славѣ. Знаю только, что Хмельницкій, Грибоѣдовъ и Катенинъ, которые въ то время обнаружили истинное литературное дарованіе, были въ числѣ друзей его. Слѣдственно, онъ не истреблялъ таланты, а окружалъ себя ими.

Изъ трехъ вышесказанныхъ писателей наиболѣе нравился тогда Хмельницкій. Стихъ его былъ такъ плавенъ и легокъ, что до сихъ поръ немногіе еще сравнялись съ нимъ въ версификаціи. Оригинальнаго ни-

чего онъ не писалъ, а переводилъ, передѣлывалъ, — но это такъ-мило, такъ-хорошо, что стоило изобрѣтательности многихъ. Грибоѣдовъ тогда еще не предвѣщалъ въ себѣ знаменитаго автора *Горя отъ ума*. Его передѣлка: *Молодые супруги* была написана тяжелыми стихами, *Притворная невѣрность* (переведенная вмѣстѣ съ г. Жандромъ) не имѣла большаго счастія на сценѣ, а соучастіе его въ прелестной комедіи князя Шаховскаго—*Свои семьи*—было вовсе незамѣтно. Наконецъ Катенинъ соединялъ въ себѣ большую ученость, начитанность и изящный вкусъ съ величайшею страстію къ драматической литературѣ. Его переводъ *Эсѳири* былъ великолѣпно поставленъ и хорошо разъигранъ; но по слабости самаго творенія, не имѣлъ большаго успѣха. Та же участь постигла и переводъ его комедіи *Le méchant* Грессета (*Сплетни.*) Въ 3-мъ періодѣ увидимъ мы еще одну его піесу, исполненную истиннаго достоинства, но также не долго удержавшуюся на сценѣ. Странная участь иныхъ людей и твореній! — Катенинъ соединялъ въ себѣ всѣ матеріалы, чтобъ сдѣлаться однимъ изъ лучшихъ нашихъ драматическихъ писателей, и однакоже репертуаръ не сохранилъ ни одной изъ его піесъ.

Но довольно о драматической части сего періода. Обратимся къ оперѣ. Это было также самое блистательное время для нея. Не скоро русская опера достигнетъ до талантовъ столь-прочныхъ и блистательныхъ.

Во-первыхъ, *Самойловъ*.—Дарованіе его развилось вполнѣ. Взявъ себѣ за образецъ Французскаго актера Андріе, онъ усвоилъ себѣ всю превосходную игру этого артиста, имѣя передъ нимъ преимущество въ удивительномъ своемъ голосѣ. *Изступленный* (le Déliré) Бертона—былъ тогда вѣнцемъ его славы. Въ этой роли показалъ онъ все свое драматическое искусство и заслужилъ искреннюю похвалу даже всѣхъ иностранцевъ, видѣвшихъ эту оперу въ Парижѣ. Но еще болѣе пріобрѣлъ Самойловъ любовь публики ролею *Жокопда*. Пельзя безъ истиннаго восторга вспомнить превосходной обстановки сей оперы. Сколько талантовъ соединилось, чтобъукрасить этотъ спектакль! Далѣе они будутъ всѣ поименованы. Скажемъ только, что если бъ *Николо* былъ въ то время въ С. Петербургѣ, то порадовался бы превосходнымъ исполненіемъ его творенія. — Отличный переводъ *П. А. Корсакова* много способствовалъ успѣху оперы. Теперь переводы оперъ дѣлаются довольно небрежно;—тогда требовалось большеотдѣлки въ языкѣ, потому что французскія либретто всегда наполнены прекрасными стихами и отлично-хорошимъ разговоромъ, которыхъ совѣстно не передать. Въ тогдашнее время стихи Корсакова напѣвались и повторяли во всѣхъ гостиныхъ,—чего же больше? Многіе изъ нихъ остались и теперь памятны. Кто не повторяетъ иногда и теперь:

«Пріятна въ жизни сей
«И память красныхъ дней!»

Или

«Но прежняя любовь
«Приводитъ къ милой вновь.»

Одною изъ блистательныхъ ролей Самойлова была роль Лициніи въ «Весталкѣ,» и вообще эта опера шла тогда такъ, превосходно, что дай Богъ нынѣшней оперной труппѣ достигнуть когда нибудь до этой степени искусства.

Въ послѣдствіи была еще опера, въ которой Самойловъ былъ отлично-хорошъ, это *Красная Шапочка*.—Эпоху представленія сей оперы можно почесть высочайшею точкою славы и искусства Самойлова.

Кромѣ Самойлова, русская труппа имѣла тогда еще одного прекраснаго тенора, поступившаго на сцену изъ придворной пѣвческой капеллы. Это былъ г. Кванпцкій, подъ именемъ Климовскаго. — Это послѣднее имя дано ему было по первому его дебюту въ водевилѣ *Казакъ Стихотворецъ*, въ роли Климовскаго. Чистый, мягкій, обработанный голосъ, пріятная наружность и свобода въ сценической игрѣ—дѣлали изъ него замѣчательнаго артиста, который началъ быстро совершенствоваться въ пѣніи, дикціи и мимикѣ!— Какія прекрасныя надежды подавалъ онъ! Какъ онъ былъ хорошъвъ «Горацілхъ и Куріаціяхъ» Чиморозы! Какое свѣжее мелодическое пѣніе, соединенное съ прекрасною методою! Какъ всѣ радовались и восхищались этимъ рѣдкимъ

явленіемъ въ нашемъ оперномъ мірѣ! — И что жъ? Дурное общество погубило и этого прекраснаго пѣвца. Казалось, какой-то фатализмъ тяготѣетъ надъ нашими лучшими артистами....

Изъ пѣвицъ тогдашней труппы, мы уже знаемъ одну, изъ перваго періода. Это г-жа Самойлова.—И она заимствовала себѣ образецъ отъ бывшей артистки французской труппы, г-жи Филисъ. Никто такъ близко не подходилъ къ ея дарованію, и въ игрѣ, и въ пѣніи, какъ Самойлова, имѣя сверхъ того въ своемъ преимуществѣ русскій національный оттѣнокъ, потому-что она пѣла неподражаемо русскія пѣсни. Кто помнитъ еще, какъ сладко она пѣвала: «Милый мой сердечный другъ!» — тотъ вѣрно вздохнетъ о прекрасномъ прошедшемъ, котораго теперь уже не воротить. Русскихъ національныхъ пѣсень не поютъ болѣе на сценѣ, — и если бъ иногда не звуки превосходнаго творенія Глинки: «Жизнь за Царя», то мы, кажется, забыли бы вовсе о народныхъ мелодіяхъ. (*)

Но въ это время Петербургская опера имѣла еще пѣвицу превосходную, достойную Европейской славы: это была г-жа Сандунова. Она провела первую свою молодость въ Москвѣ, и, только послѣ событія 1812 года, перешла на здѣшнюю сцену. Тогда она была уже не въ первой свѣжести своихъ лѣтъ, но дарованіе ея было на самой высшей степени развитія. Голосъ ея былъ обширный, звучный, пріятный; метода была чистая италіянская, исполненная души и чувства; игра превосходная, не смотря на нѣкоторые физическіе недостатки. Однимъ словомъ, эта пѣвица сдѣлала бы честь самой блистательной труппѣ въ Европѣ.

Наконецъ, чтобъ заключить списокъ тогдашнихъ пѣвицъ, назовемъ прекраснѣйшую изъ нихъ:—Н. С. Семенову. Она была сестра первой трагической актрисы, воспитывалась также въ Театральномъ Училищѣ,— и долго испытывала свои способности въ разныхъ родахъ. Наконецъ судьба привела ее въ оперу, которой она должна была быть украшеніемъ. Едва ли можно себѣ вообразить что либо прелестнѣе этой артистки. Если бъ она не имѣла и никакого дарованія, то одною красотою привлекла бы себѣ всѣ сердца зрителей. Къ счастію, въ ней открылся прекрасный талантъ и день-ото-дня началъ совершенствоваться. — Нерѣшимость въ назначеніи себя съ первыхъ лѣтъ молодости къ оперной части, была виною, что она поздно начала учиться пѣнію, — и оттого голосъ ея, при всей пріятности, звучности и обширности, не могъ уже пріобрѣсть той гибкости, которая была нужна для многихъ партій. Но за то въ игрѣ стала она вскорѣ на первой степени, и безпрестанно продолжала усовершенствоваться. — Роль Сондрильйоны (Штейбельта) — была первымъ и отличнѣйшимъ опытомъ ея таланта.—Въ Жокондѣ роль Анетты довершила прелесть этой оперы. Роль Алины была прекраснѣйшимъ вѣнкомъ ея славы, до тѣхъ поръ, покуда она не сыграла въ *Красной шапочкѣ*, которая составляетъ блистательнѣйшую минуту ея театральнаго поприща. Роль Юліи въ Весталкѣ была также превосходно ею выполнена. Но изъ всего ея обширнаго репертуара, въ которомъ каждая роль была для нея новымъ торжествомъ, я предпочитаю одну небольшую одноактную. Это — *Новая суматоха*, опера-pasticcio, сочиненіе князя Шаховскаго; тутъ игра, пѣніе и красота такъ хорошо слились, что составили что-то неподражаемое, восхитительное. Тутъ г-жа Семенова превзошла сама себя.

Ни въ комедіи, ни въ операхъ не упомянулъ я еще объ одномъ весьма замѣчательномъ лицѣ, потому-что оно равно принадлежало тогда и той и другой. Это г-жа Воробьева, по замужеству *Сосницкая*. Она была дочь знаменитаго буфа и воспитывалась въ Театральномъ Училищѣ. Еще тамъ начало развиваться блистательное ея дарованіе, — и она, будучи еще воспитанницею, была уже любимицею публики. — Мудрено придумать наружность милѣе и прелестнѣе ея. Прекрасная игра ея довершала всеобщее очарованіе. Кто ее пом-

(*) Не будетъ ли намъ, время отъ времени, напоминать ихъ талантливая дочь незабвенной артистки—И. В. Самойлова? *Ред.*

нитъ въ комедіи *Молодые супруги*, тотъ вѣрно скажетъ, что еще никто не сравнялся съ нею въ этой роли. Въ операхъ была она также хороша. Въ Жокондѣ играла она Анетту; въ Аминѣ дублировала Семенову въ главной роли; въ *Красной Шапочкѣ* играла Анетту; воспоминая отличный успѣхъ, съ которымъ она занимала эту роль, невольно удивишься: почему, съ такимъ дарованіемъ, она не продолжала, своего опернаго поприща? Правда, что въ комедіи и водевилѣ она была еще лучше,— но мнѣ кажется, артистъ не долженъ оставлять другихъ отраслей талантовъ. Въ третьемъ періодѣ увидимъ мы ее въ самой блистательной эпохѣ ея таланта. Теперь же она восхищала своею красотою и быстро развивающимся дарованіемъ.

Кромѣ всѣхъ поименованныхъ артистовъ. С. Петербургская опера пріобрѣла еще прекраснаго баса въ лицѣ г. Злова, переѣхавшаго сюда изъ Москвы, послѣ 1812 года, вмѣстѣ съ Сандуновой. Голосъ его былъ прекрасный, игра исполнена чувства и достоинства. Лучшею его ролью былъ Іаковъ въ Іосифѣ (Мегюля). Нельзя вообразить себѣ лица, дикціи и пѣнія прекраснѣе Злова для этой роли.

Остается намъ еще сказать о постановкѣ оперъ. И въ то время эта часть блистала великолѣпіемъ и изяществомъ. Весталка, Жокондъ, Телемакъ, Горація и Куріаціи, монтированы были со всею роскошью, какой требовали сіи піесы. Но въ особенности должно упомянуть о *Волшебной Флейтѣ*. Эта опера принесла бы честь и теперешнимъ роскошнымъ постановкамъ; а прелестныхъ декорацій Гонзаго долго не будетъ на сценѣ. — Кто изъ знатоковъ помнитъ маленькую декорацію 2-го акта, изображающую развалины Египетскаго храма, тотъ вѣрно вздохнетъ о томъ, что не сохранилось даже и рисунковъ работъ Гонзаго. Машина же испытанія огня и воды была бы конечно принята и теперь съ аплодиссментами.

Что касается до обстановки, то Русская опера не скоро достигнетъ до такой счастливой степени искусства. Сколько талантовъ, которыми ежедневно восхищалась публика! Сандунова, Самойлова, Семенова, Сосницкая, Самойловъ, Климовскій, Зловъ— всѣ эти замѣчательные таланты играли вмѣстѣ въ каждой операѣ!

Наконецъ, что сказать о тогдашнихъ авторахъ и переводчикахъ музыкальнаго міра? Кавосъ, показавшій примѣръ народной оперы, занялся исключительно образованіемъ пѣвицъ, и ни самъ не продолжалъ начатаго, ни другихъ не нашлось къ подражанію превосходному его примѣру. Началась переводная эпоха. Я, многогрѣшный, наиболѣе работалъ по этой части, и думалъ тогда, что оказываю взаимную услугу театру и публикѣ, передавая имъ всѣ извѣстнѣйшія оперы. Послѣдствія показали, что я вовсе ничего не сдѣлалъ ни для себя, ни для другихъ.

Обратимся теперь къ балету. Въ 1816 году возвратился сюда Дидло, и давно осиротѣвшая паша Терпсихора опять ожила. Въ то же самое время выписанъ былъ изъ Парижа танцоръ Антонинъ, и вмѣстѣ съ его дебютами началось новое поприще нашего знаменитаго балетмейстера. Первоначальныя его сочиненія въ эту эпоху были незначительны: *Вечеръ въ саду*, *Молодая молочница* и тому подобное,— были просто дивертисементы съ крошечнымъ сюжетомъ; но и въ нихъ были прелестные эпизоды и подробности. Такъ напримѣръ, въ балетѣ *Вечеръ въ саду*, сцена мальчика и дѣвушки, которые ловятъ птичку, а въ *Молодой молочницѣ*, согласіе старухи на брякъ любовниковъ. — Кажется, что Дидло не хотѣлъ сочинять большихъ балетовъ до тѣхъ поръ, пока не преобразуется танцовальная школа. — Онъ скоро успѣлъ въ этомъ. Люди съ геніемъ имѣютъ врожденную способность одушевлять все окружающее. Дидло былъ вовсе не любезенъ съ своими учениками, — и однако же они безпрекословно ему повиновались, думая только о томъ, чтобъ угодить ему. Характеръ Дидло былъ самый пылкій, часто несносный — и однако же всѣ любили, всѣ обожали его.

Подъ руководствомъ Дидло въ короткое время усовершенствовались блистательные таланты Новицкой и Истоминой. — Первая

съ невыразимою легкостію и чистотою соединила нѣжность и скромность; Вторая была воздушна, пламенна, восхитительна, однимъ словомъ, достойна пера Пушкина. Тѣ, которые не видѣли ихъ, а восхищаются теперь волшебнымъ дарованіемъ Тальйони, улыбнутся, можетъ быть, при похвалахъ и эпитетахъ Новицкой и Истоминой; но между ними очень смѣло можно дѣлать сравненія. Техническая сторона танцовальнаго искусства недалеко ушла со временъ Дидло; я, какъ посвященный въ эти Элевзинскія таинства, могу увѣрительно сказать, что Новицкая не уступала Тальйони въ чистотѣ и выдѣлкѣ па, а Истомина въ легкости и выразительности. Каждая порознь конечно уступила бы Тальйони, потому-что онъ не имѣли всѣхъ ея качествъ, но если бы можно было слить вмѣстѣ дарованія Новицкой и Истоминой, то Тальйони, въ свою очередь, была бы побѣждена. Особливо въ первые года Истоминой, она обладала въ высшей степени даромъ одушевлять зрителей. То, что Французы называютъ *abandon*, и чего я право перевести не умѣю, недостаетъ иногда и Тальйони.

Первый балетъ, достойный высокаго дарованія Дидло, былъ: Ацисъ и Галатея.— Геній всегда своенравенъ, и Дидло, Богъ вѣсть для чего, два раза передѣлывалъ этотъ балетъ. Сперва былъ онъ сдѣланъ въ одномъ большомъ актѣ, такъ было сказано и на афишѣ; потомъ уже въ два. Этотъ балетъ была—чистая поэзія.—Только три дѣйствующія лица, а интересъ высокій, непрерывный. Только два акта, а въ нихъ цѣлая эпопея!—Зритель ежеминутно трепещетъ за участь любовниковъ.— Катастрофа, кончающая 1-й актъ, совершенно неожиданная. Бѣдный Ацизъ попался наконецъ въ руки ужаснаго Полифема. Тотъ съ яростью опрокидываетъ его, схватываетъ его за ногу и какъ перо бросаетъ черезъ сцену по воздуху; Ацисъ долженъ былъ бы раздробиться отъ удара, но онъ невреднмо сохраняемъ Амуромъ, подхватывающимъ его на лету и переносящимъ на облакѣ въ безопасное мѣсто (*). Конецъ 2-го акта еще превосходнѣе. Полифемъ застаетъ любовниковъ на берегу морскомъ въ самомъ страстномъ изъясненіи чувствъ. Онъ отрываетъ отъ горы цѣлый обломокъ скалы и съ яростью бросаетъ его на нихъ. Гора летитъ и готова раздавить любовниковъ, не ожидающихъ своей бѣды; но вдругъ эта скала раздвоится, и изъ нея вылетаетъ Амуръ; въ то же мгновеніе театръ перемѣнится, представляя восхитительнѣйшее зрѣлище — царства любви. Въ первый разъ еще на Петербургской сценѣ машинистъ *Тибо* показалъ небывалую новость. Вся правая сторона сцены не имѣла кулисъ, а цѣлая гора, кишащая сверху до низу народомъ и занимающаго всю длину театра, выдвинулась впередъ. Это было очаровательное зрѣлище. Устройство подобной горы принесло бы честь и теперешнимъ машинистамъ.

Вторымъ балетомъ, восхитившимъ Петербургскую публику, была *Венгерская Хижина*. — Сюжетъ былъ взятъ изъ исторіи Венгерскихъ возмущеній, и высочайшій драматическій интересъ приковывалъ вниманіе зрителей, отъ начала до конца. Ни одинъ зритель не могъ устоять, чтобы не тронуться до слезъ сценою съ ребенкомъ во 2-мъ актѣ. — Тутъ впервые появился прекрасный талантъ танцовщицы *Лихутиной* и въ танцахъ и пантомимѣ. Огюстъ же и Колосова явились во всемъ блескѣ своихъ дарованій. Вѣрно, никакой театръ не можетъ похвалиться столь отличными пантомимными сюжетами. Столько жара, благородства и драматическаго искусства, соединенныхъ съ прекрасною наружностію, рѣдко совокупляются въ однихъ лицахъ. Русская сцена въ-правѣ гордиться этими именами.

За тѣмъ послѣдовалъ балетъ *Карлосъ и Розалба*, который не имѣлъ значительнаго успѣха. Это была передѣлка старинной оперы: *Une folle* Мегюля. — За то *Тезей и Аріадна* былъ вполнѣ достоинъ славы Дидло. Это было роскошное созданіе его генія. Къ сожалѣнію, трудно было выполнять роль Минотавра — и эта сцена производила иногда смѣхъ. За то танцы

(*) Разумѣется, всѣ эти продѣлки дѣлаютъ съ куклою, одѣтою Ацисомъ.

1-го акта и послѣднее явленіе были исполнены поэзіи.

Калифъ Богдадскій — былъ передѣлкою извѣстной оперы, въ обширнѣйшей рамѣ. Тутъ были хороши *Антонина* и *Истомина*. Болѣе ничего въ немъ не было замѣчательнаго.

Хензи и *Тоо* была передѣлка извѣстнаго сюжета Зеліуга и Азоръ, въ Китайскихъ костюмахъ. Балетъ былъ отлично поставленъ; но и въ первое представленіе почти-рѣшительно упалъ. Никогда еще не видывалъ я подобной кутерьмы на сценѣ. Кто-то далъ сигналъ для перемѣны декораціи и совершенно не во́ время (*). Дѣйствующія лица были на сценѣ въ жаркой пантомимѣ. Вдругъ раздался свистокъ — и они очутились изъ чертоговъ въ лѣсу. Они рѣшились уйти. Дидло хотѣлъ поправить все это — и, растерялся. Дѣйствующія лица хотѣли продолжать балетъ со сдѣланной перемѣны, но раздались новые свистки, и они очутились опять въ другой декораціи. Дидло требовалъ, чтобъ опустили завѣсу и снова данъ сигналъ; но оставалась еще декорація, и она явилась. Столпившіе за нею люди — плотники, ламповщики, побѣжали въ разныя стороны. Смѣхъ, аплодиссементы, раздались въ театрѣ; Дидло былъ въ отчаяніи и балетъ едва могли кончить. — Кто бъ ожидалъ послѣ этого, что Хензи и Тоо будетъ однимъ изъ любимѣйшихъ балетовъ публики? — И однако же благодарные зрители, не вмѣняя своему любимцу въ вину ошибокъ, которыя пали тогда на машиниста, возвратились во 2-е представленіе и увидѣли, что балетъ превосходенъ; пошли въ 3-й въ 4-й разъ, — и чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ больше нравился.

Наконецъ явился *Рауль де Креки*. Это былъ вѣнецъ славы Дидло. Столько интереса въ балетномъ сюжетѣ никогда еще не существовало. Сцены 3-го и 4-го акта въ темницѣ — верхъ драматическаго искусства. О выполненіи ихъ и говорить нечего. Главными лицами были несравненная наша Колосова и Огюстъ. Къ нимъ присоединилось новое замѣчательное лицо. Это былъ молодой Шемаевъ, котораго прекрасная фигура и отличная пантомима обратили на себя всеобщее вниманіе. — Удивительное дѣло, этотъ балетъ! — Постановка его стоила пять тысячъ, а выдержалъ онъ болѣе ста представленій, данъ былъ восемнадцать разъ въ бенефисы и принесъ Дирекціи болѣе двухъ сотъ пятидесяти тысячъ. Кажется, это былъ единственный въ свѣтѣ балетъ, который окупился и принесъ пользу.

Впрочемъ не всегда былъ Дидло такъ счастливъ. Его *Лорандъ* и *Моргана* стоилъ тридцать тысячъ, — а послѣ 2 и 3 представленій принуждены были его оставить. Балетъ упалъ. Впрочемъ, кажется, это была единственная неудача Дидло въ его жизни.

Кавказскій Пѣнникъ, взятый изъ извѣстной поэмы Пушкина, замѣчателенъ былъ по эпизоду невѣсты, коей тѣнь была новымъ прекраснымъ явленіемъ въ области вымысловъ, а характерные танцы 3-го и послѣдняго акта принадлежали къ нашимъ лучшимъ національнымъ представленіямъ.

Кора и *Алонзо*. Былъ одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ балетовъ, созданныхъ геніемъ Дидло. Монтировка была самая роскошная. Машинистъ Тибо пріобрѣлъ тутъ новую славу. Его восходъ солнца былъ чудесенъ. Оно сіяло такъ ослѣпительно, что нельзя было смотрѣть на него. Разрушеніе храма солнца заставило трепетать зрителей. Воздушная переправа черезъ бездны также представляла любопытное зрѣлище, а наконецъ затменіе солнца было произведено искусно и очаровательно.

Федра былъ послѣднимъ балетомъ, въ которомъ блеснуло дарованіе Дидло. Вскорѣ послѣ того онъ оставилъ свое хореграфическое поприще. — Напрасно стали бы сравнивать его съ тѣми, которые послѣ него приняли балетмейстерскій жезлъ. Они могли быть люди съ дарованіемъ, но далеки отъ генія.

Составъ балетной труппы былъ тогда самый блистательный. Дидло былъ танцо-

(*) Послѣ отыскивали виновнаго и не нашли. Кажется, что это былъ самъ Дидло.

вальнымъ учителемъ Театральной Школы и таланты росли, какъ въ сказкахъ – не по днямъ, а по часамъ. При исчисленіи балетовъ Дидло, я помѣстилъ не только тѣ, которые принадлежатъ ко 2-му періоду, но и всѣ третьяго, чтобъ читатель могъ вполнѣ обозрѣть его труды. Созданные же имъ ученики и ученицы, принадлежатъ большею частію къ третьему періоду; я объ нихъ скажу въ своемъ мѣстѣ.

Теперь остается сказать о французской труппѣ. — Едва прошли времена брани и народной ненависти, какъ уже всѣ начали опять думать о французскомъ спектаклѣ, котораго существованіе для высшаго петербургскаго общества необходимо. – Но какъ суммы, прежде получаемыя на этотъ предметъ, имѣли уже вовсе другое назначеніе, то дирекція должна была отъ собственныхъ своихъ средствъ заводить французскую труппу. Это было не легко, — почти невозможно. Нашлись два антрепренера (Брисъ и Мезасъ), которымъ дирекція обязалась дать безденежно театръ, оркестръ и существующія декораціи и гардеробъ. За это получила отъ нихъ крошечную французскую труппу, состоявшую изъ 8-ми человѣкъ. Теперь это показалося бы забавно, – но тогда публика обрадовалась и этой бѣдности. Звуки французскаго языка, нѣсколько лѣтъ изгнанные со сцены, опять раздались во всеуслышаніе, — и удовольствіе было всеобщее. – Сперва стали играть маленькія комедіи, потомъ маленькія оперы, – а тамъ мало по малу труппа начала усиливаться и съ тѣмъ вмѣстѣ репертуаръ ея.

Тогда, разумѣется, абонементъ составлялъ главный доходъ и обезпеченіе въ существованіи труппы. Превосходная мысль одного изъ гг. директоровъ успѣла чрезъ этотъ абонементъ и всеобщія средства Дирекціи: объявлено было, что отдѣльнаго абонемента на французскіе спектакли не существуетъ, – а можно только абонироваться на всѣ представленія русскія и французскія, даваемыя на Большомъ Театрѣ.— Какъ ни стѣснительна казалась эта мѣра для многихъ, но страсть къ французскимъ зрѣлищамъ была въ то время такъ сильна, что всѣ согласились, — и отъ этого общаго абонимента всякой *русскій* спектакль имѣлъ уже заранѣе до 1000 руб. въ день сбора, не продавали ни одного билета. Я не вхожу въ сужденія о финансовомъ достоинствѣ этой мѣры, — но скажу только, что она имѣла прекрасное вліяніе на усовершенствованіе русскихъ спектаклей. – Высшее общество, принужденное абонироваться на русскія представленія, точно также должно было по-неволѣ ихъ смотрѣть. Чрезъ это, съ одной стороны, высшій кругъ знакомился съ русскимъ театромъ, въ который дотолѣ рѣдко ѣздилъ, а съ другой, русскіе артисты, видя предъ собою ежедневно небывалыхъ прежде зрителей, которыхъ судъ и вкусъ были такъ важны и взыскательны, пріобрѣтали болѣе утонченности въ своей игрѣ. Даже сами авторы были осторожнѣе, зная, что всякій фарсъ, всякая двусмысленность, будутъ приняты очень неблагосклонно. Повторяю еще разъ, что это обстолтельство было очень важно для образованія нашего театра, и если теперь мы иногда, въ Александринскомъ Театрѣ, видимъ фарсы и слышимъ *недвусмысленныя* двусмысленности, то единственно потому, что тамошніе спектакли рѣдко посѣщаемы высшимъ обществомъ, а сдѣлались какъ бы достояніемъ средняго класса.

Вскорѣ французская труппа вошла въ составъ дирекціонныхъ, оставаясь однако же на собственномъ иждивеніи. Какъ ни стѣсненыбыли для этого ея средства,—но она успѣла составить очень хорошую труппу. Пѣвцы *Брен* и *Жено*, пѣвицы *Данжевиль – Ванденбергъ, Брисъ* и *Женни Филисъ* (дочь знаменитой Филисъ) могли бы украсить всякій театръ, а актриса *Денизъ-Туссенъ* (дочь знаменитой субретки Туссенъ-Мезьеръ) наслѣдовала всю славу и дарованія своей матери, и была одною изъ превосходнѣйшихъ актрисъ. Изъ комиковъ, *Мере* и *Сенъ Феликсъ* пріобрѣли общую любовь публики: первый истиннымъ комизмомъ и высокими дарованіями, второй, подъ-часъ и фарсами, однако же такими, которые забавляли и не заставляли краснѣть.

Въ первомъ періодѣ я ничего не гово-

рилъ о нѣмецкой труппѣ. Это потому, что я объ ней тогда имѣлъ мало понятія: по сдѣлавшись во 2-мъ періодѣ управляющимъ этою труппою, я уже покороче познакомился и съ дѣйствующими лицами и съ ея репертуаромъ. Составъ труппы былъ богатъ и разнообразенъ. — Трагедіи, драма, комедіи и опера имѣли своихъ отличныхъ персонажей.

Въ трагедіи блистали тогда *Гебгардъ* и жена его. — По моимъ понятіямъ о трагедіи, я во всю жизнь не видалъ ни одного нѣмецкаго актера, который бы игралъ съ достоинствомъ, величіемъ и эстетическимъ чувствомъ; но изъ актрисъ я знавалъ трехъ: г-жа Гебгардъ принадлежитъ къ числу ихъ. Она соединяла въ себѣ простоту, возвышенность и неподдѣльное чувство. Наружность ея была самая пріятная. Чѣмъ же мужъ ея пріобрѣлъ себѣ славу — право, не знаю. Послѣ него былъ любимецъ публики — г. *Вильде*. Въ трагедіи онъ игралъ героевъ, любовниковъ и рыцарей; въ комедіяхъ амплуа вертопраховъ и bon-vivans; въ трагедіи причисляю его въ категоріи тѣхъ, которые не созданы для возвышеннаго рода; за то въ комедіяхъ онъ былъ неподражаемъ. Лучше его никто не игралъ повѣсъ и вертопраховъ. Онъ въ этихъ роляхъ былъ на сценѣ, какъ дома. Жена его, бывшая до замужества дѣвица *Кемаферсъ*,— была актриса отличной красоты и съ хорошимъ дарованіемъ. Она играла все: была первою любовницею въ трагедіи, въ комедіи и первою пѣвицею въ оперѣ. Успѣхъ сопровождалъ ее вездѣ: былъ ли онъ заслуженъ, не знаю. Я лично не находилъ въ ней столько таланта, сколько ей приписывали.

Линденштейнъ былъ прекрасный комикъ. При всей слабости и даже странности своего голоса, онъ такъ хорошо умѣлъ украсить его своимъ дарованіемъ, что никто не думалъ объ этомъ. Талантъ его былъ чрезвычайно разнообразенъ. Если его кто видѣлъ въ *Сестрахъ изъ Праги* и тому подобныхъ карнавальныхъ піесахъ, тотъ, насмѣявшись до-сыта, могъ подумать, что Линденштейнъ хорошій фарсеръ и больше ничего. Но въ піесахъ Иффланда, комизмъ его дѣлался благороднымъ, превлекательнымъ: въ комедіи *Der Schneider und sein Sohn* (съ Англійскаго) этотъ самый комизмъ былъ уже возвышенъ и утонченъ; въ драмѣ *Der arme Poèt* зритель уже плакалъ, разстроганный до глубины сердца игрою Линденштейна, — а кто наконецъ видѣлъ его въ роли Позерти, въ драмѣ *Игрокъ* (Иффланда) — тотъ конечно ужасался отъ вѣрности, съ которою Линденштейнъ выражалъ этотъ адскій характеръ злодѣя.

Въ послѣдствіи явился другой комикъ—*Анжели*. При дѣтскомъ ростѣ своемъ и небольшихъ средствахъ, — и при соперничествѣ такого дарованія, какъ Линденштейнъ, Анжели успѣлъ сдѣлаться любимцемъ публики — непринужденною своею игрою, неподдѣльною веселостію и разнообразнымъ дарованіемъ. Онъ первый ввелъ здѣсь піесы, въ которыхъ одинъ актеръ занимаетъ полдюжины ролей всякаго рода, — и какъ ни натянуты всегда сюжеты этихъ піесъ, но Анжели показалъ въ нихъ все разнообразіе своего таланта.

Благородный отецъ — *Брюкль* былъ артистъ съ большимъ дарованіемъ; игра его была натуральна и величественна.

Но замѣчательнѣйшимъ талантомъ по драматической части былъ *актеръ Боркъ*. Онъ игралъ злодѣевъ.—и съ такимъ совершенствомъ, что могъ ужаснуть зрителя. Францъ Мооръ, Пококъ, Пазертъ и другіе роли передаваемы имъ были съ такимъ совершенствомъ, что заставляли трепетать. И удивительное дѣло! За то, что онъ игралъ злодѣевъ, публика не любила его, даже совѣстилась ему апплодировать. Признаюсь, не знаю, чему тутъ болѣе удивляться: патріархальнымъ ли нравамъ Нѣмецкихъ зрителей, которые и на сценѣ ненавидятъ злодѣйство?... Или странности ихъ художественныхъ понятій, по которымъ они не могутъ отдѣлить *художника* отъ *частнаго человѣка*.

Оперная Нѣмецкая труппа долгое время была въ блистательномъ положеніи. Первою пѣвицею была г-жа *Линденштейнъ*, урожденная Брюкль. Это былъ обширнѣйшій изъ всѣхъ голосовъ, которые я когда либо слышалъ. Диссонансъ ея простирался отъ

нижняго sol до верхняго скрипичнаго, то есть ровно три октавы. Метода ея была не Италіянская, и она рѣдко модулировала; за то чище и вѣрнѣе ея мудрено было сдѣлать труднѣйшіе пассажи. Ноты сыпались, какъ жемчужины. Вообще голосъ ея былъ звучный, сильный и пріятный; игра самая посредственная; главный же ея недостатокъ, который публика рѣдко прощаетъ, состоялъ въ томъ, что она была нехороша сособою.

Въ 1813 году явилась другая пѣвица, г-жа *Мюллеръ* (въ послѣдствіи г-жа Бендеръ, по замужству.) Она имѣла огромный успѣхъ. Почему? Не знаю. Она вовсе была не замѣчательна по дарованію; имѣла пріятный гибкій, легкій голосъ, была прекрасною актрисою и очень недурна собою. Все этого вмѣстѣ было, конечно, достаточно, чтобъ пріобрѣсть ей любовь публики; но она получала по 400 р. за каждое представленіе, — а это было очень много.

Г-жа *Гебгардъ* и *Вильде* занимали также амплуа пѣвицъ и были очень хороши во многихъ роляхъ; но какъ настоящее ихъ мѣсто было по драматической части, — то объ нихъ здѣсь и говорить нечего.

Изъ пѣвцовъ, не знаю, кого назвать. Кажется, что Германія на счетъ теноровъ также несчастлива, какъ и нашъ Петербургъ. Почти въ полстолѣтіе жизни, я не слыхалъ еще ни одного хорошаго нѣмецкаго тенора. Это какъ-то не въ германской натурѣ. Здѣсь былъ тогда первымъ пѣвцомъ Цейбихъ. Какъ музыкантъ, онъ имѣлъ много достоинства; но смотрѣть на него, когда онъ поетъ, нельзя было. Явился вскорѣ другой, и увлекъ на время любовь публики, Это былъ *Циліаксъ*. — Его наружность и игра были по крайней мѣрѣ хороши, пѣніе довольно сносное, и онъ долго пользовался успѣхомъ на нашей сценѣ. Жена была его первою трагическою актрисою, но увлекая часто зрителей жаромъ чувствъ, молодостію и красотою, она была ниже г-жи Гебгардъ въ искусствѣ.

Вотъ всѣ лучшіе постоянные члены, (такъ всегда нѣмецкіе актеры называютъ себя) нѣмецкой труппы. Въ добавокъ къ нимъ почти ежегодно пріѣзжали къ нимъ *гости* изъ чужихъ краевъ и возобновляли удовольствіе публики. — Это гостированіе составляетъ одно изъ величайшихъ наслажденій художнической жизни нѣмцевъ. Они какъ будто сотворены для частыхъ переселеній. Всякій объѣздитъ всѣ театры, испытаетъ вкусы всѣхъ зрителей и счастливъ. Театральныя администраціи въ Германіи принуждены уже были придумать противъ этой страсти къ путешествіямъ особенное средство. Теперь вездѣ ангажируютъ хорошаго артиста на всю жизнь. Тутъ ужъ по неволѣ останешься.

Вотъ, кажется, все, что я помню о второмъ періодѣ моего театральнаго бытія. По крайней мѣрѣ ничего больше важнаго и любопытнаго не представляется моей памяти. Развѣ удвоеніе цѣнъ на нѣкоторыя мѣста. Это было въ 1816 году. Кресла изъ 2 р. 50 к. вдругъ сдѣлались по 5 р., и всѣ вопіяли. Долго не ходили, крѣпились, — но наконецъ потребность удовольствій побѣдила, и мало по малу всѣ забыли объ этомъ. То же самое случилось съ партеромъ. Прежде былъ партеръ внизу по 1 р., и это было самое любимое мѣсто молодежи. Мало по малу административныя выгоды начали убавлять партеръ. Сперва входило въ него до 1000 человѣкъ, потомъ уже 700, потомъ 400, наконецъ 250, — а при перестройкахъ Большаго и Малаго Театровъ прежній партеръ и совершенно исчезъ. Теперь къ этому привыкли — и очень хорошо. На все есть свое время. — Теперь пышныя мѣста сдѣлались второе дороже, а все таки ихъ берутъ: значитъ, что и это дѣло полезное и хорошее.

Но, кажется, мой второй періодъ очень длиненъ, и это уже ни полезно, ни хорошо. Пора его кончить, и приняться за третій, въ скромнѣйшемъ объемѣ.

Р. ЗОТОВЪ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОДЕССКОМЪ ТЕАТРѢ.

Сообщаемъ читателямъ нашимъ любопытное извѣстіе о репертуарѣ Одесскаго театра за прошлый (1839—40) театральный годъ. Мы нашли это извѣстіе въ *Одесскомъ Вѣстникѣ:*

«Въ истекшемъ театральномъ году, съ 23 Марта 1839 по 28-е Февраля 1840, дано было на Одесскомъ театрѣ 144 представленія Италіянскихъ оперъ, а именно: *семь* оперъ *Беллини*, представленныхъ 48 разъ: «Габріелла де Вержи» (7 разъ), «Торкватто-Тассо» (2 раза), «Чужестранка» (6 разъ), «Сонамбула (12 разъ), «Капулети и Монтеки» (3 раза), «Беатриче ди Тенда (12 разъ), и »Норма« (6 разъ); *три* оперы *Доницетти*, представленныя 43 раза: «Шестовый (16 разъ), «Велисарій» (16 разъ), и «Анна Болена» (11 разъ); *пять* оперъ *Россини*, представленныхъ 29 разъ: «Севильскій цирюльникъ» (12 разъ), «Чеперептола» (9 разъ), «Семирамида» (3 раза). «Сорока-воровка» (4 раза), и «Отелло» (1 разъ); *двѣ* оперы *Риччи*, представленныя 10 разъ: «Эликсиръ любви» (5 разъ) и «Скарамуччіа» (5 разъ); *одна* опера *Коччіа*, «Катерина де Гизъ,» представленная 7 разъ; одна опера *Паччини* «Арабы въ Галліи», представленная 4 раза; и *одна* опера *Галлеа* (Одесскаго композитора) «Осмѣянный провинціяльный женихъ», представленная 3 раза — всего 144 представленія 20-ти оперъ. Первое мѣсто, по количеству представленія оперъ, данныхъ на Одесскомъ театрѣ, занимаетъ Беллини, а за нимъ слѣдуютъ: Доницетти, Россини, Риччи, Коччіа, Паччини и Галлеа. Въ пользу аббонентовъ, вмѣсто условленныхъ по контракту 100 представленій, дано 127-мь; за исключеніемъ аббонамента 3, и для бенефисовъ актеровъ 14 представленій. Сверхъ того, дано: Французскою труппою 37, механическихъ 2, любителями въ пользу бѣдныхъ 5 представленій, 1 импровизація и 1 маскерадный балъ; всего-же 205 представленій.

Изъ показаннаго исчисленія Италіянскихъ представленій видно, что аббонентамъ, заплатившимъ за ложи 1-го яруса со 600 руб. ассигнаціями въ годъ, каждое изъ 127-ми представленій обошлось около 4 ру· $72\frac{1}{2}$ к. ассигн., а съ привосокупленіемъ четырехъ входныхъ билетовъ, за которые платится особо 5 руб. 60 к., — составитъ 10 р. $32\frac{1}{2}$ к.; аббонентамъ 2-го яруса, заплатившимъ за ложи по 400 р. въ годъ, каждое представленіе обошлось около 3 р. $15\frac{1}{2}$ к.; а съ присовокупленіемъ 5 р. 60 к. за 4 входные билета, въ 8 р. $75\frac{1}{2}$ к. ассигн.; аббонентамъ бенуара, заплатившимъ 300 руб. въ годъ, каждое представленіе стоило около 2 р. $36\frac{1}{2}$ к.; а съ присовокупленіемъ 5 р. 60 к. за 4 входные билета, —7 р. $96\frac{1}{2}$ коп.; нумерованныя кресла обошлись аббонентамъ, заплатившимъ 200 р. въ годъ, около одного 1 р. $58\frac{1}{2}$ к. ассигнаціями. Каждый изъ гг. аббонентовъ, имѣющихъ у себя афиши, можетъ повѣрить это исчисленіе и убѣдиться, что если мы и ничего почти не видимъ на Одесскомъ театрѣ, кромѣ Италіянской оперы, за то Италіянская опера обходится у насъ дешевле, нежели гдѣ-либо въ Европѣ.»

Къ этому прибавимъ еще очень любопытное и пріятное извѣстіе о дебютѣ г-жи *Бельтрами-Барощци*, прима-донны *сопрано.* Заимствуемъ это извѣстіе изъ того же источника.

«Наконецъ, Одесскій театръ обладаетъ теперь прима-донною *сопрано*, какой никогда, можетъ-быть, не слышали мы и какую давно жлала здѣшняя публика. Да; съ тѣхъ поръ, какъ звуки сладостнаго *контральто* Морикони навсегда умолкли, мы не слышали еще пѣнія, подобнаго тому, какое изливается изъ мелодическихъ устъ г-жи *Бельтрами-Барощци*. Недаромъновая прима-донна называется офиціяльно «primissima-donna soprano».

Г-жа Бельтрами дебютировала (15-го Мая) въ операѣ Коппола «Nina, pazza per amore». Мы не были на первыхъ представленіяхъ этой оперы и явились только на третье (23-го Мая), а потому и не беремъ на себя права произносить рѣшительный приговоръ голосу и манерѣ пѣнія новой прима-донны. Но, сколько дозволяется судить по первому впечатлѣнію,

обыкновенно вѣрнѣйшему, можно, кажется, поздравить Одесскую публику съ счастливымъ пріобрѣтеніемъ и отъ чистаго сердца поблагодарить театральную дирекцію. Г-жа Бельтрами очень удачно выбрала для своего дебюта оперу Коппола. Съ первыхъ звуковъ аріи, которую Нина, уже безумная, поетъ за кулисами, мы были поражены отчетливостью этого пѣнія, выполненнаго съ такой трогательною простотою. Театральная зала замолкла, будто опустѣлая, внимая меланхолической пѣснѣ Нины.... И вдругъ на сцену стремительно выбѣгаетъ молодая женщина средняго роста, довольно смуглая, но чрезвычайно привлекательная тѣмъ чувствомъ, которое просвѣчиваетъ во всѣхъ чертахъ и въ каждомъ движеніи ея. Это Нина, «pazza per amore». Въ продолженіе почти цѣлой оперы она не сходитъ уже со сцены. Глаза ея сверкаютъ зловѣщимъ огнемъ, обличающимъ въ страдалицѣ присутствіе страшнаго недуга, безумія. Но безуміе Нины, тихое и трогательное, изрѣдка только отличается какою-то дикостью порывовъ и всегда вѣрно природѣ и чувству. Видно, что это было существо кроткое и любящее, и что любовь, по прежнему, сохранила надъ нимъ свои права и осталась господствующимъ чувствомъ его жизни. Игра и пѣніе Нины прекрасны, потому что истинны. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ дуэтѣ, который она поетъ съ г-мъ Марини, трудно удержать слезы свои, слушая ее. Голосъ ея, постоянно волнуемый сильнымъ чувствомъ, удивительно пріятенъ и чистъ въ низкихъ тонахъ. Финалы ея чрезвычайно просты и свободны отъ тѣхъ, прискучившихъ намъ, заключительныхъ руладъ, которыми такъ любятъ щеголять Италіянскія пѣвицы, какъ-бы вызывая рукоплесканія зрителей.

Кстати о рукоплесканіяхъ. Какъ ни удовлетворительно идетъ на нашей сценѣ опера, но одно обстоятельство показалось намъ не совсѣмъ прекраснымъ — именно рукоплесканія. Въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ вы съ ужасомъ внемлете, что партеръ уже плещетъ, буйно, неукротимо, и принуждаетъ бѣдную Нину оставить въ покоѣ свое безуміе и присѣдать до земли въ безконечныхъ книксенахъ. Надобно-же ей, въ углу почтеннѣйшей публики, разсыпаться въ поклонахъ и привѣтливыхъ улыбкахъ, наперекоръ своему чувству, на которомъ за минуту предъ тѣмъ, было сосредоточено все ея вниманіе. Оно-бы ничего, да какъ-то странно и не очень пріятно видѣть такія рѣзкія, противуестественныя метамарфозы. Въ другихъ операхъ это не такъ замѣтно, а здѣсь напротивъ. Замѣтно, какъ Нина снова усиливается придать своему лицу дикость безумія. Нехотя помыслишь, глядя на эти невольные мгновенные переходы Нины изъ благоразумія въ безуміе: «по-истинѣ прискорбно есть, что такая прекрасная, воспитанная барышня вдругъ помѣшалась».

Роли другихъ лицъ не столь значительны. Графъ Родольфо, отецъ Нины (г. *Марини*), прекрасно выполняетъ дуэтъ съ Ниною, о которомъ мы говорили выше. Энрико, любовникъ Нины (г. *Альберти*,) пѣлъ весьма удовлетворительно. Докторъ Симпліціо (г. *Граціани*), по нашему мнѣнію, не понялъ своей роли. Онъ безпрерывно фарситъ, припоминая, вѣрно, что въ составѣ Одесской оперной труппы онъ есть буффо. Можно допустить еще, что, при излеченіи безумія, медикъ долженъ обходиться съ своими паціентами холодно и сурово, разумѣется, по наружности; но чтобы ему слѣдовало въ такихъ случаяхъ буффонировать — это «не въ порядкѣ вещей». Положимъ, роль его неблагодарна, но изъ этого не слѣдуетъ, что онъ долженъ выполнять ее ложно. Въ подобной-же роли мы видѣли, на Одесскомъ театрѣ, г. *Щепкина*, въ скучнѣйшей драмѣ: «Она помѣшана.» Сколько правды и чувства было разсыпано въ художнической игрѣ его; и, несмотря на то, что роль его была самая незначительная, онъ только и обращалъ на себя вниманіе, послѣ того, какъ большая часть зрителей «разбѣжалась», въ строгомъ смыслѣ этого слова, при первыхъ возгласахъ г. Бабанина съ братіею. А вѣдь и Щепкина-же считаютъ нѣкоторые добрые люди только «буффомъ» и «комедіантомъ», хотя этотъ «комедіантъ» исторгалъ невольныя слезы въ «Матросѣ» и «Кетли».

Слѣдовало-бъ упомянуть еще о Маріанѣ (г-жѣ *Вентури*); но Одесская публика и безъ того знаетъ ее и цѣнитъ по достоинству.»

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

(Къ И. М. Лих.)

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Д. Г. Синичкинъ, ком.-вод.; Братъ по случаю, вод.; Капризы влюбленныхъ, вод.; Двое за шестерыхъ, вод.; Дѣловой человѣкъ, вод.; Не влюбляйся безъ памяти, вод.; Замужняя вдова, комедія; Одна невѣста, вод.; Лукавинъ, ком.; Фениксъ, вод.; Пьетро Дандини, вод.; Харьковскій женихъ, вод.; Сцены изъ трагедіи: *Эдипъ Царь;* театральные слухи и новости.

И такъ, рѣшено: ты оставилъ Петербургъ надолго, если не навсегда, оставилъ его шумную, дѣятельную жизнь, его удовольствія и наслажденія, его конперты и театры, которые были первою твоею страстію, главнѣйшимъ предметомъ твоихъ разговоровъ, и даже занятій. И вотъ, удалившись въ провинцію, да еще въ деревню, сдѣлавшись изъ свѣтскаго человѣка деревенскимъ анахоретомъ, ты все однако жъ не можешь совсѣмъ отстать еще отъ Петербурга, отъ всего, что занимало тебя здѣсь прежде, и требуешь, *писемъ — писемъ* и *новостей*.

Вижу твою мысль, знаю, какихъ *новостей* тебѣ надобно, что болѣе всего тебя интересуетъ. Впрочемъ очень хорошо помню, что я, передъ отъѣздомъ твоимъ, далъ тебѣ слово — увѣдомлять обо всемъ, что дѣлается и готовится на нашемъ театрѣ. Исполняю свое обѣщаніе, тѣмъ болѣе, что ты требуешь только *одного письма въ мѣсяцъ*.

По игрѣ случая, еще одно обстоятельство присоединилось къ тому, чтобы твое желаніе нашло удовлетвореніе. Любезный издатель «Репертуара Русскаго Театра» упросилъ меня взять въ мое вѣдомство *Хронику Петербургскаго Театра*, которая, по плану и обѣщанію, должна составлять непремѣнную принадлежность его изданія. По обязанности фельетониста «Сѣверной Пчелы», слѣдя постоянно за всѣми новостями Петербургскихъ театровъ, я могу исполнить его просьбу тѣмъ легче, что мнѣ остается только разнообразныя впечатлѣнія всѣхъ спектаклей порознь подводить, такъ сказать, подъ одну точку зрѣнія, и отдѣльныя замѣтки о каждомъ спектаклѣ соединять нитью лѣтописателя.

Вотъ тебѣ нѣсколько строкъ, вмѣсто предисловія; теперь приступаю къ дѣлу.

Чтобы поставить тебя, такъ сказать, au courant de toutes nouveautés, я начну мой отчетъ съ начала театральнаго года, т. е. съ открытія театровъ послѣ Святой Недѣли. Замѣчу вообще, что не смотря на неблагопріятное, по видимому, время для театровъ, бенефисы нынѣшней весны и нынѣшняго лѣта представили много занимательныхъ и замѣчательныхъ новостей. Пойдемъ по порядку.

Въ-первыхъ, *Левъ Гурычъ Синичкинъ*, Д-е Т. Ленкаго, піеса, которою интересовалась Петербургская публика, слыша разсказы и читая статьи о необыкновенномъ успѣхѣ этой комедіи въ Москвѣ. Слухи оправдались на дѣлѣ. Эта комедія, благодаря таланту

переводчика и превосходной игрѣ г. Мартынова, въ роли Синичкина, имѣла большой успѣхъ, и долго будетъ держаться на нашей сценѣ. Г. Мартыновъ придалъ чрезвычайно-оригинальный колоритъ своей роли. Нельзя не нараловаться отъ-души за нашего молодаго артиста, котораго талантъ такъ быстро развивается съ каждою новою ролью. Я думаю, что въ немъ не умретъ Щепкинъ на русской сценѣ, если только любовь къ искусству будетъ также подкрѣплять его, и если русская драматическая литература будетъ доставлять ему такія роли, надъ которыми художнику можно поработать.

Водевиль *Братъ по случаю, другъ по неволѣ*, переведенный съ Французскаго П. С. Ѳедоровымъ, который, послѣ довольно-продолжительнаго отдыха, снова началъ работать для театра, не имѣлъ успѣха; за то двѣ другія его піесы *Капризы влюбленныхъ* (напечатана въ прошлой книжкѣ *Репертуара*) и *Двое за шестерыхъ* или *Хочу быть актриссой!* (напечатана въ нынѣшней) были очень благосклонно приняты публикой: первая, благодаря прекрасной игрѣ всѣхъ артистовъ, и въ особенности г. Мартынова; вторая, изъ двухъ дѣйствующихъ лицъ состоящая, отлично была выполнена г-мъ Самойловымъ и г-жею Самойловою 2-ю.

Ѳ. А. Кони, такъ давно не дарившій театръ нашъ своими водевилями, наконецъ прервалъ упорное молчаніе и отдалъ на сцену давно уже обѣщанный водевиль: *Дѣловой человѣкъ* или *Въ шляпѣ дѣло*. Это лучшій изъ всѣхъ его водевилей. Занимательный по содержанію, онъ, сверхъ того, отличается естественнымъ ходомъ дѣйствія, забавными положеніями и остроумными куплетами. Г. Кони, какъ редакторъ *Пантеона Русскаго и всѣхъ Европейскихъ театровъ*, обѣщалъ печатать въ своемъ изданіи *лучшіе водевили:* это заставляетъ насъ надѣяться, что *Дѣловой человѣкъ* будетъ тамъ напечатанъ.

Въ отношеніи къ сценическому исполненію, этому водевилю также очень посчастливилось: не смотря на то, что онъ былъ поставленъ въ нѣсколько дней, мнѣ, въ послѣднее время, рѣдко удавалось видѣть піесы, которыя были бы сыграны такъ хорошо, такъ стройно и согласно. Г-жа Асенкова и гг. Мартыновъ и Куликовъ выполняли дѣло свое какъ нельзя лучше.

Незадолго передъ этимъ данъ былъ другой водевиль г. Кони, игранный въ Москвѣ, но не игранный въ Петергургѣ: *Не влюбляйся безъ памяти, не женись безъ разсчета*, переведенный съ Французскаго. Піеса очень забавная, которую публика приняла съ одобреніемъ и удостоила переводчика вызовомъ.

Изъ новыхъ піесъ нельзя не замѣтить очень умную и занимательную комедію въ двухъ дѣйствіяхъ: *Замужняя вдова и мужъ холостякъ*. Эта комедія переведена съ Французскаго, кажется, изъ водевиля Le mari de la veuve, и если вѣрить слухамъ, *Р. М. Зотовымъ* (*). Въ формѣ водевиля, при хорошихъ куплетахъ, она, вѣроятно, понравилась бы еще болѣе, но и въ теперешнемъ видѣ, по своему умному и благородному содержанію, по языку легкому и разговорному, она принята публикой съ величайшимъ одобреніемъ, тѣмъ болѣе, что разъиграна была, отъ начала до конца, прекрасно. Гг. Мартыновъ, Самойловъ, Куликовъ, г-жа Самойлова 2-я, Асенкова и Ширяева, были всѣ на своихъ мѣстахъ и исполнили роли свои съ отличнымъ успѣхомъ.

Одна невѣста и три жениха, комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи, сочиненіе неизвѣстнаго автора, не имѣла большаго успѣха. Содержаніе ея взято изъ простаго, крестьянскаго быта. Этотъ водевиль, какъ говорится, *немножко подгулялъ*, и сбился на старинный лалъ *того, къ-счастію уже* прошедшаго времени, когда нравились двусмысленныя остроты и несовсѣмъ приличныя шутки. Г-жа Шелехова 2-я лучше всѣхъ поняла мысль и намѣреніе автора и исполнила свою роль даже *слишкомъ-натурально*. Г. Самойловъ, въ роли ямщика, былъ очень хорошъ, также какъ и *г-жа Самойлова 2-я*, которая, между прочимъ, очень мило пропѣла Русскую пѣсню: *Ахъ, ты слышишь ли, разумѣешь ли*, подъ музыку

(*) Слухи совершенно-справедливы. Комедія эта будетъ напечатана въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ *Репертуара*. *Изд.*

г. Кашина. Г. Мартыновъ, въ роли станціоннаго смотрителя, былъ уморительно-смѣшенъ; г. Григорьевъ 2-й, въ роли подрядчика, былъ на своемъ мѣстѣ, но авторъ мало далъ ему простора

Недавно давали на нашей сценѣ *Лукавина*, комедію, передѣланную изъ Шерплановой *Школа злословія* покойнымъ Писаревымъ. Я помню, какой блестящій успѣхъ имѣла нѣкогда эта комедія въ Москвѣ: обставленная лучшими артистами—Рязанцевымъ, Сабуровымъ, Булаховымъ, Щепкинымъ, Мочаловымъ, Львовой-Синецкой, Репиной, разученная подъ руководствомъ самого Писарева и незабвеннаго Ѳ. Ѳ. Кокошкина, которые такъ-горячо любили театръ, эта комедія долго была самою любимою піесою московской публики. Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, я шелъ въ театръ съ грустною мыслію, повторяя меланхолическій стихъ Саади, такъ хорошо переданный Пушкинымъ:

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече....

Очень естественно, что въ этотъ разъ, сидя въ театрѣ, я былъ взыскательнѣе, нежели когда нибудь; и странно—не знаю отчего, піеса показалась мнѣ не тѣмъ, чѣмъ казалась прежде: и завязка неестественною, и характеры натянутыми, и положенія изъисканными, Досажаевъ—великимъ, Здравсудовъ—несноснымъ резонеромъ, и пр. и пр.; даже самые стихи, изъ которыхъ я и теперь еще помню половину, не такъ легкими и гладкими, какъ прежде. Впрочемъ надобно сказать правду, я нашелъ болѣе, нежели ожидалъ, и — какъ ты думаешь? — кому изъ нашихъ артистовъ отдаю я пальму первенства въ этой комедіи? — Молодому актеру, г. Куликову, котораго ни въ какой роли не видалъ я такъ-хорошимъ, какъ въ роли Вѣтрона, молодаго, беззаботнаго, но добраго шалуна и повѣсы. Мнѣ очень пріятно отдать ему въ этотъ разъ справедливость: онъ исполнилъ роль Вѣтрона ловко, умно; игра его отличалась веселостію, непринужденностію, развязностію, которыхъ я прежде въ немъ не замѣчалъ. Это подаетъ надежду видѣть въ немъ современемъ очень полезнаго актера для амплуа молодыхъ повѣсъ. Дай Богъ, чтобы онъ не остановился на этомъ и навсегда оставилъ свою принужденную манеру, свою привычку — говорить монотонной скороговоркой: все это происходитъ отъ неувѣренности въ самомъ себѣ. Роль Вѣтрона, выполненная имъ такъ удовлетворительно, кажется, вполнѣ можетъ ободрить его на дальнѣйшіе успѣхи. Совѣтуемъ одно только: чаще брать такія роли, которыя требуютъ работы, изученія, обдуманности; въ вздорныхъ, пустыхъ роляхъ далеко уйдти нельзя.

Роль Лукавина выполнена была г. Каратыгинымъ 2-мъ умно и отчетливо; но не мѣнѣе того, она не принадлежитъ къ *лучшимъ* ролямъ этого артиста. О другихъ говорить не стану. Одно только показалось мнѣ страннымъ: почему роль Досажаева не игралъ И. И. Сосницкій, а роль жены его—А. М. Каратыгина? И почему вообще, эти почтенные артисты, такъ точно, какъ и В. А. Каратыгинъ въ послѣднее время какъ-то рѣдко являются на сцену? Публика очень скучаетъ, замѣчая ихъ отсутствіе, а театръ отъ этого не выигрываетъ...

Вотъ наши лучшія сценическія новости. Порадуйся вмѣстѣ со мною, что между ними ни одной почти нѣтъ такой, какія прежде бывали безпрестанно: грубые, нелѣпые фарсы, грязные водевили, сальные куплеты, пошлые выходки и намеки, и пр. и пр. Теперь театръ нашъ очень облагородился; даже прекратились эти неистовые вызовы, это неумѣстное шиканье, отъ которыхъ прежде житья не было и которыя составляли занятіе извѣстныхъ *театральныхъ паскомыхъ*, какъ весьма-остроумно назвалъ ихъ Ѳ. В. Булгаринъ. Желательно, чтобъ вызовы уменьшились и еще болѣе; тогда бы для артистовъ имѣли они бо́льшую цѣну.

Еще сообщу тебѣ пріятное извѣстіе: стали возобновлять на нашей сценѣ нѣкоторыя старыя, несправедливо-забытыя, піесы, напр. *Феникса* или *Утро журналиста*, кн. Шаховскаго. Роль Феникса выполнилъ г. Мартыновъ, если хочешь, очень хорошо — умно, отчетливо, ловко, но — въ немъ не было *чего-то*, чѣмъ особенно нравился незабвенный Дюръ въ этой роли. Г. Андріанова выполнила роль танцовщицы очень-мило. Если такое возобновленіе старыхъ піесъ будетъ продол-

жаться, мы отъ-души скажемъ спасибо, кому слѣдуетъ, за это умное распоряженіе.

Я забылъ еще сказать, что въ бенефисъ г. Мартынова данъ былъ водевиль, *Пьетро Дандини*, переведенный съ французскаго г. Ленскимъ; но этотъ водевиль не имѣлъ успѣха.

Харьковскій женихъ, тоже водевиль, передѣланный съ французскаго, не имѣлъ большаго успѣха, и сыгранъ былъ не болѣе двухъ разъ.

Г-жѣ Самойловой 1-й, не знаю почему, вздумалось тряхнуть старинои, да только неудачно: она выбрала нѣсколько сценъ изъ старой престарой, давно-забытой, и въ книжныхъ лавкахъ съѣденной мышами, трагедіи: *Эдипъ Царь*, кажется, Грузинцева. Мы пожалѣли отъ-души о заслуженныхъ артистахъ нашихъ — Каратыгиныхъ, которые должны были ломать языкъ свой надъ этими ужасными виршами прошедшихъ классическихъ временъ. Не смотря на ихъ прекрасную игру, публика очень соскучилась отъ этихъ *сценъ*, и въ другой разъ ихъ уже не повторяли.

На дняхъ давали *Гризельду*, большую трагедію Гальма, переведенную П. Г. Ободовскимъ; къ сожалѣнію, я не могъ въ этотъ разъ быть въ театрѣ, и потому до слѣдующаго письма ничего не скажу тебѣ объ ней.

О Большомъ Театрѣ, о балетѣ и оперѣ, сказать тебѣ новаго почти нечего. Тальйони летаетъ теперь сильфидой въ Лондонѣ; впрочемъ безъ нея давали здѣсь *Хитану* и *Дѣву Дуная*, и нашихъ Русскихъ артистокъ — г-жъ Смирнову и Андреянову — публика принимала съ большою благосклонностію, и была въ этомъ случаѣ совершенно справедлива.

Въ русскую оперу ангажированъ новой пѣвецъ, весьма плохо впрочемъ знающій русскій языкъ — г. Конти. Онъ дебютировалъ раза три въ старинной операѣ Мордаки — *Теобальдъ и Изолина*. — Вотъ и все.

Но что готовится новаго для сцены? спросишь ты. Очень радъ сообщить тебѣ нѣсколько пріятныхъ новостей.

В. А. Каратыгинъ переведъ Шекспирова *Коріолана*, котораго, вѣроятно, увидимъ мы зимой, въ бенефисъ его.

П. В. Кукольникъ окончилъ большую драму *Холмскій*. Въ ней, говорятъ, много прекрасныхъ, поэтическихъ мѣстъ, и есть превосходный характеръ *Середы*, дядьки и мнимаго шута князя Холмскаго.

Н. А. Полевой передѣлалъ Мольеровскаго *Мнимаго больнаго* на Русскіе нравы, и написалъ новую оригинальную драму въ 2-хъ д., съ эпилогомъ — *Солдатское сердце*, сюжетъ который заимствованъ изъ занимательнаго разсказа Ѳ. В. Булгарина — *Кто правъ, кто виноватъ*, напечатаннаго въ Сѣверной Пчелѣ. Онъ же написалъ комедію *Иванъ Ивановичь Недотрога*, сюжетъ который заимствованъ съ французскаго, и перевелъ водевиль *Онъ за все платитъ*, къ которому сдѣлалъ новую музыку молодой талантливый художникъ, г. *Лядовъ*. Всѣ эти піесы, а равно и еще оригинальный водевиль П. С. Ѳедорова: Пожилая дѣвушка и. искусство выходить замужъ, будутъ даны въ бенефисъ г-жи Сосницкой, 8-го іюля.

П. П. Каменскій написалъ оригинальную драму *Шекспиръ*.

Прекрасная комедія Скриба *La Colomnie* (Клевета), окончена уже переводомъ на русскій языкъ, и вѣроятно, будущей осенью увидимъ мы ее на нашей сценѣ.

Доволенъ ли ты этими новостями? Но лучшую, самую отрадную, и самую для тебя неожиданную, приберегъ я къ концу — pour la bonne bouche. Слушай и рви на себѣ волосы, съ досады, что ты не въ Петербургѣ. Когда я сообщу эту новость, я увѣренъ, ты бросишь свою деревню, свое затворничество — и прискачешь въ нашу Пальмиру.

На дняхъ обѣщаютъ новую прекрасную дебютантку *М. Д. Дюръ* — и какъ ты думаешь, въ чемъ? Въ трагедіи, и притомъ въ серьезной классической трагедіи «Эдипъ въ Аѳинахъ» Озерова, въ роли *Антигоны!* Подивись любезный мой, и — скажу еще болѣе — порадуйся: будущая дебютантка въ новомъ для нея родѣ, обладаетъ, какъ мнѣ сказывали, превосходнымъ талантомъ, котораго она сама въ себѣ не подозрѣвала до тѣхъ поръ, пока случай не открылъ этого. А этимъ открытіемъ обязаны мы В. А. Каратыгину, который уговорилъ М. Д. Дюръ выучить какую нибудь роль, и она, рѣшительно наудачу, не думая

играть, взяла роль Антигоны; черезъ нѣсколько дней роль была выучена: В. А. Каратыгинъ прослушалъ ее — и пришелъ въ восторгъ! Душа, чувство, огонь, сила — все это, при условіи очаровательной красоты лица, стройной таліи, величественнаго роста, благородства въ движеніяхъ, сдѣлаетъ изъ М. Д. Дюръ превосходную артистку. Почтенный артистъ, такъ горячо привязанный къ своему высокому искусству, уговорилъ ее дебютировать на сценѣ въ роли Антигона — и она рѣшилась. Первый дебютъ ея, говорятъ, назначенъ 2-го Іюля.

Боже мой! Если слухи эти справедливы и надежды сбудутся! Съ какимъ нетерпѣніемъ стану я ожидать этого дня! Съ какимъ трепетнымъ волненіемъ войду въ театръ! Какъ сильно будетъ биться сердце мое передъ роковымъ выходомъ ея на сцену?... Божественный Шекспиръ! Вдохнови ее тѣнью своей! Быть можетъ, въ лицѣ ея готовится достойная исполнительница твоихъ высокихъ созданій!

Чтобъ не томить тебя долго ожиданіемъ извѣстія о ея дебютѣ, я не стану откладывать долго — и тотчасъ перешлю тебѣ вѣсточку — на крыльяхъ Сѣверной Пчелы. Налѣйся и молись!...

Весь твой

Л. Л.

Санктпетербургъ.
29-го іюня.

СМѢСЬ.

КУПЛЕТЫ.

ИСКУССТВЕННЫЯ ВОДЫ.

(Изъ новаго не-играннаго водевиля: Искусство выходить замужъ.)

Еслибъ пить простую воду,
Я готовъ бы, такъ и быть,
А то выкинули моду
Вишь, искусственную пить!
Изъ простой воды на свѣтѣ
Все пріятное варятъ,
А искусственныя эти
Лишь желудокъ растравятъ!
У Глафиры Алексѣвны
Вотъ извольте вы спросить:
Часто ль я хворалъ въ деревнѣ,
Чѣмъ себя привыкъ лечить?
Денегъ тамъ на вздоръ не тратишь,
И не лечишься водой;
Тамъ желудочной какъ хватишь,
Боли сниметъ какъ рукой!
А ужъ здѣсь такія моды,
Безъ лекарствъ не живутъ,
Порошки, микстуры, воды
Только бочками не пьютъ.
Что вѣдь дѣлаютъ... о, Боже!
Здѣсь иной здоровъ, какъ быкъ,
А наступитъ утро — тоже
Кажетъ доктору языкъ!
Только развѣ крѣпкой водки
Для здоровья онъ не пьетъ,
Такъ и хочетъ быть въ чахоткѣ,
Къ гробу самъ себя ведетъ!
Страшно! Нѣтъ, пора въ Грязнуху!
Здѣсь не долго до хлопотъ...
Изъ воды чтобъ выйдти суху —
Улизну скорѣй отъ водъ!

П. Ѳедоровъ.

ВЕЛЬМОЖА.

(Пѣснь изъ Беранжера.)

Какъ я горжусь моей женою!
Глаза чудесные у ней!
Чрезъ Лизу сблизился со мною
Образчикъ истинныхъ друзей:
Въ тотъ день, какъ я на ней женился,
Со мной вельможа подружился.
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа мнѣ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

По службѣ шелъ онъ очень быстро,
И въ тридцать лѣтъ былъ генералъ;
Зимою балъ былъ у министра:
Онъ бралъ жену мою на балъ;
И гдѣ меня ни повстрѣчаетъ,
Всегда мнѣ руку пожимаетъ.
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа мнѣ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

Онъ Лизѣ фразъ не расточаетъ,
И не похожъ на волокитъ;
Но чуть лишь Лиза захвораетъ, —
Онъ цѣлый день у насъ сидитъ;
И въ новый годъ насъ награждаетъ,
И именинъ не забываетъ.
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа намъ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

Случилось какъ-то, за ненастьемъ,
Мнѣ дома быть съ женой самъ-другъ;
Онъ мнѣ сказалъ съ такимъ участьемъ:
«За чѣмъ-же дома вы, мой другъ?
«Или у васъ кареты нѣту?
«Я вамъ велю подать карету.»
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа мнѣ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

Однажды вечеромъ на дачу
Онъ пригласилъ меня съ женой,
Поднесъ шампанскаго въ придачу...
И Лизѣ спать пришлось одной:
Я былъ, признаться, еле-еле...
За то на лучшей спалъ постелѣ.
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа мнѣ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

Богъ намъ сынка далъ...: Межъ друзьями
Я въ кумовья его избралъ.

Съ какимъ восторгомъ и слезами
Мой кумъ малютку цаловалъ!
И въ то-же самое мгновенье
Назначилъ онъ ему имѣнье.
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа намъ и другъ и братъ...
Ахъ! какъ я счастливъ, что женатъ!

Чтобъ гости за столомъ острились
Онъ любитъ страхъ, и потому
Однажды такъ мы расшутились,
Что я въ глаза сказалъ ему:
«Представьте, всѣ здѣсь протрубили,
«Что вы мнѣ рожки приклеили!..»
Экой кладъ!
Какъ я радъ!
Вельможа мнѣ и другъ и братъ...
Ахъ, какъ тотъ счастливъ, кто женатъ!

Ленскій.

ИГРОКИ.

(Изъ водевиля: Графъ Литографъ.)

Смѣшенъ, кто въ картахъ ищетъ кладъ,
И счастьемъ выиграть трудится:
Богатый и безъ картъ богатъ,
А бѣдный вдосталь разорится.
Теперь не прежняя пора,
На счастье больше не играютъ,
Теперь одни лишь мастера
Игрою деньги наживаютъ.

Въ нашъ вѣкъ игра ужъ не порокъ,
А если разсудить построже:
Воръ и отъявленный игрокъ,
По моему, одно и то же.
А между тѣмъ одинъ изъ двухъ
Наказанъ и живетъ въ презрѣньѣ;
Другой почтенъ, со всѣми другъ —
И вотъ — *общественное мнѣнье!*

Ленскій.

АНЕКДОТЫ.

РАЗЪ ДА ГОРАЗДЪ!

Извѣстно всѣмъ и каждому, какъ пишутся бенефисныя піесы. Одинъ водевилистъ, которому надоѣло ремесло безмезднаго автора, подарилъ бенефиціанту такую скучную комедію-водевиль, что только зѣвота не допустила публику освикать новую піесу.

—«Боишься ли ты Бога, сказалъ писателю одинъ закулисный егознакомецъ: какъ можно, съ твоимъ талантомъ, подчивать публику такимъ вздоромъ?»

Публика и актеры такъ *часто* надоѣдали мнѣ, отвѣчалъ нашъ водевилистъ, что я рѣшился отплатить имъ тѣмъ же *за одинъ разъ*. «Разъ да гораздъ!»

ДИВО ЗА ДИВО!

Къ актеру Я...., котораго неумѣстная щедрость вошла въ пословицу, заѣзжаетъ графъ N. N, извѣстный мотъ и неплатильщикъ долговъ. Актеръ съ обыкновеннымъ радушіемъ принимаетъ незваннаго гостя. — «Я удивлю васъ, говоритъ онъ хозяину: и графъ N. N., вовсе не знакомъ съ вами, и пріѣхалъ занять у васъ сто рублей.» — «А я васъ удивлю еще болѣе, отвѣчалъ хозяинъ: я давно знаю, кто вы, и не дамъ вамъ ни копѣйки»

РУССКІЙ МУЖИЧОКЪ ВЪ ТЕАТРѢ.

Одинъ степной русскій мужичокъ зашелъ какъ-то непарокомъ въ Александрійскій Театръ и помѣстился въ райкѣ. Прослушавъ цѣлый водевиль *Новички въ любви*, онъ, собираясь домой, сказалъ сидѣвшему подлѣ него сосѣду: «Если бы я не зналъ, что это *кукольна комедь*, то и вправь бы подумалъ, что здѣсь ломаютъ се живые люди.»

ДИЧЬ.

Двое актеровъ собирались на охоту. Одинъ изъ нихъ взялъ съ собою роль изъ одной *новой* трагедіи, которую разучивали на сценѣ.

— Для чего ты берешь съ собою роль? спросилъ его пріятель.

— Будетъ свободное время или дурная погода, успѣю поучить немного, отвѣчалъ первый.

— Твоя правда, замѣтилъ товарищъ: къ тому же, если бы и неудачна была наша охота, въ твоемъ ягташѣ все будетъ *дичь*.

ВОРОНЕЖСКІЙ ТЕАТРЪ.

«Способность чувствовать, такъ сказать, безпредѣльна въ человѣкѣ, между тѣмъ, какъ средства къ выраженію чувствъ и ощущеній заключены въ тѣсныя границы слова.»

(Изъ «Путеш. Герцога Рагузскаго»).

«Самое заблужденіе имѣетъ основаніемъ истину. *(Монтескье, «Духъ Законовъ»).*

Жители города Воронежа весьма быстро слѣдуютъ за движеніемъ жизни столичной, и усердно подражаютъ всѣмъ нововведеніямъ и увеселеніямъ обѣихъ столицъ; отъ того мысль о театральномъ, мало-извѣстномъ дотолѣ, наслажденіи, занимала уже жителей Воронежа весьма-скоро по появленіи первыхъ извѣстныхъ русскихъ театровъ. Частыя сношенія, то торговыя, то родственныя съ Москвою, были причиною того, что многіе изъ Воронежцевъ, восхищаясь Московскимъ театромъ и любуясь искусною игрою тамошнихъ артистовъ, желали и въ самомъ мѣстѣ жительства испытывать тѣ удовольствія, которыя доставляетъ благородное сценическое искусство. Между тѣмъ, мало-помалу начали показываться въ Россіи странствующія труппы актеровъ, и въ числѣ этихъ труппъ Воронежская должна занять не послѣднее мѣсто. Образованное дворянство и многочисленное купечество Воронежское, принадлежа тоже къ числу образованнѣйшаго класса въ Россіи, своею щедростію и значительными пожертвованіями поддерживали въ провинціальной труппѣ пламенное рвеніе и дѣятельную охоту къ продолженію своего благороднаго занятія, и съ сего времени какъ-то незамѣтно театральныя наслажденія сдѣлались необходимымъ условіемъ жизни высшаго и средняго сословія. — Воронежская труппа обыкновенно давала свои представленія въ Воронежѣ зимою; а лѣто, осень и весну представляла свои услуги разнымъ сосѣдственнымъ городамъ. Репертуаръ ея состоялъ большею частію изъ піесъ малосложныхъ, которыя имѣли значительный успѣхъ на столичныхъ театрахъ. Нельзя безусловно отозваться объ успѣхѣ исполненія піесъ и о талантахъ тогдашнихъ актеровъ; но по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ понимали свое дѣло и занимали пріятно досужее вниманіе горожанъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія Воронежскій театръ, стараніемъ одного просвѣщеннаго любителя, получилъ лучшее и полнѣйшее устройство. Впрочемъ театръ до двадцатыхъ годовъ не имѣлъ опредѣленнаго мѣста, а представленія давались въ разные годы въ различныхъ частяхъ города. Но съ сего времени послѣдовали еще большія улучшенія Воронежскаго театра. Для театра было избрано мѣсто — центръ города; домъ нарочно выстроили для этой цѣли. Содержаніе труппы приняли на себя сначала Калиновскій, а потомъ чрезъ нѣсколько времени актеръ изъ труппы Калиновскаго — Соколовъ, оба люди умные, управители прекрасные. Подъ ихъ управленіемъ театръ находился въ наилучшемъ состояніи, какъ по удачному выбору піесъ, такъ и по самымъ талантамъ участвовавшихъ актеровъ. Даже существовалъ балетъ, который могъ угождать самому прихотливому вкусу зрителей. Послѣ Соколова Воронежъ надолго-было лишился сценическихъ наслажденій. Явился-было какой-то ловкій пройдоха, обобралъ публику, и давши нѣсколько самыхъ плохихъ представленій, ускользнулъ изъ города. Потомъ театръ перешелъ въ завѣдываніе къ Вышеславцеву. Сначала подъ его управленіемъ дѣло шло довольно-сносно; но потомъ безталантность большей части труппы отбила охоту у Воронежской публики посѣщать опустѣлый и скучный театръ. Вышеславцевъ часто бросался въ аферы, бралъ піесы не по силамъ и даже ставилъ большія оперы, какъ то: Русалку, Вадима, Аскольдову могилу, которыя обыкновенно падали послѣ перваго представленія. Нѣкоторые легкіе водевили впрочемъ имѣли тогда замѣтный успѣхъ, чему способствовала игра лучшихъ актеровъ — Васильева, Орлова и самаго содержателя театра. Но женскія роли исполнялись весьма-неудачно; только г-жа Вышеславцева въ драмахъ часто бывала на своемъ мѣстѣ; такъ напримѣръ, въ роли Терезы, Женевской сироты, она была прекрасна; всѣ же прочія актрисы были ниже посредственности. Была здѣсь пѣвица *Канищева*, которая являлась въ первыхъ роляхъ оперъ, между тѣмъ, какъ замѣтное дородство и устарѣ-

лость должны бы дать ей амплуа самыхъ отчаянныхъ старухъ. Въ 1837-мъ году содержателю Вышеславцеву пришла счастливая, но роковая для него, мысль: онъ вздумалъ вызвать на время изъ Москвы любимаго русскаго артиста Щепкина, который и прибылъ въ Воронежъ съ двумя своими дочерьми. Въ продолженіе почти цѣлаго мая мѣсяца, онъ участвовалъ во всѣхъ представленіяхъ и пробудилъ въ жителяхъ усыпленное эстетическое чувство. Не прибавлю ничего къ славѣ Щепкина своимъ удивленіемъ къ его художнической игрѣ въ комическихъ роляхъ; но я былъ истинно пораженъ его высокимъ искусствомъ въ драматическихъ роляхъ. Рѣдко кто изъ нашихъ русскихъ артистовъ можетъ говорить такъ сильно и краснорѣчиво душѣ, какъ Щепкинъ.... На 3-е, кажется, представленіе была назначена комедія-водевиль: *Матросъ*. Я прежде ничего не слышалъ объ ней и никогда не предполагалъ, чтобъ исполненіе ея и теперь еще между моими завѣтными воспоминаніями занимало лучшее мѣсто. Роль *Матроса* занималъ Щепкинъ. Содержаніе піесы состояло въ высокомъ самопожертвованіи лихаго служаки-матроса. Два брата, чрезвычайно схожіе другъ съ другомъ, поступили на флотъ на одинъ корабль. Одинъ изъ нихъ (старшій) на родинѣ оставилъ жену и малолѣтную дочь. Спустя нѣсколько времени, корабль ихъ былъ разбитъ; многіе погибли во время этого бѣдствія; но старшій братъ успѣлъ спасти жизнь и долго не могъ пробраться въ отечество и извѣстить семейство о своемъ спасеніи. Между тѣмъ жена матроса получила извѣстіе о смерти мужа и вышла вторично за-мужъ. По долгомъ странствованіи является наконецъ на родину нашъ матросъ; осматриваетъ съ восторгомъ всѣ знакомыя мѣста; радуется простой жизни своихъ земляковъ; вдыхаетъ аранатный воздухъ своей родины; поетъ съ меланхолическимъ выраженіемъ простыя, но сильныя чувствомъ слова:

«О родина святая,
Тебя я вижу вновь!
Отчизна дорогая,
Гдѣ дружба и любовь!...

Щепкинъ придалъ всему этому первому выходу колоритъ грустно радостный; но это было только началомъ торжества его рѣдкаго таланта. Потомъ матросъ узнаетъ о поспѣшномъ бракѣ своей жены и, не желая разстроить счастія и спокойствія столько любимаго имъ семейства, рѣшается навсегда оставить родной кровъ и влачить цѣпи постылой жизни гдѣ-нибудь на чужбинѣ. Онъ равнодушно, повидимому, видится съ своею женою и выдаетъ себя за младшаго погибшаго брата; но во время свиданія у него проскакиваетъ невольный вопль отчаянія; онъ старается заглушить его виномъ въ кругу своего роднаго семейства, вспоминаетъ о своей морской жизни и, между прочимъ, по просьбѣ родныхъ, поетъ морскую пѣсню:

«Добрякъ матросъ, плыви смѣлѣе!
Сражайся съ бурною волной!
Матросъ, плыви, плыви скорѣе,
Ужъ недалекъ твой край родной.

*

Я вижу берегъ чуть-приметный;
Корабль стрѣлой туда летитъ,
И вотъ лице мое свѣжитъ
Отчизны вѣтерокъ привѣтный....

*

Ко брегу вотъ плыветъ ладья....
Трепещетъ сердце.... замираетъ....»
И другъ надежда, жизнь моя,
Въ порывѣ вѣтра исчезаетъ....»

Когда Щепкинъ запѣлъ послѣднюю строфу, не въ состояніи будучи удержать волнъ своей горести, онъ плакалъ, онъ рыдалъ, и все, въ комъ была только искра чувствительности, плакали съ нимъ вмѣстѣ слезами сладкими, потому что они возбуждены высокимъ искусствомъ. Завидна доля артиста, который свѣтъ такія сладкія воспоминанія въ души зрителей!... Потомъ матросъ рѣшительно хочетъ оставить желанный пріютъ; но между тѣмъ его дочь, по какой то непонятной симпатіи и намекамъ матроса, узнаетъ горькую истину. Она силится удержать его, проситъ его благословенія; но наконецъ необходимость заставляетъ ихъ проститься и въ этомъ прощаніи столько было истиннаго искусства, столько непритворной глубины горячаго и святаго чувства, что и теперь еще эта сцена свѣжа въ моей памяти. Кто видѣлъ Щепкина въ этой роли, тотъ конечно согласится въ томъ, что только Щепкинъ могъ ее обрисовать такъ высоко. Щепкинъ еще былъ превосходенъ въ одномъ водевилѣ (не помню его названія), гдѣ онъ игралъ стараго, лихаго полковника; у него все такъ и дышало настоящею восьмидесятою. Однимъ словомъ, исчислять дани на Воронежскомъ театрѣ во время его пребыванія піесы, значитъ исчислять дни его торжества.

Послѣ отъѣзда Щепкина, публика конечно не могла уже равнодушно смотрѣть на гаерство актеровъ нашего театра, что и было причиною рѣшительнаго его паденія. Около двухъ лѣтъ жители Воронежа не видѣли театральныхъ представленій. Наконецъ содержатель Харьковскаго театра Млотковскій отдѣлилъ часть своей труппы въ Воронежъ, которая и давала представленія зимою 1839 и 1840 года. Давали маленькія піески, которыя, будучи поддерживаемы талантами Микульскаго, Зелинскаго, Струкова, Новицкаго, Ларова, заняли вполнѣ вниманіе публики. Искусная игра актеровъ заохотила публику проводить досугъ пріятно и мило въ театрѣ. — Во время марта мѣсяца нынѣшняго года, пронеслись слухи, и вскорѣ они дѣйствительно оправдались, что актеръ изъ труппы Млотковскаго *Микульскій* снимаетъ театръ отъ своего имени и рѣшается образовать отдѣльную Воронежскую труппу. Это конечно обрадовало всѣхъ, потому-что отъ такого

умнаго и искуснаго актера, какъ Микульскій, можно было ожидать много хорошаго. Одинъ Воронежскій образованный помѣщикъ, и дѣломъ и словомъ, ревностно содѣйствовалъ его прекрасному намѣренію, и отъ обоюднаго стараніи ихъ произошло то, что Воронежъ теперь можетъ гордиться своимъ театромъ предъ всѣми прочими провинціальными театрами. (*)

Апрѣля 21-го числа нынѣшняго года объявлено было первое представленіе по преобразованіи труппы. Назначены три піесы: *Его Превосходительство или средство нравиться*, *Кеттли или Возвращеніе въ Швейцарію* и *Русскій Инвалидъ на Бородинскомъ полѣ*. Собирается публика и уже по самой наружности не узнаетъ своего прежняго театра: онъ былъ прежде въ весьма незавидномъ состояніи, а теперь обдѣланъ мило и красиво. На все обращено зоркое вниманіе; вездѣ положена печать умнаго и разборчиваго вкуса. Но это еще не все;—оркестръ значительно увеличенъ числомъ музыкантовъ. Со многихъ сосѣственныхъ труппъ приглашали лучшихъ актеровъ, такъ что всѣ они составляютъ самый счастливый комплектъ. — Въ первой маленькой піесѣ явился дебютантъ Соколовъ, въ роли Тюльпанова, который и выполнилъ ее весьма удачно; но впрочемъ гораздо меньше онъ выказалъ себя, нежели какъ онъ далъ замѣтить себя въ послѣдствіи времени.

Актриса Розанова въ роли Анеты была очень хороша. Она развязна, непринужденна; можно бы потребовать отъ нея больше наивности и мягкости въ игрѣ. — Въ роли Куюркина явился дебютантъ Мочаловъ. Первое впечатлѣніе было весьма не въ его пользу; а между тѣмъ это лучшій талантъ на нашей сценѣ для комическихъ ролей; иногда весьма можно ошибиться въ первомъ, скоромъ, приговорѣ. Вторая піеса была: *Кеттли или Возвращеніе въ Швейцарію*. Я всегда любовался граціозною обрисовкою Кеттли, этого прекраснаго и невиннаго созданія. Она такъ проста, такъ наивна, такъ дѣтски-простодушна; но вмѣстѣ съ тѣмъ столько доброты, чувствительности и страданія соединено въ этомъ миломъ дитяти горъ Швейцарскихъ. Трогательная музыка гармонируетъ меланхоліи Кеттли; она поетъ, и ея пѣснь западаетъ въ душу; она плачетъ и слеза невольно является на глазахъ зрителей; однимъ словомъ, Кеттли лице, срисованное съ натуры и участіе къ ней возбуждается тѣмъ еще больше. Розанова сыграла эту роль съ рѣшительнымъ успѣхомъ; впрочемъ можно замѣтить слѣдующее: душа Кеттли, долговременною и томительною печалью настроенная, не могла издавать рѣзкихъ аккордовъ радостной безпечности, что въ игрѣ Розановой проявлялось неоднократно. Роль Сенъ-Пля занялъ новый дебютантъ Ленскій — актеръ съ душею, съ благородными пріемами и вообще со всѣмъ тѣмъ, что составляетъ необходимую прелесть его амплуа; онъ выполнилъ свою роль непринужденно, мило; если бы онъ усиливалъ свою дикцію, то публику можно бы заранѣе поздравить съ пріятнымъ талантомъ на сценѣ Воронежскаго театра. Роль Франца сыгралъ удовлетворительно старинный знакомецъ Воронежской публики, лучшій актеръ изъ труппы Выпеславцева — Васильевъ; впрочемъ эта роль не по немъ. Мочаловъ въ роли Руттли былъ лучше, нежели въ Куюркинѣ, но все таки онъ показался не тѣмъ, чѣмъ онъ далъ себя замѣтить въ послѣдствіи. *Русскимъ Инвалидомъ на Бородинскомъ полѣ* заключился нынѣшній спектакль, гдѣ содержатель театра, Микульскій, въ роли *Отважина* лихо пропѣлъ: *Ну ка первый бакалъ!* съ музыкою чисто Русскою Алябьева. Этотъ первый спектакль далъ намъ большія надежды на будущее, которыя большею частію и осуществились.

23-е Апр. Левъ Гурычъ Синичкинъ. Этотъ водевиль, не имѣя по нынѣшнему никакой особенной завязки, ни рѣзкой обрисовки характеровъ, все таки прекрасная піеса для сцены. У насъ она прошла чрезвычайно хорошо. Лавровъ (Вѣтрицкій), несмотря на то, что онъ выдержалъ свою роль довольно удачно, въ первомъ выходѣ куплеты проговорилъ своею особенною манерою — надутымъ шопотомъ; отчего они и прошли незамѣтно, а тамъ есть довольно соли. Но Струковъ (*) (Синичкинъ) былъ въ своей тарелкѣ и показалъ себя съ самой прекрасной стороны; рукоплесканія не умолкали, и наконецъ единодушный вызовъ былъ наградою его умной игрѣ. Всѣ прочіе участвовавшіе актеры дружно шли къ цѣли и заслужили общее одобреніе. Соколовъ въ роли Зефирова былъ очень естественъ, и Мочаловъ (Борзиковъ) здѣсь показалъ себя иначе, нежели въ первомъ представленіи. Всѣ были на своихъ мѣстахъ и лучшей игры трудно бы требовать отъ провинціяльныхъ актеровъ.

26-е Апр. Ревизоръ, комедія Гоголя. Первыя два дѣйствія комедіи шли сухо и скучно, но послѣднія возпаградили за прежнія; самая главная причина неуспѣха піесы, кажется, состояла въ незнаніи ролей большей части актеровъ. Васильевъ (Городничій) совершено не выдержалъ роли; онъ не умѣлъ выразить той ужасной робости, которая попрепятствовала проницательному уму Городничаго съ перваго раза узнать птицу по полету; отчего естественно онъ долженъ былъ броситься въ

(*) Съ 21-го Апрѣля я началъ вести отчетъ объ исполненіи тѣхъ піесъ, которыя и посѣщалъ; всѣ же игранныя піесы на нашей сценѣ съ 21 Апрѣля показаны въ концѣ моей статьи, подъ заглавіемъ: «Репертуаръ Воронежскаго театра.» *Соч.*

(*) Я видѣлъ г-на Струкова семь лѣтъ тому назадъ въ Харьковѣ, въ труппѣ содержателя покойнаго И. Ѳ. Штепина. При его дарованіи жаль было одного, что онъ слишкомъ фарсилъ; куплеты же пѣлъ рѣшительно дурно. Можетъ быть, теперь усовершенствовался. Дай Богъ! семь лѣтъ много времени! *Изд.*

другую крайность и дать очеркъ какого то другаго непонятнаго характера. Жаль, что Васильевъ, имѣвъ случай видѣть Щепкина въ этой роли, не прослѣдилъ его умной игры. Данилова, Московская актриса, въ роли Анны Андреевны былаочень, очень хороша. Провинціяльное безвкусіе въ костюмѣ, замѣтное кокетство во всѣхъ движеніяхъ, она выразила какъ нельзя удачнѣе. Ларина (Марья Антоновна) была слишкомъ проста, хоть это и непослѣднее условіе ея роли. Рыбаковъ (Тяпкинъ-Ляпкинъ) изолировалъ себя и держался отъ всѣхъ на пушечномъ выстрѣлѣ. Къ чему давать такое заносчивое выраженіе характеру, который все таки необходимое звено въ этомъ оригинальномъ обществѣ?...

Микульскій (Земляника) былъ безподобенъ; небольшой своей роли онъ далъ именно то выраженіе, которое слѣдуетъ по смыслу піесы; въ его манерахъ чрезвычайно хорошо выражалось пронырство подъ маскою простоты; и теперь еще безъ улыбки не могу представить того смиреннаго вида, который онъ имѣлъ, разговаривая съ Хлестаковымъ. Лавровъ (Хлестаковъ) былъ принужденъ и натянутъ; притомъ онъ часто оканчиваетъ разговоръ какимъ то страшнымъ шопотомъ; жаль, что онъ принимаетъ ложную дорогу, а онъ имѣетъ много таланта и сценической ловкости. Мочаловъ (Осипъ) былъ хорошъ, а мнѣ кажется, вотъ гдѣ настоящее мѣсто Васильева. — Суфлеръ во время нынѣшняго представленія игралъ громко и прекрасно. Во время спектакля объявили о піесѣ: *Скопинъ Шуйскій*, которая будетъ дана въ слѣдующее представленіе и въ которой роль Ляпунова займетъ пріѣхавшій изъ Москвы извѣстный артистъ Мочаловъ. Публика несказанно обрадовалась такому счастливому стеченію неожиданныхъ обстоятельствъ и поблагодарила содержателя театра за ревностное его стараніе увеличивать средства нашихъ удовольствій.

28-е Апр. Скопинъ Шуйскій. Прекрасный весенній вечеръ, полковая музыка, игравшая близъ театра на бульварѣ, пріѣздъ артиста Мочалова — всѣ эти обстоятельства были причиною того, что театръ былъ полонъ до тѣсноты. Наконецъ звонокъ радостно извѣщаетъ объ открытіи занавѣса. И вотъ предъ нами начало скучной и монотонной піесы: *Скопинъ Шуйскій*. Роль Ляпунова занималъ Мочаловъ. Для оцѣнки его мы естественно должны были взять масштабомъ игру нашихъ провинціяльныхъ актеровъ, и къ сожалѣнію Мочаловъ мало удовлетворилъ тѣмъ судорожнымъ ожиданіямъ и тому пламенному любопытству, которыми кипѣли истинные любители сценическаго наслажденія. Впрочемъ нельзя и винить Мочалова — его игра по возможности была отчетливая и благородная; но сухость роли отняла у него возможность выказаться въ выгодномъ свѣтѣ. Неестественное сближеніе многихъ обстоятельствъ, однообразіе мыслей и выраженія чувствъ, убійственные монологи, охлаждающіе и жаръ артиста и вниманіе зрителей, не могли конечно быть уничтожены его умною игрою. Изрѣдка являлись у него искры того электричества, которое какъ-то исподволь проникаетъ души зрителей; но дѣйствія его были мгновенны и не оставляли тѣхъ слѣдовъ, которыя дѣлаются нашими завѣтными воспоминаніями. — Въ 5-мъ дѣйствіи только въ сценѣ съ Екатериною, онъ во многихъ мѣстахъ былъ прекрасенъ, что такъ замѣтно выражалось гробовою тишиною всѣхъ зрителей; — всѣ притаивали дыханіе и старались долѣе остаться въ этомъ обольстительномъ очарованіи.

Микульскій маленькую роль Дмитрія Шуйскаго обрисовалъ комически. Данилова (Екатерина) была недурна — больше сказать нѣчего; она создана не для драмъ. Лавровъ (Скопинъ) былъ простъ и благороденъ, чего ужъ давно невидно въ немъ; но эффектное мѣсто изъ своей роли: *повысить Ляпунова!* — сказалъ онъ *раздирательно*. Мочаловъ младшій (Делагарди) былъ не въ своей роли. Соколовъ (Яша) умѣетъ всегда понять свою роль; но въ этомъ случаѣ онъ попалъ не на истинную идею; онъ вздумалъ быть рѣзкимъ и холоднымъ проповѣдникомъ истины, между тѣмъ какъ это должно дѣлаться подъ фирмою юродства; иначе, какъ можно было бы объяснить свободу обращенія Московскаго нищаго съ княгинею Шуйскою?... И въ душу Яши, повидимому, настроенную религіею и пламенною, святою любовію къ отечеству, Кукольникъ вложилъ чувства, могущія характезировать только суроваго тогдашняго боярина. Неужели Яша проклятіемъ долженъ былъ бы отозваться на заблудшій и отчаянный пепелъ Екатерины?... Рыбаковъ (Болотниковъ) имѣетъ рѣдкую способность каждое слово изъ своей роли переложить ко вниманію зрителей, чему способствуетъ его звучный голосъ. Онъ умный актеръ и рѣдко ошибется въ настоящемъ выраженіи роли, а потому и теперь онъ былъ хорошъ.

30-е Апр. Коварство и Любовь. Едва дождался вечера — такъ сильно было желаніе видѣть Мочалова въ новой роли — Фердинанда, а между тѣмъ вынесъ изъ театра чувство удивительно неопредѣленное и неудовлетворенное. Не говоря ничего о піесѣ, въ которой находятся весьма замѣтныя уклоненія отъ логики, такъ сказать, и отъ правилъ возвышенной нравственности, хотя въ Шиллерѣ и самые недостатки по своей обольстительной формѣ имѣютъ какую то обаятельную прелесть, — я перехожу къ исполненію на нашей сценѣ трагедіи: *Коварство и Любовь*, а въ особенности къ игрѣ Мочалова стар. Первый выходъ его уже вырвалъ изъ души частицу того теплаго убѣжденія, которымъ мы заранѣе были наполнены въ ожиданіи прекраснаго выполненія этой пламенно-мечтательной роли. Видимая естественность, необходимое условіе всякаго сценическаго обольщенія, — а тутъ она была противъ Мочалова. Неужели такъ безумно-пламенная страсть могла найдти мѣсто въ груди очень замѣтно-возмужалаго и опытнаго человѣка; тутъ нужно безуміе цѣ-

тущей юности, а ее нѣтъ — и очарованіе пропало!... Этотъ избытокъ души пламенной, мечтательной, долженъ быть переданъ свѣжею душею артиста, когда можетъ быть и свои грустныя впечатлѣнія и свои юношескіе порывы невольно сольются съ ролью и выскажутъ тайную исповѣдь больной души; а тутъ является артистъ съ наружностію отцвѣтшею, съ манерами заученными, нѣтъ пламени, чувства, нѣтъ силы страсти, — а слѣдовательно нѣтъ истины и очарованіе, повторяю, пропадаетъ.

Это, по видимому, маловажное обстоятельство отнимаетъ довѣріе вовсе, что скажется, и как скажется. — Если замѣчаешь пламень выраженія, то сочтешь ее за жалкую пародію истинной любви, а если нѣтъ его, то все-таки цѣль не достигнута по весьма простой причинѣ—недостатку чувства. Во второмъ дѣйствіи, въ разговорѣ съ отцомъ (Рыбаковымъ, который казался гораздо его моложе), Мочаловъ былъ безусловно благороденъ и выдержалъ себя очень хорошо, и это явленіе было первымъ и послѣднимъ торжествомъ его въ этой піесѣ; онъ былъ въ другихъ явленіяхъ иногда отчетливъ, но такой отчетливости достигаютъ и наши провинціяльные актеры, а отъ Мочалова мы имѣемъ полное право требовать гораздо большаго и гораздо лучшаго; однимъ словомъ, два представленія не показали намъ таланта Мочалова въ такомъ яркомъ величіи, въ какомъ мы привыкли представлять его.

Президента игралъ Рыбаковъ очень-умно. Лавровъ (Вурмъ) былъ прекрасенъ; — вкрадчивый видъ, хитрую улыбку, тихую походку, онъ перенялъ у самаго дьявола. Хрисанфова (*Леди-Мильфортъ*) говорила много, да толку было мало. — Мочаловъ (Маршалъ) былъ прелесть, естественъ, и въ такихъ роляхъ онъ истинный талантъ. Микульскій (Миллеръ) не понялъ своей роли; драматически-трогательныя его положенія прошли незамѣтно и не возбудили того участія, котораго должно было ожидать. Въ первомъ объясненіи Миллера съ Президентомъ и въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ бросаетъ свою дочь въ руки Фердинанду — Микульскій былъ только естественъ и заслужилъ общее одобреніе. Вельская (г-жа. Миллеръ) играла зѣло плохо! Г-жа Шульцъ (Луиза) говорила тихо, стояла на одномъ мѣстѣ, иногда дѣлала какіе-то ненужные и непонятные скачки, смотрѣла на зрителей, говоря свою роль, и вообще выполняла ее неудовлетворительно. Но выраженія: «думала я и я, когда сонъ мой былъ такъ очарователенъ, что пробужденіе будетъ такъ ужасно!...» она произнесла съ такою силою души, съ такою энергіею чувства, что это извиняетъ ее отчасти за всѣ ея сценическіе недостатки.

Касательно одного обыкновеннаго на сценѣ обстоятельства, я долженъ по необходимости сдѣлать вопросъ: вѣдь сцена есть выраженіе обыкновенной дѣйствительной жизни; а неужели въ дѣйствительномъ быту, мы, говоря съ кѣмъ нибудь, относимся тогда же къ другому лицу, что дѣлаютъ часто актеры, уставя глаза на зрителей, когда говорятъ многія мѣста изъ своихъ ролей? нужно выводить на сцену обыкновенные житейскіе пріемы, облагороднивши по возможности своимъ талантомъ, и заставлять насъ забываться естественностію своихъ жестовъ, а не частымъ, неумѣстнымъ оборачиваніемъ туловища къ зрителямъ, что дѣлаетъ актеровъ отверженцами и сцены и театральной залы. Я не говорю безусловно; можно допускать это, только въ крайнихъ случаяхъ, когда будетъ понятна необходимость.

5-е мая. Женщина Лунатикъ и Провинціальный театръ или-Отелло изъ лоскутной линіи. Содержаніе первой піесы неестественно, но между тѣмъ чрезвычайно занимательно; всѣ характеры очерчены рѣзко, оригинально. Она прошла на сценѣ съ значительнымъ успѣхомъ, благодаря отчетливой игрѣ Лаврова и Даниловой. Данилова играла Наташу, а Лавровъ Луцкаго. Въ игрѣ Даниловой встрѣчалась впрочемъ нерѣдко какая-то натянутость; за то Лавровъ мило скопировалъ веселаго деревенскаго добряка, которому любовь, какъ разрушающая страсть, знакома только по наслышкѣ. Въ первомъ дѣйствіи онъ явился съ охоты въ башмакахъ, которые, между нами говоря, вовсе не употребляются въ такихъ случаяхъ; но первое непріятное впечатлѣніе, онъ уничтожилъ ровною, прекрасною игрою. Лидина игралъ Ленскій и былъ сухъ и холоденъ противъ обыкновенія; въ немъ были замѣтны какая-то непростительная несмѣлость и однообразіе жестовъ; къ чему безпрестанно браться за голову и трясти ею? это нужно дѣлать съ осторожною разсудительностію и въ рѣдкихъ переливахъ душевнаго волненія; каждый жестъ долженъ быть естественъ и гармонировать струнамъ души. Кромѣ того онъ пѣлъ чрезвычайно небрежно и тихо, забывая, что онъ долженъ занять вниманіе сотни зрителей, а не кружка домашняго, снисходительнаго общества. Повторяю, съ его счастливою наружностію и благородными манерами можно бы далеко пойдти на провинціяльной сценѣ. *Касьяна* игралъ Васильевъ, и сыгралъ прекрасно; въ особенности онъ выразилъ свой глупый испугъ какъ нельзя естественнѣе.

— Вторая піеса могла имѣть значительный успѣхъ въ Петербургѣ, будучи поддерживаема рѣдкимъ талантомъ Григорьева, который въ роляхъ купцевъ бываетъ неподражаемъ, а между тѣмъ сама по себѣ есть пышный фарсъ, гдѣ тривіальности не оберешься. На нашей сценѣ Мочаловъ младшій въ роли Мирноносова былъ очень хорошъ, хотя я видѣлъ Григорьева въ этой піесѣ, а слѣдовательно сравненіе могло бы много отнять у него достоинства.

7-е мая. Изображеная и Мужъ покойникъ. Первая піеса имѣла рѣшительное паденіе— и не мудрено; не нужно выставлять на сцену цѣлую коллекцію сумасшедшихъ всѣхъ возможныхъ родовъ; — эта піеса въ чистомъ новѣйшемъ французскомъ вкусѣ, т. е. безтолкова и отвратительна до нес рі-

ultra. И нужно было содержателю театра выбрать ее, и для кого же?.. Для провинціяловъ, кроткихъ любителей благородныхъ движеній души человѣческой. Другая полна интереса и движенія; есть сценическая занимательность и милая путаница комической завязки. На нашей сценѣ она прошла очень удачно. Данилова впрочемъ въ роли Параши могла бы быть гораздо лучше, но и то нужно замѣтить, что роли милыхъ и простыхъ дѣвушекъ вовсе не ея: она въ нихъ бываетъ слишкомъ развязна и невинной прелести и простоты въ ея движеніяхъ почти не бываетъ никогда; роли кокотокъ—вотъ гдѣ ея настоящее мѣсто. Лавровъ (Бурскій) былъ безусловно хорошъ; онъ держался естественно, въ особенности въ сценахъ съ Васильевымъ (Отрадинымъ), который тоже былъ въ настоящей своей тарелкѣ. Послѣдняя піеса заглушила отчасти то непріятное впечатлѣніе, которое васъ было въ душѣ отъ прежней піесы.

10-е, *Гамлетъ* (бенефисъ Мочалова старшаго.) Мочаловъ своею безподобною игрою уяснилъ мнѣ отчасти неопредѣленный характеръ Гамлета; онъ далъ рѣзкій колоритъ начальной неопредѣленной тоскѣ, роковому предчувствію и потомъ гибельному желанію Гамлета отмстить за смерть своего отца. Да! Піеса много можетъ выиграть отъ глубоко-обдуманной и художнической игры талантливаго артиста. Самая иногда незначительная фраза дѣлается въ устахъ его высокимъ философскимъ изреченіемъ, и тогда авторъ піесы и артистъ дружно идутъ къ одной благородной цѣли—къ доставленію эстетическаго наслажденія внимательной массѣ зрителей. Въ Гамлетѣ мы видѣли не того Мочалова, который неумѣстно кричалъ въ Ляпуновѣ, и не того, который въ Фердинандѣ шопотомъ выражалъ раскаленную силу страсти—нѣтъ! Онъ здѣсь обнаружилъ во многихъ сценахъ силу истиннаго сценическаго генія. Тамъ, гдѣ бесѣда его была съ самимъ собою, въ откровенныхъ изліяніяхъ души, пораженной невыносимымъ горемъ—онъ былъ безподобенъ; тутъ не было притворства — душевная боль замѣтно выливалась въ каждомъ его словѣ; кровавая рана его растерзаннаго сердца была предъ глазами зрителей. Онъ потрясалъ всѣ нервы, и силою своего таланта и истиннаго выраженія ужасной муки дѣлался цѣлью, къ которой стремилось истинное сострадательное участіе всѣхъ... Слезы сострадапія, которыя возбуждаются сценическимъ искусствомъ, бываютъ такъ сладостны и составляютъ золотое звено нашихъ лучшихъ воспоминаній!... Самое счастливое время его торжества былъ тотъ монологъ, гдѣ Гамлетъ узнаетъ отъ тѣни о насильственной смерти отца своего; — тогда-то закипѣла та буря мщенія, которая окончилась такою ядовитою катастрофою: *Злодѣйство и улыбка вмѣстѣ могутъ быть.* Здѣсь онъ былъ такъ глубоко пораженъ, что, право, страшно было внимать и дикому воплю отчаянія и неукротимой жаждѣ справедливаго мщенія. Въ 3-мъ дѣйствіи, послѣ своего обдуманнаго плана, чрезъ живое повтореніе извѣстныхъ событій и презрѣннаго злодѣйства на сценѣ прибывшими актерами, узнать незамѣтно гибельную тайну убіенія отца,—когда преступная совѣсть злодѣя дяди и малодушной матери выказалась такимъ скорымъ уходомъ —Мочаловъ разразился адскимъ хохотомъ, —онъ прянулъ, какъ кровожадный левъ, поймавши нить ужаснаго преступленія, и во всемъ монологѣ потомъ онъ бросалъ страшные перуны проклятія и отчаянія. Въ сценѣ убійства Полонія и горькихъ справедливыхъ упрековъ матери, онъ былъ тоже превосходенъ; только странно показалось мнѣ то, что онъ портреты отца и злодѣя-дяди и предъ матерью вздумалъ расписывать и чертить на воздухѣ, между тѣмъ, какъ это должно быть простымъ указаніемъ на стѣнные портреты. Тутъ сравнивается ихъ наружность, слѣдовательно нужно физическое доказательство, а не отвлеченное представленіе. (?) Въ 5-мъ дѣйствіи въ немъ чего-то недоставало — не искры ли того одушевленія, которое такъ характеризуетъ его игру?... Его игру можно уподобить страшному волкану, который иногда надолго утихаетъ и въ промежутокъ этого отдыха, онъ становится на доску обыкновенныхъ сценическихъ исполнителей. Къ сожалѣнію, въ 5-мъ дѣйствіи, сдѣлали въ піесѣ значительные пропуски, которые отчасти затемнили смыслъ содержанія. Такъ, на сценѣ вмѣсто двухъ могильщиковъ поставили одного, а разговоръ ихъ между собою полонъ философской иронія, и кромѣ того объясняетъ смерть Офеліи. Непонятна показалась мгновенная смерть Гамлета и Лаерта, потому что пропустили обдуманное злодѣйство Клавдія, который отравилъ мечъ Лаерта для вѣрной погибели Гамлета. Но исполненіе первыхъ четырехъ дѣйствій было такъ отчетливо, что намъ долго остается благодарить содержателя Микульскаго за пламенную его ревность разнообразить наши удовольствія, не щади даже значительныхъ издержекъ. Повторяю, не многія изъ провинціяльныхъ городовъ могутъ похвалиться тѣми удовольствіями, которыя щедро окружаютъ насъ.

Кромѣ Гамлета (Мочалова ст.) и другіе актеры исполнили свои роли по возможности благородно, хотя я удивляюсь ихъ терпѣнію и трудамъ —приготовлять въ такое короткое время такія разнородныя и огромныя піесы. Микульскій (Клавдій) своею игрою не выказалъ вполнѣ черноты души гадкаго и отвратительнаго созданія, и кромѣ того, выпустилъ значительную необходимую часть изъ своей роли. Впрочемъ эта роль не его. Гертруда (Шульцъ) была слишкомъ молода для матери Гамлета, и не пригнала для этого сценическихъ уловокъ; нужно просить ее, отъ имени благороднаго сценическаго искусства, оставить смѣшные и ненужные прыжки, которые она дѣлаетъ въ патетическихъ мѣстахъ своихъ ролей, чѣмъ она притупляетъ участіе, необходимое для успѣха піесы. Соколовъ (Полоній) былъ бы гораздо лучше, если бы иногда удерживалъ порывъ окончить скорѣе свой выходъ, напримѣръ, наставленія сыну онъ проговорилъ скоро, что рѣшительно выходитъ изъ

области естественнаго. Неужели отцы не придаютъ больше важности своимъ совѣтамъ?.. Жаль, что онъ упустилъ это изъ виду. Лавровъ и Лисскій (Горацій) были равностепенны и сыграли свои роли удовлетворительно. Данилов (Офелія) была съумасшедшею лучше, нежели умною—больше сказать нечего. Она имѣетъ отталкивающую рѣзкость въ голосѣ и въ движеніяхъ. Рыбаковъ (Тѣш.) говорилъ слишкомъ по нѣмецки, между тѣмъ, какъ должно было дать выраженіе замогильнаго пришлеца, отъ чего пропалъ незамѣтно весь сценическій эффектъ; и кромѣ того онъ вышелъ съ обыкновенною физіогноміею, а мы привыкли представлять мертвецовъ съ блѣдною и ужасающею миною. Нужно всегда сообразаться съ общими повѣрьями, а не то цѣль никогда не будетъ достигнута. Роль Могильщика (Мочаловъ мл.) такъ обрѣзали, что сдѣлали ее незначительною.

12-е мая. Смерть или Честь. Драма. Въ ней роль Гюга занималъ Мочаловъ старшій. Ни одинъ изъ современныхъ русскихъ драматическихъ писателей не умѣетъ такъ удачно разыгрывать на струнахъ души, какъ Полевой. Онъ умѣетъ окружить каждую свою піесу обаятельнымъ волшебнымъ свѣтомъ, отъ чего вниманіе зрителей по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія идеи увеличивается болѣе и болѣе. Можно не признать въ немъ таланта первоклассаго драматика, но всякій согласится, что Полевой имѣетъ пламенное воображеніе, благородные пріемы души и рѣдкій даръ дотрогиваться до самыхъ тайныхъ изгибовъ сердца. Напримѣръ, въ этой піесѣ онъ далъ характеру Гюга поэтическій интересъ — потому что назначеніе его такъ возвышенно, его поступки такъ благородны, что можно было заранѣе ручаться въ успѣхѣ его сумазброднаго предпріятія. Допустимъ, что Оттонъ могъ быть обрисованъ круглѣе и могли быть пропущены нѣкоторыя лишнія лица въ этой піесѣ; но вся она все-таки лучшее драматическое произведеніе современнаго русскаго репертуара. Объ исполненіи этой піесы на Харьковской сценѣ Мочаловымъ было много сказано отраднаго, и я спѣшилъ повѣрить на нашей сценѣ критическія замѣчанія Харьковскаго любителя театра. Но тутъ у насъ долженъ произойти явный разрывъ: я никогда не соглашусь, что бы роль Гюга была изъ лучшихъ для таланта Мочалова. Развѣ кстати сказать и то, что игра Мочалова бываетъ лирически-вдохновительна; отъ чего естественно можетъ быть безъ-дна разительнаго разнообразія въ исполненіи одной и той же роли. Но крайней мѣрѣ на нашей сценѣ лучшею ролью Мочалова останется безусловно Гамлетъ.

Въ первыхъ двухъ дѣйствіяхъ, Мочаловъ былъ благороденъ, отчетливъ—если хотите, но не было въ его игрѣ той искры, которою онъ иногда зажигаетъ души зрителей, что составляетъ необходимое условіе блистательнаго и вѣрнаго успѣха въ драматическомъ актерѣ. Въ 3 мъ только дѣйствіи, въ объясненіи съ Оттономъ (Рыбаковымъ) блеснула эта привѣтная искра, и подъ конецъ ослѣпила изумительнымъ свѣтомъ души зрителей. Передъ нимъ еще былъ нашъ провинціальный талантъ—Рыбаковъ, и все это явленіе было исполнено высокой занимательности. Рыбаковъ былъ кромѣ того очень хорошъ во многихъ мѣстахъ своей роли, да и вообще онъ играетъ просто, безъ восклицаній, безъ неумѣстныхъ фирсовъ, отчего его рѣдко оцѣниваютъ наши доморощенные судьи. Послѣ окончанія спектакля и послѣ должнаго вызова Мочалова, я думалъ и Рыбакову отдадутъ должное—ни чуть не бывало!...

Всѣ прочіе актеры играли удовлетворительно. Впрочемъ Шипфухъ (Микульскій) могъ быть занимательнѣе...

14-е мая. Новички въ любви, Иванъ Рябовъ и Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ. (Бенефисъ Даниловой).

Въ первой піесѣ, не смотря на неестественность неуклюжаго Кандидата, есть сценическая занимательность, и она прошла на нашей сценѣ мило. Данилова и молоденькая актриса Ларина, были въ своихъ роляхъ. Ларина свободна на сценѣ, играетъ съ какою-то милою простотою, съ голосомъ дѣтски-забавнымъ, съ манерами раждающагося прекраснаго таланта; она иногда запинается въ роляхъ, какъ будто говоря заданный урокъ; а между тѣмъ это не мѣшаетъ ей быть премиленькою актрисою. Въ этой піесѣ всѣ играли прекрасно; но въ роли отставнаго поручика, былъ бы лучше Микульскій, а не Васильевъ.

Иванъ Рябовъ—піеса не для сцены уже потому, что все дѣйствіе держится на двухъ персонахъ—Антипѣ Панкинѣ и Иванѣ Рябовѣ, а всѣ прочія лица, какія-то блѣдныя тѣни. Кукольника можно читать съ удовольствіемъ, но видѣть на сценѣ... пополамъ съ грѣхомъ. Въ этой піесѣ онъ попалъ на чрезвычайно счастливую идею, близкую къ русской душѣ, а между тѣмъ піеса, исключая не многія мѣста, суха до невѣроятности, а прошла на нашей сценѣ еще сушe. У Рыбакова (Антипа) чего-то недоставало, или лучше сказать, очень доставало. Мочаловъ стар. (Рябовъ) былъ по обычаю хорошъ и только. Его вызвали, а піеса между тѣмъ бухнула, если не въ Лету, то по крайней мѣрѣ, въ самое отдаленное мѣсто театральнаго архива. Наконецъ явилась предъ нами третья піеса, о которой я до сихъ поръ ничего не слыхалъ, *Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ.* Этотъ водевиль, по началу обѣщавшій неизбѣжную смертельную скуку, началъ мало по малу оживляться и наконецъ заслужилъ единодушное одобреніе. Мочаловъ мл. (Люстюкри), Данилова (Покеретта) и Лавровъ (Шамайльи) играли прекрасно. Мочаловъ младшій былъ именно въ своей тарелкѣ, хотя въ нѣкоторыхъ своихъ пріемахъ онъ сбивался на маркиза въ *Коварствѣ и любви*, а эти два лица противоположные полюсы. При бѣдности нашего репертуара, эта піеска долго продержится на сценѣ.

16-е мая. Невѣста разбойника или Страшный

незнакомецъ, драма; и Отелло изъ суконной линіи. Первая піеса есть въ нѣкоторомъ отношеніи повтореніе Шиллеровыхъ *Разбойниковъ* или лучше сказать, повтореніе только недостатковъ Шиллера, а не поэтическихъ его достоинствъ. Она приправлена убійствомъ и пожаромъ. Мочаловъ ст. игралъ Рудольфа. Рудольфъ лице въ новѣйшемъ вкусѣ, т. е. отверженное судьбою и вселенною. Мочаловъ принужденъ былъ высказывать гадкія жалобы на человѣчество; но внутренняго, искренняго сочувствія къ своей роли, мало было въ немъ замѣтно: вотъ что значитъ брать піесы, въ которыхъ человѣчество представлено въ искаженномъ видѣ! Напыщенность и надутость піесы никогда не дадутъ возможности артисту выказаться съ выгодной стороны. Шульцъ (Эльвина) начала свою роль тихо, но подъ конецъ 2-го и въ 3-мъ дѣйствіи играла съ замѣтнымъ одушевленіемъ. Прочіе учавствовавшіе въ исполненіи драмы актеры дѣлали все, что можно было сдѣлать изъ ихъ ничтожныхъ ролей.

Провинціяльный театръ имѣлъ такой же успѣхъ, какъ и въ первомъ представленіи.

17-е мая. Ненависть къ людямъ и раскаяніе.(*) Драма Коцебу (второй бенефисъ Мочалова стар.). Давно уже Коцебу не являлся на нашей сценѣ, хотя я не понимаю, отъ чего его піесы подпали подъ такую грозную опалу. — Коцебу знатокъ сцены, разнообразенъ въ изображеніи характеровъ; выставляетъ черты жизни благородной и естественной, а не отвратительные порывы новѣйшей школы. Напримѣръ, эта піеса полна движущихся характеровъ и непритворнаго чувства. На нашей сценѣ она имѣла успѣхъ рѣшительный, и этимъ конечно она преимущественно обязана прекрасной игрѣ Мочалова стар. въ роли *Неизвѣстнаго*. Мочаловъ умѣлъ придать особенный интересъ физіономіи человѣконенавидца и выдержалъ свою роль благородно, безъ всякой натянутости. Глубокое горе безмолвно—и на этой вѣрной идеѣ Мочаловъ основалъ свою игру. Въ 5-мъ дѣйствіи онъ былъ такъ естественно-трогателенъ, что всѣ зрители помертвѣли отъ полноты душевнаго сочувствія. Слезы только замѣняли порывъ обычнаго одобренія. Надобно отдать справедливость, что въ этомъ самомъ дѣйствіи и Шульцъ (Эйлалія) была очень хороша. Она вела послѣдній разговоръ, полный высокаго самоотверженія, съ чувствомъ и одушевленіемъ; за то до пятаго дѣйствія она говорила такъ тихо, что ничего нельзя было понять изъ ея роли. Ленскій (Графъ Винтерзе) показалъ, что онъ и въ солидныхъ роляхъ можетъ показываться съ замѣтнымъ успѣхомъ. Хрисанфова (Графиня) была до того безчувственна, что извѣстіе объ опасности мужа она приняла, какъ вещь самую обыкновенную. Лавровъ (Маіоръ) былъ по обычаю хорошъ. Струковъ (управитель) былъ бы лучше, если бъ болѣе познакомился съ ролью, а то мы прехладнокровно выслушали ее отъ суфлера. Мочаловъ мл. (Петръ) былъ въ своей тарелкѣ; впрочемъ и онъ часто бросалъ умильные взгляды на великодушнаго суфлера. Рыбаковъ, въ роли слуги Франца, былъ добрякомъ подъ корою нелюдимости, что онъ выразилъ довольно удачно. Но если кому въ нынѣшній спектакль изъ нашихъ актеровъ можно отдать полную благодарность, такъ это Соколову, въ роли *Тевіо*. Роли дряхлыхъ стариковъ, сколько я помню, на нашемъ театрѣ никогда еще такъ не были выполняемы—вотъ гдѣ его настоящее амплуа. Трогательно и прекрасно! Вообще публика Воронежская, скупая на одобренія и похвалы, шумно привѣтствовала два раза Мочалова и осталась чрезвычайно довольною умѣстнымъ выборомъ этой безжалостно-заброшенной піесы.

21-е мая. Дѣдушка Русскаго флота, Дамскій тайный совѣтникъ и Оборотни, или Спорь до слезъ и т. д. Не смотря на то, что первая піеса согрѣта возвышеннымъ чувствомъ и освѣщена свѣтлою идеею, она сошла на нашей сценѣ незамѣтно и не произвела тѣхъ пріятныхъ впечатлѣній, которыхъ можно было ожидать отъ нея.

Брандта игралъ Соколовъ и, казалось, съ его способностію, эта роль могла бы доставить ему пріятную возможность выказаться въ выгодномъ свѣтѣ—ни чуть не бывало; вмѣсто дряхлаго старика мы видѣли въ Соколовѣ только пожилаго человѣка, и въ немъ нисколько не было того поэтическаго одушевленія, которое составляетъ необходимое условіе его роли. Корнелію играла Шульцъ; о ея игрѣ сказать теперь хорошаго нечего. Лавровъ (Питеръ) былъ противъ обыкновенія дуренъ, трагизировалъ свою роль особеннымъ шопотомъ, а слѣдовательно не понялъ ея ни мало; кромѣ того онъ былъ какъ-то небреженъ, чего въ немъ не было прежде замѣтно. Печаль его была не печаль, а радость ужъ такъ походила на радость, какъ представленіе Дѣдушки Русскаго флота на Александринскомъ театрѣ съ Воронежскимъ представленіемъ. Васильевъ (Громдумъ) былъ именно въ своей роли, и всю піесу онъ одинъ поддерживалъ на своихъ раменахъ.

Дамскій тайный совѣтникъ — сухая піеса, а на сценѣ прошла еще суше. Одна Ларина, въ роли Маши горничной, была очень мила. Прочіе участвовавшіе въ этой піесѣ говорили много и что-то очень *назидательное*, да трудно было все выслушать—скука и зѣвота одолѣли!...

Наконецъ спектакль заключился піесою, хоть больно неестественною, но не лишенною сценической занимательности: *Оборотни, или Спорь до слезъ, а объ закладъ не бейся.* Г-жа Бекманъ, въ роли Таисіи, и Микульскій, въ Миловзорѣ, были главными персонажами. Бекманъ играетъ сносно, а поетъ съ чрезвычайно странными переливами голоса и въ началѣ еще можно слушать, но послѣ, о горе! наскучаетъ до невѣроятности. Нельзя сказать ничего хорошаго и объ ея сценической ловкости; въ особенности забавно ея обыкновеніе, безпрестан-

но во время игры терть себѣ руки. Къ чему это?...

Но Микульскій попалъ въ свою колею: былъ занимателенъ до послѣдней возможности; въ особенности въ роли пьянаго трактирщика онъ былъ неподражаемъ — вотъ гдѣ онъ бываетъ истиннымъ талантомъ, а еще въ роляхъ простыхъ, глуповатыхъ добряковъ; можно залюбоваться его игрою въ піесѣ, которая дана была прошедшею зимою: *Жена всему домъ вина*. Я не понимаю, отъ чего онъ иногда берется за роли, гдѣ онъ не можетъ нисколько выказать своего удивительнаго таланта. Кромѣ Микульскаго, вообще весь нынѣшній спектакль мало дѣлаетъ чести нашимъ актерамъ, которые прежде дали столько задатку на сумму будущаго наслажденія.—

26-е мая. Кремневъ, Русскій солдатъ, и Еще Гамлетъ или сумятоха на сценѣ. Первая піеса согрѣта тѣмъ чувствомъ, которое составляетъ стихію русскаго сердца. Выставляю время 1812 го года, и предъ нашимъ воображеніемъ невольно развивается свитокъ геройскихъ подвиговъ, характеровъ Гомерическихъ. Кто знаетъ — можетъ быть, нашъ будущій Русскій Гомеръ дастъ этой важной эпохѣ широкіе размѣры возвышенной поэмы, и у насъ тогда будетъ своя Иліада т. е Наполеіада; и для насъ воскреснутъ свои Агамемноны, Аяксы, Патроклы. Есть полотно, есть краски; нужна только вдохновенная кисть патріота — поэта. А въ нашей необъятной Россіи неужели не тлѣется искра будущаго яркаго поэтическаго пламени?... Тѣмъ болѣе, что отсвѣтъ такого пламени мы нерѣдко встрѣчаемъ въ звукахъ нашихъ родныхъ поэтовъ и въ душахъ истинныхъ сыновъ отечества. Уже Даниловскій перомъ безпристрастной исторіи, а Жуковскій кистью возвышенной поэзіи открыли предъ нами занавѣсъ этой грандіозно-исторической картины. Скобелевъ тоже подмѣтилъ много прекрасныхъ сторонъ этого времени; кромѣ того онъ постигъ характеръ истиннаго Русскаго солдата и развилъ эту идею въ своемъ *Кремневѣ*. — Впрочемъ вся эта піеса держится на одномъ Кремневѣ, отъ чего прочія лица кажутся блѣдными, неочерченными тѣнями. На нашей сценѣ Кремневъ прошелъ весьма обыкновенно. Лѣнскій (Владиміръ) былъ очень хорошъ. Соколовъ (Кремневъ) иногда довольно удачно попадалъ на пріемы бравыхъ служакъ, а чаще сбивался на неестественную жестикуляцію и давалъ выраженіе своему голосу трагически — надутое; однимъ словомъ, въ его игрѣ многаго недоставало. Впрочемъ можно замѣтить, что всѣ участвовавшіе въ этой піесѣ играли весьма удовлетворительно, а она мало имѣла успѣха — что для меня рѣшительно непонятно!... Можетъ быть, это отчасти произошло и оттого что въ постановкѣ піесы была непростительная небрежность: въ 3-мъ дѣйствіи, которое происходитъ въ 1814-мъ году, т. е. два года спустя послѣ первыхъ двухъ, актеры прехладнокровно явились въ тѣхъ же самыхъ костюмахъ, какъ были и прежде, а гдѣ нѣтъ естественности, тамъ, повторяю, много улетаетъ довѣрія....

Вторая піеса пустой фарсъ, безъ цѣли, безъ жизни, скропанный въ одинъ часъ и на одну минуту. Его существованіе можно уподобить существованію нѣкоторыхъ весеннихъ насѣкомыхъ, которыя являются для того, чтобы упредить свою кончину. —

28-го Живаль покойница. Она немножко сбивается на *Невѣсту Разбойника*. Та же пустота содержанія, неестественность характеровъ, пропасть лишнихъ вводныхъ лицъ, и при всемъ томъ трагическая возвышенная надутость. — Наши актеры какъ бы заранѣе согласившись съ истинною мѣрою замѣчаній, были нестерпимо холодны, вялы, принужденны. Рыбаковъ въ роли Конрада былъ противъ обыкновенія странснъ; — часто бралъ за горло, какъ бы старался задушить себя; говорилъ монотонно; въ 5-мъ только дѣйствіи онъ подложилъ нѣсколько огня въ свои слова и пробудилъ на минуту вниманіе.—Заснувшая во время представленія одна дама, какъ нельзя вѣрнѣе выражаетъ общее сужденіе объ этой чертовски-трогательной піесѣ. — Можно отдать справедливость Лѣнскому, который въ роли Калиостро былъ отчетливъ и благороденъ.

31-е мая. Бенефиціантъ, или Суфлеръ въ хлопотахъ, Бабушканы попугаи и Гусарская столица, или Плата тою же монетой. (Бенефисъ Струкова). Ни въ одинъ еще спектакль піесы не шли такъ ровно удачно, какъ въ нынѣшній день.—Въ первой піесѣ Струковъ въ роли Суфлера былъ чудо хорошъ; трудно представить, чтобъ эта роль могла быть съиграна гдѣ нибудь лучше на провинціальной сценѣ; громкія, единодушныя рукоплесканія безпрестанно раздавались во время его игры, и мы за нынѣшній спектакль должны отдать ему полную благодарность.

Въ піесѣ: *Бабушканы попугаи* явилась и актриса Розанова, которая по причинѣ болѣзни болѣе мѣсяца не являлась на сценѣ. — Эта піеса прошла превосходно, и право, трудно отдать преимущество кому нибудь изъ участвовавшихъ въ ней. Даже актеръ Уницкій, до сихъ поръ незамѣтный на нашей сценѣ, въ роли Жано былъ очень, очень хорошъ; только Польскій его акцентъ немножко деретъ уши.

Гусарскою столицею заключился нынѣшній спектакль. Въ ней игра Васильева, Лаврова, Лѣнскаго, г-жи Шульцъ (въ роли Пикера), Мочалова, Ларіной, въ особенности Струкова, была неподражаема. Одинъ Уницкій, въ роли Кузьменко, былъ не въ своей тарелкѣ и то сравнительно съ игрою прочихъ актеровъ.

Если нынѣшній спектакль не оставилъ глубокихъ слѣдовъ въ душѣ по причинѣ легкости выбранныхъ піесъ, за то онъ доставилъ рѣдкій случай провести время съ истиннымъ удовольстві-

емъ. Хвала Струкову угадавшему, возможность выставить нашихъ провинціяльныхъ актеровъ съ самой выгодной стороны.

4-е іюня. Гамлетъ. Объ исполненіи этой піесы на нашей сценѣ я сказалъ уже прежде нѣсколько словъ, хотя со время послѣдняго представленія произошли довольно значительныя противъ прежняго перемѣны. — Самая главная и чувствительная перемѣна та, что Гамлета, вмѣсто Мочалова, игралъ нашъ драматическій актеръ Рыбаковъ. Что сказать объ его игрѣ? — То, что мы цѣнимъ счастіе тогда уже, когда оно исчезло. — Сравненіе игры Мочалова съ Рыбаковымъ можетъ быть развѣ для того, чтобы выставить ярче достоинства одного и недостатки другаго. — Если бы не было на нашей сценѣ Мочалова, то мы были бы и очень довольны игрою Рыбакова; но Мочаловъ избаловалъ нашъ вкусъ, увеличилъ наши требованія. Рыбаковъ имѣетъ иногда несчастную привычку дробить слова, разъединять ихъ, а не составлять изъ нихъ одну гармоническую мысль; кромѣ того, въ этой піесѣ онъ иногда давалъ нѣкоторымъ мыслямъ неестественное выраженіе, а ко всему этому бралъ безпрестанно за голову — обыкновеніе странное, замѣченное всѣми. — Впрочемъ, повторяю, онъ много потерялъ тѣмъ, что подалъ поль такое несчастное сравненіе, а самъ по себѣ, онъ все—таки прекрасный талантъ на провинціяльной сценѣ. Можно залюбоваться его важною и благородною наружностію, звучнымъ органомъ, и при всемъ этомъ рѣдкимъ знаніемъ сцены, чѣмъ владѣютъ весьма немногіе. — Вмѣсто Дашковой, въ роли Офеліи, была Розанова, и здѣсь обнаружилось явное преимущество нашей молоденькой даровитой актрисы предъ Московскою. Въ сценахъ сумасшествія она была жалка, трогательна; однимъ словомъ, естественна до послѣдней крайности. Когда талантъ ея получитъ полное развитіе, мы часто будемъ восхищаться ея прекрасною игрою. Относительно прочихъ участвовавшихъ въ исполненіи (они были тѣже, какъ и въ первый разъ) должно съ удовольствіемъ замѣтить, что всѣ они большею частію по возможности загладили свои прежніе грѣхи, и піеса въ общности прошла очень удачно.

5 іюня. Параша Сибирячка и Принцъ съ хохломъ, бѣльмомъ и горбомъ. Наконецъ и мы дождались представленія столько извѣстной и давно ожидаемой піесы Полеваго. Полевой умѣетъ подмѣтить поэтическія стороны жизни, трогательно-прекрасныя и при всемъ этомъ положить на нихъ яркую печать народности. Его упрекаютъ въ ефектахъ.—да что такое ефекты? — И отъ чего ими не пользоваться, если они не противорѣчатъ условіямъ дѣйствительной жизни?.. Параша Сибирячка полна сценами истинно драматическими; обольщеніе до того сильно, что въ судьбѣ Параши принимаешь такое участіе, какъ будто въ родной душѣ. На нашей сценѣ Параша прошла прекрасно. Рыбаковъ, въ роли *Неизвѣстнаго*, и Соколовъ въ Прохожемъ, были глубоко естественны. Роль *Неизвѣстнаго* одна изъ лучшихъ ролей Рыбакова; онъ въ ней былъ простъ, благороденъ; однимъ словомъ, выказалъ всѣ свои достоинства. Въ эпилогѣ же онъ былъ таковъ, что намъ, провинціямъ, нельзя и желать лучшаго таланта.

Розанова (Параша) показалась намъ звѣздою нашихъ будущихъ прекрасныхъ надеждъ. — Во всѣхъ патетическихъ мѣстахъ своей роли она была трогательно-прекрасна. — Съ какимъ особеннымъ, ей только свойственнымъ, выраженіемъ она произнесла весь монологъ: «*Боже великій! Что я узнала, что я услышала!*».. и потомъ дѣтски—простосердечно она продолжала: «Ахъ, зачѣмъ я не птичка Божья, не ласточка, — я перелетѣла бы туда, туда, гдѣ тронъ Царя милосердаго — я сѣла бы подлѣ него, у ногъ, процебетала бы ему: «Государь добрый!.. Когда всѣ радуются — есть одинъ страдалецъ въ Царствѣ Твоемъ!. Дочь проситъ тебя за отца! Я перелетѣла изъ Сибири далекой — Государь! Прости отца моего!».. Мимическая сцена ея перышимости и потомъ прощанія съ родимымъ мѣстомъ подъ мелодическіе звуки оркестра, была выполнена Розановою чрезвычайно искусно. Писулькина сыгралъ Васильевъ превосходно; въ этихъ ролях онъ бываетъ неподражаемъ, безподобенъ. Однимъ словомъ, Воронежская публика осталась чрезвычайно довольною мастерскою игрою актеровъ; а самая піеса Полеваго заронила въ душу нѣсколько глубокихъ впечатлѣній.

Впрочемъ постановка піесы была весьма небрежна: въ 1-мъ дѣйствіи, вмѣсто Сибирской степи, намъ представили какой то лѣсъ съ веселою перспективою, а въ лѣсу, между прочимъ, красуются вовсе ужъ не Сибирскіе цвѣты; кромѣ того, актеры были одѣты легко, на распашку; какъ же они понимаютъ слова *Прохожаго* въ III явленіи 1-го дѣйствія, гдѣ онъ говоритъ: лѣсъ, спитъ, ни пути, ни дороги;... тамъ: съ самаго разсвѣта блужу я по сугробамъ... Повторю, иногда малозначное обстоятельство рѣзко бросается въ глаза и отнимаетъ все довѣріе, которое такъ важно для театральнаго обольщенія...

Вторая піеса, не смотря на неестественность и натянутость, благодаря милымъ куплетамъ, а въ особенности умной игрѣ нашихъ актеровъ, прошла очень мило. Розанова (Абрикотина) и Аврина (Карабосса) показали все разнообразіе своихъ раждающихся талантовъ. — Если онѣ обѣ пойдутъ прямо дорогою высокаго сценическаго искусства, то намъ достанется скоро быть свидѣтелями ихъ громадныхъ успѣховъ.

6-е іюня. Желѣзная маска. (Бенефисъ Рыбакова). Не знаю, что вздумалось Рыбакову стряхнуть пыль и возобновить эту скучную піесу; но за то онъ и былъ жестоко наказанъ холодностію и равнодушіемъ всей публики. — Хотя Рыбаковъ (Юлій) и г-жа Шульцъ (Садалинь) играли съ особенною старательностію и даже съ замѣтнымъ одушевленіемъ, однакожъ все не могли удержать отъ окончательнаго паденія самой піесы. —

Жаль, что Рыбаковъ не выбралъ чего нибудь лучшаго для своего таланта и бенефиса. Онъ не дюженный актеръ, и могъ бы заранѣе угадать слѣдствіе своего неудачнаго выбора.

Пышнымъ спектаклемъ заключился рядъ театральныхъ представленій съ 21-го апрѣля. Воронежская труппа мѣсяца на три уѣзжаетъ въ Тамбовъ, гдѣ она конечно доставитъ Тамбовской публикѣ столько же возможности провести досугъ съ истиннымъ удовольствіемъ. А между тѣмъ временемъ, можетъ быть, нашъ русскій репертуаръ обогатится новыми занимательными піесами, и тогда для насъ настанетъ зима не съ вьюгами и мятелями, а съ свѣжими и душистыми цвѣтами.

И. Дацковъ.

РЕПЕРТУАРЪ
ВОРОНЕЖСКАГО ТЕАТРА
съ 21 апрѣля по 6 іюня 1840 года.

21. Его Превосходительство, или Средство нравиться; Кеттли, или Возвращеніе въ Швейцарію; Русскій инвалидъ на Бородинскомъ полѣ.
22. Фрегатъ Надежда, драм.
23. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
24. Любовное зелье; Первая любовь; Дезертеръ.
26. Ревизоръ.
28. Скопинъ-Шуйскій. (Роль Ляпунова Мочаловъ.)
29. Левъ Гурычъ Синичкинъ.
30. Коварство и Любовь. (Роль Фердинанда, Мочаловъ.)
2 Мая. Иголкинъ; Кеттли. (Иголкинъ — Мочаловъ.)
3. Тридцать лѣтъ или Жизнь игрока. (Жоржъ—Мочаловъ.)
5. Женщина Лунатикъ; Провинціяльный театръ, или Отелло изъ лоскутной линіи.
7. Изора, бѣшеная; Мужъ покойникъ.
9. Сынъ любви, драм. Коцебу; Искусство платить долги. (Фрица—Мочаловъ.)
10. Гамлетъ. (Первый бенефисъ Мочалова.)
12. Смерть или Честь, Полевого. (Гюгъ—Мочаловъ.)
14. Новички въ любви, Иванъ Рябовъ; Жена за столомъ, а мужъ подъ поломъ. (Иванъ Рябовъ—Мочаловъ.)
15. Коварство и любовь. (Фердинандъ — Мочаловъ.)
16. Невѣста разбойника, или Страшный незнакомецъ; Провинціяльный театръ (Рудольфъ — Мочаловъ.)
17. Ненависть къ людямъ и раскаяніе. (Незвѣстный—Мочаловъ.)
19. Скопинъ Шуйскій. (Мочаловъ въ послѣдній разъ.)
21. Дѣдушка Русскаго флота; Дамскій тайный совѣтникъ; Оборотни.
23. Благородный театръ; Филатка и Мирошка.
26. Кремневъ. Еще Гамлетъ, или Суматоха на сценѣ.
28. Живая покойница.
30. Тереза, Женевская сирота; Отецъ, какихъ мало.
31. Бенефиціянтъ; Бабушкины попуган; Гусарская стоянка.
2 іюня. Уголино.
4. Гамлетъ.
5. Параша Сибирячка; Принцъ съ хохломъ, съ бѣльмомъ и горбомъ.
6. Желѣзная маска.

О КАЗАНСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Съ 1833-го года въ Казани театръ постоянный. Происхожденіемъ и существованіемъ своимъ онъ обязанъ заботамъ Казанскаго Военнаго Губернатора С. С. Стрекалова, истиннаго любителя и покровителя искусствъ. Содержатель труппы — г-нъ Соколовъ. Онъ началъ свое сценическое поприще на Харьковскомъ театрѣ, а отъ за двадцать пять передъ симъ. Въ первые годы по пріѣздѣ въ Казань, труппа его состояла изъ десяти, не болѣе, человѣкъ, и разыгрывала небольшія піесы въ домѣ Градской Полиціи (на Воскресенской улицѣ.) Мало по малу прибывая потомъ, она возрасла теперь до 29 человѣкъ (считая тутъ и хористовъ), и даетъ свои представленія въ особомъ деревянномъ зданіи (на площади противъ манежа) четыре раза въ недѣлю: по понедѣльникамъ, середамъ, пятницамъ и воскресеньямъ; отъ 120 до 80 разъ въ годъ въ абонементъ, до 30 не въ счетъ абонемента и въ пользу актеровъ и актрисъ. Репертуаръ Казанскаго театра разнообразенъ до невѣроятности: все что печатается по русски и играется на столичныхъ театрахъ, разыгрывается и на немъ; не только комедіи и водевили, но драмы, трагедіи и — даже оперы. Въ продолженіе пребыванія моего въ Казани одна только піеса давалась два раза, и то по особенному случаю. Съ 1833 года, представлено въ Казани 700 пьесъ въ первый разъ. Вамъ покажется это невѣроятнымъ; вы подумаете, что если это и справедливо, то исполненіе піесъ должно быть самое уродливое, — ошибетесь. Конечно, не скажу, чтобы всѣ піесы шли хорошо, этого и въ Петербургѣ не бываетъ; большая часть выполняются дурно; — но есть піесы, и не одна, не десять — гораздо болѣе, которыя идутъ прекрасно, особенно для провинціи. Мнѣ возразятъ можетъ быть, что на искусство должно смотрѣть одинаково и въ столицѣ, и въ губерніи, и въ деревнѣ — такъ; но сколько степеней хорошаго, недурнаго? Много ли истинныхъ художниковъ и въ Петербургѣ? Нѣтъ ли дурнаго и тамъ? Каковы средства Императорскихъ и каковы провинціяльныхъ театровъ? И потому каковы должны быть требованія отъ тѣхъ и отъ этихъ театровъ? Для того, чтобы по возможности вѣрно оцѣнить и очертить Казанскій театръ, я не долженъ сравнивать его ни съ Петербургскимъ, ни съ Московскимъ, долженъ взвѣсить способы и средства содержателя и актеровъ, нѣкоторымъ образомъ приноровиться къ мнѣнію самой публики Казанской, которая лучше понимаетъ, чего ей можно ожидать отъ своего театра, и благодаритъ за то, что есть, за дѣятельность содержателя, за усердіе актеровъ — а они точно стоятъ благодарности, какъ вы сами увидите. Можетъ быть, я не исполню своей обязанности, можетъ быть, буду слишкомъ несправедливо строгъ въ своихъ сужденіяхъ, — не мудрено; въ замѣнъ того, я представлю факты, и надѣюсь, что они поясняютъ дѣло, подтвердятъ мои выводы и заключенія, — и самые Казанскіе жители согласятся со мною. Между актерами нѣтъ ни одного генія, за то есть люди даровитые, и даже образованные.

Всѣ прекрасно ведутъ себя, и этимъ ярко отличаются отъ прочихъ кочующихъ собратій своихъ; этимъ заслуживаютъ вниманіе городскаго начальства и полное довѣріе публики; трудятся до поту лица и съ необычайнымъ самоотверженіемъ берутся за всѣ роли. Иные любятъ, и отчасти понимаютъ искусство; съ любовію принимаютъ всякій дѣльный совѣтъ, всякое дѣльное замѣчаніе, — и пользуются имъ по мѣрѣ возможности. Но, бѣдные труженики, они часто не имѣютъ времени выучить, не только обдумать роли, потому что репертуаръ очень разнообразенъ, піесы рѣдко повторяются. Это вина содержателя; но онъ, соблюдая настоящія выгоды, не въ состояніи исправить ее. Причина вотъ какая: первоначальный успѣхъ его труппы соблазнилъ одного богатаго иногороднаго купца (г-нъ Ивато), и тотъ снялъ у г-на Соколова труппу, оставивъ его у себя режиссеромъ. Это было въ 34 или въ 35-мъ году. Чтобъ прославить себя и выиграть расположеніе публики, новый содержатель придумалъ новость, и не удовольствовавшись комедіями и водевилями, сталъ давать драмы, трагедіи и оперы. Такъ какъ онѣ были не подъ силу актерамъ, то успѣха имѣть не могли и, падали съ перваго представленія, ихъ надобно было замѣнять новыми и новизной привлекать публику — такъ и было. По какимъ-то обстоятельствамъ купецъ отказался отъ театра, и вновь сдалъ его г-ну Соколову. Этотъ,

желая поддержать себя, продолжалъ дѣйствовать въ духѣ своего предшественника, и чтобъ еще болѣе выиграть въ мнѣніи публики, пустился ставить піесы еще болѣе не по силамъ актеровъ.

Публика хотя и не одобряла ихъ, но увлекаемая какими нибудь вычурными названіями, и любопытствуя знать содержаніе, сбиралась смотрѣть ихъ въ первое представленіе. Разумѣется, въ очередь дать ихъ было нельзя, потому что игра не стоила бы свѣчь, потому что публика въ Казани не такъ многочисленна, какъ въ Москвѣ, гдѣ всякую посредственную особенно отечественную піесу даютъ пока не пересмотрятъ ее всѣ Москвичи. Отъ этого произошло, что актеры, обремененные ролями, не успѣваютъ ихъ обдумывать, даже выучивать, не совершенствуются въ игрѣ повтореніемъ однѣхъ и тѣхъ же ролей; публикъ привыкла смотрѣть болѣе на содержаніе піесы, одобрять сочинителя, а не вникать въ игру актера, не апплодировать актерамъ. Отъ этого произошло еще и то, что содержатель на выписку и обстановку новыхъ большихъ піесъ тратитъ лишнія деньги, которыя, можетъ быть, и не пропадаютъ у него, и возвращаются съ прибылью, но все онъ могъ бы употребить ихъ на дѣло болѣе полезное, какъ напр., на выписку новыхъ актеровъ, новыхъ актрисъ; а въ послѣднихъ особенно чувствуется недостатокъ въ его труппѣ. Одна выгода произошла отъ этого безтолковаго управленія: лучше стали декораціи, лучше костюмы, и оперы принесли пользу музыкантамъ. Конечно, всему бы можно было пособить, — но что нужно? — Ограничиться комедійкой, водевилемъ, драмочкой — и понести напервый годъ убытокъ, — но только на первый годъ, потому что послѣдующіе съ лихвою вознаградили бы за это тонкое распоряженіе. Тогда была бы возможность и обставлять піесы тщательнѣе и совершенствоваться актерамъ, и публика стала бы смотрѣть на игру такъ же, какъ на содержаніе, и лучше бы постигала самое содержаніе. — Но это проектъ, который, по обычаю, надобно разсмотрѣть, нѣсколько лѣтъ, обсуживать, принять — и потомъ уже привести въ исполненіе! — Пока совершится эта благодѣтельная реформа, публика Казанская довольствуется тѣмъ, что есть; а я какъ заѣзжій не въ правѣ вводить своихъ установъ и приступлю къ дѣлу. Постараюсь познакомить васъ со всѣми актерами и актрисами Казанскими, и начну съ актеровъ, а изъ нихъ первое мѣсто дамъ жрецамъ Мельпомены.

1) *Г-нъ Романовскій* — герой трагедіи, преимущественно шекспировской, имѣетъ прекрасный ростъ, выразительныя черты лица, глухой сиповатый голосъ, отрывистое произношеніе. Однообразіе, необдуманность, недостатокъ теплоты въ чувствѣ и силы въ выраженіи страстей — составляютъ основаніе его игры. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ являлся на Петербургской сценѣ — и безъ успѣха. Впрочемъ я не видалъ его въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ онъ особенно нравится публикѣ. Говорятъ, что онъ очень хорошо играетъ *Корнелія* въ Заколдованномъ домѣ, хоть это и несовсѣмъ его роль; — *Варнера* въ Игрокѣ; *Керимъ Гирея* въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ.

2) *Борисоглѣбскій* — актеръ заслуженный, умный; болѣе двадцати семи лѣтъ играетъ на провинціяльныхъ театрахъ, и обладая счастливою памятью, занимается весьма трудолюбиво. Главное — онъ обдумываетъ всякую роль, какъ бы она ни была малонажна, и во всѣхъ роляхъ трагическихъ и комическихъ играетъ съ большимъ одушевленіемъ. Ростъ его не великъ; физіогномія выразительна; органъ чистъ. Въ выговорѣ замѣтно малороссійское происхожденіе, а въ произношеніи и въ игрѣ вліяніе старой школы, отъ чего дикція его распѣвна, а игра принужденна. Въ старину онъ отличался въ роляхъ петиметровъ и вертопраховъ, такъ напримѣръ, въ водевилѣ Женщина-лунатикъ, въ роли *Луцкаго*, а въ послѣднее время очень нравился въ *Городничемъ* Гоголя, и въ *Брандтѣ* Н. А Полеваго.

3) *Слукинъ*, пансіонеръ Московскаго Театра — а автоматъ на сценѣ. Не думаю, чтобъ была какая нибудь роль въ большомъ репертуарѣ, которую бы онъ игралъ порядочно. Изрядно пляшетъ по-русски.

4) *Шумиловъ*, немолодъ, нехудъ, непамятливъ. Голосомъ своимъ живо напоминаетъ Величкина, а вѣчно веселою, простодушною наружностію своею возбуждаетъ хохотъ въ зрителяхъ; но играетъ безъ всякой отчетливости, наобумъ и довольно плохо. Изъ всѣхъ Казанскихъ актеровъ одинъ разбираетъ ноты.

5) *Головинскій*, рѣшительно первый въ Казани, принадлежитъ къ новому поколѣнію. Не имѣя счастливой наружности, обладаетъ большимъ дарованіемъ, слабымъ, но пріятнымъ и довольно-обработаннымъ теноромъ. Умень, развязенъ, ловокъ, но задавленъ ролями, изъ коихъ большая часть не по его силамъ и характеру; оттого происходитъ, что въ одной роли вы не захотите смотрѣть на него, въ другой онъ васъ восхититъ. Едва ли есть двадцать піесъ, въ которыхъ бы онъ не игралъ; а то вы увидите его и *Родольфомъ* въ Венеціянской актрисѣ, и *Лифароли* въ Русалкѣ, и *Цампой*, и *Робертомъ*, и *Губкинымъ* въ хористѣ, и *Филиппомъ* въ Терезѣ и т. д.

6) *Дмитревскій*, очень молодой актеръ съ пріятною наружностію, играетъ, какъ и всѣ, большею частію не свои роли; но для молодыхъ простачковъ немного такихъ актеровъ и въ столицахъ. — Произношеніе его правильно, органъ чистъ; въ своемъ амплуа онъ играетъ очень обдуманно. — Сверхъ того обладаетъ забавнымъ даромъ представлять другихъ, *передразнивать*; впрочемъ этотъ даръ вреденъ для искусства и годенъ для него, какъ шутка, острота въ дѣльной критикѣ. — Лучшія его роли, по отзыву всей публики: Руттли въ Кеттли, Жано Бижу въ Любовномъ зельѣ и *Ница* въ Дезертерѣ.

7) *Цоляковъ*, человѣкъ пожилой. Небольшой ростъ, благородная наружность, любовь къ искус-

етью, обдуманность и одушевленіе въ игрѣ — вотъ отличительныя черты его. Многія комическія роли онъ выполняетъ съ большимъ успѣхомъ.

8) *Левашевъ*, хореграфъ Казанскихъ дивертисементовъ. Воспитывался въ Московскомъ Театральномъ Училищѣ; десять лѣтъ являлся на Московской сценѣ; въ 1824 году сошелъ съ оной, и въ слѣдствіе разныхъ перемѣнъ въ жизни, опредѣлился на провинціяльный театръ, съ Нижегородскаго перешелъ на Казанскій. Играетъ болѣе комическихъ стариковъ, оригиналовъ, и хорошо пляшетъ по-цыгански. Маленькій ростъ, угловатыя черты лица, сиповатый голосъ, скороговорка придаютъ игрѣ его большой комизмъ; но онъ идетъ ложною дорогою - впадаетъ въ фарсы, и въ рѣдкой роли обходится безъ нихъ. Я слышалъ, что лучшая роль его — *Грифьяка* въ вод. Утро Журналиста.

9) *Садовскій*, дядя Московскаго актера, бутафоръ; употребляется всюду, и въ операхъ, въ трагедіяхъ, и въ комедіяхъ, и въ роляхъ слугъ, и на выходъ.

10) *Лебедевъ*, суфлеръ, неподражаемъ въ Эмеліи и въ Жанѣ Кокю. Я не видалъ его въ этихъ роляхъ, но по отзыву Щепкина, ни на Петербургской, ни на Московской сценѣ нѣтъ такого Эмельяна. Всѣ болѣе или менѣе вдаются въ фарсы, фамильяризируются съ господами, и слишкомъ развязны. Онъ же — рука за пазуху, голова на сторону, взоръ неподвижно и подобострастно вперенный въ своего господина — природа самая чистая! Но онъ только и хорошъ въ роляхъ старыхъ слугъ, которые точно глядѣли въ глаза господамъ своимъ. —

11. *Алексѣевъ*
12. *Ефимовъ*
13. *Ильинъ*
14. *Мазовъ*
15. *Лаврентьевъ*
16. *Мельниковъ*

} Хористы въ полномъ смыслѣ слова.

Слѣдовательно во всей трупиѣ Г-на Соколова, актеровъ настоящихъ, или по крайней мѣрѣ занимающихъ важныя роли, только восемь. Подивитесь же, что они дѣлаютъ! Переведите ихъ въ Петербургъ; покажите имъ образцовые таланты; образуйте ихъ; дайте имъ средства, — и посмотрите, что они сдѣлаютъ? Я не говорю обо всѣхъ, но вы сами видѣли, на кого можно надѣяться, отъ кого можно ожидать усовершенствованія. Никто изъ нихъ не прыгнетъ ни въ Каратыгины, ни въ Щепкина; но двое трое могутъ быть прекрасными, полезными актерами. Какое у нихъ рвеніе, какое желаніе усовершенствоваться! Напримѣръ, однажды разсуждая о Казанскомъ театрѣ, говорили, какую бы пользу принесъ для него образованный, знающій содержатель; что бы могъ сдѣлать изъ него Щепкинъ, и Головинскій вдругъ сказалъ: Готовъ пойдти въ услуженіе къ М. С., безъ платы; знаю, что онъ сдѣлалъ бы изъ меня человѣка, артиста! Черта прекрасная, поучительная! Что, если бы хоть въ половину такъ думали наши молодые Петербургскіе актеры; если бы, не полагаясь на свои геніальныя способности, старались перенять, усвоить игру Каратыгина, Сосницкаго, не подражая имъ; пользовались ихъ замѣчаніями; не ставили себя наравнѣ съ ними; прилежнѣе занимались своимъ дѣломъ; не пренебрегали ролями; цѣнили бы болѣе отзывъ знатока, — а не упивались славою пріятельскихъ рукоплесканій и вызововъ? — Какъ бы далеко шагнули они! Какая бы образцовая труппа сформировалась у насъ въ Петербургѣ!

Въ актрисахъ Казань чувствуетъ большой недостатокъ.

1) *Мочалова-Францiева*, сестра Московскаго актера; носитъ фамилію своего мужа. Занимаетъ роли А. М. Каратыгиной въ трагедіяхъ и комедіяхъ, и — ничѣмъ не оправдываетъ своего почетнаго положенія при театрѣ. Не знаю, можетъ быть у ней, какъ у знаменитаго брата ея выдаются мѣста высоко-художническія, безконечно великія, наполняющія душу любителя внезапнымъ, трепетно-сладкимъ восторгомъ, но по несчастію мнѣ, не удалось подмѣтить ни въ ней, ни въ немъ этихъ чудныхъ мѣстъ. Я думаю, впрочемъ, что актеръ, живущій въ настоящемъ — болѣе нежели всякій другой художникъ, долженъ дорожить настоящимъ, и для того обдумывать свои роли и играть ихъ такъ, какъ только позволяютъ ему его средства. Геніяльный актеръ, *тѣмъ паче* долженъ дорожить своимъ небеснымъ дарованіемъ и воздѣлывать его, а не предаваться однимъ порывамъ вдохновенія. Вдохновеніе невольно, — дарованіе не отъ насъ, — гдѣ же заслуга передъ Богомъ, хотя и геніяльнаго актера? Не слава, — а позоръ ему, если онъ пренебрегаетъ рѣдкимъ даромъ Божіимъ и *зарываетъ его въ землю, какъ рабъ лѣнивый* и неблагодарный, или растрачиваетъ его по мелочамъ!

Но обратимся къ г-жѣ Мочаловой: хотя она и восхищала нѣкогда Московскую публику, теперь не имѣетъ уже наружности, приличной своимъ ролямъ; одѣвается, правда, хорошо — и то не всегда; — за это нельзя винить её, но все воля ея, болѣе чѣмъ другихъ актеровъ и актрисъ Казанскаго театра; обладаетъ прекраснымъ, громкимъ органомъ. Но придерживается старой методы, употребляетъ драматическую икоту — признакъ дурной игры и безчувствія; ибо, обдумавъ, почувствовавъ роль, вникнувъ въ характеръ представляемаго лица, нѣльзя завопить тамъ, гдѣ не слѣдуетъ, икнуть неумѣстно (а можно и совсѣмъ не икать), сдѣлать неправильное удареніе и выказать чувство, тамъ, гдѣ можно обойтись безъ него, или проговорить холодно тамъ, гдѣ оно необходимо, или выразить его принужденнымъ, приготовленнымъ восклицаніемъ, тогда какъ по большей части оно выражается тихо.

2.) *Аннилогова* устарѣлая, ничтожная актриса — первая драматическая любовница. Ни красоты, ни дарованія, ни чувства, ни жизни! Вѣчно плаксивая физіономія, жалобный голосъ; вся роль —

на распѣвъ; всѣ роли—на одинъ манеръ. Вообще драма стоитъ въ Казани, а наперекоръ природѣ и искусству не толкаютъ впередъ. Г-жа Анпилогова опечаливаетъ ее, Мочалова голоситъ по ней, а г-нъ Романовскій своими отрывистыми увѣщаніями унимаетъ ихъ—безъуспѣшно. —Не укоряю я этимъ Казанскій театръ, но говорю, искренно желая ему добра и усовершенствованія, невозможнаго безъ перемѣны, безъ ограниченія репертуара.

3) *Канищева*, жена бывшаго Московскаго актера; имѣла нѣкогда прекрасный, обработанный голосъ, и знаетъ музыку; теперь уже близка къ старости и комическихъ старухъ играетъ очень, очень-хорошо. Она мнѣ живо напомнила С. В. Самойлову, которая, къ-сожалѣнію, очень рѣдко выходитъ теперь на сцену Петербургскаго театра; а другой милой, любезной, доброй, смѣшной старушки я не видывалъ. — Кромѣ этихъ ролей, г-жа Канищева играетъ въ операхъ молоденькихъ дѣвушекъ, но тутъ уже нѣтъ ей никакой удачи, хоть иногда и аплодируютъ ей за пѣніе.

4) *Иванова* недурна лицомъ; имѣетъ прекрасный бюстъ; обладаетъ голосомъ, незатрудняющимся ни въ единой нотѣ; но несчастію, голосъ ея вовсе не обработанъ, и прошло уже время, когда можно было обработать его. Кромѣ оперъ, г-жа Иванова играетъ почти во всѣхъ водевиляхъ, и играетъ нехорошо; не потому чтобы у ней не было дарованія, но потому что оно вовсе не развито и испорчено дурной манерой; такъ напримѣръ, съ чистымъ органомъ, она говоритъ пришепетывая, сквозь зубы, не отдѣлываетъ ни одной роли — не вникаетъ въ характеры лицъ, водевильные куплеты поетъ безъ всякаго выраженія. Послѣдній недостатокъ встрѣчается впрочемъ во всѣхъ Казанскихъ актерахъ: исключая Головинскаго, никто не умѣетъ *говорить* куплетовъ.

5) *Романовская*, жена актера. Миніатюрное, ничего невыражающее лицо, безжизненные глаза, изумрудные зубы, слабый, писклявый голосъ, шепелеватое произношеніе, неловкость необыкновенная, игра необдуманная. Но несчастію, она занимаетъ мужскія роли В. Н. Асенковой и играетъ даже въ Эсмеральдѣ главную роль.

6) *Александрова*, молоденькая дѣвочка лѣтъ 15-ти, недурна собой; воспитывалась въ пансіонѣ; имѣетъ дарованіе, слабенькій голосъ; безъ всякаго сценическаго образованія; невнимательна на сценѣ и безпрестанно прищуриваетъ глаза. Говорятъ недурна въ Деревенской Простотѣ, въ роли Сабины,—но я невидалъ ея въ этой піесѣ и судить немогу.

7) *Дмитріева*, жена актера, миленькая, молоденькая актриса. Имѣетъ все для сцены: неподдѣльное дарованіе, хорошенькое личико, стройное сложеніе, правильное, чистое произношеніе — и могла бы быть прелестною субреткой въ комедіяхъ (она не поетъ.) При всемъ этомъ она какъ-то въ забросѣ и играетъ очень рѣдко.

8) *Головинская*, жена актера; не имѣетъ никакого дарованія. Наружность у ней довольно пріятная; вѣчно улыбка на лицѣ; произношеніе правильное;—жеситикуляція состоитъ изъ двухъ жестовъ — рукой направо и налѣво; всѣ свои роли она читаетъ, какъ урокъ.

9) *Полякова*, Казанская говорящая Таліони. *Объ ней не знаешь, что сказать.*

10.)	*Цыбулина*	хористки на роляхъ старухъ.	Всѣ пляшутъ въ дивертисем. и поютъ въ операхъ.
11.)	*Абаляева*		
12.)	*Куликова*	хористки на роляхъ молодыхъ.	
13.)	*Соловьева*		

И такъ изъ всей труппы только двое знаютъ музыку: Шумиловъ и Канищева, а всѣ поютъ — и представляютъ Роберта, Цампу, Фрадьяволо, и т. п. — Вы смѣетесь? Подождите. Я вамъ скажу, что знатокъ музыки, любитель хорошаго пѣнія, не найдетъ для себя никакого удовольствія въ представленіи этихъ оперъ на Казанскомъ театрѣ; но тотъ, кто не слышалъ ихъ ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ, можетъ смотрѣть на нихъ въ Казани, потому что пѣніе Казанскихъ актеровъ, если и неизящно — по крайней мѣрѣ вѣрно. — Смотря на исполненіе оперъ въ Казани, я видѣлъ новое доказательство того, что человѣкъ съ волею можетъ всего достигнуть прилежаніемъ и стараніемъ; дивился, что люди, незнающіе нотъ, могутъ пѣть вѣрно цѣлыя оперы; дивился терпѣнью и искусству капельмейстера. И такъ, г-нъ Семеновъ заслуживаетъ полное уваженіе: самоучкой выучился и усовершенствовался въ генералъ-басѣ, и дѣлаетъ чудеса съ Казанскими актерами. Опять посѣтовалъ я, зачѣмъ такъ безбожно испытываютъ и разстроиваютъ силы этихъ людей? Займи ихъ ролями менѣе трудными, болѣе удобоисполнимыми, — изъ нихъ были бы прекрасные актеры!

Какъ я сказалъ уже, капельмейстеръ въ Казани— Семеновъ. Оркестръ его состоитъ изъ двѣнадцати музыкантовъ. — Всѣ играютъ старательно, вѣрно и порядочно.—Въ каждомъ междудѣйствіи вы непремѣнно услышите увертюру, или какой нибудь хорошенькій музыкальный кусочекъ. — Каждый день вы увидите весь оркестръ на репетиціи. А справьтесь ниже, какое жалованье получаютъ г-да музыканты?

Мнѣ удалось быть 10-ть разъ въ Казанскомъ театрѣ. Первое впечатлѣніе, какое на меня произвелъ онъ, было не весьма благопріятное, потому что въ головѣ моей слишкомъ свѣжи были воспоминанія о Петербургскомъ и о Московскомъ Театрахъ. Что жъ? Вмѣсто пышности и великолѣпія, нашелъ я простоту и бѣдность; но оглядѣвшись, съ удивленіемъ замѣтилъ, что все около меня чисто и пристойно, и все идетъ порядочно. На бѣду, спектакль былъ составленъ неудачно, актеры были не на своихъ мѣстахъ и играли очень плохо. Вооружась терпѣніемъ и снисходительностію, я сталъ находить въ игрѣ ихъ нѣчто похожее на дѣло, и при послѣдующихъ представленіяхъ не могъ не отдать имъ должной справедливости. Пристраститься я не успѣлъ, потому что былъ въ Казани очень короткое время,—да и сами читатели увидятъ, что не такъ говорятъ пристрастіе: я никого

не хвалю, не осуждаю безотчетно, рѣшительно; пишу по убѣжденію, и съ радостію повинюсь, если меня разувѣрятъ въ чемъ нибудь. Но я никому не вѣрю на слово, и не скоро, не легко измѣняю то, въ чемъ разъ убѣдился.

26-го ноября. Спектакль (абонементъ) начался водевилемъ Скриба: *Фронтинъ.* Водевиль этотъ довольно забавенъ, завязка его недурна, многія сцены очень смѣшны. Онъ написанъ въ старинномъ вкусѣ, и есть поводъ думать, что маленькій геній нашего вѣка заимствовалъ его содержаніе изъ какой нибудь піесы вѣковъ прошедшихъ. Главное лицо въ водевилѣ — Фронтинъ, слуга. Переводъ гладокъ.

Графа. игралъ *Головинскій;* но я бы ни какъ не могъ сказать ему В. С.—Онъ былъ очень не сіятеленъ и обращался съ своимъ слугой за панибрата.

Графиня—Головинская. Такою, какъ она была тутъ, такою была и вездѣ. Я уже опредѣлилъ характеръ ея игры, и не могу ничего ни измѣнить, ни прибавить. Главную роль занималъ *Дмитріевъ,* и не смотря на утрировку, я замѣтилъ въ немъ дарованіе, созданное, впрочемъ, не для плутовъ-слугъ, и для слугъ-простяковъ.

Сашу играла *Романовская,* и была такъ дурна, такъ неловка, такъ некрасива, что я не смѣялся, а негодовалъ всякій разъ, какъ ее называли хорошенькой, разумѣется, въ піесѣ.

Роли *Жака, Повара, Кучера* съиграны были въ *совершенствѣ.* Вообще всѣ говорили бойко, читали правильно, гонялись за музыкой — и были хорошо одѣты; одна г-жа Романовская была въ какихъ-то тряпкахъ. Какъ я узналъ послѣ, эта піеса пошла у нихъ безъ репетиціи.

Голубой токъ, миленькая, занимальная комедійка, нѣсколько искаженная передѣлкой, и неправно переведенная.

Герцогъ—Слукинъ, говорилъ безъ всякаго выраженія, дѣлалъ безпрестанныя ошибки противъ смысла, не понялъ роли вовсе; объ отдѣлкѣ и неподумалъ; нѣкоторыя a parte произносилъ во всеуслышаніе. Мéри произносилъ Мери.

Герцогиня—Мочалова, прочла роль правильно, но не оттѣняла ея мимикой. Наружностью своею слишкомъ противорѣчила требованіямъ роли. Говардъ произносила Гаваръ.

Ашлетонъ—Романовскій, страхъ для этой роли; говорилъ правильно, но принужденно; драматизировалъ все; a parte не соблюдалъ: «*письмо, писанное по моему совѣту*» сказалъ, обратясь къ герцогу. Г-да артисты! Мало обдумать, опредѣлить характеръ роли, — надобно перечесть каждую фразу по нѣскольку разъ, и отдать себѣ отчетъ въ произношеніи оной.

Лордъ Корнвалисъ — Борисоглѣбскій. Наружность его шла, какъ нельзя болѣе, королю. Всю роль въ малѣйшихъ ея оттѣнкахъ онъ выполнилъ обдуманно, отчетливо; но говорилъ принужденно, и мало придалъ комизму, — источникъ котораго есть натура.

Миссъ Мери Темпль — Анпилогова; свою простую, миленькую роль одраматизировала, проговорила жалобно и на-распѣвъ. Не только голубой, никакихъ цвѣтовъ токъ не присталъ бы къ ней.

Миссъ-Говардъ — Соловьева, лучше всѣхъ была со сцены—наружностью; но игра ея также незначительна, какъ и роль.

Странное дѣло—всѣ мужчины были набѣлены и нарумянены! Мѣста незналъ никто; Двора не было. Піеса понравилась публикѣ, но актеры въ этомъ нисколько не виноваты. Могли бъ они порядочно сыграть ее, но надобно было позаняться и имъ и ими. Такія піесы и на Александринской сценѣ рѣдко удаются — а Голубой токъ обязанъ своимъ успѣхомъ въ Петербургѣ только Сосницкому и Каратыгиной; не будь ихъ — піеса бы упала, какъ падаютъ многія ей подобныя.

2-е дѣйствіе изъ большой романтической оперы: Волшебный стрѣлокъ, съ принадлежащею къ ней совершенно вновь устроенною декораціею, изображающею Волчью долину, въ коей: движеніе волшебной силы, ползущая большая змѣя, полеты ночныхъ птицъ, воздушная охота, дикіе звѣри и исполины, гоняющіеся за ними, большой вепрь, летающій ужасный треглавый змѣй, огненная колесница, транспарантныя чудовища, показывающіяся въ скалахъ, пещера горнаго духа, изображающая скалу и, по мановенію разрушаясь, показываетъ его въ пламени, сильные удары грома, вой вѣтра и наконецъ ужаснѣйшая сцена, объятая адскимъ пламенемъ. (Съ подлиннымъ вѣрно.) — И не подумайте, чтобъ это былъ пуфъ, — нѣтъ; все видѣлъ я въ натурѣ: и ужаснаго треглаваго змѣя, и ползущую большую змѣю, и транспарантныя чудовища, показывающіяся въ скалахъ, и много другихъ чудесъ — но вообще я до такимъ чудесъ не охотникъ; я люблю чудеса искусства, люблю чудесника Каратыгина и чародѣя Сосницкаго, и въ Волшебномъ стрѣлкѣ одну прекрасную музыку. Я не былъ доволенъ исполненіемъ этой оперы на Казанскомъ театрѣ, потому что *Агату* играла *Канищева,* а она слишкомъ стара для Агаты, и поетъ болѣе по воспоминанію. *Анету — Иванова* — через-чуръ кричала. *Маиса — Головинскій,* пѣлъ слабо, и *Каспара — Романовскій* сиповатымъ своимъ голосомъ, безжизненной игрой наводилъ не страхъ, а возбуждалъ другое чувство, болѣе непріятное. Я вышелъ изъ театра грустный, не довольный, но неотчаялся, не потерялъ терпѣнія, и пошелъ во второй разъ.

27-го ноября. Былъ бенефисъ г-жи Романовской; давали *Отецъ и дочь* или *Домъ сумасшедшихъ,* мелодрамку въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Чей переводъ? Чье сочиненіе? — Неизвѣстно. Но переводчикъ и сочинитель достойны другъ друга: одинъ разсыпалъ нелѣпости въ слогѣ, другой наполнилъ ими піесу.

Фицъ-Генрихъ — Романовскій, для провинціяльнаго театра былъ хорошъ, костюмированъ недурно, во многихъ мѣстахъ игралъ истинно порядоч-

но, не кричалъ; по вообще мало оттѣнилъ характеръ своей роли, былъ неловокъ и не могъ измѣнить своего отрывистаго произношенія, исправить сиповатаго голоса.

Сесилія, дочь его — Аппилогова, жалобно, однимъ тономъ проповѣдовала отъ начала до конца. Мѣстами впрочемъ и у ней проглядывало чувство.

Л. Гельмуръ — Борисоглѣбскій, выполнилъ роль хуже обыкновеннаго, надуто, не ровно.

Каролина, дочь его — *Романовская*, для бенефиса постаралась; но все великое разстояніе отъ сей персоны до молодой, рѣзвой, хорошенькой дѣвушки. О малоткѣ *Колосовой* можно сказать, что она подаетъ отрадныя надежды. Прочіе не стоятъ упоминанія.

3-е дѣйствіе Аскольдовой Могилы шло, говорятъ, очень порядочно, и Головинскій отличился въ роли *Торопки*. Къ сожалѣнію, я не могъ удостовѣриться въ этомъ на дѣлѣ, хотя отзывы тѣхъ, кто говорилъ мнѣ, достойны всякаго вѣроятія.

29-го ноября (въ абонементѣ.) *Сватъ въ новомъ родѣ*, или *Поѣздка въ Парголово*, піеса глупая; держится на Петербургской сценѣ однимъ Мартыновымъ; по вообще въ Казани она шла лучше, потому что тамъ лучшіе Казанскіе актеры занимали роли самыхъ плохихъ Петербургскихъ.

Букинъ — Шумиловъ, многія фразы произнесъ вѣрно. *Маша*, дочь его — *Иванова*, играла и одѣта была недурно, но не могла отстать отъ своего непріятнаго произношенія. *Струйскій — Дмитріевъ*, довольно благороденъ въ мундирѣ. *Дробинъ — Головинскій*, развязенъ, но ни на минуту безъ улыбки. *Иванъ — Садовскій*, недуренъ. *Трусимовъ — Левашовъ*, смѣшной наружности, говорилъ скороговоркой, не договаривалъ словъ, игралъ не ровно, но мѣстами былъ смѣшонъ и хорошо пѣлъ. Мало обдумалъ, или лучше сказать, не досоздалъ роли. Былъ невнимателенъ при впаденіи въ рѣчь. Вообще, онъ очень хорошо костюмируется при небольшихъ средствахъ театральныхъ и своихъ собственныхъ.

Мужья въ западнѣ, или Жена сосѣда, — Французскій водевиль, прекрасно переведенный покойнымъ Булгаковымъ; очень забавенъ, искусно веденъ, но не совсѣмъ пристоенъ.

Дюпре — Дмитріевъ, г-жа Дюпре — Головинская, г-жа Робино — Куликова — не хороши. *Г-жа Бодуляръ — Полякова*, играла довольно вѣрно и правильно; часто улыбалась не кстати. *Бодуляръ — Левашовъ*, *пересолилъ* и въ костюмѣ и въ игрѣ. *Робино — Поляковъ*, былъ лучше всѣхъ; немного утрировалъ, но игралъ одушевленно, вѣрно, произносилъ внятно, чисто, и смѣшилъ не фарсами. Всѣ плохо знали роли.

Жизнь и смерть — остроумная насмѣшка надъ бездушными, отчаянными волокитами. Переводъ сей лучше въ игрѣ, нежели въ чтеніи, впрочемъ не безъ достоинствъ, какъ и всѣ переводы г. К.

Бонвэ — Левашовъ, совсѣмъ исказилъ характеръ роли, игралъ по-свойски; мѣстами, однако жъ, недурно. *Эмилія — Головинская*, не испортила, а изуродовала эту милую, прелестную роль, одну изъ лучшихъ ролей г-жи Аллапъ. *Клара — Романовская*, играла лучше обыкновеннаго, и въ голубомъ платьѣ, въ чепцѣ была недурна собой — пока не раскрывала рта. *Клервиль — Дмитріевъ*, былъ совсѣмъ не на мѣстѣ, и оттого нехорошъ. *Альфредъ — Головинскій*, игралъ весьма удовлетворительно, ловко, отчетливо до сцены съ пистолетами. И она нравилась, но я бы желалъ, чтобы онъ посмотрѣлъ въ этой сценѣ на г-на Аллана: онъ не приставляетъ пистолетомъ ко лбу, не становится на колѣни и не дотрогивается до галстука; не относитъ даже пистолетовъ отъ ящика, — а смѣшитъ, и производитъ эффектъ удивительный. Все это одна изъ лучшихъ ролей г-на Головинскаго.

1-го декабря. Въ бенефисъ г-жи Канищевой, въ 1-й разъ: *Черное домино*, опера въ 3-хъ отдѣленіяхъ; слова Скриба, переводъ Ленскаго, музыка Обера. Либретто пустое, непристойное; переводъ хорошій. Музыка легонькая, — многіе мотивы очень пріятны. — Съ выпусками піеса поставлена въ мѣсяцъ, и не каждый день дѣлались репетиціи. Шла очень хорошо въ цѣломъ; пѣли правильно и согласно. Декораціи, костюмы были нѣсколько бѣдны, но приличны. Хоры были очень ладны.

Л. Эльфордъ — Левашевъ, роль незначительная. *Гр. Жуліано — Дмитріевъ*, занималъ не свою роль; хотя онъ поетъ въ водевиляхъ, но не имѣетъ никакого голоса. *Горація — Головинскій*, игралъ бойко, нѣсколько напыщенно, безъ оттѣнокъ; — пѣлъ порядно. *Жиль Перецъ*, привратникъ — *Шумиловъ*, игрою живо напоминалъ Величкина. *Анжела — Иванова*, пѣла весьма удовлетворительно, мѣстами играла, одѣта была къ лицу. *Бригитта* — Романовская. *Гіацинта*, экономка — *Канищева*, рѣшительно торжествовала, и торжество ея было заслуженное. Пѣнія было у ней немного, но игра исполнена неподдѣльнаго комизма. Особенно смѣшна она въ сценѣ съ привратникомъ.

Честь и слава ей, полная благодарность дирижеру музыки, благодарное словцо и содержателю!

3-го декабря. (въ абонементѣ) *Все или ничего*, драма въ 3-хъ отдѣленіяхъ, соч. Поль-де-Кока, пер. неизвѣстнаго.

Новое доказательство, что всѣ хороши на своихъ мѣстахъ. Веселому, забавному и *безвредному* Поль-де-Коку — неслѣдъ писать скучныя, несвязныя, нелѣпыя драмы. При всѣхъ несообразностяхъ піеса не безъ эффектовъ, но на Казанскомъ театрѣ всѣ эффекты были потеряны, потому-что никто не попалъ своей роли, и отъ того вышла безсмыслица, декламація, нелѣпое чтеніе; потому что *Герцога-Ричмонда* игралъ *Слукинъ*, — а спросите его: какъ онъ выразилъ благородство, хотя и безтолковое, неумѣстное благородство герцога?

Эмму — Аппилогова, а узнаете ли вы въ ней жену несчастную, но вѣрную своему долгу, по-

томъ счастливую супругу, и наконецъ оскорбленную мать? *Сиръ Артуръ — Романовскій*, а такъ ли изображаютъ страстную любовь, подозрительную ревность? — Объ остальныхъ не стоитъ и говорить: всѣ способствовали къ паденію піесы, и дружно тащили въ могилу этого выродка. Одна малютка *Колосова* говорила просто, естественно, отъ души, и оттого была лучше всѣхъ надутыхъ, неестественныхъ, безчувственныхъ взрослыхъ.

Безземельное имѣніе, водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. *Александры Андреевны Фуксъ*, давали въ первый разъ отъ рожденія. Александра Андреевна Фуксъ—единственный Казанскій авторъ (и это уже заслуга, потому что въ Казани Университетъ, и изъ 300 студентовъ нѣтъ ни одного драматическаго писателя!) и при томъ авторъ дѣятельный и трудолюбивый. Главное достоинство водевиля: *Безземельное имѣніе*, что онъ явился во время. Теперь, когда всѣ помѣщики заняты межеваніемъ,—остроумная насмѣшка надъ злоупотребленіями, встрѣчающимися при ономъ, очень кстати. Въ піесѣ нѣтъ большой завязки; она растянута и конецъ ея слабъ, но начало очень забавно, и многіе характеры очерчены хорошо. Куплетовъ слишкомъ много, — но всѣ гладки, иные остры. По всему видно, что Александра Андреевна имѣетъ дарованіе, и идетъ впередъ; но первыя попытки рѣдко бываютъ совершенны,—а отъ водевиля ея: *Она похудѣла* до этого разстояніе довольно велико. Я не стану разсказывать содержаніе *Безземельнаго имѣнія:* это бы завело меня далеко, да и всякая театральная піеса, особенно водевиль, теряетъ въ разсказѣ; его надобно видѣть на сценѣ, а Александра Андреевна намѣрена, кажется, новый водевиль свой отдать и на Петербургскую сцену. — Въ Казани онъ былъ разыгранъ на славу! Безъ преувеличенія скажу, что такое согласіе въ цѣломъ рѣдко встрѣчается на большихъ театрахъ. — Это впрочемъ произошло оттого, что всѣ актеры были на своихъ мѣстахъ, и постановкой занимались самъ авторъ и г-нъ П., большой знатокъ и любитель тѣатра. Лучше всѣхъ игралъ *Левашовъ—Крючкина*, устарѣлаго, отставнаго взяточника-крючкотворца, у котораго на каждое слово статья изъ законовъ. Костюмъ его, игра безъ всякихъ фарсовъ, все шло какъ нельзя болѣе къ роли. *Шумиловъ* былъ очень хорошъ въ роли *Домоводова*, мужа, состоящаго въ полномъ распоряженіи своей дражайшей половины,—мужа-мальчика, котораго надобно водить на помочахъ, и къ которому приставленъ дядька — Гурьянъ. Впрочемъ характеръ Домоводова немного форсированъ. *Супругу его*, женщину капризную, своенравную, спазматическую, *хозяйку* дома, г-жа Капищева, представила, какъ артистка! *Земелинъ* въ застегнутомъ на всѣ пуговицы вицъ-мундирѣ — *Полковъ; Генералъ-Злецовъ — Борисоглѣбскій*; большая, тонкая барыня *Заврацкая — Мочалова; Баронъ Шильтъ*, молодой офицеръ, находящійся подъ покровительствомъ Злецова, и влюбленный въ дочь Домоводова — *Головинскій;* Горничная *Маша* — Дмитріева; *Гурьянъ*, неподражаемый Гурьянъ — *Лебедевъ;* даже хоры— помѣщики сосѣднихъ деревень, — однимъ словомъ, всѣ способствовали успѣху піесы и костюмомъ и игрой. Тутъ я видѣлъ новое подтвержденіе того, что успѣхъ всякой піесы вполнѣ зависитъ отъ актеровъ. Одна *д-ца Александрова* была какъ то невнимательна къ своей маленькой роли *(дочери Домоводовыхъ)*, и играла больно плохо. Александру Андреевну наградили двукратнымъ вызовомъ,—а актеровъ не вызывали: это ужъ несправедливость! Вообще въ Казани вызовы рѣдки и награждаютъ ими актера за хорошее исполненіе какой нибудь трудной роли; это такъ, но тутъ стоило бы вызвать всѣхъ, именно за согласное исполненіе цѣлой піесы. Не отвѣчаю, чтобы эта піеса имѣла успѣхъ въ столицѣ; по *многимъ* причинамъ это сомнительно; но въ Казани, и съ выпусками, она бы могла даваться довольно часто.

6-го декабря. (Для устройства внутренности театра). Въ первый разъ: *Кремневъ, Русскій солдатъ*, оригинальное драматическое представленіе въ 3хъ дѣйствіяхъ, соч. Русскаго Инвалида И. Скобелева. Кто изъ Русскихъ не знаетъ Кремнева, и кому изъ Русскихъ не нравится Кремневъ?—Это не высокое произведеніе искусства, не піеса, написанная для знатоковъ, но сцены изъ Русской жизни, начертанныя молодецкимъ перомъ, въ которыхъ видѣнъ Русскій духъ, Русскій человѣкъ, часто безпечный во время мира, но могучій и дѣятельный въ опасности. Нѣтъ большаго труда представить лица, выведенныя въ Кремневѣ: надобно только сильно чувствовать, и говорить просто, отъ души. Г-нъ *Романовскій*, игравшій *Кремнева*, по несчастію, не понялъ роли, или не могъ переломить игры своей. Онъ, какъ и вездѣ, былъ неподвиженъ, говорилъ отрывисто, и драматизировалъ простыя солдатскія рѣчи, простой этотъ характеръ. Впрочемъ и у него выдавались мѣста прекрасныя; невольное, безыскусственное чувство пробивалось сквозь кору искусственности. Я помню, какъ хорошо сказалъ онъ куплетъ, кончающійся слѣдующими стихами:

«И на послѣдней перекличкѣ
Откликнется солдатская слеза!» —

Тутъ онъ былъ осыпанъ заслуженными рукоплесканіями. *Владиміръ—Дмитріевъ*, никогда не игравшій подобныхъ ролей, былъ неловокъ во фракѣ, но игралъ съ непритворнымъ одушевленіемъ, и это одно заставляетъ умолкнуть самую строгую критику. *Левашовъ* былъ равно хорошъ въ *Васильичѣ* и въ *Балагурѣ*. Недуренъ *Сенька—Садовскій*. Остальные играли неудовлетворительно, — но въ цѣломъ піеса шла хорошо, и произвела живое впечатлѣніе на публику. По закрытіи занавѣса музыка заиграла родной нашъ гимнъ: Боже! Царя храни; — благоговѣйная тишина воцарилась въ залѣ, и зрители единодушно молились за здравіе и благоденствіе Высокаго Именинника.

Отецъ, какихъ мало, водевиль Н. А. Коровкина — первая оригинальная піеса юнаго нашего водевилиста, въ которой главныя достоинства: чистота языка, благородство, пристойность, нѣсколько забавныхъ сценъ; несовершенства: слабость завязки, недостатокъ движенія, неестественность характеровъ и положеній. Въ Петербургѣ имѣетъ успѣхъ, потому что разъигрывается первостепенными талантами, и потому что оригиналъ Пузина извѣстенъ актерамъ и многимъ изъ зрителей. Роль *Катиньки* создана для Асенковой, впрочемъ такъ много представляетъ для игры, что всякая, даже посредственная актриса, вырветъ въ ней нѣсколько рукоплесканій.

Д-ца Александрова играла нехорошо, но мѣстами проглядывало въ ней дарованіе, которое впрочемъ должно быть очень тщательно поздѣлываемо. *Разгулина* игралъ *Поляковъ*, но трудно найти такого Разгулина, какъ Сосницкій, и едва ли кто кромѣ его можетъ поправиться въ этой роли. Роль *Пузина* выполнена была *Левашевымъ* по своему, и хотя форсированно, но довольно смѣшно.

8-го *декабря* (въ абон.) *Своя семья* и *Новый Парисъ*.

10-го *декабря* (въ абон.) *Эсмеральда* и *Домъ на Петерб. Сторонѣ*.

11-го *декадря* (въ бенеф. г-жи *Анпилоговой*) *Марія Стуартъ*. тр. въ 5 д. въ ст., пер. съ Фр Павловымъ.

Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ, Моск. шутка Н. С. С. Этихъ піесъ я не видалъ.

13-го *декабря* (въ аб.) *Знаменитые разбойники Мендръ* и *Картушъ*, вод. въ 1-мъ д., передѣланный съ Франц. Титовымъ. Водевиль довольно забавенъ и порядочно переданъ на Русскій языкъ, но дурно, очень дурно съигранъ, болѣе потому, что никто не зналъ роли, особливо *Жеромъ—Шумиловъ*. *Мендръ — Дмитріевъ*, былъ хорошъ въ началѣ, пока прикидывается дурачкомъ. *Картушъ — Головинскій*. *Эмилія — Романовская*. *Маріанна — Головинская*.

У *Рикобѣрта — Левашева* выходъ вышелъ очень смѣшонъ, но выходъ — и только.

Ссора или *Два сосѣда*, комедія въ одн. дѣйст. Шаховского; піеса, не дающая права на знаменитость, но обличающая комическій талантъ сочинителя. Въ ней остро и ловко осмѣяны недостатки, общіе многимъ частнымъ лицамъ, недостатки, — слава Богу! рѣже встрѣчаемые теперь на Руси! Есть мысли, удачно вставленныя; есть характеры, вѣрно обрисованные. — *Борисоглѣбскій*, не смотря на утрировку, былъ очень хорошъ въ роли *Вспышкина*. За нимъ идетъ г-жа *Абаляева — Орефьевна*; но *Сутягинъ — Левашовъ*, рѣшительно ему не подъ пару, но въ противоположность. *Левашовъ* совершенно не понялъ характера своей роли; онъ старался перекричать Борисоглѣбскаго, тогда какъ Сутягинъ рѣдко, почти никогда не долженъ возвышать голоса; все его оружіе въ словахъ: *ябеда, судъ, законъ* и т. п. Смотря на *Романовскаго — Брустверова*, я подивился, какъ люди придирчивы! Романовскій въ самой простой роли не можетъ не придраться къ какому нибудь словечку, — и тотчасъ одраматизируетъ его; при всемъ томъ онъ былъ сухъ и скученъ неимовѣрно. *Дмитріевъ* игралъ *Виктора*, *д-ца Соловьева Олиньку*.

Чиновникъ по особымъ порученіямъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи. Роль *Понукалова*, на которой держится вся піеса — игралъ *Шумиловъ*, — и ни словечка не проговорилъ такъ, какъ слѣдуетъ. *Супруга* его, *Капищева*, была недурна, но я видѣлъ неподражаемую въ подобныхъ роляхъ Сосницкую, и, — да простятъ мнѣ, если не нашелъ удовольствія, смотря на Капищеву. *Н. Н. — Романовская*; *Балясинъ, — Дмитріевъ*; *Десницкій — Романовскій*; *Шнапсъ.—Левашовъ*; *Алешка — Алексѣевъ*; *Ахапкинъ — Поляковъ*; *Кузовъ — Лебедевъ* были ни же посредственности. Вообще водевиль шелъ дурно. Я замѣтилъ также, что Казанскіе актеры въ роляхъ купцовъ, мужиковъ не поддѣлываются подъ тонъ тѣхъ и другихъ, а стараются облагородить ихъ; но натуру облагородить нельзя: она слишкомъ благородна сама по себѣ; ее можно исказить преувеличеніемъ, недостаткомъ или невѣрностью въ изображеніи, — это такъ. — Одинъ *Головинскій* былъ прекрасенъ въ роли *Задорина*; онъ съигралъ ее вѣрно, отчетливо, какъ нельзя лучше.

15-го *декабря* (не въ счетъ абон.) *Она похудѣла* и *Безземельное имѣніе* — піесы Александры Андреевны Фуксъ.

17-го *декабря* (въ аб.) *50-ти лѣтній дядюшка*, др. въ 5 д. соч. Бѣлинскаго.

18-го *декабря* (*въ бенефисъ г-жи Мочаловой*). *Луиза Линьероль*: др. въ 5 д. *Таинственный гость*, вод. въ 1. д. Этихъ піесъ я не смотрѣлъ.

20-го *декабря* (въ аб.) въ 1-й разъ: *Пятнадцатилѣтній Король*, ком. въ 2 д. пер. съ Фр. А. Ж.

Полная, живѣйшая признательность гг-мъ актерамъ, которые, не видавъ образцовъ въ роляхъ, подобныхъ ролямъ этой піесы, въ самое короткое время разучили и разъиграли ее такъ, какъ никогда не игрывали піесъ въ этомъ родѣ. Таковъ былъ единодушный отзывъ всей публики. Комедія *Пятнадцатилѣтній Король* имѣетъ нѣкоторые несообразности въ содержаніи и въ подробностяхъ; но завязка ея искусно запутана, дѣйствіе живое, интересъ безпрестанно возрастаетъ; — нѣкоторыя характеры очерчены вѣрно и выдержаны до конца; многія сцены ведены прекрасно. Въ исполненіи, кромѣ искусной, одушевленной игры, она необходимо требуетъ соблюденія хорошаго тона и всѣхъ свѣтскихъ приличій и отношеній. Меня удивило болѣе всего то, что Казанскіе актеры ни мало не оскорбили приличій, и поддѣлались подъ тонъ хорошаго общества. Всѣ знали роли, всѣ играли отчетливо; — въ цѣломъ было согласіе необыкновенное; костюмы, декораціи шли къ піесѣ, какъ нельзя лучше.

Г-жа Иванова въ первый разъ играла въ комедіи, и дебютировала въ ней трудною ролью *Герцогини д'Асколи*. Дебютъ ея былъ прекрасенъ.

Многое у ней пропадало въ игрѣ, но замѣтно было, что при дальнѣйшемъ обученіи, при собственномъ прилежаніи и размышленіи, при наглядкѣ она можетъ сдѣлаться замѣчательною комическою актрисою, даже отвыкнуть отъ своего неестественнаго произношенія. — Не могу не упомянуть, что я невольно полюбовался и ея костюмомъ: онъ былъ сдѣланъ вновь, и стоилъ болѣе 200 руб. то есть четвертую часть ея жалованья — это хоть бы и столичной актрисѣ!

Рюи-Гомецъ—Головинскій, игралъ съ чувствомъ, вѣрно и благородно; не скажу совершенно: иногда размахивалъ руками, не отличался особенною ловкостью, иныя фразы произносилъ съ излишнимъ напряженіемъ голоса, но видно было, что онъ старался избѣгать этихъ недостатковъ, свойственныхъ ему во всѣхъ патетическихъ роляхъ, и не можетъ разомъ переломить игры своей.

Карлъ II-й г-жа Дмитріева, вполнѣ выразила характеръ молодаго, рѣзваго, милаго короля. Сколько было простоты, наивности въ игрѣ ея! Сначала она обробѣла немного, но второе дѣйствіе вела прекрасно. Эта роль послужила новымъ доказательствомъ таланта г-жи Дмитріевой. Конечно, у нее недоставало той граціи, той пріятности, которая неотъемлемо принадлежитъ г-жѣ Асенковой; но вѣдь такія артистки, какъ г-жа Асенкова, рѣдки и въ столицахъ.

Санта-Круцца-Борисоглѣбскій, игралъ старательно, одушевленно, отчетливо. *Дона-Кабрера—Канищева*, была прекрасна. Даже *Садовскій* былъ очень хорошъ въ роли *Иниго.-Королева-Мочалова*.

Студентъ, артистъ, хористъ, аферистъ, шуточная оперетка въ 2-хъ д., очень ловко передѣланная съ Нѣмецкаго Ѳ. Кони. *Губкина* игралъ *Головинскій*, и если бы у него было поболѣе благородства въ игрѣ и ловкости въ танцахъ, то на него и въ Петербургѣ бы стали смотрѣть съ удовольствіемъ послѣ Дюра и Самойлова. Болѣе, кажется, похвалить невозможно. Роль *Глафиры Гурьевны Канищева* выполнила безподобно. На *Полякова* пріятно было смотрѣть въ роли *Служакина*, потому что онъ игралъ ее съ жаромъ, съ толкомъ; каждую фразу произносилъ внятно, и былъ развязенъ, разумѣется, столько, сколько позволяла ему роль. *Ѳома Сильчъ-Садовскій*, недуренъ. *Иванова (Анета)* многіе куплеты спѣла хорошо. — *Наташа — Александрова; Улитскій - Дмитріевъ*. Это представленіе дало мнѣ самое выгодное понятіе о нѣкоторыхъ актерахъ и актрисахъ Казанскаго театра, и помирило съ недостатками другихъ.

22-го декабря (въ аб.) *Принцъ Моляръ* (не знаю почему не Маляръ?), комическая опера въ двухъ дѣйствіяхъ. Либретто написано въ старомъ вкусѣ; идея не новая: представить простолюдина на мѣстѣ Принца., но не менѣе того, идея комическая, изъ которой выведены сцены очень забавныя. Музыка неудачная, но миленькая; (кажется, Гризара). Въ отношеніи вѣрности пѣнія — опера выполнена весьма удовлетворительно, и вообще въ цѣломъ шла хорошо, но никто изъ игравшихъ не выдержитъ строгой критики. Одинъ *Головинскій-Козимо-моляръ*,), хотя и былъ не въ своей роли, но съигралъ съ толкомъ, съ оттѣнками. Для легкаго пѣнія голосъ его очень хорошъ: не великъ — за то пріятенъ. — Особенно замѣчательны были костюмы по роскоши, необыкновенной на провинціяльныхъ театрахъ. Вмѣсто означенной на афишкѣ комедіи: *Свѣтскій случай*, въ которой *Столицына* долженъ былъ *представлять г-нъ Романовскій (!)* за болѣзнію кого-то, дали: *Домъ сумасшедшихъ*, не затѣйливую, но миленькую оперу-водевиль Берстовскаго. — *Г-нъ Поляковъ* удивилъ меня въ роли *Гидрогена*; онъ выполнилъ ее, какъ настоящій художникъ. Болѣе вѣрнымъ природѣ быть невозможно. Не только лицо, костюмъ, игра, ухватки, голосъ — все обличало въ немъ сумасшедшаго. Изъ остальныхъ я замѣтилъ еще *г-на Дмитріева (Жана)*.

27-го декабря (въ сч. аб.) *Тереза*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, прекрасно переведенный съ Фран. Ѳ. Кони. Это одинъ изъ лучшихъ нынѣшнихъ водевилей; въ немъ всѣ четыре роли ровно сильны, хотя и разнохарактерны. Какъ квартетъ Гайдена, онъ требуетъ совершенно согласнаго исполненія. Въ Казани два инструмента были плохи, — за то другіе играли безподобно. Я никогда не перестану восхищаться хорошимъ, хвалить хорошее, за то не могу смолчать и про дурное; —хочу говорить правду — чтобъ принести пользу. Такъ *г-нъ Поляковъ* пріятно изумилъ меня и всю публику, съигравъ роль *Морина* совершенно отлично отъ того, какъ онъ игралъ ее прежде, и даже на репетиціи. Въ этотъ разъ онъ явился старикомъ, жизнь котораго, счастіе—все въ деньгахъ; старикомъ хилымъ, отвратительнымъ, въ которомъ притупѣли всѣ человѣческія чувства, въ которомъ нѣтъ и капли состраданія, и который, между тѣмъ, безъ большаго труда, при всякомъ удобномъ случаѣ можетъ выдавить слезу изъ сухихъ глазъ своихъ... Жаль, что г-нъ Поляковъ не умѣетъ говорить куплетовъ: это необходимо въ роляхъ, подобныхъ роли Морина; *г-нъ Дмитріевъ* не менѣе прекрасно выполнилъ роль *Жака*. Ни малѣйшей фарсы въ игрѣ его, ни малѣйшей невѣрности въ чтеніи я не могъ подмѣтить при самомъ усильномъ вниманіи; а въ послѣдней сценѣ у него было много истиннаго чувства. Но я посовѣтовалъ бы ему не такъ легко говорить въ началѣ о любви своей, и выказать болѣе чувства, болѣе огня въ монологѣ, начинающемся по уходѣ Терезы словами: «*Прошу разобрать!*»—*Головинскаго*, —*Филиппа*, можно извинить потому только, что эта роль не принадлежитъ къ его амплуа; а про *г-жу Иванову* нельзя не сказать, что она вовсе не оттѣнила характера и положеній *Терезы*, куплеты пѣла безъ всякаго выраженія, исключая предпослѣдняго: *О вы, мужья со слѣпотою* и проч,, за исполненіе котораго она была награждена единодушнымъ рукоплесканіемъ.

Въ 1 й разъ: Не будь гостю запасенъ, а будь смурадъ, или Именины градскаго славы, разнохарактерный дивертиссементъ въ 1 д. съ пѣніемъ и плясками;

какъ и всѣ дивертисменты не имѣетъ никакой завязки, и написанъ для того только, чтобъ связать разныя пляски и пѣніе, и привести къ счастливо-придуманному окончанію.

29-го декабря, въ бенефисъ *г-на Семенова*, давали: *Полюбовную сдѣлку*, *Роковую почту*, *Утро столѣтняго старика* (всѣ три піесы въ первый разъ), но— меня ужъ не было въ Казани. Все таки, я скажу слова два объ этихъ піессахъ, равно какъ и о двухъ другихъ, которыя готовились дать вскорѣ послѣ меня на Казанскомъ театрѣ, и которыя я видѣлъ на репетиціи.

Полюбовная сдѣлка, водевиль въ 1 д., передѣланный съ Франц. П. И. Григорьевымъ. Надобно сказать большое спасибо г-ну Григорьеву, какъ за прекрасный выборъ, такъ и за мастерскую передѣлку. Нельзя не поцѣнить, однако жъ, ему за то, что онъ вставилъ въ этотъ водевиль куплетъ о *халатѣ* и потомъ *о рогахъ*. Неприличныя выраженія и пошлыя двусмысленности слишкомъ неумѣстны тамъ, гдѣ все мило, умно, благородно.

Роковая почта, или *Конецъ Подмосковныхъ проказъ*, водевиль въ 1 д. г. Орлова; составляетъ 3-е дѣйствіе комедіи: *Подмосковныя проказы*, и имѣетъ достоинства отдѣльной піесы. Строгій вкусъ оскорблялся первыми водевилями г-на Орлова, но здѣсь видна цѣль ихъ, и цѣль прекрасная, нравственная, видны характеры, вѣрно и ярко обрисованные; положенія интересныя, сцены забавныя и драматическія. —

Первое представленіе Мельника колдуна, обманщика и свата, комедія въ 1 д. соч. Н. А. Полеваго; ее также разучивали при мнѣ.

Смѣю ли я судить объ этой піесѣ, послѣ того, что объ ней сказала публика и г-да журналисты? — Рѣшаюсь, потому что убѣжденъ въ несправедливости отзывовъ и публики и журналистовъ. Публикѣ простительно ошибаться въ своихъ сужденіяхъ о піесѣ, которую она видитъ на сценѣ, которая ей передается актерами, и часто очень дурно, совсѣмъ не такъ, какъ создалъ ее авторъ; она тутъ же выражаетъ свое мнѣніе: удовольствіе или неудовольствіе. Но журналисты имѣютъ время обдумать, обсудить, иногда прочесть новое произведеніе, и—не иначе, не прежде должны судить объ немъ. Заслугъ г-на Полеваго, какъ писателя, всѣмъ извѣстны; достоинства его театральныхъ произведеній признаны сотнею голосовъ противъ одного. Мнѣ кажется, что разбираемая теперь комедія принадлежитъ въ числу лучшихъ піессъ его, не потому только что сюжетъ ея взятъ изъ нетронутаго доселѣ источника, но потому что въ ней прекрасно очерчены характеры, и развита мысль, — а это такое достоинство, какое рѣдко встрѣчается въ новѣйшихъ созданіяхъ. Сумароковъ, Тредьяковскій, Аблесимовъ, Жуковъ (дѣйствующіе въ піесѣ г-на Полеваго)—не вымышленныя карикатуры, не чудаки, а живые люди, первообразы. Прочтя, вы увидите, что характеръ Сумарокова вѣренъ и себѣ, и исторіи, и вашему идеалу; вы увидите въ немъ знатнаго, вспыльчиваго, дерзкаго человѣка, надутаго сочинителя, которому постоянные, незаслуженные успѣхи до того вскружили голову, что онъ ставитъ себя наравнѣ съ Расиномъ, съ Мольеромъ, который имѣлъ такой авторитетъ и такое вліяніе, что современные писатели боялись подписывать имена подъ своими сочиненіями. (Не отъ того ли и Хемницеръ былъ почти неизвѣстенъ при жизни?). У этого человѣка есть дарованіе, но оно растрачено по мелочамъ, убито похвалами, обезображено безвкусіемъ и дерзкою самоувѣренностію.

Рядомъ съ нимъ стоитъ Аблесимовъ. Въ немъ дарованіе истинное, но робкое, неувѣренное въ своихъ силахъ, безпрестанно колеблющееся въ сомнѣніи. Онъ и хочетъ, и боится писать; чувствуетъ, что хорошо имъ написанное, но умолкаетъ передъ авторитетомъ пристрастнымъ приговоромъ бездарныхъ писакъ. Между тѣмъ внутренній голосъ безпрестанно шепчетъ ему: пиши; такъ должно писать.

Подлѣ Сумарокова и Аблесимова вы видите Тредьяковскаго, которому Великій Петръ сказалъ: *Вѣчный будешь труженикъ!* Тредьяковскій не имѣетъ никакого призванія къ поэзіи, а тешетъ, выколачиваетъ стихи, и думаетъ, что онъ несказанно выше Ломоносова.

Далѣе характеръ *Жукова*, пѣвца жалкихъ идилій и элегій, низкаго льстеца—Всѣ эти характеры вы часто встрѣтите и въ наше время — это такіе образцы, которые никогда не переведутся. Конечно, въ нашъ вѣкъ чаще случается, что молодые писатели въ грошъ не ставятъ заслуженныхъ литераторовъ, сами величаютъ себя геніями; — но неужели вы думаете, что Жуковъ не убѣжденъ, что онъ геній, что онъ гораздо выше дарованіемъ Сумарокова, не говоря уже, своего дядюшки? Мало того, что характеры въ первомъ представленіи Мельника прекрасны, — есть сцены безподобныя. Такова, напримѣръ, сцена ссоры Тредьяковскаго съ Сумароковымъ. Многіе порицаютъ въ ней неприличныя выходки *Россійскаго Расина* и *Россійскаго Виргиліуса*; но имъ ли думать о приличіяхъ, когда оскорблено ихъ авторское самолюбіе? Другіе говорятъ, что эти сцена *цѣликомъ переписана* изъ Ученыхъ женщинъ—Мольера. Она взята оттуда — это правда; но такъ удачно примѣнена къ обстоятельствамъ, что и не подозрѣваешь въ ней подлога; тутъ она естественна, на мѣстѣ, — и такое заимство позволительно; у самаго Мольера очень многое заимствовано. Далѣе, хороши сцены Жукова съ Анетой, Жукова съ Сумароковымъ, Сумарокова съ Анетой, съ Аблесимовымъ; прекрасны сцены 10 и 11-го явл., въ которыхъ всѣ нападаютъ на бѣднаго автора Мельника, — сцена послѣ театра; послѣдняя же — лучшая по отзыву какого-то рецензента, одна измѣняетъ характеру піесы, и показываетъ не болѣе, какъ сценическую ловкость г-на Полеваго: когда всѣ уходятъ со сцены — піеса кончена, и кончена довольно сухо; Сумароковъ зоветъ Тредьяковскаго съ собой, — авторъ оставляетъ его на сценѣ съ монологомъ про себя, — и монологъ этотъ производитъ эффектъ.— Нельзя не вызвать автора! — Кромѣ всѣхъ сихъ достоинствъ, сколько встрѣчается выраженій, достой-

ныхъ высокой комедіи: Напримѣръ, когда Аблесимовъ на объясненіе Сумарокова, что дѣйствующія лица въ Мельникѣ Русскіе мужики, напоминаетъ ему, что онъ выводилъ Мстиславовъ, Ярополковъ, Синавовъ — тотъ отвѣчаетъ: «Да, этакъ ты хватился! «Да развѣ я не облагородилъ ихъ? Развѣ я не заста- «вилъ ихъ говорить языкомъ Брутовъ, Митри- «датовъ? У меня выйдетъ на сцену какой нибудь «Вышеславъ, а заговоритъ — анъ Ахиллъ!... Въ томъ «то и искусство!...» И самъ произноситъ себѣ приговоръ. — Прочтите также все небольшое 16-е явленіе отъ слова до слова. — Припомните, какъ Сумароковъ, возвратясь изъ театра, говоритъ про Мельника: «Науки то тутъ нѣтъ, а — просто хорошо, «да и чортъ знаетъ, какъ мнѣ прежде этого самому «въ голову не приходило!...» — Безподобно! Да и сколько другихъ мѣстъ, изреченій истинно комическихъ? Нѣтъ, волявапа, г-да рецензенты: г-нъ Полевой имѣетъ явное призваніе къ театру, и его *Мельникъ* — піеса далеко не дюжинная!!!

29 декабря готовили въ бенеф. г-жи *Ивановой*, оперу Невѣста лунатикъ, и до 29 декабря было сдѣлано около 30-ти репетицій (!). Если не искусство — такъ прилежаніе.

Слѣдовательно въ промежуткѣ времени отъ 26 ноября по 29 декабря на Казанскомъ театрѣ дано было 17 представленій, изъ коихъ 10 въ счетъ абонемента, 6 въ бенефисъ, одно для украшенія внутренности театра. Сыграно было піесъ всего 34: трагедія 1, драмъ 7, комедій 4, оперъ 4, водевилей 18. Вновь поставлено: трагедія 1, драмъ 3, комедія 1, опера 1, водевилей 4, — всего 10 піесъ.

Что касается до піесъ, игранныхъ въ Казани въ прошлые годы, я имѣю подробныя свѣдѣнія только о 1837 и 1838 годахъ. Такъ, съ 20 апрѣля 1837 года по 6 апрѣля 1838 г. спектаклей было 143.

сыграно: Трагедій	—	11.
Драмъ	—	22.
Комедій	—	22.
Оперъ	—	23.
Водевилей	—	71.
Всѣхъ піесъ		149, изъ коихъ
не повторено ни разу		91.

Зданіе Казанскаго театра передѣлано изъ балагана, наружность его имѣетъ обыкновенный видъ храма. Зала вмѣщаетъ до 550 зрителей; они располагаются въ ложахъ, въ креслахъ, въ мѣстахъ за креслами, и въ партеръ *или въ райкъ* всѣ мѣста очень удобны для помѣщенія и красивы. Губернаторская ложа драпирована зеленымъ бархатомъ. Освѣщеніе ламповое: на каждой ложѣ по лампѣ. Особливое мѣсто для оркестра. Сцена устроена точно также, какъ и на столичныхъ театрахъ. За кулисами: особенныя уборныя комнаты для мужчинъ и для женщинъ; особливыя мастерскія; бутафорныя, кладовыя. Декорацій довольно, и есть очень порядочныя. Костюмы не богаты, но опрятны и приличны; городскія женскія платья даже роскошны. Вообще надобно сказать, что въ Казани не только всѣ власти поддерживаютъ театръ, но и частныя лица, особенно дамы. Сколько парадовъ онѣ ежегодно жертвуютъ на сцену! Отъ этого выходитъ впрочемъ маленькая несообразность: простую мѣщанку, бѣдную дѣвушку, хоть и барышню — вы увидите иногда въ бальномъ платьѣ съ короткими рукавами, — ну, да нельзя же взыскивать за это—а благодарить, благодарить должно благоразумныхъ начальниковъ и милыхъ покровительницъ искусства. Афиши печатаютъ въ губернской типографіи, и ничѣмъ не отличаются отъ Московскихъ. Еще маленькое замѣчаніе: зная, что театръ и актеры бѣдны средствами, надобно быть еще болѣе снисходительными къ Казанскимъ актерамъ, къ игрѣ ихъ.— У нихъ все паружи; ихъ не страшатъ ни богатый костюмъ, ни великолѣпныя декораціи; къ тому же они не могутъ нигдѣ повѣрять своего воззрѣнія на искусство, своего понятія о роли;—они не имѣютъ критики, безъ которой не можетъ быть усовершенствованія. Чтобъ дополнить картину Казанскаго театра, здѣсь кстати привести и табличку доходовъ и расходовъ театра. (*)

(*) Съ чьей-то легкой руки, статьи о провинціяльныхъ Русскихъ театрахъ стали довольно-часто появляться въ нашихъ изданіяхъ. Дѣло доброе: мы знакомимся съ талантами безвѣстными и, по крайней мѣрѣ, мысленно можемъ утѣшать себя *въ иныхъ случаяхъ* тѣмъ, что таланты у насъ *есть*. Благодаримъ искренно почтенныхъ авторовъ за двѣ статьи— о *Воронежскомъ* и *Казанскомъ* театрахъ, статьи, въ которыхъ читатели видѣли много любопытныхъ фактовъ, а не балаганные фарсы и оскорбительныя выходки противъ литераторовъ, какъ *иныхъ прочихъ*. *Ред.*

ЧИСЛО АКТЕРОВЪ И АКТРИСЪ СЪ ОЗНАЧЕНІЕМЪ, СКОЛЬКО КОМУ ГОДОВАГО ЖАЛОВАНЬЯ, И ЕСТЬ ЛИ БЕНЕФИСЪ.

ИМЕНА.	Романовскій.	Борисоглѣбскій.	Слукинъ.	Шумиловъ.	Головинскій.	Дмитріевъ.	Поляковъ.	Левашовъ.	Садовскій.	Лебедевъ.	Алексѣевъ.	Ефимовъ.	Ильинъ.	Мазовъ.	Ларентьевъ.	Мельниковъ.	Мочалова.	Аппіогова.	Канищева.	Иванова.	Романовская.	Александрова.	Дмитріева.	Головинская.	Цыбулина.	Абалѣева.	Куликова.	Соловьева.	Полякова.	Семеновъ.	Всѣмъ.
Сколько бенеф.	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	½	¼	¼	¼	¼	¼	1	1	1	1	½	½	½	1	½	½	¼	½	»	1	21
Сколько жалов.	600	900	480	600	900	600	600	600	500	500	400	400	400	400	400	400	720	600	700	800	480	420	500	720	450	450	420	420	500	»	15,860

РАСХОДЪ ПО ТЕАТРУ.	Рублей ассигнац.
Жалованье актерамъ	15960
Содержаніе музыки	2440
Освѣщеніе	3000
Наемъ театра	1500
Отопленіе и ремонтъ театра	1500
Костюмы и декораціи (годовой ремонтъ.)	7000
Библіотека (годовой ремонтъ)	1000
Содержаніе экипажа и *вечеровой* мелкій расходъ	2000
Жалованье кассиру	500
— — — живописцу	600
— — — помощнику его	300
— — — двумъ столярямъ	720
— — — постановщику.	250
— — — двумъ сторожамъ	360
— — — парикмахеру	240
— — — четыремъ капельдинерамъ	240
За обозъ	300
— афиши 120-ти представленій	1200
Жандармамъ и полицейской команды за 120 предст.	600
На прожитокъ содержателя	6000
ИТОГО ВЪ ГОДЪ	46210

Доходъ (возможный) съ театра.	Число.	Цѣна за одно мѣсто.	Цѣна за всѣ мѣста въ одинъ разъ.	Цѣна за всѣ мѣста въ годъ.
ЛОЖИ	16	$17\frac{1}{2}$	200	33600
БЕНУАРЫ	6	14	84	10080
КРЕСЛА	52	$4\frac{1}{8}$	$218\frac{1}{3}$	26208
МѢСТА ЗА КРЕСЛАМИ	134	$2\frac{1}{10}$	$281\frac{2}{3}$	33762
ПАРТЕРЪ	250	$1\frac{3}{20}$	$287\frac{1}{2}$	34400
ИТОГО			$1151\frac{5}{13}$	138050

Сравнивая доходъ съ расходомъ, кажется, есть средства содержать и улучшать театръ; но этотъ доходъ только *возможный*, а истинный, выведенный изъ сложности доходовъ за 7 лѣтъ, не превышаетъ 40,000; съ бенефисами иногда достигаетъ 55,000 — но это случается лишь въ лучшій годъ.

Во всякомъ случаѣ Казанскій театръ, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, долженъ радовать любителей драматическаго искусства, какъ пріятное явленіе въ настоящемъ, какъ утѣшительная надежда въ будущемъ!

А. Ж.

ХРОНИКА ПЕТЕРБУРГСКАГО ТЕАТРА.

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

(Къ И. М. Лих.)

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Первый дебютъ г-жи Дюръ, въ роли *Антигоны*. — Солдатское сердце, драма; Иванъ Ивановичь Недотрога, комедія; Онъ за все платитъ, водевиль; Пожилая дѣвушка, или Искусство выходить замужъ, водевиль; Драгунская кровь, водевиль; Круговая порука, водевиль. Театральные слухи и новости.

Вѣрю, очень вѣрю твоему нетерпѣнію, такъ точно какъ и тому, что ты не могъ почь уснуть послѣ моего перваго письма, возбудившаго въ тебѣ, страстномъ любителѣ театра, утѣшительныя мысли, сладкія надежды, отрадныя ожиданія. Ты сѣтуешь, ты досадуешь на меня за то, что я такъ долго искушалъ твое терпѣніе; но, любезный другъ, винюсь въ грѣхѣ предъ тобою,—если только грѣшно желаніе продлить очаровательныя мгновенія друга — винюсь предъ тобою; я мучилъ тебя нарочно, чтобъ возбудить въ тебѣ болѣе участія къ письму моему, ко мнѣ самому. За то воображаю, какъ обрадовался ты теперь благодѣтельному почтальйону, какъ быстро распечаталъ и сорвалъ конвертъ, съ какимъ нетерпѣніемъ пробѣгаешь первыя строки, отыскивая глазами буквы того имени, которое теперь для тебя имѣетъ прелесть магическую... Но, не желая томить тебя долѣе, я оставляю все лишнее, что бы могъ сказать тебѣ вмѣсто предисловія, и прямо приступаю къ дѣлу.

Давно уже на сценѣ Александринскаго Театра не было спектакля, который бы такъ заинтересовалъ публику, въ такой мѣрѣ возбудилъ всеобщее любопытство, какъ бенефисъ г-жи Азаревичевой, въ коемъ г-жа Дюръ должна была въ первый разъ явиться на сценѣ въ роли трагической. И что же мудренаго! Всѣ любители театра живо помнятъ еще то время, когда Петербургъ былъ въ восторгѣ отъ Фенеллы, которою г-жа Дюръ (Новицкая) начала свое сценическое служеніе; всѣ мы плѣнялись потомъ ея красотой, граціозностію движеній, живой, игривой физіономіей, выразительными, полными огня и одушевленія глазами; всѣ мы соскучились однообразіемъ лицъ, мелькающихъ на подмосткахъ Александринскаго Театра съ такимъ постоянствомъ; однимъ словомъ, всѣ мы, по слабости человѣческой, хотѣли и искали новаго и новаго на нашей сценѣ, и обрадовались новой дебютанткѣ, какъ дорогому сокровищу. Къ этому присоединились еще и другія обстоятельства: именемъ Дюръ такъ часто оглашались стѣны Александринскаго Театра, еще оно такъ живо въ нашей памяти, что мы готовы были, въ этотъ спектакль, видѣть на сценѣ тайное присутствіе тѣни незабвеннаго артиста... А потомъ, въ нашъ вѣкъ столько бываетъ чудесъ! Почему же и у насъ не явиться своей Рашели? Почему и намъ, по примѣру Французовъ, не воскресить классической трагедіи? Конечно, тамъ Расины и Корнели, а у насъ Озеровы да Грузинцовы; но — явись артисты,

явятся и переводчики, и писатели... Наконецъ толки и слухи, предшествовавшіе появленію г-жи Дюръ на сценѣ, такъ возбудили наше любопытство, что мы съ нетерпѣніемъ ждали перваго дебюта, и пошли въ театръ, можетъ быть, и ранѣе, нежели ходили обыкновенно....

Чѣмъ больше ожиданій, тѣмъ больше и требованій; чѣмъ снисходительнѣе публика при первомъ шагѣ дебютантки на сцену, тѣмъ взыскательнѣе она въ то время, когда дебютантка въ послѣдній разъ уходитъ за кулисы, и занавѣсъ опускается. Громко и единодушно встрѣтила публика г-жу Дюръ при первомъ ея выходѣ: ее вызвали потомъ послѣ втораго акта, вызвали наконецъ по окончаніи піесы два раза.

И такъ русскую сцену можно поздравить съ прекраснымъ талантомъ? скажешь ты.

Я не говорю еще этого: я сообщаю тебѣ только фактъ одинъ, передаю голосъ публики.

— Но твое собственное мнѣніе? Что ты думаешь? Дай мнѣ откровенный отчетъ объ этомъ спектаклѣ!

«Откровенный отчетъ!» Неужели ты не шутя станешь требовать отъ меня отчета о дебютанткѣ, которая явилась въ роли Антигоны? Что могла сдѣлать дебютантка изъ этой роли, выбранной, можетъ быть, случайно, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ осторожно? Не подвигъ ли совершила г-жа Дюръ, заставивъ публику выслушать себя не только съ терпѣніемъ, но даже съ удовольствіемъ? Подумай, сколько предстояло ей препятствій и затрудненій: явиться въ роли сухой, читать стихи монотонные, отъ которыхъ давно отвыкло ухо наше, и которые только въ устахъ Каратыгина и Мочалова, въ особенности послѣдняго, походятъ на рѣчь разговорную; съ такой трудною ролью дебютантка не могла выйдти безъ пособія опытныхъ артистовъ, а потому въ дикціи ея очень было замѣтно вліяніе чужое, манера чтенія не самою ею найденная, а усвоенная съ голоса, стало быть, заученная, безжизненная; явиться на сцену передъ многочисленною публикою, которая собралась не случайно, но съ намѣреніемъ, съ ожиданіями и претензіями. Все это, что ни говори, дѣло трудное, а потому г-жа Дюръ заслуживаетъ полную похвалу, и вызовы публики были совершенно справедливы.

Изъ этого можешь ты видѣть, что если бы я сталъ разбирать игру г. Дюръ, то изъ моего разбора должна выйдти статья въ родѣ критики классической памяти Лагарпа: здѣсь-де актриса подняла руку на вершокъ ниже, нежели нужно; а тамъ она сдѣлала лишній шагъ впередъ; въ этомъ стихѣ не на томъ словѣ обозначила ударніе, и пр. т. п. Но созданія роли—того, что доказывало бы талантъ или безталантность артистки, въ Антигонѣ ни требовать, ни видѣть невозможно. Конечно, есть и здѣсь два, три мѣста довольно-поэтическія, въ которыхъ актриса съ сильнымъ дарованіемъ могла бы электрической искрой потрясти сердца зрителей, и эти мѣста прошли безъ особеннаго эффекта; но это все еще ничего недоказываетъ, кромѣ того только, что г-жа Дюръ не обладаетъ дарованіемъ могучимъ. Даже, положа руку на сердце, скажу тебѣ болѣе: во всей піесѣ *Эдипъ въ Аѳинахъ* лучше всѣхъ была выполнена роль Антигоны, начиная отъ самого Эдипа (Каратыгина) и до Полиника (Калинина 1-го) включительно.

Въ антрактахъ я прислушивался къ мнѣніямъ моихъ сосѣдей; прислушивался къ различнымъ толкамъ, при выходѣ изъ театра: результаты были тѣ же, какъ и всегда: одни превозносили дебютантку до небесъ, другіе отзывались объ ней такъ, знаешь, пожимая плечами... Я не согласился ни съ тѣми, ни съ другими, и вышелъ изъ театра не-восхищенный, правда, но и не-недовольный. Мои выводы были вотъ какіе:

Труднѣйшую роль г-жа Дюръ выполнила довольно удачно, стихи читала съ смысломъ (у насъ и это достоинство не послѣднее!) съ отчетливой интонаціей, хотя въ большихъ монологахъ была монотонна; наружность ея для сцены очень выгодна; движенія благородны и граціозны; голосъ чистъ и звученъ: стало-быть, она на сценѣ играть можетъ. Оставимъ же мечты (право, для меня нисколько неутѣшительныя) о возрожденіи классической трагедіи; оставимъ эту вздорную мысль видѣть свою *Рашель* — которой откровенно сказать—и въ Парижѣ не всѣ восхищаются; подождемъ дальнѣйшихъ дебютовъ

г-жи Дюръ, но только въ роляхъ сколько ни будь оживленныхъ, гдѣ бы ей не надо было бороться съ такими трудностями; будемъ надѣяться, что она не ограничитъ себя одной только драмой и трагедіей, но испытаетъ силы свои и въ комедіи, и я увѣренъ, что если сцена наша не пріобрѣтетъ въ г-жѣ Дюръ дарованія могучаго, первостепеннаго, то по крайней мѣрѣ будетъ имѣть въ лицѣ ея артистку полезную, какихъ давай Богъ побольше!

Вотъ тебѣ мое дружески-откровенное мнѣніе о новой дебютанткѣ, возбудившей такое участіе въ публикѣ.

Перехожу къ дальнѣйшимъ новостямъ Александринскаго Театра.

Н. А. Полевой работаетъ для сцены неутомимо: въ бенефисъ г-жи Сосницкой онъ одинъ далъ три піесы — драму, комедію и водевиль.

Содержаніе драмы тебѣ должно быть извѣстно изъ Сѣверной Пчелы и именно изъ живаго, прекраснаго военнаго разсказа Ѳ. В. Булгарина: *Кто правъ, кто виноватъ*. Притомъ это *Солдатское сердце* напечатано въ нынѣшней книжкѣ Репертуара, а потому суди самъ о достоинствѣ піесы. Что касается до сценическаго ея представленія, она не имѣла большаго успѣха; но я желаю спросить тебя, если лучшую драму Шекспира обставить талантами, подобными гг. Леонидову, Толченову 1-му, Толченову 2-му и Толченову 3-му, такъ что куда не оглянешься, какой нибудь изъ гг. Толченовыхъ непремѣнно толчется передъ тобой, — спрашиваю тебя самого, можно ли будетъ высмотрѣть до конца драму Шекспира? И вотъ такими-то артистами была обставлена драма г. Полеваго. Можешь судить объ успѣхѣ на сценѣ.

Небольшая комедія «Иванъ Ивановичъ Недотрога,» передѣланная изъ Пикаровой комедіи Le Susceptible, очень мила, очень забавная піеска. Мы чрезвычайно обрадовались, увидавъ въ ней Сосницкаго, котораго мы такъ рѣдко видимъ нынче на сценѣ, и который былъ превосходенъ въ роли стараго отца, прямаго, простодушнаго, веселаго, и нецеремоннаго человѣка; г-жа Сосницкая также прекрасно выполнила роль свою. Публика много смѣялась. Въ этой піесѣ порадовалъ насъ еще г. Прохоровъ, который роль слуги, немножко подъ хмѣлькомъ, выполнилъ прекрасно.

Наконецъ третья піеса Н. А. Полеваго — переводъ Французскаго водевиля «*Monsieur paye pour tout*» могла имѣть гораздо больше успѣха, если бъ, во-первыхъ, шла не въ *двѣнадцатомъ* часу ночи, послѣ трехъ довольно-большихъ піессъ, если бъ, во-вторыхъ, не была такъ длинна, и еслибъ въ-третьихъ, г-нъ Толченовъ 3-й не скушалъ всѣхъ куплетовъ, и даже просто рѣчей, которыя достались на долю этому почтенному артисту, а въ слѣдствіе этого публика поняла піессу только въ половину.

Пожилая дѣвушка, или Искусство выходить замужъ, водевиль, передѣланный съ Французскаго П. С. Ѳедоровымъ, кажется, не новость на нашей сценѣ по содержанію: пожилая дѣвушка не можетъ выйдти замужъ пока она — пожилая дѣвушка; но она, при помощи другихъ, успѣваетъ выдать себя за женщину замужнюю, а замужняя женщина, для всѣхъ, кто читалъ Бальзака, есть истинная прелесть: по этому и у нея является пламенный обожатель, который потомъ — bongré, malgré — становится ея мужемъ. Піеска забавная. Г-жа Каратыгина и г. Мартыновъ игрой своей много придали ей занимательности.

Драгунская кровь... При одномъ названіи этого водевиля у меня сердце кровью обливается... А потомъ еще *Круговая порука*... Если я скажу тебѣ, что это два скучные водевиля, вѣдь тебѣ отъ этого лучше не будетъ? Такъ позвольже ничего не говорить объ нихъ—

Чтобы *гусей* не раздразнить.

А вмѣсто этого я лучше скажу тебѣ, что мнѣ удалось видѣть наконецъ г-на Самойлова въ роли Губкина, (въ водевилѣ: *Студентъ, артистъ, хористъ и аферистъ*); онъ очень понравился мнѣ своей живой, непринужденной игрою, ловкостью пріемовъ, умѣньемъ уловить оттѣнки въ различныхъ мотивахъ изъ оперъ, сообразно съ собственнымъ положеніемъ. Эту піеску я готовъ посмотрѣть и въ другой разъ — не по обязанности. Роль Аннеты Шубе на этотъ разъ занимала г-жа Самойлова 2-я, и выполнила ее прекрасно.

Въ заключеніе вотъ тебѣ нѣсколько театральныхъ новостей. Прежде всего спѣшу по-

править ошибку, вкравшуюся *въ первое* письмо мое къ тебѣ: «Коріоланъ,» трагедія Шекспира, переведена не В. А. Каратыгинымъ, а молодымъ литераторомъ г. Леонтьевымъ. В. А. Каратыгинъ только сократилъ немного эту піесу и подвелъ ее подъ условія *современной русской* сцены. Этотъ же самый г. Леонтьевъ перевелъ съ Англійскаго другую трагедію Шекспира — *Антоній и Клеопатра*.

Н. А. Полевой передѣлалъ въ русскіе нравы комедію Мольера *Мнимый больной*, которая встарину такъ много доставляла удовольствія — нашимъ дѣдамъ и отцамъ.

П. С. Ѳедоровъ пишетъ, говорятъ, небольшую *комедію въ стихахъ*. Доброе дѣло отъ легонькаго водевиля перейдти къ труду болѣе серьозному.

В. М. Строевъ написалъ оригинальную драму въ трехъ дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *Безыменное письмо*. Послѣдняя, какъ слышно, будетъ дана въ бенефисъ г. Самойлова.

Для этого же бенефиса Ѳ. А. Кони, какъ онъ самъ объявилъ въ *Пантеонѣ*, «готовитъ *кажется* новую піесу съ куплетами. *Петербургскія квартиры* комедія въ пяти квартирахъ.»

Твой покорный слуга, нижеподписавшійся, написалъ, *кажется*, два водевиля: *Выжигинъ или Вспомъ кумъ и братъ и другъ и сватъ*, и *Журналисты*, или *Шарлатанство*. Первый пойдетъ въ бенефисъ г-на *Самойлова*, а второй не знаю въ чей.

Вообще, какъ можешь видѣть, театръ нашъ живетъ, и много нашлось бы охотниковъ писать для театра, если бъ у насъ побольше было Каратыгиныхъ, Сосницкихъ, Мартыновыхъ, Асенковыхъ, Самойловыхъ, и поменьше гг. Толчеповыхъ...

Прощай, до новой бесѣды.

СМѢСЬ.

КУПЛЕТЫ.

НИЩАЯ.

Зима, мятель, и въ крупныхъ хлопьяхъ
При сильномъ вѣтрѣ снѣгъ валитъ.
У входа въ храмъ, одна, въ отрёпьяхъ,
Старушка нищая стоитъ;
И, милостыни ожидая,
Она все тутъ, съ клюкой своей,
И лѣтомъ и зимой... Слѣпая!..
Подайте, Христа ради, ей!

Сказать ли вамъ — старушка эта
Какъ двадцать лѣтъ тому жила?
Она была мечтой поэта,
И слава ей вѣнокъ плела!
Когда она на сценѣ пѣла,
Парижъ въ восторгѣ былъ отъ ней,
Она соперницъ не имѣла...
Подайте, Христа ради, ей!..

Бывало, послѣ представленья,
Ей отъ толпы проѣзда нѣтъ,
И молодежь отъ восхищенья
Гремѣла: «браво»! ей вослѣдъ.
Вельможи случая искали
Попасть въ число ея друзей,
Талантъ и умъ въ ней уважали...
Подайте, Христа ради, ей!..

Въ то время торжества и счастья
У ней былъ домъ — не домъ — дворецъ!
И тамъ, въ пріютѣ сладострастья
Вздыхали тысячи сердецъ.
Какими громкими хвалами
Кадилъ ей кругъ ея гостей!
При счастьи всѣ дружатся съ нами.
Подайте, Христа ради, ей!

Святая воля Провидѣнья!
Артистка сдѣлалась больна,
Лишилась голоса и зрѣнья,
И бродитъ по міру она.
Бывало, бѣдный не боится
Придти за милостыней къ ней...
Она просить у васъ стыдится...
Подайте, Христа ради, ей!

Ахъ! Кто съ такою добротою
Въ несчастьи ближнимъ помогалъ,
Какъ эта нищая, съ клюкою,
Когда амуръ ее ласкалъ?
Она все въ жизни потеряла...
Ахъ! чтобы въ старости своей
Она на Промыслъ не роптала —
Подайте, Христа ради, ей!

Съ Франц. *Д. Ленскій.*

РОМАНСЪ.

Напрасно я забыть ее стараюсь
И страсть хочу разсудкомъ побѣдить;
Напрасно я другими восхищаюсь...
Я не могу ее забыть!

Хоть эта мысль, какъ змѣй, мнѣ сердце гложетъ,
Что ужъ она моей не можетъ быть...
Но... пусть она любить меня не можетъ...
Я не могу ее забыть!

Всѣ говорятъ, что вѣтренъ я бываю,
И что одну я не могу любить:
Но отчего-жъ другихъ я забываю —
И не могу ее забыть?..

Ахъ! нѣтъ, никто души моей не знаетъ
И чувствъ моихъ не можетъ оцѣнить!
Счастливъ, кто все на свѣтѣ забываетъ...
Я не могу ее забыть!..

Д. Ленскій.

ХОРОШЕНЬКАЯ ТОРГОВКА.

(Изъ водевиля: *Надинька, или Игра не стоитъ свѣчъ.*)

Чтобъ продать товаръ лицомъ,
У заботливой торговки
Быть должны свои во всемъ
И сноровки, и уловки.
Чуть товаръ съ рукъ не идетъ,
Я сама иду къ прилавку,
И - глядишь — какъ разъ зайдетъ
Покупатель въ нашу лавку:
Передъ нимъ и такъ, и сякъ,
То развѣжешь, то покажешь,
Растолкуешь, что и какъ,
И словцо-другое скажешь.
Согласитесь сами въ томъ,
Безпристрастно разсуждая,
Чтобъ продать товаръ лицомъ,
Продавать должна сама я?..

Межевичъ.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ ЗЛОСЛОВЪ.

(Куплетъ изъ водевиля).

Онъ живетъ за Москворѣчьемъ,
Тѣшитъ сказками народъ,

Занимается злорѣчьемъ,
Имъ да сплетнями живетъ.
Какъ-то разъ, во славу Богу,
Чтобы хлѣбъ не даромъ ѣсть,
Онъ собрался въ путь-дорогу
Старый хламъ на рынокъ несть.
Онъ собрался, снарядился,
Онъ пошелъ-было — и вотъ
Параличъ съ нимъ приключился —
Онъ остался у «Воротъ».
Сидя тамъ, онъ всѣхъ ругаетъ,
Юродивый дурачокъ,
И за сплетни получаетъ
Ломтикъ хлѣба или щелчокъ.

Артемовскій.

АНЕКДОТЫ.

СИВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ.

— Что вы скажете о *Цирюльникѣ?* спросилъ одинъ любитель Италіянской Оперы знакомаго своего недавно-пріѣхавшаго въ столицу.

— О какомъ цирюльникѣ? сказалъ знакомый.

— Я говорю о «Сивильскомъ цирюльникѣ», замѣтилъ любитель.

— Мнѣ нѣтъ надобности въ цирюльникѣ, отвѣчалъ пріѣзжій: *я самъ бреюсь*..

ОСТРОУМНЫЙ ОТВѢТЪ.

— Въ циркѣ давали представленія на лошадяхъ. Нѣкоторые актеры драматической труппы, пришедши на пробу, стояли у дверей, гдѣ прибита была афиша. Какой-то просто-одѣтый, близорукій человѣкъ, подошелъ къ афишѣ, и не могши прочитать ее, обратился къ актерамъ и весьма вѣжливо спросилъ ихъ: не *лошадиная* ли комедія будетъ сегодня здѣсь представлена?

— Нѣтъ, *ослиная*, отвѣчалъ актеръ съ грубостію: совѣтую вамъ ее посмотрѣть.

— Съ величайшею охотою, отвѣчалъ незнакомецъ, если бъ я только зналъ, что вы будете въ ней участвовать.

БАСНЯ, А НЕ ТРАГЕДІЯ.

— Плохіе актеры разъигрывали весьма дурно трагедію.

Піесу эту приличнѣе назвать баснею, а не трагедіею, сказалъ одинъ изъ зрителей.

— Почему такъ? спросилъ его товарищъ.

— Вы слышите, отвѣчалъ первый, что на сценѣ не люди, а *животныя* разговариваютъ между собою.

КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ.

— У Актрисы одной отняли роль Луизы въ трагедіи «Коварство и любовь» и передали другой, молодой актрисѣ. Первая чрезвычайно этимъ обидѣлась, и съ колкостію спросила, почему отняли у нея эту роль, когда она играла ее уже болѣе 20 лѣтъ?

— Именно потому-то и отнимаютъ ее у васъ, что вы ее болѣе 20 лѣтъ играете.»

ПРЕКРАСНАЯ УЛОВКА.

— Во время представленія одной оперы жидъ сидѣлъ въ театрѣ позади дамы, въ большой шляпкѣ, которая мѣшала ему видѣть представленіе.

Когда на сценѣ были произнесены слова: «Берегись! — Белана на тебя смотритъ» — жидъ дотронулся пальцемъ до плечъ дамы и сказалъ:

— Слышете ли, сударыня?

— Что такое?

— Белана сюда смотритъ.

— Вѣрно не на меня, отвѣчала она.

— А меня она никакъ не увидитъ, потому-что я совершенно закрытъ вашею шляпкою.»

Дама поняла этотъ оборотъ, засмѣялась,—и сняла шляпку.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

съ 21 апрѣля и по 16 іюля 1840 года.

ДЛЯ ОТКРЫТІЯ РОССІЙСКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ ПОСЛѢ ВЕЛИКАГО ПОСТА.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Апрѣля.

21. *Бол. т.* Жизнь за Царя, оп. въ 4 д.
Ал. т. Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.; Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.; Покойная ночь, шут.-вод. въ 1 д.; Чего на свѣтѣ не бываетъ, вод. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Хромой Колдунъ, бал. въ 3 д.
Ал т. Параша Сибирячка, др. въ 2 д.; Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д.

23. *Ал. т.* Русскій человѣкъ добро помнитъ, др. въ 1 д.; Чиновникъ по особ. поруч., вод. въ 1 д.; Полковникъ старыхъ временъ, ком.-вод. въ 1 д.; Ложа 1-го Яруса, вод. въ 2 д.

24. *Ал. т.* Велизарій, дра. въ 5 д.; Новички въ любви, ком. въ 1 д.

25. *Бол. т.* Теобальдъ и Изолина, оп. въ 2 д.
Ал. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.; Первая любовь, ком.-вод. въ 1 д.; Покойная ночь, ком.-вод. въ 1 д.

26. *Ал. т.* Параша Сибирячка, быль въ 2 д.; Дѣвушка Гусаръ, вод. въ 1 д.

28. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д.
Ал. т. Гамлетъ, др. въ 5 д.; Провинціяльный театръ, шут.-вод. въ 1 д.

29. *Ал. т.* Кетли, оп.-вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.; Заемный мужъ, вод. въ 1 д.; Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Иванъ Царевичъ, вол.-ком. опера въ 3 д.; Семикъ, дивер.
Ал. т. Уголино, др. въ 5 д.

Май.

1. *Ал. т.* Параша Сибирячка, быль, въ 2 д.; Пятнадцатилѣтній Король, ком. въ 2 д.; Его Превосходительство, ком.-вод. въ 1 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Апрѣля.

20. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.

25. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.

26. *Бол. т.* Два Дуная, бал. въ 2 д.; Семь пятницъ на недѣлѣ, ком. въ 1 д.

28. *Бол. т.* Сынъ любви, др. въ 5 д.

29. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.

30. *Бол. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. въ 5 д.; Урокъ холостымъ, ком. въ 1 д.; Пріѣздъ жениха, Моск. кар. въ 1 д.

Мая.

2. *Бол. т.* Велизарій, др. въ 3 д.

3. Ужасный незнакомецъ, ком. въ 1 д.

5. *Бол. т.* Разбойники, тр. въ 5 д.; Праздникъ жатвы, дивер.

6. *Бол. т.* Баядерка, оп. бал. въ 2 д.

Май.

2. *Бол. т.* Теобальдъ и Изолина, оп. въ 2 д., Ножка, вод. въ 1 д.; Новички въ любви, вод. въ 1 д.
3. *Бол. т.* Дѣва-Дунай, 2-е д.; бал. Гитана, 1-е д., Маскерадъ.
5. *Бол. т.* Иванъ Царевичъ, оп. въ 3 д.; Семикъ въ новомъ родѣ.
   Ал. т. Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Король и пастухъ, вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.; Братъ по случаю вод., въ 1 д. (*Бенефисъ Куликова*).
7. *Бол. т.* Теобальдъ и Изолина, оп. въ 2 д.
8. *Ал. т.* Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 5 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.; Братъ по случаю, вод. въ 1 д.
9. *Ал. т.* Параша, быль въ 2 д.; Барышня крестьянка, вод. въ 2 д.; Покойная ночь, ш.-вод. въ 1 д.
10. *Бол. т.* Дѣва Дунай, 2-е д. бал. Гитана, 1-е д., бал. Маскарадъ.
    Ал. т. Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 1 д.
12. *Бол. т.* Семирамида, опера въ 2 д.
    Ал. т. Братъ по случаю, вод. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Кесарь въ Египтѣ, 1-е д. бал.; Кіа-Кингъ, бал. въ 4 д.
    Ал. т. Левъ Гурычъ, ком. вод. въ 5 д.; Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д
14. *Ал. т.* Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.; Злой духъ, ком.-вод. въ 1 д.; Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д.; Фениксъ, ком.-вод. въ 1 д. (*Бенефисъ Максимова*).
16. *Бол. т.* Капулети и Монтеки, оп. въ 4 д.
    Ал. т. Капризы влюблен., вод. въ 1 д.; Злой духъ, ком.-вод. въ 1 д.; Ѣхалъ да не доѣхалъ, вод. въ 1 д.; Фениксъ, ком.-вод. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Донъ-Жуанъ, бал. въ 3 д.; Сильфида, 2-е д. Жизни, 1 д. оп.
    Ал. т. Левъ Гурычъ, ком.-вод, въ 5 д.; Пятнатцатилѣтній Король, ком. въ 2 д.; Ложа 1-го яруса, анек.-вод. въ 2 кар.
19. *Бол. т.* Кесарь въ Египтѣ, 1-е д. бал.; Кіа-Кингъ, бал. въ 4 д.
    Ал. т. Коварство и любовь, траг. въ 5 д.; Покойная ночь, ш.-вод. въ 1 д.
20. *Ал. т.* Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Параша, быль въ 2 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод въ 1 д.
21. *Ал. т.* Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 5 д.; Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.
22. *Ал. т.* Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.; Полковникъ, ком.-под. въ 1 д.; Влюбленный рекрутъ, вод. въ 1 д

Мая.

7. *Бол. т.* Ужасный незнакомецъ, ком, въ 1 д.; Валерія, ком. въ 3 д.; Дѣвушка лунатикъ, ком. въ 1 д.
10. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
14. *Бол. т.* Велизарій, др. въ 3 д.
16. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.
19. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.
21. *Бол. т.* Севильскій цирульникъ, оп., 1-е дѣйс. Робертъ, оп., 1-е и 3-е дѣйс.
28. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 2 д.; Севильскій цирульникъ, 1-е дѣйст. и дивер.
31. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; Плащъ, ком. въ 1 д.

Іюня.

4. *Бол. т.* Кремневъ, др. въ 3 д.; Домъ на Петербургской Сторонѣ, вод. въ 1 д.
7. *Т. Пе. Шар.* Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д.; Онъ остепенился. вод, въ 1 д.
11. *Т. П. П.* Дѣвушка лунатикъ, ком. въ 1 д.; Еще чудныя встрѣчи, вод. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Дѣва Дунай, бал. въ 2 д.
18. *Т. П. П.* Дѣдушка Русскаго флота, быль, въ 1 д.; Праздникъ жатвы, дивер.
20. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д.; 1 й актъ бал. Розальба.
23. *Т. П. П.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, вод. въ 5 д.
27. Фра-Діаволо, оп. въ 3 д.; Приключенія Генриха 4 го, на охотѣ, бал. въ 1 д.
30. *Т. П. П.* Мирандолина, ком. въ 3 д.; Титулярные Совѣтники, вод. въ 1 д.

Іюля.

2. *Т. П. П.* Подложный кладъ, ком. въ 1 д.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 1 д.

Май.

23. *Ал. т.* Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д.; Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.; Русскій человѣкъ, быль въ 1 д.
24. *Ал. т.* Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 5 д.; Елена, ком.-вод. въ 1 д.
26. *Бол. т.* Донъ-Жуанъ, бал. въ 3 д.; Сильфида, 2-е д. оп. Женни, 1-е д. оп.
Ал. т. Коварство и любовь, тр. въ 5 д.; Провинціяльный театръ, вод. въ 1 д.
27. *Ал. т.* Замужняя вдова, ком. въ 2 д.; Одинъ Царь, сцены, изъ траг. Одна невѣста, ком.-вод. въ 1 д. (*Бенефисъ г-жи Самойловой 1-й*).
28. *Ал. т.* Параша Сибирячка, быль въ 2 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.
29. *Бол. т.* Купулети и Монтеки, оп. въ 1 д.
30. *Ал. т.* Замужняя вдова, ком. въ 2 д.; Фениксъ, ком.-вод. въ 1 д.; Бабушка и внучка, ком.-вод. въ 1 д.
31. *Ал. т.* Морское путешествіе Дандини, волш. вод. въ 3 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, ш.-вод. въ 1 д. (*Бенефисъ г-на Мартынова*).

Іюнь.

12. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
13. *Ал. т.* Піетро Дандини, вод. въ 3 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, шут.-вод. въ 1 д.
14. *Ал. т.* Лукавинъ, ком. въ 5 д.; Неожиданная семья, вод. въ 1 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 карт.
14. *Бол. т.* Теобальдъ и Изолина, бал.-оп. въ 2 д.; Донъ-Жуанъ, бал. въ 3 д.
16. *Ал. т.* Піетро Дандини, вод. въ 3 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, шут.-вод. въ 1 д.
17. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д.; Жена за столомъ, вод. въ 1 д.
18. *Ал. т.* Лукавинъ, ком. въ 1 д.; Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.
20. *Ал. т.* Піетро Дандини, вод. въ 3 д.; Студентъ артистъ, хористъ и аферистъ, шут.-оп. въ 2 д.
19. *Бол. т.* Гитана, бол.-бал. въ 3 д.; Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 1 д.
21. *Бол. т.* Норма, лир. оп. въ 2 д.; Мельники, бал. въ 2 д.
23. *Ал. т.* Гризельда, тр. въ 5 д.; Неожиданная семья, вод. въ 1 д.
24. *Ал. т.* Лукавинъ, ком. въ 5 д.; Фениксъ, ком. въ 1 д.
25. *Ал. т.* Параша Сибирячка, быль, въ 2 д.; Дѣдушка Русскаго флота, быль, въ 1 д.
26. *Бол. т.* Гитана, бол.-бал. въ 3 д.; Два слова, оп. въ 1 д.
27. *Ал. т.* Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.; Одна невѣста, ком.-вод. въ 1 д.; Голубой токъ, ком. въ 1 д.

Іюль.

4. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; Крестный отецъ, вод. въ 1 д.
7. *Т. П. П.* Хоть тресни, а женись, ком. въ 1 д., Филатка и Мирошка, пп. въ 1 д.
11. *Бол. т.* Влюбленная Баядерка, оп. въ 2 д.; Мужъ и любовникъ, ком. въ 1 д.
18. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.
21. *Бол. т.* Невѣста подъ замкомъ, вод. въ 1 д.; Именины благодѣтельнаго помѣщика, др. въ 1 д.; Барышня крестьянка, вод. въ 2 д.
25. *Бол. т.* Каменьщикъ, оп. въ 3 д.; Розальба, бал., 3-й актъ.
28. *Т. П. П.* Артистъ, вод. въ 1 д.; Жена Кавалеристъ, вод. въ 1 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.

САНКТПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Іюня.

28. *Бол. т.* Возстаніе въ сералѣ, бол.-бал. въ 3 д. Жени, 1-е дѣйст. оп.
Ал. т. Гризельда, тр. въ 5 д.; Новички въ любви, ком.-вод. въ 1 д.

Іюля.

1. *Ал. т.* Кремневъ, народ. др. пр. въ 3 д.
2. *Ал. т.* Эдипъ въ Аѳинахъ, тр. въ 5 д.; Говорить правду, ком. въ 1 д., Хочу быть актрисой, шут.-вод. въ 1 д. (*1-й дебютъ г-жи Дюръ*).
4. *Ал. т.* Эдипъ въ Аѳинахъ, тр. въ 5 д.; Хочу быть актрисой, ш.-вод. въ 1 д.
5. *Бол. т.* Хромой Колдунъ, бал. въ 3 д.; Волшебный стрѣлокъ, съ хорами.
7. *Ал. т.* Сиротка Сусанна, ком. вод. въ 1 д.; Замужняя вдова, ком. въ 2 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ком.-вод. въ 1 д.
8. *Ал. т.* Фениксъ, ком.-вод. въ 1 д.; Жена кавалериста, ком.-вод. въ 1 д.; Меръ по выбору. ком.-вод. въ 1 д.
9. *Ал. т.* Солдатское сердце, др. въ 2 д.; Пожилая дѣвушка, ком.-вод. въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Онъ за все платитъ, вод. въ 1 д.
10. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.; Два слова, оп. въ 1 д.
Ал. т. Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 5 д.; Ложа 1-го Яруса, вод. въ 2 д.
12. *Ал. т.* Солдатское сердце, др. въ 2 д.; Пожилая дѣвушка, ком.-вод. въ 1 д.; Ив. Ив. Недотрога, ком. въ 1 д.; Онъ за все платитъ, вод. въ 1 д.
14. *Ал. т.* Солдатское сердце, др. въ 2 д.; Піетро Дандини, вод. 3 д.; Онъ за все платитъ, вод. въ 1 д.

Іюля.

15. *Ал. т.* Пожилая дѣвушка, ком.-вод въ 1 д.; Говорить правду, ком. въ 1 д.
16. *Ал. т.* Драгунская кровь, ком. вод. въ 1 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.; Круговая порука, вод. въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.
17. *Бол. т.* Норма, лир. оп. въ 2 д.; Донъ-Жуанъ, бол.-бал. въ 3 д.
19. *Ал. т.* Драгунская кровь, ком.-вод. въ 1 д.; Круговая порука, вод. въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.
21. *Ал. т.* Обсусъ, ком.-вод. въ 2 д.; Студентъ, артистъ, оп. въ 2 д. 1-е Іюня, въ Петергофѣ, вод. въ 1 д.
22. *Ал. т.* Солдатское сердце, др. въ 2 д.; Новички въ любви, вод. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д.
23. *Ал. т.* Катерина, ком.-вод. въ 1 д.; Круговая порука, вод. въ 1 д.; Титулярные Совѣтники, вод. въ 1 д.; Покойная ночь, шут.-вод. въ 1 д.
24. *Бол. т.* Кіа-Кингъ, бал. въ 4 д.
25. Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Архивар., вод. въ 1 д.
26. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, бал. оп. въ 2 д.; Дезертеръ, бал. въ 4 д.
27. *Бол. т.* Донъ-Жуанъ, бал. въ 3 д. Водовозъ, оп. въ 4 д.
28. *Ал. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Ложка, вод. въ 1 д.; Двѣ женщины, вод. въ 1 д.
29. *Ал. т.* Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 д.; Артистъ, ком.-вод, въ 1 д.
30. *Бол. т.* Чперентола, оп. въ 2 д.
31. *Ал. т.* Русскій человѣкъ добро помнитъ, быль, въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д.

ЗАМУЖНЯЯ ВДОВА
И
МУЖЪ ХОЛОСТЯКЪ.

КОМЕДІЯ ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ,

передѣланная съ Французскаго

М. ЗОТОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ландшафтинъ, живописецъ, недавно пріѣхавшій, изъ Италіи . . . . . *Г. Самойловъ.*
Симскій, другъ его, сочинитель повѣстей . . . . . *Г. Куликовъ.*
Баронъ Б, старый богачъ . *Г. Мартыновъ.*
Зинаида Павловна Симская, молодая вдова и сестра Симскаго . . . . . *Г-жа Самойлова 2.*
Лизавета Ивановна Зубкова *Г-жа Асенкова.*
Любовь Павловна Цвѣткова, ея племянница . . . . *Г-жа Шерлева.*
Осипъ, слуга Сицкой . . . . *Г. Пономаревъ.*

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Первое дѣйствіе въ Петербургѣ въ домѣ Сицкой, второе на дачѣ г-жи Зубковой.

Театръ представляетъ осьмиугольную комнату; трое дверей въ заднеи занавѣсѣ; направо въ 1-кулисѣ еще дверь, налѣво потаенная дверь, передъ которою стоятъ ширмы, стулья и кресла.

ЯВЛЕНІЕ I.

ОСИПЪ и СИМСКІЙ, потомъ ЛАНДШАФТИНЪ. При подняти занавѣса Осипъ убираетъ комнату.

СИМСКОЙ, входя осторожно.

Осипъ!

ОСИПЪ.

Ахъ, это вы, Николай Ивановичъ!

СИМСКІЙ.

Гдѣ сестра?

ОСИПЪ.

Въ своей комнатѣ, она одѣвается къ балу; побѣгу сказать ей.

СИМСКІЙ.

Куда, болванъ? Не нужно!.. Я самъ пойду...

ОСИПЪ.

Слушаю-съ. Какъ прикажете. *(Про себя.)* А все-таки шепну ей: бѣдняжка трое сутокъ безпокоилась о братцѣ. *(Уходитъ налѣво.)*

СИМСКІЙ, въ среднюю дверь зоветъ.

Ландшафтинъ! Войди! Никого нѣтъ!

ЛАНДШАФТИНЪ, входя съ осторожностію.

Никто тебя не видалъ.

СИМСКІЙ.

Да!.. Никто...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Боюсь встрѣтиться съ Зинандой Павловной.

СИМСКІЙ

Да вѣдь бранить-то будутъ не тебя, а меня; цѣлыя трое сутокъ не былъ дома....

ЛАНДШАФТИНЪ.

Да! ужъ ты не путемъ кутишь.

СИМСКІЙ.

Вотъ мило! Да кто жъ мой менторъ. Вѣдь ты меня таскалъ по игорнымъ домамъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Мнѣ все хочется, чтобъ ты отыгрался... Вольно же тебѣ, какъ на смѣхъ, все проигрывать. Ну что теперь скажетъ, Зинаида Павловна? И мнѣ отъ нея достанется.

СИМСКІЙ.

Милая Зинаида! Какъ она, я думаю, обо мнѣ безпокоилась это время!...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да, она тебя любитъ до безумія; у тебя не сестра, а ангелъ.

СИМСКІЙ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она овдовѣла, я вполнѣ узналъ всю доброту ея сердца; она заботилась о моемъ выпускѣ изъ университета, хлопотала объ опредѣленіи меня на службу, даетъ мнѣ квартиру, столъ, экипажъ...

ЛАНДШАФТНИЪ.

И платитъ твои долги....

СИМСКІЙ.

Да у меня ихъ прежде не было. Вотъ, по твоей только милости, г-нъ менторъ, у меня теперь вѣчно ни гроша нѣтъ въ карманѣ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ну, а если бъ тебѣ дали послѣдняго валета на 24 куша, у тебя бы было пропасть золота.

СИМСКІЙ.

Да, это предосадно, что убили.... Какъ мнѣ достать денегъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Возьми у меня.

СИМСКІЙ.

Хорошъ гусь. Я чай, у самаго цѣлковаго не осталось — все спустилъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Извини, любезный, два цѣлковыхъ и два четвертака сохранилъ. Хочешь, подѣлимся.

СИМСКІЙ.

Убирайся, этого мало и съ дамами по грошу въ бостонъ играть. Мнѣ по крайней мѣрѣ надо полдюжины бѣленькихъ депозитокъ...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ну, такъ попроси у сестры. Она тебѣ никогда не отказывала. Да поскорѣй, пожалуста. Вѣдь у Сумбурова еще мечутъ и теперь. Банкъ былъ въ самомъ разгарѣ въ ту минуту, какъ твои деньги потухли. Вотъ удивятся-то всѣ, какъ ты опять явишься, да на первую карту поставишь бѣленькую депозитку.

СИМСКІЙ.

Да — ужъ разумѣется не меньше... иначе нельзя отыграться, только право совѣстно просить денегъ у сестры... она такъ добра.. нѣтъ... не могу.. нѣтъ, лучше не играть...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вотъ какой вздоръ!.. Ты никакъ въ раскаяніе ударился. Какъ замѣтно, что ты недавно изъ за ученическихъ лавокъ...

СИМСКІЙ.

А ты изъ Италіи, гдѣ бандиты на каждомъ шагу.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Другъ Николай, мы съ тобой оба были бы безопасны въ самыхъ Абруццахъ. У кого нѣтъ ни гроша, тотъ можетъ пройти весь свѣтъ вдоль и поперегъ, и его разбойники не тронутъ. Послушай, однако, ты ужъ мнѣ колкости говоришь.

СИМСКІЙ.

И не думаю; но между друзьями, ни въ словахъ, ни въ деньгахъ не считаются; ты взялся быть моимъ ментором, и я только хотѣлъ мимоходомъ сказать тебѣ, что ты самъ отчаянный повѣса; отъ котораго не много доброму научишься.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Доброму? Да что это у васъ за слово? Ужъ мнѣ эти писатели! сочиняютъ нѣжности, да и воображаютъ, что весь свѣтъ вздыхаетъ и мечтаетъ о розахъ. Нѣтъ, другъ Николинька, жизнь наша—просто, глупость. Надо быть или обманутымъ или обманщикомъ, или быть битымъ или самому бить другихъ. Средины почти нѣтъ; только самые умные ее находятъ, и я въ этомъ числѣ. Чтобъ не быть ни подлецомъ, ни глупцомъ, я рѣшился быть повѣсою. Провожу жизнь въ шалостяхъ, стараюсь не думать ни о чемъ серьезномъ, и повѣрь, что это единственное средство, чтобъ не сойдти съ ума.

СИМСКІЙ.

Ты гдѣ учился логикѣ?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Не въ твоихъ романахъ.

СИМСКІЙ.

Въ моихъ повѣстяхъ, повѣрь, не сходятъ съ ума.

ЛАНДШАФТИНЪ.

А только говорятъ вздоръ отъ начала до конца, а сочинитель ихъ, больше всѣхъ своихъ героевъ.—Ты, кажется, забылъ, Николай, въ какомъ я положеніи. Если бъ ты не былъ полуребенкомъ, то поглубже бы заглянулъ въ мое сердце и написалъ бы изъ него цѣлую главу для лучшаго твоего романа. Это правда, что я повѣса, — по повѣса по расчету. У тебя влюбленные герои вздыхаютъ, говорятъ сладости и жалки; у Французовъ они рѣжутся и застрѣливаются; я не хочу ни того ни другаго. Я влюбленъ, но хочу задушить страсть мою въ разгулѣ разсѣянной жизни.

СИМСКІЙ.

Чудакъ! Кто жъ тебѣ мѣшаетъ объясниться: Зинаида съ тобою очень ласкова. Я буду тебя поддерживать, говорить о тебѣ, хвалить тебя...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Нѣтъ, сдѣлай милость—протекція въ любви самая глупая вещь. Это вѣдь не служба...

СИМСКОЙ.

Такъ ты вѣрно ждешь, чтобъ сестра пришла къ тебѣ и сказала: сдѣлайте одолженіе, г-нъ Ландшафтинъ, женитесь на мнѣ, я молода, богата и прелестна....

ЛАНДШАФТИНЪ.

Вотъ то-то и дурно. Кто нынче повѣритъ, что я влюбленъ въ женщину, а не въ деньги!... а притомъ... женитьба! Другъ!.. мы одни, — и я тебѣ открою другую странную сторону моего сердца. Я не люблю женатыхъ людей. Это политическая лотерея: изъ тысячи билетовъ два-три выигрыша, а всѣ однако же берутъ. Всякій по самолюбію думаетъ: почему же мнѣ и не выиграть? А послѣ всю жизнь ходить повѣся носъ, или почесывая лобъ. Нѣтъ, я артистъ. У меня душа горитъ огнемъ искусства, — а женидьба... непремѣнно погаситъ послѣднюю искру таланта. Женитьба все равно, что розы: любуйся ими, но не рви, — а иначе самый лучшій букетъ на другой же день завянетъ. Нѣтъ, рѣшено: меня въ другой разъ ужъ не надуютъ.

СИМСКІЙ.

Какъ, въ другой разъ? Развѣ ты вдовецъ?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Нѣтъ!... по два года тому назадъ, меня было подцѣпили; я влюбился, проговорился,—и меня уже хотѣли обручить. Вдругъ я опомнился, бѣжалъ, уѣхалъ въ Италію, и цѣлые два года путешествовалъ, учился и повѣсничалъ. Чудная жизнь! Всегда весело, всегда безъ денегъ. Всѣ тебѣ рады и никто на тебя не смотритъ. Изъ моихъ путешествій могъ бы ты, Николай, написать томовъ пять повѣстей. Я ходилъ пѣшкомъ, встрѣчался съ разбойниками... меня даже однажды убили...

СИМСКІЙ.

Какъ убили?..

ЛАНДШАФТИНЪ.

Да, по милости журналовъ; вѣдь это имъ ничего не стоитъ. А нѣсколько строкъ новостей нужны. — Я однажды разбилъ цѣлую шайку разбойниковъ, и самъ того не воображая. Они грабили очень спокойно какой-то дилижансъ, я изъ любопытства подошелъ, на меня бросились, — но я крикнулъ имъ, что я Русскій — и дорого продамъ свою жизнь; что жъ? они струсили и бѣжали, путешественники, которыхъ я спасъ такимъ невиннымъ образомъ, цѣловали мои руки, платье, записываютъ мою фамилію, родину, чинъ, и хотѣли на рукахъ нести до города; я ихъ отправилъ въ томъ же дилижансѣ, а самъ пошелъ своею дорогою. — Эти добрые люди вообразили, что я сдѣлаюсь жертвою разбойниковъ и насказали чудеса, журналисты подхватили—и пошла писать. Вездѣ въ газетахъ мое имя, мои подвиги и моя трагическая смерть; умора, да и только.

СИМСКІЙ.

Но ты, разумѣется, напечаталъ, что ты живъ и здоровъ?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Вотъ вздоръ! Да это презабавное состояніе: быть мертвецомъ и всюду прогуливаться. Притомъ же слухъ о моей смерти засла-

вилъ всѣхъ искать моихъ картинъ; я нарочно принялся ихъ писать. Добрые люди покупали ихъ хорошою цѣною, и я понажился, именно отъ того, что умеръ.

СИНСКОЙ.

Ну, однако же, послушай; что, если ты нынче встрѣтишься съ той дѣвушкой, на которой тебя хотѣли обвѣнчать...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Не пугай, братецъ; это было въ Москвѣ.. Зачѣмъ ей сюда пріѣхать? Я оттуда бѣжалъ и никогда не поѣду, а особливо теперь, когда влюбленъ въ твою сестру.

СИНСКИЙ.

Воля твоя, ты человѣкъ умный, а идеи твои о женитьбѣ большая глупость. Если бъ я могъ жениться, я бы былъ самый счастливый человѣкъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да вѣдь и ты влюбленъ. Ну, братъ и это порядочная глупость — влюбленъ въ двухъ, и самъ еще навѣрное не знаетъ въ кого.

СИНСКИЙ.

Да если обѣ такъ хороши.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Такъ на обѣихъ и женись.

СИНСКИЙ.

Ты все шутишь.. А я право не знаю, на которой мнѣ жениться.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Мужъ писатель! — Тоже порядочная глупость: или ты будешь хорошій мужъ и дурной писатель, или на оборотъ.

СИНСКИЙ.

Какъ будто одно мѣшаетъ другому.

ЛАНДШАФТНИЪ.

И очень! Геній и женидьба! Это огонь и вода: непремѣнно другъ друга уничтожатъ... Однако же мы все еще болтаемъ, а извощикъ ждетъ насъ; рѣшись же на что нибудь.

СИНСКИЙ.

Постой.. я лучше напишу Зинандѣ записку...

ЛАНДШАФТНИЪ.

И прекрасно!.. Она тебѣ дастъ денегъ, и мы поѣдемъ отыграться.

СИНСКИЙ.

Подожди же меня. Я сейчасъ все это сдѣлаю. *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛАНДШАФТНИЪ, потомъ СИЦКАЯ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Подожди! Это легко сказать, — а какъ неравно сестра его войдетъ сюда, то я пропалъ. Надобно будетъ разсказывать, гдѣ мы были, что дѣлали... нѣтъ, слуга покорный! Пойду лучше къ подъѣзду. Вѣдь погода чудесная... будто прогуливаюсь. *(Хочетъ уйти.)* Боже мой! Да вотъ и она.

СИЦКАЯ, обращаясь за кулисы.

Если баронъ пріѣдетъ, то попросите его тотчасъ ко мнѣ... Ахъ, Егоръ Ивановичъ, какъ я рада, что васъ вижу. Скажите, ради Бога, гдѣ Николинька. Вы съ нимъ вмѣстѣ пріѣхали?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вашъ братецъ?

СИЦКАЯ.

Да, мнѣ Осипъ сказалъ, что онъ воротился. Можно ли это? — цѣлыя трое сутокъ не быть дома. Что съ нимъ случилось?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ничего особеннаго.. но я зналъ, что вы вѣрно объ немъ безпокоитесь, и привезъ его къ вамъ.

СИЦКАЯ.

Какъ я вамъ благодарна! Можно ли такъ повѣсничать. Я двѣ ночи не спала... думала, что не случилось ли какого несчастія...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Какъ онъ счастливъ, что у него такая сестра! Я ему безпрестанно говорю, что вы не женщина, а ангелъ... но онъ такой пылкій, такой неопытный; самое доброе сердце, но горячая голова?...

СИЦКАЯ.

Понимаю; вѣрно что нибудь случилось... говорите скорѣе, не скрывайте ничего...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Въ существѣ, оно конечно бездѣлица... но конечно могло бы быть...

СПИСКАЯ.

Что такое? Ради Бога!

ЛАНДШАФТНИЪ, про себя.

Не знаю, какъ выпутаться (*Ей*) Извольте видѣть: печальная встрѣча, маленькая ссора.

СПИСКАЯ.

Боже мой! Неужели дуэль! Онъ раненъ!...

ЛАНДШАФТНИЪ,

Успокойтесь, совершенно здоровъ! простая царапина; но онъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ...

СПИСКАЯ.

Боже мой! Милый мой Николинька! Можно ли такъ рисковать своею жизнію? И вѣрно изъ за пустяковъ...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Онъ былъ вынужденъ... начали дурно говорить объ одной дамѣ, которую онъ очень уважаетъ...

СПИСКОЙ,

О Лизаветѣ Ивановнѣ Зубковой?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Кажется...

СПИСКАЯ.

Повѣса! Какъ же я его отдѣлаю! Цѣлые три дня пропадалъ; принуждена уже была сегодня поутру посылать къ барону, чтобъ онъ поѣхалъ отыскивать Николая...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Если бъ вы удостоили вспомнить обо мнѣ, то всего бы вѣрнѣе я исполнилъ ваши приказанія...

СПИСКАЯ.

Очень благодарнаго, Егоръ Ивановичъ;—но я еще такъ недавно имѣю удовольствіе быть съ вами знакома, — а баронъ меня съ малолѣтства знаетъ...

ЛАНДШАФТНИЪ.

А все моя преданность къ вамъ сильнѣе...

СПИСКАЯ.

Я увѣрена, что вы по дружбѣ къ брату подарите такое же расположеніе и сестрѣ... Скажитсоднако откровенно, каково ведетъ себя Николинька? Онъ очень много тратитъ денегъ; не бываетъ ли онъ въ какихъ нибудь дурныхъ обществахъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

О нѣтъ, помилуйте, я его почти ни на минуту не оставляю.

СПИСКАЯ.

Ахъ. вотъ и онъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И СПИСКІЙ.

СПИСКІЙ.

Ну, я написалъ... Боже мой! Сестра!

ЛАНДШАФТНИЪ.

Попались!

СПИСКАЯ.

Прекрасно, Николай. Да ты, кажется, испугался, увидя меня, а я думала, что ты прежде всего меня обнимешь.

СПИСКІЙ.

Милая Зинаида!...

СПИСКАЯ.

Мнѣ бы надобно путемъ тебя побранить;— но я такъ слаба, что прощаю тебѣ все... Какой ты блѣдный! Что твоя рана?

СПИСКОЙ.

Моя рана!

ЛАНДШАФТНИЪ, дѣлаетъ знакъ.

Дѣлать нечего, Николай, признавайся, я не могъ противиться — и все разсказалъ.

СПИСКОЙ.

Да это такъ, пустяки... я упалъ съ лошади...

СПИСКАЯ.

Какъ съ лошади...

ЛАНДШАФТНИЪ, ей.

Мы было условились такъ говорить, но я измѣнилъ ему. Виноватъ, Николай, Зинаида Павловна все знаетъ, и ссору, и дуэль, и рану, и мои о тебѣ попеченія.

СПИСКІЙ.

Да, милая Зинаида,— я хотѣлъ скрыть отъ тебя, чтобъ не огорчить.

СПИСКАЯ.

Я не осуждаю тебя; но ты знаешь, что всякое съ тобою несчастіе приведетъ меня въ отчаяніе. Берегись же, будь осторожнѣ,

старайся не заводить ссоръ избѣгать дурной компаніи... Трое сутокъ не быть дома! Это непростительно Теперь я тебя запру, не пущу. Егоръ Ивановичъ, надѣюсь, что и вы не оставите своего друга въ заключеніи. Сегодня у меня балъ, и мы съ вами не одну кадриль протанцуемъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Исполнять вашу волю — это верхъ моего счастія.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ.

БАРОНЪ, поднося Спицкой букетъ.

Зинаида Павловна, позвольте поднести вамъ бальный букетъ.

СПИЦКАЯ.

Ахъ, Баронъ, какъ вы милы!

БАРОНЪ, отводя ее.

Вездѣ ѣздилъ, Зинаида Павловна; но брата вашего нѣтъ нигдѣ.

СПИЦКАЯ.

Это не удивительно, Баронъ. Вотъ онъ самъ.

БАРОНЪ.

А! Молодой человѣкъ! Вы здѣсь? Прекрасно! надѣлали же вы хлопотъ...

СПИЦКАЯ.

Онъ не виноватъ... съ нимъ случилась маленькая исторія; я вамъ его послѣ разскажу Ну, а что Лизавета Ивановна?

БАРОНЪ.

Я былъ у нихъ на дачѣ; онѣ обѣ дали мнѣ слово, что будутъ у насъ.

СПИНСКІЙ.

Какъ, и Лизавета Ивановна и Любовь Павловна?

СПИЦКАЯ.

Да, Николинька, По этому-то я надѣюсь, что ты никуда не уѣдешь.

СПИНСКОЙ.

Разумѣется... я уже давно не танцовалъ, Пойду, переодѣнусь. (*уходитъ на право.*)

СПИЦКАЯ.

Баронъ, рекомендую вамъ Егора Ивановича Ландшафтина: другъ Николиньки и отличный живописецъ. Недавно воротился изъ Италіи.

БАРОНЪ.

Очень радъ составить такое пріятное знакомство. Кажется на послѣдней выставкѣ была ваша картина... не правда ли? Калипса, окруженная нимфами...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Я нынче ничего не представлялъ въ Академію.

БАРОНЪ.

А ваша картина была прелестна. Я чрезвычайно люблю этотъ genre... нимфы... это страсть моя.

ЛАНДШАФТНИЪ, про себя.

Потому, что самъ похожъ на стараго сатира.

(Уходитъ въ середнюю дверь.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

БАРОНЪ И СПИЦКАЯ.

СПИЦКАЯ.

Какъ я вамъ благодарна, Баронъ, за вашу любезную услужливость. Я очень буду рада увидѣться съ Лизаветой Ивановной, а братъ Николай вѣрно еще болѣе меня будетъ васъ благодарить.

БАРОНЪ.

Вашъ братъ! Что это значитъ?

СПИЦКАЯ.

Кажется онъ не равнодушенъ къ ней, особливо послѣ того что съ нимъ случилось.

БАРОНЪ.

Что такое?

СПИЦКАЯ.

Говорятъ о какой то дуэли, и за нее.

БАРОНЪ.

Возможно ли? Такъ, стало быть, онъ влюбленъ въ нее?

СПИЦКАЯ.

Очень можетъ быть.

БАРОНЪ.

Это ужасно! А я то что?

СПИЦКАЯ.

Какъ, развѣ и вы имѣли виды?

БАРОНЪ.

Самые серьёзные.

СПИЦКАЯ, смѣясь.

Какой вы вѣтреникъ! А я думала, что вы въ меня влюблены.

БАРОНЪ.

Разумѣется; но вы всегда со мною такъ холодны... я принужденъ былъ обратиться къ Лизаветѣ Ивановнѣ и начиналъ уже надѣяться... Да неошибаетесь ли вы? Мнѣ казалось, что братъ вашъ посматриваетъ на ея племянницу, Любовь Павловну, покрайней мѣрѣ, я увѣренъ, что та съ своей стороны къ нему не равнодушна.

СПИЦКАЯ.

Я навѣрное ничего знаю; но онѣ обѣ сюда будутъ — и мы станемъ за ними замѣчать. Вы человѣкъ опытный, и конечно не ошибетесь...

БАРОНЪ.

Разумѣется... но вотъ, кажется, и онѣ пріѣхали *(Обѣ входятъ изъ двери налѣво.)* Позвольте мнѣ покуда сдѣлать визитъ вашему брату, такъ я все выведаю. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

СПИЦКАЯ, ЗУБКОВА и ЦВѢТКОВА.

СПИЦКАЯ.

Ахъ, милая Лизавета Ивановна! Какъ ты мила и добра, что согласилась навѣстить меня.

ЗУБКОВА.

Если я и избѣгаю большихъ обществъ, то конечно ты всегда составляешь исключеніе. Притомъ же Любушка такъ страстно любитъ танцы, что я должна доставить ей это удовольствіе; но не мудрено: недавно изъ института. Помнишь ли, какъ насъ выпустили....

СПИЦКАЯ.

Такъ это я вамъ обязана, Любовь Павловна! Какъ я вамъ благодарна!

ЦВѢТКОВА.

Вы, кажется, ma tante, и сами любите танцовать.

ЗУБКОВА.

Да, разумѣется, пріѣхавши на балъ, нельзя же сидѣть сложа руки... А прочемъ мнѣ всегда такъ скучно; большой свѣтъ такъ мнѣ надоѣлъ.

СПИЦКАЯ.

Это слѣдствіе вдовства. На твоемъ мѣстѣ, я бы опять вышла замужъ.

ЗУБКОВА.

Покажи мнѣ собою примѣръ, и я ему послѣдую.

СПИЦКАЯ.

О, я совоѣмъ не прочь. Трудно только сдѣлать хорошій выборъ... Мой первый мужъ былъ военный и бредилъ только службою, фронтомъ, своею ротою. Признаюсь мнѣ это очень надоѣло; мнѣ бы хотѣлось мужа собственно для себя, для чувства, для души...

ЦВѢТКОВА.

Такъ выберите сочинителя: они такъ милы, такъ любезны.

СПИЦКАЯ.

Богъ вѣсть! Они не всегда постоянны. — А вотъ, напримѣръ, художникъ, живописецъ, геніальный человѣкъ, — это дѣло другое. Довольно лестно служить оригиналомъ прекрасныхъ картинъ...

ЗУБКОВА.

Ахъ, моя милая, ради Бога, не говори этого. Мужъ живописецъ—да это величайшее несчастіе.

СПИЦКАЯ.

Несчастіе!

ЗУБКОВА.

Да, другъ мой. Это народъ легкомысленный своенравный; домашнее счастіе для нихъ — ничто; они гоняются за одною славою; они думаютъ, что женитьба убиваетъ геній, однимъ словомъ, они не умѣютъ любить.

СПИЦКАЯ.

Помилуй, да ты все это говоришь, какъ будто испытала.

ЗУБКОВА.

Нѣтъ... у меня есть пріятельница, съ которою все это случилось. Она жила въ Москвѣ; туда, три года тому назадъ, пріѣхалъ изъ Петербурга молодой живописецъ, человѣкъ

съ большимъ ларованіемъ и пріятною наружностію. Онъ увидѣлъ ее, полюбилъ сталъ свататься, и наконецъ женился. Что же? Черезъ полгода семейная жизнь ему такъ надоѣла, что онъ безъ дальнихъ объясненій преспокойно уѣхалъ отъ нее, оставя только письмо, которымъ ее увѣдомлялъ, что ѣдетъ по приказанію начальства въ чужіе краи, въ Италію, гдѣ и пробудетъ неопредѣленное время: а чтобъ избавить себя отъ слезъ и отчаянья припрощанія, онъ разсудилъ проститься письменно. Можете себѣ вообразить положеніе бѣдной женщины. Она поплакала, потосковала и рѣшилась дожидаться. Проходитъ годъ два... вдругъ иностранные газеты извѣщаютъ ее, что мужъ ея былъ убитъ разбойниками, спасая какой-то дилижансъ.

ЦВѢТКОВА.

Ахъ, Боже мой, какой романъ!

ЗУБКОВА.

Жаль только, что еще не окончепъ? Послѣдней главы еще не достаетъ. Эта смерть, эти разбойники, это приключеніе, все вышло выдумка, вздоръ. Милый мужъ былъ живъ и здоровъ, забавлялся надъ журналистами, которое разславили его раннюю кончину. Онъ радъ былъ, что умершій женатымъ, можетъ воскреснуть холостымъ, и началъ съ тѣхъ поръ рыскать по свѣту, совершенно оставя свою жену.

СИЦКАЯ.

На ея мѣстѣ, я бы такъ же поступила.

ЗУБКОВА.

И она почти рѣшилась на это, оставила Москву, перемѣнила фамилію, и живетъ теперь въ совершенномъ уединеніи.

СИЦКАЯ.

Бѣдняжка! Ни вдова, ни замужняя... Постой! Кажется братъ мой идетъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, СИМСКІЙ и БАРОНЪ.

СИМСКОЙ.

Лизавета Ивановна, позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе... Любовь Павловна. *(Про себя.)* Обѣ здѣсь! Какъ сердце у меня бьется, точно будто два.

СИЦКАЯ.

Кажется, гости съѣзжаются. Пойдемте въ залу.

СИМСКІЙ, Зубковой.

Позвольте ангажировать васъ на первую кадриль.

ЗУБКОВА.

Съ удовольствіемъ.

БАРОНЪ, про себя.

Экой злодѣй! Отбилъ.

ЦВѢТКОВА, про себя.

Что жъ это значитъ? Онъ меня не ангажируетъ.

БАРОНЪ.

Дѣлать нечего. Придется обратиться къ малюткѣ. *(Цвѣтковой.)* Позвольте васъ просить...

СИЦКАЯ, перебивая его.

А вы, Баронъ, сдѣлайте милость, похозяйничайте около игорныхъ столовъ; вы меня крайне обяжете...

БАРОНЪ.

Помилуйте, съ величайшимъ удовольствіемъ. *(Въ сторону.)* Какая досада, и тутъ не удалось.

СИМСКІЙ, подаетъ руки Зубковой и Цвѣтковой.

Угодно вамъ... *(Уходитъ съ ними.)*

БАРОНЪ.

А тотъ обѣихъ взялъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

БАРОНЪ, ПОТОМЪ ЛАНДШАФТНИЪ.

БАРОНЪ.

Въ которую же изъ двухъ онъ однако влюбленъ? Эта молодежь пребезтолковая; ну, пусть бы взялъ Любушку — она еще ребенокъ, — а вдовушка по нашей части: мы люди опытные и безъ претензій...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вы здѣсь одни, Баронъ?

БАРОНЪ.

Да, всѣ ушли въ залу. Я думаю, балъ начался. А вы что жъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Еще успѣю. Я хотѣлъ сперва поговорить съ Николаемъ.

БАРОНЪ.

A propos! Вѣдь вы очень съ нимъ коротки... и вѣрно знаете, что онъ влюбленъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Въ его лѣта это самое лучшее занятіе.

БАРОНЪ.

Вы вѣрно знаете, въ кого онъ влюбленъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

А вы развѣ не знаете?

БАРОНЪ.

Кажется, въ Лизавету Ивановну Зубкову.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Очень можетъ быть.

БАРОНЪ.

Я почти увѣренъ; только знаете ли что: посовѣтуйте, чтобъ онъ лучше влюбился въ ея племянницу, Любовь Павловну...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Это для чего?

БАРОНЪ.

Такъ! Дружескій совѣтъ; между нами, есть человѣкъ, который имѣетъ также виды на Лизавету Ивановну.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Что жъ за бѣда? Николай отобьетъ у него — вотъ и все.

БАРОНЪ.

Да изъ этого можетъ выйдти непріятная исторія: соперникъ его человѣкъ горячій...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ну, такъ онъ его убьетъ...

БАРОНЪ, отскакиваетъ.

Убьетъ? Прошу покорно... Я однако заговорился; мнѣ надобно устроить игорные столы... вы въ какую игру любите?...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да поближе къ цѣли — всего лучше.

БАРОНЪ.

А! въ запрещенную. Да, мы всѣ дѣти Адама. Вотъ ступайте въ эту дверь. Тамъ собираются охотники до сильныхъ ощущеній.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Тамъ банкъ! Бѣгу! *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

БАРОНЪ, ПОТОМЪ ЗУБКОВА.

БАРОНЪ.

Истинный артистъ! Поиграть, погулять! Экія головы! Однако мнѣ вѣдь надо же взглянуть на Лизавету Ивановну. Кадриль вѣрно кончился. Ахъ! да вотъ и она; ужъ не меня ли ищетъ?

ЗУБКОВА, не видя его.

Письмо отъ Люлиной! Вѣрно о мужѣ. Прочтемъ!

БАРОНЪ, подходитъ.

Какъ я радъ, Лизавета Ивановна, что имѣю счастіе васъ видѣть одну; я такъ давно желалъ...

ЗУБКОВА.

Ахъ, извините, Баронъ, я нарочно ушла изъ залы, чтобъ прочесть письмо, которое мнѣ сейчасъ привезли...

БАРОНЪ.

Въ такомъ случаѣ, извините. Я удаляюсь; но смѣю надѣяться, что вы мнѣ позволите...

ЗУБКОВА.

Очень рада!... Послѣ, Баронъ. *(Онъ уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ЗУБКОВА, одна.

Какъ надоѣлъ этотъ Баронъ съ своими любезностями... Посмотримъ, что-то мнѣ опять пишутъ о моемъ супругѣ. «Спѣшу увѣдомить тебя, моя милая, что мужъ твой въ Петербургѣ. Онъ вездѣ выдаетъ себя за холостаго и старается нравиться женщинамъ. Онъ ведетъ жизнь самую разсѣянную; не мудрено, что вы съ нимъ гдѣ нибудь нечаянно встрѣтитесь; подложная твоя фамилія ему не извѣстна.» Вотъ будетъ милая сцена...

ЛАНДШАФТНИЪ, за кулисами.

Нѣтъ, господа! Я больше не ставлю; я хочу потанцовать.

ЗУБКОВА.

Что за голосъ? Боже мой! Кто это? Неужели? Спрячусь поскорѣе; здѣсь же есть потаенная дверь. (*Убѣгаетъ за ширмы.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛАНДШАФТИНЪ и ЗУБКОВА за ширмами; потомъ СИМСКІЙ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Чортъ побери эту глупую игру; только успѣлъ занять у Николая—все опять спустилъ.

ЗУБКОВА, про себя.

Это онъ!

ЛАНДШАФТИНЪ.

А кто виноватъ? Не самъ ли я дѣлаю величайшую глупость, провожу вечеръ у милой Спицкой и занимаюсь картами. Есть ли тутъ смыслъ? Не лучше ли бы было увиваться около нее. Тамъ я рискую потерять одну голову,—слѣдственно потеря, право, не большая.

ЗУБКОВА.

Что это значитъ?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Пора рѣшиться! Надобно сдѣлать приступъ. Объясниться въ любви... Ну, а тамъ?... А тамъ—что будетъ...

СИМСКІЙ, быстро.

Ты здѣсь, Ландшафтинъ? Какъ я радъ! Послушай...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Нѣкогда, братецъ...

СИМСКІЙ.

Я самый счастливый человѣкъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

А что? Не отыгрался ли ты?

СИМСКІЙ.

До игры мнѣ теперь? Напротивъ, я все тапповалъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ну, радуюсь! Съ которою же? Со вдовою, или съ молоденькою?

СИМСКІЙ.

Со вдовою. Я рѣшительно влюбленъ. Что за прелесть!

ЛАНДШАФТИНЪ.

Да покажи мнѣ ее, братецъ. Хоть бы вкусъ твой узнать. Ну, а она тебя любитъ?

СИМСКІЙ.

Не знаю еще.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Что жъ ты не спросишь? Экой чудакъ!

СИМСКІЙ.

Да развѣ это можно? Я никогда не осмѣлюсь.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ну, такъ никогда и не узнаешь. Съ женщинами надобно быть смѣлѣе. Вотъ, учись у меня: я вотъ сейчасъ рѣшился наконецъ открыться сестрѣ твоей, и какъ скоро она явится, то начну объясненіе.

СИМСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? Это будетъ очень любопытно. Я бы по крайней мѣрѣ узналъ, что въ такихъ случаяхъ говорится, и при случаѣ повторилъ бы твои слова.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Нѣтъ ничего легче. Пойдемъ... Постой! Вотъ счастіе: она сюда идетъ. Спрячься и слушай.

СИМСКІЙ.

Куда же спрятаться?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Да вотъ за ширмы... (*Толкаетъ его туда, а самъ бѣжитъ къ дверямъ.*)

СИМСКІЙ, увидя Зубкову.

Боже мой!

ЗУБКОВА.

Ради Бога, молчите.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ и СПИЦКАЯ.

СПИЦКАЯ.

Ахъ! Это вы, Егоръ Ивановичъ! А я здѣсь искала...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Вѣрно не меня.

СПИЦКАЯ.

Лизавета Ивановна исчезла.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Какъ я радъ, что это послужило въ мою пользу. Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я этой минуты!

СПИСКІЙ.

Вы хотѣли говорить со мною? Вѣрно о братѣ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Нѣтъ, о себѣ самомъ. Есть тайна, которую я долженъ вамъ открыть.

СПИСКАЯ.

Это очень любопытно.

ЛАНДШАФТНИЪ.

И однако же эта тайна должна быть вамъ извѣстна: мнѣ почти не нужно ее сказывать.

СПИСКАЯ.

Такъ пожалуй, и не говорите.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Повторяю вамъ, что вы ее знаете. Какая женщина не видитъ торжества своихъ прелестей?

СПИСКАЯ.

Что это значитъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Наказывайте меня за мое преступленіе—я у ногъ вашихъ.

СИМСКІЙ, за ширмами.

Лизавета Ивановна! Я у ногъ вашихъ.

ЗУБКОВА.

Какое положеніе!

ЛАНДШАФТНИЪ.

Я васъ обожаю.

СПИСКАЯ.

Встаньте, сударь! Что за комедія! Ну, если кто войдетъ?

ЗУБКОВА.

Встаньте, сударь! Если они услышутъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Рѣшите судьбу мою.

СИМСКІЙ.

Рѣшите судьбу мою.

СПИСКАЯ.

Перестаньте! Вы съ ума сошли.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Отъ любви.

СПИСКАЯ.

Встаньте, говорю я.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Повинуюсь, — но все таки рѣшите мою участь.

СПИСКАЯ.

Развѣ теперь время и мѣсто? Дайте мнѣ опомниться отъ удивленія.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Позвольте мнѣ по крайней мѣрѣ надѣяться.

СПИСКАЯ.

А мнѣ позвольте подумать.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Въ залогъ ожиданія позвольте поцѣловать вашу руку. (*Цѣлуетъ.*)

СИМСКІЙ.

Такъ! позвольте поцѣловать вашу прелестную ручку. (*Цѣлуетъ.*)

ЗУБКОВА.

Да тише, ради Бога.

СПИСКАЯ.

Это странно! Мнѣ послышалось...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да, въ другой комнатѣ.

СПИСКАЯ.

Сюда идутъ, — будьте осторожнѣе.

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ЦВѢТКОВА.

ЦВѢТКОВА.

Зинаида Павловна! Не знаете ли, гдѣ тетинька!

СПИСКАЯ.

Я сама за тѣмъ пришла сюда; по Егоръ Ивановичъ не видалъ ее; вѣрно она у меня въ кабинетѣ. Она недавно получила письмо.

ЦВѢТКОВА.

Николая Павловича тоже не видать, — а отъ меня ангажировалъ.

СПИСКІЙ.

Вѣрно гдѣ нибудь заигрался. Пойдемте, я вамъ его отыщу. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЛАНДШАФТНИЪ, ЗУБКОВА и СИМСКІЙ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Теперь ты можешь выйти изъ обсерваторіи, онѣ ушли.

СИМСКІЙ, выходя застанавливаетъ ширмы.

Вотъ и я! Пойдемъ отсюда.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Куда? Скажи мнѣ сперва, каково тебѣ понравилось мое объясненіе.

СИМСКІЙ.

Молчи!

ЛАНДШАФТНИЪ.

Что это значитъ?

СИМСКІЙ, тихо.

Она была тамъ... Она и теперь еще тутъ.

ЛАНДШАФТНИЪ, смѣется.

Кто? Твоя вдовушка?

СИМСКІЙ.

Ну, да!

ЛАНДШАФТНИЪ.

Быть не можетъ.

СИМСКІЙ.

И я воспользовался твоими уроками; все повторялъ ей отъ слова до слова.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Какъ! Этотъ... поцѣлуй...

СИМСКІЙ.

Былъ эхомъ твоего. Я тоже поцѣловалъ ручку.

ЛАНДШАФТНИЪ, хохочетъ.

Это безцѣнно! Это безподобно! Да дай же взглянуть.

СИМСКІЙ.

Нѣтъ, сдѣлай милость.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вотъ дурачество! Я будто нечаянно... (*Отбрасываетъ ширмы.*) Что это значитъ? Никого нѣтъ!

СИМСКІЙ.

Тѣмъ лучше; вѣрно она ушла въ эту дверь.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Потаенная дверь—и заперта. О! о! о!

СИМСКІЙ.

Я рѣшительно влюбился — и непремѣнно женюсь.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ну, не очень торопись. У тебя есть соперникъ.

СИМСКІЙ.

Соперникъ! Кто такой?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Еще навѣрное не знаю, а только догадываюсь.

СИМСКОЙ.

Ну, такъ пусть его поторопится. Завтра же поутру я ѣду къ ней на дачу и сватаюсь. Ты ѣдешь со мною?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Разумѣется. Кто же, какъ не твой менторъ будетъ охранять тебя отъ сѣтей Калипсы.

СИМСКІЙ.

Пойдемъ же въ танцовальную залу; мнѣ еще надобно танцовать съ Любушкой.

ЛАНДШАФТНИЪ.

И ты мнѣ покажешь свою вдовушку.

СИМСКІЙ.

Нѣтъ, не ловко вмѣстѣ придти. Она подумаетъ, что я тебѣ все разсказалъ. Останься на минуту.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Пожалуй; только завтра не уѣзжай безъ меня.

СИМСКІЙ.

Разумѣется (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

ЛАНДШАФТНИЪ, потомъ ЗУБКОВА.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Однако же эта вдовушка должна быть порядочная кокетка. Баронъ ей строитъ куры, Николай въ нее влюбленъ, она прячется за ширмы. Чортъ возьми! Это становится очень любопытно.

ЗУБКОВА, входитъ въ потаенную дверь.

(*За ширмами*). Тутъ ли онъ еще?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Не надобно однако забывать и собственныхъ своихъ дѣлъ; мое объясненіе принято благосклонно. Зинаида проситъ позволенія подумать. Это значитъ: я готова. *(Зубкова бросаетъ черезъ ширмы письмо и ключъ уходитъ.)* Это что? Ключъ! записка! бросили изъ за ширмъ... нѣтъ никого... кому же: Егору Ивановичу Ландшафтину... Мнѣ... «Лизавета Ивановна Зубкова ожидаетъ Егора Ивановича завтра поутру къ себѣ на дачу въ Новой Деревнѣ N 27-й Она проситъ его придти одного и войти черезъ бесѣдку въ саду, отъ которой ключъ присемъ посылается.» Вотъ странность! На что я ей! Это любопытно. А какъ отказаться? Надобно однако взглянуть; вѣрно она танцуетъ съ Николаемъ. *(Хочетъ идти и встрѣчаетъ Симскаго.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЛАНДШАФТИНЪ и СИМСКІЙ, съ букетомъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какъ? развѣ кадриль кончился? Гдѣ же твоя вдовушка?

СИМСКІЙ.

Прелосадно, братецъ, Уѣхала.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какъ уѣхала?...

СИМСКІЙ.

Какъ обыкновенно уѣзжаютъ. Впрочемъ, я все таки самый счастливый человѣкъ: я имѣю наконецъ доказательство любви ея.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Доказательство? Какое?

СИМСКОЙ.

Когда она уѣзжала, Баронъ провожалъ ее; этотъ Баронъ ужасно надоѣлъ ей, у нее былъ въ рукахъ этотъ букетъ, и она его мнѣ отдала.

ЛАНДШАФТИНЪ

Только!

СИМСКІЙ.

Чего же тебѣ больше? Рѣшено! завтра сватаюсь и женюсь.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Завтра?

СИМСКІЙ.

Ты же хотѣлъ ѣхать со мною.

ЛАНДШАФТИНЪ, просебя.

Какъ же теперь сдѣлать? Не ловко ѣхать вдвоемъ...

СИМСКІЙ.

(Находитъ въ букетѣ письмо) Постой! Что я вижу? Въ букетѣ письмо? «Жду васъ завтра поутру къ себѣ на дачу; пріѣзжайте одни;» — Боже мой! Какъ же мнѣ быть?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Послушай, Николай, я сбирался съ тобою ѣхать къ Зубковой. Послушай однако: прилично ли это будетъ?

СИМСКІЙ.

Я тоже объ этомъ думаю. Мы, конечно, друзья; но къ женщинѣ не ловко явиться самъ-другъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Вотъ, когда у васъ будетъ все слажено, — ну, такъ ты меня отрекомендуешь....

СИМСКІЙ.

Разумѣется... завтра... послѣ завтра?...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Или на той недѣлѣ мнѣ все равно. *(Просебя.)* Прекрасно! Поѣду одинъ.

СИМСКІЙ, также.

Безподобно! я одинъ отправлюсь.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ СИЦКАЯ и БАРОНЪ.

БАРОНЪ, входя про себя.

Я въ восторгѣ! Она мнѣ завтра назначила свиданіе!

СИЦКАЯ, входитъ.

Это очень мило! Лизавета Ивановна уѣхала не простясь.

БАРОНЪ.

Она поручила мнѣ извинить ее передъ вами. Я проводилъ ее до кареты, и уѣзжая, она отдала мнѣ этотъ Сакаувражъ, чтобъ возвратить его вамъ. Она его взяла по ошибкѣ.

СИЦКАЯ, беретъ.

Что это значитъ? А! Записка. *(Читаетъ*

тихо); «Пріѣзжай завтра поутру ко мнѣ наслобно сообщить тебѣ важную тайну.» Тайну! Непремѣнно поѣду. Пойдемтеже, господа, въ залу танцовать котильонъ.

ландшафтинъ.

И вы мнѣ позволите ангажировать васъ?

сицкая.

Съ удовольствіемъ. Николя! Пойдемъ же.

(*Музыка котильона; занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Садъ, въ глубинѣ заборъ, въ срединѣ рѣшетка, которая отпирается; направо въ 1-й кулисѣ павильонъ, выходъ изъ коего предполагается за кулисами и входъ со сцены; окно отпирается противъ зрителей. Налѣво бесѣдка изъ зелени и деревьевъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

симскій, потомъ цвѣткова.

симскій, является за рѣшеткой.

Никого еще не видать; боясь опоздать, я, кажется уже слишкомъ рано пріѣхалъ; звонить не смѣю, рѣшетка еще не отперта. Какъ же мнѣ попасть въ садъ! Тамъ бы я притаился гдѣ нибудь, а на улицѣ не ловко. Да что думать? Заборъ невысокъ, прохожихъ никогопѣтъ, долго ли перелѣзть? (*отходитъ отъ рѣшетки.*)

цвѣткова.

Это удивительно! Сегодня весь домъ поднялся ужасно рано. Тетинька въ какомъ-то безпокойствѣ, все посматриваетъ въ окно. Значитъ, ждетъ кого нибудь. Я сама въ такомъ волненіи. Онъ вчера со мною ни разу нетанцовалъ. Можетъ быть, онъ не смѣлъ.. и точно, я читала его повѣсти; всѣ герои его ужасно робки. Вотъ этотъ романъ другое дѣло... я остановилась на самомъ интересномъ мѣстѣ. (*Садится.*)

симскій, на заборѣ.

Вотъ я влѣзъ, остается соскочить.

цвѣткова, читаетъ.

«Она была одна, мрачныя думы волновали ея сердце. Вдругъ страшный шумъ возбудилъ ея вниманіе.»

симскій, соскакиваетъ.

И дѣло кончено!

цвѣткова, роняетъ книгу.

Ахъ!

симскій, про себя.

Боже мой! Любушка!...

цвѣткова.

Николай Павловичъ, это вы.? Да какъ вы сюда попали? Рѣшетка еще заперта.

симскій.

Оттого то я... чтобѣ не обезпокоить васъ... перелѣзъ черезъ заборъ.

цвѣткова.

Да знаетъ ли тетинька, что вы здѣсь?...

симскій.

О, нѣтъ, нѣтъ!... Это было совершенно случайно. Я здѣсь былъ у знакомаго, шелъ мимо, увидѣлъ васъ—и рѣшился....

цвѣткова.

И все это вы для меня сдѣлали?...

симскій.

Для кого же? Кажется, вы здѣсь одни.

цвѣткова.

Это удивительно! вчера на балѣ вы со мною ни слова не говорили.

симскій.

Да столько народу; всѣ смотрятъ, замѣчаютъ... тогда какъ здѣсь я нашелъ случай видѣть васъ наединѣ.

цвѣткова, про себя.

Я напрасно его обвиняла.

симскій, также.

А вѣдь она очень мила въ утреннемъ платьѣ.

цвѣткова.

Боже мой! Сюда идетъ тетинька. Если она насъ увидитъ вмѣстѣ, и Богъ знаетъ, что подумаетъ.

синскій.

Такъ я спрячусь.... бѣгу... но ради Бога, дайте мнѣ случай опять увидѣть васъ. (*Уходитъ за бесѣдку.*)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

цвѣткова, зубкова, потомъ синская.

зубкова.

А, ты здѣсь, Любинька, А я иду отпирать рѣшетку. Зинаида Павловна пріѣхала.

цвѣткова.

Такъ рано?

зубкова.

Мы такъ условились. (*Слуга въ это время отперъ рѣшетку.*)

синская, зарѣшеткою.

Коляска пусть ѣдетъ домой. Я весь день здѣсь пробуду.

цвѣткова.

Хорошо, что Николай ушелъ

зубкова.

Здравствуй, милая. Я ждала тебя съ большимъ нетерпѣніемъ.

синская.

Кажется, раньше этого нельзя. Я никого не встрѣтила; весь Петербургъ спитъ. Ну говори же скорѣе, моя милая; что за секретъ мнѣ хотѣла вѣрить?

цвѣткова.

Секретъ!

зубкова.

Еще успѣемъ... Но кажется, ты сама имѣешь нужду въ повѣренной.

синская.

Не совсѣмъ еще, — а увидимъ: я не скрытна.

зубкова.

Знаю, и почти уже угадала твою тайну. Ты хочешь опять выйти замужъ.

синская.

Богъ вѣсть... художники люди опасные... Ты вѣрно угадала, о комъ я думаю.

зубкова.

Развѣ я не женщина?

синская.

Впрочемъ я не рѣшусь, не посовѣтовавшись съ тобою самымъ серьезнымъ образомъ.

зубкова.

А если я тебя разочарую.

синская.

Да я вовсе и не очарована.

зубкова.

Но если ты его любишь?

синская.

Я буду любить только моего мужа.

цвѣткова.

Какъ бы мнѣ уйти? Николя вѣрно ждетъ меня?...

зубкова, про себя.

Кто-то вошелъ въ павильонъ... вѣрно это онъ.

синская.

Къ чему ты прислушиваешься?

зубкова.

Такъ! мнѣ показалось... Пойдемъ однако въ комнаты... позавтракать.

синская.

Я готова. Какъ хочешь.

лакей отпираетъ окно павильона.

Кажется, кто-то есть въ саду.

синскій, является изъ бесѣдки.

Она еще не одна....

зубкова,

Да! и утренній воздухъ что то сырѣ. (*Уходитъ налѣво.*)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

симскій и ландшафтинъ.

ландшафтинъ, въ павильонѣ.

Ушли! теперь можно выйдти. (*Выходитъ.*)

симскій.

Посмотримъ куда онѣ пошли (*Оба сталкиваются и вскрикиваютъ.*)

ландшафтинъ.

Это ты?

симскій.

Это ты?

ландшафтинъ.

Какимъ образомъ?

симскій.

Какимъ случаемъ?

ландшафтинъ.

Зачѣмъ ты здѣсь?

симскій.

Кажется, я имѣю больше права сдѣлать тебѣ этотъ вопросъ.

ландшафтинъ.

Уменя есть особенныя причины.

симскій.

Какія же?

ландшафтинъ.

Вотъ забавно! Я живописецъ; мнѣ здѣшнія мѣста понравились, и я срисовываю разные виды.

симскій.

Но гдѣ жъ твой картонъ, карандаши?... Я ничего не вижу...

ландшафтинъ.

Я оставилъ у здѣшняго садовника... очень милый Нѣмецъ... и если ужъ надо тебѣ признаться во всемъ, такъ вотъ въ чемъ дѣло. У него прехорошенькая жена, я давно ужъ волочусь за нею, и надѣялся нынѣшнее утро употребить съ пользою.

симскій.

Ну, виноватъ, это дѣло другое... Ты не заѣзжалъ ко мнѣ?

ландшафтинъ.

Заѣзжалъ и тотчасъ догадался, что ты сюда отправился, хоть у меня и вовсе другіе планы, но я увѣренъ былъ, что увижусь съ тобою. Ну, разсказывай же: каково идутъ твои дѣла? Да не хитри, я вѣдь все знаю.

симскій.

Какъ все? И то, что Зубкова мнѣ вчера письмо писала?

ландшафтинъ.

Письмо?

симскій.

И приказала, чтобъ я сегодня поутру явился къ ней, и одинъ. (*Отдаетъ письмо.*) Вотъ оно.

ландшафтинъ.

Это безподобно! Признаюсь!.. Ну, и какъ же она тебя приняла?

симскій.

Я еще не видалъ ее. Все выжидаю, покуда она останется одна.

ландшафтинъ.

Бѣдный Николай! — Ты попалъ въ передѣлъ къ ужасной кокеткѣ. Она тебя дуритъ.

симскій.

Вотъ какой вздоръ! Она меня безъ памяти любитъ.

ландшафтинъ.

Нѣтъ, мой милый; я ужъ знаю двоихъ, которымъ она подаетъ надежды не менѣе тебя.

симскій.

Да быть не можетъ! [illegible] эти ужасные соперники?

ландшафтинъ.

Да вотъ ужъ одинъ подкрадывается.

симскій, увидя идущаго Барона, хохочетъ.

Хорошъ гусь!

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

тѣ же и баронъ, входитъ въ рѣшетку.

баронъ, про себя.

Что это значитъ? Симскій и этотъ живописецъ! Очень странно! (*Изд.*) Господа! Мнѣ

очень пріятно, что я имѣю удовольствіе васъ встрѣтить.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вы вѣрно гуляли по окрестностямъ... Мы съ Николаемъ тоже изъ Строганова саду.

БАРОНЪ.

Понимаю... утренній визитъ... немножко, правда, рано... но Лизавета Ивановна всегда встаетъ рано. Гдѣ она?

СИМСКІЙ.

Мы еще не видали ее.

БАРОНЪ, про себя.

Такъ и есть! Бѣдняжки! Изъ чего они бьются? *(Имъ.)* Да, признаться, вы ужъ слишкомъ рано пожаловали. Я бы вамъ совѣтывалъ зайти часа черезъ два...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да вы-то, Баронъ, кажется, тоже рановато пожаловали; совѣтъ вашъ годился бы и вамъ.

БАРОНЪ.

Извините, господа, это совсѣмъ другое дѣло. Если бъ я смѣлъ объясниться.... Такъ и быть! Мы одни,—и вы люди честные и скромные. Я оттого такъ рано пріѣхалъ, что меня ожидаютъ.

СИМСКІЙ.

Васъ, Баронъ?

БАРОНЪ.

Точно такъ!.. Но если вы хотите, я скажу Лизаветѣ Ивановнѣ, что вы здѣсь. — И она васъ вѣрно приметъ. *(Тихо.)* Уговорю ее, чтобъ она имъ отказала. *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ V.

СИМСКІЙ, ЛАНДШАФТНИЪ.

СИМСКІЙ, хохочетъ.

И этотъ старый сатиръ любезничаетъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Не смѣйся, Николай. Ты еще не знаешь женщинъ. Баронъ старъ и богатъ... Я право тебѣ совѣтую воротиться домой.

СИМСКІЙ.

Да помилуй, ты съ ума сошелъ. Неужто я побоюсь соперничества Барона? Это было бы и глупо и смѣшно.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Ну, такъ есть другой соперникъ, мой милый, который нѣсколько поопаснѣе Барона.

СИМСКІЙ.

Кто же?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Да хоть я.

СИМСКІЙ.

Ты?

ЛАНДШАФТНИЪ, отдаетъ ему письмо.

Прочти.

СИМСКІЙ.

Отъ Лизаветы Ивановны?..

ЛАНДШАФТНИЪ.

Замѣть, что я долженъ придти *одинъ*.

СИМСКІЙ.

Это ужасно! Какая измѣна! И давно ты съ нею знакомъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Я ее отъ роду не видалъ. Но вѣроятно она меня знаетъ; у этихъ женщинъ иногда престранные капризы: слава артиста... тайна... скрытность... любопытство... Кто ихъ разберетъ?

СИМСКІЙ.

Это ни на что не похоже... Ты правъ. Она недостойна нашей любви. Поѣдемъ, мой другъ...

ЛАНДШАФТНИЪ.

Вотъ и видна молодость... Вспылитъ, взбѣсится—и остался въ дуракахъ. Нѣтъ, мой милый, я непремѣнно останусь и докажу ей, что опытные люди умѣютъ обходиться съ кокетками; что я ее самъ проведу и одурачу... она не должна смѣяться надъ нами.

СИМСКІЙ.

Ты правъ: она не должна смѣяться надъ нами.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Я ее заставлю краснѣть. Она увидитъ, что не мы будемъ служить ей забавой, а сами надъ нею позабавимся.

СИМСКІЙ.

Разумѣется!.. Боже мой! Она сюда идетъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Гдѣ она?

СИМСКОЙ.

Вотъ, у пруда? Идетъ задумавшись.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Боже мой! Не ошибаюсь ли я? Возможно-ли? Я пропалъ—это она!

СИМСКІЙ.

Что это значитъ? Что съ токой сдѣлалось!

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ничего, ничего! Останься ты теперь съ нею, подурачь ее немножко,—я пойду, обдумаю весь планъ нашей аттаки.

СИМСКІЙ.

Да нѣтъ, братецъ, не уходи... Я при тебѣ буду смѣлѣе изобличать ее.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Не ловко, mon cher, двое противу одной—это даже невеликодушно.

СИМСКІЙ.

Какой вздоръ! Вѣдь она обоихъ же насъ хотѣла дурачить. *(Держитъ его во все это время.)*

ЛАНДШАФТИНЪ.

Попался же я!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И ЗУБКОВА.

ЗУБКОВА.

Ахъ, это вы, Николай Павловичъ. Баронъ мнѣ сказалъ, что вы сдѣлали мнѣ честь... А это, конечно, Егоръ Ивановичъ Ландшафтинъ?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Точно такъ! Это я!..

СИМСКІЙ.

Вы вѣрно удивлены, Лизавета Павловна, что мы здѣсь оба и вмѣстѣ..

ЗУБКОВА.

О нѣтъ! Я этого ожидала, и даже все устроила такимъ образомъ....

СИМСКІЙ.

Въ такомъ случаѣ, я еще больше удивленъ. Если бъ я смѣлъ спросить, что все это значитъ?

ЗУБКОВА.

Вы, конечно, не можете понять связи всего происшествія; но Егоръ Ивановичъ, кажется, можетъ растолковать вамъ все это гораздо лучше.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Вы напрасно на меня осыдаетесь, Лизавета Ивановна... Я самъ не понимаю, какъ это все случилось.

СИМСКІЙ.

Да, Лизавета Ивановна, признаюсь, при всей моей преданности и уваженіи къ вамъ, я не могу растолковать себѣ, что это значитъ: эти двойныя письма, эти свиданія съ обоими.

ЗУБКОВА.

Свиданія! Вы очень ошибаетесь, Николай Павловичъ! Кто вамъ сказалъ, что я вамъ назначаю свиданія? Это ужъ слишкомъ самолюбиво съ вашей стороны. Вы просили у меня позволенія пріѣхать ко мнѣ и объясниться о чемъ то — и я согласилась; но вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣла, чтобъ кто нибудь былъ при этомъ. Я знала, что вы въ тѣсной дружбѣ съ Егоромъ Ивановичемъ — и просила его пожаловать ко мнѣ. Хотя я и не имѣла чести знать его,— но столько наслышалась о его прекрасныхъ и постоянныхъ правилахъ, что, кажется, не могла сдѣлать лучшаго выбора.

ЛАНДШАФТИНЪ, про себя.

У нее чертовское присутствіе духа.

ЗУБКОВА.

Что же касается до таинственности, съ которою я передала вамъ мои записки, ее очень легко понять. Если бъ я просила васъ обоихъ пріѣхать ко мнѣ, то, можетъ быть, ни одинъ бы не пріѣхалъ, а теперь я увѣрена была, что самолюбіе, сродное всѣмъ мужчинамъ, приведетъ васъ непремѣнно сюда, — и кажется, что расчетъ мой былъ вѣренъ. Мнѣ особливо очень пріятно знакомство съ Егоромъ Ивановичемъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Теперь я въ совершенныхъ дуракахъ.

СИМСКІЙ.

Я не знаю, гдѣ найти словъ, чтобъ извиниться передъ вами, и чтобъ выразить мое раскаяніе! Но вы знаете мои къ вамъ чувства! Я хотѣлъ, я намѣренъ былъ сдѣлать вамъ вопросъ... предложеніе, отъ котораго зависитъ участь всей моей жизни.

ЗУБКОВА.

Вы меня пугаете. Боже мой! Въ чемъ же дѣло?..

СИМСКІЙ.

Я хотѣлъ: если бъ я смѣлъ просить руки вашей...

ЗУБКОВА.

Какъ! Сватовство! И вы не шутите?

СИМСКІЙ.

Какой вопросъ! Я какъ преступникъ жду своего приговора...

ЗУБКОВА.

Послушайте, я не хочу ни огорчать васъ отказомъ, котораго вы по искренности чувствъ не заслужили, ни подавать вамъ надежды, которыхъ исполненіе, Богъ знаетъ, будетъ ли зависѣть отъ нашей воли. Но вы совѣтовались ли съ своею сестрою? Вы знаете, какъ она васъ любитъ. Ваши друзья, которымъ вы вѣрите, одобрятъ ли вашъ выборъ? Вотъ, напримѣръ, первый Егоръ Ивановичъ, согласится ли онъ дать свое благословеніе на этотъ союзъ?

ЛАНДШАФТНЫЙ.

Помилуйте, Лизавета Ивановна... Вы знаете, что я... *(Про себя.)* Прекрасную роль я играю.

СИМСКІЙ.

Вы, конечно, шутите, Лизавета Ивановна. Я, конечно, очень друженъ съ Егоромъ Ивановичемъ; но власть его надо мною не простирается до того, чтобъ рѣшать подобныя вещи. Все зависитъ отъ васъ, отъ вашей воли, отъ вашего сердца.

ЗУБКОВА.

Едва ли мы съ вами это рѣшимъ. И такъ какъ Егоръ Ивановичъ случился при такомъ важномъ разговорѣ, то я хоть изъ любопытства желала бы знать его мнѣніе.

ЛАНДШАФТНЫЙ.

Если вы ужъ непремѣнно хотите знать его, то я откровенно скажу, что вы несправедливо поступите, если откажитесь отъ этого замужства. Если вы вдова, если вы ни отъ кого не зависите, то могу увѣрить васъ, что лучшаго мужа, какъ другъ мой Николай, вы не скоро найдете.

ЗУБКОВА, про себя.

А! И онъ началъ шутить.

СИМСКІЙ

О, ради Бога! Не мучьте меня, рѣшите мою судьбу.

ЗУБКОВА.

Я право не знаю; но совѣтъ вашего друга такъ хорошъ и съ такою искренностію данъ, что я, право, готова была бы повиноваться ему.

СИМСКІЙ, на колѣнахъ.

Я счастливѣйшій человѣкъ! *(Цѣлуетъ руку.)*

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И СПИЦКАЯ.

СПИЦКАЯ.

Что я вижу?

СИМСКІЙ.

Сестра!

СПИЦКАЯ.

И Егоръ Ивановичъ.

ЛАНДШАФТНЫЙ.

Я въ качествѣ свидѣтеля.

ЗУБКОВА.

Какъ я рада, что ты пришла, милая Зинаида...

СИМСКІЙ.

Порадуйся, сестра, моему счастію: Лизавета Ивановна согласилась выйти за меня замужъ.

ЗУБКОВА.

По крайней мѣрѣ всѣ мнѣ это совѣтуютъ... Егоръ Ивановичъ особенно такъ краснорѣчиво говорилъ въ пользу своего друга...

СИМСКІЙ.

И я постараюсь ему доказать свою благодарность. Если онъ уговоритъ Лизавету Ивановну, то я берусь еще съ большимъ жаромъ холатайствовать за него. Милая Зинаида вѣрно заплатитъ за брата дань благодарности.

ЗУБКОВА.

Какъ? Егоръ Ивановичъ также собирается жениться? Это прекрасно!

ЛАНДШАФТИНЪ, про себя.

Этотъ болтунъ испортитъ все.

СИМСКІЙ.

Да, Лизавета Ивановна, Другъ мой давно уже любитъ Зинаиду, и если не ошибаюсь, то и она къ нему не равнодушна...

СПИСКАЯ.

Да скажите пожалуйста, что у васъ за сцена? Комедію мы играемъ, что ли?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Я увѣренъ, что Зинаида Павловна поступитъ великодушнѣе и не будетъ шутить надъ моею любовью.

СПИСКАЯ.

Напротивъ, я поступлю такъ же, какъ моя подруга. Она убѣдилась совѣтомъ Егора Ивановича, а я послѣдую ея совѣту.

СИМСКІЙ.

Въ такомъ случаѣ, другъ мой будетъ счастливъ; Лизавета Ивановна изъ любви ко мнѣ должна уговорить тебя, сестрица: составить счастіе Ландшафтина.

ЗУБКОВА.

Если Егоръ Ивановичъ не находитъ никакого препятствія...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ни малѣйшаго: моя любовь къ Зенаидѣ Павловнѣ такъ сильна, что я не въ силахъ выразить.

ЗУБКОВА, про себя.

Насмѣшка! О, я отмщу за себя.

ЛАНДШАФТИНЪ, про себя.

Она бѣсится... прекрасно!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И БАРОНЪ.

БАРОНЪ.

Если я не помѣшалъ...

СПИСКАЯ.

Напротивъ, Баронъ, мы васъ изумимъ печальными повостями.

БАРОНЪ.

Ахъ, Боже мой! Скажите скорѣе.

СПИСКАЯ.

У насъ будутъ скоро двѣ свадьбы!

ЛАНДШАФТИНЪ.

Зинаида Павловна согласилась выйти за меня.

БАРОНЪ.

Вотъ что!

СИМСКІЙ.

А Лизавета Ивановна за меня.

БАРОНЪ.

Какъ такъ? А я то что?

СИМСКОЙ.

Немножко опоздали...

БАРОНЪ.

Ошибаетесь, молодой человѣкъ, я еще въ состояніи найти себѣ невѣсту — и вы это увидите... Да гдѣ же Любовь Ивановна?

СПИСКАЯ.

Бѣгаетъ за бабочками...

БАРОНЪ.

Побѣгу же и я къ ней. *(Уходитъ.)*

ЗУБКОВА.

А мы пойдемъ въ комнаты. Здѣсь становится жарко. *(Уходятъ обѣ съ Симскимъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ЛАНДШАФТИНЪ, ОДИНЪ.

Моя жена! Я у жены своей въ гостяхъ! Жена, у которой пѣтъ мужа, которая живетъ подъ чужимъ именемъ... которая выдаетъ себя за вдову... конечно, и я не остался въ долгу... умеръ женатымъ, и воскресъ холостымъ... Мы почти квитъ

можетъ быть она думала, что я брошусь къ ея ногамъ и буду просить прощенія... что, можетъ быть, ревность заставитъ меня съ нею сблизиться... Какой вздоръ! Чтобъ я былъ ревнивъ!.. артистъ!.. Надо однако же отдать ей справедливость,— она очень похорошѣла... у ней такое присутствіе духа... такъ много живости ума... право удивительно!.. По всему видно, что она счастлива... она вовсе обо мнѣ не жалѣетъ... Она почитала меня мертвымъ и утѣшилась. *(Ходитъ въ безпокойствѣ.)* Это въ порядкѣ вещей... Даже очень вѣроятно, что мое внезапное возвращеніе разрушаетъ ея планы. Что же? Смѣшно же мнѣ играть роль докучливаго мужа. Это ужъ нынче не въ модѣ... Конечно, обидно, что она вовсе мною незанимается... она должна искать случая поговорить со мною, объясниться... Она знаетъ что я здѣсь одинъ, очень ясно, что она меня больше не любитъ... тѣмъ лучше... Мнѣ надоѣли и прежнія нѣжности... Да изъ чего хлопотать? Гораздо лучше разойтись, чѣмъ мучить другъ друга... постой кто то идетъ. Неужели она!.. Нѣтъ Симскій! чортъ его принесъ! Очень нужно.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛАНДШАФТИНЪ и СИМСКІЙ.

СИМСКІЙ.

Ахъ, ты здѣсь! Я тебя вездѣ ищу.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ну, что новаго!

СИМСКІЙ.

Погибъ и готовъ застрѣлиться...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Это отъ чего? Неужели твоя вдовушка...

СИМСКІЙ.

Какая братецъ, вдовушка! Она за-мужемъ. Она разсказала мнѣ почти сквозь слезы всю свою исторію... Это ужасно, она за-мужемъ!

ЛАНДШАФТИНЪ.

И сквозь слезы! О чемъ же она сокрушалась?.. О своемъ мужѣ?..

СИМСКІЙ.

Э, братецъ, совсѣмъ нѣтъ! Есть о чемъ тосковать! Какой то негодяй, повѣса, бросилъ ее, уѣхалъ и гдѣ-то погибъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какъ погибъ!

СИМСКІЙ.

Да!.. Она по крайней-мѣрѣ такъ думала, по всѣмъ извѣстіямъ, самымъ достовѣрнымъ. Вдругъ ее увѣдомляютъ, что онъ живъ, воротился и здѣсь...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какія чудеса!

СИМСКІЙ.

Да это еще не все; тутъ еще есть тайна, которую она не открыла, но о которой она только намекнула...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Что жъ еще?

СИМСКІЙ.

Да, кажется, она, надѣявшись на смерть перваго мужа, вышла ужъ за втораго.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какъ за втораго! За кого же?

СИМСКІЙ.

Не знаю... Но перебирая въ умѣ своемъ всѣхъ ее знакомыхъ, мнѣ въ голову приходитъ Баронъ.—Онъ сегодня такъ рано былъ здѣсь... и съ такою услужливостію предлагалъ свою протекцію...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Чего добраго!.. А онъ годится въ мужья: богатъ, хилъ и покоренъ... Но нѣтъ, быть не можетъ! Это вѣрно новая хитрость...

СИМСКІЙ.

Что жъ мнѣ дѣлать?

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ и ЦВѢТКОВА.

ЦВѢТКОВА.

Какъ я рада, что ушла отъ несноснаго старика...

ЛАНДШАФТИНЪ.

Отъ кого это, Любовь Павловна?

ЦВѢТКОВА.

Отъ Барона. Привязался ко мнѣ, чтобъ вмѣстѣ со мною ловить бабочекъ.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Хорошъ гусь... онъ и до молоденькихъ бабочекъ добирается...

ЦВѢТКОВА.

А вы что жъ здѣсь, господа, дѣлаете?... Николай Павловичъ, вы что-то разстроены; не случилось ли съ вами чего нибудь?

СИМСКІЙ.

Нѣтъ, ничего-съ!...

ЦВѢТКОВА.

Какъ ничего? Это сейчасъ по лицу видно... не правда ли, Егоръ Ивановичъ? Посмотрите на него.

ЛАНДШАФТНИЪ.

Что и смотрѣть! Я понимаю все состояніе души его; впрочемъ въ его лѣта не мудрено: сердце такъ живо чувствуетъ. Пожалѣйте о немъ—онъ въ отчаяніи; ему нѣтъ никакого спасенія; развѣ вы возьметесь его вылечить.

ЦВѢТКОВА.

Я? да какимъ же образомъ?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Самымъ простымъ. Выйдите за него замужъ; онъ смертельно влюбленъ въ васъ.

ЦВѢТКОВА, про себя.

Бѣдный молодой человѣкъ! Какъ же я напрасно его обвиняла.

СИМСКІЙ.

Что ты говоришь?

ЛАНДШАФТНИЪ.

Что ужъ скрывать, другъ мой... я не въ силахъ былъ видѣть долѣе твоихъ страданій—я долженъ былъ все открыть. При томъ же у тебя скоро не будетъ вѣрно твоего повѣреннаго: я скоро уѣду отсюда, и Богъ вѣсть, увидимся ли мы въ здѣшней жизни... Будь счастливъ, другъ мой, ты достоинъ лучшей участи. Любовь Павловна будетъ тебя любить вѣрно, искренно во всю твою жизнь; когда же ты умрешь, то не приходи назадъ съ того свѣта—это самая ужасная минута для мнимыхъ вдовъ До свиданія. Останься здѣсь, я сейчасъ возвращусь. *(Уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

СИМСКІЙ и ЦВѢТКОВА.

СИМСКІЙ,

Что съ нимъ сдѣлалось? Что онъ тутъ наговорилъ?..

ЦВѢТКОВА.

Ахъ, Боже мой, да на него нашло! Часто съ нимъ это случается?

СИМСКІЙ.

О нѣтъ, все это вѣрно шутка... только я не могу понять ее.

ЦВѢТКОВА.

Сперва онъ началъ такъ умно говорить...

СИМСКІЙ.

Онъ просилъ васъ излечить мою болѣзнь...

ЦВѢТКОВА.

Какую?

СИМСКІЙ.

Онъ вамъ открылъ ее...

ЦВѢТКОВА.

Да отъ чего вы такъ печальны и разстроены?...

СИМСКІЙ.

Я не знаю, раздѣлите ли вы мои чувства?..

ЦВѢТКОВА.

Такъ вамъ давно бы стоило спросить... — и вы бы перестали терзаться и мучиться.

СИМСКІЙ.

Что я слышу? Какъ я счастливъ! *(Цѣлуетъ руку.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ и БАРОНЪ.

БАРОНЪ, про себя.

Какъ, и здѣсь свиданіе, поцѣлуй... Кончено! На мою долю изъ трехъ не остается ни одной.

ЦВѢТКОВА.

Ахъ! Баронъ!..

БАРОНЪ.

Извините, я помѣшалъ

СИМСКІЙ.

Напротивъ, вы, какъ общій другъ нашъ, порадуетесь моему счастію: Любовь Пав-

ловна меня любитъ и соглашается за меня выйти.

БАРОНЪ.

Какъ, теперь ужъ племянница, а давича тетка? Что жъ это значитъ?

СИМСКІЙ.

Помилуйте, это была шутка, которую ваша скрытность заслуживала. Кто жъ не догадается, что вы и Лизавета Ивановна давно соединены узами счастливаго союза.

БАРОНЪ.

Какъ! Я мужъ Лизаветы Ивановны?

СИМСКІЙ.

И потому-то прошу вашего согласія на мой бракъ съ Любовью Павловной.

БАРОНЪ.

Никакъ здѣсь всѣ рехнулись. Да кто вамъ сказалъ, что я мужъ Лизаветы Павловны.

СИМСКІЙ.

Она сама дала мнѣ это почувствовать.

БАРОНЪ.

А теперь, я понимаю. Она наконецъ рѣшилась выйти замужъ за меня. Какъ я вамъ благодаренъ за это извѣстіе.

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, ЗУБКОВА И СИЦКАЯ.

БАРОНЪ.

Ахъ! Лизавета Ивановна, Правда ли, что вы наконецъ согласились на мое счастіе?

ЗУБКОВА.

Что вы хотите сказать, Баронъ?

БАРОНЪ.

Николай Павловичъ, котораго я почиталъ своимъ соперникомъ, женится на Любовь Павловнѣ, и объявилъ мнѣ, что вы согласились выйти за меня.

СИЦКАЯ.

Какъ, братецъ, ты женишься?

СИМСКІЙ.

И просилъ согласія Барона, какъ дяди Любовь Павловны.

БАРОНЪ.

Подтвердите, Лизавета Ивановна, мое счастіе.

ЗУБКОВА.

На это нужно еще одного свидѣтеля. Гдѣ Егоръ Ивановичъ.

ЦВѢТКОВА.

Ахъ, тетинька, съ нимъ сдѣлалось что-то странное: онъ, кажется, съ ума сошелъ.

ВСѢ.

Съ ума сошелъ!

СИМСКІЙ.

Помилуйте, онъ здѣсь въ павильонѣ. Это была шутка. *(Входя въ павильонъ.)*

ЗУБКОВА, про себя.

Неужели раскаивается.

СИМСКІЙ, выходитъ.

Его тамъ нѣтъ; но вотъ письмо, которое я нашелъ...

СИЦКАЯ.

Вѣрно ко мнѣ! Подай... *(Читаетъ.)* «Какъ выразить тебѣ мои чувства, мой единственный безцѣнный другъ! Ты была одна въ мірѣ женщина, которую я истинно любилъ.»— Такъ точно, это ко мнѣ; но слогъ слишкомъ фамильяренъ.

ЗУБКОВА.

Продолжай, продолжай.

СИЦКАЯ.

«Я конечно виновенъ, я преступникъ; но и ты должна ли была поступить со мною такъ жестоко! Да, другъ мой, Лиза!...»

ВСѢ.

Лиза!!!

СИЦКАЯ, отдавая ей.

Такъ это къ тебѣ.

ЗУБКОВА, продолжаетъ.

«Ты повергла насъ обоихъ въ бездну величайшихъ несчастій; если я былъ преступнымъ мужемъ, то и ты поступила, какъ легкомысленная жена...

ВСѢ.

Жена!!!

ЗУБКОВА.

Прощай! Я ѣду въ Америку, и положу преградою между нами цѣлый океанъ. Прощай. «Боже мой! Какое несчастіе! Что теперь дѣлать? Друзья мои, бѣгите, остановите его, возвратите мнѣ! Скажите ему... *(Увидя его.)* Вотъ онъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и ландшафтинъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Да, милая Лиза, это я! Съ посохомъ странника явился къ тебѣ, чтобъ въ послѣдній разъ проститься. Я удалюсь на дикіе берега Ориноко, и въ пустыняхъ дикой природы буду оплакивать свое несчастіе и свои проступки. Съ полнымъ презрѣніемъ въ жизни, встрѣчу я теперь кинжалы убійцъ и дикарей; прости, мой другъ, милая, безцѣнная Лиза. Я не хочу мѣшать твоему счастію. Знаю твою страсть къ достойнѣйшему и благороднѣйшему человѣку. Приближьтесь, молодой человѣкъ *(подводитъ Барона)* и примите изъ рукъ моихъ супругу и мое благословеніе.

ЗУБКОВА, начинаетъ хохотать.

(За нею начинаютъ Спикая потомъ Спикій и Цвѣткова, баронъ смотритъ на всѣхъ съ изумленіемъ.

БАРОНЪ.

Рѣшено! Они всѣ съ ума сошли?

ЗУБКОВА, мужу.

Какъ, и ты, злодѣй, смѣешься?

ЛАНДШАФТИНЪ.

Ты начала, и мудрено же мнѣ было отстать отъ такой дружеской компаніи.

ЗУБКОВА.

Сознайтесь же, сударь, что вы извергъ.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Пожалуй, если тебѣ это нужно.

СПИКАЯ.

Но прежде всего, вы, кажется, должны бы были просить у меня прощенія.

ЛАНДШАФТИНЪ.

Какая вамъ польза не простить меня: я былъ холостой мужъ.

ЗУБКОВА.

А я замужняя вдова.

БАРОНЪ.

А я то что? *(Всѣ смѣются. — Завѣса опускается.)*

СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ,

ИЛИ

БИВАКИ ВЪ САВОЛАКСѢ.

ВОЕННЫЙ АНЕКДОТЪ ИЗЪ ФИНЛЯНДСКОЙ КАМПАНІИ, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ЭПИЛОГОМЪ.

Соч. Николая Полевого.

Посвящено Ѳаддею Венедиктовичу Булгарину.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Пламеновъ, полковникъ уланскаго полка
Звѣздовъ, адъютантъ полковой.
Лонинскій, Баубенцопфъ, Мустафинъ, Мотыльковъ, Булгаровъ, } уланскіе офицеры.
Пламеновъ, корнетъ, сынъ полковника.
Зарубаевъ, Штыковъ } унтеръ офицеры.
Прибоевъ, Кремневъ } уланы.
Густавъ Крузе, богатый поселянинъ.
Христина, жена его.
Эрихъ, сынъ ихъ.
Маргарита, племянница.
Христіанъ Кауце, поселянинъ.
Староста селенія
Уланы, пѣсенники, крестьяне и крестьянки.

Дѣйствіе въ Финляндіи, въ Саволакской области, во время войны со Шведами.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Уланскій бивакъ. Дикое мѣстоположеніе; лѣсъ, вдали озеро и горы; нѣсколько палатокъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

При открытіи занавѣса слышна Русская пѣсня; въ срединѣ полковые пѣсенники хоромъ поютъ: «Не одна-то во полѣ дорожинька!» Уланы въ разныхъ положеніяхъ; въ сторонѣ котелъ и варятъ кашу; налѣво Баубенцопфъ, Мотыльковъ и другіе офицеры сидятъ за бутылками на землѣ, курятъ, играютъ въ карты; Булгаровъ въ сторонѣ; Лонинскій сидитъ задумчиво съ трубкою. — Около котла Зарубаевъ, Штыковъ, Прибоевъ, Кремневъ чистятъ амуницію; хоръ пѣсенниковъ кончитъ веселою пѣснею.

БАУБЕНЦОПФЪ.

Браво, ребята, браво! Потѣшили! Что ты смѣешься, Мотыльковъ?

МОТЫЛЬКОВЪ.

А то, что тебя, Нѣмца, тѣшитъ русская пѣсня.

БАУБЕНЦОПФЪ.

Нѣмца! Да что я за Нѣмецъ?

МОТЫЛЬКОВЪ.

Да, кажется, тебя зовутъ Генрихъ Готлибъ Баубенцопфъ, а это имя не русское.

БАУБЕНЦОПФЪ.

Вотъ вздумалъ по именамъ людей разбирать! Неужели тотъ и Русскій, кто Сидоръ да Ѳома? Ты спрашивай у моего сердца, да у моей сабли: чье ты? чья ты? — *Русское, Русская!* скажутъ они тебѣ.

МОТЫЛЬКОВЪ.

Ты дерешься по-русски, правда, — а все таки твое имя нѣмецкое.

БУБЕНЦОПФЪ.

Вотъ еще: *Нѣмецкое*! *Нѣмецкое*! — задалось одно! Хочешь ли, я тебѣ докажу, что и по имени-то я Рускій? Эй, Штыковъ!

ШТЫКОВЪ, вытягиваясь.

Что прикажете, В. Б?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Какъ, братецъ, меня зовутъ?

ШТЫКОВЪ.

Вы, В. Б., г-нъ ротмистръ Бубенцовъ.

(Офицеры хохочутъ.)

ВСѢ.

Браво, браво! Бубенцовъ!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Ну, а имя мое какъ?

ШТЫКОВЪ.

Андрей Карлычъ, В. Б!...

(Опять хохочутъ.)

БУБЕНЦОПФЪ.

Вотъ видишь: я Андрей Карлычъ Бубенцовъ, и подъ этимъ именемъ спроси у каждаго улана, такъ всякій меня знаетъ; а то взлумалъ тамъ — Генрихъ Готтлибъ Баубенцопфъ. Здоровье ротмистра Бубенцова!

ВСѢ.

Здоровье Бубенцова!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Слушай, Штыковъ: какъ ты думаешь, что я — Нѣмецъ али Рускій?

ШТЫКОВЪ.

Не могимъ знать, В. Б...!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Говори, дуралей!

ШТЫКОВЪ.

Да опо, то есть, смѣемъ доложить, В. Б., мы всѣ дѣти Адамовы, такъ оно, то есть, такъ сказать, если позволите, В. Б. Нѣмецкій пирогъ съ Русской начинкой. Просимъ прощенія.

(Общій хохотъ.)

БАУБЕНЦОПФЪ.

Ступай! (*Штыковъ опять садится къ котлу.*) Что? убита? Ну, чортъ съ ней! Идетъ еще! У нашей матушки Руси, братецъ, видишь, ужь такая натура: все переваривастъ въ себѣ. И Нѣмецъ ли, Татаринъ ли, полъ русскимъ небомъ, да въ русскомъ снѣгу, все закаливается въ булатное нячко — *Рускій*!

МУСТАФИНЪ.

Правда. Вотъ и мой прапрадѣдъ былъ какой то мурза Саламалыкъ, а у меня въ груди бьется русское сердце.—Съ угломъ! Пароли па пе!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Вотъ, посмотри, и Финляндія—черезъ немного лѣтъ ты увидишь, что каждый Финляндецъ будетъ также стоять за Русскаго Царя, какъ чистый Рускій.

МОТЫЛЬКОВЪ.

Ну, покамѣстъ, они стоятъ за себя, и—охъ! нелегко намъ достается эта ледяная земля.

МУСТАФИНЪ.

Да, Шведы молодцы драться.

БАУБЕНЦОВЪ.

То-то и славно, чортъ побери! Что за охота возиться съ какими нибудь тамъ... хмъ! что при первомъ ядрѣ пардонъ кричатъ... А то грудь на грудь, сабля на саблю, штыкъ на штыкъ! Финляндія стоитъ быть Русскою — ужь не отобьется!

МУСТАФИНЪ.

Славная земля! Лѣсу, каменьевъ, озеръ, снѣгу — пропасть!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Да, есть кой-какіе недостатки. Вотъ, напримѣръ, винца въ ней мало. Всѣмъ деревня не выйдетъ. Хлѣба много, такъ поле далеко.

МОТЫЛЬКОВЪ.

А Финляндскія красавицы? — О, онѣ восхитительны...

МУСТАФИНЪ.

Это не по твоей части — спроси у Булгарова. Эй, Булгаровъ! Что ты тамъ? Поди, братецъ, о красавицахъ рѣчь. — Выпей, поставь бубновую... Что ты тамъ философствуешь?

БАУБЕНЦОПФЪ.

А что теперь твоя бубновая краля, Булгаровъ?

БУЛГАРОВЪ.

Что такое?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Каково плутъ дѣлишки по купидоновой части? Что твоя краснощекая Фридерика?

БУЛГАРОВЪ.

Измѣнница! Только что мы изъ Тавастгуса, а опа и обвѣнчалась съ какимъ то баккалавромъ философіи—помните: рыженькій, чухна такой, которому я обрубилъ было уши!

МУСТАФИНЪ.

Вотъ, братецъ, каковы женщины! Атанде! Идетъ! Такъ ты пишешь ей прощальную элегію? Ха, ха, ха! А Булгаровъ на это молодецъ...

БАУБЕНЦОПФЪ.

Да и чисто рубитъ, хоть еще порохомъ не совсѣмъ просолился. Здоровье докторши философіи Фридерики фонъ... какъ ее?

ВСѢ.

Здоровье Фридерики!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Поставь, Булгаровъ.

БУЛГАРОВЪ.

Не хочу. Смотри: что за природа, что за вечеръ — чудо! Я пьянъ восторгомъ поэзіи.... вчера проигралъ все до копѣйки!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Ахъ, вы молокососы! Природа, вечеръ! Хорошо чувствовать красоты природы, когда онѣ слиты въ стаканѣ. — Вечеръ хорошъ за карточнымъ столомъ, ночь на бивакѣ, а утро въ чистомъ полѣ съ саблей въ рукѣ... А что, въ самомъ дѣлѣ, братцы — выражаетесь вы, молодежь!

МОТЫЛЬКОВЪ.

Право?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Ну, какъ же? Гдѣ тѣ славные удальцы, что такъ же умѣли славно попить, какъ и подраться, спорили за первую карту, цаловались послѣ порядочной царапины саблей, а послѣ шестой бутылки могли по ниткѣ пройти не покачнувшись? Вѣчная память вамъ, товарищи! За здоровье тѣхъ, кто такъ же любитъ стаканы, какъ саблю.

МУСТАФИНЪ.

А слышалъ ли ты новую пѣсню нашего Дениса Давыдова о старыхъ гусарахъ?

БАУБЕНЦОПФЪ.

О старыхъ гусарахъ? Денисъ славный малый. Даромъ что молодъ, а старый уланъ дружески пожметъ ему руку... Да гдѣ ему знать наше старинное гусарское житье-бытье?

МОТЫЛЬКОВЪ.

Хочешь ли, и тебѣ спою его новую пѣсню?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Послушаемъ.

МОТЫЛЬКОВЪ, поетъ.

Гдѣ друзья минувшихъ лѣтъ,
Гдѣ гусары коренные,
Предсѣдатели бесѣдъ,
Собутыльники сѣдые?
Дѣды! помню васъ и я,
Испивающихъ ковшами,
И сидящихъ вкругъ огня
Съ красносизыми носами!

ВСѢ.

Браво, браво!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Хорошо, ладно! Далѣе!...

МОТЫЛЬКОВЪ.

Не припомню всего.
Трубки черныя въ зубахъ;
Всѣ безмолвны — дымъ гуляетъ
На закрученныхъ вискахъ
И въ усахъ перебѣгаетъ.
Ни полслова — дымъ столбомъ,
Ни полслова — всѣ мертвецки
Пьютъ, и въ прахъ склонясь челомъ,
Засыпаютъ молодецки!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Правда. Мы любили придержаться чарочки.

МОТЫЛЬКОВЪ.

Но едва проглянетъ день,
Каждый по полю летаетъ;
Киверъ звѣрски на бекрень,
Мептикъ съ вихрями играетъ!
Конь кипитъ подъ сѣдокомъ,
Сабля свищетъ, врагъ валится;
Бой умолкъ и — вечеркомъ
Снова ковшикъ шевелится!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Ладно, ловко! Ай, да Денисъ!

МОТЫЛЬКОВЪ.

А теперь что вижу? Страхъ!
И гусары въ модномъ свѣтѣ.
Въ вицъ-мундирахъ, въ башмакахъ
Вальсируютъ на паркетѣ.
Говорятъ, умнѣй они —
Но что слышимъ отъ любова?
«Жомини», да «Жомини»,
А объ водкѣ ни полслова..

ВСѢ.

Браво! Молодецъ! За Дениса Давыдова!

БАУБЕНЦОПФЪ.

За него пить всѣмъ! Лопинскій! Булгаровъ!

ЛОПИНСКІЙ.

За него и я не откажусь. Храбрый Денисъ!

Если ты живъ еще — здоровье твое, а если ты ужь тамъ—миръ тебѣ, храбрый!.. (*Булгарову*) Чокнемся, Булгаровъ!

БУЛГАРОВЪ.

Что съ тобой сдѣлалось, Лопинскій? Ты что-то такъ печаленъ?

ЛОПИНСКІЙ.

Самъ не знаю. Такая тоска, такая грусть...

БУЛГАРОВЪ.

Другъ! что такое? Говори! Развѣ...

ЛОПИНСКІЙ.

Право, ничего! Всѣ мои здоровы. Вчера только получилъ я письмо отъ моей невѣсты, и какое письмо! Но.....

БУЛГАРОВЪ.

Но?

ЛОПИНСКІЙ.

Какъ будто тяжелый сонъ какой давитъ мнѣ грудь. Самъ не знаю, что за грусть такая! Кажется, я здоровъ.

БАУБЕНЦОПФЪ.

Грусть! Что за грусть у уланъ? Тони ее въ винѣ, заплясывай до смерти на балѣ...То то и есть хвастуны вы, молодежь! Драться съ вами пойдешь, какъ будто и прежніе уланы и гусары, а на бивакѣ васъ тоска беретъ: стихи пишутъ, вздыхаютъ... Мы французить по вашему не умѣли; рубиться могли не хуже вашего — а ужь разгулье... Все трынъ-трава! —Дайте-ко я вамъ спою нашу старую притомашную пѣсню... Хмъ!—Эхъ! голосу-то нынче нѣтъ...

ВСѢ, вскакиваютъ.

Пѣсню, пѣсню! Бубенцовъ будетъ пѣть пѣсню!

БАУБЕНЦОВЪ.

Что налетѣли? Послушали бы меня прежде.

МОТЫЛЬКОВЪ.

Подъ Очаковомъ? Да, мы дополнимъ воображеніемъ! Пойте, ротмистръ!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Слушайте же!

Уланы, братцы, молодцы,
Рубаки! Чортъ возьми мнѣ душу
Я съ вами, други, удальцы.
Я съ вами чорта не потрушу!

ВСѢ.

Браво! Славно!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Тотъ не уланъ... вотъ, такъ сказать...
Кто пить, какъ драться, не умѣетъ,
Врагу затѣетъ уступать,
И на пирушкѣ охмелѣетъ!

ВСѢ.

Ура! Славно! Ай, ротмистръ?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Чудо? А вѣдь сухая ложка ротъ деретъ. Дайте приложиться!

ВСѢ

Вина, вина ротмистру!

БАУБЕНЦОПФЪ.

Друзья, потопу не бывать;
Пусть только хлынетъ онъ пастоемъ...
Виномъ и ромомъ..... что зѣвать?
Запьюсь — а ужъ не буду Ноемъ!

(Выпиваетъ стаканъ.)

ВСѢ.

Славно, ротмистръ! Чудо! Хорошо! Докапчивайте

БАУБЕНЦОПФЪ.

Развѣ начать снова?... Э!... Да, вонъ, кажется, идутъ допѣвать нашу пѣсню иначе.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ и АДЪЮТАНТЪ. Офицеры окружаютъ его.

МУСТАФИНЪ.

Что новаго?

МОТЫЛЬКОВЪ.

Ты что-то угрюмо смотришь?

АДЪЮТАНТЪ.

Опять такія непріятныя вѣсти...

ВСѢ.

Что такое? Что такое?

АДЪЮТАНТЪ.

Тише, господа! Полковникъ не велѣлъ тревожить солдатъ.

БАУБЕНЦОПФЪ, не вставая съ мѣста.

А развѣ что нибудь есть на свѣтѣ, чѣмъ русскаго солдата можно потревожить? Выпали надъ нимъ изъ пушки въ первосонокъ, такъ онъ подумаетъ: не комаръ ли пищитъ.

АДЪЮТАНТЪ.

Мы въ большой опасности быть отрѣзанными. Дѣло Каменскаго съ Клингспоромъ было нерѣшительно.

БАУБЕНЦОВЪ.

Такъ его незамедлятъ рѣшить.

АДЪЮТАНТЪ.

А главное — эти проклятые партизаны шведскіе успѣваютъ возмущать народъ...

МУСТАФИНЪ.

Кажется, въ послѣдній разъ мы поплатились съ ними порядкомъ — пора бы имъ и упяться!

АДЪЮТАНТЪ.

Сей часъ получено извѣстіе, что оба отдѣльные отряда наши отхвачены; одинъ окруженъ; участь другаго неизвѣстна. Полковникъ въ большомъ горѣ... Вы знаете, что при второмъ отрядѣ находится сынъ его — только-что изъ Корпуса...

БАУБЕНЦОПФЪ.

Жаль малютку! А вотъ то-то нашему брату не надо жениться — полусолдатъ, четверть-солдатъ у кого есть баба, да ребята... Эхъ, матушка — сабля! Любить любишь, а ужь хныкать не заставишь...

АДЪЮТАНТЪ.

А при первомъ отрядѣ всѣ наши запасы... *(Тихо)* У насъ только на сутки сухарей и ни клока сѣна... Тутъ везли фуражъ, припасы...

БАУБЕНЦОПФЪ, вскакивая.

И вино было тутъ? Господа! на выручку! Чортъ побери! Не удастся Шведамъ раскупорить бутылки, назначенной для ротмистра Бубенцова!...

МОТЫЛЬКОВЪ.

Да, что, въ самомъ дѣлѣ? Мы стоимъ тутъ, да смотримъ, а у насъ изъ-подъ носу баккалавры философіи женятся на хорошенькихъ Шведкахъ, а партизаны съѣдаютъ нашъ бифштексъ!...

МУСТАФИНЪ.

Мы ужь отвыкли отъ работы... Вчера цѣлый день ни одного выстрѣла...

МОТЫЛЬКОВЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, мы залежались!

АДЪЮТАНТЪ, тихо.

Господа! Полковникъ приглашаетъ васъ всѣхъ къ себѣ.

БАУБЕНЦОПФЪ.

А, такъ чего же медлить? Ужь если этой Чухнѣ уступать — такъ пусть сбрѣютъ мнѣ сей часъ усы... Чортъ побери!

(Баубенцовъ, Мотыльковъ, Мустафинъ и Адъютантъ уходятъ.)

БУЛГАРОВЪ.

Лопинскій! ты печалишь меня: ты разлюбилъ меня!

ЛОПИНСКІЙ.

Почему ты такъ думаешь?

БУЛГАРОВЪ.

Ты не открываешь мнѣ причины грусти твоей.

ЛОПИНСКІЙ.

Неужели ты сомнѣваешься во мнѣ? Клянусь тебѣ, я самъ не понимаю, отъ чего мнѣ такъ грустно! Тоска невольная...

БУЛГАРОВЪ.

Не бывши Баубенцопфомъ, я готовъ сказать, что грусть уланну не пара. Да, и тебѣ ли грустить? Жизнь тебѣ улыбается — ты молодъ, здоровъ, богатъ — любишь...

ЛОПИНСКІЙ, съ жаромъ.

Любимъ, другъ, любимъ — и кѣмъ!

БУЛГАРОВЪ.

Будущее сулитъ тебѣ одни радости, одно счастье; друзья душу за тебя отдадутъ... и тебѣ грустить!

ЛОПИНСКІЙ.

Знаю, вѣрю — пойдемъ къ полковнику! *(Уходятъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЗАРУБАЕВЪ, ШТЫКОВЪ, КРЕМНЕВЪ, ПРИБОЕВЪ.

КРЕМНЕВЪ.

А что, ребята, какъ вы смѣкаете?

ШТЫКОВЪ.

Что смѣкать?

КРЕМНЕВЪ.

А чуть ли, тово, не на коней!

ЗАРУБАЕВЪ.

Такъ что жъ? На то и конь, чтобы на немъ ѣздить; на то и солдатъ, чтобы подставлять лобъ подъ пулю...

ПРИБОЕВЪ.

Э, э, хе, хе! Житье!

ШТЫКОВЪ.

Что: житье?

ПРИБОЕВЪ.

Да то, что завели насъ командеры въ такую земельку, откуда нелегко выпесть косточки на святую Русь!

ШТЫКОВЪ.

Что, что такое ты говоришь? Слушай, Прибоевъ: добрый ли ты рубака, еще Богъ вѣсть — а мой совѣтъ тебѣ, покамѣстъ, держать языкъ покороче!

ПРИБОЕВЪ.

Что же: покороче? Аль ужь и слова не сказать? Вонъ вѣдь офицеры-то наши говорятъ же!

ШТЫКОВЪ.

Такъ тебѣ ли съ ихъ благородіями равняться? На то они и командиры и начальники; ихъ совѣта и-полковникъ слушаетъ! А ты что? Пятое колесо въ телѣгѣ — только скрыпишь, болтунъ! И видно, что ты былъ прежде дармоѣдомъ, барскимъ камарлинскомъ, пока Богъ тебя не помиловалъ, не привелъ тебя къ великой чести носить военный мундиръ. Да, смотри, братъ: на солдатской аммуниціи всякое пятнышко видно — берегись!

ЗАРУБАЕВЪ.

Не сердись, Иванъ Пафнутьевичъ: молодо—зелено! Давно ли онъ въ службѣ!

ШТЫКОВЪ.

Гнилое яблоко никогда зрѣлымъ не будетъ. Съ нами крестная сила! Да, какъ онъ смѣетъ разсуждать? Да, знаетъ ли онъ, что противъ Шведа послалъ насъ самъ батюшка нашъ Государь? Наши отцы командиры развѣ не такую же нужду терпятъ, какъ мы? Да то ли еще? Мы почью спимъ, а они думаютъ; мы на бивакъ пришли, да и отдыхаемъ, а они примутся распоряжаться, да репорты писать... Что ты: смерти что ли боишься? Такъ твой дѣдъ и твой отецъ солдатами не были, а вѣдь также умерли.

ЗАРУБАЕВЪ.

Бояться смерти русскому солдату? Да, на то человѣкъ и родится, чтобы, то есть, такъ сказать, умереть, а ужь кому смерть красна бываетъ, такъ, вѣрно, нашему брату служивому. И въ могилу то съ пальбой положатъ, и церковь Божія за насъ Бога молитъ, и командиръ-то насъ пожалѣетъ. Да, кажется, этакой чести не дождется мужикъ, или подьячій, котораго застанетъ смерть надъ чернильницей, куда онъ утопилъ совѣсть, да крючкомъ ее оттуда вытаскиваетъ... *(Всѣ смѣются.)*

ШТЫКОВЪ.

Вишь: тяжко ему стало на Чухонскихъ хлѣбахъ? Да знаетъ ли, что теперешняя война идетъ самая закоптая? Неужели нашему батюшкѣ Государю терпѣть было, что у него въ глазахъ, подъ Питеромъ, непріятельскія пушки торчатъ? Вотъ онъ и хочетъ загородить свой славный Питеръ Финляндскими горами, изъ которыхъ для украшенія храмовъ, видѣлъ въ Питерѣ, какіе столбики выламываютъ, да лѣсами, которые на корабли русскіе надобны.

ЗАРУБАЕВЪ.

Правда, правда, Иванъ Пафнутьичъ. Слушайте его, ребята, стараго, бывалаго. Иванъ Пафнутьичъ бывалый человѣкъ — не изъ семи печей ѣлалъ, и конь его добрый пилъ водицы не изъ одной рѣки бусурманской.

ШТЫКОВЪ.

Да таки привелъ Богъ! Побывала моя головка въ чужой сторонѣ, повидали мои очи диковинокъ...

КРЕМНЕВЪ.

Ну, а сознайся, Иванъ Пафнутьичъ: вотъ ты много видалъ земель, а вѣдь лучше русской не находилъ?

ШТЫКОВЪ.

Оно, то есть, конечно, примѣромъ сказать, везлѣ Божья земля, но все таки разница, какъ мѣсяцъ отъ солнца — свѣтитъ, да не грѣетъ. Ну, да что тамъ: они и говорить-то по-русски не умѣютъ! Лепечутъ себѣ и не разберешь. Хороша Цыцарія, то есть, или вотъ Тальянская земля, да куда же имъ! И снѣгу то у нихъ нѣту, и нашего русскаго пѣничка нѣтъ — все только шнапсъ, да репское. А что въ нихъ? Ни головѣ хмѣлю, ни душѣ отрады!

КРЕМНЕВЪ.

Мудреный народъ!

ЗАРУБАЕВЪ.

Что мудреный! Славны бубны за горами. Хоть, то есть, на счетъ женскаго пола взять — я въ Нѣмеціи и самъ былъ: хороши Нѣмки, а ужь гдѣ съ нашими русскими дородницами сравниться! Очи ли сокольи, брови ли собольи — въ матушкѣ Руси ищи...

ШТЫКОВЪ.

Эка ты, братецъ, вотъ иногда вздумаешь: создалъ же Богъ такую земельку, какъ Русское наше царство: широко, далеко разлеглось, протекло рѣками великими, проросло лѣсами дремучими, процвѣло вѣрой православной, прокалилось любовью къ Царю-батюшкѣ. Народъ ли возми — желѣзный; золота ли, серебра ли — куры не клюютъ; города ли погляди — такъ и горятъ золотыми маковками храмовъ Божьихъ, какъ небо звѣздами! Ребята, братцы! весело и умирать за родную сторону, за такую родину, какъ Русская земля!

ВСѢ.

Правда, правда!

ЗАРУБАЕВЪ.

Да, ужь мы, братъ, нигдѣ и не посрамили себя. Вотъ вѣдь и теперешнюю войну взять — этакъ мы хватили! Куда мы зашли! Не задержали насъ ни лѣса, ни горы, ни озера. Вотъ, говорятъ скоро дойдемъ мы до такого мѣста, гдѣ и солнышко въ море-океанъ не спускается, и ночей нѣтъ — цѣлыя сутки свѣтло, хоть грамоту читай!

КРЕПНЕВЪ.

Что, братецъ, за диковина! И то сказать: на свѣтѣ поживешь, чего не увидишь! *(Слышны трубы)*

ШТЫКОВЪ.

Слышите, братцы? Ну, славу Богу! Видно даетъ Богъ! Дождались!

ВСѢ.

Дождались, дождались!

ЗАРУБАЕВЪ.

Тише, не тревожно! Убираться — все собирать спѣшно! *(Уланы убираютъ котелъ и всѣ вещи)* Ну, что, Иванъ Пафнутьичъ, радъ небось?

ШТЫКОВЪ.

Пора, дружище! Сабля не въ терпежь становится! Подавай ихъ сюда! Ребята, скорѣй! *(Уходятъ)*

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛОПИНСКІЙ и БУЛГАРОВЪ, входятъ.

БУЛГАРОВЪ.

Невольно завидую тебѣ. Такое счастье человѣку — вездѣ удача! Тебя назначили?

ЛОПИНСКІЙ.

Да, меня.

БУЛГАРОВЪ.

Что жь ты такъ уныло говоришь — *меня*? Поменяемся!

ЛОПИНСКІЙ.

Такъ неужели мнѣ сказаться больнымъ? Отказаться отъ такого важнаго порученія? Ты обижаешь меня, Булгаровъ!

БУЛГАРОВЪ.

Обидѣть, Лопинскій, и не думалъ, но, право, не позавидуешь, что гдѣ только дѣло идетъ объ опасности, туда тебя и посылаютъ, а тутъ сиди себѣ, да жди!

ЛОПИНСКІЙ, задумчиво.

Ты мнѣ завидуешь? Прежде, и я такъ думалъ, но теперь... другъ! Ты спрашивалъ меня давича о причинѣ грусти моей? Теперь она объяснилась!

БУЛГАРОВЪ.

Что такое?

ЛОПИНСКІЙ.

Прости — и вспомни Лопинскаго!

БУЛГАРОВЪ.

Что съ тобой? Ты такъ смущенъ?

ЛОПИНСКІЙ,

Я ужь не ворочусь назадъ.

БУЛГАРОВЪ.

Что за вздоръ! Храбрый мой Лопинскій...

ЛОПИНСКІЙ.

Не труситъ ли, скажешь? На, приложи руку сюда: сильнѣе ли оно бьется? Но мы болѣе не увидимся... Мать моя! Моя Евгенія! Простите!

БУЛГАРОВЪ.

Ты сумасшедшій! Что за мысль такая!

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПОЛКОВНИКЪ И АДЪЮТАНТЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Г-нъ Лопинскій! вы получили приказаніе?

ЛОПИНСКІЙ.

Получилъ, полковникъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Подтверждаю: осторожность и быстрота. Помните, что вы должны выхватить изъ тѣснаго положенія нашъ отрядъ, который провожалъ сюда запасы. Смѣлый, нежданный ударъ разсѣетъ непріятелей, но будьте внимательны! (*Адъютанту*) Я велѣлъ представить сюда двухъ лучшихъ въ полку унтеръ-офицеровъ.

АДЪЮТАНТЪ.

Вотъ они.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ЗАРУБАЕВЪ И ШТЫКОВЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Зарубаевъ! ты отправляешься съ г-мъ офицеромъ.

ЗАРУБАЕВЪ.

Слушаю, В. В.

ПОЛКОВНИКЪ.

Я увѣренъ въ тебѣ — смотри, не обмани надежды твоего полковника.

ЗАРУБАЕВЪ.

Рады стараться, В. В..

ШТЫКОВЪ.

В. В., позвольте доложить!

ПОЛКОВНИКЪ.

Что тебѣ надобно?

ШТЫКОВЪ.

Позвольте мнѣ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ! ты мнѣ особо будешь надобенъ; поди и будь готовъ. (*Штыковъ и Зарубаевъ уходятъ.*) Г-нъ офицеръ! время не терпитъ!

ЛОПИНСКІЙ, Булгарову.

Другъ! прости! Напиши къ моей матери, что я умеръ, помня ее, любя ее, прося благословенія ея на мою могилу, и счастливымъ считая себя, что могъ умереть съ честью за отечество! (*Спѣшитъ вонъ*)

БУЛГАРОВЪ, въ сторону.

Что съ нимъ сдѣлалось? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, сердце наше дастъ голосъ въ минуту приближенія къ могилѣ? Это не робость... Непостижимо!

ПОЛКОВНИКЪ, ходя въ размышленіи.

Нечего дѣлать!... Мнѣ не хотѣлось бы, но общая безопасность требуетъ жертвы...Опасность нашего положенія... Надобенъ примѣръ строгости... Бѣдное дитя мое... гдѣ теперь ты? Неужели мнѣ придется еще разъ потерять сына? Одинъ уже покоится тамъ, на поляхъ Эйлау... А другому лечь среди Финскихъ пустынь... Старикъ! ты дорого платишь долгъ свой отечеству... А! буди воля Божія (*Адъютанту*) Гдѣ тотъ человѣкъ... тотъ знакомый? (*Адъютантъ уходитъ*) Г-нъ Булгаровъ! хотите ли вы принять на себя важное и опасное препорученіе?

БУЛГАРОВЪ.

Надобно ли спрашивать, полковникъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы порядочно знаете Шведскій языкъ.

БУЛГАРОВЪ.

Да, я успѣлъ научиться ему.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы знаете, сколько тревоги и опасности причиняютъ намъ Шведскіе партизаны. Они возмущаютъ противъ насъ мирныхъ жителей, и нѣсколько отчаянныхъ головъ изъ поселянъ, клеветами, ложью, всякими ухищреніями, поджигаютъ ненависть жителей къ намъ. Я узналъ теперь одного изъ самыхъ главныхъ зачинщиковъ. Вы возмете отрядъ; тайно въ эту ночь проѣдете въ селеніе, гдѣ васъ совершенно не ожидаютъ. Путеводитель будетъ у васъ вѣрный. Схватите тамъ негодяя и немедленно привезите его ко мнѣ; въ случаѣ невозможности привезти, разстрѣляйте его на мѣстѣ. Что вы хотите сказать? Не боитесь ли вы, что вамъ надобно будетъ пробраться среди непріятелей, подвергаясь опасности?..

БУЛГАРОВЪ, гордо.

Полковникъ! чѣмъ заслужилъ я такое мнѣніе?

ПОЛКОВНИКЪ.

Препоручая вамъ, молодой человѣкъ, столь

опасное дѣло, я показываю, какое имѣю объ васъ мнѣніе. Дайте руку.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, АДЪЮТАНТЪ И КАУЦЕ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Здравствуй, пріятель! Ну, ты говоришь, что проводишь насъ къ гнѣзду, гдѣ укрывается главный зачинщикъ возмущенія жителей?

КАУЦЕ.

Да, г-нъ полковникъ, а проведу васъ такъ безопасно, какъ будто невидимку. Отряды поселянъ теперь вышли въ засады на два отряда ваши, и селеніе будетъ захватить легко.

ПОЛКОВНИКЪ.

А имя его?

КАУЦЕ.

Густавъ Крузе.

ПОЛКОВНИКЪ.

Послушай, любезный: ты не разъ оказывалъ намъ услуги; но, знаешь ли, что дружба дружбой, а разсчетъ разсчетомъ? Если ты не приведешь мнѣ обратно всѣхъ моихъ улановъ... Понимаешь?

КАУЦЕ.

То есть, что я играю въ мою голову? Кажется, г-нъ полковникъ, мнѣ моя голова дороже вашихъ улановъ, а я вѣдь буду у нихъ въ рукахъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Уговоръ лучше всего. Ты будешь щедро награжденъ, но знай, что за тобой будутъ смотрѣть, а съ уланской пикой разсчетъ коротокъ.

КАУЦЕ.

Награжденъ? Пожалуй, не давайте мнѣ денегъ, — только Крузе возьмите!

ПОЛКОВНИКЪ.

А какія причины, любезный, побуждаютъ, тебя такъ жестоко не любить его?

КАУЦЕ.

Причины? Объ этомъ послѣ... Готовъ ли вашъ отрядъ? Намъ ѣхать не близко; ночь наступаетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Все готово. Вотъ г-нъ офицеръ, который съ тобой отправится.

(Полковникъ и адъютантъ уходятъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

БУЛГАРОВЪ И КАУЦЕ.

БУЛГАРОВЪ.

Ты самъ изъ этого селенія и знаешь Крузе?

КАУЦЕ, сквозь зубы.

Онъ сосѣдъ мой.

БУЛГАРОВЪ.

Какъ послѣ того явишься ты къ землякамъ, когда они будутъ знать, что ты привелъ насъ и выдалъ Крузе?

КАУЦЕ, злобно усмѣхаясь.

А за чѣмъ мнѣ къ нимъ являться? Съ деньгами я вездѣ найду себѣ земляковъ.

БУЛГАРОВЪ, въ сторону.

Мерзавецъ! *(Громко.)* Смотри береги себя, пріятель! Я тебѣ напередъ говорю, что при малѣйшемъ подозрѣніи...

КАУЦЕ.

Дѣлу конецъ? Знаю! Ха, ха, ха!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, АДЪЮТАНТЪ, ШТЫКОВЪ, А ПОТОМЪ МУСТАФИНЪ. На сценѣ темнѣетъ.

АДЪЮТАНТЪ.

Г-нъ Булгаровъ! Вотъ бумаги. Съ вами отправляется Штыковъ.

ШТЫКОВЪ.

Честь имѣю явиться къ В. Б.

БУЛГАРОВЪ.

Хорошо. Ступай къ отряду и возьми съ собой нашего проводника. *(Тихо.)* Смотри: онъ на твоихъ рукахъ — понимаешь?

ШТЫКОВЪ.

Понимаемъ, В. Б. — Ступай-ка, другъ лес-

безный, познакомимся... (*Въ сторону*) Экая харя! Такъ висѣльцей отъ него и пахнетъ!

(КАУНЕ и ШТЫКОВЪ уходятъ.)

АДЪЮТАНТЪ.

Что ты нахмурился, Булгаровъ? Вѣдь ты завидовалъ Лопинскому, когда его послали?

БУЛГАРОВЪ.

Да.

АДЪЮТАНТЪ.

Вотъ и тебѣ отдѣльное порученіе,

БУЛГАРОВЪ.

Отъ котораго я охотно бы отказался.

АДЪЮТАНТЪ.

Какъ такъ? Обезопасить насъ отъ злодѣя, который столько зла намъ причинялъ?

БУЛГАРОВЪ.

Онъ нашъ непріятель. Дерись съ нимъ. А ѣхать тихонько, въ обществѣ этого мерзавца, и для того, чтобы украдкою схватить какого-то бѣдняка...

АДЪЮТАНТЪ.

Они сами нападаютъ на насъ измѣнническски.

БУЛГАРОВЪ.

Знаю, знаю, что солдату не позволено разсчитывать, куда его посылаютъ; но я не хотѣлъ бы принять на себя коммиссіи привести подъ пулю безоружную голову нашего непріятеля... Лопинскій счастливецъ; у него славное препорученіе: выручить братьевъ саблей, съ бою...

АДЪЮТАНТЪ.

Ну! Булгаровъ пустился въ философію! Ха, ха, ха! Теперь остается только Баубенцопфу влюбиться!

МУСТАФИНЪ, поспѣшно.

Господа! кажется, скоро начнется у насъ славная работа!

АДЪЮТАНТЪ.

Что такое сдѣлалось?

МУСТАФИНЪ.

Въ той сторонѣ, куда поскакалъ Лопинскій, слышна была жаркая, страшная перепалка... Казаки полетѣли вихремъ на розыскъ!

(Слышны трубы.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И БАУБЕНЦОПФЪ.

БУБЕНЦОПФЪ.

Чортъ побери! (*Утираетъ глаза*) И славно, и....

АДЪЮТАНТЪ, МУСТАФИНЪ, БУЛГАРОВЪ.

Что такое? Что такое?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Бѣдный Лопинскій! Хоть гулять онъ не любилъ, а товарищъ былъ славный!

БУЛГАРОВЪ.

Лопинскій? Говори скорѣе: гдѣ онъ?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Вонъ — поди, полюбуйся имъ! Лежитъ себѣ добрый молодецъ. Вѣдь этакая судьба: мнѣ, у котораго ни передъ собой, ни за собой — быть цѣлу, а ему, молодому, одному сыну у матери... Пуля дура! Подлинно дура—не туда попала: сюда бы ей надобно попасть! (*Указывая на грудь.*)

БУЛГАРОВЪ.

Скажете ли вы, ротмистръ, что сдѣлалось съ Лопинскимъ?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Да, развѣ я не говорилъ тебѣ, что онъ убитъ?

БУЛГАРОВЪ.

Убитъ! — Бѣдный другъ! твое несчастное предчувствіе не обмануло тебя! А отрядъ его?

БАУБЕНЦОПФЪ.

Разбитъ Шведовъ, выручилъ своихъ, но дорого досталась намъ эта выручка.

БУЛГАРОВЪ.

Дорого! (*Бѣжитъ вонъ. Адъютантъ слѣдуетъ за нимъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, ШТЫКОВЪ, КРЕМНЕВЪ И ДРУГІЕ УЛАНЫ ВЕДУТЪ СМЕРТЕЛЬНО РАНЕНАГО ЗАРУБАЕВА.

ЗАРУБАЕВЪ.

Положите меня здѣсь, товарищи; не могу дальше идти. Кончилъ молодецъ! На вѣчный бивакъ поставленъ, на безсмѣнныя квартиры!

(Его кладутъ на землю. Офицеры и уланы окружаютъ его.)

БАУЕНШОПФЪ.

Зарубаевъ!

ЗАРУБАЕВЪ.

Здѣсь, В. Б. Просимъ прощенія — не могимъ встать.

МУСТАФИНЪ.

Лекаря скорѣе!

ЗАРУБАЕВЪ.

Теперь ужь поздно... пуля да сабля вылечили меня отъ всѣхъ болѣзней... Слава Богу! Привелъ Богъ умереть между своими. Осѣнятъ товарищи могилу крестомъ — недадутъ волкамъ разметать моихъ косточекъ... Эхъ, жаль, г-на офицера: такой былъ молодой.. Слава Богу! отстояли своихъ — дали знать себя этимъ разбойникамъ... Свѣтъ Божій темнѣетъ!... Иванъ Пафнутычъ! тутъ ли ты?... Не вижу....

ШТЫКОВЪ.

Здѣсь, братъ!

ЗАРУБАЕВЪ.

Дай руку. — Простите, братцы, въ чемъ согрѣшилъ... Учитесь... какъ умираетъ русскій солдатъ. Двадцать лѣтъ прослужилъ здѣсь, и — тамъ въ чистой отставкѣ у Божьяго престола, стану еще молиться за Русь матушку... Господи! помилуй!

(Умираетъ.)

ШТЫКОВЪ.

Кончилъ! (*Рыдая.*) Братъ Сидорычъ! на что ушелъ ты туда безъ меня! Эхъ! вмѣстѣ жили, вмѣстѣ бы и умирать... Поторопился, пріятель, дружище!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, АДЬЮТАНТЪ И БУЛГАРОВЪ

АДЬЮТАНТЪ.

Геройскій поступокъ! Наши были окружены со всѣхъ сторонъ крестьянами и солдатами. Лопинскій налетѣлъ вихремъ, ударилъ, разсѣялъ непріятеля. Господа! мы идемъ немедленно — въ десяти верстахъ открыли отрядъ Шведскій; похоронимъ только убитыхъ и на коней!

(Барабанный бой на погребеніе.)

МУСТАФИНЪ.

Знакомый, вѣковѣчный маршъ! Пойдемъ, проводимъ товарища; тамъ ужь роютъ ему могилу!

АДЬЮТАНТЪ.

Несите Зарубаева!

(Уланы несутъ Зарубаева. — Похоронный маршъ продолжается. Слышны трубы съ другой стороны.)

(Офицеры и уланы уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

БУЛГАРОВЪ одинъ; потомъ ШТЫКОВЪ.

БУЛГАРОВЪ.

Голосъ смерти и призывъ на битву! И Лопинскаго нѣтъ! И едва бросятъ товарищи горсть земли на гробъ его — ихъ умчитъ вихорь битвы! Прости, товарищъ! Незнаема людямъ останется могила твоя — друзья будутъ тебя помнить, но многимъ ли, и долго ли суждено имъ пережить тебя?

И бѣдная почесть въ ночи отдана.
Штыками могилу копали;
Намъ тускло свѣтила во мракѣ луна
И факелы дымно сверкали.

На немъ не усопшихъ покровъ гробовой;
Лежитъ не въ дощатой неволѣ:
Обвернутъ въ широкій свой плащъ боевой,
Уснулъ онъ, какъ ратники въ полѣ.

Недолго, но жарко молилась Творцу
Дружина его удалая,
И молча смотрѣла въ лицо мертвецу
О завтрашнемъ днѣ вспоминая.

Еще не свершенъ былъ обрядъ роковой
А часъ наступилъ разлученья...

(Трубы.)

ШТЫКОВЪ.

В. Б., все готово!

БУЛГАРОВЪ.

Пойдемъ, — разсчитаемся за товарища!

ШТЫКОВЪ.

О, я теперь доберусь до нихъ! Поплатятся намъ они!

(Уходятъ; похоронный маршъ слышится тише. Голосъ Булгарова: «По три направо заѣзжай!»)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Селеніе. Направо сельскій красивый домикъ; передъ нимъ столикъ и скамейка.

ЯВЛЕНІЕ I.

ГУСТАВЪ КРУЗЕ, ВЫХОДИТЪ ИЗЪ ДОМУ.

Слава Богу! Сегодня пятидесятый годъ тебѣ, Густавъ, и совѣсть твоя ничѣмъ не упрекаетъ тебя, и ты можешь поблагодарить Бога, что дни твои до сихъ поръ протекали мирно и счастливо. Благословеніе отца, любовь достойной жены, сынъ-отрада моя на старости, счастье моихъ ближнихъ, уваженіе моихъ земляковъ, все соединилось въ жизни моей для моего счастья. Благодарю тебя, Боже! И если въ будущемъ ожидаютъ меня скорби — да будетъ воля Твоя!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

КРУЗЕ, ХРИСТИНА И ЭРИХЪ.

КРУЗЕ.

Здравствуй, мой другъ! Смотри, какой прекрасный день — намъ будетъ сегодня весело!

ХРИСТИНА, СМѢЯСЬ.

Вотъ, не знаю, какой-то мальчишка пришелъ тебя поздравить. Я не могла запретить ему.

КРУЗЕ.

А! послушаемъ! Что ты хочешь сказать?

ЭРИХЪ.

Рѣчь, папа.

КРУЗЕ.

Рѣчь? Вотъ еще какія штуки!

ЭРИХЪ,

Садись, папа, садись, а я проговорю тебѣ мою рѣчь.

КРУЗЕ, САДИТСЯ.

Ну, ну, говори, что такое?

ЭРИХЪ, ВЫТЯГИВАЯСЬ СЪ ВАЖНОСТІЮ.

Я съ днемъ рожденія, папа, васъ поздравляю.
Пускай благословитъ небесный васъ отецъ.
Сто лѣтъ вамъ жить еще усердно я желаю,
И чтобы во сто лѣтъ ты все былъ молодецъ!

КРУЗЕ.

Славно, славно! Стишки дубоваты, но прочитаны хорошо. Поди сюда! Ха, ха, ха!
(обнимаетъ его.)

ХРИСТИНА.

Милый малютка! Какъ онъ тебя любитъ!

КРУЗЕ.

А ты, добрая моя Христина? Но что за шумъ такой? Сюда идетъ народъ — что это такое? Нашъ староста!

ХРИСТИНА.

Не знаю, мой другъ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, СТАРОСТА, ТОЛПА КРЕСТЬЯНЪ И КРЕСТЬЯНОКЪ.

СТАРОСТА, ВПЕРЕДИ ВСѢХЪ.

Тише! Стройно! *(Съ важностію подходитъ)* Господинъ Густавъ Крузе! Въ день вашего рожденія, всѣ мы, земляки и друзья ваши, пришли васъ поздравить, сказать, что всѣ мы васъ любимъ, уважаемъ, помнимъ ваше добро и желаемъ вамъ прожить съ нами еще множество лѣтъ! *(Оборачивается къ толпѣ, и машетъ шляпою)* Ну, разомъ!

ВСѢ.

Здравія и счастія г-ну Крузе!
(Кланяются, подносятъ вѣнки и подарки.)

СТАРОСТА.

Хорошо, хорошо! Ловко крикнули.

КРУЗЕ.

Сосѣдъ, это тебѣ я обязанъ за такое изъявленіе чувства сердечнаго? Благодарю тебя! Благодарю, благодарю васъ, друзья мои!... Вы меня до слезъ растрогали. Я не заслужилъ такой чести.

СТАРОСТА.

Ты заслужилъ ее добрый Густавъ. Ты у насъ примѣръ честности, ума, доброты...

КРУЗЕ.

Полно, полно, сосѣдъ! Садись-ка, садись, отдохни. Сосѣди, сосѣдки! надѣюсь — вы сегодня у меня всѣ въ гостяхъ? Выпьемъ, поѣдимъ, попляшемъ!

ВСѢ.

Ваши гости! Рады, г-нъ Крузе! Будемъ — до свиданія!

(Кланяются и расходятся.)

СТАРОСТА.

Вотъ, если я тебѣ угодилъ, сосѣдъ, такъ, знаешь ли-что: праздникъ твой можетъ быть еще веселѣе... Сосѣдка! а? Какъ думаешь?

ХРИСТИНА, смѣясь.

Не знаю, сосѣдушка!

КРУЗЕ.

У васъ какія-то тайны?

СТАРОСТА.

Вотъ еще! Вѣдь въ старые годы я также вздыхалъ по Христинѣ, да ты былъ меня удалѣе — перебилъ, а за то, что ты отбилъ у меня ее, ты долженъ расплатиться.... г-нъ!

КРУЗЕ.

Что такое? Ты знаешь, я всегда бывалъ плательщикъ исправный — я догадываюсь...

СТАРОСТА.

Тѣмъ лучше. Что, сосѣдъ: мой Вольдемаръ влюбился въ твою Маргариту, а сосѣдка говоритъ, между нами сказать, будто и Маргаритѣ онъ очень нравится. Ты знаешь: у меня онъ одинъ сынъ; жить имъ будетъ чѣмъ. Приданаго мы не требуемъ.

КРУЗЕ.

Твои слова радуютъ меня, старый другъ, и приданое сыщется моей сироткѣ, которую люблю я, какъ дочь мою. Родство съ тобой приноситъ мнѣ честь, но....

СТАРОСТА.

Что за но? Откуда взялось оно?

КРУЗЕ.

Признаюсь, сердце не совсѣмъ у меня лежитъ на радость. Эта несчастная война въ нашей Финляндіи....

СТАРОСТА.

А что намъ до нея за дѣло? Самъ ты говорилъ, что мы не должны вмѣшиваться въ дѣла военныя, и вотъ, слѣдуя твоему совѣту, никто у насъ съ мѣста не шевелился, хоть другіе и подбивали было насъ соединиться съ партизанами...

КРУЗЕ.

Совѣтъ мой былъ добрый. За то и насъ, мирныхъ жителей, не тронутъ и пощадятъ. А ты слышалъ, что было другимъ? Одолѣть непріятелей невозможно, и притомъ Русскіе хоть и непріятели наши, но, право, такъ честно съ нами обходятся, хоть бы Шведамъ въ пору. А все однакожь, кто знаетъ жребій войны? Можетъ быть и здѣсь начнутся битвы....

СТАРОСТА.

Пѣтъ! Русскихъ сюда не пустятъ. Какъ имъ сюда пробраться. Да, говорятъ, что-то слышно ужъ и о мирѣ.... Ну, да еслибы и пришли, тѣмъ лучше, что у Маргариты будетъ защитникъ!.. Сосѣдка! какъ скажешь?

ХРИСТИНА.

Какъ Густаву угодно....

(Вольдемаръ робко показывается вдали. Маргарита выглядываетъ изъ дверей.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ ВОЛЬДЕМАРЪ, а потомъ МАРГАРИТА.

СТАРОСТА.

Вотъ и онъ — да вотъ и она. Что мучитъ бѣдняжекъ? Эй! Поди-ка, Вольдемаръ! Что ты тамъ прячешься?

(Вольдемаръ подходитъ съ поклонами.)

СТАРОСТА.

Кланяйся сосѣду, проси. Видишь — не соглашается.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Ахъ! г-нъ Крузе! За что такая немилость?

КРУЗЕ.

Что, любезный — говорятъ, будто ты не любишь Маргариты.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Ахъ, Боже мой! Да кто это сказалъ! Это клевета, право, клевета! Я ее такъ люблю, такъ люблю....

КРУЗЕ.

Такъ она-то несогласна....

ВОЛДЕМАРЪ.

Несогласна? Ахъ, Боже мой! Она сама сказала, что если только вы.... такъ она....

КРУЗЕ.

Сама тебѣ сказала? Маргарита! Поди-ка сюда, поди....

МАРГАРИТА.

Что прикажете, дядюшка?

КРУЗЕ.

Съ чего ты вздумала говорить Волдемару, что если я соглашусь на твою свадьбу съ нимъ, такъ ты охотно идешь за него? Безстыдная ты дѣвушка! А если я отдамъ тебя ему? А?

МАРГАРИТА.

Ахъ, дядюшка!

ВОЛДЕМАРЪ.

Ахъ, г-нъ Крузе.

КРУЗЕ.

Ну! Разахались! — Сосѣдъ! что? Али въ самомъ дѣлѣ благословить ихъ?

(Беретъ ихъ за руки, въ это время слышенъ набатъ.)

СТАРОСТА.

Что такое? Набатъ?

КРУЗЕ.

Пожаръ?

СТАРОСТА.

Волдемаръ! бѣги скорѣе, узнай! (*Волдемаръ уходитъ.*)

КРУЗЕ.

Огня нигдѣ не видно.

ЭРИХЪ.

Маменька!

ХРИСТИНА.

Ничего, мой другъ, ничего. Что ты испугался?

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КРЕСТЬЯНЕ, КРЕСТЬЯНКИ, ПОТОМЪ ВОЛДЕМАРЪ.

КРЕСТЬЯНЕ И КРЕСТЬЯНКИ.

Русскіе! Непріятели!

КРУЗЕ.

Русскіе? Что за вздоръ! Не можетъ быть!

ВОЛДЕМАРЪ, вбѣгая.

Спасайтесь, бѣгите! Русскіе! Непріятель!

СТАРОСТА.

Что ты говоришь? О Русскихъ и слуху не было!

ВОЛДЕМАРЪ.

Они здѣсь, окружили селеніе, спрашиваютъ старосту.

СТАРОСТА, испугавшись.

Ахти!

КРУЗЕ.

Чего же бояться? Русскіе — ну, милости просимъ. Пойдемъ встрѣтимъ ихъ, хоть они и незваные гости.

ВОЛДЕМАРЪ.

Что вы, г-нъ Крузе? Куда вамъ идти? Бѣгите! Они васъ спрашиваютъ, васъ ищутъ, идутъ сюда! (*Слышны трубы.*)

КРУЗЕ.

Меня спрашиваютъ?

МАРГАРИТА, окружая Крузе.

Ахъ! Дядинька!

ЭРИХЪ, тоже.

Папенька!

ХРИСТИНА, тоже.

Другъ мой!

КРУЗЕ.

Что жь такое? Вѣдь тутъ что нибудь не такъ. Чего вы испугались? Что я могъ сдѣлать Русскимъ? Они не разбойники, а честные воины.

ВОЛДЕМАРЪ.

Ихъ привелъ сюда Кауцъ.

КРУЗЕ.

Кауцъ!

СТАРОСТА.

Какъ? Этотъ негодяй, пьяница, который пропадаетъ по цѣлымъ суткамъ? Сосѣдъ! онъ тебя терпѣть не можетъ....

(*Голосъ Булгарова.*) Гдѣ, который тутъ домъ Густава Крузе?

ХРИСТИНА.

Мой другъ! Я трепещу! Бѣги! Спасайся!

КРУЗЕ.

Куда бѣжать? Для чего?

МАРГАРИТА.

Дядюшка! уйдите скорѣе!

ЭРИХЪ.

Папенька! они убьютъ тебя!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, БУЛГАРОВЪ, ШТЫКОВЪ И УЛАНЫ. Христина Маргарита, Вольдемаръ окружаютъ Крузе и стараются увлечь его въ домъ. Мать ободряетъ въ тоже время испуганнаго Эриха. Крестьяне и крестьянки заслоняютъ ихъ собою.)

БУЛГАРОВЪ.

Не тревожьтесь! Мы никого не тронемъ, если сопротивленія не будутъ и вы немедленно исполните наше требованіе. — Гдѣ Староста?

СТАРОСТА.

Я... Ста... Староста.

БУЛГАРОВЪ.

Не бойся, старикъ. Слушай: у васъ есть нѣкто Густавъ Крузе?

СТАРОСТА.

Ка... кажется... есть...

БУЛГАРОВЪ.

Его обвиняютъ въ умыслахъ противъ Русскихъ, въ измѣнѣ; выдай его намъ, и мы тотчасъ оставимъ васъ. Если вы осмѣлитесь ослушаться, мы зажжемъ селеніе и истребимъ всѣхъ васъ. Ну! поворачивайся — я шутить не люблю...

СТАРОСТА.

Но г-нъ... г-нъ... офицеръ... Я не знаю... гдѣ этотъ Крузе...

БУЛГАРОВЪ.

О, такъ мы примемся за васъ по-своему!

ХРИСТИНА, въ отчаяніи, тащитъ Крузе въ домъ.

Ради Бога, ради Бога!

КРУЗЕ.

Оставь меня; я выйду къ нимъ!...

ВОЛЬДЕМАРЪ, тихо.

Г-нъ Крузе! бѣгите — вы спасетесь въ окно — мы спасемъ васъ!

(Онъ и Христина увлекаютъ его въ домъ. Маргарита и Эрихъ бѣгутъ за ними.

СТАРОСТА, замѣтивъ, что Крузе увели.

Но, г-нъ офицеръ, позвольте мнѣ объясниться. Крузе, котораго вы требуете, самый честный, самый почтенный человѣкъ... Изъ нашего селенія никто не напалалъ на Русскихъ — ручаюсь вамъ честью Шведа! Позвольте сказать...

БУЛГАРОВЪ.

Мнѣ некогда толковать. Крузе сюда, или... Штыковъ! приготовить все зажечь селеніе!

СТАРОСТА.

Но позвольте... Крузе...

БУЛГАРОВЪ.

Гдѣ домъ Крузе!

СТАРОСТА.

Ну, ужь пускай же другой его вамъ покажетъ, а не я! — Не знаю!

БУЛГАРОВЪ,

Какъ не знаешь? Возьмите его!

КРЕСТЬЯНЕ.

Мы не выдадимъ Крузе!

БУЛГАРОВЪ.

Не выдадите? (*Уланамъ.*) Сабли изъ ноженъ! Вы все погибнете!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И КАУЦЕ.

КАУЦЕ.

Что, г-нъ офицеръ, что такое? Они спорятъ? Крузе здѣсь — я точно знаю.

СТАРОСТА.

Какъ, г-нъ офицеръ? Такъ вы вѣрите этому бездѣльнику? Онъ доноситъ на нашего добраго Крузе? Негодяй, разбойникъ, безчестье нашего селенія!

КАУЦЕ.

А! Разбойникъ? Негодяй? Теперь поклонитесь и мнѣ! Г-нъ офицеръ! Вотъ домъ Крузе. Что взяли? Хотѣли спрятать его?

БУЛГАРОВЪ, въ сторону.

Тяжкое неполненіе долга (*Громко.*) Штыковъ, окружить домъ! За мной!

СТАРОСТА.

Сдѣлайте милость, г-нъ офицеръ!

БУЛГАРОВЪ.

Прочь!

КРЕСТЬЯНЕ.

Мы не пустимъ васъ!

БУЛГАРОВЪ.

Прочь!

(Онъ стрѣляетъ изъ пистолета, крестьяне въ страхѣ бѣгутъ.)

БУЛГАРОВЪ.

Старосту взять подъ стражу!

(Поспѣшно входитъ въ домъ Крузе, съ уланами.

СТАРОСТА.

Господи! спаси моего добраго сосѣда, спаси Густава!

(Уланы ведутъ Старосту; Кауце слѣдуетъ за ними.)

КАУЦЕ.

Попалась птичка! А отъ тебя, братъ, я не отстану. Такъ этакъ-то? Браниться... Негодяй? Разбойникъ?

ЯВЛЕНІЕ VIII.

(Внутренность дома Крузе. Двери, окно; въ сторонѣ огромный шкафъ.

КАУЦЕ, ХРИСТИНА, МАРГАРИТА, ЭРИХЪ.

КРУЗЕ.

Зачѣмъ вы увели меня? Зачѣмъ вы не дали мнѣ оправдаться?

ХРИСТИНА, испугавшись.

Мой другъ, Густавъ! ради Бога!

КРУЗЕ.

Теперь невольно я кажусь виноватъ, если скрываюсь.

ХРИСТИНА.

А сынъ твой? Ты объ немъ не подумаешь!

КРУЗЕ.

Они зажгутъ селеніе!

МАРГАРИТА.

Нѣтъ! они добрые... Ихъ уговорятъ!

(Голосъ Штыкова: «Сюда, направо.»)

ХРИСТИНА.

Мой другъ! бѣги — сюда, въ окно! Болдемаръ ждетъ тебя тамъ!

КРУЗЕ.

Что вы со мной дѣлаете? Прости, Эрихъ! обними меня!

ЭРИХЪ.

Я съ тобой, папа!

(Хватается за него.)

КРУЗЕ.

Христина!... возьми его! Боже! то ли обѣщалъ мнѣ сегодняшній день! (*Растворяетъ окно.*) Тутъ Русскіе!

ХРИСТИНА.

Русскіе!

БУЛГАРОВЪ, за сценою.

Сюда! Въ эту комнату!

МАРГАРИТА.

Они идутъ сюда!

ХРИСТИНА.

Куда скрыть его? Въ шкафъ, въ шкафъ! Сюда!

(Она поспѣшно отворяетъ шкафъ.)

КРУЗЕ, горестно улыбаясь.

Такъ здѣсь, ты думаешь, я могу скрыться?

ХРИСТИНА, внѣ себя.

Богъ спасетъ тебя!

(Крузе прячется въ шкафъ. Христина затворяетъ его, и падаетъ на колѣни.(

ХРИСТИНА.

Эрихъ! молись, молись! Господь услышитъ твои молитвы!

ЭРИХЪ, становится на колѣни.

Господи! спаси папеньку!

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, БУЛГАРОВЪ, ШТЫКОВЪ, УЛАНЫ.

БУЛГАРОВЪ.

И здѣсь его нѣтъ? Послушай, кто ты, милая?

ХРИСТИНА.

Я... жена Густава Крузе—вотъ сынъ его—вотъ племянница — его нѣтъ дома...

БУЛГАРОВЪ, грозно.

Онъ дома! Онъ здѣсь!

ХРИСТИНА.

Здѣсь!...Нѣтъ,нѣтъ!его, право,здѣсь нѣтъ; онъ вчера уѣхалъ въ городъ—третьяго дня?...

БУЛГАРОВЪ.

Ты лжешь! Ты покраснѣла!

ХРЕСТИНА.

Это отъ страха. Вы насъ такъ перепугали. (*Стараясь казаться спокойною*) Мы увѣрены, что добрые, благородные... Мы угостимъ васъ... Возьмите все...

ЭРИХЪ.

Папенька будетъ вамъ очень радъ...

БУЛГАРОВЪ.

Такъ папенька твой здѣсь?

ХРИСТИНА.

Нѣтъ! Его здѣсь нѣтъ!

ЭРИХЪ.

Здѣсь нѣтъ!

ХРИСТИНА.

Клянусь вамъ, что онъ невиненъ — Кауце лжетъ, клевещетъ. — Густавъ мой невиненъ — онъ всегда останавливалъ другихъ— клянусь вамъ Богомъ!

БУЛГАРОВЪ, въ сторону.

Бѣдная женщина! (*Громко*) Послушай, милая, ему не причинятъ никакого зла. Если онъ невиненъ, онъ оправдается и его тотчасъ отпустятъ, а непослушаніе погубитъ васъ всѣхъ.

ХРИСТИНА.

Его нѣтъ здѣсь.

БУЛГАРОВЪ.

Не принуждай меня употребить силу!...

ХРИСТИНА.

Г-нъ офицеръ! у васъ есть супруга... есть мать... сестра... Подумайте объ нихъ, вспомните — умоляю васъ!

БУЛГАРОВЪ.

Молчи! — Штыковъ! осмотрѣть комнату!

ХРИСТИНА.

Нѣтъ! я не дамъ вамъ осмотрѣть!...

ЭРИХЪ, бѣжитъ, беретъ свои игрушки и подаетъ Булгарову.

Ахъ! г-нъ офицеръ, возьмите — вотъ мои игрушки - вотъ славная лошадка, папенька не давно купилъ ее; отвезите отъ Эриха вашему сыну, братцу маленькому!

БУЛГАРОВЪ, отворачивается.

Штыковъ! что жъ ты сталъ?

ХРИСТИНА.

Милосердуй! (*Она, Маргарита и Эрихъ падаютъ передъ нимъ и хватаютъ его за ноги.*)

МАРГАРИТА.

Пощадите!

ЭРИХЪ.

Не троньте папеньку!

БУЛГАРОВЪ.

Прочь! (*Бросается къ шкафу*) Отворить шкафъ! Ключи?

ХРИСТИНА, трепеща.

У меня нѣтъ ключей.

БУЛГАРОВЪ.

Ломай! (*Уланы бросаются къ шкафу.*)

ХРИСТИНА, въ отчаяніи, падаетъ на колѣни съ воплемъ.

Ахъ!

БУЛГАРОВЪ, въ сторону.

Онъ здѣсь спрятанъ! Несчастный!

ХРИСТИНА, бросается передъ шкафомъ, съ Эрихомъ и Маргаритою.

Его нѣтъ здѣсь — нѣтъ! Онъ уѣхалъ, онъ придетъ, онъ придетъ! Г-нъ офицеръ! ради Бога — развѣ вы не христіанинъ? Развѣ вы не человѣкъ? Онъ отецъ и вы будете отцомъ... Вы узнаете тогда... Господь наградитъ васъ... Ради Бога!

БУЛГАРОВЪ.

Ломайте шкафъ, говорю я вамъ!

ХРИСТИНА.

Одно слово... минуту... Я клянусь вамъ... Его послушаютъ, его всѣ любятъ... Если вы убьете его, я сама стану рѣзать Русскихъ — если вы пощадите его, жизнь каждаго Русскаго будетъ намъ драгоцѣнна... Милосердіе! Пощадите, ради Бога — ради вашей матери, отца... Я не переживу — сынъ — сынъ мой! они убьютъ его!

ЭРИХЪ.

Г-нъ офицеръ! Господь въ заповѣди своей не велитъ убивать...

БУЛГАРОВЪ.

Несчастная!

ЭРИХЪ, бросается къ Штыкову.

Старичокъ, старичокъ! у тебя есть дѣти—

попроси за папеньку! Ты такой добрый! *(Онъ становится на колѣни передъ нимъ и протягиваетъ къ нему руки.)*

(Булгаровъ хочетъ подойдти къ шкафу. Христина не можетъ ничего говорить; крикъ отчаянія вырывается изъ ея груди; она остается на колѣняхъ съ распростертыми руками.)

БУЛГАРОВЪ, удерживая чувства.

Я не въ силахъ болѣе... Штыковъ?

ШТЫКОВЪ.

Что прикажете, В. Б.?

БУЛГАРОВЪ,

Кажется... его точно нѣтъ здѣсь?

ШТЫКОВЪ, устрая глаза.

Точно нѣтъ, В. Б.—Солдатское сердце говоритъ! (*Со слезами глядя на Эриха.*) У меня трое такихъ осталось... Живы ли-то они? В. Б., его нѣтъ здѣсь!

БУЛГАРОВЪ.

Да... (*скоро*) Осмотръ кончепъ...

(Христина, еще не смѣя вѣрить, подымается и ловитъ взорами всѣ его движенія.

БУЛГАРОВЪ, громко.

Если за Густава Крузе поручатся Староста и жители, и если онъ самъ дастъ слово, что больше нападеній отъ земляковъ его на Русскихъ не будетъ...

ХРИСТИНА, радостно.

Онъ дастъ его! Онъ дастъ его! Клянусь за него, моимъ сыномъ, его сыномъ...

ЭРИХЪ.

Маменька! они не возьмутъ его?

ХРИСТИНА.

Молчи!

БУЛГАРОВЪ.

Прекратить поиски и немедленно собираться обратно — ступай!

ШТЫКОВЪ.

Охъ! Ваше Благородіе! Богъ васъ благослови! Ухъ! Словъ недостаетъ! Пусть меня разстрѣляютъ... (*Бѣжитъ вонъ съ слезами*)

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ШТЫКОВА И УЛАНОВЪ.

ХРИСТИНА, робко.

Вы не возьмете его?

БУЛГАРОВЪ, усмѣхаясь.

Да, вѣдь его нѣтъ здѣсь?

ХРИСТИНА, увлекаясь.

Нѣтъ! вѣдь онъ... здѣсь!.. Ахъ! что я говорю...

БУЛГАРОВЪ.

Добрая женщина! такъ неужели ты думаешь, я не понялъ, что онъ здѣсь, въ этомъ шкафѣ?

ХРИСТИНА, ужаснувшись.

Нѣтъ! Нѣтъ! Его нѣтъ здѣсь... нѣтъ!

БУЛГАРОВЪ.

Тише! Густавъ Крузе понимаетъ, какъ Русскій офицеръ щадитъ беззащитныхъ. Онъ оцѣнитъ мой поступокъ, за который нельзя избѣжать мнѣ, можетъ быть, наказанія...

ХРИСТИНА.

Господь видитъ его съ небесъ!

БУЛГАРОВЪ.

Пусть вспомнитъ онъ имя Булгарова.

ХРИСТИНА.

Эрихъ! каждое утро, каждый вечеръ—молись Богу сперва за Булгарова, потомъ за отца... Г-нъ офицеръ! (*Она хватаетъ его руку, цалуетъ, плачетъ и не можетъ говорить.*)

МАРГАРИТА.

Ахъ! добрый Русскій! и я буду за тебя молиться...

БУЛГАРОВЪ.

Да, если люди и обвинятъ меня — совѣсть моя говоритъ мнѣ, что я такъ поступилъ, какъ поступилъ бы истинно русскій офицеръ... Такихъ минутъ въ жизни немного. Когда... кто скажетъ мнѣ, что завтра мой день? Пусть они благословятъ меня!

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, ШТЫКОВЪ, СТАРОСТА, УЛАНЫ И КАУЦЕ.

ШТЫКОВЪ.

В. Б., всѣ жители ручаются за Крузе, готовы дать подписку... обѣщаютъ провозить насъ и прислать немедленно фуражу и провіанту...

СТАРОСТА.

Охотно, охотно, г-нъ офицеръ; всѣ мы готовы отдать вамъ все, что у насъ есть, и жизнь каждаго Рускаго отцынѣ будетъ для насъ, какъ жизнь роднаго брата... Позвольте намъ угостить вашихъ улановъ...

БУЛГАРОВЪ.

Нѣтъ! Онъ невиненъ... Такъ не любили бы его! Хорошо. Если хотите угостить моихъ улановъ... поскорѣе — мы тотчасъ отправляемся. *(Эриху.)* Поди сюда, мой другъ. Будешь меня помнить?

ЭРИХЪ.

Ахъ! г-нъ офицеръ, какой вы добрый! Возьмите меня въ ваши уланы!

(Христина плачетъ, смѣется и безмолвно молится.)

СТАРОСТА, Штыкову.

Пойдемка-ка, г-нъ служивый — пусть другіе дерутся, а ты будь нашимъ гостемъ.

КАУЦЕ, вбѣгая.

Что это значитъ, г-нъ офицеръ? Крузе не нашли?

БУЛГАРОВЪ, сурово.

Да! его нѣтъ здѣсь.

КАУЦЕ.

Неправда; позвольте мнѣ обыскать.

БУЛГАРОВЪ.

Ты смѣешь мнѣ указывать! Штыковъ! возьмите его! Бездѣльникъ можетъ измѣнить намъ.

СТАРОСТА.

Нѣтъ! мы васъ проводимъ. Никто не не смѣетъ тронуть васъ.

КАУЦЕ.

Меня взять? За что? Я на васъ пайду управу. Я донесу на васъ полковнику.

ШТЫКОВЪ.

Бери его, ребята!

КАУЦЕ.

Нѣтъ! я не дамся вамъ! И либо я буду повѣшенъ, либо Крузе не миновать петли!

(Онъ выскакиваетъ въ окно и убѣгаетъ.)

БУЛГАРОВЪ.

Мерзавецъ! — Собрать улановъ. Прости, добрая женщина! *(Громко)* Крузе припомнитъ свое обѣщаніе.

ХРИСТИНА.

О, благослови васъ Богъ!

(Булгаровъ, Штыковъ и Староста уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

ХРИСТИНА, МАРГАРИТА, ЭРИХЪ И КРУЗЕ.

КРУЗЕ, выходитъ изъ шкафа.

Да, я припомню его! Христина, Эрихъ, Маргарита! — Другъ мой! Дѣти мои!

(Всѣ обнимаютъ его.)

ХРИСТИНА, робко.

Зачѣмъ ты вышелъ? Они могутъ воротиться.

КРУЗЕ.

Я едва могъ вытерпѣть. Теперь я самъ пойду въ ихъ лагерь. Если русское оружіе покорило Финляндію — дѣла Рускихъ покорятъ имъ наши сердца.

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И ВОЛЬДЕМАРЪ.

ВОЛЬДЕМАРЪ.

Они идутъ.

КРУЗЕ, смотря въ окно.

Какіе молодцы! — Боже! благослови ихъ. Ну, друзья, сегодня ни пирушкѣ, ни сговору не бывать. — Вольдемаръ! мы вмѣстѣ отправимся въ ту деревню, гдѣ готовились напасть на Рускихъ. Прежде только не мѣшаться въ дѣла другихъ хотѣлъ я, а теперь, теперь долгъ за мной. Мы разскажемъ, какъ чувствуютъ и поступаютъ Рускіе, и насъ послушаютъ. Ѣдемъ, ѣдемъ, немедленно. А завтра и пиръ и сговоръ!

ЭПИЛОГЪ.

Палатка Полковника.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОЛКОВНИКЪ, АДЪЮТАНТЪ И КАУЦЕ, ВХОДЯТЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Если твой разсказъ справедливъ...

КАУЦЕ.

Стану ли я васъ обманывать! Всѣ ваши уланы живы, здоровы и возвращаются сюда, но г. офицеръ отпустилъ Крузе — просто, не взялъ его, и я едва спасся отъ нихъ, когда сталъ спорить.

ПОЛКОВНИКЪ.

Какія могли быть причины?

КАУЦЕ.

Причины? Хе, хе! Можетъ быть... то или другое...

ПОЛКОВНИКЪ.

Бездѣльникъ! ты смѣешь подозрѣвать русскаго офицера?

КАУЦЕ.

Удивительное дѣло! И тамъ меня бранили и здѣсь бранятъ — а, кажется, я добрыя дѣла дѣлаю.

ПОЛКОВНИКЪ.

Если ты павелъ отрядъ нашъ на непріятеля и черезъ часъ онъ не будетъ здѣсь...

КАУЦЕ.

Ну, разумѣется, тогда вы разсчитаетесь со мною петлей, или свинцовымъ горохомъ— и дѣло кончено. Разсудите сами, г. полковникъ: еслибы я захотѣлъ погубить вашихъ солдатъ, какъ могъ бы я появиться къ вамъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты могъ вырваться.

КАУЦЕ.

Ну! изъ русскихъ лапъ вырваться нелегко.

ПОЛКОВНИКЪ.

Не понимаю! Булгаровъ молодой, но храбрый и отличный офицеръ, и Штыковъ былъ при немъ.

АДЪЮТАНТЪ.

Вѣроятно, какое нибудь недоразумѣніе.

ПОЛКОВНИКЪ.

Недоразумѣній въ военной службѣ, г. адъютантъ, не бываетъ. Такъ научились мы еще со временъ великаго Суворова... Ты говоришь, что онъ отпустилъ Крузе?

КАУЦЕ.

Да, полковникъ. И не послушался моихъ совѣтовъ, не уважилъ моего спора, такъ, что я едва могъ самъ убѣжать отъ него.

ПОЛКОВНИКЪ.

Жаль мнѣ Булгарова. Неужели онъ не зналъ, что въ военной службѣ нѣтъ ни извиненій, ни пощады при ослушаніи приказовъ начальника!

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И БУЛГАРОВЪ.

ПОЛКОВНИКЪ.

А! Неожиданный гость!

БУЛГАРОВЪ.

Честь имѣю донести г. Полковникъ, что отрядъ мнѣ ввѣренный возвратился благополучно, не встрѣтившись съ непріятелемъ.

ПОЛКОВНИКЪ, угрюмо.

Исполнили ль вы данное вамъ порученіе?

БУЛГАРОВЪ.

Старался исполнить, но не могъ. Густава Крузе мы не отыскали.

ПОЛКОВНИКЪ.

Проводникъ довелъ васъ исправно?

БУЛГАРОВЪ.

Да.

ПОЛКОВНИКЪ.

Развѣ до прибытія вашего произошла тамъ тревога и жители разбѣжались?

БУЛГАРОВЪ.

Нѣтъ! Они не ожидали насъ. Мы окружили селеніе и никто не могъ убѣжать. Жители не оказали никакого сопротивленія. Мы обыскали всѣ домы, и домъ Крузе, гдѣ нашли его жену и семейство.

ПОЛКОВНИКЪ,

Вы должны были захватить его жену и дѣтей!

БУЛГАРОВЪ.

Я не имѣлъ на то приказанія.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы должны были сами понимать, что вамъ должно дѣлать. Не умножайте вины своей притворствомъ, г. офицеръ. Вы отпустили Крузе?

БУЛГАРОВЪ.

Нѣтъ — я его не видалъ — не нашелъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вы не хотѣли его найдти. Я знаю всѣ подробности — не запирайтесь. Вотъ свидѣтель!

БУЛГАРОВЪ.

Никогда русскій офицеръ не пойдетъ на очную ставку съ предателемъ и шпіономъ. Если вы будете спрашивать меня, какъ начальникъ, какъ неумолимый судья мой, отвѣтъ мой одинъ: я не нашелъ Крузе.

ПОЛКОВНИКЪ.

Знаете ли вы, что васъ ожидаетъ?

БУЛГАРОВЪ.

Можетъ быть, знаю.

ПОЛКОВНИКЪ, помолчавъ.

Вы должны открыть мнѣ причины вашего поступка, г. Булгаровъ. Вы всегда видѣли во мнѣ вашего друга, вашего отца — скажите, откройте мнѣ все. Я не смѣю допустить какого нибудь подозрѣнія...

БУЛГАРОВЪ.

А! я слышу теперь голосъ не грознаго судіи, но благороднаго человѣка, великодушію и нѣжности чувствъ котораго всегда такъ же я удивлялся, какъ мужеству и храбрости его. Я ничего не скрою; будьте судьей моимъ: я могъ схватить Крузе и — не хотѣлъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Г. Булгаровъ!

БУЛГАРОВЪ.

Да, не хотѣлъ, потому, что общій голосъ всѣхъ жителей селенія увѣрилъ меня, что Крузе самый добрый, самый почтенный семьянинъ и никогда не вмѣшивался въ предпріятія противъ насъ, даже совѣтовалъ другимъ не вмѣшиваться и удерживалъ все свое селеніе. Я узналъ въ то же время, что доносщикъ его негодяй, развратный, подозрительный человѣкъ, личный врагъ Крузе.

КАУЦЕ.

Неправда! Крузе зналъ всѣ замыслы; онъ предводилъ всѣми!

БУЛГАРОВЪ.

Клевета! И за его помилованіе мнѣ дали честное слово, клятву, что не только всѣ предпріятія крестьянъ будутъ отнынѣ прекращены, но что они будутъ доставлять намъ добровольно всѣ пособія.

ПОЛКОВНИКЪ.

И вы могли повѣрить!

БУЛГАРОВЪ.

Да, я повѣрилъ, потому, что вѣрю въ добродѣтель человѣка и не вѣрю подлецу, измѣнившему своимъ друзьямъ и землякамъ. Вы сами, полковникъ, поступили бы такъ, какъ поступилъ я.

ПОЛКОВНИКЪ.

Нѣтъ, легковѣрный молодой человѣкъ, нѣтъ!

БУЛГАРОВЪ.

Да, говорю я вамъ, полковникъ, да! Вы разсудили бы, что погибель невиннаго Крузе возбудила бы всеобщее ожесточеніе, а великодушіе привяжетъ, напротивъ, къ намъ сердца всѣхъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Военная служба не допускаетъ такихъ тонкостей и предположеній, г. Булгаровъ. Страхъ и наказаніе—вотъ одни средства укротить негодяевъ.

БУЛГАРОВЪ.

Но воинъ не палачъ, полковникъ, и кровь невиннаго такъ же тяжко падаетъ на его душу, какъ и на душу всякаго. Вы воинъ, вы солдатъ, полковникъ, но вы и человѣкъ, сынъ, отецъ! И когда у ногъ вашихъ лежало бы въ слезахъ семейство добродѣтельнаго, мирнаго семьянина, когда вы видѣли бы что смерть его будетъ смертнымъ приговоромъ ихъ, когда... я помню, какъ вы на своихъ рукахъ вынесли дитя изъ пожара въ Нью Карлеби... Вы вспомнили бы о дѣтяхъ своихъ...

ПОЛКОВНИКЪ.

Замолчите, сударь! *(Онъ старается скрыть свои чувства.)*

КАУЦЕ.

Прекрасныя разсужденія! Теперь, полков-

никъ, вы видите, правъ ли я? Предвѣщаю вамъ, что за великодушіе къ офицеру Крузе славно заплатитъ. Вчера одинъ вашъ отрядъ едва не погибъ, о другомъ и теперь слуху нѣтъ... Вы скоро объ немъ услышите... и кажется, въ этомъ отрядѣ находится вашъ сынъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Замолчи, бездѣльникъ! *(Булгарову)* Вашу саблю, г. офицеръ! Вы виноваты.

БУЛГАРОВЪ.

Виноватъ?

ПОЛКОВНИКЪ.

Судъ рѣшитъ. Вашу саблю, говорю я вамъ.

БУЛГАРОВЪ.

Вотъ она, незапятнанная кровью невиннаго и не обезчещенная трусостью. Возьмите ее, полковникъ, возьмите... Въ вашихъ рукахъ — она въ добрыхъ рукахъ. *(Отдаетъ саблю.)*

ПОЛКОВНИКЪ, беретъ ее.

Я... я жалѣю объ васъ.

БУЛГАРОВЪ.

И уважаете меня въ то же время — невольно одобряете мой поступокъ? Вы сами поступили бы также на моемъ мѣстѣ, повторяю я вамъ.

ПОЛКОВНИКЪ, съ жаромъ.

Да, молодой человѣкъ, да... Но — вы виноваты!

БУЛГАРОВЪ.

О, пусть я буду виноватъ передъ моимъ полковникомъ, когда сердце его, сердце благороднаго человѣка говоритъ за меня.

(Маршъ за сценою.)

ПОЛКОВНИКЪ.

Что это такое?

АДЪЮТАНТЪ, смотритъ изъ палатки.

Нашъ отрядъ возвратился. За нимъ идетъ большой обозъ, окруженный крестьянами... Вашъ сынъ, полковникъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Мой сынъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ШТЫКОВЪ.

ШТЫКОВЪ.

Ваше благородіе, ваше высокоблагородіе! Вѣдь мы не ошиблись — вѣдь онъ честный человѣкъ! Онъ самъ явился здѣсь!

КАУПЕ.

Здѣсь? *(Хочетъ бѣжать.)*

ШТЫКОВЪ, схватываетъ его.

Стой, плутъ! А! я видѣлъ, что ты-то настоящій бездѣльникъ!

ПОЛКОВНИКЪ.

Что ты, Штыковъ?

ШТЫКОВЪ.

Виноватъ, ваше высокоблагородіе! Плута держу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, КРУЗЕ, СЫНЪ ПОЛКОВНИКА, МУСТАФИНЪ, ОФИЦЕРЫ, УЛАНЫ И КРЕСТЬЯНЕ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Сынъ мой!

СЫНЪ.

Батюшка! *(бросается въ его объятія.)*

ПОЛКОВНИКЪ, оправляясь.

Довольно, довольно! Что это значитъ? Кто съ тобой?

КРУЗЕ, почтительно.

Густавъ Крузе, г. полковникъ, жизнь которому сохранилъ сегодня вашъ офицеръ, г-нъ Булгаровъ. Ему обѣщали, что не только всѣ предпріятія крестьянъ противъ русскихъ войскъ прекратятся въ нашемъ округѣ, но мы будемъ доставлять еще къ намъ всѣ нужные припасы. Я не былъ участникъ, но мой голосъ, уваженіе ко мнѣ, мой разсказъ о великодушіи русскаго офицера обезоружили всѣхъ. Я спасъ отрядъ вашъ.

СЫНЪ.

Мы были окружены со всѣхъ сторонъ и вѣрная смерть ожидала насъ. Онъ явился, непріятели безопасно пропустили насъ, вывели насъ на прямую дорогу. На дорогѣ встрѣтили мы цѣлый обозъ, съ проводниками.

КРУЗЕ.

Они всѣ добровольно вызвались ѣхать со-

да. Теперь, ночью, въ лѣсу каждый солдатъ вашъ такъ безопасенъ, какъ у себя дома. А вотъ эти письма покажутъ вамъ, кто былъ измѣнникомъ вашимъ — не мщеніе, а благодарность заставляетъ меня поступать такъ. Ихъ сей часъ отдали мнѣ другіе.

КАУЦЕ, въ бѣшенствѣ.

Такъ ты меня хочешь уличить?

КРУЗЕ.

Совѣсть твоя сама отозвалась.

ПОЛКОВНИКЪ, разсматриваетъ письма.

Какіе умыслы! Какое злодѣйство! Негодяй!

КАУЦЕ.

О, если мнѣ не удалось, такъ вы думаете я стану запираться? Ненавистный Крузе торжествуетъ. А ты, проклятое — *(вынимаетъ кошелекъ и бросаетъ его на землю)* погубило меня.

ПОЛКОВНИКЪ.

Ты убилъ и ограбилъ капитана въ Нью-Карлеби, за что выжгли мы цѣлое селеніе?

КАУЦЕ.

Я.

ПОЛКОВНИКЪ.

Г. Адьютантъ! приказъ объ этомъ убійцѣ давно отданъ. Исполнить! *(Уланы окружаютъ Кауце.)*

КАУЦЕ, падая на колѣни.

Помилуйте меня — выслушайте! *(Уланы его усодятъ.)*

ПОЛКОВНИКЪ.

Г. Крузе! вы честный, благородный человѣкъ. Чѣмъ могу я наградить васъ?

КРУЗЕ.

Я повинуюсь столько же закону, сколько и совѣсти, и вся моя награда — покажите мнѣ того г-на офицера, который спасъ мнѣ жизнь, честь, семейство мое.

ПОЛКОВНИКЪ.

Вотъ онъ!

КРУЗЕ.

Смѣю ли обнять васъ? Или долженъ преклонить предъ вами колѣни, мой благодѣтель?

БУЛГАРОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Обнимите, обнимите меня, какъ друга!

КРУЗЕ.

Можетъ быть, когда перестанетъ война, наступятъ дни мира и счастія — сынъ мой, черезъ много лѣтъ, встрѣтится съ вами и скажетъ вамъ: «Мы благословляемъ имя Булгарова, спасителя жизни, чести и счастья нашего!» — Такая встрѣча усладитъ преклонные дни ваши — она будетъ наградою выше чиновъ, славы, богатства, которыми, можетъ быть, осыплетъ васъ судьба.

ПОЛКОВНИКЪ.

Возьмите вашу саблю, г. Булгаровъ — вы правы — простите меня!

БУЛГАРОВЪ.

Боже мой! я награжденъ выше мѣры; я вѣрилъ добродѣтели людей и — не обманулся...

ШТЫКОВЪ.

И выходитъ такъ, ваше благородіе, что то есть, на примѣръ, изволите видѣть, солдатское сердце, то есть, не ошибается, а добро не гибнетъ.

ПОЛКОВНИКЪ.

Г. Крузе! вы нашъ гость. Раздѣлите нашъ солдатскій обѣдъ, а потомъ поѣзжайте съ Богомъ и разскажите всѣмъ вашимъ, что Русскіе такъ же любятъ весело попировать съ друзьями, какъ грозно мстятъ за измѣну и — крѣпко стоятъ противъ непріятеля! Булгаровъ! обнимите меня! Дай Богъ русскому Царю побольше такихъ офицеровъ, какъ вы!

ВСѢ.

Ура! Ура!

УЛАНСКАЯ ПѢСНЯ.

(Къ драмѣ: «Солдатское сердце.»)

Нѣтъ, разгульные друзья,
Усачи мои лихіе,
Наша дружная семья,
Вы, рубаки удалые!

Правда, любимъ мы гулять
И стрѣляемъ пробкой смѣло,
Но не намъ напоминать,
Какъ съ врагомъ начнется дѣло!

Тутъ похмѣлье ужъ не намъ —
Саблю въ руки! Усъ уланской,
Онъ давно знакомъ врагамъ,
Славенъ онъ на службѣ Царской.

Други! прямо въ жаркій бой!
Пуля-дура промахнется,
А наѣздникъ удалой
Съ нею саблей разочтется.

На ларѣ Георгій къ намъ
Съ громомъ славы вылетаетъ,
И уланамъ молодцамъ
Онъ о чести вспоминаетъ.

Грозенъ Русскій Царь другимъ —
Онъ Отецъ дружинѣ ратной:
За Него, за Нимъ и съ Нимъ,
Разпотѣшься, мечъ булатный!

Други! вспомните отцовъ:
Мы ли славу ихъ забудемъ,
И удалыхъ молодцовъ
Удалѣй еще не будемъ?

Память вѣчная, кто палъ;
Честь тому, кто живъ остался,
Дурь враговъ опохмѣлялъ
И за павшихъ разсчитался!

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ НЕДОТРОГА.

КОМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Вольный переводъ съ Французскаго.

Н. А. ПОЛЕВАГО.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Иванъ Ивановичъ Недотрога, бывшій профессоръ Ришельевскаго Лицея . . . . *Г-нъ Каратыгинъ 2.*
Елисавета Ивановна, дочь его . . . . . *Г-жа Ширлева (вос.)*
Яковъ Яковлевичъ Мироновичъ, докторъ, живущій въ Петербургѣ . . . . . *Г-нъ Борецкій.*
Ѳедотъ Ѳедоровичъ Миловановъ, богатый негоціянтъ. *Г-нъ Сосницкій.*
Андрей Ѳедотовичъ, сынъ его . . . . . *Г-нъ Сергѣевъ.*
Карпъ ИльичъНадоѣдаловъ. *Г-нъ Третьяковъ.*
Ѳекла Ѳеклистовна, жена его . . . . . *Г-жа Сосницкая.*
Ѳома, слуга Мироновича . . *Г-нъ Прохоровъ.*

Дѣйствіе въ Петербургѣ, въ домѣ Мироновича.

Комната въ домѣ Мироновича.

ЯВЛЕНІЕ I.

МИРОНОВИЧЪ И НЕДОТРОГА.

НЕДОТРОГА.

Нѣтъ! Я не пойду къ нему!

МИРОНОВИЧЪ.

Какъ, братецъ, не пойдешь — къ нашему доброму Климу Ѳедорычу, нашему общему другу, однокашнику, съ которымъ мы вмѣстѣ учились! Онъ будетъ въ восторгѣ, увидя тебя.

НЕДОТРОГА.

Въ восторгѣ? Да, онъ знаетъ, что я въ Петербургѣ?

МИРОНОВИЧЪ.

Я говорилъ ему, что жду тебя.

НЕДОТРОГА.

И онъ меня не приглашаетъ. Понимаешь? Какъ же мнѣ идти незваному? Еслибы онъ обходился дружески, такъ я получилъ бы его приглашеніе, такъ, хоть два слова: «приходи обѣдать съ общимъ нашимъ пріятелемъ..» Ну, и онъ же знаетъ, что я долженъ искать его покровительства: онъ теперь въ силѣ, въ милости у Министра, Директоръ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, двѣ звѣзды; подумаетъ, что я ищу, навязываюсь... Ты сегодня приглашенъ къ нему обѣдать — иное дѣло, а я то что такое буду? Старый другъ? Любезнѣйшій! другъ — другъ, а 20 лѣтъ много времени... Онъ теперь значительный человѣкъ и наши отношенія перемѣнились... Нѣтъ! Завтра я сдѣлаю ему формальный визитъ. Увижу въ немъ стараго друга — прекрасно! Загордится онъ, приметъ меня холодно — я Богъ съ нимъ!...

МИРОНОВИЧЪ.

Какъ, братецъ, тебѣ не стыдно подозрѣвать нашего Клима Ѳедорыча! Нѣтъ, слава Богу, каковъ онъ былъ прежде, въ училищѣ, такимъ и остался — добрый, услужливый, простой. Онъ генералъ, чиновникъ — эка важность! Для меня онъ все *Климъ*, какъ ты *Иванъ*, а я для васъ обоихъ *Яковъ*, съ которымъ вмѣстѣ учились вы когда-то у Сохацкаго и Папкевича. Онъ чиновникъ, ты ученый, я лекарь, и всякій изъ насъ по своему шелъ своей дорогой. Повѣрь, что онъ радъ будетъ тебѣ пособить, какъ старому товарищу и почтенному человѣку.

НЕДОТРОГА.

Вотъ мы и увидимъ на дѣлѣ.

МИРОНОВИЧЪ.

Послушай, *дружище*: если я могу увѣрить тебя, что нашъ Климъ Ѳедорычъ не измѣнилъ своего нрава, мнѣ досадно, что и ты остался прежній, съ твоимъ неспоснымъ характеромъ!

НЕДОТРОГА.

Неспоснымъ? Очень благодаренъ. Извините — что жь я такое: неблагодарный, надоѣдало, хваступъ, что ли?

МИРОНОВИЧЪ.

Вотъ ужь ты и сердишься. Совсѣмъ нѣтъ, братецъ: ты чудо человѣкъ, добрѣйшій, милый, почтенный, но — настоящій ты недотрога,.... Твоя подозрительность, твоя вѣчная осторожность, твоя несносная щекотливость... хоть кого выведутъ изъ терпѣнія...

НЕДОТРОГА.

А для чего жь ты давно мнѣ не сказалъ, что теряешь со мною терпѣніе?

МИРОНОВИЧЪ.

Да, полно, братецъ, послушай! Вотъ вѣдь такъ-то твоя покойная жена: ты любилъ ее, обожалъ, но чего не вытерпѣла она отъ твоихъ подозрѣній, твоей ревности, хоть ты самъ зналъ, что она тебя любитъ и что она самая благородная женщина въ мірѣ.

НЕДОТРОГА.

Я ее подозрѣвалъ? Я ревновалъ? До сихъ поръ не могу забыть ее; всегда видѣла она отъ меня ласку, почтеніе, нѣжность. Но какъ же мнѣ было не заботиться, чтобы ни одинъ поступокъ, ни одно слово ея даже не подали повода злымъ языкамъ сказать объ ней что нибудь...

МИРОНОВИЧЪ.

Не подали повода! Ты больше давалъ случаевъ толковать, тѣмъ, что не оказывалъ ей полной довѣренности и былъ несправедливъ, такъ, какъ теперь ты несправедливъ противъ Клима Ѳедорыча — подозрѣваешь его...

НЕДОТРОГА.

Постой, *любезнѣйшій*; вѣдь я еще не совсѣмъ однакожь одурѣлъ отъ моей подозрительности и могу кое-что разсудить. Хорошо, положимъ, что Климъ Ѳедорычъ будетъ мнѣ радъ, по вѣдь у него будутъ *гости*, и я могу быть при нихъ лишній — ну, не лишній, *а некстати*: что, скажутъ, за чудакъ, провинціялъ? Тутъ, а особливо у васъ въ Петербургѣ, примѣчія важное дѣло! Словомъ — такъ ужь я рѣшилъ. Поговоримъ о другомъ. Ты знаешь я пріѣхалъ похлопотать о мѣстѣ, хочу здѣсь поселиться, и конечно, можетъ быть, имѣю нѣкоторыя права, но.....

МИРОНОВИЧЪ.

Но, но... твои права, стараго, почтеннаго, заслуженнаго профессора, таковы, что мѣсто долженъ ты получить непремѣнно. Признаюсь, можешь повѣрить, что я радъ видѣть тебя, еще болѣе радъ, что ты у насъ поселишься, но никогда не ожидалъ я, чтобы ты рѣшился переѣхать въ Петербургъ...

НЕДОТРОГА.

Отъ тебя я не скрывалъ причины и ужь сказывалъ, что когда я находился въ Одессѣ, въ числѣ учениковъ тамошняго Лицея былъ у меня одинъ молодой человѣкъ, сынъ богатаго здѣшняго негоціянта Милованова. Отецъ его, человѣкъ умный, опытный, отдавалъ на волю сыну идти въ службу, продолжать его дѣла, и хоть самъ человѣкъ необразованный, но рѣшился дать сыну воспитаніе самое отличное. По просьбѣ его принялъ я къ себѣ его сына, не щадилъ трудовъ, да и премилый вышелъ юноша. Кончивъ курсъ, онъ никакъ не хотѣлъ оставить своего званія, и по волѣ отца поѣхалъ за границу путешествовать; потомъ занялся дѣлами отцовски-

ми. Переписка наша съ нимъ не прекращалась, но вдругъ получаю я отъ него письмо, гдѣ онъ пишетъ, что давно и страстно любитъ дочь мою; что не хотѣлъ мнѣ о томъ говорить, пока не получитъ согласія отца; что отецъ согласенъ на его свадьбу... Спрашиваю у дочери, и къ удивленію узнаю, что и она смертельно влюблена....

МИРОНОВИЧЪ.

И прекрасно, братецъ! Я слыхалъ о Миловановѣ—извѣстный и почтенный негоціянтъ. Разумѣется, ты отвѣчалъ, что ты согласенъ?

НЕДОТРОГА.

Я стану такъ отвѣчать? Что ты? За кого меня принимаешь? Я просто промолчалъ, и хотѣлъ даже отвѣчать сурово, что мнѣ странно, что я.... Но, дочь упросила меня...

МИРОНОВИЧЪ.

Что жь ты тутъ нашелъ такого неприличнаго?

НЕДОТРОГА.

А то, что если отецъ согласенъ, для чего онъ самъ ко мнѣ не пишетъ? Надобно тебѣ сказать, что я получилъ при томъ и отъ него письмо, гдѣ онъ усердно благодарилъ меня за сына, предлагалъ услуги, и прочее, но — о свадьбѣ молчалъ! Замѣть, молчалъ! — Въ моемъ отвѣтѣ я нарочно завелъ рѣчь объ Одесской торговлѣ, изложилъ нѣсколько моихъ мнѣній... Отецъ не отвѣчалъ мнѣ ничего, а сынъ написалъ второе, преотчаянное письмо.... Тутъ открылось мѣсто здѣсь, въ Петербургѣ. Я написалъ къ тебѣ — ты поскорѣе звалъ меня...

МИРОНОВИЧЪ.

А что жъ бѣдняжка влюбленный?

НЕДОТРОГА.

На второе письмо увѣдомилъ я его, такъ, очень холодно, что случай открывается мнѣ ѣхать въ Петербургъ, и тутъ, очень тонко намѣкнулъ, что объ *извѣстномъ ему дѣлѣ*, до личнаго знакомства съ отцомъ я ничего не могу сказать, когда, понимаешь, и настоящая-то причина моего сюда-пріѣзда, а можетъ быть и переселенія, исполнить взаимное желаніе его и дочери моей...

МИРОНОВИЧЪ.

Охъ, ты, братецъ, съ своими тонкостями....

НЕДОТРОГА.

Приличія, любезнѣйшій — что жь мнѣ навязываться развѣ съ моею дочерью?.. Ей Богу, не разсудятъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

НЕДОТРОГА.

Здравствуй, мой другъ! Ну что? Опять?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька!

НЕДОТРОГА.

Такъ! Опять о томъ! Вотъ, братецъ, разсуди ты насъ съ дочерью. Я ужь говорилъ тебѣ подробно о Миловановыхъ — просить, чтобы я поскорѣе увѣдомилъ ихъ о нашемъ пріѣздѣ.

МИРОНОВИЧЪ.

Разумѣется. А что жь препятствуетъ?

НЕДОТРОГА.

Какъ: что? Писать, значитъ вызваться мнѣ самому — имъ, богачамъ, когда они должны предупредить...

МИРОНОВИЧЪ.

А какимъ образомъ имъ предупредить, когда они не знаютъ о твоемъ пріѣздѣ?

НЕДОТРОГА.

Правда... Да... Но я такъ и думалъ — прожить здѣсь съ недѣлю, поосмотрѣться, а потомъ, будто мимоходомъ, завернуть къ нимъ, отнюдь не давая повода.

МИРОНОВИЧЪ.

Да не подумаютъ ли они тогда, что ты пренебрегаешь ими?

НЕДОТРОГА.

Да неужли же мнѣ тотчасъ бѣжать, а еще больше писать...

МИРОНОВИЧЪ.

Именно написать. Скажи, что не зная, когда ты можешь посѣтить ихъ, не отвлекая отъ дѣла...

НЕДОТРОГА.

Да, развѣ такъ...

МИРОНОВИЧЪ.

Ты рѣшаешься спросить предварительно...

НЕДОТРОГА.

Да, вотъ этакъ развѣ... Но, все однакожь...

МИРОНОВИЧЪ.

Садись-ка, да пиши.

НЕДОТРОГА.

Но....

МИРОНОВИЧЪ.

Ты своими сомнѣніями взбѣсишь меня и я самъ напишу....

НЕДОТРОГА.

Ну, ну!... *(Садится)* Да, кажется, тутъ неприличія никакого не будетъ?.. *(Пишетъ)*

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА, Мироновичу.

Ахъ! какъ я вамъ благодарна!

МИРОНОВИЧЪ.

И, милый другъ! Вѣдь и я бывалъ и влюбленъ и молодъ... Радуюсь сердечно твоему счастью.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Я увѣрена, что онъ самъ тотчасъ прибѣжитъ, но, признаюсь вамъ, трепещу встрѣчи папеньки съ его отцомъ!

МИРОНОВИЧЪ.

Что жь такое?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Онъ мнѣ говаривалъ, что отецъ его самый милый, любезный человѣкъ, но только терпѣть не можетъ этикетовъ, всѣмъ говоритъ *ты*, обходится безъ *фасоновъ*, любитъ высказывать правду въ глаза, и такой притомъ поспѣшный и рѣшительный во всѣхъ дѣлахъ.

МИРОНОВИЧЪ.

То есть, совершенная изнанка твоего батюшки. Хорошо, что ты меня предупредила; надобно взять мѣры — я буду наблюдать... уговоримся съ сыномъ... Ну, а сынъ его каковъ? *(Смѣется)*

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА, стыдливо.

Ахъ! если бы вы его видѣли!

НЕДОТРОГА, читая письмо.

Кажется, это будетъ учтиво и прилично *(Читаетъ)*: «Пріѣхавши въ Петербургъ, весьма радъ бы я былъ повидаться съ вами *и имѣть честь познакомиться* съ вашимъ почтеннымъ родителемъ, но не зная, когда могу обезпокоить его моимъ посѣщеніемъ не отвлекая отъ дѣлъ... Благоволите увѣдомить.. Адресъ мой...»

МИРОНОВИЧЪ.

Не стыдно ли писать такъ холодно къ своему бывшему ученику и жениху твоей дочери? Дружеское ли это письмо?

НЕДОТРОГА.

А какъ же иначе? И тутъ: «Радъ бы повидаться» — неучтиво... Если онъ покажетъ отцу.... А слова: «имѣть честь» — не низко ли слишкомъ?

МИРОНОВИЧЪ.

Полно, братецъ! Пиши поскорѣй адресъ, да и давай, я отошлю немедленно.

НЕДОТРОГА.

Ну, такъ и быть... Запечатать... Облаткой неучтиво.

МИРОНОВИЧЪ.

Все равно! Эй, Ѳома!

НЕДОТРОГА.

Да, лучше бы по городской почтѣ... Можетъ быть, Ѳома тебѣ будетъ самому нуженъ?

МИРОНОВИЧЪ.

Твое дѣло нужнѣе моихъ. Ѳома, Ѳома!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И ѲОМА.

МИРОНОВИЧЪ.

Возми, братецъ, извощика, и тотчасъ отвези вотъ это письмо...

НЕДОТРОГА.

На что же извощика? Дай же мнѣ дать ему на извощика...

МИРОНОВИЧЪ.

Сочтемся. Да попроси отвѣта — слышишь!

НЕДОТРОГА.

Но для чего жь отвѣта просить? Какъ имъ будетъ угодно — только отдать.

МИРОНОВИЧЪ.

Попроси отвѣта. Что ты сталъ?

ѲОМА.

Тамъ, сударь, васъ спрашиваютъ.

МИРОНОВИЧЪ.

Кто?

ѲОМА.

Какой-то господинъ Надоѣдаловъ съ супругой.

МИРОНОВИЧЪ.

Надоѣдаловъ?

ѲОМА.

Говоритъ, изъ Пскова, вишь, пріѣхали, и вашъ дескать старый знакомый.

МИРОНОВИЧЪ.

Кто такой? Проси сюда, а самъ бѣги скорѣе.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, безъ ѲОМЫ.

МИРОНОВИЧЪ.

Надоѣдаловъ? Изъ Пскова? Ужь не Карпъ ли Ильичъ съ Ѳеклой Фекластовной? Чего добраго!

НЕДОТРОГА.

Не помѣшаемъ ли мы вамъ?

МИРОНОВИЧЪ.

И, нѣтъ! Если это Карпъ Ильичъ, такъ надобно тебѣ знать, что я имѣлъ несчастіе вылечить его, когда ѣздилъ третьяго года къ брату во Псковъ. Они навязались мнѣ съ тѣхъ поръ съ своею дружбою, мучатъ меня коммиссіями — жена болтунья, пренесносная, надоѣдала, попрошайка, а мужъ хвастунъ, лжецъ и пречванный; и притомъ съ претензіями на ученость и на литературу... Да зачѣмъ ихъ понесетъ въ Петербургъ? Это, вѣрно, не они!

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА, за дверьми.

Гдѣ же онъ? Здѣсь? а? здѣсь?

МИРОНОВИЧЪ.

Точно, они! Ахъ! несносные...

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ же, Г-ПЪ И Г-ЖА НАДОѢДАЛОВЫ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Ждали ль гостей? Здравствуйте, батюшка, Яковъ Яковлевичъ! Здравствуйте, мой родной, мой благодѣтель! Дайте обнять, расцѣловать себя! Вы не ожидали насъ? А рады вамъ? Ужь не говорите: знаю, знаю, какъ вы намъ обрадовались, знаю, вижу! Ахъ, Боже мой! Вотъ привелъ Богъ... Дайте обнять себя еще разъ, еще разъ...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ, обнимая.

Сто разъ, тысячу разъ! Мы къ вамъ прямо — остановились у васъ съ коляскою — искали — искали васъ. Такъ нетерпѣливо хотѣлось видѣть, обнять, расцѣловать нашего добраго друга, моего спасителя, моего благодѣтеля....

МИРОНОВИЧЪ.

Мнѣ лестно...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Да ужь не говорите, не говорите — мы знаемъ, что вы для насъ все сдѣлаете. Васъ всѣ такъ любятъ, у васъ столько знакомыхъ, столько друзей...

МИРОНОВИЧЪ, Недотрогѣ.

Куда же ты?

НЕДОТРОГА.

Мнѣ надобно сдѣлать нѣсколько визитовъ....

МИРОНОВИЧЪ.

Ну, а обѣдаемъ мы вмѣстѣ?

НЕДОТРОГА.

Я ужь тебѣ говорилъ....

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

А это, вѣрно, вашъ знакомый? Рекомендуемъ, сударь, себя: мы друзья Якова Яковлевича и вы другъ ему, такъ удостойте и насъ дружбою... Позвольте... *(Цѣлуется.)*

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Позвольте — рекомендуюсь... *(Цѣлуется съ Недотрогою.)*

МИРОНОВИЧЪ, Недотрогѣ.

Такъ, я поставлю на своемъ: заѣду къ вашему Климу и скажу ему, что ты здѣсь, и что безъ его приглашенія и пока визита не сдѣлаешь ему...

НЕДОТРОГА.

Ради Бога! Что ты? Онъ подумаетъ, что я просилъ тебя. Мы пообѣдаемъ, братецъ, здѣсь, съ дочерью, если это только тебя не стѣснитъ. Вѣдь у тебя горшокъ щей найдется?

МИРОНОВИЧЪ.

Вотъ еще! Считай себя, какъ дома — все къ твоимъ услугамъ!

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Все къ услугамъ друзей! Ахъ! Боже мой! Ну, гдѣ нынѣ найдешь такихъ добрыхъ друзей.... Золотой вы, безцѣнный Яковъ Яковлевичъ, драгоцѣнный!

МИРОНОВИЧЪ.

Сударыня! мы знакомы съ нимъ еще съ училища, однокашники... на одной скамьѣ сидѣли.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Ахъ! сударь! Какъ вы счастливы! Но ужъ мы побьемся объ закладъ, что любимъ нашего общаго друга неменьше, хоть знакомы только года четыре...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, съ того времени, когда онъ спасъ мнѣ жизнь...

МИРОНОВИЧЪ, въ сторону.

На бѣду себѣ! (*Недотрогѣ*) Не надобна ли тебѣ коляска? Я ѣду на дрожкахъ. Не тѣсны ли комнаты? Выбирай себѣ любыя.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Выбирай любыя! Ахъ! Боже мой! Да этакую квартиру, какъ у нашего друга...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

И въ Петербургѣ, въ лучшемъ мѣстѣ, на Невскомъ Проспектѣ...

НЕДОТРОГА.

Благодарю, благодарю! Помѣщеніе у меня прекрасное, и — пусть я каковъ ни есть, но, право, умѣю цѣнить дружбу твою и вѣрю ей — да, вѣрю и благодарю! (*Уходитъ.*)

МИРОНОВИЧЪ, смотря въ слѣдъ ему.

Я самъ вѣдь тебя знаю лучше тебя самаго. (*Въ сторону*) Чего эти надоѣдалы отъ меня хотятъ? (*Елисавету Ивановну*). Ну, мы еще увидимся, милый другъ... (*Онъ провожаетъ ее и говоритъ съ ней тихо*).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

Г-НЪ И Г-ЖА НАДОѢДАЛОВЫ И МИРОНОВИЧЪ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Ей Богу, даже трогательно видѣть такого рѣдкаго человѣка для его друзей! Ахъ! милый Яковъ Яковлевичъ?

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

То есть, стоической нравственности философъ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

То то-же! А ты еще говорилъ, какъ намъ къ нему пріѣхать не предваривши его письмомъ! Да, онъ затѣется для насъ. Надобно просить его, чтобы онъ уменьшилъ усердіе. Вѣдь, право, совѣстно даже...

МИРОНОВИЧЪ, возвращаясь.

Какъ ни пріятно мнѣ ваше посѣщеніе, Ѳекла Ѳеклистовна, Карпъ Ильичъ, но вы знаете, что медикъ не господинъ своего времени... Извините...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Вотъ еще что вздумали—извиняться! Да полно-те, Яковъ Яковлевичъ! Мы васъ не женируемъ; идите себѣ, куда угодно...

МИРОНОВИЧЪ.

Надѣюсь, мы еще увидимся? Увѣдомьте, гдѣ вы остановитесь и я самъ буду имѣть честь...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА, усѣхаясь.

Гдѣ остановимся? Вѣдь вы знаете нашу къ вамъ дружбу и какъ мы васъ любимъ и уважаемъ...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

И еслибы вы пріѣхали въ Псковъ, да не у насъ остановились, такъ я и... Боже сохрани!

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Въ этихъ проклятыхъ гостинницахъ Петербургскихъ, говорятъ, такъ все гадко и все такъ дорого...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Въ надеждѣ на дружбу вашу...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

-Да, вы же при насъ говорили другу своему, что у васъ еще есть комнатки, кромѣ тѣхъ, которыя занимаетъ онъ...

МИРОНОВИЧЪ, нетерпѣливо.

Что же вамъ угодно?

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Да, то, что мы безъ спроса хозяина — ваши жильцы — просимъ любить, да жаловать!... А? Что? Вы не ожидали такого сюрприза? То-то же! Ха, ха, ха! *(Мужъ хлопнетъ и также хохочетъ.)*

МИРОНОВИЧЪ.

Но, но...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Что вы думаете, что намъ будетъ не удобно? Полно-те! Мы только недѣльки двѣ, три, проживемъ у васъ — извольте-ка угощать гостей... вѣдь мы, провинціялы, прихотливы... Ха, ха, ха, ха!

МИРОНОВИЧЪ.

Вы дѣлаете мнѣ очень много чести, но только...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ

Неужли между друзьями надобны извиненія? Стыдитесь! Мы люди безъ чиновъ, то есть, не безъ чиновъ, а... безъ чиновъ.

МИРОНОВИЧЪ.

Жаль, что вы не предувѣдомили...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Онъ и хотѣлъ было, да я руками и ногами! — «Нѣтъ — говорю ему — сдѣлаемъ сюрпризъ!»

МИРОНОВИЧЪ.

Право, я еще не знаю, могу ли услужить...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Да, полноте-же извиняться! Какъ вамъ не стыдно! Что вы въ самомъ дѣлѣ! Развѣ мы потребуемъ чего нибудь важнаго? Комнатки двѣ, три, да его камердинеру; поклажа вся въ колескѣ — два сундука — ну, ихъ куда нибудь — кровать у васъ найдется, а выѣхать намъ случится, тоже у васъ есть на чемъ, а не то, вѣдь мы и пѣшкомъ и извощика можемъ нанять...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Мы и смотрѣть не станемъ, какое вы намъ отведете помѣщеніе, только бы съ вами быть...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Идите-ка, идите посѣщать своихъ больныхъ, а мы безъ васъ тутъ распорядимся. Поди, мой другъ, вели поскорѣй тащить — сперва чемоданы; да шкатулку-то самъ принеси, а сундукъ потомъ...

МИРОНОВИЧЪ.

Но, извините, если я скажу вамъ...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Ужь не о томъ ли, гдѣ мы сегодня обѣдаемъ? Да, просто, съ вашимъ другомъ и его любезною дочкою. Вѣдь вы сами-то сегодня куда-то въ гости? Но когда у васъ найдется тарелка супу для него, такъ и намъ довольно, а тамъ уладимъ; у семерыхъ восьмой сытъ будетъ. У насъ есть еще дорожный запасъ...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Кажется, этотъ вашъ пріятель такой любезный долженъ быть?

МИРОНОВИЧЪ, съ досадой.

Да, но только онъ ужасно боится быть въ тягость другимъ, надоѣдать кому нибудь, и навязываться на шею...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

А какъ же иначе-то? Я самъ терпѣть не могу людей безстыдныхъ и навязчивыхъ.... Однако жь, вы женируетесь съ нами... Идите... любезный Яковъ Яковлевичъ, а мы тутъ станемъ таскать, ладить...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

А какъ вы воротитесь, мой почтеннѣйшій, такъ ужо, хоть вечеркомъ, разскажемъ, зачѣмъ мы пріѣхали въ Петербургъ.

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, что, мой почтеннѣйшій: надоѣло даромъ хлѣбъ-соль есть и губить мое дарованіе во Псковѣ—хочу имѣть мѣстечко. Есть на примѣтѣ, и именно по-мнѣ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Мы съ вами хотѣли посовѣтоваться. Гдѣ ему самому хлопотать! Что они смыслятъ въ дѣлахъ — эти ученые люди! Все на себя беру, а ужь вы меня поруководствуйте — куда ѣхать, гдѣ попросить, къ кому забѣжать... Ужь я васъ помучу, поѣзжу съ вами...

Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

Однакожь, мой другъ, мы задерживаемъ нашего друга...

г-жа Надоѣдалова.

Въ самомъ дѣлѣ. Поди скорѣй — вели Филькѣ да Акулькѣ... Нѣтъ, постой, лучше я самъ пойду... Ты не знаешь... Чиниться нечего... Мы у Якова Яковлевича люди домашніе... Вели тамъ поскорѣе, знаешь, тотъ коробъ сюда... *(Уходитъ и за дверьми слышны еще ея рѣчи).*

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Мироновичъ, одинъ.

Сдѣлайте милость — видано ли такое безстытство? Насильно влѣзли и располагаются себѣ, какъ будто дома...

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Мироновичъ и Недотрога, съ шляпой и палкой.

Мироновичъ.

Ты ѣдешь?

Недотрога.

Да, хочу отнести рекомендательныя письма. Я, право, не просилъ — даже отговаривался, но мнѣ навязали... Если бы ты зналъ, чего мнѣ стоитъ являться просителемъ... Ну, нечего дѣлать!... Да что? Ты какъ будто сердишь?.. Что такое сдѣлалось?

Мироновичъ.

Такъ, братецъ — досада!

Недотрога.

Что такое — скажи, сдѣлай милость?

Мироновичъ.

То, что отъ любезныхъ друзей приходится хоть изъ дома бѣжать!..

Недотрога.

Какъ?

Мироновичъ.

Этакъ всякаго, кого знаешь, помѣщать у себя, такъ сбѣгутся къ тебѣ со всѣхъ сторонъ знакомые и друзья... чортъ бы ихъ побралъ!

Недотрога, недовѣрчиво.

А, а!

Мироновичъ.

У нихъ въ провинціи привыкли пріѣзжать на цѣлый мѣсяцъ въ гости, съ семьею, съ лошадьми, съ дѣтьми, съ нянюками, съ собаками, а здѣсь въ Петербургѣ, гдѣ и самъ-то кое-какъ жмешься.

Недотрога.

А! Я понимаю твои слова.

Мироновичъ.

Что: *понимаешь?* Развѣ я объ тебѣ говорю?

Недотрога.

Да, ты говоришь о провинціялахъ, которые пріѣзжаютъ въ Петербургъ, останавливаются у пріятелей и стѣсняютъ ихъ.

Мироновичъ.

То есть, объ этихъ проклятыхъ Надоѣдаловыхъ, которые навязались мнѣ въ жильцы... Друзья! И съ чего они мнѣ друзья?

Недотрога.

Да, и въ самомъ дѣлѣ, непріятно. Но зачѣмъ же не сказать просто своихъ мыслей? Къ чему обиняки? Ты долженъ былъ предупредить меня, а то вѣдь ты самъ предложилъ мнѣ у себя квартиру...

Мироновичъ.

А эти навязались ко мнѣ....

Недотрога.

Но волей или неволей, а стѣсненіе отъ гостей все равно. Зачѣмъ деликатничать, мой другъ? Мы останемся друзьями, хоть я и переселюсь отсюда.

Мироновичъ.

Какъ: *переселюсь?*

Недотрога.

Очень понятно какъ. Положимъ, что я тебя и не стѣснялъ бы, и ты мнѣ радъ, но вотъ теперь у тебя еще гости — у меня дочь, у того жена, и безстыдно было бы мнѣ пользоваться твоею лаской...

Мироновичъ.

Что ты? Смѣешься надо мною что ли, или въ самомъ дѣлѣ? Что это, братецъ, нельзя слова сказать, чтобы ты не припялъ на свой счетъ? Развѣ не сей часъ просилъ я тебя выбрать лучшія комнаты?

Недотрога.

За что же сердиться? Съ тобой говорить нельзя!

МИРОНОВИЧЪ.

Да, еслибы я не любилъ тебя, такъ, право, не сталъ бы съ тобой говорить! Несносный ты человѣкъ! Слушай: если въ самомъ дѣлѣ ты уѣдешь отъ меня — ей Богу, я съ тобой поссорюсь навсегда — вотъ тебѣ честное слово — и не встрѣчайся послѣ того!

НЕДОТРОГА.

Ну, ну, не сердись — вѣдь я такъ...

МИРОНОВИЧЪ.

А этихъ безстыдныхъ гостей — нечего дѣлать, гони, такъ не выгонишь! И они же хотятъ заставить меня хлопотать... Ахъ! проклятые провинціялы! — По неволѣ станешь хлопотать, чтобы поскорѣе сбыть ихъ съ рукъ. Ну, чортъ съ ними! Прежде подумаемъ о томъ, какъ услужить тебѣ. Ступай съ своими письмами... А, вотъ и Ѳома! Ну, что, есть отвѣтъ? Есть. Читай покамѣстъ... до свиданья! *(Уходитъ).*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

НЕДОТРОГА и ѲОМА.

НЕДОТРОГА.

Ну, мой другъ, ты отвезъ письмо?

ѲОМА.

Отвезъ, сударь.

НЕДОТРОГА.

Ну, какой же отвѣтъ?

ѲОМА.

Отвѣтъ, сударь? *(Смѣется)* Они изволили сказать, что я дуракъ, сударь. Такой отвѣтъ.

НЕДОТРОГА.

Что это значитъ?

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька! вы еще не ушли.

НЕДОТРОГА.

Я вотъ слушалъ, что отвѣчалъ па письмо мое г. Милованов.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Отвѣчалъ? Ахъ! Что же онъ отвѣчалъ, папенька?

НЕДОТРОГА.

Довольно страпный отвѣтъ. Онъ, просто, обругалъ бѣднаго послаппаго...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Помилуйте! Какъ это можно? *(Ѳомѣ)* Мой другъ! что сказали тебѣ?

ѲОМА, смѣясь.

Да что сказали! Я пришелъ и засталъ ихъ милость и письмо отдалъ. Онъ прочиталъ и засмѣялся, и говоритъ тутъ какому-то молодцу — такой красивый собой...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА, радостно.

Это онъ!

ѲОМА.

И говоритъ: «Вотъ, братецъ! паслу пріѣхали!» А тотъ ему: «Ахъ, батюшка, позвольте... «Нѣтъ», говоритъ старикъ, «докончи сперва почту.» А тотъ ему: «Позвольте!»— а я и говорю, что-молъ изволите приказать въ отвѣтъ? «А онъ старикъ — атъ, отецъ что ли, говоритъ: «Отвѣчать?» — Да, говорю, отвѣтъ приказали спросить. А онъ—«Дуракъ,» говоритъ, «ты, братецъ»... и, далъ мнѣ цѣлковый. А тотъ, сынъ-то что ли его, бросился ко мнѣ: «Съ папенькою ли Елисавета Ивановна?» — Съ нимъ-молъ. А онъ какъ обрадуется — чуть не запрыгалъ. «Ступай,» говоритъ — я сейчасъ буду въ слѣдъ за тобой! Вотъ я и пошелъ...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Батюшка! слышите ли?

НЕДОТРОГА.

Да, правда, но зачѣмъ же такъ грубо отвѣчать? Кажется, и служитель Якова Яковлевича не очень доволенъ, даромъ что дали ему цѣлковый. Посмотри, какъ онъ косо на насъ смотритъ. Вѣдь и у этихъ людей есть также свое честолюбіе.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Ахъ! папенька! Да, развѣ вы невидите, что онъ отъ природы косой и отъ того такъ косо смотритъ!

НЕДОТРОГА.

Право? И въ самомъ дѣлѣ! На, вотъ тебѣ на водку, мой другъ — спасибо!

ѳома.

Покорнѣйше благодарю — лишнее. Какой вы добрый, сударь! Дай вамъ Богъ здоровья! *(Уходитъ)*

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же, безъ ѳомы.

елисавета ивановна.

Ахъ! какъ было вы меня испугали! Я Богъ знаетъ что подумала!

недотрога.

Однакожь, какъ же не отвѣчать? Неучтиво! Какъ чужому слугѣ сказать: дуракъ? А потомъ далъ рубль серебра... Это именно значитъ: «Я богачъ, могу дѣлать, что хочу, а вы всѣ дрянь — бѣдняки...»

елисавета ивановна.

Можно ль такъ объ немъ думать!

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и миловановъ, сынъ.

миловановъ.

Ахъ! сударыня! васъ ли я вижу? Боже мой! Какъ я радъ. *(Цѣлуетъ руки Елисаветы Ивановны)*

елисавета ивановна.

Вы забываете поздороваться съ отцомъ моимъ, Андрей Ѳедотычъ.

миловановъ.

Ахъ! извините, Иванъ Ивановичъ! Ей Богу! я въ восторгѣ...

недотрога.

Вѣрю, вѣрю, что старика отца можно забыть, увидѣвши ту, кого любишь; мы, старики, такая дрянь...

миловановъ.

Возможно ли! Вы можете думать?

недотрога.

Я шучу! *(Обнимаетъ его)*. Здравствуйте, мой милый ученикъ! Какой же вы стали молодецъ!

миловановъ.

Чего я не придумалъ, когда вы отвѣчали мнѣ такъ холодно... Но вашъ пріѣздъ доказательство, что вы согласны на мое счастіе...

недотрога, холодно.

Да, дѣла мои потребовали, какъ я уже писалъ вамъ, пріѣзда въ Петербургъ...

миловановъ.

Дѣла! Но развѣ только дѣла? Развѣ вы не согласны осчастливить меня?... Елисавета Ивановна!

елисавета ивановна, отцу.

Папенька!

недотрога, холодно.

Мы увидимъ, и искренно скажу, что я не могу противиться союзу дочери моей съ вами...

миловановъ.

Боже мой! Я счастливѣйшій человѣкъ!

недотрога.

Но могутъ быть препятствія...

миловановъ.

Препятствія? Вы ужасаете меня!

недотрога.

Ужасаться нечего, мой любезный Андрей Ѳедотычъ. Вы зависите отъ вашего батюшки...

миловановъ.

Онъ совершенно согласенъ.

недотрога.

Мнѣ подобно съ нимъ прежде повидаться, познакомиться.

миловановъ.

Онъ самъ этого нетерпѣливо желаетъ.

недотрога.

А до тѣхъ поръ я ничего не могу сказать. Признаюсь, пріемъ моего посланнаго показался мнѣ.... немножко страненъ.... Можно было удостоить меня хоть какимъ нибудь отвѣтомъ и не называть его дуракомъ.

миловановъ.

Не лучше ли всякаго отвѣта, что онъ позволилъ мнѣ идти поскорѣе къ вамъ. Онъ такъ былъ занятъ почтой...

недотрога,

Такъ вы бросили ваше дѣло? Мнѣ жаль, если вашъ родитель.....

миловановъ.

Помилуйте! Онъ самъ явится вслѣдъ за мной. Я вамъ ужь и прежде говаривалъ, что

онъ человѣкъ благородный, добрѣйшій, но терпѣть не можетъ чиновъ и церемоній.... «Ступай,» сказалъ онъ мнѣ, «и скажи будущему моему свату...

НЕДОТРОГА, угрюмо.

Свату!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька! —

МИЛОВАНОВЪ, робко.

Я повторяю его слова. Сдѣлайте милость, вѣрьте его сердцу, вѣрьте благодарности его вамъ за мое воспитаніе, вѣрьте любви моей къ вашей милой дочери...

НЕДОТРОГА.

Тсъ! молодой человѣкъ! О *любви* еще ни слова, и въ письмѣ вашемъ.... (*Грозитъ ему*)

МИЛОВАНОВЪ.

Неужели вы могли оскорбиться моею нескромностью?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Ахъ, папенька! Вѣдь вы говорили....

НЕДОТРОГА.

Дайте намъ познакомиться прежде съ вашимъ родителемъ, любезнѣйшій Андрей Ѳедотычъ....

МИЛОВАНОВЪ.

Ахъ! вотъ онъ и самъ... и что то шумитъ! Ужь у него такой обычай....

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

МИЛОВАНОВЪ отецъ, за дверью.

Врешь, братецъ, врешь — тутъ тебѣ еще гривенникъ на водку! Что ты, плутъ этакой! Стану я тебя общитывать... (*Входитъ*) Везъ прегадко, и дай ты имъ хоть цѣлковый лишняго, все будетъ просить *на водку*! Такой народъ, а ужь слачи вѣрно пѣтъ, и не спрашивай, а вѣдь сѣсть... Все лгутъ, разбойники!

МИЛОВАНОВЪ, сынъ.

Батюшка!

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Взбѣситься надобно. — Право, подумаешь, что на каждомъ шагу люди только (*бросая на столъ шляпу и палку*) о томъ и думаютъ, какъ бы обсчитать!... А! это вы мой незнакомый дружище, *сантиссимусъ* профессоръ, Иванъ Ивановичъ сынъ Недотрога.. Ха, ха, ха! Такъ, кажется васъ зовутъ? Здравствуйте, здравствуйте!... Э! э! А мой негодный сынишка ужь успѣлъ прибѣжать сюда... разбойникъ... Гдѣ же наша красавица? Здравствуйте, сударыня, (*цѣлуетъ руку Елисаветы Ивановны,*) здравствуйте, да вотъ какъ еще здравствуйте! Да, у тебя, братецъ, вкусъ не дуренъ — хороша, хороша! Ну, что же, папа-профессоръ, стоишь? Обнимемся!

(Крѣпко обнимаетъ его)

НЕДОТРОГА.

Милостивый государь!

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Съ вашего позволенія, а я сяду. (*Елисаветѣ Ивановнѣ*) Милый дружочикъ! пододвинь-ка мнѣ, старику, кресельцы — спасибо, спасибо, умница! Чортъ возми! усталъ, стоя за конторкою; сегодня у насъ пребольшая почта, да ужь бросилъ все.... взялъ поскорѣе кабріолетъ и катай сюда — хотѣлъ познакомиться, повидаться.... Да, садитесь, братцы, что вы всѣ стоите? Ну, или какъ хотите! У меня такой обычай — принужденія нѣтъ! *Либерта либертасъ*! Ха, ха, ха! Такъ, что ли, папа-профессоръ? Ты думаешь, нашъ братъ и не знаетъ по латынѣ? Нѣтъ, дружище, я знаю — *пекунія, пекунія*, а тамъ ужь *виртусъ*... Такъ? Ха, ха, ха!

НЕДОТРОГА.

Милостивый государь! я осмѣливаюсь думать....

МИЛОВАНОВЪ отецъ.

А что думаешь, то и говори на чистоту, дружище, а колѣнца не выкидывай — ужь у меня такъ, у Ѳедота Ѳедорова Милованова, вашего покорнѣйшаго слуги. Вотъ чего не терплю — лжи и хитрости, хоть и не дамъ себя обмануть: Ѳедотъ, да не тотъ!... Давай-ка руку... Ну! что наше дѣло, папа профессоръ? Э, да, да! (*встаетъ*) *Сантиссимусъ*! Прежде дружбы, знаешь ли — я хочу съ тобой, братъ, ссориться?

НЕДОТРОГА, изумляясь.

Ссориться!

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Да, сударь, да, ссориться!

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Этакъ, сударь, честные люди не поступаютъ?

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Да, что ты, братецъ, отвяжись отъ меня! Затвердилъ: *батюшка, батюшка!* Какъ съ нимъ не ссориться? Для чего, чортъ возми, вамъ неугодно было, папа-профессоръ, прямо пріѣхать ко мнѣ? Что? Развѣ у меня недостало бы тебѣ мѣста? Да, я и все твое училище-то въ своемъ домѣ помѣщу! Зачѣмъ вы изволили остановиться у вашего стараго доктора, стѣсняете его... а?...

НЕДОТРОГА, улыбаясь.

Предметъ для ссоры выбранъ вами, милостивый государь, такой, что поссориться за него нельзя... Но мнѣ казалось, что отношенія наши....

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Отношенія! Охъ, вы, ученый народъ! То-то: звѣзды съ неба хватаете, а подъ носомъ ничего не видите. Да, по отношеніямъ-то вамъ и должно было остановиться у меня .... Вѣдь наши ребятишки, кажется, между собой поладили... Спасибо, братъ сватушка, за сына: ты выучилъ его славно, да и малый то славной— работникъ какой; ученъ, а не гнушается нашимъ купеческимъ званіемъ, не гоняется за рангомъ индѣйскаго пѣтуха 15-го класса... А какъ влюбленъ, матушка, (*Елисаветѣ Ивановнѣ*) словно мокрая кошка!... Вѣдь покою не далъ—провались ты, говорю—ну, женись, братецъ, поскорѣе! Вѣдь мы приданаго не спросимъ; хоть у отца и ничего нѣтъ, такъ у насъ есть. Что онъ чудо человѣкъ, такъ, а ужь денегъ, разумѣется, не спрашивай—когда у ученыхъ деньги бываютъ!

НЕДОТРОГА.

Какъ, милостивый государь? Неужели вамъ угодно упрекать меня въ моемъ небогатомъ состояніи?

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Э, вотъ еще что выдумалъ, чортъ знастъ что! Я не про-то говорю — прошу дослушать порядкомъ.

НЕДОТРОГА.

Какъ вамъ угодно?...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Я говорю, что я тебя богаче — это не твоя вина. За то ты меня ученѣе — это не моя вина, что меня учили на мѣдныя деньги... Ну, да скорѣе къ дѣлу; ребята наши полюбили другъ друга; дѣвочка-то, я думаю, вѣдь ужь сказала папенькѣ: «люблю,» дескать, или какъ тамъ у нихъ говорится. А мой уши мнѣ прожужжалъ... Остается намъ перекинуть, сладить дѣло, да и веселымъ пиркомъ. А впрочемъ, тутъ не моя вина, что дѣло до сихъ поръ тянулось. Я все ждалъ, не пришлетъ ли профессоръ мой? Нѣтъ! пишетъ мнѣ о коммерческихъ дѣлахъ Одессы, о торговлѣ, въ чемъ — извини, *савантисимусъ*, ты вовсе толку не знаешь. Бывало, начну читать твое письмо и расхохочусь; пишетъ мнѣ всякій вздоръ, какъ будто я не понимаю, что и переписку-то со мною заводитъ онъ чтобы свести дѣло на сватовство? А? Что? Обманулъ? Ха, ха, ха, ха!

НЕДОТРОГА.

Какъ, милостивый государь? Вы изволили думать, что не изъ усердія моего къ вамъ, а желая отдать дочь мою за вашего сына, я поддерживалъ переписку?

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Ну, ну, положимъ изъ усердія—да, полно, братецъ, привязываться!... Покрайней мѣрѣ, вѣдь ваша милость не прочь отъ того, чтобы ихъ женить? А? Такъ ли?

НЕДОТРОГА.

Ваши слова, милостивый государь, такъ...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Во первыхъ, *милостиваго государя* къ чорту! На что онъ? А во-вторыхъ, извини ужь и выбирать словъ не стану: что хочу сказать, то и говорю безъ обиняковъ: хочешь быть моимъ сватомъ? Отдаешь твою милашку дѣвочку за моего умника мальчишка? Да рѣшайся скорѣе...

НЕДОТРОГА.

Милостивый государь...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Опять таки *милостивый государь!*... Вѣдь я братъ, разсержусь!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька! вы хотѣли, чтобы Ѳедотъ Ѳедорычъ самъ предложилъ вамъ — вотъ онъ и предлагаетъ... вы должны быть довольны...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Тю, тю, тю, тю, тю! Ахъ! ты, скромница! И у пея язычекъ развязался... ха, ха, ха, ха!

НЕДОТРОГА.

Какъ не быть довольну его словами!

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка! вѣдь я васъ просилъ, чтобы вы говорили съ Иваномъ Ивановичемъ нѣсколько поделикатнѣе, попѣжнѣе...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Это что? *Поделикатнѣе*! Да, что ты вмѣшиваешься? Учить что ли меня хочешь, какъ мнѣ говорить? Что мнѣ кудрявить-то фразы, какъ тамъ у васъ: «*Милостивый государь! угодно ли вамъ сдѣлать мнѣ честь...*» Да, къ чорту эту мудреную галиматью! Говори одѣлѣ: «*Вотъ товаръ, купи, вотъ и цѣна ему; да, пить, а не то убирайся, откуда пришелъ*! Что ты будешь съ ней счастливъ, разумѣется; что я буду любить ее, какъ дочь, разумѣется; такъ чего жъ тебѣ еще? Вѣдь меня не по-шелмъ сюда гнали, а я самъ пришелъ... Ну, папа-профессоръ, продаешь ли намъ свой товаръ? Давай руку—кончено! Но, постой, ребята! Цѣловаться еще рано!... Вилишь: говорить много я не люблю, а дѣла люблю дѣлать порядкомъ — привыкъ ужь такъ! Денегъ отъ тебя не надо, потому что ихъ у тебя нѣтъ; у сына моего и отъ матери осталось ихъ много, а послѣ меня все ему. Вотъ о приданомъ надо условиться: ты ли его сдѣлаешь, и какое, или мы? Вѣдь я хочу, чтобы невѣстка моя залита была въ золото!

НЕДОТРОГА.

Меня изумляетъ поспѣшность, съ какою вы изволите говорить о приданомъ, когда рѣчь сперва о благополучіи нашихъ дѣтей. Вы говорите, какъ будто о какомъ нибудь товарѣ, какъ будто торгъ какой нибудь заключаете..

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Да, о благополучіи-то ихъ толковать нечего: вы, сударь, знаете моего сына, а я знаю вашу дочь—кончено! Надобно пустяки-то разные сладить. Эвося, что выдумалъ! Какъ будто торгъ заключаю!... Разумѣется, что на свѣтѣ все торгъ и все товаръ... Не дай Богъ только торговаться честью, да совѣстью. — Ну, о приданомъ... будетъ ли или нѣтъ у тебя что?

НЕДОТРОГА.

На подобные вопросы, милостивый государь — я не найду отвѣтовъ...

МИЛОВАНОВЪ ОТЕЦЪ.

Какъ: «не найдешь отвѣтовъ?» Да, что онъ? Полно, ужъ не разсердился ли на меня? Эхъ! старикъ — правду сынъ мой говорилъ мнѣ, что ты такой подозрительный, такъ скрупулезный — такой недотыка...

НЕДОТРОГА.

А, милостивый государь, Андрей Ѳедотычъ! такъ вамъ угодно было изображать меня предварительно батюшкѣ вашему не совсѣмъ-то съ выгодной стороны? Покорнѣйше благодарю! Кажется, я не заслужилъ...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка! что вы дѣлаете! Вы губите меня!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Я гублю тебя? Что за вздоръ! Да, для чего же мнѣ не сказать ему, что я знаю на которую ногу онъ хромаетъ? Дружеская откровенность...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Всегда бываетъ пріятна. Но, согласитесь, что если кто непривыкъ къ какимъ нибудь выраженіямъ, трудно иногда не изумиться... Снисходительность ваша позволитъ мнѣ сказать.....

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ, беретъ ее за подбородокъ.

Позволитъ, позволитъ, милашка! (*цѣлуетъ ее*) Ну, ну! не сердись — вѣдь я знаю, что человѣкъ-то онъ доброй, и что у всякаго есть свой червякъ. Вотъ, я вѣдь и самъ про себя знаю, что я грубъ, крикунъ, не вѣдаю свѣтскаго вашего обхожденія — поди, говори обо мнѣ отцу при мнѣ — я не осержусь. Почему жъ и сыну моему не сказать про твоего отца, что онъ...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Я никогда не позволю себѣ судить о людяхъ почтенныхъ, и мое мнѣніе почитаю...

МИЛОВАНОВЪ ОТЕЦЪ.

О, да, она, братецъ, премилая! Ну, ну, виноватъ, извините, братцы, а право, я вѣдь не съ умысла, и умишка во мнѣ есть, по вѣдь ужь мнѣ поздно переплавлять себя, моя милашка, для твоего отца. Пусть онъ проститъ мнѣ мои недостатки, я прошу его, и дѣло въ шляпѣ. Онъ не сердись, что я кричу, шумлю, тыкаю всѣхъ, а я не стану смѣяться, когда онъ начнетъ чепениться, ежиться, вѣсить каждое слово, жать свои губы и важно нюхать табакъ... вотъ, какъ теперь...

НЕДОТРОГА, оскорбляясь.

Милостивый государь! —

МИЛОВАНОВЪ ОТЕЦЪ.

Да, полно, братецъ! Что тебѣ дался твой *милостивый государь*?... Дай-ка табачку!... Я о томъ и говорю, что надобно имѣть взаимное снисхожденіе. Какъ же не понимаешь? А еще ученый!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька! вы всегда мнѣ говорили, что искренность добродѣтель, и снисхожденіе долгъ нашъ.

МИЛОВАНОВЪ ОТЕЦЪ.

Ну, вотъ видишь! Самъ же говорилъ!

НЕДОТРОГА.

Безъ сомнѣнія, милостивый государь, взаимное снисхожденіе необходимо для каждаго изъ насъ, и хоть Андрею Ѳедотычу угодно было слишкомъ строго судить меня, повѣрьте, я еще не такъ глупъ, чтобы сталъ горячиться за словами. Но, сущность словъ, милостивый государь — и тутъ позвольте мнѣ безъ стыда сказать, что я не стыжусь быть осторожнымъ и взыскательнымъ....

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ, горячо.

Да, кой чортъ могъ огорчить васъ въ сущности словъ моихъ — *милостивый государь*?

НЕДОТРОГА.

То, милостивый государь, что съ перваго слова и безпрестанно вамъ угодно твердить, что вы богаты, и насмѣхаться безпрестанно надъ *бѣдными* учеными.

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Батюшки мои свѣты! это что такое? Слушайте же, сударь: не всякій отецъ на моемъ мѣстѣ согласился бы на то, на что я соглашаюсь, да и люблю моего сына и желаю ему счастія—чортъ поберп! Вы профессоръ, человѣкъ почтенный, пользуетесь уваженіемъ — хорошо! Уваженье и учепье славныя вещи, да изъ нихъ шубы себѣ не сошьешь — понимаете! А у Ѳедота Милованова *милліонъ рублей*, такъ это—что нибудь значитъ—чортъ возьми! Но Ѳедотъ приходитъ къ профессору просить руки его дочери, когда за сына его отдадутъ генеральшу..... понимаете! Вы теперь пріѣхали въ Петербургъ искать мѣстечка—попробуйте ка поискать, да походить по переднимъ съ вашимъ ученьемъ, съ вашимъ профессорствомъ... а я самъ къ вамъ пришелъ...

НЕДОТРОГА.

Позвольте послѣ сего сказать, что я....

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Что вы—ну, договаривайте!... (*Сыну*) Да, кой чортъ, какого, ты урода отыскалъ мнѣ, братецъ, что онъ, словно козы рога, въ мѣхъ не лѣзетъ....

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка! пощадите меня....

НЕДОТРОГА.

Я осмѣливаюсь, милостивый государь...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька, слова Ѳедота Ѳедоровича...

НЕДОТРОГА, рѣзко.

Оскорбительны! Невыносимы!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ, горячо.

Самъ ты оскорбителенъ и невыносимъ! Я тебѣ цѣлый часъ твержу, что любя сына и желая ему и дочери твоей счастья, я къ чорту мое богатство... И что жъ? Не паколѣнихъ же мнѣ просить у тебя твоей дочери... Милліонъ не кланяется, братъ, не только тебѣ, да и никому!

НЕДОТРОГА.

Очень хорошо, милостивый государь, но никто не захочетъ кланяться и вашему милліону. Вы, какъ будто милость намъ дѣлаете, требуя руки моей дочери... (*Елисавета Ивановна хочетъ говорить*) Замолчи, мой другъ! Удивляюсь, какъ ты можешь хладнокровно слушать слова г-на Милованова....

МИЛОВАНОВЪ ОТЕЦЪ, СМѢЕТСЯ.

Ну, ну! Пожалуй — такъ Милованов тебѣ поклонится... (*Кланяется шутливо.*)

НЕДОТРОГА, СЪ ДОСАДОЮ.

Ваши шутки неумѣстны, милостивый государь!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ, ВЗБѢШЕННЫЙ.

Тьфу, чортъ возми! Вотъ точно съ него вся кожа содрана — гдѣ ни тронь, кричитъ! Такъ убирайся жь ты.. Нѣтъ, нѣтъ! Слушайте, милостивый государь, слушайте: я пришелъ сюда по дружески, пришелъ просить руки вашей дочери и не отпираюсь. Но, чортъ возьми! Уменя есть также своя амбиція, и, кажется, если я ступилъ первый шагъ, вамъ слѣдовало ступить второй — молчите, сударь, и слушайте! Я взбѣшенъ и иду отсюда, но вы знаете, гдѣ я живу — образумитесь, такъ приходите и хлопнемъ по рукамъ... Слышите ли? (*Отталкивая сына*) Убирайся! Онъ прежде училъ тебя, такъ теперь ты учи его и вразуми.., Еслибы ты не такъ дорогъ мнѣ былъ, не понравилась мнѣ она, и я не былъ увѣренъ что она составитъ твое счастье, такъ я къ чорту бы все твое сватовство, и съ этимъ уродомъ, будущимъ твоимъ тестюшкой... Простите, сударыня, дайте руку! (*Цѣлуетъ руку Елисаветы Ивановны*) Что... Ей Богу! Взбѣсилъ меня вашъ папенька... Растолкуйте ему, что ужь если у каждаго есть свои недостатки, такъ лучше же быть такимъ грубіяномъ, какъ я, нежели такой царевной Несмѣяной, какъ онъ... Да, да, сударь! И если отъ ученья у васъ такой правъ, такъ чортъ его побери, ваше ученье... Покорный слуга! Прощайте..

(Уходитъ поспѣшно и за дверьми еще слышенъ его голосъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ МИЛОВАНОВА, ОТЦА.

НЕДОТРОГА.

Благодарю васъ, Андрей Ѳедотычъ, что вы предупредили меня *о слишкомъ откровенномъ обхожденіи* вашего родителя. Безъ того... я... я... могъ разсердиться...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Ахъ! сударь, извините его! Я ручаюсь вамъ за его сердце...

НЕДОТРОГА.

Да, мнѣ еще должно поблагодарить васъ и за передачу родителю вашему прекраснаго мнѣнія о моемъ характерѣ. Такъ я, по вашему, недотыка, подозрительный, сомнительный человѣкъ! Позвольте мнѣ оправдать слова ваши на дѣлѣ. Вашъ батюшка такъ дорого цѣнитъ свое богатство, что я долженъ отказаться... И на что вамъ дочь такого человѣка...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Отказаться! Боже мой! Вы могли подумать... Елисавета Ивановна! Ради Бога, вступитесь за меня!... Могъ ли я не сказать отцу моему о вашемъ характерѣ, когда предупреждалъ васъ объ его излишней, можетъ быть, свободѣ обращенія...

НЕДОТРОГА.

Напрасно беретесь вы, молодой человѣкъ, судить о другихъ, кто постарше васъ — я не училъ васъ этому!

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Но неужели моя откровенность лишитъ меня вашего уваженія, разрушитъ счастіе мое — счастіе дочери вашей... какъ я осмѣливаюсь думать...

НЕДОТРОГА, РАСТРОГАВШИСЬ.

Ну, ну! Полно, полно.... Но вашъ батюшка....

МИЛОВАНОВЪ СЫНЪ.

Онъ все готовъ будетъ сдѣлать, чтобы только увѣрить васъ... Хорошо — если только отъ него зависитъ — я бѣгу къ нему, и ради Бога, умоляю васъ не судить о человѣкѣ по наружности... Прощайте, Елисавета Ивановна! Папенька вашъ несправедливъ, увѣрьте его... увѣрьте... Боже мой! Я не знаю, что говорю...

(Уходитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

НЕДОТРОГА И ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

НЕДОТРОГА.

Несправедливъ!... Ну, что, мой другъ, и ты съ нимъ согласна?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Я не смѣю судить, но трепещу, что мое счастіе разрушится отъ взаимныхъ недоразумѣній... Будьте снисходительны....

НЕДОТРОГА.

Сердечно радъ, и чѣмъ я для тебя, милый другъ, не пожертвую? Но, разсуди сама: неужели надобно было терпѣть такія обидныя слова наглаго богача? И чего должно ожидать впередъ?..

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Онъ не хотѣлъ васъ обидѣть...

НЕДОТРОГА.

Согласенъ—можетъ быть, но теперь не мнѣ однакожь просить у него прощенія. Посмотримъ что они сдѣлаютъ, а я съ моей стороны готовъ сознаться, что точно.... я самъ былъ немного виноватъ... Не плачь, мой другъ... увидимъ (*скрывая свое чувство.*) Однакожь мнѣ надобно отправиться я.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Онъ, право, такой добрый, такъ откровенно и просто говорилъ...

НЕДОТРОГА.

Неужели я только совсѣмъ буду виноватъ у тебя? Ну, ну, я такъ люблю тебя.. Хорошо, хорошо, подумаемъ вмѣстѣ; вѣдь для твоего счастія готовъ я даже идти... отнести это письмо къ графинѣ Знатовой... Охъ! Ужь мнѣ ходить къ этимъ графинямъ! Для чего однакожъ оно запечатано? Если тутъ не дружеское увѣреніе, а такъ, какая нибудь холодная рекомендація? И въ какихъ еще они отношеніяхъ? Графиня можетъ подумать...

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И Г. НАДОѢДАЛОВЪ.

НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, да, поставьте сундуки пока въ передней, а коляску вдвинуть въ сарай, да поскорѣе дайте чаю... Мое почтеніе! Что нашъ докторъ? Ушелъ? Досадно! А моя жена хотѣла было тотчасъ ѣхать съ нимъ къ одному изъ тѣхъ, отъ кого зависитъ мое мѣсто. Времени упускать ненадобно; вѣдь на такія мѣста охотниковъ, поди-ка, много; я ужь слышалъ, да, и старая пословица — толцыте и отверзется!

НЕДОТРОГА.

Если не будетъ нескромностью съ моей стороны вопросъ: вы пріѣхали искать мѣста?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Охъ, сударь! Все это жена меня уговорила, да подбила — поѣдемъ, да поѣдемъ! Нечего дѣлать! Оно и то правда: мѣстечко хорошо, почетное, видное. Отъ васъ, друга моему другу, скрывать я не стану, я ищу себѣ мѣста директора въ этомъ новомъ заведеніи, что, знаете, здѣсь открывается.

НЕДОТРОГА.

Директора?

НАДОѢДАЛОВЪ, скромничая.

Хмъ! Мы имѣемъ нѣкоторыя права...Чинъ правда, у насъ маловатъ, но здѣсь надобенъ человѣкъ извѣстный, а мы *извѣстны* таки, слава Богу; и притомъ человѣкъ образованный, а мы немножко таки образованы и имѣемъ даже кой-какія литтературныя заслуги... Министръ насъ знаетъ, и, кажется, мѣсто по насъ — а?

НЕДОТРОГА, въ сторону.

Это самое-то мѣсто, котораго я ищу! (*Громко*) Если вы имѣете способности и права...

НАДОѢДАЛОВЪ.

О способностяхъ-то ни слова, но права, права — разумѣется: дѣло правое, а править его все таки надо... Знаете: немножко поискать, покланяться, имѣть въ запасъ друзей... Съ помощью, напримѣръ, вотъ нашего общаго друга, Якова Яковлевича, я надѣюсь во многомъ успѣть. Видите: ему знакомъ особенно, не слыхали ли вы, Климъ Ѳедорычъ Терпуговъ—человѣкъ значительный, отъ котораго все зависитъ, и вотъ еще графиня Знатова, теща Министра...

НЕДОТРОГА.

Такъ Яковъ Яковлевичъ обѣщалъ вамъ похлопотать у Клима Ѳедорыча и графини Знатовой?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Какое жь сомнѣніе! Онъ всегда мнѣ говорилъ, что радъ будетъ случаю услужить мнѣ.

НЕДОТРОГА, дочери.

А, мой другъ? Что?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Я еще не успѣлъ ничего сказать ему, но ужь такъ на него надѣюсь, что и толковать нечего. — Мѣсто мое, если только онъ

другъ съ Его Превосходительствомъ.... Да, гдѣ онъ? Мѣшкать непадобно.... Кстати, вотъ и онъ, кажется...

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

тѣ же и мироновичъ.

падоѣдаловъ.

Ну, мой почтеннѣйшій, а мы у васъ хозяйничаемъ; расположились у васъ тамъ, въ гостиной, и я ужь ждалъ васъ — пора намъ приниматься за дѣло! Жена моя торопится, а я вѣдь къ вамъ съ докукой, если только услуга друзьямъ можетъ почесться чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ удовольствія. Знаете ли, что о мѣстѣ для меня, и вѣдь навяжу хлопоты-то на васъ?

мироновичъ.

На меня? Да, я что за раздаватель мѣстъ?

падоѣдаловъ.

Ха, ха, ха! Шутникъ! То-то, что мѣсто зависитъ отъ такого человѣка, съ которымъ, говорятъ, вы душа въ душу живете.

мироновичъ.

Но я еще не знаю, какое мѣсто?

падоѣдаловъ.

Да, развѣ я вамъ еще не говорилъ? Самое пустое мѣстишко — директора въ этомъ новомъ училищѣ, что теперь заводятъ. Не правда ли, что оно будетъ мнѣ очень къ лицу и кстати?

мироновичъ.

Вы директоръ?

падоѣдаловъ.

Да, любезнѣйшій и почтеннѣйшій Яковъ Яковлевичъ, мы, сударь, хотимъ и падѣемся пощеголять съ шитымъ воротникомъ, пожить въ Петербургѣ, похвастать экзаменами! Думаю, вы похвалите мое рѣшеніе.

мироновичъ.

И очень!

падоѣдаловъ.

Я былъ увѣренъ, такъ, какъ и въ томъ увѣренъ, что вы примите заступленіе мое у нѣкотораго Клима Ѳедорыча Терпугова. Видите: отъ него все зависитъ, а вашъ Ѳома разсказалъ мнѣ, что вы съ нимъ друзья закадычные....

мироновичъ, въ сторону.

Проклятый болтунъ!

падоѣдаловъ.

Тьфу пропасть! — думаю — вѣдь это явно рука Провидѣнія; я подъ счастливой звѣздой родился! Вы точно знакомы съ нимъ?

мироновичъ.

Я сей часъ у него былъ.

падоѣдаловъ.

Экая досада, я не зналъ! Мы вмѣстѣ бы, или вы закинули бы уже словцо....

мироновичъ.

Не безпокойтесь — я не засталъ его дома.

падоѣдаловъ.

Такъ оно и къ лучшему. Я послалъ теперь вашего Ѳому за каретой, и жена моя хотѣла ѣхать съ вами къ тещѣ Министра, Графинѣ Знатовой. Кстати, заѣзжайте-ка вы съ ней прямо и къ Терпугову. Она лучше меня умѣетъ объясниться — умна, разбойница, хоть и не живала въ столицахъ! А вы, прошу, васъ, говорите обо мнѣ откровенно. Знаю все худое, что вы можете обо мнѣ сказать... ха, ха, ха!

мироновичъ.

Вы падѣетесь на себя?

недотрога, угрюмо.

Да и на тебя, кажется, онъ падѣется.

падоѣдаловъ.

Мнѣ говорили, будто у меня есть ужь какой-то соперникъ, какой-то профессоръ Одесскаго Лицея.

мироновичъ.

И я слышалъ такъ.

падоѣдаловъ.

Право? Какой нибудь школяръ.... ха, ха, ха! Да, для директора надобны не схоластика, а умѣнье арранжировать дѣломъ, представительность, ловкость... Учить-то дѣтей всякій умѣетъ!

мироновичъ.

Но однакожь не худо бы знанія и опытность...

падоѣдаловъ.

Хе, хе! Ну, и они найдутся.. Кажется, вы меня хорошо знаете, и согласитесь, что и того и другаго мы не манкируемъ.

МИРОНОВИЧЪ, насмѣшливо.

Это мнѣ плохо извѣстно.

НАДОѢДАЛОВЪ.

Э, шутникъ! Ну какъ же, напримѣръ, я вѣдь ужь занималъ мѣсто по Министерству Просвѣщенія...

МИРОНОВИЧЪ.

Попечителя уѣзднаго училища? Кажется, вамъ велѣно было и оттуда подать въ отставку?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, по клеветамъ визитатора, который нашелъ у меня какіе-то безпорядки—педантъ такой!

НЕДОТРОГА.

А литтературные труды вашего друга?

МИРОНОВИЧЪ.

Какіе труды?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Ха, ха, ха! Забыли? Я, кажется, прислалъ вамъ экземпляръ моего перевода.

МИРОНОВИЧЪ.

Того, что такъ славно отдѣлали во всѣхъ журналахъ?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Ну, кто нынѣ слушаетъ журналовъ! Я не хотѣлъ никому льстить, подличать, не посылалъ писемъ, не просилъ журналистовъ...

МИРОНОВИЧЪ, смѣясь.

Помню, что вы прислали мнѣ 50 экземпляровъ съ письмами, и я измучился разсылая ихъ. Тутъ были экземпляры ко всѣмъ журналистамъ.

НАДОѢДАЛОВЪ.

Ну, ну... Я еще берегу, какъ залогъ дружбы, ваше милое, лестное письмо, гдѣ вы такъ меня расхвалили...

МИРОНОВИЧЪ.

Я расхвалилъ? Такъ ли полно?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, немножко и покритиковали.. Но, что же и за похвала, если при ней нѣтъ дружескихъ замѣчаній?... То-то и надобно, и я умѣю цѣнить вашу дружескую, искреннюю похвалу, умѣю цѣнить...

МИРОНОВИЧЪ.

Я хотѣлъ, однакожь сказать вамъ, что ваша супруга,..

НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, что въ самомъ дѣлѣ, моя супруга? Что она медлитъ? Вы готовы; карету, чай ужь привели? Поѣзжайте, поѣзжайте поскорѣе, любезнѣйшій! Я бѣгу, потороплю ее — вы въ одну сторону, а я въ другую, такъ пусть нашъ Одесскій профессоръ угоняется за нами. Любезнѣйшій другъ, Яковъ Яковлевичъ! Согласитесь, что если лестно хлопотать за друзей, такъ еще лестнѣе, когда тѣ, за кого мы хлопочемъ, достойны нашей дружбы, когда они люди... не такіе педанты, какъ тамъ, какіе нибудь... фи! беззубые профессоры съ табачнымъ носомъ... Ха, ха, ха! *(Уходитъ)*

=

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ, кромѣ НАДОѢДАЛОВА.

МИРОНОВИЧЪ.

Ха, ха, ха! Я хотѣлъ было разсердиться, но хохочу невольно.

НЕДОТРОГА.

Стало, комплименты твои ему были не искренніе?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Ахъ! папенька! Да какіе же комплименты говорилъ ему Яковъ Яковлевичъ?

НЕДОТРОГА.

Но чѣмъ же онъ такъ доволенъ?

МИРОНОВИЧЪ.

Какой дуракъ недоволенъ собой!

НЕДОТРОГА.

Стало, ты не будешь ему помогать искать мѣста?

МИРОНОВИЧЪ.

И ты спрашиваешь, когда ты ищешь этого мѣста, когда, по совѣсти, и не знаю достойнѣе тебя человѣка? Климъ Ѳелорычъ тебѣ другъ, и Министръ радъ будетъ пріобрѣсти себѣ искуснаго и опытнаго помощника по заведенію, которымъ онъ особенно интересуется....

НЕДОТРОГА.

Но не ошибаетесь ли вы на счетъ моихъ достоинствъ? Я боюсь....

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька! Вы обижаете нашего друга!...

НЕДОТРОГА.

Я обижаю? Виноватъ! Извини меня.... Я самъ начинаю замѣчать, что я точно немножко... слишкомъ....

МИРОНОВИЧЪ.

А я такъ начинаю ужъ привыкать къ твоей чопорности и щекотливости, хоть, право, батюшка, пора тебѣ взяться за умъ!

НЕДОТРОГА.

Не сердись же, не сердись — полно! Ну, простите покамѣсть—пойду... къ Графинѣ... Мой другъ! еще разъ извини!

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

МИРОНОВИЧЪ И ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

МИРОНОВИЧЪ.

Мы тебя исправимъ. Вотъ ужь опъ и самъ признается! Но, милый другъ, что это ты такая скучная?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы не знаете еще моего горя — вѣдь г-нъ Миловановъ былъ здѣсь...

МИРОНОВИЧЪ.

И опи поссорь лисьсъ отцомъ твоимъ? Такъ — я предчувствовалъ! Что же теперь?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Сама не знаю... Сердце мое замираетъ отъ страха... Ахъ! Боже мой! Это онъ!

=

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВАНОВЪ СЫНЪ.

МИРОНОВИЧЪ.

Онъ?—Вѣроятно, я имѣю честь видѣть г-на Милованова? Добро пожаловать, любезный гость!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА,

Г. Мироновичъ, хозяинъ дома и старый, добрый другъ папеньки.

МИРОНОВИЧЪ.

Да, сударь, смѣю въ томъ увѣрить, а равно и въ томъ, что вы видите человѣка, искренно желающаго вамъ счастья. Я слышалъ уже, что здѣсь случилось. Молодые люди! (*Беретъ ихъ за руки*) Буду говорить вамъ, какъ лекарь: ваши отцы и вы больные, но вашу болѣзнь вылечить не долго, а болѣзнь стариковъ вашихъ надобно лечить осторожнѣе. Ну, что вашъ батюшка?

МИЛОВАНОВЪ.

Онъ ужь и забылъ обо всемъ. Вы знаете, что подобные ему характеры вспыхиваютъ такъже скоро, какъ скоро и утихаютъ. Онъ уже раскаивается и считаетъ себя во всемъ виноватымъ.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

И папенька тоже!

МИРОНОВИЧЪ.

Ну, такъ сведите же ихъ поскорѣе вмѣстѣ, помирите, и — благослови васъ Богъ!

МИЛОВАНОВЪ.

Батюшка клянется, что будетъ всячески воздерживаться....

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Только, какъ ихъ свести? Папенька не пойдетъ къ вамъ..,. Вы богаты...

МИЛОВАНОВЪ.

Онъ богаче, обладая такимъ сокровищемъ!... Но, не безпокойтесь, Елисавета Ивановна: мой отецъ такой добрый, что готовъ самъ опять явиться...

МИРОНОВИЧЪ.

Ведите же его скорѣе сюда. Мой пріятель тотчасъ возвратится.

МИЛОВАНОВЪ.

Но я не ручаюсь, однакожь, за моего отца...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

И я тоже за моего...

МИРОНОВИЧЪ.

Друзья мои! Отцы ваши, говорю вамъ, больные — будьте ихъ лекарями. Употребите вашъ умъ, вашу нѣжность, любовь — предупредите, остерегите...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Ахъ! Боже мой! Я готова....

МИЛОВАНОВЪ.

Вы готовы! Ангелъ небесный... Я бѣгу и

приведу его. Извините, сударь... Простите, Елисавета Ивановна, простите еще разъ!

(Убѣгаетъ.)

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

И вы идете? Вамъ не худо бы остаться, помочь намъ....

МИРОНОВИЧЪ.

Радъ бы сердечно, но боюсь, что проклятые гости мои прибѣгутъ, захватятъ меня и по неволѣ потащатъ съ собою — пришлось бѣжать изъ дому... а они между тѣмъ провалятся куда нибудь...

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТѢ ЖЕ И Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Извините, батюшка, Яковъ Яковличъ, что задержала васъ; надобно было принарядиться, а Акулька моя, такая деревенская.... Ну, поѣдемъ-те, поѣдемъ-те поскорѣе!

МИРОНОВИЧЪ, въ сторону.

Эта баба настоящая лихорадка — отбиться отъ нея невозможно!

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА, улыбаясь.

Зеркало у меня маленькое, дорожное, а у васъ большое, да косое; вамъ надобно перемѣнить его. Я какъ поглядѣлась, такъ сама себя испугалась—этакая рожа у меня! Посмотрите-ка, матушка: нѣтъ ли чего нибудь *редикюльнаго* А? Какъ вы находите?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы одѣты очень мило, сударыня.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Покорно благодарю васъ, милая! Ну, поѣдемъ же поскорѣе....

МИРОНОВИЧЪ.

Но куда же мы поѣдемъ, сударыня?

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Къ Терпугову.

МИРОНОВИЧЪ.

Мы его незастанемъ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Э! Нѣтъ! Я сей часъ посылала вашего Ѳому, отъ вашего имени, спросить: дома ли онъ? дома, сказали. Поѣдемъ поскорѣе!

МИРОНОВИЧЪ.

Но позвольте мнѣ сказать....

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

А вотъ дорогой-то вы все мнѣ и разскажете. Ужь я люблю дѣлать, такъ дѣлать... Видите, говорятъ, явился соперникъ мужу моему, какой-то профессоръ изъ Одессы... Вотъ мы его такъ отпрофессоримъ, что забудетъ перебѣгать дорогу людямъ почище его!

МИРОНОВИЧЪ.

Но можетъ быть онъ...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Что мнѣ онъ! Если онъ и семи пядей во лбу, своя рубашка къ тѣлу ближе. Всякій думай о себѣ — единъ Богъ обо всѣхъ, а мы люди грѣшные. Если на дорогѣ грязно, такъ не самому же ложиться, а лучше ближняго положить, да черезъ него перейдти, чтобы ногъ не замарать.

МИРОНОВИЧЪ.

Да, нынѣ многіе такъ думаютъ.

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

И когда же не такъ думали? А между тѣмъ, мы теряемъ время... Поѣдемъ же...

МИРОНОВИЧЪ.

Я еще разъ говорю вамъ...

Г-ЖА НАДОѢДАЛОВА.

Вотъ вамъ шляпа; перчатки ваши гдѣ? почистить бы васъ... *(вертитъ его)* Ну, и такъ ладно... До свиданія моя безцѣнная *(цѣлуетъ Елисавету Ивановну.)* Желайте счастья намъ! Руку вашу, Яковъ Яковличъ!

МИРОНОВИЧЪ.

Ну, сударыня, поѣдемъ-те, когда вамъ угодно, но послѣ на меня не пеняйте... *(въ сторону)* Я проучу тебя!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Ахъ! Боже мой! Неужели такъ добываютъ мѣста въ Петербургѣ? Признаться, я неголилась бы въ чиновники, когда получить мѣсто надобны такія средства...Но, кажется, идутъ? Папенька!

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА И НЕДОТРОГА.

НЕДОТРОГА.

Да, это онъ! Кажется, я не ошибся.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Вы ужь воротились, папенька? Развѣ вы не застали Графини!

НЕДОТРОГА.

Засталъ, да что мнѣ было толковать съ ней много?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Но она приняла васъ вѣжливо?

НЕДОТРОГА.

Очень — болѣе, нежели вѣжливо. Наговарила мнѣ, будто и она и зять ее меня давно знаютъ по слуху.... и Богъ знаетъ что еще?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

И вы не просили ее?

НЕДОТРОГА.

Признаться—нѣтъ. Я только благодарилъ за вѣжливость, за ласку, но просить о себѣ... Она такъ притомъ улыбалась что-то...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Но, папенька, вѣдь вы говорите, что она васъ обласкала?

НЕДОТРОГА.

Такъ неужели мнѣ и повѣрить всему, что говорятъ знатные люди? Ласковость ихъ манера, ихъ тонъ. Они отказываютъ тебѣ, а все таки улыбаются и говорятъ комплитепты.

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Какая недовѣрчивость!

НЕДОТРОГА.

Да... вотъ я ужъ не смѣю тебѣ сказать... Я самъ не повѣрилъ бы глазамъ моимъ, но, нѣтъ—я не ошибся! И послѣ того вѣрь друзьямъ!.. Знаешь ли кого я сей часъ встрѣтилъ на дорогѣ? Г-жу Надоѣдалову! И кто бы ты думала съ ней ѣхалъ въ каретѣ?

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Яковъ Яковлевичъ?

НЕДОТРОГА.

Да, мой другъ. И вотъ тебѣ дружба...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

А знаете ли, папенька, куда они поѣхали? Къ Климу Ѳедорычу.

НЕДОТРОГА.

Неужели?... (*Помолчавъ*) Счастливый путь!... Неудачна наша поѣздка въ Петербургъ... И по дѣломъ тебѣ, старому дурню... Безъ гибкой спины, безъ мѣднаго лба, безъ ловкаго языка, не умѣя сгибаться передъ знатными, оскорбляясь гордостью богача, вѣря старой дружбѣ, ты искалъ себѣ мѣста и хотѣлъ отдать дочь твою, бѣднякъ, за милльонера...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

А что, папенька, перестанете ли вы быть недовѣрчивы, если всѣ ваши желанія исполнятся: вы получите мѣсто и моя свадьба будетъ сыграна?

НЕДОТРОГА.

Хе, хе, хе! Дитя ты, мой другъ! Не знаешь ты, ничего не знаешь!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Я вѣрю людямъ, вѣрю, что въ свѣтѣ больше людей добрыхъ, нежели злыхъ.

НЕДОТРОГА.

Да, но вотъ: другъ ѣдетъ съ женой моего соперника, котораго самъ называлъ дуракомъ, и Богъ знаетъ какъ, и куда ѣдетъ? Просить о мѣстѣ нашего друга... А эти богачи: ихъ гордость никогда не допуститъ сознаться...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Вѣдь и вы, папенька, были немножко виноваты? Немножко, милый папенька?

НЕДОТРОГА.

Ну, ну, положимъ...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

И если Ѳедотъ Ѳедоровичъ придетъ попросить у васъ прощенія?

НЕДОТРОГА.

Онъ придетъ? Никогда!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Такъ вы увидите же, что прилетъ—да, да! Хотите ли объ закладъ? Знаете ли, папенька, сей часъ былъ здѣсь Андрей Ѳедотычь и увѣрилъ меня въ томъ...

НЕДОТРОГА.

Онъ дитя, такое же, какъ ты. Отецъ его, этотъ надмѣнный богачъ, этотъ крикунъ...,

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Придетъ сюда.

НЕДОТРОГА.

Не можетъ быть!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Я вамъ говорю.

НЕДОТРОГА.

Онъ не пріѣдетъ... Ахъ! Онъ ужъ здѣсь...

=

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

ТѢ ЖЕ И МИЛОВАНОВЫ ОТЕЦЪ И СЫНЪ.

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Ну, вотъ мы и опять здѣсь! (*Сыну*) Ты увидишь, какъ я стану обходиться съ нимъ, словно, съ стыдливой красавицей! (*Недотрогѣ*). Знаете ли, мой почтеннѣйшій, а вѣдь вы, чортъ возми, нелѣпость выдумали, будто я горжусь моимъ богатствомъ? Ей Богу нелѣпость — я за честь себѣ считаю родство съ вами! (*Сыну*). Хорошо?

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Прекрасно!

НЕДОТРОГА.

Милостив..... Ѳедотъ Ѳедоровичъ! Вѣрьте, что хоть и недавно мы съ вами познакомились, но я вполнѣ цѣню ваши благородныя чувства. (*Дочери*) Ты правъ, мой другъ: онъ добрый и милый человѣкъ!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Видите, папенька! Закладъ мой!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Ну, что, братецъ, взбѣсился, въ самомъ дѣлѣ, чортъ знаетъ за что...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Я, то есть, говорю, что вы имѣли полное право разсердиться... то есть, кто безъ слабостей... Всѣ мы такіе дураки... ну ну!.. (*Сыну*) Да, договори, братецъ, ты, какъ тутъ надобно...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка нарочно явился теперь къ вамъ, милостивый государь, чтобы доказать, что родство съ вами считаетъ онъ себѣ за особенную честь и никогда не думалъ превозноситься своимъ богатствомъ...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Никогда — чортъ возми, никогда! Я богатъ—онъ уменъ; я съ деньгами, а онъ воспиталъ мнѣ тебя. У меня милльонъ, а у него дочь, которая стоитъ трехъ милльоновъ... Такъ что же? Головы-то у нихъ обоихъ вертятся вотъ этакъ отъ любви... Женимъ-ка ихъ!

НЕДОТРОГА.

Дочь открыла мнѣ чувства своего сердца, и хоть голова у нее не вертится...

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА, перебивая.

Я не хочу скрывать ни чувства любви моей къ Андрею Ѳедотычу, ни чувства почтенія къ его родителю, котораго считаю уже вторымъ отцомъ моимъ.

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Браво! Браво! Ну, вотъ и я тоже хотѣлъ сказать... А ты ужъ опять началъ было привязываться къ словамъ?

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка!

НЕДОТРОГА.

Нѣтъ, нѣтъ! ничего, потому что сквозь слова видна доброта сердца...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

То-то же! Ну, что намъ толковать о приданомъ? Деньги дрянь. Лучше быть ученымъ безъ денегъ...

МИЛОВАНОВЪ, СЫНЪ.

Батюшка!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Да, вѣдь я хвалю его — что ты, братецъ!

ЕЛИСАВЕТА ИВАНОВНА.

Папенька отдаетъ совершенно въ вашу волю всѣ распоряженія, и если только ваше согласіе...

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ.

Мое согласіе? Да что толковать? Благослови-ка, сватушка!

НЕДОТРОГА, соединяя руки дѣтей.

Дѣти мои! Богъ васъ благослови!

МИЛОВАНОВЪ, ОТЕЦЪ, бросая шляпу.

Благословилъ? Сюда, ребята, сюда! (*Крѣпко обнимаетъ ихъ*). Ура! Наша взяла! Цѣлуй меня, дочь моя, мой Лизенокъ! Цѣлуйтесь,

дѣти! Браво, браво! — Сватъ! обнимемся! (*Обнимаетъ Недотрогу и утираетъ глаза.*) Боюсь, какъ бы не разревѣться!.. Ну, ужь я сдѣлаю приданое тебѣ, на зло ему: мебель отъ Гамбса, бриллианты отъ Кейбеля, шляпки и тряпье отъ Сихлерши, карету Іохимовскую... Да, какъ это все скоро поладилось? Сватъ! знаешь что? Дѣти-то наши вѣдь умнѣе насъ. Мы будемъ имъ препоручать, когда надобно намъ о чемъ переговорить; сами станемъ только на нихъ радоваться, да веселиться... Эхъ! старухи-то моей нѣтъ... То-то бы порадовалась... Идешь ли на мое условіе? (*Подставляетъ руку.*)

НЕДОТРОГА, бьетъ его по рукѣ.

Иду!

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

И бѣси въ воду, и пузырьи вверхъ!

=

ЯВЛЕНІЕ XXIV.

ТѢ ЖЕ И НАДОѢДАЛОВЪ.

НАДОѢДАЛОВЪ.

Поздравьте меня, поздравьте меня, другъ моего друга! Мѣсто мое: я директоръ! Теперь добро пожаловать! Покорнѣйше просимъ, очень рады! Радъ услужить — ха, ха, ха!

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Это, что за штука такая?

НЕДОТРОГА.

Отъ кого же узнали вы такую счастливую новость?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Отъ кого? Такъ, отъ пустаго человѣка — гдѣ же намъ! Хе, хе, хе!.. Отъ самаго Министра!

НЕДОТРОГА.

Министра?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Да, сударь, Министра! Вилите: какъ жена-то поѣхала, я и думаю: что я тутъ буду сидѣть? Побѣгу, повидаюсь съ кѣмъ нибудь—и вдругъ счастливая мысль, если только счастьемъ можно назвать слѣдствіе глубокихъ соображеній ума. Если ужъ идти, такъ идти къ самому Министру! Пока жена и другъ мой хлопочутъ у Терпугова, я прямо къ цѣли — человѣкъ я извѣстный; Министръ насъ знаетъ.— И черезъ полчаса я ужь былъ у него въ кабинетѣ его, въ дружеской бесѣдѣ съ нимъ...

НЕДОТРОГА.

Васъ допустили къ Министру прямо?

НАДОѢДАЛОВЪ.

Допустили! Надобно, разумѣется, искуство, ловкость, милостивый государь! Мнѣ сказали было, что Министръ не принимаетъ никого, занятъ. Доложите, говорю, что я *съ важнымъ дѣломъ*, которое *лично* касается Его Высокопревосходительства. И вотъ — двери кабинета растворились. Министръ, знаете, красавецъ собой, молодецъ, лицо величественное, говоритъ такъ съ высока, идетъ ко мнѣ, а я рекомендуюсь, упоминаю о моемъ сочиненіи. «Но, что вамъ угодно?» спрашиваетъ онъ. Я и пускаюсь въ разсказы о моихъ заслугахъ, о мѣстѣ, и проч. и проч. «Вы сказали, что имѣете важное дѣло, лично до меня.» Ну, какъ бы вы думали, тутъ я вывернулся? Хе, хе, хе! «Какое,» говорю, «можетъ быть дѣло *важнѣе для* Вашего Высокопревосходительства, если не пріобрѣтеніе отлично-опытнаго чиновника?» Онъ вдругъ отвернулся и говоритъ: «Извините, я занятъ!» Я тотчасъ догадался, что онъ боится загоовориться со мной, забыть дѣло въ интересной бесѣдѣ со мною, и громко возглашаю: «Знаю, Ваше Высокопревосходительство, но смѣю ласкать себя надеждою, что за меня будутъ просить васъ Е.С. Графиня Знатова и Е.П., Климъ Ѳедорычъ Терпуговъ».—«У меня, милостивый государь, вскричалъ онъ съ жаромъ, «не покровительства, а достоинства рѣшаютъ выборъ на мѣста!» А! Каковъ комплиментъ? Умнѣйшій человѣкъ этотъ Министръ — нечего сказать! Я улыбнулся, поклонъ—и исчезъ. Слышу, что Министръ говоритъ своему чиновнику: «Дуракъ! Болтунъ!» И чьи рѣчи не покажутся глупостью и болтовней послѣ такого разговора, какой мы имѣли... Бѣдный чиновникъ пострадалъ за меня, но что жь мнѣ дѣлать? Я невиноватъ!.. Такъ-то мы, любезнѣйшій, почтеннѣйшій! Поздравьте думаю, меня, поздравьте...

—

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНІЕ

Тѣ же, г-жа Надоѣдалова и Мироновичъ, потомъ Ѳома.

г-жа Надоѣдалова, за дверьми.

Измѣна, измѣна! Безстыдное коварство! Стыдно, сударь, вамъ, стыдно! (*Бѣжитъ на сцену*).

Мироновичъ.

Я вамъ говорилъ; вы не хотѣли выслушать...

г-жа Надоѣдалова.

Что мнѣ слушать! Что вы хитрите!

Надоѣдаловъ.

Что такое сдѣлалось?

г-жа Надоѣдалова.

Вообрази себѣ, душа моя: самъ же онъ вызвался, просилъ насъ препоручить ему, поѣхалъ со мною — и для чего? Чтобы только смѣяться надъ нами! Пріѣзжаемъ къ этому уроду Терпугову; я начинаю говорить; тотъ выпучилъ на меня глаза, и когда я хотѣла только перевести дыханіе, закашлялась, стала сморкаться, почтенный другъ Яковъ Яковлевичъ начинаетъ: «надѣюсь, Климъ Ѳедорычъ, что просьба общаго нашего друга исполнена?» — Да, отвѣчаетъ тотъ.

Надоѣдаловъ.

Исполнена? Видите! Ахъ! добрый, почтенный мой Яковъ Яковлевичъ! Со всѣхъ сторонъ за меня!

г-жа Надоѣдалова.

Слушай далѣе. «Да, исполнена, и вотъ отвези къ нему указъ объ опредѣленіи его»...

Надоѣдаловъ.

Указъ! Дайте, дайте скорѣе полюбоваться... Ну ужь этотъ Министръ... Какъ онъ поспѣшилъ...

г-жа Надоѣдалова.

Охъ, ты уродъ! Да, знаешь ли ты, кто этотъ общій-то другъ? Ты что ли?

Надоѣдаловъ.

А кто же?

г-жа Надоѣдалова.

Одесскій профессоръ, съ которымъ и Терпуговъ и нашъ пріятель-Іуда давно друзья, и за котораго просила и Графиня Знатова. Желала бы я увидѣть этого педанта, этого невѣжу, этого пролазу...

Мироновичъ.

Позвольте мнѣ рекомендовать его вамъ (*указывая на Недотрогу*) и попросить васъ не отзываться такъ не учтиво о друзьяхъ моихъ. (*Отдаетъ бумагу Недотрогѣ*) Вотъ тебѣ, любезный другъ, и прими мое поздравленіе съ тѣмъ, что ты заслужилъ своими достоинствами... (*Всѣ поздравляютъ Недотрогу*)

г-жа Надоѣдалова.

Какъ? Такъ это вы, сударь, это вы? Покорнѣйше благодарю! Прекрасный поступокъ! Прикинуться другомъ, обмануть, и одурачить насъ... Вотъ вамъ столичные нравы, вотъ вамъ друзья нынѣшніе, вотъ вамъ Петербургъ...

Надоѣдаловъ.

Но Министръ...

г-жа Надоѣдалова.

Развѣ ты не видишь, что всѣ тутъ были въ заговорѣ — и Министръ, и Графиня, и Терпуговъ, и Мироновичъ, и весь Петербургъ... Да и ты вздумалъ, съ твоей пустой головой, съ твоимъ глупымъ умомъ соваться, ѣхать просить... Ну какой ты директоръ? Посмотри на себя! Увалень, дуралей — всегда-то ты такъ, во всемъ... Куда ты безъ меня... Толку въ тебѣ на грошъ нѣту...

Мироновичъ.

Мнѣ очень жаль...

г-жа Надоѣдалова.

Нечего жалѣть, батюшка — очень довольны, хорошо заплатили за нашу хлѣбъ-соль, за нашу ласку, за нашу дружбу... Иду, бѣгу отъ васъ... Избави меня, Господи, отъ этакого народа...

Мироновичъ.

Вы ѣдете?

г-жа Надоѣдалова.

Такъ неужли у васъ оставаться? И нога моя никогда не будетъ...

Ѳома, входитъ.

Извощикъ требуетъ деньги за карету.

г-жа Надоѣдалова.

Деньги? Ему деньги? Какія деньги? Что за деньги? Пусть баринъ твой платитъ, а я

ужь безъ того поплатилась... Ну, убирайся убирайся... Прощайте, честная компанія, прощайте, друзья почтенные, покорнѣйше благодарю!.. (*Мужу*). Ну, что ты сталъ? Поди, укладывайся скорѣе и тотчасъ домой! И безъ тебя въ Петербургѣ останется дураковъ довольно. Акулька, Филька... гдѣ вы? Акулька! (*Бѣжитъ вонъ.*)

НАДОЕДАЛОВЪ.

И въ самомъ дѣлѣ: человѣку съ такими дарованіями, какъ я, взять на себя ученье мальчишекъ... Прощайте, Яковъ Яковлевичъ — вы устѣдитесь вашего поступка съ такимъ человѣкомъ, какъ я, которому не министры, а Музы откроютъ путь въ храмъ славы, и Аполлонъ будетъ покровителемъ въ союзѣ съ Парнасскими директорами... (*Уходитъ*)

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Ха, ха, ха! Ну, братъ, съ такимъ покровительствомъ далеко не уѣдешь! Парнасскихъто директоровъ, кажется, и въ табели орангахъ нѣтъ... Ха, ха, ха!

МИРОПОВИЧЪ, вслѣдъ Надоѣдалову.

Богъ съ вами! (*Отдаетъ деньги Ѳомѣ*) На, поди расплатись за карету, да прибавь еще на водку — я готовъ вдвое заплатить еще дешево отдѣлался. Это вѣрно г. Миловановъ? По радостнымъ лицамъ всѣхъ, я вижу, что объясненія здѣсь кончены!

НЕДОТРОГА.

Поздравь жениха съ невѣстой, да полюби моего будущаго свата.

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Милости прошу, просимъ полюбить, да только — извините: будьте у насъ другомъ и гостемъ, а не лекаремъ, потому, что счастливымъ людямъ лекарствъ не надо.—Дѣти! если я еще сто лѣтъ проживу, не надоѣмъ я вамъ своимъ крикомъ, шумомъ, тѣмъ, что я такой бѣшеный, сердитый? (*Дѣти обнимаютъ его*).

МИРОПОВИЧЪ, Недотрогѣ.

А ты увѣренъ ли наконецъ, что твоя подозрительность, твоя недовѣрчивость были несправедливы, и что по наружности и по словамъ судить не должно? За то, въ наказаніе, ты обѣдаешь со мной у Клима Ѳедорыча — вотъ тебѣ для очищенія совѣсти и пригласительная записка отъ него...

НЕДОТРОГА.

Не нужно — я вѣрю безъ записки и ѣду съ тобой!

МИРОПОВИЧЪ.

Онъ и къ вамъ послалъ приглашеніе, г. Миловановъ...

МИЛОВАНОВЪ, отецъ.

Изволь — поѣдемъ вмѣстѣ; мы съ нимъ старыезнакомые... да. вотъ жаль ихъ оставить (*Указывая на Елисавету Ивановну и сына, смѣется*) — вѣдь имъ скучно въ двоемъ будетъ... Ну! ужь нечего, привыкайте скучать вмѣстѣ... А въ вечеру всѣ ко мнѣ ужинать и распить бутылку за здоровье жениха съ невѣстой и — (*обращаясь къ зрителямъ*) добрыхъ людей, которые полюбятъ меня и моего свата. Впрочемъ, какъ угодно, а ужь кланяться я не стану — извините! Аль поклониться?

ЖЕНА И ЗОНТИКЪ

ИЛИ

РАЗСТРОЕННЫЙ НАСТРОЙЩИКЪ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

переведенный съ Французскаго.

П. А. КАРАТЫГИНЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Господинъ Фрикасе, бывшій трактирщикъ.
Тереза, его дочь.
Пекаль, фортепіанный настройщикъ.
Фильбертъ лю Бокажъ, женихъ Терезы.
Изидоръ, племянникъ Фрикасе, служащій въ страховой конторѣ.

Театръ представляетъ комнату.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФРИКАСЕ И ТЕРЕЗА.

ФРИКАСЕ, читая журналъ.

Да, милая Тереза, извѣстіе, которое я вчера получилъ, подтверждается сегодняшнимъ журналомъ; моя прекрасная ферма рѣшительно сгорѣла.

ТЕРЕЗА.

Ахъ, какое несчастіе!

ФРИКАСЕ.

Почему же знать! Никогда нельзя судить по наружности.

ТЕРЕЗА.

Однако жъ, батюшка, мнѣ кажется, что пожаръ...

ФРИКАСЕ.

Пожаръ, благодаря просвѣщенію, нынче не такъ ужасенъ, какъ прежде... но во всякомъ случаѣ, этотъ пожаръ до тебя не касается. Займися лучше чѣмъ нибудь порядочнымъ... напримѣръ, отъ чего ты теперь не за фортепіанами? Я недаромъ же тебѣ ихъ купилъ...

ТЕРЕЗА.

Но я вѣдь вамъ говорила, что они совсѣмъ разстроены.

ФРИКАСЕ.

Все равно; играй только на тѣхъ косточкахъ, которыя вѣрны... впрочемъ, кто же тебѣ мѣшаетъ велѣть ихъ настроить.

ТЕРЕЗА.

Я ужъ просила г-жу Дюпланъ, которая живетъ здѣсь наверху, прислать своего настройщика; кажется, онъ сегодня долженъ быть къ ней... Но успокойте меня батюшка, въ самомъ дѣлѣ этотъ пожаръ васъ не безпокоитъ?

ФРИКАСЕ.

Меня! Какъ ты худо меня знаешь! Во-первыхъ, я всякую потерю могу снести съ большимъ мужествомъ, а во-вторыхъ, моя ферма была застрахована.

ТЕРЕЗА.

Застрахована! О это прекрасно! Мой братецъ Изидоръ служитъ въ страховой конторѣ, и вѣрно будетъ вамъ полезенъ.

ФРИКАСЕ.

Ни слова о своемъ безпутномъ братцѣ! Онъ осмѣлился за тобою волочиться, и я его просилъ избавить насъ навсегда отъ своихъ посѣщеній.

ТЕРЕЗА.

Я не понимаю, за что вы его не любите; онъ такъ услужливъ, учтивъ, такой доброй, чистой души....

ФРИКАСЕ.

А въ кармапахъ еще чище.

ТЕРЕЗА.

Такъ ловокъ, такъ хорошъ собою.

ФРИКАЗЕ.

Да что же въ этомъ барыша?
Вы только смотрите на лицы:
Безъ денегъ добрая душа,
Но мнѣ, какъ нуль безъ единицы.

ТЕРЕЗА.

Но онъ прекрасный человѣкъ.

ФРИКАЗЕ.

Будь онъ во всѣхъ статьяхъ отличнымъ;
Но надо хлопотать въ нашъ вѣкъ
Не о лицѣ, а о наличномъ.

У тебя есть ужъ женихъ... женихъ музыкальный, прекрасной наружности — и ты не должна думать о своемъ братцѣ...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И ИЗИДОРЪ.

ТЕРЕЗА.

Боже мой! Вотъ онъ!

ФРИКАСЕ.

Изидоръ!

ИЗИДОРЪ.

Такъ точно, это я, г. Фрикзсе, вашъ племянникъ; не извольте безпокоиться. — Здравствуйте, сестрица...

ФРИКАСЕ.

Меня очень удивляетъ ваше посѣщеніе, г. Изидоръ. — Тереза, ступай къ г-жѣ Дюпланъ и посмотри не пришелъ ли настройщикъ.

ТЕРЕЗА.

Но я бы желала...

ФРИКАСЕ.

Ступай! сударыня,

(Тереза уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ III.

ИЗИДОРЪ И ФРИКАСЕ.

ИЗИДОРЪ.

Дядюшка! Я съ горестію узналъ о вашемъ несчастіи и пришелъ предложить вамъ мои услуги.

ФРИКАСЕ.

Я обойдусь и безъ нихъ, не безкойтесь...

ИЗИДОРЪ.

Истинные друзья познаются въ несчастіи.

ФРИКАСЕ.

Да я не знаю, сударь, что вы называете несчастіемъ? Моя ферма сгорѣла, ну, такъ что жъ? Она стоила 60 т. франковъ, а я ее застраховалъ въ 80 такъ, кажется, я не въ убыткѣ...

ИЗИДОРЪ.

Извините, дядюшка, я слышалъ что вамъ ничего не заплатятъ...

ФРИКАСЕ.

Какъ, что?

ИЗИДОРЪ.

Сегодня въ страховой конторѣ говорили, что будто ваша ферма сгорѣла отъ неосторожности, несмотрѣнія — и въ такомъ случаѣ общество не отвѣчаетъ за несчастіе...

ФРИКАСЕ.

Возможно ли! Неужели! Это ужасно! Это грабежъ! Это ни на что не похоже! Я накопилъ мое имѣніе неусыпными трудами; я 20 лѣтъ былъ необыкновеннымъ трактирщикомъ; у меня былъ обѣдъ по 10 су; я кормилъ неблагодарныхъ съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ... и теперь... Это убійственно... О люди! люди!

На нихъ надѣяться изволь!
Вотъ какъ добро позабываютъ...
Злодѣи за мою хлѣбъ соль
Меня безъ хлѣба оставляютъ!
Но я... я горю пособлю:
Я былъ трактирщикомъ недаромъ:
Судей на славу закормлю;
Всѣхъ подожгу моимъ пожаромъ!
Смягчу сердца секретарей.
Надѣюсь на талантъ мой чудный,
На безпристрастіе судей,
На ихъ желудокъ правосудный!

ИЗИДОРЪ.

Успокойтесь, дядюшка! Не сердитесь, это

еще не рѣшено; я имѣю голосъ въ конторѣ и буду тамъ защищать ваши права...

ФРИКАСЕ.

Прекрасный молодой человѣкъ! Твой поступокъ напечатленъ здѣсь... теперь я вижу, что у тебя сердце дѣйствительно горячо и мягко, какъ хорошій бифстексъ; но, другъ мой, если мнѣ заплатятъ, то пожалуй-ста не говори никому: я боюся, чтобъ не узналъ объ этомъ мой будущій зять.

ИЗИДОРЪ.

Вашъ зять? Г-нъ Филибертъ?...

ФРИКАСЕ.

Да, Филибертъ! Молодой человѣкъ съ большимъ музыкальнымъ талантомъ и при томъ совершенно безкорыстный; онъ надѣялся получить 30 т. франковъ приданаго, а теперь, по случаю пожара, будетъ довольствоваться половиной... и даже еще менѣе.

ИЗИДОРЪ.

Стало, онъ очень богатъ?

ФРИКАЗЕ.

Нѣтъ еще; но съ деньгами, которыя я ему дамъ, онъ будетъ имѣть порядочное состояніе. Онъ хочетъ давать загородные концерты... Это мысль совершенно новая.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ПЕДАЛЬ.

ПЕДАЛЬ.

Въ нижнемъ этажѣ дверь налѣво — это здѣсь.

ИЗИДОРЪ.

Кто-то пришелъ къ вамъ; я иду въ контору и вы приходите туда вслѣдъ за мною... да незабудьте взять съ собою нужныя бумаги.

ПЕДАЛЬ.

Вы ли г-нъ Фрикасе?

ФРИКАСЕ.

Подождите, я сейчасъ къ вашимъ услугамъ. *(Педаль садится.)* Прощай, мой другъ, на тебя вся моя падежда...

ИЗИДОРЪ.

Будьте увѣрены, любезный дядюшка... я употреблю все мое стараніе...

ФРИКАСЕ.

О, какой ты добрый; я не даромъ всегда хвалилъ тебя. Прощай, прощай, мое сокровище!...

Когда въ конторѣ страховой
Ты, другъ любезный, точно въ силѣ,
Похлопочи жъ, мой дорогой,
Чтобъ подороже заплатили!...

ИЗИДОРЪ.

Не опасайтесь ничего;
На Изидора положитесь;
Вы изъ пожара своего
Какъ новый фениксъ возродитесь
(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ФРИКАСЕ И ПЕДАЛЬ.

ФРИКАСЕ.

Что вамъ угодно, сударь?

ПЕДАЛЬ.

Мнѣ нужно видѣть г-на Фрикасе.

ФРИКАСЕ.

Это я, сударь.

ПЕДАЛЬ.

Вы г-нъ Фрикасе?

ФРИКАСЕ.

Ну, да... Чтожъ тутъ не вѣроятнаго?

ПЕДАЛЬ.

Вы были трактирщикомъ?

ФРИКАСЕ.

Да, сударь!...

ПЕДАЛЬ.

У васъ былъ обѣдъ по 10-ти су...

ФРИКАСЕ.

Да, сударь!...

ПЕДАЛЬ.

Ахъ, я самъ довольно часто у васъ обѣдалъ.

ФРИКСЕ.

Вы вздыхаете?...

ПЕДАЛЬ.

Не смѣшно ли? Вотъ человѣкъ, который содержалъ трактиръ, который кормилъ людей всякой дрянью!... Онъ составилъ себѣ состояніе, онъ богатъ, между тѣмъ, какъ, я который у него обѣдалъ... я въ нищетѣ, я ничего не имѣю... согласитесь, что это унизительно...

ФРИКАСЕ.

Но, сударь, такой разговоръ...

ПЕДАЛЬ.

Извините... душа моя убита несчастіемъ; я чрезвычайно разстроенъ...

ФРИКАСЕ.

А, понимаю...Дамъ этому бѣдняку 10-ть су, чтобъ онъ скорѣе отвязался отъ меня... На, возьми, мой другъ.

ПЕДАЛЬ.

10-ть су, 10 су!! Это для того, чтобъ меня унизить? Мнѣ непужно вашихъ денегъ! Прощайте...

ФРИКАСЕ.

Постойте! Что за чертовщина... Скажите мнѣ, наконецъ, кто вы таковы?

ПЕДАЛЬ.

Кто я? — Педаль, настройщикъ.

ФРИКАСЕ.

А! вѣрно васъ прислала г-жа Дюпланъ.

ПЕДАЛЬ

Такъ точно.

ФРИКАСЕ.

Вамъ бы надо было этимъ начать.

ПЕДАЛЬ.

Я объ этомъ не подумалъ; ваше лице напомнило мнѣ такъ много.... особенно оно напомнило мнѣ мою жену.

ФРИКАСЕ.

А развѣ она была похожа на меня?

ПЕДАЛЬ.

На васъ?—Вы вѣрно это сказали съ тѣмъ, чтобъ меня унизить....

ФРИКАСЕ.

Помилуйте, напротивъ.... Я думалъ,

ПЕДАЛЬ.

Нѣтъ, сударь! Она, слава Богу, нисколько на васъ не похожа; но мы съ нею часто ходили къ вамъ обѣдать.... И вотъ почему я вспомнилъ.... Бѣдная Аделаида.... или лучше сказать: злодѣйка Аделаида!...

ФРИКАСЕ.

Вы вѣрно ее потеряли?

ПЕДАЛЬ.

Нѣтъ, сударь! Она сама потерялась... Но оставимъ это.... Всякій разъ, какъ я объ ней вздумаю, у меня сердце выворачивается наизнанку....

ФРИКАСЕ.

Это очень непріятно; я сердечно объ васъ сожалѣю....

ПЕДАЛЬ.

Государь мой! Мнѣ непужно, чтобъ обо мнѣ сожалѣли... Я не люблю, чтобъ обо мнѣ сожалѣли.... Это меня бѣситъ, когда обо мнѣ сожалѣютъ.

ФРИКАСЕ.

Какъ вамъ угодно; но извините меня, я тороплюсь...: и потому желалъ бы, чтобъ вы теперь же занялись фортопіанами моей дочери. У насъ сегодня будетъ маленькая пирушка и, можетъ быть, мы нынче же подпишемъ свадебный контрактъ моей Терезы.

ПЕДАЛЬ.

Да! Я слышалъ это отъ г-жи Дюпланъ; она говорила также, что ваша дочь не любитъ своего жениха, г. Фильберта, а занимается двоюрднымъ братцемъ Изидоромъ.... Для меня это все равно, я не знаю ни того, ни другаго, но очень радъ, что вы пустите въ свѣтъ еще одну жену, которая надуетъ своего мужа, какъ моя Аделаида.

ФРИКАСЕ, въ сторону.

Какой несносный болтунъ; однако жъ мнѣ пора отправиться, того и гляди, что пойдетъ дождь.

ПЕДАЛЬ.

Какъ?—Вы думаете, что сейчасъ пойдетъ дождь....

ФРИКАСЕ.

Да, кажется, небо что-то нахмурилось и потому-то мнѣ надо торопиться.

ПЕДАЛЬ.

И вы также думаете, что я не знаю злодѣя, который у меня его укралъ?

ФРИКАСЕ.

Кого?

ПЕДАЛЬ.

Мой зонтикъ.

ФРИКАСЕ.

Вашъ зонтикъ?

ПЕДАЛЬ.

Это явный заговоръ. Человѣкъ, котораго я

никогда не видалъ въ лицо у меня ее похитилъ....

ФРИКАСЕ.

Кого?

ПЕДАЛЬ.

Ланду!

ФРИКАСЕ.

Ланду?

ПЕДАЛЬ.

Ее завутъ Аделаидой; но я называю ее Ланда; это моя законная супруга, прекраснѣйшая женщина изо всего квартала, также какъ мой зонтикъ, только что наканунѣ покрытый новой зеленой тафтой.... 19 лѣтъ, волосы бѣлокурые, коралловый ротъ.... Въ перламутровой оправѣ, отличной работы, птичій носикъ!... О какой носикъ!... Изъ него я хотѣлъ сдѣлать маленькій парасоль для моей Аделаиды.

ФРИКАСЕ.

Для вашей Аделаиды?

ПЕДАЛЬ.

Да, для моей жены.... Эта штучка досталась мнѣ отъ покойнаго батюшки, который любилъ антики; и безчеловѣчный лишилъ меня этого сокровища!

ФРИКАСЕ.

Возможно ли?

ПЕДАЛЬ.

Вы мнѣ не вѣрите; но это такъ же справедливо, какъ и то, что въ тотъ день былъ проливной дождь... Я зашелъ домой, чтобъ взять мой зонтикъ.... но увы, я не нашелъ ни моего прекраснаго зонтика, ни моей милой Аделаиды... Я круглый сирота: у меня нѣтъ ни жены, ни зонтика! — Увы, что будетъ со мною....

Моя супруга бурю подпимала,
А онъ меня отъ бури защищалъ;
Она меня всегда въ рукахъ держала,
А я его изъ рукъ не выпускалъ! —
О Боже мой! Что дѣлаетъ привычка. —
Какъ грустно жить безъ этихъ двухъ вещей:
Ахъ, безъ жены я высохну, какъ спичка,
Безъ зонтика промокну до костей! —

ФРИКАСЕ.

Но, мой другъ?

ПЕДАЛЬ.

Всякій можетъ похитить чужую жену: это хорошо... Можетъ быть, и у васъ вашу похитили.... Это очень возможно.... Но у васъ не взяли вашъ зонтикъ.... Вотъ въ чемъ преступленіе.—Жена! —Это не покража. Но зонтикъ.... это воровство, это грабежъ, это преступленіе!!

ФРИКАСЕ.

Но выслушайте!

ПЕДАЛЬ.

А въ доказательство я вамъ покажу безымянное письмо этого вора и соблазнителя... Нѣтъ, сегодня его нѣтъ со мною; но все равно, я помню наизусть: »Прекрасная Аделаи»да! Осушите ваши слезы: завтра въ два часа »я вырву васъ у вашего тирана и проч.« — Въ ту же минуту, какъ угорѣлая кошка я бросился на улицу, спрашиваю встрѣчнаго и поперечнаго, описываю примѣты: покрышка зеленая, ручка загнутая, съ строусовой головой.... съ однимъ эмалевымъ глазомъ.... Никто не видалъ мою жену! - Она пропала безъ вѣсти. — И вы послѣ этого хотите, чтобъ я не ненавидѣлъ весь родъ человѣческій... Это невозможно, я самъ себя не чувствую; я дѣлаюсь ужаснымъ мизантропомъ, особливо въ дождливую погоду.

Я ненавижу родъ людской!
Вездѣ развратъ и преступленье...,
Пусть дождикъ льется проливной....
Пусть всѣхъ затопитъ наводненье!
Ихъ чувства заглушила страсть,
Всѣ преступленья имъ не новы;
Они у ближняго украсть
И зонтикъ и жену готовы!

И вообразите же мое ужасное положеніе: вотъ ужь четвертый день идетъ безпрерывный дождь! Точно какъ нарочно барометръ упалъ вмѣстѣ съ моимъ духомъ....

ФРИКАСЕ.

Но, вы кажется пришли, настроить мое фортопіано, а между тѣмъ....

ПЕДАЛЬ.

Извините, я такъ разстроенъ; сію минуту.... сію минуту!... Гдѣ вашъ зонтикъ?

ФРИКАСЕ.

Что?

ПЕДАЛЬ.

Нѣтъ, нѣтъ; ваше фортопіано?

ФРИКАСЕ.

Здѣсь, въ этой комнатѣ. Пожалуйста, займитесь имъ, какъ слѣдуетъ.... лишь только бы было хорошо, а денегъ я не пожалѣю....

ПЕДАЛЬ, уходя.

Денегъ! Денегъ! И я бы ихъ имѣлъ, если бъ не былъ такъ бѣденъ... Старый плутъ, отравитель, пирожникъ, негодяй!... Нашими деньгами лужоная кастрюлька.

ФРИКАСЕ.

Что?

ПЕДАЛЬ.

Мое почтеніе.

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ФРИКАСЕ, потомъ ФИЛЬБЕРТЪ, съ зонтикомъ и съ букетомъ.

ФРИКАСЕ.

Какой оригиналъ!... Но вотъ прекрасно! проливной дождь... Какъ же мнѣ идти въ контору.—Ну, я возьму карету, мои средства мнѣ это позволяютъ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Здравствуйте, батюшка!

ФРИКАСЕ.

А! Это вы, Фильбертъ,—въ этакую погоду пѣшкомъ....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Какъ быть, я такъ торопился полнесть букетъ моей прелестной невѣстѣ; но куда бы мнѣ положить мой зонтикъ, онъ мокрехонекъ.

ФРИКАСЕ.

Дайте мнѣ! У меня въ кабинетѣ можно его распустить.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Покорно благодарю *(Фрикасе относитъ зонтикъ.)* Это странно, онъ спокоенъ какъ всегда, стало быть, это фальшивый слухъ... Я былъ увѣренъ, и очень радъ.

ФРИКАСЕ, возвращаясь.

Ну, любезный зять, каково идетъ твоя музыка?...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Лучше, чѣмъ когда нибудь, батюшка; нынче вѣкъ совершенно музыкальный. Мои концерты надѣлаютъ много шума.... Я намѣренъ давать ихъ на открытомъ воздухѣ, и увѣренъ, что эхо повсюду разнесетъ мою славу.... Жаль только, что у меня не хватило бездѣлицы.... на необходимыя издержки.... и потому-то я и пришелъ попросить у васъ еще 1000 экю.

ФРИКАСЕ,

Я въ отчаяніи, любезный Фильбертъ, что не могу.... Я самъ въ такомъ положеніи....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Возможноли?—Такъ это правда, что я читалъ сегодня въ журналѣ.... Ваша ферма....

ФРИКАСЕ.

Къ несчастію, совершенная правда!

ФИЛЬБЕРТЪ, прячетъ букетъ.

Чортъ возьми!

ФРИКАСЕ.

И ты чувствуешь, что отъ этого случая приданое моей дочери немного должно уменьшиться.... Но все таки ты получишь половину....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Позвольте, батюшка, я полагалъ... Вы мнѣ подали надежду....

ФРИКАСЕ.

Она останется при тебѣ.... я не хочу брать того, что я далъ однажды; Я надѣюсь, мой милый, что это тебя нисколько не разстроитъ.... ты артистъ!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Разумѣется, конечно! Старый дуракъ...

ФРИКАСЕ.

О ты меня очень хорошо знаешь, такъ же какъ и я тебя.—Мы сегодня подпишемъ контрактъ не правда ли?

ФИЛЬБЕРТЪ.

Съ большимъ удовольствіемъ.

ФРИКАСЕ.

О мой любезный, безкорыстный зять!—Ты вѣдь обѣдаешь съ нами; подожди же меня здѣсь, мнѣ очень нужно идти со двора, но твоя невѣста дома. И такъ займись Амуромъ во ожиданіи Гимнея....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Нѣтъ это шутка-то плохая.
Въ отставку просится амуръ,
Когда невѣста дорогая
Подешевѣетъ черезъ—чуръ.

ФРИКАСЕ.

Прощай, мы послѣ потолкуемъ
Съ тобой, какъ должно, обо-всемъ....
(въ сторону.)
Мы зятя мастерски надуемъ. —

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Мы тестя лихо проведемъ.
(Фрикасе уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ФИЛЬБЕРТЪ, одинъ.

Чортъ бы тебя взялъ съ твоею нѣжностію! Нѣтъ, любезный тестюшка, твой глупый пожаръ обжегъ крылья моему амуру; я надѣялся получить 30 тысячъ франковъ приданаго, а теперь онъ потчуетъ меня половиной.... Прекрасно! Стало, за исключеніемъ 10 тысячъ, которыя онъ далъ мнѣ впередъ и которыя я порядочно растормошилъ, мнѣ всего на-все остается получить 5 тысячъ франковъ.—Стоитъ изъ чего на надѣвать себѣ супружескую петлю на шею.... Нѣтъ! Я еще съ ума не сошелъ... И эта трактирная вывѣска думаетъ, что я женюсь на его дочери?... Слуга покорный!— Чортъ возьми! Готовясь къ женитьбѣ, я было совсѣмъ остепенился, и даже сегодня разстался съ моей милой Аделандой!... Однакожъ что жъ мнѣ дѣлать: если я самъ откажусь, онъ въ правѣ требовать уплаты полученныхъ 10 тысячъ франковъ; а у меня и 20-й доли не осталось! Нѣтъ... Надобно, чтобъ отказъ былъ съ его стороны.... Браво! Какая счастливая мысль.... Тесть не знаетъ моей руки.... Прекрасно.... Напишемъ безъименное ругательное письмо *(Садится къ столу.)* Мнѣ не нужно клепать на себя небылицу — скажу все, что за душой — и довольно... Моя правда хуже всякой лжи!

Вашъ зять повѣса и наглецъ,
Безъ правилъ, совѣсти и чести,
Развратникъ, мотъ, безстыдный лжецъ,
Игрокъ, въ немъ всѣ пороки вмѣстѣ. —
Остерегайтеся его,
Онъ передъ вами лицемѣритъ....
Довольно — не скажу всего,
А то, пожалуй, не повѣритъ!

Напишемъ: »Я слышалъ, милостивый государь, что вы хотите отдать руку вашей дочери. «

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ФИЛЬБЕРТЪ и ПЕДАЛЬ.

ПЕДАЛЬ.

Эти вещи только со мной случаются!... Когда я сержусь, у меня всегда что нибудь лопнетъ; и вотъ теперь оборвались цѣлыхъ два ми-бе-моля!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Чортъ возьми, я не одинъ!...

ПЕДАЛЬ.

Надобно сходить въ магазинъ за другими; Ба! Это кто?

ФИЛЬБЕРТЪ.

Что это за гусь?... Я никогда не видалъ это лицо — вѣрно новый лакей!...

ПЕДАЛЬ.

Кто бы это былъ? — Женихъ, или двоюродный братъ?—Онъ очень похожъ на брата. Правда, что онъ немножко похожъ также и на жениха; а можетъ быть, это и другой кто нибудь, потому что онъ, кажется, смахиваетъ... на кого-то другаго....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Готово!

ПЕДАЛЬ.

Посмотрю, все ли еще идетъ дождь... Порядочно крапитъ.... Ну, да такъ быть, отправимся....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Погоди немножко другъ мой!...

ПЕДАЛЬ.

Его другъ!

ФИЛЬБЕРТЪ.

Скажи, пожалуста, вѣрно здѣсь есть гдѣ нибудь поблизости городская почта?

ПЕДАЛЬ.

Напротивъ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Какъ?

ПЕДАЛЬ.

Здѣсь, напротивъ инструментальнаго магазина, куда я иду....

ФИЛЬБЕРТЪ.

А! Вы туда идете! А далеко ли это?

ПЕДАЛЬ.

Въ концѣ улицы.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Она довольно длинна! — А дождь все еще идетъ; это жаль; мнѣ надо послать письмо, письмо очень нужное....

ПЕДАЛЬ.

Я понимаю.... Вы боитесь воды.... Ха, ха, ха!... Этихъ мелкихъ людей пугаетъ крупный дождь.... И это человѣкъ! — Стыдно въ люди сказать. — Дайте мнѣ ваше письмо; я мимоходомъ суну его въ ящикъ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

На одну минуту; вы, можетъ быть, изъ здѣшняго дома?

ПЕДАЛЬ.

Напротивъ, я первый разъ въ этомъ домѣ, и, можетъ быть, въ послѣдній.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Очень радъ, — и такъ я смѣло могу воспользоваться вашей услугой; вотъ вамъ и деньги за письмо. Не хотите ли вы взять мой зонтикъ?

ПЕДАЛЬ.

У васъ есть зонтикъ... (*Глубоко вздыхая.*) Увы, у меня нѣтъ его!... Но, правда, можно и безъ него обойтиться..

ФИЛЬРЕРТЪ.

Разумѣется, когда нечего испортить!...

ПЕДАЛЬ.

Нечего испортить!... Вы сказали это съ тѣмъ, чтобъ меня унизить... А? — Но все равно, оставьте при себѣ вашъ зонтикъ... я не хочу вашего зонтика... я, можетъ быть, имѣлъ зонтикъ во 100 разъ больше и лучше вашего...

ФИЛЬБЕРТЪ

Но, послушай, мой милый!...

ПЕДАЛЬ.

Я совсѣмъ не милый... оставьте меня въ покоѣ... вы меня смѣшите вашимъ зонтикомъ. (*Уходя.*) Его зонтикъ! Его зонтикъ! Онъ думаетъ, что я умру безъ зонтика!... Его зонтикъ!... Зонтикъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ФИЛЬБЕРТЪ, ПОТОМЪ ТЕРЕЗА.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Какой чудакъ! Однако жъ онъ кстати мнѣ попался!... Благодаря его услугѣ, я успѣю между тѣмъ приготовить мою невѣсту къ рѣшительному разрыву. — Вотъ она!...

ТЕРЕЗА, ВХОДЯ.

Батюшка сказалъ мнѣ, что вы желали, сударь, говорить со мною...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Я всегда желаю этого; но, какъ кажется, вы не одинаково со мною думаете.

ТЕРЕЗА.

Почему же?

ФИЛЬБЕРТЪ.

Потому, что у меня есть счастливый соперникъ ..

ТЕРЕЗА.

Соперникъ!.... Что вы хотите этимъ сказать? Кто этотъ соперникъ...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Вотъ онъ самъ на лицо...

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ИЗИДОРЪ.

ТЕРЕЗА.

Изидоръ!

ФИЛЬБЕРТЪ.

Войдите, г-нъ Изидоръ! Войдите...

ИЗИДОРЪ.

Какъ я ненавижу этого фанфарона!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Вы очень легки на поминѣ; но я самъ не хочу быть въ тягость вашей сестрицѣ и удаляюсь.

Вы оставайтесь здѣсь въ покоѣ;
Я догадался безъ труда,
Что если гдѣ сойдутся двое,
Тамъ третій лишній иногда.
Вы милы сердцемъ и душою;
Вашъ братецъ ловкій молодецъ; —
Какъ музыкантъ, я не разстрою
Такой гармоніи сердецъ...

(Уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ИЗИДОРЪ И ТЕРЕЗА.

ИЗИДОРЪ.

Что это значитъ? Понимаете ли вы тутъ что нибудь, сестрица?

ТЕРЕЗА.

Кажется, это довольно ясно.

ИЗИДОРЪ.

Однако жъ?

ТЕРЕЗА.

Вашъ соперникъ догадался, что вы счастливѣе его.

ИЗИДОРЪ.

Неужели? — Стало быть, онъ уступаетъ мнѣ поле сраженія, и мы можемъ надѣяться...

ТЕРЕЗА.

Не торопитесь, Изидоръ. Вы забыли, что батюшка!...

ИЗИДОРЪ.

О! Батюшкѣ я принесъ драгоцѣнныя повости изъ страховой конторы...

ТЕРЕЗА.

Въ самомъ дѣлѣ?...

ИЗИДОРЪ, цѣлуя ее руку.

Да, любезная сестрица... мы будемъ счастливы; и повѣрьте, что моя любовь...

(Педаль входитъ; они оба вскрикиваютъ и убѣгаютъ.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ПЕДАЛЬ, ОДИНЪ.

А! Я, кажется, спугнулъ нѣжныхъ голубковъ.... Это маленькая Фрикасе.... Я ее узналъ... Прекрасно! Она ужъ позволяетъ цѣловать руку молодому мужчинѣ, прежде замужества... скоренько... прошу покорно послѣ этого учить дѣвицъ на фортепьянахъ... по кстати, тотъ молодой человѣкъ, который мнѣ ввѣрилъ это письмо... долженъ быть очень разстроенъ... въ ту минуту какъ я хотѣлъ положить письмо въ ящикъ... взглянулъ мимоходомъ на адресъ, и что же прочелъ: «Господину Фрикасе, въ улицѣ Сенъ-Андре.» — Я тотчасъ догадался, что могу вручить его самъ... чѣмъ платить за это деньги!...

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ПЕДАЛЬ И ФРИКАСЕ.

ФРИКАСЕ.

Какая досада! Я не нашелъ племянника въ конторѣ... вѣрно мы съ нимъ разошлись...

ПЕДАЛЬ.

А, вотъ и онъ... Г-нъ Фрикасе.

ФРИКАСЕ.

Вы здѣсь, г-нъ Педаль! Что фортопьяно готово?

ПЕДАЛЬ.

Нѣтъ еще... одно приключеніе... но не въ томъ дѣло... Вотъ письмо, которое меня просили вамъ отдать!...

ФРИКАСЕ.

Письмо! Вѣрно отъ племянника?

ПЕДАЛЬ.

Отъ племянника! — Да, можетъ быть... впрочемъ я даже увѣренъ, что это точно долженъ быть племянникъ.

ФРИКАСЕ.

Семейное сходство...

ПЕДАЛЬ.

Да, довольно глупое лицо.

ФРИКАСЕ.

Такъ и есть! — Онъ вѣроятно не засталъ меня дома и оставилъ эту записку. — Фу, какіе крючки!

ПЕДАЛЬ.

Надѣньте очки...

ФРИКАСЕ.

«Яслыш...я слыш...»—Какъ дурно писано... неужели это рука моего племянника... нельзя прочесть ни одного слова... Посмотрите пожалуйста...

ПЕДАЛЬ.

Въ самомъ дѣлѣ, можно подумать, что это писала муха, которая выползла изъ чернильницы.

ФРИКАСЕ.

Посмотрите подпись...

ПЕДАЛЬ.

Безъ подписи.

ФРИКАСЕ.

Что за чортъ!...

ПЕДАЛЬ.

Постойте, можетъ быть, я и разберу... потому что оно было при мнѣ писано. — «Я слышалъ, что вы хотите отдать руку.»—Кажется, я видѣлъ эту руку на другомъ какомъ-то лоскуткѣ...

ФРИКАСЕ.

Ну, что же вы остановились?

ПЕДАЛЬ.

Сейчасъ!... «Хотите отдать руку вашей дочери Фильберту Дюбокажу... Я долженъ васъ прелу.....»—Какія каракулы! «Я долженъ васъ предупредить!... Что вамъ будущій зять настоящій плутъ, негодяй.»

ФРИКАСЕ.

Какая клевета! Но однако жъ это очень вѣроятно...

ПЕДАЛЬ.

Можетъ быть, это писалъ его соперникъ...

ФРИКАСЕ.

Точно, точно... это мой племянникъ... теперь я увѣренъ; повѣса перемѣнилъ руку.

ПЕДАЛЬ.

Я то же думаю.

ФРИКАСЕ.

Продолжайте! продолжайте!

ПЕДАЛЬ.

«Онъ еще и теперь имѣетъ любовницу.»—Хорошо! — «Одну молодую женщину, которую онъ похитилъ у мужа...» Прекрасно Ха, ха, ха!

ФРИКАСЕ.

Вамъ это смѣшно, г-нъ Педаль?...

ПЕДАЛЬ.

Да, сударь, смѣшно; я ощущаю звѣрскую радость... Еще одинъ обманутый мужъ!... И вѣроятно, ваша дочь, выйдя замужъ за этого дурака, также обманетъ его въ свою очередь—и того цѣлыхъ два дурака!... Прекрасно!... Я очень радъ...

ФРИКАСЕ.

Зачѣмъ говорить о дуракахъ... оставьте личности... продолжайте...

ПЕДАЛЬ.

«Вы не будете сомнѣваться въ истинѣ словъ моихъ, когда узнаете эту особу...» А, такъ мы узнаемъ эту особу...

ФРИКАСЕ.

Да, да, это становится очень забавно... читайте.

ПЕДАЛЬ.

Чудесно! Ха! ха, ха!... «Эту женщину зовутъ Аделандой!..» Аделандой!! Боже мой!...

ФРИКАСЕ.

Аделандой?...

ПЕДАЛЬ.

Не можетъ быть! Вѣрно я ошибся...

ФРИКАСЕ.

Позвольте!... Нѣтъ... точно Аделанда...

ПЕДАЛЬ.

Позвольте!... Да .. да, Аделанда!...

ФРИКАСЕ.

Позвольте! «А мужъ ея Педаль, пастройщикъ...» Возможно ли—это вы?...

ПЕДАЛЬ.

Это я! Я самъ!... О! проклятый Фильбертъ—такъ это ты?... Я узналъ наконецъ твое имя! Это ты похитилъ у меня... мой прекрасный зонтикъ.

ФРИКАСЕ.

Но я не могу повѣрить, чтобъ Фильбертъ, который мнѣ казался такимъ добрымъ малымъ...

ПЕДАЛЬ.

Онъ добрый милый?...

Онъ съ подлой, низкою душой,
Разбойникъ, воръ. .

ФРИКАСЕ.

Мой другъ, размысли...

ПЕДАЛЬ.

Да, кто живетъ съ моей женой,
Такъ тотъ мошенникъ съ полномъ смыслѣ.
Бегу полицію просить!
Пускай возьмутъ его подъ стражу;
Пускай принудятъ возвратить
Мнѣ въ цѣлости мою пропажу.

ФРИКАСЕ.

Какъ это можно!... Что вы хотите дѣлать? Остановитесь...

ПЕДАЛЬ.

Гдѣ живетъ этотъ крокодилъ? Въ которомъ кварталѣ, подъ какимъ №... я самъ своими руками задушу эту подлую душу!!..

ФРИКАСЕ.

Успокойтесь, г-нъ Педаль!...

ПЕДАЛЬ.

Какъ вы хотите, чтобъ я былъ спокоенъ... тогда, какъ онъ двѣ недѣли заставляетъ меня подвергаться бурямъ природы и общества... Развѣ я не вижу, какъ всѣ сухо со мной обходятся, и развѣ я теперь, по его милости, не

похожъ на мокрую курицу... (*Обтираетъ платье.*)

ФРИКАСЕ.

Конечно, доказательства ясны; но нельзя обвинять его, не выслушавъ оправданія...

ПЕДАЛЬ.

Ничего не хочу слушать!... Онъ извергъ природы!...

ФРИКАСЕ.

Въ самомъ дѣлѣ, это легко можетъ быть... Погодите же, я самъ побѣгу къ нему... и если онъ не оправдается — я найду себѣ другаго зятя... мои средства мнѣ это позволяютъ..

ПЕДАЛЬ.

А я гдѣ найду другой зонтикъ?... Мои средства мнѣ этого не позволяютъ.

ФРИКАСЕ.

Останьтесь же здѣсь, я сейчасъ приведу его къ вамъ на очную ставку.

ПЕДАЛЬ.

Хорошо!.. Я подожду; только, ради Бога, поскорѣе... Вы видите, какъ я разстроенъ...

ФРИКАСЕ.

Я въ минуту возвращусь!... (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ПЕДАЛЬ, ПОТОМЪ ИЗИДОРЪ.

ПЕДАЛЬ.

А! Бездѣльникъ Фильбертъ! Теперь ты неускользнешь отъ меня!... Но что я вспомнилъ; входя сюда, я видѣлъ человѣка, который цѣловалъ руку мамзель Фрикасе!.. Если это онъ? Легко можетъ быть... онъ смотрѣлъ совершеннымъ бездѣльникомъ

ИЗИДОРЪ, ВЫХОДЯ ИЗЪ КАБИНЕТА СЪ ЗОНТИКОМЪ.

Дядюшка все еще не пришелъ... Нечего дѣлать; надо возвратиться въ контору, не смотря на дурную погоду...

ПЕДАЛЬ.

Вотъ и онъ!...

ИЗИДОРЪ.

Однако жъ я рѣшился взять этотъ зонтикъ, который, по счастію, случился въ кабинетѣ...

ПЕДАЛЬ.

Мой зонтикъ! Мой дражайшій зонтикъ! Нѣтъ сомнѣнія — это точно Фильбертъ...

ИЗИДОРЪ.

Отправимся!

ПЕДАЛЬ, У ДВЕРЕЙ.

Нѣтъ, ты не выйдешь отсюда.

ИЗИДОРЪ.

Что вамъ угодно?

ПЕДАЛЬ.

А! Ты наконецъ въ моихъ рукахъ! Презрѣнное твореніе! Дай мнѣ посмотрѣть на твое лицо. Тьфу! Чортъ возьми, онъ совсѣмъ не хорошъ... если бъ онъ былъ хорошъ, я бы сказалъ: онъ хорошъ, и это послужило бы ей извиненіемъ... а то, посмотрите, онъ ничѣмъ не лучше меня... этакія лица по дорогамъ валяются... чѣмъ онъ понравился ей? Обглядываю его съ ногъ до головы, и ничего нѣтъ особеннаго...

ИЗИДОРЪ.

Милостивый государь! Такія шутки нисколько не забавны, тѣмъ болѣе, что вы мнѣ вовсе незнакомы.

ПЕДАЛЬ.

Незнакомъ! Ты сейчасъ меня узнаешь: г-нъ Педаль!

ИЗИДОРЪ.

Не знаю-съ!...

ПЕДАЛЬ.

Настройщикъ!

ИЗИДОРЪ.

Не знаю-съ!

ПЕДАЛЬ.

Имѣющій жительство въ улицѣ Сен-Маркъ.

ИЗИДОРЪ.

Не знаю!...

ПЕДАЛЬ.

Супругъ Аделанды!

ИЗИДОРЪ.

Не знаю!...

ПЕДАЛЬ.

Не знаешь? — Ты меня не знаешь... Но вѣдь у тебя мой зонтикъ, подлый обольститель!

ИЗИДОРЪ.

А развѣ это вашъ зонтикъ?

ПЕДАЛЬ.

Прошу покорно!... Онъ воруетъ зонтики и притворяется угнетенной невинностью.

ИЗИДОРЪ.

Это ужъ слишкомъ... Скажите мнѣ, за кого вы меня принимаете...

ПЕДАЛЬ.

Я тебя принимаю за премыкающуюся ящерицу...

ИЗИДОРЪ.

Ну, такъ вы ошибаетесь... прощайте...

ПЕДАЛЬ.

Я тебя не выпущу...

ИЗИДОРЪ.

Это начинаетъ мнѣ надоѣдать, и если бъ я не удерживался. *(Замахивался зонтикомъ.)*

ПЕДАЛЬ.

Рази! рази меня моимъ оружіемъ, довершай свое преступленіе, неси свою голову на эшафотъ... трепещешь!... Ты боишься эшафота... О! подлый трусъ!... Ага!... Эшафотъ!... Эшафотъ!...

ИЗИДОРЪ.

Это просто сумасшедшій! *(Хочетъ идти.)*

ПЕДАЛЬ.

Ни съ мѣста!... Отдай мнѣ мою жену!

ИЗИДОРЪ.

Жену!...

ПЕДАЛЬ.

Гдѣ она? Гдѣ Аделаида?...

ИЗИДОРЪ.

Да отвяжитесь, ради Бога!...

ПЕДАЛЬ.

Отдай мнѣ мою жену!...

ИЗИДОРЪ.

Убирайся къ чорту!...

ПЕДАЛЬ.

Ты не хочешь отдать мнѣ жену!... Хорошо, оставь ее себѣ... Чортъ съ ней! Это будетъ тебѣ наказаніемъ; но по крайней мѣрѣ отдай мнѣ мой зонтикъ!... Жена убѣжала добровольно... но мой зонтикъ ты унесъ насильно...

ИЗИДОРЪ.

Да отвяжешься-ли ты отъ меня!

ПЕДАЛЬ, хватая зонтикъ.

Отдай мнѣ мой прекрасный зонтикъ!...

ИЗИДОРЪ.

Ни за что!...

ПЕДАЛЬ.

Оставь его, сей же часъ, оставь!...

ИЗИДОРЪ.

Не оставлю.

ПЕДАЛЬ.

Караулъ!... Рѣжутъ!...

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ И ТЕРЕЗА.

ТЕРЕЗА.

Что такое сдѣлалось?... Что за шумъ?...

ПЕДАЛЬ.

Подите сюда, сударыня, подите, чтобъ я при васъ могъ изобличить его.

ИЗИДОРЪ.

Не слушайте его, онъ сумасшедшій!...

ПЕДАЛЬ.

Молчи, чудовище!... Да, сударыня, этотъ человѣкъ, который за вами волочится... бездѣльникъ: онъ воспользовался дождливымъ временемъ, чтобъ похитить у меня мою жену... онъ соблазнитель, живетъ цѣлую недѣлю съ моимъ зонтикомъ.

ТЕРЕЗА.

Ахъ! Боже мой!...

ПЕДАЛЬ.

Вы за него не пойдете замужъ — я увѣренъ: во-первыхъ, потому что вы его терпѣть не можете, — я знаю это отъ вѣрныхъ людей, — а во-вторыхъ, г-нъ Фрикасе знаетъ всѣ его проказы...

ИЗИДОРЪ.

Г-нъ Фрикасе!...

ПЕДАЛЬ.

Да, да, я ему все разскажу, и теперь побѣгу за уликой! Твое собачье письмо у меня спрятано... я сейчасъ его принесу.

= =

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ И ФИЛЬБЕРТЪ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Что за шумъ?...

ПЕДАЛЬ.

А! Это вы, сударь!... Милости просимъ! Вы мой благодѣтель! Я вамъ очень много обязанъ, вы мнѣ открыли глаза...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Неужели?

ПЕДАЛЬ.

Да, сударь! Я все подробно разсказалъ этой дѣвицѣ... Вы поняли, сударыня?

ТЕРЕЗА.

Ровно ничего.

ПЕДАЛЬ.

Спросите же его — онъ лучше всѣхъ знаетъ, въ чемъ дѣло.

ИЗИДОРЪ.

Вотъ, ни на столько.

ПЕДАЛЬ.

А! Вы сговорились меня взбѣсить...

ТЕРЕЗА, ФИЛЬБЕРТЪ И ИЗИДОРЪ.

Къ чему намъ попусту сердиться,
Спорить, вздорить и кричать —
Мы васъ просимъ объясниться,
И въ чемъ дѣло, разсказать.

ПЕДАЛЬ.

Какъ не рваться, не бѣситься!
Какъ не спорить, не кричать!
Онъ разбойникъ не стыдится
Зонтикъ мой въ рукахъ держать!...
(Изидору.)
Ты мошенникъ первоклассный,
Развратитель и злодѣй...
Ты узнаешь, какъ опасно
Воровать жильцовъ людей!
Кровопійца! Жди награды!
Обличу тебя какъ разъ —
Я съ ума схожу съ досады...
И назадъ приду сейчасъ. —
(Убѣгаетъ.)

Вместе.

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ИЗИДОРЪ, ТЕРЕЗА И ФИЛЬБЕРТЪ

ИЗИДОРЪ.

Чего хочетъ отъ меня этотъ чудакъ? Я ничего не понимаю.

ТЕРЕЗА.

Однако жъ его слова заставляютъ имѣть невыгодное мнѣніе о вашей нравственности.

ИЗИДОРЪ.

Какъ, неужели вы можете вѣрить сумасшедшему?...

ТЕРЕЗА.

Онъ совсѣмъ не сумасшедшій... я его нѣсколько разъ видѣла у г-жи Дюпланъ... я его очень хорошо знаю.

ИЗИДОРЪ.

А, вы его знаете?—Такъ, стало, это правда, что вы меня терпѣть не можете, что онъ слышалъ это отъ вѣрныхъ людей?

ФИЛЬБЕРТЪ.

Возможно ли! Ссора между такими нѣжными друзьями...

ТЕРЕЗА.

Я никогда не буду любить человѣка, котораго поведеніе двусмысленно.

ИЗИДОРЪ.

Что я слышу!

ФИЛЬБЕРТЪ.

Успокойтесь! Зачѣмъ же обвинять по однимъ подозрѣніямъ...

ТЕРЕЗА.

Не трудитесь защищать его... Я васъ однихъ уважаю, г-нъ Фильбертъ, очень уважаю: вы человѣкъ прекрасный, и я готова выдти за васъ замужъ...

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Ну, вотъ это ужъ напрасно!...

ИЗИДОРЪ.

О вѣроломная!...

ТЕРЕЗА.

Батюшка сейчасъ возвратится, и я сама ему объявлю объ этомъ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Очень вамъ благодаренъ!... Но извините, мнѣ нѣкогда... Я зашелъ мимоходомъ за этой бездѣлицей, которая въ рукахъ вашего братца.

ИЗИДОРЪ.

Какъ? — Это вашъ зонтикъ?....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Мой-съ!

ИЗИДОРЪ, отдаетъ зонтикъ.

Вашъ? Довольно, сударь! Возьмите его... я, кажется, начинаю понимаю кое что.

=

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

ТѢ ЖЕ И ФРИКАСЕ.

ФРИКАСЕ.

А ты, здѣсь, Фильбертъ!... Я сейчасъ былъ у тебя!...

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Ай, худо! Меня аттаковали со всѣхъ сторонъ!...

ФРИКАСЕ.

Я, сударь, получилъ прекрасныя вѣсти на вашъ счетъ...

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

А! Онъ получилъ мое письмо!...

ФРИКАСЕ.

Вы должны немедленно оправдаться, а не то, я найдусь принужденнымъ...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Вы принимаете на себя слишкомъ строгій видъ, батюшка; онъ вамъ совсѣмъ не къ лицу, — зачѣмъ вы такъ надулись, я знаю васъ вдоль и поперегъ: вы добрый малый. (*Бьетъ его по брюху*).

ФРИКАСЕ.

Потише, потише! Это съ вашей стороны неучтиво, а съ моей стороны нездорово...

ФИЛЬБЕРТЪ.

И такъ вы повѣрили этимъ сплетнямъ на мой счетъ?...

ФРИКАСЕ.

Обвиненіе очень важно, сударь; — оправдайтесь.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Я не хочу оправдываться предъ человѣкомъ, который меня подозрѣвастъ! Я вижу, что вамъ хочется со мной разойтись, — отъ того-то вы такъ и расходились. — Что жъ? — Пожалуй, я готовъ! — Но неужели вы думаете, что мнѣ, въ свою очередь, нечего сказать о вашей дочери?

ФРИКАСЕ.

Что, что? о моей дочери!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Я сейчасъ засталъ г-жу Терезу наединѣ съ ея братцемъ!

ФРИКАСЕ.

Послушай, братецъ! Въ самомъ дѣлѣ, что ты здѣсь дѣлалъ?

ИЗИДОРЪ.

Я васъ поджидалъ, дядюшка, у меня есть добрыя вѣсти...

ФРИКАСЕ.

О моей фермѣ?

ИЗИДОРЪ.

Да, дядюшка! — Страховое общество завтра вамъ заплатитъ всѣ деньги сполна...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Вотъ тебѣ на!...

ФРИКАСЕ.

Возможно ли! Какое счастіе!... Обними меня, мой голубочикъ!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Какъ? Стало ваша ферма была застрахована?

ФРИКАСЕ.

Третью больше, чѣмъ она стоитъ....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Ахъ!... Я дуракъ!...

ФРИКАСЕ.

Любезный Изидоръ, теперь я похлопочу о тебѣ!... Мои средства мнѣ это позволяютъ...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Почтенный батюшка! Примите мое сердечное участіе....

ФРИКАСЕ.

Вѣрю, вѣрю, мой сердечный! Но мы отклонились отъ прежняго разговора. Вотъ, сударь, письмо, которое васъ обвиняетъ....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Я, не читавши его, утверждаю, что оно безъ подписи....

ФРИКАСЕ.

Точно!

ФИЛЬБЕРТЪ.

И вы можете вѣрить безъименному письму?

ФРИКАСЕ.

Да какъ же не повѣрить? Въ немъ говорятъ

о похищеніи, о соблазнѣ!.. Утверждаютъ, что у васъ есть любовница.... какая-то Аделаида, жена настройщика Педаля...

ТЕРЕЗА.

Что я слышу!

ИЗИДОРЪ.

Возможно ли?

ФИЛЬБЕРТЪ.

У меня много враговъ, добродѣтельный г. Фрикасе! Особено одинъ скрытный соперникъ, который самъ здѣсь на лицо.—Вотъ онъ! Онъ одинъ могъ написать такую клевету....

ФРИКАСЕ И ТЕРЕЗА.

Онъ!

ИЗИДОРЪ.

Я? Вздоръ, сударь!—Мнѣ не трудно оправдаться, дядюшка! Вы знаете мою руку, покажите письмо....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Вы ее перемѣнили!—Дядюшка знаетъ вашу руку, но не знаетъ вашего испорченнаго сердца. Я увѣряю, что эта Аделаида его любовница, а онъ изволилъ взвалить ее на мою шею...

ТЕРЕЗА.

Ахъ! Это можетъ быть, потому что я застала здѣсь г-на Педаля въ страшной ссорѣ съ Изидоромъ....

ФИЛЬБЕРТЪ.

А это былъ г-нъ Педаль?...

ТЕРЕЗА.

Да, да! Я его знаю.

ИЗИДОРЪ.

Клянусь вамъ душой моей!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Видите, батюшка!.. Доказательство ясное...

ИЗИДОРЪ.

Я задыхаюсь отъ досады!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Слышите, онъ задыхается... Можно ли же вѣрить его душѣ....

ФРИКАСЕ.

Эге, любезный! Такъ это ты разстроилъ семейное счастіе настройщика?

ИЗИДОРЪ.

Совсѣмъ нѣтъ!... Выслушайте меня, дядюшка....

ФРИКАСЕ.

Прочь съ глазъ моихъ!...

ИЗИДОРЪ.

Сестрица!

ТЕРЕЗА.

Отстаньте отъ меня, сударь.

ИЗИДОРЪ.

Г-нъ Фильбертъ, мы будемъ съ вами драться!...

=

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

ТѢ ЖЕ И ПЕДАЛЬ.

ПЕДАЛЬ, бросившись на шею Изидора.

Вотъ онъ! Вотъ онъ!... Позволь мнѣ сжать тебя въ своихъ объятіяхъ....

ИЗИДОРЪ.

Что за чортъ навязался мнѣ на шею....

ПЕДАЛЬ.

Это я... я, мой другъ!...

ИЗИДОРЪ.

Вы меня задушите!...

ПЕДАЛЬ.

Великодушнѣйшій изъ людей, не вырывайся изъ моихъ благодарныхъ объятій.

ФРИКАСЕ.

Но что же это значитъ, вы теперь его обнимаете, а давича....

ПЕДАЛЬ.

Да, г-нъ Фрикасе! Давича вы видѣли меня мизантропомъ... все мое существо было разбито; я тогда походилъ на фортопіано, которое выбросили изъ окошка; струны моего сердца жалобно дребезжали; но теперь.... вообразите!.. Я возвращаюсь домой—и кого же тамъ нахожу....

ФРИКАСЕ.

Вашъ зонтикъ?

ПЕДАЛЬ.

Нѣтъ! Мою потерянную супругу! Мою любезную Аделанду!...

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Слава Богу, что онъ не знастъ меня въ лицо....

ПЕДАЛЬ.

Она повисла мнѣ на шею.... дыханіе сперлось въ груди моей.... и кому я обязанъ этимъ счастіемъ? Тому, кого я прежде обвинялъ, доброму Фильберту!...

ВСѢ.

Фильберту!

ИЗИДОРЪ.

Но вы ошибаетесь!...

ПЕДАЛЬ.

Молчи! Молчи! Мой дружочикъ!... Существо неземное... покровитель слабаго пола... позволь мнѣ разсказать о твоихъ добродѣтеляхъ... Представьте г-нъ Фрикасе! Моя жена чрезвычайно ревнива! Званіе настройщика заставляетъ меня имѣть сношенія съ молодыми женщинами; Аделанда сохла отъ ревности, и наконецъ она рѣшилась умертвить себя, огнемъ, желѣзомъ, или ядомъ... Съ этими мыслями вышла она изъ дому, чтобъ броситься въ рѣку. Время было ненастное, она взяла мой зонтикъ... этотъ господинъ проходитъ мимо и видитъ на мосту молодую женщину, утопающую....

ФРИКАСЕ.

Утопающую?

ПЕДАЛЬ.

Утопающую въ слезахъ.... онъ старается ее утѣшить, она сначала обошлась съ нимъ довольно сухо... по увѣщанія льются рѣкой, дождикъ ливмя, онъ беретъ ее подъ руку, распускаетъ зонтикъ и провожаетъ ко дому...

ФИЛЬБЕРТЪ, въ сторону.

Прекрасно! Его жена вышла суха изъ воды.

ПЕДАЛЬ.

Аделанда, тронутая поступкомъ своего кавалера и не переставая еще ревновать меня, проситъ его проводить себя въ провинцію, къ теткѣ, о которой, признаться, я прежде ничего не зналъ.... и это подало поводъ къ тому ужасному посланію, которое возбудило мои подозрѣнія; вы знаете?...

ФРИКАСЕ.

Да, да! »Прекрасная Аделанда!...

ПЕДАЛЬ.

»Осушите ваши слезы!...

ФРИКАСЕ.

»Завтра....

ПЕДАЛЬ.

»Завтра въ два часа я вырву.«—и проч. — Вотъ оно, я отдаю тебѣ его обратно;—ты помирилъ меня съ людьми.

Я обожаю родъ людской;
Какъ можно на него сердиться?
Я снова съ милою женой
И радъ со всѣми подружиться.
Теперь куда ни погляжу —
Всѣ веселы, вездѣ смѣются; —
Опять друзей я нахожу!...

ФИЛЬБЕРТЪ.

Они съ женой всегда найдутся! —

ПЕДАЛЬ.

Всю силу радостей моихъ,
Чтобы вполнѣ мужья узнали,
Такъ я желалъ бы, чтобъ у нихъ
Хоть на недѣлю женъ украли!...

Но что же сдѣлалъ ты съ моимъ зонтикомъ, который ты забылъ возвратить моей Аделандѣ? Позвольте мнѣ говорить вамъ *ты*.—Что ты съ нимъ сдѣлалъ!...

ИЗИДОРЪ.

Спросите этого господина! Онъ увѣряетъ, что это его собственность.

ПЕДАЛЬ.

Какъ? Онъ имѣетъ дерзость... Г-нъ Фрикасе! Вашъ племянникъ слишкомъ много себѣ позволяетъ!....

ФРИКАСЕ.

Мой племянникъ? — Онъ!

ПЕДАЛЬ.

Да, сударь! Онъ написалъ безъименное письмо противъ Фильберта!

ФРИКАСЕ.

Противъ Фильберта?

ПЕДАЛЬ.

Я самъ видѣлъ — это было при мнѣ; вотъ на самомъ этомъ мѣстѣ.

ФИЛЬБЕРТЪ.

Ай, худо!..

ИЗИДОРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, это письмо писано одной рукой....

ПЕДАЛЬ.

Да, да... одной; это было при мнѣ.

ИЗИДОРЪ.

Посмотрите, дядюшка, сличите!...

ФРИКАСЕ.

Что я вижу! Вѣрить ли мнѣ моимъ очкамъ?

ФИЛЬБЕРТЪ.

Все кончено!

ФРИКАСЕ.

Какъ! Вы употребили такую низкую хитрость, г-нъ Фильберъ?

ПЕДАЛЬ.

Вы хотите сказать, Изидоръ?

ФРИКАСЕ.

Нѣтъ! Фильбертъ, вотъ Изидоръ, мой племянникъ....

ПЕДАЛЬ.

Какъ! Онъ Фильбертъ?... Онъ!... Такъ это ты, мой другъ? И вы допустили меня расточить мои ласки другому! Обними меня; мой безцѣнный другъ!

ФРИКАСЕ.

Да что за чертовщина! Сколько же у васъ друзей, растолкуйте!

ИЗИДОРЪ.

Я вамъ все объясню дядюшка! Я выжидалъ только удобнаго случая.... я давно догадался....

ТЕРЕЗА.

И я тоже!—А г-нъ Фильбертъ, вѣроятно, догадался, что ему остается дѣлать....

ФИЛЬБЕРТЪ.

Взять шляпу и откланяться....

ФРИКАСЕ.

Убирайся, негодяй!..

ПЕДАЛЬ.

Что, что?—Мнѣ кажется, они хотятъ тебя унизить?... Развѣ ты.... другъ мой, позволь мнѣ говорить вамъ *ты*, они тебя выгоняютъ—хорошо! Оставь это неблагодарное семейство, эту унизительную реставрацію... пойдемъ ко мнѣ обѣдать: это тебѣ ничего не будетъ стоить.... дождь все еще идетъ, но ты не бойся, у насъ есть чѣмъ защититься.

ФРИКАСЕ.

Постой! Постой! Фильбертъ! А мои 10 тысячъ франковъ?

ПЕДАЛЬ.

10 тысячъ франковъ,—я плачу за него....

ФРИКАСЕ.

Ты?

ПЕДАЛЬ.

Да, я! Хоть у меня самаго ничего нѣтъ, но для него я всѣмъ готовъ жертвовать.... не безпокойся, мой другъ, ты возвратишь мнѣ мою потерю и не пропадешь со мной!

ФРИКАСЕ.

Но откуда же ты возьмешь деньги?

ПЕДАЛЬ.

У меня есть драгоцѣнная вещь... предметъ роскоши, чудесное произведеніе художника, я разыграю ее въ лотерею.—Вы всѣ смотрите съ любопытствомъ!—Вы хотите знать, что это такое?—*(Разпускаетъ зонтикъ.)* Вотъ оно! Поди сюда, подъ кровъ дружбы. Это будетъ очень трогательно.

=

ВОДЕВИЛЬ.

ПЕДАЛЬ.

Дай руку мнѣ; пойдемъ, какъ брятья,
Ты мнѣ судьбу свою вручилъ —
И я тебѣ мои объятья
Съ прекраснымъ зонтикомъ раскрылъ.
Утѣшься, другъ мой, будь въ надеждѣ
Твой долгъ плачу я, такъ и быть;
Но только я обязанъ прежде,
Здѣсь общій долгъ нашъ заплатить...

(Публикѣ.)

Изъ васъ конечно всякій знаетъ,
Чего съ покорностью мы ждемъ:
Дождь критики насъ не пугаетъ,
А страшенъ вашъ сухой прiемъ!...

И МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

О

ТЕАТРѢ.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Кто бы подумалъ, что послѣ такого блистательнаго періода (какъ былъ второй), придется описывать упадокъ многихъ вещей! — Но такъ идетъ все на свѣтѣ. У самой прекрасной машины стоитъ испортиться одному колесу,—и она будетъ хоть брось.—Грустно описывать подобныя состоянія,—но и въ немъ было много утѣшительнаго. А теперешнее состояніе театровъ и вполнѣ заставляетъ забыть краткій періодъ недостатковъ и неудачъ.

Во первыхъ, первая трагическая актриса Семенова оставила сцену. Эта потеря была невознаградима.—Оставалась, правда, г-жа Колосова, — но она сама, принявъ по необходимости большую часть ролей Семеновой, отказалась отъ многихъ, которыя превышали ея силы и средства (Федра, Клитемнестра и т. п.). Отъ этой потери публика охладѣла къ трагедіи и обратилась къ комедіи и балету.

Въ комедіи, Русскій театръ пріобрѣлъ прекраснаго артиста, перешедшаго изъ Москвы. Это былъ Рязанцевъ. Комизмъ его былъ самый неподдѣльный, не натянутый: чистая пластическая натура. Онъ вскорѣ умѣлъ сдѣлаться любимцемъ публики, которая не предчувствовала, что вскорѣ потеряетъ и этого артиста.

Опера пріобрѣла себѣ также новую поддержку въ лицѣ Ивановой. Она воспитывалась въ Театральномъ Училищѣ, гдѣ тогда г. Біанки былъ учителемъ пѣнія. — Ему обязана Русская опера образованіемъ нѣсколькихъ отличныхъ сюжетовъ, въ числѣ которыхъ г-жа Иванова занимаетъ первое мѣсто. Голосъ у ней былъ прекрасный, звучный, обширный; средства сильныя, метода хорошая.—Къ сожалѣнію, ростъ ея, ниже посредственнаго, много вредилъ ей для занятія ролей первыхъ любовницъ; слабая же игра и вовсе мѣшала сдѣлаться первенствующимъ оперным сюжетомъ.

Царица ночи (въ Волшебной флейтѣ) и Агата (въ Фрейшюцѣ) — были лучшими ея ролями: тутъ не требовалось много игры.

Другой замѣчательный оперный талантъ явился тогда на сцену. Это былъ г. Шемаевъ. — Дебютъ его въ роли *Севильскаго цирюльника* (Россини) подалъ блистательнѣйшія надежды. Голосъ у него былъ свѣжій, пріятный, вѣрный, хотя и необширный. — Партія Фигаро была для него нѣсколько передѣлана, потому что онъ не имѣлъ нижнихъ нотъ. Главныя же надежды публики основывались на прекрасной его игрѣ, при исполненіи этой роли. Къ сожалѣнію, дальнѣйшее его поприще приняло вовсе другое направленіе.—Ему ли, или учителямъ его, вздумалось вытягивать его голосъ вверхъ, чтобъ образовать тенора,—но эта попытка, имѣвшая сначала нѣкоторый успѣхъ, лишила Русскую оперу прекраснаго баритона, не давъ ей хорошаго тенора. За то онъ остался актеромъ, и изъ опернаго любовника часто переходилъ въ молодыхъ комиковъ, въ которыхъ также имѣлъ значительный успѣхъ.

Но самымъ,замѣчательнымъ,прекраснымъ явленіемъ былъ тогда г. Дюръ.—Онъ также воспитывался въ Театральной Школѣ и оперный дебютъ его въ *Сорокѣ воровкѣ* (Подесту) обворожилъ всѣхъ. Никогда еще Русская опера не имѣла такого прекрасна-

го, чистаго, гибкаго голоса, одушевленнаго отличною игрою и украшеннаго наилучшею методою. Какія вѣликолѣпныя надежды подавалъ этотъ артистъ! Какимъ превосходнымъ пѣвцомъ могъ бы онъ быть! —И что жъ? Въ этомъ періодѣ театра судьба наложила на все печать несбывшихся надеждъ. — Будучи чѣмъ-то обезохоченъ, г. Дюръ вдругъ пересталъ заниматься пѣніемъ и обратился къ водевилю. Конечно, онъ и въ немъ сдѣлался первокласснымъ артистомъ, но бѣдная Русская опера, приходившая мало по малу въ упадокъ, понесла въ немъ потерю, которую не возвратитъ ей цѣлое поколѣніе настоящихъ и будущихъ учениковъ Театральнаго Училища.

Изъ всего сказаннаго видно, однако, что всѣ лучшіе артисты выходили тогда изъ Театральнаго Училища. Драматическимъ образованіемъ они обязаны были, по прежнему, Князю Шаховскому, — музыкальнымъ г. г. Біанки и Кавосу.—Этотъ періодъ былъ, какъ кажется, самымъ блистательнымъ для Школы. Таланты во всѣхъ родахъ появлялись оттуда и разсадникъ казался неисчерпаемымъ. Къ сожалѣнію, и эта надежда была непродолжительна. Вскорѣ все стало становиться хуже и бѣднѣе.

Тогда произошелъ знаменитый выпускъ, который, по числу выпущенныхъ, могъ считать число прекраснѣйшихъ талантовъ въ разныхъ родахъ. Конечно, и тутъ не всѣ надежды сбылись, но это уже былъ фатализмъ, тяготѣвшій надъ этимъ періодомъ. Опишемъ въ подробности сюжетъ этого выпуска.

Пальма первенства въ немъ принадлежитъ г-жѣ Дюръ (или, какъ ее въ афишахъ писали: *Дюровой*). Это былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ талантовъ, вышедшихъ изъ Школы. — Стройный станъ, прекрасная наружность и пріятный голосъ, съ перваго взгляда располагали къ ней всякаго; умная же и тонкая ея игра довершала очарованіе. Князь Шаховской былъ образователемъ ея таланта и всѣ свои піесы писалъ для нея. Наилучшія роли ея были въ комедіяхъ и въ нѣкоторыхъ драмахъ, гдѣ не нужно было много чувства и сильныхъ страстей, напримѣръ, въ піесахъ: Урокъ женатымъ, Островъ пѣмыхъ, Финъ и Аристофанъ. Но тамъ, гдѣ авторъ заставлялъ ее предаваться нѣжностямъ, тамъ видно было, что сантиментальность не въ ея натурѣ, — напримѣръ, въ піесахъ Фингалъ и Роскрана, Соколъ Князя Ярослава и т. п.— Нѣсколько лѣтъ блистала она свѣжестію своего дарованія на нашей сценѣ, — но мы уже сказали, что все въ этомъ періодѣ было непрочно,—и потому судьба вырвала этотъ милый цвѣтокъ изъ книги жизни на зарѣ дней ея.

Второй изъ выпущенныхъ талантовъ была г-жа Азаревичева м. — Съ прекрасною наружностію соединяла она много ума и чувства. Судя по живости ея и ловкости, казалось, что судьба создала ее чудесною субреткою, — но она начала испытывать свое дарованіе и въ роляхъ драматическихъ. Успѣхъ испортилъ все; она не знала, къ чему рѣшительно обратиться, и разнообразіемъ своихъ занятій повредила усовершенствованію въ одномъ какомъ нибудь родѣ. По моему мнѣнію, она была лучше всего въ роли субретокъ, — и можно утвердительно сказать, что послѣ нея мы уже не видали хорошихъ актрисъ въ этомъ амплуа.

По оперной части вышла тогда г-жа Монруа (Шелихова б.). — Съ прелестною наружностію, соединяла она вѣрный, чистый, звонкій и обширный голосъ. И хотя въ то время г-жа Семенова м. владычествовала на сценѣ, но Монруа нравилась публикѣ вездѣ и во всемъ. И когда Семенова оставила сцену, то Шелихова рѣшительно заняла ея амплуа и имѣла долговременный успѣхъ, не смотря на постепенный упадокъ оперы.

Вмѣстѣ съ нею явилась г-жа Рыкалова (въ послѣдствіи Марсель). Она была дочь знаменитаго комика,—и уже это одно было вѣрнымъ ручательствомъ въ любви публики. Приготовляясь сперва къ балетной части, у ней открылся потомъ голосъ и драматическія способности. Она испытала и то, и другое, и вездѣ имѣла значительный успѣхъ, который вполнѣ заслуживала. — Если имя отца ея было порукою въ снисхожденіи публики, если прекрасная ея наружность могла увлечь каждаго, то

дарованіе ея достойно было вниманія каждаго безпристрастнаго зрителя. Вскорѣ она вовсе оставила драматическія роли и совершенно предалась оперѣ, — такъ что послѣ г-жи Семеновой играла *Красную шапочку* и имѣла успѣхъ.—Къ сожалѣнію, легкій и блистательный успѣхъ въ водевиляхъ увлекъ ее, и она мало по малу начала оставлять оперу. Большая ошибка, свойственная молодости! — Въ водевилѣ все очарованіе составляютъ молодость и красота. Тамъ всякую 25 лѣтнюю актрису вытѣснитъ 17 лѣтняя и со слабѣйшимъ дарованіемъ. — Тамъ 30 лѣтняя уже не должна позволять себѣ молодыхъ, наивныхъ ролей;— тогда какъ въ оперѣ съ удовольствіемъ будутъ слушать и 40 лѣтнюю пѣвицу, которая давно уже занимаетъ свое амплуа и всегда нравилась публикѣ. Г-жа Рыкалова была, конечно, въ свое время превосходна и прелестна въ: *Суженаго конемъ не объѣдешь*, въ *Новой шалости* и другихъ водевиляхъ; но это сценическое торжество не могло быть продолжительнымъ. Чрезъ пять лѣтъ явились новые сюжеты, и публика съ равнодушіемъ забыла свою прежнюю любимицу. А между тѣмъ въ оперѣ г-жа Марсель продолжала играть съ успѣхомъ, никѣмъ неоспориваемымъ. — Лучшею ея ролею была Анета въ Фрейшюцѣ.—Со временемъ вѣроятно она перейдетъ на амплуа комическихъ старухъ,—и можно навѣрное предсказать, что она будетъ въ немъ хороша, потому что талантъ никогда не старѣется.

Вмѣстѣ съ нею явилась тогда г-жа Строганова (въ послѣдствіи Рамазанова), у которой былъ чистый, прекрасный контръальтъ.—Роль Аріеля въ *Бурѣ* (Шекспира) и Пипо въ *Сорокѣ воровкѣ* были самымъ блистательнымъ началомъ для будущаго ея поприща. Къ сожалѣнію, талантъ ея принадлежалъ къ несбывшимся надеждамъ. Она вскорѣ исчезла со сцены.

Балетная часть выпуска была самою блистательною. Первымъ и прекраснѣйшимъ лицомъ была г-жа Телешова м.—Какъ танцорка, имѣла она прелестное дарованіе въ деми-характерномъ родѣ, но какъ пантомимный сюжетъ, мы съ тѣхъ поръ не видѣли подобнаго и вѣроятно не скоро увидимъ.—При самой очаровательной наружности, имѣла она столько чувствъ игры, что увлекала самаго безстрастнаго зрителя. Роль Сумбурщицы жены (балетъ Огюста) была ею играна въ совершенствѣ, которое она умѣла сохранить до послѣдняго своего торжества въ *Фенеллѣ*.—Очень жаль, что наши нынѣшнія молодыя танцовщицы мало обращаютъ вниманія на пантомимную часть. — Пройдутъ лѣта молодости, и къ танцоркѣ за 30 лѣтъ зритель становится уже очень равнодушенъ, тогда какъ искусство въ пантомимѣ всегда пріятно. Мы имѣли Колосову въ высокомъ родѣ этого искусства,— мы долго наслаждались дарованіемъ Телешевой; явилась потомъ Новицкая (Дюръ), и соединяя съ пріятнѣйшею нѣжностію пламенныя сценическія чувства, воскресила на время прежнее пантомимное искусство,— но преемницъ имъ теперь вовсе не видать.

Другая замѣчательная танцовщица была тогда г-жа Азаревичева б.—Мудрено придумать себѣ прекраснѣе стана и формъ для первой танцорки. Искусство ея равнялось изяществу наружности, и нѣсколько лѣтъ публика восхищалась ею, какъ прекраснѣйшею жрицею Терпсихоры. Но судьба этого періода была уже такова, что всѣ надежды были непрочны. Лучшая участь семейственной жизни похитила г-жу Азаревичеву отъ театра, и съ тѣхъ поръ мы еще не имѣли танцовщицы въ этомъ родѣ.

Вмѣстѣ съ нею вышла г-жа Зубова. Еще будучи ребенкомъ, она уже восхищала публику своимъ прекраснымъ дарованіемъ. Она играла роли Амуровъ — и казалось, была создана для нихъ. Мало по малу талантъ ея усовершенствовался и въ танцахъ — и наконецъ она вышла прелестнѣйшею деми-характерною танцовщицею, которая могла бы сдѣлать честь первѣйшимъ театрамъ въ Европѣ. Мудрено сыскать ножку, прекраснѣе ея устроенную для танцовъ. Въ нынѣшнее время г-жа Смирнова то же самое, что нѣкогда была Зубова.

Въ послѣднее время она рѣдко являлась на сценѣ, и даже, говорятъ, что совершенно оставила службу, прежде истеченія 20 лѣтъ. Кажется, что это еще первый при-

мѣръ неокончанія служебнаго поприща первымъ сюжетомъ. Впрочемъ, будучи еще ребенкомъ, она уже восхищала зрителей,— и слѣдственно, не двадцать, а почти 30 даже лѣтъ блистала на сценѣ. — Разумѣется, послѣдніе года она была уже не то, что въ цвѣтѣ лѣтъ; но странно бы было требовать отъ танцорки, которой за 30 лѣтъ, той же легкости, свѣжести и граціи, которыми она обворожала зрителей въ 17 лѣтъ. Танцовальное искусство имѣетъ самый краткій періодъ для своего блеска. Онъ простирается отъ 18 до 28. Далѣе этого срока талантъ поддерживается однимъ воспоминаніемъ, которое также слабѣетъ мало по малу и никогда не достигаетъ до окончанія втораго десятилѣтія. — Бѣдное танцовальное искусство! Всякая другая отрасль театра легко допускаетъ и слабые таланты до 20 лѣтней выслуги,—а танцы, первый сюжетъ, Зубова!...

О второстепенныхъ талантахъ выпуска и говорить нечего. Едва ли когда нибудь случится такое счастливое стеченіе дарованій въ одно время. Кто изъ нихъ теперь остался? спросятъ у меня? Увы!... Однихъ ужъ нѣтъ!... Другіе странствуютъ далеко. Виноваты ли мы, что въ наше время люди скоро живутъ и отживаютъ. Надобно быть благодарнымъ и за прошедшее.

Періодъ театра съ 1822 до 1830 можно почитать самымъ безплоднымъ, по части новыхъ талантовъ, репертуара и монтировки спектаклей. — Требованія публики ежедневно увеличивались, а средства къ удовлетворенію ея въ такой же степени уменьшались. Только Каратыгинъ, Колосова, сдѣлавшаяся (г-жею Каратыгиной) Сосницкій и Брянскій поддерживали спектакли. Къ счастію зрителей, по мѣрѣ упадка иныхъ отраслей, возвышалось дарованіе Каратыгина,—и публика ничего не теряла. — Если и онъ не сдержалъ обѣщанія, то только въ томъ, что обѣщалъ быть хорошимъ артистомъ, а сдѣлался превосходнымъ. То же самое можно сказать и Сосницкомъ. Двадцать лѣтъ игралъ онъ вертопраховъ, — и вдругъ перешелъ на комиковъ.— И съ какимъ искусствомъ, съ какою естественностію онъ ихъ представлялъ! Оставалась одна сентиментальная сторона, которой многіе не подозрѣвали въ немъ, но нѣкоторыя новѣйшія піесы открыли въ немъ и эту струну въ самыхъ прекрасныхъ звукахъ. Честь и слава подобнымъ артистамъ! — Эпоху первыхъ представленій *Свадьбы Фигаро* можно почитать самою блистательною для его дарованія. Много видѣли мы и Французскихъ артистовъ въ этой роли, но отдаемъ преимущество Сосницкому, хотя легкость и быстрота разговорнаго языка и должны бы дать перевѣсъ Французамъ. Сусанна же—была несравненна. Лучше г-жи Сосницкой невозможно передать этой трудной и прекрасной роли. — Это былъ вѣнецъ ея славы.

Изъ всего сказаннаго видно, что одна драматическая часть поддерживала этотъ періодъ театра. Одинъ Каратыгинъ возвышался; — прочіе только сохраняли прежде пріобрѣтенную ими славу. — Случилось и тутъ неожиданное несчастіе: г-жа Колосова оставила вдругъ сцену. Мельпомена и Талія опротѣли. Публика съ горестію осматривалась, чтобъ придумать: кто же будетъ ея преемницею,—но все было пустынно вокругъ.... Къ счастію, обстоятельства перемѣнились—и г-жа Колосова возвратилась къ своему поприщу и своей славѣ.

Около этого времени образовался талантъ новой драматической актрисы. — Г-жа Брянская, игравшая дотолѣ довольно скромное амплуа, явилась въ драмѣ *Жизнь игрока*, въ ролѣ Амаліи, и удивила всѣхъ прекрасною игрою и глубокимъ чувствомъ. — Съ этой минуты она заняла часть перваго драматическаго амплуа и до сихъ поръ занимаетъ его съ успѣхомъ. Журналисты часто отзываются объ ней съ большею похвалою.

Самъ же Брянскій перешелъ теперь на благородныхъ отцовъ. Первый преемникъ Яковлева и бывшій соперникъ Каратыгина, теперь очень спокойно доживаетъ свое сценическое поприще, не слишкомъ заботясь ни о шумной славѣ, ни объ идеалахъ совершенства. Какъ истинный философъ, онъ знаетъ, что все на свѣтѣ суета.

Что сказать объ оперѣ! Самойловъ под-

ходилъ къ преклоннымъ лѣтамъ. Голосъ его, сохраня свою пріятность и чистоту, не имѣлъ уже прежней гибкости. Новый же репертуаръ требовалъ руладъ и больше ничего. Онъ не въ состояніи былъ слѣдовать за новыми требованіями вкуса — и вскорѣ началъ отставать отъ современной музыки. Мало и рѣдко играя, онъ терялъ и драматическую рутину. Практика необходима въ каждомъ искусствѣ, — а онъ не имѣлъ ее, и потому долженъ былъ ослабѣть и въ средствахъ памяти, для изученія ролей, и въ самой сценической опытности. — Одна только благодарность публики за прежній его высокій талантъ поддерживала расположеніе зрителей, — и теперь, когда несчастнѣйшій случай похитилъ этого достойнаго ветерана у сцены и семейства, имя его перейдетъ въ потомство не по послѣднимъ годамъ ослабѣвшаго его поприща, но по первому 20-ти лѣтію славы и любви публики.

Онъ намъ оставилъ три замѣчательные таланта. Первымъ изъ нихъ была дочь его, М. В. Самойлова, дебютировавшая нѣсколько разъ прежде въ бенефисахъ отца, но долго не рѣшавшаяся вступить въ дѣйствительное число артистокъ. Наконецъ, въ самую слабую минуту существованія нашей оперы, вышла и она. Первымъ ея дебютомъ была Нинета въ *Сорокѣ воровкѣ* — и публика приняла ее съ величайшимъ одобреніемъ. Голосъ г-жи Самойловой былъ не обширный и не сильный, но самый пріятный и гибкій, а драматическая игра досталась ей по наслѣдству отъ отца, со всѣми усовершенствованіями, которыхъ требовалъ вѣкъ и новый репертуаръ. Второй ея дебютъ былъ еще блистательнѣе (въ Сумбурщицѣ женѣ). Тутъ она показала все свое прекрасное дарованіе въ игрѣ, и была превосходна въ этой роли. — Вступя въ дѣйствительное число артистокъ, она перешла на другое амплуа, — на водевиль и комедію. Публика и репертуаръ выиграли отъ этой перемѣны, потому что тогда никого не было на молодыя роли, — а г-жа Самойлова была отлично хороша. Особливо даръ подражанія былъ ея принадлежностію. Прежде заимствовала она все хорошее у г-жи Гагнъ, — а потомъ не пропускала ни одного представленія г-жи Аманъ. Такимъ образомъ легко усовершенствоваться всякому артисту съ дарованіемъ. Онъ безъ самонадѣянности на собственный свой талантъ, старается заимствовать то, что всѣми признано достойнымъ похвалы. — Къ сожалѣнію, театральное поприще г-жи Самойловой не долго продолжалось. Она оставила театръ по семейственнымъ обстоятельствамъ, и любители изящнаго долго будутъ жалѣть о ней. — Впрочемъ она оставила по себѣ преемницу. Младшая сестра ея, И. В. Самойлова, вскорѣ послѣ нея вступила на театръ.

Дебюты этой артистки были не такъ блистательны, какъ старшей сестры ея, — но за то надежды, ею подаваемыя, превосходятъ тѣ, которыя могла дать ея предшественница. Голосъ ея самый чистый и пріятный, *mezzo-soprano*, исполненный чувства, силы и гармоніи, какія только природа изрѣдка создаетъ. — Остается самой владѣтельницѣ обработать его, и если она не выполнитъ этого, то... и говорить нечего. Она заняла амплуа первыхъ любовницъ въ водевилѣ и успѣла въ самое короткое время сдѣлаться любимицею публики. На долго ли? — Не знаю. О! этотъ водевиль! Это незаконное дитя оперы и комедіи! Сколько дарованій погубило оно и погубитъ еще. — Успѣхъ въ немъ и блистателенъ и легокъ; слава и любовь публики такъ привлекательны! Кто не увлечется этими блуждающими огоньками! И гдѣ же послѣ очутится? Милыя и прелестныя питомицы музъ! Внемлите совѣту закулиснаго ветерана и искренняго любителя вашего искусства. Если вы въ душѣ своей чувствуете хотя одну искру дарованія, если вы одарены отъ природы какою нибудь надеждою на развитіе голоса для оперы, или драматическихъ способностей для комедіи, то не бросайтесь въ этотъ водевиль. Водевиль — просто забава, шутка, — а не произведеніе искусства. Водевиль не имѣетъ репертуара. Это избалованное дитя, которое всякій день мѣняетъ свои игрушки, разбивая свои прежнія, самыя любимыя. — Въ немъ нѣтъ прочной славы, нѣтъ истинныхъ талантовъ. Трагедія, комедія, опера, даже балетъ —

сохраняютъ имена своихъ великихъ артистовъ: водевиль никогда не будетъ ихъ имѣть, потому что самыя творенія водевильныя года черезъ два совершенно забываются. Оставьте это поприще: или для бездарныхъ артистовъ, которые не въ состояніи блистать въ другомъ, лучшемъ, родѣ, или для тѣхъ, которымъ избытокъ славы и любовь публики позволяютъ тратить время свое и искусство.

Третьимъ подаркомъ семейства Самойлова, — былъ В. В. Самойловъ, который нѣсколько лѣтъ уже теперь пользуется благосклонностію публики. Одаренный отъ природы самою выгодною наружностію и прекраснымъ голосомъ, онъ долгое время испытывалъ свои силы въ операхъ, но слабость груди всегда измѣняла ему; наконецъ онъ обратился къ водевилю, — и теперь въ нѣсколькихъ роляхъ доказалъ отличное свое дарованіе. Если онъ будетъ имѣть больше практики въ новомъ своемъ поприщѣ, то сдѣлается однимъ изъ первыхъ любимцевъ публики. Художественнаго матеріяла въ немъ бездна. Любви къ искусству — еще болѣе. — Если все это разовьется въ той степени, до какой можетъ дойти самобытный талантъ, — то смѣло можно предсказать, что Самойловъ будетъ рѣдкимъ артистомъ.

Но мы отдалились отъ состоянія оперы. — Послѣ потери Сандуповой, Злова, Климовскаго, Ивановой, а наконецъ Семеновой, — легко вообразить себѣ, что остался безжизненный оставъ прежней труппы, которая была такъ превосходна. Оставался Самойловъ, который одинъ не только не могъ поддержать ее, но и самъ уже ослабѣвалъ. Такимъ образомъ прекраснѣйшая часть Русскаго театра невидимо и незамѣтно разрушилась, — и тѣ самые, которые десять лѣтъ тому назадъ восхищались ею, съ пренебреженіемъ стали говорить: да помилуйте, какая опера можетъ быть у Русскихъ! Больно было слышать, а прошедшаго нельзя было воротить.

Г. Кавосъ продолжалъ употреблять всѣ усилія для возстановленія этой части, — и подарилъ тогда публику самымъ отраднымъ произведеніемъ своего творческаго генія. — *Иванъ Сусанинъ*, коего либретто сочинилъ князь Шаховской, явился какъ бы для утѣшенія зрителей въ ежеминутныхъ оперныхъ потеряхъ. И это было прекрасное твореніе, которое по какому-то чуду не имѣло и десятой части того успѣха, котораго заслуживало. — Мы теперь по всей справедливости восхищаемся оперою *Жизнь за Царя* г. Глинки, но было бы очень несправедливо, если бъ, хваля настоящее, мы забыли съ пренебреженіемъ прошедшее. Музыка Сусанина г. Кавоса — прекрасна, — и всякій знающій эту часть вѣрно поставитъ ее не ниже всѣхъ новѣйшихъ произведеній.

То же самое случилось и съ балетомъ, что было съ оперою. Дидло оставилъ театръ — и балетъ долженъ былъ неминуемо упасть. Явился правда г. Титюсъ съ *Кіа-Кингомъ*—и блистательная постановка этого балета положила первое основаніе нынѣшнимъ роскошнымъ монтировкамъ. Уже давно не видали такого великолѣпія, — и образованная публика не переставала наполнять залы театра во время представленія этого балета. Вскорѣ потомъ явился г. Блашъ и выписаны были г-жи Круазетъ, Пейсаръ, г. Фредерикъ. Это совершенно оживило балетную сцену. — Круазетъ быстро усовершенствовалась здѣсь въ своемъ искусствѣ и вскорѣ стала первоклассною танцовщицею. Г-жа Пейсаръ была прелестна и роскошна на сценѣ. Фредерикъ былъ хорошій танцоръ, — и упавшій балетъ снова подымался къ удовольствію зрителей.

Гораздо труднѣе было поднять оперу. Для балета выписывали за дорогую цѣну артистовъ, — въ оперу нельзя было достать ихъ ни за какія деньги. Надобно было искать своихъ.—Счастье помогло и въ этомъ. Нуженъ былъ больше всего теноръ и его послали отыскивать по провинціяльнымъ театрамъ. Отыскали г. Бѣшенцова, привезли, заставили дебютировать, — но онъ не пошелъ дальше — и тенора все-таки не было. За то вмѣстѣ съ нимъ и за самую дешевую цѣну привезли г. Петрова, не ожидая впрочемъ отъ него ни большой пользы, ни успѣховъ. И что жъ? Мало по малу

стараніе и усердіе сдѣлало изъ г Петрова первоклассный талантъ, — а тенора все еще нѣтъ.

Съ сокрушеннымъ сердцемъ должны мы вспомнить о г. Шуваловѣ. Вѣроятно, никто изъ первѣйшихъ Европейскихъ теноровъ не имѣлъ такого прекраснаго отъ природы голоса. Чистый, обширный, пріятный, сильный, гибкій — и что жъ? Непостижимое упрямство самолюбія увѣрило его, что ему не нужно учиться, что его метода пѣнія хороша, и что, имѣя прекрасный голосъ, не нужно усовершенствовывать его.—Грустно подумать, что отъ этихъ ничтожныхъ причинъ, лучшій нашъ теноръ по свойству голоса остался на всю жизнь хористомъ.

Изъ Школы въ это время вышла г-жа Степанова, — но первые ея дебюты обѣщали очень мало. Рѣзкій, непріятный, не гибкій голосъ производилъ непріятное впечатлѣніе на слушателей, а слабая игра не обѣщала успѣховъ и въ драматическомъ отношеніи. Надобно было съ ея стороны непостижимому старанію, усердію и любви къ искусству, чтобъ преодолѣть всѣ природные недостатки. Къ счастію, она вышла побѣдительницею изъ этой борьбы — и теперь заняла почетное мѣсто на нашей сценѣ.

Еще прежде вышла изъ Школы же г-жа Виркина (нынѣ Каратыгина). Ничто не могло быть прелестнѣе ея голоса и методы. Ея дебютъ въ *Осадѣ Коринѳа* былъ самый блистательный и подавалъ величайшія надежды. Къ сожалѣнію, надежды эти не исполнились. Частыя болѣзни ослабили грудь ея, — а она имѣла неосторожность во время болѣзни даже пѣть на сценѣ. Силы измѣнили усердію и зрители потеряли къ ней довѣренность. Съ тѣхъ поръ она изрѣдка является на сценѣ и поетъ съ перемѣннымъ успѣхомъ. — Безпристрастіе требуетъ одно сказать, что публика не совсѣмъ къ ней справедлива. Лучшей методы пѣнія ни у кого теперь нѣтъ.

Недавно только выписали изъ Парижа *Русскую* пѣвицу. Это первый случай — и самый удачный. Г-жа Соловьева обладаетъ прекраснѣйшимъ голосомъ. Легкость, гибкость, мягкость даютъ ей всѣ средства сдѣлаться первоклассною пѣвицею. Къ сожалѣнію, иногда замѣтно, что она мало учится. Это прискорбно. Неужели въ людяхъ съ большимъ дарованіемъ не всегда бываетъ столько самолюбія и привязанности къ своему искусству, чтобъ усовершенствовать свой талантъ? И все-таки г-жа Соловьева безспорно наша лучшая пѣвица.

Наконецъ самое блистательное пріобрѣтеніе Русской оперы состоялось въ г-жѣ Воробьевой (нынѣ Петровой). Русскій контральтъ, еще небывалая вещь, — а чувство, которымъ одушевляется ея пѣніе, даже несвойственно нашему климату. Это что-то южное, пламенное. Теперь это единственная перла Русской оперы, — и мы должны желать только одного, чтобъ она поддерживала ежедневнымъ ученіемъ свой высокій талантъ. Самое знаменитое дарованіе не освобождаетъ отъ ежедневнаго ученія.— Напротивъ, собственное достоинство должно напомнить артисту, что только ученьемъ пріобрѣтается прочная слава, и что наилучшій природный талантъ упадаетъ, если его не поддерживаютъ прилежаніемъ и усовершенствованіемъ.

Возрожденіе Русской оперы началось съ Роберта.— Никто не могъ вообразить себѣ, чтобъ Русская труппа сыграла эту трудную оперу. И однако же Робертъ имѣлъ удивительный заслуженный успѣхъ. Всѣ соревновали усердіи и великолѣпнѣйшая монтировка довершила очарованіе. Вскорѣ потомъ новое отрадное явленіе совершенно возстановило упавшій духъ Русской оперы. Съ возобновленіемъ Большаго Театра Русскіе увидѣли давно небывалую вещь! національную оперу! Жизнь за Царя, соч. г. Глинки положила твердое основаніе музыкальной народности, а блистательный успѣхъ творенія доказалъ, что требованія нашей публики съ незапамятныхъ временъ все одни и тѣ же, — именно требованіе національности.—Мы хотимъ имѣть свое, *Русское*. Переводы надоѣли намъ. Они не шевелятъ нашихъ сердецъ, они только говорятъ нашимъ ушамъ — и то не всегда вѣрно! Но Русское созданіе, и при меньшемъ музыкальномъ достоинствѣ, всегда сладост-

но звучитъ для насъ. Дай Богъ, чтобъ наши авторы обратились на истинный путь музыкальныхъ своихъ занятій. Пора намъ имѣть свою, національную оперу. Пусть она будетъ еще слаба, но она будетъ Русская, — а вѣковой опытъ доказалъ, что мы во всемъ скоро догонялемъ другихъ. Дай Богъ, чтобъ талантъ Глинки создалъ новыя произведенія, подобныя первой его операѣ. А если найдутся и другіе, то честь и хвала имъ! Публика вѣрно приметъ ихъ съ восторгомъ.

Послѣ *Жизнь за Царя* публика толпами возвратилась подъ знамена Русской оперы, давно уже ею покинутыя, — и съ тѣхъ поръ, казалось, успѣхи этой труппы пойдутъ крещендо.

> Но на счастье прочно
> Всякъ надежду кинь....

сказалъ одинъ изъ старинныхъ нашихъ поэтовъ. Прошло не много времени — и все опять перемѣнилось.—Оперы опять опустѣли; ихъ опять никто не слушаетъ. Отъ чего же, Боже мой! Развѣ выбыли прежніе таланты! Совсѣмъ нѣтъ!—Пріобрѣтены новые (Леоновъ). Что жъ не даютъ ничего новаго? Напротивъ! И Вильгельмъ Тель (Карлъ Смѣлый), и Норма, и Капулетти, и Невѣста лунатикъ, и Бронзовый Конь, и Пуритане, и Велисарій,—словомъ, все, что есть лучшаго въ новѣйшей Европейской музыкѣ. Такъ развѣ дурно обставляютъ? Развѣ бѣдны костюмы и декораціи? Нѣтъ! Точно также великолѣпно и роскошно, какъ во времена Роберта, — а публика все-таки не ходитъ въ оперы, и если хотите видѣть пустоту Большаго Театра, то ступайте въ оперу. — Это почти непостижимо. И однако же отгадка предъ глазами. Одинъ колоссальный талантъ похитилъ все — и вниманіе публики, и оперныхъ зрителей, и труды Русскихъ артистокъ. Однимъ словомъ, все теперь сосредоточилось въ лицѣ Тальони.

Долгое время балетъ нашъ, имѣя Титюса и Бланша своими хореграфами, а Круазетъ первою танцоркою, восхищалъ зрителей и привлекалъ ихъ, то прекрасною монтировкою, то интереснымъ сюжетомъ, — но нашему славолюбію этого было недостаточно. Мы захотѣли видѣть на своей сценѣ такой талантъ, отъ котораго съ ума сходитъ вся Европа, — и Тальони явилась. — Что сказать объ ней? Хвалить смѣшно, — не хвалить — глупо. Надобно только смотрѣть и восхищаться. А какъ у Французовъ есть пословица: *Chacun a son mauvais gout*, то я лично признаюсь, что танцы Тальони приводятъ меня, точно также, какъ и другихъ, въ восхищеніе, — но что я все-таки нахожу больше наслажденія умственнаго и нравственнаго: смотрѣть на игру г-жи Аланъ и Каратыгина б., нежели на всевозможные пируэты, скачки и позы. Всѣ закричатъ, что это вандализмъ, — и я не отпираюсь; но не хочу однако же и притворяться. Можетъ быть, иные и раздѣляютъ мое мнѣніе, но изъ услужливости говорятъ противное.— Это гораздо хуже. Лучше искренно ошибаться, нежели изъ угодливости говорить не то, что думать.

Изъ прочихъ балетныхъ сюжетовъ, которымъ публика иногда рѣшается аплодировать, блистаютъ Смирнова и Андреянова. Первая замѣчательна по удивительной чистотѣ и отдѣлкѣ своихъ па. Перенявъ тайну искусства у Тальони, она, въ этомъ отношеніи, не уступаетъ высокому своему образцу. Еще бы нѣсколько роскоши и пріятства — и она бы сдѣлалась первоклассною танцоркою. Будь она иностранка, пріѣзжай она сюда подъ другимъ именемъ и съ похвалами Европейскихъ журналистовъ, она бы съ ума сводила всю публику,— но здѣшняя воспитанница!...— Андреянова ниже ея въ техническомъ отношеніи танцовальнаго искусства, но за то имѣетъ другія блистательныя качества, которыми превосходитъ Смирнову и которыя привлекаютъ аплодисменты публики. Есть еще третья танцовщица, которая имѣетъ всѣ средства, чтобъ превзойти всѣхъ сверстницъ. Это Шлефохтъ. Но мы уже видѣли на театрѣ столько несбывшихся надеждъ, что страшно и похвалить раждающееся дарованіе. А оно очень много обѣщаетъ. Природа все дала ей. Остается довершить собственному усердію, и не вѣрить хлопальщикамъ. Много талантовъ погибли у насъ отъ безвременныхъ аплодисментовъ. Не дай Богъ, чтобъ и эта распускающаяся роза увяла

оть дыханія лести и собственнаго самолюбія. Ей еще далеко до знаменитости, даже до Смирновой и Андреяновой — но она можетъ достигнуть до всего. Нужно только прилежаніе и искренняя любовь къ своему искусству.

О самомъ хореграфическомъ искусствѣ не много можно сказать. Требованія вкуса и времени совершенно различны. — Ходъ ли вѣка и просвѣщенія раждаетъ ихъ, или эти требованія не что иное, какъ внушенія великихъ умовъ, управляющихъ людскими мнѣніями, каждаго по своей части, — но при Дидло мы требовали отъ балета, чтобъ въ немъ былъ драматическій интересъ, завязка, поэзія. Теперь мы сдѣлались гораздо снисходительнѣе. Намъ нужны картины, танцы, декораціи, музыка, роскошь, великолѣпіе, — а о содержаніи балетовъ мы вовсе не заботимся. Да и къ чему оно? Въ драмѣ, въ комедіи, литература потребуетъ у автора отчета во всѣхъ явленіяхъ, во всѣхъ характерахъ, во всѣхъ неправдоподобіяхъ, — но въ балетѣ... какой хореграфъ обязанъ связывать свои идеи правилами, условіями, вѣроятностію? Твореніе его дѣлается для глазъ зрителей и для ногъ артистовъ; если тѣ и другіе удовлетворены, то цѣль достигнута. Особливо если есть персонажъ, который вездѣ и во всемъ превосходенъ, — то все прочее — роскошь. Прекрасно — если есть, не нужно — если нѣтъ.

Возвратимся теперь къ нашему драматическому театру. —По временамъ, Театральное Училище снабжало въ это время Русскій театръ хорошими сюжетами. — Мы не упоминали о г-жѣ Семеновой, молодой драматической актрисѣ, блеснувшей неподдѣльнымъ талантомъ на самое короткое время и похищенной смертію чрезъ два года послѣ выпуска. Не будемъ говорить о г-жѣ Монготье и Кальбрехтъ. Театральное поприще ихъ было непродолжительно, хотя и блистательно. Дарованіе обѣихъ имѣло совершенно различный оттѣнокъ, хотя обѣ занимали одно амплуа. Если бъ онѣ не оставили сцены, то вѣроятно сдѣлались бы превосходными актрисами; но судьбѣ угодно было иначе.

Впрочемъ одно пріобрѣтеніе вознаградило за всѣ потери. Явилась г-жа Асенкова (дочь прекрасной субретки 2-го періода) и въ самое короткое время сдѣлалась любимицею публики. Съ самою прелестною и привлекательною наружностію, соединяетъ она безпредѣльную любовь къ своему искусству. Средства ея обширны, почти неистощимы, разнообразіе удивительно, чувства — бездна. Къ сожалѣнію, и она увлеклась легкостію успѣховъ и благосклонностью публики; бросилась исключительно въ водевиль, а что еще хуже, страстно полюбила мужскія роли, въ которыхъ она прелестна. Отъ этого и дарованію ея, и всему театральному ея поприщу угрожала явная опасность. Но судьба спасла ее. — Новѣйшіе писатели, видя разнообразіе ея средствъ и дарованія, стали назначать ей драматическія роли. Она въ нихъ оказалась превосходною, — и теперь упроченная ея слава требуетъ только хорошаго репертуара и эфектныхъ піесъ. Она будетъ вѣрною ихъ поддержкою. Въ послѣднее время прославилась она ролею Параши Сибирячки, — и дѣйствительно, лучшей актрисы для этой піесы мудрено было найти. Она тутъ обнаружила столько чувства, что ни одинъ зритель, изъ самыхъ зачерствѣлыхъ, не вышелъ изъ театра съ сухими гла[illegible] Дай Богъ ей больше такихъ ролей, и она вѣрно броситъ своихъ мальчиковъ и корнетовъ.

А если милостями Аполлона возстановится же когда нибудь на Русской сценѣ — *комедія* — и Асенкова рѣшилась бы занять въ ней первое амплуа, то она будетъ и тамъ превосходна. — Воспоминаніе о прекрасныхъ дняхъ Колосовой — Каратыгиной оживится опять между нами. — А это, право, было прекрасное время! — Стоитъ всѣхъ водевильныхъ успѣховъ.

Театральному Училищу обязаны мы также дарованіями гг. Максимова, Мартынова и Григорьева 6. — Послѣдній давно уже занимаетъ почетное мѣсто въ числѣ нашихъ драматическихъ артистовъ. Дарованіе его разнообразно. Онъ переигралъ всѣ возможныя амплуа, и во многихъ былъ истинно хорошъ. Жаль, что и онъ увлекся ложнымъ направленіемъ въ своемъ художни-

ческомъ поприщѣ. Ему чрезвычайно нравятся инвалиды, деньщики, унтеръ-офицеры, — и онъ ихъ дѣйствительно играетъ съ отличнымъ успѣхомъ. Но эти то самыя роли, къ которымъ онъ пріучилъ себя, оставили на немъ какую-то печать простонародности, которая пробивается и въ другихъ, важнѣйшихъ ролях. А если бъ онъ рѣшительно посвятилъ себя амплуа благородныхъ отцовъ (которыхъ у насъ теперь нѣтъ), то сдѣлался бы прекраснымъ артистомъ. Варвары водевили погубятъ и его. Г. Максимовъ, бывши еще въ Школѣ, подавалъ величайшія надежды. До сихъ поръ онъ сохранилъ всѣ средства, чтобъ сдѣлаться отличнымъ актеромъ; — и все-таки онъ нейдетъ впередъ. — Несчастная слабость въ груди повергаетъ его часто въ болѣзни, въ продолженіе которыхъ онъ невольно теряетъ практику, которая необходима и лучшимъ дарованіямъ. Я очень далекъ отъ того, чтобъ не отдавать г. Максимову всей справедливости, которую заслуживаетъ его талантъ. Напротивъ, я признаю въ немъ очень много и способностей и достоинства. Но именно по этому-то, что онъ хорошъ, отъ него и имѣютъ право требовать лучшаго. Если бъ я не зналъ, что онъ долженъ и можетъ сдѣлаться отличнымъ артистомъ, я бы сказалъ, что онъ исполняетъ теперешнія свои [illegible] съ успѣхомъ, и что публика его принимаетъ хорошо; но я увѣренъ, что онъ самъ чувствуетъ, что всего этого мало для человѣка, любящаго свое искусство. Кто хочетъ быть истиннымъ артистомъ, тотъ не будетъ бѣгать за блестками, не станетъ хлопотать о пустыхъ апплодисментахъ праздной толпы, или о карикатурномъ списываніи какихъ нибудь лицъ, — а будетъ чистымъ путемъ и пламенною душею стремиться къ усовершенствованію. Всякія другія средства неприличны и недостойны. Онъ это вѣрно самъ знаетъ и чувствуетъ, — и для меня пріятно будетъ дожить до того времени, когда онъ, сдѣлавшись первокласснымъ артистомъ, скажетъ, что я былъ правъ.

Г. Мартыновъ сдѣлался нынѣ однимъ изъ любимѣйшихъ сюжетовъ. — У него много комисма, — и если онъ усовершенствуется, то будетъ очень хорошимъ артистомъ. — Къ сожалѣнію, онъ впадаетъ часто въ неестественность и тривіальность. И это все происходитъ отъ неумѣренныхъ похвалъ журналистовъ и отъ страсти къ апплодисементамъ, которыя погубили столько талантовъ. Да спасетъ его судьба отъ этого несчастія! Истинный комисмъ всегда соединенъ съ естественностію, чистымъ вкусомъ и благородствомъ. — Какъ бы низка ни была играемая роль, — но истинное искусство можетъ ее облагородить и украсить на сценѣ, — а малѣйшая тривіальность уронитъ ее еще больше. Г. Мартыновъ имѣетъ много, очень много способностей и неподдѣльнаго дарованія. Недостаетъ ему друзей съ чистымъ вкусомъ и безпристрастною опытностію.

На чемъ же теперь основана у насъ вся драма и комедія. Да число очень невелико. Каратыгинъ б., Сосницкій, Каратыгина и Асенкова.

Настоящее развитіе таланта г. Каратыгина принадлежитъ къ 3-му періоду. — Тому не болѣе, какъ лѣтъ 7 или 8, какъ онъ сдѣлался такимъ превосходнымъ артистомъ, какимъ мы теперь его видимъ. Творенія ли Шекспира, или собственныя размышленія усовершенствовали высокое его дарованіе, — но теперь есть такія роли, въ которыхъ онъ бы вѣроятно могъ соперничествовать съ Тальмою. Конечно, мы не можемъ дѣлать никакого сравненія, зная Тальму только по описаніямъ, — но удостовѣрены, однако же, что не современныя сочиненія возвысили талантъ его до такой исполинской степени, до какой онъ достигъ. Почему же не предполагать, что изученіе духа древнихъ авторовъ развило вполнѣ дарованіе Каратыгина? Чтобъ видѣть это дарованіе и вполнѣ насладиться имъ, надобно смотрѣть на него въ Гамлетѣ, Отелло и Заколдованномъ домѣ. Тутъ можно видѣть всю глубокую обдуманность игры г. Каратыгина и художническую его душу.

Впрочемъ, искренно любя высокое дарованіе его, мы не будемъ осыпать его безусловными похвалами. Онъ весь вѣкъ слышитъ похвалы, онъ заслужилъ ихъ, — но

и онѣ становятся приторны, если ихъ расточаютъ вездѣ и во всемъ. — Ничего бы я только не желалъ для пользы и славы г. Каратыгина, какъ, чтобъ онъ могъ себѣ найти точно такого же врага, какого имѣлъ Тальма, именно журналиста Жофруа. — Тотъ цѣлый вѣкъ бранилъ Тальму, бранилъ за все и безпощадно, — и все-таки имя и искусство Тальмы остались знамениты въ лѣтописяхъ драматическаго искусства, — а Жофруа тоже съ своей стороны можетъ служить образцомъ для журналистовъ, какихъ дай Богъ и намъ когда нибудь. — Но человѣкъ съ такимъ великимъ дарованіемъ, какимъ судьба надѣлила Тальму или Каратыгина, не только никогда не оскорбится критикою, какъ бы зла она ни была, если писана умно и дѣльно, а напротивъ, извлечетъ изъ нея какую нибудь для себя пользу. — Но наши журналисты — судьи до того довели первыхъ артистовъ, что они уже не читаютъ рецензій, или узнавъ о нихъ, мало заботятся о сужденіяхъ и приговорахъ мнимыхъ Артистарховъ. Напримѣръ, недавно еще въ одномъ нашемъ журналѣ Каратыгинъ былъ расхваленъ до нельзя. И что же? Тутъ же, черезъ нѣсколько строкъ, сказано, что по воскресеньямъ у насъ въ Александринскомъ Театрѣ играютъ такія піесы, въ которыхъ Каратыгинъ изъ всей силы кричитъ и топаетъ ногами, чтобъ расшевелить воскресную публику. — Прекрасная похвала! — Избави Богъ отъ этакихъ судей. А между тѣмъ ничто не могло бы такъ подвинуть сценическаго искусства, и даже нашей драматической литературы, какъ *хорошая критика*. — И я увѣренъ, что всѣ наши первые таланты не сердились бы за нее. А если бы она и огорчила ихъ, то послѣдствія доказали бы, что она принесла имъ дѣйствительную пользу. — Вотъ съ такою-то критикою я бы захотѣлъ видѣть талантъ г. Каратыгина, и увѣренъ, что онъ еще бы болѣе возвысился.

Съ моей стороны, все, что я замѣтилъ бы въ игрѣ его, все, чего бы я желалъ: это простоты. — Онъ цѣлый вѣкъ игралъ героевъ, царей и вообще роли, основанныя на сильныхъ страстяхъ. Не мудрено, что привыкнувъ къ выраженію ихъ, онъ увлекается жаромъ чувствъ своихъ, и оттого въ роляхъ, требующихъ простоты, онъ часто является героемъ, и въ дикціи и въ жестахъ. Конечно, зрители увлечены порывами его чувствъ и дарованія, но великій художникъ ищетъ возможнаго совершенства, а не аплодисментовъ. Твердая воля и собственное сознаніе ставятъ его выше всѣхъ мелочей. Онъ принадлежитъ не эфемерной толпѣ зрителей, а своему вѣку.

Осталось намъ бросить бѣглый взглядъ на авторовъ, имѣвшихъ наибольшее вліяніе на этотъ періодъ.

Князь Шаховской, написавши *Аристофана*, далѣе не пошелъ. Эта піеса не имѣла большаго успѣха на сценѣ, а почему? Богъ вѣсть! — Сыграна она была отлично (Дюрова, Брянскій и Бобровъ занимали главныя роли); монтирована великолѣпно; танцы были прелестны (Дидло); музыка превосходная (Кавоса); а самая піеса... Виноватъ! мнѣніе мое, можетъ быть, ошибочно, — только я почитаю Аристофана, не только лучшею піесою Князя Шаховскаго, но и однимъ изъ превосходнѣйшихъ твореній Европейской литературы. — Можетъ быть, потомки отдадутъ ей больше справедливости, какъ и всѣмъ сочиненіямъ этого почтеннаго автора; теперь же къ чему и разбирать его піесы, Теперь все хотятъ чего-то новаго, романтическаго, раздирательнаго (извините, что я употребилъ любимое критическое выраженіе Барона Брамбсуса). Слѣдственно о старомъ репертуарѣ и помнить нечего. — Но я смѣло повторяю, что Князь Шаховской заслуживаетъ самое почетное мѣсто въ нашей драматической литературѣ, и что его Аристофанъ безспорно лучшая его піеса. — Послѣ того написалъ онъ *Двухжницу*, которую и теперь еще изрѣдка играютъ, и которая также наполнена истинными красотами. Прочіе его труды, ознаменовавшіе послѣдніе шаги на литературномъ поприщѣ, довольно слабы, потому что писаны на скоро, для бенефисовъ. Но послѣднія неудачи доказываютъ только неблагодарность публики, которая прежде столько лѣтъ восхищалась его произведеніями.

Г. Катенинъ написалъ классическую трагедію *Андромаха*, и это было послѣднее

усиліе умиравшаго классицизма. Піеса была наполнена истинными красотами, — а все-таки послѣ 3-хъ — 4-хъ представленій ее оставили. — Публика хотѣла уже піесъ въ новомъ родѣ. — Ей тогда до чрезвычайности понравилась Французская мелодрама *Жизнь игрока*, и не смотря на то, что я перевелъ ее, я же искренно и сожалѣю о вкусѣ зрителей.—Эта піеса не что иное, какъ уродливое произведеніе, въ которомъ собрано много эффектовъ, выражено много страстей, придумано много занимательности, — но литературнаго достоинства — нѣтъ ни искры, а подъ видимою нравственною цѣлію скрывается вовсе не нравственное основаніе.

О блистательнѣйшемъ явленіи въ нашей литературѣ, — о *Горе отъ ума*, и говорить нечего. Объ этой піесѣ все возможное уже сказано. Сценическій успѣхъ этого произведенія выше всего, что я въ продолженіе 25 лѣтъ видѣлъ: до такого торжества не скоро доживетъ другой авторъ. Давали піесу по клочкамъ, по актамъ, и наконецъ уже всю. И странное дѣло! Стеченіе публики уменьшилось съ той минуты, какъ вся піеса явилась вполнѣ на сценѣ. — Казалось, что одно раздраженное любопытство влекло до тѣхъ поръ зрителей въ театръ. Запрещенная вещь, которую по частямъ дозволяли! Какая приманка! — Кажется, что если бъ *Горе отъ ума* вдругъ поступила на сцену, безъ предварительныхъ манускриптовъ и невольнаго затворничества, то не имѣла бы и половины того огромнаго успѣха. — Но судьба автора и піесы была наполнена чудесными переворотами. Пройдетъ столѣтіе и не встрѣтится столько благопріятныхъ обстоятельствъ для прославленія одного произведенія. — Любопытно бы было видѣть дальнѣйшія сочиненія этого автора, который однимъ шагомъ ступилъ на высоту первоклассную. Увеличили ли бы они его славу? И въ какомъ родѣ были бы его послѣдующія піесы? Теперь литературный геній этого человѣка не разгаданъ. Смерть похитила его слишкомъ рано, — а должностныя занятія не предвѣщали даже большихъ досуговъ для литературныхъ занятій. — Будемъ же довольствоваться одною и единственною піесою, которую всякій грамотный человѣкъ знаетъ наизусть, — и пожелаемъ себѣ счастія увидѣть на отечественной сценѣ другой талантъ, равный Грибоѣдову.

Послѣ Грибоѣдова былъ промежутокъ нѣсколькихъ лѣтъ, въ которыхъ Русскіе литераторы отдыхали. Являлись одни переводы. Лучшіе въ этомъ родѣ были Ротчева и Ободовскаго. Къ сожалѣнію, выборъ перваго былъ такъ несчастливъ, что изъ всѣхъ его переводовъ (Вильгельмъ Тель, Макберъ, Гернани) ни одинъ не могъ быть представленъ на сценѣ. А Ротчевъ былъ человѣкъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ. Стихи его часто были небрежны, но всегда сильны и звучны. Онъ бы со временемъ сдѣлался однимъ изъ любимѣйшихъ нашихъ писателей, — но судьба увлекла его въ Калифорнію по части самой прозаической.

Г. Ободовскій избралъ для себя переводное поприще, и занимаетъ теперь первое мѣсто. Его Донъ-Карлосъ, Прародительница, Іоаннъ Финляндскій, Заколдованный домъ, и наконецъ Велисарій, заслуживаютъ ему полную признательность публики, и театра. Я бы почелъ долгомъ отдать всю справедливость его слогу и поэтическому дарованію, но всякое частное сужденіе теперь уже можно почесть излишнимъ, потому что Россійская Академія обратила вниманіе на переводы г. Ободовскаго и достойно наградила за нихъ.

Наконецъ явился оригинальный драматическій писатель, и это было отрадное явленіе на безплодной почвѣ нашей литературы. Г. Кукольникъ написалъ: *Рука Всевышняго отечество спасла*, и эта піеса, одушевленная огнемъ чистаго патріотизма и прекрасною поэзіею, имѣла величайшій успѣхъ. Съ перваго шага г. Кукольникъ сдѣлался *народнымъ* писателемъ и любимцемъ публики. — Вторая его піеса: *Князь Скопинъ Шуйскій* имѣла уже менѣе успѣха первой,— и однако же далекопревосходитъ ее литературными и драматическими достоинствами. Третья *Роксолана*— по моему мнѣнію — его лучшее драматическое произведеніе. Характеры вѣрны, сильны. Драматическій интересъ піесы—превосходно выдержанъ. Стихи дышатъ всею

нѣгою востока.—И однако же піеса эта уже сошла съ репертуара, тогда какъ первыя двѣ продолжаютъ играть съ успѣхомъ. Чудное своеправіе публики!

Послѣ этихъ прекрасныхъ произведеній, поставившихъ г. Кукольника на степень первоклассна го Русскаго писателя, онъ вдругъ пересталъ писать для театра и занялся *фантазіями*.—Что сказать противъ этого? Любителямъ отечественной литературы остается сожалѣть, что г. Кукольникъ имѣлъ подобную фантазію.—Какія бы причины ни побудили его оставить поприще, на которое онъ вступилъ съ такою славою, онѣ не могутъ оправдать человѣка съ истиннымъ дарованіемъ, который пишетъ, не для временныхъ судей, а для своего вѣка и отечества.—Говорятъ, что онъ, однако же, написалъ съ тѣхъ поръ двѣ піесы: *Паткуля* и *Князя Холмскаго*,—но покуда мы ихъ не увидѣли на театрѣ, нельзя ничего и говорить о нихъ. Можно только повторить, что г. Кукольникъ истинный поэтъ съ большимъ дарованіемъ, и чтовсѣ его произведенія вѣрно будутъ приняты публикою съ истиннымъ удовольствіемъ.

Въ это же время явился г. Гоголь—и Ревизоръ его имѣлъ самый блистательный успѣхъ.—Не смотря на неправдоподобіе этой піесы, она написана такъ остроумно, комисмъ ея такъ естественъ, что авторъ ея заслуживаетъ полную признательность за оживленіе нашей бѣдной Таліи, которая давно уже не имѣетъ достойнаго представителя.—Противъ Ревизора вышло въ послѣднее время множество строгихъ критикъ,—но эти гг. рецензенты забываютъ, что первое произведеніе никогда пельзя судить придирчиво. Напротивъ, г. Гоголь, который съ перваго шага оказалъ столько неподдѣльнаго дарованія, обѣщаетъ въ будущемъ очень много.—Никто съ перваго присѣста не дѣлался геніемъ. За что же отказывать въ заслуженной похвалѣ человѣку, который прекраснымъ юморомъ успѣлъ съ перваго шага обратить на себя всеобщее вниманіе.—Конечно, съ тѣхъ поръ г. Гоголь ничего не написалъ,—но можно быть увѣрену, что одни только неотвратимыя препятствія удерживали порывы его музы. Слишкомъ грустно было бы подумать, что онъ останется на одномъ первомъ опытѣ, который такъ много обѣщалъ.

Наконецъ любимѣйшимъ драматическимъ авторомъ сдѣлался нынѣ г. Полевой, издатель Московскаго Телеграфа, который такъ долго былъ бичемъ писателей, который испытывалъ свои силы и познанія во всѣхъ возможныхъ родахъ,—и во всѣхъ съ большимъ успѣхомъ, рѣшился наконецъ выступить самъ на сцену. Первымъ его опытомъ были водевили: *Дѣдушка Русскаго Флота*,—и имѣлъ самый блистательный успѣхъ. По моему мнѣнію, это до сихъ поръ лучшая его піеса.—Мысль была самая счастливая—и авторъ выполнилъ ее превосходно.—За симъ послѣдовалъ *Иголкинъ*,—тутъ второй актъ-лишній,—а въ первомъ знаменитое лице Барона Герца—лишнее. Послѣ явился: *Русскій человѣкъ добро помнитъ*,—и имѣлъ непродолжительный успѣхъ. *Сумароковъ* и *Тредьяковскій*—также не остались на репертуарѣ, а между тѣмъ піеса эта наполнена истинными достоинствами и заслуживала самой блистательной участи.—Въ печати явилась *Фелица*,—и если бъ она могла быть представлена, то пріобрѣла бы автору лавровый вѣнокъ. Характеры Державина, Хемницера и Князя NN. схвачены мастерскою кистію.—Наконецъ дана была знаменитая *Параша-Сибирячка*—и съ этимъ названіемъ сопряжена теперь идея первоклассныхъ драматическихъ красотъ.—Надобно отдать справедливость, что эта піеса одушевлена истиннымъ патріотизмомъ и драматическимъ чувствомъ,—и г. Полевой вѣрнѣе всѣхъ умѣлъ выбирать сюжеты и влагать въ уста своихъ персонажей фразы, доходящія прямо до сердца зрителей. Главнымъ достоинствомъ всѣхъ его піесъ—національность и вѣрное патетическое чувство. Въ Парашѣ Сибирячкѣ, которую самъ авторъ почитаетъ лучшею своею піесою (хотя Фелица, Ботикъ и Сумароковъ имѣютъ болѣе настоящихъ красотъ), можно подвергнуть строгой критикѣ многія мѣста,—но для этого надобно читать ее съ совершеннымъ безстрастіемъ, на единѣ, въ своемъ кабинетѣ, и разсматривать ее, какъ чисто—

литературную вещь; но кто увидитъ ее на сценѣ, согрѣтую прелестною игрою Асенковой и пламенными чувствами Каратыгина, тотъ уже никогда не подумаетъ о критикѣ. Я самъ, зачерствѣлый закулисный ветеранъ, котораго не многія піесы трогали, принимался три раза утирать свои слезы въ *Парашѣ*. Меня тутъ же спросили: нравится ли мнѣ піеса и, зная, что г. Полевой всегда неблагосклонно обо мнѣ отзывался, думали, что я буду разбирать ея недостатки; но я отвѣчалъ, что предоставляю журналистамъ всякія сужденія объ ней, а что я самъ, прослезясь три раза, не могу уже на словахъ ничего прибавить.—Одинъ изъ извѣстныхъ литературныхъ Аристарховъ началъ исчислять мнѣ ошибки автора; но я сказалъ, что дай Богъ и театру и публикѣ больше такихъ піесъ, въ которыхъ бы зрители отъ избытка чувства забывали о недостаткахъ ея. — Я не видѣлъ г-жи Гриневой, которую также хвалятъ, — но, по моему мнѣнію, ничто не можетъ быть выше игры Асенковой въ этой роли. Естественность и душа, съ которою она играла, неподражаемы.

Говорятъ о нѣсколькихъ новыхъ піесахъ, написанныхъ г. Полевымъ для сцены. — Дай Богъ, чтобъ всѣ онѣ были похожи на Парашу, по чувствамъ и національности. Должно только откровенно сказать, что журнальныя занятія едва ли могутъ дать г. Полевому столько времени, чтобъ серьозно и продолжительно заняться отдѣлкою своихъ драматическихъ произведеній.—У него столько дарованія и познаній, что ему всякая работа кажется легка. Но это прекрасно для журнальныхъ статей,—а театръ требуетъ большей обдуманности, потому что тутъ, кромѣ временнаго торжества передъ современными зрителями, дѣло идетъ о судѣ потомства. Г. Полевой имѣетъ всѣ средства, чтобъ сдѣлаться первокласснымъ драматическимъ авторомъ, — такъ же точно, какъ онъ бы былъ хорошимъ историкомъ и прекраснымъ романистомъ, если бъ исключительно посвятилъ себя которой нибудь отрасли.—Но все вмѣстѣ дѣлать—значитъ почти ничего не дѣлать. Геній легко производитъ, но безъ художнической отдѣлки лучшія произведенія останутся эскизами.—Можетъ быть, г. Полевой *долженъ* заниматься журнальною работою. Въ такомъ случаѣ, всякій, искренно любящій отечественную литературу и дарованія, приносящія ей честь, долженъ сожалѣть, что судьба связала порывы великаго художника. — И все-таки мы будемъ надѣяться, что дарованіе г. Полеваго проявится въ чемъ нибудь драматическомъ, достойномъ перейти къ потомству, и по изобрѣтенію и по отдѣлкѣ.—Мое сужденіе для него, конечно, ничего не значитъ, — но желаніе мое и надежды искренни.

Для пользы литературы и славы г. Полеваго я бы желалъ только одного, а именно, чтобъ онъ съ полною независимостію могъ располагать своимъ временемъ и занятіями. — Тогда увидѣли бы всю обширность его познаній и всю силу дарованія.

Что еще сказать о театрѣ. Я въ этомъ періодѣ не говорилъ еще о Французской труппѣ. А она превосходна.—Какъ ни люблю я все національное, какъ ни пріятно слѣдить за успѣхами Русской драматургіи, — а все таки — (виноватъ!) Французская комедія составляетъ истинное наслажденіе. Когда въ какой нибудь піесѣ сойдутся г-жи Алланъ, Бурбье, Дюфуръ, Алланъ, Брессанъ, Мине,—то, право, забудешь о Русскомъ театрѣ. — Французы играютъ такъ хорошо, такъ естественно, что нельзя ихъ и сравнивать съ Русскою комедіею. У насъ много отдѣльныхъ превосходныхъ талантовъ, но такого *ensemble*, какъ у нихъ, мы никогда не видали. Все идетъ часто на разладъ, всякій талантъ тянетъ на свою сторону,—и цѣлое страдаетъ. Но у Французовъ самыя незначущія, сухія піесы, дѣлаются занимательными, когда они ихъ разъигрываютъ. Переведутъ по Русски, сыграютъ— и упали. Отъ чего это?

Пальма первенства принадлежитъ, конечно, г-жѣ Алланъ. Эта артистка съ такимъ высокимъ и разнообразнымъ дарованіемъ, что не пріищешь и словъ, чтобъ расхвалить ее. Мужъ ея довольно однообразенъ, — но человѣкъ съ истиннымъ талантомъ и большимъ познаніемъ сцены.—Дюфуръ превосходный артистъ, хотя иногда и перехо-

дитъ за предѣлы естественности. Мнѣ чудесный комикъ. Г-жа Бурбье — прекрасная актриса для сильныхъ драматическихъ ролей. А г. Женьесъ!... Но теперь его уже нѣтъ при театрѣ, — а онъ цѣлыя 10 лѣтъ восхищалъ публику превосходнымъ своимъ и разнообразнымъ дарованіемъ. Это былъ во всемъ смыслѣ первый артистъ своей труппы. Ричардъ III, Мизантропъ и Данвиль (въ Школѣ стариковъ) были его лучшими ролями. По этимъ крайностямъ можно судить о его талантѣ.

Но сценическая слава вѣрно ему наскучила. Онъ оставилъ театръ, который не скоро найдетъ ему преемника.

О водевилѣ и говорить нечего. Это созданіе Французскаго быта, который себѣ напрасно присвоиваютъ другія націи. Водевиль — игрушка, то забавная, то занимательная, то двусмысленная, — но все таки игрушка совершенно—Французская, въ которой только Французскіе артисты будутъ превосходны. Это ихъ сфера, ихъ жизнь. Оттого-то и весело смотрѣть на Французскіе водевили. Посмотришь, отъ души посмѣешься, и чрезъ день забудешь объ нихъ.

О Нѣмецкой труппѣ теперь немного можно сказать. И она имѣла свои прекрасные періоды. Теперешній не въ числѣ блистательныхъ. Въ комедіи нѣтъ перваго любовника и первой любовницы,—и зрители безпрестанно вздыхаютъ то о г-жѣ Федерсенъ, то о Каролинѣ Бауръ, то о милой г-жѣ Гагнъ.

Въ оперѣ нѣтъ первой пѣвицы. Въ трагедіи—тутъ и говорить нечего: многаго недостаетъ. А все-таки въ составѣ Нѣмецкой труппы много истинныхъ, отдѣльныхъ талантовъ. Г-жа Лангенгаунъ и г. Моръ принадлежатъ къ этому числу. Оперу держитъ Брейтингъ (*) и украшаетъ Ферзингъ. Голландъ хорошъ вездѣ, гдѣ нужна игра и легкое пѣніе. Чего же больше? Еще бы нѣсколько первоклассныхъ сюжетовъ, и Нѣмецкая труппа опять заблистала бы. Будемъ надѣяться на будущее.

Что еще сказать? Воспоминанія мои слишкомъ тянутся. Пора ихъ окончить.—Не могу промолчать, однако жъ, объ одномъ обстоятельствѣ, которое всегда возмущаетъ мои стародавнія привычки и понятія. Это нынѣшніе вызовы.—Слѣдуя ли духу иностранныхъ театровъ, или будучи увлечены порывами молодости и новѣйшей образованности, нынѣшняя молодежь мало по малу начала вызывать не только въантрактахъ піесъ, но даже и во время самаго дѣйствія. Что можетъ быть несноснѣе, неприличнѣе этой безвременности? Гдѣ же тутъ сценическое очарованіе? Гдѣ же драматическія условія? И авторы пишутъ піесы, и актеры играютъ ихъ для того, чтобъ зритель видѣлъ на время самое происшествіе и представляемыя лица, — а вдругъ, въ самую патетическую минуту, своевольные крикуны прерываютъ весь интересъ и заставляютъ всѣхъ разочаровываться. Подавай имъ такого-то, или такую-то! Бѣдные вышли, — а за чѣмъ? чтобъ поклониться за безвременное нарушеніе сценическаго приличія. Этого мало. Юноши продолжаютъ хлопать и кричать. Подавай ихъ еще разъ, — а тамъ третій, четвертый !—Боже мой! Не вандалисмъ ли это нашего времени ? Если можно два, три—раза вызвать,—то по такому же праву можно и сто два, и тысячу два раза. Какой же конецъ, какой предѣлъ своенравію нѣсколькихъ зрителей! И къ чему это все! Если думаютъ похвалить, наградить артиста за его талантъ,—то цѣль вовсе не достигнута. Истинному артисту грустно видѣть, что онъ не могъ своею игрою заставить публику забыть на время, что онъ именно то лицо, которое старался представить. Едва сошелъ онъ со сцены, его уже выкрикиваютъ по публичной фамиліи. Онъ поклонился, поблагодарилъ за непріятное напоминаніе о недостигнутой художнической цѣли, — кричатъ опять. Опять иди кланяйся за то же. — А тамъ опять, а тамъ опять!... Можетъ ли это быть лестно для чьего либо самолюбія.—Если бъ эти вызовы можно было принять за внезапный порывъ восторга зрителей, то еще извинительно бы было. Если бъ они были удѣломъ однихъ первоклассныхъ талантовъ,—то они утѣшались бы нѣкоторымъ образомъ. А то совсѣмъ нѣтъ! – Вызовы оди-

(*) И онъ отошелъ !

наковы для всѣхъ,—такъ что иногда первому артисту совѣстно раздѣлять эти лавры. Что жъ это доказываетъ? — Дурную привычку, дурныя понятія о театрѣ и артистахъ, своенравный вкусъ, странныя идеи о правахъ зрителя и какое-то непростительное самохвальство. Я-де заплатилъ деньги и имѣю право крпчать и вызывать кого и сколько хочу.—Боже мой! Неужели эта иностранная язва на всегда привьется къ нашимъ обычаямъ? Это ужасно!

Но еще разъ—пора окончить мои воспоминанія.—Можетъ быть, меня упрекнутъ, что все это разбросано, безъ систематическаго, а иногда и безъ логическаго порядка. Но воспоминаніе—почти то же, что сонъ. Порядокъ тутъ невозможенъ. Вѣроятно есть ошибки и хронологическія. Прошу въ нихъ извиненія; я не справлялся съ книгами и актамп, а руководствовался одною памятью.—Наконецъ, если меня упрекнутъ въ томъ, что я все хвалилъ, тогда какъ вѣроятно не все было хорошо. Чтожъ? Сознаюсь и въ этомъ. — Какъ не похвалить того, въ чемъ самъ участвовалъ!—И похвалы мои доказываютъ только, что я не злопамятенъ. Разумѣется, на моемъ вѣку было много и дурнаго, и даже больше, нежели хорошаго, такъ что изъ *дурнаго* можно бы было составить *воспоминанія* вдвое длиннѣе теперешнихъ; но человѣку всегда пріятнѣе вспоминать — хорошее. Сердцу такъ легко при этомъ. А память зло дѣлаетъ грустнымъ и несправедливымъ. Зачѣмъ же разсказывать о дурномъ. Есть и безъ меня люди, которые посвятили себя — злу. — Предоставляю имъ это удовольствіе. — Я же останусь при однихъ воспоминаніяхъ о хорошемъ, пріятномъ и добромъ.

Р. Зотовъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ
О
НИЖЕГОРОДСКОМЪ ТЕАТРѢ,

Провинціяльный театръ! Одно это слово, по общимъ понятіямъ столичныхъ жителей, заключаетъ въ себѣ столько смѣшнаго, что весьма трудно рѣшиться говорить объ немъ серьезно, и увѣрять гг. столичныхъ любителей изящнаго, что театры въ провинціи совсѣмъ не такъ смѣшны и ничтожны, какъ вообще объ нихъ думаютъ; и для насъ, провинціяловъ, столько же доставляютъ высокихъ наслажденій, сколько и для васъ ваши великолѣпные храмы Таліи, съ богами и богинями, до того натуральными, что они летаютъ у васъ по воздуху, порхаютъ по цвѣтамъ, какъ настоящія тѣни и сильфиды — и вы въ восторгѣ обращаетесь сами въ какія-то безтѣлесныя существа, готовыя улетѣть туда, высоко, *выше всякаго описанія!* Да, правда, у насъ немножко не то! Въ нашемъ театрѣ, говоря о Нижегородскомъ, нѣтъ ничего такого, ни въ собственномъ его устройствѣ, ни въ пособіяхъ искусствъ механическихъ, ни въ талантахъ, составляющихъ его сюжеты, что бы могло насъ очаровать, свести съ ума, и чрезъ то лишить возможности передать свои ощущенія другимъ; ничего такого, что бы походило хотя на тѣнь неописанной Тальони, на слабое подобіе волшебника Роллера съ братіею, на эту великолѣпную, роскошную обстановку вашихъ піесъ, гдѣ часто, въ одномъ какомъ нибудь балетѣ или операѣ, приносятся въ жертву сотни тысячъ рублей, для одного пособія геніяльнымъ талантамъ къ произведству полнаго очарованія! Да, правда, если мы будемъ говорить сравнительно, нашъ театръ будетъ смѣшонъ противъ театровъ столичныхъ — можно ли дѣлать подобныя сравненія? Одно народонаселеніе Петербурга превышаетъ Нижегородское болѣе нежели въ двадцать разъ, такъ какъ же можно смотрѣть на нихъ съ одной точки, мѣрять однимъ масштабомъ? Но это еще не все. Самая важная причина, недозволяющая дѣлать никакихъ сравненій между театрами столичными и нашимъ, есть та, что тамъ, у васъ, театры Императорскіе, а здѣсь — частный, носящій общее простое названіе городскаго, и содержимый не обществомъ всѣхъ жителей, ни даже компаніею нѣсколькихъ лицъ, пожертвовавшихъ большими капиталами, а просто однимъ предпріимчивымъ антрепренеромъ, изворачивающимся собственными своими средствами, на расчетахъ торговыхъ. — Видите сами, какая неизмѣримая бездна между способами существованія театровъ столичныхъ и нашего Нижегородскаго. Всякая мысль о сравненіи будетъ дерзка и смѣшна чрезмѣрно, какъ смѣшно было бы сравненіе Невскаго проспекта съ нашей Покровкой, хотя она у насъ также считается лучшею и первою улицею въ городѣ. — И такъ, не смѣйтесь, господа, если мы будемъ хвалить свой Нижегородскій театръ: онъ хорошъ, дѣйствительно хорошъ для губернскаго города и для насъ, провинціяловъ, лишенныхъ возможности наслаждаться многими вашими столичными удовольствіями.

Въ Нижнемъ Новгородѣ два театра: одинъ собственно въ городѣ, другой на ярмаркѣ, за рѣкою Окой. Ярмарочнаго театра я еще не видалъ, и потому не скажу вамъ объ немъ ни слова, кромѣ того, что онъ деревянный, точно также, какъ и городской, и почти такой же величины. Наружное строеніе городскаго театра не великолѣпно, но и не безобразно, а соотвѣтствуетъ прочимъ зданіямъ

ямъ, гдѣ каменныхъ домовъ весьма еще мало. Онъ немножко поменьше и немножко похуже въ отдѣлкѣ находящагося нынѣ не у дѣлъ Петербургскаго театра у Симіоновскаго моста. Внутри также не токмо что очень просто, а менѣе нежели просто отдѣлано: грязная бѣлизна плафона и всѣхъ стѣнъ, кажется, обклеенныхъ холстиною, послѣ выкрашенною, даютъ ему видъ какого-то масляничнаго балагана. Зала амфитеатра имѣетъ три яруса, изъ которыхъ, въ двухъ первыхъ ложи, а въ третьемъ партеръ; пять рядовъ креселъ и мѣста за креслами; люстры нѣтъ, а освѣщается лампами, повѣшенными во всѣхъ ярусахъ на столбахъ, отдѣляющихъ ложи одну отъ другой. Свѣту однако довольно, такъ что изъ первыхъ рядовъ креселъ всегда можно узнать простыми глазами знакомыя лица въ самыхъ дальнихъ ложахъ. — Мы потому сказали откровенно свое мнѣніе о дурномъ устройствѣ театра, что здѣсь предполагается уже выстроить новый, каменный, не знаемъ только, скоро ли это сбудется? — Труппа здѣшняя состоитъ болѣе нежели изъ пятидесяти артистовъ обоего пола, и всѣхъ возможныхъ возрастовъ. Человѣкъ двадцать музыкантовъ и тридцать актеровъ и актрисъ, изъ которыхъ многіе исполняютъ разныя другія невидныя должности при театрѣ, успѣвая вездѣ и во всемъ. Музыка весьма полурна въ составѣ цѣлаго оркестра и имѣетъ даже порядочныхъ солистовъ на скрипкѣ, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаетъ капельмейстеръ, г. Немировъ. Указаніе нѣкоторыхъ главныхъ піесъ здѣшняго репертуара, можетъ показать лучше всего силы нашихъ актеровъ въ сценическомъ искусствѣ. Гамлетъ Шекспира, трагедіи Шиллера, высокія драмы новѣйшихъ Французскихъ и Нѣмецкихъ сочинителей и нашихъ Русскихъ драматуровъ Кукольника и Полеваго играются здѣсь довольно удачно, по крайней мѣрѣ не смѣшно. Всѣ комедіи и водевили, какъ новые, такъ и старые, составляютъ исключительную принадлежность нашей труппы, и разыгрываются нѣкоторые изъ нихъ такъ хорошо, что мы, полные воспоминаніемъ о Петербургскихъ артистахъ, повторяемъ прежнія пріятныя ощущенія въ піесахъ, изданныхъ на столичныхъ театрахъ; въ піесахъ же новыхъ, весьма вѣрно можемъ опредѣлить настоящее ихъ достоинство, воображая, по здѣшней игрѣ, какъ были бы онѣ разыграны еще свѣжо знакомыми намъ первоклассными талантами Петербургской сцены. — Опера здѣсь идти не можетъ, потому что въ цѣлой труппѣ рѣшительно нѣтъ ни одного голоса, ни въ актерахъ ни въ актрисахъ, хотя всѣ они поютъ, когда надобно. Но за всѣмъ тѣмъ, при совершенномъ отсутствіи голосовъ и музыкальныхъ дарованій, въ здѣшнемъ репертуарѣ держится опера Цампа, въ которой васъ можетъ удивить твердость человѣческой воли, и вы на опытѣ узнаете эту старую истину, что для человѣка нѣтъ ничего невозможнаго. Представьте, что ни одного настоящаго голоса, ни одного малѣйшаго музыкальнаго искусства ни въ одномъ дѣйствующемъ лицѣ; но вы смотрите слушаете оперу съ удовольствіемъ большимъ, потому что музыка оркестра и сценическое искусство актеровъ мирятъ васъ со всѣми ихъ недостатками въ пѣніи, такъ что во время представленія вы не видите, вы не слышите этихъ недостатковъ и только послѣ, во время антрактовъ, повѣряя свои ощущенія съ прежними, вы сознаете, что въ памяти у васъ не удержалось ни одного голосоваго мотива, что пѣніе какъ будто не было, а только одинъ оркестръ произвелъ въ васъ тѣ бывалыя, восхитительныя ощущенія! — Да, пусть это по собственному моему приговору будетъ дерзко; но я все таки скажу, что хоры здѣсь, въ сценическомъ искусствѣ, выполняются ни чуть не хуже и слава ли даже не лучше Петербургскихъ театровъ — и вотъ почему именно. Здѣшняя труппа такъ мала, что въ операхъ, первый трагикъ, первый буфъ и всѣ первые и послѣдніе таланты становятся въ шеренгу хористовъ, замѣняя собою не существующихъ здѣсь живыхъ машинъ, которыхъ весьма много на столичныхъ театрахъ. Отъ этого всѣ вообще наши выходы имѣютъ болѣе жизни и дѣйствія, нежели на сценахъ столичныхъ. Это весьма понятно! Поставьте въ хоръ или пошлите на выходъ Каратыгиныхъ, Брянскихъ, Сосницкихъ и всѣхъ другихъ хорошихъ артистовъ, вѣрно сцена будетъ живѣе и игривѣе, нежели наполненная Преображенскими пѣвчими, или

другими какими нѣкусными искусниками. Оттого здѣсь въ операхъ Цампа сцена пирующихъ разбойниковъ имѣла столько дѣйствія, игры, жизни, въ своей звѣрской оріus, сколько не было на Петербургской сценѣ.— Я очень хорошо помню, какъ въ Петербургѣ, въ прелестной нашей операхъ Жизнь за Царя, охлаждали эффектъ дѣйствія первыхъ лицъ — хористы. Толпа мужиковъ выйдетъ на сцену, пропоетъ какой нибудь хоръ и разойдется, безъ оглядки, безъ движенія — мужики мужиками, не понимающими, что они поютъ и для чего выходятъ на сцену. — Думаю, что если бы къ намъ гг. Петровыхъ и Соловьеву, то эта опера разыгралась бы гораздо лучше, хотя въ ней дѣйствительно весьма мало дѣйствія.

Чтобы дать полнѣе понятіе объ исполненіи указанныхъ піесъ, скажу нѣсколько словъ о нашихъ артистахъ. Первая, г-жа Вышеславцева. Это перлъ здѣшней труппы, артистка въ полномъ смыслѣ слова: съ душею, съ умомъ, съ отличнымъ знаніемъ сцены, занимающая амплуа г-жъ Каратыгиной и Асенковой вмѣстѣ. Первая во всемъ, въ драмѣ, въ комедіи и въ водевилѣ, она умѣетъ каждую роль выдвинуть впередъ, на первый планъ, оставя далеко за собой, въ полу-свѣтѣ, искусство прочихъ дѣйствующихъ лицъ.—Несмѣю сравнивать, но съ увѣренностію скажу, что гг-жи Каратыгины и Асенкова съ удовольствіемъ бы посмотрѣли на нее и, можетъ быть, поцѣловали бы за то, что она своею игрою ни сколько не унижаетъ того искусства, на которомъ онѣ подвизаются. Жаль, что физическія силы г-жи Вышеславцовой не соотвѣтствуютъ прекрасному ея дарованію. Слабое и нѣжное тѣлосложеніе, съ происходящимъ отъ того недостаткомъ голоса, лишаютъ ее часто возможности разыграть поручаемыя роли съ тою силою и энергіею, какія требуются характерами нѣкоторыхъ изъ нихъ. Но при этомъ важномъ физическомъ недостаткѣ, слабости груди — вы все-таки съ удовольствіемъ смотрите на нее, какъ на истинную артистку, умную, талантливую, для которой каждая роль есть ея собственность. Царица ли она, или простенькая крестьянка, старушка ли какая, или рѣзвое дитя — новичекъ въ жизни, новичекъ въ любви — вы всегда увидите въ игрѣ ея естественность самую истинную, самую точную, со всѣми возможными оттѣнками характеровъ и страстей, принимаемыхъ и понимаемыхъ ею вполнѣ во всякой роли.

Въ параллель, и только въ параллель, Вышеславцовой можно поставить г. Немчинова, занимающаго нынѣ здѣсь амплуа Петербургскаго артиста В. А. Каратыгина. Ученикъ Мочалова, извѣстнаго Московскаго трагика, Немчиновъ очень, очень хорошо умѣлъ воспользоваться уроками своего учителя, исполняя каждую роль съ естественностію, отличительнымъ достоинствомъ игры г. Мочалова. Вы найдете въ игрѣ Немчинова много недостатковъ: въ силѣ выраженія страстей, въ неумѣньи воспользоваться своимъ положеніемъ къ произволству полнѣйшаго эффекта; но ошибокъ не найдете: въ немъ нѣтъ ничего утрированнаго. Онъ какъ будто бы затвердилъ себѣ, что отъ великаго до смѣшнаго одинъ только шагъ, и потому не дерзаетъ ни на какія собственныя сильныя выходки, чтобы при слабомъ исполненіи не показаться натянутымъ. И признаюсь, по моему, это одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ Немчинова, такъ рѣзко отличающее его отъ прочихъ своихъ собратій. Лучше слабо передать какую нибудь сильную, высокую страсть, нежели передать смѣшно съ вышесказанными натяжками.—Можно и должно надѣяться, что Немчиновъ съ каждымъ днемъ будетъ все болѣе и болѣе совершенствоваться въ своемъ талантѣ, а что въ немъ есть истинный талантъ, это видно изъ каждой игры его. Сердечность, одушевленіе суть лучшіе признаки артиста, въ какомъ бы то родѣ ни было, и только одни ученые могутъ быть великими безъ сердца.

Въ комедіи и водевилѣ здѣсь есть два хорошіе актера, гг. Ершовъ и Соколовъ. Ершовъ, это нашъ Рязанцевъ, владѣющій въ совершенствѣ даромъ смѣшить, какъ бы роль его ни была незначительна. Всегда вѣрный характеру принятой роли, свободный на сценѣ во всѣхъ своихъ положеніяхъ, онъ имѣетъ истинный, полный, комическій даръ, быть смѣшнымъ безъ всякихъ фарсовъ, безъ всякихъ неприличныхъ выходокъ для потѣхи партера. То же бы можно было сказать и о г.

Соколовѣ, нашемъ Мартыновѣ, если бы онъ не старался излишне усиливать комизмъ, впадая черезъ то въ какую-то манерность, всегда одинаковую во всѣхъ его роляхъ. — Роли молодыхъ любовниковъ играетъ здѣсь г. Трусовъ. Ловкій, красивый молодой человѣкъ, съ пріятною, благородною манерою, онъ однако хорошъ только въ нынѣшнихъ новѣйшихъ водевиляхъ, гдѣ ни въ одномъ лицѣ вы не найдете ничего характернаго, ничего сердечнаго. Лучшая роль г. Трусова, есть роль Арестанта, въ водевилѣ Арестантъ на балѣ. Во всѣхъ же другихъ роляхъ, гдѣ есть какое нибудь чувство, какая нибудь страсть, г. Трусовъ слабъ въ игрѣ, по недостатку одушевленія.

Надобно бы было упомянуть о г-жахъ Залеской, нашей Шелиховой старшей, Трусовой, нашей г-жѣ Марсель, г-жахъ Стрѣлковыхъ, Чистяковой и о нѣкоторыхъ другихъ сюжетахъ здѣшней труппы; но я боюсь наскучить, и боюсь соскучиться въ описаніи разнообразныхъ ихъ достоинствъ, которыя намъ выискивать въ нѣкоторыхъ только піесахъ и въ нѣкоторыхъ положеніяхъ, гдѣ онѣ бываютъ особенно хороши. Вообще, объ нихъ и о гг. Карауловѣ, Поповѣ, Залескомъ и Бороздинѣ можно только говорить иногда съ удовольствіемъ, но писать, и въ особенности писать во весь слышаніе за предѣлами Нижняго, никакъ нельзя.

Что мнѣ сказать объ общихъ чертахъ здѣшняго сценическаго искусства, характеризующихъ нашъ театръ въ особенности? Ничего! Декораціи здѣсь весьма недурны, костюмы также, исполненіе почти каждой піесы бываетъ на половину хорошо и на половину дурно, въ особенности, гдѣ много дѣйствующихъ лицъ и гдѣ по необходимости многіе садятся не въ свои сани, — А! вотъ одна отличительная черта здѣшняго театра:

При всемъ ограниченіи нашихъ сценическихъ талантовъ, далеко отстающихъ въ цѣломъ отъ столичныхъ, мы однако имѣемъ свое особенное преимущество, особенный случай нерѣдко смѣяться въ театрѣ отъ души, — случай, какихъ никогда не бываетъ на театрахъ столичныхъ. — Если какой нибудь неподготовленный фарсъ, или вообще удачная комическая выходка одного дѣйствующаго лица разсмѣшитъ зрителей, то всѣ остальныя дѣйствующія лица также хохочутъ на сценѣ вмѣстѣ съ нами, и это производитъ на насъ такое новое, истинное, сердечное удовольствіе, какого не удастся вамъ, гг., испытать ни въ Петербургѣ, ни въ Москвѣ. Право, при одномъ воспоминаніи этихъ вдвойнѣ комическихъ сценъ, невозможно удержаться отъ сердечнаго смѣха, какъ бы душа ваша не была настроена серьезно.

Вотъ вамъ бѣглыя замѣтки о Нижегородскомъ театрѣ, который, сравнительно съ другими провинціальными театрами, долженъ бы былъ быть лучшимъ, если не есть на самомъ дѣлѣ. Во-первыхъ, ярмарка здѣшняя приноситъ театру чрезвычайно большой доходъ, дающій возможность антрепренерамъ на многія улучшенія въ механической части и на приглашенія лучшихъ артистовъ для сцены. Во-вторыхъ, и самое устройство, или настоящее состояніе Нижегородскаго общества, чрезвычайно способствуетъ поддержанію здѣшняго театра. Для здѣшней публики театръ есть одно единственное развлеченіе, одна единственная отрада въ жизни. Здѣсь, такъ сказать, нѣтъ общества, а только одинъ составныя его части, одни элементы, изъ которыхъ бы оно могло составиться. Здѣсь, всѣ жители, и женщины и мужчины, и молодые и старые, и семейные и одинокіе, и богатые и бѣдные, и знатные и незнатные, — всѣ живутъ дома, въ кругу самихъ себя и отъ скуки имѣютъ только два способа развлечься — театръ, да изрѣдка, вечеръ въ собраніи — разумѣется, кромѣ героевъ вистa, которые всегда и вездѣ имѣютъ свои удовольствія, свой собственный кругъ. — Для столицъ, это можетъ показаться странностью, но здѣсь самые торжественные праздники, въ Рождество и Пасху, и даже лѣтомъ, театръ бываетъ почти полонъ молодыми людьми обоего пола, съ ихъ батюшками и матушками. Единственное удовольствіе, которое можетъ доставить здѣсь попечительный отецъ своимъ любимымъ дѣтямъ, мужъ женѣ и братъ сестрѣ, — есть... ложа въ театрѣ, и вечеръ въ собраніи, весьма худо собирающемся. Молодые супруги проводятъ здѣсь медовые мѣсяцы въ театрѣ, начиная съ другаго дня свадьбы. Только въ первый день же-

нидьбы, занятые церемоніею вѣнчанья, они имѣютъ способъ провести время внѣ театра, а на другой и слѣдующіе дни они уже въ немъ, и безъ него, умерли бы со скуки, любуясь другъ на друга!

Разумѣется, при такомъ состояніи Нижегородскаго общества, театръ здѣшній могъ бы процвѣтать, если бы онъ содержался настоящимъ артистомъ, изъ любви къ искусству, а не какъ торговое заведеніе, въ родѣ торговыхъ бань, могущее принести извѣстный доходъ. Это одно положеніе здѣшняго театра никогда не выведетъ его на лучшую степень, потому что храмъ изящныхъ искусствъ никогда не можетъ быть торговымъ заведеніемъ, и обратно, торговое заведеніе никогда не сдѣлается храмомъ изящнаго.

СМѢСЬ.

Тальони опять летаетъ на нашей сценѣ, съ прежнею легкостію, съ прежнимъ блескомъ и, что всего важнѣе, съ прежнимъ успѣхомъ. Ее вызываютъ по десяти разъ въ одно представленіе; рукоплесканіямъ, восторгамъ, нѣтъ конца. По извѣстному закону природы, все отцвѣтаетъ, все старѣется, даже таланты. Но для Тальони, кажется, измѣняются самые законы природы: она и теперь очаровательна и воздушна, точно такъ, какъ мы видѣли ее въ первый разъ. Особенный успѣхъ имѣла она въ *Еленѣ (въ операѣ Роберѣ)*, въ роли почти незначительной, изъ которой она умѣла создать что-то оригинальное, чрезвычайно замѣчательное. Г-нъ Тальони написалъ новый балетъ, *фантастическій*, гдѣ участвуютъ боги и смертные. Авторъ *Сильфиды* мастерски умѣетъ соединять чудесное съ дѣйствительнымъ, и можно надѣяться, что его фантастическій балетъ еще болѣе умножитъ заслуженную его славу.

При этой книжкѣ Репертуара прилагается драма Шекспира: *Антоній и Клеопатра*. Подписчики наши получаютъ ее *безденежно*. Не желая прельщать публику великолѣпными обѣщаніями и заманчивыми объявленіями, мы до сихъ поръ ничего не говорили о намѣреніи нашемъ, прилагать къ *Репертуару* лучшія иностранныя драматическія произведенія, не могущія, по чему либо, явиться на Русской сценѣ. Начинаемъ съ Шекспира. Предлагаемая піеса переведена молодымъ авторомъ, который много обѣщаетъ. Можетъ быть, драма, имъ переведенная, будетъ когда нибудь дана на Александринскомъ Театрѣ; но мы рѣшились предупредить ту минуту и дать новый перевод[illegible] теперь: е, не ожидая появленія его на сценѣ. Вниманіе публики къ Репертуару даетъ издателю средства увеличить кругъ его дѣйствій и сдѣлать нѣкоторыя прибавленія, о которыхъ ничего не сказано въ объявленіяхъ о Репертуарѣ. Издатель принялъ за правило, не много обѣщать, но давать болѣе обѣщаннаго; и не слѣдовать примѣру нѣкоторыхъ, обѣщающихъ весьма много, но не исполняющихъ половины обѣщаній. Издатель долгомъ поставляетъ сказать при этомъ случаѣ, что онъ не будетъ раздавать *безденежно* старыхъ водевилей, залежавшихся въ книжныхъ лавкахъ, или ничтожныхъ піесъ, которыя потому только раздаются безденежно, что въ самомъ дѣлѣ ничего не стоятъ. Впрочемъ выборъ піесъ, для безденежныхъ приложеній къ Репертуару, покажетъ, сколько издатель уважаетъ мнѣніемъ своихъ читателей, какъ старается доставить имъ легкое и пріятное чтеніе.

---Г-жа Гусева, за тридцати-лѣтнюю службу, получила бенефисъ, на который мы осмѣливаемся обратить вниманіе публики, по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, г-жа Гусева отличается въ нѣкоторыхъ роляхъ и играетъ ихъ превосходно; и во все время продолжительнаго своего служенія въ первый разъ получаетъ бенефисъ въ награду; во-вторыхъ, бенефисъ ея составленъ изъ піесъ, которыя, вѣроятно, удержатся на сценѣ. Н. А. Полевой передѣлалъ *Мнимаго больнаго*, Мольера, сообразивъ его съ духомъ нынѣшняго вѣка и Русскими нравами. Репертуаръ радуется и за г-жу Гусеву, и за себя, ибо помѣститъ на своихъ страницахъ новое произведеніе Н. А. Полеваго. Переводчикъ *Пятнадцати-лѣтняго Короля*, для этого бенефиса передѣ-

лалъ драму *Алмазъ*, которой имѣла большой успѣхъ въ Парижѣ. На нашей сценѣ поддержать ее таланты Сосницкаго и Асенковой. Третья піеса, *Шарлатанъ или Журналисты*, любопытна въ высшей степени. Авторъ коротко знакомъ съ журнальнымъ міромъ, и есть надежда, что онъ передастъ намъ всѣ занимательныя, оригинальныя продѣлки бойцевъ журналистики. Съ такими піесами, г-жа Гусева можетъ смѣло надѣяться на бенефисный успѣхъ.

— Мы слышали, что на сценѣ Александринскаго театра скоро дана будетъ комедія Скриба: *Клевета* переводъ П. С. Ѳедорова. Почитаемъ безполезнымъ хвалить ее; она извѣстна любителямъ театра по журнальнымъ отзывамъ и похваламъ. Мы непремѣнно напечатаемъ *Клевету* Скриба въ Репертуарѣ, но только переведенную В. М. Строевымъ.

— Бенефисомъ г-на Самойлова, даннымъ 3-го Сентября на Александровскомъ Театрѣ, начался рядъ зимнихъ бенефисовъ. Онъ начался занимательною драмою В. М. Строева, *Безыменное письмо*, за которую авторъ былъ вызванъ. Драма замѣчательна по чрезвычайной своей сжатости, такъ что многимъ это показалось даже недостаткомъ. Наши читатели сами будутъ судить ее, въ слѣдующей книжкѣ *Репертуара*. Потомъ былъ данъ водевиль Ѳ. А. Кони, *Петербургскія квартиры*. Авторъ былъ вызванъ. Если драма Г-на Строева сжата, за то водевиль г-на Кони чрезъ чуръ растянутъ. Піеса много бы выиграла, еслибъ авторъ сократилъ ее въ половину и помѣстилъ въ двухъ, или много, трехъ квартирахъ. Въ слѣдующей книжкѣ Репертуара мы скажемъ, откуда взяты *Петербургскія квартиры*, и какимъ образомъ г-нъ Кони повторилъ въ этомъ *новомъ* своемъ произведеніи и самаго себя и нѣкоторыхъ другихъ водевилистовъ. — Въ заключеніе былъ данъ водевильчикъ: *Выжигинъ или всѣмъ другъ и братъ, и кумъ, и сватъ*, котораго мы вовсе не слыхали и не видали, потому что мы не досидѣли до конца спектакля, истощивъ весь запасъ терпѣнія на *Петербургскія квартиры*. Бенефиціантъ былъ принятъ публикою съ особенною благосклонностію. Хотя роль его недавала ему никакихъ средствъ блеснуть и выказать прекрасный талантъ свой, однако же онъ успѣлъ, одушевленною, веселою игрою, возбудить рукоплесканія. В. А. Каратыгинъ и А. М. Каратыгина были превосходны въ драмѣ и доставили ей успѣхъ, котораго она не могла бы имѣть безъ этихъ единственныхъ, несравненныхъ у насъ артистовъ.

КУПЛЕТЫ.

УМѢНЬЕ ЖИТЬ ВЪ СВѢТѢ.

(Изъ водевиля: Волшебный часъ.)

I.

Богатство трудно наживать!
И намъ одно теперь осталось,
Когда даютъ — скорѣе брать,
Не разбирая, какъ досталось.
Куда затѣйливъ сталъ народъ:
Иной безъ памяти мотаетъ,
Богатымъ барином живетъ....
А чѣмъ? Никто не отгадаетъ.

II.

Иной вчера ходилъ съ сумою,
Посмотришь — вмигъ разбогатѣлъ!
Тотъ, бывши цѣлый вѣкъ слугою,
Вдругъ между знатными засѣлъ.
Ребята умничать ужъ стали;
Дѣвчонки смыслу набрались;
И зрѣлые плоды пропали,
А скороспѣлки развелись.

А. Писаревъ.

НЫНѢШНІЕ РОДНЫЕ.

(Изъ водевиля: Усы.)

Настали времена дурныя,
Не жди добра ни отъ кого;
Особенно теперь родные
Ей, ей, не стоятъ ничего!
Какъ нужду къ намъ они имѣютъ,
То всякъ изъ нихъ вамъ братъ и сватъ;
А тамъ, лишь чуть разбогатѣютъ:
Посмотришь — имъ и чортъ не братъ!

Д. Ленскій.

ТРУСОСТЬ ЗУБНАГО ДОКТОРА.

(Изъ водевиля: Часъ въ тюрьмѣ.)

Такимъ искусствомъ, признаюсь,
Я выйдти въ люди не успѣю:
Я зубы дергать такъ боюсь,
Что инструментомъ не владѣю.

Еще вчера я одному
Испортилъ челюсти и губы:
Когда я дергалъ зубъ ему,
Онъ чуть меня не дернулъ въ зубы!

Д. Ленскій.

ОТЕЦЪ ПО НЕВОЛѢ.

(Изъ водевиля: Часъ въ тюрьмѣ.)

Клянусь, мнѣ это непонятно,
Что есть не мало изъ мужей,
Которымъ ужасть какъ пріятно
Имѣть полдюжины дѣтей. —
Нѣтъ, я всегда ихъ опасался
Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ сталъ женатъ;
И если я въ отцы попался —
Ей-Богу въ томъ невиноватъ!

Д. Ленскій.

ОТЦЫ И ЛИТЕРАТОРЫ.

(Изъ водевиля: Первая любовь.)

Какъ самолюбіемъ своимъ
Отцы съ писателями сходны!
Не кажется ли вѣчно имъ,
Что ихъ творенья превосходны?
Они объ нихъ кричатъ всегда:
Взгляни-ка, чудо что такое!...
Хоть въ ихъ твореньяхъ иногда
Бываетъ кое-что чужое.

Д. Ленскій.

ДРУЖБА.

(Изъ водевиля: Невѣста-гусаръ.)

Хоть всѣ дружбу прославляютъ,
Хоть всѣ даютъ большой ей вѣсъ
Но что же дружбой называютъ?
Посмотришь: просто интересъ!
Друзьями хочешь коль хвалиться,
Давай взаймы, иль угощай:
А станешь ежели скупиться....
Нѣтъ денегъ... и друзья—прощай.

М. Яковлевъ.

У С Ы.

(Изъ водевиля: Гусаръ невѣста.)

Усы гусара украшаютъ,
Усы даютъ героя видъ;
Невѣстъ усами добываютъ,
Усы для дѣвушекъ — магнитъ!
Усы въ обманъ нерѣдко вводятъ;
Они способны къ чудесамъ —
Того въ герои производятъ,
Герой кто только по усамъ.
У насъ поручикъ былъ Закатинъ:
Онъ счастіе нашелъ въ усахъ;
Чрезъ нихъ онъ сталъ богатъ и знатенъ,
Женясь на тысячѣ душахъ.

М. Яковлевъ.

ДЕНЬГИ.

(Изъ водевиля: Вдова-чиновница.)

При деньгахъ — намъ любовь вѣрна,
Безъ денегъ честь, почти безчестье,
Невѣста глупая — умна
Когда есть деньги иль помѣстья;
На деньги совѣсть продаютъ,
На деньги дружбу покупаютъ,
На деньги люди все найдутъ;
Безъ денегъ, люди всѣ теряютъ.

Н. Григорьевъ 1-й.

АНТОНІЙ И КЛЕОПАТРА.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

СОЧ. ШЕКСПИРА.

Переводъ съ Англійскаго.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маркъ Антоній, Октавій Цезарь, М. Эмилій Лепидъ — тріумвиры.
Домицій Эпобардъ, Вентидій, Эросъ, Скаръ, Дерцетъ, Димитрій, Филонъ — друзья Антонія.
Меценатъ, Агриппа, Долабелла, Прокулей, Тирей, Галлъ — друзья Цезаря.
Менасъ, Менекратъ, Варрій — друзья Помпея.
Тавръ, генералъ-лейтенантъ Цезаря.
Канидій, генералъ-лейтенантъ Антонія.
Силій, офицеръ въ Вентидіевой арміи.
Эпфроній, посланникъ Антонія къ Цезарю.
Алексасъ, Мардіанъ, Селевкъ и Діомедъ, слуги Клеопатры.
Гадатель.
Крестьянинъ.
Клеопатра, Египетская царица.
Октавія, сестра Цезаря и жена Антонія.
Харміанъ, Ира, — служанки Клеопатры.
Офицеры, солдаты, вѣстники и другія лица.

Сцена въ разныхъ мѣстахъ Римской Имперіи.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

СЦЕНА I.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ Димитрій и Филонъ.

Фил. Нѣтъ, ужъ сумазбродство нашего генерала выходитъ изъ границъ: бывало, живые взоры его, блистая подобно панцырю Марса, быстро летали по рядамъ и полкамъ воиновъ; а теперь они потуплены, или прикованы къ смуглому челу царицы. Геройское сердце его нѣкогда въ жару великихъ битвъ разрывало пряжки панцыря, покрывавшаго грудь его; а теперь оно охладѣло и служитъ сладострастной Египтянкѣ вмѣсто мѣховъ или опахала. Смотри, вотъ они идутъ!

(Звукъ трубъ. Входятъ Антоній и Клеопатра со своими свитами Эвнухи обмахиваютъ ее опахалами.)

Посмотри внимательнѣе, и ты увидишь, что третій столбъ міра превращенъ въ шута развратной женщины; смотри же и замѣчай.

Клеоп. Если это въ самомъ дѣлѣ любовь, то скажи мнѣ, какъ она велика.

Ант. Слишкомъ бѣдна та любовь, которую можно измѣрить.

Клеоп. Я хочу знать предѣлы твоей любви ко мнѣ.

Ант. Такъ открой новое небо и новую землю.

(Входитъ слуга.)

Сл. Извѣстія изъ Рима, мой добрый господинъ.

Ант. Не мучь меня; говори короче, въ чемъ дѣло.

Клеоп. Нѣтъ, Антоній, — узнай дѣла подробнѣе. Можетъ быть, Фульвія сердится; или, кто знаетъ? не прислалъ ли тебѣ без-

бородый Цезарь своихъ повелѣній: «*Сдѣлай то, или то; покори такое-то царство, и освободи такое-то; исполни нашу волю, иначе мы осудимъ тебя.*»

Ант. Какъ, моя милая!

Клеоп. Можетъ быть.... да и очень вѣроятно, что тебѣ нельзя уже здѣсь оставаться дольше, что Цезарь прислалъ тебѣ повелѣніе отправиться отсюда. Такъ, Антоній, узнай же новости — узнай, что процессъ Фульвіи... нѣтъ, я хотѣла сказать, Цезаря.... нѣтъ, обоихъ? Позови сюда пословъ. — Антоній, ты краснѣешь, — это такъ же справедливо, какъ и то, что я царица Египта. Краска на лицѣ твоемъ показываетъ, что ты боишься Цезаря, или лучше — обнаруживаетъ тотъ стыдъ, который ты будешь чувствовать, слушая упреки ревнивой Фульвіи. — Послы....

Ант. Пусть волны Тибра поглотятъ Римъ! Пусть все зданіе огромной имперіи падетъ въ развалины! Вся вселенная для меня — здѣсь! Царства — глиняной сосудъ. Удобренная земля доставляетъ обильную пищу, какъ животнымъ, такъ и людямъ. — Все, достоинство жизни состоитъ вотъ въ чемъ! (*Обнимаетъ ее*) Оно доступно для каждой пары, которая будетъ любить, подобно намъ, а въ любви, пройди весь міръ, ненайдешь намъ подобныхъ; увѣряю тебя въ этомъ подъ страхомъ наказанія.

Клеоп. Очаровательный обманъ! Однако, почему онъ, женившись на Фульвіи, не любитъ ее? Я хочу слѣпо вѣрить его словамъ, но не могу: вѣдь Антоній всегда одинъ и тотъ же.

Ант. Всегда поклонникъ Клеопатры. Заклинаю тебя самимъ Амуромъ и сладкими часами любви: не теряй времени въ скучномъ разговорѣ; пусть ни одна минута нашей любви не пройдетъ безъ какого нибудь удовольствія. Чѣмъ будемъ забавляться нынѣшнюю ночь?

Клеоп. Выслушай пословъ.

Ант. Фи, капризная царица! Тебѣ все къ лицу: и сердиться, и смѣяться, и плакать. Въ тебѣ всякая страсть прекрасна и достойна удивленія! Не говори же о посланникахъ. Лучше мы вдвоемъ съ тобою пойдемъ нынѣ ночью гулять по улицамъ и наблюдать характеръ народа. Пойдемъ же, моя царица; въ прошлую ночь ты сама хотѣла этого; ну не говори же.

(Антоній и Клеопатра уходятъ со своими свитами.)

Дим. Неужели Антоній такъ мало имѣетъ уваженія къ Цезарю?

Фил. Случается, что когда онъ перестаетъ быть Антоніемъ, онъ теряетъ то величіе, которое всегда должно бы украшать Антонія.

Дим. Очень жаль, что онъ на самомъ дѣлѣ подтверждаетъ народную молву, которая точно такъ описываетъ его въ Римѣ. Ожидаю лучшихъ успѣховъ отъ утра. Будь счастливъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Тамъ же. Другая комната.

Входятъ харміанъ, ира, алексасъ и гадатель.

Харм. Господинъ Алексасъ, милый Алексасъ, несравненный Алексасъ, почти божественный Алексасъ! Гдѣ гадатель, котораго ты такъ хвалилъ царицѣ? Ахъ, если бъ я знала такого мужа, который, какъ ты говоришь, свои рога долженъ замѣнить гирляндами!

Алек. Гадатель!

Гад. Что угодно?

Харм. Неужли это онъ? Ты угадываешь тайны?

Гад. Я могу нѣсколько читать въ безконечной книгѣ тайнъ природы.

Алек. Покажи ему свою руку.

Входитъ эпобардъ.

Эноб. Скорѣе приготовь здѣсь столъ для пира: вина больше, чтобы пить здоровье Клеопатры.

Харм. Ну, дружокъ, дай же мнѣ счастіе.

Гад. Не я даю его; я только предсказываю.

Харм. Такъ, прошу тебя, предскажи мнѣ счастіе.

Гад. Ты будешь несравненно красивѣе, чѣмъ теперь.

Харм. Онъ, вѣрно, думаетъ, что я потолстѣю.

Ира. Нѣтъ; а что ты будешь румяниться, когда состаришься.

Харм. Чтобы скрыть морщины!

Алек. Не мѣшайте же ему предсказывать: слушайте его.

Харм. Тс!

Гад. Ты сама будешь любить больше, чѣмъ тебя будутъ любить.

Харм. Я больше люблю согрѣвать себя виномъ, чѣмъ любовью.

Алек. Да послушай же его.

Харм. Ну, добрый человѣкъ, теперь предскажи мнѣ такое счастіе, такое только

я могу вообразить! Что я, напр., выйду въ одно утро за трехъ царей, и останусь послѣ нихъ вдовою; что я на пятидесятомъ году буду имѣть дитя, которому покорится и дастъ присягу Иродъ Іудейскій (*); что я выйду за Октавія Цезаря и сдѣлаюсь разною своей госпожѣ.

Гад. Ты переживешь царицу, которой служишь.

Харм. О, мило! Я люблю долгую жизнь больше смоквъ (**).

Гад. Ты насладилась большимъ счастіемъ, чѣмъ какое ожидаетъ тебя въ будущемъ.

Харм. Вѣрно, дѣти мои не будутъ имѣть славы. Прошу тебя, скажи, сколько у меня будетъ мальчиковъ и дѣвочекъ?

Гад. Если бы каждое желаніе твое рождало по одному дитяти, такъ — милліонъ.

Харм. Пошолъ, дуракъ! Я прощаю тебя только потому, что ты колдунъ.

Алек. А, ты ужъ думаешь, что одна простыня твоей постели и знаетъ твои желанія.

Харм. Ну, теперь скажи и Ирѣ ея счастіе.

Алек. Мы всѣ узнаемъ свою судьбу.

Эноб. Моя судьба, да и многихъ изъ васъ, напиться сегодня ночью, да лечь на постель.

Ира. Вотъ рука, по которой можно узнать непорочность, если еще не больше что нибудь.

Харм. Какъ по непомѣрному разлитію Нила — наступающій голодъ.

Ира. Перестань шутить, милая моя: не умѣешь ты гадать.

Харм. Что пухленькая ручка — вѣрное предзнаменованіе плодородія, я знаю это какъ нельзя больше. Пропу тебя, предскажи ей самую незавидную участь.

Гад. Ты съ нею будешь имѣть одну участь.

Ира. Какъ такъ? Какъ! Разскажи получше.

Гад. Я сказалъ.

Ира. Исужели я не буду счастливѣе ея, хоть на пальцъ.

Харм. Ну, если бы тебѣ можно было имѣть счастія на палецъ больше моего: то куда бы ты помѣстила его?

Ира. Ужъ, конечно, не въ носъ моего мужа.

Харм. Да спасутъ насъ небеса отъ грѣшныхъ мыслей! Алексасъ! Поди сюда, узнай свою судьбу. Ахъ, дружокъ! Женя его на какой нибудь безногой калекѣ.... Милосердая Изида! Умоляю тебя,—и пусть вскорѣ эта жена умретъ и замѣнитъ ее другая еще хуже той, и такъ дальше, пока самая скверная изъ женъ со смѣхомъ проводитъ его къ могилѣ,—его, разъ пятьдесятъ бывшаго рогоносцемъ! Добрая Изида! Прими хоть эту молитву мою, если ты отказываешь мнѣ въ другихъ болѣе важныхъ прошеніяхъ. Добрая Изида! Молю тебя.

Ира. Аминь, Кроткая богиня, прими молитву нашу. Сердце разрывается, когда видишь хорошаго мужчину съ невѣрною женою; но еще убійственнѣе видѣть какого-нибудь ненавистнаго плута безъ роговъ. Милосердая Изида! Ниспошли ему это устраненіе и награди его по заслугамъ.

Алек. Да послушайте: вѣдь вамъ нельзя сдѣлать меня рогоносцемъ безъ потери собственной чести.

Эноб. Тс! Сюда идетъ Антоній.

Харм. Не онъ, а царица.

Входитъ Клеопатра.

Клеоп. Не видали ли вы Антонія!

Эноб. Нѣтъ, государыня.

Клеоп. Здѣсь онъ не былъ?

Харм. Не былъ, государыня.

Клеоп. Онъ былъ веселъ; но вдругъ какое-то извѣстіе изъ Рима совсѣмъ разстроило его. — Энобарбъ!

Эноб. Государыня!

Клеоп. Найди его и проси сюда. Гдѣ Алексасъ?

Алек. Я здѣсь, государыня, — вѣрный исполнитель твоихъ повелѣній. Сюда идетъ господинъ.

(*). Иродъ оказывалъ покорность и платилъ дань Римлянамъ, чтобы сохранить свое царство. Стивенсъ думаетъ, что здѣсь аллюзія къ лицу, представлявшему этого царя, въ мистеріяхъ, которыя игрались въ первыя времена новѣйшаго театра. Ирода всегда представляли ужаснымъ, подозрительнымъ тираномъ, и выраженіе *Herod of jewry* обратилось въ поговорку для означенія ужаснаго и самаго жестокаго человѣка. — По этому то Гамлетъ о комедіантѣ, который игралъ свою роль уже слишкомъ неестественно, говоритъ, что онъ out-herods Herod.

(**) Аллюзія къ корзинѣ смоквъ, наполненной змѣями, которую пришлютъ въ пятомъ дѣйствіи. Харміанъ не знаетъ отношенія своего отвѣта къ этому происшествію; но Шекспиръ пришаровливается здѣсь къ предразсудку древнихъ, которые думали, что часто слово, сказанное на удачу и безъ намѣренія, заключало въ себѣ предсказаніе будущаго. См. Цец de Divinatione.

Warburton.

Входитъ Антоній съ вѣстникомъ и свитою.

Клеоп. Уйдемъ отъ него. За мной!

(Клеопатра, Энобарбъ, Алексасъ, Ира, Харміанъ, Гадатель и свита уходятъ.)

Вѣст. Фульвія — жена твоя первая выступила въ поле.

Ант. Противъ брата моего Люція!

Вѣст. Да; впрочемъ эта война скоро кончилась: открылись такія обстоятельства, что имъ общими силами нужно было дѣйствовать противъ Цезаря, и они помирились. Однако жъ въ первой сшибкѣ Цезарь побѣдилъ ихъ и выгналъ изъ Италіи.

Ант. Не скажешь ли еще чего нибудь непріятнѣе?

Вѣст. За худыя извѣстія самому вѣстнику бываетъ худо.

Ант. Да; если эти извѣстія онъ приноситъ или глупцу или трусу. По моему, что сдѣлалось, того не передѣлаешь. Я также спокойно выслушиваю правдиваго вѣстника, хоть бы онъ говорилъ даже о моей смерти, какъ слушаю льстеца.

Вѣст. Лабіенъ (о жестокое извѣстіе!) съ Парѳянскимъ войскомъ занялъ Азію отъ береговъ Евфрата; побѣдоносныя знамена его развѣваются отъ Сиріи до Лидіи и Іоніи, между тѣмъ, какъ....

Ант. Ты хочешь сказать — Антоній....

Вѣст. О господинъ мой!

Ант. Говори откровенно, не смягчай общей молвы: называй Клеопатру, какъ зовутъ ее въ Римѣ; брани меня, какъ бранитъ Фульвія; выставь предо мною мои слабости, какъ только могутъ выставить ихъ истина и злоба. О когда мы проводимъ время въ праздности и недѣятельности, мы произращаемъ только одну дурную траву, и раскрыть предъ нами наши слабости, значитъ вспахать насъ. Удались на минуту.

Вѣст. Повинуюсь твоему приказанію.

Ант. Какія извѣстія изъ Сициона? Говорп.

Пер. сл. Вѣстникъ изъ Сициона — здѣсь ли онъ?

Втор. сл. Онъ ждетъ твоихъ приказаній.

Ант. Пусть войдетъ; я долженъ разорвать эти крѣпкія Египетскія оковы, *(входитъ другой вѣстникъ)* или погубить себя своимъ сумазбродствомъ. Кто ты?

Вт. вѣст. Фульвія — твоя жена скончалась.

Ант. Гдѣ?

Вт. вѣст. Въ Сицонѣ. О времени ея болѣзни и другихъ обстоятельствахъ, важныхъ для тебя, ты узнаешь изъ этого письма. (Подаетъ письмо.)

Ант. Оставь меня.

(Вѣстникъ уходитъ.)

И такъ, удалилась отъ насъ великая душа. А я желалъ этого!... Часто мы снова стремимся къ тому, что сейчасъ только съ презрѣніемъ отбросили отъ себя, а настоящее удовольствіе вдругъ, по какой-то странной измѣнчивости, становится тяжкимъ мученіемъ для насъ. Теперь она стала драгоцѣнна для меня, когда уже нѣтъ ея, — и та самая рука, которая выталкивала ее отсюда, снова воротила бы ее назадъ Мой постыдная праздность выспитъ еще здѣсь десять тысячъ золъ больше тѣхъ, какія я знаю. Эй! Энобарбъ!

Входитъ энобарбъ.

Энob. Что угодно тебѣ, господинъ!

Ант. Я долженъ удалиться отсюда немедленно.

Энob. Хорошо; только этимъ мы убьемъ всѣхъ своихъ женщинъ. Ужъ если одно наше нерасположеніе къ нимъ убійственно для нихъ, то разлука съ нами, конечно — вѣрная смерть.

Ант. Я долженъ удалиться отсюда.

Энob. Если у тебя крайняя нужда, такъ пусть онѣ умираютъ; а изъ-за пустяковъ жалко бросить ихъ, хотя и сами-то онѣ на столпіе пустяки въ сравненіи съ чѣмъ нибудь важнымъ. — Клеопатра умретъ въ одну минуту при малѣйшемъ слухѣ о твоемъ отъѣздѣ: вотъ ужъ, въ моихъ глазахъ, она умирала двадцать разъ при другихъ менѣе важныхъ обстоятельствахъ. Я думаю, что въ смерти есть огонь, который обнаруживаетъ на нее пріятное дѣйствіе, что она такъ скоро и часто умираетъ.

Ант. У ней столько хитрости, что и вообразить нельзя.

Энob. О, нѣтъ! Ея страсти составлены изъ лучшей части чистой любви. Ея вздохи и слезы нельзя назвать вѣтрами и водою: это самые ужасные вихри и бури, какіе только когда нибудь были предсказываемы въ календаряхъ. Они въ ней не притворство; а если ужъ притворство, такъ она производитъ дождь, право, не хуже Юпитера.

Ант. Ахъ, если бъ я никогда не видалъ ее!

Энob. Эхъ, господинъ! Да если бы ты не видалъ этого лучшаго кусочка въ свѣтѣ и

не отвѣдалъ его, такъ и все путешествіе твое вовсе ничего бы не стоило.

Ант. Фульвія умерла.

Эноб. Господинъ!

Ант. Фульвія умерла!

Эноб. Фульвія!

Ант. Умерла.

Эноб. Ну, такъ принеси богамъ благодарственную жертву. Наши портные хорошо объясняютъ, когда волѣ боговъ бываетъ угодно брать жену отъ мужа. Износись у насъ старое платье, наши портные сошьютъ новое, чтобы мы бросили старое. Если бы, кромѣ Фульвіи, вовсе не было женщинъ на свѣтѣ, точно, тебѣ пришлось бы поговорить и поплакать; а теперь, смотри, твоя печаль кончится радостью: твоя старая женская рубашка смѣнится новой юбкой.—Да, чтобы пролить нѣсколько слезъ о такомъ горѣ, приведется лукомъ потереть глаза.

Ант. Дѣло, какое она завязала въ Римѣ, не терпитъ моего отсутствія.

Эноб. А дѣло, которое ты самъ завязалъ здѣсь, тоже не можетъ обойтись безъ тебя; особенно дѣло съ Клеопатрою рѣшительно зависитъ отъ твоего пребыванія въ Египтѣ.

Ант. Оставь свои шутки. Извѣсти начальниковъ о нашемъ намѣреніи. Государынѣ я самъ открою причину нашего отъѣзда и уговорю ее отпустить насъ. Не только смерть Фульвіи, вмѣстѣ съ другими еще болѣе сильными побужденіями, призываетъ насъ въ Римъ, но также и письма многихъ ревностныхъ друзей нашихъ. Секстъ Помпей возсталъ противъ Цезаря и владычествуетъ на морѣ; наша непостоянная чернь (которая любитъ своихъ защитниковъ всегда уже послѣ того, какъ изгладится самая заслуга ихъ), начинаетъ приписывать величіе и всѣ достоинства Помпея сыну его. А онъ, знаменитый уже именемъ и силою, но еще болѣе опасный по своей пылкости и предпріимчивости, является превосходнѣйшимъ военачальникомъ; а при успѣхахъ можетъ быть опасенъ для цѣлаго свѣта. Много тамъ родилось такого, что, подобно волосатику (*), имѣетъ жизнь, но не имѣетъ яда змѣи. Скажи всѣмъ моимъ подчиненнымъ, что наша польза требуетъ скораго отъѣзда отсюда.

Эноб. Исполню твое повелѣніе.

(*) Примѣненіе къ народному повѣрью, что лошадиный волосъ въ застойной водѣ становится живымъ существомъ.

СЦЕНА III.

Входятъ Клеопатра, Харміань, Ира и Алексасъ.

Клеоп. Гдѣ онъ?

Харм. Я не видала его съ тѣхъ поръ.

Клеоп. Посмотри, гдѣ онъ, кто съ нимъ, что онъ дѣлаетъ? Я не посылаю тебя; если ты найдешь его скучнымъ, скажи ему, что я пляшу; если онъ веселъ, скажи, что я очень нездорова. Скорѣй же и воротись.

(Алексасъ уходитъ.)

Харм. Государыня! Мнѣ кажется, что ты, если только искренно любишь его, не умѣешь выбрать хорошихъ средствъ, чтобы заставить и его также полюбить тебя.

Клеоп. Что жъ мнѣ еще дѣлать, чего бы я не сдѣлала?

Харм. Давай ему свободу во всѣмъ и ни въ чемъ не противорѣчь.

Клеоп. Ты, какъ настоящая дура, учишь меня совсѣмъ потерять его.

Харм. Не слишкомъ старайся прельщать его. Прошу тебя, остерегайся этого. Въ послѣдствіи мы начинаемъ ненавидѣть то, чего часто страшились.

Входитъ Антоній.

Но вотъ, онъ идетъ.

Клеоп. У меня какая то грусть и нездоровье.

Ант. Я боюсь сказать ей о своемъ намѣреніи.

Клеоп. Милая Харміань, помоги мнѣ уйти; я упаду; это не можетъ продолжаться долго: природа не вынесетъ этого.

Ант. Милая царица!...

Клеоп. Прошу тебя, стань подальше отъ меня.

Ант. Что это значитъ?

Клеоп. По глазамъ твоимъ вижу, — ты получилъ пріятныя вѣсти. Что пишетъ тебѣ законная жена твоя? Ты можешь удалиться отсюда. Ахъ, если бъ она никогда не давала тебѣ позволенія быть здѣсь! Пусть же она не говоритъ, будто я удерживаю тебя: я не имѣю ни какой власти надъ тобой; она имѣетъ.

Ант. Боги знаютъ....

Клеоп. Какъ могла я подумать, хотя бы ты потрясалъ клятвами самые троны боговъ;—какъ, говорю, могла я подумать, что ты будешь моимъ и останешься вѣренъ мнѣ послѣ того, какъ ты уже измѣнилъ Фульвіи! О, какое непростительное легкомысліе—позволить опутать себя клятвами, которыя

разрываются въ то самое время, какъ ихъ произносятъ!...

Ант. Очаровательная царица!...

Клеоп. Ахъ, прошу тебя, не выискивай предлога къ своему отъѣзду; скажи просто—прощай, и удались: если бы ты просилъ у меня позволенія остаться здѣсь, то для такой просьбы у меня есть время. Прежде,—не отъѣздъ, а вѣчность была въ твоихъ устахъ и глазахъ; блаженство въ радугѣ твоихъ бровей, и всякой членъ твой блисталъ радостью небесъ. Онѣ и теперь таковы, а ты величайшій воинъ въ мірѣ — превратился въ величайшаго лжеца.

Ант. Какъ такъ, государыня?

Клеоп. Я хотѣла бы имѣть твою силу: ты узналъ бы тогда, что и въ Египтѣ есть мужественное сердце.

Ант. Государыня! Выслушай меня: крайняя необходимость заставляетъ меня удалиться на короткое время въ отечество; но сердце мое остается съ тобою. Наша Италія страждетъ отъ междоусобій: Секстъ Помпей приближается къ воротамъ Рима. Отъ равенства двухъ властей происходятъ разныя враждебныя партіи. Тѣ, которыхъ прежде ненавидѣли, усилившись, входятъ въ любовь народа. Ссылочный Помпей, знаменитый заслугами своего отца, удачно снискиваетъ себѣ расположеніе тѣхъ, которые, хотя еще не пріобрѣли вѣсу въ государствѣ, но опасны своимъ множествомъ. Умы, утомленные долговременнымъ спокойствіемъ, жаждутъ сильнаго перелома для государства. Особенно же требуетъ моего присутствія въ Римѣ смерть Фульвіи: эта причина должна извинить мой отъѣздъ и передъ тобою.

Клеоп. Если лѣта мои не избавляютъ меня отъ глупости, по крайней мѣрѣ они избавляютъ меня отъ дѣтскаго легковѣрія. Можетъ ли умереть Фульвія?

Ант. Она умерла, государыня. Взгляни и прочти, сколько безпокойствъ она надѣлала мнѣ; прочти и самую лучшую новость: когда и гдѣ она умерла.

Клеоп. О, невѣрная любовь! Гдѣ эти священныя чаши, которыя ты долженъ наполнить потоками горькихъ слезъ? Теперь я вижу, вижу, въ смерти Фульвіи, съ какимъ чувствомъ ты примешь и мою.

Ант. Не упрекай меня; выслушай мои намѣренія: исполнить ихъ или оставить, то будетъ зависѣть отъ твоего приговора. Клянусь тебѣ огнемъ, оживляющимъ илъ Нила: я удаляюсь отсюда твоимъ воиномъ и слугою; буду заключать миръ или объявлять войну, сообразуясь съ твоею волею.

Клеоп. Развяжи мою шнуровку, Харміань, поди сюда, оставь такъ. — Я чувствую себя то худо, то хорошо: такъ любитъ Антоній.

Ант. Милая моя, перестань; оцѣни, какъ слѣдуетъ, любовь мою, которую честь подвергаетъ такой ужасной пыткѣ.

Клеоп. Такъ говоритъ мнѣ Фульвія. Прошу тебя, отверни въ сторону и поплачь объ ней; потомъ начни прощаться со мною, и скажи, что эти слезы ты проливаешь, разлучаясь съ Египтомъ. Ну, разыграй же роль человѣка самаго притворнаго, и представь его совершенно честнымъ.

Ант. Ты разсердишь меня; замолчи.

Клеоп. Ты можешь сыграть роль еще труднѣе; но эта теперь такъ кстати.

Ант. Клянусь мечемъ!..

Клеоп. И щитомъ... онъ начинаетъ играть свою роль лучше и лучше, только все еще не достигъ полнаго совершенства. Посмотри, Харміань, прошу тебя, какъ идетъ гнѣвъ этому Римскому Геркулесу.

Ант. Я оставляю тебя, государыня.

Клеоп. Вѣжливый господинъ, одно слово: такъ намъ нужно разстаться... не то я хотѣла сказать... Мы любили другъ друга.... опять не то: ты ужъ давно это знаешь. Я хотѣла что-то сказать. Ахъ, моя память точно Антоній; я всѣ забыла.

Ант. Я почелъ бы тебя, милая, олицетворенною глупостью, если бы не видѣлъ, что глупость прикована къ твоему трону въ моемъ лицѣ.

Клеоп. О, тяжкій трудъ — носить такую глупость столь близко къ сердцу, какъ носитъ ее Клеопатра. Но, Антоній, прости меня. То даже, что мнѣ нравится, убьетъ меня, если оно не понравится тебѣ. Честь зоветъ тебя отсюда: такъ ужъ ты не слушай, что говоритъ тебѣ моя глупая страсть. Да будутъ съ тобою всѣ боги! Да покоится на твоемъ мечѣ увѣнчанная лаврами побѣда, и быстрые успѣхи украсятъ путь твой!

Ант. Наша разлука пролетитъ незамѣтно, — и ты, оставаясь здѣсь, всегда будешь слѣдовать за мною; а я, удалившись отсюда, останусь съ тобою. Пойдемъ!

(Уходятъ.)

—

СЦЕНА IV.

Комната въ домѣ Цезаря.

Входятъ октавій, цезарь, лепидъ и свита.

Цез. Лепидъ! Ты можешь видѣть и долженъ помнить впередъ, что у Цезаря нѣтъ врожденнаго недостатка — питать ненависть къ своему товарищу. Изъ Александріи получены извѣстія: онъ ловитъ рыбу, пьетъ, проводитъ ночи въ шумныхъ пирахъ; на мужчину похожъ не больше Клеопатры, — даже вдова Птоломеева теперь меньше женщина, чѣмъ. онъ; съ трудомъ согласился выслушать моего посла и не хотѣлъ думать, что у него есть товарищъ. Въ этомъ человѣкѣ ты можешь видѣть собраніе всѣхъ недостатковъ, какимъ только подвержены люди.

Леп. Не думаю, чтобы пороки могли совершенно затмить его добрыя качества. Недостатки его походятъ на пятна неба, которыя при ночной темнотѣ кажутся огненными: они у него наслѣдственные, а не пріобрѣтенные; онъ не можетъ поправить ихъ, — они не въ его волѣ.

Цез. Ты слишкомъ снисходителенъ. Положимъ, что простительно осквернять ложе Птоломея, отдавать царство за минутное наслажденіе, сидѣть и пьянствовать вмѣстѣ съ рабомъ, шатаясь, ходить по улицамъ середи бѣлаго дня, толкаться между презрѣнною чернью: — скажи, все это идетъ къ нему? (И въ самомъ дѣлѣ онъ долженъ быть рѣдкій человѣкъ, что его не могутъ обезчестить такіе поступки....) По крайней мѣрѣ, Антоній ничѣмъ не извинитъ себя за то, что мы, по его легкомыслію, несемъ такое огромное бремя. Если бы онъ проводилъ въ удовольствіяхъ свободное время: то пусть и отвѣчалъ бы онъ за это только передъ своимъ желудкомъ и здоровьемъ. Но терять время, когда звукъ трубъ велитъ ему оставить забавы, и когда громко вопіютъ къ нему и собственное его благо, и наше — о! за это нужно побранить его, какъ бранятъ мальчиковъ, которые достигли уже зрѣлаго возраста, но предаются удовольствіямъ, не слушаясь внушеній разсудка.

Входитъ вѣстникъ.

Леп. Вотъ — опять новости.

Вѣст. Повелѣнія твои исполнены, знаменитый Цезарь; ты будешь получать извѣстія о томъ, что дѣлается въ Италіи. Помпей силенъ на морѣ, и, кажется, его любятъ тѣ, которыхъ одинъ страхъ привязывалъ къ Цезарю: недовольные бѣгутъ къ воротамъ и жестоко порицаютъ его.

Цез. Этого я и ожидалъ. Опыты съ самаго основанія государства уже научили насъ, что народъ любитъ человѣка, ищущаго верховной власти, до той минуты, пока этотъ человѣкъ не завладѣетъ ею; и что человѣкъ, никогда прежде не любимый, становится дорогимъ для народа послѣ того, какъ народъ потерялъ его. Эта чернь похожа на развѣвающійся флагъ на рѣкѣ, который поднимается и опускается, повинуясь измѣняющемуся теченію воздуха, и сгибаетъ отъ этого движенія.

Вѣст. Цезарь! Еще одно извѣстіе: Менекратъ и Менасъ — славные пираты, покорили себѣ море и летаютъ по нему на своихъ корабляхъ. Они дѣлаютъ частыя и сильныя нападенія на Италію. Приморскіе народы блѣднѣютъ при одномъ воспоминаніи объ нихъ; пылкая молодежь бунтуетъ; едва только покажется въ морѣ какая нибудь лодка, ее тотчасъ захватываютъ; одно имя Помпея поражаетъ большимъ ужасомъ, чѣмъ все его войско.

Цез. Антоній! Оставь свои великолѣпные пиры; вспомни, — послѣ битвы, въ которой ты убилъ консуловъ Гирція и Пансу, и былъ побѣжденъ Моденою, — когда голодъ слѣдовалъ за собою по пятамъ, — ты, не смотря на свое нѣжное воспитаніе, сносилъ его съ такимъ терпѣніемъ, къ какому неспособны и дикіе; ты пилъ тогда лошадиную урину, и золотистой болотной илъ, котораго чуждаются самые звѣри; твои уста вкушали самые твердые плоды грубыхъ деревъ; да, ты питался корою деревъ, подобно оленю, когда снѣгъ покрываетъ поля; на Альпахъ, разсказываютъ, ты ѣлъ такое мясо, что, при одномъ взглядѣ на него, другіе умирали: и все это (позоръ для твоей чести, что я говорю теперь объ этомъ) ты сносилъ какъ настоящій воинъ, такъ-что даже и щеки у тебя не опали.

Леп. Жаль его.

Цез. О, если бы стыдъ побудилъ его немедленно прибыть въ Римъ! Время заставляетъ насъ теперь же выступить въ поле. Для этой цѣли немедленно соберемъ совѣтъ. Помпей болѣе и болѣе усиливается отъ нашей нерадѣтельности.

Леп. Завтра утромъ, Цезарь, я скажу тебѣ, опредѣленно, что могу я сдѣлать на морѣ и на сушѣ, чтобы поправить настоящія обстоятельства.

Цез. И я тоже займусь этимъ, до свиданія съ тобою. Прощай.

Леп. Прощай, Цезарь. Прошу, извѣсти меня обо всемъ, что ты узнаешь о заграничныхъ новостяхъ.

Цез. Будь увѣренъ: я считаю это своимъ долгомъ.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА V.

Александрія. Комната во дворцѣ.

Входятъ клеопатра, харміань, ира и мардіанъ.

Клеоп. Харміань!

Харм. Государыня!

Клеоп. Ахъ, ахъ! Дай мнѣ выпить мандрагоры.

Харм. Для чего, государыня?

Клеоп. Чтобы я могла спать во все то время, пока нѣтъ здѣсь моего Антонія.

Хар. Государыня! Ты много думаешь объ немъ.

Клеоп. О, измѣна!

Харм. Нѣтъ; это не измѣна, государыня.

Клеоп. Эвнухъ! Мардіанъ!

Мар. Что угодно, государыня?

Клеоп. Я не хочу слушать теперь твоихъ пѣсень. Для меня нѣтъ удовольствія въ томъ, въ чемъ находитъ его эвнухъ. Какъ ты счастливъ!... Твои мысли не носятся за предѣлами Египта. Есть ли у тебя страсти?

Мар. Да, повелительница.

Клеоп. Въ самомъ дѣлѣ?

Мар. Нѣтъ, не въ самомъ дѣлѣ (*), государыня: потому что въ самомъ то дѣлѣ я способенъ только къ тому, что повелѣваетъ честность: однако у меня — пылкія страсти, и я думаю о томъ, что Венера сдѣлала съ Марсомъ.

Клеоп. О, Харміань! Какъ ты думаешь, — гдѣ онъ теперь? Стоитъ онъ, или сидитъ? Прогуливается, или ѣздитъ на лошади? О счастливая лошадь! Она носитъ на себѣ Антонія. Будь же бодрѣе! Знаешь ли, кого ты носишь на себѣ? Владыку полсвѣта, защитника людей. — Теперь онъ, вѣрно, говоритъ, или шепчетъ: *Гдѣ то моя змѣя стараго Нила?* Такъ онъ зоветъ меня. Ахъ теперь я питаюсь самымъ вкуснымъ ядомъ. Антоній! Помнишь ли ты обо мнѣ, хотя я черна отъ поцѣлуевъ влюбленнаго Ѳеба, и съ глубокими морщинами отъ времени? О, широколобый Цезарь! Когда ты былъ еще здѣсь, на землѣ, на меня смотрѣли цари, какъ на сокровище, — и великій Помпей остановился, взглянувши на меня, и впился своими взорами въ черты моего лица; здѣсь онъ захотѣлъ остаться и умереть, смотря на меня.

Входитъ алексасъ.

Алек. Привѣтствую тебя, повелительница Египта.

Клеоп. О, какъ мало походишь ты на Марка Антонія! Но ты — отъ него, и потому, мнѣ кажется, что въ тебѣ есть какая-то особенная прелесть, которую сообщилъ тебѣ Антоній. — Хорошо идутъ дѣла у моего храбраго Марка Антонія?

Алек. Послѣднимъ дѣломъ его, государыня, былъ поцѣлуй — послѣдній изъ многихъ горячихъ поцѣлуевъ, которымъ онъ наградилъ вотъ этотъ восточный перлъ. А его слова сокрыты въ моемъ сердцѣ.

Клеоп. Мое ухо должно достать ихъ оттуда.

Алек. Добрый другъ, бормоталъ онъ, скажи ей: «Вѣрный Римлянинъ великой государынѣ Египта посылаетъ вотъ эту «жемчужину, — и что онъ самъ вскорѣ падаетъ къ ея ногамъ и украситъ царствами «ея богатый тронъ, чтобы поправить этотъ «маленькій подарокъ. Скажи ей, что весь «востокъ назоветъ ее своею повелительницею!» Потомъ онъ поклонился и задумчиво сѣлъ на неукротимаго коня, который ржалъ тогда такъ громко, что я принужденъ былъ молчать, точно какъ безсловесное.

Клеоп. Ну, а скученъ онъ, или веселъ?

Алек. Онъ похожъ теперь на время года, которое бываетъ между жаромъ и холодомъ: ни скученъ, ни веселъ.

Клеоп. О, прекрасное расположеніе духа! Милая Харміань, замѣть, вотъ мужчина то! Оно былъ не скученъ, потому что хотѣлъ казаться веселымъ глазамъ тѣхъ, которые глядя на него, бываютъ скучны или веселы; онъ не былъ веселъ, иначе бы другіе подумали, что онъ въ Египтѣ оставилъ и воспоминаніе и радость; онъ былъ не скученъ и не веселъ: это божественно! Антоній! Будь ты скученъ или веселъ: то и другое тебѣ пристанетъ такъ, какъ ни одному человѣку. — Встрѣтилъ ли ты моихъ пословъ?

Алек. Да, государыня: двадцать особыхъ пословъ; зачѣмъ ты посылаешь такое множество?

Клеоп. Кто родился въ тотъ день, въ ко-

(*) Игра словами indeed и in deed.

торый я забыла послать къ Антонію, тотъ пусть умретъ нищимъ. Чернила и перо, Харміань.... Благодарю тебя, добрый Алексасъ. — Харміань, любила ли я столько Цезаря?

Харм. О, славный Цезарь!

Клеоп. Не смѣй повторять это! Говори: славный Антоній.

Харм. Храбрый Цезарь!

Клеоп. Клянусь Изидою, — осмѣлься ты еще сравнить съ Цезаремъ мужчину изъ мужчинъ, такъ я тебя....

Харм. Съ твоего позволенія, государыня: вѣдь я пою вслѣдъ за тобою.

Клеоп. Въ то время у меня еще мало было ума; я была молода, чтобы говорить такъ, какъ я говорила прежде. — Но поди прочь; дай мнѣ чернилъ и бумаги: каждый день Антоній будетъ получать отъ меня привѣтствіе, пока въ Египтѣ не останется ни одного человѣка.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Мессина. Комната въ домѣ Помпея.

Входятъ помпей, менекратъ и менасъ.

Пом. Великіе боги помогутъ правому дѣлу, если они правосудны.

Мене. Знай, великій Помпей, что боги еще не отказываютъ въ томъ, что они медлятъ исполнить.

Пом. Между тѣмъ, какъ мы съ молитвою припадаемъ къ нхъ трону, наше дѣло гибнетъ.

Мене. Когда мы, не понимая своихъ нуждъ, просимъ у боговъ вреднаго для насъ, они, по благости своей, не исполняютъ нашихъ прошеній. Такимъ образомъ для насъ иногда бываетъ полезно то, что наши молитвы не исполняются.

Пом. Я буду имѣть успѣхъ: народъ меня любитъ; море въ моей власти, могущество мое растетъ, а вѣщая надежда говоритъ мнѣ, что все исполнится. Маркъ Антоній сидитъ въ Египтѣ за роскошными столами и не выступитъ для войны за ворота; Цезарь копитъ деньги и терзаетъ сердца; Лепидъ льститъ имъ обоимъ, а они ему; Лепидъ не любитъ ни того, ни другаго, а они не заботятся объ немъ.

Мен. Цезарь и Лепидъ выступили въ поле; они ведутъ сильное войско.

Пом. Неправда. Откуда у тебя такія вѣсти?

Мен. Отъ Сильвія, господинъ.

Пом. Онъ бредитъ: я знаю, они оба въ Римѣ ожидаютъ Антонія. О, пусть уста твои, очаровательная Клеопатра, пылаютъ теперь всѣми прелестями любви! Присоедини къ красотѣ своей хитрость и обольщеніе; прикуй сластолюбца къ своимъ пирамъ; очаруй его умъ. Эпикурейскія, вкусныя яства пусть раздражаютъ его аппетитъ, никогда не удовлетворяя! Сонъ и пища пусть заглушаютъ въ немъ голосъ чести до самаго мрака Леты! Что скажешь Варрій?

Входитъ варрій.

Вар. Теперь уже достовѣрно, что Марка Антонія каждый часъ ожидаютъ въ Римъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отправился изъ Египта, прошло уже столько времени, что можно бы даже совершить большее путешествіе.

Пом. Я охотнѣе выслушалъ бы извѣстіе не столь важное. — Менасъ! Я не думалъ, чтобы влюбленный сластолюбецъ надѣлъ шлемъ для такой ничтожной войны; а онъ стоитъ вдвое больше тѣхъ обоихъ. Но возвысимъ мнѣніе о своей силѣ: возстаніе наше могло вырвать изъ объятій Египетской вдовы ненасытнаго Антонія.

Мен. Я не повѣрю, чтобы Цезарь и Антоній сдѣлались друзьями: покойная жена Антонія оскорбила Цезаря, братъ его велъ войну съ Цезаремъ, хотя, кажется, безъ вѣдома Антонія.

Пом. Я не понимаю, Менасъ: какъ небольшая вражда можетъ заставить забыть другую большую. Не вооружись мы противъ нихъ, — они непремѣнно завели бы войну между собою: у нихъ ужъ довольно причинъ обнажить мечи другъ противъ друга. Я, право, не могу понять, какъ опасеніе, которое мы возбуждаемъ въ нихъ, можетъ

скрѣпить союзъ ихъ и уничтожить несогласіе между ними. Но да будетъ во всемъ воля боговъ! А между тѣмъ, намъ нужно славно дѣйствовать руками, чтобы сохранить свою жизнь. Пойдемъ, Менасъ.

(Уходятъ.)

СЦЕНА II.

Римъ. Комната въ домѣ Лепида.

Входятъ Энобарбъ и Лепидъ.

Леп. Любезный Энобарбъ! Ты сдѣлаешь прекрасное дѣло, если уговоришь своего вождя разговаривать безъ гнѣва,— учтиво.

Эноб. Я уговорю его отвѣчать, какъ слѣдуетъ ему; если Цезарь раздражитъ его, тогда пусть Антоній покажетъ предъ нимъ свое величіе и заговоритъ громко, точно Марсъ. — Клянусь Юпитеромъ, если бы у меня была борода Антонія, я, право, сегодня не обрилъ бы ея (*).

Леп. Теперь не время для частной вражды.

Эноб. Время, въ которое родилась какая нибудь вещь, всегда прилично этой вещи.

Леп. Но маленькія вещи должны уступать дорогу большимъ.

Эноб. Ну, нѣтъ,—когда маленькая идетъ впереди.

Леп. Въ тебѣ говоритъ страсть. — Прошу тебя, не разгребай горячаго пепла. Вотъ идутъ знаменитый Антоній.

Входятъ Антоній и Вентидій

Эноб. А вотъ и Цезарь.

Входятъ Цезарь, Меценатъ и Агриппа.

Ант. Если мы помиримся здѣсь, то ты отправишься въ Парѳію, Вентидій

Цез. Не знаю, Меценатъ; спроси Агриппу.

Леп. Благородные друзья! Особе неважное дѣло соединило насъ: не допустимъ же того, чтобы маловажныя причины снова раздѣляли насъ! Будемъ снисходительно смотрѣть на прежнія вины. Если мы возобновимъ маловажныя свои несогласія, и станемъ съ жаромъ спорить между собою: то этимъ мы только растравимъ врачуемыя раны. И такъ, благородные друзья мои, прошу васъ, говорите спокойно о самыхъ щекотливыхъ пунктахъ, и пусть вражда не вмѣшивается въ ваше дѣло.

Ант. Хорошо сказано. Клянусь тебѣ, если бы мы были предъ своими арміями и въ войнѣ другъ съ другомъ; — я и тогда исполнилъ бы твой совѣтъ.

Цез. Привѣтствую тебя, Антоній, съ возвращеніемъ въ Римъ.

Ант. Благодарю.

Цез. Прошу-садиться.

Ант. Прошу тебя, Цезарь.

Цез. Ну, такъ....

Ант. Я слышалъ, что ты нехорошо смотришь на нѣкоторыя вещи, которыя не имѣютъ въ себѣ ничего худаго; а если и худы, то не относятся къ тебѣ.

Цез. Я показался бы смѣшнымъ, если бы сталъ оскорбляться ничѣмъ, или какими нибудь пустяками, и сердиться за это, особенно на тебя; еще болѣе я былъ бы смѣшонъ, если бы сталъ безчестить тебя за такое дѣло, которое не относится ко мнѣ.

Ант. А мое пребываніе въ Египтѣ имѣло отношеніе къ тебѣ, Цезарь?

Цез. Не больше, какъ и мое пребываніе здѣсь въ Римѣ къ тебѣ, когда ты былъ въ Египтѣ. Впрочемъ, если бы ты, живя тамъ, нарушилъ спокойствіе моихъ владѣній, — въ такомъ случаѣ, я могъ бы требовать у тебя отчета въ томъ, зачѣмъ ты оставался въ Египтѣ.

Ант. Я нарушилъ спокойствіе?... Что ты хочешь этимъ сказать?

Цез. Тебѣ легко понять мои слова изъ того, что здѣсь случилось со мною. Твоя жена и братъ объявили мнѣ войну, и ты былъ виновникомъ и какъ бы лозунгомъ войны.

Ант. Ошибаешься: мой братъ никогда не вмѣшалъ меня въ свое дѣло. Я узналъ, я слышалъ объ этомъ отъ вѣрныхъ людей, которые за тебя обнажили свои мечи. Скажи лучше, не оскорблялъ ли онъ также и моихъ правъ вмѣстѣ съ твоими? И не велъ ли онъ войну совершенно противъ моей воли, когда у насъ съ тобою общее дѣло? Мои письма изъ Египта удовлетворятъ тебя. Если ты желаешь возобновить вражду, то не прибѣгай, по крайней мѣрѣ, къ такимъ пустымъ предлогамъ, когда не находишь важнаго повода къ ней.

Цез. Ты хвалишь самъ себя и показываешь, будто у меня не достаетъ сужденія; а самъ выдумываешь для себя извиненія.

Ант. Нѣтъ, нѣтъ; я знаю, я увѣренъ, что у тебя была такая мысль, что я, имѣя общее съ тобою дѣло, противъ котораго возсталъ братъ мой, не могу снисходитель-

(*) Т. е. не оказалъ бы никакого уваженія къ Цезарю.

по смотрѣть на эту войну, грозившую и моему собственному спокойствію. Что касается до моей жены, я желалъ бы, чтобы ты нашелъ другую женщину съ ея душой: третья часть свѣта — твоя, и ты управляешь ею по своей волѣ; по тебѣ не справиться бы съ одной такой женой.

Энob. Ахъ, если бы у всѣхъ насъ были такія жены! Тогда мужья пошли бы на войну вмѣстѣ съ ними!

Ант. Такъ ея-то безпокойный духъ, Цезарь, доказывающій только ея раздражительность, которая впрочемъ не имѣла недостатка и въ политической хитрости, — съ горестію признаюсь, надѣлалъ столько безпокойствъ тебѣ; чему, ты самъ согласишься, я не могъ пособить.

Цез. Я писалъ къ тебѣ, когда ты пировалъ въ Александріи; а ты, не читая, складывалъ мои письма въ карманъ, — и посла моего, осыпавши насмѣшками, отпустилъ безъ аудіенціи.

Ант. Послушай,— онъ насильно вошелъ ко мнѣ, безъ всякаго доклада: въ то время я угощалъ трехъ королей, и признаюсь, былъ не въ такомъ состояніи, въ какомъ обыкновенно бываетъ человѣкъ съ утра; но въ слѣдующій день я самъ извинился предъ нимъ, а мнѣ просить у него прощенія слишкомъ много для него. Этотъ человѣкъ не имѣетъ никакого отношенія къ нашей враждѣ, и потому больше не упоминай объ немъ.

Цез. Ты нарушилъ клятву, въ чемъ, конечно, не можешь упрекнуть меня.

Леп. Тише, Цезарь.

Ант. Позволь, Лепидъ; пусть онъ говоритъ. Честь священна для меня; а онъ говоритъ, что у меня нѣтъ чести. — Ну, дальше, Цезарь, какую клятву?...

Цез. Подавать мнѣ защиту и помощь, какъ скоро я потребую ихъ отъ тебя; въ томъ и другомъ ты отказалъ мнѣ.

Ант. Скажи лучше, — оставилъ безъ вниманія, и притомъ въ такіе часы, когда у меня не было даже сознанія. Я соглашусь, пожалуй, сколько могу, разыграть передъ тобою роль кающагося: возданіе должнаго не унизитъ моего величія, и власть моя не согласится дѣйствовать вопреки долгу. Конечно, Фульвія начала здѣсь войну для того, чтобы вытащить меня изъ Египта; но въ этомъ я, невинная причина войны, и прошу извиненія у тебя, сколько позволяетъ мнѣ честь мол.

Леп. Благородно сказано.

Мец. Ахъ, если бы вы прекратили свою вражду! Забудьте совершенно свои несогласія: нынѣшнія обстоятельства требуютъ, чтобы вы помирились между собою.

Леп. Хорошо сказано, Меценатъ.

Энob. Или, сеудите одинъ другаго любовію на нѣсколько времени; а потомъ, когда уже не будетъ и слуху о Помпеѣ, снова возьмите ее назадъ себѣ: для ссоры будетъ время и тогда, какъ нечего будетъ дѣлать.

Ант. Ты, солдатъ, молчи.

Энob. Ахъ, я и забылъ, что истина должна молчать.

Ант. Ты оскорбляешь это собраніе: молчи.

Энob. Пожалуй: я твой мыслящій камень.

Цез. Я согласенъ съ нимъ, — только мнѣ не нравится образъ его рѣчи. Невозможно, чтобы мы сдѣлались друзьями при такомъ различіи своихъ склонностей. Но если бы я зналъ, что есть веревка, которая бы крѣпко соединила насъ, я избѣгалъ бы изъ конца въ конецъ цѣлый свѣтъ, чтобы отыскать ее.

Агр. Позволь мнѣ, Цезарь....

Цез. Говори, Агриппа.

Агр. У тебя есть сестра съ материней стороны, прелестная Октавія; великій Маркъ Антоній теперь вдовецъ.

Цез. Не говори этого, Агриппа. Если бы тебя услышала Клеопатра, она справедливо упрекнула бы тебя въ необдуманности.

Ант. Я не женатъ, Цезарь: позволь, я послушаю Агриппу.

Агр. Чтобы сохранить вамъ вѣчную дружбу, чтобы сдѣлаться братьями и соединить сердца свои неразрывнымъ узломъ, Антоній, женись на Октавіи. Ея красота зоветъ въ супруги ей лучшаго изъ людей; добродѣтелей и прелестей ея нельзя и выразить. Чрезъ этотъ бракъ небольшое соперничество, которое теперь кажется большимъ, и наши опасенія, происходящіе отъ грозящихъ опасностей, обратятся въ ничто; истина сдѣлается сказкою; между тѣмъ, какъ теперь полусказка считается истиною. Любовь Октавіи къ вамъ обоимъ привязывала бы васъ другъ ко другу и вмѣстѣ обоихъ васъ къ ней. Прошу извиненія въ томъ, что я сказалъ: это не минутная мысль; ее давно уже внушило мнѣ чувство долга.

Ант. Что скажетъ Цезарь?

Цез. Я ничего не скажу, пока не узнаю, какъ принялъ Антоній такое предложеніе.

Ант. А какую бы власть имѣлъ Агриппа, если бы я сказалъ ему: «Агриппа, по рукамъ; исполнимъ доброе свое намѣреніе.»

Цез. Власть Цезаря и власть его надъ Октавіею.

Ант. О пусть и во снѣ не приходитъ мнѣ мысль отказаться отъ такого прекраснаго предложенія! Дай мнѣ руку; прочь, эту церемонію благодарности: съ сихъ поръ пусть братская любовь царствуетъ въ нашихъ сердцахъ и управляетъ нашими великими намѣреніями!

Цез. Вотъ моя рука! — Я отдаю тебѣ сестру. Братъ никогда еще не любилъ столь нѣжно свою сестру, какъ я—Октавію. Пусть жизнь ея соединяетъ наши царства и сердца; а ты не улетай никогда отъ нашей любви!

Леп. Слава Богу! Аминь!

Ант. Я не думалъ обнажить свой мечъ противъ Помпея. Недавно онъ оказалъ мнѣ особенную, большую учтивость: по крайней мѣрѣ я долженъ поблагодарить его, чтобы не заслужить упрека въ неблагодарности; а послѣ этого тотчасъ же и вызову его въ битву.

Леп. Время заставляетъ насъ спѣшить: или мы отыщемъ Помпея, или онъ — насъ.

Ант. А гдѣ онъ?

Цез. Близъ горы Мизенума.

Ант. Велико ли сухопутное его войско?

Цез. Велико; и все еще становится больше; а на морѣ онъ совершенный владыка.

Ант. Таковы и слухи. Мнѣ хотѣлось поговорить съ нимъ. Поспѣшимъ-те же: но прежде, чѣмъ надѣнемъ на себя оружіе, окончимъ свое дѣло, о которомъ сейчасъ говорили.

Цез. Съ особеннымъ удовольствіемъ. Я сейчасъ представлю тебя моей сестрѣ.

Ант. Лепидъ, и ты иди съ нами.

Леп. Благородный Антоній! И болѣзнь не удержала бы меня.

(Звукъ трубъ. Цезарь, Антоній и Лепидъ уходятъ.)

Мец. Привѣтствую тебя, Энобарбъ, съ возвращеніемъ изъ Египта.

Эноб. Половина сердца Цезарева, достойный Меценатъ! Почтенный другъ мой Агриппа!

Агр. Любезный Энобарбъ!

Мец. Есть чему порадоваться, что дѣла кончились такъ хорошо. Весело ли ты гостилъ въ Египтѣ?

Эноб. Да: день мы проводили во снѣ, а ночь въ свѣтлыхъ пирахъ.

Мец. Правда ли, что вы готовили для завтраковъ восемь кабановъ и притомъ на двѣнадцать только человѣкъ?

Эноб. Восемь кабановъ? Да это все равно, что муха для орла: у насъ на пирахъ были вещи позамѣчательнѣе.

Мец. Клеопатра — самая очаровательная женщина, если молва объ ней справедлива.

Эноб. При первой встрѣчѣ съ Маркомъ Антоніемъ на рѣкѣ Цидиѣ, она похитила у него сердце.

Агр. Въ самомъ дѣлѣ, она тамъ встрѣтила его; или мой разскащикъ много выдумалъ отъ себя, чтобы описать намъ ее?

Эноб. Я все разскажу вамъ. Галера, на которой она сидѣла, блистала на водѣ, подобно блестящему трону; корма была обита золотомъ; паруса пурпуровые и столь благовонные, что вѣтерки страдали любовію къ нимъ; серебряныя весла при звукѣ флейтъ дружно ударяли въ воду и заставляли ее гнаться за собою, какъ будто она была влюблена въ ихъ удары. Что касается до самой царицы, то ее нельзя и описать: она лежала въ своей палаткѣ, сдѣланной изъ золотыхъ ткапей и ковровъ, превосходя славную Венеру (*), которая доказывала, что воображеніе творитъ лучше природы; по ту и по другую сторону царицы стояли прекрасные мальчики, съ ямками на щекахъ, похожіе на улыбающихся Амуровъ, и держали разноцвѣтныя опахала, вѣяніе которыхъ, казалось, воспламеняло щеки, вмѣсто того, чтобы прохлаждать ихъ, и такимъ образомъ уничтожали свое дѣйствіе.

Агр. О, какая рѣдкость для Антонія!

Эноб. Ея женщины, подобныя нереидамъ или сиренамъ, наблюдали движеніе ея глазъ и съ благоговѣніемъ преклонялись предъ нею. Одна изъ сиренъ правила рулемъ: шолковыя снасти повиновались одному прикосновенію ея ручекъ — нѣжныхъ, какъ цвѣтокъ. Удивительное, невидимое благовоніе распространялось съ галеры по обоимъ берегамъ, на которыхъ толпились всѣ жители города. Антоній одинъ сидѣлъ на тронѣ, поставленномъ среди площади, и

(*) Джонсонъ думаетъ, что здѣсь Шекспиръ разумѣетъ славную Венеру Греческаго живописца, Протогена, о которой упоминаетъ Плиній.

свистя, звалъ къ себѣ воздухъ, который, не страшась пустоты, чрезвычайно сгустился около Клеопатры и чрезъ то образовалъ пустоту въ природѣ.

Агр. О, удивительная Египтянка!

Эноб. Когда она вышла на берегъ, Антоній послалъ пригласить ее къ себѣ на пиръ: она отвѣчала, что ему, какъ гостю, приличнѣе придти къ ней. Нашъ учтивый Антоній, отъ котораго женщина никогда еще не слыхала — *нѣтъ*, десять разъ завивши свои волосы, отправился къ ней на пиръ и, по своему обыкновенію, заплатилъ сердцемъ за то, что ѣли только его глаза.

Агр. Волшебница! Она заставила самаго великаго Цезаря положить на постелю свой мечъ....

Эноб. Я видѣлъ однажды, какъ она прошла сорокъ шаговъ по улицѣ, и такъ утомилась послѣ этого, что хотѣла говорить и не могла перевесть дыханіе; но самый этотъ недостатокъ въ ней — совершенство, и ея безсиліе имѣетъ очаровательную силу.

Мец. Теперь Антоній совсѣмъ оставитъ ее.

Эноб. Никогда этому не бывать. Лѣта не могутъ состарить ее, а привычка — похитить ея безконечное разнообразіе (*).....
.....
.....

Мец. Если красота, умъ, скромность могутъ привлечь сердце Антонія, то Октавія прекрасная партія для него.

Агр. Пойдемте, добрый Энобарбъ. Будь моимъ гостемъ, пока останешься здѣсь.

Эноб. Покорно благодарю, Агриппа.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА III.

Тамъ же. Комната въ домѣ Цезаря.

Входятъ Цезарь, Антоній, Октавія между ними, свита и гадатель.

Ант. Міръ и важная должность, на меня возложенная, вырываютъ меня на нѣкоторое время изъ твоихъ объятій

Окт. Все это время я на колѣнахъ буду молиться о тебѣ.

Ант. Доброй ночи, Цезарь! Октавія, не слушай народныхъ толковъ о моихъ преступленіяхъ: прежде я выходилъ изъ границъ благоразумія; но теперь во всемъ буду слѣдовать ему. — Спокойной ночи, милая.

Окт. И тебѣ тоже.

Цез. Доброй ночи.

(Цезарь и Октавія уходятъ.)

Ант. Ну, такъ ты хочешь въ Египетъ?

Гад. О, если бы я никогда не удалялся оттуда, а ты не вступалъ въ него!

Ант. Если можешь, скажи, почему?

Гад. Я понимаю это своимъ чувствомъ; но не могу сказать. Спѣши въ Египетъ.

Ант. Скажи мнѣ, кто будетъ счастливѣе — Цезарь или я?

Гад. Цезарь. О, Антоній! Не стой близъ него: твой ангелъ-духъ-хранитель благороденъ, мужественъ, высокъ, не имѣетъ подобнаго себѣ; а у Цезаря совсѣмъ не таковъ: подлѣ него твой ангелъ дѣлается робкимъ, какъ бы побѣжденный имъ. И такъ, удаляйся отъ Цезаря.

Ант. Не говори больше объ этомъ.

Гад. Не скажу никому, кромѣ тебя, — никому больше. Знай, что, въ какую бы игру ты ни игралъ съ нимъ, ты всегда проиграешь: у него такое счастіе, что, не смотря на твое превосходство, онъ всегда побѣдитъ тебя; твой блескъ померкнетъ, какъ скоро онъ явится подлѣ тебя. Повторяю: твой ангелъ боится даже управлять тобою подлѣ него; но лишь Цезарь удалится, онъ снова великъ.

Ант. Ступай, скажи Вентидію, что я хочу говорить съ нимъ. *(Гадатель уходитъ)* Онъ отправится въ Парѳію. — Искусство ли это или случай, — но онъ сказалъ правду. Даже игорная кость повинуется Цезарю, и мое искусство блѣднѣетъ при его счастіи; если мы выбираемъ жребій, выигрываетъ онъ; его пѣтухи всегда побѣждаютъ моихъ, когда та и другая стороны равны; его перепелы, сверхъ всякаго чаянія, побиваютъ моихъ. Въ Египетъ! Я заключаю этотъ бракъ только для своего спокойствія; но мое удовольствіе на востокѣ. *(Входитъ Вентидій)* О, поди сюда, Вентидій. Ты отправишься въ Парѳію; твое порученіе готово. Идя за мной и возьми его.

=

(*)..... Other women
Cloy th'appetites they feed; but she makes hungry
Where moi she satisfies. For vilest things
Become themselves in her; that the holy priests
Bless her, when she is riggish.

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Улица.

Входятъ: ЛЕПИДЪ, МЕЦЕНАТЪ и АГРИППА.

Леп. Не безпокойтесь много. Прошу васъ, спѣшите за нашими генералами.

Агр. Только Маркъ Антоній поцѣлуетъ Октавію, мы тотчасъ же и отправимся съ нимъ.

Леп. Прощайте до тѣхъ поръ, когда я увижу васъ въ воинскомъ вооруженіи, которое пристало вамъ обоимъ.

Мец. Я знаю дорогу, и потому мы поспѣемъ на мѣсто прежде тебя, Лепидъ.

Леп. Вашъ путь короче. Мои цѣли заставляютъ меня идти окольною дорогой: вы поспѣете двумя днями прежде меня.

Мец. и *Агр.* Желаемъ тебѣ успѣховъ.

Леп. Прощайте.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА V.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ КЛЕОПАТРА, ХАРМІАНЬ, ИРА и АЛЕКСАСЪ.

Клеоп. Пусть сыграютъ мнѣ какую нибудь пѣсню: музыка — пища для влюбленныхъ.

Слуг. Эй, музыкантъ!

Клеоп. Оставимъ музыку; — станемъ играть въ бильярдъ. Пойдемъ Харміань.

Хар. У меня болитъ рука; сыграй, государыня, съ Мардіаномъ.

Клеоп. Играть съ эвнухомъ все равно что съ женщиною. Пойдемъ; хочешь ли ты играть со мною?

Мард. Сколько могу, государыня.

Клеоп. Если въ Актерѣ видно доброе желаніе, его можно уже извинить, хотя бы онъ и худо сыгралъ. Но я не буду играть теперь. Дайте мнѣ уду. Пойдемъ на рѣку. Тамъ, при отдаленныхъ звукахъ музыки, я буду обманывать золотистую плавающую рыбку: она будетъ схватывать мою удочку; а я вытаскивая ее, при каждой буду думать объ Антоніѣ и говорить: а, а; поймала тебя.

Хар. Ахъ, какъ было весело, когда вы побились съ нимъ объ-заакладъ о рыбной ловлѣ. Помнишь, — твой водолазъ насадилъ соленую рыбу на его уду, а онъ быстро и выдернулъ ее изъ воды.

Клеоп. Ахъ время! Золотое время! Своимъ смѣхомъ я вывела тогда его изъ терпѣнія; впрочемъ ночью онъ ужъ терпѣливо слушалъ мой смѣхъ. Въ слѣдующе утро, еще раньше девяти часовъ, я такъ его упонла, что онъ легъ въ постель; а я надѣла на себя его Филиппинскій мечь. Ахъ! Изъ Италіи! *(Входитъ вѣстникъ.)* Изцѣли своими радостными вѣстями мой слухъ, ослабѣвшій отъ того, что я долго не получала извѣстій отъ Антонія.

Вѣст. Государыня, государыня!.....

Клеоп. Антоній умеръ? — Несчастный! Ты убьешь свою государыню, если принесъ такую весть. Скажи, — онъ счастливъ и свободенъ, — и вотъ тебѣ золото, и вотъ тебѣ для поцѣлуя моя рука, которую цари съ трепетомъ прижимали къ своимъ устамъ.

Вѣст. Государыня, онъ счастливъ.

Клеоп. Золота сюда, золота! Но замѣть: мы говоримъ, что и мертвой счастливъ. Если у тебя такая мысль, то золото назначенное тебѣ, я растоплю и волью въ твои зловѣщія уста.

Вѣст. Государыня! Выслушай меня.

Клеоп. Говори, я буду слушать; но на лицѣ твоемъ нѣтъ ничего хорошаго. Если Антоній здоровъ и счастливъ, то зачѣмъ такія сладкія и радостныя вѣсти объявляетъ мнѣ твое печальное лице! Если же онъ не здоровъ, то ты долженъ бы явиться не въ видѣ мущины, а въ видѣ фуріи, увѣнчанной змѣями.

Вѣст. Угодно ли тебѣ, государыня, выслушать меня?

Клеоп. Ахъ! Я хотѣла бы убить тебя прежде, чѣмъ начнешь говорить. Скажи — Антоній живъ, здоровъ, другъ Цезарю, не въ плѣну у него, и я какъ градомъ, осыплю тебя золотомъ и драгоцѣнными перлами.

Вѣст. Онъ счастливъ.

Клеоп. Хорошо.

Вѣст. И другъ Цезарю.

Клеоп. Ты честный человѣкъ.

Вѣст. Цезарь и онъ теперь дружнѣе, чѣмъ прежде.

Клеоп. Проси себѣ счастія.

Вѣст. Но, государыня....

Клеоп. Мнѣ не нравится твое — *но!* оно уничтожаетъ все, что ты сказалъ хорошаго; оставь его. *Но* — это темничный стражъ, который выводитъ изъ темницы чудовищнаго злодѣя. Но разсказывай ужъ мнѣ и худыя и хорошія вѣсти. Ты говорилъ: — онъ другъ Цезарю, здоровъ; говоришь также: свободенъ.

Вѣст. Свободенъ, государыня! Нѣтъ; я не сказалъ, что Антоній свободенъ: онъ связанъ съ Октавіею.

Клеоп. Чѣмъ?

Вѣст. Бракомъ.

Клеоп. Я блѣднѣю, Харміань.

Вѣст. Государыня! Онъ женился на Октавіи.

Клеоп. Да поразитъ тебя громъ небесный!

(Ударяетъ его и онъ падаетъ.)

Вѣст. Государыня! Успокойся

Клеоп. Что ты говоришь? — Вонъ отсюда *(снова ударяетъ его)* ужасное существо! Я вырву твои глаза; не оставлю волоса на головѣ твоей. *(Таскаетъ его за волосы)* Я прикажу наказать тебя проволоками; я задушу тебя въ щолокѣ, истомивши въ медленныхъ мученіяхъ.

Вѣст. Государыня! Я принесъ вѣсть, а не я заключилъ бракъ.

Клеоп. Скажи: нѣтъ, — и я дамъ тебѣ цѣлую область; я награжу тебя огромнымъ счастіемъ. — Прощу тебя и за то, что ты раздражилъ меня. Проси, что угодно, — и я дамъ тебѣ.

Вѣст. Онъ женился, государыня.

Клеоп. О! Ты жилъ слишкомъ долго.

(Обнажаетъ кинжалъ.)

Вѣст. Такъ я убѣгу: — чего ты хочешь государыня? Я не сдѣлалъ никакого преступленія.

(Уходитъ)

Хар. Государыня! Опомнись: онъ не виноватъ.

Клеоп. Такіе невинные не избѣгнутъ громовой стрѣлы. О, если бы Египетъ обрушился въ Нилъ, и кроткія существа обратились въ змѣй! Позови назадъ невольника: я не сдѣлаю ему никакого зла, хоть ужасно раздражена. Позови его.

Хар. Онъ боится придти.

Клеоп. Я не сдѣлаю ему никакого вреда. Мои руки обезчещены уже и тѣмъ, что я била безъ всякой причины такое ничтожное въ сравненіи со мною существо. Войди! *(Вѣстникъ снова входитъ)* Благородно, но часто опасно приносить худыя вѣсти. Дайте вѣстнику тысячи языковъ для пріятныхъ извѣстій: только худыя вѣсти пусть высказываютъ сами себя какими нибудь движеніями тѣла.

Вѣст. Я исполнилъ свой долгъ.

Клеоп. Онъ женился? Знай, что невозможно ненавидѣть больше того, сколько я буду ненавидѣть тебя, если ты повторишь — *да.*

Вѣст. Онъ женился, государыня.

Клеоп. Да поразятъ тебя боги! Ты говоришь все то же.

Вѣст. Неужели же мнѣ лгать, государыня?

Клеоп. О если бы ты лгалъ! Да погибнетъ въ потопѣ полъ-Египта и сдѣлается жилищемъ аспидовъ! Дальше! Если бы ты имѣлъ красоту Нарциса, и тогда бы казался мнѣ отвратителенъ. Онъ женился?

Вѣст. Прости меня, государыня.

Клеоп. Женился?

Вѣст. Не оскорбляйся, государыня: я не хотѣлъ говорить тебѣ непріятнаго. Наказывать меня за то, что ты сама приказала мнѣ, несправедливо. Онъ женился на Октавіи.

Клеоп. О, если бы его преступленіе сдѣлало изъ тебя лжеца! Но увѣренъ ли ты въ справедливости своего извѣстія? Прочь отъ меня! Товары, привезенные тобою изъ Рима, очень нравятся мнѣ: пусть они останутся въ твоихъ рукахъ и погубятъ тебя!

(Вѣстникъ уходитъ.)

Харм. Добрая государыня, успокойся.

Клеоп. Я хвалила Антонія и хулила Цезаря.

Харм. Очень часто, государыня.

Клеоп. И вотъ мнѣ плата за это! Уведи меня отсюда: о Ира, Харміань, — я умираю... Но что нужды?.. Добрый Алексасъ, сходи къ вѣстнику; попроси его разказать черты лица Октавіи, ея ушн, склонности; пусть онъ не оставитъ безъ вниманія и цвѣта ея волосъ. Скорѣй же приди мнѣ разсказать. *(Алексасъ уходитъ)*. Пусть онъ уйдетъ на всегда... О, нѣтъ!.. Харміань... Хотя бы онъ съ одной стороны походилъ на Горгона, а съ другой былъ Марсъ... Скажи, чтобы Алексасъ пришелъ ко мнѣ, *(къ Мардіану)* и сказалъ, какъ она высока ростомъ. Пожалѣй обо мнѣ, Харміань,... но не говори... Уведи меня въ мою комнату.

(Уходятъ).

СЦЕНА VI.

Близъ Мизенума.

Съ одной стороны входятъ Помпей и Менасъ, при звукѣ трубъ и литавръ; съ другой — цезарь, Лепидъ, Антоній, Энобарбъ, Меценатъ, съ маршрующими солдатами.

Пом. Теперь, когда у меня — ваши заложники, а у васъ — мои, мы поговоримъ прежде битвы.

Цез. Очень благоразумно, что мы вздумали сначала договариваться: съ этою-то цѣлію мы и послали тебѣ свои предложенія.

Если ты уже разсудилъ объ нихъ, то позволь намъ узнать, вложишь ли ты въ ножны свои мечь и отведешь ли назадъ въ Сицилію храброе юношество, которое иначе должно погибнуть здѣсь.

Пом. Говорю вамъ откровенно, правители міра, главные представители боговъ: я понимаю, отчего не должно быть мстителей у моего отца, когда у него и есть сынъ, Это же заставило и меня снарядить флотъ, подъ тяжестію котораго пѣнится ярящійся океанъ. При помощи его, я думалъ наказать не благодарность, оказанную коварнымъ Римомъ моему знаменитому Отцу.

Цез. Ожидай болѣе удобнаго времени.

Ант. Тебѣ не испугать насъ своими парусами: на морѣ мы сравняемся съ тобой; а на сушѣ, ты самъ знаешь, сколько мы сильнѣе тебя.

Пом. На сушѣ, въ самомъ дѣлѣ, ты сильнѣе меня, и отнялъ у меня даже домъ моего отца: но такъ-какъ кукушка не строитъ сама для себя гнѣзда, то и оставайся въ немъ, пока можешь.

Леп. Скажи лучше намъ, какъ ты принимаешь предложенія, посланныя къ тебѣ.

Цез. Въ этомъ все и дѣло.

Ант. Мы не станемъ умолять тебя: самъ взвѣсь и скажи, что ты можешь принять.

Цез. Подумай также и о томъ, что можетъ случиться, если ты еще станешь искушать свое счастіе.

Пом. Вы мнѣ предлагаете Сицилію, и Сардинію, и требуете, чтобы я очистилъ отъ Пиратовъ всѣ моря; кромѣ того послалъ хлѣба въ Римъ. Принявши такія условія, я долженъ воротиться домой, не иззубривши острія мечей и не имѣя никакого знака войны на своихъ щитахъ.

Цез. Ант. и *Леп.* Таковы наши предложенія.

Пом. Знайте же, – я пришелъ сюда съ намѣреніемъ принять ихъ. Но мнѣ хочется сказать теперь нѣсколько словъ Марку Антонію, хотя чрезъ это и потеряетъ цѣну мое благодѣяніе. Знай, Антоній, что во время войны Цезаря съ твоими братьями, мать твоя прибыла въ Сицилію и нашла тамъ дружескій пріемъ.

Ант. Я слышалъ объ этомъ, Помпей, и старался отдать тебѣ полную благодарность, какою обязанъ тебѣ.

Пом. Дай мнѣ свою руку: я не думалъ встрѣтиться съ тобою здѣсь.

Ант. Постели на востокѣ мягки, — и я очень благодаренъ вамъ за то, что вы вызвали меня оттуда прежде, чѣмъ я самъ вздумалъ: я въ выигрышѣ отъ этого.

Цез. Ты перемѣнился съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ тебя въ послѣдній разъ.

Пом. Ну — я не знаю, какія числа жестокая судьба отпечатлѣла на моемъ лицѣ; знаю только, что она никогда не проникнетъ въ мою грудь и не сдѣлаетъ подлымъ моего сердца.

Леп. Я радъ встрѣчѣ съ тобою.

Пом. Надѣюсь, Лепидъ. — И такъ, мы помирились. Мнѣ хочется, чтобы нашъ договоръ былъ написанъ и утвержденъ нами.

Цез. Сейчасъ сдѣлаемъ.

Пом. Но прежде, чѣмъ разстанемся, попируемъ другъ у друга, и теперь же бросимъ жеребій, съ кого начать.

Ант. Я начну, Помпей.

Пом. Нѣтъ, Антоній; вынь жеребей: первый ли онъ будетъ, или послѣдній, — во всякомъ случаѣ твое утонченное Египетское поварное искуство прославится здѣсь. Я слышалъ, что даже Юлій Цезарь потолстѣлъ тамъ отъ пировъ.

Ант. Ты слышалъ много лишняго.

Пом. Повѣрь, — у меня ничего нѣтъ худаго въ мысляхъ.

Ант. Какъ и въ словахъ.

Пом. Еще я слышалъ,—Аполлодоръ пронесъ....

Эноб. Не продолжай: точно такъ было.

Пом. Что такое? Объяснись, сдѣлай одолженіе.

Эноб. Пронесъ въ перинахъ извѣстную царицу къ Цезарю.

Пом. А! Понимаю, чего ты хочешь! — Каково ты, воинъ, поживаешь?

Эноб. Хорошо, и впереди не вижу ничего, кромѣ хорошаго; надѣюсь быть на четырехъ пирахъ.

Пом. Дай мнѣ руку: я никогда не былъ твоимъ врагомъ; а, смотря на тебя въ битвахъ, я завидовалъ тебѣ.

Эноб. Помпей! Я никогда не любилъ тебя; но я всегда хвалилъ тебя, когда ты заслуживалъ въ десять разъ больше моихъ похвалъ.

Пом. Храни этотъ открытый характеръ: онъ, право, очень идетъ къ тебѣ. Приглашаю васъ, господа, на мой корабль. Не угодно ли идти впередъ?

Цез. Ант. и *Леп.* Покажи намъ дорогу.

Пом. Пойдемъ-те.

помпей, цезарь, антоній, лепидъ, солдаты и свита уходятъ.

Мен. (Про себя) Помпей! Твой отецъ никогда бы не заключилъ такого договора. *(Вслухъ)* Я знакомъ съ тобой, сударь.

Эноб. Вѣрно, мы познакомились на морѣ?

Мен. Точно такъ, сударь.

Эноб. Вы славно дѣйствовали на водѣ.

Мен. А вы на сушѣ.

Эноб. Я согласенъ хвалить того, кто хвалитъ меня: кончено, нельзя отвергать моихъ подвиговъ на сушѣ.

Мен. И моихъ на морѣ.

Эноб. Да; а все-таки васъ можно упрекнуть кое въ чемъ: вы были настоящими грабителями на морѣ.

Мен. А вы на сушѣ.

Эноб. Нѣтъ; я въ этомъ не виноватъ. Но дай мнѣ руку, Менасъ. Наши глаза, если бы только могли, увидѣли бы здѣсь двухъ-грабителей, которые цѣлуются другъ съ другомъ.

Мен. Чтобы ни дѣлали руки мужчинъ,— на лицахъ ихъ всегда написана вѣрность.

Эноб. А у женщинъ не такъ: на лицѣ каждой хорошенькой женщины написана измѣна.

Мен. Совершенная правда: онѣ воруютъ сердца.

Эноб. Мы пріѣхали сюда, чтобы воевать съ вами.

Мен. Я жалѣю, что дѣло кончилось пирами. Помпей смѣхомъ своимъ прогналъ отъ себя счастіе.

Эноб. А теперь ужъ не воротитъ его слезами.

Мен. Мы не ждали сюда Марка Антонія: скажи, — онъ женился на Клеопатрѣ?

Эноб. Сестру Цезаря зовутъ — Октавія?

Мен. Правда: она жена Кайя Марцелла.

Эноб. А теперь жена Марка Антонія.

Мен. Право?

Эноб. Ну, да.

Мен. Такъ — онъ и Цезарь соединились навѣки.

Эноб. Если бы мнѣ приказано было предсказать судьбу ихъ связи, то я не сталъ бы соворить, какъ ты.

Мен. Я думаю, при этомъ бракѣ болѣе дѣйствовала политика, чѣмъ любовь.

Эноб. И я то же думаю. Видишь ли, въ чемъ дѣло: союзъ, который, по видимому, долженъ скрѣпить ихъ дружбу, будетъ главнымъ поводомъ къ ея разрыву. Октавія благочестива, холодна и скромна.

Мен. Такъ кто жъ не захочетъ имѣть ее женою?

Эноб. Кто самъ не таковъ, т. е. Маркъ Антоній. Онъ снова хочетъ ѣхать къ своей Египтянкѣ: тогда вздохи Октавіи раздуютъ огонь въ Цезарѣ, и, какъ я прежде сказалъ, то, что связываетъ ихъ, будетъ главною причиною разрыва. Антоній улетитъ туда, гдѣ живетъ его любовь: здѣсь женился онъ по случаю.

Мен. Дѣйствительно такъ. Ну, сударь, не угодно ли тебѣ на корабль? У меня готовъ кубокъ для тебя.

Эноб. Я его выпью, сударь. Мы пріучили себя къ вину въ Египтѣ.

Мен. Ну, пойдемъ.

(Уходитъ.)

=

СЦЕНА VII.

Палуба Помпеевой галеры, близъ Мизенума.

Музыка. Два или три служителя вносятъ столъ для пира.

Пер. слуга. Сейчасъ они будутъ сюда. Нѣкоторые изъ этихъ деревъ уже худо держатся на корняхъ (*); самый легонькій вѣтерокъ уронитъ ихъ.

Вт. сл. Лепидъ очень раскраснѣлся.

Пер. сл. Они заставили его выпить круговую чашу.

Вт. сл. Когда они принуждали одинъ другаго тѣмъ, что такъ слѣдуетъ по порядку, онъ кричалъ: *не хочу больше*, и уговаривалъ ихъ не подносить ему больше, а самаго себя — выпить.

Пер. сл. Между нимъ и его благоразуміемъ поднялась ужасная война.

Вт. сл. Да; вотъ что значитъ быть въ обществѣ великихъ людей! Я столь же охотно согласился бы держать ни къ чему негодный для меня тростникъ, и начальническій жезлъ, котораго не могу поднять.

Пер. сл. Кто поднимается на высокую степень достоинства и ничего не дѣлаетъ, тотъ похожъ на дыры, въ которыхъ должны быть глаза: онѣ только портятъ лице, если въ нихъ нѣтъ глазъ.

(*) Some o'their plants are ill — rooted already. — Здѣсь игра словъ; plant значитъ растеніе, а также подошва ноги, и нога.

Звукъ роговъ. Входятъ цезарь, антоній, помпей, лепидъ, агриппа, меценатъ, энобарбъ, менасъ и другіе начальники.

Ант. (*къ Цезарю*). Вотъ какъ они дѣлаютъ, Цезарь: по ступенькамъ въ пирамидѣ они замѣчаютъ разлитіе Нила; и по высокому, низкому, или средственному разлитію его, угадываютъ, что будетъ — безплодіе, или изобиліе. Чѣмъ больше разлитіе Нила, тѣмъ больше надеждъ на урожай. Когда Нилъ начнетъ сбывать, земледѣлецъ свѣтъ свои сѣмена въ илъ и болото, и жатва скоро поспѣваетъ.

Леп. У васъ тамъ есть удивительныя змѣи.

Ант. Да, Лепидъ.

Леп. И змѣи Египедскія родятся также изъ илу посредствомъ солнца,—и крокодилъ тоже?

Ант. Да.

Пом. Садись... вина! Здоровье Лепида!

Леп. Я не совсѣмъ здоровъ, но не откажусь.

Энноб. Да, — ты не будешь отказываться, пока не уснешь; я боюсь, чтобы ты не утонулъ въ винѣ.

Леп. Я слышалъ, что Птоломеевы пирамиды очень замѣчательны; безъ шутокъ, я слышалъ.

Мен. Помпей! Одно слово. (*Тихо.*)

Пом. Говори на ухо: что такое?

Мен. Встань, прошу тебя, и выслушай одно слово.

Пом. Оставь меня теперь. Этотъ кубокъ для Лепида.

Леп. А что за вещь — вашъ крокодилъ?

Ант. Онъ имѣетъ фигуру похожую на крокодила: ширина его обыкновенная, какую имѣетъ крокодилъ,—высота тоже; движется собственными своими членами; живетъ тѣмъ, чѣмъ питается, и элементы, вышедши изъ него, переходятъ въ другія тѣла.

Леп. Какого онъ цвѣта?

Ант. Своего цвѣта.

Леп. Это удивительная змѣя.

Ант. Точно такъ; и слезы у него водянистыя.

Цез. Удовлетворитъ ли его такое описаніе?

Ант. При помощи кубка, который подаетъ ему Помпей; да онъ — настоящій Эпикуреецъ.

Пом. (*Тихо Менасу.*) Поди прочь, — удались отъ меня. Объ этомъ говоришь мнѣ? Прочь! Дѣлай, что приказываю. Гдѣ чаша, которую я спрашивалъ?

Мен. (*Тихо.*) Ради заслугъ моихъ, встань и выслушай меня.

Пом. Ты, кажется, сошелъ съ ума. Въ чемъ дѣло?

(Встаетъ и они уходятъ въ сторону.)

Мен. Я всегда заботился о твоемъ счастіи.

Пом. Ты служилъ мнѣ вѣрно. Что еще ты хочешь сказать? Веселитесь, господа!

Ант. Здѣсь песокъ, Лепидъ; иди осторожнѣе, иначе упадешь.

Мен. Хочешь ли ты быть владыкою всего свѣта?

Пом. Что ты говоришь?

Мен. Хочешь ли ты быть государемъ всего свѣта?

Пом. Какъ такъ?

Мен. Согласись на мое предложеніе, — и я подарю тебѣ цѣлый свѣтъ — я, котораго ты считаешь бѣднякомъ.

Пом. Или ты перепилъ?

Мен. Нѣтъ, Помпей; я не пилъ вина. Будь смѣлъ, — и ты сдѣлаешься земнымъ Юпитеромъ. Всѣ области, какія окружаетъ океанъ, и вся земля, которую покрываетъ сводъ небесный — твои, если ты захочешь имѣть ихъ.

Пом. Скажи — какъ?

Мен. Три обладателя свѣта, твои три соперника — на твоемъ кораблѣ. Позволь мнѣ отрѣзать якорь. Какъ скоро мы опредѣлимъ пасть ихъ головамъ, тогда все — твое.

Пом. Ахъ, если бъ ты исполнилъ свое намѣреніе, а не говорилъ объ немъ мнѣ! Такой поступокъ во мнѣ будетъ низостью, въ тебѣ былъ бы важною услугой. Знай, — у меня не польза управляетъ честью, а честь — пользою. Пожалѣй о томъ, что языкъ твой измѣнилъ твоему дѣлу. Сдѣлай ты это тайно, я наградилъ бы тебя за такое дѣло; а теперь долженъ осудить его. Оставь его и пей.

Мен. (*Въ сторону.*) Такъ съ сихъ поръ я не хочу полагаться на твое разрушающееся счастіе. Кто ищетъ счастія и не береть его, когда находитъ, тотъ никогда и не найдетъ его.

Пом. Этотъ стаканъ Лепиду.

Ант. Отнесите его на берегъ. — Помпей! Я беру стаканъ, вмѣсто его, на прощанье.

Энноб. Менасъ, вотъ тебѣ.

Мен. Выпью съ удовольствіемъ, Эпобарбъ.

Пом. Наполните же до самыхъ краевъ.

Эноб. Вотъ сильный-то человѣкъ, Менасъ.

(Указываетъ на слугу, который тащитъ Лепида.)

Мен. Почему?

Эноб. Видишь ли, — онъ тащитъ третью часть свѣта?

Мен. Третья часть свѣта напилась: а напейтесь — всѣ, тогда весь міръ пошелъ бы кругомъ!

Эноб. Ну, пей и ты, и кружись съ другими.

Мен. Ну же, смѣлѣе!

Пом. Однако такой пиръ — не то, что пиръ въ Александріи.

Ант. Походитъ на тѣ пиры. Ударимся чашами... Кубокъ Цезарю.

Цез. Я съ удовольствіемъ отказался бы отъ него. Мнѣ бываетъ ужасно тяжело, когда я наполню свою голову винными парами.

Ант. Примѣняйся ко времени.

Цез. Ну, пейте же: я съ вами. Но, клянусь вамъ, я лучше согласился бы поститься четыре дня, нежели такъ много выпить за-разъ.

Эноб. А, мой славный повелитель! (*Къ Антонію.*) Не проплясать ли намъ теперь Египетскихъ вакханалій во славу нашего пира

Пом. Дѣло, храбрый воинъ.

Ант. Ну, схватимся же руками, пока еще побѣдоносное вино не утопило нашихъ чувствъ въ мягкой и пріятной Летѣ.

Эноб. Схватимся руками. Пусть слухъ нашъ оглушится громкими звуками музыки. Я разставлю васъ по мѣстамъ. Этотъ молодецъ пусть начинаетъ пѣсню; а мы хоромъ будемъ оканчивать. Пѣть во все горло. (Играетъ музыка. Эпобарбъ разставляетъ ихъ по мѣстамъ; всѣ они схватываются руками.)

ПѢСНЯ.

Гей! Сюда, вина, монархъ!
Красноглазый, пухлый Вакхъ!
Грусть, друзья, виномъ зальемъ,
Грозды въ кудри заплетемъ.
Пусть весь міръ пойдетъ кругомъ!
Пусть весь міръ пойдетъ кругомъ!

Цез. Что вы еще хотите сдѣлать? Помпей, спокойной ночи! Любезный братъ, прошу тебя вмѣстѣ съ собою: наше высокое званіе морщится, смотря на такія шалости. Господа, позвольте намъ отправиться; видите, — у насъ уже разгорѣлись щеки, даже сильный Эпобарбъ слабѣе вина, а мой языкъ едва ворочается. Ужасное опьянѣніе почти всѣхъ насъ сдѣлало смѣшными. Но къ чему еще говорить? Любезный, любезный Антоній — руку.

Пом. Я попытаюсь помочь вамъ выйдти на берегъ.

Ант. И долженъ. Давай руку.

Пом. О, Антоній — домъ моего отца... Но что нужды? Мы друзья. Ну, спускайтесь въ лодку.

Эноб. Осторожнѣе, не упадите.

(Помпей, Цезарь, Антоній и свита уходятъ.)

Менасъ, я не хочу на берегъ.

Мен. Ну, такъ въ каюту. — Эй, трубы, барабаны, флейты! Эй!— пусть самъ Нептунъ услышитъ наше прощаніе съ великими людьми. Громче, плуты, сильнѣе!

(Звукъ трубъ и барабановъ.)

Эноб. Ура! Кричи — ура! — Тамъ моя шапка.

Мен. Ура! — Ну, мой другъ, пойдемъ.

(Уходятъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

СЦЕНА I.

Равнина въ Сиріи.

Входятъ съ тріумфомъ Вентидій, Силій, офицеры, солдаты. Впереди несутъ тѣло убитаго Пакора.

Вент. Наконецъ, вотъ и вы, смѣлые Парѳяне, поражены нашимъ оружіемъ: Фортунѣ угодно было избрать меня мстителемъ смерти Красса.—Пусть впереди нашей арміи несутъ тѣло убитаго царевича. Ородъ заплатилъ намъ за Марка Красса своимъ возлюбленнымъ сыномъ Пакоромъ.

Силій. Благородный Вентидій, пока еще мечъ твой дымится кровію Парѳянъ, преслѣдуй и тѣхъ изъ нихъ, которые спаслись

отъ тебя бѣгствомъ: пройди съ оружіемъ въ рукахъ Мидію, Мессопотамію и всѣ мѣста, куда разбѣжались пораженные наши противники. Тогда твой главнокомандующій, Антоній, самъ посадитъ тебя на тріумфальную колесницу, и главу твою увѣнчаетъ гирляндами.

Вент. Ахъ, Силій, Силій! Довольно для меня и этого. Замѣть, что подчиненный можетъ иногда совершить уже слишкомъ блистательное дѣло къ собственному своему вреду: въ отсутствіе главнокомандующаго лучше оставлять дѣло нѣсколько недоконченнымъ, нежели добиваться полнаго успѣха, — что называется — на славу. Цезарь и Антоній любятъ выиграть не столько сами собой, сколько трудами своихъ офицеровъ. Вспомни Соссія, подобнаго мнѣ вождя въ Сиріи: какъ этотъ несчастный лейтенантъ Антонія навсегда утратилъ благосклонность своего генерала за то только, что слишкомъ быстро началъ прославляться своими побѣдами. Кто на войнѣ успѣваетъ больше своего начальника, тотъ становится уже какъ-бы начальникомъ надъ своимъ начальникомъ, — и честолюбіе, господствующая страсть военныхъ людей, заставляетъ главнокомандующаго предпочитать уронъ побѣдѣ, которая бы могла помрачить его собственную славу. Я могъ бы сдѣлать и больше въ пользу Антонія: но этимъ я оскорбилъ бы его, — и заслуга моя въ его глазахъ потеряла бы всю свою цѣну.

Сил. Вентидій, ты имѣешь такія качества, безъ которыхъ воина едва ли можно отличить отъ безсмысленнаго меча. Будешь писать къ Антонію?

Вент. Да; въ скромныхъ выраженіяхъ я опишу ему все, что совершили мы во имя своего генерала, — это магическое слово въ дѣлѣ брани. Скажу, какъ отъ его знаменъ, отъ его благоустроенныхъ войскъ побѣжали съ поля битвы дотолѣ непобѣдимые враги наши, Парѳяне.

Сил. Гдѣ онъ теперь.

Вент. Онъ намѣревался быть въ Аѳинахъ. Туда поспѣшимъ мы — какъ можноскорѣе, и явимся къ нему со всѣми своими добычами. — Ступай впередъ!

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА II.

Римъ. Передняя въ домѣ Цезаря.

Агриппа и Эноварбъ встрѣчаются другъ съ другомъ.

Агр. Что, какъ разстались братья?

Эноб. Покончили дѣла съ Помпеемъ, и снарядили его, куда слѣдуетъ: теперь всѣ трое заняты скрѣпленіемъ договоровъ. Октавія плачетъ, покидая Римъ. Цезарь печаленъ, а Лепида, послѣ пирушки у Помпея, захватила какая-то нелегкая немочь, если вѣрить Менасу.

Агр. А Лепидъ, право, любезный человѣкъ.

Эноб. Прекраснѣйшій человѣкъ! О какъ онъ любитъ Цезаря!

Агр. Какъ обожаетъ Антонія!

Эноб. Цезарь для него настоящій Юпитеръ между людьми.

Агр. Такъ Антоній-то что же будетъ? Богъ самаго твоего Юпитера?

Эноб. То есть, Цезаря-то? Какъ? Этого безподобнаго существа!

Агр. О, Антоній! Арабская пташечка!

Эноб. А если будешь хвалить Цезаря, такъ только скажи — *Цезарь*, — и больше ничего ненужно.

Агр. Въ самомъ дѣлѣ, того и другаго онъ превозноситъ самыми блестящими похвалами.

Эноб. Но Цезаря онъ любитъ больше, хотя,—что говорить не можетъ не любить и Антонія. Сердцемъ не почувствовать, языкомъ не высказать, рѣзцомъ не начертить, писателюне описать, барду не воспѣть, поэту не изобразить, какъ слѣдуетъ, любви его къ Антонію. А предъ Цезаремъ онъ падетъ на колѣна, падетъ и исчезнетъ въ благоговѣніи.

Агр. Да, онъ любитъ обоихъ.

Эноб. Онъ кружится около нихъ, какъ ночная бабочка вокругъ лучезарныхъ свѣтильниковъ. (*Звукъ трубъ*) Слышишь? Сигналъ! Скорѣе на лошадей! — Прощай, любезный Агриппа.

Агр. Счастливо, добрый воинъ; прощай!

Входятъ Цезарь, Антоній, Лепидъ и Октавія.

Ант. Остановимся здѣсь, Цезарь; не пойдемъ дальше.

Цез. Такъ, Антоній, ты отнимаешь у меня драгоцѣннѣйшую часть меня самаго: поступай съ Октавіей такъ, какъ бы ты сталъ со мной поступать. Сестра моя, будь достойною супругой, какъ я всегда былъ увѣренъ въ тебѣ. Мой дорогой зять, бере-

гись, чтобы это сокровище добродѣтели, которое отселѣ положится между нами, какъ прочная связь нашей взаимной любви, не вышло разрушительнымъ орудіемъ и для той дружбы, какую мы прежде питали другъ къ другу: въ такомъ случаѣ лучше намъ было бы остаться въ прежнихъ отношеніяхъ и не придумывать повода къ взаимной ненависти, подъ предлогомъ союза, котораго поддерживать не намѣрены.

Ант. Прошу не обидить меня своею недовѣрчивостію.

Цез. Хорошо.

Ант. При всѣхъ своихъ стараніяхъ ты не найдешь ни малѣйшей причины бояться невѣрности со стороны Антонія. Боги да сохранятъ тебя подъ своею защитой, и да расположатъ сердца Римлянъ въ пользу твоихъ намѣреній. Разстанемся.

Цез. Прощай, моя милая сестра, будь счастлива съ Антоніемъ. Стихіи міра да хранятъ твое здоровье, и изліютъ на тебя въ обиліи всѣ радости жизни. Съ Богомъ!

Окт. О, мой безцѣнный братецъ!

Ант. Апрѣль красуется въ ея глазахъ: это самая весна любви, и капли теплаго дождика падаютъ съ ея рѣсницъ. — Утѣшься, моя милая.

Окт. Поручаю тебѣ, братецъ, домъ моего супруга и....

Цез. Что, Октавія?

Окт. Я скажу тебѣ на ушко.

Ант. Языкъ измѣнлетъ сильнымъ волненіямъ ея сердца, и сердце не можетъ совладѣть съ языкомъ. Между двумя различными склонностями, она колеблется, какъ лебедь посреди зыбкихъ волнъ, не опрокидываясь ни на ту, ни на другую сторону.

Эноб. (*Агриппѣ на ухо*) Не плачетъ ли Цезарь?

Агр. Лице его подернулось какимъ-то туманомъ.

Эноб. Будь онъ моей лошадью, — и тогда бы изъ-за этого онъ потерялъ въ глазахъ моихъ всю цѣну (*). А онъ еще такой великій мужъ, и — плачетъ.

Агр. Какъ такъ, Энобарбъ? Антоній испускалъ отчаянные вопли, когда увидѣлъ убитаго Юлія Цезаря; онъ же плакалъ и при Филиппахъ надъ тѣломъ Брута.

Эноб. Знать, въ этомъ году у него былъ сильный насморкъ: иначе, какъ могъ бы онъ плакать о томъ, котораго самъ же довелъ до бѣдственной участи. Вѣрь слезамъ тогда, какъ я заплачу.

Цез. Не безпокойся, милая Октавія: я буду постоянно навѣщать тебя своими письмами; время не изгладитъ во мнѣ памяти о любезной сестрѣ моей.

Ант. Съ Богомъ, братъ, съ Богомъ: я поспорю съ тобой въ нѣжности любви къ Октавіи. Еще разъ обнимаю тебя и оставляю здѣсь подъ защитою боговъ.

Цез. Прощай; будь счастливъ.

Леп. Всѣ звѣзды небесныя да освѣщаютъ вамъ пріятный путь?

Цез. Прощай, прощай! (Цѣлуетъ Октавію.)

Ант. Прощай!

(Уходятъ при звукахъ музыки.)

СЦЕНА III.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входитъ клеопатра, харміань, ира и алексасъ.

Клеоп. Гдѣ тотъ вѣстникъ?

Алек. Онъ теперь боится и показываться сюда.

Клеоп. Ничего, ничего; пусть придетъ. (*Входитъ вѣстникъ*) Подойди ко мнѣ, молодецъ.

Вѣст. Великая государыня! Иродъ Іудейскій тогда только осмѣливается взглянуть на тебя, когда ты бываешь въ веселомъ расположеніи духа.

Клеоп. Мнѣ хочется видѣть у ногъ своихъ главу этого Ирода; но, ахъ! послѣ того, какъ Антоній уѣхалъ отъ меня, чрезъ кого я могу достать ее? — Подойди сюда поближе.

Вѣст. Прекрасная моя повелительница!...

Клеоп. Видалъ ты Октавію!

Вѣст. Видалъ, государыня.

Клеоп. Гдѣ?

Вѣст. Въ Римѣ я проходилъ вплоть подлѣ нея, и долго смотрѣлъ, какъ вели ее братъ и Антоній.

Клеоп. Такой ли у ней ростъ, какъ и у меня?

Вѣст. О, нѣтъ; государыня; она гораздо ниже.

Клеоп. Слыхалъ ли ты, какъ она говоритъ? Тоненькимъ голосомъ, или грубымъ?

Вѣст. Да; мнѣ случилось, государыня

(*) Когда у лошади глаза помутятся и истекаютъ слезами, это принимается за предвѣстіе, что она скоро осѣлнѣетъ.

слышать и рѣчь ея: она говоритъ какъ-то глухо.

Клеоп. Стало быть, не совсѣмъ хорошо. — О, Антоній не можетъ любить ее долго.

Харм. Любить ее? Кляпусь Изидой, это невозможно.

Клеоп. Я также думаю, Харміань. — Низенькаго росту, да еще съ грубымъ голосомъ!—А не имѣетъ ли она чего нибудь величественнаго въ походкѣ? Припомни, не замѣчалъ ли ты?

Вѣст. Она ползаетъ; и оттого, стоитъ ли на одномъ мѣстѣ, или движется, — никакъ нельзя различить. Въ ней больше тѣла, нежели жизни, такъ что ее скорѣе можно принять за статую, чѣмъ за одушевленное существо.

Клеоп. Хорошо ли ты это знаешь?

Вѣст. Какъ нельзя лучше.

Харм. Въ Египтѣ трое не подмѣтятъ этого такъ хорошо, какъ онъ одинъ.

Клеоп. Да; онъ малой съ толкомъ, какъ я замѣчаю. — Такъ, по его словамъ, въ ней не видно еще ничего хорошаго. — На его сужденіе, кажется, можно положиться.

Харм. Что и говорить.

Клеоп. А какъ молода она, можешь ли ты сказать?

Вѣст. Она, вѣдь, была уже вдовой.

Клеоп. Вдовой? — Слышишь ли, Харміань?

Вѣст. Я полагаю, ей нынѣ лѣтъ тридцать.

Клеоп. Ну, а черты лица ея сохранились ли у тебя въ памяти? Какъ оно—продолговато, иль кругло?

Вѣст. Чрезъ мѣру кругло.

Клеоп. Женщины съ такимъ лицомъ большею частію бываютъ чрезвычайно глупы. — А ея волосы какого цвѣту?

Вѣст. Темнорусаго; лобъ у ней такъ низокъ, какъ только можно вообразить себѣ.

Клеоп. На, вотъ тебѣ золото, да не сердись, что я сначала такъ сурово обошлась съ тобой. Я отошлю тебя обратно; ты можешь вести свое дѣло исправно. Готовься отправиться; письма у насъ уже готовы.

Харм. Бойкой дѣтина!

Клеоп. Въ самомъ дѣлѣ доброй-малой; Мнѣ очень жаль, что я его пообидѣла! — Ну, а какъ ты думаешь, — вѣдь, по его разсказамъ, въ сестрѣ Цезаря нѣтъ ничего особеннаго?

Харм. О, ровно ничего, государыня.

Клеоп. Этотъ малой видалъ, я думаю, женщинъ красавицъ, и, кажется, могъ бы судить...

Харм. Ему не видать? Сохрани насъ Изида!—Ему, который столько времени находился при тебѣ, моя прекрасная государыня.

Клеоп. Милая Харміань, мнѣ нужно еще объ одномъ спросить его; но не теперь: ты проведешь его ко мнѣ, когда я совсѣмъ изготовлю письма. Кажется, все пойдетъ хорошо.

Хар. За это я могу поручиться.

=

СЦЕНА IV.

Аѳины. Комната въ домѣ Антонія.

Входятъ антоній и октавія.

Ант. Нѣтъ, нѣтъ, Октавія; вѣдь не одна эта вина: я охотно простилъ бы ее твоему брату и тысячи другихъ подобнаго рода. — Но онъ снова поднялъ войну противъ Помпея. Одинъ себѣ придумалъ новыя постановленія и уже обнародовалъ ихъ. Обо мнѣ рѣдко отзовется съ честію и, когда уже увидитъ себя вынужденнымъ къ тому обстоятельствами, онъ говоритъ въ мою пользу холодно и съ видимымъ неудовольствіемъ; ему хочется совершенно стѣснить меня. Всякій разъ, какъ сдѣлаютъ ему намекъ на мои достоинства, онъ отворотится и пробормочетъ что нибудь сквозь зубы.

Окт. О, мой милый Антоній, не вѣрь всякому слуху, или, если уже не можешь не вѣрить, по крайней мѣрѣ, не принимай всего къ сердцу. Разгорись между вами вражда, я буду несчастнѣе всѣхъ женъ: — за котораго изъ васъ я буду возсылать свои молитвы? Боги засмѣются надо мной, когда я буду просить ихъ: «О, спасите моего супруга!» и тотчасъ же сдѣлаю недѣйствительною свою первую молитву, какъ скажу еще громче: «Боги, спасите моего брата!» Въ одно время молитвы о побѣдѣ супруги и о побѣдѣ брата — не явное ли это противорѣчіе? Средняго пути между этими двумя крайностями я вовсе не вижу.

Ант. Что жъ дѣлать, Октавія? Обрати все свое сердце на сторону того, который больше заслуживаетъ твоей любви. Потерять свою честь, по моему, значитъ потерять всего себя. Я скорѣе соглашусь не быть твоимъ, чѣмъ утратить свое доброе имя. Впрочемъ я не стѣсняю и твоей свободы:

Если тебѣ угодно, можешь идти между нами среднею стезей. Между тѣмъ я буду приготовляться къ войнѣ, и весь позоръ ея долженъ пасть на честь твоего брата. Придумывай какія угодно мѣры къ нашему примиренію: я не буду тебѣ препятствовать ни въ чемъ.

Окт. Благодарю тебя, супругъ мой. Всесильный Юпитеръ создалъ меня слишкомъ, слишкомъ слабою для того, чтобы мнѣ быть вашею посредницею. Война между двумя такими исполинами для меня также ужасна, какъ если бы міръ раскололся на двѣ половины съ самаго основанія, и края этой пропасти покрылись грудами мертвецовъ.

Ант. Кого изъ насъ найдешь виноватѣе, противъ того и направь всю свою ненависть: наши недостатки не могутъ быть такъ равны, чтобы твоя любовь къ намъ всегда оставалась въ равновѣсіи, не склонялась рѣшительно ни къ тому, ни къ другому. Приготовься къ отъѣзду; выбери себѣ спутниковъ и подругъ и не щади моего богатства на свои издержки.

(Уходитъ.)

=

СЦЕНА V.

Входятъ эноварбъ и эросъ.

Эноб. Что новенькаго, другъ мой Эросъ?

Эр. Есть, братъ, странныя новости.

Эноб. А именно?

Эр. Цезарь и Лепидъ одержали побѣду надъ Помпеемъ.

Эноб. Это уже давно извѣстно: не можешь ли сказать чего нибудь о ея послѣдствіяхъ?

Эр. Цезарь, воспользовавшись услугами Лепида противъ Помпея, теперь не хочетъ его имѣть своимъ товарищемъ, и всю честь похода приписываетъ одному себѣ. Не довольствуясь этимъ, онъ еще обвиняетъ Лепида въ письменныхъ сношеніяхъ съ Помпеемъ. Такимъ образомъ, бѣдный тріумвиръ лишенъ своего достоинства, по милости Цезаря, и въ заточеніи ждетъ конца дней своихъ.

Эноб. И такъ, міръ, ты имѣешь теперь дѣло только съ двумя ненасытными властелинами. Брось посреди ихъ всѣ богатства, какія у тебя еще остаются, и тогда одинъ изъ нихъ пожретъ другаго. — Гдѣ Антоній?

Эр. Онъ прогуливается въ садахъ и въ гнѣвѣ попираетъ ногами высокую траву; по временамъ вскрикиваетъ: «Глупый Лепидъ!» и угрожаетъ местію убійцѣ Помпея.

Эноб. Нашъ флотъ уже совсѣмъ готовъ.

Эр. Онъ назначенъ въ Италію противъ Цезаря. Еще что бы тебѣ сказать, Домицій? Да! Я и позабылъ: Антоній ждетъ тебя къ себѣ. Новости я успѣю сообщить тебѣ и послѣ.

Эноб. И то вѣрно уже какія нибудь бездѣлицы: впрочемъ, что нужды?— Такъ веди же меня къ Антонію.

Эр. Пойдемъ, другъ.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА VI.

Римъ. Комната въ домѣ Цезаря.

Входитъ цезарь, агриппа и меценатъ.

Цез. Столько-то презрѣнія къ Риму выказалъ Антоній! И того еще мало: въ Александріи, однажды,—я вамъ разскажу одинъ случай для примѣра, — Антоній и Клеопатра на публичной площади возсѣдали на золотыхъ престолахъ, стоявшихъ на серебряномъ подножіи, и показывали народу свое царственное величіе. У ногъ ихъ находились Цезаріонъ, котораго они называютъ сыномъ моего отца, и всѣ беззаконныя дѣтки, которыхъ прижили они во все продолженіе своей постыдной любви. Антоній подарилъ своей возлюбленной Египетъ, и призналъ ее полновластною царицею Нижней Сиріи, Кипра и Ливіи.

Мец. Какъ? И все это въ виду народа?

Цез. Говорю вамъ — на парадной площади, гдѣ у нихъ производятся общественныя игры. Тамъ же онъ объявилъ своихъ сыночковъ царями царей: обширныя страны Мидіи, Парѳію и Арменію отдалъ Александру; Птоломею подарилъ Сирію, Сицилію и Финикію, а Клеопатра была въ этотъ день облечена въ одежду богини Изиды: впрочемъ, и прежде, говорятъ, она часто показывалась многимъ въ такомъ же нарядѣ.

Мец. Надо бы давно довести это до свѣдѣнія Римскаго народа.

Агр. Онъ и прежде еще видѣлъ много опытовъ гордости Антонія, и скоро лишитъ его всякой довѣренности.

Цез. Все, что я говорилъ вамъ, уже извѣстно народу: однако жъ онъ принимаетъ жалобы Антонія.

Агр. На кого жалобы?

Цез. На Цезаря. Антоній обвиняетъ меня въ томъ, что я, ограбивъ Секста Помпея въ Сициліи, не подѣлился съ нимъ плодами своей побѣды; говоритъ еще, что онъ доставилъ мнѣ нѣсколько кораблей и не хотѣлъ у меня отнимать ихъ; наконецъ сердится на меня и за то, что я удалилъ Лепида отъ тріумвиратства и удержалъ за собою всѣ его доходы.

Агр. Слѣдуетъ поскорѣе ему отвѣтить на эти обвиненія.

Цез. Отвѣтъ уже написанъ и отправленъ къ нему съ моимъ посломъ. Я изъяснилъ Антонію, что Лепидъ сдѣлался слишкомъ дерзокъ, что онъ злоупотреблялъ своею властію, и своими проступками самъ довелъ себя до такого униженія въ правахъ своихъ. Что касается до моихъ завоеваній, я не отказываюсь подѣлиться ими съ Антоніемъ, только требую и отъ него такого же раздѣла Арменіи и другихъ покоренныхъ имъ странъ.

Мец. О, вѣрно, онъ никогда на это не согласился.

Цез. Въ такомъ случаѣ и отъ меня ничего не увидитъ.

Входитъ октавія.

Окт. Здравствуй, мой любезный братецъ! Привѣтствую тебя, мой высокій покровитель!

Цез. Какъ, моя милая Октавія! Неужели я долженъ называть тебя женою отверженною?

Окт. Ты никогда не называлъ меня этимъ именемъ, и не имѣешь причины такъ звать меня.

Цез. Что жъ бы значило такое неожиданное твое возвращеніе отъ мужа? Я не узнаю въ тебѣ сестры славнаго Цезаря. Супругъ Антонія должно бы предшествовать войско; ржаніе коней должно бы возвѣстить намъ ея приближеніе; деревья дороги должны бы покрыться народомъ, нетерпѣливо желающимъ видѣть тебя; пыль отъ многолюдной толпы, сопровождающей колесницу, должна бы восходить до облаковъ и затмѣвать собою небо. А ты возвратилась въ Римъ, какъ бѣдная плебеянка, и предупредила всѣ почести, какія во всякомъ случаѣ могли бы тебѣ быть оказаны нѣжно-любящимъ тебя братомъ. Пренебреженіе внѣшними знаками часто ведетъ за собою охлажденіе самаго чувства въ сердцѣ. Мы полетѣли бы встрѣтить тебя на морѣ и на сушѣ, и приближеніе твое съ каждымъ шагомъ получало бы новую пышность и торжественность.

Окт. Любезный братецъ! Никто не принуждалъ меня къ этой простотѣ: я сама того захотѣла. Супругъ мой услышалъ, что ты предпринимаешь противъ него войну; тотчасъ же эта тревожная вѣсть дошла до меня, и я, простившись съ Антоніемъ, поспѣшила оставить Аѳины.

Цез. Онъ, вѣрно, радъ былъ поскорѣе развязаться съ тобой: ты служила ему не маловажнымъ препятствіемъ къ его распутству.

Окт. Зачѣмъ, братецъ, такъ дурно отзываться объ Антоніѣ?

Цез. Я вѣдь наблюдаю каждый шагъ его, и вѣтеръ приноситъ мнѣ отовсюду вѣсти о дѣлахъ твоего супруга. — Знаешь ли, гдѣ онъ теперь?

Окт. Гдѣ ему быть, какъ не въ Аѳинахъ?

Цез. Нѣтъ, моя бѣдная сестра; Клеопатрѣ стоило мигнуть, — и Антоній уже у ногъ ея. Все управленіе дѣлами онъ предоставилъ распутной женщинѣ, и теперь они стараются поднять противъ меня всѣхъ царей земли. Къ нимъ созваны Бокхъ, царь Ливійскій, Архелай, царь Каппадокскій, Филадельфъ, царь Пафлагонскій, Адалласъ, царь Аракійскій, Малхъ, царь Арабскій, царь Понтійскій, Иродъ Іудейскій, Митридатъ Комагенскій, Полемонъ и Аминтасъ, цари Миліи и Ликаоніи, и несмѣтное множество другихъ царей, подвластныхъ Римскому могуществу.

Окт. О, я несчастнѣйшая изъ смертныхъ! Сердце мое должно разорваться между двумя любезными мнѣ существами, которыхъ раздѣляетъ непримиримая ненависть.

Цез. Милости прошу ко мнѣ; я очень радъ твоему возвращенію. Твои письма много задерживали нашъ разрывъ съ Антоніемъ: теперь я вижу, какъ онъ жестоко обидитъ насъ съ тобой, и дальнѣйшее отлагательство рѣшительныхъ мѣръ было бы для насъ опасно. Утѣшься, моя милая; покорись великодушно тѣснымъ обстоятельствамъ времени; не плачь напрасно о томъ, чего нельзя поправить слезами. Римъ принимаетъ тебя къ себѣ съ радостію; а для меня ты дороже всего на свѣтѣ. Тебѣ нанесено такое оскорбленіе, какое только я могъ вообразить когда либо: милосердые боги вступаются за твою честь, избирая ис-

полнителями своего правосудія меня и всѣхъ твоихъ друзей. Будь спокойна, сестра моя: твое прибытіе всѣмъ намъ очень пріятно.

Агр. Очень пріятно.

Мец. Очень, очень пріятно, дорогая наша Октавія. Въ Римѣ нѣтъ ни одного сердца, которое бы не питало къ тебѣ любви и не жалѣло о твоей участи. Одинъ только разсѣянный Антоній, необузданный въ своихъ прихотяхъ, могъ оставить такую милую подругу, а во всемъ предаться женщинѣ, которая еще превосходитъ его своими пороками и вооружаетъ его противъ своего отечества.

Окт. Ужели все это правда?

Цез. Правда, сущая правда. Ты хорошо, сестра, сдѣлала, что пріѣхала къ намъ. Прошу тебя, вооружись терпѣніемъ, моя милая Октавія.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА VII.

Лагерь Антонія, близъ мыса Акціума.

Вводятъ клеопатра и энобарбъ.

Клеоп. Я не отстану отъ тебя, будь въ этомъ увѣренъ.

Энобб. Но къ чему это послужитъ, государыня, къ чему, къ чему?

Клеоп. Ты запрещаешь мнѣ отправиться на эту войну, и говоришь, что это будетъ неприлично.

Энобб. Да, государыня, и могу ли я думать иначе?

Клеоп. Какъ такъ? Противъ меня предпринята война, — и мнѣ лично не присутствовать на полѣ брани!

Энобб. (въ сторону) Я бы зналъ, что ей отвѣчать, но, такъ и быть, смолчу (*).

Клеоп. Что, что ты говоришь?

Энобб. Я хочу сказать, что твое присутствіе, государыня, легко можетъ смѣшать Антонія; отниметъ у него и сердце, и умъ и время, — все, что для него должно быть такъ дорого во время битвы, какъ для главнокомандующаго. И то уже много смѣются надъ его легкомысліемъ: въ Римѣ говорятъ, что эвнухъ Фотинъ да женщины взяли на себя — вести съ Цезаремъ войну.

Клеоп. Провались этотъ Римъ со всѣми своими насмѣшниками! Я считаю непремѣнною своею обязанностію участвовать въ этой войнѣ, и явлюсь на полѣ брани славнымъ мужемъ, верховнымъ властителемъ своего царства. Не смѣй ничего возражать мнѣ: я не останусь въ бездѣйствіи вдали отъ шума сраженій.

Энобб. Я не скажу больше ни слова.—Но вотъ идетъ и самъ Антоній.

Входятъ антоній и канидій.

Ант. Не странно ли это, Канидій, что Цезарь изъ Тарента и Брундусіума такъ быстро могъ переплыть Іонійское море и утвердиться въ Торинѣ. — Ты слышала ли объ этомъ, моя милая?

Клеоп. Поспѣшность можетъ быть предметомъ удивленія только для небрежныхъ.

Ант. Милый упрекъ на нашу небрежность! Онъ могъ бы сдѣлать честь самому опытному воину. Канидій! Мы должны будемъ вступить съ Цезаремъ въ морское сраженіе.

Клеоп. Морское! Да какъ иначе?

Канид. Почему бы такъ, Антоній?

Ант. Потому что этого хочетъ Цезарь.

Энобб. А почему бы нашему генералу не вызвать Цезаря въ поле?

Кан. Его вызывали, и именно къ Фарсаліи на то мѣсто, гдѣ Цезарь сражался съ Помпеемъ; но Октавій отвергнулъ всѣ предложенія, которыхъ онъ не считаетъ для себя выгодными. Такъ бы и намъ слѣдовало поступить.

Ант. На морѣ, на морѣ.

Энобб. Наши корабли очень плохо снаряжены; наши матросы набраны изъ пастуховъ, жнецовъ, людей, вовсе не приготовленныхъ къ дѣламъ воинскимъ; а флотъ Цезаря наполненъ опытнѣйшими воинами, которые выдержали битву съ Помпеемъ; ихъ корабли легки на ходу, а наши медленны. Намъ непремѣнно надобно было бы отказаться отъ сраженія на морѣ: мы гораздо успѣшнѣе могли бы дѣйствовать на сушѣ.

Энобб. Доблестный вождь! Чрезъ это мы лишаемся того несомнѣннаго успѣха, за который всегда ручается намъ твоя зрѣлая опытность на сушѣ; твои войска скоро разстроятся, потому что большая часть ихъ состоитъ изъ пѣхоты; твоему искусству, столько разъ прославившему тебя на сухой землѣ, негдѣ будетъ развернуться: пренебрегая такими вѣрными соображеніями и дѣйствуя на авось, по одному капризу, мы выпускаемъ изъ рукъ побѣду, въ которой не могли бы сомнѣваться.

(*) If we should serve horse and mares together,
The horse were merely lost; the mares would bear.
A soldier and his horse.

Ант. Я хочу сражаться на морѣ.

Клеоп. У меня шестьдесятъ кораблей. Цезарю нельзя имѣть больше.

Ант. Мы сожжемъ лишніе корабли и скрѣпивъ плотнѣе, остальные, нападемъ на Цезаря лишь только онъ приблизится къ Акціумскому мысу. Если намъ не посчастливится, мы вознаградимъ свою потерю въ открытомъ полѣ. — *(Входитъ вѣстникъ)* Что ты намъ скажешь?

Вѣст. Тебѣ уже извѣстно, генералъ, что Цезарь взялъ Торинъ: мнѣ остается только подтвердить это извѣстіе.

Ант. Ужели и самъ Цезарь тамъ же? Это невозможно: я не могу надивиться, какъ поспѣло туда его войско. — Канидій, ты останешься на сухой землѣ съ девятнадцатью легіонами и двѣнадцатью тысячами всадниковъ; а мы поспѣшимъ къ своимъ кораблямъ. Впередъ, мой Ѳетисъ! *(Входитъ солдатъ.)* Что новенькаго?

Солд. О, мой великій предводитель! Не начинай битвы на морѣ; не вѣряй себя утлымъ доскамъ. Ужели тебя не убѣдитъ ни этотъ мечъ, ни эти мои раны? Предоставь нырять въ водахъ Египтянамъ и Финикіянамъ: мы, Римляне, умѣемъ побѣждать на сушѣ, держась земли крѣпкою ногою.

Ант. Хорошо, хорошо; ступай прочь.

(Антоній, Клеопатра и Энобарбъ уходятъ.)

Солд. Клянусь Геркулесомъ; вѣдь у меня есть умъ: я говорю правду.

Кан. Какъ быть, солдатъ, у тебя есть умъ, да съ умомъ теперь ничего не сдѣлаешь: нашего вождя водятъ другіе, и всѣ мы подъ командою у бабы.

Солд. Ты вѣдь начальствуешь легіонами и всадниками на сухой землѣ, — не такъ ли?

Кан. Маркъ Октавій, Маркъ Юстей, Публикола и Целій поведутъ сраженіе на морѣ; а мы будемъ стоять на сушѣ. — Но, какъ бы то ни было, быстрота Цезаря превышаетъ всякое вѣроятіе.

Солд. Еще прежде его отправленія изъ Рима, его войска мало по малу уже переправлялись къ назначенному мѣсту, только такъ украдчиво, что наши шпіоны никакъ не могли этого подмѣтить.

Кан. Не слышалъ ли ты, кто ими командуетъ?

Солд. Лейтенанта ихъ зовутъ Тавромъ.

Кан. Я хорошо знаю этого человѣка.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣст. Антоній велѣлъ позвать къ себѣ Канидія.

Кан. Время бременѣетъ событіями: каждая минута раждаетъ что нибудь новое.

=

СЦЕНА VIII.

Равнина близъ Акціума.

Входятъ цезарь, тавръ, офицеры и другіе.

Цез. Тавръ!

Тавр. Что угодно?

Цез. Не давай битвы на сушѣ. Держись крѣпко и не бросайся на непріятеля, пока не опрокинемъ его на морѣ. Не нарушай этихъ приказаній: отъ нихъ зависитъ все наше счастіе.

(Уходятъ.)

Входятъ антоній и энобарбъ.

Ант. Поставимъ наши эскадроны по ту сторону холма, въ виду Цезаревой арміи. Съ этого мѣста можно будетъ опредѣлить число непріятельскихъ кораблей и дѣйствовать сообразно съ ихъ движеніями.

(Уходятъ.)

Канидій проходитъ по одной сторонѣ сцены съ своими легіонами, по другой сторонѣ Тавръ, лейтенантъ Цезаря, съ своими. Вскорѣ послѣ того, какъ они пройдутъ, слышится шумъ морскаго сраженія. — Крикъ. Входитъ Энобарбъ.

Энноб. Все потеряно, все потеряно! Я не могу дольше смотрѣть на эту картину. Антоніадъ, Египетскій адмиралъ, обратился въ бѣгство съ своими шестьюдесятью кораблями. Нельзя смотрѣть на нихъ безъ ужаса.

Входитъ скаръ.

Ск. Боги, богини и весь соборъ Олимпійскій!...

Энноб. Чѣмъ ты такъ сильно взволнованъ?

Ск. Самая лучшая часть міра потеряна отъ жалкой непредусмотрительности: мы должны распроститься съ царствами и провинціями.

Энноб. Въ какомъ положеніи теперь битва?

Ск. На нашей сторонѣ настоящій погребальный моръ, гдѣ ужъ никакъ нельзя спастись отъ смерти. Ахъ, эта безстыдная Египтянка! Проказа схватила бы ее! Въ самомъ разгарѣ битвы, когда еще перевѣса не оказывалось ни на той, ни на другой сторонѣ, когда наша была даже тверже непріятельской—на Клеопатру напалъ какой-то паническій страхъ, и она, какъ тлуш-

ка отъ оводу въ іюнѣ, подняла паруса и побѣжала.

Эноб. Я вѣдь видѣлъ это; но у меня такъ закружило въ глазахъ отъ такого зрѣлища, что я дольше никакъ не могъ смотрѣть.

Скар. Ея стремительное бѣгство имѣло магическое дѣйствіе на Антонія, — и онъ палъ несчастною жертвою своей страсти. Распустивъ крылья своего корабля, онъ, какъ взбѣшенный селезень, оставилъ войско въ самомъ жару сраженія и бѣжалъ по слѣдамъ своей возлюбленной. Я не видалъ ничего постыднѣе такого бѣгства; никогда опытность, мужество и честь не пострадали такъ много, какъ въ этомъ случаѣ.

Эноб. О, горе, горе!

Входитъ кандидій.

Кан. Наше счастіе на морѣ уже совсѣмъ обрушилось и безвозвратно пошло ко дну. Если бы нашъ генералъ устоялъ на мѣстѣ и помнилъ себя, какъ, бывало, прежде, верхъ непремѣнно былъ бы на нашей сторонѣ. О несчастный! Онъ самъ подалъ намъ примѣръ позорнѣйшаго бѣгства.

Эноб. Такъ вы въ самомъ дѣлѣ въ такомъ отчаянномъ положеніи? — (*Въ сторону.*) Прощайте же, да и поминайте меня, какъ звали.

Кан. Они бѣжали къ Пелопонесу.

Ск. И поспѣютъ туда скоро: я полечу посмотрѣть, что будетъ дальше.

Кан. Я передамъ Цезарю свои легіоны и всадниковъ: шесть царей въ этомъ уже предупредили меня.

Эноб. А я все еще не покину Антонія, не смотря на превратность его счастія, хотя разсудокъ мой сильно возстаетъ противъ такой рѣшимости.

Уходятъ.

СЦЕНА IX.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входитъ антоній съ своею свитой.

Ант. Послушайте, друзья! Земля не позволитъ мнѣ больше ступать по ней: она стыдится носить Антонія. — Друзья, подойдите ко мнѣ поближе. Въ этомъ мірѣ я уже запоздалый путникъ, навсегда сбившійся съ своей дороги. У меня остается корабль, нагруженный золотомъ: возьмите его и раздѣлите между собой. Бѣгите отъ Антонія и миритесь съ Цезаремъ.

Всѣ. Бѣжать! Этого никогда не будетъ.

Ант. Я самъ бѣжалъ; а трусы, глядя на меня, также пустились бѣжать, обративъ тылъ свой непріятелю. — Друзья, оставьте меня; теперь я выбралъ себѣ такой путь, на которомъ не буду имѣть въ васъ нужды. Простите, друзья. Мои сокровища въ пристани, — возьмите ихъ себѣ. — О, несчастный! Я бѣжалъ за той, на которую теперь не могу взглянуть безъ того, чтобы лицо мое не покрылось краской. Волосы дерутся между собою на головѣ моей: сѣдые возстаютъ на черныхъ, обвиняя ихъ въ моей опрометчивости; а черные упрекаютъ сѣдыхъ, за мою робость и отчаяніе. — Друзья, покиньте меня: я дамъ вамъ рекомендательныя письма къ моимъ пріятелямъ, и они проложатъ вамъ дорогу къ Цезарю. Прошу васъ, не горюйте обо мнѣ и не упрашивайте меня о томъ, чтобы вамъ на всегда остаться съ своимъ господиномъ. Примите мой подарокъ, какой я могъ вамъ дать въ этомъ отчаянномъ положеніи. Оставьте того, кто самъ себя оставилъ, и скорѣе подите на берегъ, тамъ ждетъ васъ мой корабль съ сокровищами. — Сдѣлайте милость, сейчасъ же оставьте меня, — прошу васъ, безъ отлагательствъ; отправляйтесь съ Богомъ, умоляю васъ. Я утратилъ право повелѣвать вами, послушайте же, покрайней мѣрѣ, моей просьбы. — Мы опять увидимся скоро. (*Садится, склоня голову.*)

Входятъ эросъ и клеопатра, поддерживаемая харміаньею и ирой.

Эр. Подойди къ нему, государыня; утѣшь его.

Ира. Да, надо утѣшить.

Харм. Ахъ, боги мои, да какъ же иначе?

Клеоп. Дайте мнѣ сѣсть подлѣ него. О Юнона!

Ант. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Эр. Взгляни на нее, Антоній.

Ант. О, прочь, прочь, прочь!

Харм. Государыня!

Ира. Государыня, прекрасная моя повелительница!

Эр. Антоній, любезный Антоній!

Ант. Такъ, мой другъ, такъ, — При Филиппахъ онъ едва умѣлъ держать мечъ, какъ танцоръ, тогда, какъ я поражалъ худощаваго и морщиноватаго Кассія; мнѣ же принадлежала честь низложить и Брута; онъ всегда дѣйствовалъ лишь посредствомъ своихъ лейтенантовъ и не имѣлъ никакой опытности въ дѣлахъ воинскихъ: а теперь, — но такъ и быть!

Клеоп. Ахъ, не уходите отъ него!

Эр. Государыня здѣсь, Антоній. Государыня, поговори съ нимъ. Онъ внѣ себя; онъ не знаетъ, куда укрыться отъ стыда.

Клеоп. Хорошо, хорошо, — такъ поддержите же меня. — О!

Эр. Антоній, встань: государыня подошла къ тебѣ; голова ея склонилась и смерть грозитъ схватить ее; одно твое слово могло бы возвратить ей силы.

Ант. Я убилъ свою честь: постыдное бѣгство!

Эр. Антоній, подлѣ тебя государыня.

Ант. О, не ты ли довела меня до этого, Египтянка? Смотри, какъ я желалъ бы скрыть свой позоръ даже отъ твоихъ глазъ, когда представлю, что я оставилъ за собой, что потерялъ, безчестно убѣгая отъ непріятеля.

Клеоп. О, мой милый Антоній! Прости мнѣ эту робость: я никогда не думала, чтобы ты послѣдовалъ за моими кораблями.

Ант. Египтянка! Ты хорошо знала, что сердце мое привязано къ тебѣ неразрывными узами, и что ты непремѣнно должна была увлечь меня въ своемъ бѣгствѣ. Ты хорошо знала свою власть надъ моимъ духомъ, и то, что одного твоего мановенія достаточно было вооружить меня противъ самихъ боговъ.

Клеоп. О, извини меня!

Ант. Теперь я долженъ посылать просительныя письма безбородому юношѣ, кланяться предъ нимъ со всею низостію, — я, который держалъ въ рукахъ своихъ половину міра и располагалъ по своей волѣ участію царей, творилъ и уничтожалъ счастіе народовъ. Ты знала, до какой степени порабощена была тебѣ душа моя; ты знала, что мечъ мой, утративъ свою силу отъ любви, готовъ повиноваться всѣмъ твоимъ капризамъ.

Клеоп. О, прости, прости!

Ант. Ну, полно же, не плачь, прошу тебя: одна слеза твоя стоитъ всѣхъ моихъ пріобрѣтеній и всѣхъ потерь. Дай мнѣ одинъ поцѣлуй, — и онъ вознаградитъ для меня все. Я послалъ къ Цезрю Евфронія. Возвратился ли онъ? — Моя милая, на сердцѣ у меня тяжело, какъ будто кто нибудь влилъ въ него олово. Пойдемъ, подай мнѣ вина и закуски. Фортуна знаетъ, что чѣмъ сильнѣе она поражаетъ Антонія, тѣмъ болѣе я презираю ея удары.

Уходятъ.

=

СЦЕНА X.

Лагерь Цезаря въ Египтѣ.

Входятъ цезарь, долабелла, тирей и другіе.

Цез. Пустъ явится ко мнѣ посолъ Антонія. Знаете ли вы его?

Дол. Цезарь, это его домашній учитель: доказательство, какъ гладко ощипанъ Антоній, когда онъ посылаетъ такое маленькое перышко изъ своего крыла, — тотъ, которому еще не задолго предъ симъ столько царей готовы были служить послами.

Входитъ эвфроній.

Цез. Поди сюда и говори.

Эвфр. Я, ничтожный самъ по себѣ человѣкъ, пришелъ къ тебѣ отъ Антонія. Еще недавно я такъ мелокъ былъ для его цѣлей, какъ капля утренней росы, падшая на листокъ мирта, въ сравненіи съ моремъ.

Цез. Пусть такъ. Объясни, что тебѣ приказано!

Эвфр. Антоній привѣтствуетъ тебя, какъ полнаго распорядителя его участи, и проситъ у тебя позволенія жить въ Египтѣ. Если ты не удостоишь его этой милости, онъ великодушно откажется отъ своего желанія и будетъ умолять тебя только о томъ, чтобы ты далъ ему свободно дышать между небомъ и землей, какъ частному человѣку, въ Аѳинахъ. Вотъ вся его просьба. — За нимъ и Клеопатра преклоняется предъ твоимъ величіемъ, покоряется могуществу твоему и униженно проситъ тебя почислить за ея дѣтьми престолъ Птоломеевъ, теперь совершенно зависящій отъ твоей власти.

Цез. Что касается до Антонія, я не хочу и слушать его просьбъ. Царицѣ будетъ сдѣлана милость, по ея желанію: только пусть она выгонитъ изъ Египта своего друга вѣчно ненавистнаго мнѣ Антонія, или тамъ же лишитъ его жизни. Если она исполнитъ это мое приказаніе, просьба ея не будетъ отвергнута. Такой мой отвѣтъ для того и другой.

Эвфр. Желаю тебѣ всякаго счастія.

Цез. Проведите его чрезъ мой лагерь. (*Эвфроній уходитъ*) (*Къ Тирею*) Вотъ тебѣ теперь время попытать силу своего краснорѣчія. Отправляйся; оторви Клеопатру отъ Антонія; обѣщай ей во имя мое все, чего она ни запроситъ, и предлагай еще больше, что самъ придумаешь. Женщины, въ счастіи, бываютъ не слишкомъ непреклонны; но бѣдственное положеніе и изъ самой разсѣянной женщины дѣлаетъ цѣломудрен

ную весталку. Употреби, Тирей, все свое искусство и, если успѣешь въ этомъ предпріятіи, то все, что ни запросишь въ награду за свои труды, будетъ для насъ закономъ.

Тир. Цезарь! Я готовъ къ твоимъ услугамъ.

Цез. Узнай, какъ Антоній думаетъ поправить свою ошибку; наблюдай всѣ его дѣйствія, всѣ движенія, и сообщи намъ все, что самъ выведешь изъ того.

Тир. Слушаю, Цезарь.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ клеопатра, энобарбъ, харміанъ и ира.

Клеоп. Что мы должны дѣлать теперь, Энобарбъ?

Эноб. Раскаиваться и умирать.

Клеоп. Кого надобно винить, — меня или Антонія?

Эноб. Одного Антонія. Зачѣмъ онъ далъ перевѣсъ своимъ приходямъ надъ разсудкомъ? Удивительно ли, что ты, государыня, побѣжала отъ ужасовъ кровавой битвы, гдѣ смерть переходила съ одной стороны на другую? Зачѣмъ ему было за тобою слѣдовать? Какъ можно предпочесть внушеніе страсти долгу главнокомандующаго въ тѣ рѣшительныя минуты, когда одна полсвина міра сражалась съ другою и все дѣло касалось лично его самаго? Такая непростительная вина стоила такой великой потери: гнаться за обратившимся въ бѣгство кораблями и оставить свой флотъ на произволъ судьбы!

Клеоп. Умолкни, прошу тебя.

Входятъ Антоній и Эвфроній.

Ант. Такъ въ самомъ дѣлѣ это было его отвѣтомъ?

Эвфр. Да, сударь.

Ант. Царица будетъ пользоваться всѣми милостями, если выдастъ Антонія — такъ, что ли?

Эвфр. Такъ точно онъ говорилъ.

Ант. Хорошо же, сообщимъ это ей. Пошли молодому Цезарю эту сѣдую голову, и онъ готовъ выполнить всѣ твои желанія, дать тебѣ, какія угодно, царства.

Клеоп. Эту голову, Антоній!

Ант. (*Эвфронію*) Ступай къ Цезарю снова, да скажи ему, что розы юности видны еще на его щекахъ; что міръ только еще ждетъ отъ него чего нибудь особеннаго; что не много требуется мудрости, чтобы отнять у него и золото, и корабли, и войско; что его генералы также счастливо могли бы сражаться и подъ властію ребенка, какъ и подъ властію Цезаря; и что поэтому я, не смотря на неравенство нашего счастія, позову его еще разъ помѣряться силами съ дряхлымъ старикомъ, мечъ противъ меча, одинъ на одинъ. Вотъ что я напишу ему! Слѣдуй за мной.

(Антоній и Эвфроній уходятъ.)

Эноб. Да, очень вѣроятно, что побѣдоносный Цезарь оставитъ мирное свое счастіе и выступитъ на поединокъ съ мечебойцемъ. Я замѣчаю, что сужденія наши въ тѣсной связи съ счастіемъ. — Внѣшнія обстоятельства человѣка имѣютъ сильное вліяніе на душу; если они попортятся, повредится и умъ за ними; иначе какъ можно было бы такому опытному и разсудительному столь легкомысленно мечтать, что Цезарь согласится подвергнуть блаженную свою жизнь опасности въ борьбѣ съ отчаяннымъ Антоніемъ. — О, Цезарь! Ты и надъ разумомъ его одерживаешь побѣду.

Входитъ слуга.

Сл. Пришелъ посолъ отъ Цезаря.

Клеоп. Такъ что жъ вы? Къ чему еще эти церемоніи? Вы видите, мои милыя, что отцвѣтшую розу презираютъ тѣ самые, которые преклонялись предъ ея почкою. — Пусть войдетъ.

Эноб. (*Въ сторону.*) Моя честность и моя рѣшимость — въ сильной борьбѣ между собою. Если вѣрно — подданничество обыкновенная добродѣтель глупцовъ, то останься я вѣренъ Антонію, я буду глупѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но за то, кто бываетъ искренно привязанъ къ своему падшему господину до послѣдней минуты, тотъ одержитъ побѣду надъ самымъ побѣдителемъ своего господина и займетъ важное мѣсто въ исторіи.

Входитъ тирей.

Клеоп. Что угодно Цезарю?

Тир. Я долженъ переговорить объ этомъ съ тобою, государыня, наединѣ.

Клеоп. Здѣсь со мною никого нѣтъ, кромѣ моихъ друзей: говори смѣло.

Тир. Но, можетъ быть, тутъ же есть и друзья Антонія?

Эноб. У него не можетъ быть друзей, кромѣ тѣхъ, которые вмѣстѣ были бы

друзьями Цезаря: безъ этого онъ не имѣетъ въ насъ никакой нужды. Если бы угодно было Цезарю, нашъ Антоній давно уже былъ бы его другомъ; а что касается до насъ, то мы всѣ готовы сдѣлаться друзьями его друга, т. е. Цезаря.

Тир. (Если такъ, то я буду говорить и здѣсь.) Знаменитая государыня! Цезарь хочетъ, чтобы въ настоящихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ умъ твой занятъ былъ единственно тою мыслію, что твой побѣдитель — Цезарь.

Клеоп. Дальше. Это истинно царски.

Тир. Ему извѣстно, что тебя привязываютъ къ Антонію не столько любовь, сколько страхъ.

Клеоп. О!

Тир. По этому Цезарь съ сожалѣніемъ смотритъ на тѣ пятна, которыми помрачается твоя честь; потому что сама ты не хотѣла подать никакого къ этому повода; но противъ твоей воли тебя безчестятъ другіе.

Клеоп. Цезарь — настоящій богъ: онъ знаетъ всѣ наши тайны. Дѣйствительно, я никогда не думала торговать честію; у меня отнимаютъ ее силой.

Эноб. (*Въ сторону.*) Чтобы получше увѣриться въ этомъ, спрошу Антонія. Антоній, Антоній! Въ твой корабль со всѣхъ сторонъ потекла вода: утопай одинъ; пора намъ оставить тебя, когда уже и дражайшая подруга твоя покидаетъ своего возлюбленнаго.

(Уходитъ).

Тир. Не прикажешь ли, государыня, о чемъ нибудь просить Цезаря? Стоитъ только предложить, — и все будетъ сдѣлано по твоему желанію. Онъ душевно хотѣлъ бы, чтобы его настоящее счастіе послужило для тебя, государыня, надежнымъ жезломъ, на который бы ты могла опереться. Но его сердце съ бо́льшою горячностію прильнетъ къ тебѣ, если онъ услышитъ отъ меня, что ты покинула Антонія, и ищешь для себя пріюта у одного Цезаря — владыки міра.

Клеоп. Какъ твое имя?

Тир. Мое имя — Тирей.

Клеоп. Милый посланникъ, скажи великому Цезарю, что въ настоящей борьбѣ двухъ героевъ я готова цѣловать руку побѣдителя; готова положить корону свою къ ногамъ его, стать предъ нимъ на колѣна и ждать отъ его всеобъемлющаго могущества приговора Египту.

Тир. Ты избираешь самый выгодный для себя путь, государыня. Когда благоразуміе въ разладѣ со счастіемъ, первому слѣдуетъ только отваживаться на все для него возможное, — и тогда ничто не въ состояніи будетъ поколебать его. Позволь мнѣ, государыня, въ знакъ моего высокаго уваженія къ твоей особѣ, облобызать твою руку.

Клеоп. Отецъ вашего Цезаря, столь важно занимавшійся обширными планами своихъ завоеваній, часто наклонялъ уста свои къ этой недостойной рукѣ и осыпалъ ее поцѣлуями.

Входятъ Антоній и Эноварбъ.

Ант. Какъ! Любезничать?... Клянусь Юпитеромъ громовержцемъ!... Кто, ты, несчастный?

Тир. Исполнитель приказаній могущественнѣйшаго монарха, которому никто не можетъ отказать въ повиновеніи.

Эноб. Тебя высѣкутъ розгами.

Ант. Поди сюда. — Ахъ, ты коршунъ проклятый! Адъ и небо! Власть моя выпадаетъ изъ рукъ. Еще недавно довольно было мнѣ крикнуть, — и цари, какъ мальчишки, наперерывъ бѣжали ко мнѣ и спрашивали: «что угодно, нашъ повелитель?» Слышишь ли ты? Я все еще тотъ же Антоній. (*Входятъ слуги.*) Возьмите этого негодяя и сѣките его безъ пощады.

Эноб. Лучше играть со львенкомъ, чѣмъ съ старымъ умирающимъ львомъ.

Ант. Луна и звѣзды небесныя! — Сѣките его. Будь на мѣстѣ его двадцать могущественныхъ царей, преклоняющихся предъ царемъ: если бы они въ глазахъ моихъ такъ дерзко стали цѣловать руку этой... какъ мнѣ назвать ее? Прежде я звалъ ее Клеопатрой. — Ребята, сѣките его до тѣхъ поръ, пока онъ не исцарапаетъ своего лица и не будетъ умолять васъ о милости. Тащите его!

Тир. Маркъ Антоній!

Ант. Тащите его отсюда, и когда онъ будетъ высѣченъ, приведите его ко мнѣ снова. — Я отправлю съ этимъ глупцомъ посланіе къ Цезарю. — (*Слуги уводятъ Тирея.*) Вспомни, твои прелести вполовину уже поблекли, прежде чѣмъ я узналъ тебя. — Какъ! Ужели для того я оставилъ не измятымъ свое ложе въ Римѣ, отказался отъ чести — имѣть законныхъ потомковъ и быть кумиромъ любой женщины, — ужели все это сдѣлалъ для того, чтобы такъ безчестно

быть обманутымъ кокеткой, которая всякому готова строить глазки?

Клеоп. Мой милый Антоній!

Ант. Ты всегда была измѣнницей. — О бѣдный человѣкъ! Только допусти усилиться въ себѣ порочнымъ наклонностямъ, — и праведные боги сокроютъ отъ глазъ твоихъ собственныя твои преступленія и ослѣпятъ твой разсудокъ: тогда мы боготворимъ свои заблужденія и, смѣясь, низвергаемся въ бездну безславія.

Клеоп. О боги! Ужели такъ могъ быть раздраженъ Антоній?

Ант. Я связался съ тобой уже тогда, какъ ты истомлена была отъ любви покойнаго Цезаря; кромѣ того ты расточала свои ласки Сексту Помпею; не считаю другихъ твоихъ преступленій, которыя не записаны въ книгу молвы, и которыя, можетъ быть, были бы безъ счету. Я вполнѣ увѣренъ, что ты никогда не знала цѣломудрія, хотя иногда и догадывалась, что бы это было такое.

Клеоп. Ахъ! Къ чему все это?

Ант. Мнѣ терпѣть, чтобы тотъ негодяй, которому бы прилично было только принять отъ тебя нѣсколько грошовъ на водку и говорить отъ радости: «да наградитъ тебя Богъ?» чтобы онъ такъ страстно лизалъ руку моей избранной, чтобы онъ смѣлъ шутить царственною печатью, залогомъ высокихъ сердецъ! О, если бы я былъ теперь на горѣ Васанской! Своими отчаянными воплями я перекричалъ бы ревъ рогатаго скота. Ужасныя мученія подавляютъ меня, и я неистовствую не безъ причины. Учтиво изъясняться въ моемъ положеніи, значило бы то же, какъ если бы несчастный висѣльникъ сталъ благодарить палача за то, что онъ скоро наложилъ на него петлю. *(Входятъ слуги съ Тиреемъ.)* Высѣченъ ли онъ?

Сл. Исправно, сударь.

Ант. Ревѣлъ ли онъ? Просилъ ли о помиловеніи?

Сл. Умолялъ пощадить.

Ант. Пусть отецъ твой, если онъ еще живъ, пожалѣетъ, что ты не родился у него дочерью; а ты пожалѣй о томъ, что слѣдовалъ за Цезаремъ въ его тріумфѣ: за это и пороли тебя. Отнынѣ пусть бѣлая ручка высокой госпожи приводитъ тебя въ трепетъ: безъ страха тебѣ нельзя будетъ взглянуть на нее. — Теперь ступай назадъ къ Цезарю, и скажи ему свои похожденія. Да смотри же, непремѣнно объясни, до какой степени я раздраженъ противъ него. Онъ только съ гордостію и презрѣніемъ посматриваетъ на то, что я теперь, а забылъ и думать о томъ, чѣмъ я былъ прежде. Ему хочется меня разсердить; а разсердить меня теперь очень легко, когда добрая звѣзда моя руководительница уклонилась отъ правильнаго своего теченія и навсегда сокрыла отъ меня свѣтъ свой въ безднѣ ада. Если мои рѣчи и мои поступки не поправятся, то скажи ему, что у него есть Гиппархъ, мой вольноотпущенный рабъ, котораго онъ можетъ сѣчь, повѣсить, замучить, если онъ непремѣнно захочетъ отмстить мнѣ. Ты съ своей стороны постарайся подстрекнуть его самолюбіе, — поди, покажись ему съ своими рубцами.

(Тирей уходитъ.)

Клеоп. Наконецъ, успокоился ли ты, Антоній?

Ант. Увы! Свѣтило очей моихъ погасло, и блескъ его помрачился. Это одно уже предсказываетъ паденіе Антонія.

Клеоп. Я еще должна выжидать, пока онъ утихнетъ.

Ант. Чтобы льстить Цезарю, ужели ты будешь любезничать съ самымъ послѣднимъ рабомъ его?

Клеоп. Такъ ты меня еще до сихъ поръ не знаешь, Антоній.

Ант. Знаю, что сердце у тебя холодно ко мнѣ, какъ ледъ.

Клеоп. Ахъ, мой милый Антоній! Если я дѣйствительно холодна къ тебѣ, то пусть небо произведетъ градъ изъ этого самаго льда и, отравивъ его ядомъ, первый камень броситъ мнѣ на шею; минута его паденія пусть будетъ послѣднею минутою моей жизни; вслѣдъ за мной пусть поразитъ Цезаріона, самый нѣжный плодъ чрева моего, и съ нимъ вмѣстѣ всѣхъ моихъ храбрыхъ Египтянъ. Пусть разбросанные этою бурею, они валяются по землѣ безъ гробовъ, и служатъ пищею плотоядныхъ мухамъ и гадамъ Нильскимъ!

Ант. Довольно, довольно; я тебѣ вѣрю. Цезарь скоро нападетъ на Александрію: здѣсь я еще сражусь съ нимъ не на жизнь, а на смерть. Наша армія крѣпко стоитъ на сушѣ; нашъ разрознившійся флотъ снова соединится, и грозно будетъ летать на морѣ. Гдѣ ты, моя храбрость? — Послушай, моя милая, если еще приведется мнѣ возвратиться съ поля брани, чтобы поцѣловать эти губки; то я не иначе явлюсь

къ тебѣ, какъ весь покрытый кровью. Я и мой мечъ поступимъ въ область хроники: у меня еще есть надежда.

Клеоп. Я узнаю своего истиннаго героя.

Ант. Мои мускулы, мое сердце, мое горло должны втрое усилиться противъ прежняго: я буду биться съ ожесточеніемъ.— Прежде, когда часы мои текли спокойно и счастливо, людямъ пустяковъ стоило выкупить жизнь свою изъ моей власти: но теперь я стисну зубы и спроважу въ адъ всякаго, кто осмѣлится противостать мнѣ.— Пойдемъ, моя милая, проведемъ въ весельи еще одну ночь; созови ко мнѣ всѣхъ моихъ угрюмыхъ офицеровъ; наполни виномъ чаши; еще разъ полночный колококолъ пусть посмѣется надъ нами.

Клеоп. Нынѣ день моего рожденія; я думала провесть его безъ всякаго торжества; но я снова увидѣла моего веселаго Антонія, — и снова хочу быть Клеопатрой.

Ант. Мы еще насладимся радостями жизни.

Клеоп. Позвать къ главнокомандующему всѣхъ храбрыхъ его полководцевъ.

Ант. Такъ, такъ; хорошо! Я долженъ сообщить имъ свои намѣренія, и хочу, чтобы нынѣшнюю ночь вино расправило ихъ морщины. Пойдемъ, моя царица; у меня еще есть силы. Въ этой отчаянной битвѣ я заставлю смерть полюбить меня, потому что я буду сильно соревновать и содѣйствовать этому губительному чудовищу.

(Антоній и Клеопатра уходятъ.)

Эноб. Чудный онъ человѣкъ! Хочетъ устоять съ открытыми глазами противъ молніи. Неистовствовать — значитъ уже сильно волноваться страхомъ: въ такомъ расположеніи духа, пожалуй, и голубь нападетъ на строуса. Я вижу, что сердце моего генерала бѣсится отъ разстройства мозгу. Когда отвага беретъ перевѣсъ надъ разсудкомъ, воинъ готовъ изгрызть мечъ, которымъ онъ сражается. Я поспѣшу покинуть его.

(Уходитъ.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря подлѣ Александріи.

Входятъ цезарь, читая письмо, агриппа, меценатъ и другіе.

Цез. Онъ изволитъ называть меня мальчишкой; онъ грозитъ мнѣ, какъ будто у него станетъ силъ прогнать меня изъ Египта. Онъ осмѣлился высѣчь розгами моего посла, и вызываетъ меня на поединокъ, — Антоній—Цезаря! Пусть старый головорѣзъ знаетъ, что для него найдется много другихъ дорогъ къ смерти; а я между тѣмъ посмѣюсь надъ его вызовомъ.

Мец. Цезарь можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что такой великій человѣкъ, какъ Антоній, можетъ неистовствовать только въ крайности: и это уже значитъ, что самъ онъ предчувствуетъ свое паденіе. Не надо только давать ему отдыха, а пользоваться разстройствомъ его духа: человѣкъ во гнѣвѣ никогда не найдется хорошо защитить себя.

Цез. Скажите нашимъ храбрымъ воинамъ, что завтра мы дадимъ послѣднюю битву и довершимъ славу всѣхъ прежнихъ. Въ нашихъ рядахъ есть довольно людей, которые недавно еще служили Марку Антонію и помогутъ намъ добраться до него. Позаботьтесь, чтобы все было исправно; для арміи устройте веселый праздникъ: у насъ запасу много, да солдаты и заслужили это своею храбростію. — Бѣдный Антоній!

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА II.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ антоній, клеопатра, эноБАРБЪ, харміанъ, ира, алексасъ и другіе.

Ант. Домицій! Такъ онъ не хочетъ со мной сразиться?

Эноб. Нѣтъ.

Ант. А зачѣмъ же нѣтъ?

Эноб. Цезарь думаетъ, что по своему счастію онъ въ двадцать разъ будетъ стоить дороже тебя; и потому выходить на поединокъ съ тобой — значило бы ставить двадцать противъ одного.

Ант. Завтра, господа, буду я сражаться на сушѣ и на морѣ, — и либо останусь живъ, либо, если умру, то честь Антонія

непремѣнно оживитъ въ крови его: я не пожалѣю себя. А ты будешь ли также храбро сражаться?

Эноб. Я ударю противника и закричу: «бери все!»

Ант. Хорошо сказано. Ступай, позови моихъ старыхъ слугъ: пусть они заготовятъ намъ на нынѣшнюю ночь хорошій пиръ. (*Слуги входятъ.*) Дай мнѣ руку: ты всегда служилъ мнѣ честнымъ образомъ, — и ты также, и ты, и ты, и ты: вы всѣ служили мнѣ хорошо, и цари раздѣляли съ вами службу.

Клеоп. Къ чему это?

Эноб. (*Въ сторону.*) Это одинъ изъ тѣхъ прыжковъ, которыми печаль хочетъ вырваться изъ души его.

Ант. И ты также былъ у меня самый честный слуга. Я желалъ бы, чтобы изъ меня вышло столько человѣкъ, сколько васъ, и чтобы изъ всѣхъ васъ составился одинъ Антоній: тогда бы я могъ точно также отслужить вамъ, какъ вы мнѣ служили.

Всѣ. Сохрани Богъ!

Ант. Хорошо, добрые друзья мои! Послужите мнѣ еще нынѣшнюю ночь; не щадите вина въ мою чашу; смотрите на меня, какъ и прежде, когда еще подъ властію моею было такъ много царей, готовыхъ служить мнѣ вмѣстѣ съ вами.

Клеоп. Что онъ дѣлаетъ?

Эноб. Хочетъ прослезить своихъ друзей.

Ант. Послужите мнѣ еще этотъ вечеръ. Можетъ быть, имъ закончится вся ваша служба; можетъ быть, вы меня больше не увидите, или если и увидите, такъ уже не Антонія, а искаженную тѣнь его; можетъ статься, что съ утромъ вы будете служить другому господину. — Я смотрю на васъ, какъ будто хочу навсегда распростится съ вами. — Дорогіе друзья мои! Я не отсылаю васъ отъ себя, — нѣтъ. Будь я всегда тотъ же господинъ, какъ прежде: вы остались бы при мнѣ до самой смерти. Побудьте при мнѣ еще часа два, я не прошу больше, — и боги да наградятъ васъ за это.

Эноб. Что это ты дѣлаешь, Антоній? Къ чему такъ раздражать ихъ чувствительность? Посмотри, они плачутъ; да и мои глаза, даромъ — что я на эти вещи порядочный оселъ, какъ будто потерты луковицей. Прошу тебя, ради чести, не дѣлай изъ насъ плаксивыхъ бабъ.

Ант. О, о о! Убей меня Богъ, если въ умѣ моемъ было такое намѣреніе. Пусть счастіе выростетъ тамъ, гдѣ падутъ эти слезы. Любезные друзья мои! Вы слишкомъ превратно понимаете меня. Не опечалить, а развеселить васъ думалъ я своими словами: мнѣ хотѣлось попросить васъ, чтобы нынѣшнюю ночь вы зажгли какъ можно больше свѣтильниковъ въ моей комнатѣ. Вы вообразить не можете, мои милые, какъ многаго надѣюсь я отъ утра: я увѣренъ, что въ завтрашней битвѣ побѣда и жизнь, а не смерть и честь — будутъ моимъ удѣломъ. Пойдемъ-те къ столу; утопимъ въ винѣ лишнія заботы.

(Уходятъ.)

СЦЕНА III.

Тамъ же. Предъ дворцомъ.

Входятъ два солдата, поспѣшая на караулъ.

Пер. сол. Спокойной ночи, братъ! Завтра будетъ славный день.

Вт. сол. Онъ рѣшитъ все; прощай. Не слышалъ ли ты на улицахъ чего-нибудь особеннаго?

Пер. сол. Ничего не слыхалъ: а что такое?

Вт. сол. Нѣтъ! Это, кажется, былъ просто шумъ. Спокойной ночи!

Пер. сол. И тебѣ также.

Входятъ другіе два солдата.

Вт. сол. Счастливо, братцы, стоять на караулѣ.

Трет. сол. И тебѣ также. Спокойной ночи, спокойной ночи!

Двое первыхъ занимаютъ свои мѣста по угламъ сцены.

Чет. сол. Наше мѣсто вотъ здѣсь. (*Становятся на свои мѣста.*) Завтра, если посчастливитъ нашему флоту, то я уже не сомнѣваюсь, что на сушѣ побѣда останется за нами.

Тр. сол. Храбрый армеецъ, — да еще какой дальновидный!

(Подъ сценой музыка, — звуки гобоевъ.)

Чет. сол. Тише! Что тамъ за шумъ?

Пер. сол. Слушайте! Слушайте!

Вт. сол. Чу!

Пер. сол. Музыка въ воздухѣ.

Тр. сол. Подъ землей.

Чет. сол. А вѣдь это добрый знакъ, — не такъ ли?

Тр. сол. Нѣтъ!

Пер. сол. Замолчите, говорю вамъ. Что это за звуки?

Вт. сол. Это богъ Геркулесъ, который прежде такъ любилъ Антонія, теперь оставляетъ его.

Пер. сол. Пойдемъ туда, спросимъ другихъ караульныхъ, и они не слышали ли того же самаго?

(Переходятъ къ другому мѣсту.)

Вт. сол. Что это значитъ, друзья?

Сол. Что это? Что это? Слышете ли вы? (Сходятся многіе и разговариваютъ между собой.)

Пер. сол. Право, не чудно ли это?

Тр. сол. Слышите ли, братцы? Слышите ли?

Пер. сол. Пойдемъ за этими звуками по всѣмъ мѣстамъ караула; да посмотримъ, чѣмъ все это кончится.

Сол. (*Многіе въ одинъ голосъ.*) Какъ бы то ни было, а право, что-то чудно.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА IV.

Тамъ же. Комната во дворцѣ.

Входятъ Антоній, Клеопатра, Харміань и другіе прислужники.

Ант. Эросъ! Подай мой панцырь, Эросъ!

Клеоп. Сосни еще немножко.

Ант. Нѣтъ, моя голубка. — Эросъ, бѣги; неси мой панцырь, Эросъ, (*Эросъ входитъ съ панцыремъ.*) Ступай же, любезный, наряжай меня. Если нынѣ фортуна не порадуетъ насъ, то это развѣ оттого, что мы все дѣлаемъ ей наперекоръ. — Живѣй!

Клеоп. Нѣтъ, постой, Эросъ; я пособлю тебѣ. А это къ чему?

Ант. Ахъ! Пожалуй, пожалуй! Тебѣ одной принадлежитъ право вооружать мое сердце. — Немножко не такъ; — вотъ теперь ладно.

Клеоп. Въ самомъ дѣлѣ, пусти, Эросъ; я помогу вамъ. Вотъ это такъ должно быть.

Ант. Хорошо, хорошо. Твоя ручка легка: счастье будетъ на нашей сторонѣ.— Видишь ли, мой старый товарищъ? Ступай и ты также вооружись.

Эноб. Сейчасъ, сію минуту.

Клеоп. А это развѣ не хорошо убрано?

Ант. Прекрасно, безподобно! Кто осмѣлится измѣнять мою одежду, прежде, нежели мнѣ угодно будетъ раздѣться для отдыха, надъ тѣмъ разразится буря моего гнѣва. Ты что, Эросъ? Сплошалъ! Царица-то лучше тебя знаетъ твое дѣло. Ну же, проворнѣе. О моя милая! Если бы ты могла видѣть, какъ я нынѣшній день буду сражаться; если бы ты знала, какъ совершу я этотъ царственный подвигъ: ты увидѣла бы, каковъ Антоній! (*Входитъ офицеръ, въ полномъ вооруженіи.*) Съ добрымъ утромъ! Милости просимъ. Ты посматриваешь славнымъ воиномъ. Хорошо! Примемся за это любимое наше занятіе; выступимъ до зари и весело пойдемъ на бой.

Офиц. Тысяча подобныхъ мнѣ воиновъ, генералъ, поднялись также рано и ждутъ тебя у воротъ.

Воинскіе крики и музыка. Входятъ офицеры и солдаты.

Вт. офиц. Прекрасное утро.—Здравія желаемъ, генералъ!

Всѣ. Здравія желаемъ, генералъ!

Ант. Славная музыка, друзья мои. Подобно прекрасному юношѣ, который только-что хочетъ показаться въ свѣтъ, это утро обѣщаетъ намъ самую счастливую будущность. — Такъ, такъ; впередъ; дайте мнѣ это. — Проходите сюда: такъ, — прекрасно! — Прости, моя царица: что будетъ, то и будь. Вотъ тебѣ прощальный поцѣлуй воина! (*Цѣлуетъ ее.*) Я заслужилъ бы твое презрѣніе, если бы еще сталъ терять время въ утонченныхъ учтивостяхъ. Я оставляю тебя сію же минуту; я теперь твердъ, какъ булатъ. — За мной, мои товарищи! Я поведу васъ на поле брани. — Прощай.

(Антоній, Эросъ, офицеры и солдаты уходятъ.)

Харм. Не угодно ли тебѣ, государыня, возвратиться въ свою комнату?

Клеоп. Пожалуй, проведи меня.—Онъ выступаетъ геройски. — Дай Богъ, чтобы въ этой битвѣ покончилъ онъ войну съ Цезаремъ! Тогда мой Антоній... но если... Ну, такъ и быть; пойдемъ.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА V.

Лагерь Антонія подлѣ Александріи.

Военная музыка. Входятъ антоній и эросъ. Къ нимъ на встрѣчу идетъ солдатъ.

Солд. Дай Богъ Антонію нынѣшній день всякаго счастія!

Ант. Вѣдь ты, кажется, въ прошедшій разъ убѣждалъ меня сражаться на сушѣ, а не на морѣ? Вотъ я теперь послушаюсь твоихъ совѣтовъ.

Солд. Если бы ты тогда сдѣлалъ такъ, какъ я тебѣ говорилъ, то отпавшіе отъ тебя цари и воины, оставившій тебя нынѣшнимъ утромъ, все еще слѣдовали бы по стопамъ твоимъ.

Ант. Кто ушелъ отъ насъ нынѣшнимъ утромъ?

Солд. Кто? Одинъ изъ твоихъ приближенныхъ. Изволь теперь кликнуть Энобарба: онъ не услышитъ тебя; а если услышитъ, такъ скажетъ изъ лагеря Цезарева: «я уже не твой.«

Ант. Что ты говоришь?

Солд. Такъ, генералъ; теперь онъ у Цезаря.

Эр. А его сундуки и сокровища остались у насъ.

Ант. Ужели онъ ушелъ?

Солд. Я это знаю, какъ нельзя лучше.

Ант. Ступай, Эросъ, отошли къ нему всѣ сокровища его; исполни въ точности мое приказаніе; не забудь ни одной полушки,—слышишь, говорю тебѣ. Напиши ему въ самыхъ благородныхъ и учтивыхъ выраженіяхъ мое прощаніе: я желалъ бы, чтобы онъ никогда не былъ больше вынужденъ перемѣнять своего господина. Напиши это, а я подпишу свое имя.—О несчастный Антоній! Лучшіе друзья твои оставляютъ тебя.—Ступай скорѣе.—Энобарбъ!..

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА VI.

Лагерь Цезаря подлѣ Александріи.

Военная музыка. Входятъ цезарь, агриппа, энобарбъ и другіе.

Цез. Ступай впередъ, Агриппа, и начни битву. Мы хотимъ, чтобы Антоній былъ взятъ живой. Скажи это нашимъ.

Агр. Слушаю, Цезарь!

(Уходитъ.)

Цез. Наконецъ приближается время всеобщаго мира. Если посчастливитъ намъ нынѣшній день—три части міра сами собой украсятся масличными вѣтвями.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣст. Антоній уже на полѣ битвы.

Цез. Поди, скажи Агриппѣ, чтобы въ переднихъ рядахъ онъ поставилъ тѣхъ солдатъ, которые перешли къ намъ отъ Антонія: пусть во гнѣвѣ своемъ онъ устремится сначала на своихъ.

(Цезарь и его свита уходятъ.)

Энноб. Алексасъ измѣнилъ Антонію: отправясь въ Іудею по дѣламъ своего господина, онъ уговорилъ Ирода великаго оставить Антонія и перейти на сторону Цезаря. Въ благодарность за это одолженіе Цезарь его повѣсилъ.—Канидій и другіе, бѣжавшіе отъ своего генерала, хотя приняты въ армію, но не удостоиваются ни чести, ни довѣрія.—Я рѣшился на самое подлое дѣло и долженъ вѣчно упрекать себя въ немъ, такъ что отнынѣ для меня уже не будетъ никакой радости въ жизни.

Входитъ солдатъ Цезаря.

Солд. Энобарбъ! Вслѣдъ за тобою Антоній послалъ сюда всѣ твои сокровища, съ увѣреніемъ во всегдашней къ тебѣ благорасположенности. Посолъ его поступилъ ко мнѣ подъ-стражу, и теперь въ палаткѣ складываетъ тяжести съ своихъ муловъ.

Энноб. Я отдаю все тебѣ.

Солд. Не смѣйся надо мной, Энобарбъ: я говорю тебѣ сущую правду. Возьми подъ свою защиту бѣднаго труженика, привезшаго тебѣ твое имѣніе, и проведи его изъ нашего лагеря. Я самъ принялъ бы на себя этотъ трудъ.—Ну, а ужъ твой господинъ! И теперь еще настоящій Юпитеръ.

(Солдатъ уходитъ.)

Энноб. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ человѣка безчестнѣе меня,—и я вполнѣ чувствую свой позоръ. О Антоній, неистощимый родникъ великодушія! Какъ щедро заплатилъ бы ты мнѣ за мою вѣрную службу, если и самую измѣну мою осыпаешь золотомъ! Сердце мое готово разорваться, и если жестокія угрызенія не сокрушатъ его теперь же, то скоро, скоро они подавятъ меня подъ своею тяжестію. Но я чувствую, что мнѣ не пережить дня своего безславія.—Мнѣ сражаться противъ тебя! Нѣтъ; я пойду искать какой нибудь ямы, гдѣ бы можно было мнѣ скончать дни свои: постыднѣйшая смерть всего приличнѣе будетъ моей постыдной жизни.

(Уходитъ.)

=

СЦЕНА VII.

Поле битвы между лагерями Цезаря и Антонія.

Шумъ оружія. Трубы и барабаны. Входятъ агриппа и другіе.

Агр. Назадъ, назадъ: мы слишкомъ далеко простерли свою отвагу. Самому Цезарю будетъ здѣсь надъ чѣмъ призадуматься. Сопротивленіе со стороны непріятеля было такъ сильно, что мы не ожидали ничего подобнаго.

Шумъ оружія. Входятъ антоній и скаръ, израненные.

Ск. О мой храбрый генералъ! Вотъ ужъ что называется сражаться! Да если бы намъ и въ прошедшій разъ также взяться за

дѣло; мы лихо прогнали бы ихъ домой съ окровавленными лицами.

Ант. У тебя сильно кровь течетъ.

Ск. Прежде рана моя походила на литеру Т; теперь вышло Н.

Ант. Они принуждены отступить.

Ск. Мы ихъ загонимъ въ норы; у меня еще осталось мѣста для шести или еще болѣе ранъ.

(Входитъ эросъ.)

Эр. Они разбиты, генералъ: нашъ перевѣсъ можно считать совершенною побѣдой.

Ск. Надо искромсать ихъ спины и загнать, какъ зайцевъ: преслѣдовать бѣглецовъ — моя любимая потѣха.

Ант. Тебѣ будетъ отъ меня особенная награда за твое веселое удальство, и потомъ еще десять наградъ за твою храбрость. Пойдемъ со мной.

Ск. За тобой — хоть въ огонь.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА VIII.

Подъ стѣнами Александріи.

Военная музыка. Входятъ маршемъ антоній, скаръ и войско.

Ант. Мы прогнали ихъ назадъ къ своему лагерю.—Бѣги кто-нибудь во дворецъ увѣдомить царицу, что побѣдители идутъ къ ней въ гости.—Завтра, еще не успѣетъ показаться солнце, мы прольемъ остальную кровь, которая не успѣла у насъ вытечь сегодня.—Благодарю васъ, друзья мои, всѣхъ до одного: вашими руками совершены чудеса храбрости. Вы сражались, не какъ люди, обязанные содѣйствовать общему благу, но каждый изъ васъ бился за меня, какъ бы за свою собственную жизнь. Всѣ вы показали себя настоящими Гекторами въ брани. Войдите съ торжествомъ въ городъ; обнимайте своихъ женъ, своихъ друзей; разсказывайте имъ свои подвиги, между тѣмъ-какъ они радостными слезами будутъ омывать запекшуюся на васъ кровь и съ благоговѣніемъ цѣловать ваши почтенныя раны. *(Скоро.)* Дай мнѣ свою руку. *(Входитъ Клеопатра съ своею свитой.)* Предъ этой великой Феей буду я прославлять твое геройство; изъ устъ моей очаровательницы пусть польются на тебя похвалы, достойныя твоихъ подвиговъ.—О ты, свѣтъ очей моихъ! Заключи въ своихъ объятіяхъ эту шею, еще покрытую сталью, пади на грудь мою; облобызай меня; прижмись ко мнѣ, и сквозь панцырь почувствуй трепетное біеніе моего торжествующаго сердца.

Клеоп. Царь царей! О безпредѣльное мужество! Ты выходишь съ улыбкой на устахъ изъ этихъ всесвѣтныхъ сѣтей, въ которыхъ думала запутать тебя коварная фортуна.

Ант. Мой соловушекъ! Мы прогнали враговъ назадъ къ своимъ бабамъ. Ахъ, дитя мое! Хотя сѣдые волосы мѣшаются у меня съ черными: но мой мозгъ поддерживаетъ еще живость въ моихъ нервахъ, и распаляетъ во мнѣ жаръ юности. —Взгляни на этого доблестнаго мужа; въ награду за его храбрость, дай ему облобызать свою нѣжную ручку. — Цѣлуй ее, мой добрый воинъ.—Нынѣшній день онъ сражался, какъ богъ, исполненный ненависти къ роду человѣческому, хотя и носитъ на себѣ видъ смертнаго.

Клеоп. Другъ мой! Я подарю тебѣ полное вооруженіе изъ чистаго золота: оно будетъ истинно царское.

Ант. Онъ заслужилъ, хотя бы его съ ногъ до головы убрать карбункулами, блистающими подобно колесницѣ Феба.—Дай мнѣ свою руку.—Пройдемъ всю Александрію въ тріумфѣ. Несите предъ нами наши щиты изрубленные, какъ и тѣ герои, которымъ они принадлежатъ. Если бы нашъ дворецъ могъ вмѣстить въ себѣ всѣ наши войска; мы стали бы пировать всѣ вмѣстѣ и веселиться до самаго роковаго часа; потому что завтра будетъ послѣдняя и рѣшительная битва. — Музыканты! Оглушите городъ громомъ своихъ мѣдныхъ трубъ и литавръ; сотрясите небо и землю, и заставьте ихъ отвѣчать вашимъ звукамъ. Пусть все привѣтствуетъ наше приближеніе.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА IX.

Лагерь Цезаря.

Караульные стоятъ на своихъ мѣстахъ. Входитъ энобарбъ.

Пер. солд. Если въ этотъ часъ насъ не смѣнятъ, мы должны будемъ идти на гауптвахту. Какая свѣтлая ночь! Завтра во второмъ часу утра, говорятъ, должно снова начаться сраженіе.

Вт. солд. А въ этотъ день намъ было куда-какъ жарко!

Энob. О ночь, будь моею свидѣтельницей!

Пер. солд. Что это за человѣкъ?

Вт. солд. Тише,—прислушаемся къ его словамъ.

Энob. О благословенная луна! Будь мнѣ свидѣтельницей предъ потомствомъ, которому исторія сохранитъ ненавистную память измѣнниковъ, что бѣдный Энобарбъ раскаялся въ твоемъ присутствіи.

Пер. солд. Энобарбъ!

Тр. солд. Тише! Слушайте, что будетъ дальше.

Энob. О верховная владычица истинной меланхоліи! Пролей на меня ядовитые пары ночи. Пусть больше не тяготѣетъ на мнѣ эта жизнь, столь враждебная моимъ желаніямъ. Повергни мое сердце на жестокій мой грѣхъ, какъ на скалу: изсушенное печалью, оно скоро разсыплется въ мелкій порошокъ и положитъ конецъ всѣмъ ужаснымъ мыслямъ, которыя теперь мучатъ меня. О Антоній! Благородство души твоей несравненно выше, нежели какъ низка и безчестна моя измѣна: по крайней мѣрѣ съ своей стороны прости меня; а міръ ужъ пусть занишетъ меня въ своихъ лѣтописяхъ постыднымъ бѣглецомъ, измѣнившимъ своему доброму господину. О Антоній, Антоній!

(Умираетъ.)

Вт. солд. Поговоримъ съ нимъ.

Пер. солд. Нѣтъ, лучше подслушаемъ, что онъ говоритъ: кажется, его рѣчи могутъ быть важны для Цезаря.

Тр. солд. Въ самомъ дѣлѣ, лучше подслушаемъ. Да онъ уснулъ.

Пер. солд. А я думаю, такъ онъ въ обморокѣ: мнѣ еще никогда не случалось слыхать такой молитвы передъ сномъ.

Вт. солд. Подойдемъ къ нему.

Тр. солд. Пробудись, пробудись, Энобарбъ; поговори съ нами.

Вт. солд. Слышишь ли? Энобарбъ!

Пер. солд. Онъ отправился на тотъ свѣтъ. *(Звукъ трубъ вдали.)* Слышишь ли, Энобарбъ? Вонъ этими трубами подаютъ арміи знакъ вставать. Понесемъ его на гауптвахту: это, вѣдь, не простой солдатъ. Нашъ часъ уже прошелъ.

Вт. солд. Пойдемъ, понесемъ его проворнѣе: можетъ быть, онъ пробудится.

(Уходятъ съ тѣломъ Энобарба.)

=

СЦЕНА X.

Между лагерями Цезаря и Антонія.

Входятъ маршомъ антоній, скаръ и войско.

Ант. Они приготовляются къ морскому сраженію: на сушѣ, видно, имъ не понравилось.

Ск. Они хотятъ, генералъ, сразиться съ нами на морѣ и на сушѣ.

Ант. Пожалуй, сражайтесь еще хоть въ огнѣ, или въ воздухѣ: вездѣ мы останемся ихъ побѣдителями. Но вотъ что надо помнить: наша инфантерія пусть стоитъ съ нами вонъ около тѣхъ холмовъ, что прилегаютъ къ городу; приказанія морскимъ офицерамъ розданы,—и нашъ флотъ уже двинулся съ пристани; нужно выбрать такое мѣсто, откуда бы лучше можно было разсмотрѣть положеніе непріятельскихъ кораблей и наблюдать за ихъ движеніями.

(Уходятъ.)

Входятъ маршомъ цезарь и его войско.

Цез. Пока самъ онъ не сдѣластъ на насъ нападенія на сушѣ, мы не должны выскакивать: впрочемъ, мнѣ кажется, и съ ихъ стороны нападенія не будетъ, потому что лучшая часть ихъ войска отправлена на галеры. Надобно поспѣшить въ долины и воспользоваться выгоднѣйшимъ положеніемъ.

(Уходятъ.)

Входятъ антоній и скаръ.

Ант. Они еще не соединились. Я поскорѣе займу вотъ эту возвышенность—подлѣ сосенъ; оттуда можно будетъ обозрѣть положеніе непріятельской арміи. Тебѣ немедленно дано будетъ знать, какъ вести сраженіе.

(Антоній уходитъ.)

Ск. На парусахъ Клеопатры ласточки свили гнѣзда.—Авгуры говорятъ, что они не знаютъ,—что они не могутъ сказать.... Они посматриваютъ какъ-то невесело и, кажется, не осмѣливаются объявить, что они предугадываютъ. Антоній храбръ; но онъ примѣтно упалъ духомъ: его колеблющееся счастіе заставляетъ его попеременно, то надѣяться, то страшиться того, что скрываетъ отъ него будущее.

Вдали шумъ морскаго сраженія. Входитъ антоній.

Ант. Все погибло! Эта безчестная Египтянка измѣнила мнѣ. Мой флотъ предался на сторону непріятеля. Я видѣлъ, какъ мои солдаты бросали вверхъ свои шапки и пили съ врагами, обнимая ихъ, какъ друзей, послѣ долгой разлуки.—О вѣтренная кокет-

ка! Ты продала меня этому безбородому юношѣ: теперь съ тобой одной должно воевать мое сердце. — Скажи, чтобы всѣ бѣжали отъ меня: мнѣ остается только отмстить этой коварной фуріи-обольстительницѣ, и тогда для меня будетъ все кончено. —Пусть всѣ уходятъ; пусть всѣ бѣжать отъ Антонія. *(Скаръ уходитъ.)* Мнѣ не видать больше восхода солнца. О счастіе! Я долженъ разлучиться съ тобою навсегда: здѣсь въ послѣдній разъ потрясемъ другъ другу руки и распростимся.— Ужели этимъ должна была кончиться слава Антонія? Низкія сердца, которыя ползали по пятамъ моимъ, и которыхъ желаніямъ я столько разъ удовлетворялъ, теперь совсѣмъ растопились отъ славы Цезаря, и расточаютъ предъ нимъ свои ласки. Величавой соснѣ обрубили вѣтви, и всякъ, кто прежде покоился подъ ея тѣнью, теперь оставляетъ ее. — Я жестоко обманутъ. О измѣнническое сердце Египтянки! Глаза этой адской очаровательницы сильны были подвигнуть меня на брань и тотчасъ же обезоружить; ея грудь была престоломъ моей славы, главною цѣлію всѣхъ моихъ подвиговъ. И вотъ она провела меня, какъ настоящая цыганка, и низвергла въ бездну погибели. Гдѣ ты; Эросъ? Эросъ! *(Входитъ Клеопатра.)* А, это ты, чародѣйка? Прочь, прочь съ глазъ моихъ!

Клеоп. Ахъ! Отчего мой Антоній такъ сильно ожесточенъ противъ своей любезной?

Ант. Удались, или ты будешь наказана мною по заслугамъ, и лишишь Цезаря удовольствія—влечь тебя въ своемъ тріумфѣ. Пусть онъ свяжетъ тебя и подниметъ на показъ ликующей Римской черни.—Укрась своимъ позоромъ торжественную колесницу побѣдителя: тамъ тебя будутъ показывать, какъ чудовище, всякому за самую мелкую монету. Пусть терпѣливая Октавія исцарапаетъ твое лице своими ногтями, нарочно отрощенными для мести. *(Клеопатра уходитъ.)* Ты хорошо дѣлаешь, что уходишь отсюда, если жизнь еще дорога для тебя: по лучше было бы, если бъ ты пала сейчасъ же подъ тяжестію моего гнѣва. Однимъ смертельнымъ ударомъ мой мечъ спасъ бы тебя отъ тысячи смертей. Гдѣ ты, Эросъ? —Я чувствую на себѣ сожигающую меня рубашку Несса: Акидъ—мой славный предокъ, вложи въ меня свою ярость, чтобъ я могъ закинуть своего Лихаса на рога луны; дай мнѣ свои крѣпкія руки и свою огромную дубину, чтобъ ею могъ я за одинъ разъ уничтожить себя. Смерть моей обольстительницѣ! Она продала меня Римскому молокососу,—и Антоній долженъ пасть жертвою ихъ сплетней.— Смерть преступницѣ! —Гдѣ ты, Эросъ!

(Уходитъ.)

=

СЦЕНА XI.

Александрія. Комната во дворцѣ Клеопатры.

Входятъ Клеопатра, Харміань, Ира и Мардіанъ.

Клеоп. Помогите мнѣ, милыя. О! Аяксъ не былъ такъ раздраженъ за щитъ Ахиллесса, и вепрь Ѳессалійскій не былъ такъ страшенъ, какъ теперь мой Антоній.

Харм. Государыня! Скройся въ памятникъ; заключись тамъ и пошли къ нему человѣка сказать, что ты умерла. Легче душѣ разстаться съ тѣломъ, нежели герою съ своимъ величіемъ.

Клеоп. Въ самомъ дѣлѣ, я пойду, скроюсь: Мардіанъ, бѣги къ нему и скажи, что я кончила жизнь самоубійствомъ. Не забудь прибавить, что послѣднимъ словомъ моимъ было имя Антонія, и сдѣлай милость, произнеси это имя самымъ жалобнымъ голосомъ. Бѣги же, бѣги скорѣе, Мардіанъ, и потомъ немедленно донеси мнѣ, какъ на него подѣйствуетъ разсказъ о моей смерти.—А я заключусь въ памятникѣ.

(Уходятъ.)

=

СЦЕНА XII.

Тамъ же. Другая комната.

Входятъ Антоній и Эросъ.

Ант. Эросъ, ты еще меня видишь?

Эр. Да, мой повелитель.

Ант. Видалъ ли ты, какъ иногда облако образуется наподобіе ужаснаго дракона, льва или медвѣдя; а въ другое время соберется цѣлая груда облаковъ въ видѣ крѣпости съ башнями или въ видѣ падающихъ скалъ; а иногда составятся зубчатые верхи горъ, и холмы съ деревьями, склоняющимся къ землѣ и угрожающими на насъ обрушиться,—видалъ ли ты эти страшные призраки когда нибудь при закатѣ солнца?

Эр. Видалъ, Антоній.

Ант. Иное облако вдругъ покажется, какъ бодрый конь, и въ мгновеніе мысли опять смѣшается съ другими облаками и

потеряется въ нихъ неприметно, какъ вода въ водѣ.

Эр. Такъ точно, сударь.

Ант. Ахъ, мой добрый Эросъ! Твой господинъ теперь не больше, какъ одинъ изъ такихъ призраковъ. Ты видишь еще Антонія; но не долго будетъ занимать тебя этотъ блестящій образъ.—Для Египта предпринялъ я эту войну,—и царица, сердце которой, какъ я думалъ, навѣкъ будетъ принадлежать мнѣ, потому что она владѣла моимъ сердцемъ (а когда мое сердце было свободно—больше милліона сердецъ, теперь уже потерянныхъ для меня, питали къ нему искреннюю привязанность),—эта царица, Эросъ, устроила противъ меня козни съ Цезаремъ и сыграла жестокую шутку надъ моею славою, для тріумфа моего противника.—Что жъ дѣлать, милый Эросъ? Полно плакать. Намъ осталась еще честь—положить конецъ своей жизни. (*Входитъ Мардіанъ.*) О, твоя безстыдная госпожа! Она и мечъ у меня похитила.

Мард. Нѣтъ, Антоній; моя госпожа любила тебя, и судьба ея тѣсно была соединена съ твоей судьбой.

Ант. Прочь съ глазъ, несносный эвнухъ, или по крайней мѣрѣ молчи. Она измѣнила мнѣ, и должна умереть отъ рукъ моихъ.

Мард. Никто изъ насъ не можетъ умереть дважды, какъ бы ни были велики наши преступленія; а моя госпожа уже умерла. Что ты только еще собираешься сдѣлать, то она уже сдѣлала и безъ тебя,—и послѣдними словами ея были: *Антоній! мой милый, благородный Антоній!* Она еще разъ хотѣла произнесть имя Антонія, но послѣдній вздохъ остановилъ его между сердцемъ и устами: такъ кончила она свою жизнь, и твое имя погребено въ ней съ честію.

Ант. Неужели она умерла?

Мард. Умерла.

Ант. Эросъ! Снимай съ меня все оружіе; дневной трудъ мой конченъ; мнѣ пора отдохнуть.—Ты, эвнухъ, убирайся съ глазъ моихъ и считай себя счастливымъ, что выходишь отсюда цѣлъ. Пополъ — пополъ вонъ! (*Мардіанъ уходитъ.*)—Иди же, Эросъ; раздѣнь меня. Седмимужественный щитъ Аякса не могъ бы удержать мое сердце отъ біенія. О! Распадитесь, бока мои; сердце, разрушь свою темницу—эту бренную плоть, которая стѣснятъ тебя.—Скорѣй, Эросъ, скорѣй!—Я болѣе не хочу быть воиномъ.—Долой съ меня все негодное оружіе: по крайней мѣрѣ я носилъ его съ честію.—Выйди отсюда, Эросъ, на минуту. (*Эросъ уходитъ*). — Я поспѣшу за тобой, милая моя Клеопатра, и со слезами буду просить у тебя прощенія. Мнѣ должно умереть сію же минуту: всякая отсрочка только усугубила бы мои мученія. Когда уже свѣтильникъ мой погасъ: пора успокоиться, и нечего медлить. Теперь всѣ старанія удержать меня будутъ напрасны: пусть сила моя падетъ жертвою моей собственной рѣшимости. Закрою глаза свои,—и всему конецъ.—Эросъ!—Я иду къ тебѣ, царица души моей.—Эросъ!—Встрѣчай меня въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ тѣла усопшихъ покоятся на цвѣтахъ душистыхъ; тамъ, схватившись рука съ рукой, мы будемъ гулять съ тобою,—и духи съ изумленіемъ станутъ смотрѣть на наше величественное шествіе. Дидона и Эней будутъ оставлены ихъ свитой: всѣ обитатели блаженныхъ странъ поспѣшатъ вслѣдъ за нами.—Эросъ, Эросъ! Поди сюда.

(Входитъ Эросъ.)

Эр. Что угодно, мой добрый господинъ?

Ант. Съ той минуты, какъ умерла Клеопатра, жизнь моя сдѣлалась столь безчестною, что боги не могутъ смотрѣть на мою низость. Я, котораго мечъ раздѣлялъ міръ на участки, который на зеленомъ хребтѣ Нептуна построялъ города изъ кораблей,—теперь—къ стыду своему — долженъ признаться: я не имѣю храбрости женщины. У меня меньше духа, чѣмъ у Клеопатры: своею геройскою смертію она дала знать Цезарю, что никто не могъ быть ея побѣдителемъ, кромѣ ея самой. Эросъ! Я помню, ты клялся мнѣ, что, когда потребуетъ нужда, когда увидишь рядъ невыносимыхъ золъ, ужасающихъ и преслѣдующихъ меня, ты, по первому моему слову, умертвишь меня. Теперь это время пришло: выполняй свою клятву. Своимъ ударомъ не мнѣ нанесешь ты обиду, а Цезарю, лишая его побѣднаго торжества. Что жъ ты блѣднѣешь? Одушевись и замѣни эту блѣдность румянцемъ.

Эр. Боги да удержатъ меня! Какъ могу я рѣшиться на то, чего не могли сдѣлать тебѣ враги наши Парояне, не умѣвшіе попасть въ твою грудь своими копьями?

Ант. Такъ ужели захочешь ты, Эросъ, изъ какого нибудь окна въ Римѣ смотрѣть на своего господина, вотъ такъ связаннаго

по рукамъ, съ нагнутою шеею, съ лицомъ горящимъ отъ стыда,—между тѣмъ, какъ торжественная колесница счастливаго Цезаря покатится впереди меня и будетъ пятнать меня грязью, къ удовольствію побѣдителя?

Эр. О, нѣтъ! Никогда я этого не увижу, Антоній.

Ант. Такъ послушайся же меня: одною раною ты избавишь меня отъ всѣхъ золъ. Извлеки свой вѣрный мечъ, которой съ такою пользою употреблялъ ты, подвизаясь за свое отечество.

Эр. Ахъ, Антоній! Пощади меня.

Ант. Какъ? Когда я отпускалъ тебя на свободу, не клялся ли ты мнѣ сдѣлать это по первому моему приказанію? Дѣлай же сейчасъ.—Я приказываю; иначе всю службу твою я буду считать дѣломъ случая, безъ цѣли, безъ правилъ. Вынимай свой мечъ и поди сюда.

Эр. Обороти по крайней мѣрѣ отъ меня это величественное лицо, котораго черты достойны обожанія всего міра.

Ант. (Отворотивъ лицо.) Ну, скорѣй!

Эр. Мой мечъ готовъ.

Ант. Пусть однимъ ударомъ онъ совершитъ свое дѣло!

Эр. Мой любезный господинъ, мой вождь, мой верховный повелитель! Прежде нежели я занесу руку на этотъ роковой ударъ, позволь сказать тебѣ мое послѣднее-прости.

Ант. Ты уже сказалъ, другъ. Прощай.

Эр. Прощай, великій герой. Ударить ли!

Ант. Въ сію минуту, Эросъ.

Эр. Изволь... *(Самъ падаетъ на свой мечъ.)* Такъ я избавляю себя отъ мученія видѣть смерть Антонія.

(Умираетъ.)

Ант. О слуга, несравненно благороднѣйшій своего господина! Ты своимъ примѣромъ, храбрый Эросъ, научаешь меня, совершить то, что я долженъ, но чего не могъ совершить. Моя царица и Эросъ должны превзойти меня своею славою въ потомствѣ. Теперь я самъ хочу быть женихомъ своей смерти, и обниму ее, какъ свою возлюбленную. Посмотри, Эросъ,—твой господинъ умираетъ твоимъ ученикомъ. Сдѣлать такъ *(падаетъ на свой мечъ)* ты меня научилъ.—Какъ? Еще не конецъ? Я еще не умираю? Гей! Стражи! О, сократите мои мученія!

Входятъ дерцетъ и стражи.

Пер. стр. Что здѣсь за крикъ?

Ант. Друзья! Я худо справилъ свое дѣло. О, докончите поскорѣе, что я началъ.

Вт. стр. Звѣзда пала.

Пер. стр. Его роковая минута приблизилась.

Всѣ. Увы! О горе, горе!

Ант. Кто изъ васъ любитъ Антонія, тотъ порази его смертельнымъ ударомъ.

Пер. стр. Я не берусь.

Вт. стр. Я не берусь.

Тр. стр. Никто изъ насъ не возьмется.

(Стражи уходятъ.)

Дерц. Твоя смерть и твоя участь заставляютъ приближенныхъ твоихъ убѣгать отъ тебя. Покажись я Цезарю только съ мечемъ Антонія и съ извѣстіемъ объ этомъ обстоятельствѣ: я войду у него въ большую милость.

Входитъ діомедъ.

Діом. Гдѣ Антоній?

Дерц. Вонъ тамъ, Діомедъ; вонъ видишь!

Діом. Живъ ли онъ? — Что ты мнѣ не отвѣчаешь?

(Дерцетъ уходитъ.)

Ант. Не ты ли здѣсь, Діомедъ? Вынь смой мечъ и отправь меня поскорѣе на тотъ свѣтъ.

Діом. Великій Антоній! Меня послала къ тебѣ госпожа моя Клеопатра.

Ант. Давно ли она тебя послала?

Діом. Сію минуту, сударь.

Ант. Гдѣ она?

Діом. Она заключилась въ своемъ памятникѣ. Это бѣдственное событіе, на которое я теперь смотрю съ ужасомъ, ей напередъ было извѣстно по какому-то тайному предчувствію. Лишь только замѣтила она, что ты — Богъ знаетъ, почему — подозрѣваешь ее въ заговорѣ съ Цезаремъ и что гнѣвъ твой неукротимъ — ей пришло на мысль-послать къ тебѣ Мардіана, чтобы сказать, что она уже умерла. Но страшась послѣдствій, какія могло вести за собой это извѣстіе, она вскорѣ приказала мнѣ поспѣшить сюда и объяснить, въ чемъ дѣло. Такимъ образомъ я пришелъ къ тебѣ; но боюсь, чтобъ не было уже поздно.

Ант. Слишкомъ, слишкомъ поздно, любезный Діомедъ. Прошу тебя, позови сюда моихъ стражей.

Діом. Гей! Кто тамъ есть? Стражи! Слышите ли?

Ант. Несите меня, друзья мои, туда,

гдѣ Клеопатра. Это послѣдняя услуга, которую вы мнѣ окажете.

Пер. стр. Ахъ, какъ горько сердцу, что нашъ добрый господинъ не можетъ пережить всѣхъ вѣрныхъ своихъ слугъ!

Всѣ. О ужасный день!

Ант. Перестаньте рыдать: жестокая судьба не тронется вашими слезами. Пусть она наказываетъ насъ; мы отмстимъ ей, если великодушно и съ совершеннымъ спокойствіемъ перенесемъ ея удары. Поднимите меня! Я часто водилъ васъ на поле брани; теперь вы несите меня и примите за все мою искреннюю благодарность.

(Уходятъ, неся Антонія.)

СЦЕНА XIII.

Тамъ же. Памятникъ.

Входятъ клеопатра, харміань и ира.

Клеоп. О Харміань! Я уже никогда не выйду отсюда.

Харм. Успокойся, моя любезная госпожа.

Клеоп. Нѣтъ; въ жизни мнѣ не осталось ничего отраднаго. Я приготовилась къ самымъ ужаснымъ, невыносимымъ страданіямъ, и отвергаю всякое утѣшеніе. Пусть скорбь моя возрастаетъ и увеличивается съ минуты на минуту, пока не уравняется съ тою причиною, которая произвела ее. *(Входитъ Діомедъ.)* Что, что такое? Живъ ли онъ?

Діом. Живъ еще; но смерть виситъ надъ нимъ на волоскѣ. Загляни вонъ съ той стороны памятника, — и ты увидишь: стражи несутъ его суда.

(Стражи показываются съ Антоніемъ.)

Клеоп. О солнце! Сожги весь земной шаръ, который грѣешь ты своими лучами. Пусть вѣчная ночь покрываетъ этотъ міръ, исполненный такого непостоянства! — О Антоній, Антоній, Антоній! — Харміань, пособи; пособи, Ира; пособите, друзья мои— поднимемъ его сюда.

Ант. Успокойся: я умираю не отъ руки Цезаря: надъ Антоніемъ могъ торжествовать только самъ Антоній.

Клеоп. Такъ, конечно такъ: никто, кромѣ Антонія, не могъ побѣдить Антонія; Но, ахъ! Что я вижу?

Ант. Я умираю, Царица Египта, я умираю. Только еще на одну минуту прошу отсрочки у смерти, чтобы напечатлѣть на твоихъ устахъ мой послѣдній поцѣлуй, самый бѣдный въ сравненіи съ тысячами прежнихъ.

Клеоп. Я не смѣю, не смѣю, — извини меня, мой милый Антоній, — я не смѣю сойти отсюда: они схватятъ меня. Никогда Цезарю, такъ щедро осыпаемому дарами счастія, не удастся увидѣть меня привязанною къ его торжественной колесницѣ. Пока мечъ будетъ имѣть остріе, ядъ-свою силу, змѣи — свои жала, — я останусь свободна и безопасна. Никогда жена твоя Октавія, съ скромными глазами и съ холоднымъ сердцемъ, не будетъ любоваться моимъ позоромъ. Приближься, приближься ко мнѣ, Антоній; поддержите меня, мои милыя; надо поднять его сюда; пособите намъ, любезные друзья мои!

Ант. О скорѣе, скорѣе; или я закрою навсегда глаза свои.

Клеоп. Да, будто это шутка?—Ахъ, какъ должно быть тяжело тебѣ, мой милый Антоній! Всѣ наши усилія облегчить твою участь лишь только усугубятъ твои страданія. Если бы у меня была власть Юноны: Меркурій поднялъ бы тебя на своихъ мощныхъ крыльяхъ и посадилъ бы подлѣ самаго Юпитера.— Но спѣши, спѣши ко мнѣ. Желанія любящихъ сердецъ всегда причудливы до безумія. — Ну же, ну, ну! *(Поднимаютъ Антонія.)* Сюда, сюда, мой милый. Умри на этой груди, на которой ты покоился при жизни. Пусть мой горячій поцѣлуй оживитъ тебя. Ахъ, если бы уста мои имѣли эту силу, я не пожалѣла бы ихъ для Антонія.

Всѣ. О, трогательное зрѣлище!

Ант. Я умираю, царица души моей, я умираю. Дай мнѣ нѣсколько капель вина, чтобы я могъ еще что нибудь сказать тебѣ.

Клеоп. Нѣтъ, полно утруднять себя. Оставь мнѣ проклинать фортуну — эту хитрую тиранку, пока колесница ея не треснетъ отъ моихъ отчаянныхъ воплей.

Ант. Одно слово, моя милая. Проси у Цезаря безопасности жизни и сохраненія своей чести. — О!

Клеоп. Это двѣ вещи несовмѣстимыя.

Ант. Послушай меня, добрая моя—никому не довѣряйся при дворѣ Цезаря, кромѣ Прокулея.

Клеоп. Я довѣряюсь только своей рѣшимости и рукамъ своимъ: мнѣ не нужны будутъ ни Цезарь, ни его придворные.

Ант. Вотъ бѣдственный конецъ моей счастливой жизни—Не тужи, не плачь обо мнѣ. Утѣшай свое сокрушенное сердце пріятнымъ воспоминаніемъ прошедшаго, когда мы, верховно владычествуя надъ мі-

ромъ, вкушали всѣ радости изъ полной чаши удовольствій. Я умираю не рабомъ, не трусомъ; я повергъ свой шлемъ предъ соотечественникомъ, — Римлянинъ славно побѣжденный Римляниномъ. Ахъ! Мой другъ уходитъ. Я не могу болѣе....

[Умираетъ.]

Клеоп. О благороднѣйшій изъ людей! Ты умираешь? Тебѣ уже не нужны мои ласки? Ахъ! Неужели я одна останусь въ этомъ мрачномъ мірѣ, который безъ Антонія будетъ для меня настоящею темницею? О! Посмотрите, мои милыя, — земля утратила этотъ драгоцѣнный свой вѣнецъ! — Незабвенный герой! — Увяла гирланда; палъ столбъ воиновъ! Дѣти и женщины теперь могутъ стать наравнѣ съ мужчинами: не стало на сторонѣ ихъ этого блистательнаго отличія. Умеръ Антоній, — и нѣтъ уже больше ничего замѣчательнаго подъ солнцемъ.

(Падаетъ въ обморокъ.)

Харм. О, успокойся, государыня!

Ира. И она умерла, наша повелительница.

Харм. Государыня!

Ира. Государыня!

Харм. Государыня, государыня, государыня!

Ира. Царица Египта! Императрица!

Харм. Тише, тише, Ира.

Клеоп. Нѣтъ, я не больше, какъ женщина, и съ тѣми же слабостями и съ такими же страстями, какъ простая крестьянка, занимающаяся самыми низкими работами. — Мнѣ бы оставалось теперь бросить свой скипетръ безжалостнымъ богамъ, и сказать, что нашъ свѣтъ былъ бы ничѣмъ не хуже ихъ Олимпа, если бъ они не похитили у насъ нашего сокровища. Теперь все — ничто. Терпѣніе — глупость; нетерпѣливость — свойство бѣшеной собаки... Что жъ? Ужели послѣ этого еще будетъ преступленіе — свергнуться въ мрачное жилище смерти, прежде нежели она придетъ за нами? Какъ вы думаете, Харміань, Ира? Милыя мои, что бы вы мнѣ сказали? — Ахъ, бѣдныя мои подруги! Посмотрите: наше солнце погасло, — его нѣтъ. (*Стражамъ къ низу.*) Друзья, скрѣпите сердце: мы похоронимъ его и потомъ сдѣлаемъ все, что благородно и славно по Римскимъ обычаямъ: пусть смерть съ гордостію приметъ свою добычу. Это тѣло, это тѣло, носившее столь живой и пламенный духъ, теперь хладно. О, пойдемъ-же, пойдемъ, мои милыя! У насъ не осталось больше утѣшенія, кромѣ отважной рѣшимости и скорой кончины.

(Уходятъ, унося тѣло Антонія.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

СЦЕНА I.

Лагерь Цезаря, подлѣ Александріи.

Входятъ Цезарь, Агриппа, Долабелла, Меценатъ, Галлъ и другіе.

Цез. Ступай, Долабелла, къ Антонію; прикажи ему скорѣе придти сюда. Скажи, что лишившись всякой надежды, такъ долго не являться къ побѣдителю, значитъ смѣять-сяпадъ нашимъ терпѣніемъ.

Дол. Сейчасъ иду, Цезарь.

(Уходитъ.)

Входитъ Дерцетъ съ мечемъ Антонія.

Цез. Что это значитъ? Кто ты такой, и какъ смѣлъ явиться сюда съ этимъ мечемъ?

Дер. Мое имя — Дерцетъ. Я служилъ Марку Антонію — такому господину, который достоинъ былъ самыхъ лучшихъ слугъ. Я былъ преданъ ему до послѣднихъ минутъ, пока онъ могъ стоять и говорить. Ему посвящена вся жизнь моя; его враги были моими врагами, и я охотно проливалъ за него кровь свою. Если тебѣ угодно принять меня въ службу, я буду для тебя тѣмъ же, чѣмъ былъ для Антонія. А если не угодно, лиши меня жизни: я весь — твой.

Цез. Что ты хочешь сказать?

Дер. Я говорю, Цезарь, что Антоній умеръ.

Цез. Такой великій человѣкъ не могъ пасть безъ шума; разрушеніе его должно было бы потрясти міръ въ основаніи: львы, оставивъ свои логовища, бѣгали бы по улицамъ, а люди отъ страха скрывались бы въ звѣриныхъ вертепахъ. Смерть Антонія не то, что смерть какого нибудь частнаго человѣка: половина міра соединяется съ его именемъ.

Дер. Онъ умеръ, Цезарь, не отъ сѣкиры палача, не отъ руки подкупленнаго убійцы; но самъ, собственнымъ мечемъ, которымъ совершено столько славныхъ подвиговъ, пронзилъ онъ себя въ самое сердце съ тою рѣшительностію, какая отличала его въ дѣлѣ брани. Вотъ тотъ самый мечъ: я извлекъ его изъ раны Антонія. Ты видишь,— на немъ еще не остыла благородная кровь героя.

Цез. Друзья! Можете ли смотрѣть на эту кровь безъ глубокой скорби? Боги пусть накажутъ меня, если не правда, что смерть Антонія достойна оплакиванія царей!

Агр. Странно, однако жъ, что природа заставляетъ насъ проливать слезы о кончинѣ такихъ людей, которыхъ погибели мы сами искали съ ревностію.

Мец. Недостатки Антонія не промрачали его доблестей.

Агр. Признаюсь, — это былъ человѣкъ, какихъ мало: его душа была такъ благородна, такъ возвышенна! Но вамъ, боги, вамъ угодно соединять въ насъ съ истиннымъ величіемъ и нѣкоторыя слабости, чтобы человѣкъ всегда помнилъ, что онъ человѣкъ. — Цезарь тронутъ.

Мец. И не удивительно; въ этомъ огромномъ зеркалѣ онъ можетъ видѣть себя самаго.

Цез. О Антоній! Такъ далеко я тебя преслѣдовалъ! Но что дѣлать? Иначе я подвергнулъ бы себя такой же опасности. Непремѣнно надобно было ожидать, что или ты увидишь мое паденіе, или я — твое. Обширенъ Божій міръ: но намъ двоимъ съ тобой не достало бы въ немъ мѣста. Однако жъ могу ли я не проливать столь же горячихъ слезъ, сколь горяча кровь въ моемъ сердцѣ, о тебѣ, мой товарищъ во всѣхъ великихъ предпріятіяхъ, мой соучастникъ въ управленіи міромъ, мой другъ, мой споспѣшникъ въ дѣлѣ брани, десница моего собственнаго тѣла, мое сердце, на которомъ отсвѣчивались всѣ мысли и чувствованія Цезаря? Могу ли не плакать о томъ, что наши звѣзды, непримиримыя, достигли въ своемъ теченіи такой печальной развязки? Послушайте меня, добрые друзья мои; — или нѣтъ, я раскрою вамъ свои мысли въ другое, болѣе благопріятное, время. (*Входитъ вѣстникъ.*) Судя по виду этого человѣка, — онъ приходитъ сюда съ вѣстями объ Антоніѣ. Я хочу слышать, что онъ намъ скажетъ. — Откуда ты, мужичокъ?

Вѣст. Я бѣдный Египтянинъ. Царица и госпожа моя, заключась въ одной гробницѣ со всѣми своими богатствами, желаетъ узнать о себѣ твои намѣренія, чтобы приготовиться къ той участи, которую она по необходимости должна принять отъ тебя, какъ отъ побѣдителя.

Цез. Скажи ей, чтобъ она не безпокоилась. Скоро она получитъ, чрезъ кого нибудь изъ моихъ приближенныхъ, извѣстіе о тѣхъ милостяхъ, какія мы намѣрены оказать ей. Цезарь не можетъ быть жестокъ къ несчастнымъ.

Вѣст. Боги да упрочатъ твое счастіе!

(Уходитъ.)

Цез. Поди сюда, Прокулей. Ступай, скажи Клеопатрѣ, что она не потерпитъ отъ насъ ничего унизительнаго для своей чести. Подай ей утѣшенія, сообразныя съ ея собственнымъ положеніемъ. Постарайся предотвратить отъ нея мысль о самоубійствѣ, до чего можетъ дойти она, чувствуя потерю своего величія, — и мы лишимся удовольствія — имѣть ее въ своемъ тріумфѣ. Увезти Клеопатру живою въ Римъ—много значитъ: это одно содѣлаетъ нашу побѣду незабвенною въ потомствѣ. — Поди, кончи дѣло, какъ можно скорѣе, и увѣдомь насъ, что она тебѣ скажетъ, и что ты узнаешь о ея намѣреніяхъ.

Прок. Слушаю, Цезарь.

[Уходитъ.]

Цез. Галлъ! Ступай вмѣстѣ съ нимъ. (*Галлъ уходитъ.*) А гдѣ Долабелла? Его также нужно бы послать съ Прокулеемъ. Или ужъ пусть идетъ одинъ: я теперь сообразилъ, какъ лучше вести это дѣло; онъ скоро воротится. Пойдемъ-те, господа, со мной въ палатку; я поговорю съ вами, и вы увидите, какъ неохотно Цезарь бралъ за эту войну и какой умѣренный и благородный тонъ держалъ онъ во всѣхъ своихъ письмахъ. Ступайте, я покажу вамъ все, чѣмъ можно въ этомъ увѣрить васъ.

[Уходятъ.]

СЦЕНА II.

Александрія. Комната въ памятникѣ.

Входятъ клеопатра, харміань и ира.

Клеоп. Мое отчаяніе начинаетъ уступать мѣсто разсудку, и я чувствую,—мнѣ дѣлается легче. Нѣтъ ничего завиднаго быть Цезаремъ. Онъ— не сама фортуна, а только рабъ ея, исполнитель ея капризовъ. Великъ тотъ, кто своею рѣшительною волею можетъ по-

ложить конецъ безпорядочному теченію дѣлъ, обуздать дѣйствіе случая, совладѣть съ превратностями свѣта. Но наконецъ всѣ мы должны успокоиться; и тогда никакъ не отличишь персти нищаго отъ персти Цезаря.

Прокулей, галлъ и солдаты подходятъ къ памятнику и останавливаются у дверей его.

Прок. Цезарь посылаетъ поклонъ царицѣ Египта. Мнѣ приказано спросить тебя, государыня, какихъ милостей желаешь ты отъ щедрой руки Цезаря?

Клеоп. (*Извнутри.*) Какъ тебя зовутъ?

Прок. Мое имя Прокулей.

Клеоп. (*Извнутри.*) Антоній мнѣ говорилъ, что можно положиться на твою честность. Впрочемъ для меня теперь уже не важно, если бы кто вздумалъ и обмануть меня, и довѣренность моя ни къ чему бы не послужила. Если угодно Цезарю, чтобъ я пала къ ногамъ и умоляла его о милостяхъ, то скажи ему, что я, не унижая своего царственнаго величія, не могу просить у него меньше, какъ царства. Онъ много обяжетъ меня, если благоволитъ отдать завоеванный имъ Египетъ моему сыну! За такую милость я была бы ему очень благодарна.

Прок. Будь въ надеждѣ, государыня: твоя участь находится въ рукахъ милостиваго монарха, и тебѣ рѣшительно нечего страшиться. Ввѣрь свою судьбу Цезарю, имѣющему всѣ права на твое уваженіе: онъ готовъ въ изобиліи изливать свои щедроты на всякаго, кто имѣетъ въ нихъ нужду. Прикажи только порадовать его пріятною вѣстію, что ты совершенно предаешь себя въ его волю, — и великодушный побѣдитель не откажетъ тебѣ ни въ одной милости, какую ты будешь просить у него съ приличною покорностію.

Клеоп. (*И внутри.*) Я прошу тебя сказать Цезарю, что я охотно подчиняюсь его власти, и что онъ можетъ располагать моею участію по всѣмъ правамъ побѣдителя. Я думаю, скоро привыкну къ требуемому имъ повиновенію, и нетерпѣливо желаю видѣться съ нимъ лично.

Прок. Мнѣ пріятно передать ему твои мысли, прекрасная государыня. Будь спокойна: я увѣренъ, что стѣсненное твое положеніе тронетъ виновника до глубины сердца.

Галлъ. Смотри, какъ легко испугать ее.

(Прокулей и два стража влѣзаютъ въ памятникъ по лѣстницѣ, подставленной къ окну, и становятся позади Клеопатры. Нѣкоторые изъ стражей отпираютъ запоръ и отворяютъ двери.)

(*Прокулею и стражамъ.*) Стерегите ее до прихода Цезаря.

(Галлъ уходитъ.)

Ира. Великая царица!

Харм. О Клеопатра! Ты взята въ плѣнъ, моя добрая государыня.

Клеоп. Скорѣй, скорѣй, мои послушныя руки! (*Вынимаетъ кинжалъ.*)

Прок. Остановись, остановись, государыня! (*Кидается къ Клеопатрѣ и обезоруживаетъ ее.*) Не наноси себѣ вреда: я не намѣренъ чрезъ это выдавать тебя, а только хочу спасти жизнь твою.

Клеоп. Какъ! Вы хотите отнять у меня и смерть — это послѣднее утѣшеніе, въ которомъ не отказываютъ даже собакамъ, когда жизнь сдѣлается имъ въ тягость?

Прок. Клеопатра! Не оскорбляй самоубійствомъ великодушнаго повелителя; дай свѣту видѣть благородство его духа: у Цезаря никогда не было намѣренія осуждать тебя на позорную смерть.

Клеоп. Гдѣ ты, смерть? Приди ко мнѣ, приди! Возьми себѣ царицу. Ужели я не стою низкой полпы, изъ которой ты каждодневно похищаешь свои жертвы?

Прок. Успокойся, государыня, успокойся.

Клеоп. Я не возьму въ ротъ ни питья, ни пищи, и если еще принуждена буду нѣсколько времени болтать съ вами, не усну ни на одну минуту: такъ ли, иначе, непремѣнно разрушу эту смертную храмину. Пусть тогда Цезарь дѣлаетъ, что хочетъ: только знайте, что никогда онъ не увидитъ меня въ цѣпяхъ ползающею при дворѣ его, и никогда глупой Октавіи не удастся наказать меня презрительнымъ своимъ взглядомъ. Меня поднять на показъ шумной черни насмѣшливаго Рима! Пусть лучше дадутъ мнѣ мирный гробъ къ какой-нибудь лужѣ Египта! Пусть лучше бросятъ меня нагую въ тину Нила, въ добычу водяныхъ насѣкомыхъ, подлѣ ужасныхъ и отвратительныхъ гадинъ! Пусть лучше поднимутъ меня на одну изъ моихъ отечественныхъ пирамидъ и привѣсятъ цѣпями къ ея вершинѣ!

Прок. Воображеніе твое рисуетъ тебѣ, государыня, твою будущность въ такихъ ужасныхъ чертахъ, что Цезарю никогда на умъ не приходило ничего подобнаго.

Входитъ долабелла.

Дол. Прокулей! Твой повелитель, Цезарь, извѣщенъ о томъ, что ты здѣсь сдѣ-

лалъ, и приказалъ мнѣ послать тебя къ нему обратно. Что касается до царицы, то я беру ее на свою отвѣтственность.

Прок. Я готовъ, Долабелла. Прошу тебя, обходись съ ней повѣжливѣе. (Клеопатрѣ.) Не прикажешь ли чего нибудь сказать отъ тебя Цезарю?

Клеоп. Скажи, что я хотѣла бы умереть.

(Прокулей уходитъ.)

Дол. Великая государыня! Слыхала ли ты что нибудь обо мнѣ отъ Антонія?

Клеоп. Я не могу тебѣ сказать...

Дол. Вѣрно, ты знаешь меня.

Клеоп. Какая важность въ томъ, слыхала ли я о тебѣ или нѣтъ, знаю ли тебя или не знаю? — Я думаю, — ты смѣешься, когда дитя или женщина разсказываетъ тебѣ ночныя грезы: не правда ли?

Дол. Слова твои для меня непонятны.

Клеоп. Мнѣ грезилось, что я вижу предъ собой царя царей — Антонія. О, какъ бы я желала, чтобы этотъ сонъ повторился, и чтобы я могла еще разъ увидѣть такого великаго человѣка!

Дол. Если угодно, государыня. —

Клеоп. Лице у него было, какъ небеса, гдѣ величественно блистали солнце и луна, распространяя своимъ обращеніемъ свѣтъ по всему маленькому земному шару.

Дол. Это было прекраснѣйшее созданіе....

Клеоп. Его ноги перешагивали океанъ; его распростертая рука покрывала міръ, какъ бы короной; его голосъ въ дружественной бесѣдѣ походилъ на гармонію сферъ небесныхъ; но когда онъ въ гнѣвѣ вскрикивалъ на своихъ враговъ, — его слова, какъ страшный громъ, потрясали землю въ основаніи. Для щедрой десницы его не было осени безплодной, а была вѣчная весна, дары которой не истощились отъ жатвы, напротивъ, — еще умножались. Наслаждаясь удовольствіями и радостями жизни, онъ былъ подобенъ дельфину, котораго хребетъ всегда возвышается надъ разсѣкаемыми имъ волнами моря. Порфиру его украшали короны царей и князей: острова и царства, какъ блистающія медали, висѣли по краямъ его одежды.

Дол. Клеопатра!

Клеоп. Какъ ты думаешь, — бывалъ ли, или могъ ли быть когда нибудь наяву такой великій мужъ, какого я видала во снѣ?

Дол. Нѣтъ, государыня.

Клеоп. Ты лжешь, и ложь твоя оскорбляетъ слухъ боговъ. Однако жъ можно ли себѣ представить, что есть что-либо или былъ когда нибудь такой человѣкъ. Это и во снѣ трудно увидать. Природа обыкновенно уступаетъ въ своихъ твореніяхъ дивнымъ мечтамъ воображенія; но создавъ, Антонія, она далеко превзошла воображеніе, и помрачила всю прелесть нашихъ призраковъ.

Дол. Послушай меня, добрая государыня. — Твоя потеря велика, какъ ты сама, — и твои глубокія сѣтованія равняются ея тяжести. — Пусть боги лишатъ меня всякаго счастія въ жизни, если я не признаюсь тебѣ откровенно, что словами твоими я тронутъ до глубины сердца, и скорбь моя едва ли не равна твоей.

Клеоп. Благодарю за участіе, мой другъ. А знаешь ли ты, что Цезарь хочетъ сдѣлать со мной?

Дол. Мнѣ не хотѣлось бы сказывать тебѣ, государыня, его намѣреній, хотя я и желалъ бы сообщить тебѣ ихъ.

Клеоп. Ничего, ничего, говори; я прошу тебя.

Дол. Хоть Цезарь и благороденъ,.....

Клеоп. Однако хочетъ влечь меня въ своемъ тріумфѣ?

Дол. Такъ точно, государыня.

За сценой: «Пустите, дайте дорогу. Самъ Цезарь идетъ.»

Входятъ цезарь, галлъ, прокулей, меценатъ, Селевкъ и свита.

Цез. Гдѣ царица Египта?

Дол. Вотъ она, Цезарь.

(Клеопатра падаетъ предъ нимъ на колѣна.)

Цез. Встань; я не хочу видѣть тебя въ такомъ положеніи. Прошу тебя, встань, царица, — встань.

Клеоп. Боги хотятъ того, мой повелитель—я должна повиноваться тебѣ во всемъ, державный Цезарь.

Цез. Не смущайся мрачными мыслями. Нанесенныя намъ тобою оскорбленія уже изгладились изъ нашей памяти, хотя слѣды ихъ остаются на нашемъ тѣлѣ: мы смотримъ на нихъ, какъ на дѣло случая, и не видимъ тебя.

Клеоп. Владыка міра! Я не берусь представить вину свою въ томъ свѣтломъ видѣ, что бы она не заслуживала наказанія; но признаюсь откровенно, что я подвержена многимъ порокамъ, какіе часто и прежде унижали честь нашего слабаго пола.

Цез. Знай, Клеопатра, что мы скорѣе

зах отимъ извинить твои слабости, чѣмъ увеличивать ихъ. Если ты не будешь противиться нашимъ намѣреніямъ (а наши намѣренія относительно тебя очень благородны), участь твоя облегчится,—и ты будешь благословлять насъ, какъ своихъ благодѣтелей. Если же предположишь во мнѣ варварскую жестокость, и послѣдуешь примѣру Антонія: ты лишишься многихъ нашихъ милостей и подвергнешь дѣтей своихъ жалкой участи, отъ которой могло бы спасти ихъ твое повиновеніе волѣ Цезаря. Я оставляю тебя.

Клеоп. Какъ угодно: міръ открытъ для твоего шествія; онъ весь-твой. Мы, украшеніе твоего́ тріумфа, трофеи твоей побѣды, будемъ тамъ, куда угодно будетъ тебѣ назначить насъ. Вотъ, мой повелитель....

Цез. Твоя участь, Клеопатра, рѣшена будетъ съ собственнаго твоего согласія.

Клеоп. Вотъ списокъ моихъ богатствъ, золота и драгоцѣнныхъ камней: они всѣ предъ тобою; я не скрываю ни одной мелочи. — Селевкъ!

Сел. Здѣсь, государыня.

Клеоп. Это мой сокровищехранитель. Пусть онъ засвидѣтельствуетъ предъ тобой, Цезарь, подъ опасеніемъ потерять голову, что я ничего не утаила отъ тебя. — Говори правду, Селевкъ.

Сел. Государыня! Я соглашусь скорѣе быть безъ языка, чѣмъ утверждать на свою бѣду то, чего нельзя подтвердить.

Клеоп. Что жъ я утаила?

Сел. Много еще, на что можно выкупить всѣ сокровища, которыя здѣсь выставлены.

Цез. Не краснѣй, Клеопатра: я одобряю твое благоразуміе.

Клеоп. О Цезарь! Посмотри, какъ всѣ раболѣпствуютъ предъ сильнымъ. Мои слуги переходятъ на твою сторону; но повернись счастіе,—и твои перешли бы ко мнѣ.— Неблагодарность этого Селевка выводитъ меня изъ терпѣнія. — О рабъ вѣроломный и непостоянный, какъ любовь распутной женщины! Какъ! Ты не стыдишься измѣнить мнѣ? Измѣняй, пожалуй; но помни, что моя месть настигнетъ тебя, хотя бы ты летѣлъ отъ меня на крыльяхъ птицы. Рабъ, бездушная тварь, мерзавецъ! О неслыханная низость!

Цез. Государыня! Позволь намъ просить тебя....

Клеоп. О. Цезарь! Посмотри, какую глубокую рану нанесъ онъ моей чести! Тогда какъ ты, высокій повелитель мой, удостоиваешь меня своимъ посѣщеніемъ, —мой собственный слуга умножаетъ горести своей государыни подлою измѣной! Скажи, добрый Цезарь, если бы я даже и не показала тебѣ какого нибудь ничтожнаго женскаго убора или дешевой игрушки, какими обыкновенно дарятъ новыхъ друзей; если бы скрыла какую нибудь драгоцѣнность, приготовленную въ подарокъ Ливіи и Октавіи, для того, — чтобы снискать себѣ ихъ посредничество, — скажи, неужели облагодѣтельствованный мною долженъ былъ открывать такія тайны? О боги! Такая неблагодарность поражаетъ мое сердце еще сильнѣе, чѣмъ потеря моего величія. (Селевку.) Приказываю тебѣ; — удались отсюда, — или изъ подъ пепла моего счастія еще разъ сверкнутъ искры моего гнѣва. Если бы ты былъ человѣкъ, ты сжалился бы надо мною.

Цез. Не противься ей, Селевкъ.

(Селевкъ уходитъ.)

Клеоп. Пусть міръ узнаетъ, что мы великіе земли, терпимъ поношеніе за то, что дѣлаютъ другіе, и навши съ высоты своего величія, должны бываемъ потерять свою славу за чужіе грѣхи: съ этой стороны участь царей — самая жалкая.

Цез. Клеопатра! Я не намѣренъ брать у тебя ни того, что ты утаила отъ насъ, ни того, что показала намъ. Все имѣніе твое останется при тебѣ, и ты можешь располагать имъ по своей волѣ. Цезарь никогда не унизится до корыстолюбія мелкихъ торгашей. Успокойся, прошу тебя. Ты свободна: твое собственное воображеніе внушило тебѣ мысль, что ты плѣнница. — Нѣтъ, государыня, я намѣренъ предоставить твоему собственному благоразумію выборъ участи для себя. Не убивай себя голодомъ, не прогоняй отъ себя наши заботы о твоей жизни, наше состраданіе къ тебѣ—порука для тебя, что Цезарь навсегда хотѣлъ бы остаться твоимъ другомъ. Прощай.

Клеоп. О, мой господинъ! О, мой верховный повелитель!

Цез. Я не принимаю этихъ громкихъ титуловъ. Прощай.

(Цезарь и его свита уходятъ.)

Клеоп. Онъ льстилъ мнѣ, мои милыя; онъ хотѣлъ усыпить во мнѣ чувствованіе утраченнаго мною величія. Послушай меня, Харміань. (Шепчетъ ей на ухо.)

Ира. Кончимъ скорѣе свою жизнь, моя добрая госпожа! День для насъ прошелъ; наступила мрачная ночь.

Клеоп. Воротись же скорѣе, Харміань. Я уже сказала тебѣ, что все приготовлено. Ступай и отыщи скорѣе.

Харм. Сейчасъ, государыня.

Входитъ долабелла.

Дол. Гдѣ царица?

Харм. Вотъ она!

Уходитъ.

Клеоп. Долабелла?

Дол. Государыня! Ты желала узнать намѣреніе Цезаря, — и я, изъ любви къ тебѣ, счелъ священною для себя обязанностію — удовлетворить твоему желанію. Теперь я могу сказать тебѣ, что Цезарь намѣренъ отправиться чрезъ Сирію, и черезъ три дня онъ пошлетъ тебя впередъ съ твоими дѣтьми. Пользуйся, какъ умѣешь, этимъ извѣстіемъ. Я выполнилъ твою просьбу и свое обѣщаніе.

Клеоп. Долабелла! Я много обязана тебѣ.

Дол. Государыня! Я твой слуга. Прощай. Мнѣ надобно быть при Цезарѣ.

(Уходитъ.)

Клеоп. Прощай. Благодарю тебя отъ всего сердца. — Что теперь ты думаешь, Ира? И тебя, вмѣстѣ со мною, будутъ показывать въ Римѣ, какъ Египетскую куклу; презрѣнные рабы, съ своими засаленными передниками, съ своими топорами и молотками, будутъ поднимать насъ всѣмъ на видъ и мы принуждены будемъ сносить дурной запахъ отъ этой грубой черни и вдыхать въ себя ея испаренія.

Ира. Да сохранятъ насъ боги!

Клеоп. Точно, Ира. Безстыдные ликторы будутъ прилипать къ намъ, какъ къ распутнымъ женщинамъ; жалкіе кропатели стиховъ будутъ громко пѣть объ насъ свои пѣсни; комедіянты сейчасъ придумаютъ на нашъ счетъ какой нибудь фарсъ, и будутъ представлять на театрѣ наши пиршества въ Александріи. Антонія выведутъ на сцену пьянымъ, а меня будетъ пародировать какой нибудь пискунъ (*), и постарается унизить величіе Клеопатры, представляя ее развратною женщиною.

Ира. О милосердые боги!

Клеоп. Да, такъ точно, Ира.

Ира. Никогда я не увижу такого позора: ногти у меня крѣпче глазъ моихъ.

Клеоп. Дѣйствительно, будетъ лучшее средство сдѣлать напрасными всѣ приготовленія враговъ нашихъ и восторжествовать надъ ихъ намѣреніями. — А, Харміань, — это ты? Одѣньте меня, мои милыя, какъ свою царицу; ступайте, принесите мнѣ мое лучшее платье и блестящія украшенія. Я снова пойду къ Цезарю встрѣтить Антонія. Ступай, Ира. Да, моя добрая Харміань, я рѣшилась умереть. Окажи мнѣ эту послѣднюю услугу, и потомъ навѣки будь свободна. Принеси мнѣ корону и не забудь ничего. (*Ира уходитъ. Шумъ за сценой.*) Что значитъ этотъ шумъ?

Входитъ стража.

Стр. Сюда пришелъ какой-то крестьянинъ и непремѣнно хочетъ явиться тебѣ, государыня, на лицо: онъ принесъ корзинку со смоквами.

Клеоп. Пусть войдетъ. (*Стражъ уходитъ.*) Такое ничтожное оружіе можетъ совершить столь важное дѣло! Оно доставитъ мнѣ свободу. Рѣшено: я уже не слабая женщина. Клеопатра теперь тверда и непреклонна, какъ мраморъ: непостоянная луна теперь уже не можетъ быть моей планетой.

(Стражъ приводитъ крестьянина съ корзинкой.)

Стр. Вотъ тотъ крестьянинъ, о которомъ я говорилъ.

Клеоп. Выйди отсюда и оставь насъ однихъ. (*Стражъ уходитъ.*) Есть ли у тебя красивенькая змѣя изъ Нила, которая бы умерщвляла безъ боли?

Крест. Какъ не быть! Только смотри, не трогай ее: она жалитъ смертельно, и кто умеръ отъ нея, тотъ никогда не оживетъ, или ужъ очень, очень рѣдко.

Клеоп. Не вспомнишь ли ты, кто умеръ отъ змѣй?

Крест. Много, много умирало и мужчинъ, и женщинъ. Вчера еще я слышалъ объ одномъ такомъ несчастномъ случаѣ: змѣя ужалила очень почтенную женщину, которая, правда, по временамъ любила солгать, — что женскому полу вовсе не пристало, по крайней мѣрѣ не совсѣмъ честно. Я не знаю, чувствовала ли она какую боль при своей смерти. Конечно, она куда-какъ хорошо отзывалась о змѣѣ; но, вѣдь, опасно вѣрить всему, что говорятъ люди. А вотъ эта змѣя — самая злая, ужасная змѣя.

(*) Извѣстно, что во время Шекспира роли женщинъ играли мальчики, одѣтые въ женское платье.

Клеоп. Съ Богомъ, дружокъ, отправляйся домой.

Крест. Желаю тебѣ весело позабавиться съ моимъ аспидомъ.

Клеоп. Прощай.

Крест. Да не забывай же, что змѣя знаетъ свое змѣиное дѣло.

Клеоп. Хорошо, хорошо; прощай.

Крест. Смотри, не подходи къ ней близко, когда не надсматриваетъ надъ нею свѣдущій человѣкъ: отъ змѣи не жди добра.

Клеоп. Не безпокойся, другъ; мы съумѣемъ обойтить съ нею.

Крест. Ну, ладно; да и есть то не давайте ей ничего. Она не стоитъ корму.

Клеоп. А меня станетъ ли она ѣсть?

Крест. Не думай, государыня, что я ужъ столько простъ; я вѣдь знаю, что и самъ дьяволъ не будетъ ѣсть женщины—лакомое блюдо для боговъ, если только дьяволъ не приправитъ его по-своему. А не шутя, вѣдь дьявольское-то отродье много наноситъ вреда богамъ, развращая ихъ женъ. Изъ десяти женъ, которыхъ сотворятъ боги, пять непремѣнно перепортитъ дьяволъ.

Клеоп. Хорошо, хорошо; поди съ Богомъ.

Крест. Ну, желаю тебѣ отъ души позабавиться съ аспидомъ.

(Уходитъ.)

Входитъ ира съ платьемъ и короной.

Клеоп. Подай сюда мою царскую одежду; возложи на меня корону. Я чувствую въ себѣ сильное стремленіе къ безсмертію. Сокъ виноградныхъ гроздовъ Египта никогда болѣе не увлажитъ устъ моихъ. Скорѣй, скорѣй, добрая Ира. Мнѣ кажется, —Антоній зоветъ меня къ себѣ; кажется, онъ возсталъ, чтобы похвалить мой геройскій поступокъ, и смѣется надъ счастіемъ Цезаря, которое боги даютъ людямъ, чтобы они послѣ не роптали на гнѣвъ боговъ. Милый супругъ мой! Я спѣшу къ тебѣ. Пусть мое самопожертвованіе докажетъ, достойна ли я носить это лестное для меня имя. Я буду огнемъ и воздухомъ; другія стихіи возвращаю землѣ: онѣ унижали существо мое. — Ну же, — все ли вы кончили! Теперь идите сюда и примите отъ меня послѣдніе горячіе поцѣлуи. Прощай, милая Харміань, Ира; прощайте на-долго, на-долго. (*Цѣлуетъ ихъ. Ира падаетъ и умираетъ*) Что ты, Ира! Или въ моихъ устахъ сокрыто было жало аспида! Зачѣмъ ты упала?—Ахъ, если разставаться съ жизнію такъ легко, какъ ты разстаешься съ нею; то прикосновеніе смерти можно сравнить съ прикосновеніемъ устъ милаго, который чѣмъ больше цѣлуетъ свою возлюбленную, тѣмъ болѣе распаляетъ въ ней жажду къ поцѣлуямъ. Долго ли ты будешь лежать, Ира? Такъ быстро удалившись изъ міра, ты, кажется, хотѣла сказать ему, что онъ не стоитъ и одного прощальнаго слова.

Харм. О, распадись, густое облако, и пролей на землю дождь: тогда я скажу, что сами боги проливаютъ объ насъ теплыя слезы.

Клеоп. Я боюсь, чтобъ мнѣ не осрамить себя предъ ними своимъ малодушіемъ. Если моя Ира — первая встрѣтитъ въ Елисейскихъ поляхъ кудряваго Антонія, онъ спроситъ ее обо мнѣ, и подаритъ ей поцѣлуй, въ которомъ все мое небо. Сюда, сюда, убійственное животное! (*Къ змѣѣ, которую она прикладываетъ къ своей груди!*)— Пусть твои острые зубы въ одно мгновеніе разорвутъ узелъ жизни. Прекрати скорѣе мою жизнь своимъ ядовитымъ жаломъ! О, если бы ты могла говорить! Я услышала бы отъ тебя горькую насмѣшку надъ великимъ Цезаремъ!

Харм. О звѣзда востока!

Клеоп. Цсс! Цсс! Тише, тише! Развѣ ты не видишь, какъ малютка покоится на груди моей? Посмотри, какъ она пріятно засыпаетъ, высасывая изъ меня любимую имъ пищу!

Харм. О, сокрушись, разорвись мое сердце!

Клеоп. Сладко, какъ бальзамъ; мягко, какъ дыханіе вѣтерка; восхитительно, какъ— О, Антоній! Я уже чувствую себя въ твоихъ объятіяхъ! (*Прикладываетъ другую змѣю къ рукѣ.*) Что мнѣ еще медлить?.... (*Падаетъ и умираетъ.*)

Харм. Въ этомъ пустынномъ мірѣ! — Прощай, моя неоцѣненная государыня! О, смерть! Теперь ты можешь похвалиться, что въ объятіяхъ твоихъ красавица, которая не имѣла подобной себѣ во всемъ мірѣ. Закройтесь, очаровательные глазки! Золотой Ѳебъ никогда больше не будетъ любоваться вашею прелестью. — Корона покачнулась на головѣ твоей; я поправлю ее, и потомъ сыграю свою роль.

(Вбѣгаютъ стражи.)

Пер. Стр. Гдѣ царица?

Харм. Говорите потише; не разбудите ее.

Пер. Стр. Цезарь послалъ....

Харм. Опоздалъ посолъ. (*Приклады-*

ваетъ къ себѣ змѣю.) О скорѣй, скорѣй! Цсс! Вотъ славно: я начинаю чувствовать.

Пер. стр. Подойдемъ. Ай, ай! Дѣло-то плохо: Цезарь обманутъ.

Вт. стр. Я видѣлъ, — Долабелла шелъ сюда отъ Цезаря. Сходи, позови его.

Пер. стр. Что это у васъ дѣлается? Харміань, на что это похоже?

Харм. Славное дѣло, вполнѣ достойное великой государыни, которая имѣла предками своими столько знаменитыхъ царей! Ахъ! Воинъ....

[Умираетъ.]

Входитъ долабелла.

Дол. Всѣ ли здоровы?

Вт. стр. Всѣ умерли.

Дол. Свершились опасенія Цезаря: пусть придетъ онъ самъ, и посмотритъ на это ужасное зрѣлище, которое хотѣлъ предотвратить.

За сценой: «Дорогу, дорогу цезарю!»

Входитъ цезарь.

Дол. О Цезарь! Твои предположенія сбываются, какъ предсказанія авгуровъ: чего страшился, то случилось на самомъ дѣлѣ.

Цез. Геройская кончина! Клеопатра угадала наши намѣренія, и царственно сошла съ поприща жизни. — А родъ ея смерти? Я не вижу на ней ни одной капли крови.

Дол. Кто послѣдній былъ здѣсь?

Пер. стр. Какой-то бѣдный Египтянинъ; онъ приносилъ ей смоквы. Вотъ и корзина его еще здѣсь.

Цез. Вѣрно, эти плоды ядовиты.

Пер. стр. Ахъ, Цезарь! Вотъ эта Харміань за минуту еще была жива: — стояла на ногахъ и разговаривала съ нами. Когда я вошелъ сюда, она поправляла покачнувшуюся діадиму на головѣ своей госпожи.

Цез. О слабое, но благородное существо! Если она выпила ядъ, то отчего нѣтъ пѣны на устахъ ея? Лице ея спокойно, какъ во время сна. Подумаешь, что она хотѣла захватить другаго Антонія въ крѣпкія сѣти своихъ прелестей.

Дол. Посмотрите, — на ея груди видно кровавое пятно, и теперь еще каплетъ кровь; тоже и на рукѣ.

Пер. стр. Это слѣдъ змѣи: да вотъ и на смоквахъ видна слизь, какую обыкновенно оставляютъ за собою змѣи въ рытвинахъ Нила.

Цез. По всей вѣроятности, она умерла отъ змѣи: ея лекарь мнѣ сказывалъ, что она сильно любопытствовала знать, какой родъ смерти самый легкій. Положите ее на постель, а служанокъ вынесите изъ памятника. Она будетъ похоронена съ Антоніемъ, и ни одна гробница на землѣ не будетъ заключать въ себѣ столь знаменитой четы. Такія дивныя событія потрясаютъ даже и того, кто былъ ихъ причиной; и исторія, возбуждая состраданіе къ этимъ несчастнымъ жертвамъ, содѣлаетъ имена ихъ не менѣе славными, какъ и имя того, кто довелъ ихъ до такой плачевной участи. Наша армія торжественнымъ шествіемъ почтитъ ихъ погребеніе, а потомъ отправится въ Римъ. — Ты, Долабелла, смотри за порядкомъ этой великой церемоніи.

2-го Іюля 1840 г.

РЕПЕРТУАРЪ

РУССКАГО ТЕАТРА,

НА

1841 годъ.

Два года изданія и два года постояннаго успѣха *Репертуара Русскаго Театра* убѣдили меня, что изданіе мое соотвѣтствуетъ своему назначенію и удовлетворяетъ потребностямъ публики. Доказательствомъ этому служитъ отчасти то, что *Репертуаръ Русскаго Театра*, на другой годъ своего существованія, нашелъ себѣ, если не соперника, то, по крайней мѣрѣ, подражателя — въ *Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ*, издаваемомъ г-мъ книгопродавцемъ Поляковымъ. Ободренный благосклоннымъ вниманіемъ образованной русской публики, Репертуаръ остался вѣренъ своему первоначальному назначенію — постоянно сообщать всѣ замѣчательнѣйшія новыя піесы, игранныя на театрахъ обѣихъ столицъ, стараясь въ тоже время, по мѣрѣ возможности, представлять матеріалы для русскаго театра, передавать всѣ современныя новости русской сцены, извѣстія о провинціальныхъ театрахъ, и пр. и пр. и пр.

Принося искреннюю благодарность просвѣщенной русской публикѣ за ея благосклонное вниманіе къ изданію моему, и оставаясь вѣрнымъ своей первоначальной цѣли, я постараюсь, на будущее время, усугубить силы, чтобы сдѣлать *Репертуаръ Русскаго Театра* изданіемъ еще болѣе разнообразнымъ, еще болѣе занимательнымъ. Не стану жалѣть для этого ни трудовъ, ни издержекъ, увѣренный, что публика не оставитъ *Репертуаръ Русскаго Театра* своимъ вниманіемъ и на будущее время точно также, какъ не оставляла его въ первые два года.

Подтверждаю снова, что главная цѣль моя — передавать публикѣ, въ скорѣйшемъ времени, всѣ замѣчательнѣйшія піесы, игранныя на Петербурскомъ и Московскомъ театрахъ. Все остальное, какъ-то: *Матеріалы для исторіи русскаго театра*, *хроника Петербургскаго и Московскаго театровъ*, *извѣстія о театрахъ провинціальныхъ*, и пр. и пр. служитъ только *дополненіемъ* Репертуару, чтобы придать ему болѣе разнообразія, болѣе занимательности, болѣе жизни.

Двухгодичный опытъ далъ мнѣ возможность установить болѣе опредѣленный планъ моему изданію, а потому на будущій годъ я располагаю въ слѣдующемъ порядкѣ содержаніе *Репертуара Русскаго Театра:*

I ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ всякаго рода, *игранныя и имѣвшія успѣхъ* на Петербургскомъ или Московскомъ театрахъ: трагедіи, драмы, комедіи, водевили, и пр.

II. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ РУССКАГО ТЕАТРА. Сюда входятъ статьи слѣдующаго содержанія:

a) Біографіи русскихъ артистовъ.

b) Воспоминанія о замѣчательнѣйшихъ эпохахъ въ Исторіи Русскаго Театра.

c) Критическіе разборы лучшихъ произведеній первостепенныхъ русскихъ драматурговъ.

d) Театральная библіографія, или краткія извѣстія о новыхъ книгахъ, имѣющихъ отношеніе къ русскому театру.

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ.

a) Хроника *Русскаго* Театра въ Петербургѣ.

b) Хроника *Русскаго* Театра въ Москвѣ.

c)Извѣстія о провинціальныхъ театрахъ.

d) Театральные новости и слухи.

IV. СМѢСЬ. Всякаго рода статьи, имѣющія отношеніе къ Русскому Театру, но по своему объему и содержанію не вышедшія въ первые отдѣлы. Сюда принадлежатъ: театральные анекдоты, куплеты изъ водевилей, отрывки изъ піесъ, еще неигранныхъ, сцены изъ закулисной жизни, театральная терминологія (Театральный Словарь), сюжеты для водевилей, извѣстія объ иностранныхъ піесахъ, которыя могутъ быть переданы на русскую сцену, и вообще всякаго рода мелкія статьи, имѣющія отношеніе къ театру.

Кромѣ такого рода статей при *Репертуарѣ* будутъ, по временамъ, выходить особеныя *приложенія*, какъ-то:

1. *Непремѣнно* **ДВА ПОРТРЕТА** первостепенныхъ русскихъ артистовъ (Петербурскаго и Московскаго театровъ) гравированные на стали, въ Лондонѣ.

2. **НОТЫ,** какъ-то: кадрили, вальсы, водевильные куплеты, и пр. и пр.

Въ нынѣшнемъ году издатель *Репертуара Русскаго Театра*, сверхъ обѣщаннаго, выдалъ своими подписчикамъ нѣсколько особенныхъ **ПРИЛОЖЕНІЙ,** какъ-то **АНТОНІЙ** и **КЛЕОПАТРА**, драма *Шекспира*, **КЛЕВЕТА,** комедія *Скриба;* принявъ за правило — болѣе дѣлать, нежели обѣщать, на слѣдующій годъ онъ будетъ держаться того же правила.

Репертуаръ Русскаго Театра будетъ выходить ежемѣсячно (каждое *первое* число *непремѣнно*) книжками (отъ *четырехъ* до *пяти* печатныхъ листовъ, въ два столбца, сжатой печати). Изданіе, какъ и прежде, будетъ опрятное и красивое.

Въ прошедшихъ двухъ годахъ *Репертуара Русскаго Театра* читатели видѣли піесы и статьи слѣдующихъ г-дъ литераторовъ: *К. А. Бахтурина, Ѳ. В. Булгарина, Н. И. Греча, П. И. Григорьева, М. П. Загоскина, Р. М. Зотова, П. А. Каратыгина, Н. А. Коровкина, Д. Т. Ленскаго, Л. Л., В. С. Межевича, П. Г. Ободовскаго, В. И. Орлова, Н. А. Полеваго, В. М. Строева, П. С. Ѳедорова, Кн. А. А. Шаховскаго* и пр., и пр. Всѣ эти литераторы и на будущее время не оставятъ *Репертуаръ* своимъ участіемъ.

Подписка на *Репертуаръ Русскаго Театра* принимается, въ *С. Петербургѣ:*

Преимущественно въ **КОНТОРѢ РЕПЕРТУАРА РУССКАГО ТЕАТРА,** состоящей на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Рогова, противъ Думы. Билеты изъ Конторы Репертуара считаются дѣйствительными только тѣ, на которыхъ будетъ находиться подпись *самого издателя Репертуара.*

Въ *Газетной Экспедиціи С. Петербургскаго Почтамта.*

И у всѣхъ извѣстнѣйшихъ книгопродавцевъ.

Въ *Москвѣ*:

Въ Университетской книжной лавкѣ А. С. Ширяева.

Въ книжной лавкѣ К. А. Полеваго, и пр.

Гг. иногородное благоволятъ адрессоваться въ *Контору Репертуара Русскаго Театра* или въ *Газетную Экспедицію С. Петербургскаго Почтамту,* и *тогда только* издатель отвѣчаетъ за исправность пересылки.

Подписная цѣна на *Репертуаръ* остается *прежняя:*

ПЯТЬ РУБЛЕЙ СЕРЕБРОМЪ.

За пересылку и доставку на домъ прилагается сверхъ того

ОДИНЪ РУБЛЬ СЕРЕБРОМЪ.

По желанію и просьбѣ многихъ особъ, съ будущаго года я намѣренъ, кромѣ двухъ обѣщанныхъ портретовъ русскихъ артистовъ, гравирован-

ныхъ на стали, выдавать при «Репертуарѣ» портреты (не менѣе шести въ годъ,) *литографированные* и *отлично-раскрашенные;* на этихъ портретахъ лучшіе артисты Петербургской и Московской сцены будутъ изображены во весь ростъ и въ костюмахъ, въ лучшихъ роляхъ своихъ. Гг. подписавшіеся на «Репертуаръ» за шесть таковыхъ портретовъ прилагаютъ сверхъ подписной цѣны

ОДИНЪ РУБЛЬ СЕРЕБРОМЪ,

не прилагая ничего за пересылку.

Особенно на шесть портретовъ подписка принимается

по

ТРИ РУБЛЯ СЕРЕБРОМЪ.

Издатель И. ПЕСОЦКІЙ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

С. Петербургъ Октября 19 дня 1840 года.

Цензоръ *П. Корсаковъ.*

БЕЗЫМЯННОЕ ПИСЬМО.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

соч. В. М. Строева.

(Сюжетъ взятъ изъ повѣсти Арну.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Графиня Валаберъ. . . .	*Г-жа Телешова 1.*
Юлій, ея сынъ.	*Г-нъ Каратыгинъ 1.*
Адель, ея родственница, богатая вдова.	*Г-жа Каратыгина.*
Маркизъ Сенжиль, другъ Графини Валаберъ. . . .	*Г-нъ Каратыгинъ.*
Фанни, бѣдная сирота. . .	*Г-жа Федорова.*
Маріанна, ея служанка. . .	*Г-жа Бормотова.*
Терниссіеръ, площадной писецъ.	*Г-нъ Мартыновъ*
Мальчикъ.	*Г-нъ Песоцкій.*
Слуги.	

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ въ 1837 году.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Публичной садъ На правой сторонѣ, будка площаднаго писца; на лѣвой, широкая скамья.

ЯВЛЕНІЕ I.

ТЕРНИССІЕРЪ (одинъ, сидитъ передъ своею будкою.)

Нашъ садъ совсѣмъ брошенъ... а кажется, въ немъ все есть: и зелень, и тѣнь, и пруды прекрасные!... Прежде, бывало, здѣсь мѣста не найдешь; ко мнѣ безпрестанно бѣгаютъ съ работою... А теперь? Никто и не загляпетъ! Плохія пришли времена! Вотъ ужъ три дня я сижу безъ работы; скоро придется итти по міру...

ЯВЛЕНІЕ II.

ТЕРНИССІЕРЪ И МАЛЬЧИКЪ.

МАЛЬЧИКЪ (вбѣгаетъ, напѣвая пѣсенку, и останавливается передъ Терниссіеромъ.

Гдѣ здѣсь писецъ?

ТЕРНИССІЕРЪ.

Что тебѣ угодно, дружокъ? Я къ твоимъ услугамъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Ты умѣешь порядочно писать?

ТЕРНИССІЕРЪ, съ сердцемъ.

Ну, разумѣется. Что тебѣ надобно?

МАЛЬЧИКЪ.

Перепиши вотъ это письмецо, да почище *(Подаетъ ему бумажку).*

ТЕРНИССІЕРЪ, разсматривая письмо.

Работы немного; этакое мнѣ несчастье! Нельзя взять дороже франка.

МАЛЬЧИКЪ, съ радостію.

Только-то! Идетъ! Пиши скорѣй.

ТЕРНИССІЕРЪ, подводитъ его къ вывѣскѣ, на которой означены разные почерки.

Какаго рода почеркъ тебѣ угодно?

МАЛЬЧИКЪ.

Мнѣ все равно; которымъ пишется скорѣе, тотъ и давай намъ.

ТЕРНИСІЕРЪ, разбирая письмо.

Что такое? Страшно подумать... Кто и къ кому пишетъ? И о какихъ ужасныхъ вещахъ!

МАЛЬЧИКЪ.

Да ты, кажется, и читать-то не умѣешь, и ждешь кого нибудь на помощь. Ну, живѣй, пиши или отдай мнѣ бумажку; мнѣ ждать нѣкогда: меня ждутъ.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Тебя ждетъ особа, писавшая это письмо?

МАЛЬЧИКЪ.

Совсѣмъ нѣтъ, не она, а товарищи, съ которыми я игралъ на цвѣточной набережной. Я бросилъ игру, хоть у меня въ ставкѣ цѣлыхъ пол-франка; пора посмотрѣть, что съ ними сдѣлалось. Пиши рысью, мнѣ надобно еще зайти въ одно мѣсто. Я не торгуюсь, такъ и ты пиши проворнѣе. Если не вѣришь, я дамъ тебѣ деньги впередъ.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Не спѣши, дружочикъ. Мнѣ нужно знать, кто далъ тебѣ это письмо?

МАЛЬЧИКЪ, съ гримасою.

Человѣкъ!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да кто онъ? Какъ его зовутъ?

МАЛЬЧИКЪ.

Когда я говорю тебѣ, что человѣкъ, такъ, стало быть, тебѣ больше и знать не нужно. Мнѣ дали письмо, приказали отнести его писцу для переписки; дали денегъ, я взялъ ихъ и пошелъ; я тебѣ заплачу, вотъ и конецъ исторіи. Пожалуй, я спою тебѣ пѣсенку въ придачу. (*Поетъ.*)

Мальбрукъ въ походъ пустился...

ТЕРНИСІЕРЪ.

Читалъ-лы ты письмо?

МАЛЬЧИКЪ.

Да развѣ я умѣю читать? Я даже и буквъ не знаю; да и жалѣлъ бы очень, если бъ былъ такимъ ученымъ, какъ ты!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Почему же?

МАЛЬЧИКЪ.

Да потому, что ты очень мало похожъ на человѣка, какъ и всѣ вы ученые. Ну, хочешь писать или нѣтъ?

ТЕРНИСІЕРЪ, въ раздумьи.

Если не я, такъ другой перепишетъ... Все это, можетъ быть, правда! (*Мальчику.*) Пишу; черезъ полчаса будетъ готово.

МАЛЬЧИКЪ.

Хорошо, я сбѣгаю посмотрѣть на игру и буду здѣсь черезъ полчаса. Смотри, чтобъ было готово, а если не будетъ, я тебѣ дамъ! (*Дѣлаетъ ему гримасу и убѣгаетъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ III.

ТЕРНИСІЕРЪ, одинъ.

Видалъ я много почерковъ и привыкъ узнавать мужскія и женскія руки; а тутъ ничего не понимаю... (*Нюхаетъ табакъ и думаетъ.*) Это вѣрно пишетъ прежній любовникъ къ новому, или прежняя любовница къ старому любовнику... А вотъ какъ мальчикъ придетъ, все узнаю изъ адреса...

Пока онъ говоритъ, въ глубинѣ сада показывается Сенжиль, онъ ведетъ подъ руку графиню Валаберъ. Тернисіеръ уходитъ въ будку.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ГРАФИНЯ, СЕНЖИЛЬ.

СЕНЖИЛЬ.

Успокойтесь, графиня, ударъ не такъ великъ, какъ вы воображаете. (*Подводитъ ее къ скамьѣ.*) Отдохните; вамъ будетъ легче.

ГРАФИНЯ.

У насъ все было слажено; Юлій такъ нравился молодой герцогинѣ, а теперь вдругъ она отказываетъ намъ съ такимъ презрѣніемъ. И я догадываюсь о причинѣ...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю: герцогиня очень влюбчива, и вѣрно увидѣла какого нибудь молодца...

ГРАФИНЯ.

Совсѣмъ нѣтъ; герцогиня вѣрно узнала тайну, которую я берегла даже отъ васъ, другъ мой. Юлій влюбленъ въ какую-то женщину, и влюбленъ до безумія.

СЕНЖИЛЬ, хладнокровно.

Вотъ что! Такъ всегда бываетъ въ его лѣта.

ГРАФИНЯ.

Но какая эта женщина!...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, какая нибудь гризетка... или танцовщица...

ГРАФИНЯ.

Во всякомъ случаѣ, женщина бѣдная, ничтожная, но получила, говорятъ, превосходное воспитаніе и давала уроки на форте-піано. Ее зовутъ Фанни...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, Фанни Дорваль...

ГРАФИНЯ.

А вы, Маркизъ, какъ ее знаете?

СЕНЖИЛЬ.

Какъ же! Она учила мою племянницу! О! у ней чудная талія; глаза и руки-прелесть! Юлій видалъ ее у моей сестры; но Фанни вдругъ отказалась учить и исчезла. Они ловко разъиграли комедію; я въ ней ничего не понялъ! Экая воструха! А по наружности, такая скромная; но насъ она не перехитритъ; мы съумѣемъ отвлечь Юлія. Зачѣмъ вы прежде мнѣ объ этомъ не сказали?

ГРАФИНЯ.

Я сама только недавно узнала; но уже придумала, что дѣлать, съ чего начать. Я хотѣла просить васъ...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, графиня, знаю... поговорить съ Юліемъ, растолковать ему...

ГРАФИНЯ.

Это плохое средство. Юлій намъ не уступитъ, если искренно любитъ эту Фанни. Я знаю его характеръ.

СЕНЖИЛЬ.

Да и я знаю, графиня. Вамъ не сказывали, намѣренъ ли онъ на ней жениться?

ГРАФИНЯ.

Она вѣрно доведетъ его до этой глупости.

СЕНЖИЛЬ.

Такъ надобно остерегаться. Я самъ повѣрилъ-бы этой скромницѣ, хоть я бывалый человѣкъ. Нельзя терять времени: вѣдь всѣ женщины этого рода очень любятъ выходить замужъ. Я придерживаюсь вашихъ мыслей, графиня, хотя не такъ строгъ, какъ вы. Очень вѣроятно, что она обманываетъ Юлія. Женщина можетъ прожить безъ любовника, но если у ней есть одинъ, такъ можно предположить и другаго. Надобно поскорѣй разочаровать Юлія, а не то — будетъ плохо.

ГРАФИНЯ.

Вотъ мой планъ. Я умру скорѣе, чѣмъ увижу эту свадьбу; но нарочно соглашусь на бракъ Юлія, и такимъ образомъ увижу эту Фанни, а васъ попрошу съѣздить и убѣдить ее, что Юлій не можетъ на ней жениться. Вы ей скажете...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю... Что Юлій потеряетъ карьеръ, что родные его соглашаются неохотно, съ крайнимъ сожалѣніемъ. Знаю, знаю... Я не разъ видалъ такія сцены. Можно осушить слезы покинутой Аріалны. Чего она хочетъ? Вѣрно независимаго состоянія? Можно дать ей двадцать или двадцать пять банковыхъ билетовъ по тысячѣ франковъ; кажется, довольно!

ГРАФИНЯ.

А если она не согласится, пожалуется Юлію, перескажетъ ваши слова? Я приму другія мѣры; употреблю все — мою власть, даже клевету...

СЕНЖИЛЬ.

Не бойтесь, графиня, она возьметъ билеты и замолчитъ. Съ этими деньгами примется опять за сонаты и варіаціи, и авось выйдетъ замужъ за музыканта. Принимаю на себя дипломатическіе переговоры, и отвѣчаю вамъ за успѣхъ... Успокойтесь, графиня. Вотъ Адель и Юлій.

ГРАФИНЯ.

Сейчасъ объявлю ему радостную вѣсть, которая потомъ спасетъ насъ всѣхъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ГРАФИНЯ, СЕНЖИЛЬ, АДЕЛЬ И ЮЛІЙ.

АДЕЛЬ.

Мы насилу васъ нашли, графиня. Вы отдыхаете сегодня не на обыкновенномъ вашемъ мѣстѣ.

ГРАФИНЯ.

Да, милая Адель, я сегодня сама не своя. Я получила извѣстіе, отъ котораго едва не умерла.

ЮЛІЙ.

Что такое?

ГРАФИНЯ.

Герцогиня прерываетъ всѣ сношенія съ нами, и я даже не знаю причины.

ЮЛІЙ.

Возможно-ли? Я едва вамъ вѣрю, матушка.

АДЕЛЬ, въ сторону.

Какъ я рада! Мои планы удались.

ГРАФИНЯ.

И по совѣту добраго Сенжиля, я рѣшилась предоставить тебѣ самому выборъ нѣвѣсты.

ЮЛІЙ.

О! если-бъ вы знали, съ какимъ восторгомъ я принимаю ваше позволеніе... У меня на сердцѣ лежала тяжелая тайна.

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, любовишка...

ЮЛІЙ, съ сердцемъ.

Вы всегда все знаете, маркизъ, и шутите самыми священными чувствами... Но я вамъ прощаю; въ такую счастливую минуту, я не могу сердиться.

АДЕЛЬ. въ сторону.

Какъ онъ счастливъ! О, зачѣмъ я его узнала!

ГРАФИНЯ. Юлію.

Зачѣмъ же ты скрывалъ отъ меня любовь свою? Развѣ я не заслужила твоей довѣренности?

ЮЛІЙ.

Я боялся разсердить васъ моимъ выборомъ.

ГРАФИНЯ.

Развѣ ты выбралъ недостойную женщину?

ЮЛІЙ.

О, нѣтъ!

СЕНЖИЛЬ.

Я вамъ ручаюсь за нее, графиня...

АДЕЛЬ.

Вы и ее знаете?

СЕНЖИЛЬ, въ сторону.

Что я надѣлалъ? (*Въ слухъ.*) Нѣтъ, я не сомнѣваюсь въ ея достоинствахъ только потому, что она выбрана Юліемъ...

АДЕЛЬ.

Въ этомъ случаѣ, можно вамъ повѣрить.

ЮЛІЙ.

Она бѣдная дѣвушка, но бѣдность не порокъ.

СЕНЖИЛЬ, графинѣ на ухо.

Не порокъ, а гораздо хуже.

ЮЛІЙ.

Отецъ ея былъ храбрый капитанъ, служилъ въ гвардіи Наполеона, и получилъ крестъ изъ рукъ его на полѣ чести...

ГРАФИНЯ.

Все это не составитъ еще твоего счастія... Но любитъ ли она тебя?

ЮЛІЙ.

О, въ этомъ-то я увѣренъ! Она не можетъ меня обманывать. Она такъ выше всѣхъ другихъ женщинъ...

АДЕЛЬ, грустно.

Благодарю за комплиментъ.

ЮЛІЙ, ласково,

Простите мнѣ, кузина, невольное выраженіе, которымъ я вовсе не хотѣлъ оскорбить васъ...

ГРАФИНЯ, вставая, тихо маркизу.

Не могу слушать похвалъ его этой дѣвчонкѣ. (*Въ слухъ.*) Пойдемте, маркизъ, я должна безпокоить васъ еще однимъ порученіемъ.

(Маркизъ подаетъ ей руку; они уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЮЛІЙ И АДЕЛЬ.

ЮЛІЙ, смотря на уходящую мать.

Какъ бы я могъ быть счастливъ, и какъ еще далекъ отъ блаженства!

АДЕЛЬ, нѣжно.

Чего же вамъ не достаетъ, братецъ?

ЮЛІЙ, печально.

Въ ея согласіи нѣтъ искренности. Она даже не спросила меня объ имени той, которую я выбралъ. Какое презрѣніе!

АДЕЛЬ.

Графиня похожа на всѣхъ старыхъ людей: она отжила вѣкъ, не вѣритъ любви и смотритъ только на выгоду связей.

ЮЛІЙ.

Для того-то она и хотѣла женить меня на герцогинѣ... Адель! Когда мы шли сюда, вы мнѣ говорили, что для моего счастія нуженъ отказъ герцогини. Вотъ онъ! Вы знали объ немъ?

АДЕЛЬ.

Не знала, но надѣялась.

ЮЛІЙ.

Вы еще говорили, что у меня есть геній-хранитель! Кто онъ? Вы, вѣрно вы?

(Цѣлуетъ ей руки.)

АДЕЛЬ, нѣжно.

А если-бъ насъ увидала та, о которой вы сейчасъ такъ горячо разсказывали? Она не подумала бы, что вы цѣлуете мои руки изъ одной только благодарности!...

ЮЛІЙ.

Вы мой геній-хранитель. Здѣсь меня всѣ тревожатъ, мучатъ; только вы, Адель, вы однѣ думаете о моемъ счастіи, какъ о собственномъ своемъ. Милая Адель! Я очень несчастливъ!

АДЕЛЬ.

Однако-жъ вы любите — и васъ любятъ!

ЮЛІЙ.

Я не спорю...

АДЕЛЬ.

Чего же не достаетъ? Одного счастія, которое зависитъ отъ васъ самихъ. Я всегда думала, что женщины умѣютъ любить лучше мужчинъ. Когда у насъ въ душѣ глубокая страсть, для насъ нѣтъ препятствій; мы рѣшаемся на смерть скорѣе, чѣмъ вы на одну минуту стыда или хлопотъ.

ЮЛІЙ.

Вы совершенно правы, Адель; я все еще боюсь огорчить мою добрую мать.

АДЕЛЬ.

Или раскаяться послѣ!

ЮЛІЙ.

О, никогда! Если-бъ вы *ее* знали!

АДЕЛЬ

Говорите со мною откровенно, Юлій. Я, можетъ быть, поступаю дурно; я должна соблюдать неутралитетъ; но мнѣ позволено требовать отъ васъ довѣрія, для вашего же утѣшенія, когда другіе, напр., Сенжиль, мучатъ васъ совѣтами, которыхъ вы не просите. Вы ее очень любите?

ЮЛІЙ.

Не могу жить безъ нея!

АДЕЛЬ, въ сторону.

О! еслибъ онъ ошибался! (*Въ слухъ.*) Она хороша, — разумѣется, но я спрашиваю, очень ли она хороша?

ЮЛІЙ.

Даже лучше васъ, кузина... мнѣ кажется.

АДЕЛЬ

Вы въ этомъ увѣрены, такъ не обманывайте меня... Умна?

ЮЛІЙ.

Умна и добра; умъ ея идетъ прямо отъ сердца, какъ у васъ, кузина.

АДЕЛЬ, грустно.

Не хочу быть ея зеркаломъ; и говорю объ ней не для того, чтобы вы меня хвалили. Вы ее любите: этимъ однимъ словомъ ужъ все сказано; другихъ похвалъ не нужно. Но увѣрены ли вы, что она васъ любитъ, что она никого не любила и не любитъ, кромѣ васъ?

ЮЛІЙ.

Кто станетъ въ этомъ спорить, тотъ долженъ представить мнѣ доказательства, или я убью его!

АДЕЛЬ.

Чего же медлить? Вы свободны, Юлій, и должны выбрать жену, образецъ красоты, молодости, талантовъ, ума и добродѣтели. Теперь такое сокровище у васъ въ рукахъ — а вы не рѣшаетесь... Не стараться сохранить его, значитъ пренебрегать имъ... Вѣдь вы не ставите ей въ вину той любви, которую она къ вамъ чувствуетъ?

ЮЛІЙ.

Могу ли быть такъ несправедливъ? Нѣтъ, Фанни мнѣ кажется добродѣтельнѣйшею женщиною въ мірѣ!

АДЕЛЬ, съ сердцемъ.

Такъ женитесь на ней, даже безъ согласія матери.

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, Адель, я на это не рѣшусь; но надѣюсь уговорить ее, особенно при вашей помощи. Вы мой геній-хранитель, спасите меня. Графиня такъ васъ любитъ, что вѣрно дастъ искреннее согласіе, если вы станете просить за меня, отъ души, съ непритворнымъ желаніемъ устроить мое счастіе.

АДЕЛЬ, въ сторону.

Но не съ Фанни! (*Въ слухъ.*) Даю вамъ слово хлопотать за васъ, и вступаю съ вами въ заговоръ противъ графини. Я вижу васъ въ несчастіи; это послужитъ оправданіемъ моему поведенію. Завтра или черезъ нѣсколько дней, начнемъ умолять неумолимую графиню, и она надъ нами сжалится. (*Юлій беретъ со скалы шляпу.*) [А! вы ужъ не хотите побыть со мною...

ЮЛІЙ.]

Какъ вы несправедливы, кузина..

АДЕЛЬ.

Извольте, ступайте туда, куда зоветъ васъ сердце, и всегда любите ее, если она достойна вашей любви...

ЮЛІЙ.

Этому совѣту я готовъ слѣпо повиноваться... Позвольте же, Адель, проводить васъ къ матушкѣ (*Беретъ ее подъ руку и цѣлуетъ ей руку.*) Вы возвратили мнѣ спокойствіе; я теперь опять надѣюсь; если вы заставите графиню полюбить мою Фанни, я готовъ вамъ отдать все, все, кромѣ жизни...

АДЕЛЬ, печально.

И любви? Она ужъ отдана другой!

(Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТЕРНИСІЕРЪ, выходитъ изъ будки, съ письмомъ въ рукахъ, въ то самое время, какъ Юлій цѣлуетъ руку Адели.

Хорошо! Прекрасно! Безподобно! Только займешься дѣломъ — глядь! тутъ являются счастливыя пары... Ну, ужъ народъ у насъ въ Парижѣ! Чуть отвернешься, и пошло цѣлованье!... Въ наше время было не такъ!... Тогда рукъ не цѣловали... За то и писемъ такихъ не писывали. Гдѣжъ запропастился этотъ шалунишка? Мнѣ ужасно хочется знать, къ кому я имѣлъ честь писать.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТЕРНИСІЕРЪ и МАЛЬЧИКЪ.

МАЛЬЧИКЪ, бѣжитъ съ радостію.

Ага! кончено! Ну, и я устроилъ дѣлишки. Выигралъ два франка, хотѣлъ еще поставить на четыре, да Іьерро струсилъ... Давай же письмо...

ТЕРНИСІЕРЪ.

Надобно написать еще адресъ; безъ этого и письмо — не письмо. У тебя есть адресъ?

МАЛЬЧИКЪ, подкрадываясь.

Какъ же! Адресъ написанъ карандашемъ на клочкѣ бумаги, который у меня здѣсь, въ лѣвомъ карманѣ жилета (*Вырываетъ у него письмо;*) да ты его не увидишь.

ТЕРНИСІЕРЪ, испугавшись.

Что ты рвешь? Вѣдь бумага-то не желѣзная.

МАЛЬЧИКЪ.

Адрессъ будетъ написанъ другимъ письмомъ: такъ мнѣ приказано.

ТЕРНИСІЕРЪ, гоняясь за нимъ.

Отдай письмо. Такія предосторожности не показываютъ добраго намѣренія. Отдай мнѣ письмо!

МАЛЬЧИКЪ, убѣгая отъ него.

Я тебѣ ничего не отдамъ, а ты отдашь мнѣ бумажку, которую я тебѣ принесъ; такъ мнѣ приказано... Или разорветъ ее при мнѣ.

ТЕРНИСІЕРЪ, всплеснувъ руками.

Вотъ еще! Клянусь, что никогда не стану переписывать безыменныхъ писемъ. Хотятъ истребить черновое письмо! Я долженъ былъ отказаться. Пусть бы преступленіе пало на другую душу!

МАЛЬЧИКЪ.

Ну, г-нъ старый ученый! Рѣшайся скорѣй: или раздирай бумажку, или нѣтъ тебѣ денегъ.

ТЕРНИСІЕРЪ, съ презрѣніемъ.

Пожалуй, оставь у себя деньги, если тебѣ не стыдно обманывать честныхъ людей. (*Въ сторону.*) Разорву ему какую нибудь бумажонку.

(идетъ въ будку.)

МАЛЬЧИКЪ.

Да я отъ тебя не отстану; отдавай бумажку; я обѣщалъ, что она будетъ разорвана.

ТЕРНИСІЕРЪ, выходя изъ будки и разрывая бумажку.

На, вотъ тебѣ; теперь пошелъ вонъ, шалунъ.

МАЛЬЧИКЪ.

Шалунъ, да не воръ. Вотъ тебѣ деньги! (Начинаетъ бросать ему въ карманъ сюртука мѣдныя деньги; занавѣсъ опускается.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Бѣдная комната. На правой сторонѣ пяльцы. На лѣвой, конторка. Двери съ трехъ сторонъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФАННИ, за пяльцами, МАРІАННА.

ФАННИ.

Посмотри, Маріанна, я совсѣмъ кончила подушку, каково?

МАРІАННА, надѣваетъ очки.

Безподобно! Голубокъ, какъ живой! Эта мастерская штука! Я вѣрно продамъ ее подороже всѣхъ другихъ вашихъ работъ.

ФАННИ.

Да вѣдь ты знаешь, что всѣ мои работы запроданы за ту же цѣну и тѣмъ же купцамъ.

МАРІАННА.

Жидамъ!

ФАННИ.

Напрасно, Маріанна, ты такъ бранишь честныхъ и добрыхъ людей, которые доставляютъ мнѣ вѣрный кусокъ хлѣба. Безъ нихъ мы умерли бы съ голоду.

МАРІАННА.

Боже мой! Развѣ нельзя безъ нихъ обойтись?... Вамъ стоитъ только захотѣть, г-нъ Юлій. ...

ФАННИ, отворачиваясь.

Какія у тебя мысли!

МАРІАННА.

Я говорю о вашемъ музыкальномъ талантѣ, а не о чемъ другомъ. Здѣсь мало такихъ музыкантшъ, какъ вы, и когда вы давали уроки по 10 франковъ...

ФАННИ.

Тогда Юлій вѣчно на меня сердился. Ему не нравилось, что я безпрестанно хожу, одна, по улицамъ. Что дѣлать, коли онъ ревнивъ.

(Во время разговора, она снимаетъ шитье съ пяленъ, и свертываетъ въ трубочку.)

МАРІАННА.

Правда, теперь вы играете для него одного. А легче ли вамъ? Страдаете оба. Когда-то онъ еще соберется уговорить старую графиню! Когда-то выпроситъ позволеніе жениться! А между тѣмъ вы должны сидѣть день и ночь за пяльцами, не принимаете отъ него даже подарковъ....

(Слышенъ звонокъ.)

ФАННИ, отдавая ей свертокъ.

Отнеси скорѣй. Да чтобъ Юлій ничего не зналъ.

МАРІАННА, идя къ дверямъ

Берегитесь, сударыня, г-нъ Юлій не жалуетъ секретовъ.

(Отпираетъ дверь.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ФАННИ, ЮЛІЙ, МАРІАННА.

ФАННИ.

А, Юлій! Давно пора!

ЮЛІЙ.

Опоздалъ въ первый разъ сегодня, и прошу прощенія. (*Цѣлуетъ ей руку.*) Я провожалъ кузину Адель и долженъ былъ заѣхать съ нею въ гости. (*Фанни дѣлаетъ знаки Маріаннѣ*) Что такое? У васъ вѣчные секреты, тайны отъ меня?

ФАННИ.

Ровно ни чего. Маріанна, ступай. Я не останусь одна, Юлій у меня посидитъ.

(Маріанна уходитъ.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮЛІЙ, ФАННИ.

ЮЛІЙ.

Милая Фанни! Я замѣчаю, съ нѣкотораго времени, что ты всегда разстроена, встревожена, озабочена. Фанни? счастлива ли ты?

ФАННИ.

Отъ чего мнѣ быть несчастною? Вѣдь ты меня попрежнему любишь? Впередъ, если захочешь знать, счастлива ли я, спроси самъ у себя: любишь ли ты меня по прежнему?

ЮЛІЙ, цѣлуя руки.

Сегодня я долженъ тебѣ сказать новость: родные мои непремѣнно требуютъ, что бы я женился.

ФАННИ, закрывая лице руками.

Боже мой!

ЮЛІЙ.

Мое положеніе въ обществѣ, любовь къ семейной жизни, забота о будущемъ,—все заставляетъ меня исполнить ихъ желаніе.

ФАННИ. печально.

Дай Богъ тебѣ счастія!

ЮЛІЙ.

Матушка заставляла меня искать подруги въ большомъ свѣтѣ, между знатными дамами, которыя часто замѣняютъ добродѣтель и таланты знатностію и богатствомъ. Но я рѣшился выбрать жену скромную, добрую, испытанную, которой любовь равнялась бы моей любви. Ты знаешь, Фанни, что я давно выбралъ тебя, берегъ тебя, какъ сокровище, и теперь объявилъ графинѣ, рѣшительно, что не женюсь ни на комъ, кромѣ тебя.

ФАННИ, съ нетерпѣніемъ.

Что же она сказала?

ЮЛІЙ.

Она сначала не соглашалась, даже плакала. Къ счастію, Герцогиня Сентель, которую за меня прочили, съ нами поссорилась; кузина Адель приняла мою сторону, и матушка согласилась!

ФАННИ, тихо и недовѣрчиво.

Правда ли? Правда ли все это?

ЮЛІЙ, цѣлуя ей руку.

Да, да! Стану ли шутить такъ жестоко, такъ безбожно!

ФАННИ, бросается къ нему на шею.

Другъ мой! Я не ждала такого счастія! (*Потомъ печально.*) Благодарю, другъ мой, за твое великодушіе! Я умерла бы съ печали, еслибъ ты выбралъ другую женщину. Ты знаешь, что я живу только тобою. Если бъ ты могъ заглянуть въ мое сердце, сколько въ немъ любви и благодарности! Однако жъ я должна спросить тебя еще объ одномъ; отвѣчай мнѣ, положивъ руку на сердце. Если теперь говорило въ тебѣ только чувство состраданія, если ты предлагаешь мнѣ руку, безцѣнное, желанное мое блаженство, только для исполненія даннаго слова, если сердце твое согласно съ желаніями родныхъ, — я лучше соглашусь потерять всѣ надежды, страдать, умереть, чѣмъ жить съ тобою, съ мужемъ, которому я буду въ тягость, который будетъ холоденъ ко мнѣ...

ЮЛІЙ.

Клянусь тебѣ, Фанни, что только сердце внушило мнѣ такую рѣшимость. Если бы не

любовь, кто заставилъ бы меня противиться матери, роднымъ?

ФАННИ, со слезами.

Ну, теперь я совсѣмъ счастлива.

ЮЛІЙ.

За то, ты не откажешь мнѣ въ одной просьбѣ.

ФАННИ.

Отказать тебѣ? Ни въ чемъ! Чего ты хочешь?

ЮЛІЙ.

Новаго доказательства любви. Я знаю, что отецъ твой обѣщалъ тебя другому, этому Эрнесту, съ которымъ ты выросла и воспитывалась. Ты всегда увѣряла меня, что не любишь и забыла его; но я сомнѣвался. Дѣтская дружба такъ сильна! Но теперь я вѣрю, спокоенъ, клянусь тебѣ. Вѣрю, что ты отъ прошедшаго сохранила только одни семейныя воспоминанія. У тебя есть перстень, принадлежавшій твоей матери; она спрятала въ немъ локонъ твоихъ волосъ, когда ты была еще ребенкомъ....

ФАННИ.

Отецъ завѣщалъ мнѣ отдать перстень мужу, въ день моей свадьбы.

ЮЛІЙ.

Я давно хотѣлъ взять его къ себѣ... Отдай мнѣ его теперь, въ знакъ обрученія.

ФАННИ.

Но послѣдняя воля отца моего....

ЮЛІЙ.

Я твой мужъ, твое семейство, замѣняю тебѣ и мать и отца.

ФАННИ, отпираетъ конторку въ раздумьи

Нѣтъ.... послѣ! Въ день нашей свадьбы.

ЮЛІЙ.

Отъ чего же не теперь?

ФАННИ.

Послушай, другъ мой, я должна исполнить послѣднюю волю отца; притомъ же у меня ничего нѣтъ, кромѣ перстня. Онъ будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, МАРІАННА.

ФАННИ.

А! ты уже вернулась, Маріанна?

МАРІАННА, съ досадою.

Да, сударыня!
(Показываетъ ей знаками, что не продала товара.)

ЮЛІЙ.

Что еще такое?

ФАННИ, съ улыбкою.

Ровно ничего.

ЮЛІЙ.

Опять какія-то тайны.

ФАННИ.

Я знаю, что любовь твоя искренна; въ томъ убѣждаетъ меня твоя ревность; но огорчаюсь, что не могу отъучить тебя отъ подозрѣній.

ЮЛІЙ.

Прости, Фанни; перемѣнюсь, когда буду мужемъ.— Маріанна, убери хорошенько комнаты, и наряди свою барыню, какъ умѣешь лучше.

МАРІАННА.

Она и такъ у меня всегда хороша, и чѣмъ проще, тѣмъ лучше.

ЮЛІЙ.

Къ ней будетъ сегодня вечеромъ нежданная гостья: графиня Валаберъ, моя мать!

ФАННИ.

Какъ можно! Я лучше сама къ ней пойду, и вмѣстѣ съ тобою!

ЮЛІЙ.

Нѣтъ, Фанни, я знаю, что дѣлаю. Если ты первая пойдешь къ графинѣ, станутъ увѣрять, что ты искала ея милостей, ея снисхожденія, угождала ей, и унижалась. Я этого не хочу. Пусть сама графиня тебя ищетъ; первый шагъ долженъ быть съ ея стороны; но ты прими ее учтиво, ласково....

ФАННИ.

О, разумѣется!

ЮЛІЙ.

Какъ слѣдуетъ доброй, нѣжной дочери. Все зависитъ отъ перваго вашего свиданія.

ФАННИ.

И ты самъ пріѣдешь вмѣстѣ съ нею?

ЮЛІЙ.

Непремѣнно! Я не оставлю тебя въ такую роковую минуту. *(Цѣлуетъ ей руку.)* Прощай, милая Фанни; будь повеселѣе, и жди насъ къ семи часамъ.

(Фанни провожаетъ его до дверей).

ЯВЛЕНІЕ V.

МАРІАННА И ФАННИ.

МАРІАННА, съ таинственностію.

Я встрѣтила на улицѣ того.... бывшаго вашего жениха.... Онъ шелъ сюда....

ФАННИ.

Зачѣмъ? Чего еще ему надобно?

МАРІАННА.

Богъ его знаетъ! Такой страшной, блѣдный, разстроенный. *(Мужскимъ голосомъ.)* Я умру, говоритъ, если Фанни выйдетъ за другаго. Она моя; ея отецъ такъ велѣлъ.... *(Своимъ голосомъ.)* И еще говорилъ много, много, такъ страшно, что у меня волосы дыбомъ стали. Хочетъ убить г-на Юлія, и даже васъ.

ФАННИ, съ насмѣшкою.

Не бойся, добрая Маріанна; влюбленные — народъ вспыльчивый, но не злопамятный. Ты сказала бы ему, что я никогда не любила его, никогда не считала за жениха и ничѣмъ ему не обязана.

МАРІАННА.

Я ему говорила, да онъ не вѣритъ и клянется, что г-нъ Юлій васъ обманетъ, что свадьбѣ не бывать....

ФАННИ

Посмотримъ. *(Слышенъ звонокъ.)* Если это онъ, не пускай его; я не хочу его видѣть.

(Уходитъ въ свою комнату).

ЯВЛЕНІЕ VI.

МАРІАННА, ПОТОМЪ СЕНЖИЛЬ.

МАРІАННА, отпираетъ дверь и впускаетъ Сенжиля.

Не тотъ, не женихъ; къ этому г-нъ Юлій насъ не приревнуетъ.

СЕНЖИЛЬ.

Здѣсь ли живетъ дѣвица Фанни Дорваль?

МАРІАННА.

Точно здѣсь, вы угадали. Что вамъ угодно?

СЕНЖИЛЬ, осматриваясь кругомъ.

Какъ все мило, чисто! Откуда у бѣдняковъ берутся деньги! *(Маріаннѣ.)* Доложите ей, что маркизъ Сенжиль желаетъ... или нѣтъ.... имѣетъ крайнюю нужду видѣть ее.... маркизъ Сенжиль, другъ Юлія, слышите?

МАРІАННА.

Друзья г-на Юлія у насъ всегда хорошо приняты; сейчасъ доложу-съ. *(Уходя, въ сторону.)* Знатный господинъ, маркизъ! Ну, кто бы догадался по его лицу! Вѣрно пріѣхалъ съ поздравленіемъ.

(Уходитъ въ комнату Фанни.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

СЕНЖИЛЬ, одинъ.

Посмотримъ, гожусь ли я въ дипломаты? Съ чего начать?... Разумѣется, съ лести. Это самое вѣрное средство съ молоденькими женщинами. Она, говорятъ, очень чувствительна. Можно задѣть и за эту струну. Въ старые годы я умѣлъ вести переговоры потруднѣе сегодняшняго порученія графини Валаберъ.... Но вотъ и она!

ЯВЛЕНІЕ VIII.

СЕНЖИЛЬ, ФАННИ, МАРІАННА.

СЕНЖИЛЬ, чопорно раскланиваясь.

Извините, сударыня, что я обезпокоилъ васъ своимъ посѣщеніемъ. Графиня Валаберъ поручила мнѣ видѣться съ вами и сказать...

ФАННИ.

Я ждала графиню; Юлій сказалъ мнѣ, что она сама сегодня пріѣдетъ.

СЕНЖИЛЬ.

Графиня не очень здорова, и поручила мнѣ поговорить съ вами о приготовленіяхъ къ свадьбѣ.

ФАННИ, указывая на кресло.

Прошу садиться.

СЕНЖИЛЬ.

При разговорѣ нашемъ не должно быть лишнихъ свидѣтелей. Какъ другъ Юлія, я могу надѣяться отъ васъ такого довѣрія.

ФАННИ.

Всего, что вамъ будетъ угодно. Маріанна, оставь насъ.

(Маріанна выходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IX.

СЕНЖИЛЬ, ФАННИ.

ФАННИ.

Ваша таинственность, маркизъ, меня удивляетъ; я не люблю секретовъ, такъ же какъ и другъ вашъ Юлій.

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю; но я долженъ исполнить волю графини, которой никогда и не въ чемъ не отказывалъ. Графиня надѣялась, что сынъ ея найдетъ себѣ подругу въ богатомъ, знатномъ семействѣ; дочь пера, напримѣръ. Знаете ли, что значитъ дочь пера? Вѣдь это богатое приданое, сотни тысячъ дохода...

ФАННИ.

Но Юлій самъ такъ богатъ...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, да вѣдь дочь пера представляетъ еще другія, болѣе значительныя, выгоды. Юлій быстро пошелъ бы по службѣ: когда отецъ перъ, то зять его непремѣнно префектъ...

ФАННИ.

Не понимаю, къ чему вы все это говорите, когда ужъ сама графиня согласилась...

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, сударыня; и вы сами виноваты, что графиня такъ долго не соглашалась. (*Съ натянутою вѣжливостію.*) Вамъ стоило только показаться, и графиня не устояла бы противъ такого блистательнаго соединенія красоты, молодости, ума и любезности. Но теперь графиня разсуждаетъ иначе. Блестящая участь Юлія, свадьба съ дочерью пера, мѣсто префекта — все гибнетъ отъ страсти Юлія къ вамъ...

ФАННИ.

Опять повторю: зачѣмъ графиня согласилась?

СЕНЖИЛЬ.

Да какъ она согласилась? Со слезами, съ ропотомъ, съ неудовольствіемъ, — и сказать ли вамъ правду? — съ надеждою на вашъ собственный отказъ.

ФАННИ, грустно.

Я васъ не понимаю, маркизъ. Говорите прямо, я воспитана просто, и не разумѣю тонкостей вашего языка.

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, потому-то и говорю съ вами, какъ можно яснѣе, проще. Графиня васъ такъ уважаетъ, что надѣется, что вы пожертвуете своею страстію для блага, для счастія Юлія.

ФАННИ, твердо.

Къ такой нечеловѣческой добродѣтели я вовсе неспособна.

СЕНЖИЛЬ.

Вспомните, какое разстояніе отдѣляетъ васъ отъ Юлія, какія препятствія встрѣтили вы противъ вашей свадьбы. Мы такъ убѣждены въ вашемъ безкорыстіи, что смѣемъ надѣяться, что вы предпочтете выгоды Юлія вашимъ собственнымъ.

ФАННИ, вставая.

Вы пріѣхали обижать меня, маркизъ...

СЕНЖИЛЬ.

По приказанію графини, я долженъ...

ФАННИ.

Не снесу оскорбленій ни отъ кого, ни даже отъ матери моего будущаго мужа, особенно теперь, когда у меня есть защитникъ, женихъ мой, Юлій! О, если бъ онъ былъ здѣсь!

СЕНЖИЛЬ.

Вы напрасно оскорбились, сударыня. Графиня вовсе не намѣрена обижать васъ. Она отдаетъ полную справедливость вашему безкорыстію, вашему поведенію, и зная вашу бѣдность, предлагаетъ вамъ пенсію...

ФАННИ, громко, съ негодованіемъ.

Деньги за Юлія! Чтобъ я продала его! *(Со слезами.)* Что я вамъ сдѣлала? За что дѣлаете вы мнѣ такое унизительное предложеніе? Чѣмъ я его заслужила?

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю, что все это вамъ очень непріятно, и мнѣ тоже. Но я долженъ былъ исполнить волю графини. Какой же дадимъ ей отвѣтъ?

ФАННИ

Переговорите съ Юліемъ; я совершенно отдаюсь въ его волю.

СЕНЖИЛЬ.

Посольство мое кончено. Позвольте засвидѣтельствовать вамъ, сударыня, мое нижайшее почтеніе. *(Въ сторону.)* Какъ неудачно!

ФАННИ, громко.

Маріанна!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, МАРІАННА.

ФАННИ.

Маріанна, проводи маркиза *(въ полголоса)* и въ другой разъ не пускай сюда!

СЕНЖИЛЬ.

Еще одна просьба: не говорите Юлію, что я былъ у васъ, что говорилъ съ вами отъ имени графини.

ФАННИ, холодно.

Я ничего не скрываю отъ Юлія.

СЕНЖИЛЬ.

Знаю, знаю; но не поселяйте раздора между матерью и сыномъ. Умоляю васъ семейнымъ ихъ счастіемъ....

ФАННИ, съ презрѣніемъ.

Зачѣмъ же вы принимаете на себя порученія, о которыхъ не смѣете говорить съ другомъ вашимъ.... и съ какимъ другомъ! Я вамъ прощаю, буду молчать, но съ условіемъ, что въ другой разъ не услышу отъ васъ подобныхъ предложеній.

СЕНЖИЛЬ, въ смущеніи.

Покорнѣйше благодарю за графиню. *(Въ сторону.)* Куда я попалъ? Бѣда, если Юлій узнаетъ!

(Раскланивается и уходитъ. Маріанна его провожаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ФАННИ, одна.

Ушелъ!.. Вотъ начало моей новой жизни! Вмѣсто счастія, вмѣсто спокойствія, страхъ и сомнѣніе! Настоящее полно борьбы и грусти, а будущее мрачно и печально! Въ какія интриги и сплетни можетъ замѣшать меня его гордое, сильное семейство!... Но я на все рѣшилась: за любовь Юлія можно снести обиду, оскорбленіе, презрѣніе – все, чѣмъ знатный и сильный можетъ удручить бѣднаго и слабаго....

ЯВЛЕНІЕ XII.

ФАННИ И МАРІАННА.

МАРІАННА, торопливо.

Г-нъ Юлій идетъ, я видѣла его издалека.... Сердитый, разстроенный, какъ, помните, бывало, онъ къ намъ приходилъ, когда жилъ здѣсь г-нъ Эрнестъ.

ФАННИ, подбѣгая къ окну.

Да гдѣ ты его видишь?

МАРІАННА, указывая на улицу.

Вотъ, у зеленаго дома. Видите, какъ онъ бѣжитъ, всѣхъ толкаетъ, какъ будто ничего не видитъ.

ФАННИ.

Онъ вѣрно встрѣтилъ Сенжиля и все узналъ.... Или, можетъ быть, графиня опять отказалась отъ даннаго согласія? Но я его успокою. Не въ первый разъ надъ нами ходятъ тучи.

(Юлій показывается въ дверяхъ; она бросается къ нему на встрѣчу.)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ЮЛІЙ, ФАННИ, МАРІАННА.

ФАННИ.

Какое у тебя страшное лицо, Юлій! Я такимъ никогда тебя не видала!

ЮЛІЙ, отталкивая ее и осматриваясь.

Ты здѣсь одна? *(Указывая на другую комнату.)* И тамъ никого нѣтъ?

ФАННИ.

Нигдѣ никого; и кому быть?

ЮЛІЙ.

Хорошо!
(Даетъ знакъ Маріаннѣ; Маріанна уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ЮЛІЙ, ФАННИ.

ФАННИ.

Юлій, не пугай меня! Говори скорѣе.

ЮЛІЙ, указывая повелительно на кресло.

Садись! *(Фанни садится.)* Фанни! Ты меня обманула!

ФАННИ.

Ахъ! *(Падаетъ на спинку кресла.)*

ЮЛІЙ, дергая ее за руку.

Отвѣчай же, отвѣчай, если можешь.

ФАННИ, встаетъ въ ужасѣ.

Страшная мысль! Юлій покорился требованіямъ матери, согласился съ нею, и ищетъ только предлога къ разрыву!

ЮЛІЙ, удерживая ярость.

Я буду спокоенъ, слушай меня. Наше свиданіе, можетъ быть, послѣднее, и если ты не оправдаешься — разрывъ вѣчный; но не хочу осуждать, не выслушавъ твоихъ оправданій. Если ты меня обманула, тебѣ нѣтъ прощенія! Я такъ вѣрилъ тебѣ, стыдился за тобою присматривать; любилъ тебя чисто, безкорыстно, и готовъ былъ всѣмъ пожертвовать, всѣмъ — друзьями, матерью, богатствомъ....

ФАННИ.

Наконецъ понимаю!... Ты обвиняешь меня во лжи и постыдной измѣнѣ.... Довольно, довольно!

ЮЛІЙ.

Отвѣчай отровенно, Фанни... Я ли одинъ ходилъ сюда? Вспомни хорошенько.... Не былъ ли здѣсь кто другой?

ФАННИ, съ радостію.

Только-то? Да, здѣсь былъ сегодня твой знакомый, твой другъ — Маркизъ Сенжиль.

ЮЛІЙ, въ изумленіи.

Здѣсь былъ Сенжиль? Зачѣмъ?

ФАННИ.

И своими предложеніями приготовилъ ко всему, что теперь происходитъ.

ЮЛІЙ.

Я потребую отъ него объясненій и все узнаю. Но ты признаешся мнѣ не во всемъ: ты не говоришь о другомъ, о молодомъ офицерѣ, который ходилъ къ тебѣ тайно...

ФАННИ, хладнокровно.

А!... что тебѣ о немъ насказали?

ЮЛІЙ, въ бѣшенствѣ вынимаетъ изъ кармана письмо и сжимаетъ его въ рукѣ.

Что насказали?... Мнѣ извѣстно, что безъ меня, третьяго дня, вечеромъ, молодой человѣкъ, въ военномъ плащѣ, былъ сюда тайно введенъ Маріанною и пробылъ здѣсь два часа; что онъ часто бывалъ здѣсь и прежде, хоть ты объ этомъ мнѣ ничего не говорила; что онъ былъ съ тобою знакомъ прежде меня; что любилъ тебя, когда ты была еще ребенкомъ, и долженъ былъ на тебѣ жениться. Правда ли? Хочешь ли знать его имя? Его зовутъ Эрнестомъ!

ФАННИ, твердо.

Правда! Кто сообщилъ тебѣ такія подробности?

ЮЛІЙ.

Это письмо! Докажи что оно лжетъ.

ФАННИ.

Отъ кого оно? Кто его подписалъ?

ЮЛІЙ.

Оно не подписано, да какое дѣло... когда оно говоритъ одну правду.

ФАННИ, съ грустію.

Ты вѣришь безыменному письму и подлый доносъ беретъ верхъ надъ всѣми доказательствами моей любви... Ты такъ мало меня уважаешь, что первый прохожій можетъ очернить меня, въ твоихъ глазахъ, не опасаясь отвѣчать за клевету! Какую жизнь ты готовишь для насъ обоихъ?

ЮЛІЙ.

Не обвиняй, а защищайся. Если письмо лжетъ, я найду клеветника и накажу его, клянусь небомъ! Но если онъ открываетъ мнѣ глаза, если обнаруживаетъ коварство

котораго я едва не сдѣлался жертвою, то онъ другъ мнѣ и я долженъ благодарить его. Слушай и рѣшай, кто онъ: другъ или врагъ мой? (*Развертываетъ письмо и читаетъ дрожащимъ голосомъ:*)

»Милостивый государь! Любя и жалѣя васъ, рѣшаюсь открыть вамъ тайну женщины, которая вскорѣ должна принять ваше имя. Молодой человѣкъ, связанный съ нею старинными узами, страстно любилъ ее и хотѣлъ на ней жениться. Ваша любовь предложила ей бракъ повыгоднѣе; она отказала прежнему другу, но продолжала принимать его. Онъ бывалъ у ней часто. Теперь, когда настала минута вѣчной разлуки, она съ нимъ прощалась. Вчера вечеромъ, Эрнестъ прошелъ къ ней тайно и только черезъ два часа разстался съ нею...«

Фанни, прерывая его

И на всегда! Клянусь тебѣ, на всегда!

Юлій.

Стало быть, ты признаешься, что онъ былъ здѣсь?

Фанни.

Да; но теперь ты меня выслушай.

Юлій, хочетъ итти.

Нѣтъ, ненужно!... Не теряй даромъ обольстительнаго своего краснорѣчія.

Фанни, останавливая его.

Выслушай меня. Можно ли обвинять, не выслушавъ оправданія? Я ни въ чемъ невиновата. Я не говорила тебѣ объ Эрнестѣ, потому что боялась твоей ревности. Отецъ назначалъ мнѣ его въ мужья; но я не любила его, и оставляя родину, не увѣдомила его даже о моемъ отъѣздѣ. Онъ былъ здѣсь у меня, и напомнилъ мнѣ о намѣреніяхъ моего отца; но я ему отказала, хотъ въ то время совсѣмъ тебя не знала. Онъ меня любитъ, и приходилъ ко мнѣ еще третьяго дня. Я все ему разсказала: твою любовь ко мнѣ, мою любовь къ тебѣ — и даже мою будущую участь. Я не оставила ему ни малѣйшей надежды. Онъ рѣшился меня оставить, и на всегда! (*Юлій возвращается и садится въ кресло*). Тебѣ пишутъ о тайнахъ, о предосторожностяхъ; но я объ нихъ ничего не знаю. Я принимала его здѣсь, при Маріаннѣ, при раскрытыхъ дверяхъ. Его посѣщеніе не было для меня важнымъ; я тотчасъ о немъ забыла. Вотъ почему и тебѣ ничего не сказала.

Юлій.

Прости, милая Фанни, что я несправедливо подозрѣвалъ и оскорбилъ тебя упреками безразсудной ревности. Любовь внушаетъ мнѣ недовѣрчивость. Не сердись на меня. Тайны, которыя ты отъ меня скрывала, служатъ мнѣ извиненіемъ. Простишь ли меня?

Фанни, протягивая ему руку, которую онъ цѣлуетъ.

О Юлій! Ты очень огорчилъ меня; я не думала, что могу вынести такую пытку и не умереть!

Юлій.

Хочу тебѣ вѣрить; но роковое письмо прожигаетъ мнѣ руку. (*Въ сторону.*) Еще одно испытаніе, послѣднее; потомъ отыщу клеветника — и горе ему! (*Къ Фанни.*) Теперь, въ доказательство совершеннаго примиренія, отдай мнѣ перстень, доставшійся тебѣ послѣ матери; до сихъ поръ, ты постоянно отказывала въ моей просьбѣ; теперь онъ мнѣ непремѣнно нуженъ, для опроверженія этого несчастнаго письма; чѣмъ болѣе онъ тебѣ драгоцѣненъ, тѣмъ болѣе буду благодаренъ за пожертвованіе.

Фанни, ласково.

Ты ужъ забылъ, что я тебѣ говорила! Къ чему такое желаніе? Почему мой перстень такъ сильно тебя занимаетъ?

Юлій.

Въ немъ хранятся волосы твои, милая Фанни, когда ты была еще ребенкомъ, когда я тебя еще не зналъ. Умоляю, не откажи мнѣ! Я знаю, гдѣ ты бережешь перстень... въ этой конторкѣ, въ верхнемъ ящикѣ, въ коробочкѣ. Дай мнѣ ключъ, въ знакъ прощенія!

Фанни.

А! ты просишь прощенія! Но теперь моя очередь сердиться и не слушать твоей просьбы. (*Показывая ему ключь.*) Вотъ ключъ; но я тебѣ его не отдамъ.

ЮЛІЙ, съ бѣшенствомъ.

Отдай мнѣ его; онъ мнѣ непремѣнно нуженъ! Отдай, или я вырву его!

ФАННИ.

У тебя вѣчно подозрѣнія!

ЮЛІЙ.

А у тебя вѣчно, вездѣ, тайны!

ФАННИ.

Изволь, я тебѣ все скажу, хоть ты и не стоишь сегодня моей довѣренности. Не хочу отдать ключа, потому что ты увидишь! бумаги, счеты, которые покажутъ тебѣ, что я жила своими трудами, вышиваньемъ, а не деньгами, полученными въ наслѣдство отъ матери, какъ я тебѣ прежде говорила. Я не хотѣла и не могла сказать тебѣ объ этомъ прежде; ты заставилъ бы меня принимать подарки, деньги, а я хотѣла только любви твоей. Виновата ли я? Тѣ, которые пишутъ къ тебѣ безыменныя письма, станутъ ли еще увѣрять, что я корыстолюбива, искала твоихъ денегъ и подарковъ?

ЮЛІЙ, сжимая въ рукѣ письмо.

Такъ ты могла меня обманывать, часто повторяла мнѣ эту ложь, всегда поддерживала ее... а я ничего не замѣчалъ! Ты говорила такъ искренно, такъ простолушно, какъ теперь... И теперь, можетъ быть, ты меня обманываешь!... Но я узнаю наконецъ правду.

Беретъ ея за руку и отнимаетъ ключъ.

ФАННИ, рыдая.

Что съ тобой сдѣлалось? Ты осмѣлился силою отнимать у меня то, чего я не хочу, не должна отдавать тебѣ.

(Юлій отворяетъ комодъ, достаетъ коробочку, смотритъ въ нее и бросаетъ ее на полъ.)

ЮЛІЙ, въ бѣшенствѣ.

Боже мой!... Я это зналъ!... Его ужъ нѣтъ здѣсь!...

ФАННИ, бросается къ комоду и ищетъ.

Гдѣ онъ? Гдѣ мой перстень?... Его унесли, украли!

ЮЛІЙ.

Да, украли! *(Беретъ ее за руку и читаетъ ей окончаніе письма).* Хочешь ли знать, кто укралъ; слушай: »Въ доказательство, что не всѣ связи прерваны между этою женщиною и другомъ ея дѣтства, что они все еще другъ друга любятъ, и что отсутствіе Эрнеста послужитъ только къ совершенію выгоднаго брака, знайте, что она отдала ему при прощаніи семейный перстень, доставшійся ей отъ...«

ФАННИ, съ отчаяніемъ, громко.

Неправда, неправда!... Маріанна! Гдѣ перстень?

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ И МАРІАНА.

ЮЛІЙ.

Оправдывайся теперь!... Ты не отдавала мнѣ перстня.... Не отдавала ключа... Обманъ за обманомъ; ложь за ложью!

ФАННИ, нападая на Маріану.

Маріанна, гдѣ перстень? Кто взялъ перстень? Когда его украли? Кто здѣсь былъ безъ меня? Говори, Маріанна!

Бѣжитъ искать въ конторкѣ.

ЮЛІЙ.

Я проклинаю тебя, и день, въ который съ тобою встрѣтился, и любовь мою, и самого себя. Прощай, утѣшайся другомъ своимъ Эрнестомъ!

ФАННИ, вскрикиваетъ съ отчаяніемъ.

Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ!

(Падаетъ безъ чувствъ.)

ЮЛІЙ, посмотрѣвъ на нее, бросаетъ кошелекъ съ деньгами на полъ и говоритъ Маріаннѣ.

Посмотри за этою женщиною!

Выбѣгаетъ.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Пріемная Юлія Валабера. На правой сторонѣ письменный столъ, на которомъ куча бумагъ. На лѣвой, каминъ который топится.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЮЛІЙ за письменнымъ столомъ; ВХОДИТЪ АДЕЛЬ.

АДЕЛЬ, подходя къ Юлію.

Извини, мой другъ, что мѣшаю тебѣ. Пришелъ какой-то бѣднякъ, и увѣряетъ, что ты самъ велѣлъ ему притти за работою.

ЮЛІЙ.

Вѣрно мой бывшій учитель чистописанія, бѣдный Тернисіеръ...

АДЕЛЬ.

Впустить его? Или прикажешь ему подождать?

ЮЛІЙ.

Я весь къ его услугамъ. Пусть онъ войдетъ.

(Адель вводитъ Тернисіера.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ТЕРНИСІЕРЪ.

(Тернисіеръ начинаетъ кланяться на порогѣ, съ натянутою учтивостію; при каждомъ поклонѣ дѣлаетъ два шага впередъ. Юлій и Адель не могутъ удержаться отъ смѣха.)

ЮЛІЙ, ласково протягиваетъ ему руку.

Здравствуй, любезный Тернисіеръ. Что такъ поздно?

ТЕРНИСІЕРЪ, съ поклонами.

Извините, графъ, раньше не могъ достать приличнаго платья, а не смѣлъ явиться въ бѣдномъ видѣ, боясь, что ваши лакеи мнѣ не повѣрятъ и откажутъ. Не знаю, какъ и благодарить васъ за милости: вы не изволили забыть того, кто первый преподавалъ вамъ основанія начала важной науки чистописанія. *(Къ Адели.)* Извините, сударыня, что я такъ разговорился въ вашемъ присутствіи; я долженъ бы въ молчаніи ожидать приказаній графа. Но видя такой ласковый пріемъ, я ободрился, помолодѣлъ, вспомнилъ о прежнемъ счастливомъ времени, когда я бранивалъ и ставилъ въ уголъ барышень, такихъ же богатыхъ и хорошенькихъ, какъ вы.

ЮЛІЙ.

Да вы еще не знакомы; рекомендую тебѣ, Тернисіеръ, жену мою.

ТЕРНИСІЕРЪ, съ поклонами.

Прошу не взыскать, ваше сіятельство, что я не узналъ васъ съ перваго раза. Счастливымъ считаю вчерашній день, когда я встрѣтился съ графомъ и получилъ отъ него милостивое приглашеніе...

ЮЛІЙ.

И я очень радъ. Но ты, бѣднякъ, совсѣмъ перемѣнился; отъ прежняго, въ тебѣ осталась только болтливость.

ТЕРНИСІЕРЪ.

А вы, графъ, вовсе не перемѣнились. По прежнему, добры и не горды. *(Съ поклономъ.)* Позвольте же мнѣ присѣсть къ камину, пока вы изволите мнѣ объяснить какую работу мнѣ назначили. Въ моей квартирѣ давно уже не было другаго огня, кромѣ сальной свѣчки, а часто изъ экономіи я ложусь спать до солнечнаго заката.

(Садится къ камину, безъ церемоній, и грѣетъ руки.)

АДЕЛЬ, мужу.

Какой добрый оригиналъ! Помоги ему, если можешь.

ЮЛІЙ.

Я не успѣлъ еще отобрать бумагъ; но я пришлю за тобою, Тернисіеръ. Гдѣ ты живешь?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Въ улицѣ Фюрстенбергъ, въ домѣ подъ № 4-мъ.

(Юлій и Адель смотрятъ другъ на друга пристально.)

ЮЛІЙ, въ сторону.

Тамъ жила Фанни!... *(Въ слухъ.)* И ты давно тамъ живешь?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Ужъ года полтора... и долженъ за полтора года!

ЮЛІЙ, въ сторону.

Какъ бы удалить жену и распросить его! (*Въ слухъ.*) Адель! Ты хотѣла ѣхать въ оперу; ужъ давно пора!

АДЕЛЬ.

Ты сказалъ, что тебѣ нельзя, а мнѣ одной будетъ скучно; я не поѣду...

ЮЛІЙ.

Какъ тебѣ угодно! (*Тернисіеру.*) Отъ чего же ты разорился, добрый мой учитель? Прежде ты былъ богатъ, училъ во всѣхъ знатныхъ домахъ?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Увы! Я палъ вмѣстѣ съ наукою. Нынѣшняя молодежь презираетъ чистописаніе, пишетъ кое-какъ, каракулями. Тутъ же изобрѣли литографію и автографію; явились шарлатаны. Ученики мои выучивались въ два года, не ранѣе; учились медленно, по правиламъ; шарлатаны поставили все вверхъ дномъ и учатъ въ шесть недѣль! Ученики меня бросили, я принужденъ былъ — о стыдъ! — приняться за грубое ремесло публичнаго писца.

ЮЛІЙ, съ нетерпѣніемъ.

Несносный болтунъ! (*Въ слухъ.*) Что жъ за бѣда? Ремесло доходное!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Доходное, но неприличное для артиста, для профессора чистописанія. Я былъ очень недоволенъ новымъ образомъ жизни... Особенно одно обстоятельство лежало у меня на душѣ. Письмо, переписанное мною за ничтожную плату, такъ меня встревожило, что я рѣшился бросить гнусное ремесло...

ЮЛІЙ, съ нетерпѣніемъ.

Какое письмо?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да безыменное письмо; въ немъ заключались важныя обвиненія. Надобно вамъ сказать, что я всегда презиралъ неподписанныя бумаги; истина должна говорить открыто, не закрывая лица. И вы, графъ, такого же мнѣнія?

ЮЛІЙ, съ нетерпѣніемъ.

Да, разумѣется. Но какъ же письмо могло растревожить тебя такъ, что ты рѣшился перемѣнить образъ жизни?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да оно могло оскорбить, даже убить невинную особу. Правда, что оно могло также открыть глаза другому человѣку и обнаружить самое гнусное коварство.

АДЕЛЬ, въ волненіи, въ сторону.

Надобно успокоить Юлія! (*Въ слухъ.*) Почему же вы не хотите принять послѣдняго предположенія? Оно такъ же правдоподобно, какъ и первое, и можетъ успокоить вашу совѣсть. Въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, письмомъ открыта измѣна, обнаружено коварство.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Прежде я могъ такъ думать, могъ себя обманывать, а теперь...

(Закрываетъ лице руками.)

АДЕЛЬ.

Не разсказывайте, если вамъ такъ тяжело!

ЮЛІЙ.

Говори, Тернисіеръ, я принимаю въ тебѣ живое участіе! Къ кому было письмо?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Не знаю до сихъ поръ.

ЮЛІЙ.

О комъ?

ТЕРНИСІЕРЪ.

О молодой дѣвушкѣ... И я ее видѣлъ!

ЮЛІЙ, садясь къ столу.

Ну, старикъ, продолжай.

ТЕРНИСІЕРЪ.

И какъ я ее видѣлъ! Переѣхавъ на теперешнюю квартиру, провелъ я двѣ первыя ночи спокойно; но на третью услышалъ стенанія и пронзительные вопли. Возлѣ меня жила молодая дѣвушка, больная... при смерти! Я пошелъ къ ней изъ состраданія. Она лежала, почти безъ чувствъ, на постелѣ; служанка ее оставила. По счастію, у ней было много золота; я нанялъ новую служанку и самъ всякій день ходилъ къ Фанни....

ЮЛІЙ, вскакивая.

О Фанни! Фанни!... Адель! Мои невольныя слезы оскорбляютъ тебя! Оставь насъ и прости меня!

АДЕЛЬ, уходя съ отчаяніемъ.

О! Я знала, что ты еще любишь ее!

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЮЛІЙ, ТЕРНИСІЕРЪ.

ЮЛІЙ.

Теперь дышу свободно!... (*Къ Тернисіеру.*) Она умерла?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да, умерла съ печали.

ЮЛІЙ.

На кого она жаловалась?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Зачѣмъ вамъ знать, графъ? Всѣ ее забыли!

ЮЛІЙ.

Не твое дѣло! Отвѣчай только мнѣ. Ее оклеветали?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да, гнусно оклеветали.

ЮЛІЙ.

Почему ты это говоришь?

ТЕРНИСІЕРЪ.

По ея словамъ, и по неотразимому доказательству.

ЮЛІЙ, съ восторгомъ.

О! Гдѣ оно? Благодѣтель мой! Само небо посылаетъ тебя!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Женихъ Фанни обвинялъ ее въ измѣнѣ, основываясь на безыменномъ письмѣ, которое она сама показывала мнѣ. Посудите, графъ, о моемъ ужасѣ, когда я прочелъ, слово въ слово, то самое письмо, которое я переписывалъ...!

ЮЛІЙ.

Но гдѣ жъ доказательство клеветы? Гдѣ перстень, котораго Фанни не могла найти?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Онъ былъ украденъ служанкою ея, Маріанною. Маріанна бѣжала и оставила письмо, въ которомъ призналась, что продала перстень за деньги... Я самъ видѣлъ записку Маріанны....

ЮЛІЙ, съ отчаяніемъ.

Довольно! Довольно! Безыменное письмо было писано ко мнѣ! Я убійца моей Фанни! Но кто же такъ жестоко обманулъ насъ? Кто опуталъ меня такими сѣтями? Не обвиняла ли Фанни кого нибудь?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Нѣтъ, она не знала враговъ; только часто говорила о какомъ-то маркизѣ, другѣ своего жениха....

ЮЛІЙ.

О! Это Сенжиль!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Онъ оскорбилъ, обидѣлъ ее; предлагалъ ей деньги, если она откажется отъ васъ.

ЮЛІЙ.

Онъ, повѣренный моей матери! Неужли они дѣйствовали за одно?... Она дала мнѣ непритворное согласіе на бракъ съ Фанни!... Нѣтъ! Онъ одинъ виноватъ. Помню, что онъ мнѣ наговаривалъ! Онъ одинъ во всемъ виноватъ! (*Садится къ письменному столу и пишетъ.*) Пора отмстить за Фанни! Кровь ея на мнѣ! Сенжиль заплатитъ мнѣ за ея страданія!

(Звонитъ.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, СЛУГА.

ЮЛІЙ.

Сейчасъ отнести къ маркизу Сенжилю; если его нѣтъ дома, отыскать, гдѣ бы онъ ни былъ...

(Отдаетъ слугѣ письмо.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ЮЛІЙ, ТЕРНИСІЕРЪ.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Еслибъ вы были спокойнѣе, я далъ бы вамъ доказательство, котораго у васъ нѣтъ... самый подлинникъ письма...

ЮЛІЙ.

Давай скорѣе!.. Я можетъ быть узнаю почеркъ!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Я его сохранилъ, и всегда ношу съ собою. (*Вынимаетъ изъ кармана кучу бумагъ и начинаетъ отыскивать.*) Мальчишкѣ, ко-

торый принесъ мнѣ письмо, было приказано разорвать его; но мальчикъ не умѣлъ читать, и я разорвалъ при немъ другую бумажку.

(Адель показывается въ дверяхъ, и подаетъ знакъ, чтобъ Тернисіеръ не отдавалъ письма.)

ЮЛІЙ.

Какая радость! Теперь преступникъ не уйдетъ отъ меня. Онъ у меня въ рукахъ.

ТЕРНИСІЕРЪ, пересмотрѣвъ бумаги.

Нѣтъ, вѣрно оставилъ дома, а можетъ статься, онъ и затерялся. Я принесу вамъ его завтра, но отдаю съ однимъ условіемъ: скажите, графъ, что вамъ угодно изъ него сдѣлать? Не станете ли мстить...

ЮЛІЙ, удерживая гнѣвъ.

Нѣтъ, добрый старикъ, я хочу только имѣть доказательство, которое позволяло бы мнѣ... презирать клеветника.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Если такъ, извольте. Завтра утромъ принесу. Прощайте, графъ....

ЮЛІЙ.

Прощай. Ты оказалъ мнѣ услугу, которой я никогда не забуду.

(Уходитъ въ правую дверь; Тернисіеръ тихо идетъ къ середней двери; съ лѣвой стороны вбѣгаетъ Адель и останавливаетъ Тернисіера.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

АДЕЛЬ, ТЕРНИСІЕРЪ.

АДЕЛЬ.

Сдѣлайте милость, не уходите. Я должна сказать вамъ нѣсколько словъ. *(Слушаетъ у правой двери.)* Онъ ушелъ!

ТЕРНИСІЕРЪ, въ смущеніи.

Что вы, графиня? Вашъ голосъ измѣнился, вы дрожите....

АДЕЛЬ.

Никто не знаетъ, никто не долженъ знать, что я говорила съ вами. Поклянитесь, что вы никому не скажете, если даже васъ станутъ спрашивать.

ТЕРНИСІЕРЪ,

Я не люблю такихъ клятвъ, графиня; ихъ иногда трудно и почти невозможно хранить. Я дамъ честное слово, когда изволите мнѣ объяснить, зачѣмъ меня остановили?

АДЕЛЬ.

Вы очень осторожны, но не бойтесь: клятва, которой я требую, нужна только для меня, а не для васъ.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Но если графъ насъ застанетъ?

АДЕЛЬ.

Теперь? О, теперь онъ не заботится обо мнѣ! Теперь онъ не обо мнѣ думаетъ!

ТЕРНИСІЕРЪ, въ сторону.

Какая ревнивая женщина!

АДЕЛЬ.

У васъ ли подлинникъ письма?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Вы почему знаете?

АДЕЛЬ.

Вы сберегли его и должны отдать его завтра моему мужу. Не старайтесь обмануть меня. Я подслушивала здѣсь, и все знаю! Если бъ даже вашъ голосъ не доходилъ до моего слуха, и тогда взоръ мой проникъ бы сквозь эту стѣну, и угадалъ смыслъ вашего разговора по движенію губъ вашихъ. Мнѣ нуженъ подлинникъ письма.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Графиня, я обѣщалъ его вашему мужу.

АДЕЛЬ.

Ему или мнѣ, все равно!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Если бъ графъ поручилъ вамъ.....

АДЕЛЬ.

Напишите ему завтра, что не могли отыскать письма, и онъ вамъ повѣритъ. Вы же говорили ему, что бумажка, можетъ быть, затерялась.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Да я, можетъ быть, сказалъ въ самомъ дѣлѣ правду.

АДЕЛЬ.

Нѣтъ, вы сначала сказали, что письмо у васъ въ карманѣ; вы даже начали искать его, я видѣла и подала вамъ знакъ...

ТЕРНИСІЕРЪ.

Я ничего не видалъ.

АДЕЛЬ.

Отдайте жъ мнѣ его. Продайте, назначьте цѣну, какую угодно; вы бѣдны, я могу обогатить васъ....

ТЕРНИСІЕРЪ.

Бѣдняки не такъ падки на золото, какъ богачи воображаютъ.

АДЕЛЬ, раскрываетъ ридикюль и даетъ Тернисіеру билеты и вещи.

Вотъ вамъ, возьмите.... Четыре билета по тысячѣ франковъ.... Этого мало, знаю.... но у меня теперь нѣтъ болѣе денегъ. Послѣ я заплачу вамъ больше, гораздо... больше втрое. Дамъ двадцать тысячъ... если захотите, все, что имѣю... Вотъ, я успѣла еще захватить нѣкоторые бриліанты... берите... больше у меня нѣтъ теперь... подождите до завтра.... я дамъ еще столько же.....

ТЕРНИСІЕРЪ, въ смущеніи.

Сколько денегъ! Какое богатство! Въ десять разъ болѣе того, что я имѣлъ въ карманѣ во всю свою жизнь!

АДЕЛЬ, умаливая его.

Все ваше; соберите и спрячьте; все принадлежитъ вамъ, за клочекъ бумажки, которая вовсе вамъ не нужна....

ТЕРНИСІЕРЪ, грустно.

Вы, стало быть очень несчастны?

АДЕЛЬ.

Да, несчастнѣе всѣхъ въ мірѣ, но вы можете возвратить мнѣ счастіе и покой, устроить мое блаженство. Берите деньги и вещи мои....

ТЕРНИСІЕРЪ.

За что? Я кругомъ виноватъ. Разсказъ мой пробудилъ въ вашемъ мужѣ воспоминаніе о прежней любви—не такъ ли? Я долженъ былъ это замѣтить; я напрасно растравилъ рану, когда могъ все прекратить молчаніемъ. Простите, графиня, я неумышленно повредилъ вамъ; я думалъ только о несчастной Фанни; ее такъ безбожно оклеветали!

АДЕЛЬ.

О, не убивайте меня; я и такъ довольно страдаю!

ТЕРНИСІЕРЪ.

Простите, графиня, что говорю вамъ о ней и печалю васъ; я теперь только узналъ, что любовь ревнива даже къ погибшей соперницѣ!... Всю жизнь буду упрекать себя, что опечалилъ васъ. Но какимъ образомъ письмо возвратитъ вамъ счастіе? Я этого не понимаю! Почему вы готовы заплатить за него всѣмъ своимъ богатствомъ?

АДЕЛЬ, въ раздумьи.

Что сказать ему?

ТЕРНИСІЕРЪ.

Когда графъ требовалъ у меня письма настоятельно, я сказалъ ему, что оно, можетъ быть, затерялось; я побоялся, что онъ узнаетъ почеркъ, и съ доказательствомъ въ рукахъ станетъ требовать удовлетворенія отъ клеветника. Правда, онъ меня успокоилъ, и я ему сначала повѣрилъ, но теперь опять боюсь...

АДЕЛЬ, въ сторону.

Онъ самъ помогаетъ мнѣ! *(Въ слухъ.)* Да, я боюсь, что онъ пойдетъ на дуель. Вы накликали на насъ несчастіе; моя любовь хочетъ отвратить бѣду. Потому-то я васъ остановила, прошу, умоляю васъ, даю вамъ денегъ.... Графъ узнаетъ почеркъ, пойдетъ на дуель.... О! непремѣнно пойдетъ!... Можетъ быть, его убьютъ!... Я два раза потеряю его, и все изъ этой несчастной Фанни! Отдайте мнѣ письмо... Я уничтожу доказательство.... Когда у мужа не будетъ доказательствъ, когда виновный не согласится на дуель, я буду счастлива, спокойна..... Отдайте мнѣ письмо.... я готова просить васъ на колѣнахъ....

ТЕРНИСІЕРЪ, удерживая ее.

Что вы, графиня? Очень жалѣю, что огорчилъ васъ, и готовъ возвратить вамъ спокойствіе. Вы просили съ меня клятвы, извольте, даю, и ничего не скажу графу. Но возьмите назадъ всѣ эти деньги и драгоцѣнности—мнѣ ничего не нужно; я не продаю письма, а заглаживаю только вину мою и неосторожность. *(Вынимаетъ изъ кармана пожелтѣлую бумажку. Адель неистово вырываетъ ее и пробѣгаетъ глазами)* Какая странная перемѣна! Ея радость похожа на безуміе!

АДЕЛЬ.

Оно! Точно оно! (*Разрываетъ письмо зубами, собираетъ клочки и бросаетъ въ каминъ, и смотритъ, какъ они сгараютъ*) Все кончено! Нѣтъ и слѣдовъ, какъ будто письмо никогда не существовало! Я спасена! Я спасена! (*Бросается къ Тернисіеру и обнимаетъ его.*) Вамъ обязана своимъ блаженствомъ, и никогда этого не забуду. Вы не приняли отъ меня денегъ, но помните, что я вамъ говорила: все мое богатство къ вашимъ услугамъ.

ТЕРНИСІЕРЪ.

Мнѣ ничего не нужно, графиня; я довольно награжденъ вашимъ счастіемъ.

АДЕЛЬ.

Я слышу шаги вашего мужа... Ступайте скорѣй и молчите.

(Уходятъ въ среднюю дверь.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ЮЛІЙ, въ одной рукѣ ящикъ съ пистолетами, въ другой письма.

Я опоздалъ получасомъ; они меня ждутъ. Вотъ письмо къ нотаріусу съ моимъ завѣщаніемъ (*кладетъ его на столъ*), а вотъ, можетъ быть, послѣдняя записка, для Адели! (*Кладетъ на каминъ.*) Вчера еще я былъ такъ счастливъ и спокоенъ, а сегодня.... (*Подходитъ къ двери и слушаетъ*) Она спитъ, я могу итти, и если есть на землѣ справедливость, возвращусь, и Адель ничего не узнаетъ. Зачѣмъ оскорблять ея любовь, возбуждать въ ней ревность?... Черезъ часъ все будетъ кончено, онъ или я! Пора!

(Набрасываетъ плащъ и идетъ къ середней двери; дверь быстро отворяется, и Адель останавливаетъ его.)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

АДЕЛЬ И ЮЛІЙ.

АДЕЛЬ, раскрываетъ плащъ и вырываетъ ящикъ съ пистолетами.

Ты идешь на дуель?

ЮЛІЙ.

Да, милая Адель, я долженъ быть секундантомъ у одного изъ друзей моихъ. Пистолеты приготовлены для него. Не бойся, Адель, и пусти меня.

АДЕЛЬ.

Нѣтъ, меня не обманешь; ты вѣрно самъ будешь драться на дуели.

ЮЛІЙ.

Адель, давно ли ты мнѣ перестала вѣрить?

АДЕЛЬ.

Не трать безполезныхъ словъ и обманчивыхъ клятвъ. Ты идешь на дуель; ты мнѣ этого не говорилъ, но я навѣрно знаю.

ЮЛІЙ.

На дуель! За кого? Съ кѣмъ?

АДЕЛЬ.

Съ кѣмъ? Знаю! Съ тѣмъ, кто писалъ тебѣ письмо про Фанни; ты думаешь, что знаешь, кѣмъ оно писано. За кого? За ту женщину, о которой и теперь еще плачешь; ты хочешь отмстить за нее. Все знаю. Мое сердце чувствуетъ, что я брошена; ревность мнѣ все объясняетъ. Сегодня, когда старикъ говорилъ съ тобою, ты весь углубился въ воспоминанія о Фанни, и вспомнилъ обо мнѣ, бѣдной, оставленной женѣ, только тогда, когда присутствіе мое начинало мѣшать изліянію твоей горести! Я оставила васъ на-единѣ, и ты думаешь, что я ничего не слыхала, ни твоихъ стоновъ, ни просьбъ, ни твоихъ намѣреній? Смѣй же теперь сказать мнѣ, что ты нейдешь на дуель!

ЮЛІЙ, въ смущеніи.

Адель! Вѣчно суждено мнѣ мучить твою неистощимую доброту. Я умиралъ, ты спасла меня утѣшеніями, любовію. Вотъ уже два года, какъ ты возвратила мнѣ жизнь, и клянусь тебѣ, если бъ неожиданный разсказъ старика не бросилъ меня въ прошедшее, ты никогда не слыхала бы жалобъ, сожалѣній, ни воспоминаній моихъ. Въ твоей добродѣтели, которою никакая другая женщина въ мірѣ не можетъ похвалиться, найди силы для перенесенія послѣдняго удара. Да, я иду на дуель, и не хочу тебя обманывать. Здѣсь дѣло идетъ не о любви; никакая месть неоживитъ погибшей для меня Фанни; но под-

лецъ, оклеветавшій женщину, долженъ принять отъ меня достойное наказаніе. Теперь, завтра, черезъ двадцать лѣтъ, пока буду въ состояніи держать шпагу или пустить пулю въ грудь клеветника, стану искать его, требовать удовлетворенія, мстить за погибель Фанни... Я не хотѣлъ тебя видѣть, Адель, боялся твоихъ слезъ и отчаянія, но послѣдняя моя мысль была о тебѣ... Злой случай присудилъ намъ встрѣтиться... такъ поцѣлуй меня, можетъ быть, въ послѣдній разъ; но не удерживай — я рѣшился. Я долженъ драться; къ этому принуждаютъ меня и честь и совѣсть; подвергая жизнь опасности, приношу очистительную жертву за легковѣріе и заблужденіе, которому долженъ былъ вѣрить менѣе всѣхъ другихъ людей.

АДЕЛЬ.

Такъ я должна опять страдать! Терпѣніе — вотъ мой вѣчный удѣлъ! Нѣтъ, болѣе не могу терпѣть, не могу сносить... Ты требуешь отъ меня небывалой добродѣтели, а я прошу только, чтобъ Господь сохранилъ мнѣ разумъ. Господи! Не допусти тайны сердца на уста мои! Пусть голосъ мой замретъ, прежде, чѣмъ успѣю сказать все, что знаю...

ЮЛІЙ.

Адель! Что ты говоришь? Ты точно помѣшалась!

АДЕЛЬ.

Не хочешь ли, чтобъ я стала разсказывать тебѣ мои страданія... Неужели воспоминаніе о ней сильнѣе твоей любви ко мнѣ? Но какъ же Фанни тебя любила? Неужли болѣе, чѣмъ я? Но ты не знаешь еще моей любви, Юлій. Ты всегда видѣлъ во мнѣ тихую, скромную женщину, а я была готова за тебя на смерть, на позоръ, на преступленіе!... *(Падаетъ на колѣна.)* Вотъ я передъ тобой на колѣнахъ, со слезами, въ безуміи... Не ходи, Юлій; цѣлую тебѣ руки и колѣна. Фанни погибла безъ вины, но я не виновата, что люблю тебя; я тоже умру, какъ она, если ты меня оставишь. Развѣ ты хочешь убить и меня?

ЮЛІЙ, вырываясь.

Пусти меня; меня ждутъ, я опоздалъ...

АДЕЛЬ, вставая и не пуская его къ дверямъ.

Такъ ты непремѣнно хочешь итти? Слова мои не могутъ остановить тебя... Ты пойдешь?

ЮЛІЙ.

Непремѣнно.

АДЕЛЬ.

А въ это время я буду здѣсь плакать, рвать на себѣ волосы, и все это не можетъ остановить тебя... Юлій, ты самъ не знаешь, что дѣлаешь, и къ чему принуждаешь меня... Ты не думаешь, что я сойду съ ума... Лучше бъ ты ужъ умеръ!... Ты не выйдешь отсюда! Ты не будешь на дуели!... Кто твой врагъ? Кто погубилъ Фанни? Ты думаешь, Сенжиль?

ЮЛІЙ.

Разумѣется, онъ!

АДЕЛЬ.

А если онъ не признается, скажетъ, что не писалъ письма...

ЮЛІЙ.

Тогда я скажу ему, что онъ подлецъ; возьму его одною рукою за горло, а другою дамъ ему пощечину.

АДЕЛЬ.

Но онъ убьетъ тебя!... А если не онъ писалъ письмо?

ЮЛІЙ.

Кто же?

АДЕЛЬ.

Тотъ, кого ты не убьешь... кто не хочетъ твоей смерти...

ЮЛІЙ.

Говори, Адель!

АДЕЛЬ.

Писала женщина... ревность, любовь привела ее къ преступленію, а теперь страхъ, что ты будешь убитъ, заставляетъ ее говорить... Я, Юлій, я писала, по приказанію твоей матери...

ЮЛІЙ, въ ужасѣ.

Ты?... Можно ли... ты?

АДЕЛЬ.

Да, я не могла, не смѣла отказать слезамъ, отчаянію твоей матери. Фанни отни-

мала тебя у насъ обѣихъ, и я на все рѣшилась. Графиня диктовала письмо, а я писала съ ея словъ...

Адель рыдаетъ; Юлій стоитъ, какъ пораженный громомъ.)

ЮЛІЙ.

Что же она вамъ сдѣлала? Если вы говорите правду, неподходите ко мнѣ... Я хотѣлъ бы жалѣть о васъ, но могу только васъ презирать...

АДЕЛЬ, съ негодованіемъ.

И ты спрашиваешь, что она мнѣ сдѣлала?... Я полюбила тебя съ первой минуты, какъ тебя увидѣла... и она тоже тебя любила. Одна изъ насъ должна была погибнуть. Твоя мать приказала написать письмо, она купила у Маріанны перстень.... (*Въ испугѣ*) Вотъ что графиня сдѣлала..... Все это мнѣ кажется сномъ.. я сама не вѣрю... ничего не понимаю... тѣло ослабло, какъ умъ... (*Въ раздумьи*) За чѣмъ я призналась?... Да! помню! Ты хотѣлъ драться съ Сенжилемъ, ты могъ быть убитъ, а я хотѣла спасти тебя!

ЮЛІЙ.

Кому же Маріанна передала пестень? Вѣрно тебѣ? Отдай мнѣ его?

АДЕЛЬ, опускаясь въ кресло, слабымъ голосомъ.

У меня его нѣтъ.

ЮЛІЙ.

Отдай мнѣ перстень; онъ не долженъ быть въ твоихъ рукахъ, оскверненныхъ преступленіемъ.

АДЕЛЬ, слабо.

Уменя нѣтъ перстня... Голосъ твой приводитъ меня въ трепетъ... Боже мой!... Неужли ты не сжалишься надо мною!

ЮЛІЙ.

А развѣ ты надъ нею сжалилась!

АДЕЛЬ, съ отчаяніемъ.

Все про нее!... И я также довольно страдала. Мучась любовью, для которой готова была забыть стыдъ и совѣсть, я видала, какъ ты уходилъ къ *ней!* Я казалась спокойною, счастливою, но дрожала, услышавъ твои шаги, или твой голосъ, или когда рука твоя касалась до моего платья. Развѣ я жаловалась? А теперь, когда страхъ потерять тебя заставилъ меня безумно проговориться, ты отвергаешь меня, у тебя нѣтъ слезинки для моихъ страданій!... О! голова горитъ... Не я виновата, а твоя мать. Прости меня, или я умру!

ЮЛІЙ, отталкиваетъ ее.

Презрѣнная! Отдай мнѣ перстень, если онъ еще у тебя.

АДЕЛЬ.

За чѣмъ?

ЮЛІЙ.

Я цѣловалъ бы его при тебѣ; ты узнала бы, какъ я любилъ Фанни; узнала бы въ послѣдній разъ, передъ нашимъ вѣчнымъ разводомъ...

АДЕЛЬ.

Что ты говоришь?

ЮЛІЙ.

Да развѣ могу я жить съ тобою подъ одною крышею, дышать однимъ воздухомъ? Въ послѣдній разъ ты меня видишь....

АДЕЛЬ.

О! ты шутишь со мною! Почитаешь меня слабою, безсильною, беззащитною. Но у меня есть защита—законъ! Я твоя жена и пойду за тобою всюду. Что напишешь ты въ просьбѣ о разводной....

ЮЛІЙ.

Что ты убійца Фанни....

АДЕЛЬ.

Но гдѣ доказательство? Я сожгла письмо, и скажу, что ты лжешь. Нѣтъ, я не оставлю тебя, Юлій, слышишь ли?

ЮЛІЙ.

Мы болѣе не увидимся... никогда! никогда!

АДЕЛЬ.

Нѣтъ, мы будемъ видѣться, всякій день... Всякій день я стану тревожить тебя моимъ присутствіемъ, моею любовью, жалобами, слезами, пока ты не забудешь Фанни...

ЮЛІЙ.

Замолчи, несчастная, не оскверняй порочными устами такого чистаго имени.

АДЕЛЬ.

Нѣтъ, не могу... А! ты вспоминаешь, какъ страдалъ въ то время, когда потерялъ Фанни, а бѣдная твоя жена, лишившаяся почти разсудка, получаетъ отъ тебя, въ награду за любовь, только презрѣніе и разводную. Нѣтъ! Мы связаны другъ съ другомъ на-вѣкъ, и насъ никто не разлучитъ.... наша жизнь будетъ похожа на адъ, но я привыкла страдать, — рѣшаюсь на такую жизнь....

(Она беретъ его за руку; дверь отворяется, на порогѣ видѣнъ Сенжиль съ товарищемъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, СЕНЖИЛЬ И ЕГО ТОВАРИЩЪ.

ЮЛІЙ, видя входящаго Сенжиля, поднимаетъ на жену ящикъ, и притворяется, что хочетъ ее ударить; потомъ оборачивается къ Сенжилю.

Назначенный мною часъ прошелъ; вы вѣроятно за мною пріѣхали, маркизъ.

СЕНЖИЛЬ.

Да, я ждалъ васъ цѣлый часъ....

ЮЛІЙ.

Я только что хотѣлъ къ вамъ ѣхать и просить извиненія. Я знаю, вы ни въ чемъ не виноваты. Вы видите, почему я не успѣлъ уѣхать.... Семейная ссора, которой я не могу уже скрыть.... (*Въ полголоса женѣ*) Соглашайтесь на разводъ или я васъ обезчещу, все разскажу. (*Въ слухъ указывая на жену*) Она просила у меня разводной... я отказывалъ. Но съ этой минуты она больше мнѣ не жена!

БАЛЪ У БАНКИРА,

КОМЕДІЯ-ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

переведенная съ Французскаго

П. С. ѲЕДОРОВЫМЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Нарцисъ Бишоно, парикмахеръ.
Г. Блаво, маклеръ.
БаронъТокенбургъ, банкиръ.
Баронесса, жена его.
Камилла, племянница барона.
Адольфъ Бланьи, живописецъ.
Жермень, слуга.
Гости обоихъ половъ слуги.

Богатый залъ. Въ глубинѣ театра три открытыя двери, чрезъ которыя виденъ другой залъ, ярко освѣщенный для бала. На право, главная дверь для входа; налѣво, дверь, ведущая въ другія комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

БЛАВО, СЛУГИ.

При поднятіи занавѣса, Блаво выходитъ изъ глубины театра, сопровождаемый двумя или тремя лакеями.

БЛАВО.

Смотрите же.... слушайтесь одного только меня... ступайте... да прошу быть исправнѣе.. я буду за вами наблюдать. (*Слуги уходятъ*) Ужъ какъ же не кстати занемогъ нашъ хозяинъ... даетъ превосходный балъ,.. пригласилъ къ себѣ все лучшее общество, а самъ боленъ... впрочемъ онъ боленъ серьёзно... въ этихъ случаяхъ болѣзнями не шутятъ!

Когда балы богачъ даетъ
И тысячи на вздоръ бросаетъ,
Тогда болѣзнь къ нему нейдетъ,
Онъ всѣхъ охотно принимаетъ.
Когдажъ бѣднякъ или артистъ
Къ его пособьямъ прибѣгаетъ,
Тогда ужъ нашъ капиталистъ,
Хоть и лекарствъ ни принимаетъ,
Но, нездоровъ, не принимаетъ!

Однакожъ, и при моихъ распоряженіяхъ дѣло пойдетъ не хуже... Признаюсь, пріятно представлять богатаго хозяина... я готовъ-бы съ удовольствіемъ всѣхъ вѣкъ кормить и поить гостей, только бы самому ни зачто неплатить! На счетъ чужой какъ то жить выгоднѣе... Это, впрочемъ, и не трудно.

На счетъ чужой кто хочетъ жить,
Тотъ долженъ прыгать и сгибаться,
Острить и сплетни разносить,
Да по картинкѣ одѣваться.
Кто умникомъ у насъ глядитъ,
Того никто почти не знаетъ;
Но кто въ шуты себя рядитъ,
Условья обществъ принимаетъ,
Того ужъ всякій принимаетъ!

А! Вотъ кто то идетъ!... Какая то дама!... Фу, какъ разодѣта!... я долженъ ее знать... Да, я вѣрно ее знаю!...

ЯВЛЕНІЕ II.

БЛАВЪ, БАРОНЕССА, СЛУГА.

СЛУГА, показывая на Блаво.

Не угодно ли вамъ спросить у нихъ, сударыня?

Уходитъ.

БЛАВО, подавая ей руку.

Позвольте мнѣ имѣть честь...

БАРОНЕССА.

Извините, мнѣ бы хотѣлось видѣть хозяина, Г. Дервиля.... Мнѣ очень нужно съ нимъ поговорить... я даже рѣшилась для этого пріѣхать сюда одна, пораньше...

БЛАВО.

Очень сожалѣю, сударыня, что немогу исполнить вашего желанія. Г. Дарвиль сдѣлался болѣнъ послѣ обѣда... внезапный приступъ подагры... извините его, сударыня... это совершенно противъ его желанія... совершенно противъ желанія.

БАРОНЕССА.

Какъ жаль!...

БЛАВО.

Но я, въ качествѣ его друга и родственника... Позвольте вамъ рекомендоваться: я двоюродный братъ г. Дарвиля...

БАРОНЕССА.

Я знаю... г Блаво!

БЛАВО.

Точно такъ! страховой маклеръ по морской части... Братецъ просилъ меня заступить его мѣсто, и я съ удовольствіемъ согласился... вѣдь мнѣ это ничего не стоитъ. У меня же обширное знакомство... я знаю весь Парижъ.. кажется, я имѣю удовольствіе говорить съ г-жею Дервьё, супругою нашею главнаго нотаріуса?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, вы ошибаетесь!

БЛАВО.

Неужели?... Вотъ странно!... Да я готовъ бы биться объ закладъ!...

БАРОНЕССА.

Но, извините, еще одинъ вопросъ: не можете ли вы мнѣ сказать... здѣсь ли г. Токембургъ?

БЛАВО.

Токембургъ!... О, мы съ нимъ старые знакомые... Серъ Токенбургъ... членъ нижняго парламента...

БАРОНЕССА.

О, нѣтъ... Банкиръ изъ Веймара...

БЛАВО

А! такъ это не тотъ, я ихъ смѣшалъ... извините!.. У насъ еще очень мало гостей... почти никого нѣтъ... однако жъ, я пойду правиться, нѣтъ ли въ залѣ... и если я его тамъ найду, то тотчасъ же прибѣгу вамъ сказать...

БАРОНЕССА

Вы меня очень одолжите...

БЛАВО.

Помилуйте, сударыня, что за одолженіе... очень радъ. . сію минуту!...

(Уходятъ въ глубину, налѣво.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

БАРОНЕССА, одна.

Я не могла этого перенести!... я была въ большомъ безпокойствѣ... прочтемъ еще его записку!... «Я узналъ, что вашъ мужъ ѣдетъ сегодня на балъ... Найдите какое нибудь средство остаться дома... и ожидайте меня весь вечеръ... Я долженъ съ вами сегодня же переговорить!...» Нѣтъ, нѣтъ... онъ вѣрно бы не пріѣхалъ... цѣлый мѣсяцъ не видаться со мною, и послѣ этого.. нѣтъ, тутъ есть какая нибудь хитрость... измѣна!... Онъ узналъ, что мой мужъ возьметъ Камиллу изъ пансіона... и повезетъ ее на балъ... мое присутствіе имъ помѣшало бы... и между тѣмъ, какъ я бы ждала его дома... а измѣнникъ!.. берегись!... бѣда тебѣ, если это правда!... Но однако жъ онъ вовсе незнакомъ съ г-мъ Дарвилемъ... неможетъ быть, чтобъ его сюда пригласили... Въ этомъ то я и хочу удостовѣриться... На всякій случай я предупредила свою горничную... и если бъ дѣйствительно онъ пришелъ на свиданіе...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

БАРОНЕССА, БЛАВО.

БЛАВО.

Тысячу разъ извините, сударыня, что я заставилъ васъ дожидаться... Г. Токембургъ еще не пріѣзжалъ...

БАРОНЕССА.

Такъ, въ ожиданіи его, позвольте мнѣ повидаться съ г-мъ Дарвилемъ... только не обезпокоитъ ли его мой визитъ?...

БЛАВО.

Обезпокоитъ?... Помилуйте, сударыня... Молодая прекрасная дама никогда не можетъ быть въ тягость... даже и подагрику... я бы, на мѣстѣ братца, почелъ себя счастливѣйшимъ человѣкомъ. Но я ненаскучилъ ли вамъ, сударыня своимъ вздоромъ?... я чрезвычайно боюсь...

БАРОНЕССА, въ сторону.

Какой чудакъ!

БЛАВО, показывая на лѣвую дверь.

Не угодно ли вамъ пожаловать... Когда пріѣдитъ нашъ любезный Токембургъ, я буду имѣть честь васъ увѣдомить.

БАРОНЕССА.

Сдѣлайте одолженіе!

Прошу, однако жъ, извинить,
Что васъ такъ много утруждаю...

БЛАВО.

Помилуйте, я вамъ служить
За удовольствіе считаю!...
Лишь стоитъ дамѣ захотѣть
И я готовъ на все рѣшиться:
Готовъ въ Японію летѣть,
Готовъ сгорѣть и утопиться!

БАРОНЕССА.

Вмѣстѣ.

Нельзя любезнѣе васъ быть!
Я васъ благодарю душею;
Но все таки прошу простить
Что васъ такъ много безпокою!...

БЛАВО.

Извольте только поручить,
Я мастерски вамъ все устрою.
Для милыхъ дамъ готовъ я быть
Всегда покорнѣйшимъ слугою!

(Баронесса уходитъ въ комнату налѣво.)

ЯВЛЕНІЕ V.

БЛАВО, ПОТОМЪ ТОКЕМБУРГЪ И КАМИЛЛА, ВХОДЯТЪ съ правой стороны.

БЛАВО.

Я въ восхищеніи!.. Сегодня я чрезвычайно какъ милъ.... чрезвычайно уменъ!... Вѣдь выдаются же такіе дни, что, право, не узнаешь самаго себя.

ТОКЕМБУРГЪ.

Ступай же, мой дружокъ, не отставай отъ меня... Что это ты все оглядываешься назадъ?...

КАМИЛЛА.

Я... я совсѣмъ не оглядываюсь, дядюшка.

БЛАВО.

Что я вижу?... Это вы, нашъ почтенный докторъ!.. Очень радъ... очень радъ...

ТОКЕМБУРГЪ,

Докторъ!... Что вы это?... Да неужели вы меня забыли?... Я, кажется, каждую недѣлю бываю на вечерахъ у своего собрата Дарвиля... Понимаете ли?

БЛАВО.

Ахъ, позвольте...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я, сударь, Токембургъ!... Вспомните ка... Токембургъ, банкиръ... Понимаетели?

БЛАВО.

А! Изъ Франкфорта!

ТОКЕМБУРГЪ.

Нѣтъ, изъ Веймара... и притомъ баронъ перваго класса... кажется можно и замѣтить и понять...

БЛАВО.

Ахъ, извините, извините... а эта прелестная дама, вѣрно ваша супруга?... Позвольте мнѣ, баронесса, засвидѣтельствовать вамъ нижайшее мое почтеніе! *(Кланяется Камилл.)*

ТОКЕМБУРГЪ.

Что вы это... что вы!... Это вовсе не жена моя... Это моя племянница, Камилла!... Понимаете ли, племянница!

БЛАВО.

Да, да—точно... Позвольте же мнѣ имѣть честь, сударыня...

ТОКЕМБУРГЪ.

Да что съ вами сдѣлалось, любезный Блаво? вы, какъ будто, ничего не понимаете?.. вотъ я такъ незабылъ ни вашего имени, ни вашей фигуры... вы, что-то, сегодня слишкомъ разсѣянны...

БЛАВО.

Да... это правда, я сегодня немного разсѣянъ... А баронесса?... Отчего она не пріѣхала съ вами?

ТОКЕМБУРГЪ.

Она не очень здорова.

БЛАВО.

Какъ жаль!

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, она у меня всегда такъ... я думалъ, не разсѣется ли она въ Парижѣ... вотъ ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ мы изъ Германіи... жена моя тамъ соскучилась... Но и здѣсь толку мало... ей ужъ надоѣли и парижскіе балы... а ужъ мнѣ какъ надоѣли...

БЛАВО.

Однако жъ, вы таки изволили пожаловать къ намъ на балъ?

ТОКЕМБУРГЪ.

Да это для Камиллы... я ее взялъ нарочно изъ пансіона... ее ужъ пора знакомить со свѣтомъ понимаете?... Притомъ же поговариваютъ о новомъ займѣ... здѣсь, вѣроятно, будутъ банкиры.... и мнѣ очень пріятно будетъ съ ними потолковать. Но я здѣсь не долго пробуду...меня безпокоитъ жена... она такъ молода, осталась одна... понимаете?... Бѣда съ молодыми женами! Оставишь дома-худо... повезешь на балъ – еще хуже!...Ужъ эти мнѣ балы!

Я пользы отъ баловъ невижу,
Отъ нихъ страдаемъ много мы:
По мнѣ такъ балъ похожъ на биржу,
Тамъ есть и мѣны и займы.
Тамъ женщины играютъ нами,
Тамъ намъ подрывъ отъ волокитъ:
Ихъ оставляешь съ барышами,
А самъ теряешъ свой кредитъ.

БЛАВО.

Вы, баронъ, кажется, чрезвычайно опытны въ коммерческихъ дѣлахъ... у васъ лишняго не возмешь...

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, ужъ извините!... Мы, Нѣмцы, не похожи вовсе на господъ Французовъ: мы народъ экономный!... Насъ не проведешь... понимаете?...

БЛАВО.

Ха, ха, ха!... Ахъ, мой любезный баронъ?... Боже мой!... я совсѣмъ забылъ!... Вѣдь васъ искала здѣсь какая-то молодая дама...

ТОКЕМБУРГЪ.

Молодая дама?

БЛАВО.

Да, ваша родственница... я обѣщалъ ее увѣдомить, когда вы пріѣдете... Пойду же скорѣй... да вотъ онѣ и сами!

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

БЛАВО, БАРОНЕССА, ТОКЕМБУРГЪ, КАМИЛЛА.

ТОКЕМБУРГЪ.

Что я вижу? Моя жена!

КАМИЛЛА.

Тетушка!

БАРОНЕССА.

Ну да, это я!... Здравствуй, Камилла.

ТОКЕМБУРГЪ.

Ничего не понимаю!.. Но какимъ образомъ? ваша болѣзнь...

БАРОНЕССА.

Слава Богу, я почувствовала себя гораздо лучше... и рѣшилась выѣхать... я надѣялась этимъ доставить вамъ удовольствіе.

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, конечно... я вовсе не думалъ васъ здѣсь встрѣтить... Да и г. Блаво увѣрилъ меня, что какая-то родственница...

БЛАВО.

Я хотѣлъ сдѣлать вамъ сюрпризъ.

ТОКЕМБУРГЪ, въ сторону.

Препріятный сюрпризъ!

БАРОНЕССА.

Я сейчасъ была у г. Дарвиля... Онъ, бѣдный, очень страдаетъ... Какъ жаль, что онъ неувидитъ своего бала!...

ТОКЕМБУРГЪ.

И слава Богу!.. По крайнѣй мѣрѣ, ему все таки будетъ по покойнѣе въ своей комнатѣ...

Туда ужъ, кромѣ пріятелей, никто къ нему не зайдетъ... А здѣсь-то, я думаю, тма всякой всячины наберется... Понимаете?... Ужъ нѣтъ ничего хуже этихъ баловъ!

БАРОНЕССА.

Какой вздоръ!...

Гдѣ жъ время веселѣй проводятъ,
И гдѣ жъ во всѣхъ почти дѣлахъ
И связи и успѣхъ находятъ?...
Все на балахъ!

ТОКЕМБУРГЪ.

Гдѣ деньги наши погибаютъ,
Гдѣ ложь и лесть во всѣхъ словахъ,
Гдѣ бѣдные мужья страдаютъ?
Все на балахъ!

БАРОНЕССА.

Гдѣ жъ мы мужей своихъ плѣняемъ,
И гдѣ, въ пріятнѣйшихъ мечтахъ,
Мы горе жизни забываемъ?
Все на балахъ!

ТОКЕМБУРГЪ.

Гдѣ приближаемся мы къ дѣтству,
Гдѣ честь и умъ въ однѣхъ ногахъ,
И гдѣ вы учитесь кокетству?
Все на балахъ!...

Понимаете?...

БЛАВО.

Вы, баронъ, ужъ слишкомъ нападаете на эти невинныя занятія... впрочемъ, не безпокойтесь... нашъ балъ не похожъ на другіе.. Я самъ распоряжался приглашеніями... Здѣсь будутъ все люди извѣстные, съ которыми я хорошо знакомъ... всѣ предосторожности взяты... Я самъ надзираю, чтобъ не вошелъ сюда кто нибудь изъ неизвѣстныхъ людей.

БАРОНЕССА.

Такъ вы вѣрно знаете... не приглашенъ ли сюда господинъ... все забываю его фамилію... да!.. Адольфъ Бланьи.

КАМИЛЛА, въ сторону.

Боже мой! Неужели тетушка узнала?

БЛАВО.

Бланьи!... Позвольте... я знаю одного Бланьи музыканта...

БАРОНЕССА.

Нѣтъ... онъ живописецъ!...

БЛАВО.

Бланьи!... Бланьи!... *(Вынимаетъ изъ кармана листъ и просматриваетъ его.)*

ТОКЕМБУРГЪ.

Живописецъ!... Не понимаю, почему вы знаете его, мой другъ?

БАРОНЕССА.

Его всюду приглашаютъ... онъ извѣстенъ всѣмъ, какъ человѣкъ съ удивительнымъ талантомъ... мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть.

ТОКЕМБУРГЪ.

Видѣть!... Да что жъ тутъ любопытнаго?.. Всякій артистъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ люди... Помимаете ли?

БЛАВО.

Нѣтъ, его нѣтъ въ спискѣ... Я вѣрно забылъ...

КАМИЛЛА, въ сторону.

Какъ досадно! Такъ его здѣсь не будетъ!

БАРОНЕССА, въ сторону.

Теперь я спокойнѣе!...

БЛАВО.

А! вотъ, кажется, подъѣзжаютъ кареты къ крыльцу... скоро мы откроемъ балъ.

ТОКЕМБУРГЪ.

Я, баронесса, буду съ вами танцовать... Понимаете?

БАРОНЕССА, въ сторону.

Удивительно весело!

БЛАВО.

Вотъ пріѣхали гости!.. А! и съ этой стороны также...

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ГОСТИ, ОБОИХЪ ПОЛОВЪ.

БЛАВО, со всѣми раскланиваясь.

Очень радъ!... Пожалуйте... Неугодно ли въ залъ... Мое почтеніе, сударыня!... А!... Какъ давно я васъ не видалъ!... *(Въ сторону.)* Кажется, все люди знакомые!... Я долженъ всѣхъ знать... Пожалуйте... пожалуйте... пора ужъ приняться и за танцы... Неугодно ли?...

(Блаво беретъ подъ руку баронессу, а Токембургъ свою племянницу. Они уходятъ съ прочими гостями въ глубину театра налѣво. Вслѣдъ за тѣмъ, показывается, изъ дверей направо, Нарцизъ и крадется на цыпочкахъ, смотря на уходящихъ.)

ЯВЛЕНІЕ XII.

НАРЦИЗЪ, ОДИНЪ.

Боже мой!... какъ хорошо причесаны эти дамы!... Какъ все на нихъ мило!... какъ превосходно взбиты волоса!.. граціозно!.. легко!... смѣло и изящно!... Можно сказать, въ этихъ волосяныхъ зданіяхъ обитаетъ геній!.. Но гдѣ жъ это я?... Чортъ возьми!... да я пробрался до самаго зала!.. вотъ куда можетъ завесть необузданное воображеніе!... Третьяго дня я прочелъ въ одномъ политическомъ журналѣ, что извѣстный банкиръ Дарвиль долженъ давать сегодня блистательный балъ!... Я до безумія люблю балы... и потому вечеромъ сегодня отправился въ провансальскую улицу... Я издали еще увидѣлъ экипажи... имъ не было конца... и хоть съ трудомъ, но дошелъ до подъѣзда... я выбралъ себѣ славное мѣстечко и съ полчаса разсматривалъ, то съ завистью, то съ насмѣшкою, разныя дамскія головки, какъ вдругъ останавливается передъ крыльцомъ ландо... Гляжу, выскакиваетъ дама!.. да какая дама!... прелесть!... Что за плечики!... что за станъ!.. просто, становись сзади на колѣна... Я поднялъ глаза повыше... и что же вижу... о, чудо!... Вижу: на ея головѣ волоса!... какъ они живописно были расположены... какая новизна въ модуляціи!.. я чуть не сошелъ съ ума!.. Всѣ чувства пылкаго артиста устремились вслѣдъ за этимъ существомъ... Ноги мои послѣдовали за чувствами... онѣ съ трудомъ передвигались... но однако жъ донесли меня, ужъ какимъ образомъ, не помню, до бальнаго зала.. О, Боже! Я на балу у банкира!... Я, неизвѣстный парикмахеръ, безъ имени, безъ лавки, безъ денегъ!.. Я, восторженный, воспаленный Нарцизъ Бишоно!... Нѣтъ, я здѣсь совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ... впрочемъ, я по своей должности въ связи со всѣми общественными верхушками... и смѣю сказать, со мною всѣ поступаютъ съ особеннымъ уваженіемъ!..

Я очень бѣдный человѣкъ,
Но, впрочемъ, добрый и любезный,
И въ вѣтренный нашъ модный вѣкъ
Для головы весьма полезный.
По званію не важенъ я,
Но кто знакомится со мною,
Тотъ принимаетъ ужъ меня
Всегда съ открытой головою!
Я моды знаю всѣхъ родовъ,
И превращаю модныхъ франтовъ
То въ мужиковъ, то вдругъ въ жидовъ,
То въ пѣтуховъ, то вдругъ въ педантовъ.
Тупымъ умамъ у дураковъ
Тупеемъ важность прибавляю,
И съ помощью пустыхъ головъ
Пустой желудокъ наполняю!

Одно худо, что я мало извѣстенъ въ свѣтѣ... во мнѣ много талаттовъ, много достоинствъ... но достоинства мои скромны, какъ фіалка!.. Я живу въ пятомъ этажѣ... это слишкомъ высоко для многихъ господъ. Вотъ если бъ у меня была привиллегія!... О, тогда бы я жилъ въ нижнемъ этажѣ; на моей вывѣскѣ крупными золотыми буквами было бы написано: Парикмахеръ Ея Свѣтлости, такой-то принцессы... Этого бы мнѣ было довольно!.. Но что же я теперь?... Что я пріобрѣлъ въ свою жизнь?... Ничего... я думалъ найти протекторовъ между тѣми, которымъ я взбивалъ хохлы... но я ошибся! неблагодарные, всѣ меня забыли... Хоть бы любовь, по крайней мѣрѣ, услаждала мое несчастное честолюбіе... но и въ ней не было толку!... Одна только женщина, во всю мою жизнь, допустила меня до нѣкоторыхъ малостей... О, Фифина, невѣрная Фифина!... Гдѣ ты теперь?... Что произошло съ тобою въ теченіе этихъ шести лѣтъ... съ той эпохи, когда мы вмѣстѣ распѣвали комическія оперы въ шонтерейнской улицѣ?... О, какъ она пѣла!... Она воспитывалась въ Консерваторіи, и подавала большія надежды!... За одно только я сердился всегда на нее: она всѣмъ и во всемъ подавала надежды. Но она оставила меня... она уѣхала изъ Парижа... и унесла съ собою все... и голосъ и сердце... и полный, твердый голосъ... и пустое, мягкое сердце!... Однако жъ, я разболтался здѣсь и совсѣмъ забылъ, что я на балу, въ домѣ богатаго банкира... Пора улизнуть отсюда, а то еще, пожалуй, проводятъ въ двери другимъ манеромъ... Однако жъ, до уходу не мѣшало бы раздать здѣсь кой-кому мои адресныя карточки... Я всегда ношу ихъ съ собою цѣлую пачку... а теперь такой удобный случай!..

—

ЯВЛЕНІЕ IX.

НАРЦИЗЪ, АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ, входя съ осторожностью изъ дверей направо.

Я, право, боюсь, какъ ребенокъ... Да и положеніе мое, признаюсь, презатруднительное...

НАРЦИСЪ.

Вотъ кто-то вошелъ... Ну, какъ же я теперь уйду!...

АДОЛЬФЪ.

Явиться на балъ, безъ приглашенія!.. это таки довольно дерзко!... Какъ бы я желалъ встрѣтить здѣсь кого нибудь изъ пріятелей...

НАРЦИЗЪ.

Я ужъ слишкомъ долго здѣсь загостился!...

АДОЛЬФЪ, увидя его.

А, вотъ какой-то молодой человѣкъ... незнакомое лице!... Жаль!...

НАРЦИЗЪ.

Онъ что-то на меня смотримъ!... Какъ бы это ускользнуть...

АДОЛЬФЪ, подходя къ нему.

Извините, милостивый государь, что я васъ задержу на минуту... Позвольте узнать, ужъ много съѣхалось на балъ?...

НАРЦИСЪ.

Да-съ... очень довольно...

АДОЛЬФЪ, въ сторону.

Тѣмъ лучше... меня не такъ скоро замѣтятъ...

НАРЦИСЪ, въ сторону

А! онъ меня не знаетъ!... (*Въ слухъ*) Теперь позвольте мнѣ... (*Хочетъ итти.*)

АДОЛЬФЪ.

Здѣсь вѣрно будетъ превесело... А что, скажите, начались ужъ танцы? Играютъ въ карты?

НАРЦИСЪ.

Какъ же, давно играютъ... даже сюда слышно, какъ тамъ изволятъ колотить по столамъ.. вѣрно собрались охотники.

АДОЛЬФЪ.

У всякое свое удовольствіе: одни любятъ танцовать, другіе играть...

НАРЦИСЪ.

Конечно... я и самъ иногда поигрываю... Но теперь я нерасположенъ...

АДОЛЬФЪ.

А! Такъ вы вѣрно хотите сегодня танцовать?

НАРЦИСЪ.

Нѣтъ-съ... я занятъ теперь другимъ, болѣе высшимъ предметомъ... впрочемъ, я вовсе не врагъ и этому искусству... подчасъ люблю попрыгать, какъ и другіе... Только смотря по мѣстоположенію...

АДОЛЬФЪ.

По мѣстоположенію?... Это странно...

НАРЦИСЪ.

Да-съ, по мѣстоположенію... но здѣшнее мѣстоположеніе что-то не располагаетъ меня къ танцамъ, и потому я сейчасъ уѣзжаю...

АДОЛЬФЪ.

Отчего же это?...

НАРЦИСЪ.

Такъ-съ!... Я увѣренъ, что танцы меня доведутъ до бѣды!

АДОЛЬФЪ.

Помилуйте!... Да какая же бѣда можетъ случиться?...

НАРЦИСЪ.

Ужъ я знаю, какая!... Да, поди-ка я танцовать, такъ у меня ноги сдѣлаются деревянными!...

АДОЛЬФЪ.

Полно-те!... Стоитъ только рѣшиться, такъ все пойдетъ, какъ нельзя лучше... Мнѣ такъ, кажется, что танцы даже полезны!...

Они пріятнѣе всего?
Они насъ часто развиваютъ!...

НАРЦИСЪ.

Вотъ это дурно!...

АДОЛЬФЪ.

Отчего?

НАРЦИСЪ.

Ну, оттого, что развиваютъ!
Съ моимъ, однако жъ, мастерствомъ,
Такихъ несчастій не случалось;
Вѣдь наша честь и слава въ томъ,
Чтобъ голова не развивалась!

АДОЛЬФЪ.

Извините... я, право, васъ не понимаю...

НАРЦИЗЪ.

Какъ вамъ угодно!.. Ай, пора!... пора!... Позвольте...

АДОЛЬФЪ.

Неужели вы ѣдете?.. Полноте... останьтесь!...

НАРЦИСЪ.

Не могу... никакъ не могу...

АДОЛЬФЪ.

А я было хотѣлъ васъ просить...

НАРЦИСЪ.

Просить?... (*Въ сторону.*) Ужъ не хочетъ ли онъ, чтобъ я поправилъ ему голову... (*Въ слухъ*) Сдѣлайте милость... говорите, что вамъ угодно... и если только я въ состояніи...

АДОЛЬФЪ.

О, тутъ нѣтъ ничего особеннаго... вотъ видете... вы, я думаю, по себѣ знаете, какъ непріятно входить одному въ большое общество... Мнѣ кажется всегда, что всѣ на меня смотрятъ... замѣчаютъ каждое мое движеніе...

НАРЦИСЪ.

Да... это чрезвычайно непріятно!...

АДОЛЬФЪ.

Но вдвоемъ.... Дѣло совсѣмъ другое.... Если бъ вы сдѣлали мнѣ одолженіе, вошли со мною вмѣстѣ въ залъ!...

НАРЦИЗЪ.

Нѣтъ-съ, невозможно!... никакъ невозможно!... Кончено, вы дѣлаете мнѣ много чести... но, право, невозможно!

АДОЛЬФЪ.

Извините... я не вижу тутъ ничего невозможнаго?

НАРЦИСЪ.

У меня есть свои причины... Ужъ во-первыхъ, тамъ чрезвычайно жарко!

АДОЛЬФЪ.

Такъ только по этому вамъ невозможно?...

НАРЦИЗЪ.

Да-съ... жаръ чрезвычайно вреденъ для здоровья.

АДОЛЬФЪ.

Но тамъ вѣрно открыты окна...

НАРЦИСЪ.

Тѣмъ хуже... можно простудиться...

АДОЛЬФЪ, въ сторону.

Да это удивительный чудакъ!

НАРЦИСЬ, въ сторону.

Этотъ господинъ долженъ быть большой плутъ.

—

ЯВЛЕНІЕ X.

НАРЦИСЪ, БЛАВО, ВХОДИТЪ ИЗЪ ГЛУБИНЫ ТЕАТРА, АДОЛЬФЪ.

БЛАВО.

Боже мой! Какая тма гостей!.. Чудо! прелестно!... А! двое молодыхъ людей...

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Еще новое лице!... Я слишкомъ заболтался...

БЛАВО.

Извините, господа... Я, кажется, вамъ помѣшалъ... у васъ вѣрно секретные разговоры?... Но вамъ и безъ меня бы помѣшали... залы наши такъ теперь полны, что даже и здѣсь будутъ танцовать...

НАРЦИСЪ.

Здѣсь будутъ танцовать?... (*Въ сторону.*) Я слишкомъ заболтался.

БЛАВО.

Что за отличный все народъ у насъ!... Какъ жаль, что мой любезный Дарвиль этого не видитъ... онъ былъ бы въ восхищеніи!...

АДОЛЬФЪ.

Какъ? г. Дарвиль...

БЛАВО.

Развѣ я вамъ не говорилъ, что онъ боленъ?... Подагра его усадила въ кресла...

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, я этого не зналъ... (*Въ сторону.*) Это хорошо!..

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Такъ хозяина-то здѣсь нѣтъ!...

БЛАВО.

Но за то я... я съ удовольствіемъ заступаю его мѣсто... Оно вовсе и не трудно... вѣдь у

насъ сегодня почти семейный балъ... все свои... жаль только, что у насъ больше дамъ, чѣмъ кавалеровъ!... Многія дамы ужъ жалуются... все сидятъ на мѣстѣ... ужъ какъ ни выказываютъ себя, а все толку мало... я вамъ, конечно, помѣшалъ... но вы меня, вѣрно, извините.. такіе прекрасные, молодые люди должны быть цѣлительнымъ бальзамомъ для страждущей красоты...

НАРЦИСЪ.

Помилуйте...

АДОЛЬФЪ.

Я, съ своей стороны, готовъ на все, чтобъ только услужить дамамъ...

БЛАВО.

Безподобно!... А вы, сударь?

НАРЦИСЪ.

Я?... я, напротивъ... я не могу...

БЛАВО.

Какъ, вы не можете, тогда, какъ вашъ пріятель подаетъ вамъ такой прекрасный примѣръ...

НАРЦИСЪ.

Мой пріятель!.. мой пріятель!... Но позвольте... (*Отводя его въ сторону.*) Вы знаете, что на балахъ много бываетъ такого народу, который втирается безъ стыда... Знаете ли вы этого господина?

БЛАВО.

Странный вопросъ! Я, быть можетъ, лувасъ его знаю!

НАРЦИСЪ.

Это не удивительно!.. Позвольте... а кто онъ такой?...

БЛАВО.

Кто онъ?... Секретарь посольства!...

НАРЦИСЪ.

А!!!

БЛАВО.

Преумнѣйшій дипломатъ!...

НАРЦИСЪ.

Дикломатъ!... (*Въ сторону*). А я принялъ его за плута!...

БЛАВО, подходя къ Адольфу.

Ну, господа, подите же въ залъ .. потанцуйте... я надѣюсь на васъ... не теряйте золотого времени... подите, утѣшьте дамъ; но меня извините... у меня много дѣла... надобно кой-чѣмъ распорядиться...

АДОЛЬФЪ, останавливая его.

Позвольте... одно слово... (*Отводя его въ сторону.*) Не можете ли вы мнѣ сказать, кто этотъ молодой человѣкъ?... Онъ такъ страненъ.

БЛАВО.

Страненъ?... не мудрено... онъ подпрефектъ!

АДОЛЬФЪ.

Подпрефектъ!.. Я бы никакъ не отгадалъ!.. онъ такъ необыкновенно говоритъ...

БЛАВО.

Ну, да вѣдь не всѣ же подпрефекты похожи другъ на друга...

АДОЛЬФЪ.

Ваша правда... очень можетъ быть...

БЛАВО.

Но, однако жъ, извините,
Я пойду къ другимъ гостямъ;
Да и вы мнѣ помогите,
Развлеките нашихъ дамъ.
Я обязанъ за буфетомъ
И за кухней наблюдать,
Угощать гостей десертомъ
И со всѣми толковать.
Я, однако жъ, удалося
И отъ танцевъ и отъ дамъ,
Я мужчинами займуся
А ужъ дамъ я вамъ отдамъ!

Извольте же итти танцовать. Да оставьте ваши шляпы... (*Беретъ у нихъ шляпы.*) я имъ найду мѣсто... Прощайте, друзья мои, до свиданія!...

(Уходитъ направо.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

НАРЦИСЪ АДОЛЬФЪ.

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Секретарь посольства!... Порядочная птица!... Какъ бы это мнѣ съ нимъ сойтись поближе... онъ уже, навѣрное, выхлопоталъ бы мнѣ привилегію, о которой я такъ хлопочу...

АДОЛЬФЪ.

Ну, что жъ? рѣшились ли вы остаться?...

НАРЦИСЪ.

Да-съ, рѣшился... я перемѣнилъ намѣреніе... здѣсь, кажется, все такіе милые, добрые люди; да и вамъ угодно, чтобъ я остался... мнѣ очень пріятно сдѣлать вамъ угодное...

АДОЛЬФЪ.

Но вы, право, такъ странно все перетолковываете...

НАРЦИСЪ.

А, вы, кажется, на меня сердитесь за то, что я давича не соглашался... Ну, я виноватъ передъ вами... или лучше сказать, я глупъ, какъ оселъ... За то теперь испытайте меня... да я весь къ вашимъ услугамъ....

АДОЛЬФЪ.

Помилуйте...

НАРЦИСЪ.

Да, я весь вашъ... весь... готовъ для васъ на все рѣшиться, готовъ даже дѣлать съ вами фальшивую монету!...

АДОЛЬФЪ, въ сторону.

Какой чудакъ!... (*Въ слухъ.*) Ну, пойдемте же вмѣстѣ...

НАРЦИСЪ.

Пойдемте!... Такъ ужъ и быть... рискну.

(Идутъ въ глубину театра.)

АДОЛЬФЪ, взглянувъ налѣво.

Боже мой! Что я вижу?... Баронесса здѣсь, и Камилла съ ней!...

НАРЦИСЪ.

Что жъ, развѣ мы не пойдемъ туда?

АДОЛЬФЪ.

Погодите немного.

НАРЦИСЪ.

Да я и тороплюсь...

АДОЛЬФЪ.

Баронесса здѣсь!... Это не удивительно... послѣ того что она писала... Ужъ не догадалась ли она?... Но какимъ образомъ скрыться отъ нее? какъ мнѣ поговорить съ Камиллой?

НАРЦИСЪ.

Вы что-то не въ своей тарелкѣ?

АДОЛЬФЪ.

Послушайте... вы предлагали мнѣ свои услуги... точно ли я могу на васъ надѣяться?..

НАРЦИСЪ.

Какъ на каменную стѣну! только бы былъ случай оказать вамъ мою услугу...

АДОЛЬФЪ.

Случай есть...

НАРЦИСЪ.

Тѣмъ лучше... говорите же; что такое?

АДОЛЬФЪ, показывая налѣво на Камиллу.

Взгляните... вотъ туда... гдѣ каминъ... видите ли вы тамъ молодую дѣвушку въ бѣломъ платьѣ... съ цвѣтами на головѣ?..

НАРЦИСЪ.

Вижу!... Да она очень не дурна!... Но если бъ эти цвѣты были наколоны прямѣе...

АДОЛЬФЪ.

Позвольте, не въ цвѣтахъ дѣло... сдѣлайте мнѣ одолженіе, попросите ее танцовать.

НАРЦИСЪ.

Какъ? Эту молодую особу?

АДОЛЬФЪ.

Развѣ вамъ непріятно танцовать съ нею?

НАРЦИСЪ.

Напротивъ, очень пріятно... она такъ мила... только вотъ чего я не понимаю.. она, кажется, васъ интересуетъ... такъ зачѣмъ же вы меня заставляете съ ней танцовать?... Ужъ лучше позвольте мнѣ заняться ея матушкой или тетушкой... тогда, по крайней мѣрѣ, молодая-то особа освободится отъ строгаго надзора... и вы себѣ дѣлайте, что хотите...

АДОЛЬФЪ.

Почему вы такъ думаете?

НАРЦИСЪ.

Потому, что матушекъ и тетушекъ легко сводить съ ума... а въ этомъ положеніи они ничего не видятъ!

АДОЛЬФЪ.

Ну, невсегда!

Нѣтъ, женщинъ брать нельзя намъ съ бою...
И даже съ матушкой иною
Скорѣе самъ съ ума сойдешь,
А ужъ ее не проведешь!

НАРЦИСЪ,

Я женщинъ не боюсь нисколько,
Нашъ братъ, мужчина, долженъ только

Отъ дочерей съ ума сходить
А матушекъ съ ума сводить!

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, ужъ лучше ангажируйте, пожалуйста, эту молодую дѣвушку...

НАРЦИСЪ.

Позвольте, однако жъ... вамъ угодно было потребовать отъ меня какой-то услуги, а, между тѣмъ, вы доставляете мнѣ только удовольствіе... стало быть, я остаюсь еще въ долгу...

АДОЛЬФЪ, вынимаетъ бумажникъ и пишетъ на листочкѣ.

Не безпокойтесь, мы сейчасъ сочтемся... я предувѣдомляю ее, что я на балу и имѣю надобность съ ней поговорить.

НАРЦИСЪ.

Прекрасно!

АДОЛЬФЪ, отрывая листикъ.

Пожалуйста, постарайтесь во время танцевъ передать ей эту записочку...скажите, что это отъ меня... отъ Адольфа...

НАРЦИСЪ.

Отъ Адольфа!... Очень хорошо!.. Интрига, записочка!... я не знаю, какъ васъ благодаритъ...

АДОЛЬФЪ.

Будьте увѣрены, однако, жъ что намѣренія мои чисты.

НАРЦИСЪ.

Это до меня не касается.

АДОЛЬФЪ.

Конечно... но вы можете подумать Богъ знаетъ что!.. Эта дѣвушка очень хорошей фамиліи... Я узналъ ее въ пансіонѣ, гдѣ я преподавалъ уроки... Хоть я и не отличный художникъ...

НАРЦИСЪ.

Неотличный художникъ!.. Ужъ, пожалуйста, перестаньте скромничать!...

АДОЛЬФЪ.

Я далъ слово на ней жениться... но мнѣ чрезвычайно мѣшаетъ ея тетка... тутъ есть препятствія, о которыхъ я не могу вамъ сказать...

НАРЦИСЪ.

Помилуйте... я ужъ и такъ вамъ благодаренъ за вашу довѣренность...

За кулисами слышенъ ритурнель кадриля.

АДОЛЬФЪ.

Ахъ, Боже мой... слышите, ритурнель..Ну, если ее ангажируетъ кто нибудь другой?...

НАРЦИСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ... мы слишкомъ заболтались...

АДОЛЬФЪ.

Поспѣшите же... да не забудте отдать записку... я постараюсь самъ вамъ за это услужить...

НАРЦИСЪ.

Помилуйте... впрочемъ, я не отказываюсь, я даже намѣренъ самъ васъ кой-о-чемъ просить... у меня ужъ приготовлено... вотъ здѣсь, въ карманѣ...

АДОЛЬФЪ.

Мы объ этомъ поговоримъ послѣ... а теперь, пожалуйста, поспѣшите!...

НАРЦИСЪ.

Я лечу, сломя голову!...

Убѣгаетъ въ глубину театра налѣво.

ЯВЛЕНІЕ XII.

АДОЛЬФЪ, одинъ.

Я не могу надивиться!... Баронесса на балу!.. Послѣ этого, изволь вѣрить женщинамъ, (*Вынимаетъ изъ бумажника письмо и прочитываетъ его.*) «Мой мужъ дѣйствительно ѣдетъ на балъ; я буду дома весь вечеръ и ожидаю васъ...» И вотъ какъ она меня ждетъ!... Но, вѣрно, она догадалась, что я ее хотѣлъ провести... О, она мнѣ этаго никогда не проститъ. (*Прячетъ письмо въ бумажникъ.*) Что мнѣ теперь дѣлать?... Однако жъ, ангажировалъ ли этотъ молодой человѣкъ Камиллу?... Да, онъ подлѣ нея... Но гдѣ же баронесса?.. А! вотъ она съ мужемъ. Они идутъ сюда... я пропалъ, если она меня увидитъ!...

Прячется въ амбразурѣ одной изъ заднихъ дверей, чтобъ дать пройти танцующимъ, и когда всѣ входятъ, скрывается.

ЯВЛЕІЕ XIII.

ТОКЕМБУРГЪ, БАРОНЕССА, гости и гостьи, потомъ КАМИЛЛА и НАРЦИССЪ, а наконецъ БЛАВО.

При концѣ предъидущей сцены, слышенъ снова ритурнель; музыка продолжается во всю слѣдующую сцену, до окончанія кадриля.

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Ви-за-ви! ви-за-ви!...

НАРЦИССЪ, прибѣгаетъ съ Камиллой.

Здѣсь!... Здѣсь!... (*Становится съ Камиллой, впереди сцены, на правой сторонѣ, противъ Токембурга и Баронессы. Въ сторону.*) Признаюсь при такомъ отличномъ обществѣ, я не знаю, на какой ногѣ танцовать...

ТОКЕМБУРГЪ, баронессѣ.

Ну, что, сударыня, весело ли вамъ?...

БАРОНЕССА.

Можетъ ли мнѣ быть скучно, если вы здѣсь...

НАРЦИССЪ, тихо Камиллѣ.

Возьмите, сударыня, эту записочку...

КАМИЛЛА.

Записку?

НАРЦИССЪ.

Да-съ, отъ моего друга, Адольфа!

КАМИЛЛА.

Отъ Адольфа!...

Беретъ записку и прячетъ.

НАРЦИССЪ.

Прочтите, сударыня... а я начну съ правой ноги...

Начинаетъ вторую фигуру съ Баронессой и, танцуя, разговариваетъ съ ней тихо.

БАРОНЕСА, увидя Нарциса.

Ахъ, Боже мой!...

НАРЦИССЪ, увидя Баронессу.

Ахъ, Боже мой!...

БАРОНЕССА, танцуя.

Это Нарцисъ!

НАРЦИССЪ, также.

Это она!... Ей Богу, она!...

БАРОНЕССА, возвращаясь къ своему мѣсту и дѣлая балансе.

Какимъ образомъ онъ сюда попалъ?...

НАРЦИССЪ, также.

Вотъ странный случай!

ТОКЕМБУРГЪ.

Камилла!... Намъ начинать!.. *танцуетъ съ Камиллой вторую фигуру.*)

НАРЦИССЪ, въ сторону, оставаясь на своемъ мѣстѣ.

Фифина здѣсь!.. Фифина!.. посреди роскоши и изобилія!...

БАРОНЕССА, такъ же.

Я немогу прійти въ себя отъ удивленія!...

НАРЦИССЪ.

Бѣда, если она обнаружитъ мое общественное положеніе!...

БАРОНЕССА.

Кажется онъ меня не узналъ!...

КАМИЛЛА, Нарцису.

Вамъ дѣлать балансе...

НАРЦИССЪ, приходя въ себя.

Ахъ, извините!..

(Дѣлаетъ балансе съ антрешами и пр. – Во время этой фигуры, входитъ Блаво и обходя танцующихъ приближается къ Токембургу, съ которымъ разговариваетъ, въ продолженіи ритурнеля слѣдующей фигуры.)

БЛАВО.

Браво, браво, любезный баронъ!.. Изволите танцовать съ супругой!... Безподобно!

ТОКЕМБУРГЪ.

Послушайте, не знаете ли вы вотъ этаго кавалера, который танцуетъ противъ меня... съ племянницею?.. Понимаете!..

БЛАВО.

Какъ не знать!.. Я очень коротко съ нимъ знакомъ!.. Это королевскій прокуроръ!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Королевскій прокуроръ!.. Странно!.. онъ что-то слишкомъ высоко прыгаетъ... Не понимаю!...

БАРОНЕССА.

Перестанье... вѣдь намъ начинать...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я готовъ...

(Подводитъ ее къ Нарцису для пятой фигуры).

НАРЦИССЪ, дѣлая авансе съ Камиллой и Баронессой.

Фифина!...

БАРОНЕССА.

Тише, замолчите!

НАРЦИСЪ,

Мнѣ нужно сказать вамъ два слова...

БАРОНЕССА.

Послѣ кадриля.

НАРЦИСЪ.

Такъ подождите меня здѣсь....

ТОКЕМБУРГЪ, дѣлая соло.

Онъ что-то изволитъ шептаться съ моей женой... Не понимаю!

Кадриль оканчивается. Входятъ лакеи съ мороженымъ и пр. Всѣ танцующіе, исключая Токембурга, окружаютъ подносы, и мало по малу уходятъ, слѣдуя за лакеями.

ТОКЕМБУРГЪ, женѣ.

Не хотите ли вы мороженаго?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, мой другъ, послѣ... Пожалуйста, не церемоньтесь сомною, я здѣсь немного отдохну... у меня ужасно болитъ голова.

ТОКЕМБУРГЪ.

Мнѣ такъ, напротивъ, очень хочется чѣмъ нибудь прохладиться... понимаете?... я возьму мороженаго... Ай, ай!.... да эти лакеи изволили ужъ уйти въ другія комнаты.... Этакъ я, пожалуй, ничего не найду.

БЛАВО.

Пойдемте-ка со мною... я прикажу вамъ подать... Чего вамъ угодно?—Пуншу?..

ТОКЕМБУРГЪ.

Да... блистательная мысль!... А вы, Баронесса, развѣ не пойдете съ нами?...

БАРОНЕССА.

Я ужъ вамъ сказала, что головная боль...

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, да, понимаю!... Опять больна!... Пойдемте пить пуншъ....

(Уходитъ съ Блаво въ глубину театра.)

—

ЯВЛЕНІЕ XIV.

НАРЦИСЪ, БАРОНЕССА.

БАРОНЕССА, одна.

Какая несносная встрѣча!... Я ужъ во все почти не думала объ этомъ Нарциссѣ... Я никакъ не воображала его встрѣтить... вѣрно онъ разбогатѣлъ!... Вотъ онъ!...

НАРЦИСЪ, вбѣгая.

Фифина! Безцѣнная Фифина!... Вѣрить ли мнѣ глазамъ?... Вы здѣсь, въ блистательномъ обществѣ, въ богатомъ нарядѣ?... Тутъ по неволѣ запоешь:

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, ты не Лизетта!..

БАРОНЕССА.

Тише!.. Васъ могутъ услышать!.. Но вы, Нарцисъ... разскажите мнѣ, пожалуйста, какимъ образомъ вы здѣсь?.. Я не менѣе васъ удивлена...

НАРЦИСЪ.

Есть чему и подивиться!.. А? Каково счастіе!.. Въ шесть лѣтъ достигнуть до такого бала!..

БАРОНЕССА.

Да, это точно счастіе!.. Знаете, какъ пріятно видѣть старыхъ друзей!..

НАРЦИСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?.. Да не ужли ты меня еще любишь?

БАРОНЕССА.

Будте осторожнѣе... такое вольное обращеніе...

НАРЦИСЪ.

Почему жъ мнѣ и не обращаться такъ съ вами?... Вспомните-ка старыя времена... Знаете ли, что мнѣ пришло теперь въ голову?.. Вы такъ похорошѣли, что сказать нельзя!...

БАРОНЕССА.

Вы съ ума сошли!...

НАРЦИСЪ.

Очень можетъ быть!.. Я такъ тебя люблю... и что всего-то сумазброднее, остался тебѣ досихъ поръ вѣренъ... то есть, почти что вѣренъ...

БАРОНЕССА.

Нарцисъ!... Помилуйте, что у васъ за разговоры!.. вспомните, что мы ужъ не тѣ, чѣмъ были прежде.... все перемѣнилось.... наши состоянія, нами связи....

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Она считаетъ меня милліонеромъ....

БАРОНЕССА.

Послѣдуйте лучше моему совѣту.... Забудемте прошедшее.... Мы можемъ вредить другъ другу, вмѣсто того, что бъ быть полезными.... Предлагаю вамъ мою дружбу.... Довольно ли вамъ этаго?...

НАРЦИСЪ.

Дружбу?... Такъ вотъ все, что вы привезли мнѣ изъ вашего путешествія!... А гдѣ вы были?... Я думаю далеко, очень далеко?..

БАРОНЕССА.

О нѣтъ, напротивъ.... Да неужели вы не знали, что я была въ Германіи и дебютировала на театрѣ въ Веймарѣ?...

НАРЦИСЪ.

Нѣтъ, право не зналъ!.. Ну, и вы тамъ пѣли, и, я думаю, съ большимъ успѣхомъ?..

БАРОНЕССА.

Да, съ такимъ успѣхомъ, какого я и ненадѣялась... Только и разговоровъ было, что обо мнѣ... меня всюду приглашали... дѣлали для меня праздники, балы... всѣ мною интересовались... въ особенности одинъ богатѣйшій банкиръ въ городѣ...

НАРЦИСЪ.

Банкиръ!... ай, ай. ай!..,

БАРОНЕССА.

Онъ былъ очарованъ моей строгостью...

НАРЦИСЪ.

А вы были строги?...

БАРОНЕССА.

Чрезвычайно строга.. съ нимъ... до того строга, что онъ съ отчаянія предложилъ мнѣ свою руку.

НАРЦИСЪ.

Руку!... Фифина!... Не говорите мнѣ, если вы замужемъ... не говорите!.. Я не хочу этого знать!... А скажите, пожалуйста, неужели вы замужемъ?...

БАРОНЕССА, вздыхая.

Да... я должна была выйти!..

НАРЦИСЪ.

А теперь ужъ не вдова ли ты?...

БАРОНЕССА.

Я богата, я баронесса...

НАРЦИСЪ.

Баронесса?...

БАРОНЕССА, улыбаясь.

Да, мой другъ...

НАРЦИСЪ, хохочетъ.

Ха, ха, ха!... Баронесса!... Прошу покорно!... Ты, Фифина, баронесса!

Въ романахъ древнихъ на досугѣ
Читалъ довольно часто я,
Что брали иногда въ супруги
Пастушекъ графы и князья!
Но какъ въ пастушки вы попались...
Какъ вы дошли до баронессъ...
Когда за вами увивались
Не овцы, — а стада повѣсъ!

Не смотря на это, вы все таки Баронесса.. честь имѣю васъ поздравить...

БАРОНЕССА.

Вы однако жъ сами, Нарцисъ, сдѣлали большіе успѣхи въ свѣтѣ... я очень рада!... Но какимъ образомъ вы разбогатѣли?... Откровенность моя требуетъ довѣренности и съ вашей стороны.

НАРЦИСЪ.

Помилуйте, баронесса, да въ этомъ нѣтъ никакой тайны!... вамъ извѣстно, что у меня не было ничего; но вдругъ повезло мнѣ такое счастіе, что я и теперь не могу опомниться!... Я достигъ, что называется, до всего.. до всего, что можно только назвать истиннымъ счастіемъ!...

БАРОНЕССА.

Слава Богу!

НАРЦИСЪ.

Да, я теперь на большой дорогѣ...

БАРОНЕССА.

А еще не женаты?

НАРЦИСЪ.

Не женатъ!... Послушай, я свободенъ, и какъ ты теперь вдова...

БАРОНЕССА.

Такъ вы хотите на мнѣ жениться?...

НАРЦИСЪ.

Да!...

БАРОНЕССА.

Это не возможно!.. Однако жъ, вы мнѣ подали прекрасную мысль!...

НАРЦИСЪ.

Прекрасную мысль?... А въ какомъ родѣ?...

БАРОНЕССА.

Узнаете послѣ, будьте только скромны... Меня считаютъ всѣ благородной иностранкой!... Смотрите, не проболтайтесь.

НАРЦИСЪ.

Помилуйте, баронесса... за кого вы меня принимаете?... Я и самъ вѣдь въ вашихъ рукахъ... Моя репутація, мои достоинства висятъ, просто, на одномъ волоскѣ.

БАРОНЕССА.

Я, съ своей стороны, готова съ радостью молчать...

НАРЦИСЪ.

Скоро ли же я васъ опять увижу, баронесса?...

БАРОНЕССА.

Не знаю, право... Но я поговорю объ васъ моему... дядюшкѣ... дядѣ моего мужа... у котораго я теперь живу...

НАРЦИСЪ.

Дядя!... Прекрасно!... Вообще всѣ дядюшки — народъ славный!... Я ихъ люблю!

БАРОНЕССА.

Да, я объ васъ поговорю съ нимъ... и если только можно будетъ составить ваше счастіе...

НАРЦИСЪ.

О, Фифина!... О, безподобная моя Фифина!...

(Бросается предъ ней на колѣна.)

=

ЯВЛЕНІЕ XV.

НАРЦИСЪ, ТОКЕМБУРГЪ, БАРОНЕССА.

ТОКЕМБУРГЪ, входя съ стаканомъ пунша въ рукѣ.

Ба! Что это значитъ?

(Ставитъ стаканъ на подносъ лакею, проходящему въ глубинѣ сцены.)

БАРОНЕССА, въ сторону.

Боже мой! Баронъ!... (*Нарцису.*) Встаньте! Это мой дядя!

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Вотъ не кстати - то подъѣхалъ!...

ТОКЕМБУРГЪ, подходя къ Баронессѣ.

Вы знакомы съ этимъ молодымъ человѣкомъ, сударыня?... Понимаете?...

БАРОНЕССА, въ полголоса Токембургу.

Да, я еще познакомилась съ нимъ въ Германіи, когда онъ путешествовалъ... Вы сами, я думаю, его знаете...

ТОКЕМБУРГЪ.

Не помню что-то!...

БАРОНЕССА.

Это сынъ Ванъ-Трюка, амстердамскаго банкира...

ТОКЕМБУРГЪ.

Сынъ Ванъ-Трюка!... Не понимаю!... Блаво увѣрялъ меня, что онъ королевскій прокуроръ!...

БАРОНЕССА.

Вы знаете, г. Блаво ошибается на каждомъ шагу...

ТОКЕМБУРГЪ.

Правда, правда... Но зачѣмъ же стоять на колѣнахъ-то?...

БАРОНЕССА.

Онъ влюбленъ въ вашу племянницу, Камиллу... и просилъ меня...

ТОКЕМБУРГЪ.

Понимаю!... Да это превыгодная партія!... Надобно объ этомъ подумать!...

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Что они тамъ шепчутся!...

ТОКЕМБУРГЪ, Нарцису.

Милостивый государь!... мы, кажется, отчасти знакомы другъ съ другомъ!... Я бывалъ въ сношеніяхъ съ домомъ банкира Ванъ-Трюка... понимаете?...

НАРЦИСЪ.

Съ домомъ Ванъ-Трюка?...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я былъ бы очень радъ, если бъ могъ оказать услугу сыну моего сотоварища!...

(Протягиваетъ ему руку.)

НАРЦИСЪ, жметъ ее.

Милостивый государь!... помилуйте!... (*Въ сторону.*) Не знаю, о чемъ онъ гово-

ритъ... но все равно... вотъ новый случай... авось мнѣ и эта голова пригодится...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я почти понимаю цѣль вашего путешествія... Вы хотите, безъ сомнѣнія, принять участіе въ какомъ нибудь торговомъ дѣлѣ?...

НАРЦИСЪ.

То есть, не совсѣмъ въ торговомъ...

ТОКЕМБУРГЪ.

Ну, полноте... Признайтесь ка, вы вѣрно намѣрены сдѣлать заемъ?... Понимаете?...

НАРЦИСЪ.

Какъ же, понимаю-съ!... Заемъ, дѣло хорошее... Это было бы мнѣ весьма кстати...

ТОКЕМБУРГЪ.

Славная спекуляція!... Теперь же курсъ низокъ...

НАРЦИСЪ.

Да, очень низокъ.... Деньги, въ нынѣшнія времена, стали чрезвычайно рѣдки.

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, нынче деньги рѣдки стали,
Теперь ни въ чемъ кредита нѣтъ:
И честныя слова упали,
И векселямъ не вѣритъ свѣтъ.
Съ людьми весьма легко сдружиться,
На дружбу какъ-то падки мы,
Но съ кѣмъ захочешь разбраниться,
Такъ денегъ попроси въ займы!

Нечего сказать, финансы въ критическомъ положеніи...

НАРЦИСЪ.

Признаюсь вамъ, мои также ужасно плохи!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?...

БАРОНЕССА.

Перестаньте, пожалуйста, толковать о вашихъ финансахъ!... успѣете объ нихъ наговориться и безъ меня... *(Токембургу)* Извольте-ка лучше дать мнѣ вашу руку... я ангажирована на вальсъ.

ТОКЕМБУРГЪ.

Сейчасъ, сейчасъ... *(Нарцису.)* Мы съ вами поговоримъ послѣ... я вамъ объясню нѣкоторые мои планы... вѣдь не всякій понимаетъ эти вещи... Понимаете?

НАРЦИСЪ.

Нѣтъ-съ, не понимаю...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я думаю, что если такіе два, три туза, какъ мы, соединимся въ одно... тогда легко можно будетъ...

БАРОНЕССА.

Да пойдемте, пожалуйста!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Иду, иду!... *(Нарцису.)* Подумайте о моемъ предложеніи...

НАРЦИСЪ.

Объ этомъ стоитъ подумать... Я осмотрю его со всѣхъ сторонъ...

ТОКЕМБУРГЪ, взявъ подъ руку жену и уходя въ глубину театра.

До свиданія, милостивый государь...

НАРЦИСЪ, слѣдуя за ними.

До свиданія!...

Тихонько цѣлуетъ руку Баронессы, которую она протягиваетъ сзади, въ то время, какъ входитъ Адольфъ съ другой стороны.

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

НАРЦИСЪ, АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ.

Что я вижу?...

НАРЦИСЪ.

Ну, дядюшка совсѣмъ пропалъ!... а, это вы, мой другъ!... Позвольте васъ называть этимъ пріятнымъ именемъ... Гдѣ это вы пропадали?... Я отдалъ вашу записочку молодой особѣ, и пари держу, она ужъ успѣла выучить ее наизусть...

АДОЛЬФЪ.

Благодарствуйте... Но скажите, вы знакомы съ этой дамой, которая сей часъ вышла отсюда и у которой вы еще поцѣловали руку?...

НАРЦИСЪ.

А, такъ вы видѣли?... Да, я съ ней хорошо знакомъ...

АДОЛЬФЪ.

Какъ я радъ!... Вы такъ любезны, что вѣрно не откажетесь оказать мнѣ еще услугу... Знаете ли, вѣдь эта та самая дама, которая препятствуетъ моей женитьбѣ!

НАРЦИСЪ.

Въ самомъ дѣлѣ?... О, такъ будьте спокойны.. Стоитъ только мнѣ шепнуть ей два, три словца, и дѣло пойдетъ, какъ по маслу.

АДОЛЬФЪ.

Но увѣрены ли вы?...

НАРЦИСЪ.

Слишкомъ увѣренъ. - Между нами будь сказано, она не осмѣлится отказать мнѣ ни въ чемъ ..

АДОЛЬФЪ.

Неужели?

НАРЦИСЪ.

Ей Богу! О, если бъ я разсказалъ вамъ мои приключенія!... Чудо что такое!.. Настоящій романъ!... У меня еще хранится медаліонъ съ ея волосами: два голубка на жертвенникѣ и собачка, эмблема моего характера... Бѣдная Фифина!... Съ нею было тма приключеній; но я парн держу, что она, кромѣ меня, никого не любила.

АДОЛЬФЪ.

Вѣрь послѣ этаго женщинамъ.... о, какъ она мсня обманывала!

НАРЦИСЪ.

Что вы говорите?...

АДОЛЬФЪ.

А я еще всегда жалѣлъ объ ней, всегда ее оправдывалъ!... Я думалъ, что она мѣшаетъ мнѣ изъ любви, изъ ревности.... я, просто, былъ ея игрушкою!...

НАРЦИСЪ.

Такъ, стало, мы были соперники.

АДОЛЬФЪ.

Да, она изволила обоихъ насъ проводить.

НАРЦИСЪ.

Проводить!... То есть, мы были ея пѣшками!.. О!.. это требуетъ мщенія!.. Я ужъ, такъ и быть, прощаю ей, что она была замужемъ, хоть, по строгой справедливости, могла бы обойтись и безъ мужа.... Но проводить насъ!... О, ужаснѣе этого ничего быть не можетъ!... Жаль, право, что я мужчина, а она женщина....

АДОЛЬФЪ.

Почему жъ вы жалѣете?

НАРЦИСЪ.

Да не на долго разсердишься!... Но теперь кончено!... Какъ она осмѣлилась насъ обманывать?.. по какому праву она противится вашей свадьбѣ?... по какому праву она мѣшаетъ вамъ?... по какому праву....

АДОЛЬФЪ.

Да развѣ вы не знаете, что Камилла ея племянница?...

НАРЦИСЪ.

Племянница?...

АДОЛЬФЪ.

По крайней мѣрѣ племянница ея мужа...

НАРЦИСЪ.

Покойнаго мужа?...

АДОЛЬФЪ.

И, нѣтъ... какого покойнаго... живаго, сударь, мужа... вы сейчасъ съ нимъ говорили...

НАРЦИСЪ.

Какъ?... Вотъ эта бочка, которая называла меня какимъ-то Ванъ-Трюкомъ..... это ея мужъ?.. А, обманщица!.. Но тѣмъ лучше... я очень радъ.... я ненавижу и его и жену его! Кончено!... Теперь ужъ она меня не разжалобитъ... я изобличу коварную.... непремѣнно изобличу!.. Берегись, плутовка!.. я многое знаю о тебѣ!...

АДОЛЬФЪ.

Успокойтесь!... Сюда идетъ Камилла.....

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

НАРЦИСЪ, КАМИЛЛА, АДОЛЬФЪ,

КАМИЛЛА, входя съ лѣвой стороны.

А, вы здѣсь, г. Адольфъ?

АДОЛЬФЪ.

Я давно желалъ васъ видѣть, милая Камилла, но не смѣлъ полойти къ вамъ... Баронесса не отходила отъ васъ ни на шагъ...

КАМИЛЛА.

Вы ее боитесь?...

НАРЦИСЪ.

Да какъ же не бояться.... Послѣ того, что было....

КАМИЛЛА.

Что жъ такое было?..

НАРЦИСЪ, въ сторону, увидя знаки Адольфа.

Ахъ, чортъ возьми!... Чуть было не сказалъ глупости!...

КАМИЛЛА.

Я убѣжала отъ нея, въ то время, какъ она разговаривала съ г. Блаво... Она, кажется, не замѣтила....

АДОЛЬФЪ.

А вашъ дядюшка, гдѣ онъ?...

КАМИЛЛА.

Дядюшка играетъ въ карты. Но я боюсь, онъ скоро кончитъ.... онъ любитъ такую большую игру, что никто не хочетъ съ нимъ играть.

НАРЦИСЪ, въ сторону.

Видно въ этой бочкѣ много золота!...

АДОЛЬФЪ.

Это досадно!... Онъ можетъ насъ здѣсь застать... а мнѣ о многомъ надобно съ вами переговорить....

НАРЦИСЪ.

Да, это пренепріятно!...

АДОЛЬФЪ.

Если бъ я могъ найти ему партенера.... Послушайте, любезнѣйшій другъ... одолжите еще разъ меня, поиграйте съ нимъ...

НАРЦИСЪ.

Какъ, мнѣ играть съ банкиромъ?... Помилуйте!... да гдѣ мнѣ!.. конечно, если бъ я былъ увѣренъ въ выигрышѣ... тогда бы я и не подумалъ....

АДОЛЬФЪ.

О, что до этого, такъ не безпокойтесь.... я беру весь проигрышъ на себя.

НАРЦИСЪ.

Вотъ это безподобно!... Но все таки мнѣ нельзя играть.... я забылъ взять съ собою деньги... мнѣ нечѣмъ будетъ и маркировать.

АДОЛЬФЪ, отдавая ему свой бумажникъ.

Давно бы сказали!... Вотъ вамъ мой бумажникъ.... въ немъ вы найдете два билета въ пятьсотъ франковъ.... затяните какъ можно долѣе игру.... да не теряйте времени, подите....

НАРЦИСЪ.

Бѣгу, бѣгу!... Теперь эта бочка только держись у меня!... я ее пораскупорю!

Убѣгаетъ въ глубину сцены.

=

ЯВЛЕНІЕ XVIII.

КАМИЛЛА, АДОЛЬФЪ.

АДОЛЬФЪ.

Наконецъ мы одни!... Не ужасно ли это?.. Быть вмѣстѣ на балу и не имѣть возможности танцовать другъ съ другомъ!...

КАМИЛЛА

Это еще ничего... если бъ мы могли, покрайней мѣрѣ, чаще видѣться!.. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ васъ покороче узналъ дядюшка... Почему вы ему не откроетесь?

АДОЛЬФЪ.

Почему?... Потому, что онъ непремѣнно посовѣтовался бы съ своей женой... а ужъ тогда бы мы на вѣкъ должны были разстаться.

КАМИЛЛА.

Можетъ быть, вы и ошибаетесь... Попробуйте...

АДОЛЬФЪ.

Нѣтъ, я увѣренъ, что изъ этого ничего не выйдетъ хорошаго... Мнѣ остается одна надежда на этого молодаго человѣка, который сейчасъ былъ здѣсь... Судьба не ожиданно послала мнѣ друга... онъ большой оригиналъ, но, кажется, искренно мнѣ преданъ.

КАМИЛЛА.

Да, онъ, кажется, такой добрый...

АДОЛЬФЪ.

Баронесса очень дорожитъ его мнѣніемъ... онъ обѣщалъ мнѣ выпудить ея согласіе...

КАМИЛЛА.

Такъ онъ знакомъ съ тетушкой?... А кто онъ такой?... Какъ его зовутъ?...

АДОЛЬФЪ.

Не знаю... я самъ въ первый разъ его вижу... впрочемъ его званіе, его правила...

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

КАМИЛЛА, БЛАВО, АДОЛЬФЪ.

БЛАВО.

Наконецъ я васъ нашелъ, сударыня... васъ вездѣ ищетъ Баронесса.

КАМИЛЛА.

Тетушка?

БЛАВО.

Да-съ!... Я очень счастливъ, что первый встрѣтилъ васъ и первый могу принесть поздравленіе новой невѣстѣ...

АДОЛЬФЪ.

Невѣстѣ?... Что вы говорите?..

БЛАВО.

Да-съ, невѣстѣ!... Я сію минуту только узналъ....

КАМИЛЛА.

Что это значитъ?... Я васъ не понимаю!...

БЛАВО.

Ну, полноте секретничать!.. Въ залѣ теперь только и разговоровъ... я знаю даже вашего будущаго супруга... сынъ Амстердамскаго банкира... Я видѣлъ, какъ онъ танцовалъ сегодня съ вами... теперь онъ играетъ съ барономъ въ экарте.

КАМИЛЛА.

Какъ!... Этотъ молодой человѣкъ?... Да вѣдь онъ королевскій прокуроръ...

БЛАВО.

Совсѣмъ не прокуроръ... это пустяки!...

АДОЛЬФЪ.

А вы мнѣ сказали, что онъ подпрефектъ!...

БЛАВО.

Да, онъ на него чрезвычайно похожъ... но вовсе не подпрефектъ. Онъ голландскій банкиръ, сынъ Ванъ-Трюка... Я знаю этотъ домъ, какъ свой собственный!...

АДОЛЬФЪ.

И вы говорите, что онъ предлагаетъ руку Камиллѣ?...

БЛАВО.

Мало того, что предлагаетъ!... Это дѣло рѣшеное... Мнѣ сказала сама Баронесса.

КАМИЛЛА.

Боже мой!... Какъ онъ насъ обманулъ!...

АДОЛЬФЪ.

Негодяй!... А еще прикинулся такимъ другомъ....

БЛАВО.

Да вы ужъ не соперники ли съ нимъ?... Это было бы преобидно....

АДОЛЬФЪ.

Что жъ за бѣда?... Я отыщу его... я съ нимъ раздѣлаюсь!... Соперника еще можно простить, но обманщика никогда!

КАМИЛЛА.

Успокойтесь, Адольфъ...

БЛАВО.

Да вотъ онъ самъ!

—

ЯВЛЕНІЕ XX.

ТѢ ЖЕ, НАРЦИСЪ.

НАРЦИСЪ, нѣсколько разстроенный, говоритъ въ кулисы.

Да, вы меня обманули, вы меня обобрали!.. Выходите по одиначкѣ, я со всѣми вами разочтусь!...

АДОЛЬФЪ, взявъ его за руку.

Извольте-ка разсчитаться прежде со мной!..

НАРЦИСЪ.

Съ вами, любезный другъ?... Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ!.. я долженъ сообщить вамъ удивительныя вещи... Они обманули меня... обобрали кругомъ... а все вашъ баронъ... вашъ негодный баронъ...

АДОЛЬФЪ.

Позвольте!... Я требую отъ васъ объясненія...

НАРЦИСЪ.

Сей часъ, сей часъ все вамъ объясню... вы увидите въ чемъ дѣло... Баронъ самъ предложилъ мнѣ партію въ экарте... изъ учтивости я не отказался... сажусь... играю первую партію — проигралъ!... играю вторую — проигралъ!... досадно!... Начинаю третью опять проигралъ!... въ это время, слышу, кто-то близъ меня говоритъ: »да, да, его обокрали, обобрали кругомъ... а онъ ничего не видалъ«...

БЛАВО.

Но, можетъ быть, это былъ другой совсѣмъ разговоръ... вы напрасно приняли на себя...

НАРЦИСЪ.

Извините... во все не напрасно...

БЛАВО.

А мнѣ кажется, что вы ошиблись... Ну могутъ ли васъ здѣсь обокрасть?... Вы напрасно только нападаете на барона!... Я его знаю, какъ самаго себя!... Онъ честнѣйшій человѣкъ во всемъ мірѣ...

НАРЦИСЪ.

Сдѣлайте милость, не увѣряйте меня... Оставьте меня въ покоѣ... вы что-то ужъ слишкомъ заступаетесь за этаго глупаго барона! А онъ, просто, шулеръ!

Ну, гдѣ тутъ честность, разсудите?
И почему такъ честенъ онъ?
Не потому ли ужъ, скажите,
Что онъ богатъ и что Баронъ?..
Вотъ такъ то судятъ всѣ о чести!
Кто бѣденъ — тотъ страдаетъ вѣкъ,
А кто украдетъ тысячь двѣсти —
Такъ тотъ честнѣйшій человѣкъ!

Да-съ! Баронъ вашъ шулеръ! плутъ!..

БЛАВО.

Помилуйте! Да вы совсѣмъ не дорожите репутаціею будущаго вашего дяди.

НАРЦИСЪ.

Будущаго дяди?... Да что вы за вздоръ несете?...

АДОЛЬФЪ.

Довольно, милостивый государь!.. Вы напрасно хитрите!... Извольте меня удовлетворить!...

НАРЦИСЪ.

Помилуйте!... Да чѣмъ же мнѣ васъ удовлетворить, когда этотъ толстый баронъ обобралъ у меня всѣ ваши билеты... У меня ничего не осталось!... клянусь честью, ничего не осталось!...

АДОЛЬФЪ.

Не въ билетахъ дѣло... Мнѣ все равно...

НАРЦИСЪ.

А мнѣ такъ не все равно... Мнѣ очень жаль ихъ... Не потому жаль, что я ихъ проигралъ... они были не мои — а ваши... Нѣтъ, меня бѣситъ дурной поступокъ этого барона... тѣмъ болѣе бѣситъ, что онъ позволилъ мнѣ отыгриваться, и я чрезъ это проигралъ ему, сверхъ вашихъ билетовъ, еще тысячу франковъ... Я ему ихъ задолжалъ... (*Въ сторону.*) Но пускай теперь ждетъ денегъ... У нашего брата кромѣ слова ничего нѣтъ... слово я ему далъ, а ужъ болѣе онъ ничего не получитъ!...

АДОЛЬФЪ.

Послушайте, вы меня выводите изъ терпѣнія...

НАРЦИСЪ.

Что жъ дѣлать, мой другъ... меня и самаго вывелъ изъ терпѣнія этотъ нѣмецкій баронъ... Я такъ былъ раздосадованъ, что въ бѣшенствѣ бросилъ ему вашъ бумажникъ...

АДОЛЬФЪ.

Какъ? Вы отдали ему въ руки мой бумажникъ?..

НАРЦИСЪ.

Въ какія руки... Я бросилъ ему прямо въ лицо... и еще попалъ въ самый носъ, такъ, что онъ чихнулъ...

АДОЛЬФЪ.

Да гдѣ жъ онъ теперь?..

НАРЦИСЪ.

Не знаю, право... Я думаю, онъ его припряталъ къ себѣ въ карманъ...

АДОЛЬФЪ.

Боже мой!.. Что вы сдѣлали?..

НАРЦИСЪ.

Да что жъ за бѣда!.. Будто дорогой какой бумажникъ!.. Въ немъ ужъ ничего и не оставалось...

АДОЛЬФЪ.

Замолчите, пожалуйста!.. (*Въ сторону.*) Боже мой!.. тамъ спрятано письмо Баронессы... Ну, ежели онъ его прочтетъ... бѣда! (*Въ слухъ.*) Я вижу, милостивый государь, что вы, просто, болтунъ... обманщикъ!.. Вы дорого расплатитесь со мною!..

НАРЦИСЪ.

Да за что вы сердитесь, любезный другъ?.. Вы послѣ этого не знаете во все игры... Ну, виноватъ ли я?..

КАМИЛЛА.

Нѣтъ, это ужасно!..

БЛАВО.

Это безчестно!..

КАМИЛЛА.

Вы напрасно надѣетесь... Я скорѣе умру, чѣмъ соглашусь на такой союзъ!..

НАРЦИСЪ.

Какъ! и вы, сударыня?.. и вы противъ меня?.. Честное слово, они сведутъ меня съ ума!.. Ну, какой тутъ былъ союзъ?..

АДОЛЬФЪ.

Я не хочу съ вами терять словъ!.. Мы съ

вами скоро увидимся... Пойдемте, Камилла!.. Чего бъ мнѣ ни стоило, но я иду къ Баронессѣ... я долженъ съ ней объясниться... (*Въ сторону.*) Другаго нѣтъ способа отвратить бурю...

БЛАВО.

И я съ вами иду...

АДОЛЬФЪ.

Боже!.. Баронъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ XXI.

ТЕ ЖЕ, ТОКЕМБУРГЪ.

ТОКЕМБУРГЪ, Камилла.

Что ты здѣсь дѣлаешь, Камилла?..

КАМИЛЛА.

Я искала тетушку!..

ТОКЕМБУРГЪ.

Она въ залѣ... поди къ ней!..

БЛАВО.

Позвольте, я васъ провожу...

КАМИЛЛА.

Сейчасъ, дядюшка... (*Тихо Адольфу.*) Спасите меня!..

(Уходитъ съ Блаво въ глубину сцены.)

ТОКЕМБУРГЪ, останавливая Нарциса, который готовъ ужъ итти.

На пару словъ!...

АДОЛЬФЪ, подходя къ нему съ другой стороны.

Прошу меня дождаться!...

(Уходитъ за Камиллой.)

—

ЯВЛЕНІЕ XXII.

ТОКЕМБУРГЪ, НАРЦИСЪ.

НАРЦИСЪ.

Чего вы отъ меня еще хотите?.. Вѣдь я вамъ далъ мое слово?

ТОКЕМБУРГЪ.

Теперь ужъ вы меня не проведете!.. Я узналъ все!.. Вы не банкиръ, не королевскій прокуроръ!.. Теперь вы мнѣ вполнѣ извѣстны!... понимаете?..

НАРЦИСЪ.

Такъ что жъ за бѣда?..

ТОКЕМБУРГЪ.

Записка ваша открыла мнѣ все... Вы, сударь, артистъ!.. просто, артистъ!.. Понимаете?..

НАРЦИСЪ.

Такъ что жъ та ce?.. Ну, артистъ!.. Я не стыжусь этого!.. я долженъ еще этимъ гордиться!.. Я вовсе не хуже ни вашихъ банкировъ, ни вашихъ прокуроровъ!.. Ужъ, признаюсь, хорошъ вашъ модный свѣтъ!.. чудо, что такое!.. А еще хвастаются!.. называются хорошимъ обществомъ... Нѣтъ, я лучше останусь въ дурномъ... Одно худо, что у насъ не любятъ порядочныхъ причесокъ, а васъ причесываетъ нашъ братъ...

ТАКЕМБУРГЪ.

Причесываетъ!.. Что такое?..

НАРЦИСЪ.

Да, да!.. Сберутъ къ себѣ весь свѣтъ... да и надѣлаютъ шуму... Нѣтъ!.. ужъ я покорнѣйшій слуга!..

ТОКЕМБУРГЪ.

Не безпокойтесь!.. Мы кончимъ съ вами безъ всякаго шума!.. Мы будемъ имѣть дѣло вдвоемъ... понимаете?.. Я ожидаю васъ завтра утромъ...

НАРЦИСЪ.

Завтра утромъ?.. Зачѣмъ это опять?..

ТОКЕМБУРГЪ.

Зачѣмъ?.. Вы должны понять... извѣстно зачѣмъ!..

НАРЦИСЪ.

А!.. Да!.. Такъ вы меня будете ожидать завтра утромъ? Теперь понимаю!.. Буду!.. непремѣнно буду!.. (*Въ сторону.*) Онъ хочетъ мнѣ дать работу!.. безподобно! О, да онъ преумный человѣкъ!.. Преумнѣйшая голова!..

ТОКЕМБУРГЪ, подавая ему карточку.

Вотъ мой адресъ!...

НАРЦИССЪ.

Чувствительно благодарю!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Пожалуйте же мнѣ вашъ!...

НАРЦИССЪ, вынимая изъ кармана карточки и отдавая ихъ Токембургу.

Съ удовольствіемъ!... Вотъ вамъ цѣлая

полдюжина!.. впрочемъ, вы не извольте безпокоиться... не извольте присылать за мной... я явлюсь во время... въ которомъ часу прикажете?...

ТОКЕМБУРГЪ, положивъ въ карманъ карточки, не взглянувъ на нихъ.

Въ восемь часовъ!... Понимаете?...

НАРЦИССЪ.

Очень хорошо!... Я къ вамъ явлюсь со всѣми моими оружіями...

ТОКЕМБУРГЪ.

Иначе вы и недолжны являться!...

НАРЦИССЪ.

Надѣюсь, что мы съ вами сойдемся...

ТОКЕМБУРГЪ.

Ну, врядъ ли!...

НАРЦИССЪ.

Почемужъ вы думаете?... вы увидете, какъ я мастерски работаю!... Рука моя вѣрна и проворна!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Пожалуйста, не хвастайтесь заранѣе!...

НАРЦИССЪ.

Правда, что иногда все зависитъ отъ доброты инструмента... но я на свои надеюсь.. у меня настоящіе Англійскіе...

Ужъ только бъ съ вами мы сдружились...
Я васъ бы славно убиралъ!

ТОКЕМБУРГЪ.

Какъ убиралъ?... Да вы забылись?...

НАРЦИССЪ.

Но чтожъ дурнаго я сказалъ?...

ТОКЕМБУРГЪ.

Постойте, я расправлюсь съ вами!
Вонъ убирайтесь сей же часъ!...

НАРЦИССЪ.

Такъ убирайтесь же вы сами!
Я убирать не стану васъ!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Вы, сударь, негодяй!... Понимаете?...

НАРЦИССЪ.

Да что вы въ самомъ дѣлѣ?... По какому праву смѣете вы ругаться?... Смотрите, не выведите меня изъ терпѣнія!.... Самъ же обыгралъ меня, да еще называетъ негодяемъ! не знаю еще, кто негодяй-то!.. Гдѣ мой бумажникъ?...

ТОКЕМБУРГЪ, отдавая ему бумажникъ.

Вотъ онъ!... возьмите... но помните, завтра утромъ...

НАРЦИССЪ.

Не приду!... не хочу!... Зовите другаго... а ужъ я не приду!...

=

ЯВЛЕНІЕ XXIII.

КАМИЛЛА, БАРОНЕССА, ТОКЕМБУРГЪ, НАРЦИССЪ, АДОЛЬФЪ.

БАРОНЕССА.

Не бойтесь ничего... ступайте за мною...

ТОКЕМБУРГЪ.

А! это вы, сударыня!... И вы осмѣлитесь еще показываться мнѣ на глаза!... понимаете ли?...

БАРОНЕССА.

Что съ вами?...

АДОЛЬФЪ, въ сторону.

Онъ видѣлъ письмо.

НАРЦИССЪ, Адольфу.

Вотъ, любезный другъ... не сердитесь... вотъ вашъ бумажникъ...

[Отдаетъ Адольфу.)

АДОЛЬФЪ, взявъ бумажникъ.

Ахъ, предатель!...

ТОКЕМБУРГЪ, останавливая Нарцисса, который хочетъ итти.

Какъ?... развѣ этотъ бумажникъ....

НАРЦИССЪ.

Конечно не мой... я его взялъ напрокатъ у моего друга Адольфа.

ТОКЕМБУРГЪ.

Адольфъ Бланьи!... Теперь я понимаю!....

БАРОНЕССА, въ сторону.

Я трепещу!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Ахъ, любезный Ванъ-Трюкъ!.., какъ я виноватъ...

НАРЦИССЪ.

Опять Ванъ-Трюкъ!..

ТОКЕМБУРГЪ.

Вы, сударыня, прекрасныя пишите записки....

БАРОНЕССА.

О какихъ запискахъ вы говорите?...

ТОКЕМБУРГЪ, показывая ей записку.

А вотъ, посмотрите!.. »Мой мужъ дѣйствительно ѣдитъ на балъ... я буду дома весь вечеръ и ожидаю васъ.» Понимаете ли?...

БАРОНЕССА.

Чтожъ тутъ удивительнаго?.. я хотѣла составить счастіе вашей племянницы... одинъ молодой человѣкъ проситъ ея руки...

ТОКЕМБУРГЪ.

Руки Камиллы?...

НАРЦИССЪ.

Точно такъ-баронъ... одинъ изъ моихъ искреннихъ друзей... я ему покровительствую и отвѣчаю вамъ за него, какъ за самаго себя.

ТОКЕМБУРГЪ.

Что я слышу!...

НАРЦИССЪ

Ну, небойтесь же, любезный Адольфъ.... бросьтесь скорѣе наколена предъ вашимъ дядей!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Адольфъ!... Никогда!. .

НАРЦИССЪ.

Какъ, никогда?...

ТОКЕМБУРГЪ.

Никогда!... Понимаете ли?...

НАРЦИССЪ.

Никогда?...

БАРОНЕССА, Токембургу.

Не сердитесь, мой другъ... Адольфъ узналъ, что вы намѣрены были выдать Камиллу не иначе, какъ за богатаго человѣка... я хотѣла ему помочь... и потому просила его прійти ко мнѣ... но я теперь вижу, что я худо сдѣлала... мнѣ не слѣдовало бы входить въ эти объясненія...

НАРЦИССЪ.

Зачѣмъ вы себя обвиняете, сударыня?.. въ поступкѣ вашемъ я вижу одну только доброту... въ немъ нѣтъ ничего другаго.. А вы, Баронъ... неужели въ васъ нѣтъ никакого чувства?... Эти молодые люди такъ сильно любятъ другъ друга, какъ вѣрно вы никогда не любили... Признайтесь... вѣдь вы такъ сильно не любили?.. Да?.. Положите-ка руку вашу сюда?.. *(Показывая на сердце.)* Судите же, каково имъ разлучиться?.. Да и что послѣ будетъ?... вы сдѣлаете ихъ несчастными!... Каково это будетъ вашимъ сѣдымъ волосамъ?... Само провидѣніе не оставитъ васъ безъ наказанія! пріятны ли будутъ вамъ эти штуки?... съ другой стороны, напротивъ, если вы отдадите вашу племянницу этому влюбленному, прекрасному человѣку, какъ вамъ будетъ послѣ пріятно.... вы всѣмъ будете говорить съ улыбкою: «я выдалъ замужъ племянницу!..« Каково это?... тогда благодарность... природа... добродѣтель... взгляните на небо..., взгляните.... вотъ минута!.. Вы плачете?.. Такъ, плачьте плачьте... я также плачу!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я не могу болѣе!.. Такъ, я согласенъ!... Любезный Ванъ-Трюкъ! Они обязаны вамъ своимъ счастіемъ!...

НАРЦИССЪ.

Браво!... вы согласны!... Поздравляю!.. теперь я сдѣлалъ свое!... Добрый вечеръ!..

ТОКЕМБУРГЪ.

Какъ, вы ужъ уѣзжаете?... но побудьте съ нами покрайней мѣрѣ, пока отыщутъ вашу карету...

НАРЦИССЪ.

Да вотъ, я пойду, отыщу прежде шляпу. .

(Уходитъ направо.)

ЯВЛЕНІЕ XXVI.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ НАРЦИССА; ПОТОМЪ БЛАВО, ВСѢ ГОСТИ И ДВА ИЛИ ТРИ ЛАКЕЯ.

ТОКЕМБУРГЪ.

Онъ бѣжитъ отъ насъ!... Онъ бѣжитъ отъ нашей благодарности!... Какой удивительный человѣкъ!

БЛАВО, ВХОДЯ СО ВСѢМИ ГОСТЯМИ.

Друзья мои, друзья мои!... Удивительное происшествіе! Знаете ли вы, гдѣ теперь сынъ Ванъ-Трюка?

ТОКЕМБУРГЪ

Онъ сію минуту уѣхалъ!...

БЛАВО.

Извините!... Онъ въ Лондонѣ!

БАРОНЕССА.

Въ Лондонѣ?...

БЛАВО.

Да, въ Лондонѣ!... Это достовѣрно.

ТОКЕМБУРГЪ.

Ну, а другой?... Понимаете-ли, кто такой вотъ этотъ?...

КАМИЛЛА.

Кажется, онъ королевскій прокуроръ?

БЛАВО.

Совсѣмъ нѣтъ.... Это вздоръ!...

АДОЛЬФЪ.

Ну, такъ подпрефектъ?...

БЛАВО.

И это пустяки..... вы ошибаетесь..... А! теперь я знаю, кто онъ!... Я и давича тоже думалъ... это, просто, неизвѣстный!

ТОКЕМБУРГЪ.

Ахъ, позвольте!... Не понимаю, какъ это я забылъ... вѣдь онъ мнѣ далъ свою карточку, да еще и не одну.... цѣлую пачку..... *(Вынимаетъ изъ кармана карточки.)* Вотъ онѣ!... Посмотрите!...

АДОЛЬФЪ, вырвавъ карточку, читаетъ.

Нарцисъ Бишоно, парикмахеръ.

ТОКЕМБУРГЪ.

Парикмахеръ!

БЛАВО.

Парикмахеръ!... Какой страмъ!... Счастливъ же онъ, что улизнулъ... а не то-бы...

—

ЯВЛЕНІЕ XXV.

Тѣ же, НАРЦИСЪ.

НАРЦИСЪ.

Виноватъ... я немогу нигдѣ найти своей шляпы.

БЛАВО.

Какъ, сударь, и вы еще смѣете?...

НАРЦИСЪ.

Да помилуйте, почему же я не смѣю спросить своей шляпы? Вы самиже давича отняли ее у меня....

БЛАВО.

Совѣтую тебѣ поскорѣе убраться отсюда, почтеннѣйшій....

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, убирайся-ка, почтеннѣйшій!...

БЛАВО.

Здѣсь не мѣсто для парикмахера....

ТОКЕМБУРГЪ.

Да, здѣсь не мѣсто для парикмахера... Понимаешь?...

НАРЦИСЪ.

Ну, да... ну... понимаю!... За что жъ тутъ сердиться?... Вы сами же виноваты!.. а вѣдь пресмѣшное происшествіе!... Вѣдь это настоящій анекдотъ... *(Бьетъ по брюху барона.)* Не правдали, любезнѣйшій баронъ?...

ТОКЕМБУРГЪ, смѣется.

Ха, ха, ха!...

НАРЦИСЪ.

А! Баронъ расхохотался!...

БЛАВО, смѣясь также.

Ха, ха, ха!

НАРЦИСЪ.

И этотъ также!... *(Всѣ смѣются.)* Ну, и всѣ расхохотались!...

ТОКЕМБУРГЪ.

Я не могу удержаться....

НАРЦИСЪ.

Такъ какъ вы, господа, кажется, всѣ теперь въ веселомъ расположеніи духа, то я надѣюсь, что вы мнѣ не откажете въ маленькой просьбѣ... Мнѣ хочется получить привиллегію на причесываніе одной важной особы.... Для этого нужно только представить просьбу.

БАРОНЕССА.

Мы постараемся....

НАРЦИСЪ.

Какъ! ты постараешься?..

ТОКЕМБУРГЪ.

Что такое?

НАРЦИСЪ.

О, судьба! о, счастіе!... О, господа!... не оставьте меня!...

БЛАВО, въ сторону.

Да онъ и не думаетъ выйти отсюда.

(Говоритъ тихо лакею, который уходитъ.)

НАРЦИСЪ, вынимаетъ изъ кармана просьбу и развертываетъ ее.

Господа!... Прислушайте!... *(Читаетъ.)*

»Его превосходительству, господину предсѣдателю изящныхъ исскуствъ и художествъ, и проч., и проч.

Ваше Превосходительство!

Высшее общество, съ незапамятныхъ временъ, терпитъ надобность въ хорошемъ парикмахерѣ..... Нижеподписавшійся льститъ себя надеждою, что въ этомъ отношеніи ему удастся удовлетворить требованіямъ вѣка — и потому осмѣливается просить«...

слуга, входя, подаетъ Нарцису шляпу.

Извольте...

нарцисъ, беретъ шляпу, надѣваетъ ее на голову и продолжаетъ читать.

»И потому осмѣливается просить привилегію«...

слуга, перебивая.

Васъ покорнѣйше просятъ, сударь... (*Показываетъ жестомъ, что его просятъ выйти.*)

нарцисъ.

Поди прочь, любезный... не твое дѣло... Твое мѣсто не здѣсь, а въ передней....

ВОДЕВИЛЬ.

нарцисъ, къ гостямъ.

Мнѣ предъ вами, господа,
Должно извиниться,
Что осмѣлился сюда
Я безъ зва явиться.
Здѣсь сначала вами я
Принятъ былъ на чудо,
А теперь лакей меня
Гонитъ вонъ отсюда.

блаво.

Вѣдь тебѣ пора домой
Что ты разсуждаешь?
Ты гостямъ, любезный мой,
Танцовать мѣшаешь.

нарцисъ.

Виновать! Иду сей часъ!
Господа, прощайте!
Да прошу покорно васъ,
Насъ не забывайте!

(Раскланивается, надѣваетъ шляпу и уходитъ; гости начинаютъ вальсировать; Нарцисъ снова является и поетъ къ публикѣ.)

нарцисъ.

Признаюсь, сегодня я
Здѣсь проказилъ много;
Но, пожалуйста, меня
Не судите строго!...

всѣ.

Ты опять здѣсь! Не мѣшай!

нарцисъ, къ гостямъ.

Насъ не забывайте!...

всѣ.

Ну, ступай домой, ступай!...
Ну, прощай!

нарцисъ.

Прощайте!

Гости вальсируютъ; занавѣсъ опускается.

БІОГРАФІЯ

КАПЕЛЬМЕЙСТЕРА КАВОСА.

(Письмо къ И. П. Песоцкому).

Когда я, пожеланію вашему, писалъ для Русскаго Репертуара статьи о моихъ театральныхъ воспоминаніяхъ, — когда періодъ первый этихъ воспоминаній былъ уже напечатанъ, я никакъ не полагалъ, чтобъ одинъ изъ тѣхъ, который почти полвѣка былъ славою и подпорою Русскаго театра, и о которомъ я писалъ, какъ о живомъ, такъ скоро похищенъ будетъ смертію. — Я говорю о Кавосѣ. — Душевно сожалѣю, что въ моихъ *Театральныхъ воспоминаніяхъ* я не могъ вполнѣ изчислить его заслугъ, описать его достоинства, обнаружить всѣ его качества, какъ человѣка, артиста, гражданина, семьянина и начальника. Такое описаніе не принадлежало тогда, ни тѣсной рамѣ моихъ статей, ни правиламъ литературной скромности, которая никогда не должна касаться *личности*. За то теперь, когда имя его и дѣла принадлежатъ намъ, какъ его потомкамъ, долгъ каждаго благонамѣреннаго человѣка требуетъ безпристрастнаго изложенія всѣхъ подробностей, которыя могутъ объяснить жизнь, характеръ и заслуги умершаго. Это послужитъ матеріяломъ для будущей Исторіи Русскаго театра.

Болѣе 25-ти лѣтъ имѣлъ я случай видѣть ежедневно Кавоса, и потому очень хорошо знаю его частную и художническую жизнь. — Разность занятій нашихъ не позволяла намъ имѣть ни короткой между собою дружбы, ни общаго знакомства; — слѣдственно сужденія мои о немъ и свѣдѣнія совершенно безпристрастны. — Впрочемъ, когда его не стало, вѣроятно и тѣ, которые цѣлый вѣкъ на него нападали, отдадутъ ему справедливость. Шиллеръ сказалъ: *Tod macht quitt.* Страсти не преслѣдуютъ за гробомъ, — и самое невѣжество, часто препятствующее видѣть заслуги живаго, становится умнѣе и начинаетъ хвалить мертваго. Вся жизнь Кавоса была безпрерывная борьба со страстями людей, его окружавшихъ. — Рѣдко выходилъ онъ побѣдителемъ изъ этой борьбы. Пора теперь воздать должную честь умершему.

Катерино Кавосъ родился въ Венеціи въ 1776-мъ году. Отецъ его былъ Директоромъ театра Ла-Фениче, и съ самыхъ раннихъ лѣтъ заставилъ его учиться музыкѣ подъ руководствомъ знаменитаго Бьанки. Собственная страсть скоро развила въ молодомъ Кавосѣ музыкальныя дарованія — и 13-ти лѣтъ былъ уже онъ учителемъ и репетиторомъ при театрѣ Ла-Фениче. — Но еще прежде того раждающійся талантъ его имѣлъ прекрасный случай блеснуть. — Въ 1788-мъ году пріѣхалъ въ Венецію Германскій Императоръ Леопольдъ II, и обозрѣвая всѣ достопамятности города, посѣтилъ и театръ Ла-Фениче. Тамъ встрѣтили его *кантатою*, нарочно сочиненною для его пріѣзда — и кантата эта была принята съ восторгомъ. Самъ Императоръ былъ чрезвычайно тронутъ музыкальными ея красотами и просилъ Директора театра познакомить его съ авторомъ. Каково же было удивленіе Леопольда, когда ему привели 12-ти лѣтняго мальчика, живаго, огненнаго

и прелестнаго собою! — Императоръ осыпалъ его вопросами, ласками и сдѣлалъ ему богатый подарокъ. – Кто не знаетъ, что одобреніе свыше, составляетъ могущественную пружину къ развитію человѣческихъ дарованій! И Кавосъ началъ послѣ этого заниматься музыкою еще усерднѣе, пламеннѣе, дѣятельнѣе.

Въ 1790-мъ году открылась при церкви Св. Марка вакансія органиста и назначено былъ конкурсъ для всѣхъ, которые пожелали бы занять сіе мѣсто. — Молодой Кавосъ вписался въ число кандидатовъ. Насталъ день испытанія и изъ множества претендентовъ на столь выгодное и почетное мѣсто, пальму первенства получилъ Кавосъ. — Какое торжество для 14-ти лѣтняго юноши! – Но это музыкальное торжество вскорѣ превратилось въ другое, еще пріятнѣйшее и драгоцѣннѣйшее. – Ближайшій послѣ него кандидатъ на эту вакансію былъ старикъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ. Полученіе этого мѣста доставило бы ему вѣрное пропитаніе на всю жизнь, — едва только Кавосъ узналъ объ этомъ, какъ спѣшилъ предложить и уступить ему свое право, не требуя за то ни малѣйшаго вознагражденія. – Кавосъ вдвойнѣ былъ доволенъ: — и одержанною побѣдою и сдѣланнымъ добромъ. —

Послѣ этой великодушной черты, частная и музыкальная жизнь Кавоса ограничилась на нѣсколько лѣтъ обыкновенными театральными занятіями. — Отечество его отживало тогда послѣднія минуты политическаго бытія своего, и народное волненіе, которымъ сопровождается всякое предсмертное бореніе цѣлаго общества, слишкомъ заняло всѣ умы, чтобъ думать о театрѣ и молодыхъ композиторахъ. Венеція, которая слишкомъ 12-ть вѣковъ удивляла Европу своими побѣдами, законами и страннымъ образомъ правленія, которая во времена Камбрейскаго союза вызывала на бой величайшія и могущественнѣйшія державы, вдругъ очутилась между двумя безднами, готовыми поглотить ее. Еще бы нѣсколько твердости, усилій и самопожертвованій, еще бы нѣсколько людей съ сильнымъ характеромъ безкорыстною волею, какими блистала прежняя исторія Венеціи — и она была бы спасена; но Провидѣніе, управляющее судьбами народовъ, уже вынуло ея жребій изъ урны,—и она пала, не столько отъ усилій своихъ противниковъ, сколько отъ собственныхъ ошибокъ, слабости и бездарности своихъ республиканскихъ правителей. Революціонная буря, дохнувшая на нее изъ Франціи, первая потрясла Венецію до основанія, а побѣды молодаго Французскаго генерала, который вскорѣ долженъ былъ изумить весь свѣтъ своимъ геніемъ, счастіемъ и замыслами, довершили ея погибель. Не умѣвъ во-время пристать ни къ одной изъ воюющихъ сторонъ, она по необходимости должна была сдѣлаться примирительною жертвою между ними. Кампо-Формійскій трактатъ отдалъ ее Австріи.

Тутъ мы снова видимъ молодаго нашего Кавоса, воспѣвающаго блистательною кантатою вступленіе новыхъ властелиновъ, — и это музыкальное произведеніе имѣло тогда самый блистательный успѣхъ. — Вскорѣ, однако, политическія перемѣны, совершившіяся въ его отечествѣ, имѣли вліяніе и на судьбу Кавоса. — Отецъ его оставилъ мѣсто Директора театра Ла-Фениче, а Падуанскій театръ, слыша объ отличныхъ дарованіяхъ сына, пригласилъ его для сочиненія музыки къ балетамъ, монтируемымъ сею труппою. И кто бъ изъ Русскихъ читателей угадалъ сюжетъ балета, для котораго, въ видѣ перваго опыта, молодой Кавосъ сочинилъ музыку! Это былъ сюжетъ *Параши Сибирячки!* Падуанскій театръ назвалъ этотъ балетъ: *Сипъгъ*, взявъ содержаніе Богъ вѣсть откуда. Но содержаніе балета именно состояло въ томъ, что молодая дѣвушка идетъ изъ Сибири въ Москву, чтобъ у подножія престола вымолить прощеніе отцу своему. — Не будемъ говорить о несообразностяхъ, которыми сей балетъ наполненъ, — и теперь еще западная и полуденная Европа почитаютъ благословенное наше отечество какою-то медвѣжьею берлогою, а тогда мы были въ глазахъ ея просто какими то Ирокезцами,—такъ что когда знаменитый нашъ Суворовъ явился въ Италіи, то жители прятали отъ казаковъ дѣтей

своихъ, будучи увѣрены, что ихъ съѣдятъ. Скажемъ только на счетъ музыки сего балета, что она свѣжестію идей своихъ и богатствомъ инструментовки, восхитила Италіянцевъ.

Успѣхъ этой музыки былъ причиною, что молодой Кавосъ переселился къ намъ на сѣверъ, въ царство *снѣга*, который такъ хорошо описалъ въ музыкальномъ отношеніи. — Тогда въ С. Петербургѣ была отличная Италіянская труппа подъ управленіемъ Г. Казасси, который на собственное свое иждивеніе построилъ бывшій малый театръ (на мѣстѣ нынѣшняго Александринскаго). Онъ набиралъ по всей Италіи новыхъ сюжетовъ для своей труппы — и молодой Кавосъ былъ въ числѣ прекрасныхъ пріобрѣтеній, которыя сдѣлала С. Петербургская Италіянская труппа.

Въ концѣ 1798-го года прибылъ онъ сюда, и съ тѣхъ поръ, болѣе сорока лѣтъ посвятилъ на службу здѣшней Дирекціи. Сначала поприще его было очень ограниченно. Онъ былъ капельмейстеромъ при Италіянской труппѣ, которая вся состояла изъ первоклассныхъ артистовъ и музыкантовъ. Однако же и тутъ имѣлъ онъ случай оказать музыкальное свое дарованіе и изобрѣтательность. — Одинъ второклассный пѣвецъ, безпрестанно жаловавшійся, что ему не даютъ случая заслужить любовь публики по неимѣнію въ роляхъ его отдѣльныхъ большихъ арій, надоѣлъ наконецъ своими жалобами Директору. Чтобъ отвязаться отъ него, г. Кавосъ получилъ приказаніе удовлетворить просьбу сего артиста. Кавосъ былъ въ самомъ затруднительномъ положеніи. Сочинить арію для него было очень легко, но тѣмъ труднѣе было бы пѣвцу—спѣть ее.—У пѣвца не было никакаго голоса. — Весь діапазонъ его едва составлялъ чистую октаву; прочія ноты были усиленныя, и часто фальшивыя. Что жъ онъ сдѣлалъ? Выбравъ въ его голосѣ ноту, которая была самая чистая и звучная, онъ на ней основалъ цѣлую арію, — и всѣ были въ восторгѣ отъ вставнаго morceau. Одни только хорошіе музыканты оцѣнили невинную продѣлку автора музыки, но и тѣ превозносили похвалами идею Кавоса, который умѣлъ заставить прекрасно спѣть человѣка, у котораго вовсе не было голоса. — Идея эта въ послѣдствіи повторялась и другими композиторами,—но Кавосъ былъ первый, который исполнилъ ее. (Когда пѣвецъ Ронкони возвратился изъ С. Петербурга въ Италію, то разсказывалъ объ этомъ въ Миланѣ извѣстному композитору Дженерали, который, будучи вскорѣ въ подобномъ затрудненіи, сдѣлалъ то же самое.)

Вскорѣ послѣ этого Италіянская труппа уничтожилась въ С. Петербургѣ, который вѣроятно, не скоро будетъ имѣть подобную. — Напрасно было усиліе нѣсколькихъ дилеттантовъ въ наше время возобновить это музыкальное наслажденіе для нашей столицы, напрасно журналисты безпрестанно проповѣдуютъ намъ, что С. Петербургъ музыкальный городъ, что все наше лучшее общество состоитъ изъ дилеттантовъ, — содержаніе Италіянской труппы никогда не будетъ здѣсь спекулативнымъ дѣломъ, а предметомъ роскоши. Правда, что ни одна въ свѣтѣ публика не бросается такъ на хорошую новизну, какъ наша, — но и ни одна такъ скоро не охлаждается ко всему на свѣтѣ. Если бъ могла здѣсь существовать такая Италіянская труппа, которая каждую недѣлю давала бы новую оперу, то сборы, можетъ быть, покрыли бы издержки; но какъ это невозможно, то всѣ наши мнимые дилеттанты, услышавъ какую нибудь музыку пять или шесть разъ, не пойдутъ уже въ 7-й и 8-й. Намъ надо все новаго. Да и сверхъ того, что бы артисты, составляющіе труппу, пользовались Европейскою извѣстностію, — иначе ихъ не будутъ смотрѣть. Посредственности наша публика не любитъ. — Такимъ образомъ разстроилась и уничтожилась здѣсь прекрасная Италіянская труппа, а содержатель ея раззорился. Всѣ артисты, составлявшіе ее, уѣхали, а г. Кавосъ остался на всегда въ Россіи. Ей нужны были люди съ дарованіемъ.

Не скоро, однако жъ, попалъ Кавосъ на ту дорогу, по которой онъ такъ много совершилъ полезнаго. Онъ только что начиналъ угадывать свое настоящее назначеніе. Ему еще предстояли другія занятія по службѣ. — Въ то время существовала въ С. Петер-

бургѣ отличная Французская труппа. — Въ моихъ Театральныхъ воспоминаніяхъ описанъ весь составъ ея – и вѣрно всякій кто помнитъ ее, согласится, что мудрено теперь собрать подобную. — Въ ней было собрано столько талантовъ во всѣхъ родахъ, что теперь и въ самомъ Парижѣ трудно бы было собрать ихъ. Кавосъ, оставя по необходимости Италіянскую труппу, перешелъ къ Французской. – Тогда былъ здѣсь композиторомъ Боельдьё, а дирижеромъ – Парисъ. — При такихъ знаменитыхъ людяхъ, Кавосъ могъ играть сначала только второстепенную роль; – но пламя дарованія пылало въ груди его — и онъ почувствовалъ въ себѣ довольно силы и таланта, чтобъ стать съ ними на ряду. — Онъ началъ сочинять музыку для маленькихъ Французскихъ оперъ, — и первые его труды, хотя и не предвѣщали въ немъ будущаго Автора *Сусанина*, но доставили однако же много удовольствія публикѣ. Труды сіи были слѣдующіе: «L'Alchimiste, L'intrigue dans les ruines, Le mariage d'Aubigné et Les trois bossus.»

Изъ сихъ сочиненій только послѣдняя была въ послѣдствіи переведена на Русскій языкъ и болѣе 20-ти лѣтъ держалась на репертуарѣ. — Но все это было только началомъ. — Появленіе другаго геніяльнаго человѣка, дало и Кавосу болѣе средствъ къ обработыванію своего дарованія. Дидло создалъ балетъ Амуръ и Психея, а потомъ Зефиръ и Флора, — и Кавосъ сочинилъ для нихъ музыку, которая вполнѣ достойна была красотъ хореграфической части. Но что болѣе упрочило въ то время славу Кавоса, — это была Французская опера: *Les trois Sultanes*. Она была монтирована со всѣмъ возможнымъ великолѣпіемъ и обставлена первыми сюжетами, — Филисъ играла Рокселану, Бермень Зельмиру. Оперу играли не только съ величайшимъ успѣхомъ на городскомъ театрѣ, но и въ Эрмитажѣ, къ совершенному удовольствію и высокихъ зрителей, — и это твореніе поставило Кавоса тотчасъ же на ряду отличныхъ композиторовъ. (Въ послѣдствіи была эта опера переведена и на Русскій языкъ, но не имѣла большаго успѣха.)

Все это было только началомъ музыкальнаго поприща Кавоса. Ему предстояли другія важнѣйшія заслуги. Когда онъ пріѣхалъ въ Россію, то Русская опера была еще во младенческомъ состояніи. Она почти не существовала. О музыкальной же школѣ и правилахъ пѣнія не было и помину. Все дѣлалось по вдохновенію. – О національности наша опера и не помышляла тогда. – Вдругъ необычайный успѣхъ Русалки (I-й части) открылъ всѣмъ глаза. —Самая пустая и безсвязная въ свѣтѣ вещь, наполняла ежедневно залу. Всѣ были въ восторгѣ. А отъ чего? Русская публика вообразила себѣ, что видитъ *національную* оперу. Имена дѣйствующихъ лицъ были Русскіе, — князья Русскіе, миѳологія Русская. Чего же больше? О прочихъ условіяхъ національности не нужно было и спрашивать. Всѣ только видѣли и чувствовали, что Русская публика была до тѣхъ поръ равнодушна къ оперѣ, потому что въ ней не было ничего національнаго. — Кавосъ былъ первый, который постигъ требованіе публики. Онъ уже начиналъ изучать свойства и духъ Русскихъ; онъ уже видѣлъ, что Русская публика хочетъ имѣть *свое*. Съ пылкостью своихъ лѣтъ и дарованія ухватился Кавосъ за первый попавшійся ему сюжетъ вздорной Французской мелодрамы и уговорилъ одного переводчика тогдашнихъ оперъ: передѣлать піэсу на *Русскіе нравы*, – а самъ принялся за сочиненіе къ ней музыки. – Это былъ знаменитый (въ тогдашнее время) *Князь невидимка*. Въ первое представленіе онъ былъ въ 6-ти дѣйствіяхъ и продолжался семь часовъ. Потомъ отрѣзали два акта, и въ такомъ видѣ онъ достигъ до нашихъ дней. Сюжетъ былъ волшебный, безъ смысла, безъ интереса, — но не смотря на это, опера имѣла успѣхъ самый блистательный и заслуженный. — Постановка была самая великолѣпная; декораціи и машины могли бы удивить и нынѣшнихъ зрителей, привыкшихъ къ роскоши и изяществу. А музыка! Это было новое, свѣжее, прекрасное явленіе, котораго достоинство и красоты не многіе могли тогда постигнуть, но которое, однако же, восхищало всѣхъ. Блистательный хоръ Интро-

дукцій болѣе 30-ти лѣтъ служилъ, на всѣхъ фамильныхъ праздникахъ, выраженіемъ семейной радости и торжества; да и теперь еще нерѣдко употребляютъ его въ такихъ случаяхъ. — Дуетъ: *Коль назначено судьбой*—и теперь доставилъ бы истинное наслажденіе. Тріо: *Чудный случай съ нимъ случился* представляетъ самую счастливую музыкальную мысль, — а финалъ 1-го акта можетъ служить образцомъ *grandioso*. Къ сожалѣнію, въ этой операѣ, чѣмъ дальше, тѣмъ меньше музыки, — такъ что подъ конецъ, кажется, авторъ былъ утомленъ своими усиліями надъ 1-мъ и 2-мъ актами.

Съ этой минуты имя Кавоса сдѣлалось принадлежностью національной славы. Съ тѣхъ поръ посвятилъ онъ всю жизнь свою на образованіе и усовершенствованіе *Русской* оперы.—Сдѣлавшись основателемъ ея, онъ чувствовалъ всю важность принятой на себя обязанности, и съ благородною твердостію пошелъ по этой стезѣ впередъ. — Съ тѣхъ поръ начинаются безпрерывные его труды для Русской сцены. Они были многочисленны и на каждомъ шагу доказывали всю его готовность, усердіе и неусыпную дѣятельность. — Однако прежде нежели думать о блистательномъ состояніи Русской оперы, надобно было подумать о образованіи оперныхъ сюжетовъ, которые до тѣхъ поръ предоставлены были судьбѣ и собственному своему вдохновенію.—Кавосъ устроилъ школу пѣнія на правилахъ, существующихъ вездѣ, гдѣ есть опера: и переимчивая Русская натура быстро двинулась впередъ по вновь проложенному ей пути. Лучшіе наши пѣвцы и пѣвицы обязаны Кавосу музыкальнымъ своимъ образованіемъ, или усовершенствованіемъ. Онъ не могъ создать голосовъ, но изъ тѣхъ, которые судьба назначила для нашего театра, онъ сдѣлалъ все возможное.

Вторымъ трудомъ Кавоса для Русской оперы, былъ Илья богатырь, и его можно почесть основнымъ камнемъ великолѣпнаго зданія, надъ которымъ онъ цѣлые 40 лѣтъ трудился. Это была первая настоящая *національная* опера. Довольно назвать автора либретто, чтобъ удостовѣриться въ этомъ. Если бъ И. А. Крыловъ не избралъ для своего поприща другаго рода литературы, то вѣрно сценическими своими твореніями также сдѣлался бы безсмертенъ, какъ и баснями. Для славы его это все равно, но для драматической литературы, это незамѣнимая потеря. — Она все еще ждетъ народнаго своего представителя. — Было много попытокъ удачныхъ и прекрасныхъ,— но у насъ нѣтъ еще ни Мольеровъ, ни Расиновъ, ни Шиллеровъ, ни Шекспировъ!—

Илья богатырь болѣе 25-ти лѣтъ сохранилъ на нашей сценѣ права своей національности и прекрасной музыки. — Особливо во времена народныхъ браней и торжества Русскихъ, представленіе Ильи богатыря были необходимы. Куплеты: *Побѣда, побѣда Русскому герою!* — были всегда какъ бы заздравнымъ тостомъ побѣдоносному оружію Русскихъ воиновъ.—Въ музыкальномъ же отношеніи эта опера блистала многими первоклассными достоинствами. Квартетъ свиданія прелестенъ, арія Зломеки дышитъ силою и энергіею; финалъ 3-го акта истинно драматическій, а музыкальная роль Пріяты наполнена легкостію и прелестію.

Къ сожалѣнію, первоначальное направленіе Русской оперы къ національности не было поддержано. Мы еще тогда слишкомъ были приѣплены ко всему иностранному.—

Высшее общество едва знало тогда о существованіи Русскаго театра и Русской драматической литературы, отъ Русской же оперы затыкало уши, — а какъ безъ ободрительнаго соучастія аристократіи ни одна отрасль наукъ и художествъ существовать не можетъ, то и національная опера вскорѣ увидѣла себя въ какомъ-то печальномъ сиротствѣ. Любители и дилетанты, вездѣ составляющіе истинную язву для успѣховъ и процвѣтанія музыки, вопіяли противъ опернаго русспцизма, осыпали насмѣшками тѣхъ, которые его поддерживали, и выставляли достоинства и красоты великихъ иноземныхъ композиторовъ. Въ послѣднемъ отношеніи, они были правы, потому что первоначальныя попытки никогда не могутъ быть образцовыми произведеніями, — но гдѣ и въ какихъ отрасляхъ человѣческихъ познаній достигаютъ со-

вершенства безъ постепенности, ошибокъ и недостатковъ? — Дилетанты хотѣли сравнивать музыку Ильи богатыря съ твореніями Моцарта пѣвцовъ же нашихъ и пѣвицъ съ первыми талантами Европы: — это былъ верхъ несправедливости. Эта варварская идея отбросила Русскую оперу еще на полстолѣтія. Дай, Богъ, чтобъ и теперь современники были справедливѣе къ попыткамъ Глинки и другихъ, которые выступятъ на это поприще. — Къ искренней нашей радости, мы видѣли, что первый опытъ Глинки былъ одобренъ самымъ блистательнымъ образомъ. Отъ чего же нѣтъ ему послѣдователей? Отъ чего же онъ самъ?... Но виноватъ! — Любовь къ Русской операѣ увлекла меня. Вѣдь я пишу біографію Кавоса....

Я остановился на Ильѣ богатырѣ, — и *Русская* опера тоже остановилась, покуда, на этомъ твореніи Кавоса. Тогда выступилъ на литературно-драматическое поприще князь Шаховской, — и Кавосъ посвятилъ ему свои труды и дарованіе. — Оба они имѣли дѣйствительно въ виду — образованіе *національнаго театра*, — но средства ихъ и цѣль были различны. Князь Шаховской стремился къ личной литературной извѣстности, и достигъ ее многочисленными своими произведеніями; но для искренняго содѣйствія въ пользу *оперы* надобно со стороны драматическаго автора большое самоотверженіе, а къ этой жертвѣ не всякое самолюбіе можетъ быть согласно.

Первые общіе труды Кавоса и князя Шаховскаго — были одноактныя оперы: *Бѣглецъ отъ невѣсты* и *Откупщикъ Бражкинъ*, которыя съ перваго представленія упали. — За то два послѣдующія сочиненія имѣли величайшій успѣхъ. Это была *Любовная почта* и *Казакъ стихотворецъ*. Въ первой пальма первенства вся принадлежитъ Кавосу. Это одно изъ прекраснѣйшихъ его произведеній. Всѣ номера носятъ отпечатокъ великаго, самобытнаго дарованія. Лѣтъ 20-ть сряду играли эту оперу на нашей сценѣ, — и я увѣренъ, что она принесла бы удовольствіе и теперь. — Номера: *къ сердцу страстну*, — и *Шесть мѣсяцевъ тому назадъ*, — долго лежали на всѣхъ фортопіанахъ.

За то слава *Казака Стихотворца* вполнѣ принадлежитъ Князю Шаховскому. Послѣ *Мѣльника* Аблесимова — это былъ первый русскій водевиль, — и съ сожалѣнію онъ не имѣетъ достойныхъ послѣдователей. Заслуга Кавоса при этомъ случаѣ состояла въ наборѣ мотивовъ Русскихъ и Малороссійскихъ, въ составѣ партитуры и оркестровкѣ, — и онъ исполнилъ эту обязанность какъ отличный Капельмейстеръ.

Долго потомъ Кавосъ трудился для сочиненій Князя Шаховскаго второстепеннымъ образомъ, — то есть: онъ сочинялъ музыку куплетовъ, танцовъ и хоровъ къ драмматическимъ его піэсамъ, — и это было для нихъ однимъ изъ лучшихъ украшеній. — Такъ на примѣръ помнимъ мы прекрасныя мотивы Кавоса въ Иванов (Ivanhoë), Керимъ Гиреѣ, Соколѣ Князя Ярослава, Финѣ, Фингалѣ и Роскранѣ, Аристофанѣ, Островѣ нѣмыхъ, — и къ успѣху, которымъ многіе изъ сихъ піэсъ пользовались, много содѣйствовало великолѣпіе монтировокъ и красота музыки. Подобные эфемерные труды, при ежедневныхъ занятіяхъ по должности Директора музыки (самой хлопотливой и прозаической) моглибы истощить всякое дарованіе, особливо если вспомнить то огромное число балетовъ для которыхъ Кавосъ въ тоже самое время сочинялъ музыку (Амуръ и Психея, Зефиръ и Флора, Любовь къ отечеству, Ромео и Юлія, Пастухъ и Амадріада, Русскіе въ Парижѣ, Ацисъ и Галатея, Карлолъ и Розальба, Кавказскій плѣнникъ, Федра), то надобно только удивляться такой непостижимой плодовитости музыкальнаго его генія. Обязанный посвятить цѣлое утро на репетованіе ролей съ Артистами, а вечеръ перебывать на всѣхъ театрахъ, какъ Директоръ музыки, или дирижировать на одномъ изъ нихъ какую нибудь оперу, — едва постигаешь, когда онъ могъ успѣть и думать объ сочиненіяхъ. А между тѣмъ возьмите музыкальный каталогъ С-Петербургскихъ театровъ, и вы насчитаете 53 названія піэсъ, балетовъ, оперъ и дивертисементовъ, для которыхъ онъ сочинилъ музыку.

Въ самый хлопотливый періодъ своей службы онъ написалъ нѣсколько большихъ оперъ. — *Геній Итурбіель*, который по слабости либретто съ перваго представленія упалъ. *Жаръ-птица*, которая выдержала множество представленій, потому что сюжетъ былъ взятъ изъ народной сказки.— *Вавилонскія развалины*, которыя имѣли самый блистательный успѣхъ. Но вѣнецъ славы и музыкальнаго генія Кавоса составилъ *Иванъ Сусанинъ*, котораго всѣ номера носятъ отпечатокъ первокласснаго дарованія. — Какъ прекрасно постигъ Кавосъ духъ національной музыки съ самыхъ первыхъ аккордовъ оперы! Какіе меланхолическіе звуки собралъ онъ въ хоръ интродукціи: *не шумите вы, вѣтры буйные*! Прелестнѣе и вѣрнѣе невозможно было изобразить характеръ Русскаго напѣва, во время осенняго ненастья.-Слѣдующіе за тѣмъ куплеты Матвѣя: *Слава Богу, Богу Вѣчному*. —дышатъ восторженною преданностію Русскихъ къ родинѣ и Царю. – Послѣ того дуэтъ любовниковъ, взятый изъ извѣстнаго мотива: *Чѣмъ тебя я огорчила?* наполненъ музыкальными красотами, – а тріо съ отцомъ самымъ яркимъ образомъ оттѣняетъ характеръ Русскаго народа. – Одному по молодости лѣтъ и живости чувствъ — все трынъ-трава; а другой уже по опытности знаетъ, что береженаго и Богъ бережетъ, и припѣвъ его (на Бога надѣйся, а самъ не плошай) очень удачно повторяется потомъ въ самомъ концѣ оперы. Послѣ того начинается финалъ 1-го акта, въ которомъ столько музыкальныхъ красотъ, что не знаешь, которому мѣсту отдать преимущество. Послѣдняя минута финала, кажется всего удачнѣе. Сусанинъ уже рѣшился на свой прекрасный подвигъ и отправился съ толпою злодѣевъ: дѣти его одни остаются на сценѣ— и молятъ Бога о спасеніи отца... вдругъ онъ возвращается, будто бы забывъ рукавицы, и спѣшитъ дать свое благословеніе Машѣ и Матвѣю. Но нетерпѣливые злодѣи уже кричатъ, требуютъ его — и онъ разстается. Мало по малу все утихаетъ; они уѣхали, а дѣти все еще стоятъ на колѣняхъ и молятся. -Прекрасная минута! Антрактъ между 1 мъ и 2 дѣйствіями прелестно выражаетъ пробужденіе сельской природы,– и при поднятіи завѣсы находимъ мы Ваню, 13-ти лѣтняго сына Сусанина, безпечно спящаго у ногъ сестры своей. Созданіе Вани принадлежитъ къ самымъ прекраснымъ идеямъ автора.–Сельская простота, веселость юношества и тонкая смѣтливость Русскаго мальчика–очень удачно соединены въ этомъ лицѣ и прекрасно выражены въ музыкѣ. Мы недавно видѣли этого же Ваню въ операѣ Глинки и при всѣхъ красотахъ его творенія; сожалѣемъ, что Ваня такъ измѣненъ, а особливо вставная его арія, въ которой онъ является не Русскимъ деревенскимъ мальчишкою, а какимъ то древнимъ героемъ, Арзасомъ, богатыремъ. – Арія, которую Ваня поетъ у Кавоса можетъ служить образцемъ легкости, живости и пріятности. Когда же потомъ Ваня узнаетъ о подвигѣ отца и предчувствуетъ свое сиротство, то дуэтъ съ Машею прекрасно выражаетъ тоску и печаль ихъ. Послѣ этого начинается финалъ 2-го акта, —и признаюсь, я мало знаю музыкальныхъ *morceaux*, которые производили бы такой эфектъ надъ зрителями. Первое *tremolo* наполняетъ душу ужасомъ; появленіе Матвѣя еще болѣе усиливаетъ это чувство; жестокое испытаніе, которому злодѣи подвергаютъ его, потрясаетъ всѣ фибры зрителя. Ни въ одной операѣ не найдете вы такой прекрасной минуты, какъ восклицаніе Матвѣя: *Спасенъ Романовъ*! или слова Сусанина: *Матвѣй! побойся Бога! не смѣй Болрина предать*! и потомъ геройская рѣшимость обоихъ: *За правду славно умирать!* Словомъ, эти музыкальные моменты составляютъ вѣчно — неувядаемый вѣнокъ славы Кавоса.

Авторъ либретто (Князь Шаховской) не хотѣлъ соблюсти исторической истины, и въ концѣ піэсы спасаетъ Сусанина. Зритель конечно благодаренъ ему за пріятное и отрадное чувство, которое онъ ощущаетъ при избавленіи героя піэсы; но всякой Русскій знаетъ участь Сусанина, всякій готовъ жертвовать своею жизнію–Царю и Отечеству,–и перемѣна историческаго событія была вовсе не нужна. Смерть Сусанина принадлежитъ къ великимъ и благороднымъ явленіямъ Русской Исторіи. За

чѣмъ же отнимать у нея подобныя воспоминія, которыми она гордится!

Какъ не вспомнить при этомъ блистательнаго состоянія Русской оперы, когда былъ поставленъ Сусанинъ—Кавоса!—Самойловъ во всей силѣ, во всемъ блескѣ прекраснаго своего дарованія, игралъ Матвѣя—и теперь долго не услышимъ мы на нашей сценѣ торжественнаго и потрясающаго восклицанія: *Господь помогъ! Господь помогъ! спасенъ Романовъ!* — Можно даже обвинить Кавоса въ томъ, что партію Матвѣя онъ написалъ исключительно на тогдашній голосъ Самойлова. Теперь никто уже не въ состояніи спѣть ее. — Роль Ивана Сусанина игралъ Зловъ—а послѣ Петровъ. Это была лучшая его роль. Г. Петровъ, играющій нынѣ Сусанина, гораздо выше его въ музыкальномъ отношеніи; но Зловъ на столько же выше его, какъ актеръ. Простота и добродушіе Русскаго крестьянина выражены были Зловымъ неподражаемо. — Сандунова, Самойлова и Иванова занимали, одна за другою, роль Маши,—и не смотря на всѣ преимущества Сандуновой, какъ первоклассной пѣвицы, надобно отдать въ этой роли пальму первенства Самойловой.—Самымъ же прелестнымъ явленіемъ въ этой оперѣ была въ то время г-жа Сосницкая въ роли Вани. Ничто немогло быть прекраснѣе ее, во всѣхъ отношеніяхъ. Это былъ истинный типъ Русской живости, веселости и ума. Пѣла она прекрасно, играла превосходно.... Слава Богу, что тогда еще не существовалъ варварскій обычай вывозовъ въ продолженіе піесы, а то и конца бы имъ тогда не было. Въ послѣдствіи играла эту роль г-жа Рыкалова—Марсель, которая также имѣла свои блистательныя минуты.

Я очень распространился на счетъ Сусанина: но это самое лучшее произведеніе Кавоса, и безспорно самое превосходное твореніе на Русскомъ языкѣ. Остается искренно пожелать, чтобъ послѣдователи его поддержали Русскую оперу на той высотѣ, до которой онъ ее довелъ.

Послѣднею оперою, въ которой встрѣчаемымъ мы труды Кавоса—была *Новая сматоха*. Это *pasticcio*, то есть сборъ музыки изъ разныхъ авторовъ. Тутъ есть интродукція Россини, есть арія Моцарта и т. п.—и въ этой то оперѣ есть тріо трехъ женщинъ, сочиненія Кавоса. Въ немъ заставилъ онъ пѣть актрису Ежову, у которой отъ роду никакого голоса не было. Но онъ отыскалъ у ней нѣсколько нотъ самаго низкаго контръ-альта, и такъ искусно умѣлъ помѣстить ихъ въ тріо, что произвелъ удивительный эфектъ. Всегда почти тріо былъ повторяемъ—и дѣйствительно заслуживалъ этого, по высокому своему музыкальному достоинству.

При исчисленіи всѣхъ трудовъ Кавоса едва стоитъ упоминать о мелкихъ его сочиненіяхъ для драмъ, водевилей, трагедій и дивертисементовъ.—Нельзя умолчать только о тѣхъ, которыя такъ долго составляли наслажденіе Русской публики. Русская пѣсня: *Милой мой сердечный другъ*, которою такъ долго восхищала всѣхъ Самойлова, вѣрно еще памятна всякому.—Куплеты: *Братцы, дружно веселую!*... которые такъ часто пѣвалъ Самойловъ въ дивертисементахъ, вѣрно еще не забыты.— А хоръ дѣвушекъ въ трагедіи Кукольника: *Скопинъ Шуйскій* не навѣваетъ ли и теперь тоски на сердце? — Въ подобныхъ-то бездѣлкахъ видѣнъ геній человѣка!

Вотъ все, что можно было сказать о *композиторѣ* Кавосѣ. — Скажемъ теперь нѣсколько словъ о учителѣ пѣнія и дирижерѣ оркестровъ. Наши мнимые любители музыки, обвиняли Кавоса будто бы онъ испортилъ всѣ голоса пѣвцовъ и пѣвицъ и очень дурно дирижировалъ оркестромъ. По первому обвиненію нужно бы было назвать тѣхъ, у коихъ онъ испортилъ голоса. Сандунова, Самойлова Семенова, Иванова, Шелихова б., Степанова, Петрова, Самойловъ, Климовскій, Леоновъ, Зловъ, Петровъ: всѣ пѣвцы и пѣвицы, которые въ продолженіе столькихъ лѣтъ ежедневно репетовали съ Кавосомъ всѣ свои роли, и кромѣ искренней, душевной благодарности за его совѣты и наставленія, никогда и ничего не говорили. Онъ не испортилъ ни одного изъ этихъ голосовъ, а напротивъ, большую часть изъ нихъ развилъ и усовершенствовалъ. Созданіе же голосовъ, такихъ какъ въ Италіи и Франціи, не было

въ его власти. Онъ могъ дѣйствовать только съ тѣми, какіе родятся подъ 60 град. сѣверной широты, и всѣ его дѣйствія были ознаменованы самымъ пламеннымъ и усерднымъ желаніемъ добра и пользы.—Заслуги и достоинства Кавоса были оцѣнены въ настоящемъ ихъ видѣ даже Высочайшими лицами. Болѣе 20-ти лѣтъ занималъ онъ, по волѣ въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, мѣсто учителя пѣнія въ Смольномъ Монастырѣ и Екатерининскомъ Институтѣ,—и за успѣхи ученицъ его, былъ онъ, по ходатайству Ея Императорскаго Величества, награжденъ орденомъ Св. Владиміра и чинами до 8-го класса. Онъ даже имѣлъ счастіе давать уроки пѣнія Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.

Что же касается до втораго обвиненія, то есть, до неумѣнія дирижировать оркестромъ, — то оно даже слишкомъ забавно, чтобъ серьозно отвѣчать на него.-Но какъ на памяти геніальнаго человѣка ненадобно оставлять ни тѣни упрековъ,—то разсмотримъ, на чемъ именно основано было сіе обвиненіе. —Вотъ въ чемъ дѣло.—Мнимые наши знатоки и любители музыки слышали иногда отъ виртуозовъ, пріѣзжающихъ сюда изъ чужихъ краевъ, что Кавосъ иногда растягиваетъ темпъ *allegro* въ дирижируемыхъ имъ операхъ, сравнительно съ темпами метронома, и что даже Кавосъ позволяетъ себѣ перемѣнять многіе пассажи въ музыкѣ противу партитуры.—Это обвиненіе было дѣйствительно справедливо, но не долго теперь разсмотрѣть причины, по которымъ Кавосъ дѣлалъ измѣненія въ темпѣ и пассажахъ.—Надобно во-первыхъ вспомнить, что всѣ въ свѣтѣ композиторы пишутъ свои оперы на извѣстныя имъ лица и діапазоны,—слѣдственно то, что удобно и легко для одного пѣвца, другому со всѣмъ не въ голосъ.—Во-вторыхъ, надобно знать состояніе нашей Русской оперы и средства голосовъ нашихъ пѣвцовъ и пѣвицъ.—Если они могутъ хорошо выразить andante. adagio, если потрясутъ иногда сердца зрителей вѣрнымъ выраженіемъ страстей, то быстрыхъ поссажей и легкости они доселѣ еще не успѣли пріобрѣсти.—Для этого надобно родиться въ музыкальной сферѣ, или учиться съ колыбели.—Тогдашніе наши первые оперные сюжеты, Самойловъ и Семенова, всѣхъ восхищали превосходною своею игрою, вѣрнымъ пѣніемъ и прекраснымъ выраженіемъ страстей,—но Италіянскія рулады и быстрые пассажи всегда приводили ихъ въ отчаяніе,—и они по всей справедливости требовали отъ капельмейстера, чтобъ онъ ихъ не заставлялъ пѣть вещей, несвойственныхъ ихъ голосу и средствамъ. Могъ ли же Кавосъ противиться столь справедливымъ требованіямъ?—Не лучше ли было для зрителей слышать пассажи, нѣсколько измѣненные противу партитуры и пропѣтые нѣсколько медленнѣе противу метронома, нежели дѣйствительныя ноты композиторовъ, которыхъ пѣвцы не имѣли физическихъ средствъ выполнить?—Кавосъ хотѣлъ, чтобъ зритель оставался всегда довольнымъ, и чтобъ артистъ былъ самъ въ себѣ увѣренъ.—И за это мнимые любители и знатоки не переставали осыпать Кавоса всѣми возможными насмѣшками и клеветами. Было даже нѣсколько времени, что, желая успокоить вопли этихъ фанатиковъ, у него отняли дирижированіе Русской оперы,—но вскорѣ увидѣли, что преемникъ его не имѣлъ и десятой части достоинствъ и познаній Кавоса, и принуждены были возвратить его къ прежнимъ занятіямъ.—

Время, — лучшій судья и оправдатель человѣческихъ дѣлъ. При управленіи и урокахъ Кавоса мы имѣли *Русскую* оперу *и Русскихъ* пѣвицъ. Увидимъ теперь: кого подарятъ намъ будущіе наставники и образователи.—Послѣдними оперными сюжетами, образовавшимися подъ сценическимъ руководствомъ Кавоса, были Степанова, Петровъ и Петрова,—и они теперь составляютъ единственную подпору и украшеніе Русской оперы. Прочіе, такъ называемые, Россійскіе оперные актеры вовсе чужды намъ.

Наконецъ скажемъ нѣсколько словъ о Кавосѣ, какъ о директорѣ музыкѣ. — Всѣ оркестры были подъ его начальствомъ — и ежедневные наряды артистовъ — виртуозовъ по театрамъ, балмъ и маскарадамъ, — были самымъ хлопотливымъ занятіемъ для Кавоса, а можетъ быть, и самымъ непріят-

нымъ. Тутъ онъ ежеминутно долженъ былъ имѣть дѣло съ самолюбіемъ, денежными выгодами и семейными обстоятельствами музыкантовъ, а это самыя щекотливыя пружины человѣческаго сердца, которыя рѣдко можно согласить съ обязанностями службы. И потому Кавосу часто доставалось слышать самые незаслуженные упреки и испытывать величайшія неблагодарности; но онъ всегда продолжалъ дѣйствовать съ неизмѣнною добротою сердца и справедливостію. Теперь же, когда его не стало и всѣ личныя, мелочныя вражды исчезли, никто изъ подчиненныхъ его не можетъ вспомнить объ немъ безъ искренняго вздоха и слезы. Спросите у каждаго, и всеобщій отвѣтъ ихъ будетъ: *Такаго начальника не скоро наживемъ.* — Это самый лучшій панигерикъ, самое краснорѣчивое надгробное слово! Дай Богъ слышать подобные отзывы о всѣхъ начальникахъ! Дай, Богъ, чтобъ всѣ съ такимъ усердіемъ, искренностію и любовію защищали своихъ подчиненныхъ, чтобъ никого изъ нихъ не лишали насущнаго хлѣба, чтобъ не гнали и не притѣсняли ихъ, чтобъ, подобно Кавосу, раздѣляли съ ними послѣднюю свою копѣйку, и словомъ, чтобъ ни чье проклятіе не обременяло совѣсти живаго и имени покойника, а напротивъ, чтобъ всеобщее благословеніе провожало начальника, какъ при жизни, такъ и за гробомъ. — Миръ тебѣ, добрый и почтенный человѣкъ! Если великими твоими дарованіями и заслугами ты заслужилъ всеобщее удивленіе и благодарность, то въ лучшей жизни ты вполнѣ достоинъ награды отъ Творца за твое прекрасное сердце и добрыя дѣла.

Апрѣля 18-го дня сего 1840 года, скончался онъ послѣ долговременной болѣзни, сохранивъ однако же до послѣдней минуты силы памяти. — Всѣ Русскіе артисты предложили пѣть Реквіемъ Моцарта при его погребеніи и выучили столь трудное музыкальное сочиненіе въ одни сутки. Искреннія слезы часто прерывали печальную церемонію.

Кавосъ былъ средняго роста, — и могъ лицомъ и пріемами служить типомъ Италіи. Чувства его были также живы, какъ жесты и слова. Онъ былъ въ безпрестанной дѣятельности съ утра до вечера, и ничто его, повидимому неутомляло. Любезность и веселость никогда не оставляли его. Лучшаго собесѣдника нельзя было имѣть. Онъ могъ одушевить самую скучную компанію. — Желаніе угодить, обязать, сдѣлать добро — было въ немъ всегдашнею мыслію и первымъ движеніемъ. Невозможности, препятствія не пугали его. Онъ, казалось говорилъ каждому; »*Если то, чего ты хочешь — возможно, — то оно уже сдѣлано; если же не возможно — то будетъ сдѣлано.*«

СМѢСЬ.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

ЛЕКЕНЪ И ВОЛЬТЕРЪ.

Герцогъ Дюражскій весьма любилъ Лекена, и нерѣдко знаменитый актеръ Французскаго театра былъ приглашаемъ на блестящіе вечера, на которые каждую зиму собиралось лучшее общество города. Не для того однакожъ приглашали его, чтобъ составить партію какой-нибудь старой барынѣ, или чтобъ заставить его говорить о лошадяхъ, погодѣ, модѣ и тому подобномъ; но чтобъ рукоплескать ему и дивиться, какъ дивились ему въ театрѣ. Такимъ образомъ Лекенъ занималъ приличное мѣсто въ этихъ собраніяхъ; могущество его таланта заставило забыть предразсудки свѣта. Благодаря этому равенству, между аристократіею искусства и аристократіею рода. Лекенъ, продекламировавъ нѣсколько тирадъ изъ своихъ любимыхъ трагиковъ, терялся въ группахъ и свободно разговаривалъ съ людьми, наиболѣе надутыми знатностію своего имени. Рѣдко случалось, чтобъ его оставляли одного, и не занимались тѣмъ, котораго только что прослушали; ибо самъ герцогъ находилъ всегда нѣсколько минутъ, чтобъ поговорить съ нимъ и составить ему кружокъ, съ благосклоннымъ вниманіемъ слушавшій живые анекдоты, которые этотъ великій трагикъ такъ хорошо умѣлъ разсказывать. Однажды вечеромъ, въ 1474 г., Лекенъ прочелъ отрывокъ изъ *Магомета* съ такою замѣчательною энергіею, далъ своимъ слушателямъ такое полное понятіе о героѣ, имъ представленномъ, что всѣ въ одинъ голосъ закричали: «Магометъ долженъ имѣть это лицо, этотъ голосъ, это выраженіе. Магометъ и въ исторіи долженъ быть тотъ же, что и въ трагедіи.» Эти похвалы чрезвычайно тронули Лекена, и онъ съ восторгомъ началъ говорить о достоинствахъ трагедіи, о расположеніи къ нему Вольтера и о подробностяхъ своего съ нимъ знакомства. Этотъ разсказъ Лекена такъ показался занимателенъ, что герцогъ взялъ съ него обѣщаніе изложить его на бумагѣ. Лекенъ спѣшилъ исполнить желаніе герцога, и нѣсколько дней спустя, герцогъ получилъ любопытныя свѣдѣнія, которыя мы спѣшимъ собрать и представить нашимъ читателямъ.

«Я началъ свои представленія (пишетъ Лекенъ) съ 1748 года. Тогда я былъ въ одной труппѣ аматеровъ, находившейся въ домѣ Жабака, въ улицѣ С. Мери. Но скоро мы оставили нашу залу, и актеры Клермонъ-Тонерра дали намъ убѣжище. Мы были очень счастливы на новой нашей сценѣ, ибо публика скоро рѣшила, что труппа Жабака лучше Тонерровой, и потому тѣ, которые насъ приняли, какъ друзей, сдѣлались нашими врагами. Не знаю, какимъ образомъ, но они возстановили противъ насъ актеровъ театра *Комедіи*, и мы безъ сомнѣнія погибли бы, если бы аббатъ Шовеленъ, членъ Парламента, не заступился за насъ. По милости его, мы сыграли одну комедію Арно, подъ названіемъ *Le mauvais riche*.

Вольтеръ, приглашенный авторомъ, пріѣхалъ на первое представленіе; я только что сошелъ со сцены, какъ вдругъ нахожу въ общей комнатѣ слѣдующую записку: «Вольтеръ ждетъ завтра къ себѣ того, кто

игралъ роль перваго любовника.» Это такъ тронуло меня, что я не могъ заснуть во всю ночь, и на другой день, часовъ въ одиннадцать, былъ уже у знаменитаго человѣка, къ которому давно питалъ чувства уваженія и удивленія. Вольтеръ принялъ меня съ улыбкою добродушія и сдѣлалъ рукою знакъ подождать, потому что онъ разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, въ докторскомъ костюмѣ, и котораго онъ скоро проводилъ, говоря ему: »Прощайте, мой любезный Троншонъ«. Я подошелъ къ его большимъ кресламъ, и когда сталъ подлѣ него, онъ, подвинувъ ко мнѣ одну изъ нѣсколькихъ дюжинъ чашекъ шоколада, стоявшихъ передъ нимъ, сказалъ: «Благодарю Бога за то, что онъ создалъ человѣка, который тронулъ меня, читая довольно плохіе стихи.»

Я покраснѣлъ при этомъ лестномъ отзывѣ. Вольтеръ, взявъ тогда меня за руку, спросилъ, кто мой отецъ?

—Брилліантщикъ, отвѣчалъ я.

—А богатъ вашъ отецъ?

—Имѣетъ достатокъ; но я лучше согласюсь потерять все, нежели приняться за его ремесло.

—Отчего же?

—Оттого, что ежели бы когда нибудь мнѣ удалось поступить въ королевскіе актеры, это бы было гораздо лучше, чѣмъ быть золотыхъ дѣлъ мастеромъ.

—Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Вольтеръ, вставъ съ кресель и скорыми шагами ходя по комнатѣ: нѣтъ, повѣрьте мнѣ, не желайте званія актера; для своего удовольствія, пожалуй, но для будущности—напрасно.

—Но это лучшій изъ всѣхъ талантовъ....

—Да! болѣе всѣхъ униженный, болѣе всѣхъ угнететный предразсудками. Можетъ быть когда-нибудь Франція оцѣнитъ достойно это великое искусство, но тогда гдѣ будутъ Лекувреры, Дантевили?

—Въ могилѣ!

Вольтеръ сѣлъ и, взявъ меня за руку, сказалъ: «Ежели вы согласитесь оставить свое намѣреніе, я даю вамъ 10,000 франковъ, чтобъ начать заведеніе; вы отдадите мнѣ ихъ, когда вамъ будетъ можно. Подумайте о моемъ предложеніи, и придите ко мнѣ съ отвѣтомъ положительнымъ. Прощайте.«

Я поспѣшно ушелъ, потому что слезы душили меня; но на лѣстницѣ я далъ имъ полную свободу и только послѣ нѣсколькихъ минутъ отдыха, былъ въ состояніи воротиться домой.

Я былъ тогда твердъ въ своемъ намѣреніи вступить на театръ, и, желая изъявить благодарность, пришелъ снова къ знаменитому человѣку, который такъ великодушно предлагалъ мнѣ помощь свою. Но увидѣвъ Вольтера, я—почувствовалъ такое смущеніе, что не могъ сказать ни слова, кланялся, бормоталъ, п—только. Наконецъ Вольтеръ вывелъ меня изъ замѣшательства, сказавъ мнѣ: Ну, что же, другъ мой, въ чемъ дѣло? Говорите, и мы увидимъ, какъ поступить

—Я хочу, отвѣчалъ я невнятно, я хочу...

—Ты хочешь послѣдовать моему совѣту употребить съ пользою предлагаемые 10,000 франковъ...

О, нѣтъ, я хочу быть актеромъ. Позвольте мнѣ при васъ прочесть изъ *Густава*.

—Изъ Густава! вскричалъ Вольтеръ громовымъ голосомъ, который испугалъ меня: изъ Густава! Нѣтъ, не хочу Пирона, — терпѣть не могу дурныхъ стиховъ. Скажите мнѣ, что хотите, изъ Расина—что вы знаете.

—И въ то же время онъ постучалъ въ дверь; ему принесли чашкушокалада пополамъсъкофе: этобыла его единственная пища.

Приготовьтесь, сказалъ онъ мнѣ, пока я буду завтракать.

Признаюсь, сначала былъ я въ большомъ затрудненіи; но вспомнивъ, что въ Мазаринской школѣ я выучилъ всю трагедію *Аталія*, я предложилъ Вольтеру сыграть сцену *Абнера съ Жоадомъ*.

Онъ кивнулъ головой, поставилъ чашку, сложилъ руки и сказалъ: «Извольте, мой любезный, я жду.«

Во время декламаціи, я взглянулъ на Вольтера и получилъ еще болѣе бодрости, замѣтивъ, что онъ былъ въ какомъ-то смущеніи. Но скоро онъ не выдержалъ, прервалъ меня и вскричалъ съ восторгомъ: Ахъ, Боже мой, какіе чудные стихи! Но всего удивительнѣе, что вся трагедія написана съ одинаковымъ жаромъ, одинаковою чистотою, съ первой сцены до послѣдней... это неподра-

жаемая поэзія?.. Прощайте, другъ мой, сказалъ онъ, съ торжественнымъ выраженіемъ: цалуя меня я предсказываю вамъ — вы будете удивленіемъ Парижа ; но ради Бога, никогда не вступайте на публичный театръ.

Послѣ этого втораго свиданія, я часто бывалъ у Вольтера, который однажды, когда я снова просилъ его помочь мнѣ въ моихъ намѣреніяхъ, отвѣчалъ мнѣ: Я хочу, чтобъ ты жилъ у меня, и впередъ мы будемъ играть вмѣстѣ.—Это вскорѣ было условлено. Онъ велѣлъ мнѣ отдѣлать маленькую комнатку надъ его покоемъ; по его приказанію выломали нѣсколько перегородокъ, составлявшихъ комнаты втораго этажа , чтобъ устроить небольшой театръ. Герцогиня Дюменъ, къ которой мы ѣздили въ Со, для лѣтнихъ театральныхъ представленій, пріѣзжали на репетицію и распоряжались на нашей сценѣ. Одна изъ постояннѣйшихъ посѣтительницъ послѣ герцогини были г-жа Дюшатели. Эта дама принимала большое участіе въ моей будущности и часто занималась мною съ тѣхъ поръ, какъ Вольтеръ сказалъ ей:—Вотъ видите ли, сударыня, молодой человѣкъ—новый , подростающій Гаррикъ. Это мнѣніе , которое въ то время имѣлъ обо мнѣ Вальтеръ, было для меня тѣмъ болѣе лестно, что онъ часто шутилъ надъ актерами, не слишкомъ удачно выполнявшими свои роли. Однажды Сарразенъ получилъ на нашемъ театрѣ одинъ изъ такихъ уроковъ: это былъ самый жестокій, какой только слышалъ я отъ Вольтера. Сарразенъ не имѣлъ ни благородства, ни силы; у него въ игрѣ была какая-то мягкость, которая не позволяла ему браться за такія роли, каковы *Брутъ*, *Митридатъ*, *Августъ*. Однакожь онъ выпросилъ позволеніе сыграть Брута, прежде своего дебюта на театрѣ *Комедіи*; я на этотъ день уступилъ свое мѣсто пришельцу и, во время представленія, сѣлъ подлѣ Вольтера. Вольтеръ былъ очень терпѣливъ до конца перваго акта, но въ началѣ втораго онъ прервалъ Сарразена и сказалъ ему: Милостивый государь! подумайте же, что вы Брутъ, самый твердый изъ всѣхъ римскихъ консуловъ, и что не должно говорить съ Марсомъ такъ же, какъ если бъ вы сказали: ахъ, когдабъ я выигралъ сто франковъ въ лоттерею!» Всѣ захохотали; на Сарразена это не подѣйствовало, и онъ доказалъ въ послѣдствіи, что урокъ Вольтера не исправилъ его. Но дочь одного Парламентскаго прокурора, игравшая на нашемъ театрѣ, воспользовалась замѣчаніемъ Вольтера на ея игру и послѣ всегда благодарила за то. Эта дѣвушка была такъ застѣнчива, что читала мѣста, гдѣ необходима была сила, точно какую-нибудь сказку. Не смотря на это, ей дали роль *Пальмиры* въ Магометѣ. Ошибку эту сдѣлалъ, разумѣется, не Вольтеръ, за то едва услышалъ онъ ее въ той сценѣ, гдѣ она должна произносить проклятія , какъ вдругъ остановилъ ее неожиданно, но довольно кротко: Сударыня, послушайте меня, сказалъ онъ ей: представьте себѣ, что Магометъ обманщикъ, убійца, погубившій вашего брата, отравившій вашего отца. Ежели все это для васъ генно, что вы конечно правы, исполняя такъ вашу роль; но если это хотя немного васъ трогаетъ, то вотъ какъ должно произносить... И Вольтеръ началъ читать тираду, какъ великій актеръ.

Это было въ 1750 г. Вольтеръ, находя что театръ его становится слишкомъ убыточенъ, рѣшился прекратить представленія. Въ этихъ обстоятельствахъ я снова сталъ просить моего благодѣтеля , чтобъ онъ помогъ мнѣ въ моемъ намѣреніи; не играя больше у него, я тотчасъ хотѣлъ идти въ актеры. Вольтеръ уступилъ моимъ просьбамъ и рекомендовалъ меня герцогу д'Омонъ, который выхлопоталъ мнѣ дебютъ на театрѣ *Комедіи*. Я получилъ приказъ объ этомъ изъ рукъ Вольтера, а въ сентябрѣ того же года я былъ принятъ въ число королевскихъ актеровъ.

Вотъ, герцогъ, вѣрный разсказъ о первыхъ сношеніяхъ моихъ съ великимъ человѣкомъ, который былъ моимъ благодѣтелемъ, и я очень радъ, что желаніе ваше узнать эти подробности подало мнѣ поводъ снова доказать этому безсмертному писателю всю благодарность, которою я обязанъ ему.»

«*Лекень*».

ИМПРОВИЗАЦІЯ РОССИНИ.

Не многимъ извѣстно, можетъ быть, что знаменитой *пѣснію Евреевъ*, которою оканчивается партиція *Моисея* Россини, обязаны мы одному чудаку, машинисту театра Санъ-Карло, въ Неаполѣ.

Въ день представленія этой оперы, публика неаполитанская, казалось, была въ восхищеніи. Первый и второй акты сначала превознесены были до небесъ; но въ третьемъ актѣ весь успѣхъ оперы былъ уничтоженъ ошибкою машиниста: сочинитель самаго либретто, поэтъ Тоттола, ввелъ въ оперу переходъ черезъ Чермное море; море это необходимо долженствовало быть на второмъ планѣ, потому что черезъ него надо было переходить. Машинистъ, желая рѣшить неразрѣшенную задачу, надѣлалъ преуморительныхъ вещей. Изъ партера видно было море на пять или на шесть футовъ выше береговъ своихъ; ложи возвышавшіяся надъ волнами, видѣли вполнѣ, какъ маленькіе лаццарони, при гласѣ Моисея, отдѣляли воду отъ земли.

Публика много смѣялась, и смѣхъ ея былъ такъ простосердеченъ, что сердиться за него нельзя было.

Въ слѣдующую зиму опера была возобновлена, и первый актъ принятъ съ прежнимъ восторгомъ, и прежній хохотъ встрѣтилъ переходъ черезъ Чермное море.

Но наканунѣ третьяго представленія этой оперы, поэтъ Тоттола вдругъ вбѣжалъ къ Россини, который, по обыкновенію, лежа въ постелѣ, разговаривалъ и смѣялся съ своими друзьями. Никого не замѣтивъ, никому не поклонившись, Тоттола закричалъ: *Maestro, maestro! Ho salvato l'atto terzo!* (Маестро! Третій актъ спасенъ!)

— E che hai fatto? Что могъ ты сдѣлать, мой любезный поэтъ? Намъ будутъ смѣяться въ глаза, какъ обыкновенно.

Я написалъ, маестро, молитву Евреевъ, передъ переходомъ ихъ черезъ Чермное море. Вотъ она... èlavora d'un ora, maestro, это написано въ одинъ часъ... И бѣдный поэтъ, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, чтобъ надъ нимъ не стали смѣяться, сгибался въ три-погибели, и смотрѣлъ на Россини съ принужденною улыбкою: Si signor, si signor.

— Хорошо — ты цѣлый часъ писалъ эту молитву, а я сдѣлаю къ ней музыку въ четверть часа.

Съ этимъ словомъ Россини вскакиваетъ съ постели, садится передъ столомъ, въ одной рубашкѣ, и сочиняетъ музыку молитвы Моисея, въ восемь, много въ десять минутъ, безъ фортепіано, разговаривая въ то же время очень громко съ друзьями своими.

— На, вотъ твоя музыка, сказалъ онъ поэту.

Тоттола побѣжалъ, сломя голову, а Россини улегся снова въ постель, при громкомъ смѣхѣ друзей своихъ, которые не могли равнодушно видѣть запыхавшейся фигуры либреттиста.

На другой день многочисленная публика собралась въ театръ Санъ-Карло. Первый актъ принятъ былъ съ прежнимъ восторгомъ; въ третьемъ, когда наступала сцена перехода черезъ Чермное море, въ публикѣ слышны были тѣ же насмѣшки, замѣтна та же охота посмѣяться. Партеръ начиналъ уже предаваться веселости довольно громко, какъ вдругъ—слышатъ — Моисей начинаетъ онвую арію: *Dal tuo stellato soglio*. Это была молитва, которую за Моисеемъ хоромъ повторяетъ весь народъ... Пораженный этою новостію; партеръ сталъ слушать внимательно, и смѣхъ внезапно прервался. Эготъ превосходный хоръ былъ написанъ въ *минорномъ* тонѣ; Ааронъ продолжаетъ, народъ поетъ послѣ него; наконецъ Эльсія возсылаетъ къ небу тѣже молитвы; народъ отвѣчаетъ хоромъ; въ эту минуту всѣ бросаются на колѣни, и съ восторгомъ повторяютъ ту же молитву: чудо совершается-море разверзло хляби свои, чтобы очистить путь народу, Богомъ ведомому. Эта послѣдняя часть въ *минорномъ* тонѣ.

Нельзя вообразить себѣ громовыхъ рукоплесканій, которыя раздались во всей залѣ. Восторженные зрители, высунувшись изъ ложъ, кричали: *Bello! bello! o che bello!* Никогда такого успѣха и такого furroge не видали въ Санъ-Карло, тѣмъ болѣе, что все это было неожиданно....

ВОЛЬТЕРЪ И ФРЕРОНЪ.

Еще до появленія *Меропы*, трагедіи Вольтера, на сценѣ, Фреронъ жестоко ругалъ ее. Не взирая на это, она была принята публикою благосклонно. Желая отомстить Фрерону, Вольтеръ приготовилъ великолѣпное изданіе этой трагедіи въ 4-ю д. л,, съ заглавною виньеткою, на которой представленъ былъ оселъ, щиплющій лавры.

Фреронъ въ одномъ изъ слѣдующихъ нумеровъ своего журнала, смягчилъ отчасти критику, имъ написанную, хвалилъ изданіе и присовокупилъ наконецъ, что оно украшено, *портретомъ автора*. Avec le portrait de l'auteur.

Вольтеръ издалъ сочиненіе свое: Elémens de la Philosophie de Newton. Фреронъ, первѣйшій врагъ его, напечаталъ въ журналѣ своемъ объявленіе слѣдующимъ образомъ: Elémens de la Philosophie de Newton, mis à la porte de tout le monde par François à rouer Voltraire; на послѣдней страницѣ журнала было припечатано, въ погрѣшностяхъ, вмѣсто: mis à la porte, читай: mis à la portée; вмѣсто: à rouer Voltaire, читай: Arouet Voltaire.

ШИЛЛЕРОВЫ ЛОШАДКИ.

Придворный Вѣнскій актеръ Миллеръ разсказывалъ, что Шиллеръ часто посѣщалъ его въ Мангеймѣ, и гостилъ въ домѣ его по цѣлымъ суткамъ. Когда семейство Миллера ложилось спать, Шиллеръ просилъ обыкновенно у хозяина двѣ бутылки хорошаго вина, кофе, перьевъ и бумаги, начиналъ писать и просиживалъ до утра за стихами или прозою. Многія сцены въ трагедіи *Коварство и Любовь* были сочинены Шиллеромъ, въ домѣ Миллера, и хозяинъ заставалъ часто по утрамъ Шиллера сидящаго въ креслахъ въ совершенномъ оцѣпенѣніи, и почиталъ его иногда умершимъ. Однажды спросили Шиллера: Вы просиживаете надъ стихами цѣлыя ночи; неужели мысли ваши никогда не истощаются? И очень часто, отвѣчалъ Шиллеръ; когда у меня мыслей нѣтъ, то я рисую лошадокъ.» И подлинно, въ манускриптахъ Шиллера находили иногда рисованныхъ перомъ на поляхъ тетрадей людей и лошадокъ. Когда въ сочиненіяхъ Шиллера какое-либо мѣсто не нравилось его пріятелямъ, то они обыкновенно спрашивали поэта: «Не рисовалъ ли онъ тогда лошадокъ.»

ОТКУДА ШЕКСПИРЪ ЗАИМСТВОВАЛЪ СОДЕРЖАНІЕ СВОЕГО МАКБЕТА.

Большая часть всѣхъ дивныхъ изданіо Шекспировыхъ основывается на какомъ-нибудь преданіи, на какомъ нибудь фактѣ, забытомъ въ темномъ уголкѣ исторіи. Ему ненужно ни подробностей, ни характеровъ: одно только событіе — и онъ силою своего генія, какъ чародѣй, воскреситъ его передъ вами, найдетъ въ немъ жизнь и смыслъ, волшебной силой перенесетъ васъ и въ ту страну и въ тотъ народъ, среди которыхъ событіе совершалось; или создастъ свой особенный міръ, населитъ его своими особенными существами, и вы забудетесь подъ его чудесные вымыслы, вы ощутите жизнь созданныхъ имъ неземныхъ существъ.

Содержаніе Макбета заимствовалъ Шекспиръ изъ одной старинной хроники, извѣстной подъ именемъ Голиншедской (Holinshed), написанной по руководству Гектора Боэція.

Около 1034 г., Дунканъ наслѣдовалъ Шотландскій престолъ послѣ своего дѣда Малькольма. Макбетъ, родственникъ Дункана по матери, былъ сынъ Синеля, тона Гламмисскаго. Дунканъ, котораго кротость и доброта доходили до слабости, не былъ государь воинственный, между тѣмъ какъ Макбетъ, превосходный военачальникъ, отличался неустрашимостью; но его упрекали однако жъ за нѣкоторую жестокость характера.

Чрезмѣрная снисходительность Дункана уменьшила власть его; нѣсколько честолюбивыхъ головъ поднялись было по этому случаю: Банко, тонъ Локаберскі, на коего возложена была обязанность собирать королевскіе доходы, былъ вынужденъ строго наказать наиболѣе виновныхъ.

Макбетъ представилъ королю, что причиною всѣхъ этихъ несчастій была слабость его характера и чрезмѣрная доброта; въ то же время онъ вызывался поправить дѣло, если Дункенъ поручитъ ему и Банко главное начальство надъ арміей. При одномъ имени Макбета, при первомъ извѣстіи о его приближеніи, мятежники, объятые страхомъ, разсѣялись, и Макдовальдъ, боясь наказанія, какое заслужилъ онъ своею непокорностію, заперся, вмѣстѣ съ женою и дѣтьми, въ своемъ замкѣ; но наконецъ, не надѣясь выдержать продолжительной осады, онъ умертвилъ себя, зарѣзавъ прежде все свое семейство. Макбетъ съ оружіемъ въ рукахъ ворвался въ крѣпость и нашедъ трупъ Макдовальда, велѣлъ отрѣзать ему голову и послалъ ее къ королю. Обезглавленный трупъ былъ повѣшенъ на висѣлицѣ. Всѣ, кто въ этой войнѣ наиболѣе оказалъ мужества и сопротивленія, были безъ всякой пощады преданы смерти. Эта жестокость, тѣмъ болѣе постыдная, что Макбетъ коварно нарушилъ данное слово, привела въ отчаяніе жителей острововъ, которые рѣшились жестоко отмстить ему, но они дорого заплатили за свои безразсудныя угрозы, и только богатыми подарками и совершенною покорностію успѣли наконецъ, и то съ большимъ трудомъ, обезоружить жестокаго побѣдителя.

Спустя нѣсколько времени послѣ этой побѣды, Макбетъ и Банко, на пути въ Форъ, встрѣтили въ лѣсу трехъ женщинъ, въ странномъ одѣяніи. Онѣ поздравили Макбета царемъ, и когда Банко сталъ жаловаться, что онъ не получилъ на свою долю благопріятнаго для себя предсказанія, то онѣ отвѣчали ему, какъ это представлено и въ трагедіи, что онъ, Банко, будетъ счастливѣе Макбета и, хотя не будетъ царствовать, какъ онъ, но за то содѣлается родоначальникомъ цѣлаго поколѣнія царей, которые будутъ управлять Шотландіей.

Макбетъ не забылъ этого таинственнаго видѣнія, когда тонъ Кавдорскій, возмутившійся противъ Дункана, былъ казненъ смертію, и всѣ титла, всѣ почести этого мятежника были переданы Макбету, который съ того времени, такъ же какъ и Банко, сталъ твердо вѣрить предсказанію трехъ волшебницъ.

Не менѣе того, Макбетъ могъ законнымъ образомъ достигнуть престола: сынъ Дункана не имѣлъ еще положенныхъ Шотландскими законами, лѣтъ, чтобы царствовать, такъ-что если бы король умеръ, не оставивъ по себѣ наслѣдниковъ по прямой линіи и которые бы имѣли законныя лѣта, чтобы взойдти на престолъ, то власть царя должна была перейдти къ ближайшему родственнику покойнаго государя. Но Макбетъ, слишкомъ честолюбивый, слишкомъ нетерпѣливый, видя притомъ, что Дунканъ назначилъ наслѣдникомъ себѣ старшаго сына Малькольма, хотя тотъ и не достигъ еще законнаго возраста, Макбетъ рѣшился злодѣйствомъ достигнуть престола. Жена его, еще болѣе честолюбивая, болѣе жестокая, нежели онъ, не перестала побуждать его на преступленіе, черезъ которое они могли достигнуть вѣнца царскаго. Въ слѣдствіе всего этого, Макбетъ рѣшился зазвать царя къ себѣ, въ свой Инвернесскій замокъ; Дунканъ пріѣхалъ, ничего не подозрѣвая; Макбетъ злодѣйски умертвилъ его и провозгласилъ себя царемъ, на мѣсто его.

Макбетъ царствовалъ семнадцать лѣтъ. Въ первыя десять лѣтъ своего царствованія, пятная себя безпрестанно кровавыми дѣяніями, Макбетъ управлялъ однако жъ слабо; но наконецъ его злодѣяніямъ уже не было мѣры.

Изъ этого видно, что Шекспиръ, шагъ за шагомъ, держался историческаго хода событій; но изъ этой романической и запутанной исторіи онъ создалъ самую дивную аму, какая только когда-либо создана была умомъ человѣческимъ.

РОЖДЕНІЕ, ПУТЕШЕСТВІЕ И ПРИКЛЮЧЕНІЯ ОДНОГО ВОДЕВИЛЯ.

Странныя понятія имѣютъ свѣтскіе люди о литераторахъ. Признавая въ нихъ умъ, *иногда* и не совсѣмъ обыкновеннымъ способомъ, они лишаютъ ихъ здраваго смысла, и — почти никогда — не вѣ-

рятъ литературной честности. Мы скажемъ только, что если и есть литераторы, которыхъ можно уличить въ покражѣ, то, безъ сомнѣнія, въ покражѣ чужой идеи, а не носоваго платка. Большая часть литераторовъ багата носовыми платками, и бѣдна идеями. Что касается до Скриба, онъ изъ тѣхъ писателей, которые имѣютъ въ одно и тоже время множество идей, и множество носовыхъ платковъ: у него ихъ на 80,000 ливровъ годоваго дохода. Не смотря на это, зависть, спутница безсилія и лѣности, стремится унизить трудъ и талантъ, и вы услышите очень нерѣдко: »Скрибъ вовсе не авторъ трехъ или четырехъ сотъ піесъ, упрочившихъ его славу и состояніе. Большая часть изъ нихъ принесены ему готовыя, и онъ ставилъ на нихъ свое имя; въ остальныя брошено имъ нѣсколько куплетовъ, и остротъ à la Скрибъ, и болѣе ничего!«

Я не знакомъ съ Скрибомъ, но знаю многихъ авторовъ, которые имѣли честь быть его сотрудниками, и они всѣ видятъ въ немъ не сотрудника, но автора піесъ, которыя они вмѣстѣ писали. Одинъ изъ нихъ, С..., милый и благородный малой, сказалъ мнѣ однажды: »Я написалъ съ Скрибомъ, по крайнѣй мѣрѣ, двѣнадцать піэсъ, но — чортъ меня возми — если есть въ нихъ одно мое слово.« Г. Скрибъ и Х..... воспитывались вмѣстѣ въ С. Барбъ. По выходѣ изъ училища, изъ Скриба вышло то, что вы знаете, изъ Х... ничего не вышло. Въ одну ночь, когда Х..., вооруженный фонаремъ безъ огня, искалъ въ головѣ своей мелодрамы, неожиданная идея освѣтила его мыслительную систему. Идея была почтенная, какъ отецъ или мать. Она вдвигалась на пяти актахъ (другой сказалъ бы на пяти лапахъ) и очень мило играла книжаломъ. Х... задрожалъ отъ радости, но мало по малу, впалъ въ отчаяніе, не найдя въ себѣ силъ для ея выполненія. Разсмотрѣвъ свою идею, со всѣхъ сторонъ, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что породилъ чудовище. Въ первыя минуты, оно показалось ему *медвѣдемъ*. Онъ испугался, пригладилъ немножко, причесалъ своимъ перомъ, приблизилъ, сколько могъ, къ человѣческому образу — и чудовище преобразилось: на мѣстѣ мелодрамы сидѣлъ водевиль, и водевиль, отъ котораго вѣяло, не знаю, какимъ-то запахомъ Театра du Gymnase. По крайней мѣрѣ это нашло обоняніе г. Х... Но какъ отдать водевиль на сцену?.. Это было всегда очень трудно. Къ счастію Х... вспомнилъ о Скрибѣ, однокашникѣ, и побѣжалъ къ нему. Х... вытащилъ изъ кармана свою идею и прочелъ ее будущему академику: Скрибъ, въ это время, былъ извѣстенъ только по своимъ произведеніямъ. Будущій академикъ внимательно слушалъ драматурго-водевилиста, и когда тотъ кончилъ, Срибъ сказалъ:

— Пока ты читалъ свою піесу, я прінскивалъ, думалъ... Да, тутъ есть идея — и, даже, истинная идея для водевиля; но только выслушай, какъ бы я думалъ передѣлать твою развязку.

Тутъ Скрибъ хватаетъ идею Х... прямо за хвостъ, выворачиваетъ ее — какъ говорится — шиворотъ на выворотъ — какъ ночной колпакъ, и держа это животное за хвостъ, отправляется съ нимъ путешествовать въ страны, совершенно неизвѣстныя Х....

— Ты хорошо меня понялъ?

— Совершенно, отвѣчалъ тотъ — ничего не понимая.

— Такъ ступай домой, набросай на бумагу все, что мы говорили (Х.... ни слова) и принеси все чрезъ двѣ недѣли въ видѣ плана, съ нѣсколько развитыми сценами.

Спустя нѣсколько дней, Х.,. явился съ планомъ и сценами *черезъ чуръ* развитыми.

Скрибъ опять выворотилъ все на изнанку, и назнача окончательно ходъ явленій, сказалъ своему сотруднику: «Вотъ тебѣ планъ; пиши теперь.»

— Всѣ сцены!... Съ куплетами?

— Нѣтъ... куплетовъ не нужно. Я ихъ сдѣлаю самъ: это по моей части.

— Гусь! — подумалъ про себя, Х.... Мнѣ трудъ, а ему слава!... Не правду ли говорятъ, что... — Х... перебралъ еще нѣсколько философскихъ разсужденій въ этомъ родѣ, и войдя въ свой, какъ онъ называлъ, рабо-

чій кабинетъ, началъ выжимать весь свой запасъ ума, точить слова, клеить фразы — и все это для Скриба, который изволилъ выставить на піесѣ свое имя.

Чрезъ мѣсяцъ у Скриба была слѣдующая сцена.

— А, здраствуй! Кончилъ?

— Да, душа моя, и надѣюсь, что будешь доволенъ. Сидѣлъ за нимъ цѣлый мѣсяцъ... Ну, да за то и не дурно... Прочесть тебѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ; я самъ прочту послѣ, на свободѣ!... Оставь свою рукопись, и объ остальномъ не безпокойся. Я увижусь съ Нуарзономъ, поговорю съ нимъ о твоей піесѣ, и увѣдомлю, когда будемъ читать актерамъ: тебѣ непремѣнно надо быть, когда будемъ читать актерамъ.

— Надо!... Я самъ непремѣнно хочу.

— Такъ я тебѣ напишу.

Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ нѣсколько времени, Х... получилъ отъ Скриба небольшую записку:

»Мы читаемъ актерамъ въ 11½; пріѣзжай ко мнѣ въ 11-мъ; нужно съ тобой поговорить.«

О чемъ ему нужно со мной говорить? думалъ Х... — Вѣрно хочетъ еще, чтобъ я передѣлалъ! Кажется, я болѣе сдѣлалъ, чѣмъ свою долю! — Экой лѣнивецъ, этотъ Скрибъ! Когда Х... вошелъ, Скрибъ кончалъ пятиактную комедію, для Французскаго Театра. Онъ написалъ послѣднее явленіе, пока Х... слушалъ часы, которые били 11 часовъ.

— Ну, я кончилъ съ Французскимъ Театромъ; пойдемъ въ Театръ du Gymnase Только прежде надо тебѣ сказать, милый мой Х..., что я сдѣлалъ кой какія перемѣны въ твоей піесѣ.

— Перемѣны?.. Да, хорошо, хорошо! Только вѣрно ты не трогалъ большой сцены любовника, который...

— Именно ее то я и передѣлалъ; ты ее прекрасно исполнилъ; видно что понялъ хорошо положеніе, А что за разговоръ!.. Сколько силы, натуры!.. Ума!.. Право, досадно!

— Что же досадно?

— Досадно, что я имѣлъ глупость прибавить одно слово. Ну, слово ведетъ за собою другое; начнешь урѣзывать, придумывать и перевернешь. — Я, просто передѣлъ тебя!.. Ты услышишь совсѣмъ другую піесу.

— Какъ! Ты ничего не оставилъ?

— Не то!.. Нѣсколько подробностей... ну, и главная основная идея. — По справедливости, эта идея твоя... Прекрасная идея; но она исчезла бы совершенно въ мелочныя подробности... Ты знаешь, я весь — подробность, а ты, ты человѣкъ солидный. Фундаментъ, духъ піесы. Бѣдняга! Порядочно поработалъ! Ты пришелъ ко мнѣ съ идеей; сдѣлалъ разбивку сценъ; написалъ всю піесу отъ конца до другаго! Можешь похвастать что сдѣлалъ свое дѣло!

Такъ предусмотрительная вѣжливость Скриба смягчала ударъ, нанесенный самолюбію автора. Все, что Х.... ни сдѣлалъ, ни къ чему не послужило. Скрибъ это замѣтилъ съ самаго начала, но не хотѣлъ, чтобы сотрудникъ его могъ сказать: »Я ничего тутъ не дѣлалъ; твои слава и деньги!«

Не нужно говорить, что изъ всего произведенія Х... Скрибъ оставилъ одно только названіе. Піеса, которую давали подъ именемъ Скриба и Х..., послѣднему была неизвѣстна въ полномъ смыслѣ, и вѣроятно отъ этого — имѣла блестящій успѣхъ.

Этотъ забавный разсказъ выписали мы изъ одного французскаго журнала. — Невольно приходитъ мысль заглянуть въ нашу — если позволите такъ назвать — *водевилистику*. Долго было бы говорить о первомъ появленіи водевиля на нашей сценѣ, о первыхъ его дѣлателяхъ, о завоеваніи водевилемъ всей сцены, о томъ, какъ нѣкіе писатели, портили вкусъ и довели водевиль до степени неблагопристойности Теперь, слава Богу, водевиль какъ будто начинаетъ становиться чистъ и благороденъ Лучшіе авторы наши, или пишутъ свои піесы, или, выбравъ французскій водевиль, переводятъ его, и *переводятъ* въ немъ глупости и сальныя остроты. Если же и естъ такіе которые ищутъ сюжетовъ для водевилей въ *грязныхъ квартирахъ и пасквильныхъ коррикатурахъ*, то публика и благомыслящая критика уничтожаетъ ихъ—презрѣніемъ.

У насъ нѣтъ Скриба, но — что дѣлать — не найдется-ли г. Х...? Этому труженику Х..., сотруднику Скриба, у насъ было бы

гораздо повадпѣе. Какъ изволите видѣть, Х... имѣлъ идею, составилъ планъ — хотя и дурной, написалъ всю піесу — сколько работы! Если бы Х... былъ у насъ въ Россіи, нѣтъ сомнѣнія, что и у насъ пришлибы ему ид ея; но послѣ первыхъ неизбѣжныхъ попытокъ, онъ открылъ бы секретъ, изобрѣтенный *опытнымъ*, должно быть, промышленникомъ и, если бы не сдѣлался, то вообразилъ бы, что онъ *извѣстный* писатель. По этому средству не нужно идеи, плана, и даже собственныхъ словъ. Зная немножко Французскій языкъ, онъ могъ бы купить нѣсколь-французскихъ водевилей; положимъ, напримѣръ, что ему попались M-me St Agnès, La haine d'une femme и Le trou sur l'habit. Нашъ Х... пишетъ тотчасъ свое заглавіе, перекрещаетъ: M-me St. Agnès, въ какую нибудь урожденную Ханжерину, М-г-Бланже, въ какого нибудь Петра Герасимовича, переводитъ всю піесу отъ слова до слова — включивъ нѣсколько пошлыхъ каламбуровъ, и преважно пишетъ на заглавномъ листѣ: «Оригинальная (вмѣсто водевиля, для большей важности) комедія, съ куплетами, *сочиненіе* такого-то.» Нѣтъ сомнѣнія, что подобному промышленнику нѣтъ нужды въ Скрибѣ, не нуженъ и онъ Скрибу для сотрудничества; онъ не принесъ бы съ собою идеи, какъ Х..., но врядъ-ли не послужилъ бы Скрибу воплощенной идеей забавнаго водевиля: такой богатый сюжетъ стоитъ вѣрнаго пера Скриба!

СМѢСЬ.

АНЕКДОТЫ.

АДЪ и РАЙ.

На театрѣ давали Донъ Жуана. Передъ самымъ спускомъ занавѣса *верхніе* зрители стали вызывать актера, занимавшаго главную роль. Донъ Жуанъ съ силою вырвался изъ рукъ фурій, которыя влекли его въ адъ. «Пустите меня, вскричалъ онъ: я не пойду *въ адъ*, когда *рай* зоветъ меня.»

УДИВИТЕЛЬНАЯ МѢТКОСТЬ.

Въ Москвѣ когда-то давали балетъ *Деревенская Героиня*. Въ этомъ балетѣ Героиня сама застрѣливаетъ разбойника изъ пистолета. Разъ при представленіи этого балета, когда разбойникъ упалъ отъ выстрѣла, одинъ изъ зрителей, вскочилъ съ своего мѣста, закричалъ: Нѣтъ, ужъ это слишкомъ!

— Что такое? спросилъ у него сосѣдъ.

—Вообразите, отвѣчалъ тотъ: въ седьмой разъ вижу я піесу эту, и героиня еще ни раза не дала промаха! Я невидывалъ такой мѣткости!

ПОЛКОВОЙ ТЕАТРЪ.

Въ одномъ полку солдаты вздумали, во время святокъ, дать спектакль и выбрали піесу *Казакъ стихотворецъ*. Роль Маруси занималъ молоденькій флейтщикъ. Началось представленіе; спектакль шелъ, какъ нельзя лучше. Между зрителями, въ первомъ ряду, почти подлѣ самой авансцены, сидѣлъ генералъ. Во время піесы, понюхавъ табаку, онъ крѣпко чихнулъ. Маруся, бывшая въ это время на сценѣ, перервавъ свою арію, опустила руки по швамъ, и сказала: Здравія желаю, Ваше Превосходительство!»

НА ПАМЯТЬ УЗЕЛОКЪ.

Какой-то чудакъ, просмотрѣвъ оперу *Жизнь за Царя*, такъ былъ восхищенъ одною аріею, что завязалъ на платкѣ узелокъ—*чтобъ не забыть ея*.

КАКЪ АУКНЕТСЯ, ТАКЪ И ОТКЛИКНЕТСЯ.

— Актриссы издали настоящій *брильянтъ*, сказалъ молодой человѣкъ въ обществѣ артистовъ: а разсмотрѣвъ ихъ поближе, увидишь, что это *композиція*.

— Это все равно, замѣтила ему бывшая тутъ умная актрисса, все равно, что многіе молодые люди издали похожи на *сафьянъ*, а вблизи на *ослиную кожу*.

КУПЛЕТЫ.

Изъ комедіи-водевиля:

ПЯТНОВЫВОДЧИКЪ и ДЕГАТЕРЪ (*).

Я отъ природы дегатеръ,
Все вижу дегатерскимъ глазомъ.
Художникъ, авторъ или актеръ—
Я пятна въ нихъ открою разомъ.

Угодно—я вамъ цѣлый свѣтъ
Представлю тотчасъ на изнанку,
И все окрашу въ черный цвѣтъ,
Лишь только дайте мнѣ приманку.

Пріятелей, друзей, родныхъ,
Прижму я дегатерскимъ прессомъ,
Какъ выжмешь ихъ—такъ чортъ ли въ нихъ?
Родной я братъ лишь—съ интересомъ.

(*) Эта комедія-водевиль, въ *пяти каморкахъ* есть новое, оригинальное произведеніе одного *извѣстнаго и опытнаго литератора и драматическаго писателя*. Полное названіе ея есть слѣдующее: *Веймиръ, пятновыводчикъ и дегатеръ, или наказанный Жиденокъ*. Піеса, какъ мы сказали, состоитъ изъ пяти *каморокъ*, и каждая имѣетъ свое особенное названіе: 1-я *Каморка жиденка*, 2-я *Каморка выгнаннаго Студента*, 3-я *Каморка выгнаннаго сотрудника газеты*, 4-я *Каморка выгнаннаго учителя*, 5-я *Каморка Веймира* съ *причетомъ*, или *Табунъ*.

ШАРЛОТАНСТВО.

(Заключительные куплеты изъ водевиля: Друзья журналисты.)

Кто изъ гордости иль чванства
Говоритъ или кричитъ,
Что не знаетъ шарлатанства,
Тотъ неправду говоритъ.
Сколько есть интригъ, обмановъ,
Сколько хитростей во всемъ,
Столько, право, шарлатановъ
Мы во всѣхъ дѣлахъ найдемъ.
Скажемъ истину простую:
Тамъ гдѣ польза иль разсчетъ,
Надъ талантомъ за-частую
Шарлатанство верхъ беретъ.
Если же намъ хорошей роли
Не напишутъ на заказъ,
Такъ артисты по неволѣ
Шарлатанятъ всѣ подъ часъ.
Часто съ плачемъ и тоскою
Учимъ прозу и стихи,
Чтобъ прикрыть своей игрою
Нашихъ авторовъ грѣхи.
Такъ теперь просить мы станемъ
Насъ немножко пощадить:
Мы, ей Богу, шарлатанимъ—
Отъ желанья угодить!...

Григорьевъ 1-й.

ШАХЕР-МАХЕРУ,

ЗОИЛУ ПАСКВИЛЯНТУ.

Ахъ Шахеръ-махеръ! Ахъ злодѣй!
Ведетъ дѣла свои онъ знатно:
Отецъ его *выводитъ пятна*,
А онъ *пятнаетъ* честь людей.

* * *

ИГРА въ ВОПРОСЫ и ОТВѢТЫ.

ИМПРОВИЗАЦІЯ (*).

Кто легче—перо или кокетка?
На это трудно отвѣчать...
Перо всегда легко—мы видимъ, то на дѣлѣ;
Кокетки-же любовь лишь стоитъ испытать—
То вѣрно будетъ потяжелѣ.

Что лучше: умный бѣднякъ, или богатый дуракъ?
Съ умомъ богатство рѣдко дружны:
Но оба въ свой чередъ годятся для услугъ:
Я умнаго люблю—когда мнѣ нуженъ другъ,
А богача—когда мнѣ деньги нужны.

(*) Покойный А. И. Писаревъ былъ очень милый и любезный дамскій собесѣдникъ; онъ восхищалъ всѣхъ своими шутками и остроуміемъ, которыя особенно выказывались въ легкой импровизаціи на заданныя темы или предложенные вопросы. Съ удовольствіемъ помѣщаемъ въ Репертуаръ образчики подобной импровизаціи. *Ред.*

Кто истинно великій человѣкъ?
Кто дѣлать лишь добро старался цѣлый вѣкъ;
Въ несчастіи былъ твердъ, а въ счастьи не гордился,
Тотъ истинно великій человѣкъ,
Хотя бы и въ наборъ рекрутскій не годился.

Кто счастливѣе всѣхъ?
Счастливцемъ можетъ тотъ назваться,
Кто могъ полезенъ быть друзьямъ своимъ;
Кого сподобилъ Богъ не разу не влюблятся;
Иль кто, влюбившися, взаимно былъ любимъ.

Какъ достигнуть того, чтобъ нравиться всему партеру, а не половинѣ?
Во-первыхъ, насажать въ партеръ друзей своихъ;
Второе: фарсами привлечь глупцовъ вниманье;
И много средствъ еще... Но даръ и прилежанье
Есть первое изъ нихъ.

Кто славнѣе: Коринна-героиня въ любви, или Александръ Македонскій-герой войны?
Враговъ своихъ побить — возможно даже звѣрю;
Съ огромнымъ воинствомъ и ябъ героемъ былъ...
Но кто себя, любовь и сердце побѣдилъ,
Тотъ такъ великъ, что я побѣдѣ сей не вѣрю.

Что быстрѣе пролетаетъ: облака или мысли?
И тучи самыя густыя,
Не могутъ вѣчно небо тмить;
Но часто мысли есть такія,
Которыя и смерть не можетъ истребить.

Благоразумно ли поступили Греки, когда за Елену разорили Трою?
Какъ можно женщинѣ о томъ освѣдомляться?
Вселенная всегда прельщалась красотой.
И я за красоту всегда готовъ сражаться
Съ людьми, съ безсмертными и даже самъ съ собой.

Если бъ отдали на выборъ Велисарію, чего бъ онъ скорѣе лишился—зрѣнія, или славы?
Ему, я думаю, была дороже сава,
И зрѣньемъ старичку не нужно щеголять,
Я выбралъ бы глаза,—и что же за забава
Для лавровыхъ вѣнцовъ — красавицъ не видать?

Отчего у богини мудрости на шлемѣ сова?
Сова есть знакъ ночей,
А ночью умъ философа свѣжѣе.
Но въ наши времена вселенная глупѣе
И сдѣлалась сова—эмблемою мужей.

Писаревъ.

АНТРЕПРЕНЕРЫ.

(Изъ водев. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ.)

Какъ другихъ житье бытье
Ни окину взоромъ,—
Право, хуже всѣхъ житье
Намъ, антрепренёрамъ!
Нужды нѣтъ, что домикъ есть,
Всякъ со мной играетъ;
Но что нечего мнѣ ѣсть,
Губернаторъ знаетъ.

Вотъ отъ голода лечуся‘
Пью себѣ, потѣю —
Но, ей Богу! какъ ни бьюсь,
Денегъ не имѣю!
Если я съ актеромъ гордъ
Гордость зла прибавитъ;
А актрисами самъ чортъ
Нынче не управитъ!

Имъ давай существовать,
Какъ собаки лаютъ!
А какъ примутся играть,
Весь народъ пугаютъ;
Вдругъ, иной съ ума сойдетъ,
Никого не слышитъ:
Что ни скажетъ, все совретъ
И мыслете пишетъ!

Сколько я трагедій, драмъ,
Ставилъ здѣсь *помпезно*!
Только все по пустякамъ,
Глупо, безполезно;
А какъ хватишъ добрый сборъ,
Смотришь за продажей —
Хвать — трагическій актеръ
Гдѣ нибудь подъ стражей.

Ставить оперу начнешь,
Также трудъ не малый:
Иногда *одинъ* поешь
Цѣлые финалы!
А пѣвцы, какъ попоютъ
Съ непонятнымъ громомъ,
Да потомъ полгода пьютъ
Гоголь-моголь съ ромомъ.

Но балеты я давалъ
Вотъ ужъ не на славу;
Лишь танцоръ протанцовалъ —
Ѣдетъ къ костоправу!
Всѣ балеты врозь пошли
Съ ними и танцоры,
А танцовщицъ увезли
Злые ремонтёры.

Григорьевъ 1-й.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ ВѢСТИ и СЛУХИ.

Съ началомъ осени наступаетъ самое живое время въ нашихъ театрахъ; бенефисъ смѣняется бенефисомъ, піеса слѣдуетъ за піесою; все это родится, живетъ—и умираетъ, иногда прежде, нежели театральный лѣтописецъ успѣетъ записать въ свою хронику; отъ этого наши театральныя рецензіи большею частію бываютъ похоронными пѣснями по усопшимъ.

Мы обратимся въ подробной хроникѣ къ прошедшимъ новостямъ нашей сцены, а теперь отмѣтимъ вкратцѣ только самыя рѣзкія явленія ея.

И первымъ словомъ нашимъ да будетъ благодарность почтенному Директору Императорскихъ Театровъ, А.М. Гедеонову, за тотъ неожиданный сюрпризъ, какимъ подарилъ онъ публику, показавъ ей цѣлый рядъ молодыхъ талантовъ. Мы говоримъ о представленіи балета *Хитаны* воспитанницами и воспитанниками Императорскаго Театральнаго Училища. Сколько прекрасныхъ надеждъ, сколько отрадныхъ ожиданій возбудилъ этотъ спектакль въ публикѣ! Она увидѣла неисчерпаемый запасъ для своихъ будущихъ наслажденій... И почему знать, не выйдетъ ли изъ этого роя миловидныхъ амуровъ и грацій своей Тальйони, своей Фанни Эльслеръ! Съ громкими и единодушными рукоплесканіями принимала она очаровательныя танцы г-жи Пряхиной, Пряхуновой, Рюхиной, Левхѣевій, и др. гг. Манохина, Пишо, Никитина, Трудно рѣшить, кому изъ молодыхъ талан товъ отдать пальму первенства: всякій вы полнилъ свое дѣло съ совершенствомъ не по лѣтамъ. Честь и хвала попечительной Дирекціи Театра, которая доставляя любителямъ искусства безпрестанно новыя наслажденія, и въ будущемъ показываетъ намъ такія богатыя надежды!

— Г-жа Дюръ, обрадовавшая любителей театра своимъ первымъ дебютомъ на драматическомъ поприщѣ, явилась снова на сценѣ Александринскаго Театра, въ роли Эсмеральды. Въ оба представленія этой піесы театръ былъ полонъ. Публика прини-

мала прекрасную дебютантку съ восторженными рукоплесканіями. Редакція Репертуара получила подробный разборъ игры г-жи Дюръ въ этой піесѣ, который и будетъ помѣщенъ въ слѣдующей книжкѣ нашего изданія. А теперь скажемъ только, что г-жа Дюръ и въ этотъ разъ увѣнчалась достойными ея лаврами.

— Пріятную новость получили мы изъ Москвы: П. С. Мочаловъ снова поступилъ на московскую сцену, и явилъ уже передъ публикой въ нѣсвольких роляхъ—въ *Гамлетѣ* и *Иголкинѣ*. *Нино*, *Бидерманѣ* и др. Во всѣ разы онъ былъ принятъ съ восторженными и единодушнами рукоплесканіями.

—Слышно, что для будущаго бенефиса г-жи Тальйони готовится балетъ *Озеро Волшебницъ* (Le lac des fées.)

РЕПЕРТУАРЪ

САНКПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 1 АВГУСТА И ПО 1 ОКТЯБРЯ 1840 ГОДА.

САНКПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Августа.

1. *Бол. т.* Ченеренгола, опера въ 2 д.;
   Ал. т. Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. Иголкинъ, быль въ 1 д.
18. *Бол. т.* Цампа, бол. оп. въ 3 д.
19. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 3 д.; Жепни, оп
    Ал. т. Недотрога, ком. въ 1 д.; Пожилая дѣвушка, ком. въ 1 д.; Артистъ, ком.-вод. въ 1 д.; Женщина стрянчій, ком.-вод. въ 1 д.
20. *Ал. т.* Кинъ, ком. въ 5 д.; Покойная ночь, шут. вод. въ 1 д.
21. *Бол. т.* Велизарій, оп. въ 3 д.
22. Рука Всевышняго, тр. въ 5 д.; Круговая порука, вод. въ 1 д.
23. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
    Ал. т. Поѣздка въ Царское Село, вод. въ 1 д.; Архиваріусъ, вод. въ 1 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 кар.
25. *Бол. т.* Велизарій, оп. въ 3 д.
    Ал. т. Тридцать лѣтъ, др. въ 3 д.; Провинціалный театръ, вод. въ 1 д.
26. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д.; Два слова, оп. въ 1 д.
    Ал. т. Левъ Гурычъ, ком. вод. въ 5 д.; Лукавинъ, ком. въ 1 д.
28. *Бол. т.* Робертъ, оп. въ 5 д.
30. *Ал. т.* Дѣдушка Русскаго флота, был. въ 1 д.

Сентября.

1. *Ал. т* Сиротка Суссанна, ком.-вод. въ 2 от.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Голубой токъ, ком. въ 1 д.; Покойная ночь, ш.-вод. въ 1 д.
2. *Ал. т.* Кремневъ, др. въ 3 д.; Новички въ любви, ком. въ 1 д.; Имянины благод. помѣщика, инт.
3. *Ал. т.* Безыменное письмо. др. въ 3 д.; Петербургскія квартиры, ком.-вод. въ 5 д.; Выжигинъ, вод. въ 1 д. (*Бенеф. г-на Самойлова.*)
4. *Ал. т.* Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д. Его Превосходительство, ком.-вод. въ 1 д.
5. *Ал. т.* Безъимянное письмо, др. 3. д.; Пожилая дѣвушка, вод. въ 1 д.
6. *Ал. т.* Петербу рг. квартиры, ком.-вод. въ 5 квар. Пьетро Дандини, вол. вод. въ 3 д.
7. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Августа.

16. *Бол. т.* Кинъ, ком. въ 5 д.; Дезертеръ, вод. въ 1 д.; дивер.
18. *П. т.* Пятидесяти-лѣтній повѣса, вод. въ 1 д.; Фениксъ, вод. въ 1 д.; дивертисементъ.
19. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; Любовное зелье, вод. въ 1 д.
22. *Бол. т.* Кремневъ, пред. въ 2 д.; Семикъ, дивертисементъ.
23. *Бол. т.* Русскій человѣкъ добро помнитъ, быль въ 1 д.; Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод. въ 1 д.; Еще чудныя встрѣчи, вод. въ 1 д.
25. *П. т.* Дѣдушка Русскаго флота, драм. быль въ 1 д.; Мужъ красавецъ, ком.-вод. въ 1 д.
26. *Бол. т.* Сильфида, бал. въ 2 д.; Плащъ, ком. въ 1 д.
30. *Бол. т.* Горе отъ ума, ком. въ 4 д.; Усы, вод. въ 1 д.

Сентября.

1. *Бол. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д.; Узкіе башмаки, вод. въ 1 д.
2. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д; Ножка, вод. въ 1 д.
5. *Бол. т.* Филиппъ, вод. въ 1 д.; Заемный мужъ, ком.-вод. въ 1 д; Заемныя жены, вод въ 1 д.
6. *Бол. т.* Матильда, др. въ 3 д; Женскій умъ, др.-пословица, Полюбовная сдѣлка ком.,-вод. въ 2 д. (*Бенеф. г-на Максимова.*)

8. *Бол. т.* Ченеренгола, оп. въ 2 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
Ал. т. Студентъ артистъ, хористъ и аферистъ, оп. въ 2 д.

9. *Бол. т.* Дѣва-Дунай, бал. въ 2 д.
Ал. т. Петербург. квартиры, ком.-вод. въ 5 квар.; Фебусъ, ком.-вод. 2 д.

10. *Ал. т.* Ревизоръ, ком. въ 5 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 д.

11. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
Ал. т. Гризельда, тр. въ 5 д.; Женщина лунатикъ, оп.-вод. въ 3 д.

12. *Бол. т.* Капулетти и Монтеки, оп. въ 4 д.
Ал. т. Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д.; Полюбовная сдѣлка, ком. въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Гамлетъ, др. въ 5 д.; Провинціальный театръ, вод. въ 1 д.

16. *Ал. т.* Петербург. квартиры, ком.-вод. въ 5 квар.; Стряпчій подъ столомъ, вод. въ 1 д.
Бол. т. Весталка, оп. въ 3 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.

17. *Ал. т.* Уголино, др. въ 5 д.; Покойная ночь, вод. въ 1 д.

18. *Бол. т.* Морской Разбойникъ, бал. въ 2 д.; Женни, оп.
Ал. т. Женщина лунатикъ, оп.-вод. въ 3 д.; Полковникъ старыхъ временъ, вод. въ 1 д.

19. *Ал. т.* Тридцать лѣтъ, др. въ 3 сут.; Первое іюля въ Петергофѣ, ш.-вод. въ 1 д.

20. *Ал. т.* Кинъ, ком. въ 5 д.; Покойная ночь, вод. въ 1 д.

22. *Ал. т.* Отецъ, какихъ мало, вод. въ 1 д.; Полюбовная сдѣлка, ком. въ 1 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Хочу быть акрисой, вод. въ 1 д.
Бол. т. Шотландскіе Пуританы, оп. въ 3 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.

23. *Ал. т.* Дона Луиза, др въ 5 д.; Новый недоросль, въ 2 кар.; Тигровая кожа, вод. въ 1 д.; Тайна матери, ком.-вод. въ 1 д. *Бенеф. г-на Толченова 1-го*
Бол. т. Сильфида, бал. въ 2 д.; Швейцарская хижина, оп. въ 1 д.

24. *Ал. т.* Петербург. квартиры, ком.-вод. въ 5 д.; Левъ Гурычъ, ком.-вод. въ 5 д.

27. *Ал. т.* Гусарская стоянка, вод. въ 1 д.; Дѣвица отшельница, вод. въ 1 д.; Пожилая дѣвушка, ком. въ 1 д.; Женщина стряпчій, ком. вод. въ 1 д.

29. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.; Мельники, бал. въ 2 д.
Ал. т. Сиротка Сусанна, ком.-вод. въ 2 отд. Левъ Гурычъ, ком.-вод, въ 5 д.; Не влюбляйся безъ памяти, ш.-вод. въ 1 д.;

30. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д.

8. *Бол. т.* Скопинъ Шуйскій, др. въ 5 д.; Пріѣздъ Женихи, интерм.

9. *Бол. т.* Матильда, др. въ 3 д.; Русскіе въ Баденъ, вод. въ 1 д.; дивертисементъ.

10. *Бол. т.* Дѣдушка Русскаго флота, др. въ 1 д.; Женскій умъ, ком. въ 1 д.; Дезертеръ, вод. въ 1 д.

12. *Бол. т.* Хороша и дурна, вод. въ 1 д.; Воспитанникъ любви, вод. въ 1 д.

15. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Замужняя вдова и мужъ холостякъ, ком. въ 2 д.

17. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Женихи на расхватъ, вод. въ 1 д.

19. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Влюбленный братъ, др. въ 1 д.

20. *Бол. т.* Невѣста лунатикъ, оп. въ 3 д.; Хоть тресни, а женись, ком. въ 1 д.

22. *Бол. т.* Лукреція, вод. въ 1 д.; Чиновникъ по особ. поруч., вод. въ 1 д.; Купеческая дочка, вод. въ 1 д.

23. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д.; Артистъ, вод. въ 1 д.

25. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Двое за четверыхъ, ком. въ 1 д.

26. *Бол. т.* Цампа, оп. въ 3 д.

27. — — — Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Какаду, ком. въ 1 д.

29. — — — Коварство и любовь, тр. въ 5 д.; Трусъ, вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Наслѣдники, ком. въ 1 д.

КЛЕВЕТА,

КОМЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ,

СОЧ. СКРИБА.

Переводъ В. М. Строева.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Ремонъ, первый министръ, опекунъ Цецилін.
Люсіенъ Вильфраншъ, его другъ, депутатъ.
Цецилія Морна.
Эрминія Гиберъ, сестра Ремона.
Гиберъ, банкиръ, мужъ Эрминіи.
Маркиза Савне, двоюродная сестра Цецилін.
Виконтъ Сентъ-Андре, дипломатъ.
Кокне, житель города Діеппа.
Белло, слуга.

Дѣйствіе происходитъ въ зданіи водъ, въ Діеппѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Театръ представляетъ залу водъ. Въ углубленіи сцены дверь; окно въ садъ и на море. На правой и лѣвой сторонѣ, двери. Въ углубленіи стоятъ фортепіяно и игорные столы. На лѣвой сторонѣ, на авансценѣ, круглый столъ съ брошюрами и журналами.

ЯВЛЕНІЕ I.

посѣтители водъ и кокне, сидятъ на лѣвой сторонѣ, у круглаго стола, и читаютъ журналы. Входятъ Эрминія и Цецилія; за ними Белло и г-жа Савне, которую ведетъ Люсіенъ.

Люсіенъ, (*къ Белло*). Скоро ли будутъ готовы комнаты для дамъ?

Белло. Сейчасъ!... Никогда еще у насъ въ Діеппѣ, на водахъ, не бывало столько посѣтителей, какъ въ нынѣшній годъ... Записали ль вы имена въ книгу посѣтителей?

Эрминія. Нѣтъ еще.

Белло, (*подавая ей книгу*). Все таки занятіе!...

(Дамы и Люсіенъ записываютъ имена въ книгѣ.)

Кокне, (*на лѣвой сторонѣ сцены*). Это новые посѣтители и посѣтительницы! (*Читаетъ газету въ слухъ*). »Благодаря мудрости управленія и дѣятельности нашихъ министровъ, торговля и промышленость повсюду возраждаются»... Вотъ удивительно!... Сегодня, моя газета хвалитъ министерство.... Вѣрно начались важныя улучшенія.... Я очень радъ. (*Смотритъ названіе журнала.*) Эхъ! Я ошибся—это не моя газета... Мальчикъ! Дай-ка нашу провинціальную газету.

Белло. Извольте, сударь, я ее читалъ....

Кокне, (*читаетъ*). «Слабость и неразумность министерства»... А! Вотъ оно!.. »умертвили всѣ источники промышленности»... А! нашелъ! Теперь я дома... Съ

этой газетой, напередъ знаешь, что будешь читать.

Белло. Если такъ, зачѣмъ же читать?

Кокне. Учусь, узнаю ходъ дѣлъ... (*Читаетъ.*) »Къ несчастію отечества, важнѣйшее лицо въ министерствѣ — г-нъ Ремонъ; онъ былъ посредственнымъ адвокатомъ, а теперь сталъ министромъ... неизвѣстно почему...«

Люсіенъ, (*съ досадою.*) Неизвѣстно почему?

(Эрминія, знаками, проситъ его молчать.)

Кокне, (*читаетъ.*) »Онъ можетъ все погубить!..» Да, можетъ статься! И я этому не удивлюсь, судя по тому, что о немъ слышалъ.

1-й Посѣтитель. Человѣкъ безчестный!

2-й Посѣтитель. Дурной гражданинъ!

1-й Посѣтитель. Дурно управляетъ!

3-й Посѣтитель. Дурной сынъ!

Кокне. Этого я не прощу ему; онъ, кажется, выгналъ отца своего... Признайтесь, что это ужасно.

Люсіенъ, (*выходя на средину театра.*) Кто? Ремонъ?.. Да знаете ли вы его?

Кокне. Совершенно... по моей газетѣ... впрочемъ я съ нимъ никогда не видался... Это очень естественно... онъ первый министръ, а я Кокне, избиратель здѣсь въ городѣ и ни когда ни куда не выѣзжалъ изъ Діеппа... Все жду желѣзной дороги въ Парижъ...

Белло. И долго прождете, по милости Министра! Здѣсь разсказываютъ, что онъ получилъ большія суммы отъ дилижансовъ. Пары разорили бы ихъ! (*Уходитъ*).

Люсіенъ. Какая нелѣпость!

Эрминія, (*удерживая его.*) Одумайтесь, Люсіенъ! Вы не можете шумѣть за него... вы его другъ...

Кокне, (*сидя за столомъ, къ другимъ посѣтителямъ, которые его слушаютъ.*) Не его обвиняютъ, а его семью, его сестру.

Эрминія (*вскакивая.*) Милостивый государь!

Люсіенъ (*удерживая ее, въ полголоса.*) Вы хотите, чтобъ васъ узнали?

Кокне (*продолжая.*) Его сестру, которая, говорятъ, честолюбива, пронырлива... любитъ повелѣвать...

1-й Посѣтитель. Она-то и управляетъ, забираетъ всѣ мѣста и должности.

Эрминія (*Люсіену, который ее удерживаетъ.*) Это ужъ слишкомъ!

(Люсіенъ принуждаетъ ее сѣсть и становится возлѣ нея.)

1-й Посѣтитель. Вотъ доказательство: ея мужъ... банкиръ, глупецъ, ничтожный человѣкъ, пустой... получилъ средства произвести самую выгодную финансовую операцію.

Кокне. Вотъ какъ!.. А я прошу только мѣста сборщика податей... и никакъ не могу получить.

2-й Посѣтитель. Дѣло безподобное!

3-й Посѣтитель. Милліонъ чистой прибыли!

Кокне. И дать его своему родственнику!.. Имъ можно было бы купить кого нибудь изъ оппозиціи.

1-й Посѣтитель. Вотъ какъ управляютъ!

Кокне. Даже жалко!

2-й Посѣтитель. Чрезвычайно неловко!

3-й Посѣтитель. Не совсѣмъ... Говорятъ, что банкиръ дѣлится съ зятемъ своимъ, министромъ.

Кокне. Неужели?

1-й Посѣтитель. Можетъ статься!

2-й Посѣтитель. Вѣроятно!

3-й Посѣтитель. Вѣрно!

Всѣ. Безъ сомнѣнія!

Цецилія, (*не можетъ удержаться и говоритъ Эрминіи и г-жѣ Савне.*) И вы можете хладнокровно слушать такую клевету?

Г-жа Савне (*тихо.*) Что вы дѣлаете, Цецилія... Вы у него подъ опекой!..

Эрминія, (*тихо.*) Его любимица!

Цецилія (*вставая.*) И потому должна защищать его! (*Всѣ встаютъ.*) Не мнѣ судить таланты или мнѣнія государственныхъ людей... Но знаю, что мой опекунъ честный человѣкъ... знаю, что маленькое имѣніе сироты увеличилось подъ его опекою, а самъ онъ ничего не нажилъ, ничего не имѣетъ... Да, господа, этотъ жадный, богатый человѣкъ занялъ на приданое сестрѣ...

Эрминія. Цецилія... Цецилія... Тише...

Цецилія. Зачѣмъ тише, когда на него нападаютъ громко?

Эрминія (*въ сторону.*) Какъ будто такія вещи можно разсказывать!

Кокне. Извините... сударыня, извините... Мы не знали!.. А то я бы не смѣлъ... Вы... мнѣ кажется, говорите сущую правду... Притомъ, если мнѣ говорятъ, такъ я повторяю безъ всякаго намѣренія...

Эрминія. Какъ эхо!

Кокне. Да-съ!... Я никогда ничего не выдумалъ.

Эрминія, (*тихо Г-жѣ. Савне.*) Онъ только повторяетъ.....

Г-жа Савне, (*тихо*) А до мыслей....

Эрминія, (*тихо*) Ему нѣтъ дѣла....

Белло, (*входя*) Пароходъ пришелъ!

(Всѣ встаютъ и берутся за шляпы.)

Кокне. Брейтонскій пароходъ!.... Бѣгу на набережную.... у насъ, Діеппскихъ жителей, нѣтъ другаго занятія.... Вашъ слуга!... (*Кланяется и уходитъ*).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Люсіенъ, Цецилія, Г-жа Савне, Эрминія.

Гж-а Савне. Какъ можно, Цецилія!.... говорить и спорить съ незнакомыми.... съ какими-то...

Цецилія. Я виновата, кузина, если вы не одобряете моего поступка.... И Люсьенъ съ вами согласенъ.... если судить по его молчанію.

Люсьенъ. О нѣтъ!.... Я понимаю ваше негодованіе... Я раздѣлялъ вашъ гнѣвъ, слушая, какъ оскорбляли моего школьнаго товарища, друга моего дѣтства, которому я обязанъ своимъ счастіемъ... вѣдь онъ устроилъ мою женидьбу... но свадьбу, на которой онъ хочетъ быть, должно праздновать безъ шума и блеска... и потому что маркиза нездорова... и еще потому что Министръ можетъ выѣхать изъ Парижа только на одни сутки, и хочетъ, чтобъ здѣсь никто не зналъ объ его пріѣздѣ... А въ этомъ городкѣ, любопытство можетъ быть возбуждено самыми ничтожными причинами, и я боюсь, что теперешняя сцена...

Эрминія. О, вы всего боитесь! Малѣйшій шумъ васъ пугаетъ... Малѣйшее слово останавливаетъ васъ. Вы безпрестанно прислушиваетесь къ общему говору и покоряетесь ему; когда хотите что нибудь сдѣлать, визитъ, шагъ, поклониться, то оглядываетесь кругомъ и спрашиваете у самаго себя: что скажутъ другіе?

Люсіенъ. Правда!.. И при васъ, Цецилія, которую я люблю, при васъ скажу, что чувствую нужду въ уваженіи, боюсь пересудовъ свѣта...

Цецилія. Какъ честный человѣкъ!..

Эрминія. Или какъ трусъ... Вы другъ и товарищъ моего брата; въ душѣ, вы согласны съ нимъ... да, сударь, по душѣ вы принадлежите министерству... но боитесь общаго мнѣнія, и потому не держитесь своего... Въ палатѣ, вы подаете голосъ противъ насъ, боясь журналовъ и эпиграмъ, которыя мѣшаютъ вамъ спать! И даже здѣсь, вы влюблены, какъ депутатъ можетъ быть влюбленъ, а цѣлый годъ, не могли объясниться въ любви... А почему? Потому что Цецилія двоюродная сестра Маркизы Савне, благородной легитимистки... Вы безпрестанно говорите самому себѣ: что скажутъ въ свѣтѣ, что скажутъ въ моемъ журналѣ? что скажетъ крайняя оппозиція? Желая своего счастія, желая жениться на той, которую любите, вы должны были просить позволенія...

Люсіенъ, (*гордо*) Скажите, у кого?

Эрминія. У Іюльской революціи... которая согласилась... или по крайней мѣрѣ смотритъ сквозь пальцы, съ условіемъ, что вы вдвое станете нападать на ея опекуна, на министра...

Люсіенъ. Скажите лучше, буду совѣтовать, какъ братъ; если бъ онъ слѣдовалъ чаще моимъ внушеніямъ, если бъ не пренебрегалъ общественнымъ мнѣніемъ, которое я уважаю, онъ не подвергался бы ежедневнымъ оскорбленіямъ и клеветѣ...

Эрминія. Въ которой нѣтъ слова правды!

Г-жа Савне. (*важно*) Можетъ быть... сударыня... можетъ быть!

Цецилія. Какъ, кузина! Вы можете думать...

Эрминія, (*въ сторону*). Терпѣть не могу маркизъ!

Г-жа Савне. Позвольте.... Зачѣмъ съ такою опрометчивостію бранить общественное мнѣніе... Не хочу здѣсь разсматривать, до какой степени нападки его вѣрны... мы не занимаемся вашими нынѣшними дѣлами... Въ моемъ замкѣ, въ Нормандіи, мы не разсуждаемъ...

Эрминія. Что же вы дѣлаете?

Г-жа Савне. Мы ждемъ!.. Но есть старая пословица, самая народная, самая обыкновенная, въ которую я, по простотѣ своей, вѣрю... Нѣтъ огня безъ дыму... и въ слухахъ, какъ бы они ни были нелѣпы, всегда есть немножко правды... всегда!

Цецилія. Такъ вы не вѣрите, кузина, что существуетъ клевета?

Г-жа Савне. Разумѣется, клевета не существуетъ... я не вѣрю въ нее... Существуетъ злословіе, и оно возвышаетъ голосъ, когда ему дадутъ пищу... Въ высшемъ обществѣ не выдумываютъ, а только разсказываютъ....

Эрминія (*съ намекомъ*). Есть люди, противъ которыхъ многое разсказываютъ.

Гжа. Савне. (*гордо*) Вы ихъ знаете, сударыня?

Эрминія. Да, изъ родныхъ...

Гжа. Савне. Вашего семейства, безъсомнѣнія! зачемъ искать далеко? Ваша власть надъ братомъ и барышъ, доставленный вашему мужу, довольно оправдываютъ часть упрековъ противъ министерства...

Эрминія. (*съ иронією*) Вы такъ думаете?

Люсіенъ. (съ досадою) Я такъ и зналъ!.. Я ему говорилъ... и не смотря на мои совѣты... на мои прозьбы... онъ уступилъ вашему желанію.

Эрминія. Такъ вы сударь, дѣйствовали противъ меня?

Люсіенъ. Дурно ли я дѣлалъ? Вините послѣдствія его милости! Разнеслись оскорбительные слухи!.. враги ваши начинаютъ кричать...

Эрминія. Я не намѣрена жить съ ними въ дружбѣ, напротивъ... и надѣюсь, что мужъ мой на этомъ не остановится, пойдетъ дальше!

Люсіенъ. (*съ жаромъ*) Какъ! этого мало для васъ!.. а Франція, журналы, свѣтъ... что скажутъ?

Эрминія. Такъ! вотъ ваша фраза! я ее ждала.

Люсіенъ. А что скажете на нее въ отвѣтъ?

Эрминія. (*весело*) Надѣюсь на вашу свадьбу,.. займу ею свѣтъ... Онъ удивится и заговоритъ, увидѣвъ съ одной стороны столько горячности и пыла (указываетъ на Цецилію)... а съ другой столько спокойствія и осторожности, и вѣрно порадуется, что вы найдете въ своемъ домѣ оппозицію, до которой вы охотникъ въ палатѣ... (*увидѣвъ входящую служанку*) Извините... комнаты наши готовы... и я пойду одѣваться, къ пріѣзду брата и мужа.

(раскланивается и уходитъ)

ЯВЛЕНІЕ III.

(Цецилія, Гжа. Савне, Люсіенъ.

Гжа Савне. (*Цециліи съ досадою*) Пусть бы министры, но ихъ жены и сестры... не могу этого вынести! Эта женщина - пародія на знатную даму, такъ что мнѣ досадно... Ей нечѣмъ. аниться, а какъ она заносчива!

Цецилія, (*улыбаясь*) Какъ герцогиня!

Гжа Савне. (*съ гнѣвомъ*) О! ручаюсь... чтобы она ни дѣлала, въ ней никогда не будетъ хорошей заносчивости, которая дается только породою, и до которой временщики не достигаютъ... Пойдемъ, Цецилія!

Люсіенъ. (*становясь передъ нею*) Позвольте сказать одно слово... Вы можете выслушать жениха, въ присутствіи Маркизы, вашей родственницы. (Цецилія и Маркиза останавливаются возлѣ него). Я увидалъ васъ нынѣшнею зимою въ Парижѣ и подумалъ: « или никогда не женюсь, или она будетъ моею женою «. Ремонъ, товарищъ и другъ мой, отъ котораго я не скрывалъ моихъ надеждъ и опасеній, помогъ мнѣ побѣдить препятствія... Какъ опекунъ, онъ располагалъ только вашимъ имѣніемъ... Ваша рука зависѣла отъ васъ и отъ Маркизы, которая, по своему положенію и знатности, могла отказать мнѣ, человѣку выслужившемуся... Ремонъ побѣдилъ ея сопротивленіе, получилъ ея согласіе, и что еще важнѣе — ваше согласіе.— Да, я неошибаюсь; вы согласились по его желанію, по его вліянію, а не для меня. Въ моей радости, по эгоизму, я ничего не видалъ, неразсматривалъ, кромѣ своего счастія; и не, подумалъ о вашемъ... но сегодня... въ первой разъ... я боюсь, что одно только послушаніе...

Цецилія. (*съ улыбкою*) Понимаю! фраза Госпожи Гиберъ произвела на васъ впечатлѣніе.

Люсіенъ. О нѣтъ (*съ замѣшательствомъ*) но она замѣтила вашу холодность... осторожность... и какъ сказала сейчасъ Маркиза... если въ свѣтскихъ разсказахъ есть всегда правда... если эта свадьба должна стоить вамъ слезъ или сожалѣнія... если наконецъ вы не такъ меня любите, какъ я васъ...

Цецилія. (*важно*) Понимаю васъ, сударь... и вы не напрасно обратились къ моей искренности...

Гжа. Савне. Цецилія! что ты хочешь сказать?

Цецилія. Все, что думаю... (Помолчавъ, повертывается къ Люсіену). Я рано осиротѣла, почти незнала отца. Онъ происходилъ отъ благородной, древней фамилій, но предпочелъ отечество дворянству; вступилъ въ службу къ Императору и сражался...

Гжа. Савне. Какъ мѣщанинъ, какъ солдатъ.

Цецилія. Былъ генераломъ и другомъ...

Гжа. Савне. (*съ презрѣніемъ*) Похитителя трона!

Цецилія. Которому онъ былъ вѣрнѣе фортуны. Послѣ Ватерлоо, онъ умеръ въ изгнаніи и завѣщаніемъ своимъ поручилъ управленіе моимъ бѣднымъ наслѣдствомъ молодому человѣку, бѣдному и неизвѣстному адвокату... котораго онъ воспиталъ, помѣстивъ его на казенной счетъ въ Лицей Наполеона. То былъ Ремонъ, другъ вашъ... вашъ школьной товарищъ.

Люсіенъ (*съ жаромъ*) Знаю, чѣмъ вы обязаны его усердію и его талантамъ; знаю, что онъ защитилъ ваши права, когда вышелъ законъ о вознагражденіяхъ.

Цецилія. Онъ выигралъ мнѣ процессъ...

Люсіенъ. Которымъ началась его слава.

Цецилія. Бѣдное наслѣдство сироты превратилось въ богатое имѣніе... Тогда гжа. Савне, моя родственница, согласилась взять меня изъ пансіона, куда помѣстилъ меня опекунъ, и привезла сюда, въ Нормандію, въ свой замокъ... гдѣ мы жили почти весь годъ. Зиму мы проводили въ Парижѣ. Тамъ, когда пришла пора замужства, меня окружили молодые люди, любезные и блестящіе, они говорили, что обожаютъ меня, и ухаживали за мною... за мной, или за моимъ богатствомъ, не хочу знать... Увѣряю васъ, что я могла бы свободно выбрать одного изъ нихъ, если бъ могла отдать предпочтеніе его достоинствамъ... Я была ко всѣмъ одинаково равнодушна... Только одинъ занялъ мое сердце, или воображеніе.. сама того не знаю... онъ мнѣ ничего не говорилъ... я думала, что люблю его..., и можетъ быть, любила его...

Люсіенъ, (*съ жаромъ*) А онъ?...

Цецилія. И не догадывался, и не думалъ обо мнѣ! Онъ былъ правъ... все насъ раздѣляло... я не могла принадлежать ему... Не понимаю, какъ можно любить, когда долгъ запрещаетъ... Этимъ я говорю вамъ, что мои мечты прошли... Вы явились, просили руки моей... мой опекунъ сказалъ мнѣ: »Люсіенъ Вильфраншъ — мой школьный товарищъ и политическій противникъ, но онъ человѣкъ достойный, честный... онъ любитъ тебя до безумія, сдѣлаетъ тебя счастливою; клянусь тебѣ, ты можешь на меня положиться»... Я отвѣчала: Другъ мой, располагайте моею рукою... Вотъ, какъ я васъ узнала, какъ согласилась итти за васъ; я буду вѣрна обѣщанію и долгу, какъ честная женщина, какъ преданная подруга; буду достойна васъ и вашего уваженія... Я это чувствую и обѣщаю!... Въ замѣнъ пылкой, страстной любви вашей ко мнѣ, вы требуете отъ меня такого же чувства, которое вы, можетъ быть, стали бы порицать, если бъ оно уже было. Время приведетъ его, безъ сомнѣнія. Тогда я скажу вамъ правду, какъ сказала теперь... скажу ее всегда! Теперь вы все знаете,-вѣрите ли мнѣ?

Люсіенъ. О, болѣе чѣмъ самому себѣ! я былъ безумецъ!.. требовалъ того, чего не могу еще получить... чего буду ждать отъ времени и моихъ стараній! Для начала, ввѣряюсь вамъ совершенно, и что ни случилось бы, что бы ни говорили...

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Белло, Виконтъ, Г-жа Савне, Цецилія, Люсіенъ.

Виконтъ, (*къ Белло*). Какъ, для меня, прежняго твоего господина, нѣтъ комнаты! Дѣлай что хочешь, мнѣ нужна комната... и чтобъ была самая лучшая... Когда рѣшаешся быть больнымъ, такъ надобно имѣть въ этомъ наслажденія, или не затѣвать дѣла... А! здѣсь дамы! (*кланяется*). Не ожидалъ такой счастливой встрѣчи!

Люсіенъ (*тихо, Цецилію, которая кланяется*) Кто этотъ молодой человѣкъ? Онъ съ вами дружески раскланивается?

Цецилія. Не знаю... ни онъ вѣрно меня знаетъ; не могу сказать, какъ его зовутъ.

Гжа. Савне. И я тоже; онъ вѣрно ошибается, но въ недоумѣніи...

(Присядаетъ Виконту, который опять кланяется; обѣ дамы съ Люсіеномъ уходятъ въ дверь на правой сторонѣ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Белло, Виконтъ.

Виконтъ. (*Смотритъ на уходящую Цецилію*) Прелесть какая дѣвушка! Я ее вѣрно знаю, и очень! Гдѣ я ее видѣлъ?.. Вѣрно въ оперѣ?.. не можетъ быть... развѣ въ первомъ ярусѣ ложъ? Можетъ статься! Кто эти дамы? Съ кѣмъ пріѣхали?

Белло. (*простодушно*) Не знаю, сударь, я не успѣлъ еще поговорить съ ихъ горничными; но онѣ записались въ книгу посѣтителей.

Виконтъ. А! посмотримъ! (*читаетъ*) Маркиза Савне и Цецилія Морна... Не

знаю, а однакожъ... (*живо*) Да разумѣется, я видѣлъ ее съ полгода тому назадъ.

Белло. Вы ее знаете?

Виконтъ. (*разсѣянно*) Очень коротко... то есть по наружности... по воспоминанію.. по непріятному воспоминанію, которое я уже къ счастію забылъ... и вотъ здѣсь, въ минуту пріѣзда... когда докторъ запретилъ мнѣ сердиться и досадовать... Впрочемъ, это не моя вина... къ чорту печальныя мысли... (Поетъ) Тра ла ла ла! Скажи-ка мнѣ, веселятся ли здѣсь?

Белло. Да, сударь... но не такъ какъ въ парижѣ, когда я служилъ у васъ грумомъ.

Виконтъ. Танцуютъ? даютъ концерты... спектакли?

Белло. Да, сударь... ежедневно вечеромъ, въ залѣ бываетъ музыка. Кромѣ того, въ простые дни у насъ даютъ водевили, а по воскресеньямъ трагедіи.

Виконтъ. Слишкомъ много удовольствій... буду думать, что живу въ Парижѣ... А мнѣ приказано оставить Парижъ, для покоя и діеты...

Белло. Вамъ, сударь?

Виконтъ. Тамъ нельзя жить... подаю въ отставку... Друзья, любовницы, заимодавцы!... все это прекрасно, въ книгахъ или комедіяхъ! Я думалъ, что это будетъ весело... совсѣмъ нѣтъ... Это убійственно, несносно! нынче, кто долженъ, такъ обязанъ платить...

Белло. Ну! не всегда!

Виконтъ. Непремѣнно! иначе попадешь въ нижній разрядъ... Порядочные люди ужъ не живутъ въ долгу... такая теперь мода..., странно, а точно такъ! Я это замѣтилъ, и могъ пострадать...

Белло. Стало быть вы много должны?

Виконтъ (*смѣясь*) Какъ-же... Еслибъ я захотѣлъ, подобно многимъ другимъ, писать мои записки.... Еще еслибъ мнѣ было весело... но незнаю ничего скучнѣе веселой жизни, которую велъ въ послѣдніе полтора года... Вмѣсто Министерства Иностранныхъ дѣлъ, куда меня опредѣлилъ дядюшка, я всякій день въ Булонскомъ лѣсу, въ Жокей-Клубѣ или въ балконѣ оперы. Утромъ веду жизнь почталіона, а вечеромъ обманутъ... обязанъ восхищаться танцовщицами, обожать ихъ и драться за нихъ... Чортъ возьми! Это со мною разъ было... съ честнымъ человѣкомъ, которой свисталъ... Онъ былъ правъ.. Танцовщица была очень дурна въ етотъ разъ... но всетаки... (*съ удовольствіемъ*) и слава богу, она мнѣ измѣнила...

Белло. И вы въ отчаяніи?

Виконтъ. На противъ, я ужъ не обязанъ кричать brava! опять свободенъ... независимъ... и разоренъ!

Белло. Вотъ какъ!

Виконтъ. (*садится въ кресло, къ столу на лѣвой сторонѣ и смотритъ въ книгу посѣтителей*) прекрасный случай! Онъ заставитъ меня быть умнымъ и учиться...

Белло. Васъ!

Виконтъ. Почемужъ нѣтъ?.. Онъ меня перемѣнитъ; Это новость, и я буду думать только о ней... (*читая въ книгѣ*) А! Гжа. Гиберъ тоже здѣсь! жена банкира и сестра Министра... Вотъ какихъ женщинъ я люблю.. любезна, умна, насмѣшлива, добра... все вмѣстѣ... и кокетка и завистлива, и чванлива... и честолюбива... прелесть! Безподобная женщина, еслибъ только могла влюбляться... но у ней нѣтъ времени!

Белло. Вы ее знаете?

Виконтъ. (*живо*) Нѣтъ! нѣтъ! она-простомудрость, добродѣтель!.. но знаю ея мужа... Глупецъ, хвастунъ, и болтунъ скучнѣйшій!... Всегда смѣется... а нѣтъ ничего скучнѣе веселости глупцовъ... Онъ тоже членъ Жокей-клуба... Онъ выигралъ у меня, на прошлой недѣли, послѣднія мои деньги, тысячу франковъ... Онъ не пріѣхалъ сюда съ женою, и я буду въ выигрышѣ: не услышу его здѣсь!... (*за кулисами слышенъ смѣхъ*). А! я вѣрно проклятъ!... Онъ слѣдуетъ за мною, даже въ Діеппъ... (*къ Белло*) Скорѣй мою комнату... и ванну... Мнѣ остается только броситься въ море.

(Белло уходитъ).

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ВИКОНТЪ ВЪ КРЕСЛѢ, ЗА КНИГОЮ, ЗАДОМЪ КЪ ГИБЕРУ. ГИБЕРЪ ВХОДИТЪ ИЗЪ СЕРЕДНЕЙ ДВЕРИ, СЪ КОКНЕ.

Гиберъ, (*смѣясь ведетъ Кокне за руку.*) Тебя, Кокне, тебя встрѣтилъ я выходя изъ кареты... какъ люди встрѣчаются!.. Кто бъ подумалъ, что Діеппскій берегъ прежде всего представитъ Пилада глазамъ Ореста!

Кокне. Пятнадцать лѣтъ мы не видались!

Гиберъ. Какъ были въ ученьи у Дюра-

на.... гдѣ я писывалъ романсы.... А г-жа Дюранъ.... помнишь г-жу Дюранъ?... а Дидье?... Но буду молчать.... и въ то время вы ужъ обвиняли меня за злой языкъ и за ювеналовскія насмѣшки... Ты, другое дѣло... Ты всегда былъ добрый малый.... чистое лице, переведенное съ нѣмецкаго.... добрякъ, не обидчикъ....

Кокне. Покорно благодарю!

Гиберъ, (*Все смѣется.*) Ты вѣрилъ всему, что тебѣ говорили... Ты женатъ?

Кокне. За чѣмъ тебѣ?

Гиберъ, (*Смѣясь*).... Такъ, для развлеченія!

Кокне. Женитьба меня не очень развлекаетъ.... вѣдь г-жа Кокне наградила меня четырьмя дѣтьми...

Гиберъ, (*Смѣясь*) Похожими на тебя ... вѣрно!

Кокне. Говорятъ разно!... Она обѣщаетъ мнѣ еще пятаго.... и хоть я имѣю состояніе...хоть я плачу податей, слава Богу, болѣе всѣхъ другихъ, въ нашемъ департаментѣ, однакожъ... тѣ понимаешь, съ пятью дѣтьми бѣдный помѣщикъ не можетъ быть богатъ; за то безпрестанно думаю, какъ бы достать хорошее мѣстечко.... хотѣлъ подать просьбу нашему депутату, да его уже нѣтъ....

Гиберъ. Что съ нимъ случилось?

Кокне. Его пожаловали въ пэры, и мы должны выбрать другаго Депутата.

Гиберъ. Обойдешся безъ него.... я выпрошу... я могу все, что захочу... то есть, моя жена, сестра министра...

Кокне, (*Съ восторгомъ.*) Какъ, другъ Гиберъ.... ты зять министра?

Гиберъ. Какъ ты видишь... не меньше!.. Превосходное положеніе!... Могу всего достигнуть... и достигну.... (*Въ полголоса*). Дѣло идетъ впередъ!

Кокне. Возможно ли?

Гиберъ, (*Тихо*) Я никогда бъ не вздумалъ, но жена хочетъ.... непремѣнно, и дѣло сладится... Я принужденъ быть министромъ, иначе не буду имѣть покоя у себя въ домѣ.

Кокне Для меня не нужно такъ много; еслибъ меня назначили сборщикомъ податей въ Діеппѣ... прежній сборщикъ умеръ..

Гиберъ. Постараемся.

Кокне. Только пятнадцать тысячь дохода, но за то.... дѣла нѣтъ.... Мѣсто почетное, по моимъ правиламъ и средствамъ; вѣдь я живу безъ честолюбія, безъ интригъ и происковъ.... читаю свой журналъ и играю въ вистъ или въ шахматы.

Гиберъ. Провинціяльная жизнь!... сладкая посредственность!... *Aurea mediocritas!*

Кокне. Да, другъ мой, *Aurea* еслибъ я получалъ жалованье, и имѣлъ это мѣсто...къ несчастію, у насъ есть соперники....

Гиберъ. Они вездѣ бываютъ.

Кокне. Г-нъ Рабурденъ, старый чиновникъ.... имѣетъ права....

Гиберъ. Какое дѣло?.., если у тебя есть друзья... если ты понравишься моей женѣ... Я тебя представлю.... Это ея дѣло... а мы не мѣшаемся въ дѣла и политику, мы, молодые франты Жокей-Клуба, парижскіе *львы*.

Кокне. Такъ ты левъ?... Такъ ты молодъ?

Гиберъ. Моложе прежняго!... Я богатъ, а въ Парижѣ, съ деньгами, не старѣешь, всегда нравишься..... Напротивъ, золото придаетъ молодости...за то, да здравствуетъ удовольствіе, соблазнъ и интриги! Я разскажу тебѣ, вѣдь я ихъ знаю.... не считая тѣхъ, въ которыхъ я главное дѣйствующее лице... Ты понимаешь, что банкиръ не знаетъ,какъ отъ нихъ отдѣлаться... Клянусь честію.... Тшь! Вотъ жена моя!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Виконтъ въ прежнемъ положеніи, Гиберъ, Кокне, и Эрминія, входитъ съ правой стороны, и останавливается передъ зеркаломъ у дверей.

Кокне. Боже мой! Твоя жена?...

Гиберъ. Да, г-жа Гиберъ.

Кокне. Сестра министра?

Гиберъ, (*Подходя къ ней.*) Она сама; я тебя представлю.

(Кокне уходитъ къ среднимъ дверямъ.)

Эрминія. Вотъ и вы наконецъ! И не безъ труда! Поѣхали на пароходѣ до Гавра, чтобъ пріѣхать скорѣе....

Гиберъ. Мы летѣли какъ вѣтеръ.... Но что дѣлать?... Триста пятьдесятъ пасажировъ.... вмѣсто восьмидесяти.... не смотря на приказаніе полиціи.... Мы безпрестанно зацѣплялись за дно.... такъ что я совершилъ морское путешествіе.... по сухому пути. (*Смѣется.*) Со мной всегда случаются при

ключенія... Вотъ, душа моя, имѣю честь представить....

(Идетъ за Кокне, а Эрминія подходитъ къ Виконту, который всталъ.)

Эрминія. Виконтъ де Сентъ-Андре!

Гиберъ, (смѣется и оставляетъ Кокне) Виконтъ.... здѣсь... въ Діеппѣ.... Зачѣмъ вы здѣсь?... Хотите отыграть тысячу франковъ... десять фишъ, которыя я выигралъ у васъ, третьяго дня, въ вистъ!.. Извольте, я готовъ....

Виконтъ. О нѣтъ, не рѣшусь... вы слишкомъ счастливы, господинъ Гиберъ... все вамъ удается... Впрочемъ я стану завидовать счастію вашему не въ игрѣ, особенно здѣсь....

Эрминія. Хорошо ѣздить въ Діеппъ; здѣсь васъ можно видѣть, а въ Парижѣ вы невидимка... Это ужасно!

Гиберъ. Разумѣется... онъ вѣчно за кулисами въ оперѣ.

Эрминія, (къ мужу.) Вы тамъ встрѣчались?

Гиберъ. Совсѣмъ нѣтъ!.. Я знаю по наслышкѣ... по молвѣ....

Эрминія, (мужу) Съ которою вы всегда въ ладахъ. *(Виконту)* Вы пріѣхали въ Діеппъ для....

Виконтъ, (важно) Для діеты, сударыня.... по благоразумію.

Эрминія. Въ самомъ дѣлѣ!

Виконтъ, (важно) Какъ имѣлъ честь вамъ сказать!...

Гиберъ. Вотъ еще... Что за тайны! Какъ будто васъ не знаютъ!... У него есть замыслы... Онъ ежегодно ѣздитъ въ провинцію совершать побѣды!...

Виконтъ. Я!....

Гиберъ. Ежегодно завоевываетъ новыя провинціи! За полгода, не долѣе.... извѣстная исторія, которую я самъ видѣлъ....

Виконтъ, (съ досадою) Милостивый государь!....

Гиберъ. Чудная исторія, невѣроятная!.. Можно сдѣлать романтическую драму! И если бъ я разсказалъ....

Виконтъ, (съ сердцемъ) Вы дали мнѣ слово не говорить о ней... ни мнѣ, ни кому въ мірѣ....

Гиберъ, (смѣясь) За то не говорю... ничего не разсказываю... Однако жъ... еслибъ я захотѣлъ...

Виконтъ, (съ досадою) Опять!

Гиберъ, (смѣясь.) Но я не хочу.... Я извѣстенъ скромностію и вѣрностію.... къ друзьямъ... Кстати, я забылъ про одного изъ нихъ, гдѣ онъ? *(Оборачивается къ Кокне, который стоитъ въ отдаленіи).* Поди сюда!... Вотъ, сударыня, мой старый товарищъ... представляю....

Эрминія. Кто онъ?

Гиберъ. Кокне, отецъ семейства, почетный житель города Діепа.

Кокне. Точно, я...

Гиберъ. Человѣкъ мирный и нечестолюбивый; онъ ищетъ мѣста съ пятнадцатью тысячами дохода, здѣсь, въ Діеппѣ, желая служить отечеству и быть полезнымъ своимъ согражданамъ.

Кокне. Точно я....

Гиберъ. Одно слово твое, душа моя... приписка къ его просьбѣ... *(Къ Кокне.)* Съ тобою ли просьба?

Кокне, (ищетъ въ карманѣ) Всегда со мною!

Гиберъ. Жена моя представитъ ее брату своему, министру... Не такъ ли?

Эрминія. Нѣтъ, милостивый государь.

Гиберъ. Какъ нѣтъ?

Эрминія, (холодно) Боюсь, меня обвинятъ, что я забираю всѣ мѣста....

Гиберъ. Какъ можно!

Эрминія. (тѣмъ же голосомъ) И такъ ужъ я просила за мужа.. если еще стану просить, меня обвинятъ въ честолюбіи и даже въ интригахъ.

Гиберъ, (къ Кокне) Кто же? Глупцы, дураки... не такъ ли?

Кокне. О, разумѣется.... *(Смотритъ на Эрминію)* когда не знаешь людей.....

Гиберъ. Ты правъ.... когда жена моя узнаетъ тебя, то рѣшится просить за тебя.

Кокне. Боюсь, что нѣтъ.

Гиберъ, (въ полголоса, съ важностію) Все беру на себя... Это мое дѣло! Если нужно, скажу даже: хочу!

Кокне, (съ живостію) Скажи-ка!

Гиберъ. Не при чужихъ людяхъ!

Кокне. Дѣло!

Гиберъ, (беретъ отъ него бумагу.) Оставь мнѣ просьбу, и приди послѣ.

Эрминія, (говорившая въ это время въ полголоса съ Виконтомъ.) Да, мы до обѣда поѣдемъ прогуляться по морю, и я надѣюсь на васъ....

(Виконтъ кланяется и уходитъ налѣво, а Кокне выходитъ въ среднюю дверь.)

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

эрминія, садится къ столу на лѣвой сторонѣ; гиберъ.

Гиберъ. Теперь, когда мы на единѣ, спрашиваю отъ чего ты дурно приняла друга моего Кокне?

Эрминія, (*сидя*) Вашего друга?

Гиберъ. Правда, я не видалъ его пятьнадцать лѣтъ... послѣ такой разлуки дружба не слишкомъ сильна... но однако же я обѣщалъ ему.... не пріятно казаться нулемъ... Не для него, а для меня, для моего личнаго уваженія, я прошу тебя похлопотать объ его просьбѣ.

Эрминія, (беретъ и бросаетъ ее на столъ, и бьетъ по ней рукою) А я прошу васъ не говорить мнѣ о ней!

Гиберъ, (*живо*) Но я хочу!

Эрминія (вставая.) Что такое?

Гиберъ, (*понижая голосъ.*) Хочу знать по какой причинѣ....

Эрминія. Потому что Кокне глупецъ! Вашъ другъ—вамъ врагъ; еще сегодня утромъ, не зная меня, онъ повторялъ здѣсь клевету на меня и на министра.

Гиберъ. Онъ также повторилъ бы похвалу; онъ, по природѣ, со всѣми согласенъ, ни кому не противорѣчитъ: и еслибъ ты знала, какой онъ добрый малый....

Эрминія, (*тихо.*) Довольно, мы слишкомъ имѣ занимаемся... Какія новости изъ Парижа? Видѣлись вы брата моего? Онъ пріѣхалъ съ вами?

Гиберъ. Онъ пріѣдетъ вечеромъ... Собрался совѣтъ министровъ... Кажется, какъ ты мнѣ и говорила, хотятъ преобразовать... измѣнить министерство.

Эрминія. Да... по части финансовъ.. Говорили ли вы ему?

Гиберъ. Сказалъ нѣсколько словъ... но онъ ихъ, кажется, не понялъ.

Эрминія. Ты виноватъ, надобно было заговорить прямо о дѣлѣ; онъ думаетъ, что много сдѣлалъ, доставивъ тебѣ заемъ; думаетъ, что ты въ восторгѣ...

Гиберъ. Да въ самомъ дѣлѣ я очень доволенъ...

Эрминія (живо.) Не правда, ты не доволенъ... По высокому мѣсту, которое ты занимаешь между банкирами, тебѣ не то нужно... Нужно для меня, если не для тебя... Да, сударь, я никому не завидую, но не хочу чтобы кто нибудь имѣлъ надо мною верхъ... Я страдаю, вы знаете, когда вижу хорошую карету, нарядъ богаче моего... И, надобно признаться, у меня есть школьная подруга, которой — мужъ Министръ... Мой мужъ тоже долженъ быть Министромъ... Или покрайней мѣрѣ товарищемъ Министра... И почему-жъ вамъ не быть...

Гиберъ. Но однакожъ...

Эрминія. (живо.) Не говорю про другія министерства... для нихъ нужны видные таланты... но для финансовъ все хорошо... Тамъ счеты, разсчеты... нужно умѣть считать, вы будете на своемъ мѣстѣ... Считаютъ какъ хотятъ, никто не повѣряетъ, и всѣ на слово вѣрятъ, что вы — великій человѣкъ...

Гиберъ. Положимъ такъ... но ты знаешь брата... Онъ пожалъ плечами, ничего не отвѣчалъ мнѣ, а я не посмѣлъ продолжать.

Эрминія. Ну такъ я осмѣлюсь... поговорю...

Гиберъ. Еслибъ я былъ депутатъ... Онъ можетъ быть побоялся бы меня...

Эрминія. Такъ надобно быть депутатомъ; это не очень трудно...

Гиберъ. Онъ, пожалуй, и этому помѣшаетъ... когда онъ разъ сказалъ нѣтъ...

Эрминія. Онъ долженъ будетъ сказать *да*! Онъ долженъ заплатить за мое снисхожденіе... Знаете-ли, зачемъ я оставила Парижъ? за чѣмъ, по просьбѣ Министра, я пріѣхала въ Діеппъ вмѣстѣ съ вами?

Гиберъ. Для удовольствія, думаю... по крайней мѣрѣ, такъ думалъ до сихъ поръ.

Эрминія. Нѣтъ, я должна подписать свадебный контрактъ Люсіена Вилльфранша, друга моего брата и нашего врага: онъ всегда старается вредить намъ; онъ даже пытался, но неудачно, разстроить ваше послѣднее предпріятіе. Онъ признался въ томъ мнѣ самой!

Гиберъ. Такъ за чѣмъ же, спрашиваю, мы сюда пріѣхали?

Эрминія. Онъ женится, на дѣвушкѣ изъ Нормандіи; семейство ея будетъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Діеппскихъ водахъ... на англѣ, которымъ восхищается братъ... словомъ, на дѣвицѣ Цециліи Морна, его несравненной питомицѣ...

Гиберъ. А! на той провинціяльной красотѣ, про которую я слышу такъ много съ тѣхъ поръ какъ женатъ... Такъ ли она хороша, какъ онъ разсказываетъ?

Эрминія. Она ужъ пріѣхала сюда, съ родственницею своею, гостожею Савне...

маркизою, и прегордою... Между нами ужъ антипатія!... Съ невѣстою братъ просилъ меня быть любезною, услужливою, нѣжною... Я повинуюсь министерскому повелѣнію... и достойна за то похвалы, потому что ужъ теперь не могу терпѣть ее.

Гиберъ. За что же?

Эрминія, (*скоро.*) Потому что всегда братъ представляетъ мнѣ ее соединеніемъ всѣхъ добродѣтелей, типомъ, образцемъ совершенства... Я не люблю образцевъ... Когда она выйдетъ за Люсіена... за скучнѣйшаго изъ мужчинъ,—онъ тоже совершенство въ своемъ родѣ... оба они будутъ жить съ братомъ, который ихъ обожаетъ и не станетъ ни въ чемъ отказывать имъ... Въ его домѣ мы встрѣтимъ безпрерывную оппозицію; она разрушитъ наше вліяніе и нашу силу! Зачѣмъ быть сестрою министра, когда ничего не можешь выпросить... никакой милости... ни малѣйшей несправедливости! И сколько еще другихъ неудобствъ... Въ Парижѣ, въ оперѣ, въ италіянскомъ театрѣ, она всегда будетъ со мною въ ложѣ министра...

Гиберъ. Что жъ за бѣда?

Эрминія, (*съ досадою.*) Она хороша, сударь... вотъ что очень непріятно!

Гиберъ. А, она хороша!

Эрминія. Вотъ и вы не станете ли ею заниматься, обожать ее?... Запрещаю вамъ смотрѣть на нее (*оборачивается и видитъ Цецилію въ углубленіи сцены.*) А! Вотъ она, душечка! Подойдите, прелестная...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кокне входитъ съ лѣвой стороны и адресуется къ Гиберу, Эрминія идетъ на встрѣчу Цецилін. г-жа савне и Люсіенъ входятъ съ правой стороны.

Кокне. (*Гиберу, въ полголоса.*) Ну что-жъ, сказалъ ли ты: хочу?

Гиберъ, (*также.*) Ты меня ввелъ въ просакъ... не сказалъ, что сегодня утромъ...

Кокне, (*также.*) Виноватъ! Но что за бѣда, если ты господинъ...

Гиберъ, (*также.*) Разумѣется... послѣ, мы увидимъ... а между тѣмъ постарайся поладить съ нею...

(Говоритъ съ Кокне въ полголоса, ставъ спиною къ дамамъ.)

Эрминія, (*къ дамамъ.*) Да, это мужъ мой; онъ васъ еще не знаетъ, и очень желаетъ съ вами познакомиться.

Г-жа Савне, (*тихо Люсіену.*) Тотъ банкиръ, про котораго давича разсказывали?

Люсіенъ. Да, онъ.

(Эрминія беретъ мужа за руку и представляетъ его дамамъ; Гиберъ подходитъ къ нимъ и кланяется.)

Гиберъ, (*смотря на Цецилію.*) Но... я не ошибаюсь... Я имѣлъ уже удовольствіе видѣть васъ...

Цецилія. Гдѣ же, сударь?

Гиберъ. Прошлаго года... въ Нормандіи... въ Руанѣ!

Цецилія. Не помню... но можетъ быть... (*Г-жѣ Савне.*) Во время вашего процесса.

Г-жа Савне. Мы тамъ пробыли одинъ день.

Гиберъ. Точно такъ! (*Тихо Эрминіи.*) Какъ! это Цецилія?... Невѣста нашего друга Люсіена... очень радъ!

Эрминія, (*живо.*) По чему же?

Гиберъ, (*смѣется, тихо.*) Исторію, душа моя... исторію я знаю про нее...

Эрминія, (*съ радостію.*) Можетъ ли быть!

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, БЕЛЛО.

Белло. Лодка готова... и когда вамъ угодно будетъ ѣхать...

Эрминія, (*дамамъ и Люсіену, которые уходятъ.*) Мы сейчасъ за вами пойдемъ. (*Живо, къ мужу.*) Что такое? Что такое?

Гиберъ. Вотъ еще!... Не могу сказать...

Эрминія. А я хочу знать...

Кокне. (*подходя.*) Если я могу быть вамъ полезенъ, сударыня...

Эрминія. Благодарю васъ, сударь... все узнаю отъ мужа... онъ скажетъ (*Смѣется и подаетъ мужу руку.*) А! Съ образцовою дѣвушкой бывали ужъ приключенія!... Приключенія!... Прекрасно!... Безподобно!

(Уходятъ съ Гиберомъ.)

Кокне. Ба!... Съ ней были приключенія?... Въ ея лѣта?... Удивительно!

Белло. (*подходя къ нему.*) Что такое?

Кокне. Ничего. (*Въ полголоса.*) Говорятъ, что дѣвушка, которая сейчасъ здѣсь была, имѣла ужъ любовника!

(Уходитъ.)

Белло. (*одинъ, смѣется.*) А! у ней были ужъ любовники!.. Вотъ, вѣрь дѣвушкамъ высшаго круга!... У ней были любовники! (*Слышны со всѣхъ сторонъ колокольчики.*) Сейчасъ! Иду! Иду!

(Выбѣгаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Декораціи тѣ же.

ЯВЛЕНІЕ I.

РЕМОНЪ. (съ связкой бумагъ.) ЛЮСІЕНЪ

Люсіенъ. Наконецъ, вотъ и ты, любезный Ремонъ... какъ ты поздно пріѣхалъ...

Ремонъ. Что дѣлать?... Министръ не можетъ располагать собою... не себѣ принадлежитъ и часто принужденъ отказываться отъ утѣшеній семейства или дружбы!... Совѣтъ кончился такъ поздно... я думалъ, что вовсе не поѣду... и когда я садился въ карету, дѣла все еще меня преслѣдовали... Посмотри, что я привезъ. (*Указываетъ на связку бумагъ, которую держитъ.*) Часть бумагъ я прочиталъ дорогой... (*Кладетъ бумаги на столъ, на лѣвой сторонѣ, гдѣ осталась просьба Кокне*) Потомъ поѣздка, быстрота ѣзды, чистый воздухъ, освѣжавшій мнѣ грудь, дали невольно другое направленіе моимъ мыслямъ. Бумаги выпали изъ рукъ, настоящее исчезло... Я попалъ въ воспоминанія юности:.. въ лицей... въ день, когда получилъ премію на общемъ конкурсѣ... Вы, мои соперники и друзья, окружали меня, рукоплескали мнѣ... а старикъ отецъ со слезами принималъ меня въ объятія... Бѣдный родитель!... Я былъ съ нимъ во всю дорогу... Я воображалъ себѣ въ родительскомъ домѣ... гдѣ всѣ ласкали, любили меня... Я все забылъ... былъ счастливъ... любимъ... не былъ ужъ министромъ!...

Люсіенъ. И твои мечты не прекратятся, надѣюсь, здѣсь со мною, съ твоимъ семействомъ, съ прелестною Цециліею...

Ремонъ (*весело.*) Да, я оставилъ тамъ враговъ и ненависть, получилъ отпускъ на двадцать четыре часа!... Ну, господинъ женихъ, что скажете вы о своей невѣстѣ?

Люсіенъ. Мы сейчасъ катались по морю, въ ожиданіи тебя. Я сидѣлъ возлѣ нея и мнѣ кажется, что съ нынѣшняго дня люблю ее еще болѣе, если это возможно! Какъ очаровательна и скромна!... Какая грація!.. Какъ она умѣетъ вести себя!...

Ремонъ. (*улыбаясь.*) Въ самомъ дѣлѣ, ты влюбленъ до безумія... Ты правъ, я даю тебѣ сокровище... всѣ тебѣ завидуютъ! О! Еслибъ министръ могъ влюбиться, еслибъ моя молодость, истощенная трудомъ, позволяла мнѣ думать, что я могу еще нравиться, я оспоривалъ бы у тебя эту побѣду... (*Смѣясь.*) Да, сударь, я, опекунъ ея, не побоялся бы насмѣшекъ,.. Я къ нимъ привыкъ... и на этотъ разъ переносилъ бы ихъ для моего счастія... Такая женщина должна быть моей подругою... добра, тиха, умна, разсудительна... И когда я сравниваю ее съ моею сестрою, вѣтренною, легкомысленною... Доволенъ ли ты ею съ тѣхъ поръ, какъ она сюда пріѣхала?

Люсіенъ. Да... мы ужъ прежарко спорили...

Ремонъ. Когда?

Люсіенъ. Во время прогулкѣ по морю.

Ремонъ. У васъ было морское сраженіе?

Люсіенъ. Именно, настоящая битва!... Цецилія и я защищали тебя противъ твоей сестры и ея мужа; они жарко на тебя нападали.

Ремонъ. (*улыбаясь.*) Забавно!... Что она говорила?

Люсіенъ. Что ты ничего не дѣлаешь для семейства.

Ремонъ. А я недавно доставилъ ея мужу...

Люсіенъ. Довѣрилъ такую важную опе-

рацію... Твоя вина... или слабость, что ты уступилъ имъ...

Ремонъ. Ты былъ бы правъ, если бъ между его соперниками были люди достойнѣе. Но я докажу, что мнѣ представили людей нечестныхъ... и притомъ, такихъ же ничтожныхъ... И я могъ, безъ явной несправедливости, отдать зятю пальму ничтожества... и честности.

Люсіенъ. Все бы лучше выбрать другаго.. Не стали бы роптать...

Ремонъ. Такая причина можетъ остановить тебя, ты боишься ропота... а я, напротивъ... Въ дни битвы, ты знаешь, ропотъ меня подстрекаетъ и ободряетъ.

Люсіенъ. Ты, стало быть, не знаешь, что говорятъ и пишутъ!.. Увѣряютъ, что заемъ доставитъ огромныя суммы, и что ты дѣлишься съ зятемъ.

Ремонъ, (*хладнокровно.*) Въ самомъ дѣлѣ! Они такъ говорятъ?... Тутъ все?... Нѣтъ ли еще чего нибудь получше?...

Люсіенъ, Удивляюсь тебѣ и твоему хладнокровію... такая молва раскипятила бы кровь въ моихъ жилахъ...

Ремонъ. Очень вѣрю... Ты не привыкъ къ этому... Мы пошли разными путями, но они приведутъ насъ, можетъ быть, къ одной цѣли... Я попираю клевету и открыто иду противъ нея; ты дрожишь передъ нею и даешь ей дорогу, наклоняя голову... Напрасныя усилія! Какъ низко не кланяйся.... хоть въ грязь, и тамъ найдешь клевету... она тамъ и живетъ... И предсказываю тебѣ, любезный Люсіенъ, оба мы ея не обезоружимъ... расточай ласки и привѣтствія, подписывайся на всѣ журналы, угождай всѣмъ...

Люсіенъ, (*гордо.*) Кромѣ власти...

Ремонъ. Э! Храбрости не нужно въ наше время, чтобы нападать на нее... Нужно болѣе отваги для защиты ея, а ты не смѣешь..

Люсіенъ. Я защищаю все, что свѣтъ одобряетъ; отвергаю все, что онъ бранитъ, а ты, напротивъ, стараешся пренебрегать его мнѣніемъ, противишься его сужденіямъ! Противникъ свѣта и людей, ты, кажется, уважаешь ихъ соразмѣрно съ зломъ, которое про нихъ разсказываютъ! Если напротивъ, кого нибудь всѣ хвалятъ, если кто заслужилъ всеобщую похвалу...

Ремонъ. Тотъ не получитъ моей.

Люсіенъ. Почему же?

Ремонъ. Потому что можно биться двадцать противъ одного, что такія похвалы не заслужены! Когда игрокъ выигрываетъ при каждомъ ударѣ, вѣрно кости фальшивыя!.. Если всѣ мнѣнія, всѣ журналы разомъ хвалятъ одного человѣка, то они куплены или проданы... всеобщее одобреніе невозможно! Въ человѣческихъ приговорахъ болѣе брани, чѣмъ похвалы, болѣе заблужденій, чѣмъ истины... У кого оспориваютъ достоинство и талантъ, у кого нѣсколько друзей и много враговъ... того я уважаю, люблю, защищаю... а всеобщій другъ долженъ быть, по моему...

Люсіенъ, (*смѣясь.*) Отверженнымъ!

Ремонъ, (*съ жаромъ.*) Да... онъ не былъ бы всеобщимъ другомъ, если бъ не подружился съ злодѣями, съ глупцами, съ пронырами... Нѣтъ, нѣтъ! Ихъ надобно имѣть врагами, соперниками!... гордиться ихъ ненавистью, славиться ихъ оскорбленіями... А вѣдь у насъ, ты самъ сознаешься, злыхъ больше, гораздо больше, чѣмъ добрыхъ... по этому я думаю, что у кого наиболѣе враговъ...

Люсіенъ, (*смѣясь.*) Тотъ честнѣйшій человѣкъ!

Ремонъ, Разумѣется... При каждой новой брани, при каждомъ новомъ оскорбленіи... я радуюсь и говорю: »Мужайся! Иди впередъ... Я на пути своемъ вѣрно наступилъ на змѣю, потому что она шипитъ и жалитъ.«

Люсіенъ. И ты не страдаешь отъ этихъ частыхъ укушеній...

Ремонъ. Прежде... въ началѣ... я не имѣлъ такой силы духа, чтобъ ихъ не чувствовать... но когда я увидалъ, какъ куютъ и распространяютъ клевету, откуда она выходитъ, и что нельзя никакъ остановить ее... когда я увидалъ, что самые умные, самые разсудительные люди вѣрятъ нелѣпостямъ, потому только, что онѣ въ ходу и повторяются кругомъ ихъ... я рѣшился не спорить противъ клеветы, а попирать ее ногами, отталкивать ее въ грязь, гдѣ она родится... Еслибъ ты зналъ мою жизнь!... Не говорю о политическомъ моемъ поприщѣ, оно принадлежитъ всѣмъ! Не вспоминаю объ упрекахъ, которыми меня завалили! Говорили, что я хочу унизить отечество, продать его врагамъ, даже раздѣлить его... Я, министръ короля... Я, Французъ, готовый отдать жизнь за благо и славу родной земли. (*Съ чувствомъ.*) Но они это утверждали... все равно!...

Люсіенъ. Только эта мысль тебя огорчаетъ!

Ремонъ. Нѣтъ... клянусь тебѣ!... Мнѣ все равно; одного я не снесъ... когда напали на мою семейную жизнь, на самыя драгоцѣнныя мои чувства!... Отецъ мой, небогатый поселянинъ въ Бургундіи, истравилъ все, что могъ, на мое воспитаніе; я имѣлъ счастіе достойно отвѣчать его стараніямъ и пожертвованіямъ... По его милости, я блистательно окончилъ ученіе, получалъ награды на конкурсахъ; потомъ, въ званіи адвоката, отличился въ нѣкоторыхъ важныхъ дѣлахъ, получилъ между адвокатами славу честнаго и талантливаго человѣка, противъ которой тогда еще не спорили... Богу извѣстно, что всѣ эти награды, успѣхи, я относилъ къ отцу моему. Когда независимость восторжествовала послѣ тяжкой борьбы и славныхъ битвъ, понесенныхъ въ защиту нашихъ правъ; когда голоса согражданъ дали мнѣ входъ въ палату, а потомъ довѣріе короля призвало меня ко власти... когда я, сынъ земледѣльца, входилъ въ великолѣпный министерскій домъ, первая мысль моя была объ отцѣ моемъ. Я поѣхалъ за нимъ... но онъ сказалъ мнѣ: »Нѣтъ, я старъ... Жизнь въ Парижѣ меня пугаетъ; предпочитаю покой и уединеніе... вотъ мое желаніе, сынъ мой!« Я долженъ былъ уважить его желаніе; украсилъ его уединеніе, какъ могъ... доставилъ ему всѣ удобства жизни, какія могъ дать... И что же?... Я прочелъ въ одной газетѣ, что я, выходецъ изъ черни, краснѣю, что родился отъ земледѣльца... и что я выгналъ отца изъ дому моего...

Люсіенъ. Выгналъ!...

Ремонъ. Такъ напечатано! Тысячу голосовъ повторяли это, къ стыду моему... Внѣ себя, въ изступленіи... я поѣхалъ за отцемъ и сказалъ ему: »Хотите или нѣтъ, теперь надобно ѣхать со мною, для спасенія моей чести... Обвиняютъ вашего сына въ неблагодарности, въ подлости... Поѣдемъ! »Въ этотъ день у меня собрались депутаты, вельможи, отборное Парижское общество... Я привелъ отца, представилъ имъ и, ставъ передъ нимъ на колѣна, сказалъ: Скажите, батюшка, скажите имъ всѣмъ, какъ сынъ васъ любитъ и уважаетъ.

Люсіенъ. Прекрасно! Прекрасно! На это нечего было отвѣчать.

Ремонъ (съ ироніей.) А! Ты думаешь!.. Ты воображаешь, что можно заставить клевету молчать... На слѣдующее же утро всѣ утверждали, что я сознался въ недостойномъ своемъ поведеніи и хотѣлъ поправить его этимъ театральнымъ эффектомъ, надъ которымъ всѣ они смѣялись... Напрасно отецъ мой громко разсказывалъ про мою нѣжность къ нему, про мои угожденія... увѣряли, что такое позднее признаніе внушено мною, что я принудилъ его писать, что назначилъ ему пенсію въ награду, что отниму ее, если онъ рѣшится сказать правду... Теперь, что бы я ни говорилъ, чтобы ни дѣлалъ, всѣ, даже честнѣйшіе люди, убѣждены въ этомъ; когда говорятъ о дурномъ сынѣ, всѣ взоры обращаются на меня... или лучше сказать, всѣ отъ меня отворачиваются... Что дѣлать? На что рѣшиться?.. Застрѣлиться... Я объ этомъ думалъ, признаюсь...

Люсіенъ, Боже мой!

Ремонъ, (съ горестію) Но я не обезоружилъ бы клеветы, далъ бы ей новую пищу... Вотъ, сказали бы, послѣдствіе угрызеній совѣсти...

Люсіенъ. Ты такъ думаешь?

Ремонъ. Да, другъ мой, да, ты не знаешь клеветниковъ... А когда старость и печаль прекратятъ жизнь отца моего, они станутъ обвинять меня... скажутъ, что я убилъ его.. назовутъ меня отцеубійцею... Пусть такъ! Умножайте клевету, а ея не боюсь, презираю... Одно слово отъ тебя, отецъ, одно слово... твое благословеніе отцеубійцѣ... и пусть Господь насъ судитъ!

Люсіенъ, (тронутый) Ремонъ!..

Ремонъ. На судъ людской... судъ беззаконный и основанный на заблужденіи... не хочу даже жаловаться; не сдѣлаю ему чести, не стану защищаться передъ трибуналомъ общественнаго мнѣнія... Дѣлай, что должно, а обстоятельства не въ твоей волѣ... Вотъ мой девизъ, иду смѣло посреди оскорбленій, которыя не раздражаютъ меня и составляютъ мое счастіе. (Съ восторгомъ) Да, хулители и клеветники... не стану васъ обезоруживать; и еслибъ зналъ, что какая нибудь мѣра можетъ доставить мнѣ ваше расположеніе, то готовъ отмѣнить ее! Страшусь вашего уваженія, вашихъ похвалъ... Еслибъ вы меня одобряли, я сказалъ бы, какъ тотъ Аѳинянинъ, которому рукоплескалъ народъ: развѣ я сказалъ какую глупость?

Люсіенъ, (смѣясь) Вотъ... ты опять по прежнему пылокъ, все преувеличиваешь, увлекаешся далѣе цѣли, идешь слишкомъ далеко...

Люсіенъ. Очень радъ!

Ремонъ. Тѣмъ хуже для тебя.

Люсіенъ. Тѣмъ лучше; но замолчимъ, вотъ Цецилія...

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Ремонъ, Цецилія, Люсіенъ.

Цецилія. (*подбѣгая къ Ремону*) Ахъ! мы ждали васъ съ чрезвычайнымъ нетерпѣніемъ, и очень безпокоились, что вы такъ долго не ѣдете... Не случилось ли чего нибудь съ вами?

Ремонъ. Ничего, дитя мое, кромѣ неудовольствія, что не видалъ тебя ранѣе.

Цецилія. Какъ жаль, что вы не были съ нами на морѣ?

Ремонъ. Все равно... Я почти былъ съ вами... Я все знаю... Я знаю, что ты меня защищала

Цецилія. Вы не нуждались въ моей защитѣ.

Ремонъ. Нѣтъ, очень... Мои защитники такъ рѣдки, что я долженъ считать ихъ съ благодарностію! Здорова ли Гжа. Савне, твоя благородная кузина?

Цецилія. Теперь ей лучше... Только два часа она здѣсь въ Діеппѣ, а уже проситъ Гна. Люсіена въ свою комнату, для важныхъ совѣщаній, при которыхъ я не должна присутствовать...

Ремонъ. Хорошо... денежныя дѣла касаются до родственниковъ и опекуновъ (*Беретъ со стола бумаги, оставленыя во время перваго явленія*), Тутъ у меня проектъ контракта, приготовленной для васъ... (*Люсіену*) разсмотрите его, пока я уйду, и сдѣлай одолженіе, отнеси всѣ бумаги въ комнату, которую вы мнѣ назначили (*Цецилія подымаетъ бумагу, которая была снизу и упала, и подаетъ ему*). Это что такое?

Цецилія. Она была тутъ, на столѣ, съ вашими бумагами...

Ремонъ. (*читаетъ*) »Гнъ. Министръ! мѣсто сборщика податей въ Діеппѣ незанято по причинѣ смерти занимавшаго его чиновника... и я осмѣливаюсь, просить...« Прочь просьбы! Я едва пріѣхалъ, какъ онѣ ужъ нападаютъ на меня... Спрашиваю васъ, когда мнѣ ее подсунули?.. развѣ въ ту минуту, какъ я выходилъ изъ кареты? (*кладетъ прозьбу въ бумаги, которыя держитъ Люсіенъ.*) Успѣемъ прочесть, это не къ спѣху...

Люсіенъ. Надо бы посмотрѣть...

Ремонъ. Дѣло ясно... интригантъ, которому я и отвѣчать не стану.

Люсіенъ. Онъ изъ здѣшнихъ жителей... можетъ статься человѣкъ, имѣющій вліяніе... ты наживешь новаго врага...

Ремонъ Мнѣ все равно!

Люсіенъ Ихъ безъ того довольно...

Ремонъ. Чтожъ за бѣда!

Люсіенъ, (*Цецилій*) Спрашиваю васъ, сударыня, кто изъ насъ разсудительнѣе? Полагаюсь на ваше рѣшеніе.

Ремонъ И я тоже... рѣшайте, кто изъ насъ неправъ?

Цецилія, (*скромно*) Э!... оба, можетъ быть! (*живо*) Извините, но мнѣ кажется, при всей моей непытности (*указываетъ на Люсіена*), еслибъ одинъ менѣе боялся свѣтскихъ разсказовъ, а другой больше бы ихъ опасался...

Ремонъ. (*смѣясь*) Браво! Мы попали бы въ самую середину...

Цецилія. Нѣтъ, но вы оба, можетъ статься, были бы близки къ совершенству.

Ремонъ.(*смотритъ на нее нѣжно и насмѣшливо*) Въ эту минуту мы близко къ нему.

Цецилія. А! Вы надо мной смѣетесь! Это не хорошо!

Ремонъ. (*Люсіену*) Вѣдь я сказалъ правду? И чтобы приблизиться къ нему какъ можно скорѣе, ступай толковать о дѣлахъ... Я сейчасъ приду.

(Люсіенъ выходитъ въ дверь на право.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

Цецилія, Ремонъ.

Ремонъ. Вотъ, дитя мое, ты его теперь знаешь... Правду ли я тебѣ говорилъ? Отбросивъ его мнѣнія, въ которыхъ нѣтъ смысла, признайся, что онъ прекрасный человѣкъ?

Цецилія. Да!

Ремонъ. Думаешь ли, что будешь съ нимъ счастлива?

Цецилія. Надѣюсь...

Ремонъ. Этого мало! Хочу, чтобъ ты была въ томъ увѣрена! Твой отецъ, которому я всѣмъ обязанъ, завѣщалъ мнѣ твое

счастіе... и если я ошибусь!... Говори, дитя мое, открой мнѣ свою душу... Прежде, когда ты воспитывалась при мнѣ, я не сталъ бы тебя распрашивать... Видя тебя всякій день, я угадывалъ, предупреждалъ малѣйшія твои желанія... До четырнадцати лѣтъ, ты была моею дочерью... я смотрѣлъ на тебя, какъ на дочь мою... Но потомъ, хоть я вдвое старше тебя, приличія и мое положеніе принудили меня разстаться съ тобою, поручить тебя родственницѣ, которая не могла любить тебя, какъ я любилъ... но она была счастливѣе меня, она не разставалась съ тобою... овладѣла, во вредъ мнѣ, твоею дружбою, довѣренностію...

Цецилія. Никогда...

Ремонъ. И теперь я не умѣю попрежнему читать въ твоихъ глазахъ, въ твоемъ сердцѣ... я принужденъ спрашивать: чего ты хочешь, Цецилія? чего желаешь?

Цецилія, (съ чувствомъ) Ничего... Вашъ выборъ долженъ упрочить мое счастіе; если не такъ, не вы будете виноваты, а я.. и я не колеблюсь... Вы отецъ мой... Я должна вамъ повиноваться.

Ремонъ. Я не того хочу... Не смотря на дружбу мою съ Люсіеномъ, если ты кого нибудь предпочитаешь... если кто нибудь тебя любитъ... говори... Я не стану упрекать тебя... Побраню, если ты не скажешь мнѣ правды.

Цецилія. Я вамъ сказала правду: меня никто не любитъ.

Ремонъ. Точно ли?

Цецилія. Никто, клянусь вамъ... кромѣ Люсіена... и я думаю, какъ вы, что этотъ выборъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошъ и...

Ремонъ. Давно бы такъ! Я это скажу ему... Прощай, дитя мое, прощай *(Хочетъ итти, но останавливается и смотритъ на нее.)* Цецилія, ты еще о чемъ-то хочешь попросить меня?

Цецилія. Да; но не смѣю... *(Ремонъ быстро къ ней подходитъ)*, то есть, васъ, Ремонъ, я смѣла бы просить... но моя просьба къ министру... и я боюсь...

Ремонъ. Отъ чего же? Если просьба справедливая...

Цецилія. О! Самая справедливая!.. Моряки... рыбаки... которые давича гребли на нашей лодкѣ... очень бѣдны... обременены дѣтьми, которыя живутъ ими... и все таки, во время послѣдней бури... они подвергали жизнь опасности, во всю ночь... Одинъ спасъ трехъ пассажировъ, другой четырехъ... и получили въ награду только радость дѣтей, которые думали, что отцы ихъ погибли... Напрасно ли я забочусь о нихъ и прошу васъ...

Ремонъ. О нѣтъ! Я займусь ими... сегодня... сейчасъ... Ты можешь сказать имъ.

Цецилія. Сейчасъ пойду къ нимъ! Какое счастіе! Я принесу имъ объщаніе министра... самаго министра!

(Кокне входитъ въ дверь съ лѣвой стороны, слышитъ послѣднія слова и видитъ, что Ремонъ цѣлуетъ Цецилію въ лобъ. Цецилія выходитъ въ среднюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кокне, Ремонъ,

(Вынимаетъ изъ кармана записную книжку и записываетъ прозьбу Цецилии).

Кокне. (Въ сторону, пока Ремонъ пишетъ). Самаго министра!... Это онъ пріѣхалъ!.. Сестра его отказывается просить за меня... такъ я воспользуюсь случаемъ и самъ обдѣлаю свои дѣла... Это не запрещено... при томъ же я не долженъ его знать, потому эфекта будетъ больше... *(Подходитъ къ столу, беретъ газету и кланяется Ремону, который отвѣчаетъ ему поклономъ.)* Вы только что пріѣхали, сударь, какъ я вижу...

Ремонъ. Да, сударь.

Кокне. Вѣроятно, изъ Парижа?

Ремонъ. Да, сударь.

Кокне. Поздравляю васъ...

Ремонъ. Не стоитъ труда!

Кокне. Какъ же? Если вы были вчера въ палатѣ...

Ремонъ. Былъ...

Кокне. Такъ можете похвастать, что слышали чудесную рѣчь... Рѣчь министра... Она заняла все засѣданіе... Какой это человѣкъ! Какъ онъ ихъ поразилъ, особенно на концѣ.

Ремонъ. Но тутъ-то и зашумѣли...

Кокне. Что жъ за бѣда!

Ремонъ, (подходя къ нему) А! Это вамъ кажется ничего?

Кокне. Разумѣется... Рѣчь все таки безподобная... а министръ человѣкъ, съ талантомъ обширнымъ, удивительнымъ... *(гру-*

бо.) Если вы не такъ думаете, тѣмъ хуже для васъ... Вотъ мое мнѣніе.

Ремонъ, (*улыбаясь*) Которое я уважаю, (*въ сторону*) особенно по рѣдкости...

Кокне, (*съ жаромъ*) Вотъ государственный человѣкъ!... Онъ только одинъ у насъ, или я ничего не понимаю...

Ремонъ, (*въ сторону*) Надобно пріѣхать въ Діеппѣ, чтобы слышать такія вещи!.. (*громко*) Стало быть, имъ здѣсь занимаются?

Кокне. Его здѣсь обожаютъ.

Ремонъ, (*въ сторону*) Вотъ какъ!.. А телеграфъ мнѣ ничего не доноситъ...

Кокне. Ему поставили бы статую...

Ремонъ. И обломками ея на другой день начали бы бросать мнѣ въ голову!.. Все равно! (*громко*) У васъ прекрасный городъ...

Кокне. Да, воздухъ чистъ, жители образованы, а чиновники превосходны! Третьяго дня, мы потеряли одного, много уважаемаго...

Ремонъ. Я знаю.

Кокне, (*въ сторону*) Уже знаетъ! (*громко*) Это здѣшняя новость... открылась ваканція... и много искателей...

Ремонъ. Я думаю... вотъ я, хоть изъ Парижа, однакожъ ничего не могу сдѣлать, а ужъ получилъ прозьбу объ этомъ мѣстѣ.

Кокне. Возможно ли?

Ремонъ. Мнѣ подали ее, когда я выходилъ изъ кареты.

Кокне. Признайтесь, что это очень нескромно, чтобъ не сказать больше!.. Жалѣю за нашъ городъ! (*въ сторону*) Вѣрно Рабурденъ; помощникъ директора; онъ одинъ имѣетъ случай... (*громко*) Впрочемъ, я всѣхъ здѣсь знаю, и если вы скажете мнѣ имя, которое должно быть подписано подъ просьбою...

Ремонъ. Я не прочелъ... не дочиталъ просьбы.

Кокне. Искренно сказать, вы хорошо поступили... Догадываюсь, кто ее подалъ...

Ремонъ, (*улыбаясь*) Какой нибудь интригантъ... такъ я и подумалъ.

Кокне. Вы не ошиблись.

Ремонъ. Однакожъ это не помѣшаетъ мнѣ посмотрѣть... справиться... собрать свѣдѣнія... Вы, сударь, здѣшній житель...

Кокне. Пятнадцать лѣтъ не выѣзжалъ отсюда.

Ремонъ. Вы, кажется мнѣ, гражданинъ почтенный, мнѣнію вашему можно довѣрить...

Кокне. О! слишкомъ много чести...

Ремонъ. Кажется вы знаете этого просителя... Скажите мнѣ, онъ человѣкъ способный... Съ талантами?

Кокне, (*сомнительно*) Хмъ!

Ремонъ. Пользуется ли онъ уваженіемъ... почтеніемъ?

Кокне. (*попрежнему*) Хмъ?

Ремонъ. Стало быть, онъ во всѣхъ отношеніяхъ посредственность и ничтожество?

Кокне. Хмъ!

Ремонъ. Вы дѣйствуете скромно и деликатно, что я умѣю цѣнить... Вы не смѣете сказать, что выборъ не хорошъ?

Кокне. По правдѣ... можно выбрать лучше... Только бы не спѣшили и подождали...

Ремонъ. Благодарю васъ, милостивый государь... Я не имѣю прямаго вліянія на это дѣло.. Но можетъ статься, меня спросятъ, попросятъ моего мнѣнія, и тогда я вспомню о совѣтѣ, который вамъ угодно было мнѣ дать.

(кланяется и уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Кокне, одинъ.

Я ничего не сказалъ: ни слова; не обвинятъ меня, что я хотѣлъ оклеветать кого нибудь, и пусть самая коварная злоба постарается сослаться хоть на одно мое слово! Впрочемъ, соперникъ! совмѣстникъ! Это дозволенная, законная защита! Каждый за себя!.. Богъ и Министръ за всѣхъ! Притомъ Рабурденъ не женатъ, а я отецъ семейства!... Онъ двадцать лѣтъ служитъ, двадцать лѣтъ пользуется мѣстомъ.. а я никогда не служилъ! Чортъ возьми! гдѣ же правосудіе? Всякому по очереди! Прочь монополія! Прочь монополія должностей!

=

[ЯВЛЕНІЕ V.

Эрминія, Гиберъ, Кокне.

Эрминія, (*входитъ разговаривая съ мужемъ*) Да, сударь, вы думали сегодня утромъ о депутатскомъ званіи, для достиженія до министерскаго портфеля... Въ этомъ городѣ, какъ мнѣ сказали, начинаются вы-

боры, которыми можно завладѣть... можно обратить ихъ въ вашу пользу.

Гиберъ. Разумѣется.

Эрминія. Ну, такъ пока вы здѣсь, старайтесь завладѣть голосами... приманить людей, имѣющихъ вліяніе...

Гиберъ. Я готовъ.., да ты ихъ отталкиваешь. *(Въ полголоса)* Вотъ другъ мой Кокне... владѣлецъ... избиратель... платитъ податей болѣе другихъ жителей... а ты не хочешь помочь ему.

Эрминія. Да кто вамъ сказалъ? Не обращайте вниманія на минутную досаду или дурное расположеніе духа... Развѣ мысли неизмѣняются по двадцати разъ въ день?

Гиберъ. Слышишь, другъ мой? *(Въ полголоса)* Я тебѣ не даромъ сказалъ, что она всегда дѣлаетъ по моему! Ты получишь мѣсто... моя жена попроситъ за тебя министра.

Кокне. Да я ужъ самъ говорилъ...

Гиберъ. Такъ ты его видѣлъ?

Кокне. Мы сейчасъ говорили... оба, не зная другъ друга... и хоть онъ не знаетъ, кто я, однако жъ, думаю, что онъ хорошо ко мнѣ расположенъ... Если бъ теперь вамъ угодно было... попросить для меня мѣсто... мысль была бы ваша... я ужъ не могу самъ... то думаю, что побѣда осталась бы за нами.

Эрминія. Я готова... Теперь я знаю даже средство, какъ все выпросить у брата... оба мѣста разомъ... но съ условіемъ...

Гиберъ. Съ какимъ?

Эрминія. Ты разскажешь мнѣ, со всѣми подробностями, исторію, о которой намекалъ сегодня утромъ, исторію съ Цециліей...

Гиберъ, (съ живостію) Нельзя, моя милая, невозможно... важная тайна!

Эрминія. Тѣмъ болѣе... Ты скажешь... или я нѣма... ни слова не скажу брату.

Кокне. Позвольте... дѣло идетъ о нашемъ счастіи...Здѣсь не у мѣста излишняя скромность... Ты всегда разсказываешь приключенія съ такою легкостію...

Гиберъ. Да; но эту исторію... я обѣщалъ беречь для себя.

Кокне. И сдержишь слово... Твоя жена тоже... ты... и твой другъ также...

Гиберъ. Знаю... Но это вовлечетъ меня въ непріятности съ министромъ.

Эрминія, (съ живостію) Съ министромъ?

Гиберъ, (также) Да еще и съ другими! съ сорванцами... забіяками... а я дерусь какъ можно меньше... можетъ быть, дойдетъ до того...

Кокне. Если узнаютъ!... но мы не скажемъ!

Гиберъ. Не говорю про тебя... ты, какъ я... побоишся; но моя жена... ты ея не знаешь...

Эрминія. А я, сударь, объявляю вамъ, что вы такъ возбудили мое любопытство, что я хочу... требую, чтобъ вы разсказали сейчасъ... или я поссорюсь съ вами, во всю жизнь съ вами не увижусь...

Гиберъ, (тихо) Ну, такъ и быть! Если вы оба обѣщаете мнѣ молчать... я вамъ скажу все, что могу сказать... Знайте же, въ прошломъ году, въ одномъ домѣ... *(поправляется)* въ замкѣ, гдѣ я встрѣтилъ Цецилію въ первый разъ, я видѣлъ, какъ на разсвѣтѣ красивой молодой человѣкъ выходилъ изъ ея комнаты...

Эрминія. Вы сами видѣли?

Гиберъ. Собственными моими глазами... и въ этомъ нѣтъ для меня никакого сомнѣнія... Таинственный незнакомецъ, котораго я очень хорошо знаю, самъ мнѣ признался, заставивъ меня поклясться въ глубочайшемъ молчаніи...

Эрминія. Безподобно! А кто этотъ незнакомецъ?

Гиберъ. Вотъ ужъ не скажу... Я обѣщалъ ему хранить тайну, и не намѣренъ добровольно попасть въ просакъ, сказавъ вамъ имя, вовсе безполезное для занимательности анекдота.

Эрминія. Вы правы!... Я же и отгадала; знаю, кто онъ!

Гиберъ. Такъ молчите, не вводите меня въ бѣду.

Эрминія. Мой братъ!

Гиберъ. О нѣтъ!

Эрминія. Я увѣренъ... по вашему ужасу и безпокойству... Ремонъ обожаетъ свою питомицу, осыпаетъ ее похвалами... оказываетъ ей болѣе довѣрія, чѣмъ намъ... *(Гиберу, который хочетъ говорить)* Пожалуй, сердитесь... это онъ... точно онъ!

Кокне. Вѣрно то, что я засталъ здѣсь, сейчасъ, какъ онъ цѣловалъ ее...

Эрминія, (съ радостію) Слышите?... Я ничего не скажу... но очень рада!

Гиберъ. Не правда!

Эрминія. А! Мой милый братецъ! Вы всегда даете мнѣ уроки нравственности!

Гиберъ. Не правда, говорю вамъ!

Эрминія. Вы смѣете не соглашаться ..

Гиберъ. Позвольте! Не утверждаю, что министръ теперь съ нею не въ ладахъ, это до меня не касается... но я говорилъ не о немъ... не надобно клеветать на людей...

Кокне. (*важно*) Такъ, стало быть, другой...

Эрминія. (*весело и смѣясь*). Вотъ ужъ пара! прекрасно!

Гиберъ. Нельзя ли безъ обидныхъ предположеній, прошу васъ!

Эрминія. Такъ нельзя ли безъ пору-разсказовъ! Кто этотъ соблазнитель, такой скромный, такой робкій... Онъ не смѣетъ показаться?... Его не смѣютъ назвать при мнѣ!

Кокне. Я его знаю.

Эрминія. (*Ходитъ по сценѣ и смотритъ, не идетъ ли кто нибудь.*) Вы мнѣ его назовете...

Кокне. (*на ухо Гиберу*) Это ты шалунъ, вѣрно ты...

Гиберъ. (*съ замѣшательствомъ въ полголоса*) Молчи! при моей женѣ!...

Кокне. (*показывая знакомъ, что будетъ молчать.*) Я былъ увѣренъ!...

Эрминія. (*подходившая къ двери на правой сторонѣ, подходитъ быстро и становится между ими*). Молчите! Вотъ и братъ!

Кокне. Поговорите съ нимъ... я уйду... лучше мнѣ не быть здѣсь... но я ворочусь... скоро соберутся въ залѣ всѣ посѣтители.

(Уходитъ на лѣво.)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ГИБЕРЪ, ЭРМИНІЯ, РЕМОНЪ.

Ремонъ, (*входитъ, читая бумагу; подымаетъ глаза и видитъ Эрминію и Гибера*).Здравствуй, сестрица! (*Жметъ руку Гиберу*) Здравствуй, любезный Гиберъ.

Эрминія. Хорошо ли вы доѣхали?

Ремонъ. Безподобно!

Эрминія. Очень рада... и особенно рада, что вижу васъ... Вы знаете, что я давно у васъ ничего не просила...

Ремонъ. Вѣрю... я только-что пріѣхалъ!

Эрминія. За то у меня есть двѣ просьбы къ вамъ... двѣ... вы удивляетесь!

Ремонъ. Ни мало!... Я бы удивился, если бъ не было ни одной!

Эрминія. Первая... но предупреждаю васъ, что она и въ счетъ нейдетъ... первая за друга... за здѣшняго жителя... Кокне...

Ремонъ. Кокне!... Точно... (*Указывая на бумагу.*) Я читаю его просьбу, которую получилъ въ минуту пріѣзда!

Эрминія. Онъ проситъ мѣста сборщика податей.

Ремонъ, (*указывая на просьбу*) Вижу!

Гиберъ. Того же проситъ нѣкто Рабурденъ... но Кокне... нашъ другъ...

Эрминія. Старинный другъ!

Ремонъ, (*значительно*) Ты его знаешь?... Увѣрена, что знаешь его?

Эрминія. Не очень, но мой мужъ...

Ремонъ. Такъ позволь мнѣ подождать болѣе вѣрныхъ свѣдѣній... Одинъ здѣшній житель, вовсе посторонній, непричастный къ этому дѣлу, далъ мнѣ о немъ очень неблагопріятный отзывъ...

Эрминія. Какой нибудь завистникъ!

Ремонъ. Нѣтъ, не похоже... хоть онъ знаетъ его насквозь, однако жъ говорилъ такъ осторожно!... Впрочемъ, я ужъ сказалъ... сберу справки и узнаю, кто изъ васъ правъ... Теперь главная-то просьба...

Эрминія. Вы ее не угадали?... Мужъ мой сказалъ уже вамъ нѣсколько словъ... Моя нѣжность къ нему... которую вы принимаете за честолюбіе...

Ремонъ. Понимаю... ты внушила ему мечты о власти...

Эрминія. (*ласково.*) Да, вся моя радость... вся моя гордость... видѣть его вашимъ товарищемъ.

Ремонъ. (*также.*) Нѣтъ... нельзя!

Эрминія. Почему же?... Онъ или способенъ или нѣтъ?

Ремонъ. Такъ! послушаемъ твою дилемму!

Эрминія, Если онъ способенъ... дайте ему мѣсто министра.

Ремонъ. Дѣло!..А если онъ не способенъ?

Эрминія. (*съ живостію.*) Тѣмъ лучше... Вѣдь вы способны... вы будете управлять, приказывать его именемъ, отъ этого все пойдетъ непремѣнно лучше... наконецъ, будетъ единство въ министрахъ...

Ремонъ. Разсужденіе превосходно, и я могу отвѣчать только однимъ словомъ: нѣтъ!

Эрминія, (*съ гнѣвомъ*) Вы смѣете сказать: нѣтъ!

Ремонъ, (*холодно*) Смѣю, и даже прошу впередъ не говорить мнѣ... и не думать объ этомъ.

Эрминія. Нѣтъ... всегда буду думать... буду говорить безпрестанно; и вы принуждены будете согласиться, или я стану вездѣ бранить васъ...

Ремонъ. Пожалуй, станутъ повторять твои слова... найдутся тебѣ союзники...

Эрминія. Они умно дѣлаютъ... они правы... я съ ними согласна... Стыдно поступать такъ съ сестрою... съ сестрою, которая васъ любитъ...

Гиберъ. Правда, братецъ, что ваши поступки съ нами...

Ремонъ. И ты туда же?... Весело быть министромъ!... Обвиняютъ, что все отдаешь семейству, а родные жалуются, что ихъ обижаешь...

Эрминія. А! Я имѣла бы надъ вами болѣе власти, болѣе силы, если бъ была не сестра... а питомица ваша!

(Гиберъ дѣлаетъ знаки, чтобъ она молчала.)

Ремонъ. Безспорно!... Если бъ ты была Цецилія, то просила бы только возможнаго...

Эрминія. Возможнаго или нѣтъ, я вѣрно бы все получала...

Гиберъ, (*въ полголоса.*) Ради Бога!... (*Громко перебиваетъ разговоръ.*) Всѣ посѣтители водъ идутъ въ залу. Здѣсь каждый вечеръ бываетъ музыка.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЭРМИНІЯ, на лѣвой сторонѣ; ВИКОНТЪ входитъ при послѣднихъ словахъ Гибера; ГИБЕРЪ по срединѣ сцены; ЦЕЦИЛІЯ, г-жа САВНЕ садятся на правой сторонѣ; ЛЮСІЕНЪ становится за ними и опирается на кресло; РЕМОНЪ подходитъ къ нимъ и разговариваетъ; посѣтители и посѣтительницы входятъ въ залу и садятся на канапе, къ столамъ и къ круглому столу, читаютъ журналы и газеты; дамы подходятъ къ открытому фортепіяно, другія работаютъ; БЕЛЛО расхаживаетъ и потчиваетъ гостей.

Виконтъ, (*Гиберу.*) Говорятъ, будетъ музыка... мы посмѣемся...

Гиберъ. Моя жена то же обѣщала пѣть.

Виконтъ. (*кланялсь Эрминіи.*) Въ такомъ случаѣ мы будемъ не смѣяться, а восхищаться... и мнѣ это очень нужно... я ужъ начинаю скучать здѣсь...

Гиберъ. (*улыбаясь.*) А удовольствія?... А интриги?...

Виконтъ. Ба! Одно и то же!... И мнѣ часто хочется броситься на важное и на полезное, для удовольствія моего.

Гиберъ. Остерегитесь, вы становитесь философомъ!

Виконтъ, (*Увидѣвъ передъ собою Ремона, на правой сторонѣ; самъ себѣ*) Ремонъ!

(подходитъ и кланяется.)

Ремонъ, (*кланялсь.*) А! Виконтъ Сентъ-Андре...

Виконтъ. Состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Ремонъ. Я имѣлъ честь встрѣчать васъ иногда (*съ улыбкою;*) но только не въ министерствѣ.

Виконтъ, (*такъ же*) Правда... тамъ нельзя меня видѣть... но тамъ, какъ и вездѣ, вѣрно меня очень бранили... что должно повредить мнѣ въ вашемъ мнѣніи...

Ремонъ, (*холодно*) Это предупредило меня въ вашу пользу и заставило думать, что вы, можетъ быть, не безъ достоинствъ...

Виконтъ, (*съ удивленіемъ*) Милостивый государь...

Ремонъ. Какъ же иначе объяснить гоненіе на молодаго вѣтренника, который до сихъ поръ дѣлалъ только шалости и долги? Въ ваши лѣта, можно имѣть только товарищей... нельзя похвастать честію имѣть враговъ .. крѣпитесь, молодой человѣкъ, это хорошій знакъ, онъ много обѣщаетъ!... Но этого мало: надобно оправдать ненависть.

Виконтъ. О, только бы доставили мнѣ случай!

Ремонъ. Хорошо, посмотримъ; а для начала, удалитесь изъ Парижа... мы найдемъ средства употребить васъ.

Виконтъ. Я хочу ѣхать и готовъ къ вашимъ услугамъ, г-нъ министръ.

Посѣтители, (*въ полголоса*) Министръ! (разговариваютъ въ полголоса и смотрятъ на Ремона, который садится возлѣ Цецилія и г-жи Савне и разговариваетъ съ ними; въ это время входитъ Кокне и подходитъ къ г-ну и г-жѣ Гиберъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, КОКНЕ.

Кокне, (*въ полголоса, г-жѣ Гиберъ.*) Любезная моя покровительница, какія вѣсти?

Эрминія. Плохія, для всѣхъ насъ.

Кокне. Ба!

Эрминія. Кто-то наговорилъ ему на васъ!

Гиберъ. Насказали ему на тебя!

Кокне. Да кто же?

Гиберъ. Кто-то изъ здѣшнихъ...

Кокне, (съ сердцемъ) Знаю... Вѣрно Рабурденъ, мой соперникъ.

Гиберъ. Можетъ быть.

Кокне. Очевидно... только ему одному есть выгода повредить мнѣ... и признайтесь, что это безчестно... постыдно... употреблять такія средства для достиженія цѣли... я вездѣ разскажу...

Гиберъ. И хорошо сдѣлаешь.

Эрминія. Впрочемъ, не все потеряно... Министръ васъ еще не знаетъ и обѣщалъ собрать свѣдѣнія.

Кокне. Я этого и хочу... Какъ угодно Рабурдену, а я дѣйствую открыто и благородно... но если могу заплатить ему тѣмъ же и найду случай повредить ему тайно...

(Въ это время, выносятъ на средину сцены фортепіано.)

Гиберъ. (громко.) Намъ сказали, что дамы будутъ пѣть... *(Женѣ)* кватуоръ изъ *la dame du lac*, который ты сейчасъ учила...

Эрминія. Мнѣ не до пѣнія...

Гиберъ. Ты разучивала его съ Цециліей...

Хецилія, (съ живостію) Нѣтъ! нѣтъ! *(Тихо Люсіену, который стоитъ возлѣ нея.)* Я не смѣю при всѣхъ...

Эрминія, (въ сторону.) Ей это непріятно! *(Быстро встаетъ и подходитъ къ ней.)* Пожалуй... я готова... Мы не такъ хорошо поемъ, чтобы насъ просили... и если Цециліи угодно...

Хецилія. Но мы не успѣли разучить кватуора... и не достаетъ двухъ голосовъ... баса...

Гиберъ. Я, сударыня, пою всѣ роли Лаблаша.

Ремонъ, (съ улыбкою, въ сторону) Хороша рекомендація для опредѣленія въ министры!

Гиберъ, (указывая на молодаго человѣка, въ желтыхъ перчаткахъ, который стоитъ возлѣ него.) А вотъ и г-нъ Сиври, прелестный теноръ... Онъ же чудесно аккомпанируетъ. *(Молодой человѣкъ кланяется и начинаетъ снимать перчатки Гиберъ женѣ.)* Пойдемъ! *(Хецилію.)* Начнемте!... Нельзя отказаться... безъ васъ кватуоръ не будетъ удаченъ...

Цецилія, (съ улыбкою) Если я соглашусь, онъ будетъ еще неудачнѣе...

Люсіенъ, (въ полголоса, съ просьбою.) Все равно, на васъ всѣ смотрятъ... вы привлекаете вниманіе...

Цецилія. Повинуюсь.

Эрминія, (ласково.) И хорошо дѣлаете. *(Въ сторону.)* Она ошибется...

Гиберъ, (подводитъ Хецилію къ фортепіяно.) Просимъ минутъ пять, на предварительную репетицію.

(Гиберъ, его жена и Цецилія становятся вокругъ г. Сиври, который сѣлъ за фортепіяно, и всѣ четверо слаживаются въ полголоса. Кокне, бывшій на лѣвой сторонѣ, переходитъ на правую, гдѣ поставили карточный столъ.)

Кокне, (подавая Ремону карту.) Не угодно ли сыграть съ нами въ вистъ?

Ремонъ. (беретъ карту.) Охотно.

(Кокне подходитъ къ карточному столу и считаетъ фишп и жетоны.)

Люсіенъ, (беретъ Ремона подъ-руку.) Я видѣлъ сей часъ, въ той залѣ, какъ дамы смотрѣли, перешептываясь, на Цецилію, и разговаривали про нее съ этимъ Сиври, который акомпанируетъ... Кто онъ?

Ремонъ. Не знаю. *(Указываетъ на Белло, который подаетъ имъ на подносѣ разныя лакомства.)* Спроси у лакея; эти люди все знаютъ.

(Подходитъ къ фортепіяно.)

Люсіенъ, (къ Белло, наливая себѣ стаканъ сахарной воды.) Скажи мнѣ, Белло... кто этотъ молодой человѣкъ... который играетъ на фортепіяно?

Белло. Возлѣ молодой дѣвушки? *(лукаво)* г-мъ! Какъ они посматриваютъ другъ на друга!... и кажется, понимаютъ одинъ другаго... *(Хитро, въ полголоса.)* Это можетъ быть одинъ изъ трехъ...

Люсіенъ. (съ удивленіемъ.) Какъ одинъ изъ трехъ!

Белло. Да... говорятъ, что у ней было ужъ три приключенія...

Люсіенъ, (ставитъ стаканъ на подносъ). Чортъ возьми!

Белло. Поосторожнѣе... вы едва не опрокинули подноса.

Люсіенъ, (удерживаясь) Извини! *(Стараясь смѣяться)* Хе! Ты отъ кого знаешь?

Белло. Ни отъ кого... сейчасъ говорили въ той залѣ... и всѣ вамъ скажутъ .. это извѣстно...

(Подноситъ питье другимъ гостямъ.)

Люсіенъ, (въ сторону.) Нѣтъ!... Не можетъ быть!... какая нелѣпость!... Онъ вѣр-

но говорилъ не про нее... или я дурно разслушалъ... сошелъ съ ума...

Кокне, (показывая ему, что карточной столъ готовъ.) Не угодно ли взять карту? *(Люсіенъ идетъ къ столу, беретъ карту и возвращается къ Кокне.)* У васъ червонный тузъ.

Люсіенъ. (старался улыбнуться.) Дасъ!... Позвольте сдѣлать вамъ вопросъ... вы сейчасъ были въ той залѣ... слышали ли вы тамъ, что молодая дѣвушка, которая теперь у фортепіянъ...

Кокне, (тихо) Молчите... не должно... говорить объ этомъ... и вы, стало быть, знаете?...

Люсіенъ, (въ чрезвычайномъ смущеніи.) Да... почти!...

Кокне, (тихо) Говорятъ, три или четыре интриги... но это, можетъ быть, неправда... всегда слѣдуетъ вѣрить только половинѣ того, что говорятъ...

(Люсіенъ, въ бѣшенствѣ, хочетъ уйти; г-жа Савне подходитъ къ нему съ лѣвой стороны.)

Г-жа Савне. У меня двойка; вы играете со мною; пойдемте!

Люсіенъ, (внѣ себя) Сейчасъ... *(Оборачивается и видитъ съ другой стороны Ремона и Кокне.)*

Ремонъ и Кокне, (уводятъ его.) Пойдемте... сядемъ!

Гиберъ, (у фортепіано.) Наконецъ... мы готовы... начинаемъ!

(Сперри играетъ ритурнель, Ремонъ, Кокне, г-жа Савне садятся за карточный столъ. Люсіенъ стоитъ и глядитъ на Цецилію. Пѣвцы, съ нотами въ рукахъ, готовы начать пѣніе. Занавѣсъ опускается.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Декораціи тѣ же.

ЯВЛЕНІЕ. I.

Люсіенъ (одинъ).

Я не спалъ всю ночь... не знаю, что начать, на что рѣшиться?.. Надобно поговорить съ Ремономъ: вѣдь дѣло еще не кончено... кромѣ г-жи. Гиберъ и ея мужа, никто здѣсь не знаетъ, что контрактъ долженъ быть подписанъ сегодня... Никто не знаетъ еще, что я женихъ... и я могу спастись отъ насмѣшекъ, отъ посмѣянія... Но по разсказамъ лакея и Кокне, этого типа провинціяльныхъ болтуновъ... отказаться отъ той, которую люблю, отъ выгодной женитьбы, безъ причины, безъ повода... безъ доказательствъ! Правда, что я едва смѣю распрашивать... такъ я боюсь, чтобы они не догадались, какъ я занимаюсь Цециліей... Но наконецъ, гдѣ жъ доказательства? Ихъ нѣтъ... А однако жъ слухъ идетъ... повторяется... и еще теперь, въ этой залѣ, я слышалъ самыя странныя предположенія на счетъ Цециліи, ея семейства, и всѣхъ, кто ее окружаетъ... Если я женюсь, меня не пощадятъ... Напротивъ, скажутъ, что я все зналъ! Кокне подтвердитъ... Онъ вчера мнѣ все разсказалъ, мнѣ самому!.. Я зналъ все... всемъ препебрегъ, потому что Цецилія богата, знатна, питомица министра... Такъ они скажутъ... Я уже слышу, какъ они квакаютъ кругомъ меня... Я весь дрожу... меня бьетъ лихорадка... Спрошу Ремона, онъ одинъ можетъ дать мнѣ добрый совѣтъ... Вотъ и онъ! Какая досада! Съ нимъ сестра!

=

ЯВЛЕНІЕ II.

Эрминія, Ремонъ, Люсіенъ.

Эрминія. Какъ! Вы съ нами не завтракаете?

Ремонъ, (со шляпою и въ перчаткахъ) Нѣтъ! Виконтъ измѣнилъ вчера моему инкогнито, и я долженъ сегодня утромъ ѣхать съ подпрефектомъ и почетными жителями города, за три мили, на закладку маяка... Нельзя избавиться отъ этой чести, за которую на меня посыпятся эпиграмы... Не такъ ли, Люсіенъ? Вы скажете, вы, враги мои, что министерство учреждаетъ маяки, а все бродитъ во мракѣ...

Люсіенъ. Другъ мой, я хотѣлъ бы поговорить съ тобою.

Ремонъ. Объ этомъ дѣлѣ?

Люсіенъ. Нѣтъ, о другомъ.

Ремонъ. Теперь нельзя... Они сейчасъ за мною пріѣдутъ... ужъ можетъ быть ждутъ меня... но я ворочусь къ обѣду... Обѣдъ большой, для избранныхъ здѣшнихъ жителей... Мое званіе обнаружилось, такъ надобно нести его тяжесть... Но сегодня вечеромъ, для вознагражденія... *(весело бьетъ по плечу Люсіена)* мы подпишемъ контрактъ...

Люсіенъ. Объ этомъ то я и хотѣлъ... разсказать тебѣ... мое безпокойство...

Ремонъ. Знаю... Нѣтъ еще свадебной корзины... Будь спокоенъ, все заказано до моего отъѣзда; и съ какимъ вкусомъ выбрано!... Не я трудился—сестра всѣмъ распоряжалась...

Люсіенъ. Какъ! Вы, сударыня, были такъ добры...

Ремонъ. Она была очень рада! Всѣ дамы любятъ хлопотать о свадебныхъ корзинахъ. *(Сестрѣ).* Когда привезутъ нашу?

Эрминія. Сегодня, надѣюсь; по крайней мѣрѣ, такъ мнѣ обѣщали... въ лучшемъ Парижскомъ магазинѣ!

Ремонъ. Ну, это еще не есть доказательство исправности... напротивъ! Впрочемъ... охотно вѣрю, и мы насладимся зрѣлищемъ...

Люсіенъ, (въ полголоса) Да... но я тебѣ сказалъ... что хочу поговорить...

Эрминія, (приспдая) Извините, сударь, я пришла прежде васъ.

Ремонъ. Какъ! Даже въ семействѣ спорить о моихъ аудіенціяхъ... Говорите скорѣе... прежде дамы... это ихъ право!

(Люсіенъ садится въ кресла).

Эрминія. Только два слова!... Съ горестію вижу, что вы всегда ко мнѣ несправедливы...

Ремонъ. О нѣтъ!... Я упрекаю тебя въ вѣтренности, въ легкомысліи... но не болѣе!... Ежедневно нападаютъ на мою честь, но уважаютъ твою! У отца нашего нѣтъ другихъ радостей и утѣшеній.

Эрминія. Если такъ... Вы помните, что я вамъ вчера говорила?

Ремонъ. Ты говорила мнѣ такъ много...

Эрминія. О мѣстѣ... о которомъ я буду говорить безпрерывно, хоть мнѣ тяжело...

Ремонъ. Не будетъ тяжело... Ты избавлена отъ труда... Новый министръ назначенъ...

Эрминія, (съ радостію) Въ самомъ дѣлѣ?

Ремонъ. Да не твой мужъ!

Эрминія, (съ досадою) Какая измѣна!

Люсіенъ. (вставая съ удивленіемъ) Какъ! И онъ надѣялся...

Ремонъ. Слышишь... Вотъ Люсіенъ... вотъ наши друзья даже удивляются подобнымъ желаніямъ! Если бъ я хотѣлъ, такъ они бы воспротивились...

Люсіенъ, (съ жаромъ) Да, для твоей чести.

Ремонъ. Вѣдь я ихъ не учу.

Эрминія, (Люсіену) Я припомню ваши слова!

Ремонъ, (къ Люсіену) Теперь твоя очередь...

Люсіенъ. Не при твоей сестрѣ...

Эрминія. Понимаю... еще обманъ... еще заговоръ противъ меня...

ЯВЛЕНІЕ III.

Эрминія, Ремонъ, Люсіенъ, Белло.

Белло, (подходя къ Ремону). Подпрефектъ и... чиновники пріѣхали... выходятъ изъ коляски и спрашиваютъ министра.

Ремонъ. Иду къ нимъ на встрѣчу... *(Люсіену, который его удерживаетъ.)* Другъ мой, поговоримъ, когда я ворочусь. Министръ не долженъ заставлять ждать себя... онъ дастъ время говорить про него худо...

Белло, (простодушно) О нѣтъ! Они не посмѣютъ!.. Когда они подъѣхали, подпрефектъ сказалъ имъ: Молчите же—онъ здѣсь!

Ремонъ, (смѣясь, Люсіену). Прекрасно!... Они ужъ начинали... *(Белло.)* Ступай... скажи, что я буду имѣть честь *(смѣясь)* помѣшать ихъ!

(Уходитъ въ середнюю дверь).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Эрминія, Люсіенъ.

Эрминія. Напрасно старалась бы я спорить противъ вашего вліянія, особенно противъ вліянія вашей невѣсты, которой ни въ чемъ не отказываютъ...

Люсіенъ. (съ удивленіемъ) Что хотите вы сказать?

Эрминія. Въ ту минуту, когда я напрасно просила; Цецилія получила отъ министра пять или шесть мѣстъ... здѣсь...

въ Діеппѣ... по ея просьбѣ назначены лоцманы и разные служители въ портѣ... она раздаетъ должности... и впередъ, если я захочу какой милости, обращусь прямо черезъ нея, *(приподдая)* къ вамъ, сударь, къ ея счастливому супругу...

(Кланяется и уходитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ V.

Люсіенъ, (одинъ, въ волненіи.)

И она тоже... съ ироническими поздравленіями... она все знаетъ!.. Слухи дошли до нее; стало быть, ихъ вездѣ повторяютъ... а такіе слухи такъ же страшны, какъ самая правда... Всѣ говорятъ, всѣ не могутъ ошибаться... такіе слухи не могутъ разнестись и ходить смѣло, если нѣтъ причины, нѣтъ предлога... вѣрно есть что нибудь! *(Поворачивается.)* Вотъ г-жа Савне съ Цециліею... Какъ ни тяжело, а надобно узнать истину...

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Люсіенъ, (въ сторонѣ, у круглаго стола.) Цецилія, Г-жа Савне.

Цецилія, (*не видитъ Люсіена и весело говоритъ* г-*жѣ Савне*) Удивительно... какъ вы не замѣтили, кузина?

Гж-а Савне. Да что такое?

Цецилія. Когда мы вошли въ залу и проходили, всѣ вдругъ замолчали, всѣ смотрѣли такъ странно...

Гж-а Савне. Почтительно... здѣсь знаютъ, что такое маркиза Савне... и ихъ почтеніе...

Цецилія. (весело) Очень велико!.. Всѣ опустили глаза, не говорили съ нами... Едва мы прошли, я услышала сзади шопотъ... который прекращался, какъ скоро вы оборачивали голову.

Гж-а Савне, *(важно)* Всѣ новыя посѣтительницы... особенно отличныя по обращенію... всегда привлекаютъ вниманіе... Въ маленькомъ городѣ... гдѣ нечего дѣлать, развѣ только смотрѣть...

Цецилія. Правда... сейчасъ, на дворѣ, когда бѣдные моряки пришли благодарить меня... за награжденіе, которое я выпросила имъ у министра...

Люсіенъ, *(подходя)* Такъ это правда?

Цецилія. Какъ! Вы были здѣсь?

Люсіенъ. Да, сударыня... (*съ живостію.*) Какое награжденіе?

Цецилія. Вы знаете... моряки, управлявшіе вчера нашею лодкою, нѣсколько разъ уже жертвовали жизнію для спасенія утопавшихъ!.. Они достойны жалости, и я хотѣла просить васъ поговорить за нихъ министру... Мой опекунъ такъ добръ... я все разсказала ему... и судите о моемъ счастіи... они получили награду, назначены береговыми сторожами.

Люсіенъ. Не болѣе! (*Съ смущеніемъ.*) Я хотѣлъ сказать: только-то?

Цецилія. Чегожъ больше, когда они довольны!.. Когда они, ихъ жены и дѣти благодарили меня на дворѣ, съ радостію, которою я тронулась, я обернулась и увидѣла въ окнахъ всѣ лица здѣшняго общества... Всѣ они смотрѣли на меня такъ насмѣшливо, что я не могу вамъ пересказать... развѣ потому.. что я плакала?... Это не хорошо... Кажется, здѣсь любятъ насмѣхаться...

Гж-а Савне. Можетъ быть... но въ нихъ есть и хорошее... особенно строгость къ нравамъ и правиламъ, которая мнѣ нравится. Сегодня утромъ, во время моей ванны, здѣшнія служанки разговаривали между собою объ одной дѣвушкѣ изъ здѣшнихъ... Онѣ ее порядочно бранили...

Цецилія. Бѣдная дѣвушка!

Гж-а Савне. Негодованіе ихъ понравилось мнѣ!... Знатная дѣвушка, только во семнадцати лѣтъ, имѣла уже четыре интриги... если не больше! Понимаете ли?... Можетъ ли быть такой соблазнъ?

Цецилія (*улыбаясь*) А можетъ быть все это ложь!.. Мнѣ кажется невѣроятно...

Гжа. Савне. Вѣроятно или нѣтъ, — я всегда снисходительна, — допускаю неосторожность... или пожалуй, вѣтреность, все таки она заслуживаетъ наказаніе... Женщина виновата, когда о ней говорятъ... Въ этомъ отношеніи, я не знаю жалости... Развѣ обо мнѣ говорили когда нибудь?

Цецилія. О нѣтъ!

Гж-а Савне. А почему?... Потому что ничего не было. Гдѣ ничего нѣтъ, тамъ свѣтъ теряетъ свои права... Я безпрестанно повторяю... во всѣхъ человѣческихъ сужденіяхъ есть какое нибудь основаніе! Не такъ ли, Люсіенъ?... Боже мой! Что съ вами?.. какъ вы поблѣднѣли, смутились?

Люсіенъ, (*становясь между дамами.*) Да... отъ гнѣва... отъ негодованія... Вѣдь

знаю дѣвушку, про которую вы сейчасъ яговорили...

Г-жа Савне, (*съ улыбкой*) У которой четыре интриги...

Люсіенъ. Да, сударыня... и не могу понять, что могло подать поводъ къ такимъ нелѣпымъ предположеніямъ...

Цецилія, (*прыгая отъ радости*) Стало быть, она невиновата!.. Какъ вы меня обрадовали!.. (*Г-жѣ Савне*)! Видите? Я напередъ знала... Говорите, сударь, разскажите намъ... Вы ее знаете?

Люсіенъ, (*съ смущеніемъ*) Да!... Очень!

Г-жа Савне, (*холодно*) Не съ чѣмъ поздравить!

Люсіенъ. (*съ чувствомъ*) Вы, маркиза, можете цѣнить ее лучше, чѣмъ я... она всегда въ вашемъ обществѣ...

Г-жа Савне, Возможно ли?

Цецилія, (*наивно*) Такъ... стало быть, и я ее знаю? (*Съ радостію.*) Какъ я рада, что защищала ее... Изъ всѣхъ моихъ подругъ нѣтъ ни одной—слава Богу! до которой могло бы прикоснуться такое подозрѣніе... Какъ ее зовутъ?

Люсіенъ. Да... я назову ее... каковъ бы ни былъ ударъ вамъ... я долженъ все вамъ сказать... авось вмѣстѣ найдемъ и причину этихъ оскорбленій, и средства наказать ихъ!

Г-жа Савне. Говорите же!

Цецилія. Говорите!.. Кого такъ безжалостно обвиняютъ...

Люсіенъ. Васъ!

Цецилія, (*вскрикиваетъ и переходитъ къ г-жѣ Савне*) Меня!...Меня!.. Великій Боже!..

Г-жа Савне, (*съ негодованіемъ*) На дѣвушку, которая всегда при мнѣ, подъ моею защитою.. смѣютъ нападать, смѣютъ защищать ее!

Цецилія (*беретъ у ней руку*). О! благодарю васъ!

Люсіенъ. Да, я думаю, какъ вы... да, одинъ ея взглядъ долженъ внушать врагамъ молчаніе... однако жъ ни вы, ни я не можемъ остановить слуховъ, самыхъ оскорбительныхъ, самыхъ невѣроятныхъ... они ходятъ втайнѣ, распространяются...

Г-жа Савне. Какъ?.. Черезъ кого?

Цецилія, Досказывайте!.. Я могу, я хочу все слышать... я просила права защиты для другой....мнѣ не откажутъ въ немъ, для меня самой!... Надѣюсь, для моей защиты, я должна знать, кто меня обвиняетъ... Во-первыхъ, кто эти люди, которые меня любили... нѣтъ, вы сказали лучше... которыхъ я любила!... Кто они?

Люсіенъ. Не знаю... но по нѣсколькимъ словамъ слышаннымъ... здѣсь... въ залѣ, гдѣ я былъ неизвѣстенъ... по нѣкоторымъ... насмѣшкамъ думаю, что понялъ ихъ (*Цецилія*) и г-жа Гиберъ повторила ихъ мнѣ... злоба пользуется вашею признательностію, вашею дружбою, очень понятною, къ опекуну...

Г-жа Савне. Вотъ я вамъ всегда говорила... Вы безпрерывно говорите о немъ, съ восторгомъ, съ изступленіемъ! Еще сего дня утромъ, здѣсь, когда всѣ на него нападали, вы громко говорили за него, объявили себя его адвокатомъ...

Цецилія. Виновата... Но однакожъ...

Гжа. Савне. Молодыя дѣвушки никогда нехотятъ ничему вѣрить... Самая малость даетъ поводъ къ замѣчаніямъ, комментаріямъ, объясненіямъ...

Люсіенъ. Которымъ давишняя сцена дала новую силу... Эта награда... мѣста, раздаваемыя бѣднымъ морякамъ...

Г-жа Савне. Видите!.. И къ чему было просить за такихъ людей!.. Вы знали, что министръ покорится вашей просьбѣ, что это дастъ поводъ къ болтовнѣ... Онъ не можетъ отказать вамъ ни въ чемъ!

Люсіенъ, (*съ безпокойствомъ*) Въ самомъ дѣлѣ...

Г-жа Савне. Со мной не такъ!.. Я даже не могла выпросить мѣста сторожа для моего стараго камердинера!... Когда она проситъ—все хорошо... все справедливо! И въ этихъ слухахъ виноватъ болѣе Ремонъ... Онъ вездѣ такъ хвалитъ Цецилію... такъ ею восхищается, что даже я часто думала, что онъ въ нее влюбленъ.

Люсіенъ и *Цецилія*. Онъ?

Г-жа Савне, (*съ достоинствомъ*) Разумѣется, почтительно, честно... вѣдь я всегда была съ вами... А нельзя предполагать, что при мнѣ, въ моемъ домѣ...

Люсіенъ, (*съ нетерпѣніемъ*). Какъ вы ошибаетесь! Разскащики не уважаютъ ничего, но я не хотѣлъ... боялся сказать вамъ, даже васъ не пощадили.

Г-жа Савне. (*проходя передъ нимъ*). Меня, маркизу Савне?.. Посмотрѣла бы я, какъ смѣютъ...

Люсіенъ. Возлѣ меня какойто здѣшній житель шепталъ на ухо своему сосѣду, что вы покровительствовали, по крайней мѣрѣ, допускали эту страсть.

Г-жа, Савне (*вскрикиваетъ*) А! какая безчестная, гнусная клевета! Ничѣмъ нельзя оправдать ее!

Люсіенъ. Говорили, что за это вы получили отъ министра пенсію въ десять тысячъ франковъ.

Г-жа Савне. Ужасъ! Какъ назвать такую клевету?

Люсіенъ, (*съ радостію*) Такъ это неправда? Вы не получили пенсіи?

Г-жа Савне. Получила... но, во-первыхъ, въ пять тысячъ.

Люсіенъ, (*съ досадою*) Какое дѣло до цифръ!

Г-жа Савне. Но она была дана, во времена Бурбоновъ, за усердную службу маркиза Савне; потомъ безъ причинъ прекращена въ іюльскую революцію, и теперь возвращена мнѣ по справедливости....

Люсіенъ. Кѣмъ?

Г-жа Савне. Министромъ... Ремономъ.

Люсіенъ, (*съ силою.*) Видите ли, даже во лжи ихъ есте признаки правды... и, какъ вы сами говорите....

Г-жи Савне. Есть за что задушить весь городъ Діеппъ... Въ угожденіе имъ, я должна отказаться отъ заслуженной пенсіи..

Цецилія. Бѣдная кузина!

Г-жа Савне. Вы во всемъ виноваты, сударыня!... Ваша вѣтренность... ваша неосторожность... нападаютъ на меня и вредятъ мнѣ...

Цецилія. Надѣюсь, что нѣтъ... Подобные слухи такъ нелѣпы, что всякій умъ можетъ оцѣнить ихъ по достоинству...(*Подходитъ къ Люсіену и говоритъ ему съ достоинствомъ.*) Если же, не смотря на свою невѣроятность, они могутъ имѣть даже минутное вліяніе на вашъ умъ или на ваше сердце.... вы свободны; возвращаю вамъ всѣ ваши обѣщанія... Про нашу свадьбу знаетъ только мой опекунъ и мое семейство, и никто больше; за нашимъ разрывомъ не будетъ ни шума, ни непріятностей....

Люсіенъ. Мнѣ отказаться отъ васъ... когда я васъ люблю болѣе прежняго... когда хотѣлъ бы, цѣною крови, наказать безчестныхъ клеветниковъ!

Цецилія. Позвольте мнѣ кончить... Я ничего не могу противъ оскорбленій, незная ихъ источника и причины; не могу убѣдить тѣхъ, кто меня осудилъ, не зная меня и не выслушавъ моихъ оправданій... но могу сказать вамъ, Люсіенъ, что я невинна, ни въ чемъ не должна упрекать себя, и могу основаться только на одномъ доказательствѣ... на моей клятвѣ... Если вы почитаете ее достаточнымъ отвѣтомъ на клевету... если въ эту минуту, когда всѣ на меня нападаютъ, вы одни мнѣ вѣрите... это—доказательство уваженія, и я его никогда не забуду.. Это—знакъ привязанности, и съ этой минуты пользуйтесь любовію, которую вы вчера требовали... Вся жизнь моя послужитъ доказательствомъ словъ моихъ... Теперь, рѣшайтесь... буду ждать вашего отвѣта.

(Кланяется и уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Люсіенъ и г жа савне.

Люсіенъ, (*съ отчаяніемъ*) А! Не Меня надобно разувѣрять!... Я болѣе прежняго вѣрю въ ея чистоту, въ ея невинность... но другіе...

Г-жа Савне, (*важно.*) Это мое дѣло!... Я, болѣе чѣмъ она, должна стараться объ открытіи истины; и это будетъ легко...

Люсіенъ, (*съ сомнѣніемъ*) Вы думаете?

Г-жа Савне. Я увѣрена... Презрѣнные люди могли распустить такіе слухи втайнѣ; но когда я, маркиза Савне... покажусь, они не выдержатъ моего взгляда... одно мое слово смутитъ ихъ!... Пусть придутъ... я ихъ жду!

Люсіенъ. (*съ нетерпѣніемъ*) Да они не придутъ... А между тѣмъ молва ходитъ... Чѣмъ ее остановите?

Гж-а Савне. Правдой!

Люсіенъ, (*Съ нетерпѣніемъ.*) Они не захотятъ ее слушать! Ложь, повторяемая толпою, получаетъ силу очевидной правды; не спорятъ о клеветѣ, пущенной въ ходъ; она, какъ монета, вездѣ принимается, отдается, вездѣ ходитъ; обращеніе не стираетъ съ нее клейма, а дѣлаетъ ее болѣе ощутительною, болѣе разительною... Вы сами, часто, добродушно принимали ее, сами того не зная... и можетъ быть, подобно другимъ, увлекаетесь общимъ потокомъ!

Г-жа Савне. Говорите за себя...

Люсіенъ. Я... никогда...

Г-жа Савне. Я буду умѣть противиться... доставлю побѣду правдѣ... У ней есть звуки, въ которыхъ нельзя ошибиться, особенно, когда за нее говоритъ голосъ сильный и важный!... Я вамъ сказала, сударь это мое дѣло... не мѣшайтесь въ него!.. Кто сюда идетъ?

Люсіенъ. Кто-то изъ здѣшнихъ...

Г-жа Савне. Начнемъ съ него.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

КОКНЕ, ЛЮСІЕНЪ, Г-ЖА САВНЕ.

Кокне, (раскланявшись съ нею.) Не маркизъ ли Савне имѣю честь кланяться?

Г-жа Савне, (гордо.) Точно такъ, сударь.

Кокне. Ваша племянница... или кузина... не здѣсь?... Но все равно... Я не посмѣлъ бы отнестись прямо къ ней; лучше къ вамъ сударыня...

Г-жа Савне. Зачѣмъ?... Что такое?

Кокне. Вы видите, маркиза... человѣка, который полагаетъ на васъ всю свою надежду... видите отца семейства, безчестно оклеветаннаго... злоба никого не щадитъ...

Г-жа Савне. О! Какъ я это знаю!

Кокне. Мнѣ извѣстно все, что говорили про племянницу вашу...

Люсіенъ. И вы осмѣлились повторять эти слухи мнѣ, знакомому этихъ дамъ?

Кокне, (живо.) Мнѣ самому такъ сказали, сударь, клянусь вамъ... но я ошибался, заблуждался... и теперь признаюсь...

Люсіенъ, (съ радостію.) Возможно-ли?

Г-жа Савне, (Люсіену, съ торжественнымъ видомъ.) Видите ли, сударь, не трудно разувѣрить такихъ людей!

Люсіенъ, Говорите .. говорите! Я васъ слушаю!

Кокне. Больше ничего не желаю... *(Становится между ими.)* Я просилъ мѣста, имѣлъ право и готовился получить его, какъ вдругъ мой соперникъ Рабурденъ описалъ меня министру человѣкомъ неспособнымъ, безталанливымъ, не достойнымъ уваженія!... Да, сударь, онъ самъ, мой соперникъ!... Весь городъ знаетъ... всякъ вамъ скажетъ, вѣдь я не скрывалъ намѣреній.. и что бы ни было... онъ человѣкъ безъ репутаціи... я лучше соглашусь не имѣть мѣста, чѣмъ получить его за такую цѣну..; но на меня нападаютъ. Я долженъ защищаться... понимаете, и теперь я добиваюсь мѣста только изъ чести, а не для чего нибудь другаго...

Люсіенъ, и *Г-жа Савне.* Что жъ дальше?

Кокне. Сначала я просилъ г-жу Гиберъ, сестру министра; но она ничего не могла сдѣлать... Мнѣ пришла счастливая мысль, прибѣгнуть къ вашей всесильной протекціи...

Г-жа Савне. Къ моей?... Да я ничего не могу...

Кокне. Вамъ такъ угодно говорить! *(Нерѣшительно.)* Но вы знаете лучше меня... да и всѣ мы знаемъ, что черезъ вашу племянницу...

Люсіенъ и *г-жа Савне.* Какъ?...

Кокне. Она въ вашей власти... а министръ въ ея!... Сегодня утромъ, она раздала много мѣстъ, по вашей рекомендаціи...

Г-жа Савне, (съ негодованіемъ.) Милостивый государь!

Кокне, (перебивая ее.) Да и сами вы получили пенсію, пятнадцать тысячь франковъ...

Г-жа Савне, (съ сердцемъ) Пятнадцать тысячь!

Люціенъ, (съ досадой, г-жѣ Савне) Выбейте это у нихъ изъ головы!

(Люсіенъ ходитъ по сценѣ и подходитъ къ г-жѣ Савне съ правой стороны.)

Кокне, (продолжая) Почему, спрашиваю, не оказать протекціи честному человѣку... отцу семейства... Никогда еще вы не покровительствовали такому преданному, признательному человѣку *(Понижая голосъ.)* Если нужно... готовъ пожертвовать...

Г-жа Савне, (вскрикивая) Ахъ! Я задыхаюсь... мнѣ дурно... и если бъ представить его къ королевскому прокурору...

Кокне. (съ удивленіемъ.) Меня!... Боже мой! Что я вамъ сдѣлалъ?

Люсіенъ. (въ полголоса, съ досадой.) Что я вамъ говорилъ, марказа?... Видите ли, онъ не хотѣлъ оскорбить васъ, говорилъ отъ души, а хуже всего, что онъ не одинъ въ этомъ родѣ...

Кокне, Всѣ мнѣ такъ совѣтовали... и г-жа Гиберъ сказала мнѣ: »Любезный проситель, ничего не могу для васъ сдѣлать... повидайтесь съ этими дамами... у нихъ власть... другой дороги нѣтъ!« А если я дурно принялся за дѣло, простите меня!

Г-жа Савне, (едва удерживаясь.) Такъ г-жа Гиберъ всему причиной?

Люсіенъ, (въ полголоса) Успокойтесь, прошу васъ... Она идетъ сюда съ мужемъ и съ постороннимъ человѣкомъ...

Г-жа Савне. Тѣмъ лучше; чѣмъ больше свидѣтелей, тѣмъ блестящѣе улика!...

Такого случая ждала я, чтобы втоптать ихъ въ грязь... Будьте спокойны: сейчасъ все кончится...

ЯВЛЕНІЕ IX.

Кокне, Гиберъ, Эрминія, Виконтъ, ведетъ ее подъ руку, г-жа Савне, Люсіенъ.

Эрминія, (*мужу*) Да, сударь, въ Діеппѣ есть безподобныя издѣлія изъ слоновой кости! Одна изъ моихъ подругъ купила на тысячу экю... и я тоже хочу, какъ она, поощрять искусства... Поѣдете ли со мною?

Гиберъ, (*садясь въ кресло, на лѣвой сторонѣ.*) Я не люблю искусства! Вѣдь я всегда плачу по счетамъ...

Эрминія, (*не покидая руки Виконта.*) Такъ мы поѣдемъ безъ васъ!

Кокне, (*становится между Гиберомъ и Эрминіею, и говоритъ ей тихо:*) Я ужасно несчастливъ, и тутъ не удалось!

Эрминія. (смѣясь.) Бѣдный Кокне!

Г-жа Савне, (*подходитъ къ ней и говоритъ громко.*) Очень рада, что вижу васъ... я шла къ вамъ...

Эрминія. Съ новостями?

Г-жа Савне, (*не смотря на Люсіена, который ее удерживаетъ.*) Не съ новостями, а съ урокомъ!

(Эрминія останавливается, Гиберъ встаетъ, подходитъ къ женѣ; Виконтъ оставляетъ руку Эрминіи и садится въ кресло, на мѣсто Гибера; Кокне садится къ столу и читаетъ.)

Эрминія. Урокъ отъ васъ... не обиденъ! Я еще въ такихъ лѣтахъ, когда можно принимать уроки, а вы ужъ давно въ тѣхъ годахъ, когда пора давать ихъ...

Гиберъ, (*знаками уговариваетъ ее молчать*) Эрминія!

Эрминія, Слушаю, маркиза! Что вамъ угодно мнѣ сказать...

Г-жа Савне, (*съ гнѣвомъ.*) Я вамъ скажу, что когда знатная дама, какъ я, принимаетъ такую женщину, какъ вы... когда она оказываетъ честь женѣ ничтожнаго человѣка...

Гиберъ. Маркиза!

Г-жа Савне. Денежнаго человѣка, хотѣла я сказать... все равно, по моему мнѣнію... такъ эти люди не должны забывать своего происхожденія, своего отца, виноѣла въ Бургундіи... другихъ титловъ ему я не знаю...

Люсіенъ, (*въ полголоса*) Маркиза! Сдѣлайте милость...

Г-жа Савне. Нѣтъ, сударь!... Надобно доказать имъ, какъ высоко мы стоимъ, и что клевета ихъ не можетъ до насъ достигнуть.

Эрминія. Какая клевета?

Г-жа Савне. Которую вы распустили на Цецилію и на меня.

Эрминія, (*хладнокровно*) Я?... Нѣтъ, я ничего не говорила... я только слушала; вотъ и все!... Я ли виновата, что много слышала!

Г-жа Савне. А я думаю, что вы не только слушали, но выдумали всѣ эти ложные слухи.

Эрминія. Я?... (*Съ негодованіемъ.*) И вы можете предполагать?...

Г-жа Савне. Предполагаю то, что подтверждается вашимъ молчаніемъ... ссылаюсь на свидѣтелей... пусть они разсудятъ! (Кокне и Виконтъ встаютъ, и вмѣстѣ съ Люсіеномъ подходятъ къ маркизѣ.)

Эрминія, (*внѣ себя*) Нѣтъ... это слишкомъ!... Клянусь небомъ, что я хотѣла молчать... Но если требуютъ публично объясненія... если правду называютъ клеветою... я должна рѣшиться представить доказательства...

Гиберъ, (*хочетъ заставить ее молчать.*) Эрминія!

Эрминія. Не бойтесь, сударь... Я никого не назову... Какое дѣло до нихъ, когда фактъ доказанъ... Довольно напомнить маркизѣ, что прошлаго года, въ замкѣ, гдѣ она находилась съ своею молодою кузиною... человѣкъ, достойный вѣры, видѣлъ... это вѣрно (*ударяетъ на этомъ словѣ*) видѣлъ, какъ рано утромъ красивый незнакомецъ выходилъ изъ ея комнаты!..

Г-жа Савне. (живо.) Какой ужасъ!

Эрминія, (*присѣдая.*) Не изъ вашихъ ли, маркиза?... Я этого никогда не предполагала...

Г-жа Савне, Ложь и неправда!... Не найдется свидѣтеля...

Эрминія. Свидѣтель живъ... и здѣсь...

Г-жа Савне. Кто онъ?

Эрминія. Мой мужъ!

Гиберъ, (*подходя къ г-жѣ Савне.*) Позвольте...

Эрминія, (*продолжаетъ, съ жаромъ*) Онъ говорилъ при мнѣ и при этомъ господинѣ.

(Указываетъ на Кокне.)

Кокне, (*подходя къ Эрминіи*) Правда... онъ мнѣ признался потихоньку... что то былъ онъ самъ!... Все за правду!..

Эрминія, (*съ сердцемъ.*) Вотъ чего я незнала. (*Оборачивалсь къ мужу.*) И если это правда...

Гиберъ, (*женѣ.*) Клянусь, нѣтъ...

Эрминія, (*въ полголоса*) Стало быть... какъ я вамъ говорила... Ремонъ...

Всѣ. Ремонъ!

Люсіенъ, (*становится между г-жею Савне и Гибером, и спрашиваетъ его съ гнѣвомъ.*) Такъ Ремонъ?,..

Эрминія, (*мужу, съ одной стороны*) Вы, точно?

Люсіенъ, (*ему же съ другой стороны*) Ремонъ, вѣрно?

Гиберъ, (*съ замѣшательствомъ*) Но, милостивый государь... но, жена моя...

Люсіенъ и Эрминія. Отвѣчайте!

Гиберъ. Ни я, ни онъ...

Люсіенъ и Г-жа Савне. Такъ кто же?

Гиберъ, (*съ возрастающимъ замѣшательствомъ.*) Кто? Ну, что сказать вамъ?... Прекрасный молодой человѣкъ... прелюбезный... вѣроятно... первая любовь...

Люсіенъ, (*Въ сторону.*) О Боже!

Гиберъ. Она вѣрно началась въ Парижѣ... (*Съ живостію.*) Любовь чистая... платоническая... я увѣренъ!

Эрминія, (*мужу, съ нетерпѣніемъ*) Но наконецъ... кто жъ онъ?

Люсіенъ. Да... хотимъ знать его имя, или...

Гиберъ, (*съ замѣшательствомъ.*) Ну... вы всѣ свидѣтели, что я не виноватъ... что я никого не хотѣлъ назвать... но я долженъ, принужденъ... Это былъ Виконтъ!

Виконтъ, (*съ гнѣвомъ подбѣгаетъ къ нему*) Г-нъ Гиберъ!

Эрминія, (*Виконту*) Вы, сударь?... Возможно ли?

Виконтъ, (*Гиберу.*) Вы клялись мнѣ, что будете хранить втайнѣ?

Гиберъ. Не говорю нѣтъ!... Но мое положеніе.. Когда для собственнаго спасенія... надобно сказать правду!

Виконтъ. Да что вы знаете? Гдѣ доказательство?

Гиберъ. А! Это другое дѣло... оно до меня не касается... Пусть ничего не будетъ... я согласенъ... очень радъ! Но я васъ видѣлъ... вы сами признались...

Виконтъ, (*съ гнѣвомъ.*) Милостивый государь!

Гиберъ. Вы сами мнѣ говорили, и потомъ повторяли то же самое, передъ людьми, на которыхъ я могу указать...

Виконтъ, (*съ жаромъ.*) А если я васъ всѣхъ обманулъ... хвасталъ... солгалъ... Если по неосторожности, хвастовству или по другой причинѣ... я очернилъ дѣвушку, которой даже не зналъ...

Гиберъ, (*живо*) Вы сознаетесь?... Прекрасно!... Лучше и не нужно... Я этимъ особенно доволенъ, и за себя, и за другихъ. (*Смотритъ на Люсіена.*)

Виконтъ. Это правда!.. (*Громко.*) Да, я сказалъ правду... и если вы, г-нъ Гиберъ, если вы или кто другой, осмѣлитесь сомнѣваться въ моемъ искреннемъ признаніи... то оскорбите меня самаго... нанесете чести моей обиду, за которую я потребую отвѣта!...

(Уходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ X.

Многіе посѣтители на лѣвой сторонѣ окружили кокне; гиберъ и эрминія стоятъ на той же сторонѣ; на правой люсіенъ возлѣ г-жи савне, упавшей въ кресло. Остальные посѣтители группами собрались въ углубленіи театра и въ полголоса разговариваютъ о случившемся.

Кокне, (*на авансценѣ, нюхаетъ табакъ и разговариваетъ съ посѣтителями.*) Прекрасный молодой человѣкъ... достойный человѣкъ!... Ведетъ себя чудесно!... Поступаетъ какъ должно!

Гиберъ, (*въ полголоса*) Вотъ еще! Онъ не могъ поступить иначе!

Эрминія, (*въ изумленіи*) Какъ! Это былъ онъ!... И еще въ прошломъ году!...

Гиберъ, (*смѣясь.*) Не все ли равно: въ прошломъ или въ нынѣшнемъ...

Эрминія (*съ досадой*) О нѣтъ!... Впрочемъ, во всякое время, это очень дурно... безчестно!

(Говоритъ тихо съ мужемъ и Кокне.)

Г-жа Савне, (*сидитъ въ креслѣ на другой сторонѣ*) Не могу опомниться!

Люсіенъ. И я тоже!... (*Въ сторону, съ горестію и досадою.*) Гдѣ жъ первая любовь, о которой она сама вчера намъ говорила?...

Г-жа Савне. Ей надобно ѣхать, удалиться! Никто не зналъ про свадьбу, про контрактъ...

Люсіенъ (*въ сторону*) Слава Богу! (*Оборачивалсь.*) Боже! Вотъ и она!

(При появленіи Цециліи, всѣ перемигиваются и молчатъ.)

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же и Цецилія, входитъ изъ середней двери.

Цецилія, (*бѣжитъ весело въ Люсіену*) Ахъ! Какъ я вамъ благодарна!... Вы не замедлили отвѣтомъ! Отвѣтъ прелюбезный, премилый! Сейчасъ принесли мнѣ отъ васъ великолѣпную свадебную корзину...

Эрминія. Корзину... (*Въ сторону.*) Это моя!

Цецилія. Вы ее увидите.

Эрминія. Я ужъ знаю.

Цецилія. Превосходна?—не правда ли? А всего лучше, всего драгоцѣннѣе для меня... минута, которую вы выбрали для поднесенія мнѣ корзины... Я ждала отъ васъ такого доказательства уваженія и твердости...

Люсіенъ, (*съ смущеніемъ.*) Сударыня!..

Цецилія. Вы громко сказали, что отдаете мнѣ справедливость... не боитесь, при всѣхъ... признать и защитить свою невѣсту... жену...

Всѣ, (*въ полголоса, съ удивленіемъ*) Его жена!

Кокне, (*въ полголоса, Гиберу, указывая на Люсіена.*) Жена... этого господина?..

Гиберъ. Да... разумѣется!

Кокне. А я все разсказывалъ ему!... О, какъ мнѣ досадно!

Цецилія, (*беретъ за руку Люсіена*) Пойдемте, вмѣстѣ съ дамами, смотрѣть вашъ прелестный подарокъ!

Люсіенъ, (*въ полголоса, съ чувствомъ и грустію*) Извините... я бы хотѣлъ... Но не знаю, какъ сказать вамъ... Непредвидѣнныя обстоятельства... препятствія, превосходящія мою любовь... заставляютъ меня отложить намѣреніе, котораго нельзя теперь исполнить...

(Кланяется и уходитъ; за нимъ слѣдуютъ нѣсколько посѣтителей.)

—

ЯВЛЕНІЕ XII.

тѣ же, кромѣ люсіена.

Цецилія, (*съ удивленіемъ*) Какъ?.. Онъ уходитъ?.. (*Подходитъ къ нѣкоторымъ лицамъ, а тѣ удаляются и выходятъ.*) Меня убѣгаютъ... отъ меня отворачиваются.. (*Бѣжитъ къ г-жѣ Савне, которая все еще сидитъ.*) Ахъ! Что это значитъ?

Г-жа Савне (*встаетъ и говоритъ важно*) Въ эту минуту удерживаюсь отъ всякихъ замѣчаній!.. Въ другомъ мѣстѣ... послѣ... я поговорю съ вами... и скажу вамъ, что думаю!

(Она уходитъ. Всѣ за нею слѣдуютъ медленно и выходятъ въ разныя двери.)

Кокне, (*глядя на Цецилію, которая шатается и опирается на кресла*) Бѣдная... дѣвушка... какъ мнѣ ее жаль!.. (*Въ сторону.*) Посмотрите, однако жъ... всегда кончается тѣмъ, что всѣ узнаютъ!..

(Всѣ ушли. Одна Эрминія хочетъ подойти къ Цециліи; но Гиберъ удерживаетъ ее и уводитъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Цецилія, одна; едва стоитъ

Цецилія, Маркиза меня презираетъ и отталкиваетъ... даже мое семейство!.. Ахъ! Вотъ послѣдній ударъ!.. Что жъ я сдѣлала? Боже мой!.. Къ кому прибѣгнуть?.. Гдѣ искать правосудія?.. И въ моемъ бѣдствіи... (*Ремонъ показывается въ двери на правой сторонѣ.*) что мнѣ остается?

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Цецилія, Ремонъ, въ середней двери.

Ремонъ. Я, дитя мое, я!

Цецилія, (*бросаясь въ его объятія.*) А, другъ мой!.. Другъ мой!.. Спаситель мой!.. Защитите меня... (*Вырываясь изъ его объятій.*) Нѣтъ!.. Я не смѣю даже просить вашей защиты... они станутъ подозрѣвать... обвинять... меня... скажутъ...

Ремонъ. Что жъ за бѣда!.. Проходя черезъ ту залу, я слышалъ ихъ крики... но ничего не понялъ... Знаю только, что ты ихъ жертва и... спѣшу къ тебѣ на помощь... Тутъ несправедливость!.. Клевета!.. Я готовъ!.. Она меня знаетъ... она знаетъ, что я не привыкъ бѣгать отъ нея!.. Перестань, дочь моя... не бойся... Подними голову... смотри въ глаза клеветѣ... прямо! И если, при видѣ ея, ты испугаешься... опирайся на эту руку... она тебѣ не измѣнитъ!

(Уводитъ Цецилію въ середнюю дверь.)

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Декораціи тѣ же.

ЯВЛЕНІЕ I.

Виконтъ, Белло.

(Виконтъ прохаживается быстрыми шагами; Белло за нимъ слѣдуетъ.)

Белло. Пора, сударь, въ ванну...

Виконтъ, (*не останавливаясь*) Оставь меня!

Белло. Послѣ, будетъ поздно... а для больнаго...

Виконтъ, (*также*) Я ужъ не боленъ.

Белло. Уже!.. Вотъ что значитъ морская вода!

Виконтъ. Нѣтъ... Я ужасно страдаю... голова горитъ... Я былъ у дамъ... хотѣлъ признаться, что виноватъ... просить прощенія... Онѣ не приняли меня—и правы!.. Я бѣшусь на себя и на всѣхъ!.. Я говорю, что это неправда, а мнѣ никто не вѣритъ... напротивъ... мое упорство служитъ для нихъ новымъ доказательствомъ...

Белло. Будьте откровенны... съ ними, нѣтъ; хорошо!.. А со мною, вы можете признаться...

Виконтъ. И ты тоже... Говорю тебѣ, что нѣтъ...

Белло. Если у васъ есть свои причины, я согласенъ...

Виконтъ. Причины?.. Ни какихъ, кромѣ той, что я невольно оскорбилъ дѣвушку...

Белло. Только-то! Такъ вы черезъ чуръ добры!.. Ужъ говорятъ такъ много... не считая васъ ..

Виконтъ, (*съ досадой*) Опять... чортъ возьми!

Белло. Извините... считая васъ... говорятъ такъ много про нее и про ея тетку... которая получила пенсію въ двадцать тысячъ франковъ...

Виконтъ. Что это значитъ?

Белло. Если признаться... Между нашими посѣтителями, ваша защита...

Виконтъ. Ну! Договаривай!

Белло. Ну!.. Хорошіе молодые люди, Парижане, живущіе теперь здѣсь, говорятъ, что это неестественно, что ваше поведеніе удивляетъ ихъ, и что вѣрно есть причина...

Виконтъ. Причина?.. Что жъ они думаютъ?

Белло. Не скажу... Но вотъ Кокне... Онъ сейчасъ говорилъ съ ними...

Виконтъ, А! Такъ я узнаю отъ него...

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Белло, Виконтъ, Кокне.

Кокне. (*подходитъ къ нему и жметъ руку*) Браво, молодой человѣкъ, браво! Благородное ваше поведеніе доставитъ вамъ благосклонность дамъ... наши горожанки ужъ восхищаются вами, какъ сказывала мнѣ г-жа Кокне, и вы здѣсь успѣете болѣе, чѣмъ въ Парижѣ!

Виконтъ. И у него не выбьешь изъ головы!...

Кокне. Въ провинціи, всего болѣе уважаютъ не болтливыхъ людей... можетъ быть потому, что они въ провинціи рѣже, чѣмъ гдѣ нибудь!

Виконтъ. Но, милостивый государь...

Кокне. Не только великодушно, но и ловко... За то вы и выиграете... Всегда полезно вести себя хорошо... Если бъ вы признались хоть немножко, такъ вѣрно бы погибли...

Виконтъ. Почему же?

Кокне. Министръ бы разсердился!... Даромъ никто не позволитъ похитить такую хорошенькую любовницу!...

Виконтъ. (*съ удивленіемъ смотритъ на Белло, а тотъ киваетъ ему головою, въ знакъ согласія.*) Любовница министра?...

Кокне. Онъ никогда не далъ бы сопернику то мѣсто, которое вамъ обѣщалъ... а теперь, въ награду...

Виконтъ. Какъ?... Вы можете думать...

Кокне. Не я говорю... говорятъ ваши короткіе пріятели... они увѣряютъ, что вы не имѣете привычки защищать дамскую честь... даже напротивъ!... Но въ этомъ случаѣ, для карьера, можно одинъ разъ измѣнить своимъ правиламъ...

Виконтъ. Какъ гнусно!... Я способенъ солгать, унизиться, для лести министру, для полученія мѣста?... Стало быть, они считаютъ меня человѣкомъ безчестнымъ, презрѣннымъ!... Вотъ почему Деривьеръ отворотился отъ меня и не кланялся мнѣ...

Кокне. Не можетъ быть... вы ошиблись!

Виконтъ. Нѣтъ!.. Но по прошу у него отвѣта... Но разскажите мнѣ все... скажите, что они говорили?

Кокне. Ничего обиднаго, а такъ, обыкновенное... Они увѣряютъ, что теперь вы попали въ число приверженцовъ министерства, и въ три мѣсяца будете секретаремъ посольства... потому что не признались...

Виконтъ. Теперь жалѣю... Да, я виноватъ... и скажу, что все это правда...

Белло. Если правда, такъ скажите...

Виконтъ. Чортъ возьми!... Точно неправда!

Кокне, (*холодно*) Такъ не говорите, а дѣло кончится тѣмже!.. Теперь рѣшительно все равно: скажете ли вы да, или скажете нѣтъ!

Виконтъ. Вы меня бѣсите!... И если бъ вы не были почтеннымъ человѣкомъ... я бы напалъ на васъ первыхъ...

Кокне. (*въ испугѣ*). Что съ вами!

Виконтъ, (*успокоивая его*) Знаю, что не ваша вина; вы ни въ чемъ не виноваты!... Но не знаю ужъ что дѣлать, что говорить!.. Даже не буду смѣть защищать эту дѣвушку! Съ другой стороны... не желая казаться министерскимъ приверженцомъ, я не могу измѣнить совѣсти и правдѣ...

Кокне. Молчите... вотъ министръ!

ЯВЛЕНІЕ III.

БЕЛЛО, КОКНЕ, ВИКОНТЪ, РЕМОНЪ.

Виконтъ, (*въ сторону.*) Тѣмъ лучше! Хотя бы онъ со мной поссорился!... Это оправдало бы меня... И если онъ знаетъ...

Ремонъ, (*ласково.*) А! Виконтъ...

Виконтъ, (*горди*). Да, сударь, я...

Ремонъ, Я сейчасъ пріѣхалъ! Но до отъѣзда занимался вами.

Кокне. (*въ полголоса.*) Видители... мѣсто! (*въ сторону*) Счастливецъ!

(переходитъ на правую сторону и садится.)

Ремонъ. Вы найдете у себя письмо... надѣюсь... пріятное...

Виконтъ. (*въ смущеніи.*) Но я не знаю... долженъ ли я... могу ли...

Ремонъ. (*ласково*). Будете благодарить послѣ... прежде прочтите... а потомъ поговоримъ съ вами и съ вашимъ дядюшкой (*Жметъ ему руку.*) Прощайте! (*подходитъ къ Белло, который стоитъ у среднихъ дверей.*) Скажите г-ну Люсіену, что я пріѣхалъ и жду его здѣсь... въ залѣ.

Белло. Сейчасъ, ваше превосходительство! (*Указывая на другую залу.*) Онъ сейчасъ былъ тутъ, разговаривалъ съ гостями.

(Уходитъ въ залу, на правую сторону. Ремонъ садится къ круглому столу и беретъ журналъ. Въ это время Виконтъ переходитъ на правую сторону, къ Кокне и говоритъ ему въ полголоса.)

Виконтъ. Если мѣсто... я откажусь!

Кокне, (*пожимая плечами.*) Вотъ еще!

Виконтъ. Откажусь... увѣрю ватъ.

(Уходитъ).

Кокне. (*сидитъ на правой сторонѣ, а Ремонъ, на лѣвой читаетъ газету.*) Да... откажется, чтобъ получить получше... теперь онъ получитъ все, что захочетъ... Вотъ что значитъ быть красивымъ мужчиной и нравится любовницамъ важныхъ людей!... Очень радъ, что съ нимъ познакомился... Все таки защита отъ враговъ... и отъ нападеній Рабурдена.

Ремонъ. (*бросаетъ съ досадой газету на столъ и видитъ Кокне.*) Извините, сударь... я не видалъ васъ со вчерашняго дня... съ послѣдней нашей встрѣчи... которой я очень радъ... потому что всѣ ваши свѣденія... совершенно согласны съ тѣми, которыя я могъ собрать...

Кокне. (*съ радостію.*) Не такъ ли? (*Въ полголоса, кивая головою.*) Предурной выборъ!

Ремонъ. Очень дурной!... Человѣкъ неспособный... неуважаемый... какъ вы мнѣ говорили...

Кокне. Именно такъ!... и при томъ же, гнусный клеветникъ!

Ремонъ. Можетъ ли быть!... У васъ есть доказательства?

Кокне. (*съ таинственностію.*) Онъ меня оклеветалъ.. не позже, какъ вчера... меня... меня самаго...

Ремонъ. Довольно!... и если это правда, какъ и все остальное .. то клянусь, что онъ не получитъ мѣста.

Кокне. (*съ живостію.*) Больше мнѣ ничего не нужно... А теперь, ваше превосходительство... сего дня я знаю, съ кѣмъ имѣю честь говорить... хочу просить васъ ..

Ремонъ. Къ вашимъ услугамъ... (*Люсіенъ входитъ*) но только не теперь... я долженъ переговорить съ другомъ объ очень важномъ дѣлѣ.

Кокне. А! Догадываюсь... А я пока напишу записочку и доставлю вамъ...

Ремонъ, (*удерживая его*) Какъ! Вы догадываетесь?

Кокне, (*съ хитрымъ видомъ.*) Да, почти знаю дѣло... и всѣ вамъ скажутъ, какъ сильно я возставалъ противъ этихъ слуховъ нелѣпыхъ, ложныхъ...

Ремонъ. Мы ихъ уничтожимъ... отвѣчаю вамъ... съ помощію честныхъ людей... надѣюсь и на вашу!

Кокне. Непремѣнно!... Иду заготовить записочку... (*Кланяется и уходитъ.*)

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЛЮСІЕНЪ, ВХОДИТЪ МЕДЛЕННО И ПЕЧАЛЬНО, РЕМОНЪ.

Ремонъ. Ты хотѣлъ говорить со мною, сегодня утромъ, до моего отъѣзда.. теперь я самъ хочу переговорить съ тобою.. Боже мой! Какъ ты печаленъ, раздраженъ?... Что съ тобою?

Люсіенъ. И ты спрашиваешь?·· Всѣ говорятъ тамъ (указываетъ направо)—и ты можешь самъ слышать, что ты обманулъ меня...

Ремонъ. (*иронически улыбаясь*) Въ самомъ дѣлѣ?

Люсіенъ. Что ты хотѣлъ меня опозорить, унизить... и что я долженъ просить удовлетворенія, драться съ тобою!. Вотъ, что они говорятъ!

Ремонъ. Прекрасно! Успѣемъ еще сразиться; но не всегда успѣемъ поговорить дѣльно. Мы одни, объяснимся!.. Въ чемъ ты меня упрекаешь? Не знаю! Я видѣлъ только Цецилію: но она сама не знаетъ, по какимъ доказательствамъ, по чьимъ словамъ, произнесли надъ нею приговоръ. Я могъ узнать, распросить— въ извѣстіяхъ не было бы недостатка, въ извѣстіяхъ обрѣзанныхъ, обезображенныхъ, прикрашенныхъ добавленіями. Я хотѣлъ выслушать тебя, потому что ты почитаешь себя оскорбленнымъ... и напередъ обѣщалъ Цецилiи... она въ слезахъ—обѣщалъ маркизѣ Савне, которая хотѣла ужъ ѣхать, что сегодня, за обѣдомъ, когда у меня будетъ весь городъ, я докажу ясно, громко, что Цецилія невинна, чиста; что ея клеветники безчестны, а вѣрятъ имъ только глупцы... начиная съ тебя!... Теперь, обвиняй ее.. я готовъ защищать!..

Люсіенъ. Не я обвиняю... ее обвиняетъ внезапный, всеобщій ропотъ... Это голосъ общій...

Ремонъ. О, что такое общій голосъ? Гдѣ онъ начинается? Гдѣ оканчивается?— Изъ скольнихъ клеветниковъ и глупцовъ состоитъ онъ?— Слухи еще не доказательства— мнѣ нужны факты—

Люсіенъ, (*съ запинательствомъ*) Говорятъ... увѣряютъ...

Ремонъ. Фактовъ!

Люсіенъ. (*понизивъ голосъ*) Говорятъ— у ней были любовники— нѣсколько—

Ремонъ. (*хладнокровно*) Кто жъ они?

Люсіенъ. Во первыхъ, ты—

Ремонъ. (*съ ироническимъ удовольствіемъ.*) Хорошо... Эта клевета идетъ не криво, а прямо.. клевета откровенная и чистая, какую я люблю!... Разсмотримъ ее!... Не стану гововорить тебѣ, что Цецилія дочь моего благодѣтеля, моего втораго отца, которому я всѣмъ обязанъ; что онъ завѣщалъ мнѣ ее въ минуту смерти; что я воспиталъ ее, какъ дочь! А нельзя обезчестить дочь свою! Такой доводъ хорошъ только для тебя— а не для клеветы; она легко принимаетъ всякую неблагодарность и преступленіе— принимаетъ за вѣрное все, что безчестно! но я дамъ тебѣ доказазательства, болѣе убѣдительныя! Стану говорить о разсчетахъ корысти— о моихъ разсчетахъ, и на этотъ разъ, можетъ быть, повѣрятъ мнѣ. Если бъ я любилъ Цецилію, если бъ она меня любила, почему мнѣ на ней не жениться: она не только молода, прелестна, но и богата— моими трудами и моими усиліями возвращено ей богатство!— Она богата— а у меня ничего нѣтъ— ты это знаешь— имѣешь доказательства. (*Съ гордостію*). Да, что бы ни говорили, а я честный человѣкъ. и—слава Богу, ничего не имѣю... Не лучше ли обезпечить мою будущность, честно, законно, женясь на той, которую я люблю и которая меня любитъ, чѣмъ безславить ее безъ пользы? За чѣмъ превращать ее въ любовницу, какъ вы говорите, когда она можетъ быть моею женой? За чѣмъ? Что бы съ намѣреніемъ обезпечить дочь моего благодѣтеля? Для безполезнаго злодѣйства?

Люсіенъ. Нѣтъ! Нѣтъ! Невозможно!

Ремонъ. Однако жъ, вотъ, что они говорятъ, а ты могъ повѣрить!— Я хотѣлъ —говоришь ты, унизить, обмануть тебя, заставивъ тебя жениться на дѣвушкѣ, которую ты любишь... Ты самъ умолялъ меня отдать ее тебѣ— былъ счастливъ, что ее получаешь. Ежедневно являлись новые женихи— я ихъ удалялъ; выбралъ тебя, зная, что

ты честный человѣкъ, желая счастіе моей Цецилін, которая любитъ меня—какъ друга и какъ брата... Слышишь ли?.. Нельзя любить меня иначе. Но еслибъ ваши клеветы были справедливы.. еслибъ не смотря на мои раннія морщины, на мои преждевременные сѣдые волосы, она могла, какъ вы увѣряете, любить меня... о знай, что я не-уступилъ бы ее, ни тебѣ, никому другому, я нашелъ бы въ ней подругу, о которой мечталъ, утѣшеніе въ горестяхъ, счастіе всей моей жизни... и не только не отказался бы отъ такого сокровища, но поспорилъ бы съ тобою, не жалѣя моей крови, даже дружбы нашей!.. Однакожъ я отдалъ ее тебѣ... а ты въ награду, подозрѣваешь и обвиняешь меня... не только не защищаешь, но даже нападаешь и вызываешь меня на дуель... не выслушавъ меня, ты хотѣлъ уже драться со мною *(Люсіенъ показываетъ жестами, что нѣтъ)*. Успокойся... я все высказалъ... и если тебѣ угодно... мы на этомъ кончимъ!

Люсіенъ. О нѣтъ! все ложь и нелѣпость... въ отношеніи къ тебѣ... Я тебѣ вѣрю... уважаю тебя... но другіе!...

Ремонъ. Почему не можетъ быть того же и съ другими?.. На нихъ налгали такъ же, какъ на меня...

Люсіенъ. Невозможно... Отъ чего такая увѣренность... такая злоба... Кто можетъ сердиться на молодую дѣвушку?

Ремонъ. Вѣчная причина!

Люсіенъ. Кому выгодно клеветать на нее?

Ремонъ. Никому... а все таки клевещутъ! только клеветой занимаются здѣсь, на землѣ, даромъ, безъ выгодъ!... Въ сердцѣ человѣческомъ есть лукавый, злобный инстинктъ, заставляющій вѣрить скорѣе злу, чѣмъ добру... Отъ того въ свѣтѣ подаютъ помощь, опору, тайное и взаимное содѣйствіе къ развитію и распространенію лжи!... По этому, клевета вездѣ... а клеветникъ нигдѣ! нигдѣ нѣтъ драматическаго злодѣя, такого неловкаго, чтобъ онъ сталъ громко подтверждать извѣстную, положительную неправду, за которую воздадутъ ему пощечиной или судомъ!... Никогда не разсказываютъ въ обществѣ сущей неправды... но разсказываютъ правду иначе... не такъ, какъ она есть... обезображиваютъ ее, измѣняютъ ея смыслъ, перемѣняютъ подробности... а злоба доканчиваетъ. Часто, по невѣжеству, глубости и разговору въ гостиныхъ, самая чистая, самая ясная истина незамѣтно переходитъ въ совершенную ложь!

Люсіенъ... Правда... черезъ чужихъ людей... но черезъ родныхъ...

Ремонъ. Все равно!

Люсіенъ. Твой зять, напримѣръ... Г-нъ Гиберъ...

Ремонъ. Принадлежитъ къ большинству въ свѣтѣ... глупецъ!

Люсіенъ. Но сестра твоя... Эрминія?

Ремонъ. Къ другому большинству... къ большинству вѣтреныхъ кокетокъ!... Все это суета, жалость!... Главные виновники.. не враги наши, которые на насъ нападаютъ... это ихъ ремесло!... они ведутъ его совѣстливо! Гораздо хуже наши друзья, когда они насъ не защищаютъ... уступаютъ... оставляютъ насъ!... Г-жа Савне хотѣла ѣхать, я ее удержалъ... ты отвергаешь Цецилію и позоришь ее!...

Люсіенъ. Но я молчалъ...

Ремонъ. А! вотъ наши друзья!... Они молчатъ!... въ томъ вся ихъ храбрость! Они молчатъ среди всеобщаго говора... нѣтъ! Надобно возвышать голосъ, когда реветъ буря!... клеветники услышатъ мой голосъ, я не боюсь криковъ!.. Когда нападаютъ на моихъ друзей... я не отступаю, остаюсь съ ними... иди впереди ихъ!... и если ты хочешь слѣдовать моему примѣру...

Люсіенъ. Можешь ли сомнѣваться?

Ремонъ. Я тебѣ скажу, что мы должны дѣлать.—

Люсіенъ. Во первыхъ, не драться на дуели!

Ремонъ. Разумѣется!.. Дуель—послѣдній, смертный ударъ для репутаціи Цецилін... потомъ... можно побѣдить клевету, добравшись до ея источника... попытаемся... оба станемъ отыскивать начало этихъ слуховъ... Отъ кого ты слышалъ?.. Подумай... припомни...

Люсіенъ. Не знаю... вчера, здѣсь... въ этой залѣ...

(Въ эту минуту, Белло входитъ въ середнюю дверь и идетъ къ двери на лѣво, съ подносомъ и чайнымъ приборомъ. Онъ ставитъ подносъ на столъ, на лѣвой сторонѣ, поправляетъ ложки и чашки, и уходитъ.)

Люсіенъ (*когда Белло входитъ.*) Да... слуга Белло... прежде всѣхъ другихъ...

Ремонъ. Не удивляюсь... начало должно быть такъ низко!... Ты говорилъ о общественномъ мнѣніи... вотъ его отрывокъ!..

Люсіенъ (*въ полголоса съ гнѣвомъ.*) Негодяй!..

Ремонъ. (*также.*) Ты его презираешь, когда онъ одинъ... но — кланяешся ему

когда такихъ много?.. Потомъ!.. кто второй?

Люсіенъ. Да... всѣ!

Ремонъ (съ нетерпѣніемъ.) Кто жъ именно?

—

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ-ЖЕ, КОКНЕ.

Люсіенъ (увидѣвъ Кокне, который входитъ въ правую дверь, съ запискою въ рукахъ.) Да.— вотъ этотъ, Кокне!

Ремонъ (съ удивленіемъ.) Кокне!

Люсіенъ. Онъ поговорилъ мнѣ о трехъ или четырехъ интригахъ.—

Ремонъ (съ удивленіемъ.) Какъ! это г-нъ Кокне?

Кокне. (съ замѣшательствомъ, кладетъ записку въ карманъ.) Да-съ... вы меня не знали.—

Ремонъ. А теперь начинаю узнавать!.. позорить дѣвушку,— не имѣя причины обвинять,— ни даже подозрѣвать!...

Кокне (съ живостію.) Такъ мнѣ сказали, и я повѣрилъ... повѣрилъ, потому...

Ремонъ. Ужь не потому ли, что вы ее знаете?

Кокне. Нѣтъ-съ, потому что не зналъ... никогда невидалъ ее... не зналъ, что вы ею занимаетесь... при томъ же, мнѣ разсказывалъ человѣкъ почтенный... одинъ изъ вашихъ родственниковъ...

Ремонъ. Да кто же?...

Кокне. Мнѣ сказывалъ... г-нъ Гиберъ.

Ремонъ. Мой зять?

Кокне. Онъ мнѣ признался, или лучше сказать, намекнулъ, что онъ самъ...

Ремонъ. И онъ!... Онъ видѣлъ Цецилію вчера въ первый разъ!...

Кокне. А сегодня... *(указывая на Люсіена.)* при нихъ... признался, что не онъ... а одинъ изъ его друзей... молодой человѣкъ... который не сознается... защищается...

Ремонъ. Видишь ли?... Число уменьшается, и доходитъ до одного... да и тотъ не сознается... По одному слову, по одному предположенію, котораго никто не подтверждаетъ, позорятъ честь... репутацію женщины... Но все началось съ Гибера!— Теперь ужъ твое дѣло!... Поди къ дамамъ... успокой ихъ... утѣшь! Я пошлю сказать Гиберу, что жду его здѣсь!

Кокне. Пойду самъ и пришлю его!... Счастливъ, что могу вмѣстѣ съ вами открыть клевету, и доставить побѣду истинѣ!

(Уходитъ въ середнюю дверь, а Люсіенъ направо.

—

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ремонъ. (одинъ.)

А! Гиберъ!... Я васъ проучу!.. Кто жъ этотъ молодой человѣкъ?... Узнаю отъ Гибера!...

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

ВИКОНТЪ, РЕМОНЪ.

Ремонъ. А!... Виконтъ!... Вы получили?...

Виконтъ. Да! Порученіе, которымъ вы меня удостоиваете!... Я пришелъ сказать... къ величайшему сожалѣнію... я не могу принять вашей милости...

Ремонъ. А почему же?

Виконтъ. Въ теперешнемъ моемъ положеніи, она наложитъ на меня око... помѣшаетъ мнѣ сказать истину... и особенно наказать тѣхъ, кто вздумалъ бы сомнѣваться въ словахъ моихъ!

Ремонъ. Признаюсь вамъ... я не понимаю!

Виконтъ. Невольно, хотя и невинно, замѣшанъ я въ оскорбительные слухи про дѣвицу Морна... Когда я сталъ защищать, хотѣлъ оправдать ее... всѣ заговорили, что я ищу не истины, а вашей милости... А вы знаете...

Ремонъ. Знаю, что они на все способны... и теперь понимаю васъ... Но слухи, о которыхъ вы говорите...

Виконтъ. Совершенно ложны!... Я напрасно твержу всѣмъ... даже Гиберу... который меня обвиняетъ...

Ремонъ. (съ живостію.) А! нашелъ!... Такъ Гиберъ говоритъ, что васъ любила Цецилія?

Виконтъ. Я прежде никогда не видалъ ее!

Ремонъ. (потирая руки.) Браво!... Я такъ и зналъ!... Всегда такъ бываетъ!

Виконтъ. Однако жъ, онъ невиновнѣе меня...

Ремонъ, (увидя входящаго Гибера, бѣжитъ къ нему.) Сейчасъ узнаемъ!... Пожалуйте сюда...

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ЛЮСІЕНЪ, РЕМОНЪ, ГИБЕРЪ.

Гиберъ (*съ удивленіемъ.*) Что такое?... Кокне сказалъ мнѣ, что вы очень разсердились на меня.

Ремонъ (*Гиберу.*) И не безъ причины!... Вы осмѣлились говорить...

Виконтъ. (*Ремону, съ живостію.*) Вы не дослушали меня... Все что онъ говорилъ ложь... (*Указываетъ на Гибера*) Да, сударь!. Однако жъ, по моей не осторожности.. вѣтренности... по моей винѣ...онъ имѣлъ право такъ говорить... и признаюсь, онъ ошибался, клеветалъ, но по чистой совѣсти...

Гиберъ (*простодушно*) Разумѣется, я всегда дѣйствую совѣстливо... Кто смѣетъ сомнѣваться?...

Ремонъ, (*Виконту.*) Докапчивайте, сударь, договаривайте... Какъ опекунъ Цециліи, я имѣю право на объясненіе ..

Виконтъ, (*съ замышальствомъ.*) Знаю...

Гиберъ. И я тоже, за себя... меня оклеветали передъ братомъ жены моей!

Ремонъ. (*показываетъ ему знаками, чтобъ онъ молчалъ.*) Довольно !

Виконтъ, (*Ремону.*) Да... я желалъ бы вамъ объяснить... но затрудняюсь... объясненіе повредитъ другимъ...

Ремонъ. Не называйте ихъ... требую отъ васъ не именъ, а фактовъ...

Виконтъ. Да ихъ—то трудно разсказать... въ эту минуту... не подумавши... безъ приготовленія...

Ремонъ. Ба! Умный малый, какъ вы, всегда можетъ разсказать...

Гиберъ. Притомъ же, мы догадаемся по намекамъ...

Виконтъ. (*Ремону.*) Я желалъ бы довѣрить вамъ одному...

Ремонъ. Невозможно!... Не при мнѣ, а при Гиберѣ оклеветали Цецилію— такъ при немъ—то и надобно все уничтожить...

(Ставитъ его между собою и Гиберомъ.)

Гиберъ. Дѣльно и совершенно справедливо!

Виконтъ, (*нерѣшительно.*) Самъ чувствую.. но все таки.. (*ободрясь*) Ну.. назадъ тому шесть мѣсяцевъ, я былъ въ Руанѣ, и тамъ, въ *Англійской гостиницѣ* жила дама...

Гиберъ. Замужняя...

Виконтъ, (*холодно.*) Нѣтъ... вдова.

Гиберъ. Все равно!... Есть премилыя вдовушки...

Виконтъ. Эта была прелестна... молода, умна... безподобна...

Гиберъ. Какъ и всѣ вдовушки!

Виконтъ. Она жила одна, съ служанкою. Я зналъ ее въ Парижѣ... Часто кайялся ей въ Италіянскомъ Театрѣ... и опять встрѣтилъ въ Руанѣ! Парижанинъ и парижанка на чужбинѣ, то есть въ провинціи!.. Она любила искусства... мы играли... пѣли романсы...

Ремонъ. Не дурно... очень хорошо!

Виконтъ. Мелодіи Шуберта...

Гиберъ. Понимаемъ...

Виконтъ. Въ одинъ день... въ день ея отъѣзда... послѣ спора... дѣло шло о музыкѣ... споръ былъ жаркій... и я простился съ нею на всегда... (*Ремону.*) Въ самомъ дѣлѣ, я послѣ съ нею не видался... клянусь вамъ—

Гиберъ. Намъ все равно...

Виконтъ. Я выходилъ отъ нея, и въ корридорѣ гостиницы встрѣтился—(*указывал на Гибера.*) съ ними...

Гиберъ. Я только что пріѣхалъ изъ Парижа на пароходѣ... въ четыре часа утромъ... встрѣча романтическая!... А! Шалунъ, сказалъ я ему, откуда вы идете?

Виконтъ. При такой нечаянной встрѣчѣ, въ смущеніи... не желая повредить дамѣ, ни назвать ее... я указалъ рукою на первую попавшуюся дверь... и просилъ его молчать...

Гиберъ. Желтая дверь, № 12... какъ теперь вижу...

Виконтъ. Вечеромъ, прелестная дѣвушка, съ старою родственницею, проходятъ по общей залѣ, садятся въ карету... и уѣзжаютъ изъ города... Каково было мое удивленіе, когда г-нъ Гиберъ, который зналъ ее не болѣе меня, и другіе молодые люди, которымъ онъ все разсказалъ,... начали, смѣясь, поздравлять меня съ счастливою побѣдою .. Тутъ начинается вина моя, непростительная... я самъ никогда не прощу себѣ... Я не принималъ чести, которую мнѣ приписывали...

Гиберъ. Правда, я свидѣтель...

Виконтъ. Но не такъ сильно, какъ бы слѣдовало... Что дѣлать?... Никто не зналъ этихъ дамъ... я ихъ не видывалъ прежде... не долженъ былъ видѣть послѣ... самолюбіе... чванство... другія причины, болѣе сильныя... страхъ, что опозорю женщину, которой я обѣщалъ хранить тайну... вы понимаете...

Ремонъ. Понимаю, сударь, что тогда вы были въ правѣ поступить такимъ обра-

зомъ... но теперь, для полнаго оправданія Цециліи, надобно сказать имя этой женщины—

Виконтъ (*съ живостію.*) О! Никогда... никогда! Ея положеніе, мѣсто въ обществѣ... Скорѣе умру, чѣмъ рѣшусь погубить ее!

Ремонъ, (*строго.*) Развѣ эта женщина такъ достойна уваженія въ самомъ преступленіи, что можно для нея пожертвовать честію дѣвушки невиновной, чистой...

Виконтъ. Разумѣется, нѣтъ .. Но не для нея, а для ея родныхъ... для ея семейства... для ея благородныхъ и честныхъ родственниковъ... которыхъ я почитаю... уважаю...

Ремонъ. Какое до нихъ дѣло!... Преступленія относятся къ преступникамъ лично... правда прежде всего... и вы должны сказать ея имя...

Гиберъ. Вы должны сказать все... вы скажете—

Виконтъ, (*Ремону*) Я сказалъ все, что могъ... не требуйте больше... Впрочемъ, говорите... приказывайте... требуйте чего вамъ угодно!... я готовъ повиноваться... но прошу... умоляю васъ...

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

КОКНЕ выходитъ изъ первой двери на лѣвой сторонѣ; ЭРМИНІЯ, изъ второй двери на той же сторонѣ; РЕМОНЪ, ВИКОНТЪ, ГИБЕРЪ.

Эрминія, (*входитъ при послѣднихъ словахъ и слышитъ ихъ.*) А! И Виконтъ тоже проситъ—

Ремонъ, (*живо*) Да, сестра моя!

Кокне, (*Эрминіи, указывая на первую дверь налѣво, изъ которой вышелъ.*) Принесли костяныя издѣлія, вами выбранныя... (*Гиберъ переходитъ и становится возлѣ жены.*) Купецъ ждетъ васъ тамъ...

Эрминія, (*Кокне*) Сейчасъ приду! (*Оборачивается къ брату и указываетъ на Виконта.*) Надѣюсь, что онъ будетъ счастливѣе меня, и вы не откажете въ его просьбѣ...

Виконтъ. (*Ремону, просительно.*) И я тоже надѣюсь...

Эрминія, (*весело, Ремону*) Непремѣнно!... Онъ премилый мужчина... чрезвычайно любезный и услужливый... (*Переходитъ на лѣвую сторону, къ Кокне; на правой сторонѣ, мужчины разговариваютъ въ полголоса.*) Въ прошломъ году, когда мужъ оставилъ меня одну въ Руанѣ... онъ неотлучно былъ со мною... Мы играли... пѣли мелодіи Шуберта...

Гиберъ, *Ремонъ*, *Виконтъ*, (*въ изумленіи*) О Боже!

Ремонъ, (*удерживая за руку Гибера, который хочетъ бѣжать къ женѣ.*) Молчи... ты долженъ молчать...

Эрминія, (*въ удивленіи, со смѣхомъ*) Что съ ними сдѣлалось?

(Въ эту минуту, изъ середней и боковыхъ дверей входятъ посѣтители.)

Гиберъ, (*удерживаемый Ремономъ*) Что со мною... со мною... вотъ гости!... (*Въ сторону.*) И не могу даже бѣсится свободно!...

Ремонъ, (*Виконту.*) Я сейчасъ къ вамъ приду, сударь... сейчасъ!

(Виконтъ выходитъ въ дверь направо, въ ту минуту, какъ входитъ купецъ съ ларчикомъ. Увидѣвъ его, Эрминія идетъ къ нему на встрѣчу, и вмѣстѣ съ дамами, во время слѣдующаго явленія, разсматриваетъ издѣлія, на столѣ, въ углубленіи сцены.)

—

ЯВЛЕНІЕ X.

КОКНЕ на авансценѣ; ГИБЕРЪ, Г-ЖА САВИЕ, ЛЮСІЕНЪ, РЕМОНЪ.

Г-жа Савие, (*Ремону.*) Наконецъ... какъ я говорила, какъ я была увѣрена, мы навѣрное узнали всю клевету... Самъ Люсіенъ увѣряетъ...

Ремонъ, (*смотря на Эрминію.*) Да... маркиза... да... и нѣтъ уже сомнѣнія...

Люсіенъ, (*съ торжествующимъ видомъ Ремону.*) А! Ты былъ правъ!... Ты сказалъ, что оправдаешь ее при всѣхъ...

Ремонъ, (*съ замѣшательствомъ.*) Да... я говорилъ... и теперь тоже повторю— но въ эту минуту и при всѣхъ... не могу.

Люсіенъ. Напротивъ, при насъ... и при всѣхъ другихъ—(*Хочетъ итти къ посѣтителямъ*, *Ремонъ его удерживаетъ.*). Что съ тобою?.. Я видѣлъ тебя смѣлымъ, увѣреннымъ... (*Смотритъ на него*) Какъ ты блѣденъ, смущенъ! Развѣ еще не убѣжденъ... имѣешь сомнѣнія?

Ремонъ. Сомнѣнія?... Однимъ словомъ могу возвратить ей честь!... Да, чтобы ни было... (*въ сторону*) даже съ своимъ позоромъ, я обязанъ.— (*Идетъ впередъ; Ги-*

беръ къ нему приближается, Ремонъ останавливается.) Нѣтъ!.. Мой бѣдный отецъ!.. Онъ умретъ!.. (*Люсіену.*) Скажу послѣ одному тебѣ... а до тѣхъ поръ, если моего слова тебѣ недостаточно... (*указывая на Гибера*), вотъ источникъ этой клеветы!

Люсіенъ. Онъ!...

Ремонъ. Онъ лучше всѣхъ знаетъ, сколько она несправедлива!...

(Уходитъ въ ту дверь направо, въ которую вышелъ Виконтъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XI.

КОКНЕ, ЭРМИНІЯ, Г-ЖА САВНЕ, ГИБЕРЪ, ЛЮСІЕНЪ.

(Когда Ремонъ выходитъ, Эрминія отпускаетъ купца и возвращается на авансцену.)

Люсіенъ (*Гиберу.*) Когда вы все знаете, милостивый государь...

Эрминія (*весело.*) Въ самомъ дѣлѣ.....

Люсіенъ. Говорите! Мы васъ слушаемъ!

Г-жа Савне. Говорите.— Я имѣю право требовать отъ васъ доказательствъ, что Цецилія не виновата. Говорите!

Люсіенъ. Я вездѣ разглашу ихъ... разскажу всѣмъ...

Гиберъ. Только этого не доставало!.. Я объявляю, милостивый государь, что мнѣ нечего говорить... ни вамъ, ни другимъ.—

Эрминія. Такъ онъ ничего не знаетъ.—

Кокне. Къ несчастію, очень вѣроятно.—

Гиберъ (*съ бѣшенствомъ, женѣ.*) Я ничего не знаю, говорите вы?... Я все знаю!

Эрминія. Ну, такъ говорите!... Кто жъ вамъ мѣшаетъ?

Гиберъ. Кто мѣшаетъ?.— И вы спрашиваете?.—

Люсіенъ. Да, сударь, спрашиваютъ!.. Вы ужъ сегодня утромъ обвиняли при мнѣ дѣвушку, которую я долженъ защищать... А теперь, вы знаете, что она невинна, что вы ее оклеветали,—можете ее оправдать и не оправдываете... Не хочу называть такого поступка... но могу требовать за него отвѣта... и объявляю вамъ здѣсь, сударь, что вы скажете...

Г-жа Савне, Кокне, Эрминія. Да, разумѣется... говорите!

Гиберъ (*смотритъ на жену, хочетъ, но не смѣетъ говорить.*) Задыхаюсь!... Смѣть при мнѣ... съ такимъ хладнокровіемъ... нѣтъ... не скажу!

Люсіенъ (*съ силою, беретъ его за руку*) Вы скажете... или дуель...

Гиберъ (*внѣ себя.*) Пожалуй... извольте... надобно же на комъ нибудь вымѣстить!... Дуель... согласенъ... дуель!...

Цецилія (*выходитъ съ правой стороны и слышитъ послѣднія слова.*) Дуель!... О Боже!—

(Шатается и почти теряетъ чувства; Кокне и г-жа Савне подбѣгаютъ къ ней, поддерживаютъ и уводятъ ее въ ея комнату.)

Люсіенъ (*Гиберу.*) Я готовъ!...

Гиберъ. И я такъ же!

(Идутъ быстро въ середнюю дверь; Эрминія и посѣтители бросаются за ними и выходятъ въ безпорядкѣ.)

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Комната г-жи Савне.

ЯВЛЕНІЕ I.

Г-ЖА САВНЕ ВХОДИТЪ ВЪ СЕРЕДНЮЮ ДВЕРЬ; ЦЕЦИЛІЯ ВХОДИТЪ СЪ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.

Цецилія, (*съ безпокойствомъ*) Что, маркиза?... Какія вѣсти?...

Г-жа Савне. Дурныя!.. они дрались на дуели!...

Цецилія. Я погибла!

Г-жа Савне. Не знаю еще подробностей.... но, кажется, Виконтъ вмѣшался въ это дѣло... кто-то раненъ... но неопасно... Все равно.... молва та же.... Послѣ такой исторіи, не смотря на всѣ мои усилія защищать васъ.... и даже вѣрить вамъ....

Цецилія. Какъ! Вы можете....

Г-жа Савне. Послушайте, Цецилія, зачѣмъ притворяться?... Поговоримъ откровенно.... Есть еще средство спасти васъ.... наше родство.... хотя дальнее... моя привязанность къ вамъ... клевета, которую на меня выдумали и которую надобно уничтожить... все заставляло меня рѣшиться на послѣднюю попытку въ вашу пользу...

Цецилія, (*съ нетерпѣніемъ.*) Позвольте мнѣ только....

Г-жа Савне. Прежде выслушайте меня, а потомъ отвѣчайте... или лучше сказать, нечего и отвѣчать... Маркизъ Соммервиль, перъ Франціи, дядя виконта, пріѣхалъ сегодня въ Діепъ лечиться.... и вы понимаете его негодованіе, когда онъ узналъ про поведеніе племянника.... Маркизъ не безбожникъ, не безнравственный человѣкъ!... Прежде, я часто съ нимъ видалась... очень часто!.. А знатные люди легко понимаютъ другъ друга... говорятъ однимъ языкомъ.... Онъ понялъ, какъ и я, что бракъ необходимъ.... взялся убѣдить племянника... единственнаго своего наслѣдника....

Цецилія, (съ досадой.) Однако жъ, сударыня...

Г-жа Савне. Онъ искалъ для него богатой невѣсты... виконтъ бѣденъ.... Вы богаты... родные согласны... и я тоже....

Цецилія, (въ себя.) А я... отказываю!..

Г-жа Савне. Послѣ всего, что было!..

Цецилія. Ничего не было!... Вы говорите, что любите меня... дружны со мною.... такъ прошу у васъ доказательства, самаго важнаго... увезите меня... уѣдемъ отсюда...

Г-жа Савне. А что скажутъ?

Цецилія. Что имъ угодно!... Только бъ я уѣхала... удалилась...

Г-жа Савне. Въ этомъ неожиданномъ намѣреніи вѣрно есть какая нибудь новая тайна...

Цецилія. Никакой, маркиза.

Г-жа Савне. О! вѣрно!... Не хочу въ другой разъ играть роль, недостойную меня, и требую отъ васъ совершенной откровенности.... довѣрія!... Мнѣ кажется, послѣ всего, что я для васъ сдѣлала, я имѣю права на ваше довѣріе!... Говорите... соглашусь на вашу просьбу.... сейчасъ увезу васъ....

Цецилія, (съ нетерпѣніемъ и горестію) Но что должна я сказать вамъ?... Мнѣ не въ чемъ признаваться...

Г-жа Савне. Какъ!.. А виконтъ?...

Цецилія. Я о немъ никогда не думала.

Г-жа Савне. Такъ вы никогда не любили никого!.. Клянитесь передъ Богомъ!

Цецилія, (Съ замѣшательствомъ) Ахъ! Маркиза!..

Г-жа Савне, (живо) Стало быть, правда!...

Цецилія, (также.) О! Клянусь небомъ... Только въ эту минуту я поняла тайну сердца....

Г-жа Савне. Наконецъ!.. Вотъ, что называется говорить!... Давно бы такъ!...

Цецилія. Прежде я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ!.... Они казались мнѣ дружбою, благодарностію.... не болѣе... Однако жъ, не довѣряя самой себѣ... я старалась побѣдить... удалить эти мысли... Мнѣ удалось... я соглашалась итти замужъ..... принуждала себя любить жениха... Но когда я увидѣла, что онъ, что всѣ, и даже вы.... меня оставляете... что только одинъ человѣкъ осмѣливается защищать меня и жертвовать своею честію для моей... О! Тогда... съ уваженіемъ, восторгомъ, нѣжностію.... я поняла, что чувствую къ нему!... И не только не краснѣю, но даже думаю, что такъ должно быть... я горжусь этимъ... Вотъ мое преступленіе... если это есть преступленіе!.. И только вамъ однѣмъ довѣряюсь... *(Въ полголоса, выразительно.)* Я люблю его!

Г-жа Савне. Его? Ремона?

Цецилія. Благороднѣйшаго..... великодушнѣйшаго изъ людей!...

Г-жа Савне. Что не помѣшало ему соблазнить дѣвушку, которую довѣрили его надзору и моему....

Цецилія. Нѣтъ! Онъ не знаетъ тайны...

Савне. Не можетъ быть!

Цецилія. Даже не подозрѣваетъ!... Никогда не узнаетъ!... И въ доказательство, умоляю васъ увезти меня отсюда.... сейчасъ уѣхать....

—

ЯВЛЕНІЕ II.

Г-ЖА САВНЕ, КОКНЕ, входитъ при послѣднихъ словахъ, ЦЕЦИЛІЯ.

Кокне. Извините... но въ эту минуту, намѣреніе ваше не совсѣмъ благоразумно ..

Цецилія. Отъ чего же?

Кокне. Несчастная дуэль надѣлала шуму въ городѣ... и тѣмъ хуже, что сегодня утромъ министръ долженъ былъ драться съ г. Люсіеномъ.... всѣ того ожидали... но видно онъ не захотѣлъ....

Цецилія. Неправда!

Кокне. Разумѣется.... но такая ходитъ молва... говорятъ также, что виконтъ вмѣшался въ дѣло и стрѣлялся вмѣсто министра... Нелѣпость!.. Но правда или нѣтъ, а все ужасно: онъ раненъ...

Г-жа Савне. А, такъ виконтъ раненъ...

Цецилія. Говорятъ, неопасно...

Кокне. Очень опасно!... Я боялся вамъ сказать...

Цецилія (удерживая негодованіе) Договаривайте!

Г-жа Савне. Вы тамъ были?

Кокне. Нѣтъ-съ... Я только что-съ разстался съ ними *(указываетъ на Цецилію....* я ухаживалъ за ними вмѣстѣ съ вами... побѣжалъ туда, но ужъ все было кончено... Но мнѣ говорилъ достовѣрный свидѣтель... очевидецъ.... Всѣ жалѣютъ о молодомъ человѣкѣ, негодуютъ на министра... *(Цецилія дѣлаетъ жесть!....* Нелѣпо, но ропотъ всеобщій... Всѣ кричатъ... и министръ не спасется.... принужденъ будетъ подать въ отставку.... *(Въ сторону.)* Хоть бы онъ успѣлъ дать мнѣ мѣсто...

Г-жа Савне. Всѣ такъ вооружены противъ него....

Кокне. Если бъ онъ показался, такъ народъ забросалъ бы его каменьями!...

Цецилія. Ахъ, Боже мой!

Кокне. Потому-то... хоть и несправедливо... не знаю, какъ вамъ сказать... за него, и на васъ негодуютъ....

Г-жа Савне. Что такое?

Кокне. На площади толпа народа!... И если бъ увидали карету... съ вашимъ гербомъ...

Г-жа Савне. Съ гербомъ Савне!..

Кокне. Именно!.. Вашу карету знаютъ.. а мою нѣтъ!. Семейный кабріолетъ.. Вы можете взять его у меня, онъ довезетъ васъ до первой станціи....

Цецилія. Ахъ, какъ благодарить васъ...

Кокне. Счастливъ, что могу служить... сегодня утромъ, тетушка ваша приняла меня очень дурно, но вы, надѣюсь....

Цецилія. О, будьте увѣрены, что моя признательность.... *(г-жѣ Савне)* Только одинъ онъ принимаетъ во мнѣ нѣкоторое участіе....

Кокне. Уйдемте въ боковыя двери!

Цецилія. Да... уѣдемте поскорѣй...

—

ЯВЛЕНІЕ III.

КОКНЕ, Г-ЖА САВНЕ, ЦЕЦИЛІЯ, РЕМОНЪ.

Ремонъ. Ѣхать!.. Зачѣмъ же?

Цецилія. Отъ бѣды.... отъ страшныхъ слуховъ!...

Ремонъ, (улыбаясь.) Все прошло!... Я поспѣлъ вмѣстѣ съ Виконтомъ къ самому началу дуели... Нельзя было уговорить противниковъ; я бросился въ середину, меня оцарапали... *(Указываетъ на руку, обвязанную черною тафтою.)* Только одна капля крови пролита въ этой достопамятной битвѣ...

Г-жа Савне. Говорили, что виконтъ раненъ...

Цецилія. Очень опасно...

Кокне. Мнѣ сказывалъ слуга Белло, что слышалъ отъ очевидца....

Ремонъ. «Вотъ такъ-то пишутъ исторію!» Вѣрьте же, послѣ этого, разсказамъ о большихъ сраженіяхъ!.. Впрочемъ, за войною миръ!... Онъ уже подписанъ... Виконтъ и я доставили Люсіену доказательства такія ясныя, вѣрныя, положительныя, что онъ подалъ руку противнику...

Кокне. Въ самомъ дѣлѣ...

Ремонъ, (Цецилію) Теперь... какъ я тебѣ обѣщалъ... нѣтъ болѣе подозрѣній... все уничтожено!.. Люсіенъ потребуетъ твоей руки... она принадлежитъ ему... онъ за нее сражался... и сей часъ, за обѣдомъ, при блестящемъ обществѣ Діеппа и Парижа, мы объявимъ о вашей свадьбѣ...

Цецилія, съ замѣшательствомъ. Нѣтъ... нѣтъ... прошу васъ!

Ремонъ. Почему же?

Цецилія. Я рада... что Люсіенъ отдаетъ мнѣ справедливость... хоть поздно.... Но тотъ, кто могъ подозрѣвать меня... обвинять...

Ремонъ. Полно!.. Полно!.. Всѣ мы можемъ заблуждаться.. а онъ, по характеру своему, болѣе всѣхъ!.. Не забудь, что онъ, почитая тебя виновною, все еще любилъ, защищалъ тебя и дрался за тебя!.. Этимъ онъ могъ повредить тебѣ еще болѣе, но тутъ доказательство, если не ума его, такъ по крайней мѣрѣ, его нѣжности...

Цецилія Такъ.. Но вчера еще вы давали мнѣ свободу въ выборѣ...

Ремонъ. Вчера, безъ сомнѣнія, по одному твоему слову, я бы отказалъ; но сегодня невозможно.. Огласка дуели, предшествовавшіе слухи.. клеветы.. по нелѣпости своей, принуждаютъ насъ къ этому браку— непремѣнно! Для тебя, Цецилія, для твоей чести.. прошу, умоляю именемъ благоразумія— дружбою...

Цецилія (въ нерѣшимости) Ахъ! Я...

Ремонъ. Отецъ твой передалъ мнѣ свои права... Ты знаешь... и еслибъ онъ былъ здѣсь, то самъ сказалъ бы тебѣ: »Такъ надобно, дочь моя, я этого требую«.

Цецилія (въ полголоса, Г-жѣ Савне) Слышите, маркиза?— Не правду ли я вамъ сказала?

Г-жа Савне (Ремону). Но однако жъ, если есть такія препятствія...

Цецилія (съ живостію въ полголоса Г-жѣ Савне) Молчите·· ради неба!·· *(Въ слухъ)* Если вамъ угодно, Ремонъ... хоть мнѣ очень тяжело.. я повинуюсь... не уѣду.. *(къ Кокне)* Благодарю за старанія, за услуги— я ихъ никогда не забуду *(Г-жѣ Савне)*. Пойдемте, маркиза.

(Обѣ уходятъ въ дверь на право)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Кокне, Ремонъ.

Ремонъ. (съ удивленіемъ) Она благодаритъ васъ...

Кокне. За мои услуги... Я хотѣлъ загладить невольную вину... надѣюсь, что это возметъ перевѣсъ надъ зломъ, которое насказали вамъ враги мои!

Ремонъ. Враги!.. Г-нъ Кокне, у васъ только одинъ врагъ: вы сами! *(подаетъ ему бумагу)*. Вотъ просьба, которую я получилъ вчера въ минуту пріѣзда...

Кокне (взглянувъ на бумагу) Моя прозьба!.. Возможноли!..

Ремонъ. И о нейто вы сказали мнѣ свое мнѣніе!

Кокне, (съ живостію). Вы такъ справедливы, что не повѣрите ему!.. Тутъ ошибка.. клевета...

Ремонъ. (улыбаясь) Нѣтъ— къ несчастію, только злословіе... всѣ нареканія на васъ... и отъ васъ... совершенная правда!..

Кокне. (съ живостію) Это случайно!.. Я самъ не зналъ, что дѣлалъ!

Ремонъ. Однако жъ вы съ умысломъ распустили по городу самые оскорбительные слухи на счетъ вашего соперника и соискателя!.. Вы обвиняли Рабурдена въ доносахъ и въ интригахъ— а я его никогда не видалъ!.. А! подумалъ я: его оскорбляютъ, на него клевещутъ, онъ вѣрно честный человѣкъ!— Такъ и вышло!— Я сейчасъ отъ него— Онъ получилъ мѣсто!..

Кокне. Неужели?

Ремонъ. И вамъ обязанъ, сударь.

Кокне. (внѣ себя) Но я— клянусь—

Ремонъ. Довольно!.. оставьте меня.

(Идетъ на лѣвую сторону, и садится къ столу).

Кокне. (въ сторону). Какое адское коварство! *(Бьетъ по просьбѣ, которую держитъ въ рукахъ)*. Тутъ скрывается интрига, но я узнаю.. все узнаю! Честь имѣю кланяться... и оставляю васъ·· *(Въ сторону)* Но этимъ не кончится··, все сейчасъ разскажу—

(Уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

Ремонъ, сидитъ у стола.

Наконецъ, не безъ трудовъ, все улажено!— Люсіенъ сейчасъ придетъ... онъ знаетъ истину.. и она его секретъ... и нашъ!.. Сестру не обвинятъ, и позоръ ея не сократитъ жизни отца моего!·· Гиберъ обѣщалъ мнѣ ничего не говоритъ женѣ.. а ужъ поговорю съ ней! Когда Цецилія выдетъ замужъ, всѣ слухи уничтожатся сами собою· *(увидѣвъ входящую Цецилію)* А! что тебѣ угодно?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Ремонъ, Цецилія.

Цецилія. Вы мнѣ сказали, что я должна выйти за Люсіена, что моя честь.. моя репутація въ свѣтѣ... зависятъ отъ этой свадьбы—

Ремонъ. Я и теперь такъ думаю!

Цецилія. (отдавая ему письмо) Прочтите!

Ремонъ. (разглядывая почеркъ) Отъ Люсіена?

Цецилія. (съ чувствомъ) Да!.. Онъ знаетъ, какъ и вы, что нельзя упрекнуть меня.. имѣетъ доказательство.. но не смѣетъ показать его свѣту, который меня обвиняетъ и почитаетъ виновною..

Ремонъ. (пробѣжавъ письмо). Безчестно!.. онъ уважаетъ... почитаетъ.. любитъ тебя!.. и не смѣетъ жениться, противиться ложной клеветѣ!.. Я хотѣлъ бы, но не могу заставить ее молчать!... *(съ досадой мнетъ письмо)*. А! Все кончено между нами и я.. бѣгу...

Цецилія, (становясь передъ нимъ) Куда?

Ремонъ. Требовать удовлетворенія за твою честь... Она мнѣ вѣтрена!.. За твою честь, которая мнѣ дороже моей собственной!

Цецилія. (съ силою) И на всегда ее погубите! *(Ремонъ вскрикиваетъ и останавливается)*. Видите ли, что я не напрасно хотѣла уѣхать? А клеветы на меня.. я поступлю, какъ вы... стану презирать ихъ...

Ремонъ. Нѣтъ, дитя мое, между нами большое различіе! Мужчина долженъ отли-

чаться такимъ мужествомъ, можетъ презирать мнѣніе; но женщина... ты, бѣдная дѣвушка— не возможно!— Оно раздавитъ тебя,

Цецилія. Такъ я покорюсь участи моей! Буду чиста, невинна и обезславлена!... обезславлена въ ихъ глазахъ... но не въ вашихъ... не такъ ли?

Ремонъ. Нѣтъ!... Ты для меня — честь!... Но не могу защитить ее! — (*съ бѣшенствомъ*) Въ первый разъ въ жизни, я долженъ уступить клеветѣ... отдать ей побѣду... бросить ей жертву... дозволить ее опозорить, какъ преступницу... когда знаю, убѣжденъ, что она невинна... Ахъ! Сердце мое разрывается при этой мысли; и хоть бы слѣдовало возстать противъ цѣлаго міра— (*Останавливаясь*) Но она сказала правду... Хоть бы я дрался на дуели съ этимъ подлецомъ и со всѣми ими... все таки моя кровь, моя жизнь не оправдаютъ ея.. напротивъ!.. (*Съ вдохновеніемъ*) Но мое имя? — Имя мое, можетъ быть— (*Подходитъ къ ней и беретъ ее за руку*) Цецилія— хочешь ли быть моею женою?

Цецилія. (*вскрикиваетъ и падаетъ передъ нимъ на колѣна*). Ахъ!

Ремонъ. Ты не можешь любить меня! Я знаю... Невозможно!.. Но я... такъ буду тебя любить... уважать.. буду любить тебя, какъ образецъ добродѣтели... и можетъ быть, когда нибудь, дружба, признательность— (*Поднимая ее*). Отвѣчай.. хочешь ли? Согласна ли?..

Цецилія (*плачетъ и бросается въ его объятія*). Ахъ!.. Ремонъ!..

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Г-жа Савне.

Г-жа Савне, (*увидѣвъ, что Цецилія въ объятіяхъ Ремона, и что онъ ее цѣлуетъ, вскрикиваетъ и отворачивается*). Какой стыдъ! (*Подходитъ къ Цециліи*). Теперь, сударыня, вы ужъ меня не обманете.. Такъ вотъ чистая и платоническая любовь, въ которой вамъ было такъ трудно признаться мнѣ...

Ремонъ. Что вы говорите?

Г-жа Савне. Нѣжныя чувства, которыя вы питали къ нему такъ долго втайнѣ, и которыхъ онъ не подозрѣвалъ...

Цецилія. (*съ просьбою*) О! Молчите!

Ремонъ. (*съ радостію*). Нѣтъ! Нѣтъ, Можетъ ли быть... она вамъ сказала... говорите...

Г-жа Савне (*съ достоинствомъ*) То, что вы лучше меня знаете, сударь... Теперь вижу, что должна думать, чему должна вѣрить... все правда; не хочу служить щитомъ для преступной связи, которой такъ долго я не знала..

Ремонъ (*удерживая ее за руку*). Нѣтъ, маркиза, вы останетесь, и вмѣстѣ со всѣми другими узнаете правду!

—

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Белло, стоитъ въ отдаленіи налѣвой сторонѣ; посѣтители, Кокне, Эрминія, Ремонъ, Цецилія, Г-жа Савне; въ углубленіи слуги и служанки.

Ремонъ. Господа! Со вчерашняго дня ходитъ здѣсь оскорбительные слухи... вы знаете ихъ, какъ я... (*смотритъ на Кокне*) и можетъ быть лучше меня... объявляю, при всѣхъ васъ, что они ложны, клевета... Не могу, я это знаю, передать вамъ мое убѣжденіе... не могу заставить васъ вѣрить мнѣ на слово... но, можетъ быть, вы повѣрите моимъ дѣламъ... Я пригласилъ васъ, господа... (*беретъ Цецилію за руку* чтобы представить вамъ мою жену...

Кокне и Белло. Его жену!..

Г-жа Савне, (*съ удовольствіемъ*), *Эрминія* (*съ досадой*). Онъ на ней женится!

Кокне. Не удивительно!.. Она, говорятъ, такъ богата...

Цецилія (*Г-жѣ Савне, въ полголоса, съ радостію*), Видите ли, маркиза?

Г-жа Савне, (*съ гордостію*). Онъ былъ обязанъ...

Цецилія. Какъ! Вы еще думаете...

Г-жа Савне, Довольно! (*Громко*) Я согласна...

Белло (*въ сторону*) Какъ же иначе!... Теперь удвоится ея пенсія въ двадцать пять тысячъ франковъ!

Эрминія. (*Ремону, въ полголоса на авансценѣ*). Не могу запретить вамъ жениться на ней; но объявляю, что не буду видаться съ нею... не стану принимать ее!

Ремонъ. (*торжественно*). Будете видаться и принимать ее... (*говоритъ ей на ухо и подводитъ къ Цециліи*) или я...

Эрминія. (*въ испугѣ*) О нѣтъ!.. (*Наклонясь къ Цециліи, какъ бы прося прощенія*). Ахъ, Цецилія!

(Цецилія цѣлуетъ ее.)

Кокне. (*смотря на нихъ*) Принуждать такъ бѣдную свою сестру!.. Какой деспотъ!

Белло. Тиранъ!

Кокне. Безчестный человѣкъ!

ДЕРЕВЕНСКІЙ

ДОКТОРЪ.

КОМЕДІЯ, СЪ КУПЛЕТАМИ, ВЪ ДВУХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ПЕРЕВЕДЕНА СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

А. Ж.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Маркиза Виллевье.
Баронъ д'Естре.
Каролина д'Естре, его супруга.
Фердинандъ, внукъ маркизы.
Морицъ, деревенскій докторъ.
Лидія, его ключница.
Гросбетъ, скороходъ маркизы.
Слуги.

Дѣйствіе происходитъ въ небольшой деревенькѣ, въ 60-ти миляхъ отъ Парижа.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Низенькая комната въ домѣ доктора. Простая, но опрятная мебель. Направо отъ зрителя столъ и большое кресло; налѣво другой столъ; конторка и надъ нею аптечка; далѣе дверь въ кухню. Въ глубинѣ театра дверь и окно въ полѣ. Направо, къ задней занавѣси, стеклянная дверь въ видѣ фонарика; въ глубинѣ театра комодъ и буфетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Лидія, одна, сидитъ за столомъ направо и кончаетъ страницу письма.

Еще двѣ страницы, и конецъ!... Какъ я скоро стала писать — чудо!... А давно ли начала учиться — всего недѣль шесть, не больше. Пера въ руки не умѣла взять... *(Пишетъ.)* Впрочемъ до письма ли мнѣ было, когда я жила съ покойной матушкой? Она не вставала съ постели, и трудовъ моихъ едва было достаточно на наше пропитаніе!... Въ 15-ть лѣтъ я не знала азбуки!... За то теперь въ шесть недѣль, пишу... право не хуже старой маркизы; что́ я, маркизы?... лучше барона... его вѣдь вѣрно съ малолѣтства учили писать... А онъ такія выводитъ каракули, что смѣхъ да и только... Самъ г. Фердинандъ говоритъ, что я пишу лучше его. Вотъ г. Фердинандъ совсѣмъ другое дѣло. Какъ я ему благодарна! Не понимаю, право, отчего онъ такъ усердно занимается со мною?.. По часамъ сидитъ, съ мѣста не сходитъ... я ужъ принуждена напоминать ему: «Г. Фердинандъ, вы опоздаете къ обѣду... Бабушка будетъ сердиться... ступайте». Ну, если бы узнала она, что ея внучекъ учитъ бѣдную

ключницу деревенскаго доктора!... *(Оборачивается, какъ будто кто вошелъ.)* Кто тутъ?... *(Смотритъ.)* Никого! Я такъ боюсь, чтобы кто нибудь не узналъ... Г. Фердинандъ именно просилъ меня никому не говорить о его посѣщеніяхъ... особенно г. Морицу!... И онъ правъ... это будетъ сюрпризомъ доктору! *(Понижая голосъ.)* Когда онъ забудетъ очки, — я ему стану читать журналъ, писать рецепты... Вотъ-то онъ удивится!... Какъ, Лидія, это ты такъ царапаешь!... Хорошо, хорошо!... *(Встаетъ.)* Теперь точно кто-то пришелъ. А! Г. Гросбетъ, скороходъ маркизы.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЛИДІЯ, ГРОСБЕТЪ.

ГРОСБЕТЪ, въ дверяхъ своимъ собакамъ.

Цыцъ, Трезоръ!... Кушъ, Аземка, кушъ!... Вотъ я васъ!

ЛИДІЯ.

Что это, г. Гросбетъ, вы опять съ вашими негодными собаками? Какъ вамъ не стыдно? Онѣ тамъ, Богъ знаетъ, что надѣлаютъ....

ГРОСБЕТЪ.

Не бойтесь, мамзель Лидія... онѣ не тронутъ вашихъ утятъ... онѣ обѣщали мнѣ быть смирны... къ тому жъ я ихъ привязалъ.

ЛИДІЯ.

Ну, вотъ, это повѣрнѣе обѣщанія. Стало, г. маркизъ на охотѣ нынче?

ГРОСБЕТЪ.

Травитъ годоваго кабана! Чудный звѣрь! Въ моихъ глазахъ задушилъ вчера двухъ гончихъ!

ЛИДІЯ, съ ужасомъ.

Ахъ, Боже мой!...

ГРОСБЕТЪ, въ сторону.

Испугалась!... Хорошо, хорошо! *(Вслухъ.)* Успокойтесь, мамзель Лидія, Гросбету онъ ничего не сдѣлалъ.

ЛИДІЯ, простодушно.

Я боюсь за маркиза, а не за васъ. Ну, что, если съ нимъ случится какое несчастіе!

ГРОСБЕТЪ.

Съ г. Фердинандомъ! Бѣда! Такой вой подымутъ въ замкѣ, что святыхъ вонъ неси!

ЛИДІЯ.

Такой добрый, такой прекрасный молодой человѣкъ!

ГРОСБЕТЪ.

О, предобрый!... Теперь поизмѣнился что-то немного, а прежде, бывало, то и дѣло, съ нами шутитъ, играетъ.... О, онъ вовсе не похожъ на свою бабушку, между нами будь сказано, вовсе не гордъ! Ахъ, кстати, что г. Морицъ, нашъ избавитель — а?... Славное имя для доктора: избавитель?... И онъ, точно, стоитъ его!... Какой прекрасный человѣкъ!... И вѣдь вотъ странность: всѣхъ вылечиваетъ, а самъ, чуть-чуть не свихнулся; да если бы не вы, мамзель Лидія...

ЛИДІЯ.

Ахъ, хорошо, что вы напомнили... я васъ давно собиралась побранить.

ГРОСБЕТЪ.

Меня?... За что?

ЛИДІЯ.

За то, что вы много болтаете... придетъ къ г. Морицу и начнетъ, и начнетъ... *(Передразнивая его.)* «Ну, г. Морицъ... Слава Богу!... экъ васъ свернуло... Скажите, пожалуста, да отчего это съ вами сдѣлалось?... И вѣдь счастіе какое, что мамзель Лидія была при васъ — какъ съ облаковъ къ вамъ свалилась».

ГРОСБЕТЪ.

Ну, такъ что же? Мнѣ весело васъ хвалить — вотъ и все.

ЛИДІЯ.

Да мнѣ-то каково, вы не знаете — хоть разъ бы взглянули; а я вамъ, то и дѣло, и такъ, и этакъ, не видитъ г. Гросбетъ — хоть что хочешь; а посмотрѣли бы вы на г. Морица — какъ для него тяжело это воспоминаніе, и какое счастіе, что оно еще слабо въ немъ!...

ГРОСБЕТЪ.

Да, очень слабо... и пресмѣшно вѣдь! Кажется, совсѣмъ выздоровѣлъ, обо всемъ такъ хорошо судитъ, все помнитъ — а вотъ

поди, болѣзнь изъ ума вышла — совсѣмъ вышла.

ЛИДІЯ, со вздохомъ.

Дай Богъ, чтобы онъ никогда не вспоминалъ объ ней!... А то онъ видѣть меня не захочетъ... потому что... вы не знаете... я... я одна виной его болѣзни!

ГРОСБЕТЪ.

Вы, мамзель Лидія?

ЛИДІЯ, понижая голосъ.

Я никому объ этомъ не говорила!... Но чтобъ вы опять не проболтались...

ГРОСБЕТЪ.

Что дѣлать!... Какъ не знаешь чего — долго ли проболтаться...

ЛИДІЯ.

А если бы вы знали — вы бы никому не сказали?

ГРОСБЕТЪ.

Ни, ни!

ЛИДІЯ, указывая ему на кресло.

Сядьте тутъ!

ГРОСБЕТЪ, садясь подлѣ нея.

Съ превеликимъ моимъ удовольствіемъ. Сижу-съ.

ЛИДІЯ.

Ну, слушайте. Шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я пришла сюда изъ Парижа, пѣшкомъ, безъ денегъ, безъ подпоры; вся моя надежда была на одного человѣка, къ которому матушка, передъ своей кончиной, дала мнѣ письмо... Долго я его искала, наконецъ мнѣ сказали, что онъ живетъ въ этой деревнѣ. Прихожу сюда, стучусь къ одному, къ другому — все нѣтъ, да нѣтъ; наконецъ являюсь къ г. Морицу... онъ былъ одинъ, и сидѣлъ въ своемъ большомъ креслѣ... Что вамъ угодно?... Кого вы ищете? сказалъ онъ. — Я имѣю рекомендательное письмо, говорю я, къ г. Оврею... Только что я сказала это имя — гляжу, онъ обернулся ко мнѣ, блѣдный, дрожащій... Оврей!... Кто вамъ сказалъ объ Овреѣ? Оврей умеръ!

ГРОСБЕТЪ.

Вѣрно какой нибудь бѣднякъ, котораго онъ спровадилъ на тотъ свѣтъ...

ЛИДІЯ.

Ну, вотъ!... Онъ всѣхъ вылечиваетъ!

ГРОСБЕТЪ.

Теперь... да; а прежде... сначала... начало-то у докторовъ бываетъ не легкое... спросите у больныхъ...

ЛИДІЯ.

Умеръ, закричала я!... Боже, что со мною будетъ. А я только на него и надѣялась; у меня есть письмо къ нему. Письмо было у меня въ рукахъ... Онъ посмотрѣлъ на адресъ, закричалъ, затрясся, и какъ мертвый упалъ къ ногамъ моимъ.

ГРОСБЕТЪ, тронутый, невольно вскрикиваетъ.

Ахъ, Боже мой!

ЛИДІЯ, также встала.

Посудите мое несчастіе!... Я бросилась къ нему... стала звать на помощь! Къ счастію, г. Фердинандъ, съ однимъ изъ своихъ слугъ, проѣзжалъ мимо верхомъ; слугу тотчасъ послалъ за докторомъ сосѣдней деревни... тотъ пріѣхалъ очень скоро... пустилъ г. Морицу кровь... привелъ его въ чувства... Но, Боже мой! Въ какомъ онъ былъ положеніи... съ нимъ сдѣлалась страшная горячка, и продолжалась цѣлый мѣсяцъ!

ГРОСБЕТЪ.

Помню, помню... Вся деревня переполошилась! Мы всѣ стояли у дверей... Всѣ благословляли васъ, за то, что вы не отходили отъ него ни на минуту.

ЛИДІЯ.

Что жъ мнѣ было дѣлать?... Вѣдь онъ былъ при смерти....

Онъ на краю стоялъ могилы;
Но Богъ моимъ молитвамъ внялъ,
И возвративъ здоровья силы,
Лишь память у него отнялъ:
Онъ никого не узнавалъ!
Я за него, какъ дочь, боялась,
Онъ, какъ отецъ, ласкалъ меня;
Одно въ умѣ его осталось:
Что въ цѣломъ свѣтѣ я одна,
Что я сиротка и бѣдна.

ГРОСБЕТЪ.

Такъ вотъ какая гисторія!... А смѣшнѣе всего то, что никто не знаетъ, откуда пришелъ онъ самъ!... Батюшка сказывалъ мнѣ, что въ одно прекрасное утро онъ явился сюда — лица человѣческаго на немъ не было... Никто не полагалъ, что онъ здѣсь

останется!... Сказали ему, что въ нашей деревнѣ нѣтъ доктора. Нѣтъ доктора, закричалъ онъ... Бѣдные люди!... Стало, я могу еще быть полезенъ!... Слава Богу!... Останусь здѣсь... И вотъ двадцать лѣтъ онъ живетъ съ нами!... Каждый день обходитъ поселянъ — лечитъ однихъ, помогаетъ другимъ.... и никогда не беретъ за свои труды; вотъ каковъ долженъ быть докторъ!... Да!... Даромъ, что онъ смотритъ медвѣдемъ, а никого не оставитъ безъ помощи.

ЛИДІЯ.

Домъ свой сломаетъ, чтобъ только доставить работу.

ГРОСБЕТЪ.

Просишь его объ одолженіи — вѣчно отказываетъ, а глядишь сдѣлано; благодаришь его, отворотится, да и разбранитъ еще! *(Скрещивая руки.)* У кого же достало духу огорчить такого человѣка? А вѣдь у него есть горести, мамзель Лидія.

ЛИДІЯ.

О, безъ сомнѣнія!

ГРОСБЕТЪ.

Да, безъ сомнѣнія. А посмотрите, какъ онъ умѣетъ переломить себя, какъ онъ веселъ съ больными.

ЛИДІЯ.

Да, веселъ... только не во всякое время... бываютъ минуты...

ГРОСБЕТЪ.

Неужели?... Да отчего же это, скажите пожалуйста?... Вѣдь можно бъ было узнать... стоитъ только захотѣть... Это письмо, напримѣръ, отъ котораго онъ задрожалъ... вамъ никогда не приходило въ голову его... *(Показываетъ, что смотритъ въ складки письма.)*

ЛИДІЯ.

Какъ можно!...

ГРОСБЕТЪ.

Ничего, это дѣлается очень часто!

ЛИДІЯ.

Полноте... это его тайна.

ГРОСБЕТЪ.

Конечно. Ну, а если оно ему опять попадется въ руки... Вѣдь, чего добраго, опять съ нимъ сдѣлается такая же гисторія!

ЛИДІЯ.

Нѣтъ, этого нельзя бояться... я письмо спрятала... такъ, что онъ никогда его не увидитъ!... Оттого и не надобно напоминать ему... теперь я васъ предупредила, такъ надѣюсь, г. Гросбетъ...

ГРОСБЕТЪ.

Языкъ позволю себѣ отрѣзать!...

ЛИДІЯ, прислушиваясь.

Постойте, это онъ... на своей соловенькой...

ГРОСБЕТЪ.

Ну, такъ и есть!... А я хотѣлъ было поговорить съ вами о весьма важномъ дѣльцѣ....

ЛИДІЯ, смѣется.

Какая нибудь консультація!... Въ другой разъ успѣете!

ГРОСБЕТЪ, въ сторону.

Экая штучка!... То-то бы славная была мадамъ Гросбетъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, МОРИЦЪ, сначала за кулисами говоритъ крестьянамъ.

МОРИЦЪ.

Хорошо, хорошо!... Убирайтесь къ чорту съ своею благодарностію!... Здоровы? Ну, тѣмъ лучше!... Прощайте!...

ОДНИНЪ ИЗЪ КРЕСТЬЯНЪ.

Премного благодарствуемъ, г. Морицъ... А тетушка Жерве?...

МОРИЦЪ.

Жерве?... Часа черезъ два я заѣду къ ней... Прощайте, прощайте...

КРЕСТЬЯНЕ, расходясь.

Прощайте, г. Морицъ. Дай вамъ Богъ здоровья! Да здравствуетъ г. Морицъ!

МОРИЦЪ, за кулисами.

Жакъ, хорошенько накорми соловенькую... Да смотри, чтобъ она не простудилась!

ЛИДІЯ, бѣжитъ къ нему.

Господи! Весь въ поту.

МОРИЦЪ.

Ничего, моя милая!... Это вмѣсто ванны.

лидія, отираетъ его своимъ платкомъ.

Скажите, пожалуйста, на что это похоже, такъ себя мучить! Да откуда вы?

(Морицъ вынимаетъ изъ кармана разные медицинскіе инструменты.)

лидія.

Съ прогулки?

морицъ.

Да, представь себѣ... ѣду я изъ Эпине... (толстякъ Питу безъ всякой надежды: не знаю, что будетъ завтра), вдругъ, смотрю, г. Фердинандъ, г. Дериньи — выѣзжаютъ на охоту... (Ахъ!... у Пупарши корь — нѣтъ сомнѣнія... но слава Богу, все хорошо). Да, такъ они выѣзжали на охоту; увидѣли меня... подняли ужасный шумъ... затрубили въ рога... А! Это докторъ! Это докторъ! Вы съ нами, докторъ!

лидія, вскрикивая.

Вы! Безподобно!... А соловенькая-то что?

морицъ, весело.

Соловенькая, мой другъ, старая дура, не можетъ удержаться отъ искушенія! Шумъ этотъ ее развеселилъ, и она стала задавать такіе козлы, что я насилу усидѣлъ; ну, нечего дѣлать, подумалъ я, она никогда не видала охоты, отчего же не доставить ей, разъ въ жизни, этого удовольствія!

гросбетъ.

И вы отправились на охоту?

морицъ.

Цѣлый часъ ѣхалъ, пока не доѣхалъ до того оврага, знаешь, за лѣсомъ! Соловенькая моя какъ увидѣла его, такъ и остановилась — опомнилась дура! Видишь, милая, сказалъ я ей, намъ съ тобой не угоняться за ними. Она захлопала ушами въ знакъ согласія, я повернулъ ее назадъ, закричалъ молодцамъ: «Забавляйтесь, друзья мои, ломайте себѣ руки, ноги; нужно будетъ починить — такъ милости проемъ: мою квартиру вы знаете!» И явился къ вашимъ услугамъ, г-жа ключница.

лидія, бранитъ.

Очень мило! Очень умно!... Не успѣли оправиться отъ болѣзни и изволите этакъ не беречь здоровья... а еще докторъ!

морицъ.

Ну, брани, брани!... *(Гросбету.)* Ключницы пасторовъ и докторовъ тогда только и счастливы, когда могутъ побраниться! *(Лидіи.)* Впрочемъ ты, мой другъ, имѣешь полное право бранить меня! *(Гросбету.)* Она съ такимъ усердіемъ ухаживала за мной...

гросбетъ.

О, да! Если бы вы видѣли, какъ она плакала!

морицъ, беретъ ее за руку.

Бѣдняжка! Стало, я тебя очень напугалъ?

лидія.

Еще бы! Особливо разъ, когда вы въ бреду, щупали себѣ пульсъ, и вдругъ закричали такимъ ужаснымъ голосомъ: опоздали, опоздали! Больной погибъ!

морицъ, удивясь.

Я говорилъ это?

лидія.

По счастію, на другой день вы были лучшаго мнѣнія о своемъ здоровьѣ... Прописали себѣ такой пріемъ...

морицъ.

Я увѣренъ, что мнѣ не дали...

лидія.

Напротивъ! Вы все проглотили.

морицъ.

Все? Это ужасно! Да такимъ пріемомъ можно уморить цѣлый полкъ — а я выздоровѣлъ. Вотъ, и правду говорятъ, что всякій человѣкъ самъ себѣ лучшій докторъ.

лидія.

Шатильонскій докторъ тоже говорилъ! Онъ признавался, что и въ бреду голова ваша умнѣе всѣхъ докторскихъ головъ въ цѣломъ департаментѣ.

морицъ, весело ощупывая себѣ лобъ.

Да, въ бреду — а теперь; вспомнить не могу ни одного слова — а начну припоминать...

лидія, живо.

Ну, такъ и не трудитесь... я... я вамъ запрещаю.

морицъ, ударивъ ее по щечкѣ.

Охъ, ты!... Докторъ мой!... Не бойся... я внѣ опасности... здоровъ... и съ такимъ аппетитомъ....

ГРОСБЕТЪ.

Точно какъ я!... Я всегда ѣмъ такъ, что за ушами трещитъ. Это превесело.

МОРИЦЪ.

Ну, ты,—ты ѣшь слишкомъ много; тебѣ это не пройдетъ даромъ. *(Показывая на свою аптеку.)* Вотъ я скоро попотчиваю тебя.

ГРОСБЕТЪ, съ гримасою.

Изъ черной бутылочки? Нѣтъ, благодарю покорно, г. Морицъ.

МОРИЦЪ.

Что, небось, невкусно... Кстати, ты не знаешь новости?.. Твоя кузина Глуссаръ скоро дастъ тебѣ племянника...

ЛИДІЯ.

Бѣдные люди! Это ужъ пятый.

МОРИЦЪ.

Я говорилъ имъ: друзья мои, будьте разсудительны!... Всякой годъ!... всякой годъ!... А этого обѣщалъ крестить — ужъ это мое право! *(Въ полголоса Лидіи.)* Прикажи мяснику носить имъ иногда... да винца старенькаго пошли нѣсколько бутылочекъ.

ЛИДІЯ.

Ну, такъ, вы вѣчно думаете о другихъ, а о себѣ нисколько. Нынче опять отправились на тощакъ... Пойду, принесу вамъ бульону горяченькаго...

МОРИЦЪ, машинально беретъ руку Гросбета и щупаетъ ему пульсъ.

Нѣтъ, нѣтъ... я хочу завтракать!.. Вели лучше дать двойную порцію соловенькой, потому что нашъ братъ, охотникъ...

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

МОРИЦЪ, ГРОСБЕТЪ.

МОРИЦЪ, смотритъ на него.

Да у тебя ничего нѣтъ?

ГРОСБЕТЪ.

Надѣюсь, я здоровъ, какъ быкъ!

МОРИЦЪ, отталкивая его.

Такъ для чего же ты подаешь мнѣ свою руку, сумасшедшій!

ГРОСБЕТЪ.

Вы сами схватили ее.

МОРИЦЪ, грубо.

Я! Ты пожалуй, увѣришь меня... Впрочемъ, очень можетъ быть! Привычка. Ну! чего жъ тебѣ нужно?

ГРОСБЕТЪ, почесывая ухо.

Поговорить съ вами объ одной вещицѣ, которую я, вотъ ужъ два мѣсяца, все откладываю. Вы сейчасъ сказывали, что у тетушки Глуссаръ будетъ пятый... мнѣ бы хотѣлось перваго, г. Морицъ, и чтобъ вы были его крестнымъ отцомъ. *(Показывая ему на Лидію, которая въ глубинѣ театра вынимаетъ чашку изъ ящика.)* Да вотъ съ... г. Морицъ, потому что-съ... я хочу...

МОРИЦЪ, понижая голосъ.

Жениться на Лидишѣ?

ГРОСБЕТЪ.

Хе! хе! хе!.. Угадали!

МОРИЦЪ.

У тебя не дурной вкусъ! Но зачѣмъ ты мнѣ говоришь объ этомъ? Это твое дѣло.

ГРОСБЕТЪ.

Знаю-съ; но если бы вы потрудились доказать ей всѣ выгоды... описать мои качества... сами знаете, какъ же мнѣ самому... совѣстно-съ!

МОРИЦЪ.

Вотъ выдумалъ! Стану я мѣшаться... Убирайся, убирайся — не скажу. *(Лидіи, которая проходитъ съ чашкой въ рукахъ.)* Послушай, Лидія, ты не имѣешь желанія идти за мужъ?

ЛИДІЯ, удивленная.

Я, г. Морицъ?.. Я никогда и не думала объ этомъ. *(Ставитъ пустую чашку на столъ.)*

МОРИЦЪ.

То-то, кажется, Гросбетъ и за себя и за тебя думаетъ.

ГРОСБЕТЪ, тихо.

Ну, ну... хорошо.

ЛИДІЯ.

Г. Гросбетъ?

ГРОСБЕТЪ, тихо.

Теперь качества... не робѣй, Гросбетъ!

МОРИЦЪ.

И если ты не находишь его ни очень дурнымъ, ни очень глупымъ....

ГРОСБЕТЪ, тихо.

Это что?..

МОРИЦЪ, Гросбету.

Я улажу вашу свадьбу...

ЛИДІЯ, смѣясь.

Какъ, г. Гросбетъ, вы не шутя хотите, чтобъ я была вашею женою?

МОРИЦЪ.

Тутъ нечему смѣяться, моя милая! Какъ бы то ни было, а молодая дѣвушка должна идти замужъ!.. И если онъ тебѣ нравится больше другихъ... Онъ малый славный, насъ очень любитъ... Одно въ немъ не хорошо... рюмочки придерживается.

ГРОСБЕТЪ.

Г. Морицъ! Не стыдно ли вамъ! Что жъ, я пью только бѣлое, да и то, часто ли, скажите, пожалуйста?

МОРИЦЪ, Лидіи, вставая.

Ну, конечно, не часто. Однимъ словомъ... ты его любишь.

ЛИДІЯ, наивно.

Почемъ я знаю!

МОРИЦЪ.

Не могу же и я знать. Любишь ли ты кого нибудь другаго?

ЛИДІЯ.

Не думаю.

ГРОСБЕТЪ, воспламеняясь.

О, мамзель Лидія!

МОРИЦЪ, отталкивая его.

Молчи ты! *(Тихо.)* Не можешь себѣ представить, какая у тебя глупая фигура, когда ты расчувствуешься! *(Въ сторону.)* Не ужели мы всѣ были таковы въ молодости? *(Въ слухъ, Лидіи.)* Скажи по крайней мѣрѣ: онъ тебѣ не противенъ.

ЛИДІЯ.

Право, не знаю — я никогда не спрашивала себя объ этомъ! Но если вы находите, г. Морицъ, что я должна идти замужъ — то ваша правда: онъ малый добрый! Случается, что я иногда очень пригорюнюсь, такъ бы вотъ и заплакала — сама не знаю отчего; придетъ онъ, станетъ калякать, развеселитъ меня — и я вѣчно расхохочусь надъ нимъ.

ГРОСБЕТЪ.

Во... вотъ слышите?

МОРИЦЪ, улыбаясь.

Какъ не слыхать! Если такъ, это дѣло рѣшеное.

ГРОСБЕТЪ.

Ахъ, г. Морицъ! Ахъ, мамзель... Лидія... Какъ я радъ, какъ я счастливъ!

ЛИДІЯ, живо.

Только я никогда не оставлю г. Морица! А нѣтъ, такъ...

ГРОСБЕТЪ.

Конечно, конечно!.. Мы поселимся здѣсь, — я перетащу сюда и матушку — старушку.

МОРИЦЪ, улыбаясь.

Ты не церемонишься!

ГРОСБЕТЪ.

Помилуйте, г. Морицъ, смѣемъ ли мы церемониться съ вами... мы всѣмъ вамъ обязаны; такъ надобно же заплатить вамъ хоть чемъ нибудь.

МОРИЦЪ.

Да, по крайней мѣрѣ, этимъ.

ГРОСБЕТЪ.

Ахъ, какое счастіе! Нынче же пойду къ старой маркизѣ — просить у ней позволенія.

МОРИЦЪ.

На что̀ это? Мать, что ли, она твоя?

ГРОСБЕТЪ.

Хе! хе! хе! Г. Морицъ, я бы очень хотѣлъ имѣть такую мать!.. Но вѣдь вы знаете, какъ она дорожитъ честью дома Вилевьё! Не спроси-ка я у ней... да она меня просто выгонитъ, ей Богу; а мѣсто-то важное, такъ я и долженъ-съ... *(Въ дали слышенъ рогъ.)* Что это! Звѣря ужъ спустили, а Гросбета тамъ нѣтъ. *(Беретъ ружье.)* Эй, вы! Трезоръ — Аземка! Хо! хо, хо! Не слышете, ракаліи!... Сдѣлайте милость, г. Морицъ, если вы встрѣтите мера, похлопочите объ оглашеніяхъ...

МОРИЦЪ, грубо.

Вотъ прекрасно! Ты, пожалуй, захочешь, чтобъ я и женился за тебя? Убирайся къ чорту.

ГРОСБЕТЪ.

Я полагаюсь на васъ! *(Убѣгаетъ.)*

МОРИЦЪ, про себя.

Онъ воображаетъ, что у меня и дѣлъ нѣтъ, кромѣ его любви! Меръ! Меръ!.. Впрочемъ, вѣдь это почти по дорогѣ... и на обратномъ пути отчего же не заѣхать?.. *(Лидіи, которая смотритъ въ глубину театра.)* Лидія, завтракать скорѣе... Что ты тамъ смотришь?

ЛИДІЯ.

Коляска изъ замка подъѣзжаетъ сюда... Это баронъ д'Естре, дядюшка г. Фердинанда, тотъ, что вѣчно жалуется на свое нездоровье! И жена его съ нимъ — молодая-то баронесса!

МОРИЦЪ.

Чтобъ имъ провалиться! Чего имъ отъ меня нужно? Сами ничего не дѣлаютъ, только мѣшаютъ другимъ!

ЛИДІЯ.

Вотъ они!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, БАРОНЪ, одѣтый по деревенски, БАРОНЕССА, разряженная.

БАРОНЕССА, лакею, который отворяетъ дверь и уходитъ.

Хорошо! Вели подождать! *(Морицу.)* Здравствуйте, докторъ!

БАРОНЪ.

Что это, докторъ, какъ вы заспѣсивились, и не заглянете въ замокъ.

МОРИЦЪ.

Какъ! Развѣ есть больные?

БАРОНЪ.

Нѣтъ, слава Богу, мое только здоровье не поправляется.

БАРОНЕССА.

Неужели надобно умереть, чтобы увидѣть васъ? Можно, кажется, придти откушать съ своими друзьями.

БАРОНЪ.

Поиграть въ пикетъ съ маменькой.

МОРИЦЪ.

Полноте, баронъ, у маркизы есть капелланъ.

БАРОНЪ.

Да, но онъ вѣчно выигрываетъ, вовсе не снисходителенъ.

МОРИЦЪ.

О! Я тоже, предупреждаю васъ.

БАРОНЕССА, улыбаясь.

Да, вы настоящій медвѣдь! Но мнѣ вздумалось сдѣлать васъ ручнымъ... и для начала... *(Увидя Лидію.)* А, это малютка Лидія... Здравствуй, моя милая.

ЛИДІЯ.

Здравствуйте, г-жа баронесса.

БАРОНЕССА.

Она ангелъ у васъ, докторъ... настоящее сокровище.

МОРИЦЪ.

Да, сокровище, — не хочетъ меня накормить. Дай же мнѣ поскорѣе позавтракать, Лидія, ты знаешь, что мнѣ недосугъ: я долженъ ѣхать... У всякаго свои дѣла!.. Прикажи Минетѣ изжарить котлетки.

ЛИДІЯ, тихо.

А приборъ-то не поставленъ!

МОРИЦЪ, толкая ее.

Я самъ поставлю!.. *(Въ сторону.)* Это, можетъ быть, заставитъ ихъ убраться отсюда.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОРИЦЪ, БАРОНЪ, БАРОНЕССА.

БАРОНЕССА.

Такъ вы отобѣдаете у насъ сегодня, докторъ. Я обѣщала маменькѣ?

МОРИЦЪ, ворча, ходитъ отъ буфета къ столу.

Отобѣдаете! Отобѣдаете!.. Экая страсть у этихъ господъ докучать пасторамъ да докторамъ! «Докторъ, приходите обѣдать!» Имъ кажется, что этимъ ужъ все сказали. Не могу, сударыня! Не пойду!

БАРОНЕССА, барону.

Придетъ!.. *(Видя, что Морицъ ставитъ тарелки на столъ.)* Скажите, пожалуйста, докторъ, вы умѣете накрывать на столъ?

МОРИЦЪ.

Надѣюсь! Въ арміи у насъ не было ни буфетчиковъ, ни дворецкихъ.

БАРОНЕССА.

Такъ стало, вы служили, докторъ?

БАРОНЪ, въ креслѣ направо.

Подлекаремъ, мой другъ! Всѣ великіе медики съ этого начинали... Ларрей, Деженетъ... и этотъ бѣдный Оврей, котораго я такъ долго искалъ!

МОРИЦЪ, роняя на столъ тарелку.

Оврей! Оврей!

БАРОНЪ.

Вы знали его, докторъ?

МОРИЦЪ, опомнясь.

Нѣтъ, нѣтъ!—Оврей! Не думаю.

БАРОНЪ.

Впрочемъ... Вы и не могли знать его... Онъ ужъ лѣтъ двадцать, какъ умеръ!.. А жаль!... Онъ былъ съ большими дарованіями человѣкъ, самъ Бонапарте его очень уважалъ... Во время чумы въ Яффѣ, кажется, онъ спасъ цѣлую бригаду, что-то въ этомъ родѣ... Мой старшій братъ, отецъ Фердинанда, который также тамъ находился...

МОРИЦЪ, припоминая.

Вашъ братецъ! Въ Египтѣ?

БАРОНЪ.

Да... Во время нашихъ смутъ, вмѣсто того, чтобы эмигрировать, онъ перемѣнилъ имя, и сталъ подъ знамена республики!

МОРИЦЪ, живо.

А это хорошо!

БАРОНЪ.

Да, мы всѣ тоже сдѣлали... И я перемѣнилъ имя.

МОРИЦЪ, разсѣянно.

Чтобъ вступить въ службу?

БАРОНЪ.

Нѣтъ... чтобъ выѣхать изъ Франціи!.. Я и тогда вѣдь былъ очень слабъ здоровьемъ...

БАРОНЕССА.

Хорошо, хорошо, баронъ!.. Объ этомъ послѣ, теперь о другомъ...

МОРИЦЪ, про себя.

Фердинандъ!.. Такъ вотъ что... Смотря на него, я всегда думалъ... (*Барону невольно.*) Это удивительно... какъ онъ походитъ на своего отца.

БАРОНЪ, живо.

Какъ, докторъ!.. Стало, вы знали моего брата?

БАРОНЕССА.

Стало, вы были въ Египтѣ?

МОРИЦЪ, въ замѣшательствѣ.

Нѣтъ.

ОБА.

Однако.

МОРИЦЪ, сухо.

Ну, да; ну, что же такое... если я и былъ въ Египтѣ... Развѣ нельзя быть въ Египтѣ! Развѣ не всякій имѣетъ право быть въ Египтѣ?

БАРОНЪ.

Полноте, докторъ...

МОРИЦЪ, бросая хлѣбъ на полъ.

Что вы тутъ... меня допрашиваете... (*Сухо.*) Человѣку страждущему, сударь, больному... Я не жалѣю ни времени, ни трудовъ... а нескромному болтуну, который приходитъ докучать мнѣ своими распросами о дѣлахъ, собственно до меня относящихся, о моей жизни, я говорю: вы здоровы... очень радъ... идите своей дорогой!..

БАРОНЕССА, лаская его.

Ну вотъ! Ну вотъ!.. Медвѣдь мой и разсердился!... А такой милый, когда не сердится... Ну, приходите же обѣдать... (*Движеніе Морица.*)

БАРОНЕССА.

Вы необходимы намъ, докторъ, чтобъ уговорить Фердинанда, вашего любимца... Вѣдь вы его любите?

МОРИЦЪ, съ остаткомъ гнѣва.

Да, люблю; онъ лучше всѣхъ... Во-первыхъ, я никогда почти его не вижу...

БАРОНЪ.

Спасибо!

МОРИЦЪ.

Я не говорю этого о баронессѣ.

БАРОНЕССА, смѣясь.

Такъ благодарю васъ за барона!

МОРИЦЪ.

Нѣтъ... и не о баронѣ... Ну, да, я люблю вашего племянника!.. Онъ такой прямой, благородный... (*Показывая на сердце.*) У него вотъ это есть!.. (*Барону.*) Не знаю, понимаете ли вы меня... но у него вотъ это есть!..

БАРОНЪ.

Понимаю ли я васъ?... Еще бы не пони-

мать!.. Вы хотите сказать... что у него есть... это!

БАРОНЕССА.

Да, да, премилый мальчикъ... Однако я имъ очень не довольна... Мы хотимъ женить его на старшей д'Аблансе... 100 тысячъ ежегоднаго доходу... Царица С. Жерменскаго предмѣстья!... Бабушка только объ этомъ и думаетъ... Господинъ племянникъ, кажется, не совсѣмъ расположенъ...

БАРОНЪ.

То есть, кажется, рѣшительно не расположенъ...

БАРОНЕССА.

Звала его ѣхать къ Аблансеямъ пригласить ихъ къ намъ, а онъ отправился на охоту: подумаешь, что онъ бѣгаетъ отъ нихъ.

МОРИЦЪ.

Да послушайте... старшая д'Аблансе не хороша.

БАРОНЪ.

Дурна даже.

БАРОНЕССА, разсѣянно.

Очень дурна... но это не резонъ... я вышла вѣдь... (*Хочетъ указать на барона.*)

БАРОНЪ.

Что?

БАРОНЕССА.

Нѣтъ... я не то хотѣла сказать. Ничего, ничего.

МОРИЦЪ.

И потомъ, у него, можетъ, быть есть любовишки, а? Въ его лѣта не удивительно.

БАРОНЕССА.

Любовишки... О, если есть, онъ мнѣ разкажетъ ихъ; я позабавлюсь... я не ханжа. Я... Онъ скажетъ мнѣ: милая тетинька... Гм? А я скажу ему: хорошо... говори мой другъ, не бойся... бабушка и дядинька ничего не узнаютъ... потому что молодые люди....

БАРОНЪ, повѣсилъ голову.

Гм! Молодые люди...

БАРОНЕССА, весело барону.

О, вы... вы ужасные дѣла дѣлали въ свое время, я увѣрена!... Смотрите, берегитесь... Если я узнаю что нибудь... (*Доктору.*) Такъ рѣшено, въ шесть часовъ.

МОРИЦЪ, про себя.

Въ сотый разъ повторяю вамъ, сударыня, что я выхожу только къ своимъ больнымъ.

БАРОНЕССА, показывая на барона.

Тѣмъ лучше... Вотъ оставляю вамъ его, онъ привезетъ васъ.

МОРИЦЪ, падая на стулъ.

Есть отчего сдѣлаться желтой горячкѣ.

БАРОНЕССА.

Рѣшено; поѣду къ Аблансеямъ... Баронъ, я возьму вашу карету.

БАРОНЪ.

А я то какъ, мой другъ?

БАРОНЕССА.

Придете пѣшкомъ.

БАРОНЪ.

Пѣшкомъ!

БАРОНЕССА.

Вамъ это нужно! Прощайте, прощайте; докторъ, не опоздайте. До свиданія.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

БАРОНЪ, МОРИЦЪ, ПОТОМЪ ЛИДІЯ.

МОРИЦЪ, въ сторону.

Ну! Оставила меня съ этимъ пластыремъ.

БАРОНЪ, довѣрчиво.

Если говорить правду, такъ я даже радъ, что жена моя уѣхала.

МОРИЦЪ.

Вы еще о чемъ-то хотите говорить со мною. (*Возвышая голосъ.*) Лидія, скорѣй котлеты! (*Барону.*) Такъ позвольте мнѣ при васъ позавтракать, я буду слушать васъ съ большимъ апетитомъ.

БАРОНЪ.

Сдѣлайте милость... Это вещь очень важная... Г. Фердинандъ не шутя меня безпокоитъ...

ЛИДІЯ, приноситъ завтракъ.

Г. Фердинандъ? Что съ нимъ? Не боленъ ли онъ?

МОРИЦЪ, сидя спиной къ барону за столомъ.

Что ты? Не твое дѣло? Ставь завтракъ, да вели Жаку закладывать таратайку! (*Смотря на барона.*) Мнѣ надо ѣхать, понимаешь? Я очень тороплюсь.

ЛИДІЯ.

Слушаю, г. Морицъ! (*Въ сторону.*) Бѣд-

ный Фердинандъ! Оттого-то, можетъ быть, онъ не пришелъ и урокъ давать! Боже мой! Какъ бы узнать?... (*Стараясь подойти къ барону.*)

МОРИЦЪ.

Что жъ, Лидія?

ЛИДІЯ.

Сейчасъ? г. Морицъ, сейчасъ... (*Въ сторону.*) Пойду караулить, не выйдетъ ли кто изъ замка. (*Уходитъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

МОРИЦЪ, завтракаетъ, и БАРОНЪ.

БАРОНЪ.

Такъ я уже сказалъ вамъ, докторъ, я радъ, что жена моя...

МОРИЦЪ

Вы хотите посовѣтоваться со мною?

БАРОНЪ.

Да, во-первыхъ, о моемъ здоровьѣ... оно, право... на него только не обращаютъ вниманія... Матушка только и бредитъ внучкомъ... мною никто не занимается. А я увѣренъ, что лѣтъ десять сидитъ во мнѣ какая нибудь сильная болѣзнь.

МОРИЦЪ.

Что съ вами? Голова... ноги... безсонница?

БАРОНЪ.

Нѣтъ... Все это довольно хорошо! Голова не болитъ, ноги здоровы, сонъ крѣпокъ. Но внутренное разслабленіе... Что-то вотъ тутъ... тутъ... и тутъ...

МОРИЦЪ.

Еще гдѣ?

БАРОНЪ.

Да вотъ и здѣсь тоже... право, не знаю какъ вамъ сказать... во всемъ тѣлѣ...

МОРИЦЪ.

Вы завтракали?

БАРОНЪ.

Да, поутру, я выпилъ цѣлую чашку липоваго цвѣту.

МОРИЦЪ, удивясь.

Чашку липоваго цвѣту!

БАРОНЪ.

О! Безъ этого я шагу не дѣлаю изъ дому... а тамъ ровно до 6-ти часовъ ничего въ ротъ не беру!

МОРИЦЪ, вставая.

И вы еще держитесь на ногахъ! (*Съ сердцемъ.*) Это жалость. (*Сажая на свое мѣсто и ставя передъ нимъ приборъ.*) Сядьте тутъ, и съѣшьте котлетку.

БАРОНЪ, съ ужасомъ.

Мнѣ котлетку!

МОРИЦЪ.

Я по три тѣлъ въ ваши лѣта.

БАРОНЪ, осматривая котлетку.

Помилуйте, докторъ, да онѣ такъ жирны, что, право, вы заставляете меня сдѣлать безразсудность.

МОРИЦЪ, садясь противъ него.

Это мое дѣло.

БАРОНЪ, въ нерѣшимости.

Это ускоритъ только мою болѣзнь...

МОРИЦЪ.

Я съ ней справлюсь. (*Кладетъ ему котлетку на тарелку.*) Ѣшьте же, чортъ возьми... право, мнѣ больно смотрѣтъ на васъ!

БАРОНЪ, ѣстъ.

Смотрите, докторъ, вы будете отвѣчать передъ Богомъ... Славная котлетка, только очень жирна! Нѣтъ ли хлѣба?

МОРИЦЪ.

Вотъ хлѣбъ...

БАРОНЪ.

А соль?

МОРИЦЪ.

Передъ вами... (*Наливая ему въ стаканъ.*) Вина немножко.

БАРОНЪ, пьетъ.

Охъ, эти доктора!...

МОРИЦЪ.

Что, небось, получше вашего липоваго чая...

БАРОНЪ.

Гм!... (*Пьетъ еще.*) Однако, покамѣсть я здѣсь... (*Съ прежнею таинственностію*) Какъ я говорилъ вамъ, докторъ, это очень важно. (*Понижая голосъ.*) Вы почти угадали: Фердинандъ...

МОРИЦЪ.

Влюбленъ?

БАРОНЪ.

Страстно... Эта любовь можетъ уронить его имя, честь семейства! Я все знаю!

МОРИЦЪ.

Вотъ!

БАРОНЪ.

Не знаю только, въ кого онъ влюбленъ.

МОРИЦЪ.

Стало, вы ничего не знаете.

БАРОНЪ.

Извините... я имѣю данныя... говорили о похищеніи.

МОРИЦЪ.

О похищеніи! Какъ вы открыли?

БАРОНЪ.

Какъ! Я мастеръ на эти вещи! Послѣ обѣда я имѣю привычку садиться въ кресла, протягиваю ноги и какъ будто засыпаю; иногда и вправду сплю... но все слышу, что говорятъ около меня: это ужъ такая способность... особенное дарованіе. Такъ третьяго дня Фердинандъ и другъ его, знаете этого повѣсу Дериньи, разговаривали потихоньку у камина, и я слышалъ, какъ Дериньи говорилъ Фердинанду: «Ты съ ума сошелъ, мой другъ! Что тутъ труднаго увезти ее, отправиться на мѣсяцъ въ Италію, вотъ и все тутъ.»

МОРИЦЪ.

Ну?

БАРОНЪ.

Ну?

МОРИЦЪ.

Можетъ быть, это Дериньи хотѣлъ увезти кого нибудь; а вашъ племянникъ его отговаривалъ.

БАРОНЪ.

Та, та, та, та! Сейчасъ видно, докторъ, что вы никогда не шалили... Вотъ я, напримѣръ... какъ былъ шалуномъ...

МОРИЦЪ.

Вы?

БАРОНЪ, оглядывается со страхомъ вокругъ себя.

Жены моей здѣсь нѣтъ!... Я былъ большимъ шалуномъ!

МОРИЦЪ, смотря на него весело.

Вотъ что значитъ: мы!

БАРОНЪ.

Могу васъ увѣрить!... (*Понижая голосъ.*) Я повыспрошу у его берейтора: онъ всякій день ѣздитъ на охоту.

МОРИЦЪ.

Велика бѣда!

БАРОНЪ.

Да это только предлогъ; черезъ часъ онъ отправляется къ своей возлюбленной.

МОРИЦЪ, внимательно.

Вы думаете?

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, ФЕРДИНАНДЪ, показывается въ глубинѣ театра, и останавливается у двери, не входя.

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону.

Боже! Дядюшка и докторъ!

БАРОНЪ, Морицу.

Понимаете ли, онъ выбираетъ минуту, когда отца, мужа, опекуна, не знаю кого, именно нѣтъ дома, и пробирается къ ней, какъ волкъ въ овчарню! (*Фердинандъ слышалъ эти слова, и осторожно уходитъ, затворяя за собой дверь.*)

МОРИЦЪ.

Но вѣдь вы не знаете, къ кому онъ ходитъ?

БАРОНЪ.

Я ужъ напалъ на слѣдъ. Послушайте, онъ охотится всегда въ Моранскомъ лѣсу, а тамъ на концѣ парка, три мѣсяца тому назадъ, наняла павильонъ какая то молоденькая незнакомка! Не знаете ли вы, кто она такая?

МОРИЦЪ.

Молодая женщина... актриса, кажется, или пѣвица, что-то въ этомъ родѣ: недѣля, какъ я былъ тамъ, у нее заболѣла горничная воспаленіемъ въ легкихъ.

БАРОНЪ.

Актриса!... Хорошенькая?

МОРИЦЪ.

Недурна... блондинка.

БАРОНЪ.

Ну, такъ и есть... это она!

МОРИЦЪ.

Совсѣмъ нѣтъ; она здѣсь по болѣзни, ей приказано пользоваться деревенскимъ воздухомъ.

БАРОНЪ.

Охъ! хо! хо! Вы ничего не смыслите въ этомъ, докторъ; говорю вамъ, что это она,

хоть объ закладъ побиться, и если бъ только мнѣ подстеречь ихъ... Вы больше не ѣздите въ Моранжи?

МОРИЦЪ.

Почти всякій день... (*Вставая.*) Да вотъ и теперь ѣду навѣстить старуху Жерве, которую разбилъ параличъ...

БАРОНЪ, живо.

Въ своей таратайкѣ? А мнѣ дадите мѣсто?

МОРИЦЪ.

Васъ растрясетъ, предупреждаю.

БАРОНЪ, вставая.

Вотъ еще! Велика важность! Я хочу вывести это на чистую воду... Чортъ возьми! Отъ этого зависитъ честь нашей фамиліи!... Вы меня высадите на концѣ парка?

МОРИЦЪ.

Высажу, гдѣ хотите. (*Зоветъ.*) Лидія!

БАРОНЪ, оправляясь.

Актриса!... Я очень радъ!

МОРИЦЪ, съ ироніей.

Вы отобьете ее у племянника, не такъ ли?

БАРОНЪ.

О! (*Улыбаясь.*) А что жъ, если честь нашей фамиліи потребуетъ этого... (*Всматриваясь.*) Моей жены здѣсь нѣтъ?

МОРИЦЪ, въ сторону.

Старый хвастунъ! (*Зоветъ.*) Лидія!

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ И ЛИДІЯ.

ЛИДІЯ, въ сторону.

Не видать.

МОРИЦЪ.

Что таратайка?

ЛИДІЯ, показывая налѣво.

Ожидаетъ васъ у конца сада.

МОРИЦЪ.

Перчатки, шляпу.

ЛИДІЯ, подавая ему, въ полголоса.

Г. Морицъ, что же случились съ г. Фердинандомъ!

МОРИЦЪ, также.

Вишь, какая любопытная!... Что?... Онъ влюбленъ?

ЛИДІЯ.

Влюбленъ?

МОРИЦЪ.

Тебѣ это смѣшно, потому что ты думаешь о Гросбетѣ.

ЛИДІЯ.

Я! Совсѣмъ нѣтъ.

МОРИЦЪ.

Плутовка! Хорошо, я потороплюсь оглашеніемъ... (*Барону.*) Ѣдемте, баронъ; экипажъ васъ ожидаетъ.

БАРОНЪ,

Я готовъ, докторъ. (*Уходятъ налѣво.*)

ЯВЛЕНІЕ XI.

ЛИДІЯ, ПОТОМЪ ФЕРДИНАНДЪ.

ЛИДІЯ, у двери, провожая ихъ глазами.

Вы скоро воротитесь, г. Морицъ?... (*Про себя.*) Рѣшено; онъ не будетъ сегодня!

ФЕРДИНАНДЪ, показываясь въ глубинѣ театра, въ сторону.

Уѣхали! И дядюшка съ своими подозрѣніями... Дериньи, можетъ быть, правъ; если бъ я могъ заглушить голосъ совѣсти...

ЛИДІЯ, на аван-сценѣ.

Влюбленъ... это бы не должно помѣшать ему давать мнѣ уроки.... Кто же такъ оставляетъ, не докончивъ воспитаніе... (*Выходитъ и сталкивается съ Фердинандомъ.*) Ахъ! (*Съ радостію.*) Какъ, г. Фердинандъ, вы были тутъ?

ФЕРДИНАНДЪ.

Сейчасъ вошелъ, мой ангелъ.

ЛИДІЯ, въ волненіи.

Странно, я не видала, какъ вы пришли; а все караулила... (*Оправившись.*) Я была прилежна; вы будете мной довольны; вотъ увидите.

ФЕРДИНАНДЪ, останавливая ее.

О! Я и не сомнѣваюсь... У тебя такія способности... но теперь я не могу... у меня есть очень важное дѣло...

ЛИДІЯ, улыбаясь.

О, знаю: теперь у васъ, я думаю, совсѣмъ другое въ головѣ!

ФЕРДИНАНДЪ, съ удивленіемъ.

Что ты хочешь сказать?

ЛИДІЯ, съ простодушнымъ лукавствомъ.

Ага!... Мы знаемъ кое-что... (*Въ полголоса и улыбаясь.*) Такъ стало, правда, что вы влюблены, г. Фердинандъ.

ФЕРДИНАНДЪ, живо.

Я влюбленъ!... Кто могъ сказать тебѣ?...

ЛИДІЯ.

Ахъ! Не сердитесь, ради Бога, я не буду этого впередъ говорить; я вѣдь такъ сказала вамъ, потому что люблю васъ. Если вы влюблены, то вѣрно и васъ любятъ; а мнѣ это пріятно: я бы желала, чтобы весь свѣтъ любилъ васъ.

ФЕРДИНАНДЪ.

Добрая Лидія!... (*Въ сторону.*) Она ничего не знаетъ (*Вслухъ, довѣрчиво.*) Ну да, я влюбленъ.

ЛИДІЯ.

Вотъ видите!

ФЕРДИНАНДЪ, кладя палецъ на губы.

Но, чтобъ это было тайной между нами.

ЛИДІЯ.

Не безпокойтесь, я не болтушка какая... (*Лукаво.*) Но скажите мнѣ, мила она? (*Опомнясь.*) Вотъ глупый вопросъ, маркизъ... должна быть очень-мила...

ФЕРДИНАНДЪ.

Мила-ль она? Какъ грація меньшая;
Но больше въ ней душевной красоты!
Могу сказать объ ней, не прибавляя,
Она лицемъ и сердцемъ—ты!

Съ умомъ проста, съ кокетствомъ непритворна,
Душа у ней источникъ доброты,
Мила, скромна, довѣрчива, покорна,
Она лицемъ и сердцемъ—ты!

ЛИДІЯ.

Ну, вотъ, г. Фердинандъ... какъ вамъ не стыдно...

ФЕРДИНАНДЪ, перемѣняя тонъ.

Послушай, Лидія: Магдалина принесла мнѣ платки; она призналась, что за нее другая роботала.

ЛИДІЯ, потупляя глаза.

Какъ, она вамъ сказала?

ФЕРДИНАНДЪ.

Да, она сказала, что по болѣзни не могла ни за что приняться,—а что ты, приходя сидѣть надъ нею по ночамъ, успѣла кончить то, что она начала.

ЛИДІЯ.

Да отчего же мнѣ было не сдѣлать этого... бѣдная! У нея двое дѣтей и ничего нѣтъ; къ тому же я знала, что эти платки вамъ къ спѣху, что вы хотѣли подарить ихъ бабушкѣ.

ФЕРДИНАНДЪ, съ чуствомъ, постепенно усиливающимся.

Нѣтъ, я перемѣнилъ намѣреніе, узоръ мнѣ понравился, и я оставляю ихъ у себя.

ЛИДІЯ.

Тѣмъ лучше. Стало вы дадите повую работу Магдалинѣ; а если хотите, такъ и я вамъ вышью прекрасные, чудесные платочки... для той... понимаете... когда вы женитесь.

ФЕРДИНАНДЪ, пораженный.

Когда я женюсь!

ЛИДІЯ.

Ахъ, Боже мой! Неужели я опять невольно огорчила васъ?

ФЕРДИНАНДЪ, въ сильномъ разстройствѣ.

Нѣтъ, нѣтъ; но ты не понимаешь меня... Я люблю ее, люблю, какъ безумецъ! Если заставятъ отъ нея отказаться, я съ ума сойду! И что всего ужаснѣе, никто не пойметъ, не оправдаетъ меня! Свѣтъ такъ безтолковъ, такъ глупъ! Мои родные, друзья, наши дамы такъ вздорны, такъ легкомысленны... такъ бездушны! Всѣ они осудятъ меня... Что жъ мнѣ остается дѣлать? Какъ избѣгнуть этого мученія? Одно средство, и я его исполню: удалюсь, убѣгу отсюда.

ЛИДІЯ, съ безпокойствомъ.

Вы, г. Фердинандъ?... О, не говорите этого!

ФЕРДИНАНДЪ, протяжно, съ любовію смотря на нее.

А если бы она захотѣла только, мы бы могли быть такъ счастливы! Отъ нея только зависитъ...

ЛИДІЯ.

Ахъ, если бы я знала ее! Да все равно: вы мнѣ скажите, я пойду къ ней, скажу, какъ вы добры, какъ мы всѣ любимъ васъ; о, она васъ такъ же полюбитъ, непремѣнно, Она на все согласится! Только не уѣзжайте! Боже мой — не видать васъ! Что съ нами будетъ? Начать съ меня: я буду очень несчастна.

ФЕРДИНАНДЪ, съ радостію.

Точно! (*Лидія отираетъ слезы.*) О, я не обманываюсь! Такъ знай же, Лидія...

ГРОСБЕТЪ, за кулисами.

О, этому такъ не пройдти!

ФЕРДИНАНДЪ, оборачиваясь съ досадой.

Кто тамъ?

ЛИДІЯ, также.

Гросбетъ! Какой несносный!...Онъ назвалъ бы ее!

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, ГРОСБЕТЪ, ВБѢГАЕТЪ.

ГРОСБЕТЪ.

Ахъ, г. маркизъ! Какой ужасный ударъ! Я хотѣлъ бѣжать въ замокъ!

ФЕРДИНАНДЪ.

Что тебѣ? Что случилось?

ГРОСБЕТЪ, въ волненіи.

Что случилось? — А то, что надобно отмстить за честь вашего дома... оскорбленнаго въ моемъ лицѣ!

ФЕРДИНАНДЪ.

Какимъ образомъ?

ГРОСБЕТЪ.

А вотъ какимъ: я побѣжалъ за вами въ лѣсъ — только васъ не нашелъ: вы уѣхали! Но пришедши туда, попался къ вашимъ пріятелямъ, г. Дериньи, г. Дольбану; они и начали трунить надо мной. Поднялся такой хохотъ, что... ей Богу — право.

ЛИДІЯ.

Отчего же?

ГРОСБЕТЪ.

Я и самъ подумалъ объ этомъ! А больше всѣхъ хохоталъ этотъ Дериньи!... Ха, ха, ха, бѣдняжка Гросбетъ, такъ, стало, ты позволяешь охотиться въ своихъ владѣніяхъ? Кому же это я позволяю? спросилъ я. Да, да, кому? У тебя уносятъ дичь изъ-подъ самаго носа!

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону.

Нужно очень было Дериньи!...

ГРОСБЕТЪ.

Постой, поймаю я кого, говорю я — я его потащу въ судъ!... Только что я сказалъ это, они еще пуще захохотали, стали шептаться между собою, и я слышалъ, что они называли васъ, мамзель Лидія.

ЛИДІЯ.

Меня?

ГРОСБЕТЪ.

Да-съ, ваше имя!

ЛИДІЯ.

Мое имя?

ГРОСБЕТЪ.

Вотъ тутъ-то я и смѣкнулъ дѣльцомъ...

ФЕРДИНАНДЪ, живо.

Что жъ ты смѣкнулъ?

ГРОСБЕТЪ.

А то, что охотникъ-то — г. Дериньи.

ЛИДІЯ.

Онъ и не говорилъ со мной ни разу.

ГРОСБЕТЪ.

Все равно! Я ужъ давно подозрѣвалъ его... Ужъ этотъ молодецъ, съ маленькими усиками да съ сигаркой, думалъ я... отъ него не жди добра. Да я ему не позволю! Да, не позволю! — Увижу я его у моей жены — да я его убью, какъ зайца.

ФЕРДИНАНДЪ, пораженный.

У твоей жены?... Какъ у твоей жены?

ГРОСБЕТЪ.

Да, г. Маркизъ. Развѣ вы не знаете? (*Лидіи.*) Развѣ вы не сказывали маркизу?...

ЛИДІЯ.

Нѣтъ, позабыла.

ГРОСБЕТЪ.

Позабыли? Вотъ это мило!

ФЕРДИНАНДЪ, съ нетерпѣніемъ.

Какъ, Лидія?

ГРОСБЕТЪ, съ гордымъ видомъ подводя къ ее Фердинанду.

Да, г. Маркизъ, это рѣшено: я женюсь

на ней (*Лидіи.*) Присѣдайте же...мы имѣемъ счастіе...

ФЕРДИНАНДЪ, ЛИДІИ.

Это правда?

ЛИДІЯ

Г. Морицъ сказалъ мнѣ, что я должна выдти за мужъ; что Гросбетъ мнѣ пара... (*Въ полголоса, замѣчая безпокойство Фердинанда.*) Но если это вамъ непріятно, г. Фердинандъ, вамъ стоитъ только сказать! Я тотчасъ откажусь!

ФЕРДИНАНДЪ.

Хорошо! (*Про себя.*) Не должно терять ни минуты. (*Бѣжитъ къ столу направо.*)

ГРОСБЕТЪ, ЛИДІИ.

Я былъ увѣренъ, что онъ горячо за это примется.

ФЕРДИНАНДЪ, садясь.

Напишу къ Дериньи.

ГРОСБЕТЪ.

Да, да, скажите ему, что это неприлично нападать на честнаго человѣка.

ФЕРДИНАНДЪ, пишетъ, въ сторону.

Увезти! Но чрезъ кого?

ГРОСБЕТЪ, продолжая свое.

Вы его терпѣть не можете. О, г. маркизъ не позволитъ наступить себѣ на ногу! (*Лидіи, смотря на Фердинанда.*) Онъ въ состояніи подраться съ нимъ... и на его мѣстѣ, я бы сталъ драться!

ЛИДІЯ.

Драться! Фи! Фи!

ГРОСБЕТЪ.

Ого! Онъ ему отпоетъ по крайней мѣрѣ... (*Разговаривая тихо.*)

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону, повторяя, что пишетъ.

«Я рѣшился! Пришли мнѣ твой дормезъ и пару лучшихъ лошадей! Вели стать у рощицы, позади деревни! Удержи Гросбета до завтра! Найди предлогъ! Я напишу къ тебѣ изъ Милана! (*Запечатываетъ письмо.*)

ГРОСБЕТЪ, смотря на него.

Теперь по крайней мѣрѣ я могу спать спокойно.

ФЕРДИНАНДЪ, Гросбету.

Въ замокъ Дериньи...

ГОРСБЕТЪ.

А! А!

ФЕРДИНАНДЪ.

Самъ отдашь это письмо.

ГРОСБЕТЪ.

Будьте спокойны! Посмотрю, какую онъ состроитъ фигуру?

ФЕРДИНАНДЪ.

И не ворочайся безъ отвѣта.

ГРОСБЕТЪ.

Скорѣе буду ждать его до послѣдняго суда (*Лидіи.*) Вотъ что значитъ имѣть добрыхъ господъ! (*Какъ будто говоритъ съ собакой.*) Гола! Трезоръ, неси подачку! пиль!

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ФЕРДИНАНДЪ И ЛИДІЯ.

ЛИДІЯ.

Въ какомъ вы волненіи?

ФЕРДИНАНДЪ.

Отъ радости! Да, Лидія, теперь все зависитъ отъ тебя, и если ты меня любишь...

ЛИДІЯ.

Вы сомнѣваетесь!?

ФЕРДИНАНДЪ.

Такъ черезъ часъ, будь у рощицы подлѣ пруда.

ЛИДІЯ.

Подлѣ пруда! Вы не будете драться?

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ... не бойся ничего... но ты придешь, не правда ли?

ЛИДІЯ.

Постараюсь.

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, дай мнѣ слово: если ты не придешь... О! я не знаю, что́ съ собою сдѣлаю... жизнью не подорожу.

ЛИДІЯ.

О! Приду непремѣнно! Я не знала, что это такъ важно: я на все для васъ готова. И г. Морицъ придетъ со мною.

ФЕРДИНАНДЪ.

О, нѣтъ, приходи одна, и ни слова Морицу. Ради Бога!

МОРИЦЪ, за кулисами.

Лидія! Лидія!

ФЕРДИНАНДЪ.

Это онъ!

ЛИДІЯ.

Онъ выходитъ изъ таратайки.

ФЕРДИНАНДЪ, толкая ее.

Ступай, задержи его: я не хочу, чтобъ онъ меня видѣлъ... Черезъ часъ подлѣ пруда. (*Лидія выходитъ на минуту въ заднія двери.*)

ФЕРДИНАНДЪ, одинъ.

А я пойду въ замокъ, сплету какую нибудь сказку бабушкѣ! (*Хочетъ идти и видитъ Морица.*) Ахъ, Боже мой, докторъ идетъ сюда! Нѣтъ средства уйдти. (*Бѣжитъ къ дверямъ направо.*) А! въ фонарикъ!... Онъ вѣрно выйдетъ. (*Уходитъ въ фонарикъ и запираетъ за собою двери.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

МОРИЦЪ, ЛИДІЯ, ФЕРДИНАНДЪ спрятанный.

МОРИЦЪ.

Я говорю тебѣ, что у насъ у всѣхъ пребезпамятныя головы.

ЛИДІЯ.

Отчего же? (*Въ сторону, осматриваясь.*) Ушелъ!

МОРИЦЪ.

Главное позабыли: побывавъ у старушки Жерве, которая чувствуетъ себя какъ нельзя лучше, я высадилъ барона и поѣхалъ къ меру, чтобъ поговорить о твоей свадьбѣ.

ЛИДІЯ.

О моей свадьбѣ... Время терпитъ!

МОРИЦЪ,

Терпитъ! Терпитъ!... Эти дѣвушки всѣ одинаковы: чуть что не по нихъ... Представь себѣ, прихожу я къ нему, онъ спрашиваетъ у меня твои бумаги; я такъ и остолбенѣлъ.

ЛИДІЯ.

Мои бумаги?

МОРИЦЪ.

Ну, да, моя милая: безъ бумагъ вѣдь не выходятъ замужъ. Я обѣщалъ ему прислать ихъ сейчасъ; такъ дай же мнѣ ихъ поскорѣе.

ЛИДІЯ, встревоженная.

Мои бумаги! (*Въ сторону.*) Я и не подумала о нихъ; онѣ спрятаны вмѣстѣ съ этимъ письмомъ, которое чуть не убило его. Если оно ему опять попадется...

МОРИЦЪ.

Ну, куда жъ ты ихъ положила?

ЛИДІЯ, встревоженная.

Не знаю, г. Морицъ... Не помню...

МОРИЦЪ.

Ты, можетъ быть, отдала ихъ мнѣ, а я съ своей памятью... надо поискать. (*Идетъ къ конторкѣ.*)

ЛИДІЯ, останавливая его.

Нѣтъ, нѣтъ; теперь я вспомнила—у меня ихъ не было.

МОРИЦЪ.

У тебя не было бумагъ! Какой вздоръ! Ты держала ихъ въ рукахъ, я какъ теперь помню... Я сидѣлъ здѣсь, ты вошла...

ЛИДІЯ, въ сторону.

Боже!... Онъ припоминаетъ!

МОРИЦЪ, идя къ конторкѣ.

Я увѣренъ, что мы найдемъ ихъ въ какомъ нибудь уголкѣ...

ЛИДІЯ, бросаясь къ конторкѣ.

Нѣтъ! Нѣтъ! Вы ихъ не увидите!

МОРИЦЪ.

Вотъ прекрасно! Стало, онѣ тутъ.

ЛИДІЯ.

Я лучше не пойду замужъ.

МОРИЦЪ, смѣясь.

Чтобы не показать мнѣ свидѣтельство о рожденіи... Ты хочешь кокетничать съ правительствомъ. (*Отталкиваетъ ее и отворяетъ*). Какое ребячество!

ЛИДІЯ, встревожившись еще больше.

Г. Морицъ! Г. Морицъ! Прошу васъ... лучше я сама скажу вамъ все. (*Колеблется.*) Вотъ видите... съ этими бумагами было письмо...

МОРИЦЪ.

Ко мнѣ?... Вѣрно отъ какого нибудь больнаго! Долго же прождалъ онъ бѣднякъ! Не забывай впередъ. (*Отворяя ящикъ*) Ну, вотъ! Вѣдь я говорилъ!... Вотъ онѣ въ этомъ потаенномъ ящикѣ... Свидѣтельство о рож-

денiи... и письмо... (*Посмотрѣвъ на него, испускаетъ крикъ.*) Ахъ!... Эта рука!... Опять она! Черезъ двадцать лѣтъ.

лидія, бросаясь къ нему и поддерживая его.

Г. Морицъ, не открывайте, не читайте его.

морицъ, дрожа отъ волненія.

Отчего?... Я хочу знать... Генріета! Измѣнница! Смѣетъ писать ко мнѣ!

лидія, въ сторону.

Матушка! (*Въ-слухъ.*) Что съ вами?

морицъ, колеблясь.

Тебѣ странно, моя бѣдная Лидія, что я въ такомъ волненіи?—Вотъ видишь: подъ этой грубой корой, душа слабая... душа ребенка, которая не могла устоять противъ перваго удара, встрѣтившагося въ жизни. (*Старался казаться твердымъ и раскрывал письмо.*) Но на этотъ разъ, у меня достанетъ силы, мужества. (*Отирая глаза и собираясь читать.*)

лидія, въ сторону.

Что дѣлать?

морицъ, читая.

«Мое бѣдное дитя, моя дочь доставитъ это письмо...» (*Съ бѣшенствомъ глядя на Лидію*) Ея дочь, ея дочь!... Ты, несчастная?

лидія, въ испугѣ.

Г. Морицъ!

морицъ, внѣ себя.

Ея дочь? При мнѣ! Это западня!

лидія, съ сложенными руками.

Господи!

морицъ.

Ступай вонъ, ступай вонъ! Я не хочу тебя видѣть!

лидія,

Сжальтесь!

морицъ.

Сжалиться!... Мнѣ сжалиться надъ тобой! Знаешь ли ты, чѣмъ я обязанъ твоей матери? (*Беретъ ее за руку.*) Несчастіемъ, отчаяніемъ, потерею цѣлой жизни!... Я любилъ ее... Боже! Какъ я любилъ ее!... Она, я, мы оба были молоды: но бѣдны... я говорилъ ей: Генріета, я ѣду, опасности обогатятъ меня; тебѣ, тебѣ одной я отдамъ все богатство, какое наживу... Объ одномъ богатствѣ мечталъ я, безумный! Мечта моя осуществилась. Я пріобрѣлъ это богатство... Съ нимъ возвращался, гордый и счастливый... Но что я узналъ по возвращеніи, Генріета... Генріета пропала — во время моего отсутствія... Одинъ подлецъ!... О! Тогда я убѣжалъ изъ Парижа, изъ этого развратнаго города... я хотѣлъ умереть для цѣлаго свѣта... И ты, дитя преступленія, которой каждая черта приводитъ меня въ ярость, ты пришла отравить спокойствіе послѣднихъ дней моихъ!...

лидія, потерянная.

Г. Морицъ!

морицъ, съ бѣшенствомъ.

Ступай вонъ! Ступай вонъ!

лидія, убитая.

Куда прикажете мнѣ итти?

морицъ.

Куда хочешь!

лидія.

У меня никого нѣтъ!

морицъ.

У тебя есть мать!

лидія, падая на колѣни.

Она умерла!

(*Минутное молчаніе.*)

морицъ, пораженный,

Умерла! Умерла! Генріета! (*Задыхающимся голосомъ.*) Все разомъ! (*Дрожа, ищетъ стула, чтобъ опереться. Лидія, видя, что онъ шатается, хочетъ идти къ нему. Держась за столъ и жестами не приказывая ей подходить.*) Не подходи! Не тронь меня!... Я спокоенъ, я спокоенъ... (*Съ этими словами, падаетъ въ изнеможеніи, и нѣсколько минутъ остается съ лицемъ, закрытымъ руками. Со слезами.*) Стало... Это письмо?... Генріета!...

лидія, все на колѣнахъ, робѣя.

Она писала его передъ смертію... Я поддерживала ее; она плакала, я также... «Это твоя послѣдняя подпора,» сказала она мнѣ... «Но если воспоминаніе обо мнѣ раздражитъ его, или онъ не захочетъ прочесть моего письма... тогда, дитя мое, кромѣ Творца, тебѣ не на кого надѣяться въ свѣтѣ.»

морицъ, взявъ письмо, послѣ нѣкотораго времени начинаетъ читать его слабымъ и прерывающимся голосомъ.

«Дочь моя отдастъ вамъ это письмо. Мо-

рицъ! цѣлыя 18 лѣтъ отмстили за васъ!... Обманутая, брошенная тѣмъ, который бы долженъ быть моимъ покровителемъ»... (*Про себя.*) Подлецъ! (*Продолжая.*) «Одинъ Богъ знаетъ, что я перетерпѣла! Я умираю; но что будетъ съ моей бѣдной Лидіей, послѣ моей смерти? къ тому, кого я такъ оскорбила, Морицъ... къ вамъ обращаюсь я: я знаю ваше сердце. Если она найдетъ васъ — я умру спокойно — дочь моя не погибнетъ!... (*Роняетъ письмо на столъ; Лидія все на колѣняхъ; ни слова, Морицъ встаетъ, идетъ къ ней, поднимаетъ, отворачиваетъ голову, цалуетъ ее и заливается слезами. Прерывающимся голосомъ.*) Ты не оставишь меня, ты будешь моею дочерью!

ЛИДІЯ, съ радостію восклицаетъ.

Ахъ!

МОРИЦЪ, сжимая ее въ своихъ объятіяхъ.

Да, моею любимою дочерью! Никто не скажетъ, что я не исполнилъ послѣдняго желанія несчастной Генріеты!

ФЕРДИНАНДЪ, показываясь, въ сторону.

Такъ вотъ какую участь я ей готовилъ!... О! Никогда, никогда!... Скорѣе умру!

МОРИЦЪ, Лидіи.

Успокойся.

ЛИДІЯ, цалуя у него руку.

Точно, г. Морицъ, вы меня не выгоните?... Я навсегда останусь съ вами?

МОРИЦЪ.

Навсегда, дитя мое. Мы отыщемъ твоего отца... (*Смотря на бумаги.*) Вѣрно есть письма отъ него. (*Читая надпись.*) «Шевалье Фавролю»... Фавроль?... Не знаю! Но я найду его, и уличу, и пристыжу... или, нѣтъ, мы его не станемъ отыскивать... Онъ только будетъ помѣхой въ нашемъ счастіи.. а мы можемъ быть счастливы и безъ него. Къ тому же... нѣтъ... я не хочу искать его! Съ меня довольно будетъ и нашего маленькаго хозяйства... (*Колеблется.*) А потомъ, когда ты будешь поспокойнѣе, мы поговоримъ о... (*Колеблясь.*) о ней... о твоей матери...

ЛИДІЯ, въ волненіи.

Кромѣ горестей ея, я ничего не могу вамъ разсказать...

МОРИЦЪ, со слезами.

Стало, она очень страдала?

ЛИДІЯ.

О! Да.

МОРИЦЪ.

Она была одна?

ЛИДІЯ

Со мною.

МОРИЦЪ, задушаемый слезами.

А тотъ?!... И я не былъ съ нею! Я, можетъ быть, спасъ бы ее!

ЛИДІЯ, отирая ему глаза.

Не плачьте, г. Морицъ.

МОРИЦЪ.

Я говорилъ тебѣ, Лидія, эти воспоминанія... Ты еще не можешь... Поговоримъ о другомъ о чемъ нибудь... о чемъ нибудь повеселѣе, хоть о твоей свадьбѣ... Не плачь... Ну, полно... Ты не захочешь огорчать твоего стараго Морица... Ну, улыбнись... разсмѣйся...

ЛИДІЯ, улыбаясь, сквозь слезы.

Я ничего... я смѣюсь, г. Морицъ.

МОРИЦЪ, цалуя ее.

Ну, ну... вотъ такъ, хорошо! Мы будемъ жить здѣсь, втроемъ, счастливы и спокойны!...

ГРОСБЕТЪ, кричитъ за кулисами.

За мной! За мной!

(*При первыхъ словахъ, Фердинандъ затворяетъ двери.*)

МОРИЦЪ, оборачиваясь.

Что за шумъ?

ЛИДІЯ.

Это Гросбетъ!

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, ГРОСБЕТЪ, СЪ ПОСЕЛЯНАМИ.

ГРОСБЕТЪ, въ дверяхъ.

Смотрите, братцы! Не прокараульте его! Злодѣй, разбойникъ! (*Бѣжитъ къ Морицу и Лидіи.*) А! Г. Морицъ!... Мамзель Лидія!... Вы еще здѣсь?.. Слава Богу...

ЛИДІЯ.

Что съ вами?

ГРОСБЕТЪ, ворчитъ отъ злости.

Подлецъ! Подлецъ!... Нѣтъ, нѣтъ... я долженъ убить кого нибудь...

МОРИЦЪ.

Не убивай никого, а разскажи намъ лучше.

ГРОСБЕТЪ, говоря то Лидіи, то Морицу.

Разсказать!... Это ужасъ! У васъ волосъ дыбомъ станетъ! Г. Дериньи... вы знаете, сударыня, это письмо, которое г. Морицъ далъ мнѣ къ нему?

ЛИДІЯ.

Ну?

ГРОСБЕТЪ.

Я отдалъ ему. «Хорошо, говоритъ, будетъ отвѣтъ, подожди.» Вышелъ; только я слышу запираютъ дверь; — вотъ я и думаю себѣ: попался, дружокъ... вѣдь это онъ меня запираетъ... Только не таковъ молодецъ: бросаюсь въ окно, изодралъ куртку, да ничего — бѣгу, что есть мочи; а то, пожалуй, вѣдь увезъ бы мою жену!

МОРИЦЪ.

Увезъ... Лидію?

ЛИДІЯ.

Меня?

ГРОСБЕТЪ.

Да кого же? Вотъ я вамъ цѣлый часъ толкую, а вы все не понимаете! Знаете ли, что я видѣлъ у рощицы подлѣ пруда? Карету съ гербомъ Дериньи, въ двѣ лошади, съ почтальономъ... Они тамъ изволили прятаться за деревьями...

ЛИДІЯ, удивясь.

Подлѣ пруда?

МОРИЦЪ.

Карета! Увезти!... (*Сжимая Лидію въ своихъ объятіяхъ.*) Бѣдное дитя! (*Про себя.*) Какъ мать, ее хотятъ отнять у меня и послѣднее утѣшеніе! (*Въ слухъ.*) Я увижусь съ г. Дериньи. (*Гросбету.*) Есть тамъ кто нибудь съ тобой? Пойдемте! Есть законы, суды, есть правосудіе! Пойдемте.

ГРОСБЕТЪ.

Да, да, пойдемте къ меру.

(*Въ это время Фердинандъ потихоньку выходитъ изъ фонарика, и пробирается между крестьянами, какъ будто сейчасъ вошелъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, ФЕРДИНАНДЪ, блѣдный и разстроенный.

ГРОСБЕТЪ.

Г. Морицъ...

ФЕРДИНАНДЪ.

Куда вы?

МОРИЦЪ.

Наказать соблазнителя.

ГРОСБЕТЪ, показывая на Лидію.

Помѣшать г. Дериньи увезти мамзель Лидію.

ФЕРДИНАНДЪ.

Дериньи?!

ГРОСБЕТЪ.

Да, его карета съ лошадьми спрятаны здѣсь, недалече!

ФЕРДИНАНДЪ, измѣнивши голосъ.

Знаю...

МОРИЦЪ.

Вы знаете?

ФЕРДИНАНДЪ.

Да, я зналъ, что замышляли противъ спокойствія и чести Лидіи..: видѣлся съ виновнымъ, объяснился съ нимъ, и онъ отказался отъ своего намѣренія. Вамъ больше негего опасаться, клянусь моею честью!

МОРИЦЪ.

Хорошо, г. Фердинандъ.

ВСѢ.

Возможно ли?

ЛИДІЯ.

Какъ, вы?

ГРОСБЕТЪ.

Вотъ господинъ, такъ господинъ! Ей Богу, такой въ цѣломъ свѣтѣ одинъ!

МОРИЦЪ, пожимая ему руку.

Меня не удивляетъ, что вы сдѣлали это, г. Фердинандъ; я давно зналъ васъ за честнаго и благороднаго молодаго человѣка... (*Смотря на него.*) Какъ вы блѣдны!

ЛИДІЯ.

Не больны ли вы?

ФЕРДИНАНДЪ, стараясь улыбнуться.

Нѣтъ, ничего... Я усталъ немного. Прощайте, докторъ, прощайте, друзья мои.

ВСѢ

Да здраствуетъ маркизъ!

ХОРЪ.

Благослови его, Творецъ.
Пошли ему здоровья, счастья:
Онъ нашъ защитникъ и отецъ
И покровитель при несчастьи!
Благослови его, Творецъ!
Онъ нашъ защитникъ и отецъ!

(*Музыка продолжаетъ играть тихо до конца.*)

лидія, тихо Фердинанду.

Что же, надо мнѣ быть у пруда? Черезъ четверть часа!

фердинандъ, тихо, въ сильномъ волненіи.

Нѣтъ, нѣтъ, Лидія; не нужно... Я ѣду...

лидія, тихо.

Ѣдете?

фердинандъ.

Сію минуту?

лидія, встревоженная.

Но мы увидимъ васъ?

фердинандъ, съ усиліемъ.

Никогда!

лидія, пораженная, опирается на стулъ.

Никогда...: Боже!

(*Хватается за голову, какъ будто почувствовавъ новое непонятное ощущеніе. Фердинандъ пожимаетъ руку Морицу, отходитъ въ глубину театра. Гросбетъ и поселяне съ почтеніемъ даютъ ему дорогу.*)

хоръ.

Да здравствуетъ маркизъ!

Благослови его, Творецъ! *и проч.*

(*Занавѣсъ опускается.*)

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Зала въ замкѣ Вилевьё. Двѣ двери позади, выходятъ въ переднюю; посрединѣ каминъ. Налѣво комната Фердинанда; направо большая стеклянная дверь, ведущая въ другія комнаты замка. Фамильные портреты. Богатая готическая мебель; налѣво, на авансцень, диванъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

БАРОНЪ, у камина, приготовляетъ сахарную воду; МАРКИЗА СЪ БАРОНЕССОЙ ВЫХОДЯТЪ ИЗЪ КОМНАТЫ ФЕРДИНАНДА.

БАРОНЪ, увидя маркизу.

Ну что́, маменька?

МАРКИЗА.

Не шумите!... Все еще не успокоился!... А лошадей заложили?... Послали?... (*Садясь.*) Что это, право, Морицъ не ѣдетъ! Не слыханная вещь! Какъ! Въ цѣломъ околодкѣ одинъ докторъ... и его нѣтъ... Тогда какъ наслѣдникъ Вильвьё... Бѣдный Фердинандъ!.. Кто бы могъ ожидать!.. (*Барону, который мѣшаетъ въ стаканѣ.*) Вы ему дѣлаете воду съ сахаромъ?

БАРОНЪ, болѣзненнымъ голосомъ.

Нѣтъ, маменька... Это я для себя!... Нынѣшнія потрясенія меня совсѣмъ взволновали.

МАРКИЗА.

Не вздумайте заболѣть и вы тоже... Боже мой, Боже мой! Что́ съ нами будетъ?

БАРОНЪ, потупивъ голову.

Удерживаюсь, сколько могу!... Но вѣдь уже, вотъ, десять лѣтъ, какъ это продолжается! И вы увидите, какъ только Фердинандъ выздоровѣетъ...

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, ЛИДІЯ, ПОТОМЪ МОРИЦЪ.

ЛИДІЯ, вбѣгаетъ, запыхавшись.

Идетъ, идетъ!.. Я сама бѣгала за нимъ на конецъ деревни... (*Увидя маркизу.*) Ахъ, извините, сударыня.

МАРКИЗА.

Что это за дѣвочка?

БАРОНЕССА.

Это Лидія, ключница доктора!... Славная дѣвушка!... Посмотрите, какъ она тронута нашимъ несчастіемъ! Дрожитъ вся!

ЛИДІЯ.

Да, камердинеръ г. барона меня ужасно перепугалъ. Но вѣдь пустяки?... Не правда-ли?... Маленькое нездоровье... лихорадочка?...

БАРОНЪ, смотря на мать.

Да... да... Напрасно безпокоились. (*Лидіи.*) А по правдѣ, такъ я не совсѣмъ спокоенъ.

ЛИДІЯ.

Отчего?

МАРКИЗА, увидя Морица.

Ахъ, докторъ!

ВСѢ, окружая его.

Пожалуйте, пожалуйте!

МОРИЦЪ, входя.

Ну! Ну!... Что случилось? Постныя лица! Замокъ вверхъ дномъ... и изъ бездѣлицы, пари держу... (*Маркизѣ.*) Вы вѣчно такъ! Ужъ гдѣ коснется до этого дорогаго внучка...

МАРКИЗА.

Ваша правда, докторъ; опасности нѣтъ, не правда-ли?...

МОРИЦЪ.

А вотъ увижу, такъ скажу.

МАРКИЗА.

Къ тому же съ вашимъ талантомъ! Вы всегда вылечивали своихъ паціентовъ. (*Увидя Лидію.*) Какъ, ты ужъ здѣсь, Лидія? Ты прытче соловенькой?

ЛИДІЯ, въ замѣшательствѣ.

Васъ ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ!

МОРИЦЪ, маркизѣ.

Душка моя! Ну, разскажите-жъ мнѣ, какъ это открылось?

МАРКИЗА.

Надо вамъ сказать, докторъ, что мы садились за столъ... Фердинанда еще не было...

БАРОНЕССА.

Ахъ, Боже мой, самымъ простымъ образомъ... Я сидѣла за туалетомъ, вдругъ баронъ прибѣгаетъ ко мнѣ.

БАРОНЪ.

Я давно подозрѣвалъ, что у племянника таится зародышъ какой нибудь болѣзни...

Вместѣ.

МОРИЦЪ, спокойно.

Если вамъ все равно, говорите по очереди.

БАРОНЪ.

Я вамъ все объясню... Давно...

МАРКИЗА, живо.

Молчите, баронъ, дайте ужъ мнѣ... Видите, докторъ... (*Обращаясь къ сыну.*) Не мѣшайте, баронъ, говорятъ вамъ, вы пренесносный... Я, право, не знаю, что это вы... Такъ, двѣ недѣли тому назадъ, я уже говорила вамъ, мы садились за столъ, входитъ Фердинандъ, блѣдный, разстроенный; спрашиваю его, что съ нимъ?... Бѣдняжка проговорилъ нѣсколько словъ, и упалъ безъ чувствъ.

МОРИЦЪ.

Двѣ недѣли!

ЛИДІЯ.

Именно въ то время, какъ онъ ушелъ отъ насъ!

МОРИЦЪ.

Правда, правда! Ты меня наводишь на... Но онъ тогда чувствовалъ себя очень хорошо.

ЛИДІЯ.

Ахъ, г. Морицъ! Онъ былъ ужасно блѣденъ! Помните? Вы еще спросили его, не боленъ ли онъ?

МОРИЦЪ.

Правда, правда! У тебя чудесная память! (*Пробѣжавъ.*) Ну, что жъ, упалъ безъ чувствъ... И долго не приходилъ въ себя?

БАРОНЪ.

Минутъ съ шесть.

БАРОНЕССА.

Перенесли его къ нему...

МАРКИЗА.

И съ тѣхъ поръ онъ ужъ не выходилъ изъ своей комнаты.

ЛИДІЯ.

Двѣ недѣли!

МОРИЦЪ.

И вы не посылали за мной?

БАРОНЪ.

Онъ никакъ не хотѣлъ!

ЛИДІЯ.

Боже! Если бъ можно было угадать!

МОРИЦЪ.

Чортъ возьми, — я бы пришелъ! Нѣтъ ли лихорадки?

МАРКИЗА.

Нѣтъ; но онъ все въ какомъ-то безпокойствѣ, не въ духѣ...

БАРОНЪ.

И все молчитъ!

БАРОНЕССА.

Слова отъ него не добьешься!

МАРКИЗА.

Все его утомляетъ, сердитъ... увидитъ, что мы хлопочемъ, ухаживаемъ за нимъ, улыбнется, но вѣдь такъ, что плакать хочется!

МОРИЦЪ.

Нѣтъ ли у него какого нибудь горя?

МАРКИЗА.

Никакого, по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ.

МОРИЦЪ, тихо барону.

Ну, а то, что вы думали... Эта актриса?

БАРОНЪ, также.

Она съ недѣлю, какъ уѣхала! И онъ не былъ у нея!

МОРИЦЪ, въ слухъ.

Не взволновало ли его что нибудь?...

БАРОНЪ.

О, да, сегодня напримѣръ, когда зазвонили въ колоколъ, не знаю, на крестины, на свадьбу ли?

ЛИДІЯ.

Да, на свадьбу!

БАРОНЪ.

Этотъ несчастный колоколъ такъ фальшивитъ, что...

МАРКИЗА.

Какой колоколъ, хуже разбитой сковороды!

БАРОНЪ.

Съ нимъ сдѣлался сильнѣйшій припадокъ... Онъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату...

БАРОНЕССА.

Крича: Боже мой, Боже мой! Не велите звонить, не велите звонить!

МАРКИЗА.

Тогда-то я и послала за вами!

МОРИЦЪ.

Не много же вы мнѣ сказали.

МАРКИЗА, Морицу.

Я думаю, вишскія воды...

БАРОНЪ.

Или русскія бани?

БАРОНЕССА.

Совсѣмъ нѣтъ! Парижскія увеселенія, балы, спектакли! Для него я бы готова пожертвовать собой... сама бы повезла его.

МОРИЦЪ, оглядывая всѣхъ по очереди.

Вы всѣ кажется, доктора! Такъ я беру шляпу и свидѣтельствую вамъ мое глубочайшее почтеніе.

ВСѢ, удерживая его.

Ахъ, докторъ!

МОРИЦЪ, возвращаясь.

Нѣтъ, чортъ возьми, пустите!... У меня есть дѣла. Ванны, микстуры! Все это прекрасно, когда больно тѣло... Но здѣсь ясно, что онъ страдаетъ какимъ нибудь душевнымъ недугомъ; этотъ недугъ надо напередъ узнать.

МАРКИЗА.

Если онъ не хочетъ говорить!

МОРИЦЪ.

Такъ надо угадать... Предоставьте это мнѣ... Докторъ, который только и умѣетъ прописывать микстуры да порошки, просто оселъ!... Между нами есть такого сорта! Но другіе не довольствуются этимъ, проникаютъ въ душу!... И надѣюсь, что я принадлежу къ послѣднимъ! (*Маркизѣ.*) Я останусь здѣсь на цѣлый день.

МАРКИЗА.

Ахъ, докторъ...

МОРИЦЪ.

А какъ не должно забывать и другихъ больныхъ... (*Лидіи.*) Лидія, ты хорошо сдѣлала, что пришла сюда.

ЛИДІЯ, съ радостію.

Не правда ли, г. Морицъ?... Я могу помогать вамъ, и если нужно будетъ сидѣть, давать лекарство...

МОРИЦЪ.

Нѣтъ, моя милая! Это не до тебя касается... Ты знай свое хозяйство!... Воротись домой.

ЛИДІЯ, озадаченная.

Какъ!

МОРИЦЪ.

Въ конторкѣ, во второмъ ящикѣ съ правой руки... возьмешь двѣ консультаціи и одинъ рецептъ, которыхъ ожидаютъ въ Дамартенѣ... Жакъ отвезетъ ихъ сію же минуту... только смотри, не ошибись... Помни: во второмъ... (*Видя, что она разсѣянна.*) Да ты не слушаешь меня?

ЛИДІЯ, смотря на дверь комнаты Фердинанда.

Какъ же-съ... Какъ-же... Г. Морицъ... Ящикъ въ конторкѣ въ Дамартенѣ...

МОРИЦЪ.

Ступай скорѣе!

ЛИДІЯ, въ сторону.

Идти!... И не узнать... О! я ворочусь... Викторина, горничная, мнѣ все скажетъ.

(*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, кромѣ ЛИДІИ.

МАРКИЗА, съ радостію.

И такъ вы останетесь у насъ на цѣлый день?

МОРИЦЪ.

А можетъ быть, и на всю ночь... Я люблю наблюдать за моими больными, и во время ихъ сна... Еслибы баронесса приказала приготовить мнѣ комнату.

БАРОНЕССА.

Сію минуту.

МАРКИЗА.

Лучшую постель.

МОРИЦЪ.

Нѣтъ, нѣтъ... простой матрацъ... хоть солому, только подлѣ него, и такъ, чтобы онъ не зналъ объ этомъ... Чтобы я могъ...

МАРКИЗА, испугавшись.

Такъ вы думаете, что это важно?

МОРИЦЪ.

Узнаю, такъ скажу. Баронъ, посмотрите, можетъ ли онъ принять меня.

МАРКИЗА, барону, который переходитъ налѣво.

Не испугайте его!....

БАРОНЕССА.

Скажите, что докторъ самъ зашелъ сюда, не нарочно.

БАРОНЪ, пожимая плечами.

Предоставьте мнѣ...

МОРИЦЪ, подводя ихъ.

А главное, чтобъ не было этихъ печальныхъ физіономій, этихъ вытянутыхъ лицъ, которыя какъ будто говорятъ больному: плоха надежда на твое выздоровленіе!... Этакъ, пожалуй, можно уморить и самаго здороваго человѣка... (*Указывая на печальную маркизу.*) Если бабушка не будетъ умна, такъ я начну съ того, что посажу ее въ большое кресло и не спущу съ него!

МАРКИЗА, принужденно.

Нѣтъ, нѣтъ, докторъ!... Мы будемъ веселы.

БАРОНЪ.

Очень веселы!

МОРИЦЪ.

Ступайте, ступайте...

(*Баронесса уходитъ въ заднія двери, а баронъ къ Фердинанду.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

МАРКИЗА, МОРИЦЪ.

МАРКИЗА, падаетъ въ кресла направо и заливается слезами.

Ахъ, докторъ!...

МОРИЦЪ, бѣжитъ къ ней.

Ну, ну, что съ вами?...

МАРКИЗА.

Я удерживалась при нихъ, но... если я потеряю его, какъ и его отца...

МОРИЦЪ.

Что за мысль!

МАРКИЗА.

Ахъ, докторъ... Онъ одного характера съ покойнымъ отцемъ своимъ... Бѣдный Генрихъ!.. Какъ бы онъ ни страдалъ... виду, бывало, не подастъ... Если бы вы знали... Бѣдный, бѣдный энтузіастъ этого Банапарте, онъ послѣдовалъ за нимъ въ Египетъ... Когда тотъ сдѣлался консуломъ, онъ опять хотѣлъ предложить ему свои услуги... Мы угадывали честолюбіе негоднаго Корсиканца; мы объяснили Генриху, что честь его имени не позволяетъ ему... Онъ послушался насъ безъ ропота; жилъ одинъ, въ этомъ самомъ замкѣ... Печальный... сумрачный... Подъ видомъ холодной рѣшимости задушая родъ стыда, который мучилъ его... Я видѣла, какъ онъ угасалъ постепенно... И когда его не стало, тогда только я узнала всю истину. (*Останавливается, задушаемая рыданіемъ.*)

МОРИЦЪ.

А! вотъ оно... вотъ тиранство мнѣній, вотъ фамильная гордость.

МАРКИЗА, вставая.

Развѣ это не былъ долгъ мой?... И все, что можетъ порочить имя Вилевьё...

МОРИЦЪ.

Не горячитесь: всякій мыслитъ по своему; но теперь нѣтъ Бонапарте, который бы сводилъ съ ума молодыхъ людей; стало, вашъ внучекъ...

МАРКИЗА.

Ахъ, докторъ, окажите ему все, что будетъ зависѣть отъ меня... богатство, пожертвованія...

МОРИЦЪ.

Тсъ! Это онъ!

МАРКИЗА, улыбаясь, и идя къ Фердинанду.

Другъ мой... Это докторъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, БАРОНЪ, ФЕРДИНАНДЪ ВЪ НЕГЛИЖЕ, БЛѢДНЫЙ И РАЗСТРОЕННЫЙ, ВЕДОМЫЙ БАРОНОМЪ.

ФЕРДИНАНДЪ.

А, докторъ... очень радъ.

МОРИЦЪ, весело.

Вотъ онъ, дружище!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ!.. (*Въ сторону. Смотря на него.*) Какая перемѣна! (*Въ слухъ.*) А я объѣзжалъ больныхъ, по обыкновенію, и завернулъ сюда, для... (*показывая на барона*) вашего дядюшки.

БАРОНЪ, въ удивленіи.

Для меня?.. (*Въ сторону.*) А, понимаю... Ловко, ловко.

МОРИЦЪ, Фердинанду.

И не захотѣлъ упустить случая повидаться съ вами... Потому, что вы ужъ болѣе не охотитесь... Богъ знаетъ, что̀ съ вами дѣлается... Это ни на что не похоже, молодой человѣкъ. Я рѣшился у васъ отобѣдать, по просту, безъ чиновъ.

МАРКИЗА.

Это очень любезно съ вашей стороны, докторъ!

МОРИЦЪ, тихо.

Хорошо!.. Хорошо!.. Оставьте насъ.

МАРКИЗА, въ замѣшательствѣ.

Милый докторъ!.. Такъ я... пойду распоряжусь на счетъ кушанья...

БАРОНЪ, слѣдуя по знаку маркизы за нею.

А я на счетъ вина... Доктора любятъ поѣсть да и выпить... а у насъ есть завѣтное Токайское...

МОРИЦЪ, весело.

Отъ котораго я не прочь... разумѣется.

МАРКИЗА, Фердинанду.

Ты посидишь, мой другъ, покамѣстъ съ докторомъ, не такъ ли?

БАРОНЪ.

Ужъ конечно.

МАРКИЗА, поправляя подушку ему на диванѣ.

Такъ сядь же здѣсь... Ты, кажется, усталъ.

ФЕРДИНАНДЪ, равнодушно.

Нѣтъ, бабушка.

МАРКИЗА, сажая его.

Ну, ну, сядь... (*Барону.*) Тише, баронъ... вы вѣчно рванете какъ нибудь...

БАРОНЪ.

Я и не дотронулся до него!

МАРКИЗА, поправляя подушки.

Прилягъ головкой-то, сюда... сюда, мой другъ... (*Морицу.*) Какъ вы находите его, докторъ... Перемѣнился онъ?.. Поблѣднѣлъ?.. Ну, да это пустяки... пройдетъ... мы и не безпокоимся потому что если бы онъ точно былъ боленъ, то вамъ бы онъ ужъ вѣрно сказалъ... не захотѣлъ бы огорчить насъ, не правда ли, мой другъ?.. Ты не захотѣлъ бы огорчить свою бабушку?

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону.

Бѣдная бабушка!..

МАРКИЗА.

Но мы спокойны... Это ничего...

БАРОНЪ.

Перемѣна погоды.

МОРИЦЪ, въ сторону.

Оба хитры — нечего сказать!

МАРКИЗА, дѣлая знаки доктору.

Прощай, прощай, дружокъ мой! Докторъ...

МОРИЦЪ, тихо.

Ступайте, ступайте. (*Уходятъ.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

МОРИЦЪ, ФЕРДИНАНДЪ, на диванѣ съ лѣва,

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону, съ сложенными руками.

Думаютъ обмануть меня!

МОРИЦЪ, посреди театра наблюдая за Фердинандомъ.

Ну!.. Если онъ будетъ сидѣть все сложа руки — не знаю, какъ мнѣ удастся пощупать у него пульсъ.

ФЕРДИНАНДЪ.

Ну, что̀, докторъ?

МОРИЦЪ, подходя.

Ну, что̀! Ну, что̀! Это мило!.. Такъ то вы меня принимаете... Я прихожу къ вамъ, какъ къ другу, а вы мнѣ и руки не хотите дать.

ФЕРДИНАНДЪ, подавая ему руку.

Ахъ, извините!

МОРИЦЪ, беретъ.

Слава Богу!.. (*Въ сторону.*) Кожа сухая и горячая... (*Щупаетъ пульсъ и говоритъ.*) Я не терплю церемоній, но можно, по крайней мѣрѣ, показать, что вы рады гостю!

ФЕРДИНАНДЪ.

Вамъ!.. Всегда... я только и счастливъ, когда васъ вижу!.. (*Колеблется.*) Нѣтъ у васъ ничего новаго?

МОРИЦЪ, продолжаетъ щупать у него пульсъ.

Нѣтъ... Ахъ, извините, подпрефекта смѣнили... и потомъ большая дорога... знае-

те... по которой пройдти нельзя было... ее станутъ мостить... Это ужъ рѣшено... чрезъ 20 лѣтъ...

ФЕРДИНАНДЪ, съ большимъ замѣшательствомъ.

Ну... а у васъ... все хорошо?

МОРИЦЪ.

Какъ видите... Я здоровъ, какъ нельзя болѣе... (*Въ сторону.*) Изнурительная лихорадка... И этотъ мрачный взглядъ... (*Опускаетъ руку и вѣшаетъ голову.*)

ФЕРДИНАНДЪ, улыбаясь.

Кончили, докторъ?.. Я не мѣшалъ вамъ... давалъ щупать пульсъ, сколько вамъ было угодно!

МОРИЦЪ, нѣсколько смущенный.

Щупать пульсъ!.. Я щупалъ у васъ пульсъ?.. Чортъ меня возьми, если я только подумалъ объ этомъ! (*Хочетъ опять взять руку.*) Впрочемъ, если вы непремѣнно этого хотите...

ФЕРДИНАНДЪ, отнимая руку.

Безъ хитростей!.. У больныхъ тонкое ухо, докторъ... Бабушка безпокоится... Васъ позвали...

МОРИЦЪ, довѣрчиво.

Вы думаете?.. Что же дѣлать?.. Эти добрые люди обо всемъ безпокоятся... Увидѣли, что вы печальны, нездоровы немного... и вообразили... (*Садясь подлѣ него и наклонясь къ его уху.*) Развѣ бабушка не поручила мнѣ распросить васъ... (*Смѣется.*) Заставитъ васъ говорить.

ФЕРДИНАНДЪ.

А!

МОРИЦЪ.

Нашли кому поручить!.. Я терпѣть не могу... да, терпѣть не могу докторовъ, которые дѣлаютъ допросы по формѣ... Къ чему, въ самомъ дѣлѣ, мучить больнаго... распрашивать безпрестанно: что у васъ, что съ вами?.. Ужъ если есть что нибудь, онъ и самъ скажетъ!.. Вѣдь докторъ не чародѣй какой!. (*Перемѣняя тонъ и вопрошая его взорами.*) Они вообразили, что у васъ есть какое нибудь большое горе!..

ФЕРДИНАНДЪ, тронутый.

Горе!

МОРИЦЪ, наблюдая за нимъ.

Да! Я говорилъ имъ, это пустяки, этого быть не можетъ... Съ его состояніемъ, съ его именемъ—о чемъ ему горевать?

ФЕРДИНАНДЪ, въ сторону, вздыхая.

Мое имя! Ахъ! Какъ оно дорого мнѣ стоитъ!

МОРИЦЪ, слѣдя за всѣми его движеніями.

Это не честолюбіе, но въ самомъ дѣлѣ: чего ему желать? Проигрышъ? Вздоръ! Онъ никогда не играетъ! (*Медленно.*) Что же можетъ быть? Такъ развѣ тайная любовь?

ФЕРДИНАНДЪ, трепеща.

Любовь! Нѣтъ.

МОРИЦЪ, въ сторону.

Да! Вотъ что! (*Вслухъ.*) Ну, если бъ и была, такъ отъ любви не умираютъ. Я и самъ былъ молодъ, я пожилъ! Всего, бывало, боишься, во всемъ видишь препятствіе... А, кажется, чего легче? Просто бы сказать: вотъ она; можетъ быть, есть затрудненіе; ну, можно какъ нибудь уладить...

ФЕРДИНАНДЪ, вставъ и взявъ его за руку; потомъ послѣ минутнаго молчанія.

Выслушайте, докторъ.

МОРИЦЪ, въ сторону, также вставая.

Назоветъ... Надо только умѣть взяться.

ФЕРДИНАНДЪ.

Да, я отъ васъ не потаю —
Во мнѣ не пусто докторъ, сердце;
Но лишь благому Серцевѣдцу
Извѣстно про любовь мою.
Любовь мнѣ эта не укоръ;
Но отъ людей ее я скрою —
Въ могилу унесу съ собою;
Не выдамъ свѣту на позоръ!...

И потому никогда никто изъ нихъ ее не узнаетъ.

МОРИЦЪ, въ сторону.

Кромѣ меня. (*Вслухъ грубо.*) Ну, да никто васъ и не спрашиваетъ? Развѣ это до меня касается?

ФЕРДИНАНДЪ, про себя, съ сильнымъ душевнымъ волненіемъ.

Нѣтъ! Никогда! Отчаяніе! Соблазнъ для всего семейства! А бѣдная бабушка! Она умретъ!

МОРИЦЪ, въ сторону.

Отчаяніе? Соблазнъ! Кто бы это могъ быть? Но я вѣдь не отстану ужъ такъ отъ него, буду слѣдить за всѣми его движеніями...

ФЕРДИНАНДЪ, выходя изъ задумчивости.

Поговоримъ о другомъ, докторъ!

МОРИЦЪ, подвигаясь къ нему.

Отъ всего сердца!... Какъ я уже говорилъ вамъ, эта новая дорога отнимаетъ у васъ ровно тридцать десятинъ... Вотъ какъ она идетъ... (*Палкой чертитъ по полу; Фердинандъ не слушаетъ его.*)

ЛИДІЯ, растворяя большую стеклянную дверь направо.

Я совсѣмъ запуталась въ этихъ большихъ переходахъ. (*Увидя доктора и Фердинанда и затворяя за собою дверь*). Ахъ, Боже мой!

ФЕРДИНАНДЪ, приподнявъ голову, увидѣвъ ея.

Что это! Она! Она сама!

МОРИЦЪ, смотря на него.

Что? Что такое?

ФЕРДИНАНДЪ, про себя, въ сильномъ волненіи.

Лидія, Лидія! Здѣсь! Такъ близко!

МОРИЦЪ, наблюдая за нимъ.

Но, это волненіе...

ФЕРДИНАНДЪ, про себя.

О, нѣтъ, нѣтъ! Это игра моего воображенія. Безумецъ!

(Бросается на диванъ и закрываетъ лицо руками)

МОРИЦЪ, уловивъ послѣднія слова фразы.

Что ему показалось? Ужъ не здѣсь ли его возлюбленная? (*Оборачиваетъ голову и видитъ баронессу, которая входитъ изъ задникъ дверей направо и идетъ на цыпочкахъ*). Боже! Его тетка!

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ, БАРОНЕССА.

ФЕРДИНАНДЪ на диванѣ, МОРИЦЪ, БАРОНЕССА.

БАРОНЕССА, издали въ полголоса.

Ну что? Какъ теперь?

МОРИЦЪ, знаками не приказывая ей подходить.

Тсъ! (*Въ сторону*). Его тетка!.. Несчастный!

БАРОНЕССА, показывая на Фердинанда.

Почиваетъ?

МОРИЦЪ.

Нѣтъ; такъ забылся.

БАРОНЕССА, въ полголоса.

Узнали что нибудь?

МОРИЦЪ, смотря на нее.

Какъ же... то есть... я полагаю... (*Въ сторону.*) Да она — она очень хороша; я не замѣчалъ этого; впрочемъ она такъ недавно еще въ замкѣ... (*Тихо, баронессѣ.*) Скажите мнѣ, баронесса, вы знакомы съ Фердинандомъ только со времени вашего замужства?

БАРОНЕССА.

О, гораздо ранѣе.

МОРИЦЪ.

Какъ?

БАРОНЕССА.

Когда дядюшка его строилъ мнѣ куры, онъ приходилъ съ нимъ вмѣстѣ къ намъ, носилъ мнѣ букеты, конфекты! Былъ очень милъ со мной.

МОРИЦЪ, отирая лобъ и въ сторону.

Ахъ, Боже мой! Нѣтъ больше сомнѣнія! Онъ не могъ устоять... и изъ уваженія къ своему дядѣ, несчастный... а баронъ ничего не видитъ, ничего и не замѣчаетъ!

(Баронесса подходитъ къ дивану.)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ, БАРОНЪ показывается въ глубинѣ театра.

БАРОНЪ, въ полголоса.

Гмъ! Что, каково?

МОРИЦЪ.

Ну, вотъ и онъ.

БАРОНЕССА, барону, указывая на Фердинанда.

Не шумите.

БАРОНЪ, подходя съ осторожностію къ Морицу.

Узнали?

МОРИЦЪ, сквозь зубы.

Да, добрыя вѣсти!

БАРОНЪ, потирая руки.

Тѣмъ лучше ; мнѣ очень любопытно знать, кто...

МОРИЦЪ, въ сторону.

Совѣтую ему потирать руки.

БАРОНЪ.

Кто же?

МОРИЦЪ, въ сторону.

Чортъ меня возьми , если я знаю... Однако надо же сказать имъ! Взять мѣры... (*Вслухъ*). Баронъ, знаете вы исторію Стратоника?

БАРОНЪ, съ удивленіемъ.

Исторію Стратоника! Зачѣмъ вы меня спрашиваете о ней?

МОРИЦЪ, упорствуя.

Ну, да, знаете ли вы исторію...

БАРОНЪ, припоминая.

Какъ же. Помню что-то: греческій или персидскій царь, — и у него былъ еще сынъ, а этотъ сынъ чуть не умеръ отъ любви къ своей мачихѣ. Такъ, что ли?

МОРИЦЪ.

Совершенно такъ. Ну... (*Показывая на Фердинанда*).

БАРОНЪ.

Что же?

МОРИЦЪ.

Вашъ племянникъ!

БАРОНЪ.

Какъ?

МОРИЦЪ.

Именно.

БАРОНЪ.

Мой племянникъ! А!... Но у Фердинанда нѣтъ мачихи.

МОРИЦЪ, на ухо.

Да... но есть тетка.

БАРОНЪ, встревоженный.

Тетка! Что вы говорите? (*Баронесса, которая на цыпочкахъ подошла къ Фердинанду.*) Поди же сюда, мой другъ.

МОРИЦЪ.

Тсъ!

БАРОНЕССА, подходя къ нимъ.

Вы знаете?

БАРОНЪ.

Знаю, знаю. (*Морицу*). Не то, чтобы я боялся ; нѣтъ , потому что этого не можетъ быть; къ тому же Фердинандъ слишкомъ любитъ меня.

БАРОНЕССА, съ любопытствомъ.

Что же такое?

БАРОНЪ, стараясь засмѣяться.

Ничего, вздоръ; докторъ воображаетъ, что Фердинандъ боленъ отъ любви къ тебѣ.

БАРОНЕССА.

Ко мнѣ!

МОРИЦЪ, тихо барону.

Что вы дѣлаете?

БАРОНЪ.

Не бойтесь.

БАРОНЕССА, польщенная, улыбаясь.

Отъ любви ко мнѣ? О, бѣдняжка! Зачѣмъ же онъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ?

БАРОНЪ, оскорбясь.

Какъ, сударыня?

БАРОНЕССА.

Конечно, я бы вразумила его, сказала ему: Другъ мой, это смѣхъ , я не могу сердиться, потому что я твоя тетка , но... Вотъ если бы въ то время , когда ты приходилъ съ своимъ дядюшкой... я бы...

БАРОНЪ.

Вы бы?

БАРОНЕССА, спохватясь.

Тогда бы я его успокоила, вразумила... потому, что въ самомъ дѣлѣ онъ прекрасный мальчикъ, прелюбезный мужчина. (*Смотря на него издалека.*) И я бы лучше... (*Спохватясь опять.*) Но удивительно, какъ я не замѣтила!

БАРОНЪ, издали Морицу.

Ну, теперь пошла! Нужно вамъ было...

МОРИЦЪ, тихо.

Да, вамъ нужно было... чортъ васъ дернулъ сказать ей.

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ, МАРКИЗА, показывается въ глубинѣ театра съ лѣвой стороны.

МАРКИЗА, также въ полголоса.

Ну что, каково?

МОРИЦЪ.

Ну! Вся семья.

БАРОНЪ, въ полголоса.

Очень-худо.

МОРИЦЪ, дѣлая знаки маркизѣ.

Тсъ! (*Подходя къ Фердинанду и смотря на него изъ-за дивана*). Не видитъ и не слышитъ! Занятъ однѣми своими мыслями... громъ загремитъ... (*Обращаясь къ маркизѣ*).

МАРКИЗА, тихо Морицу.

Узнали ли вы его тайну?

БАРОНЕССА.

Да, маменька, мы все знаемъ.

МАРКИЗА.

Желаетъ онъ чего нибудь? Обнадежьте его, докторъ.

БАРОНЪ, поспѣшно.

Совсѣмъ нѣтъ... Онъ не долженъ надѣяться...

МАРКИЗА.

Это отчего, баронъ?

БАРОНЪ.

Позвольте ужъ, маменька, тутъ есть вещи, которыя...

МАРКИЗА, съ сердцемъ.

Ну, вы сейчасъ... и пошли... всего боитесь.

БАРОНЪ.

Нѣтъ, но...

МАРКИЗА, тихо.

Сто разъ вамъ говорила — вы предрянnаго характера. Я увѣрена, что вы всему виною.

БАРОНЪ.

Я?

МАРКИЗА.

Вы помѣшали ему въ чемъ нибудь.

БАРОНЪ.

Но если бы вы знали...

МАРКИЗА, разгорячась, въ полголоса.

Я знаю, сударь, одно, что внукъ мой страждетъ, что послѣдняя отрасль Виллевьё въ опасности жизни, и если вы первый не захотите пожертвовать всѣмъ, чтобы спасти опору семейства, — вы человѣкъ безъ души, холодный, скупой...

БАРОНЪ, теряя терпѣнье.

Но позвольте...

МОРИЦЪ, подходя къ нимъ.

Съ ума вы сошли?... Въ комнатѣ больнаго: извольте молчать или я всѣхъ васъ попрошу выйдти вонъ.

МАРКИЗА, тихо.

Хорошо, докторъ; только скажите пожалуйста, что его безпокоитъ, и я отвѣчаю вамъ, что съумѣю заставить господина...

МОРИЦЪ.

Я требую отъ васъ одного молчанія. (*Сажая ихъ направо.*) Сядьте тутъ и ни съ мѣста, потому что прежде чѣмъ рѣшиться на что нибудь, надобно удостовѣриться. (*Баронесса, которая стоитъ подлѣ него*). Надѣюсь, сударыня, вы не такъ боязливы, какъ г. баронъ (*показывая на Фердинанда*), и хотите спасти его?

БАРОНЕССА.

Хочу ли! Еще бы! очень!

МОРИЦЪ, показывая на диванъ.

Сядьте же потихоньку подлѣ него.

БАРОНЪ, вставая.

Подлѣ него!

МАРКИЗА, взглядомъ заставляетъ его сѣсть.

Баронъ, я не думала, чтобы у васъ было такое дурное сердце.

МОРИЦЪ, тихо.

Не извольте пугаться ни его удивленія, ни радости; приготовьтесь на все.

БАРОНЪ, въ сторону.

На все! Ужъ это слишкомъ! (*Морицъ дѣлаетъ имъ знаки, чтобы они замолчали; баронесса садится подлѣ Фердинанда.*)

БАРОНЕССА.

Онъ не видитъ меня (*Нѣжно.*) Фердинандъ.

БАРОНЪ, тихо.

Если онъ спитъ... за чѣмъ же...

БАРОНЕССА, погромче.

Фердинандъ!

ФЕРДИНАНДЪ, выходя изъ задумчивости и спокойно, обращаясь къ ней.

Ахъ, это вы тетушка?

БАРОНЕССА.

Да, мой другъ, это я.

МОРИЦЪ.

Странно, какое спокойствіе!

БАРОНЕССА, нѣжно.

Я пришла посидѣть съ тобою.

ФЕРДИНАНДЪ, холодно, не замѣчая остальныхъ лицъ.

А, это очень мило съ вашей стороны — не забывать бѣднаго больнаго. (*Отворачивая голову и погружаясь въ прежнюю задумчивость*). Мнѣ очень-пріятно васъ видѣть.

МОРИЦЪ, въ сторону, наблюдая за нимъ.

Хотя бы малѣйшее волненіе! и не смотритъ на нее.

БАРОНЕССА, продолжая.

Тебѣ пріятно! Тебѣ пріятно!... Однако ты

отворачиваешься... знаешь, плутишка, я должна побранить тебя.

ФЕРДИНАНДЪ, разсѣянно.

Побранить?

БАРОНЕСА.

Да, ты неразсудителенъ, мой другъ!.. Я не сержусь на тебя, потому-что я все таки твоя тетка, и наконецъ запретить нельзя...

БАРОНЪ, издали.

Что она говоритъ?

МАРКИЗА, заставляетъ его замолчать.

Баронъ!

БАРОНЕССА, продолжая.

Но будь это кто нибудь другой... (*Нѣжно*) я бы очень разсердилась. (*Фердинандъ смотритъ на нее съ удивленіемъ.*)

МОРИЦЪ, въ сторону, остолбенѣвъ.

Нѣтъ. Это не она! Я ошибся.

БАРОНЕССА, Фердинанду, который все на нее смотритъ.

Что же ты такъ смотришь на мой туалетъ? Не правда ли, онъ очень хорошъ? Этотъ чепчикъ и перелинку я нынче въ первый разъ надѣла.

ФЕРДИНАНДЪ, не смотря на нее.

Да, онъ не дуренъ...

БАРОНЕССА.

Безподобенъ... Въ Парижѣ такъ не сошьютъ, какъ Лидія.

ФЕРДИНАНДЪ, горячо.

Лидія! Какъ! Это Лидія?

МОРИЦЪ, съ удивленіемъ въ сторону.

При одномъ имени...

ФЕРДИНАНДЪ, любуясь шитьемъ.

О! безподобно, удивительно, чудесно!...

БАРОНЕССА.

Не правда ли? Она съ большимъ вкусомъ!

ФЕРДИНАНДЪ, одушевляясь больше и больше.

И какъ добра, чувствительна, скромна! Если бы вы знали, сколько въ ней простоты, невинности, ума!

МОРИЦЪ, въ сторону.

Какой восторгъ!

ФЕРДИНАНДЪ.

Скажите мнѣ, тетинька, не приходила ли она сегодня въ замокъ?... мнѣ показалось...

БАРОНЕССА.

Какъ же, какъ же... она была здѣсь съ докторомъ, но воротилась...

МОРИЦЪ, показывась по другую сторону дивана.

Къ своему мужу.

ФЕРДИНАНДЪ, пораженный.

Къ своему мужу....

БАРОНЕССА.

Нѣтъ, докторъ, этого быть не можетъ. Намъ сказали, что ихъ свадьбу...

МОРИЦЪ, упирая на слово и дѣлая ей знаки.

Праздновали нынче по утру... Вы не слыхали развѣ колокольнаго звона?

ФЕРДИНАНДЪ, вскакивая съ отчаяніемъ.

Стало, я не ошибся (*Про себя.*) О! зачѣмъ я не побѣжалъ! Зачѣмъ не помѣшалъ этой свадьбѣ...

МОРИЦЪ, хватая его за руку.

Безразсудный! (*Показываетъ ему на маркизу, которая подошла къ нему съ безпокойствомъ.*)

МАРКИЗА.

Другъ мой!...

ФЕРДИНАНДЪ, лепечетъ, въ сторону.

Бабушка! (*Въ слухъ.*) Извините!... слабость... голова... я не могу... (*Тихо Морицу*). Докторъ, докторъ, если вы угадали мою тайну, ради Бога, ни слова, изъ жалости!

ВСѢ.

Фердинандъ!

ФЕРДИНАНДЪ, выходя и бросаясь въ свою комнату.

Оставьте меня!...Оставьте меня... (*Исчезаетъ.*)

МОРИЦЪ, въ сторону.

Нѣтъ больше сомнѣнія!

МАРКИЗА.

Онъ бѣжитъ отъ насъ.

БАРОНЪ.

Непостижимо!

МОРИЦЪ, въ сторону.

Кто бы могъ ожидать?... Такая ужасная страсть!... (*Въ слухъ*). Баронъ, не оставляйте его одного.

БАРОНЪ, въ слухъ.

Но то, что вы сейчасъ говорили...

МОРИЦЪ, отрывисто.

Теперь не до этого.

БАРОНЕССА.

Какъ?

БАРОНЪ, показывая на жену.

Стало, я не похожъ на Стратоника?

МОРИЦЪ.

И! нѣтъ! (*Сквозь зубы*) Хорошо, если бы... а это еще хуже! (*Обоимъ.*) Я ошибся: съ нами это часто случается.

БАРОНЪ, съ радостію.

Я говорилъ вѣдь, что этого быть не можетъ. Милый Фердинандъ, пойду расцалую его! (*Уходитъ.*)

МАРКИЗА, тревожась.

Стало, ему лучше?...

БАРОНЕССА, съ досадою.

Очень было нужно!... (*Про себя.*) Эти доктора... вѣчно... выдумалъ сказать мнѣ... впрочемъ что̀ же? это доставляетъ мнѣ удовольствіе, большое удовольствіе. (*Со вздохомъ, маркизѣ.*) Пойду за фортепіано, попробую новую кадриль. (*Уходитъ въ заднюю дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРКИЗА, МОРИЦЪ.

МАРКИЗА, дрожащая.

До фортепіано ли теперь!.. Что̀ жъ съ нимъ, докторъ?...

МОРИЦЪ, въ сторону, прохаживается въ волненіи, не обращая вниманія на маркизу.

Я бы желалъ быть за 1000 льё теперь... Какъ ей сказать?... Гордость Виллевьё! Есть отъ того придти въ отчаянье.

МАРКИЗА, слѣдуетъ за нимъ глазами.

Да отвѣчайте же, докторъ? Не томите меня! Вы все знаете?

МОРИЦЪ.

Да, знаю!

МАРКИЗА.

Такъ говорите.

МОРИЦЪ, рѣшась.

Совсѣмъ нѣтъ, ничего не скажу!

МАРКИЗА.

Что̀?

МОРИЦЪ.

Да, ничего не скажу!... Зачѣмъ?... Вы, пожалуй, упадете еще въ обморокъ.

МАРКИЗА.

Сильная страсть, что ли?

МОРИЦЪ.

Тѣмъ сильнѣе, что онъ боролся съ ней, и теперь ужъ не въ силахъ!

МАРКИЗА.

Свадьба можетъ спасти его?

МОРИЦЪ.

Невозможно... непреодолимыя препятствія.

МАРКИЗА.

Нѣтъ, ихъ быть не можетъ!

МОРИЦЪ, смотря на нее пристально.

А если онъ влюбился въ кого нибудь выше себя?

МАРКИЗА, удивленная.

Выше его!... Никого нѣтъ!

МОРИЦЪ, также.

Въ кого нибудь изъ королевской фамиліи!

МАРКИЗА.

Боже!... О! Я пойду къ королю, брошусь къ его ногамъ, что бы спасти моего внука... Скажу ему, что для спасенія погибающаго мы должны пожертвовать тщеславіемъ, предразсудками....

МОРИЦЪ.

Все то, что̀ бы вы сказали королю, должны вы сказать сами себѣ, маркиза.

МАРКИЗА.

Какъ, докторъ?

МОРИЦЪ.

Ну да... дѣвушка безъ имени, незнающая даже отца своего.

МАРКИЗА, съ крикомъ.

О! ужасъ! Найденное дитя... Фердинандъ мнѣ очень дорогъ; но скорѣе чѣмъ согласиться, я рѣшусь видѣть его...

МОРИЦЪ, въ сторону.

Я этого ожидалъ: всѣ одинаковы!

МАРКИЗА.

О! Боже! Замолчите, докторъ, замолчите; къ тому же это невозможно.

МОРИЦЪ.

Невозможно!

МАРКИЗА.

Ни одинъ Виллевьё, никогда не влюбится...

МОРИЦЪ.

Когда я вамъ говорю, что я видѣлъ...

МАРКИЗА.

Вамъ показалось...

МОРИЦЪ.

Я имѣю доказательства.

МАРКИЗА.

Ошибаетесь.

МОРИЦЪ, оскорбленный.

Ошибаюсь! Я!

МАРКИЗА.

Я не съ тѣмъ сказала это, чтобы обидѣть васъ.

МОРИЦЪ.

Я никогда не обижаюсь... Я ошибся, это ясно.

МАРКИЗА.

Помилуйте, и поискуснѣе васъ...

МОРИЦЪ, иронически.

Конечно!

МАРКИЗА, разгорячась.

Это со всѣми случается.

МОРИЦЪ, также.

Да и съ вами такъ же, когда вы приписываете въ картахъ.

МАРКИЗА.

Но, любезный докторъ....

МОРИЦЪ.

Но, любезная маркиза...

МАРКИЗА, горячась.

Впрочемъ, деревенскій докторъ!...

МОРИЦЪ, также.

Дуракъ...

МАРКИЗА.

Я не говорю этого.

МОРИЦЪ.

Но думаете.

МАРКИЗА.

Есть много другихъ.

МОРИЦЪ.

Позовите ихъ.

МАРКИЗА.

И позову десять, если нужно.

МОРИЦЪ, кричитъ.

Двадцать, тридцать, пятьдесятъ...

МАРКИЗА, кричитъ громче.

Да, сударь, да, сударь!...

МОРИЦЪ, беретъ шляпу.

Какъ вамъ угодно, а я сюда ни ногой! (*Хочетъ итти*).

АРОНЪ, показывается въ дверяхъ налѣво.

Пожалуйте, докторъ, ему хуже.

МАРКИЗА, падая въ кресло направо.

Хуже!... Докторъ, докторъ! Ради Бога!

МОРИЦЪ.

Что такое?

МАРКИЗА.

Не покидайте насъ, я къ вамъ одному имѣю довѣріе.... Ему хуже!

МОРИЦЪ.

Ничего, неизбѣжный припадокъ. (*Барону.*) Дайте спирту. (*Баронъ уходитъ.*) Ну, успокойтесь, не уйду; не уйду же, остаюсь.

МАРКИЗА.

Но что дѣлать, докторъ? Чѣмъ излечить его отъ этой бѣшеной страсти?...

МОРИЦЪ.

Одно средство, — нечего калебаться: онъ долженъ ѣхать, путешествовать... въ Испанію, въ Россію...

МАРКИЗА.

Разстаться съ нимъ!..

МОРИЦЪ.

И не завтра, не вечеромъ, а сію минуту; или я ни за что не отвѣчаю!..

МАРКИЗА, потерявшись.

Но кто съ нимъ поѣдетъ? У меня никого нѣтъ,

МОРИЦЪ, подумавъ, живо.

У васъ никого нѣтъ... никого нѣтъ... Ну, я... я поѣду съ нимъ...

МАРКИЗА, въ сторону.

Вы, докторъ?.. Ахъ! Вы нашъ ангель хранитель!

МОРИЦЪ.

Развѣ я не принадлежу больнымъ?.. Кто опаснѣе, при томъ и я; а мой Шатильонскій собратъ займется пока моими добрыми крестьянами. Только не надо терять ни минуты. (*Переводитъ маркизу налѣво, чтобы идти.*)

МАРКИЗА, возвращаясь.

Но какъ уговорить его?

МОРИЦЪ.

Это мое дѣло. Распорядитесь вы, чтобы карета, лошади были готовы... а я пойду переговорю съ его камердинеромъ; черезъ часъ мы будемъ далеко.

МАРКИЗА.

Ахъ, другъ мой! Спаситель! Чтобы не упустить только времени! (*Уходитъ.*)

МОРИЦЪ, одинъ.

Да, чортъ возьми, я прикомандировываюсь къ нему; не хочу, чтобы онъ сдѣлался жертвою, также какъ и отецъ его, котораго я такъ любилъ. Бѣдный другъ, я и теперь его вижу. Лидія останется одна... Счастье, что Гросбетъ долженъ скоро пріѣхать изъ Мулена, гдѣ ему досталось наслѣдство... и свадьба ихъ. Но эта страсть маркиза, какъ она родилась?

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

МОРИЦЪ, ЛИДІЯ, показывается въ глубинѣ театра.

ЛИДІЯ, въ полголоса.

Тсъ!.. Тсъ!.. Г. Морицъ.

МОРИЦЪ.

Это ты? Зачѣмъ ты пришла?

ЛИДІЯ, входя.

Не сердитесь; я была такъ встревожена, забыла о вашемъ порученіи, вспомнила только, что вы спрашивали бумаги, и принесла вамъ всѣ, какія были въ ящикѣ. (*Подаетъ ему пукъ бумагъ.*)

МОРИЦЪ, беретъ ихъ.

Не знаю право, о чемъ ты думаешь, моя милая, о Гросбетѣ, что ль? Да, ему пора воротиться.

ЛИДІЯ, робко.

Вы его видѣли, не правда ли?

МОРИЦЪ.

Кого, Гросбета?

ЛИДІЯ.

Нѣтъ, г. Фердинанда.

МОРИЦЪ.

Да, да. (*Пробѣгая бумаги.*) Чортъ меня возьми, если я тутъ что нибудь понимаю!

ЛИДІЯ.

Это не важно, надѣюсь? Что у него?

МОРИЦЪ, продолжая рыться въ бумагахъ.

А! Невралгія. (*Смотритъ бумагу, которую развернулъ.*) Кажется, вотъ она... смерклось... ничего не вижу!.. (*Стараясь прочесть.*) Консультація.

ЛИДІЯ, читая чрезъ плечо.

Нѣтъ, г. Морицъ, это... Конституція.

МОРИЦЪ.

Конституція?

ЛИДІЯ.

Конечно! (*Читая.*) «Милостію Божіею и Конституціи имперіи, мы, Наполеонъ, императоръ Французовъ, король Италіи...»

МОРИЦЪ.

Да, знаю. Какъ это сюда попало?... (*Складываетъ бумагу и кладетъ ее въ боковой карманъ; потомъ весело смотря на Лидію.*) Однако, съ которыхъ поръ ты такъ бѣгло читаешь?

ЛИДІЯ, смущенная.

О!...

МОРИЦЪ.

Ты, стало, выучилась читать?

ЛИДІЯ, улыбаясь съ самодовольствіемъ.

И писать также; это сюрпризъ, что мы хотѣли вамъ сдѣлать.

МОРИЦЪ, удивленный.

Ага! А кому ты обязана этимъ новымъ искусствомъ?

ЛИДІЯ, лукаво.

Г. маркизу.

МОРИЦЪ, въ сторону.

Фердинанду!... Такъ это онъ...

ЛИДІЯ.

Конечно! Онъ такой добрый, такой ласковый!... Онъ видѣлъ, что я сама краснѣла отъ своего невѣжества, и предложилъ мнѣ...только, чтобы не безпокоить васъ, онъ выбиралъ тѣ часы, когда васъ не было дома, и какъ только вы за дверь... онъ и приходилъ ко мнѣ.

МОРИЦЪ.

А, понимаю; онъ приходилъ... какъ я уходилъ... (*Про себя.*) Не удивительно, что я съ нимъ никогда не встрѣчался!

ЛИДІЯ.

Если бы вы знали, какъ онъ хорошо показываетъ и какъ скоро я училась... Я такъ была счастлива во время его уроковъ!.. А только что они кончались и онъ уходилъ, мнѣ вдругъ дѣлалось грустно, очень грустно; онъ говорилъ, что это показываетъ большія способности.

МОРИЦЪ.

Да, да!... (*Въ сторону.*) Ахъ, Боже мой! Бѣдняжка не подозрѣваетъ, что она сама... Этого не доставало! нѣтъ скорѣй, скорѣй почтовыхъ лошадей! (*Въ слухъ.*) Это хорошо,

очень-хорошо, моя милая, — я въ восхищеніи, что ты такъ успѣла... потому что все это... всегда можетъ... для молодой дѣвушки... Скажи поди Жаку, чтобъ онъ уложилъ мой чемоданъ; супулъ въ него нѣсколько платковъ, да пару рубашекъ...

ЛИДІЯ.

Вы куда нибудь ѣдете недалеко?

МОРИЦЪ, разсѣянно.

Да; въ Петербургъ.

ЛИДІЯ.

Что? Какъ?

МОРИЦЪ.

По дѣлу; опасный больной!... Я тебѣ все разскажу послѣ... Безъ меня, смотри, чтобъ былъ порядокъ; и какъ пріѣдетъ Гросбетъ, вы подождете меня, слышишь? Подождете?

ЛИДІЯ.

Ужъ конечно!... Но скажите ..

СЛУГА, вбѣгаетъ, тихо Морицу.

Г. докторъ... г. докторъ ! Маркиза спрашиваетъ васъ, проситъ поскорѣе пожаловать; г. маркизъ съ нею; онъ согласенъ ѣхать.

МОРИЦЪ.

Согласенъ?... Надо ковать желѣзо пока горячо!...(*Слугѣ*). Иду! (*Лидіи*) Ты видишь, мнѣ нѣтъ времени (*Цалуя ее*) Воротись поскорѣе домой.

ЛИДІЯ.

Я только отдамъ кружева мамзель Викторинѣ.

МОРИЦЪ, отворяя ей стеклянную дверь, направо.

Ну!... по этой лѣстницѣ.

ЛИДІЯ.

Но, г. Морицъ...

МОРИЦЪ,

Ступай, моя милая, ступай... Я люблю тебя все также, больше... но ступай... ступай скорѣе, и ни ногой въ замокъ... ступай!

(*Она уходитъ. Морицъ провожаетъ ее до двери и захлопываетъ за ней дверь. Лидія остается за дверью.*)

МОРИЦЪ, про себя.

Вотъ такъ...они не встрѣтятся...Это славно! Побѣгу къ маркизѣ. (*Уходитъ въ заднюю дверь.*)

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ЛИДІЯ, ПОТОМЪ ФЕРДИНАНДЪ.

ЛИДІЯ, которая слѣдила за-нимъ глазами, потихоньку растворяетъ стеклянную дверь.

Что же это съ нимъ!... Какое волненіе!... Онъ безпокоится о г. Фердинандѣ и не хочетъ сказать мнѣ. Я думаю, всѣ ошибаются на счетъ его болѣзни, и самъ г. Морицъ! Если бы можно было поговорить съ нимъ о любви, которая такъ тревожила его, — я увѣрена, что это бы его облегчило. (*Видя, что дверь Фердинанда отворяется.*) Ахъ, Боже мой!.. Вотъ онъ! (*Отходитъ въ сторону.*)

ФЕРДИНАНДЪ, выходя изъ своей комнаты.

Они хотятъ этого!... Хорошо, я поѣду; не увижу ея болѣе, чувствую что у меня силъ не достанетъ... (*Оборачивается и видитъ ее*). Лидія! Лидія! Это вы!

ЛИДІЯ, въ замѣшательствѣ.

Извините, г. маркизъ... Я проходила мимо... мнѣ очень хотѣлось узнать... (*Подходя немного.*) Какъ вы себя чувствуете сегодня?

ФЕРДИНАНДЪ, тихо рукой показывая ей, чтобъ она удалилась, въ сторону.

Ахъ! Это испытаніе... (*Въ слухъ*) Лидія, уйди, уйди отсюда.

ЛИДІЯ, съ безпокойствомъ.

Вы сердитесь на меня! Боже мой! Что же я сдѣлала такое?

ФЕРДИНАНДЪ, смущенный, протяжно.

О, ничего, ничего! Я былъ бы не правъ... Тетинька возьмется безъ меня... отдать тебѣ мой свадебный подарокъ. (*Съ усиліемъ.*) Будь счастлива съ твоимъ мужемъ... Прощай! (*Дѣлаетъ шагъ къ ней.*)

ЛИДІЯ, удивленная.

Съ моимъ мужемъ!... Но я не замужемъ.

ФЕРДИНАНДЪ, возвращаясь.

Что ты говоришь?

ЛИДІЯ, улыбаясь.

Право, нѣтъ; они всѣ хотѣли, чтобы я вышла замужъ сегодня утромъ , а Гросбетъ, вотъ уже третій день, какъ уѣхалъ за наслѣдствомъ.

ФЕРДИНАНДЪ

Ты не замужемъ! (*Съ радостію, которую на-силу удерживаетъ.*) Но кто могъ отложить!...

ЛИДІЯ.

Да... во-первыхъ, я... Я не смѣла сказать этого г. Морицу; но г. Гросбетъ мнѣ что-то не очень... (*Качая головой.*) И потомъ, когда я вамъ сказала объ этой свадьбѣ, то замѣтила, что она вамъ не совсѣмъ нравится, и съ тѣхъ поръ... Бѣдный Гросбетъ!... Конечно, это очень нехорошо съ моей стороны; но мнѣ кажется, что я его терпѣть не могу.

ФЕРДИНАНДЪ, съ восхищеніемъ.

Это правда, Лидія! О! я не ѣду, я остаюсь.

ЛИДІЯ, испугавшись.

Вамъ хуже? (*Баронъ показывается изъ комнаты Фердинанда; маркиза, докторъ и баронесса изъ глубины театра.*)

ФЕРДИНАНДЪ, внѣ себя.

Напротивъ! Никогда я не былъ такъ счастливъ! Если бы ты знала, что я теперь чувствую!

ЛИДІЯ, радостно.

О, какъ я рада!

МОРИЦЪ, въ сторону видя Лидію подлѣ Фердинанда.

Ахъ, чортъ!...

БАРОНЪ, идя къ нимъ.

Посмотрите, какая перемѣна!...

МАРКИЗЪ.

Точно!

ФЕРДИНАНДЪ, Лидіи.

Да... мнѣ кажется, что я перерождаюсь!... Сердце мое!...

МОРИЦЪ, становясь между ними съ расторопностію.

Бьется ровнѣе... не такъ ли?... Вамъ лучше... Гораздо лучше? (*Тихо Лидіи.*) Ступай отсюда. (*Въ слухъ.*) Это хорошо; неожиданный переломъ... Я въ восхищеніи... но... (*Лидіи.*) Ступай же.

ФЕРДИНАНДЪ, не видя бабушки.

Ахъ, докторъ, вы меня обманули!...

МОРИЦЪ, говоря въ одно время съ нимъ.

Я!... Нѣтъ... Гм! Гм! Совсѣмъ нѣтъ!

ФЕРДИНАНДЪ.

Я вамъ буду обязанъ моимъ благополучіемъ. Теперь я не хочу больше умирать; я хочу жить...

МАРКИЗА, бѣжитъ къ нему.

Онъ спасенъ!... Другъ мой!...

ФЕРДИНАНДЪ, увидя ее.

Боже!

МОРИЦЪ.

Умилосердись!... Я предвижу грозу.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, МАРКИЗА, МОРИЦЪ, БАРОНЪ И БАРОНЕССА.

БАРОНЪ И БАРОНЕССА.

Милый Фердинандъ!

МАРКИЗА, въ сторону.

Да! да! Онъ спасенъ!... какой взглядъ, какой цвѣтъ лица!... И мы вамъ, докторъ, обязаны...

МОРИЦЪ.

Совсѣмъ нѣтъ.

БАРОНЕССА.

Какой талантъ!

БАРОНЪ.

Какой удивительный человѣкъ!

МАРКИЗА.

Единственный! Несравненный!

МОРИЦЪ, въ сердцахъ.

Да нѣтъ же; я тутъ ни причемъ! (*Показывая на Лидію.*) Вотъ кто все сдѣлалъ.

МАРКИЗА, смотря на Лидію.

Эта малютка?... Какая интересная физіономія. Поцалуй меня, душка!

МОРИЦЪ, остановивъ ее.

Подождите.... (*Тихо маркизѣ.*) Это она!

МАРКИЗА.

Что?

МОРИЦЪ.

Это она, говорю я вамъ.

МАРКИЗА.

Она?

МОРИЦЪ, горячась.

Ну, да, которую онъ любитъ! Двадцать, что ли, разъ повторять вамъ?

МАРКИЗА.

Лидія!....

МОРИЦЪ.

Цалуйте ее теперь, если хотите.

ВСѢ.

Лидія!

ЛИДІЯ, смущенная.

Я!

МАРКИЗА, дрожа отъ злости.

Крестьянка!... Нѣтъ, неправда, этого быть не можетъ!... Виллевьё... (*Фердинанду.*) Обличи же его, сынъ мой!.... Скажи этому человѣку, что онъ сумасшедшій.... что онъ оскорбляетъ тебя!

ФЕРДИНАНДЪ.

Нѣтъ, бабушка, онъ сказалъ правду.

ВСѢ.

Правду! (*Маркиза падаетъ на диванъ; Фердинандъ старается успокоить ее.*)

ЛИДІЯ, подлѣ Морица.

Что я слышу?... Я, бѣдная дѣвочка!... Онъ любитъ меня... Г. Морицъ! (*Съ восторгомъ.*) О, Боже мой! Такъ вотъ чего я не могла понять... вотъ отчего я была такъ несчастна! потому что я тоже... сама того не зная... любила....

МОРИЦЪ, зажимая ей ротъ рукой.

Молчи! Молчи!

ЛИДІЯ, тихо, задушаемая слезами радости.

Да, да, буду молчать!... Онъ не узнаетъ, что я любила его.... что буду любить всю жизнь!... Я утаю мою радость, мое счастіе!... Ахъ, я недумала, что можно быть такъ счастливой! (*Падаетъ въ объятія Морица.*)

ФЕРДИНАНДЪ, подлѣ маркизы.

Бабушка!...

МАРКИЗА, отталкивая Фердинанда.

Оставьте меня, оставьте меня!... Вы забыли всякое уваженіе къ вашему званію, къ вашему имени...

ФЕРДИНАНДЪ, твердо.

Что вы говорите о званіи, которое составило все мое несчастіе!... Изъ уваженія, изъ любви къ вамъ, я задушалъ тайну, которая убивала меня!... Я отказывался отъ этой женщины, у которой сердце во сто разъ благороднѣе всѣхъ вашихъ красавицъ съ знатными именами. (*Переходя на середину сцены.*) Но теперь, когда я знаю, что она свободна, что она меня любитъ... ни что не разлучитъ меня съ нею: Лидія будетъ моею женою!

ВСѢ.

Его женою!

ЛИДІЯ.

Что онъ говоритъ?

БАРОНЪ, возвышая голосъ.

Племянникъ!

БАРОНЕССА.

Фердинандъ!

МАРКИЗА, въ гнѣвѣ.

Никогда!... Такое безчестіе!.. (*Смотря на Морица и Лидію*). Это была западня... Это былъ заговоръ.

МОРИЦЪ, обиженный.

Сударыня...

МАРКИЗА.

Вотъ, что значитъ фамильярность; но я сумѣю помѣшать... (*Зоветъ.*) Эй! Кто тамъ! (*Два лакея въ ливреѣ являются въ глубинѣ театра*). Выгнать изъ замка эту несчастную.

МОРИЦЪ, обнимая Лидію.

Выгнать ее!

ФЕРДИНАНДЪ, бѣжитъ къ лакеямъ, которые ужъ сдѣлали шагъ впередъ.

Первый, кто осмѣлится... (*Лакеямъ*). Вонъ отсюда! Вонъ, говорю я вамъ! (*Съ гордостію.*) Я глава семейства и одинъ въ правѣ приказывать! (*Лакеи уходятъ; маркизъ, которая остается, какъ вкопанная*). А вы, сударыня...

МАРКИЗА, вскрикивая.

Сударыня! Сударыня!... Онъ не зоветъ меня больше бабушкою!...

ФЕРДИНАНДЪ.

Ахъ, простите!

МАРКИЗА, твердо.

Неблагодарный! Я такъ же забуду тебя...

ЛИДІЯ, вырываясь изъ объятій Морица, бѣжитъ съ поднятыми руками.

О, нѣтъ, нѣтъ, сударыня; я не буду виною этого! Боже мой!... Я готова отдать жизнь свою!... Не лишайте его любви своей!.. Я уѣду... Вы меня не увидите больше!.. я забуду его, обѣщаю вамъ... да, да, забуду, если могу забыть прежде смерти!.. (*Морицу, рыдая*). Уведите меня, г. Морицъ, уведите меня, ради Бога.

ФЕРДИНАНДЪ, хочетъ идти къ ней.

Лидія!

МОРИЦЪ, съ достоинствомъ.

Она, права, сударь: мѣсто ея не здѣсь. (*Лидіи.*) Ступай, другъ мой, подожди меня у Магдалины; я скоро приду къ тебѣ; я, по крайней мѣрѣ, я тебя не выгоню!

ФЕРДИНАНДЪ, маркизѣ съ запальчивостію.

Вы хотѣли этого бабушка! Хорошо, пусть будетъ по вашему—я повинуюсь вамъ! Но погибни имя Виллевьё скорѣе, чѣмъ я женюсь на другой! Лидія или никто! *(Поспѣшно уходитъ въ свою комнату. Морицъ уводитъ Лидію въ заднія двери.)*

МАРКИЗА.

Боже! У него нѣтъ оружія?

БАРОНЪ.

Нѣтъ, кажется, я все взялъ.

МАРКИЗА.

Пойдите за нимъ, баронесса, уговорите его, скажите ему, что я его не люблю больше... Нѣтъ, нѣтъ, не говорите ему этого! Но ступайте же скорѣе. *(Баронесса идетъ за Фердинандомъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ XIV.

БАРОНЪ, МАРКИЗА, МОРИЦЪ.

МАРКИЗА, опираясь на канапе.

Есть ли матери несчастнѣе меня?

МОРИЦЪ, подходя, холодно.

Одно слово, сударыня.

МАРКИЗА, надменно.

Сударь!

МОРИЦЪ, также.

Э! сударыня!... Я не боюсь ни грозныхъ взоровъ, ни дерзкихъ словъ!... Кто не пугался Наполеона...

МАРКИЗА, грубо.

Къ дѣлу, сударь,—чего вы хотите?

МОРИЦЪ.

Сказать вамъ одно слово на прощанье—не за этого бѣднаго ребенка: она ничѣмъ невинована! Она умретъ на моихъ глазахъ также, какъ и мать ея... Судьба не пощадила еще надо мной своихъ ударовъ! Но не о ней я хочу говорить съ вами, не о Лидіи—а о вашемъ внукѣ!... Онъ не выпесетъ—онъ умретъ!

МАРКИЗА.

Онъ!

МОРИЦЪ, опираясь на слова.

Умретъ, говорю я вамъ. Вспомните отца его!

МАРКИЗА.

Фердинандъ Виллевьё.

МОРИЦЪ.

Какъ всякой другой!

МАРКИЗА.

Умретъ!

МОРИЦЪ, грубо.

Разумѣется, умретъ! И я умру, и вы умрете, мы всѣ умремъ; одинъ раньше, другой позже, но что за дѣло, что нѣкому будетъ носить прекраснаго имени Виллевьё, лишь бы оно не переставало блистать всѣмъ своимъ блескомъ.

МАРКИЗА.

Но, докторъ, будьте разсудительны!...Если бы была хоть тѣнь благородства, хоть какое нибудь имя.

МОРИЦЪ.

Да, если бы это была Монморанси, вы бы приняли ее... съ распростертыми объятіями... великое достоинство!

БАРОНЪ.

Что жъ Манморанси?... Манморанси....

МАРКИЗА, обращаясь къ нему съ гнѣвомъ.

Молчите, баронъ! Вы всему причина!

БАРОНЪ.

Я!

МАРКИЗА.

Да, вашъ дурной примѣръ соблазнилъ его! Что вы думаете, что я забыла ваши проказы, ваши шашни съ гризетками, когда подъ именемъ Шевалье Фавроль... вы дѣлали Богъ знаетъ что....

МОРИЦЪ, пораженный.

Шевалье Фавроль! Какъ?

БАРОНЪ, испуганный.

Маменька, маменька, какъ вамъ не стыдно. Баронесса можетъ услышать!

МОРИЦЪ.

Шевалье Фавроль!

БАРОНЪ.

Такъ, любезный докторъ!... молодость!.... *(Маркизѣ)*. Вы мнѣ обѣщали....

МАРКИЗА.

Могу ли я помнить, когда мой бѣдный Фердинандъ...

МОРИЦЪ, встревоженный, все смотря на барона.

Бѣгите къ нему, маркиза, я имѣю еще надежду....

МАРКИЗА.

Что вы говорите?

МОРИЦЪ, смотря на барона.

Да, я думаю.... надѣюсь.... но мнѣ надо собраться съ мыслями! Поговорить... *(Показывая на барона.)* Оставьте насъ, оставьте насъ.

МАРКИЗА, входя къ Фердинанду.

Ахъ, докторъ! Все мое состояніе.... *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XV.

МОРИЦЪ, БАРОНЪ. Морицъ, не говоря ни слова, идетъ затворить дверь.

БАРОНЪ, удивляясь.

Что съ нимъ?

МОРИЦЪ, смотря на него съ гнѣвомъ.

А! это вы,... вы — Шевалье Фавроль?

БАРОНЪ, улыбаясь.

То есть прежде.... Но, докторъ, вы такъ на меня смотрите..

МОРИЦЪ, дрожа отъ гнѣва.

Вы подъ этимъ именемъ погубили бѣдную дѣвушку... Генріетту.

БАРОНЪ, съ большимъ испугомъ.

Тсъ, другъ мой! Если баронесса услышитъ..

МОРИЦЪ.

И потомъ бросили, покинули ее!

БАРОНЪ.

Пожалуйста, потише.

МОРИЦЪ.

Оставивъ ей на память несчастнаго младенца.

БАРОНЪ.

Ради Бога, потише!

МОРИЦЪ.

Знаете ли вы, что этотъ ребенокъ — тотъ самый, котораго сейчасъ выгнали съ презрѣніемъ тутъ, при васъ?

БАРОНЪ, тронутый.

Лидія! Какъ?.. Эта дѣвочка — моя дочь!

МОРИЦЪ.

Да, я имѣю доказательства.

БАРОНЪ.

Бѣдное дитя!

МОРИЦЪ.

Ваши письма.... я могу погубить васъ!

БАРОНЪ.

Но, докторъ.... какое вамъ дѣло?

МОРИЦЪ, съ жаромъ.

Какое дѣло! Какое дѣло! И вы меня спрашиваете? Взгляните на мое лицо, изрытое морщинами; на волосы, посѣдѣвшіе прежде времени.... я бы долженъ былъ возненавидѣть.... убить васъ.

БАРОНЪ.

Какъ? Что?

МОРИЦЪ, съ большимъ жаромъ.

Я бы долженъ былъ убить тебя.

Да, вы одни виновникъ бѣдъ моихъ:
Вы у меня жену мою украли,
Мое на части сердце растерзали, —
И въ жизни отравили каждый мигъ!
Я здѣсь одинъ, безъ кровныхъ, безъ друзей,
Жилъ двадцать лѣтъ въ томительномъ изгнаньи...
Прошу теперь: за всѣ мои страданья
Упрочьте счастье дочери своей!
Да, вы должны теперь мнѣ въ воздаянье, —
Упрочить счастье дочери своей!

БАРОНЪ.

Какъ?

МОРИЦЪ, съ жаромъ.

Это счастіе мнѣ необходимо: я хочу его, я его достигну.

БАРОНЪ, смущенный.

Я съ большимъ удовольствіемъ, конечно.... позабочусь объ ней.

МОРИЦЪ.

Этого мало.

БАРОНЪ.

Упрочу ея состояніе!

МОРИЦЪ.

Не хочу я этого! Все деньги! Вѣчно деньги! Счастія ея требую я отъ васъ, сударь... Сколько разъ мнѣ повторять вамъ?

БАРОНЪ.

Но чего же имянно?...

МОРИЦЪ.

Чтобъ она возвратилась въ замокъ, откуда ее выгнали... чтобъ она возвратилась въ него госпожею; чтобы нынче же была обвѣнчана, или я объявляю ее вашею дочерью при всѣхъ!

БАРОНЪ.

Чтобъ была обвѣнчана... но какимъ образомъ?

МОРИЦЪ.

Это ваше дѣло.

БАРОНЪ.

Но, наконецъ...

МОРИЦЪ.

Какъ знаете! Я въ это не вмѣшиваюсь! *(Пораженный внезапною мыслью.)* Или нѣтъ!

Постойте, я и не подумалъ! Бумага, которую мнѣ сейчасъ принесла Лидія. Это самъ Богъ... (*Бѣжитъ къ дверямъ Фердинанда*) Маркиза! (*Барону.*) Рѣшено; они обвѣнчаны! Вамъ остается поддержать меня.

БАРОНЪ.

Но что мы скажемъ матушкѣ?

МОРИЦЪ.

Увидите!

БАРОНЪ.

И вы сохраните мою тайну?

МОРИЦЪ.

Булетъ зависѣть отъ васъ! (*Къ двери Фердинанда.*) Маркиза... Маркиза...

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, МАРКИЗА, ПОТОМЪ БАРОНЕСА И ФЕРДИНАНДЪ.

МАРКИЗА.

Ну что?

МОРИЦЪ, съ радостію.

Онъ спасенъ.

МАРКИЗА, обнимая его съ крикомъ.

Спасенъ! Ахъ, докторъ!

МОРИЦЪ.

Не забудьте своего обѣщанія... Хоть бы тѣнь была благородства.

МАРКИЗА.

Безъ сомнѣнія.

МОРИЦЪ.

Дочь барона... годится?

БАРОНЪ, увидѣвъ жену, въ сторону.

Ахъ, злодѣй! Что онъ дѣлаетъ?

МАРКИЗА.

Дочь... Стало это другая свадьба?

МОРИЦЪ.

Можетъ быть...

МАРКИЗА.

Но Фердинандъ?..

МОРИЦЪ.

Согласенъ.

МАРКИЗА.

А невѣста?

МОРИЦЪ.

Это мое дѣло.

МАРКИЗА.

Объясните намъ...

МОРИЦЪ, въ суетѣ.

Не время... останьтесь тутъ! Велите позвать вашего внука... Я побѣгу... вернусь... Но повторяю вамъ: онъ спасенъ, онъ спасенъ! (*Убѣгаетъ.*)

БАРОНЪ, еще болѣе встревоженный.

Докторъ, остановитесь! (*Въ сторону.*) Разбойникъ! Теперь-то я уже вѣрно заболѣю серьозно...

МАРКИЗА.

Что это значитъ?

БАРОНЕССА.

Вы, стало, знаете, что это такое, баронъ?

БАРОНЪ, встревоженный.

Я? Нѣтъ... то есть... кое-что... не думайте... въ торопяхъ... можно ошибиться... Сейчасъ онъ говорилъ со мной... о Стратоникѣ... (*Въ сторону.*) Ну, заврался.

МАРКИЗА, видя входящаго Фердинанда.

Фердинандъ!.. Поди, поди сюда, другъ мой; все забыто... Я говорила тебѣ, чтобы ты положился... ты будешь счастливъ, веселъ, здоровъ...

ФЕРДИНАНДЪ, съ надеждою.

Что вы хотите сказать?

МАРКИЗА.

Сама не знаю! Докторъ нашелъ средство — другая свадьба...

ФЕРДИНАНДЪ.

Никогда!..

МАРКИЗА.

Онъ за все отвѣчаетъ! Вотъ онъ...

БАРОНЪ, баронессѣ.

Другъ мой! Мы поѣдемъ въ наше Бріанское помѣстье.

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ, МОРИЦЪ, держитъ за руку ЛИДІЮ.

МОРИЦЪ, Лидія, которая въ глубинѣ театра.

Полно, не бойся. Я говорю тебѣ, что ты у себя.

ЛИДІЯ, тихо.

Ахъ! Я никогда не осмѣлюсь?..

ВСѢ.

Что это? Лидія!

ФЕРДИНАНДЪ, счастливый.

Лидія!

МАРКИЗА, гордо.

Опять!.. Это на зло мнѣ?

МОРИЦЪ, холодно.

Нѣтъ, сударыня, представляю вамъ дочь барона.

БАРОНЪ, хочетъ заставить его молчать.

Господ...

МОРИЦЪ, спокойно.

Дочь барона Оврея, главнаго доктора военныхъ госпиталей въ Яффѣ.

ВСѢ.

Оврея!

МОРИЦЪ, смотря на барона.

Это я, г. баронъ! (*Показывая на Лидію.*) А это названная дочь моя.

ЛИДІЯ.

Какъ!.. Г. Морицъ! (*Морицъ прижимаетъ ее къ сердцу.*)

МОРИЦЪ, все смотря на барона.

Да, дочь моя! Ты бъ должна быть настоящею... тебя украли у меня.

БАРОНЪ, въ сторону.

Ахъ, отдыхаю!..

ФЕРДИНАНДЪ.

Оврей!

БАРОНЕССА.

Это вы!..

МАРКИЗА.

И вы баронъ?

МОРИЦЪ, весело.

По образцу императора, сударыня, я и забылъ было о своемъ баронствѣ, и какъ Жилблазъ заложилъ свой баронскій патентъ гдѣто между старыми бумагами, думая, что онъ мнѣ ни на что̀ не пригодится; но если онъ можетъ упрочить счастіе...

МАРКИЗА, баронессѣ.

А, дворянство имперіи!

БАРОНЕССА.

Имѣетъ свои достоинства.

БАРОНЪ, подтверждая.

Конечно, дворянство славы! Чудеса новѣйшихъ временъ! Я его очень почитаю.

МОРИЦЪ, показывая патентъ.

Боже мой! Ему стоитъ постарѣть.... лѣтъ чрезъ 500 оно будетъ не хуже вашего.

ФЕРДИНАНДЪ, маркизѣ.

Что̀ жъ, бабушка, вы все не хотите еще вѣрить?

МАРКИЗА, раскрывая свои объятія Лидіи.

Нѣтъ, нѣтъ, приди ко мнѣ, дитя мое... приди ко мнѣ, дочь моя!

ЛИДІЯ, бѣжитъ къ ней и съ крикомъ падаетъ передъ ней на колѣни.

Ахъ, сударыня!

ФЕРДИНАНДЪ, цалуя руки маркизы.

Добрая бабушка!

МОРИЦЪ.

На силу!..

БАРОНЪ, въ сторону.

Уфъ! Я перетрусился.

БАРОНЕССА, цалуя Лидію.

Милая Лидія!

МАРКИЗА, держитъ обоихъ ихъ въ своихъ объятіяхъ.

Да, да, всѣ мы будемъ счастливы!.. Проведемъ зиму здѣсь, чтобъ заняться нѣсколько ея воспитаніемъ.

БАРОНЕССА.

Я выучу ее музыкѣ, рисованью...

МАРКИЗА.

Я займусь ея туалетомъ, и въ шесть мѣсяцевъ изъ нея выйдетъ прехорошенькая маркиза. (*Обращаясь къ Фердинанду.*) Ну, что̀, мой другъ, лучше тебѣ?

ФЕРДИНАНДЪ, радостно.

О, да, бабушка!

МАРКИЗА, смотря нѣжно на Лидію.

Да она и должна была принадлежать нашему семейству... Вы станете смѣяться надо мной... у ней и лобъ Виллевьё!

БАРОНЪ, въ сторону.

Надѣюсь! (*Смотря на нее издали, посреди группы, составленной изъ маркизы, Фердинанда, баронессы.*) А вѣдь она въ самомъ дѣлѣ прелестна! (*Тихо Морицу, который подлѣ него.*) Не могу больше, другъ мой, я долженъ поцаловать ее.

(Музыка.)

МОРИЦЪ, тихо.

Это не трудно! (*Въ слухъ.*) Ну, Лидія, теперь ты счастлива... и не поцалуешь отца своего?

ЛИДІЯ, бросается къ н ему въ объятія.

Ахъ, добрый папенька! Вы не оставите меня... вы навсегда останетесь со мною.

МОРИЦЪ, прижимая ее къ сердцу.

Да, да, дочь моя!.. (*Тихо барону, опустя глаза, съ смущеннымъ видомъ.*) Вотъ мое единственное мщеніе! (*Въ слухъ, удерживая Лидію.*) Ну, а твою новую роденьку... дяденьку.

ЛИДІЯ, подходя къ барону.

Г. баронъ!

БАРОНЪ, цалуя ее.

Милое дитя!

БАРОНЕССА, издали грозя ему въ шутку.

Ну, ну, сударь!..

БАРОНЪ.

Это моя племянница, другъ мой, это моя племянница! (*Лидія возвращается къ Маркизъ. Въ сторону.*) Въ самомъ дѣлѣ, не было другаго средства дать ей мое имя... и сдѣлать моей наслѣдницей; потому-что я недумаю, чтобы теперь.. (*Оглядывается.*) Жены моей тутъ нѣтъ... (*Идя къ доктору.*) Вы благородный человѣкъ, докторъ, я доволенъ вами.

МОРИЦЪ, глаза къ небу, съ самодольствіемъ.

Надѣюсь, и ты то же, Генріета! (*Лидія на колѣняхъ на табуретѣ передъ маркизой, которая убираетъ ей волосы; Фердинандъ и баронесса стоятъ подлѣ нихъ. Баронъ съ Морицомъ на другой сторонѣ любуются этою картиною. Занавѣсъ опускается.*)

Дѣйствующія лица во главѣ каждаго явленія написаны такъ, какъ они должны стоять на сценѣ. Лѣвая и правая стороны считаются отъ зрителей.

ДРУЗЬЯ ЖУРНАЛИСТЫ,

ИЛИ

НЕЛЬЗЯ БЕЗЪ ШАРЛАТАНСТВА!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

(*передѣланная изъ Скрибова водевиля: Le charlatanisme.*)

Л. Л. и П. И. Григорьевыми 1-мъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Петръ Ивановичъ Загвоздкинъ, сочинитель романовъ и журналистъ.	*Г. Григорьевъ 1-й.*
Иванъ Ивановичъ Шариковъ, водевилистъ и его сотрудникъ по журналу. .	*Г. Максимовъ 1-й.*
Семенъ Васильевичъ Любскій, докторъ.	*Г. Толченовъ 3-й.*
Ѳедоръ Петровичъ Тверской, богатый помѣщикъ.	*Г. Мартыновъ.*
Софья, его дочь	*Г. Шелихова 2-я.*
Анна Петровна Щепоткина, сестра его.	*Г. Самойлова 2-я.*
Иванъ, Клементій,	слуги Загвоздкина.
Наборщикъ изъ типографіи.	

Дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ, въ домѣ Загвоздкина.

Театръ представляетъ богато-убранный кабинетъ; задняя и двѣ боковыя двери; по обѣимъ сторонамъ задней—шкапы съ книгами, на верху бюсты: Пушкина, Крылова, Аристофана, Сократа и друг. На передней части сцены большой столъ, на которомъ множество книгъ и бумагъ. Съ лѣвой стороны бюро. Въ разныхъ мѣстахъ столы и этажерки съ книгами, бумагами и газетами Вообще въ комнатѣ замѣтный безпорядокъ. Загвоздкинъ, въ богатомъ утреннемъ сертукѣ, пишетъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЗАГВОЗДКИНЪ, ПОТОМЪ ИВАНЪ.

ЗАГВОЗДКИНЪ, пишетъ и говоритъ, не оборачиваясь назадъ.

Ну, кто еще тамъ?... Минуты не дадутъ покоя... Я никогда не кончу этой главы... (*Оглянувшись.*) Что тебѣ?...

ИВАНЪ.

Баринъ, сударь, что нанялъ у насъ квартиру въ 4-мъ этажѣ, сегодня перевхалъ... нынче 15-е число.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, такъ что-жъ?

ИВАНЪ.

Онъ хочетъ васъ видѣть, сударь... онъ нанялъ также въ первомъ этажѣ, напротивъ... для какихъ-то пріѣзжихъ господъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Чортъ возьми его и съ ними!... (*Про себя.*) Быть литераторомъ, да еще журналистомъ, и имѣть свой домъ—это просто наказаніе!

Меня тревожатъ безпрестанно;
Минуты нѣтъ покоя мнѣ,
Чтобы заняться постоянно
Своей работой въ тишинѣ.
Кто литераторомъ быть хочетъ,
Тотъ отъ богатства откажись;
Кто жъ о богатствѣ лишь хлопочетъ,
Тотъ за перо ужъ не берись.

Умъ служитъ лишнимъ намъ товаромъ,
Когда имѣемъ деньги мы, —
И богачи у насъ не даромъ
Ума боятся, какъ чумы.

ИВАНЪ.

Прикажете отказать ему, сударь?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

О нѣтъ... неловко... Да что это за человѣкъ?

ИВАНЪ.

Кажется, долженъ быть докторъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Докторъ?... Чортъ возьми, не люблю я докторовъ... *(Ивану)* Впрочемъ все равно, проси. *(Иванъ выходитъ)* Оно и кстати: мнѣ какъ разъ надобно вывести на сцену стараго доктора; можетъ быть, молодецъ-то и пригодится.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЗАГВОЗДКИНЪ, ЛЮБСКІЙ, ИВАНЪ.

ИВАНЪ, (отворяя дверь).

Докторъ Любскій!

ЗАГВОЗДКИНЪ, (вставая.)

Любскій? *(Бѣжитъ къ нему)*. Дружище, старый товарищъ! Какъ! Такъ это ты нанялъ у меня квартиру.

ЛЮБСКІЙ.

Такъ это твой домъ?... Браво! Признаюсь, я никакъ не ожидалъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, мой любезный! Съ помощію Божіею...

ЛЮБСКІЙ.

Я этого ничего не зналъ. Вѣдь шутка, сколько времени мы съ тобой не видались!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, братъ, много воды утекло съ тѣхъ поръ, какъ мы съ тобой сошлись и подружились въ университетѣ; я былъ въ словесномъ отдѣленіи, а ты въ медицинскомъ.

ЛЮБСКІЙ.

И мы всегда жили вмѣстѣ, все дѣлили пополамъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А помнишь, когда, бывало, я боленъ?... Какъ ты со мной нянчишься, ухаживаешь... Два раза былъ я, можно сказать, тебѣ обязанъ жизнію... Но, какъ быть! чувствую, что я былъ очень вѣтренъ, неблагодаренъ; съ тѣхъ поръ какъ здоровъ, я о тебѣ и не вспомнилъ...

ЛЮБСКІЙ.

Нѣтъ, любезный другъ, я вижу, ты не забылъ меня и любишь по прежнему; твой пріемъ это мнѣ доказываетъ... обстоятельства насъ разлучили... я остался въ Москвѣ, ты уѣхалъ въ Петербургъ... я работалъ много и усердно... раза три, четыре писалъ къ тебѣ: въ вихрѣ столичныхъ удовольствій и разсѣянности, было это немножко прискорбно; но потомъ я нисколько не былъ на тебя въ претензіи... у тебя характеръ вѣтренный; но сердце доброе, а для дружбы этого очень довольно.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

И такъ ты хочешь теперь жить на Невскомъ? Дѣло! Доктору надо быть въ центрѣ города, въ многолюдствѣ. Такъ мы будемъ жить вмѣстѣ, какъ въ-старину, не зная ни счетовъ, ни разсчетовъ...

ЛЮБСКІЙ.

Какъ такъ?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ты будешь моимъ домашнимъ докторомъ, а я за это дамъ тебѣ въ домѣ квартиру, со столомъ и прислугою...

ЛЮБСКІЙ.

Но... любезный мой...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Никакихъ «но», любезный мой, если не хочешь на всегда со мною разсориться...

ЛЮБСКІЙ. (тронутый.)

Благодарю, тебя, другъ, за то, что ты остался прежнимъ добрымъ товарищемъ, и теперь — я не смѣю отказаться отъ твоего предложенія.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Вотъ люблю! Давно бы такъ! Я живу одинъ, имѣю вѣрный кусокъ хлѣба, и часто хвораю отъ своей сидячей жизни; съ тобой не страшно мнѣ одиночество, еще менѣе болѣзни, потому что лучшимъ лекарствомъ

отъ того и другаго будетъ твоя дружба. Ну, руку—и дѣло наше кончено!

ЛЮБСКІЙ.

Вотъ тебя рука моя—и весь я къ твоимъ услугамъ. Но скажи мнѣ, пожалуйста, какъ, не имѣя ничего, ты въ такое короткое время могъ нажить себѣ состояніе?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Какъ? Очень просто—своими трудами: ты знаешь, Богъ не отказалъ мнѣ въ кое-какихъ дарованіяхъ; я съ юныхъ лѣтъ имѣлъ страсть къ литературѣ; съ хорошимъ запасомъ свѣдѣній, сталъ я работать въ журналахъ, написалъ два-три романа, которые публика приняла съ благосклонностію; потомъ сталъ издавать газету, завелъ типографію — и вотъ, какъ видишь, живу спокойно и независимо. Ну, а твои дѣла какъ?

ЛЮБСКІЙ.

Довольно плохо... Практики мало и извѣстности никакой.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Странно! Съ твоими познаніями, съ твоимъ талантомъ.

ЛЮБСКІЙ.

Въ нашемъ званіи, чтобъ пріобрѣсть извѣстность, нужно время и время; а когда достигнешь славы...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Такъ ужъ становишься ни на что почти негоденъ... Весело!... Но, скажи пожалуйста, для чего тебѣ другая квартира, которую ты нанялъ въ одномъ этажѣ со мною?

ЛЮБСКІЙ.

Это не для меня, но для одного семейства, которое я ожидаю изъ Москвы. Они просили меня нанять... отецъ человѣкъ превосходный, а дочка...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А! дочка... та-та-та... Такъ это, то есть, того...

ЛЮБСКІЙ.

Отъ тебя я скрываться не стану; да, я влюбленъ... и люблю безнадежно...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Безнадежно?.. Что за вздоръ! У докторовъ обыкновенно такъ: когда говорятъ—*нѣтъ никакой надежды*, такъ тутъ-то дѣло и идетъ превосходно!

ЛЮБСКІЙ.

Отецъ богатый помѣщикъ, Ѳедоръ Петровичъ Тверской...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Федоръ Петровичъ Тверской!... Ба, ба, ба!.. Имя знакомое. У него есть здѣсь сестра, Анна Петровна, у которой я часто бываю... Она мнѣ разсказывала про своего братца... Чудакъ единственный. Все хочетъ славы и извѣстности. Онъ, говорятъ, чуть не умеръ отъ радости, когда увидѣлъ имя свое напечатаннымъ въ »Московскихъ Вѣдомостяхъ«.

ЛЮБСКІЙ.

Ну, онъ, онъ самый!... Онъ не ищетъ богатства, потому что богатъ самъ... Но когда я былъ въ Москвѣ, онъ обѣщалъ мнѣ руку своей дочери, съ условіемъ, что я поѣду въ Петербургъ, составлю себѣ тамъ громкое имя, сдѣлаюсь модянымъ докторомъ... и на все на это онъ далъ мнѣ сроку не болѣе трехъ лѣтъ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Помилуй, да на что же такъ много?

ЛЮБСКІЙ.

Много?... Нѣтъ ужъ братъ, третій годъ на исходѣ, а я не успѣлъ ничего.. работалъ, какъ волъ... употреблялъ всѣ силы, а все таки пропадаю въ безвѣстности.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Жаловаться не на кого — виноватъ самъ. Приди къ намъ попрежде, мы бы давно дали тебѣ ходъ и вывели въ люди; мы стали бы трубить про тебя въ своей газетѣ...

ЛЮБСКІЙ.

Но такія средства... помилуй!... Согласишусь ли я?...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Отъ чего-жъ нѣтъ? Въ нашъ вѣкъ безъ маленькаго шарлатанства ничего не сдѣлаешь... Одно на словахъ, другое на дѣлѣ...

Казаться, быть два разныхъ дѣла:
Кажись ты тѣмъ, чѣмъ хочешь быть;
Будь всѣмъ, да только дѣйствуй смѣло—
Въ томъ состоитъ умѣнье жить.

Зачѣмъ безплодно спорить съ вѣкомъ?
Обычай деспотъ межъ людей:
Быть можно честнымъ *человѣкомъ*,
И надувать честныхъ людей.

Впрочемъ... время еще не ушло!...

(За дверьми слышенъ голосъ Шарикова, который напѣваетъ арію.)

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А, вотъ и кстати, мой главный сотрудникъ Шариковъ... Онъ молодецъ на всѣ дѣла.

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ШАРИКОВЪ.

ШАРИКОВЪ.

Здравствуй, душа моя! *(Любскому, который кланяется)* М-сье...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Здравствуй, мой журналистъ, куплетистъ, водевилистъ-и что еще?

ШАРИКОВЪ.

И артистъ—музыкантъ и живописецъ. Ну, добрыя вѣсти... твой романъ покупаютъ, а мой водевиль принимаютъ на сцену.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Будто?— Браво!... Только объ этомъ послѣ... что ты, пришелъ работать?

ШАРИКОВЪ.

Я думаю... Эй! Иванъ! Завтракать. На голодный желудокъ работа въ умъ не пойдетъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Вотъ, рекомендую тебѣ доктора Любскаго, моего школьнаго товарища и добраго друга: молодой медикъ, который убѣжденъ, что безъ таланта и учености—нельзя имѣть успѣха.

ШАРИКОВЪ.

А?... Вѣрно недавно изъ Москвы?

ЛЮБСКІЙ.

Нѣтъ-съ, я уже третій годъ въ Петербургѣ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Третій годъ въ Петербургѣ, и еще не знаетъ, что въ нашъ вѣкъ не нужно имѣть таланта.

ШАРИКОВЪ.

Да кто-жъ его нынче не имѣетъ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Главное—убѣдить въ этомъ другихъ, а для того надобно шумѣть, кричать...

ШАРИКОВЪ.

И писать статьи самому о себѣ въ журналахъ. У насъ въ одинъ мѣсяцъ чрезъ это средство можно прослыть извѣстнымъ и опытнымъ литераторомъ... Позвольте васъ спросить, вы издавали что нибудь?

ЛЮБСКІЙ.

Да, я издалъ книгу: *О болѣзняхъ нынѣшняго времени и преимущественно женскихъ.*

ШАРИКОВЪ.

Прекрасно! Мы откроемъ вамъ входъ къ женщинамъ, а у нихъ всегда бываетъ самая лучшая и выгодная практика. Скажите, не читаете ли вы какихъ нибудь лекцій?

ЛЮБСКІЙ.

Читаю особенные курсы для студентовъ, которые не могутъ поспѣть за лекціями профессора.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Превосходно! Мы напишемъ о немъ статью въ нашей газетѣ.

ШАРИКОВЪ.

Да, мы познакомимъ публику съ вами.. Велика-ли у васъ практика?

ЛЮБСКІЙ.

Нельзя сказать...

ШАРИКОВЪ.

Ничего... мы скажемъ, что огромная.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Это обратитъ на тебя вниманіе публики. А потомъ мы доставимъ тебѣ какое нибудь мѣстечко..

ШАРИКОВЪ.

Нѣтъ, лучше всего, нельзя ли изобрѣсти какую нибудь новую систему леченія, въ родѣ Гомеопатіи?

ЛЮБСКІЙ, улыбаясь.

Помилуйте, изобрѣтаютъ геніи...

ШАРИКОВЪ, смѣется.

Ха, ха, ха! Какое простодушіе! Неужели вы думаете, что всѣ нынѣшнія системы леченія придуманы геніями?

Чтобъ войдти скорѣе въ моду,
Стоитъ только вамъ присѣсть,
Да курьезную методу
Для леченья изобрѣсть.
Всѣ живемъ мы новизною:
Насъ лечилъ гомеопатъ,
Нынѣче проще: ужь водою
Исцѣляетъ гидропатъ.
Такъ и вы похлопочите
Всѣхъ на славу удивить,
Что нибудь изобрѣтите,—
Трудно-ль пыль въ глаза пустить?
Нужды нѣтъ что нездорово;
Чтобъ поправиться больнымъ —
Лишь-бы только было ново
Да понятно вамъ однимъ.

Ну, а потомъ вы сами же расхвалите вашу новую образцовую методу леченія. Я бы, пожалуй, съ радостію написалъ статью, но я не силенъ въ медицинѣ... А здѣсь нуженъ ученый, особый тонъ...

ЛЮБСКІЙ.

Но такія средства... вѣдь просто—шарлатанство...

ШАРИКОВЪ.

Да того только и нужно.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Именно; нынче безъ шарлатанства, повѣрь мнѣ, съ голоду умрешь!

Кто на свѣтъ вѣрнѣе взглянетъ,
Тотъ во всемъ найдетъ обманъ:
Кто-жъ вѣрнѣе всѣхъ обманетъ?
А? Вѣрно шарлатанъ!

ШАРИКОВЪ.

Кто въ столицѣ всѣмъ извѣстенъ
И враньемъ набилъ карманъ?
Кто притворно добръ и честенъ?
А? Вѣрно шарлатанъ!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Кто на домъ пяти-этажный
Безъ ума составилъ планъ?
Кто построилъ домъ продажный?
А? Ловкій шарлатанъ!

ШАРИКОВЪ

Кто умѣнъ, ученъ по слуху,
А на опытѣ болванъ?
Кто съ приданымъ взялъ старуху?
А? Бѣдный шарлатанъ!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Кто душой привязанъ къ людямъ,
Даромъ вѣчно сытъ и пьянъ?
Кто всегда одѣтъ уродомъ?
А? Чистый шарлатанъ!

ШАРИКОВЪ.

Кто съ журналомъ въ дружбѣ близкой
Хвалитъ самъ плохой романъ?...
Кто надуетъ всѣхъ подпиской?
А? Авторъ шарлатанъ!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Кто ведетъ себя такъ важно
И больнымъ всегда въ изъянъ?
Кто моритъ людей отважно?
А? Докторъ-шарлатанъ!

ОБА.

И какъ мы вѣрнѣе взглянемъ
Такъ во всѣхъ найдемъ обманъ.
Всѣ для денегъ шарлатанимъ!
Да? Всякій шарлатанъ!

ШАРИКОВЪ.

И доказательство всего этого на лицо: Загвоздкинъ успѣлъ продать свой новый романъ, потому только, что про него цѣлые два мѣсяца твердили въ газетахъ, а я продалъ бенефиціанту водевиль, въ которомъ хорошо только одно названіе.

ЛЮБСКІЙ.

Все это, господа, очень хорошо; но у меня есть свои правила: я убѣжденъ, что истинный талантъ и истинное достоинство всегда пріобрѣтутъ прочную славу, безъ всякихъ интригъ, пронырствъ и шарлатанствъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Конечно — славу по смерти. Совѣтую тебѣ испытать ее; ты и намъ перескажешь, хороша-ли такая слава.

ЛЮБСКІЙ.

Однако, прощай, мнѣ надобно еще кое-куда заѣхать.

ЗАГВОЗДКИНЪ, удерживая его.

Постой на минуту... Что-же ты...

ЛЮБСКІЙ.

Да, когда они пріѣдутъ безъ меня, пожалуйста, прими ихъ ты и покажи имъ квартиру.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Все сдѣлаю, какъ должно. До свиданья.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЗАГВОЗДКИНЪ И ШАРИКОВЪ.

ШАРИКОВЪ.

Да, твой другъ большой философъ, кажется.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Нѣтъ, просто упрямецъ, который изъ пустяковъ потеряетъ прекрасную невѣсту.

ШАРИКОВЪ.

Невѣсту?... А славное дѣло это женитьба. A propos des bottes, я долженъ открыть тебѣ маленькій секретецъ: вѣдь и мнѣ выходитъ отличная партія... тысячъ двадцать годоваго дохода.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Право?... А какъ фамилія?

ШАРИКОВЪ.

Не скажу, потому что еще самъ не знаю; но моего будущаго тестя ожидаютъ сюда, и я тотчасъ буду ему представленъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А, такъ его нѣтъ въ Петербургѣ?

ШАРИКОВЪ.

Нѣтъ, но онъ со всѣмъ переѣзжаетъ сюда... человѣкъ съ огромнымъ состояніемъ... страстно любитъ искуства и самъ занимается ими... а потому я надѣюсь ему очень пріятно будетъ отдать дочь свою за литератора, извѣстнаго артиста и музыканта.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, да; вѣдь ты на все собаку съѣлъ... И такъ, ты тогда скажешь всему: прощай!

Какъ скоро будешь ты женатъ,
Своимъ домкомъ обзаведешься,
Доволенъ, счастливъ и богатъ,
Ты ужъ за дѣло не возьмешься.

ШАРИКОВЪ.

Нѣтъ, милый мой, ошибся ты;
Вѣдь это бъ было вѣроломство...
А брошу легкіе труды,
Чтобы трудится для потомства-

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Дай Богъ тебѣ...Что до меня, я жениться никогда не намѣренъ.

ШАРИКОВЪ.

Ну да, мы знаемъ... *Есть причина, есть причина, о душа моя* (*). Хорошенькая Анна Петровна...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

У тебя вѣчно вздоръ на умѣ... Щекоткинъ такой почтенный мужъ... жена его была подругой моей сестры, и съ тѣхъ поръ мы съ нею такъ коротки. А при томъ вѣдь она очень нужна для насъ: ты знаешь, она вездѣ принята, вездѣ бываетъ, знакомство огромное; слухъ ли пустить какой нибудь, заинтересовать новой книгой, новой піесой, все къ ней,—она все обдѣлаетъ, какъ нельзя лучше: нынче братъ такихъ почтенныхъ женщинъ надо очень и очень держаться—пригодятся на черный день.

ШАРИКОВЪ.

Что дѣло, то дѣло. Кстати, нельзя ли ей поговорить о новомъ моемъ водевилѣ; мнѣ бы желательно только, чтобъ театръ былъ полонъ; гораздо эффектнѣе, веселѣе.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да развѣ твой водевиль принятъ?

ШАРИКОВЪ.

Да. Я разумѣется, сказалъ бенефиціанту, что напишу предварительно объ его бенефисѣ, расхвалю всѣ піесы...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, а мой романъ купленъ?

ШАРИКОВЪ.

Черезъ недѣлю деньги.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

За сколько-же?

ШАРИКОВЪ.

Да какъ было говорено.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Браво, такъ мы съ хорошими деньгами! Да какъ же ты это уладилъ?

ШАРИКОВЪ.

Эхъ, любезный мой! Что тутъ спрашивать? Вѣдь ужъ я цѣлые полгода хвалю этотъ романъ, а враги наши его ругаютъ — и намъ же помогаютъ чрезъ это. Хвали-ругай — все равно — только кричи да говори больше, и успѣхъ вѣрный.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, это видно по твоимъ водевилямъ.

(*) Стихъ изъ Отелло.

ШАРИКОВЪ.

Я какъ показалъ бенефиціанту статью объ его бенефисѣ, онъ и обрадовался моему водевилю.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ужъ у тебя и статья готова?

ШАРИКОВЪ.

Да.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Нельзя ли прочесть?

ШАРИКОВЪ.

Изволь, я самъ прочту. *(Читаетъ.)* «Молодой артистъ, къ которому на бенефисъ приглашаемъ мы нашихъ читателей, не оцѣненъ еще по достоинству. Большая часть зрителей отъ него скучаетъ: не мудрено, потому что эти зрители скучаютъ отъ всякой истинно-изящной игры, чуждой грубыхъ фарсовъ и натяжныхъ эффектовъ. Не многихъ суждено понимать истинно-прекрасное: нашъ артистъ творитъ именно для этихъ немногихъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ уже вкусъ бенефиціанта. Между нѣсколькими піесами, особенно заслуживаетъ вниманіе одна: это водевиль: *Пройдоха*, — сочиненіе одного *извѣстнаго и опытнаго литератора и драматическаго писателя*, который однако жъ по скромности скрылъ свое имя. Но ему не удастся укрыться отъ зоркихъ глазъ зрителей, изъ которыхъ всякій, поглядѣвъ піесу, скажетъ:

Я по когтямъ узналъ его въ минуту, и пр.

ЗАГВОЗДКИНЪ

Ты мастеръ хвалить, однако жъ, самого себя.

ШАРИКОВЪ.

Что жъ? Когда піеса въ самомъ дѣлѣ хороша, такъ неужели я долженъ бранить ее, потому только, что она моя?

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ И ИВАНЪ.

ИВАНЪ, подавая Шарикову письмо.

Вотъ письмо отъ какого-то актера, которое велѣно отдать вамъ въ собственныя руки.

ШАРИКОВЪ.

А! это отъ бенефиціанта: вѣрно приглашаетъ на считку... Посмотримъ. *(читаетъ.)* «Милостивый государь. Ваша піеска» — Піеска!... цѣлая піеса, въ десяти картинахъ... «Ваша піеска исполнена остроумія» — надѣюсь — «характеры обрисованы прекрасно, положенія новы и занимательны, языкъ разговорный, какъ нельзя болѣе, но« — Что это такое *но*? — «всѣ артисты утверждаютъ, что она исполнена личностей и двусмысленныхъ намековъ, что въ ней представлены съ дурной стороны многіе честные и благородные люди, что это все называется *пасквилемъ*, а вамъ должно быть извѣстно, болѣе нежели кому нибудь, что пасквили — въ благоустроенномъ обществѣ нетерпимы, а потому я, къ величайшему сожалѣнію, долженъ отказаться отъ вашей прекрасной піесы...

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч...

Какъ, что это значитъ? Это, говорятъ, пасквиль!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, братъ, поздравляю! Не такъ ли ты продалъ и мой романъ?

ШАРИКОВЪ.

О, за это онъ дешево со мной не раздѣлается. Давай бумаги и перо — сейчасъ напишу объ немъ статью въ завтрашній № нашей газеты...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Уже?

ШАРИКОВЪ.

Да, по горячимъ слѣдамъ лучше напишется. *(Пишетъ.)* «Чудеса нашего времени!» Это названіе статьи. — «Мы хотимъ говорить въ статьѣ нашей не о новомъ изобрѣтенномъ способѣ летать по воздуху, ни о новыхъ самодвигателяхъ, при помощи простаго воздуха, ни о тѣхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ нашего времени, которыя, по истинѣ, можно назвать чудесами; нѣтъ, мы говоримъ о другомъ чудѣ, въ нашихъ глазахъ совершающемся — о бенефисѣ актера Синичкина. Не чудо ли въ самомъ дѣлѣ, что жалкая безталантность получаетъ нынѣ бенефисъ, который долженъ быть достояніемъ

только заслуженыхъ, талантливыхъ, почетныхъ артистовъ? Синичкинъ, отъ котораго образованнѣйшая часть публики постоянно всякой вечеръ зѣваетъ, Синичкинъ, этотъ такъ называемый артистъ, человѣкъ безъ малѣйшаго признака дарованія — получаетъ бенефисъ! Чудеса! Истинныя чудеса нашего времени! Можно судить, каковъ долженъ быть выборъ піесъ, когда этотъ выборъ совершенно зависитъ отъ человѣка съ такимъ вкусомъ, какъ Синичкинъ.» — Кажется, хорошо?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да такъ хорошо, что ужъ ему будетъ очень не-хорошо.

ШАРИКОВЪ.

Погоди, это еще не все.

(Слышенъ звонъ колокольчика.)

ИВАНЪ, докладывая.

Анна Петровна Щепоткина... Прикажете принять?

(Щепоткина входитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ и ЩЕПОТКИНА.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Что я слышу и что я вижу? Анна Петровна у меня въ домѣ? Какому счастію обязанъ я?...

ЩЕПОТКИНА, удивленная.

Ахъ, Петръ Петровичъ?... Вы?... Я право не могу понять... я пріѣхала къ своему брату, для котораго нанята здѣсь квартира, и мнѣ сказали въ бель-этажѣ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

За это готовъ я расцаловать моего швейцара... Превосходно!

ЩЕПОТКИНА.

А я напротивъ — простить этого не могу. Какъ! Я дѣлаю вамъ визитъ? — И что скажетъ Иванъ Ивановичь, у котораго такой злой языкъ.

ШАРИКОВЪ.

Только на бумагѣ, сударыня, но никогда на словахъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Неужели вы отравите мое счастіе и станете сердиться?.. Но... я обязанъ этимъ случаю... Вашъ братецъ сейчасъ будетъ... я далъ слово доктору Любскому самъ встрѣтить его...

ЩЕПОТКИНА.

Докторъ Любскій — молодой человѣкъ... Такъ вы его знаете? Вы очень счастливы — а для меня это невидимка. Его рекомендовали мнѣ; но онъ у меня ни разу не былъ; а между тѣмъ я принимаю въ немъ большое участіе... я получила отъ своей племянницы письмо, такое убѣдительное: надобно непремѣнно пустить въ ходъ этого молодаго человѣка... доставить ему извѣстность...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Онъ этого не хочетъ.

ЩЕПОТКИНА.

Какъ не хочетъ? Мы сдѣлаемъ это насильно, такъ что онъ и знать не будетъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ было бы превосходно!

ЩЕПОТКИНА.

Да что-жъ, развѣ это дѣло невозможное съ вашею помощію.

ШАРИКОВЪ.

Написать объ немъ статью въ завтрашней же газетѣ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, ужъ это твое дѣло.

ШАРИКОВЪ.

Разумѣется: докторъ, вѣдь это не то, что литераторъ и водевилистъ, тутъ соперничества нѣтъ... (*Садится за столъ и пишетъ:*) Докторъ Любскій...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Авторъ книги »Объ болѣзняхъ нынѣшняго времени. и преимущественно женскихъ.«

ШАРИКОВЪ, пишетъ.

»Докторъ Любскій, превосходнѣйшій медикъ по части женскихъ болѣзней, глубоко изучившій свое дѣло, въ лучшихъ домахъ здѣшней столицы пользуется онъ славою безпримѣрнаго доктора...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Онъ всякій вечеръ читаетъ лекціи для не большаго, избраннаго круга слушателей.

ШАРИКОВЪ.

Да, да, да!.. *(Пишетъ)*. »Знаменитый ученый докторъ, Семенъ Васильевичъ Любскій, сегодня, въ 7 часовъ вечера, читаетъ заключительную лекцію своего курса: О болѣзняхъ нынѣшняго времени. Почтенный профессоръ возъимѣлъ счастливую мысль разсмотрѣть такъ-называемыя модныя болѣзни; не многіе, но избранные посѣтители постоянно слушаютъ его, и съ восторгомъ отзываются о его умѣ, учености и превосходной способности говорить ясно, сильно, увлекательно.« Кажется, довольно? Развѣ прибавить адресъ?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Превосходно! Завтра загремитъ о нашемъ славномъ докторѣ весь Петербургъ. Надобно бы ему мѣсто повыгоднѣе, гдѣ нибудь при больницѣ.

ЩЕПОТКИНА.

Это будетъ ужъ мое дѣло... Я знаю, кого просить объ этомъ, и нынче же все улажу.

ШАРИКОВЪ.

А я напишу объ этомъ... Но все однакожъ надобно ему съѣздить къ кое-кому, а вѣдь его не уговоришь.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, ужъ это я берусь сдѣлать; онъ и знать ничего не будетъ; я съѣзжу къ главному директору и попрошу его, а къ другимъ пошлю карточки.

ЩЕПОТКИНА.

А я поѣду къ женѣ директора и къ другимъ подругамъ; онѣ уговорятъ своихъ мужей...

ШАРИКОВЪ.

Да, ваша правда.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

И такъ, нашъ докторъ готовъ совсѣмъ... не достаетъ ему только больныхъ. Надобно въ этомъ помочь.

ЩЕПОТКИНА.

Ахъ, кстати, графиня Знатова спрашивала меня, нѣтъ ли знакомаго мнѣ доктора, который бы могъ лечить ее дворню. Прекрасно! Я напишу къ ней. У княжны Зизи заболѣлъ попугай... Ну, да что жъ дѣлать? Любскій долженъ поѣхать... въ иныхъ домахъ кого же и лечить, какъ не попугаевъ?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Для начала, этого довольно (*Кличетъ*) Иванъ, Иванъ!.. Какъ скоро докторъ Любскій пріѣдетъ домой и будутъ чужіе люди, такъ ты знаешь (*Говоритъ ему на ухо*). Понимаешь?.. Какъ будто запыхался, усталъ...

ИВАНЪ.

Слушаю, сударь.

ЩЕПОТКИНА.

Кажется, идутъ по лѣстницѣ... я слышу голосъ брата—это онъ!..

ШАРИКОВЪ.

Прощай, Петръ Ивановичъ; я пойду въ типографію, черезъ твою тайную кривую лѣстницу.

ЩЕПОТКИНА Загвоздкину.

А, у васъ и тайная лѣстница?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Благодаря архитектору.

ШАРИКОВЪ.

Да, какъ умный и дальновидный архитекторъ, онъ все предвидѣлъ.

Онъ устроилъ все по модѣ;
Гдѣ бываетъ свѣтъ большой,
При прямомъ богатомъ входѣ
Долженъ быть уходъ кривой.
(Уходитъ сквозь дверь завѣшенную сукномъ)

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Журналисты вѣдь не боги,
Разберите насъ и васъ:
Кто жъ изъ насъ съ прямой дороги
Не сворачивалъ подъ-часъ?

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, тверской и софья.

ЩЕПОТКИНА.
Любезный братецъ!
ТВЕРСКОЙ.
Сестрица!
СОФЬЯ.
Милая тетинька
ЩЕПОТКИНА.
Сонечка!

Цалуются и говорятъ вмѣстѣ.

ЗАГВОЗДКИНЪ, особо.

Вотъ умилительная картина родственнаго свиданія! Славная сцена для моего романа.

ТВЕРСКОЙ.

Наконецъ я въ Петербургѣ! Начать съ того, что теперь уже я не пропущу ничего, что достойно вниманія знатока и любителя по части искусствъ, литературы и меломаніи.

ЗАГВОЗДКИНЪ, особо.

Браво! Этотъ любитель годится для моего романа.

ЩЕПОТКИНА.

Ну, что, братецъ, такъ вы, я слышала, хотите въ Петербургѣ выдать замужъ мою милую племянницу.

ТВЕРСКОЙ.

Да, сестрица, намѣреваюсь...

ЩЕПОТКИНА,

Такъ, пожалуста, адресуйтесь ко мнѣ, если хотите по столичному приготовляться къ свадьбѣ. Платье непремѣнно отъ мадамъ Сихлеръ: она наша общая фаворитка, и одна только умѣетъ шить со вкусомъ... Шляпки, чепцы тоже отъ нея, а цвѣты надо взять отъ Лапиной, въ Милліонной. Она беретъ довольно дорого, за то дѣлаетъ отлично.

ТВЕРСКОЙ.

Хорошо, хорошо! Но начать съ того, что серьезныя дѣла отложимъ до завтра... а теперь... начать съ того, займемся нашей новой квартирой... Пойдемте искать нашего милаго Семена Васильевича Любскаго... Въ которомъ этажѣ онъ живетъ?

ЗАГВОЗДКИНЪ, тихо Щепоткиной.

Не прилично же сказать ему, что онъ живетъ въ четвертомъ. (*Вслухъ*) Милостивый Государь, вы у него въ квартирѣ.

ЩЕПОТКИНА, тихо ему.

Помилуйте! Что вы!

ЗАГВОЗДКИНЪ, также.

Я хочу подѣлиться съ нимъ; это ужъ не въ первые.

ТВЕРСКОЙ.

Какъ! Чортъ возьми! Въ 1-мъ этажѣ? И начать съ того, на Невскомъ проспектѣ?...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

И вамъ квартира здѣсь же, на лицо, по этой же лѣстницѣ.

ТВЕРСКОЙ.

Брависсимо! Прекрасная, щегольская мебель...библіотека...и начать съ того бюсты...

Вотъ, вижу я двухъ славныхъ докторовъ...
Вотъ Галля бюстъ, а вотъ бюстъ Гиппократа.

ТВЕРСКОЙ.

ЗАГВОЗДКИНЪ, тихо Щепоткиной.

Какой знатокъ! Тамъ Пушкинъ и Крыловъ...

ТВЕРСКОЙ Загвоздкину.

Вотъ, сударь, гдѣ ума - ума палата!

ЗАГВОЗДКИНЪ, вслухъ.

Да! Этакихъ немного здѣсь головъ!
Вотъ геніи, которые сіяли,
И славою наполнили весь свѣтъ!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, еслибъ мы рецепты такъ писали,
То прожилибъ навѣрно триста лѣтъ!

ТВЕРСКОЙ.

О, начать съ того, что я ихъ знаю хорошо, какъ любитель и знатокъ по части искуствъ, литературы и меломаніи. Вы, конечно, живете въ здѣшнемъ же домѣ, начать съ того?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Я владѣлецъ этого дома, если бъ не былъ многимъ обязанъ доктору Любскому, то давно бы отказалъ ему на отрѣзъ отъ квартиры.

СОФЬЯ.

Какъ! За что же?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

За что, сударыня... Да по его милости я не имѣю ни одной минуты покоя! Даже въ эту ночь прилетѣли сюда какіе-то господа въ двухъ экипажахъ, начали стучать и спрашивать: «Не здѣсь ли живетъ извѣстный докторъ г. Любскій? Его ждутъ къ богатому банкиру, который страдаетъ несваренiемъ желудка... его просятъ къ женѣ директора департамента облегчить ея первные припадки... и пр. и пр. однимъ словомъ, это нестерпимо! Жаль, что я не смѣю сказать теперь ему; но по истеченiй контракта я наложу вдвое на квартиру, и Богъ съ нимъ!

ТВЕРСКОЙ.

Какъ! Что вы говорите? Такъ бѣдный нашъ Любскій, ужъ, начать съ того, имѣетъ порядочную репутацію?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Онъ? Да, онъ не имѣетъ минуты свободной, также, какъ и я.

Софья.

Ахъ! Какъ я этому рада... Видите ли, батюшка, я была увѣрена, что онъ заслужитъ извѣстность своими талантами.

тверской.

Да гдѣ же онъ теперь, начать съ того?..

загвоздкинъ.

А Богъ его знаетъ! Онъ сѣлъ въ свою маленькую карету и летаетъ по всему Петербургу.

тверской.

Что я слышу?.. Такъ онъ ужъ, начать съ того и карету имѣетъ?

загвоздкинъ.

Разумѣется, иначе быть не можетъ: какъ знаменитый докторъ, онъ имѣетъ полное право ѣздить парою, въ маленькой щегольской каретѣ.

Какъ докторъ, онъ изъ самыхъ тонныхъ,
Всѣхъ лечитъ, знается съ людьми;
За то отъ шествій похоронныхъ
Завелъ карету съ лошадьми;
Иной бѣднякъ не ожидаетъ,
Вдругъ и съ наслѣдствомъ и съ домкомъ:
Такъ тотъ, кто всѣхъ обогащаетъ,
Ужъ не пойдетъ у насъ пѣшкомъ!

тверской.

Ну, Анна Петровна, что вы, начать съ того, скажете объ этомъ?

щепоткина.

А то, братецъ, что эти похвалы слишкомъ преувеличены.

тверской.

Я объ немъ ничего не скажу, потому что не люблю его! Это пренесносный человѣкъ, который... вообразите: вѣдь всѣ наши дамы просто безъ ума отъ его какой то новой системы, а я не нахожу въ немъ ничего чрезвычайнаго.

софья.

Ахъ, тетинька, замолчите, ради Бога!..

щепоткина.

А зачѣмъ мнѣ молчать? Я люблю говорить, что думаю. Конечно, Любскій избавилъ меня отъ нервическихъ припадковъ... онъ очень хорошо лечитъ... это правда... но все только лечитъ и все тутъ; тогда какъ, по моему, онъ долженъ имѣть еще что нибудь и другое...

загвоздкинъ.

Ну, такъ! Вы всегда взыскательны, и даже несправедливы, когда не полюбите человѣка.

щепоткина.

А вы всегда готовы раздѣлять общее мнѣніе.

тверской.

Но, послушай, начать съ того, сестрица, что... или вы, милостивый государь...

щепоткина.

Вы увидите, что будетъ съ вашимъ знаменитымъ докторомъ: не смотря на всѣ успѣхи, слава его не прогремитъ и 15-ти лѣтъ.

загвоздкинъ.

Ну, такъ что же?

софья.

Тетинька, что вамъ охота спорить? Развѣ вы не знаете?..

—

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Любскій.

щепоткина.

Ну, вотъ и еще кто то его спрашиваетъ...

загвоздкинъ, тихо ей.

Да, это самъ Любскій!

щепоткина, особо.

Ай! Ай! Вѣдь я его только въ первый разъ вижу.

любскій.

Ѳедоръ Петровичъ! Наконецъ вы пріѣхали!..

тверской.

А! Любезный мой Любскій! Начать съ того, обними меня!...

любскій.

Здравствуйте, мой добрый другъ!... Мое почтеніе, Софья Ѳедоровна!... Какъ ваше здоровье?

тверской.

Ну, видно доктора,—начать съ тогое—всегда о здоровьѣ!.. Ничего, пульсъ ея хорошъ; голова моя тоже въ прежнемъ положеніи... обними меня еще, милый душегубецъ!...

ЛЮБСКІЙ.

Что значитъ такой радушный пріемъ?...

ТВЕРСКОЙ.

Онъ не долженъ удивлять тебя, котораго всѣ хвалятъ, прославляютъ!.. Начать съ того, мы знаемъ всѣ твои успѣхи.

ЛЮБСКІЙ.

Мои успѣхи? Какіе? Почему вы знаете?

ТВЕРСКОЙ.

Чортъ возьми! По молвѣ.

ЛЮБСКІЙ.

По молвѣ? Не думаю, чтобъ она слишкомъ мной занималась...

ЩЕПОТКИНА.

А! Вы хоть и докторъ, но умѣете быть скромнымъ... Вотъ качество, которое скорѣй всего миритъ меня съ вами.

СОФЬЯ, Любскому.

Это моя тетинька, Анна Петровна, которую вы пользуете.

ЛЮБСКІЙ.

Я?... Пользовалъ ихъ?... Мнѣ помнится... я не имѣлъ этой чести...

ЩЕПОТКИНА.

Ну, вотъ, что я говорила? Это нестерпимо! Мы снова разсоримся. Онъ даже не хочетъ узнавать тѣхъ, кому возвратилъ здоровье.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да что жъ мудренаго? У него такъ много больныхъ, что... однако, извините, господа, прежде моего отъѣзда, мнѣ тоже надо посовѣтоваться съ докторомъ на счетъ моей болѣзни...

ЛЮБСКІЙ.

Въ самомъ дѣлѣ? Что же такое? Говори, говори, любезный Петръ Ивановичъ, что съ тобою?...

ЗАГВОЗДКИНЪ, отводя Любскаго въ сторону на право.

Ничего, я хочу тебя увѣдомить только, что г. Тверской поселился въ покояхъ, на лицо, по этой же лѣстницѣ... я сказалъ ему что и ты живешь здѣсь, со мною.

ЛЮБСКІЙ.

Зачѣмъ же это?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Хорошъ вопросъ! Затѣмъ, чтобъ ты могъ еще чаще видѣтъ свою возлюбленную.

ЛЮБСКІЙ.

Ахъ! Какое счастіе! Благодарю тебя!... Но эта дама ошибается: я ее вовсе не знаю.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да тебѣ что за дѣло?... Не противорѣчь ей; это, братецъ, не хорошо...

ЩЕПОТКИНА, тихо Тверскому.

Этотъ человѣкъ, который говоритъ съ нимъ, г. Загвоздкинъ, хозяинъ дома, превосходный авторъ.

ТВЕРСКОЙ.

Какъ! Начать съ того... что я буду жить у г. Загвоздкина! У знаменитаго автора! У нашего заслуженаго романиста!... А! такъ этотъ-то, начать съ того, нашъ славный Петръ Ивановичъ Загвоздкинъ?.,. О, такъ онъ узнаетъ, что и я любитель всего изящнаго по части литературы, искусствъ и меломаніи.

ЩЕПОТКИНА.

Да, да, вы часто будете встрѣчаться съ нимъ у меня; онъ съ удовольствіемъ посѣщаетъ мой домъ. Это одинъ изъ лучшихъ друзей доктора.

ТВЕРСКОЙ.

О, если я останусь жить въ Петербургѣ, то, начать съ того, только и буду знакомиться съ поэтами, артистами, съ людьми знаменитыми; я страхъ люблю показываться съ ними въ публикѣ, потому что, глядя на нихъ, начать съ того, и меня всякій замѣтитъ; особливо люблю слышать, когда заговорятъ: Кто этотъ, что идетъ съ Петромъ Ивановичемъ?... Который?... Ну, вотъ этотъ почтенный старичекъ, который жметъ теперь руку нашему знаменитому доктору... А! Это г. Тверской, тоже, говорятъ, писатель, и начать съ того, задушевный другъ Загвоздкина. Вотъ самый вѣрный способъ сдѣлаться извѣстнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ!—Для этого то я и хотѣлъ всегда имѣть зятемъ человѣка со славой, потому что слава его, начать съ того, роспространяется на всю фамилію, и главное, на тестя.

ЛЮБСКІЙ, давно слушая его.

Мнѣ очень жаль, Ѳедоръ Петровичъ; но,

я долженъ вамъ сказать, что слава моя, къ несчастію, слишкомъ незавидна.

СОФЬЯ.

Помилуйте, да можно ли желать чего нибудь болѣе?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Онѣ правы: ты ужъ черезчуръ скроменъ. Ты не умѣешь цѣнить своихъ трудовъ, особливо своего славнаго разсужденія: »О болѣзняхъ нынѣшняго времени«.

ЩЕПОТКИНА.

По моему, эта скромность очень походитъ на гордость.

ЛЮБСКІЙ, Загвоздкину, который дѣлаетъ ему знаки.

Нѣтъ, нѣтъ, чортъ возьми! Я не хочу обманывать честнаго человѣка! Онъ узнаетъ, что я не имѣю ни репутаціи, ни клієнтовъ.

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ТѢ ЖЕ И ИВАНЪ, вбѣгаетъ, запыхавшись.

ИВАНЪ.

Г. Докторъ! Г. Докторъ! Васъ сію минуту требуютъ къ графинѣ Знатовой!...

ЛЮБСКІЙ.

Меня?

ИВАНЪ.

Васъ, сударь, человѣкъ въ богатой ливреѣ спрашиваетъ г. Любскаго. Только какъ можно поскорѣе, т. е. въ домѣ что-то плохо...

ТВЕРСКОЙ.

Графиня!

СОФЬЯ.

Графиня!

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

ТѢ ЖЕ И КЛЕМЕНТІЙ.

КЛЕМЕНТІЙ.

Г. Докторъ! Баронесса Зизи проситъ васъ посѣтить ее. Съ нею что то приключилось особенное... пожалуйте-съ...

ЛЮБСКІЙ.

Что это значитъ? Съ чего взяла баронесса Зизи посылать за мною?

КЛЕМЕНТІЙ.

У нея въ домѣ, лакей говоритъ, больно захворала какая-то особа, которая, вишь, только на васъ и надѣется. Пожалуйте-съ.

ЛЮБСКІЙ.

Да я ее вовсе не знаю!...

ЩЕПОТКИНА.

Рѣшительно, каждый день новые клієнты.

ТВЕРСКОЙ.

Ну, что жъ, душа моя,
Чему тутъ удивляться?
Скорѣе отправляться
Совѣтовалъ бы я.

ЛЮБСКІЙ.

Нѣтъ! Надо вамъ признаться....
Я долженъ отказаться
Графинь я не лечу!
Не хочу!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Каковъ-же! Онъ не радъ!
Вотъ чудо! Не хлопочетъ!
Онъ денегъ брать не хочетъ—
Вотъ рѣдкій Гиппократъ!!

ВСѢ.

Да! Докторъ хоть извѣстный,
Но человѣкъ пречестный!
Не взялся!
Чудеса! Чудеса!

ТВЕРСКОЙ.

Однако жъ, я, начать съ того хочу, чтобъ вы сейчасъ же отправились! За обѣдомъ мы еще увидимся!

ЗАГВОЗДКИНЪ, подавая ему шляпу его.

Да, да... вотъ твоя шляпа... карета у крыльца, поѣзжай, мой другъ...

ЛЮБСКІЙ.

Но развѣ я могу пользоваться... твоей каретой?

ЗАГВОЗДКИНЪ, тихо.

Ну да! Скорѣй воротишься.

ЛЮБСКІЙ.

Нечего дѣлать! Но тутъ есть что-то такое, чего я никакъ понять не могу!.. *(Всѣмъ)* До свиданія!... *(Уходитъ)*.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ ЛЮБСКАГО.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ха, ха, ха! Вѣрно онъ показался вамъ чудакомъ? Онъ такъ застѣнчивъ, что вѣчно готовъ считать себя за ничто.

ТВЕРСКОЙ.

Это очень хорошо, начать съ того... съ такимъ качествомъ человѣкъ всего достигнетъ! Теперь я вижу, что лучшаго зятя мнѣ и желать ненадо.

СОФЬЯ.

Какъ я рада! Такъ вы согласны, батюшка?

ТВЕРСКОЙ.

Да... только, начать съ того... я нахожусь теперь въ затруднительномъ положеніи...

ЩЕПОТКИНА.

Отчего-же! Скажите скорѣе...

ТВЕРСКОЙ.

Да, начать съ того, что я вовсе не надѣясь на огромную репутацію Любскаго, почти совсѣмъ отказалъ ему... и Сонюшка знаетъ, что въ это время я далъ слово одному изъ старыхъ пріятелей, который, начать съ того, живетъ здѣсь въ Петербургѣ и просилъ убѣдительно сдержать данное слово, потому что обѣщалъ мнѣ зятя, какого-то извѣстнаго литератора.

СОФЬЯ.

Да я-то чѣмъ же виновата? Вы дали слово безъ моего согласія.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Такъ теперь откажите литератору—и дѣло кончено.

ТВЕРСКОЙ.

Оно такъ, господа, все таки, начать съ того, надо сдѣлать это осторожнѣе; надо съ нимъ повидаться, переговорить... вѣдь это человѣкъ важный, трудящійся для журналовъ и для театра. *(Загвоздкину)* Вотъ если бъ вы дали мнѣ нѣкоторое понятіе объ этомъ человѣкѣ: вѣдь вы вѣрно знакомы съ этими господами.

ЗАГВОЗДКИНЪ, тихо Щепоткиной.

Да! Есть мнѣ время!... Я сейчасъ ѣду къ директору медицинской академіи...

ТВЕРСКОЙ ища въ карманѣ.

Вотъ, у меня записана его фамилія и даже исчисленіе всѣхъ его великихъ трудовъ. Начать съ того...

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ И ШАРИКОВЪ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ахъ, извините... вотъ одинъ изъ моихъ друзей, который знаетъ весь свѣтъ вдоль и поперекъ... Онъ объяснитъ вамъ все, что знаетъ, даже и то, чего вовсе не знаетъ; это просто всеобщая біографія... *(тихо Шарикову)* Это тотъ провинціялъ, котораго мы ждали, тесть доктора. Польсти его самолюбію; онъ тоже лѣзетъ въ литераторы.

ШАРИКОВЪ.

О, изволь, изволь.. я молодецъ на эти продѣлки.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, и такъ до свиданія, господа... мнѣ нужно побывать кое-гдѣ.

ЩЕПОТКИНА.

А я, братецъ, поведу Сонюшку въ ваши компаты. Пойдемъ, душа моя, намъ надо переговорить о многомъ. Господа! Мы оставляемъ васъ. До свиданья! *(Уходятъ налѣво).*

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ШАРИКОВЪ И ТВЕРСКОЙ.

ТВЕРСКОЙ.

Вы, кажется, начать съ того, другъ г. Загвоздкина, и вѣрно тоже авторъ чего нибудь такого...

ШАРИКОВЪ.

Да, сударь, прославившій себя многими пріятными произведеніями.

ТВЕРСКОЙ.

А! такъ, начать съ того, вашу руку, почтенный собратъ!... Я тоже знатокъ и любитель по части искусствъ, литературы и меломаніи. Начать съ того, я составилъ курсъ земледѣлія, и въ молодости, можно сказать, торжественно, энергически управлялъ кис-

тію. Я написалъ однажды огромную картину: умерщвленіе невинныхъ созданій, которая просто ужасна на взглядъ!

ШАРИКОВЪ.

Очень вѣрю, сударь... но чѣмъ же я могу услужить вамъ?

ТВЕРСКОЙ.

Да, вотъ, начать съ того, мнѣ хотѣлось спросить васъ объ одномъ изъ вашихъ собратовъ, по части искусствъ, литературы и меломаніи... *(Смотря въ бумаги, вынутыя изъ кармана)*. Не знаете ли вы Ивана Ивановича Шарикова?

ШАРИКОВЪ.

Какъ! Что такое?

ТВЕРСКОЙ.

Литератора, который участвуетъ во многихъ періодическихъ изданіяхъ, начать съ того.

ШАРИКОВЪ.

Да, сударь, я его очень хорошо знаю; онъ всѣмъ извѣстенъ.

ТВЕРСКОЙ.

Такъ, начать съ того, что вы объ немъ думаете? То есть: каковъ онъ?

ШАРИКОВЪ.

Онъ? Да-какъ бы вамъ сказать... онъ, я думаю, человѣкъ... *(Особо)*. Какъ я ни привыкъ хвалить себя, однако въ печати не такъ совѣстно, какъ въ разговорѣ...Ну, да что за церемоніи! *(Въ слухъ)* Я думаю, сударь, что г. Шариковъ человѣкъ съ достоинствомъ.

ТВЕРСКОЙ.

А! Тѣмъ лучше. Но, начать съ того, добрый ли онъ малый?

ШАРИКОВЪ.

Гмъ! Какъ вамъ сказать... Онъ журналистъ. Однако, къ чему всѣ эти вопросы?

ТВЕРСКОЙ.

А вотъ, я вамъ скажу: видите ли я, не зная его въ глаза, сдѣлалъ довольно странное условіе съ однимъ изъ его друзей, г-мъ Шмелевымъ.

ШАРИКОВЪ.

Со Шмелевымъ?—Да, я его знаю?

ТВЕРСКОЙ.

Онъ, начать съ того, какъ истинный мой другъ, вздумалъ сватать дочь мою за Шарикова.

ШАРИКОВЪ, особо.

Какъ! Такъ эту-то партію мнѣ обѣщали? Да это чудесно!... *(Ему.)* И такъ....

ТВЕРСКОЙ.

И такъ мнѣ теперь надо будетъ признаться г. Шмелеву, что я не хочу имѣть Шарикова своимъ зятемъ.

ШАРИКОВЪ.

Вотъ тебѣ разъ! Отчего же?

ТВЕРСКОЙ.

Да-съ; мнѣ хочется поучтивѣе отъ него избавиться, только не знаю, какъ бы?... Возьмите вы на себя эту коммисію; вы, начать съ того, очень меня одолжите.

ШАРИКОВЪ.

Благодарю васъ покорно!... Нѣтъ; онъ вѣрно разсердится, захочетъ узнать причину такого отказа.

ТВЕРСКОЙ.

Извольте, я скажу ее: вся причина въ томъ, что докторъ Любскій долженъ быть моимъ зятемъ.

ШАРИКОВЪ, особо.

Какъ! Любскій! Которому мы такъ протежируемъ... *(Вслухъ.)* Докторъ Любскій?... Гмъ! Что же это за докторъ, я въ первый разъ слышу.

ТВЕРСКОЙ.

Помилуйте! Знаменитый докторъ, извѣстный всему Петербургу!

ШАРИКОВЪ.

Гмъ!... Не знаю!... Я не слыхалъ, чтобъ кто нибудь говорилъ объ немъ.

ТВЕРСКОЙ.

Что вы! Да начать съ того, а больныя.., его произведенія!...

ШАРИКОВЪ.

А.... больные или мертвые сколько нибудь знаютъ; но его сочиненія, — извѣстны развѣ однимъ книгопродавцамъ.

ТВЕРСКОЙ.

Возможно ли!... Такъ, начать съ того, я опять разочарованъ.

Такъ, стало быть, мой трудъ пропалъ,
А планъ мой былъ весьма похвальный;
Такого зятя я искалъ,
Чтобъ онъ былъ малый геніяльный!

ШАРИКОВЪ.

Такъ не успѣть вамъ вѣчно въ томъ.

ТВЕРСКОЙ.

Ужели геніевъ нѣтъ нынѣ?

ШАРИКОВЪ.

Хоть есть... да прежде мы умремъ,
Пока найдемъ ихъ въ медицинѣ!

ТВЕРСКОЙ.

Чортъ возьми! Такъ всѣ мои надежды разрушились!...

=

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, ЩЕПОТКИНА.

ЩЕПОТКИНА.

Ну, милый братецъ, Сонюшка открыла мнѣ всѣ свои тайны, и я пришла, чтобъ...

ТВЕРСКОЙ.

Ни слова болѣе, начать съ того! Съ этихъ поръ, сестрица, я никому на слово не повѣрю, и буду только основываться на своихъ сужденіяхъ; пойду къ моему другу Шмелеву: онъ человѣкъ очень - хорошій, и начать съ того, вѣчно боленъ, безпрестанно мѣняетъ докторовъ; такъ я лучше поговорю съ нимъ о Любскомъ.

ЩЕПОТКИНА.

Къ чему-жъ вы мнѣ все это говорите?

ТВЕРСКОЙ.

Перестаньте, пожалуйста; я отъ васъ ничего не хочу слышать! Отъ Шмелева отправлюсь ко всѣмъ Петербургскимъ книгопродавцамъ; можетъ быть, ни одного экземпляра изъ его сочиненій не продано. О! Я не позволю смѣяться надъ нами, провинціялами!...

ЩЕПОТКИНА.

Не угодно ли вамъ ѣхать со мною? Моя карета у крыльца.

ТВЕРСКОЙ.

Нѣтъ, сестрица, неугодно, начать съ того! Я пойду переодѣться, найму кабріолетъ и мы посмотримъ.. *(Шарикову.)* Милостивый государь... мнѣ очень бы лестно ознакомиться съ вами, начать съ того, покороче...

ШАРИКОВЪ.

Ахъ, и мнѣ также; я очень люблю знатоковъ и любителей по части искусствъ, литературы и меломаніи.. *(Щепоткиной.)* вашъ покорнѣйшій слуга! Пойдемте вмѣстѣ...

(Оба уходятъ.)

—

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ЩЕПОТКИНА, ПОТОМЪ ЗАГВОЗДКИНЪ.

ЩЕПОТКИНА.

Ну! Вотъ, весь нашъ заговоръ открылся!... Что дѣлать? Ахъ! Это вы Петръ Ивановичъ!..

ЗАГВОЗДКИНЪ, ВХОДЯ ИЗЪ ДВЕРЕЙ СЪ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.

И я вошелъ по кривой потаенной лѣстницѣ... объѣздилъ, гдѣ надо было, — все идетъ хорошо... Я привезъ вамъ добрыя вѣсти, пріятныя новости.

ЩЕПОТКИНА.

А здѣсь самыя худыя. Сонюшка мнѣ все разсказала. Писатель, котораго ей назначили къ мужья, вашъ другъ, Иванъ Ивановичъ Шариковъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Неужели! Ай! Ай! Такъ мы ужасно ошиблись, принявъ его въ число заговорщиковъ.

ЩЕПОТКИНА.

Это преобидно! Онъ теперь нашъ первый непріятель...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Впрочемъ, я очень радъ, что теперь только вы однѣ мнѣ помогаете...

Я въ глубинѣ души моей сердился,
Что третій былъ замѣшанъ также къ намъ..
Онъ измѣнилъ теперь и удалился
А я всегда ужъ буду вѣренъ вамъ!
Готовъ, какъ рабъ, служить вамъ ежечасно.
Я скроменъ, добръ и, право, сердцемъ чистъ...

ЩЕПОТКИНА.

Нѣтъ, нѣтъ, и вамъ повѣрить страхъ опасно..

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ахъ, отчего жъ?

ЩЕПОТКИНА.

Вы журналистъ!

Однако, рѣчь теперь не объ васъ, сударь; мой провинціялъ братецъ, узналъ отъ

Шарикова, кажется все, и сейчасъ ѣдетъ справляться объ немъ къ какому-то хворому совѣтнику Шмелеву, который знаетъ всѣхъ докторовъ на-перечетъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А, если такъ, то клянусь вамъ, что имъ не удастся! Надо посмотрѣть въ книгу адресовъ; я сейчасъ распоряжусь... *(Открываетъ книгу.)*

ЩЕПОТКИНА.

Отъ него онъ отправится по всѣмъ книгопродавцамъ, узнать, сколько продано книги Любскаго «О болѣзняхъ нашего времени.» А какъ я слышала, то кажется, въ цѣлый годъ проданъ только одинъ экземпляръ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Успокойтесь; мнѣ ужъ не въ первый разъ поправлять авторскія ошибки, особливо, когда я захочу поддержать юный талантъ. *(Кричитъ.)* Эй, Иванъ! Клементій! Весь домъ сюда! скорѣе! *(Идетъ къ своему бюро.)*

ЩЕПОТКИНА.

Да что же вы хотите дѣлать, Петръ Ивановичъ?...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

У меня было отложено полторы тысячи, на разныя удовольствія съ друзьями... если же я эти деньги истрачу теперь для спасенія одного изъ лучшихъ моихъ друзей, то стало быть, онѣ достигли своего назначенія...

ЩЕПОТКИНА.

Вотъ это очень мило съ вашей стороны!

(Иванъ и Клементій входятъ.)

ЗАГВОЗДКИНЪ,

Эй! Вы! Подойдите и слушайте хорошенько... Ну, братцы, надо, чтобъ вы сослужили мнѣ службу, вѣрно, усердно и скоро, такъ скоро, какъ, иногда, бѣгаете въ типографію за корректурой.

ИВАНЪ И КЛЕМЕНТІЙ.

Извольте, извольте, батюшка Петръ Ивановичъ... намъ ногъ-то не занимать стать.

ЗАГВОЗДКИНЪ, быстро.

Хорошо! Всѣхъ награжу! И такъ четверо изъ васъ, одинъ послѣ другаго, пусть бѣгутъ сейчасъ къ надворному совѣтнику Шмелеву; онъ живетъ на углу Гороховой, въ домѣ купца Толстопятаго... каждый поочередно пусть взойдетъ на лѣстницу, позвонитъ сильнѣе и спроситъ: «Не здѣсь ли докторъ Любскій? или: Гдѣ намъ сыскать доктора Любскаго? Одинъ пусть скажетъ, что его ищетъ министръ, другой—князь, третій-графъ, четвертый—богатый пріѣзжій баронъ! Слышите?

ЛЮДИ.

Слышимъ, слышимъ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Въ это же время, другіе пусть бѣгутъ, ломя голову, во всѣ книжныя лавки и раскупятъ всѣ сочиненія доктора Любскаго: «О болѣзняхъ нынѣшняго времени...» *(Отдаетъ записку и деньги.)* Вотъ записка и деньги. Понимаете?

ИВАНЪ И КЛЕМЕНТІЙ.

Понимаемъ, понимаемъ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Но, Боже васъ сохрани, если ошибетесь и купите какое нибудь другое глупое сочиненіе! Вамъ отъ меня житья не будетъ! Возьмите извощиковъ, чтобъ скорѣе поспѣть вездѣ.

ЛЮДИ.

Очень хорошо-съ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ступайте, ступайте... это близехонько... да смотри, Иванъ, чтобъ всѣ экземпляры были куплены! Гг. книгопродавцы гуртомъ вѣрно сдѣлаютъ большую уступку; впрочемъ денегъ не жалѣть!

ИВАНЪ.

Да ужъ будете довольны; я знаю хорошо эти книжныя надуванціи.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, ну, живо, живо, не теряйте времени ни минуты.

(Иванъ и Клементій уходятъ.)

ЩЕПОТКИНА.

Теперь, я боюсь только, чтобъ вашъ Шариковъ не шелъ противъ насъ...

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Сдѣлайте милость, не бойтесь. Вотъ, кажется, онъ идетъ сюда... я сейчасъ отпарирую и этотъ послѣдній ударъ; потому-что мнѣ извѣстны всѣ его слабости – вѣдь я не даромъ журналистъ.

ЩЕПОТКИНА.

Такъ до свиданія, Петръ Ивановичъ!...

—

ЯВЛЕНІЕ XV.

ШАРИКОВЪ И ЗАГВОЗДКИНЪ.

ШАРИКОВЪ, входя справа изъ боковой двери.

(Въ сторону.) Сперва я служилъ доктору по-пріятельски, а теперь, какъ справедливый судья, я отдѣлаю его по-совѣсти.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

А! ты здѣсь Иванъ Ивановичъ!.. Что? Отослалъ ли ты статью, которую написалъ о произведеніи доктора Любскаго?

ШАРИКОВЪ.

Да, чуть было съ-дуру не велѣлъ тиснуть; однако, подумавши, приказалъ только принесть скорѣе корректуру, чтобъ переправить по-своему; сейчасъ же наваляю здѣсь кое какія прибавочки, чтобъ дать статьѣ другой тонъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Браво! Ты молодецъ! Спасибо тебѣ! Услуживая доктору, ты и себѣ схватишь славный подарокъ.

ШАРИКОВЪ.

Какъ! Что ты хочешь сказать?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Анна Петровна такъ-хорошо тебя отрекомендовала начальству, что навѣрно тебя представятъ къ какому нибудь награжденію.

ШАРИКОВЪ, вскакивая.

Какъ! Неужели?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Право! Вотъ что значитъ, братъ, похвалить человѣка кстати и отъ души; за то, если бъ ты не такъ охотно услужилъ ей, или бы вздумалъ разругать доктора, то эта женщина, на оборотъ, вѣрно съѣла бы тебя съ-досады! Не даромъ я всегда любилъ ее и боялся.

ШАРИКОВЪ, раздираетъ статью и мнетъ ее.

Да.!. да... въ самомъ дѣлѣ!... Эту женщину надо цѣнить и беречь... однако, чортъ возьми! Я долженъ тебѣ признаться, Петръ Ивановичъ, что все таки... я, ты знаешь,... хотѣлъ услужить болѣе тебѣ, нежели... потому-что... *(Въ сторону.)* Не знаю, что сказать и на что рѣшиться?. *(Ему.)* Послушай, вѣдь я взбѣшенъ на доктора! Я открылъ, что онъ просто мой соперникъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Какъ такъ?

ШАРИКОВЪ.

Да, онъ отнимаетъ у меня презавидную партію, а я помогаю его репутаціи!... Чортъ знаетъ! Въ первый разъ я ошибся въ разсчетѣ: не хочу ссориться съ тобою, жаль потерять невѣсту, рука зудитъ поругаться, а боюсь лишиться заслуженнаго награжденія.— Извини, братъ Петръ, я теперь лучше ужъ буду держать неутралитетъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да больше отъ тебя мы ничего и не требуемъ. Только не говори ничего тестю, и предоставь ему выбирать женихов самому.

ШАРИКОВЪ.

Э! Да ужъ я наговорилъ ему противъ доктора все, что только могъ съ-досады! Однако не печатно, только на словахъ.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Въ самомъ дѣлѣ? Ну, тѣмъ лучше! Спасибо! Этого только не доставало для его счастія и славы: ему надо было найдти враговъ; но ты такъ милъ и добръ—самъ вызвался на это.

ШАРИКОВЪ, рѣшительно.

Да, чортъ меня возьми! Въ подобныхъ случаяхъ, всегда меня перваго выбираютъ! Видно знаютъ, что я полаяться, поругаться—собаку съѣлъ. Но такъ и быть! Какъ твой товарищъ и ученикъ, я готовъ на всякую жертву! Только, каково будетъ доктору отъ тестя, когда тотъ соберетъ объ немъ справки.

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, я и самъ трушу за него... А, да вотъ и они...

=

ЯВЛЕНІЕ XVI.

ТѢ ЖЕ, ТВЕРСКОЙ И ЛЮБСКІЙ, входятъ обнявшись.

ТВЕРСКОЙ.

Ахъ, мой любезнѣйшій Семенъ Васильевичъ!.. Начать съ того: дай мнѣ расцаловать

себя!.. Какъ я радъ, начать съ того, что поймалъ тебя на крыльцѣ!.. Прости, ради Бога, что я такъ долго въ тебѣ сомнѣвался...

ЛЮБСКІЙ.

Васъ простить?...

ТВЕРСКОЙ.

Ну, да; вѣдь я сейчасъ только, начать съ того, отъ друга моего Шмелева изъ Гороховой улицы, которому о тебѣ всѣ уши прожужжали, особенно сегодня.

ЛЮБСКІЙ.

Да я его вовсе не знаю.

ТВЕРСКОЙ.

Можетъ быть, за то онъ хорошо знаетъ тебя, и такъ какъ онъ недоволенъ своимъ докторомъ, то убѣдительно проситъ тебя ѣздить къ нему и лечить отъ его удушья.

ЛЮБСКІЙ.

Извольте, очень радъ!

ЗАГВОЗДКИНЪ, Шарикову, тихо.

Вотъ что значитъ дружеское кумовство! Духомъ все скипѣло!

ТВЕРСКОЙ.

Отъ Шмелева я пустился, начать съ того, къ здѣшнимъ книгопродавцамъ искать твою книгу: *О болѣзняхъ нынѣшняго времени*...

ЛЮБСКІЙ, въ сторону.

Ахъ, Боже мой!...

ШАРИКОВЪ, въ сторону.

Ага! Попался!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Ну, что же-съ?

ТВЕРСКОЙ.

Чортъ знаетъ, ни одного экземпляра не найдешь!

ШАРИКОВЪ.

Не можетъ быть!

ЛЮБСКІЙ.

Вы вѣрно худо справлялись...

ТВЕРСКОЙ.

Напротивъ, я, начать съ того, былъ почти у всѣхъ, и всѣ увѣряли, что ни одно сочиненіе не расхватали такъ скоро, какъ твое; просто говорятъ: какъ сумасшедшіе, такъ и рвутъ въ клочки *Болѣзнь нынѣшняго времени!* Удивительное дѣло!

ЗАГВОЗДКИНЪ.

И вы неужели не нашли ни одного?

ТВЕРСКОЙ.

Я—то? Нѣтъ! Одинъ поймалъ! Вотъ, вотъ онъ!... За то книгопродавецъ содралъ съ меня въ десятеро!.. »Нельзя-съ, говоритъ, взять дешевле-съ. . послѣдній экземпляръ-съ!... сегодня-съ, въ одинъ часъ, расхватали-съ 24 экземпляра-съ! Книга сильно идетъ-съ!» Такой учтивый, начать съ того... а какъ я ему сказалъ, что это твореніе моего зятя, и что я самъ знатокъ и любитель по части искусствъ, литературы и меломаніи, онъ, злодѣй, цапъ меня за руку, и говоритъ: «Вашъ зять-съ! Такъ неугодно ли-съ будетъ вашему зятю-съ продать мнѣ второе изданіе *Болѣзней нынѣшняго времени-съ?* Я бы далъ, знаете-съ, тысячки три-съ, и деньги всѣ вдругъ-съ. — Мое вамъ почтеніе-съ!» Каково? а?

ЛЮБСКІЙ.

Не можетъ быть!

ЗАГВОЗДКИНЪ, въ сторону.

Ай, да Ванюшка! Славно распорядился!

ШАРИКОВЪ, Загвоздкину.

У насъ эти продѣлки не новость.

=

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ И СОФЬЯ, входя изъ боковыхъ дверей съ лѣвой стороны.

СОФЬЯ.

Батюшка!.. Батюшка!.. Представьте себѣ: четверо дрожекъ пріѣхало, двѣ коляски и двѣ кареты.... спрашиваютъ г. Любскаго.

ТВЕРСКОЙ.

Любскаго? Что это? Зачѣмъ?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да! да!... теперь съѣзжаются-слушать его Курсъ Физіологіи, который онъ сегодня оканчиваетъ.

ТВЕРСКОЙ.

Брависсимо! И мы, начать съ того, будемъ присутствовать тутъ же!.. Курсъ физіологіи! Это, я воображаю, презабавное чтеніе...

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

Тѣ же и наборщикъ съ корректурой.

НАБОРЩИКЪ, тихо Шарикову.

Иванъ Ивановичъ, статья о Любскомъ готова, вы хотѣли здѣсь прочесть послѣднюю корректуру...

ЗАГВОЗДКИНЪ, взявъ статью, говоритъ Тверскому.

А! подай мнѣ! Вотъ и превосходная статья, которая уже отпечатана и завтра рано выйдетъ въ моемъ журналѣ, въ числѣ 4000 экземпляровъ!... Какіе лестные отзывы о докторѣ Любскомъ! Авторъ статьи долженъ быть человѣкъ съ дарованіемъ... послушайте, тутъ навѣрно говорятъ, что при больницѣ есть вакантное мѣсто, гдѣ, какъ слышно, надѣятся всѣ, будетъ скоро помѣщенъ образованнѣйшій изъ нашихъ молодыхъ докторовъ-Семенъ Васильевичъ Любскій.

ЛЮБСКІЙ.

Что вы! Неужели?

ТВЕРСКОЙ, посмотрѣвъ въ газету.

Да... да... въ самомъ дѣлѣ! Все это напечатано!...

ШАРИКОВЪ, въ сторону.

Да! Вѣрно чортъ меня дернулъ! Я его хвалю, а онъ меня грабитъ!

ТВЕРСКОЙ, читая.

Ахъ, Боже милостивый! Дочь моя! Дѣти мои!.. Тутъ и обо мнѣ есть, начать съ того!..

ЗАГВОЗДКИНЪ, взявъ газету.

Что вы? Быть не можетъ!...

ШАРИКОВЪ, тихо.

Да! Къ несчастію, я отъ души польстилъ и самолюбію его тестя, а теперь раскаяваюсь.

ЗАГВОЗДКИНЪ, читая, поглядываетъ на Шарикова.

«Да! еще пріятная новость! Недавно пріѣхалъ въ Петербургъ знаменитый русскій живописецъ, честь, слава провинціи! Это г. Тверской, написавшій замѣчательную картину: *Умерщвленіе невинныхъ созданій*. Мы хоть ея еще не видали, однако всѣ увѣрены, что почтенный и талантливый живописецъ помѣститъ ее на нынѣшней выставкѣ, гдѣ она вѣрно будетъ служить украшеніемъ!... Также, говорятъ, что онъ наконецъ рѣшился издать въ свѣтъ свой курсъ земледѣлія, въ которомъ такъ ощутительно нуждались наши агрономы, и котораго съ такимъ нетерпѣніемъ давно ожидали всѣ ученые.

ТВЕРСКОЙ, сквозь слезы.

Друзья мои!.. Я просто рыдаю!.. Наконецъ то и я, начать съ того, вошелъ въ извѣстность! *Прямой талантъ вездѣ защитниковъ найдетъ!...*

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Однако, всѣмъ этимъ вы обязаны вашему зятю! Его извѣстность именно распространяется на всю фамилію!...

ТВЕРСКОЙ.

И какъ еще распространяется, начать съ того!... *(Обращаясь къ Шарикову.)* Ну, милостивый государь, какъ же вы, начать съ того, кричали всѣмъ, что Любскій не имѣетъ ни репутаціи, ни талантовъ? Что вы скажете объ этой статьѣ, начать съ того? Слышали ли вы, какъ мастерски его расхвалили?

ШАРИКОВЪ, съ благородствомъ.

На всѣ ваши вопросы, скажу одно: я самъ писалъ эту статью.

ТВЕРСКОЙ И ЛЮБСКІЙ.

Возможно ли!!!

ШАРИКОВЪ.

Да-съ, я журналистъ Шариковъ, тотъ, котораго вамъ предлагали въ зятья.

ТВЕРСКОЙ.

Неужели?

ШАРИКОВЪ.

Да, сударь! Такъ войдите въ мое положеніе.

Какъ о соперникѣ, все ложно
Вамъ говорилъ съ-досады я,
За то писалъ, какъ только можно,
Какъ справедливѣйшій судья!
Хоть на словахъ мы правдой дышимъ,
Но кто насъ знаетъ, тотъ пойметъ:
Мы говоримъ не такъ, какъ пишемъ,
И, все равно, на оборотъ.

ЛЮБСКІЙ.

Государь мой! Я вѣчно не забуду вашего великодушнаго поступка! Ей Богу, вы премилый, пречестный человѣкъ...

ШАРИКОВЪ.

Да... т. е. просто добрый малый, вотъ и все.

=

ЯВЛЕНІЕ XIX.

тѣ же и щепоткина.

ЩЕПОТКИНА.

Ну, милый братецъ, новость, пріятная новость! Любскій, благодарите судьбу; я слышала, что мѣсто при больницѣ — ваше! Поздравляю!

ВСѢ.

Въ самомъ дѣлѣ?

ЛЮБСКІЙ.

Ей Богу, я не могу придти въ себя отъ удивленія! Я не смѣлъ надѣяться, ни къ кому даже не ѣздилъ съ визитами... *(Журналистамъ.)* Ну, друзья мои, правду ли я вамъ говорилъ сегодня? Видите ли, что безъ интригъ, безъ поклоновъ и шарлатанства можно всего достигнуть?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Да, да, можно, можно, это видно... *(Въ сторону)* а всѣ мои лошади въ пѣнѣ... и я чуть живъ отъ хлопотъ и бѣготни.

=

ЯВЛЕНІЕ XX.

тѣ же и иванъ, съ большою кипою книгъ на плечахъ.

ИВАНЪ.

Ну, батюшка, Петръ Ивановичъ... потрудились же мы... все тутъ... внизу еще двѣ такія кипы, все изданіе въ цѣлости.

ЗАГВОЗДКИНЪ, тихо ему.

Замолчи, дурачина! *(Въ слухъ.)* Хорошо, это первое изданіе отнеси въ мою комнату... *(Въ сторону.)* Оно пригодится для втораго.

ЛЮБСКІЙ.

Петръ Ивановичъ, что это за книги?

ЗАГВОЗДКИНЪ.

Э! Вздоръ, братецъ! Послѣ узнаешь. Лучше радуйся своимъ успѣхамъ; мы всѣ увѣрены, что ты теперь своими достоинствами поддержишь на долго свою славу. Не такъ ли, господа?

ВСѢ.

Да, да.

ЗАГВОЗДКИНЪ, особо.

Однако, я думаю, что репутація, пріобрѣтенная въ одинъ день съ помощію друзей и шарлатанства, также не долговѣчна, какъ неизлечимый больной.

ФИНАЛЪ, на мотивъ галопа.

ВСѢ.

Кто изъ гордости иль чванства
Говоритъ или кричитъ.
Что не знаетъ шарлатанства,
Тотъ неправду говоритъ!
Сколько есть интригъ, обмановъ,
Сколько хитростей во всемъ,
Столько, право, шарлатановъ
Мы во всѣхъ дѣлахъ найдемъ;
Скажемъ истину простую:
Тамъ, гдѣ польза иль разсчетъ,
Надъ талантомъ за-частую
Шарлатанство верхъ беретъ!
Если жъ намъ хорошей роли
Не напишутъ на заказъ,
Такъ артисты по неволѣ
Шарлатанятъ всѣ подъ-часъ;
Часто съ плачемъ и тоскою
Учимъ прозу и стихи,
Чтобъ прикрыть своей игрою
Нашихъ авторовъ грѣхи.
Такъ теперь просить мы станемъ
Насъ немножко пощадить:
Мы, ей Богу, шарлатанимъ
Отъ желанья угодить.

ЛѢТОПИСЬ РУССКАГО ТЕАТРА.

ЭПОХА II.

Эпоха эта начинается съ открытія, въ 1784 году, постояннаго Большаго Народнаго Театра (*) генералъ-квартейместеромъ Бауромъ, и оканчивается прошлымъ XVIII столѣтіемъ.

Возможность всѣмъ петербургскимъ жителямъ видѣть, за умѣренную плату, превосходныхъ актеровъ и великолѣпныя зрѣлища, отвлекли платящую публику отъ Книперовыхъ скудныхъ представленій; его деревянный театръ опустѣлъ, такъ, что онъ принужденъ былъ передать его и составленную имъ труппу И. А. Дмитревскому, который уступилъ ихъ Комитету Театральной Дирекціи, выговоря въ свою пользу первое представленіе соединенными русскими актерами, на Большемъ Театрѣ, и это представленіе было первымъ и вѣчнымъ торжествомъ русской комедіи. Въ немъ *Недоросль* явился великаномъ въ сравненіи съ иноземными его современниками. (**) Фонъ-Визинъ почти такой же превосходный драматическій чтецъ, какъ писатель и распорядитель сцены, подаривъ Дмитревскому свою первую комедію, самъ назначилъ роли актерамъ обѣихъ соединенныхъ труппъ (*); онъ началъ каждому изъ нихъ, что и какъ должно быть сказано, выражено и играно, оживилъ своимъ творческимъ даромъ ихъ способности, учредилъ общее сценическое дѣйствіе, и Недоросль, по долгомъ задержаніи, выпущенъ во всей красѣ на Большой Театръ, въ бенефисъ Дмитревскаго. Зрители съ восхищеніемъ уви-

(*) Театръ этотъ открытъ италіянскою оперою: Il monde della luna (Лунный міръ), слова *Мореттини*, музыка *Паэзіелло*, декораціи *Гонзаго* (см. въ концѣ этой статьи примѣчаніе подъ литерою А.) и машины *Бригонци*; всѣ они находились при русскомъ Императорскомъ Дворѣ, вмѣстѣ съ первѣйшими въ то время пѣвцами *Марказини* и *Бобини*, и пѣвицами *Тодія* и *Дилія*. По увольненіи италіянской труппы, остались въ Россіи, до самой смерти своей Гонзаго и Бригонци.

(**) Лопе де Вега, Кальдеронъ и Шекспиръ были также далеки отъ понятія и формы тогдашнихъ театровъ, какъ Аристофанъ, Теренцій и Плавтъ. Мольеръ и Реньяръ уже давно умерли, Шериданъ не сочинилъ еще *Школы злословія*, нѣмецкій театръ только возникалъ, а Гольдони и современные Фонъ-Визину французскіе драматурги не произвели ничего, что бы могло соперничествовать съ »Недорослемъ« комической силой и живостью изображенія нравовъ.

(*) Вотъ какъ: Стародума *Дмитревскому*, Правдина *Гамбурову*, Милона *Маркову*, Митрофанушку *Черникову*, Скотинина *Соколову*, Цифиркина *Крутицкому*, Вральмана *М. Волкову*, Кутейника *Петрову*, Простакову *Золину*, Портнаго *Рахманову*, Простаковой Ав. Мих. *Михайловой*, Маши *Милевской*, и Еремѣевны *Шумскому*. Я, кромѣ *Черникова* и *Маркова*, еще видѣлъ всѣхъ этихъ актеровъ въ сихъ же роляхъ.

Полицейская цензура не позволяла представлять на театрѣ Недоросля, вѣроятно, за слишкомъ, по тогдашнему, смѣлыя умствованія Стародума; но предстательствомъ графа Никиты Ивановича Панина, въ чьей Канцеляріи служилъ Фонъ-Визинъ, Государь Цесаревичъ исходатайствовалъ у Императрицы позволеніе играть Недоросля, какъ онъ написанъ, т. е. безъ выпущенія эпизодической рѣчи о царедворцахъ, безъ которой комедія могла обойтись, не потерявъ ничего изъ существеннаго своего достоинства; но сочинитель, какъ я слышалъ, въ свободно-мыслящемъ и благородномъ лицѣ Стародума хотѣлъ представить брата своего покровителя и начальника, или, вѣроятнѣе, просто послѣдовалъ образцамъ французскаго театра, на которомъ резонеры или поучители публики были также обыкновенные въ комедіяхъ, какъ наперсники въ трагедіяхъ; но во второй комедіи своей (Бригадирѣ) Фонъ-Визинъ безъ нихъ обошелся; въ ней ни одинъ персонажъ не умствуетъ передъ зрителями, и каждый поучителенъ своимъ собственнымъ лицомъ.

дѣли русское, потѣшились отъ всей души надъ своей закоснѣлой дурью, припоминали или узнавали своихъ деревенскихъ сосѣдей въ живыхъ портретахъ, списанныхъ однако жъ не съ извѣстныхъ лицъ, а выражающихъ общія характерическія черты тогдашнихъ представителей помѣщичьяго быта, слѣдовательно, болѣе или менѣе похожихъ на каждаго изъ нихъ. Легко можетъ статься, что Фонъ-Визинъ, и не помышляя создать тогда-небывалаго еще и въ Парижѣ, однимъ полетомъ своего смѣлаго генія перенесъ комедію нравовъ прямо съ древняго греческаго театра на русскій (*), раболѣпно подѣланный подъ французскій. Какъ бы то ни было, а онъ попалъ вѣрно въ настоящую цѣль умной комедіи, и угадалъ, что̀ пригодно нашей публикѣ. Народный успѣхъ Недоросля, а потомъ Бригадира, возбудили соревнованіе наблюдательныхъ и замысловатыхъ умовъ, не убогихъ живымъ воображеніемъ и даромъ слова, и наша комическая сцена сдѣлалась ихъ поприщемъ, когда на трагической, открытой Сумароковымъ, уже подвизался нашъ первый эпическій поэтъ Херасковъ, и его пламенные идолопоклонники торжествовали надъ Демофонтомъ и Темиромъ, написанными звучными стихами Ломоносова. Ломоносовъ, какъ удостовѣрялъ меня его зять, А. А. Константиновъ, не хотѣлъ браться не за свое дѣло; но убѣжденный настояніями покровителя поэзіи и театра, Ивана Ивановича Шувалова, объявившаго изволеніе Императрицы (Елисаветы Петровны), вошелъ въ состязаніе съ Сумароковымъ не на своемъ поприщѣ, и малый успѣхъ наказалъ нашего безсмертнаго лирика за невольную измѣну благосклонной ему Калліопѣ, какъ и творца русской комедіи, за невѣрность его страстной къ нему Таліи. Фонъ-Визинъ, въ угожденіе большинству, сходившему съ ума отъ всякихъ французскихъ взлоровь, переложилъ не въ сильные стихи слезно-водянаго Грессетова «Сиднея.» За этотъ театральный грѣхъ, кажется, долженъ отвѣчать побудившій его, И. А. Дмитревскій, слишкомъ пристрастный къ драматическимъ эффектамъ. (*)

Надѣясь вскорѣ сообщить издателю «Репертуара Русскаго Театра» обзоръ нашей драматической словесности, я ограничиваюсь здѣсь поименованіемъ сочинителей и сочиненій, стяжавшихъ право занять мѣсто въ лѣтописи русскаго театра.

Первымъ изъ удачныхъ послѣдователей Фонъ-Визина представляется Михайло Ивановичъ Веревкинъ, написавшій нѣсколько замысловатыхъ комедій въ прозѣ, изъ которыхъ считались лучшими: *Такъ и должно* и *Судейскія имянины*; но почти въ то же время явилась на русской сценѣ *Обольстительный*.

(*) Мольеръ, сообразуясь съ своей родиной и своимъ вѣкомъ заимствовалъ отъ Римлянъ только два рода ихъ комедій: комедію характеровъ и комедію интриги; но оставилъ родъ древнѣйшій греческій, который выводилъ на позоръ не отдѣльные пороки или глупости человѣчества и частные случаи или забавныя выдумки, но общественныя заблужденія, невѣжество и порчу нравовъ; нѣтъ сомнѣнія, что вѣра, образъ правленія и жизни, даже самый климатъ Франціи, принудили перемѣнить форму и условности аѳинскаго театра

Народная площадь и республиканскія смуты не могли быть ни сценой, ни содержаніемъ новой комедіи, возникшей при Лудовикѣ XIV, и мы, запоздалые на пути просвѣщенія, торопясь за блестящимъ образованіемъ Парижанъ, могли-ли не перенять у нихъ форму просвѣтительнаго зрѣлища? Но сущность и предназначеніе комедіи, въ которую, будто въ зеркало, глядѣлся аѳинскій народъ, были постигнуты и исполнены у насъ прежде, чѣмъ Бомарше создалъ во Франціи, такъ называемую, «комедію нравовъ;» Фонъ-Визинъ представилъ въ Недоросль не одинъ характеръ, не забавную интригу прошлецовъ, а всю дурость, невѣжество и предразсудки тогдашняго закоснѣлаго помѣщичества; а такія живыя и вѣрныя картины мѣстности, времени и нравовъ составляютъ сокровище Исторіи, какъ комедіи Аристофана, оставшіяся не только по уничтоженіи аѳинскаго театра, но и самаго народа, единственными памятниками аттическаго ума, дурости, быта и разговорнаго языка.

(*) Главный эффектъ драмы въ перепетіи: Сидней въ отчаяніи рѣшается отравиться; вотъ, что объявляетъ ему вѣрный слуга:

Благодарю, сударь, всевышнюю десницу:
Не ядъ ты выкушалъ, а выкушалъ водицу.

Однако, эта водяная драма и такіе стихи не могутъ уменьшить великаго достоинства сочинителя Недоросля. Мольеръ писалъ Анакреонтическія блѣдно-розовыя комедіи-балеты; въ піесахъ Шекспира сходятся древній римскій консулъ съ италіянскимъ маркизомъ и корабли пристаютъ въ Богеміи, - а менѣе ли отъ того безсмертны творцы Тартюфа и Макбета?

щенный, *Разстроенная семья* и другія временныя творенія, напоминающія, своей политическою цѣлью, среднюю аѳинскую комедію (*). Ихъ сочинитель роскошными зрѣлищами, въ формѣ шекспировыхъ драматическихъ хроникъ, и передѣлкою его комедіи *Виндзорскія Проказницы*, подъ названіемъ *Корзины съ бѣльемъ*, видимо хотѣлъ распространить нашу сцену, сжатую по образцу парижской; но многообразный геній его, озабоченный судьбою народовъ, едва удосуживаясь пролетомъ на нее спускаться, не могъ совершенно успѣть въ явномъ желаніи своемъ. Между тѣмъ Яковъ Борисовичъ Княжнинъ, держась совершенно французскихъ правилъ, увлекалъ за собою и зрителей и сочинителей; онъ первый показалъ имъ прелесть искусныхъ стиховъ въ трагедіи комедіи его: *Хвастунъ* и *Чудаки* написаны хорошими, легкими и разговорными стихами, а »Дидона«, »Рославъ« и »Титово Милосердіе«, красотами сценической поэзіи сдѣлались классическими образцами нашихъ трагиковъ и комиковъ (**). Ефимьевъ удачно подражалъ ему въ комедіи *Братомъ проданная сестра*. А. Николевъ написалъ въ стихахъ же: *День рожденія стихотворца*, въ осмѣяніе умершаго Сумарокова (***), котораго стихотворство слышалось въ его трагедіяхъ. Николевъ написалъ ихъ нѣсколько; но »Сорока« одна имѣла заслуженный успѣхъ на театрѣ. Плавильщиковъ уже, такъ сказать, княжнинскими стихами, сочинилъ »Тахмисъ-Кулы-Хана« и »Всеслава«, а прозой »Ермака«, представленныхъ къ удовольствію публики. Онъ сдѣлалъ нѣсколько комедій. Гр. Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ, хорошій переводчикъ Вольтерова »Могомета«, былъ сочинителемъ случайной драмы въ стихахъ: *Россы въ Архипелагѣ*, не-игранной на публичномъ театрѣ. Александръ Ивановичъ Клушинъ написалъ не дурными стихами большую комедію: *Смѣхъ и горе*, и этотъ довольно-умный смѣхъ былъ по поламъ съ горемъ для благонамѣренныхъ зрителей, которыхъ слухъ оскорблялся сценическимъ выраженіемъ двусмысленныхъ остротъ; но Николай Ѳедоровичъ Эминъ, въ маленькой комедіи: *Не знаешь, не ревнуй, а знаешь, такъ молчи*, заставилъ молчать въ порядочномъ обществѣ и не очень застѣнчивыхъ людей о содержаніи и безпрестанныхъ экивокахъ его піесы, представляющей такое общество, которое никакъ не могло составиться, не только въ Петербургѣ, но и въ какомъ нибудь уѣздномъ городкѣ. Но послѣднюю комедію въ стихахъ, просіявшую въ концѣ 1-й эпохи нашего театра, можно, кажется, назвать первѣйшею, по важности ея содержанія и комической силѣ, не столько стиховъ, какъ дѣйствія. Это была *Ябеда*, сочиненіе Василья Васильевича Капниста, и если кто нибудь изъ нашихъ комическихъ поэтовъ заслуживаетъ названіе Русскаго Аристофана, то безъ сомнѣнія тотъ, кто, въ благородномъ негодованіи высокой души, торжественно сталъ на бой противъ гидры, пожиравшей достояніе вдовъ и сиротъ, противъ бездушія, ругающагося и небесными и земными законами. »Ябеда« была написана кипучею желчью сердца, оскорбленнаго адской неправдой; она явилась прежде *Лебедянской ярмарки* Алексѣя Даниловича *Копьева*, но представлена гораздо позже, по прика-

(*) Ихъ сочинитель, вотще скрывавшій свое безсмертное имя, проявилъ на рускомъ театрѣ роскошныя зрѣлища Олега и Игоря, въ подражаніе Шекспировымъ драматическимъ хроникамъ; но безъ притязанія на ихъ піитическое достоинство. Они написаны не для авторской славы и не для потомства, а по современнымъ обстоятельствамъ, для возбужденія народнаго духа, такъ же, какъ и сказочныя русскія оперы, что я постараюсь подробно объяснить въ обзорѣ русской драматической словесности.

(**) Владиславъ Александровичъ Озеровъ учился стихотворству въ Кадетскомъ Корпусѣ, у Я. Б. Княжнина.

(***) При представленіи сей комедіи, въ первый разъ послышался въ русскомъ театрѣ мстящій за Сумарокова свистъ. Говорятъ, что онъ раздался изъ ложи дочери его, К. А. Княжниной, и повторился во многихъ мѣстахъ и многими зрителями, оскорбленными порганіемъ отца нашего театра, который еще тогда не такъ устарѣлъ, какъ нынче, и заслуги его оцѣнялись по принесенной имъ пользѣ, а не по сравненію съ тѣми, кому онъ же проложилъ путь въ храмъ славы, гдѣ уже онъ занялъ неотъемлемый у него уголокъ, какъ первый и не-бездарный нашъ трагическій поэтъ, и основатель театра.

запію Императора Павла Петровича; потомъ опять подпала подъ запрещеніе, и снова позволена при Александрѣ 1-мъ остаться на нашемъ театрѣ, пока «Ябеда» и театръ будутъ существовать; а «Лебедянская ярмарка», очень веселая комедія, удостоенная одобренія Двора и публики, уже никогда не возвратится на сцену; и вотъ почему первое есть и будетъ всегда горько-забавной картиной, писанной на мѣди, хотя нѣсколько небрежно, но яркими красками, и врѣзанною силою комическаго дара въ скрижали, не только русскаго бытописанія, но въ исторію человѣчества, въ которой, съ образованія гражданскаго общежитія, демонъ ябеды не переставалъ дѣйствовать, и сохранялъ неизмѣнное свойство свое съ греческою судебной клюкой въ римской тогѣ, подъ прокурорскимъ парикомъ въ подъяческой ощипанности нашихъ прежнихъ приказныхъ, и съ статской шпагой нынѣшнихъ канцелярскихъ дѣльцовъ; такъ въ вѣрномъ изображеніи ея сущности найдется сходство у всѣхъ народовъ и во всѣ времена; а вторая, т. е. «Лебедянская ярмарка», смѣшная карикатура мѣстныхъ и проходящихъ странностей, нарисованная цвѣтными карандашами на почтовой бумагѣ, которую время стираетъ въ прахъ и перелетный вѣтеръ разноситъ; но ей не даромъ улыбнулась Великая Екатерина, доказавшая на дѣлѣ высокое понятіе свое объ истинной цѣли театра; ее развеселило хотя и слабое напоминаніе *Недоросля* въ осмѣяніи тѣхъ глупостей, которыя не подлежатъ строгости законовъ, и это исполненіе обязанности сочинителя комедіи было награждено драгоцѣннымъ поларкомъ; но за вторую піесу того же автора (*) она пожаловала ему очень-хорошо переплетенное сочиненіе Батте «О драматической словесности», желая, кажется, напомнить ему, что комедія должна выставлять на позоръ не частныя лица, не извѣстныхъ людей, а общіе нравы или отличительные пороки и странности. Холодный пріемъ этой явной личной комедіи публикою согласовался съ мудрымъ мнѣніемъ Императрицы.

Въ разные годы 1-й эпохи нашего театра показывались и скрывались нѣкоторыя попытки въ трагедіи, не оставившія по себѣ никакихъ воспоминаній, и не подвинувшія впередъ наше театральное дѣло, почему, кажется, безъ зазрѣнія совѣсти можно къ нимъ примѣнить стихъ великаго Корнеля: Le reste ne vaut pas l'honneur d'être nommé, и оставивъ ихъ покойно почивать непросыпнымъ сномъ (*), обратиться къ самородному новой Европы зрѣлищу, въ которомъ пѣніе служило сначала помощію поэзіи, а потомъ заглушило ея вдохновеніе чувственнымъ обольщеніемъ слуха.

Неимовѣрно-быстрые успѣхи русскаго толка, смѣтливости и досужства во всѣхъ отрасляхъ ново-европейскаго просвѣщенія оказались у насъ при самомъ началѣ театра, ко-

(*) *Что наше, того намъ и не надо*, комедія въ одномъ дѣйствіи, представляла въ карикатурѣ обычный бытъ, извѣстныя причуды и мелочныя странности одной изъ уважаемыхъ придворныхъ особъ такъ явно, что неможно было ошибиться въ намѣреніи автора позабавить общество, которое онъ привыкъ тѣшить своимъ остроуміемъ на счетъ его собесѣдниковъ и знакомыхъ; но Императрица и зрители не были изъ сего общества, и всякій драматическій авторъ, пишущій для своихъ знакомыхъ, не угодитъ незнакомой ему публикѣ.

(*) Къ числу сихъ попытокъ я, по-справедливости, долженъ причесть и мою. На 18-мъ году отъ рожденія, не обучась ничему порядочно, и пописывая кой-какъ стишки, я бросился на театральное поприще. Успѣхи комедій въ стихахъ меня восхитили, и мнѣ захотѣлось потѣшить мое самолюбіе рукоплесканіями, которыя въ то время раздавались въ партерѣ и въ райкѣ за такія остроты, которыя сами рукоплескатели совѣстились повторять, при сестрахъ и дочеряхъ своихъ, и я, право, еще смиренный юноша, соблазнился дурными примѣрами и легкостью средствъ прослыть авторомъ, написалъ стихами комедію въ одномъ дѣйствіи (*Женская шутка*); она понравилась мужчинамъ, распотѣшила зрителей съ высокихъ мѣстъ; меня, что тогда была рѣдкость, вызвали; но къ счастію, комедія моя была дана въ 1796 году, и распыхъ моего авторства былъ притушенъ требованіемъ службы; перо замѣнилось ружьемъ, и я имѣлъ время поначитаться и познакомиться съ людьми истинно-просвѣщенными; отчего первымъ моимъ подвигомъ было, по вступленіи моемъ въ управленіе Русскимъ театромъ, сожженіе моей слишкомъ-удачной комедіи, именно за то, чѣмъ она имѣла успѣхъ и чего я старался всегда не допускать на нашу сцену, чтобы не препятствовать благоразумнымъ матерямъ возить въ театръ дочерей своихъ.

торый во всѣ времена и во всѣхъ странахъ былъ и будетъ термометромъ общественнаго образованія. Ѳ. Г. Волковъ, со молодыми товарищами своими, довершившими образованіе въ Кадетскомъ Корпусѣ, и съ отысканными и образованными имъ столь внезапными актерами вдругъ составилъ русскую труппу, которая при управленіи Сумарокова (*) и В. И. Бибикова, по увѣренію просвѣщенныхъ современниковъ и судя потому, что я самъ еще изъ нея засталъ, соперничала съ выписанною въ Петербургъ французской комедіей, лучшей въ Европѣ, послѣ парижской; но если эту скороспѣлость нашихъ дарованій въ исполнительномъ искусствѣ можно приписать чрезвычайной переимчивости Рускихъ; то къ чему же должно причесть драматическое творчество, и въ самомъ подражаніи чужому проявившее собственную самобытность, сперва въ комедіи Фонъ-Визина, потомъ въ операхъ Аблесимова (**), который, можетъ быть, желая только перенять то, что онъ видѣлъ или зналъ, сдѣлалъ то, чего онъ не могъ ни знать, ни видѣть, и природный даръ его, также какъ и Фонъ-Визина, упредилъ тѣхъ, за кѣмъ онъ слѣдовалъ. Аблесимовъ выхватилъ изъ народа *Мельника колдуна и свата*, пустилъ его прямо на сцену, заставилъ пѣть замысловатые стихи на голосъ русскихъ пѣсень, и представилъ зрителямъ ихъ деревенскій бытъ въ свѣжей прелести русскаго своедѣла, и отъ него-то «Мельникъ» и «Недоросль» никогда немогутъ приглядѣться, хотя на нихъ глядятъ уже слишкомъ 60 лѣтъ. Въ подражаніе Мельнику, князь Дмитрій Петровичъ Горчаковъ очень забавно сочинилъ *Счастливую тоню* и *Ягу-бабу*; С. К. Вязмитиновъ *Кузнеца*; потомъ нѣкто Матинскій,— *Гостиный дворъ*; но должно отдать справедливость Алексѣю Ѳедоровичу Малиновскому, что его *Старинныя святки* живѣе другихъ напоминаютъ святую Русь. Мельникъ наролилъ, сверхъ-того, еще не мало дѣтей, по большей части умиравшихъ тотчасъ или вскорѣ по своемъ рожденіи (*); только одинъ изъ нихъ, правда, родившійся отъ брака съ Француженкой, живетъ долго, здорово и весело, по милости своего крестнаго отца—это «Петербургскій сбитенщикъ», перекрещенный изъ «Сивильскаго Цирульника (**). Я. Б. Княжнинъ, желая упрочить нашему театру все, что находилъ достойнымъ подражанія на иностранныхъ, а особливо на французскомъ, старался обрусивать не только многія мѣста, но и цѣлыя содержанія піесъ, взятыя имъ изъ лучшихъ чужеземныхъ твореній (***). Его образованное

(*) Трагедія наша, прямо перенесенная съ французскаго театра Сумароковымъ, хотя гораздо послѣ, но также возникла въ дивной ея красѣ собственно русскимъ даромъ Озерова; можетъ быть, первые спинки ея съ парижскихъ образцевъ, не вдругъ возбудили наше піитическое творчество, потому что ихъ плаксивая нѣжность не отзывалась въ русскомъ сердцѣ и не укоренилась въ народномъ понятіи, которое гораздо сходнѣе съ древнимъ греческимъ, чѣмъ съ ново-европейскимъ, что доказано чрезвычайнымъ успѣхомъ «Эдипа въ Аѳинахъ».

(**) *Мельникъ* неоспоримо есть первая собственно русская комедія-водевиль; самое названіе его оперою доказываетъ, что Аблесимовъ не зналъ и не могъ знать французскихъ комедій-водевилей, недавно замѣнившихъ старые водевили; они безразговорно всѣ пѣлись на извѣстные голоса, какъ нашъ *Федулъ съ дѣтьми*, которымъ сочинитель, рожденный не въ Россіи, но обрусѣлый благотворною любовью къ нашему отечеству, хотѣлъ показать совершенное знаніе свое русскаго народнаго быта, обычаевъ и даже поговорокъ.

(*) Здѣсь подразумѣваются только тѣ народныя оперки, которыя появлялись на русскомъ театрѣ до 1801 года, въ подражаніе Мельнику, съ набранною изъ пѣсенныхъ голосовъ музыкою. Одинъ изъ нихъ послужили явнымъ доказательствомъ разности между умомъ и дарованіемъ. Очень умный и просвѣщенный человѣкъ, по грѣхамъ его, сдѣлалъ такую же оперку *Ямщикъ на подставѣ*; природный умъ автора какъ-то не пришелся по сценѣ, можетъ быть, за недостаткомъ воображенія. *Ямщики не удержались на подставѣ*, и шутка одного изъ нихъ обратилась на бѣду сочинителя. Кто-то изъ наскучившихъ забавниковъ, поднявъ хомутъ, спросилъ на сценѣ своихъ товарищей, кому-то онъ въ пору: а злодѣй партеръ закричалъ: *автору*, и бѣдный авторъ, «за свой же трудъ—попалъ въ хомутъ».

(**) П. А. Плавильщиковъ въ критику оперы Княжнина сдѣлалъ хорошенькую комедію: *Мельникъ и сбитеньщикъ соперники*, которая, независимо отъ ея прнаровленія, долго нравилась публикѣ.

(***) Подробное изложеніе свойства и цѣли сочиненія Я. Б. Княжнина и другихъ театральныхъ писателей, здѣсь упомянутыхъ, будетъ доставлено издателю «Репертуара Русскаго Театра» въ обзорѣ нашей драматической словесности.

классическомъ ученіемъ поэтическое дарованіе, при высокомъ умѣ, принесло большую пользу нашей драматической словесности и театру. Онъ первый ввелъ на него италіянскую оперу, приноровя къ ея формѣ прекрасную комедію Бомарше, и это замысловатое пересочиненіе, съ музыкой, сдѣланной для него г. Буланомъ, образовали нашу музыкальную оперу; кромѣ *Сбитенщика* Княжнинъ написалъ еще *Несчастіе отъ каретыи Скупаго*, а сочинитель *Оболщеннаго* и *Олега* воспользовался русскими сказками, содержаніями Ивана Царевича и Горя Богатыря, и для сцены, и для политическихъ намековъ, и въ угодность сочинителю, Сорти и Мортини, знаменитые капельмейстеры, бывшіе при Дворѣ Екатерины II, украсили ихъ своими превосходными дарованіями; но полное существованіе русской оперной труппы основалось уже послѣ переводными италіянскими буфонствами, и они, также, какъ и другіе переводы, служившіе къ измѣненіямъ цѣли нашей драматической словесности, займутъ хронологическимъ порядкомъ мѣста въ сей лѣтописи.

Сказавъ, что считалъ я нужнымъ, о русскихъ сочинителяхъ и сочиненіяхъ, обращаюсь къ театральному управленію и ходу зрѣлищъ.

Учрежденный въ 1784 году, подъ предсѣдательствомъ Адама Васильевича Олсуфьева, Комитетъ Театральной Дирекціи раздѣлилъ членамъ своимъ управленіе русскими и иностранными спектаклями, балетомъ, оркестромъ, конторою и хозяйственными оборотами, подчиня всеобщему собранію; но эта коллегіяльная или совѣщательная форма, неоспоримо превосходная въ государственныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, гдѣ власть управляющихъ не можетъ зависѣть отъ каприза управляемыхъ, въ театрѣ не посчастливилась; самыя благоразумныя положенія Комитета были вмигъ разрушаемы непокорностью раздражительнаго самолюбія его подчиненныхъ и криками ихъ покровителей; часто, какъ случается во всѣхъ театрахъ, хозяйственный разсчетъ на сборы, благоразумно-устроенный ходъ зрѣлища, уничтожались зубною болью актера (*). Неосторожныя погулки пѣвца, ревность актрисъ, зависть танцовщицъ, словомъ, совѣщательное правленіе хаосомъ разныхъ языковъ, личныхъ видовъ и выгодъ, безразсудныхъ требованій и подысковъ, не только мужчинъ, но даже женщинъ, не соотвѣтствовало премудрому изреченію величайшаго законодателя: Понеже въ одномъ человѣкѣ не безъ пристрастія есть, того для учреждаемъ коллегіумъ; напротивъ, въ Театральномъ Комитетѣ пристрастіе каждаго члена къ своей особой части и ея принадлежностямъ вредило общему дѣлу. Раздѣльныя власти превратились въ соперничества, возбуждали пренія, даже споры, и оправдали старую русскую пословицу: у *семинянекъ дитя безъ глаза*, которую, какъ я слышалъ отъ театральныхъ стариковъ, сказала сама Императрица при уничтоженіи Комитета, и въ 1786 году театръ переданъ вѣдѣнію управляющаго Комитетомъ, Степана Ѳедоровича Стрекалова.

Во время комитета, Черниковъ (В), превосходный актеръ въ роляхъ слугъ, замѣнилъ В. Волкова, уѣхавшаго въ Москву съ Лапинымъ, на чье мѣсто поступили сперва Шушеринъ (Б), а потомъ Плавильщиковъ (Д), въ помощь устарѣлому Дмитревскому. Воспитанникъ Академіи Художествъ Сусловъ вошелъ вмѣстѣ съ Черниковымъ на комическія вторыя роли, въ комедіи и въ операхъ, еще кое-какъ составляемой изъ посредственныхъ драматическихъ актеровъ, но вовсе не музыкантовъ.

(*) Во время управленія моего придворными спектаклями, я испыталъ, что дѣйствія Директора больше зависятъ отъ его подначальныхъ, чѣмъ они отъ него, и я припомнилъ въ доказательство того одинъ случай, можетъ быть, забавный, только не для меня, тогда: Дирекція приготовила очень желаемую публикой французскую піесу; но въ самый день представленія рано поутру, вбѣгаетъ ко мнѣ режиссеръ и говоритъ, что спектакль не можетъ идти. — Отчего? — Ларошъ (первый актеръ) совсѣмъ безъ зубовъ. Боже мой! да какъ это могло случиться? — Онъ разломилъ верхнюю челюсть. — Какое несчастіе! — Не пугайтесь, онъ послалъ ее къ дантисту; къ воскресенью починятъ. — И тутъ мнѣ объяснилось, что у Ларошa оба ряда зубовъ были вставные; это открытіе хотя меня поуспокоило на будущее время, но комедію должно было перемѣнить, что конечно было очень хлопотно для меня и непріятно для публики.

Степанъ Ѳедоровичъ Стрекаловъ, очень разумный, распорядительный и свѣдущій начальникъ Кабинета, но не страстный любитель театровъ, кромѣ италіянскаго (*), и небольшой знатокъ въ театральной словесности и искусствѣ, при томъ же обремененный управленіемъ Кабинета и всѣми его обширными завѣдываніями, не могъ долго переносить ввѣреннаго ему начальства надъ самыми неугомонными, капризными и проказными подчиненными, которые, кромѣ своего, по большей части ничтожнаго, таланта, но всегда безмѣрнаго самолюбія, и своихъ прихотей и корысти, никого и ничего знать не хотятъ; ему наскучило быть безпрестаннымъ угодителемъ самой прихотливой, взыскательной и настойчивой барыни-публики; въ то время, когда въ многосложномъ вѣдомствѣ Театральной Дирекціи находились русскія трагедія, комедія и призракъ оперы, французская трагедія и комедія, италіянская опера серьезная и буффа,-балеты, большіе пантомимные и маленькіе или гротескъ, со всѣми ихъ принадлежностями, начальствами, прислугой и расходами, когда давались вседневно разноязычныя представленія на большомъ (каменномъ) и маломъ (деревянномъ театрѣ и два раза въ недѣлю при Дворѣ, зимою въ Эрмитажѣ, а лѣтомъ въ Царскомъ селѣ, надобно быть самому Директоромъ (**) театра, чтобы понять горькое положеніе почтеннаго старика, поставленнаго, не по его страсти, мишенью съ одной стороны прихотей, покровительствъ, пристрастія, притязаній къ занятію охотниковъ до театра, и къ славѣ бездарныхъ авторовъ, словомъ, всѣхъ неразсудительныхъ взысканій публики; съ другой своекорыстія, зависти, причудъ, самохвальства и безумныхъ требованій всѣхъ театральныхъ дѣйствователей, нынѣ безъ разбора называемыхъ »артистами«; никто вѣрнѣе, даже и страстнаго къ драматической словесности и сценическому искусству управляющаго театрами, не можетъ чувствовать достоинства Грессетовыхъ стиховъ на вредящихъ низкихъ искателей, безсмысленныхъ покровителей, вздорныхъ сочиненій и мишурныхъ репутацій (*).

Въ 1788 году, Ст. Ѳ. Стрекаловъ испросилъ у Императрицы увольненіе отъ Дирекціи театровъ, оставленной имъ въ блестящемъ состояніи. Французская труппа считалась лучшей послѣ первой парижской; италіянская опера еще существовала; ученый Сарти замѣнилъ Чиморозо; Гонзаго украшалъ сцену завидными для всей Европы декораціями; машины Бриганци славились; костюмы были обогащены пожалованными Императрицею роскошными гардеробами Ея двухъ Царственныхъ Предшественницъ, для великолѣпнаго представленія *Олега*, который былъ данъ уже при замѣстившихъ С. Ѳ. Стрекалова. Русскій репертуаръ, еще скудный сочиненіями, оживлялся переводами классическихъ французскихъ твореній, съ которыми вкрались въ него нѣкоторыя отступленія отъ піитическихъ родовъ, т. е. мѣщанскія трагедіи »Беверлей« и »Безбожный« и слезная комедія »Евгенія« »Французскій отецъсемейства«. Русская драматическая труппа хотя и лишилась всѣхъ первыхъ актеровъ,

(*) Разсказываютъ, что онъ предложилъ, чрезъ принятаго въ службу нашей Театральной Дирекціи славнаго капельмейстера Чамороза, первый тогда италіянской пѣвицѣ, Габріелѣ, вступить на петербургскій театръ. Она потребовала 12,000 рублей жалованья въ годъ, съ квартирою, столомъ, экипажемъ, словомъ, со всѣмъ содержаніемъ на счетъ Дирекціи; Директоръ возразилъ, что фельдмаршалы его Государыни не получаютъ такого оклада; а надменная пѣвица отвѣчала: »Ваша Великая Государыня можетъ дѣлать фельдмаршаловъ сколько ей угодно, а Габріела одна въ свѣтѣ«; и *единственная* Габріеля осталась въ Италіи.

(**) Одинъ изъ славныхъ французскихъ маршаловъ говаривалъ, что онъ скорѣе согласится управлять тремя арміями, чѣмъ однимъ театромъ. Эти слова одни приписываютъ великому Конде, а другіе Герцогу Ришелье, что кажется вѣроятно, потому, что онъ по придворному чину своему: Premier gentilhomme de la chambre, управлялъ въ свою очередь театромъ; но если это и выдумка, то можно къ ней сказать италіянскую поговорку.

Se non e vero, e ben Trovato.

(*) Des protegès si bas, des protecteurs si bêtes,
Des ouvrages vantés, qui n'ont, ni queue ni tête,
Des réputations, je ne sais pourquoi,...

Эти стихи очень удачно переведены П. А. Катенинымъ въ комедіи, передѣланной имъ изъ Грессетовой *Le mechant*, подъ названіемъ *Сплетни*, но они не напечатаны, а рукописи ея у меня нѣтъ, потому я не могъ ими замѣнить французскаго подлинника.

кромѣ устарѣвшаго Дмитревскаго, почти ослѣпшаго Шумскаго и еще все бодрой А. М. Михайловой, но замѣнившіе ихъ хорошіе актеры утѣшили публику о потерѣ лучшихъ. Только настоящее не обезпечивало будущаго: трудное и, можно сказать, случайное замѣненіе актеровъ, а еще болѣе актрисъ, которыхъ почти невозможно было найти въ народномъ быту нашемъ, по тогдашнему воспитанію и предразсудкамъ противъ комедіянства, угрожали изнуреніемъ и совершеннымъ паденіемъ русскаго театра, не поддерживаемаго новыми дарованіями.

Императрица поручила управленіе театромъ двумъ своимъ докладчикамъ (*), А. В. Храповицкому и П. П. Сойманову; они, усмотря недостатокъ въ хорошихъ пѣвцахъ, насильственно-существующей русской оперы и угрожающее нашей сценѣ безъ-актерство, тотчасъ занялись преобразованіемъ учрежденнаго В. И. Бибиковымъ Театральнаго Училища, и назначили смотрителемъ и преподавателемъ актерскаго искусства И. А. Дмитревскаго; учителемъ пѣнія Испанца Мартини, котораго игривая италіянская музыка была въ большой модѣ, а ученѣйшаго изъ своихъ современниковъ, Сарти, обязали имѣть попеченіе о всей музыкальной части (**). Въ едва устроенномъ Училищѣ, съ быстротой, виданной только въ Россіи, появилась и образовалась опера; но уже по увольненіи А. В. Храповицкаго и подъ директорствомъ одного Соймонова Дмитревскій и Мортини представили Двору и публикѣ своихъ учениковъ и свои дарованія въ *Діанинѣ древѣ* и *Рѣдкой вещи*, въ операхъ перевода Дмитревскаго, съ музыкой Мартини. Чрезвычайный успѣхъ увѣнчалъ ихъ труды. Воспитанница Лизанька (потомъ прекрасная актриса Сандунова) вскружила головы придворной и гвардейской молодежи прелестью игры и пѣнія, а болѣе еще облетомъ искрометнаго взгляда по всѣмъ зоркимъ глазамъ и самонадѣяннымъ сердцамъ, и этотъ взглядъ, можетъ быть, пріостановленный не на молодомъ сибаритѣ вельможѣ, надѣлалъ много шума и хлопотъ въ театральномъ свѣтѣ. Другія воспитанницы Театральнаго Училища: Каролина Янковская (Дуняша), еще тогда не Воробьева, Наталья и Маша Айвозовы, произвели сильное дѣйствіе въ сердцахъ статскихъ зрителей, не очень нажныхъ на свои средства къ плѣненію лукаваго Амура, не пойманнаго золотой сѣткой (*). Новость на русскомъ театрѣ италіянскаго пѣнія, прелест

(*) Званія и должность докладчиковъ соотвѣтствуетъ нынѣшнимъ Статсъ-Секретарямъ.

(**) Степанъ Ивановичъ Давыдовъ, сочинитель прелестной музыки Русалокъ и другихъ маленькихъ оперъ, воспитанникъ Сарти. Но прежде его, появились дарованія русскихъ музыкальныхъ сочинителей Скокова и Фомина; только въ Италіи, куда они были посланы для усовершенствованія ихъ искусства; но ни тотъ, ни другой не оставили въ Россіи никакихъ памятниковъ ихъ талантовъ, и путешествіе въ Италію, кажется, никому изъ Русскихъ, кромѣ славнаго Бартнянскаго, не посчастливилось.

(*) Такъ прозвали тогда Сандунову, появившуюся на сценѣ Амуромъ, въ *Діанинѣ древѣ*, и не поддавшуюся обольщеніямъ очень-умнаго, богатаго и сластолюбиваго вельможи. Актеръ Сандуновъ, пролазъ на сценѣ и за кулисами, влюбилъ въ себя заворожительницу Лизаньку: она согласилась выйдти за него замужъ по выпускѣ изъ школы; но этотъ выпускъ задерживался. Сандуновъ вывѣдалъ отъ своей нѣвѣсты о предложеніяхъ вельможи, смекнулъ, въ чемъ дѣло, и какъ Фигаро (котораго онъ удачно представилъ), взбѣсился отъ ревности, упросилъ пріятеля стихотворца сочинить сатиру въ родѣ извѣстнаго монолога комедіи Бомарше, для потѣхи своей злобы, и жалобу на Дирекцію, удерживающую отъ законнаго супружества его невѣсту, которую научилъ, при первомъ представленіи русской оперы въ Эрмитажѣ, подать самой Императрицѣ, что и было исполнено съ колѣнопреклоненіемъ и рыданіемъ. Екатерина тотчасъ узнала, въ чемъ дѣло, приказала немедленно выпустить безкорыстную пѣвицу изъ школы прямо подъ вѣнецъ, пожаловала ей на приданое и даже Директоръ вскорѣ смѣнился. Этого было довольно для любви и мало для злобы Сандунова; онъ, вопреки постановленіямъ Театральной Дирекціи, послѣ комедіи, въ которой разсабавилъ публику, вышелъ впередъ, раскланялся публикѣ, и вмѣсто объявленія о завтрашнемъ спектаклѣ, прочелъ не очень благопристойную пріятельскую сатиру. Его Дирекція наказала посаженіемъ подъ караулъ, а онъ ей отомстилъ увозомъ въ Москву жены своей, которая черезъ 15 лѣтъ, брошенная невѣрнымъ мужемъ, возвратилась въ Петербургъ, хотя не съ прежнею свѣжестью лица и голоса, но съ большимъ искусствомъ въ пѣніи и съ усовершенствованнымъ дарованіемъ по драматической части.

доморощенныхъ пѣвицъ, красота декорацій, костюмовъ и всѣхъ принадлежностей къ зрѣлищу и необыкновенно сообщительная веселость воспитанника Е. Воробьева, оживили русскую сцену, обрадовали русскія сердца; но они смѣнили русскій толкъ безсмыслицей и незастѣнчивостью италіянскаго буфонства; но Театральному Училищу, очаровавшему до одуренія страстныхъ къ музыкѣ и пристрастныхъ къ прекрасному полу зрителей, прелестными пѣвицами, не посчастливилось въ пѣвцахъ; два тенора, Камушковъ и Шараповъ, приводили въ отчаяніе ихъ учителя Мортини; отъ перваго онъ не могъ добиться трехъ верхнихъ, а отъ втораго нѣсколькихъ нижнихъ нотъ, отчего страдала его музыка, и онъ уговорилъ Директора помѣстить въ русскую оперу, оставшагося по увольненіи италіянской, пѣвца Жермони, который голосомъ тѣшилъ, а словами мучилъ русскія уши, не дѣлая однако жъ своимъ невнятнымъ выговоромъ большаго вреда нашей словесности; стихи, приготовляемые къ нотамъ, ничего не теряли (*), а пропажа прозы оказалась незавидной находкой въ рѣчистомъ произношеніи его замѣстителя, актера Петрова (**). Этотъ давнишній драматическій декламаторъ, пустяся на *авось*, пѣлъ *коекакъ*, что ему наигрывали на скрипкѣ, и публика, отъ *нечего дѣлать*, смиренно слушала его досужство; но слишкомъ рѣчистое произношеніе его траги-комическимъ напѣвомъ переведенныхъ и присочиненныхъ двусмысленностей, срамящихъ нашъ языкъ и театръ, возбудило безстыдныя рукоплесканія слишкомъ-догадливыхъ, но не очень нравственныхъ зрителей (*). Не смотря однако жъ на недостатокъ пѣвцевъ и безсмысленность піесъ, опера буффа владѣла русскимъ театромъ къ двойному вреду его: она пріучила толпу нашей публики къ безотчетному удовлетворенію лѣнивой, даже и думать, праздности, пустодѣльнымъ шутовствомъ, и чувственной потѣхой глазъ и ушей отвлекла отъ благородныхъ наслажденій ума и сердца драматическаго театра, не только зрителей, но и писателей, могущихъ сдѣлать пользу и ему и русскому слову. Успѣхи появленія чужаго намъ зрѣлища вскружили умныя головы. Кромѣ И. А. Дмитревскаго и Ивана Ивановича Вѣени, ученаго секретаря Медицинской Академіи и записнаго переводчика италіянскихъ подѣлокъ для капельмейстеровъ, Василій Васильевичъ Хомяковъ и другіе даровитые стихотворцы не пожалѣли своихъ талантовъ на угожденіе причудливой модѣ. Діанино древо, Рѣдкая вещь, Школа ревнивыхъ, Венеціянская ярмарка, Хитрая любовница, Служанка-госпожа, Князь Трубочистъ, и другія буфонства, торжественно насмѣхались надъ опустѣлостью разумнѣйшаго, благороднѣйшаго, а потому и полезнѣйшаго изъ всѣхъ общественныхъ увеселеній. Старин-

(*) Одинъ изъ нашихъ новыхъ оперныхъ переводчиковъ поссорился съ пѣвцомъ за то, что онъ слишкомъ внятно произносилъ его стихи.

(**) Иванъ Петровичъ Петровъ, воспитанникъ Академіи, поступилъ еще на Придворный Театръ, въ замѣнъ товарища Волкова, посланнаго въ чужіе края В. Попова, перешедшаго, по утучненіи, на роли благородныхъ отцевъ, до совершенной старости представлялъ молодыхъ любовниковъ въ трагедіяхъ, комедіяхъ и операхъ, а прославился только ролью Кутейкина, назначенной ему самимъ сочинителемъ Недоросля; но должно отдать справедливость прекрасному свойству и усердію къ своей должности И. П. Петрова, бывшаго потомъ надзирателемъ Театральнаго Училища, и конечно лучшимъ послѣ Рахманова, актера, любимаго въ роляхъ Скотинина и Бригадира. Впрочемъ, кто былъ дуренъ въ комедіяхъ Фонъ-Визина? Хорошій авторъ творитъ хорошихъ актеровъ.

(*) Нашу, или насильственно привитую къ намъ оперу-буффа можно назвать развратительницей цѣломудрія русскаго театра. Въ ней появились, какъ говаривали наши предки, «гнилыя слова», или, по нынѣшнему, эквивоки; если въ комедіяхъ Фонъ-Визина и Я. Б. Княжнина встрѣчались иногда нѣсколько вольные намеки, то они легко скользили въ быстромъ разговорѣ, заставляли улыбаться опытную смѣтливость, а не принуждали безчиннымъ хохотомъ и рукоплесканіемъ скромность краснѣть, а невинность любопытствовать; и такъ успѣхи италіяно-русскихъ уже не подразумѣваній, а плоскихъ обиняковъ, заразили уже тогда нашу театральную словесность и искусство, до совершеннаго безстыдства, что доказываютъ комедіи А. И. Клушина, Н. Ѳ. Эмина и другихъ покойниковъ, и страсть нагличать перешла было и къ актерамъ; Сандуновъ и подражатель его Старожевъ объясняли зрителямъ взглядомъ, усмѣшкой и даже жестами грязную замысловатость авторовъ, а иногда и свою собственную, и принудили Дирекцію употребить строгія мѣры, для удержанія ихъ послѣдователей отъ такого безчиннаго промысла рукоплесканій.

ная театральная занавѣсь съ надписью: »Польза отъ слезъ и смѣха«, отъ ветхости перемѣнилась новою, на которой бы должно написать: *Убійство времени или Потѣха праздности*; но торжество напѣвнаго шумства скоро миновалось, ея не самородная, а случайная прелесть исчезла (*). Сандунова уѣхала въ Москву, другія хорошія пѣвицы, или спали съ голоса, или, по разнымъ обстоятельствамъ, сошли со сцены; Петровъ отъ излишняго усердія совершенно охрипъ; Камушковъ вовсе обезголосилъ; Шарапова не встерпѣла публика, и только неизмѣнный Воробьевъ остался по прежнему забавнымъ весельчакомъ, но не пѣвцомъ, а, какъ говорятъ Французы, одна ласточка не дѣлаетъ весны, такъ и онъ одинъ не составилъ оперы, которую хотѣлъ новый Директоръ поддержать и вызвалъ очень пріятную пѣвицу и актрису домашняго театра Дмитрія Емельяновича Столыпина (**), В. Б. Новикову, прославившуюся въ Москвѣ подъ именемъ Вариньки Столыпинской (*); ея дарованіе поправилось зрителямъ, но не возстановило шаткую оперу буффу. Судьба ея нѣсколько похожа, только не по сущности своей, на сульбу Театральнаго Училища, учрежденнаго Бибиковымъ и преобразованнаго Соймановымъ: оно также не одинъ разъ процвѣтало и увядало, хотя всегда болѣе или менѣе было полезно нашему театру и, кажется, также, какъ Русская опера, не могла совершенно утвердиться до нынѣшняго столѣтія.

Въ 1790 году, Императрица на мѣсто П. А. Сойманова опредѣлила князя Николая Борисовича Юсупова, повелѣвъ Кабинету заплатить бывшіе на Дирекціи долги и отпускать на содержаніе театровъ, вмѣсто 120 т., по 180 т. въ годъ, и новый Директоръ, обязанный не выходить изъ сего ограниченія, учредилъ Театральную Контору, опредѣлилъ управляющаго ею, привелъ въ ясность расходы и доходы, для увеличенія и повѣрки сборовъ, передѣлалъ внутри каменный театръ, по образцу тогдашней Большой Парижской Оперы: половина партера первыхъ и вторыхъ ложъ превратились въ амфитеатръ, начинавшійся отъ ложи Императорской, выдвинувшейся на средину залы и возвышающейся уступами до третьяго яруса; первыя скамейки амфитеатра продавались особо, а прочія по заномерованнымъ мѣстамъ; партеръ раздѣлился желѣзными ручками на не просторныя кресла; актеровъ Плавильщикова и Шушерина, просившихъ или прибавки жалованья

(*) Въ Россіи все несвойственное ея самобыту не укореняется; но италіянское буфонство исчезло не отъ нашей нечувствительности къ прелестямъ музыки, а отъ его безсмысленности. Я старался доказать, въ небольшомъ сочиненіи моемъ, напечатанномъ, кажется, въ первомъ Альманахѣ (Полярная звѣзда) О врожденной способности нашего народа къ мелодіи и гармоніи. Согласно съ мнѣніемъ ученѣйшаго профессора музыки, Сарти, и знаменитаго композитора Боэльдіо, какой народъ можетъ похвалиться передъ нами разнообразностью нашихъ напѣвовъ и гармоніей простолюдимскихъ хоровъ. Самобытность русской голосовой музыки проявлена во всей красѣ, нашими соотчичами Давыдовымъ, Глинкой, Кашинымъ, Алябьевымъ, Варламовымъ, обрусѣлымъ Кавосомъ (создателемъ нынѣшней русской оперы); они, подчиняя общности музыкійскаго искусства напѣвы волжскіе, ямскіе и плясовые, свадебные, подблюдные, малороссійскіе и украинскіе, уже воспользовались сладкозвучіемъ разнородныхъ пѣсень нашего отечества, и можно ли нынче сомнѣваться, что русская опера, какъ и все въ началѣ, заимствованная, не сдѣлалась нашею собственностію, но не безъ сильной помощи поэзіи: мы не Италіянцы, которымъ бѣдствія ихъ прекрасной страны оставили только чувственныя наслажденія, которыми не довольствуются бодрые умы и души сильныхъ народовъ. Вотъ отчего мы видимъ, что переводныя съ италіянскаго оперы не держатся на нашихъ театрахъ. Русскій толкъ не надолго заглушается одною прелестью слуха.

(**) Опроверженіемъ распространеннаго чужелюбіемъ мнѣнія, что театръ въ Россіи не народная нужда, а насильственное введеніе, кромѣ начальнаго появленія въ семинаріяхъ и теремахъ, совершенно свободнаго рожденія въ Ярославлѣ, существованія за плату Книперова театра, можетъ служить разореніе многихъ помѣщиковъ на домашніе театры, какъ самое пріятнѣйшее наслажденіе ихъ охоты и гостепріимства; а нынѣшніе театры почти во всѣхъ губернскихъ городахъ отъ остзейскихъ провинцій до китайской границы — и наконецъ, кто изъ военныхъ людей не видалъ въ полкахъ, на святкахъ, гренадеръ-Синявовъ и флейщиковъ-Ильменъ: а о Мельникахъ и Сбитеньщикахъ и говорить нечего; ихъ даже и старинные подъячіе представляли.

(**) Она вскорѣ по закрытіи театра, во время траура 1796 года, вышла замужъ за извѣстнаго писателя, Н. И. Страхова, и заслуживала уваженіе всѣхъ его пріятелей и знакомыхъ.

или увольненія по разсчету опредѣленныхъ на русскій театръ суммъ, уволилъ въ Москву, что очень не понравилось публикѣ (*). На ваканціи уволенныхъ актеровъ и умершей актриссы К. Ѳ. Барановой, поступили, съ Казанскаго театра, пренесчастный трагикъ Константиновъ, и нѣжный любовникъ Рожественскій, (**) съ любовницею В. Г. Алексѣевой (***).

Въ 1792 году, Театральная Дирекція, не находя возможности опредѣленною ей суммою содержать большое Театральное Училище, выпустила еще остававшихся въ немъ воспитанниковъ, къ пополненію оркестра и балетовъ (****). Дмитревскій, изъ послѣднихъ театральныхъ воспитанниковъ, прибавя къ нимъ своихъ постороннихъ учениковъ и переведя на другія роли нѣкоторыхъ изъ прежнихъ актеровъ, составилъ молодую комическую труппу, которой прекрасная лицомъ, ростомъ и станомъ воспитанница Перлова (*) была настоящимъ перломъ. Она, при выпускѣ изъ школы, вышлазамужъ за совоспитанника своего, А. В. Каратыгина, хорошаго собой и довольно пріятнаго актера, показавшагося, какъ вешняя трава, изъ-за снѣга, покрывшаго голову предмѣстника его, И. П. Петрова, который такъ охолодилъ тридцать лѣтъ занимаемое имъ мѣсто, что всѣ вступающіе на него молодые театральные любовники не могли долго разогрѣться. Хорошенькая въ роляхъ молодыхъ любовницъ Кротова, очень посредственная служанка Вагнерова, недурной комическій старикъ Вагнеръ, и второй слуга Прокофьевъ, были послѣдними изъ Театральнаго Училища; къ нимъ присоединилъ Дмитревскій обученныхъ имъ, для ролей благородныхъ отцевъ, тульскаго актера Рыкалова (3) и первыхъ слугъ Сторожева; а Камушковъ помѣщенъ изъ прежде-выпущенныхъ воспитанниковъ на первыя роли, которыя онъ говорилъ хотя нѣсколько на распѣвъ, но гораздо лучше, чѣмъ пѣлъ въ операхъ, и эта молодая труппа, по новости своей, привлекла публику къ старымъ оригинальнымъ и переводнымъ комедіямъ, играннымъ, если не превосходно, то по-крайней-мѣрѣ съ большимъ вниманіемъ и раченіемъ, котораго не доставало въ старѣвшихся актерахъ, оставшихся отъ придворнаго Кипперова театра; но судьба внезапно послала, страстному по своему искусству, Дмитревскому возстановителя русской трагедіи—и увы! поддержателя нѣмецкой драмы, славнаго Яковлева (**). Къ важнымъ услугамъ

(*) На сіи перемѣны появилась тогда эпиграмма, отъ сочиненія которой актеръ Плавильщиковъ отрекался; вотъ она:

С.... д.... новый
Партеръ въ раекъ пересадилъ,
Актеровъ лучшихъ распустилъ
И публику сковалъ въ оковы.

Тогда же разсказывали, что какой-то толстый Англичанинъ взявъ рядомъ два билета въ партеръ, выломилъ желѣзную перегородку и просидѣлъ весь спектакль одинъ на обоихъ мѣстахъ; я не увѣряю въ справедливости этого разсказа; мало ли что на Англичанъ выдумываютъ? только вскорѣ желѣзныхъ перегородокъ не стало.

(**) Очень-хорошая актриса, и первая на театрѣ плясавшая прелестно по русски. Катерина Ѳедоровна Баранова, долго, для удовольствія двора и публики, представляла въ комедіи молодыя первыя роли и принцессъ въ трагедіи; по смерти ея, двѣ актрисы, запавшія ея амплуа, скоро оставили сцену, вышедъ замужъ за чиновныхъ людей; одна изъ нихъ была племянница Авдотьи Михайловны Михайловой, а другая Батурина.

(***) Вѣра Григорьевна Алексѣева чрезъ нѣсколько времени была разжалованна изъ принцессъ въ наперсницы и во вторыя комическія старухи.

(****) Князь Н. Б. Юсуповъ любилъ италіянскую оперу, но не хотѣлъ принять привезенную антрепренеромъ Остарати труппу на расходы Дирекціи, а взялъ ее на собственный страхъ, и выдалъ антрепренеру отъ себя знаменитую сумму. Наложенный трауръ по кончинѣ Императрицы, вскорѣ по открытіи италіянскаго спектакля, ввелъ его въ важный убытокъ, а Дирекція выиграла капельмейстера Кавоса, пріѣхавшаго съ сей труппой изъ Венеціи.

(*) Александра Дмитріевна Каратыгина, одаренная благородной наружностью и рѣдкой чувствительностью, оказала въ началѣ пріятную комическую веселость; но ея истинныя дарованія обнаружились въ драмѣ; роли въ піесахъ Коцебу—Амаліи, Эйлаліи, Коры, Берты, и другія, требующія сердечной теплоты, увѣнчивали ее незабвенными успѣхами; она была слабѣе въ трагедіяхъ, но всегда болѣе или менѣе доставляла удовольствія публикѣ, и осталась, до самой старости, ея любимицей.

(**) Біографія Алексѣя Семеновича Яковлева, знаменитаго актера и хорошаго стихотворца, не одинъ разъ уже напечатана, и мнѣ остается только сказать, что онъ изъ сидѣльцевъ гостинаго двора, вдругъ переродился въ прекраснаго трагическаго

престарѣлаго ровесника нашего театра должно причесть превращеніе Х. Ф Рахмановой, самой жалкой любовницы, въ превоеходную, умную и презабавную комическую старуху молодой труппы, проблеснувшей на русской сценѣ по освобожденіи ея отъ нашествій оперы-буффа. Но то, что показалося зарею свѣтлаго дня для русскихъ драмматическимъ поэтовъ, былъ только отблескъ закатившагося солнца, ло будущаго утра.

На бѣду русскаго или еще полурускаго театра, вдругъ перевернулся обычный ходъ нашей перемѣнчивости, хотя прочія моды все еще шли своимъ порядкомъ изъ Франціи чрезъ Петербургъ.

Спектакльная мода какъ-то пробралась изъ Германіи, черезъ Москву, въ Петербургъ и на нѣмецкой манеръ ослезила его театръ: вотъ отчего и какъ это случилось.

Природное дарованіе московскаго актера Померанцова, слабое въ стихотворныхъ трагедіяхъ, но очень сильное въ прозаическихъ или «какъ тогда называли, мѣщанскихъ», и особенно въ слезныхъ комедіяхъ, произведенныхъ Дидротомъ въ драмы, которыхъ нововведеніе было прославляемо энциклопедистами. Истина чувствъ и выраженій чадолюбія, вырываясь изъ сердца актера Померанцова проникали въ сердца зрителей. Евгенія Бомарше, Отецъ Семейства Дидрота, Зоя и Уксусникъ драматурга Мерсье, первыя потѣхи простонародной гордости, были играны въ Петербургѣ не безъ успѣха; но въ Москвѣ дарованіе Померанцева, ихъ одушевлявшее, приводило въ восторгъ публику, и внушило желаніе, тогда еще молодому, Карамзину перевести съ нѣмецкаго Лессингову трагедію, *Эмиліа Галоти;* прекрасная разговорная проза, игра Померанцова и умилительное содержаніе нѣмецкой піесы произвели величайшее дѣйствіе; зрители были внѣ себя, а молодые воспитанники университета запылали рвеніемъ къ нѣмецкой драматургіи и легкостію труда—переводить небрежной прозой: въ скоромъ времени перенесли на русской театръ *Сына любви, Ненависть къ людямъ и раскаяніе*, а тамъ и весь театръ Коцебу. Московская сцена сдѣлалась постояннымъ жилищемъ германскихъ выходцевъ, публика разжалобилась не своими жалостями и пустилась на взрыдъ плакать. Тогда черная туча новыхъ нѣмецкихъ драмъ понеслась отъ древней русской столицы и обрушась на петербургскую сцену, придавила тяжелою прозою драматическую поэзію. Плоскія выставки всякихъ житейскихъ пошлостей, всей порчи и гнили человѣчества, не только не прикрытыхъ очаровательной оболочкой высокаго искусства, но обнаженныхъ, даже до отвратительной наготы и обрызганныхъ желчью возмутительной демагогіи, уничижали творчество Эсхила и Аристофана и піитическіе труды ихъ косвенныхъ наслѣдниковъ, присвоенные нашему театру: великій Корнель, Расинъ, Вольтеръ, Мольеръ, Реньяръ, и наши собственные—Сумароковъ, Княжнинъ и Фонъ-Визинъ втоптались въ прахъ тѣмъ самымъ Коцебу, котораго теперь даже въ Германіи никто знать не хочетъ (*), молодая

и превосходнаго драматическаго актера. Онъ обязанъ не столько своему наставнику, сколько природѣ: она заставила его *говорить* въ трагедіи, вопреки тогдашней декламаціи; врожденный умъ показывалъ ему настоящую цѣль его искусства: онъ старался сдѣлаться на сценѣ тѣмъ, кого представлялъ; не взирая на навыкъ къ отдѣльнымъ изрѣченіямъ Коцебу, рѣдко искалъ ими рукоплесканій, былъ можно сказать, совершенъ въ Іодаѣ, котораго Библейскій характеръ, по начитанности духовныхъ книгъ, было ему знакомѣе Греческихъ; онъ казался самимъ Карломъ XII въ Бендерахъ, словомъ ему недоставало классическаго и гимнастическаго воспитанія, чтобы сдѣлаться первымъ актеромъ свѣхъ европейскихъ театровъ.

(*) Не отрицая драматическаго; а особливо комическаго дарованія Коцебу, я нахожу не вовсе справедливымъ невниманіе къ нему нынѣшнихъ нѣмецкихъ писателей, возстаю противъ драматизма, а не романтизма, или вѣрнѣе сказать своетворчества безсмертнаго Шекспира, люблю свободный летъ его генія и просторъ сценическаго дѣйствія, и первый показалъ не безъудачные опыты театральныхъ представленій, не втиснутыхъ въ новоклассическія рамки; но мнѣ всегда было жаль кручинныхъ слезъ даромъ, а часто и въ пользу разврата, проливаемыхъ нашими соотчичами; меня печалило напрасное замираніе сердецъ, раздраженіе нервъ и круженіе головъ нашихъ радушныхъ дѣвушекъ, и сантиментальное разслабленіе душъ нашей бодрой молодежи, а на старости, ужасаетъ навыкъ русскихъ юношей къ зрѣлищу необузданности страстей, и всякихъ непстовствъ, представленныхъ не въ отвратительномъ отъ нихъ, а въ возбудительномъ къ нимъ видѣ, душевно скорблю о нашихъ новыхъ и даровитыхъ стихотворцахъ; они,

труппа, представлявшая классическія сочиненія, перестала привлекать публику, и вошла въ составъ стараго. Яковлевъ и Каратыгина сдѣлались красою и поддержкою нѣмецкихъ драмъ, Рахмановой нечего было дѣлать: ея совершенно-русское дарованіе скрылось до времени. Самъ Крутицкій, превосходный комикъ, очень-жалко раскручинился нѣмцемъ. Гамбуровъ умеръ; трагедія и комедія осталась безъ актеровъ и зрителей; рѣшительность директора-не выходить изъ границъ, опредѣленной на содержаніе театровъ, суммы заставила его уничтожить училище, и дать волю драмамъ, которыя одни приносили доходъ; драматическіе стихотворцы потеряли охоту трудиться для пользы и славы; высшее общество, еще завлеченное знаменитыми писателями въ Германство, не могло выносить русской Нѣмчизны, и посѣщало только Французскій, а потомъ Итальянскій театры (*) и заѣзжала только въ русской взглянуть на балеты, которые давались съ большимъ великолѣпіемъ; но и въ нихъ уже начиналъ оказываться недостатокъ въ первыхъ танцовщикахъ.

Въ 1796 году, театры закрылись на годъ трауромъ, наложеннымъ по кончинѣ Императрицы Екатерины II. Князь Н. Б. Юсуповъ оставилъ дирекцію; назначенный на его мѣсто графъ Николай Петровичъ Шереметьевъ, скоро по его просьбѣ былъ уволенъ, и Александръ Львовичъ Нарышкинъ именованъ главнымъ директоромъ Императорскихъ зрѣлищъ. Онъ избралъ себѣ въ помощники по иностраннымъ спектаклямъ извѣстнаго своей любезностью, добродушіемъ и блестящимъ воспитаніемъ графа Григорья Ивановича Чернышева, а по русскимъ знаменитаго стихотворца нашего Василья Васильевича Капниста; музыку поручилъ веденію ея искуснаго сочинителя Осипа Антоновича Козловскаго. Ревностный поборникъ русскаго слова и театра В. В. Капнистъ, ужаснулся его уничиженіемъ, тотчасъ вызвалъ изъ Москвы Шушерина, Сахарова съ его женою, нѣкогда славной актрисой Марьей Степановной Синявской (*) и комическаго актера Пономарева; эта подмога а еще болѣе первое представленіе Ябеды, обставленной самимъ ея сочинителемъ, оживили нѣсколько русскую, едва дышащую, комедію; Императоръ, съ начала любившій французскую труппу, требовалъ въ эрмитажъ и загородный дворцы русскую; но наши актеры, вдавшіеся въ говоренья длиннорѣчивой прозы и въ незамысловатую игру нелѣпыхъ драмъ, не могли удовлетворить Дворъ, привыкшій къ блеску и ловкости сценическаго искусства; къ тому же прелестная французская актриса и пѣвица Шевалье, овладѣла придворной сценой, и такъ русскій театръ, не взирая на всѣ старанія управляющаго имъ, оставался хотя нѣсколько въ лучшемъ видѣ, но все еще простонароднымъ, до нынѣшняго столѣтія, съ котораго начинается его возстаніе во всѣхъ родахъ искуственныхъ зрѣлищъ.

удостовѣрясь, что *драмская жалобность* во все не драматическая поэзія, полѣнились углубиться въ ея чистый источникъ, отыскивать ее самобытное свойство, въ разновременныхъ и разнородныхъ формахъ, а безпечно пустились отуманивать свое воображеніе дымомъ нѣмецко-студентскаго мечтательства или кровавыми парами площади Французской Революціи; забывая что они, окропленные исполомъ русскаго благочестія, должны внушать не раболѣпное подобострастіе къ чужому, а народную гордость, которая въ Германіи уже воздвигаетъ свой собственный театръ, и вотъ въ чемъ только можетъ подражать Нѣмцамъ, у насъ нѣтъ съ ними тождества: вѣры, ни врожденнаго свойства и быта, ни даже общежитія русскіе ни чѣмъ ни нѣмцы и нѣмцы не русскіе, а театральная словесность была вездѣ и всегда, отголоскомъ народнаго свойства, духа и вѣры.

(*) При князѣ Н. Б. Юсуповѣ хозяйственная часть дирекціи была въ большемъ устройствѣ; французскій театръ превосходный, трагедіи и комедіи были представляемы знаменитыми актерами: г жи Гюсъ и Лесажъ въ трагедіи, Флориморъ прекрасный первый актеръ въ обоихъ родахъ, старики: Офрель, Бурде и Бюрошаръ, комики: Дельпи и Фастье, первая актриса Мишле, служанки: Сюзета и Персиваль, а комическая старуха Добкуръ, не уступали талантами актерамъ перваго парижскаго театра. Итальянская опера, серьезная и буффа, выписанная по желанію князя Юсупова, была изъ лучшихъ въ Европѣ: въ ней играли два Мандини, первый чудесный теноръ и второй—буффъ первый пѣвецъ во всей Италіи; музыка Тестори, и пѣвцы Сапорети, а потомъ Маж орлетти, восхищали Петербургскую публику, оставившую русскій театръ.

(*) О нихъ будетъ написано въ Лѣтописи Московскаго театра, къ которому они больше принадлежали, чѣмъ къ Петербургскому.

Примѣчанія къ 2-й эпохѣ лѣтописи Русскаго театра.

а) Декораторъ Гонзаго научился своему искусству, въ Туринѣ у славнаго Галмани, который первый постигнулъ тайну театральной оптики, началъ писать декораціи, не какъ комнатныя фрески, тщательно отдѣланныя во всѣхъ подробностяхъ, на холстинѣ, не растянутой по стѣнѣ, а разосланной на полу, и не картинною живостью, а набросомъ, толстою кистью, а иногда и наливомъ красокъ, часто растушеванныхъ ногою, и это подножное маранье превращалось на освѣщенной огнемъ сценѣ въ очаровательное искусство. Гонзаго, прославившійся своими декораціями въ Венеціи, былъ вызванъ въ Римъ, для открытія театра *Арджентино* на карнавалъ, во время котораго только давались спектакли въ столицѣ католичества. Содержатель театра уговорился съ новымъ декораторомъ въ цѣнѣ заказанной ему работы, снабдилъ его всѣмъ для него нужнымъ, и Гонзаго принялся за дѣло по своему, руками и ногами. Черезъ нѣсколько дней директоръ съ знаменитѣйшими Римскими артистами идетъ посмотрѣть, какъ и что дѣлаетъ еще незнакомый имъ живописецъ. Они ожидаютъ найти его, какъ обыкновенно, на подмосткахъ, трудящагося надъ повѣшеннымъ занавѣсомъ, со всевозможнымъ попеченіемъ; но какъ они удивились наступя на разосланный по всей рабочей сшитый холстъ, изпещренный лепешками, наметомъ и разбрызгомъ разныхъ красокъ, составляющихъ какое то грязное и безъ искуственное малеванье. Директоръ ужаснулся, артисты пожали плечами и не сказавъ ни слова вышли, а Гонзаго весь, какъ я его часто видѣлъ, въ своемъ дѣлѣ, продолжалъ имъ заниматься, едва замѣтя что кто-то входилъ къ нему. Директоръ по совѣту профессоровъ живописи по большей части и особенно тогда, не очень заботящихся о томъ что дѣлалось внѣ Рима, единственнаго по ихъ мнѣнію святилища искуствъ, рѣшился отдѣлаться отъ Венеціанскаго маляра платою, условленной съ нимъ суммы, и замѣнить его Римскимъ художникомъ. На это оскорбительное предложеніе Гонзаго отвѣчалъ своимъ; онъ хотѣлъ непремѣнно исполнить заключенное имъ условіе, съ тѣмъ, что если его декорація не понравится публикѣ, онъ платитъ вдвое противъ того, за что они ему заказали, а въ противномъ случаѣ, директоръ обязывается такою же пѣнею за его несправедливость противъ уже извѣстнаго артиста. Такая рѣшительная увѣренность прославившагося, хотя и не въ Римѣ, декоратера принудила директора согласиться, оградя себя отъ взысканія публики разглашеніемъ сего настоятельно вынужденнаго исполненія контракта, который былъ заключенъ по ошибкѣ его кореспондентомъ. Гонзаго, запершись въ своей рабочей, продолжалъ спокойно, ужасный для Директора, трудъ. Декорація кончена къ открытію театра, отнесена на сцену, уставлена и освѣщена самимъ живописцемъ, театръ наполнился зрителями, по большей, части уже предупрежденными не въ пользу декоратера, но всѣми очень любопытными видѣть иногородную новизну. Передняя занавѣсь поднялась, восторгъ рукоплесканія и крикъ публики e vive Gonzago! мгновенно осудили директора къ платѣ пѣни за безчестіе великаго въ своемъ родѣ живописца, и торжествующій надъ художественнымъ Римомъ Гонзаго, отправился въ Петербургъ, гдѣ по долгихъ, къ несчастію мало сохранившихся, трудахъ, которыми занимался до самой смерти, скончался на 84 году отъ рожденія; онъ сочинилъ правила и начерталъ нѣсколько плановъ, театральной архитектуры, надѣясь построить себѣ памятникомъ новый театръ, но не дожилъ до этого, цѣлый вѣкъ желаемаго имъ, счастія. Его декораціи до пожара Венеціянскаго театра Фениче, еще во время карнаваловъ, выставлялись, какъ образецъ возможнаго совершенства сценической живописи, и нѣкоторыя сохранялись покойнымъ княземъ Николаемъ Борисовичемъ, въ его подмосковномъ театрѣ.

в) Бриганцій, славный механикъ и извѣстный Италіянскій стихотворецъ, учредившій механику Большаго и Эрмитажнаго театровъ, и выстроившій Царскосельскій театръ, къ несчастію взялся утвердить фундаментъ Ассигнаціоннаго Банка: неудача сего предпріятія довела его до сумашествія, и онъ въ исступленіи бросился противъ Лѣтняя

го сада въ Фонтанку. Его скоро вытащили, но уже мертваго. Императрица Екатерина II, устрашенная неостарожностью машиниста, не успѣвшаго раздвинуть половую пастилку при быстромъ подъемѣ машины, съ бывшими на ней людьми, хотя не потерпѣвшими отъ того большаго вреда, запретила употребленіе машинъ на Эрмитажномъ театрѣ.

г) Черниковъ, воспитанникъ Академіи, ловкій и очень умный актеръ былъ превосходенъ въ роляхъ слугъ, а особенно Криспиновъ; довольно хорошій голосъ, пріятная наружность давали ему возможность представлять въ операхъ любовниковъ, Русскій театръ не долго имъ сланился. Онъ умеръ въ Монпелье, куда былъ отпущенъ для излеченія, на счетъ Кабинета, отъ грудной болѣзни.

д) Яковъ Емельяновичь Шушеринъ, изъ иногородныхъ мѣщанъ поступилъ на Московскій театръ, съ котораго перейдя на Петербургскій, онъ воспользовался совѣтами Дмитревскаго и заимствовалъ театральныя приличія у Французскихъ актеровъ, отъ чего пріобрѣлъ довольно ловокости въ высокой комедіи и благовидности въ трагедіи. У него небыло недостатка въ чувствительности; но онъ часто затѣмнялъ сердечный жаръ, по его мнѣнію искуствомъ, а по словамъ Дмитревскаго мишурствомъ которое однакожъ, хотя уже подъ старость превратилось въ чистое золото, когда возбужденный истинно трагическихъ даромъ Озерова, онъ создалъ роли, Эдипа и Старна и былъ хорошъ въ Королѣ Марѣ. Особливо въ одно представленіе онъ меня восхитилъ необыкновенною простотою и естественностью игры и умилительностію говора; я ему это замѣтилъ. Ахъ! отвѣчалъ онъ жалобнымъ голосомъ, если бы вы знали какъ мнѣ сегодня не здоровится; и я согрѣшилъ не пожелалъ ему большаго здоровья, для будущаго представленія Шекспирова страдальца, требующаго отъ представляющаго его лица души, а не актерства.

е) Петръ Алексѣевичъ Плавильщиковъ, воспитанникъ Московскаго Университета, извѣстный драматическій сочинитель и хорошій актеръ, одаренный красивою наружностью, полнымъ и звучнымъ голосомъ и сильною грудью портилъ нѣсколько свое истинное дарованіе противуположными крайностями, сперва предавшись сверхъ естественности французскаго трагическаго актерства, онъ отъ излишняго напряженія силъ, крикомъ и тѣлодвиженіемъ выходилъ изъ себя, даже до безобразія, потомъ пристрастясь къ нѣмецкой школѣ, и желая, какъ онъ говорилъ, поймать въ трагедіи природу, онъ до того переестествилъ театральное дѣйствіе, что (это было уже въ Москвѣ) представляя Эдипа въ Аѳинахъ вздумалъ ощупью поземлѣ, искать отдалившуюся отъ него Антигону, что тогда еще не могло понравится публикѣ, не приученной къ новому романтизму; но Плавельщиковъ, хотя ужъ поздно, нашелъ въ комедіи, чего искалъ въ трагедіи. Онъ былъ превосходенъ въ Сибирякѣ, купцѣ Ботѣ, и во всѣхъ роляхъ, требующихъ простоты дѣйствія и говора прорывающаго изъ грубой оболочки глубокой чувствительности. Жаль что излишнее желаніе чрезвычайнаго успѣха, долго удаляло этого просвѣщеннаго актера отъ того, что природа дала ему при рожденіи и чѣмъ онъ прославилъ послѣдніе годы своей жизни на театральномъ поприщѣ, съ котораго сошелъ въ могилу.

ж) Яковъ Степановичь Воробьевъ, превосходно заимствуя у славнаго Итальянскаго буфа Маркетти комическое пѣніе и игру, никогда не вдавался въ фарсы, и въ представленіе Севильскаго цирюльника оперы (музыка Паезелло) игралъ какъ самый лучшій Французскій актеръ роль Бартола, со всѣмъ умомъ и хитростью, которую Бомарше далъ характеру стараго Доктора. Воробьевъ не представлялъ въ началѣ народныхъ операхъ и водевиляхъ, навыкъ къ Итальянской музыкѣ и буфству, никакъ не сближался съ Русскимъ бытомъ, но въ поддѣльныхъ къ чему-то будто Русскому *Русалкахъ Князя невидимки*, *Ильѣ Богатырѣ*, *и Карачунѣ*, онъ представлялъ одного и того же русалочнаго Тарабара, подъ именами Лигердѣ, Тарона и Друза и этимъ тарабарствомъ тѣшилъ себя и публику, его сообщительная веселость безотчетно радовало сердце, только что онъ покажется на сцену. Рѣдкій даръ, заставлять смѣяться отъ души, какъ будто безъ малѣйшаго желанія смѣшить,

былъ главнымъ свойствомъ дарованія Воробьева. Онъ не переставалъ быть любимцемъ публики отъ появленія его на сцену до самой смерти, постигшей его уже при старости. У него; отъ излишняго разгорячения крови, открылся въ ногѣ антоновъ огонь, ему отняли ногу, но онъ не пережилъ операціи. Наслѣдницей своего радующаго дарованія Воробьевъ оставилъ дочь, воспитанную при новой Театральной Школѣ; она, еще доучиваясь въ ней, уже восхищала зрителей въ операхъ и водевилѣ, а особливо въ роляхъ мальчиковъ. Маленькій Пажъ и Алеша въ Иванѣ Сусанинѣ (музыка Кавоса) еще съ восхищеніемъ воспоминаются по устарѣлыми любителямъ театра. — Елена Яковлевна Воробьева, выйдя за мужъ за совоспитанника своего прекраснаго актера Сосницкаго, продолжала плѣнять зрителей, особенно въ водевилѣ, и нынѣ еще, хотя не въ молодыхъ роляхъ, пріятно напоминаетъ свою блестящую молодость.

з) Спиридонъ Антиповичъ Рожественскій, выписанный на роли молодыхъ любовниковъ и трагическихъ принцевъ, которыми славился въ Казани, явился на Петербургской сценѣ Энеемъ, и провожденный съ нее смѣхомъ за кулисы, сокрылся въ нихъ до смерти М. Волкова, прославившагося Фаддеемъ въ *Сбитенщикѣ* Сочинитель новаго Стерна, назначившій ему роль Фоки, былъ въ затрудненіи; но, къ счастью, лице и поступь Казанскаго любовника ему приглянулись, и прогнаный смѣхомъ Рожественскій снова насмѣшилъ публику; только уже его не прогнали, а вызвали, и съ той поры онъ нѣсколько лѣтъ забавлялъ зрителей, представляя чрезвычайно естественно, простаковъ и педантовъ. Срокъ его службы до пансіона кончился, онъ просилъ увольненія и заслуженной награды. Управляющій Русскимъ театромъ, спрашиваетъ его, развѣ онъ не доволенъ чѣмъ или желаетъ прибавки жалованья за что? Спросилъ заслуженный актеръ, я не играю ни какихъ ролей. Какъ? Да ты почти всякой день на театрѣ? и на это замѣчаніе со вздохомъ возразилъ Спиридонъ Антиповичъ: да, я всякій день на театрѣ въ дуракахъ, а развѣ дураки мои роли, я не для нихъ обучался въ Казанской Семинаріи, не ими прославился въ Казани; я пріѣхалъ сюда играть Энея, Трувора и другія благородныя лица, и не хочу больше себя дурачить. Сколько его ни старались убѣдить, что надобно много ума, чтобы совершенно вопреки природѣ, представлять дурака, и получать за то хорошую плату, что сколько бы ученыхъ еслибъ только у нихъ былъ талантъ, съ радостью пошли бы на его мѣсто, что онъ оставшись еще десять лѣтъ получитъ уже полный, а не двухъ третный пенсіонъ. Но все было напрасно, онъ не хотѣлъ больше дурачить себя, и рѣшительно сказалъ, что онъ ни за что не останется на театрѣ и если его не представятъ къ пансіону, то пойдетъ съ котомкой въ Казань играть по крайней мѣрѣ благородныхъ отцевъ и Дирекція, которой онъ служилъ усердно, принуждена была испросить ему пансіонъ, съ которымъ онъ, благодаря Бога и Государя и своихъ начальниковъ, смиренно отправился на свою родину.

и) Василій Федотовичъ Рыкаловъ одинъ изъ лучшихъ нашихъ комическихъ атеровъ, не болѣе способныхъ къ представленію благородныхъ отцевъ, какъ С. Ан. Рожественской страстныхъ любовниковъ и хотя человѣкъ весьма умный, а то что такъ же былъ ослѣпленый актерскимъ самодуромъ. Успѣхи его на губернскомъ театрѣ въ трагедіяхъ и драмахъ возбудили въ немъ честолюбіе онъ надѣялся попасть въ придворные актеры, пріѣхалъ въ Петербургъ, явился къ Дмитревскому, который обрадовался находкѣ для составляемой имъ молодой трупы, нуждающейся въ благородномъ отцѣ; не взирая на плоское лице, неуклюжій станъ, и неблагозвучный голосъ помѣстилъ новобранца на незанятое амплуа, въ которомъ онъ кромѣ его самаго ни кому не нравился, его *рычаніе* въ трагическихъ возгласахъ, обратило въ насмѣшку родовое имя его; словомъ знаменитый потомъ Рыкаловъ, былъ только по необходимости терпимъ публикою въ новой трупѣ, пока еще Крутицкій не утратилъ свое веселое дарованіе, на демагогскую декламацію жалкихъ драмъ въ старой; но когда при новомъ управленіи Дирекціи, обѣ трупы слились въ одну, Крутицкаго не стало. Русская комедія, заглушенная нѣ-

мецкимъ воплемъ, заговорила и попадобился для нее комическій актеръ, для забавныхъ характерныхъ ролей; тогда сочинитель *Полубарскихъ затѣй* упросилъ В. Ф. Рыкалова представить Транжирина, и благородный отецъ, снустясь съ трагическихъ ходулей и унизился до осмѣяннаго полубарства, которое возвысило его актерское достоинство въ глазахъ публики и Дирекціи. Не только на театрѣ, но и въ общественномъ дѣлѣ, стоитъ только разъ попасть человѣку на свою дорогу, тогда, если онъ не безъ ума, то волей и неволей, а долженъ будетъ итти по ней, что и случилось съ разсчетистымъ Рыкаловымъ, и его неугомонный самодуръ примолкъ, противъ убѣжденія начальства, подкрѣпленаго прибавкой жалованья и обѣщаніемъ бенефиса, когда онъ займетъ всѣ роли Крутицкаго; и онъ ихъ занялъ, къ большему удовлетворенію зрителей. Гарпагонъ, Сганарель, Мѣщанинъ во дворянствѣ, Геронтъ въ Скапиновыхъ обманахъ, и прочія подобныя имъ лица Мольеровскаго театра, были имъ представляемы вѣрно, отчетливо, весело и съ большею комической силой, а между тѣмъ Эдипъ въ Аѳинахъ, прославившій не его, а Шушерина, лежалъ у него на сердцѣ, и въ первый данный ему бенефисъ, для котораго актеръ имѣетъ право выбирать піесу и для себя роли, онъ выбралъ Эдипа, и самъ изъ богатаго кафтана Транжирина облекся въ рубище царственнаго страдальца; я не былъ тогда въ Петербургѣ, но слышалъ отъ свѣдущихъ людей, что Эдипъ—Рыкаловъ напоминалъ нѣсколько, въ минуту разлученія его съ Антигоной, отчаяніе Гарпагона, разлученнаго съ его шкатулкой; наконецъ все еще не со всѣмъ излеченный отъ самодура актеръ, приписывая явное непризнаніе его за Ѳивскаго царя предразсудку публики, будто невозможно быть актеру вмѣстѣ хорошимъ и въ комедіи и въ трагедіи, скрѣпя сердце, отъ него отказался, и предался совершенно комической силѣ его дарованія, которыя долго поддерживали Русскую комедію, и онъ умеръ прежде, чѣмъ переводъ Французско-романтическихъ непотствъ и булеварныхъ фарсовъ съ безстыдными куплетами, для актерскихъ бенефисовъ, обложили пошлиной недопросвѣщенность, пристрастную къ невиданности, къ пугалищамъ, и намекамъ на то, что многимъ совѣстно самимъ выговорить, а любо отгадать, и навыказъ ума похохотать и похлопать до опухоли ладоней.

Александръ Ефимовичъ Пономаревъ, такъ же и по тѣмъ же причинамъ, какъ заученый Рожественскій и умный Рыкаловъ, былъ подверженъ припадкамъ самодура. Игравшій въ молодости съ довольнымъ успѣхомъ на провинціяльныхъ и Медоксовомъ Московскомъ театрѣ роли пройдохъ, слугъ, онъ, по обнищаніи Петербургскаго театра драматическими дарованіями, былъ выписанъ для того же амплуа на его сцену; но молодой С. Петровъ, никѣмъ еще не замѣненный ни *въ Новомъ Стерпѣ* ни *въ Чудакахъ*, обошелъ его старость и сталъ на первомъ мѣстѣ. Тогда Дирекція, замѣтя истинныя способности, ослабѣлаго голосомъ и отяжелѣлаго отъ лѣтъ Пономарева, мало по малу перевела, не совсѣмъ по его охотѣ, устарѣлаго слугу въ смѣшные или карикатурные старики, и онъ тотчасъ сдѣлался первымъ въ этомъ родѣ. Превосходный въ *Выдуманномъ кладѣ*, въ *Рекрутскомъ наборѣ*, въ *Ссорѣ* или *Два сосѣда*, и многихъ другихъ комедіяхъ, презабавный въ *Русалкахъ*, въ *Князѣ Невидимкѣ*, *Ильѣ Богатырѣ* и прочихъ оперныхъ представленіяхъ, онъ не переставалъ роптать и жаловаться на дирекцію за снятіе съ него изношеной имъ еще въ Москвѣ ливреи театральнаго слуги.

Христина Ѳедоровна Рахманова, совоспитанница ея мужу вступила въ составленную Книсперомъ и образованную И. И. Калиграфомъ труппу на роли молоденькихъ любовницъ, была, можетъ быть, тогда миленькой курносенькой дѣвочкой, по пословицѣ, кто съ молода не хорошъ? Но, не смотря на попеченіе Дмитревскаго, хотѣвшаго непремѣнно сдѣлать ее пріятной актрисой въ благородныхъ роляхъ, она не нравилась публикѣ, и ей не дозволяли играть въ Эрмитажѣ; но устарѣлость, пагубная для красоты, иногда бываетъ полезна непригожству, что и случилось съ Рахмановой. Одаренная умомъ, способностью перенимать и *передавать* ею видимое, ей только не доставало наружности, пригодной къ тому, что ее заставляли пред-

ставлять; когда же ея тѣлесныя средства сблизились съ предметами требуемаго отъ нея подражанія, актерное дарованіе ея вдругъ оказалось не столько въ каррикатурныхъ роляхъ высокой комедіи, какъ въ піесахъ представляющихъ Русскій помѣщичій или крестьянскій бытъ; ниже предмѣстницы своей, А. М. Михайловой, въ роляхъ старыхъ кокетокъ, въ *Недорослѣ*,—она далеко превзошла всѣхъ Петербургскихъ актрисъ; въ *Лизѣ* Ильина, и во всѣхъ крестьянскихъ и сарафанныхъ роляхъ; была очень хороша въ *Модной лавкѣ*; но вообще не любила играть нисколько болѣе — свѣтскихъ пожилыхъ барынь.

Князь А. Шаховской.

РУССКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ МОСКВѢ И ПЕТЕРБУРГѢ.

ПИСЬМА ВЪ ПРОВИНЦІЮ.

(къ *Н. М. Лих.*)

(ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.)

Давно уже я не писалъ къ тебѣ, мой любезнѣйшій другъ! Но въ теченіе всего этого времени, собирая различныя впечатлѣнія въ театрахъ Московскомъ и Петербургскомъ, не переставалъ думать о тебѣ и постоянно помнилъ данное обѣщаніе—передавать тебѣ всѣ новости нашихъ театровъ.

Да, мой другъ , судьба снова привела меня въ Москву, на нѣкоторое время; снова увидѣлъ я себя въ огромной залѣ Большаго Театра, и сладкія, живыя воспоминанія толпой зароились въ душѣ моей... Съ нетерпѣніемъ дожидался я перваго вечера, когда мнѣ можно быть въ спектаклѣ. Я вошелъ въ театръ за долго до поднятія занавѣса: меня занимала не только назначенная въ спектаклѣ піеса, но самый театръ, къ которому такъ привыкли глаза мои, но публика, которая, что̀ ни говори—а какъ-то болѣе, живѣе, пламеннѣе принимаетъ впечатлѣнія изящнаго, нежели въ Петербургѣ публика Александринскаго Театра. Положимъ, что и у Московской публики есть также свои странные капризы, и ее можно иногда увлечь и обмануть фарсами; но въ ней за то гораздо болѣе, если не вкуса, то какого-то инстинкта изящнаго; она какъ-то сильнѣе принимаетъ всякое слово, отъ-души сказанное актеромъ, всякій звукъ, вылетѣвшій отъ сердца, всякую черту неподдѣльной натуры. Можетъ быть, что она позволитъ себѣ иногда, болѣе, нежели должно, увлечься игрою какого нибудь заѣзжаго артиста; но за то вѣрно не пойдетъ смотрѣть на піесу, въ которой занимали бы роли всѣ четыре г-да Толченовы, г. Леонидовъ, г. Ахалинъ и подобные рыцари печальнаго образа.

Расположившись на своемъ мѣстѣ, я съ любопытствомъ смотрѣлъ во всѣ стороны. Театръ все такой же, какимъ я оставилъ его года полтора тому назадъ; только стѣны и потолокъ его немножко позакоптились , только пустота его стала еще замѣтнѣе. Впрочемъ, въ эту минуту, время, отдѣлявшее меня отъ прошедшаго , уничтожилось впечатлѣніями настоящаго: я забылъ, что полтора года не былъ въ Московскомъ театрѣ; въ моемъ воображеніи такъ еще живы были всѣ лица и образы, потрясавшіе душу мою, какъ будто я вчера только вышелъ изъ подъ ихъ обаятельнаго вліянія... Передо мной стояла грустная и задумчивая фигура Гамлета; сердце мое сжималось при мысли объ очаровательной, въ самомъ безуміи своемъ, Офеліи; въ ушахъ моихъ отзывались еще меланхолическіе звуки ея; то вдругъ эти впечатлѣнія смѣнялись другими: передо мной толпились разные оригиналы Московскіе, какими нарисовала ихъ безсмертная кисть Грибоѣдова; то возникали въ моемъ воображеніи уморительныя фигуры провинціяльныхъ чудаковъ, какими изобразилъ ихъ

неподражаемый Гоголь; то слышались знакомые мотивы изъ Аскольдовой могилы, выраженные сильнымъ и звучнымъ голосомъ Лаврова, или серебрянымъ, бархатнымъ голосомъ Бантышева... И все это такъ живо, такъ свѣжо, такъ усладительно!...

Въ такихъ пріятныхъ мечтахъ и воспоминаніяхъ незамѣтно протекло для меня время, пока заиграла увертюра, открылся занавѣсъ, и предо мной, въ самомъ дѣлѣ, предсталъ старый знакомый Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, со всѣмъ своимъ почтеннымъ причетомъ. Давали »Ревизора«.

Я не стану отдавать подробнаго отчета ни объ этомъ, ни о другихъ спектакляхъ, видѣнныхъ мною въ Москвѣ; а сообщу только нѣкоторыя общія замѣчанія о Московскомъ театрѣ.

Во время моего пребыванія въ Москвѣ, все вниманіе публики привлекъ къ себѣ нашъ петербургскій артистъ, г-нъ Максимовъ; обычный репертуаръ Московскаго театра измѣнился, такъ что мнѣ не удалось видѣть ни одного балета, ни одной оперы и ни одной трагедіи. Болѣе всего сожалѣю о томъ, что не видалъ *Синичкина*, который, по общимъ отзывамъ, идетъ тамъ также успѣшно, какъ Горе отъ Ума или Ревизоръ, двѣ наилучшимъ образомъ разыгрываемыя комедіи.

Прежде всего, въ дополненіе къ сказанному выше о различіи между Петербургскою и Московскою публикой, замѣчу, что въ Петербургѣ театръ составляетъ общую потребность, дѣло необходимое; въ Москвѣ его можно назвать болѣе роскошью. Въ Петербургѣ въ русскій театръ по большой части ѣздятъ и ходятъ люди, которымъ, просто, ввечеру дѣваться некуда, которые хотятъ отдохнуть, какъ нибудь и гдѣ нибудь, послѣ утомительныхъ трудовъ дня, послѣ шести, семи часовъ, проведенныхъ за дѣлами въ департаментѣ; въ Москвѣ, напротивъ, для большей части публики, театръ есть наслажденіе, которое позволяютъ себѣ не всегда, а потому и цѣнятъ его болѣе, и впечатлѣнія принимаютъ живѣе. Отъ этого Московская публика взыскательнѣе, отъ этого пустые фарсы-водевили въ Москвѣ никогда почти не имѣютъ успѣха. За то произведенія художественныя, за то серьозная комедія и драма, цѣнятся и принимаются на Московскомъ театрѣ съ величайшимъ участіемъ. Горе отъ Ума, Ревизоръ, Скупой Мольера и подобныя піесы постоянно держатся на Московскомъ репертуарѣ, между тѣмъ, какъ въ Петербургѣ согнали ихъ со сцены какіе нибудь фарсы и водевильныя бездѣлки.

Далѣе, репертуаръ Московскаго театра гораздо разнообразнѣе, хотя эфемерныхъ новостей бываетъ тамъ менѣе, нежели на театрѣ Александринскомъ. Это разнообразіе зависитъ частію отъ соединенія всѣхъ родовъ драматическаго и сценическаго искусства—трагедіи, комедіи, оперы, балета на одной сценѣ, а частію и отъ распредѣленія спектаклей, болѣе искуснаго, болѣе обдуманнаго. Прекрасны наши балеты, очаровательна Тальони; но цѣлый спектакль видѣть одно и тоже—танцы—да танцы, это утомитъ хоть кого; въ Москвѣ балетъ одинъ никогда не дается: водевиль, комедія, маленькая драма—что нибудь для ума, для сердца, для души, очень имѣетъ большую цѣну при балетѣ, очаровывающемъ только зрѣніе.

Мы въ Петербургѣ привыкли, если дается въ бенефисѣ нѣсколько новыхъ піесъ, видѣть повтореніе всего этого бенефиса, отъ слова до слова, черезъ три, четыре дня, а потомъ въ слѣдующіе разы то же самое, пока однѣ піесы совершенно упадутъ, а другія останутся на репертуарѣ на дальнѣйшее время. Если какая піеса удалась въ особенности, и привлекла общее вниманіе, ее даютъ сряду нѣсколько недѣль, почти всякій день, до тѣхъ поръ, пока она потеряетъ совершенно цѣну новости, и даже, не смотря на свои достоинства, совершенно исчезнетъ съ репертуара. Отъ этого у насъ новости скоро приглядываются, скоро старѣются, скоро смѣняются другими, на-скоро состряпанными и также скоро смѣняющимися. Актеръ учитъ роль также на-скоро: онъ знаетъ, что едва только успѣетъ прорепетировать окончательно эту роль, какъ ужь

ему приносятъ новую; едва, послѣ двухъ, трехъ разъ, успѣетъ войдти въ роль, какъ долженъ оставить ее для другой. Къ чему же изучать роль, да и возможно ли ему изучать ее? Въ Москвѣ это дѣлается иначе, такъ, какъ въ Петербургѣ на Французскомъ театрѣ: новыя піесы, вошедшія въ составъ бенефиса, раздѣляются потомъ на нѣсколько вечеровъ, соединяясь съ прежними, старыми и разнообразя такимъ образомъ спектакли. Здѣсь выгоды для всѣхъ сторонъ: для бенефиціянта, къ которому скорѣе пойдутъ охотники до новостей; для театральной кассы, которая обогащается отъ разнообразія и занимательности спектаклей; для авторовъ, которыхъ піесы часто не имѣютъ полнаго успѣха оттого, что они идутъ въ концѣ спектакля, когда публика утомлена, или при началѣ, когда публика еще не съѣхалась и полная тишина не водворилась въ театрѣ; наконецъ для самой публики, которая черезъ это всегда имѣетъ спектакли разнообразные.

Но я увлекся предметомъ, который не совсѣмъ соотвѣтствуетъ твоимъ требованіямъ и ожиданіямъ: ты хочешь новостей театральныхъ, а я пустился въ разсужденія...

Что же сказать тебѣ новаго, во-первыхъ, о Московскомъ театрѣ? Многаго уже не нашелъ я тамъ изъ того, что прежде доставляло столько наслажденія: нѣтъ Лаврова, нѣтъ Бантышева, нѣтъ Мочалова,...(*) Новаго въ мое отсутствіе не прибавилось ничего, кромѣ, г-на Славина, котораго я, къ моему удовольствію, не видалъ ни разу: мнѣ бы грустно было вспомнить о Мочаловѣ...

Изъ прочихъ любимцевъ Московской публики всѣ идутъ своимъ путемъ, слѣдуя общему закону природы, т. е. совершенствуясь болѣе и болѣе. Нечего говорить тебѣ о несравненномъ, единственномъ Щепкинѣ, котораго талантъ не старѣетъ; нечего говорить и о любимицѣ Московской публики, П. В. Рѣпиной, которая съ лѣтами, напротивъ, молодѣетъ: она изумила меня въ послѣдній пріѣздъ мой въ Москву свѣжестію своего таланта, который какъ будто съ каждымъ днемъ развивается болѣе. Самою пріятною, хотя не-неожиданною новостію, было для меня видѣть быстро-созрѣвающее дарованіе П. И. Орловой; въ этомъ убѣдился я, увидавъ ее въ роли Матильды (въ піесѣ: Матильда или ревность); замѣтно, что г-жа Алланъ имѣла на нее благотворное вліяніе. Г-жа Орлова пойдетъ далеко, въ этомъ я не сомнѣваюсь, зная ея непритворно-пламенную любовь къ искусству. Мнѣ не удалось видѣть мололой артистки, г-жи Михайловой, которой первые дебюты, однако жъ, года два тому назадъ, для меня очень памятны; теперь я слышалъ много пріятнаго о ея постепенно-развивающемся дарованіи. Г. Сабурова (дочь), молодая, и слишкомъ еще молодая, актриса, наслѣдовавшая почтенное имя своей матери, много развилась противъ того, какъ я ее зналъ, въ физическомъ отношеніи, т. е. выросла, окрѣпла, похорошѣла; рѣшительнаго объ ней еще ничего нельзя сказать; быть можетъ, въ ней кроется талантъ, который разовьется со временемъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Въ мое короткое пребываніе въ Москвѣ, на Московскомъ театрѣ новостію былъ Петербургскій пріѣзжій артистъ, г-нъ Максимовъ. Московская публика принимала его очень благосклонно. Для меня собственно было новостію слышать, что онъ играетъ Чацкаго и, по общему отзыву (самъ я не видалъ), весьма удовлетворительно, и видѣть его въ роли Хлестакова, которую онъ выполнилъ, къ моему величайшему удовольствію, очень хорошо. Говорю, къ моему величайшему удовольствію, потому что въ Петербургѣ мнѣ какъ-то не удавалось видѣть г-на Максимова въ значительныхъ комическихъ роляхъ молодыхъ людей, а въ нѣкоторыхъ небольшихъ драматическихъ роляхъ, признаюсь откровенно, онъ мнѣ не нравился. Хлестакова характеръ понялъ и передалъ онъ умно, отчетливо, безъ натяжекъ, безъ утрировки. Какъ артистъ, знакомый съ тѣмъ классомъ людей, изъ котораго заимствованъ типъ Хлестакова, онъ

(*) Къ удовольствію публики, П. С. Мочаловъ снова поступилъ на сцену, и всякій разъ принимается съ восторгомъ. *Изд.*

могъ выполнить, и выполнилъ, эту роль гораздо удовлетворительнѣе и г. Ленскаго, и г. Самарина, занимавшихъ и занимающихъ ее и понынѣ на Московской сценѣ.— Памятна мнѣ еще небольшая піеска—«Женскій умъ лучше всякихъ думъ», которой весь интересъ основанъ на умной, тонкой, ловкой игрѣ, и которая была прекрасно разыграна г-жею Рѣпиной, милой, любезной, очаровательной, какъ настоящая Француженка высшаго тона, и г-мъ Максимовымъ. Въ Матильдѣ, г-нъ Максимовъ занималъ роль мужа Матильды; увидавъ его въ этой роли, я остался при своемъ прежнемъ мнѣніи на счетъ драматической стороны таланта г. Максимова: подобныя драматическія роли *можетъ* онъ играть при нуждѣ, и даже мы будемъ очень благодарны ему, если онъ избавитъ насъ отъ Леонидовыхъ, Толченовыхъ и подобныхъ *драматическихъ юношей;* но *не долженъ* играть по своему произвольному выбору, ибо природа создала его не для этого амплуа. Въ комедіяхъ онъ артистъ съ замѣчательнымъ дарованіемъ, артистъ на своемъ мѣстѣ; въ драмахъ онъ только полезный актеръ, къ которому можно примѣнить поговорку: *За недостаткомъ гербовой, пишутъ на простой.* Таково мое мнѣніе.

Перехожу къ Петербургскому театру.

На вопросъ мой, по пріѣздѣ изъ Москвы, о театральныхъ новостяхъ Петербурга, пріятели съ *сокрушеннымъ сердцемъ* отвѣчали мнѣ, что мой водевиль «Иванъ Выжигинъ, или Всѣмъ кумъ и сватъ и другъ и братъ,» упалъ...

—Когда Анаксагору сказали, замѣтилъ я моимъ пріятелямъ, что сынъ его умеръ: Я зналъ, что онъ и родился смертенъ, отвѣчалъ Анаксагоръ.

Желая угодить молодому талантливому артисту, въ первый разъ получающему бенефисъ, я написалъ для него, въ три дня, водевиль, какъ пишутся у насъ почти всѣ водевили: то есть *передѣлалъ* съ французскаго на *русскіе нравы* небольшую очень забавную комедійку Пикара: Le cousin de tout le monde, прибавивъ къ ней нѣсколько куплетовъ.—Что бы дать заглавіе піесы позаманчивѣе—для афиши, я назвалъ дѣйствующее лицо моего водевиля Иваномъ Выжигинымъ, хотя у моего героя ничего не было общаго съ героемъ романа Ѳ. В. Булгарина. Хоть и говорятъ, *что нужды до названья;* но названіе много значитъ, особенно на бенефисной афишѣ. — Выжигина прочла вся Россія; это имя могло и въ театръ привлечь многихъ. Не имѣя претензій на незавидную славу водевилиста и занятый при томъ со всѣми другимъ, я не заботился о своей бездѣлкѣ, до такой степени, что отдавал ее бенефиціянту по частямъ, не прочелъ ни разу черновой рукописи и позволилъ распоряжаться ею, какъ ему угодно.—Бенефиціянтъ нашелъ не безполезнымъ для себя поставить на афишѣ мои буквы: Л. Л., думая, что тотъ, кто, высказывая правду многимъ, и разбранивъ на своемъ вѣку не одинъ десятокъ плохихъ водевилей, очень многихъ привлечетъ въ театръ, доставивъ между прочимъ случай и разруганнымъ имъ водевилистамъ отомстить ему самому за побитыхъ чадъ своихъ. Піеса, за исключеніемъ г-на Мартынова, была обставлена *отличными* талантами, разучена *очень твердо,* и при томъ, служа заключеніемъ спектакля, послѣ довольно-большой драмы и комедіи съ куплетами г. Кони, упала—какъ могутъ падать водевили... Авторъ ея утѣшился однако жъ тѣмъ, что талантливый артистъ, В. В. Самойловъ, сдѣлалъ, какъ говорится, бенефисъ на славу: Дай Богъ ему тогоже и *на-предки!*

Капитальными піесами въ бенефисѣ г-на Самойлова: Безъименное письмо, драма В. М. Строева, (напечатанная въ прошедшей книжкѣ Репертуара) и Петербургскія квартиры, комедія (?!) съ куплетами г. Кони. Ни первой ни второй я не видалъ въ бенефисъ; но вотъ сужденіе объ ней, написанное, въ мое отсутствіе, однимъ почтеннымъ литераторомъ.

Содержаніе Петербургскихъ квартиръ слѣдующее:

Въ первой квартирѣ живетъ чиновникъ; онъ произведенъ въ начальники отдѣленія, а жена его требуетъ перемѣны квартиры. Они отправляются искать квартиры, а между тѣмъ, дочь ихъ амурится, чрезъ окно,

съ живущимъ напротивъ повѣсою. Отыскивая квартиру, чиновникъ съ женою заходятъ къ пѣвицѣ, которая ожидала своего жениха, и услышавъ звукъ колокольчика у дверей, спрятала въ шкафъ своего любовника, того самаго повѣсу, который амурился чрезъ окно съ дочерью чиновника. Открывъ шкафъ, чиновникъ увидѣлъ молодаго человѣка; но когда жена хочетъ заглянуть въ этотъ шкафъ, чиновникъ не допускаетъ ее къ тому, кладетъ ключъ въ карманъ и уноситъ его съ ссбою, въ забывчивости. Отъ пѣвицы, чиновникъ съ женою идутъ въ квартиру экономa, который даетъ обѣдъ въ честь будущаго зятя (котораго онъ никогда не видалъ). Этотъ будущій зять тотъ самый повѣса, который волочится за дочерью чиновника, и въ это время запертъ въ шкафу у пѣвицы. Экономъ знакомится съ чиновникомъ, и проситъ его остаться обѣдать. Вдругъ является служанка пѣвицы, и указывая на чиновника, объявляетъ, что этотъ господинъ ходитъ по квартирамъ, и *крадетъ* ключи (*). Выходитъ суматоха, и наконецъ чиновникъ, для своего оправданія, разсказываетъ, какимъ образомъ попался къ нему ключъ отъ шкафа, въ которомъ онъ нашелъ молодаго человѣка. Въ эту минуту входитъ долго ожиданный будущій зять экономa, и чиновникъ объявляетъ, что это тотъ самый юноша, котораго онъ нашелъ въ шкафу у пѣвицы. Опять брань и суматоха, и предполагаемая свадьба разстроивается; чиновникъ, оскорбленный подозрѣніемъ въ покражѣ ключей, не остается обѣдать у экономa, и уходитъ. Повѣса также уходитъ, перебранившись порядкомъ съ чиновникомъ, который снова идетъ искать квартиры, и заходитъ въ жилище повѣсы, который, между тѣмъ, забрался въ его квартиру, и волочится за его дочерью. Когда чиновникъ забавляется въ квартирѣ повѣсы, является полицейскій чиновникъ и проситъ чиновника явиться въ полицію, принявъ его за повѣсу, котораго хотятъ посадить въ тюрьму, за долги. Чиновника сажаютъ подъ арестъ, вмѣсто повѣсы. Ошибка объясняется; чиновника увольняютъ, онъ поспѣшаетъ домой, и находитъ повѣсу на колѣняхъ предъ своей дочерью. Опять перебранка и суматоха! Является жена чиновника, и дѣло кончается тѣмъ, что они соглашаются отдать дочь за повѣсу.

Ходъ піесы такъ разорванъ, и она составлена изъ такихъ клочковъ, что въ полномъ смыслѣ должна называться оригинальною, т. е. не имѣющею ни частей, ни цѣлаго! Къ умноженію безтолковщины, въ каждой квартирѣ является вводное лице, по имени Присыпочка, родъ афериста, который хочетъ всѣмъ услуживать съ собственною выгодою. Этотъ характеръ былъ уже тысячу разъ выводимъ на сцену въ забавномъ видѣ; но здѣсь онъ ни смѣшенъ, ни жалокъ, а просто—ничтоженъ. Вмѣсто того, чтобъ оживлять сцену и дѣлать дѣйствіе, безхарактерное лице только замедляетъ ходъ этой піесы, и сушитъ, и безъ того уже безсочное созданіе.—Піеса продолжается битыхъ три часа!

Спрашиваемъ: почему авторъ назвалъ эту галиматью комедіею-водевилемъ? Ужели комедія есть кунтскамера, въ которой должны быть собраны нравственные уроды, и ужели все то водевиль, гдѣ только поютъ плохіе куплеты? Комедія—зеркало нравовъ, отпечатокъ характеровъ, а изображены ли въ піесѣ г. Кони наши нравы, и если тутъ очерки характеровъ? Рѣшительно нѣтъ. Въ лицѣ начальника отдѣленія изображенъ подъячій «временъ Очаковскихъ и покоренья Крыма», какой нибудь секретарь уѣзднаго суда семидесятыхъ годовъ, о которомъ преданіе сохранилось въ комедіяхъ: Ябеда, Неслыханное диво, и въ тогдашнихъ журналахъ: Живописцѣ, Почтѣ Духовъ и проч.—Насъ никто не упрекнетъ въ пристрастіи и несправедливости, если мы скажемъ, что у насъ директоры департаментовъ и начальники отдѣленія суть лица, которыя вовсе не годятся въ повѣсть, въ сатиру, ни въ комедіи, гдѣ идетъ дѣло о подъячествѣ, потому что наши министерства представляютъ собою совершенную противуположность подъячества семидесятыхъ годовъ,

(*) Это оригинальная комедія, это современные будто бы *нравы*! О времена, о нравы! *Соч.*

котораго развалины можно еще найдти въ нижнихъ дистанціяхъ. А въ піесѣ г. Кони, директоръ департамента и начальникъ отдѣленія изображены такъ, что мы, изъ уваженія къ нашимъ читателямъ и къ самимъ себѣ, не хотимъ даже разбирать этихъ карикатуръ. Вѣроятности и правдоподобія нѣтъ на волосъ въ цѣлой піесѣ! Благовоспитанная дѣвица, дочь начальника отдѣленія, амурится чрезъ окно съ неизвѣстнымъ ей молодымъ человѣкомъ, и получаетъ отъ него любовныя письма! Богатый экономъ рѣшается отдать за неизвѣстнаго ему человѣка дочь, съ 100,000 рублями приданаго, по увѣренію какого-то пустомели, что у этого молодаго человѣка есть золотыя горы въ Саратовской губерніи! — Начальникъ отдѣленія, удостовѣренный въ дурномъ поведеніи молодаго человѣка, отдаетъ за него дочь свою, и будучи самъ бѣднымъ, разсказывая о своихъ оборванныхъ локтяхъ (безъ дыръ нѣтъ піесы у г. Кони!), даритъ карету своему начальнику!! Присыпочка, представленный какимъ-то плутомъ, дѣйствуетъ магически на всѣхъ. Всѣ ему вѣрятъ и повинуются! Начальникъ отдѣленія и молодой франтъ бранятся, какъ извощики! Всѣ женщины въ піесѣ, нѣчто въ родѣ посадскихъ бабъ прошедшихъ вѣковъ! Наконецъ всѣ старыя пружины: шкафъ съ любовникомъ, арестъ одного лица вмѣсто другаго, потому только, что чиновникъ, посланный арестовать повѣсу, не спросилъ его объ имени; наконецъ интрига чрезъ окно, и всѣ прочіе фокусы древней закулисной области. Въ другихъ своихъ (?) піесахъ г. Кони, по крайней мѣрѣ, довольно искусно сшивалъ разнокалиберные отрывки изъ чужихъ водевилей; но здѣсь онъ сшивалъ клочки на живую нитку. При каждой сценѣ, зрители громко припоминали, откуда что взято. Сцена въ шкафу изъ водевиля Знакомые незнакомцы; выводъ невѣсты изъ »Хороша и дурна«; монологъ слуги изъ Ревизора; проводы хозяина изъ дому (одна забавная сцена въ цѣлой піесѣ) изъ Дюмасовой Marie de la veuve, переведенной г-мъ же Кони, подъ заглавіемъ: Покойный мужъ и его вдова, и проч.

А что за характеры въ Петербургскихъ квартирахъ? Такого глупаго, грубаго и ничтожнаго лица, какимъ представленъ Аѳанасій Гавриловичъ Щепоткинъ, нѣтъ и быть не можетъ въ томъ кругѣ, на который авторъ навелъ свое закопченное стеклышко. Такихъ начальниковъ отдѣленія рѣшительно нѣтъ въ Россіи. Жена его, просто кухарка; дочь, нѣчто въ родѣ магазинной швеи. Кутилинъ, долженствующій быть модникомъ, bon-ton, просто, какой-то маркеръ, по рѣчамъ своимъ и поведенію. Экономъ—безсмысленное твореніе безъ всякихъ оттѣнковъ, и наконецъ Присыпочка — нуль! Гдѣ же тутъ комедія, гдѣ нравы, гдѣ черты изъ нашей жизни?

Г. Кони заимствовалъ идею для своей, такъ-называемой, оригинальной комедіи-водевиля изъ Нѣмецкаго фарса: Die drey Wohnungen (Три квартиры). Нѣмцы, какъ извѣстно, любятъ подшучивать надъ жидами, не взирая на то, что многіе изъ сыновъ Израиля заслуживаютъ полное уваженіе и пріобрѣли почетное имя въ литературѣ и искусствахъ. Въ піесѣ Die drey Wohnungen выведенъ на сцену задорный жиденокъ, второй столицы Пруссіи—Кенигсберга. Это недоучившійся студентъ, по имени Шахермахеръ. Онъ пріѣзжаетъ въ Берлинъ искать счастья, и беретъ на себя тридцать ремеслъ. Онъ перебѣгаетъ отъ одного журнала къ другому, пишетъ по заказу пасквили, критики и вывѣски, сочиняетъ водевили и объявленія для портныхъ, преподаетъ уроки наукъ, о которыхъ не имѣетъ никакого понятія; беретъ на себя редакцію книгъ и журналовъ, и разоряетъ книгопродавцевъ, даетъ обѣды и вечерники, хочетъ всѣмъ служить, сплетничаетъ, и наконецъ, битый, бѣжитъ изъ Берлина обратно въ Кенигсбергъ Изъ этого лица г. Кони хотѣлъ выкроить Присыпочку; но ему это не удалось. Въ Шахермахерѣ смѣшно самолюбіе Израильское, и усиліе прослыть литераторомъ безъ дарованій и познаній; а въ Присыпочкѣ нѣтъ этого. Авторъ заставляетъ его даже распѣвать о своемъ происхожденіи и разсказывать всю

прежнюю жизнь. Весь комизмъ потерянъ.

Г. Каратыгинъ 2 сдѣлалъ все, что возможно было сдѣлать изъ его роли. Онъ игралъ подъячаго XVIII вѣка, потому что въ наше время, онъ не могъ бы найдти для образца подлинника, въ томъ сословіи, которое г. Кони вывелъ на сцену, и г. Каратыгинъ игралъ безподобно. Г. Самойловъ не могъ сдѣлать ничего изъ Присыпочки, потому что человѣкъ не можетъ создать что либо изъ ничего, т. е. изъ роли безъ ума, чувства, характера и безъ комизма. Г. Мартыновъ, при всемъ своемъ усиліи, не могъ оживить пошлой роли Эконома.

Раекъ и пріятели автора, вызвали его. Вся образованная публика изъявила свое неудовольствіе...

Г. Кони пишетъ въ журналахъ противъ Гг. Ленскаго, Коровкина и даже противъ г. Полеваго, и не признаетъ въ нихъ таланта! Никакая въ мірѣ дирекція, никакой актеръ (исключая пріятелей) не могутъ угодить на вкусъ г. Кони!.. А намъ кажется, что каждый водевиль г. Коровкина есть Иліада, въ сравненіи съ піесами г. Кони!...«

Съ наступленіемъ осени вереницей потянулись на нашемъ театрѣ бенефисы; драмъ и водевилей было столько, что у меня не достанетъ силъ пересказать тебѣ ихъ содержаніе; а притомъ – грѣшный человѣкъ — большую часть изъ нихъ я позабылъ совершенно. Какъ въ туманѣ носятся передомной блѣдные призраки отпѣтыхъ мертвецовъ–Донны Луизы, Инфанты Португальской, драмы, да еще исторической, да еще въ пяти дѣйствіяхъ, да еще въ стихахъ... Новаго Недоросля... но этотъ покойникъ такъ страшенъ, что мы, послѣ его грознаго голоса съ того свѣта »Отечественнымъ записками«—

Не можемъ смѣть
Свое сужденіе имѣть.

А тамъ –

Рядъ полуночныхъ видѣній:
Легкимъ роемъ вьются тѣни
Мной отпѣтыхъ мертвецовъ...
Водевили! Водевили!
Вы здѣсь были, вы здѣсь жили
И отъ насъ вы воспарили
Въ тихій край своихъ отцовъ!...

Всѣ эти водевяли, дѣти досуга или бездѣлья, тѣшили публику, каждый по своему, пѣли передъ ней на ея любимые мотивы, подольщались и изгибались въ своихъ заключительныхъ куплетахъ, прося снисхожденія за артистовъ и за авторовъ, но –

Помня должность я свою,
Имъ не давалъ потачки:
Теперь ихъ разомъ отпою,
Отпѣвъ по — одиначкѣ...

Однако жъ куплеты и шутки въ сторону; что осталось и могло остаться въ памяти публики? Тигровая кожа – здѣсь нельзя сказать, что по шерти имъ, хоть артисты, какъ говорится, лѣзли изъ кожи, но изъ Тигровой кожи ничего не вышло. — Тайна матери – совсѣмъ не тайна для тѣхъ, кто видѣлъ нѣсколько водевилей, которыхъ содержаніе основано на тайнѣ. Деревенскій докторъ... Этотъ докторъ остался въ памяти публики потому, что его игралъ Сосницкій, любимецъ публики.– Задушевные друзья, которыми переводчикъ хотѣлъ удружить бенефиціянту; но бенефиціянтъ удружилъ автору по своему, и переводчикъ запѣлъ пѣсенку, на извѣстный мотивъ.

Ужъ эти мнѣ друзья, друзья!..

Балъ у банкира—очень могъ быть веселымъ баломъ, если бъ не опечалилъ публики воспоминаніемъ о незабвенномъ Дюрѣ.

Два вѣнца... Первый вѣнецъ въ этой комедіи принадлежитъ г. Каратыгину, который роль Ричарда выполнилъ прекрасно, а второй г. Максимову, который очень мило сыгралъ роль веселаго, беззаботнаго молодаго студента.

Брилліантъ — очень хорошенькая драма, по своей завязкѣ и изложенію, истинный брилліантъ между маленькими Французскими драмами.

Мнимый больной... больные всегда бываютъ скучны; но піеса эта не была бы

скучна, если бы Н. А. Полевой не былъ дѣйствительно - боленъ: онъ долженъ былъ предоставить окончаніе этой піесы другому, здоровому, автору, который и приключилъ конецъ этой піесы такъ, что ей не поздоровилось.

Друзья журналисты, или Нельзя безъ шарлатанства.... Шарлатанствомъ здѣсь были буквы *Л. Л.*, которыя невинны въ лучшей части этого водевиля. Если бъ водевиль упалъ, то *Л. Л.* не объявилъ бы тайны; но такъ какъ водевиль имѣлъ успѣхъ то онъ открываетъ тайну и говоритъ во всеобщее услышаніе, что лучшая часть этого водевиля принадлежитъ П. И. Григорьеву 1-му.

Но — Боже мой! — Я хотѣлъ было подражать нашимъ водевилистамъ и соскучился натягивать каламбуры даже на одной страницѣ, а у меня остается впереди чуть ли не цѣлый десятокъ разныхъ драмъ, комедій и водевилей. Чтобы не томить тебя слишкомъ длиннымъ письмомъ моимъ, которое и безъ того вышло за предѣлы обыкновеннаго письма, я скажу, въ короткихъ словахъ, что изъ піесъ, вошедшихъ въ составъ бенефисовъ г-жи Самойловой 2-й и г-на Григорьева 1-го, и слѣдовавшихъ за бенефисами г-на Толченова 1-го, Шемаева и г-жи Гусевой, въ памяти публики остались: Дочь адвоката — драма, переведенная съ Французскаго—по игрѣ г-на Каратыгина 1-го: Мельничиха въ Марли, водевиль, въ которомъ молодой артистъ Самойловъ показалъ новую сторону своего таланта, выполнивъ роль буффу безъ фарсовъ, которыми красилъ эту роль на Французской сценѣ Поль-Мине; наконецъ Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, служащій продолженіемъ» Артиста, студента хориста и аферіста: воспользовавшись идеей, г-нъ Григорьевъ написалъ презабавную піеску въ которой роль Губкина выполняетъ г. Самойловъ *преуморительно!*

Вотъ тебѣ важнѣйшія новости театра, за исключеніемъ новыхъ дебютовъ г-жи Дюръ, о которой я писалъ къ тебѣ въ прошедшемъ письмѣ, и на счетъ которой я остаюсь при прежнемъ мнѣніи. — (*)

Что будетъ новаго впереди, о томъ сообщу тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ.

Л. Л.

С. Петербургъ
1 го Ноября 1840 г.

(*) О г-жѣ *Дюръ* помѣщается въ Репертуарѣ особенная статья, *независимо отъ мнѣнія г на Л. Л.*

ДЕБЮТЫ Г-ЖИ ДЮРЪ.

Дебюты г-жи Дюръ возбудили разные толки между любителями театра, и *за* и *противъ* новой дебютантки. Печатно явились тоже сужденія, не совсѣмъ опредѣленныя. Мы не станемъ дѣлать никакихъ возраженій на печатныя и непечатныя мнѣнія; но да позволено будетъ и намъ сказать наше безпристрастное мнѣніе, которое, сколько намъ кажется, не будетъ противорѣчить мнѣнію большинства публики.

О первомъ дебютѣ г-жи Дюръ, читатели Репертуара видѣли отзывъ г-на *Л. Л.* Независимо отъ его сужденія, ограничивающагося впрочемъ одною ролею Антигоны, мы разсмотримъ игру г-жи Дюръ, въ Эсмеральдѣ и Гризельдѣ.

Піеса Эсмеральда, какъ извѣстно, взята изъ романа Виктора Гюго: Notre Dame de Paris. Драма далеко не соотвѣтствуетъ въ своихъ достоинствахъ, роману, который служилъ ей первообразомъ. Эсмеральда въ драмѣ есть самая слабая тѣнь Эсмеральды въ романѣ, этой нѣжной, пламенной, очаровательной цыганки; вся роль Эсмеральды держится на двухъ, трехъ сценахъ, и потому талантъ г-жи Дюръ по 2-му дебюту нельзя было вполнѣ оцѣнить. Но при всемъ томъ она передала нѣкоторыя сцены прекрасно, въ особенности сцену 3-го дѣйствія въ тюрьмѣ. Съ какимъ страданіемъ, съ какою душевною болѣзнію она вспоминала о пыткѣ! Какъ ясно отражались на ея прекрасномъ лицѣ всѣ мученія, всѣ несправедливыя обвиненія, которыя она испытала!... Въ сценѣ, когда Клодъ-Фролло падаетъ передъ нею на колѣна, когда она спрашиваетъ у него: за что ты меня преслѣдуешь? — Г-жа Дюръ была безподобна. Надо было вглядѣться въ ея мимику: съ какимъ отвращеніемъ она слушала его признанія! Съ какимъ глубокимъ чувствомъ, въ эту страшную минуту, она вспоминала о своемъ Фебѣ. Тутъ нѣтъ монологовъ, заставляющихъ зрителя забыться; но здѣсь должны выказаться душа, чувства артистки, и г-жа Дюръ исполнила въ особенности эту сцену — художнически! Во 2-мъ актѣ сцена съ Фебомъ прошла слабо; тутъ не доставало главнаго: нѣжности, страсти, пламенной любви, которыя какъ огонь должны сжигать ея сердце. Прочія сцены исполнены были удовлетворительно.

О качучѣ въ первомъ актѣ мы ничего не скажемъ; все это дѣло постороннее. При такой наружности и при такомъ прелестномъ станѣ, всякая женщина можетъ обворожить публику. Здѣсь первымъ условіемъ должна быть красота, но не талантъ; а мы рѣшились высказать наше мнѣніе о г-жѣ Дюръ, драматической актрисѣ, а не о балетной танцовщицѣ.

Роль Гризельды гораздо важнѣе, труднѣе. Эту роль занимала прежде извѣстная артистка, А. М. Каратыгина, которая выполняла ее умно и отчетливо. Слава г-жи Каратыгиной такъ велика, что всякая похвала будетъ излишня, а сравненіе между двумя этими артистками невозможно, какъ сравненіе между опытной, заслуженой артисткой и новой дебютанткой, которая только въ четвертый разъ является на сцену. —

Читая афишу о дебютѣ г-жи Дюръ въ ролѣ Гризельды, мы, признаться, боялись, что для г-жи Дюръ эта роль слишкомъ сильна; но послѣ увидѣли противное. Два раза мы ходили смотрѣть Гризельду, и въ эти два раза слѣдѣли внимательно за каждымъ ея движеніемъ, за каждой позой, за каждымъ словомъ; и въ эти-то разы мы убѣдились вполнѣ, что г-жа Дюръ обладаетъ замѣчательнымъ драматическимъ талантомъ; и за убѣжденіе наше готовы спо-

рить со всѣми, принимая на себя трудъ доказать слова наши фактами.

Разсказывать сюжетъ этой піесы считаемъ излишнимъ, а разсмотримъ только одну роль Гризельды.

2-й актъ начинается тѣмъ, что Гризельда ждетъ своего мужа, который уже уѣхалъ нѣсколько дней изъ замка ко двору Артура. Съ безпечностію, но съ какимъ-то страхомъ, она считаетъ каждую минуту до свиданія съ нимъ. Является Персиваль (ея мужъ) съ двумя рыцарями. Съ какою радостію встрѣтила она его! Съ какимъ участіемъ, любовью, распрашивала о причинахъ долгаго его отсутствія! съ какою нѣжностію она ласкалась къ нему! Потомъ она узнаетъ, что цѣль посѣщенія гостей есть не что иное, какъ повелѣніе короля отнять у нея единственнаго сына, чтобы тѣмъ самымъ уничтожить родъ Персивалей и неравенство ихъ брака. Всю эту сцену г-жа Дюръ вела какъ истинная художница! Съ какимъ отчаяннымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ грустію, она сказала:

Въ немъ кровь моя; его поила я подъ сердцемъ;
Его питала грудью я сама;
Его съ младенчества лелѣяла, хранила —
И я отдамъ его — неслыханное дѣло!

Борьба, лишиться сына, или потерять супруга, выражена ею удивительно! Съ слезами на глазахъ она рѣшается на столь ужасный поступокъ; и когда посланные идутъ въ спальню за сыномъ, она какъ орлица бросается къ нимъ въ изступленіи и говоритъ:

— Несчастное дитя!
Тебѣ отецъ жестокій не защитникъ,
Тебѣ защитою лишь женщина одна.
Но женщина та мать! Злодѣи, попытайтесь
Отъ сердца матери младенца оторвать!

Въ 3-мъ актѣ Персиваль торжественно объявляетъ своимъ подданнымъ о расторженіи брака съ Гризельдою. Во все это время г-жа Дюръ слѣдила за каждымъ движеніемъ всѣхъ присутствующихъ, которые, не смотря на суровый нравъ Персиваля, рѣшились просить за нее. Въ эту минуту лицо г-жи Дюръ попеременно выражало то отчаяніе, то надежду.

Робко, со страхомъ, подошла она къ трону мужа. и возвращая ему обручальное кольцо съ глубокой горестію, съ слезами на глазахъ, произнесла:

— Нѣтъ, государь,
Ты должникомъ моимъ останешься навѣки:
Моя любовь осталась у тебя.
Какъ на рукѣ слѣды кольца запечатлѣлись,
И образъ твой такъ врѣзался въ груди.

Потомъ, упавши предъ нимъ на колѣна, почти задыхающимъ голосомъ окончила:

Но болѣе меня никто на всей землѣ
Любить тебя, боготворить не можетъ!

Сколько въ этихъ сценахъ г-жа Дюръ показала чувства, души! Какая мимика! Какое знаніе сцены! Какая изумительно — неожиданная опытность! Тутъ видѣли мы не робкую, слабую дебютантку, а полную артистку, увѣренную въ торжествѣ своемъ и силѣ своего прекраснаго таланта!

4-й актъ (свиданія съ отцомъ) прошелъ довольно хорошо. Внезапно появляется Персивиль, который разсказываетъ ей, что его преслѣдуютъ, какъ преступника, и проситъ спасенія. При этомъ свиданіи она какъ будто опять ожила; съ тѣмъ же участіемъ къ нему, съ тою же пылкою любовію, она предлагаетъ ему убѣжище въ пещерѣ, ей только и ему извѣстной.

Здѣсь видѣли мы превосходную, въ мимическомъ отношеніи, сцену, когда г-жа Дюръ, проводивъ глазами Персиваля, упала на колѣна, и, поднявъ руки къ небу, съ глазами, полными слезъ, произнесла:

Спасенъ!... Господь, благодарю тебя!

Громкій аплодисементъ, единодушное браво, были выраженіемъ общаго восторга при этой превосходной сценѣ.

Въ 5-мъ актѣ, когда въ присутствіи короля и всего двора объявляютъ ей, что все это не что иное, было какъ только одна шутка, чтобы болѣе удостовѣриться въ ея любви къ Персивалю; когда она узнаетъ отъ мужа, что все это былъ обманъ, — г-жа Дюръ съ невыразимою простотою и съ глубокимъ чувствомъ сказала:

Жестокій былъ обманъ
И стоилъ онъ мнѣ горькихъ слезъ.

Вы какъ будто дѣйствительно видите

предъ собой несчастную жертву. Многія зрительницы утирали слезы: это было вѣрной порукой за дарованіе г. Дюръ.

Вотъ наше мнѣніе; съ нимъ на-вѣрно согласится всякій, кто видѣлъ Гризельду; не вѣрующіе пусть идутъ и посмотрятъ эту піесу, и тогда, вѣроятно, отдадутъ полную справедливость таланту г-жи Дюръ.

Теперь спрашиваемъ противниковъ таланта г-жи Дюръ (если только они есть): Неужели всего этого мало? Неужели дебютантка, только что вступившая на помостки сцены, должна тотчасъ сдѣлаться опытною, великою артисткой? Если и нашлось въ ея роли нѣсколько сценъ неудовлетворительныхъ, то другія сцены выкупаютъ уже всѣ ея недостатки.

Смѣло можемъ сказать, что послѣ г-жи Каратыгиной, одна г-жа Дюръ явилась съ такимъ успѣхомъ въ роляхъ, столь сильныхъ и трудныхъ. Дайте время, и тогда увидите, какъ развернутся сценическія дарованія г-жи Дюръ.

Примите нашъ искренній совѣтъ, г-жа Дюръ: не увлекайтесь преувеличенными похвалами; не пугайтесь порицанія; не смотрите на интриги, которыя суть удѣлъ каждаго артиста, и которыхъ никто еще не избѣгнулъ.

Продолжайте такъ, какъ вы начали, изучайте, обдумывайте, вникайте въ ваши роли, и тогда, повѣрьте, всѣ ваши противники отдадутъ вамъ полную справедливость. Въ жизни всегда такъ бываетъ! Чрезъ нѣсколько лѣтъ вспомните наши слова, и сами сознаетесь, что мы говорили правду.

П.

РЕПЕРТУАРЪ

САНКПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ

РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,

СЪ 1 ОКТЯБРЯ И ПО 1 ДЕКАБРЯ 1840 ГОДА.

САНКПЕТЕРБУРГСКІЕ ТЕАТРЫ.

Октября.

1. *Ал. т.* Дона Луиза, др въ 5 д.; Новый недоросль, въ 2 кар.; Тигровая кожа, вод. въ 1 д.; Тайна матери, ком.-вод. въ 1 д.
   Бол. т. Гитана, бал. въ 3 д.; Швейцарская хижина, оп. въ 1 д.
2. *Ал. т.* Деревенскій докторъ, ком.-вод. въ 1 д.; Задушевные друзья, ком.-вод. въ 1 д.; Два венца, ком. въ 1 д.; Балъ у банкира, ком.-вод. въ 1 д.
3. *Ал. т.* Петербург. квартиры, ком.-вод. въ 5 д.; Матушкина дочка, вод. въ 2 д.
4. *Ал. т.* Деревенскій докторъ, ком.-вод. въ 2 д.
   Бол. т. Тѣнь, бал. въ 3 д.
5. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
   Ал. т. Велизарій, др. въ 5 д.; Дѣловой человѣкъ, ком. въ 1 д.
6. *Бол. т.* Шотландскіе Пуританы, оп. въ 3 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
7. *Ал. т.* Мнимый больной, ком. въ 3 д.; Бриліантъ, ком. въ 2 д.; Друзья Журналисты, ком.-вод. въ 1 д.
   Бол. т. Морской Разбойникъ, бал. въ 2 д.; Женни, оп. въ 1 д.
8. *Ал. т.* Деревенскій докторъ, ком.-вод. въ 2 д.; Кетли, оп. вод. въ 1 д.; Задушевн. друзья, ком.-вод. въ 1 д.
   Бол. т. Луція де Ламермуръ, оп. въ 4 д.
9. *Ал. т.* Мнимый больной ком. въ 3 д.; Бриліантъ, ком. въ 2 д.; Друзья Журналисты, ком.-вод. въ 1 д.
10. *Ал. т.* Эсмиральда, др. въ 5 д.; Покойная ночь, ш.-вод. въ 1 д.
11. *Ал. т.* Мнимой больной, ком. въ 3 д.; Друзья Журналисты, ком.-вод. въ 1 д.; Покойникъ мужъ, вод. въ 1 д.
    Бол. т. Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.; Водовозъ, оп. въ 1 д.
13. *Ал. т.* Дочь скупаго, др. въ 2 д.; Петербург. квартиры, ком.вод. въ 5 кар.; Заемный жених., ком.-вод. въ 1 д.
    Бол. т. Луція де Ламермуръ, оп. въ 3 д.
14. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
    Ал. т. Своя Семья, ком. въ 3 д.; Недотрога, ком. въ 1 д.; Ножка, вод. въ 1 д.
15. *Ал. т.* Эсмиральда др. въ 5 д.; Алый башмач., прол. въ 1 д.; Таинств. гость вод. въ 1 д.

МОСКОВСКІЕ ТЕАТРЫ.

Октября.

1. *Бол. т.* Синичкинъ, вод. въ 5 д.; Именины Помѣщика, инт.
2. *Бол. т.* Фра.
3. *Бол. т.* Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д.
4. *Бол. т.* Архиваріусъ, вод. въ 1 д.; Дѣловой человѣкъ, вол. въ 1 д.; Сгинарель, ком. въ 1 д.; Бездетная вдова, вод. въ 1 д.
5. *Бол. т.* Фра.
6. *Бол т.* Русскій человѣкъ, др. въ 1 д.; Онъ остепенился, вод. въ 1 д.; Усы вод. въ 1 д. Татьяна прекрасная, инт.
7. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д. Первая любовь, вод. въ 1 д.
8. *Бол. т.* Гамлетъ, др. въ 5 д.
9. *Бол. т.* Фра.
10. *Бол. т.* Иголкинъ, др. въ 2 д.; Мужъ холостякъ, ком. въ 2 д.; Архиваріусъ вод. въ 1 д.
11. *Бол. т.* Капризы влюбленныхъ вод. въ 1 д.; Дѣвица отшельница, вод. въ 1 д.; Раулъ, бал. въ 2 д.; Лазы, инт. въ 1 д.
13. *Бол. т.* Уголино, др. въ 5 д.
14. *Бол. т.* Боядерка, оп. въ 2 д.; Капризы влюбленныхъ, вод. въ 1 д.
15. *Бол. т.* Сганарель, ком. въ 1 д.; Полюбовная сдѣлка, вод. въ 1 д.; Неожиданная семья, вод. въ 1 д. дивертис.

16. *Бол. т.* Тѣнь, бал. въ 3 д.
Ал. т. Дочь адвоката, др. въ 2 д.; Сюзетта, ком.-вод. въ 2 отд.; Первая морщинка, ком. въ 1 д.
Бол. т. Мельничиха въ Марли, вод. въ 1 д.

17. *Ал. т.* Левъ Гурычъ Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.; Дочь скупаго, др. въ 2 д.

18. *Бол. т.* Морской разбойникъ, бал. въ 2 д.; Женни, оп 1 д.
Ал. т. Рославлевъ ром., драм. въ 4 д.; Хороша и дурна, вод. въ 1 д.

20. *Бол. т.* Лунза де Ламермуръ, оп. въ 3 д.; Лиза и Коленъ, бал. въ 3 д.
Ал. т. Мнимый больной ком. въ 3 д.; Чудныя приключенія, Пьетро Дандини, вод. въ 3 д.; Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 кар.

21. *Ал. т.* Первая морщинка, ком. въ 1 д.; Деревенскій докторъ, ком.-вод. въ 2 д.; Пожилая дѣвушка, вод. въ 1 д.
Бол. т. Сильфида, бал. въ 3 д.; Водовозъ, оп. 1 д.

22. *Ал. т.* Юрій милославскій, ром. пред. въ 5 кар.; Первое іюля въ Петергофѣ, ш.-вод. въ 1 д.

23. *Ал. т.* Петербург. квартиры, ком.-вод. въ 5 кар.; Синичкинъ, ком.-вод. въ 5 д.

24. *Бол. т.* Луція де Ламермуръ, оп. въ 3 д.; Мельники, бал. бал. въ 2 д.
Ал. т. Гризельда, тр. въ 5 д.; Сюзетта, ком.-вод. въ 2 д.

25. *Бол. т.* Востаніе въ сералѣ, бал. въ 3 д.; Севильскій цырюльникъ, оп 1 д.
Ал. т. Губкинъ, опер. въ 1 д.; Громкая слава, ком. въ 1 д.; Полковникъ нов. временъ ком.-вод. въ 1 д.; Здравствуйт. братцы, ком.-вод. въ 1 д.; Сюрпризъ дочкѣ, вод. въ 1 д.

27. *Ал. т.* Эсмирмльда, др. въ 5 д.; Новички въ любви ком.-вод. въ 1 д.; Алый башмач., пр. въ 1 д.
Бол. т. Бронзовый конь, оп. въ 3 д.

28. *Бол. т.* Гитана, бал. въ 3 д.
Ал. т. Гром. слава, ком. въ 1 д.; Полковн. нов. временъ, ком.-вод. въ 1 д.; Здравствуйте братцы, ком.-вод. въ 1 д.; Сюрпризъ дочкѣ, вод. въ 1 д.

29. *Ал. т.* Дочь адвоката др. въ 2 д. Мельничиха въ Марли, вод. въ 1 д.; Мнимый больной, ком. въ 3 д.

30. *Бол. т.* Ченерентола, оп. въ 2 д.; Дезертеръ, бал. въ 4 д.
Ал. т. Гризельда, тр. въ 5 д.; Сиротка Суданна, ком.-вод. въ 2 отд.

31. *Ал. т.* Ножка, вод. въ 1 д.; Полковникъ нов. временъ, ком.-вод. въ 1 д.; Здравст. братцы, ком.-вод. въ 1 д.; Сюрпризъ дочкѣ, вод. въ 1 д.

16. *Бол. т.* Фра.

17 *Бол. т.* Смерть или честь, др. въ 5 д.

18. *Бол. т.* Дѣва Дуная, бал. въ 2 д; Теперь, вод. въ 1 д.

20. *Бол т.* Двумужница, др. въ 5 д.

21. *Бол. т.* Велисарій, оп. въ 3 д.

22. *Бол. т.* Синичкинъ, вод. въ 5 д.; Семикъ, дивертис.

23. *Бол. т.* Фра.

24. *Бол. т.* Возстаніе въ Серали, бал. въ 3 д.; Отшельница, вод. въ 1 д.

25. *Бол. т.* Кремневъ, др. въ 3 д.; Воспоминаніе Полтавской побѣды инт. въ 1 д.

27. *Бол. т.* Разбойники, тр. въ 5 д.; Часъ въ тюрмѣ вод. въ 1 д.

28. *Бол. т.* Волшебный стрѣлокъ, оп. въ 3 д.; Волшебная флейта, бал. въ 1 д.

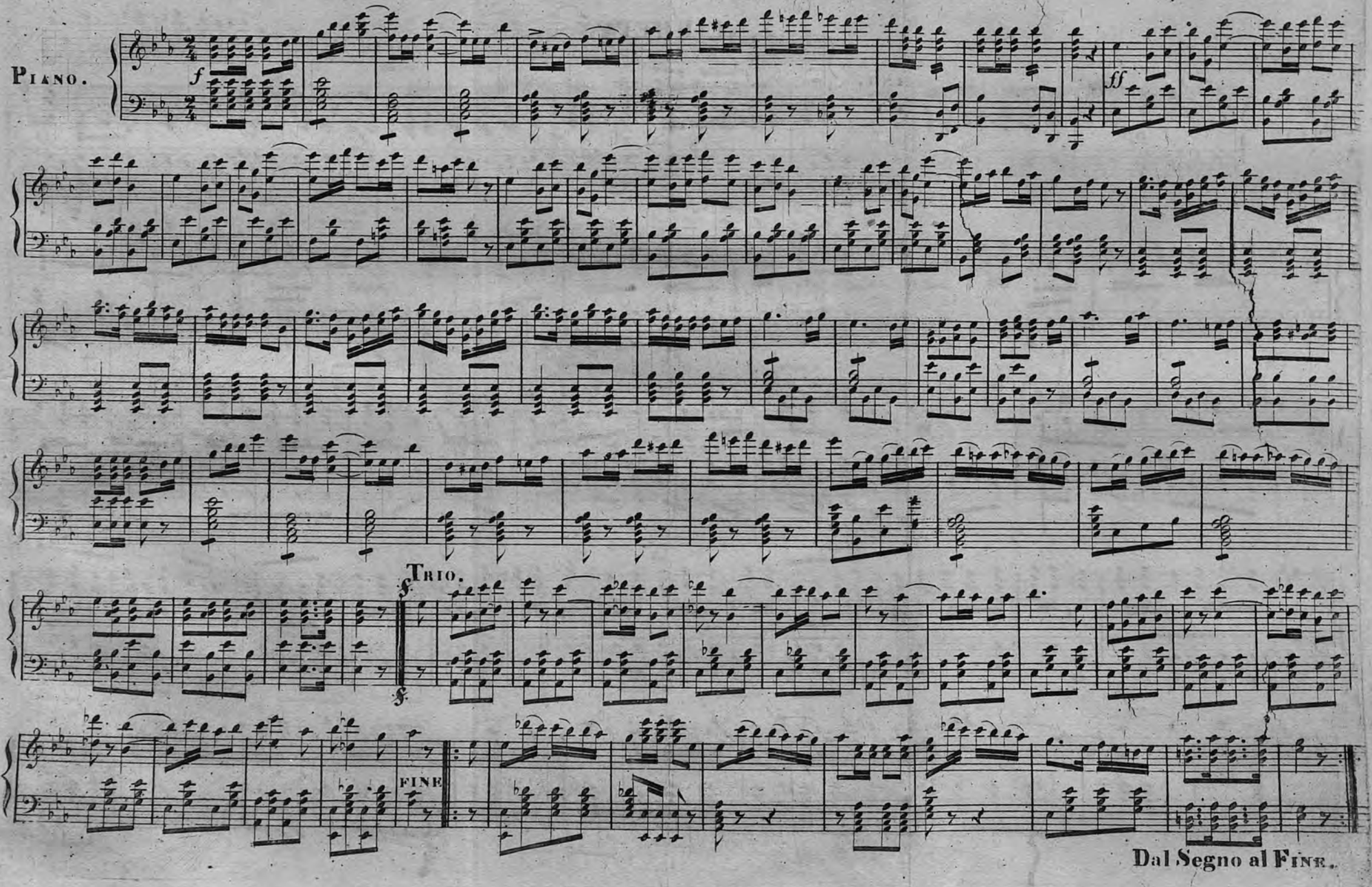
29. *Бол. т.* Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д. Гусарская стоянка, вод. въ 1 д.; Архиваріусъ, вод. въ 1 д.

30. *Бол. т.* Фра,

31. *Бол. т.* Фрадіяволъ, оп. въ 3 д.

МАРШЪ

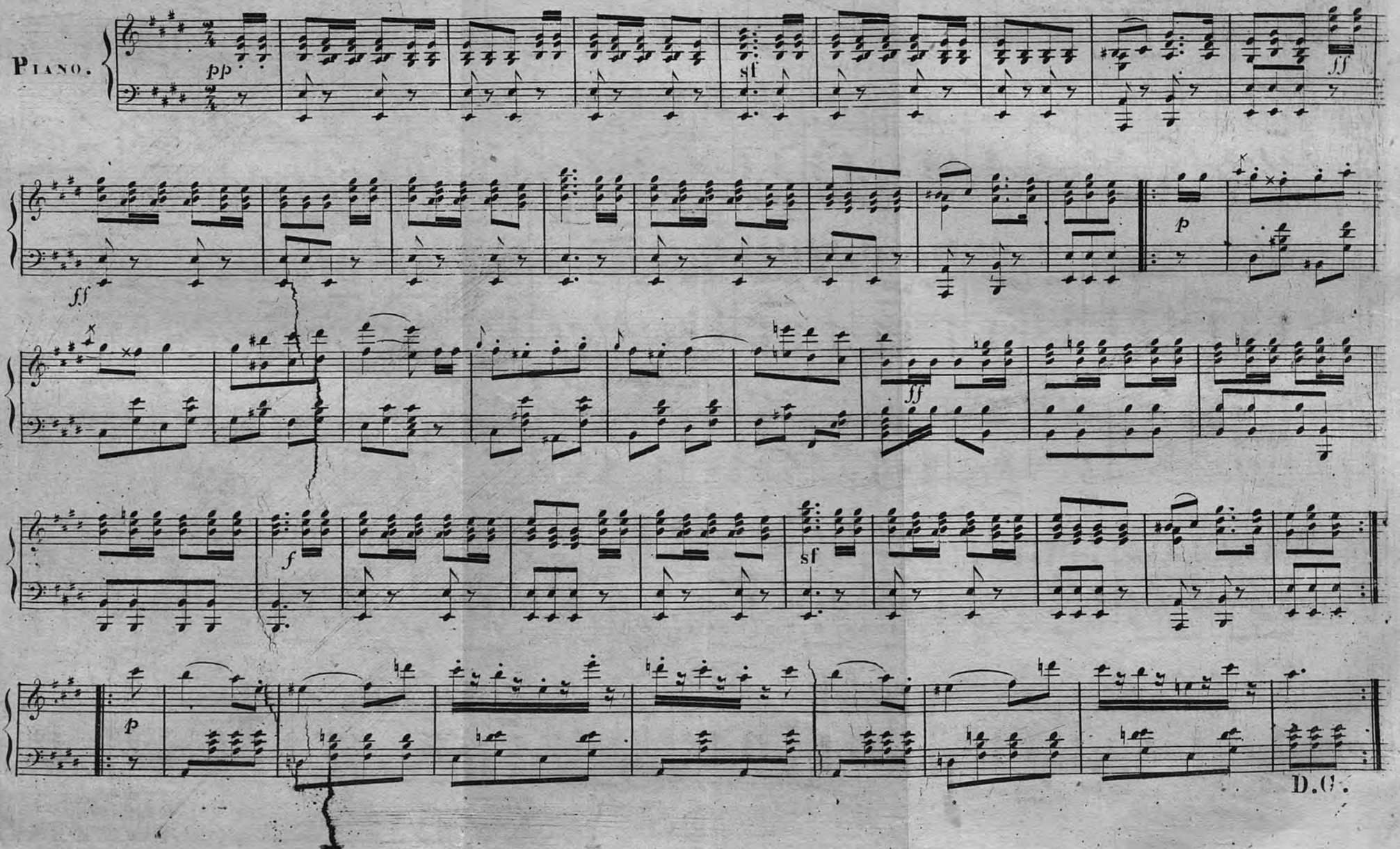
изъ Оперы: **ГУСТАВЪ** музыка сочиненія ОБЕРА.



TARANTEL-GALOPP.

сочиненія

J. ЛАННЕРА.



Engraved by Robert Jennings.

ЭСМЕРАЛЬДА,

или

ЧЕТЫРЕ РОДА ЛЮБВИ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ, СЪ ПРОЛОГОМЪ.

АЛЫЙ БАШМАЧОКЪ, ПРОЛОГЪ ВЪ 1 ДѢЙСТВІИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жервеза Шатофлери. *Г-жа Каратыгина 1-я.*
Флорета, дочь ея. . . . *Г-жа Павлова (вос.)*
Старуха, мать Жервезы. *Г-жа Горичева.*
Магдалина Мюнье. . . *Г-жа Сибирякова.*
Николетъ, сынъ ея. . . *Г. Исаковъ (вос.)*
Фанишетта, Бернарда, Нитта } крестьянки *Г-жа Капылова 2. Г-жа Черникова. Г-жа Эндель.*

Пусе, деревенскій судья. *Г. Чайскій.*
1, 2 } крестьяне. . . . . *Г. Семихатовъ. Г. Михайловъ.*
Цыганскій Атаманъ. . *Г. Третьяковъ.*
Жена его. . , ... *Г-жа Шишкина.*
Кролло, цыганъ. . . . *Г. Горьковъ.*

ДѢЙСТВІЕ 1 ЗАТВОРНИЦА.
— — — — 2 ЛЮБОВЬ ЮНОШИ.
— — — — 3 ЛЮБОВЬ ПРЕСТУПНИКА.
— — — — 4 ЛЮБОВЬ УРОДА.
— — — — 5 ЛЮБОВЬ МАТЕРИ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Жервеза Шотофлери. *Г-жа Каратыгина 1-я.*
Клоде Фрелло, Синдикъ. . . . . *Г. Каратыгинъ 1-й.*
Квазимодо, звонарь. . *Г. Брянской.*
Эсмеральда, цыганка. . *Г-жа Дюръ.*
Фебъ де-Шатоперъ. . *Г. Каратыгинъ 2-й.*
Клопенъ Трульфо, нищій. . . . . *Г. Григорьевъ 1-й.*
Магдалина Мюнье. . . *Г-жа Сибирякова.*
Одоарда, кормилица Феба. . . . . *Г-жа Гусева.*
Ренарда, богатая лавочница. . . . . *Г-жа Григорьева.*
Марія, родственница ея. *Г-жа Полякова.*
Нинетта. . . . . *Г-жа Эндель.*
Капитанъ. . . . . *Г. Калининъ.*
Пьеръ Гринго аръ, Жакъ Флетри } студенты. *Г. Вороновъ. Г. Фальевъ.*

Кролло, Пеппо } цыганы. . . *Г. Горьковъ. Г. Прусаковъ.*
Этьенъ Ламартинъ, портной. . . . . *Г. Эрастовъ.*
1, 2 } солдаты. . . . . *Г. Максимовъ. Г. Сосновскій.*
1, 2 } крестьянѣ. . . . . *Г. Семихатовъ. Г. Михайловъ.*
Тюремный служитель. *Г. Чайскій.*
1, 2 } игроки цыгане. . . *Г. Сергѣевъ. Г. Петровъ 1.*
Сержантъ. . . . . *Г. Васильевъ.*
Старуха. . . . . *Г-жа Сандунова.*
Дѣвушка. . . . . *Г. Черникова.*
Скрыпачь . . . . . *Г. Фоминъ.*
Молодой нищій. . . . *Г. Фризановскій (вос.)*
1, 2 } мальчики. . . . . *Г. Песоцкій (вос.) Г. Мухинъ (вос.)*

АЛЫЙ БАШМАЧОКЪ.

ПРОЛОГЪ.

КАРТИНА 1-Я.

Большая площадь, осаженная справа и слѣва деревьями. Вдали видна деревня. Среди сцены стоитъ большое майское дерево, убранное разноцвѣтными лентами.—Вокругъ него танцуютъ, держась за руки, дѣти; по обѣимъ сторонамъ сцены скамьи, передъ ними столы. Направо Магдалина, Фаншета, Бернарда, Нинета, разряженныя попраздничному, ѣдятъ пироги и пьютъ вино. Налѣво за маленькимъ столомъ Жервеза, съ матерью вдвоемъ. Множество молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ пляшутъ съ дѣтьми. На лѣво разряженный, по праздничному, трактирщикъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

МАГДАЛИНА, ФАНШЕТА, БЕРНАРДА, НИНЕТА, ЖЕРВЕЗА, СЪ МАТЕРЬЮ, ФЛОРЕТА, НИКОЛЕТЪ, крестьяне, крестьянки, дѣти.

ХОРЪ.

Скачи, веселися,
Люби и играй!
Весны дождалися,
Приходитъ къ намъ май.

Май будетъ не вѣчно,
Мелкнетъ — и прощай!
Встрѣчайтежъ безпечно
И весело май!

(Громкія восклицаніе и шумъ, танцующіе перегоняются, раздѣляются съ окончаніемъ музыки; дѣти бѣгутъ къ матерямъ, крестьяне ложатся на землю; общее движеніе и суматоха.)

ЖЕРВЕЗА, простирая объятія.

Флорета, поди сюда; посмотри, бабушка, какъ дитя разгорячилось. *(Придвигаетъ скамейку и вытираетъ лобъ Флоретѣ.)* Сядь здѣсь порядочно, какъ маленькая графиня, сложи ручки и дай полюбоваться собою. Ахъ матушка, какой ангелъ это дитя! неправдали?

ФЛОРЕТА, вскакивая и обхватывая шею матери ручонками.

Ахъ! маменька, какъ я люблю тебя!

ЖЕРВЕЗА, лаская ее.

Счастье мое, какъ ты хороша! Какъ ангелъ хороша! Матушка, есть ли у кого такое прелестное дитя, какъ наша Флорета? ну, сядь же и скушай этотъ пирожокъ.

(Усаживаетъ ее и кормитъ.)

МАГДАЛИНА, другой старухѣ.

Посмотрите-ка на графскую служанку, какъ она важничаетъ съ своей дѣвчонкой. Она воображаетъ, что во всей Франціи нѣтъ лучше ея ребенка. А взгляните на моего сынка, ну, не ангелъ ли? *(Подводитъ къ столу рыжаго гадкаго мальчишку.)* Во всей деревнѣ нѣтъ красивѣе моего Николета, — а эта маленькая змѣя смѣется надъ нимъ, толкаетъ его и гонитъ, когда онъ шага на три къ ней подойдетъ. А онъ такой кроткой, такой... Что ты хнычешь, красота моя.

НИКОЛЕТЪ, топая ногами.

Дай мнѣ ѣсть, я голоденъ.

МАГДАЛИНА, испугавшись, даетъ ему въ руку пирогъ.

Атъ, ты мой бедняжка! возьми, крошка моя.

(Николетъ, схвативъ пирогъ, отходитъ въ сторону и ѣстъ.)

ФАНШЕТА.

Правду сказать, сосѣдка, маленькая Флорета куда мила, и я бы ее поминутно цаловала, еслибъ она не была дитя грѣха.

ЖЕРВЕЗА.

Хочешь молока душенька? сей часъ я принесу.

(Уходитъ въ домъ.)

ФАНШЕТА.

Кто такова эта женщина?

МАГДАЛИНА.

Вы спрашиваете? И то сказать, вы всего три дня только здѣсь въ деревнѣ съ молодымъ мужемъ *(Глядя въ слѣдъ Жервезѣ.)* Она

ушла въ домъ, старуха ея худо слышитъ, такъ я могу услужить вамъ, милая Фаншета. Она изъ здѣшней деревни, и была самая пригожая дѣвушка восемь лѣтъ тому назадъ; только всегда любила почваниться и неочень на насъ глядѣла. Вдругъ пріѣхалъ сюда прекрасный, молодой, богатый баринъ, графъ, говорятъ. Онъ женился на Жервезъ, и увезъ ее въ Парижъ. Черезъ четыре года однакожъ возвратилась она, блѣдная, печальная, поселилась у старой матери, начала работать на антверпенскихъ госпожъ, шьетъ, трудится, короче, живетъ очень незавидно и даже утверждаютъ, что она никогда не была замужемъ.

ФАНШЕТА, всплеснувъ руками.

Что вы говорите? Ай! Ай! Откудаже она беретъ эти прекрасныя платья?

МАГДАЛИНА.

Это все прежнія, все остатки парижскаго житья! Глупая щеголиха! Замѣтили ли вы, что за чудесные башмаки на ея малюткѣ, алые, шитые золотомъ? *(Злобно смѣется.)* Словно у какой нибудь принцессы... А какъ она ее рядитъ? шолкомъ да лентами! Оно исправедливо: надо жъ было на майскомъ праздникѣ чѣмъ нибудь отличить дочь грѣха отъ дѣтей честныхъ родителей.

ЖЕРВЕЗА въ то время возвратилась съ кружкой молока, и слышала весь разговоръ, незамѣченная ими, потому - что они на аван – сценѣ и близко другъ отъ дружки.

Моя дочь также дитя честныхъ родителей, г-жа Магдалина, а вы злая болтунья.

МАГДАЛИНА, взбѣсясь.

Какъ ты смѣешь, графская служанка.

ЖЕРВЕЗА.

Не служанка, а жена, съ вашего позволенія; если мужъ мой кинулъ жену съ ребенкомъ, до этого никому нѣтъ дѣла. Я достаю себѣ хлѣбъ честно, отказываю въ нужнѣйшемъ, и если изъ любви къ моему ребенку просиживае почи и сама вышиваю на ея миленькія ножки пару башмачковъ, и это также ни до кого не касается. Я это дѣлаю потому, что умѣю; а вы ничему не учились и ничего не умѣете, какъ только злословить по улицамъ добрыхъ людей и марать ихъ честь.

МАГДАЛИНА, поблѣднѣвъ отъ злобы.

Сажа угля не замараетъ!

ФЛОРЕТА, которую Николетъ хотѣлъ поцаловать.

Оставь меня въ покоѣ, гадкой Николетъ! Маменька, этакой скверный мальчишка хочетъ цаловать меня.

МАГДАЛИНА, въ бешенствѣ.

Отойди отъ нея! Нестыдно ли тебѣ связаться съ этой тварью!

ЖЕРВЕЗА беретъ дочь на руки.

Поди сюда, милое дитя; я не позволю имъ обижать тебя. Нѣтъ, лучше я пойду просить милостыню по всей Франціи, чѣмъ останусь долѣе съ подобными женщинами. Это зависть, одна низкая зависть, что ты такъ хороша дочь моя, такъ мила, а ея Николетъ уродъ.

МАГДАЛИНА, внѣ себя.

Уродъ! онъ уродъ! Смѣешь ли ты такъ говорить о законныхъ дѣтяхъ, безстыдная!

(Шумъ за кулисами; слышны голоса: »Медвѣдь! медвѣдь!« Музыка - волынка, медвѣжья пляска; шайка цыганъ ведетъ медвѣдя, толпа народа за ними.)

ЦЫГАНЪ КРОЛЛО, скликаетъ.

Сюда, красныя дѣвушки молодушки! здѣсь передъ домикомъ, будетъ нашъ муфтій показывать разныя штуки. Ученѣйшій медвѣдь во всей Фландріи, подаренъ Китайскимъ Императоромъ, за 12,000 миль пѣшкомъ пришелъ! сюда смотрите. Оло! муфтій клаяйся.

(Медвѣдь шаркаетъ лапой, громкій хохотъ.)

ФАНШЕТА.

Посмотримъ лучше на медвѣдя, чѣмъ попусту браниться.

ЖЕРВЕЗА, къ своей матери.

Пойдемъ, матушка, покажемъ малюткѣ звѣря.

ФЛОРЕТА, прыгаетъ хлопая въ ладоши.

Да, маменька, медвѣдь! медвѣдь!

(Во все продолженіе слѣдующей сцены медвѣдь пляшетъ и дѣлаетъ штуки, но въ большомъ отдаленіи, чтобъ сцена была свободна.)

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЦЫГАНСКОЙ АТАМАНЪ И ЖЕНА ЕГО прокрадываются на аванъ-сцену. Ихъ костюмъ самый старинный цыганскій.

АТАМАНЪ.

Хорошо, старуха, добычу-то мы припрятали, теперь какъ бы намъ достать малютку.

ЖЕНА.

Не жестоколи, что ты на нее хочешь промѣнять нашего Педрилло, нашу плоть и кровь.

АТАМАНЪ.

Нашла кого жалѣть! признайся, что гаже твоего Педрилло свѣтъ не производилъ: шести лѣтъ, а глупъ какъ оселъ, ничего не говоритъ, только жретъ да реветъ. Какая разница, графское-то дитя? сокровище! Право, чѣмъ попусту возиться съ твоимъ уродомъ, далъбы ему кърачунъ, такъ и дѣло съ концомъ.

ЖЕНА.

Все сдѣлаю по твоему, только не убивай сына.

АТАМАНЪ.

Смотриже, будь умна! только бы намъ спроворить эту дѣвочку! Она лучшая изо всей деревни, а намъ нужна новая приманка. Деньги на исходѣ. Какъ только Кролло спуститъ медвѣдя и начнется суматоха, мы ею воспользуемся; медвѣдь убѣжитъ въ свою берлогу въ лѣсу, на улицѣ караулитъ его Пеппо, и поймаетъ, а мы всѣ навостримъ лыжи. Смотри не плошай, онъ спускаетъ его. *(До сихъ поръ все была музыка. Крики за кулисами.)* Боже мой! Господи помилуй! Медвѣдь сорвался! Помогите! Помогите? *(Крики продолжаются, цыганка убѣгаетъ въ толпу, крестьяне и крестьянки толпою бѣгутъ на сцену, толкаются и кричатъ:)* Медвѣдь! Боже мой, умилосердись надъ нами! Звѣрь! Медвѣдь.

ЖЕРВЕЗА, за кулисой.

Стой, Флорета, стой, куда ты? Гдѣ ты? Гдѣ она?

ФЛОРЕТА, бѣжитъ чрезъ сцену.

Маменька? Маменька! Гдѣ ты? Медвѣдь! Злой медвѣдь!

АТАМАНЪ, схвативъ ее и закутывая плащемъ.

Пешевелись! Молчи! Не то медвѣдь съѣстъ тебя.

(Убѣгаетъ съ нею направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

МАГДАЛИНА, ФАНШЕТА, ПИПЕТА, БЕРНАРДА, НАРОДЪ.

МАГДАЛИНА.

Ахъ, Боже мой! У меня вѣдь ноги подкосились! *(Другимъ.)* Останемся здѣсь, вы видѣли, вѣдь медвѣдь побѣжалъ туда. *(Показываетъ въ ту сторону, откуда они пришли.)* Здѣсь мы безопасны.

(Вся толпа въ глубинѣ сцены).

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ, ЖЕРВЕЗА.

ЖЕРВЕЗА, выбѣгая съ дикимъ взоромъ.

Флорета! Флорета! Здѣсь ли ты? Добрые люди, не видали ль вы моей дочери. Старуха моя упала на землю отъ страха, когда медвѣдь сорвался съ цѣпи, и пока я подымала ее, литя мое пропало съ глазъ. Гдѣ моя малютка? Гдѣ мой ангелъ?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Кажись, я ее видѣлъ здѣсь, на площади.

(Жервеза въ смертельномъ страхѣ, бросается къ толпѣ, пересматриваетъ одного ребенка послѣ другаго и живо убѣгаетъ со сцены; многіе слѣдуютъ за нею.)

ФАНШЕТА.

Ахъ! Боже мой Она совсѣмъ обезумѣла! Мнѣ жаль ее! Что, если медвѣдь разорвалъ ея ребенка! Это ужасно!

МАГДАЛИНА.

Небойся, подобнымъ дѣтямъ никогда ничего не дѣлается; дурная трава не переводится!

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, ПУСЕ, ДЕРЕВЕНСКОЙ СУДЬЯ И МНОГО ХОРОШООДѢТЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ.

ПУСЕ.

Слава, Богу, здѣсь, кажется всѣ наши женжины: съ ними не случилось никакого несчастія. Очень радъ.

МАГДАЛИНА.

Все благополучно, г. судья, а могло быть очень-дурно: точно какой чортъ сидѣлъ въ этомъ медвѣдѣ.

ЖЕРВЕЗА, вдали.

Горе мнѣ! Горе бѣдной! Боже, умилосердись надо мной! о, это ужасно! ужасно!

(Всѣ оборачиваются къ той сторонѣ, куда убѣжала Жервеза.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, ЖЕРВЕЗА, съ смертною блѣдностію, волосы разтрепаны, платье изорвано, взглядъ огненный, бросается быстро на другую сторону и увидя Магдалину, кидается къ ней, судорожно схватываетъ ее и говоритъ задыхающимся голосомъ.

ЖЕРВЕЗА.

О, ради Неба, ужасная женщина, свирѣпая львица, куда дѣвала ты моего ребенка, мою милую, прелестную малютку, куда дѣвала ты ее?

МАГДАЛИНА.

Не съ ума ли ты сошла?

ЖЕРВЕЗА, схвативъ себя за голову.

О нѣтъ! Боже мой! Нѣтъ! Здѣсь такъ странно стучитъ, кружится, но Богъ сжалится. — Онъ не допуститъ меня сойдти съ ума! какже тогда мнѣ найдти моего ребенка? ты называла мою малютку тварью, не такъ ли? Вы всѣ это слышали? она говорила это! о! гдѣ же дитя мое! Ахъ! Она пропала!

МАГДАЛИНА, ФАНШЕТА И ВСѢ.

Пропала? Правдали? Пропала? Это ужасно!

ЖЕРВЕЗА, съ глубокою горестію, плача какъ дитя.

Ахъ да, добрые люди, моя хорошенькая, миленькая дѣвочка пропала. О! сжальтесь, отдайте мнѣ ее. Я каюсь предъ вами, я виновата, я была глупа, неосторожна, неласкова съ вами, я сознаюсь во всемъ.... Но у меня никого нѣтъ на свѣтѣ, ктобы любилъ меня, никого, кромѣ моей малютки, моего сокровища, за тѣмъ-то Богъ и послалъ ее, чтобы покинутая, обманутая Жервеза, на которую всѣ указываютъ пальцами, имѣла сердце, которое бы понимало ее. *(Падаетъ на колѣни предъ Магдалиною.)* О! умилосердись надомною, сжалься, отдай мнѣ мое дитя. Я не буду больше сердить тебя, я сожгу всѣ мои наряды, платья, буду ходить въ холстѣ, сошью себѣ саванъ, буду твоей служанкой, работницей, стану смотрѣть за твоей собакой, отдай только мнѣ моего ребенка—моего ребенка—отдай—отдай мнѣ ее.

(Послѣднія слова она съ трудомъ выговариваетъ, и ослабѣвъ, падаетъ къ ногамъ Магдалины.)

МАГДАЛИНА, растрогавшись.

Боже мой! Бѣдная совсѣмъ помѣшалась, и я не могу помочь ей.

ЖЕРВЕЗА, приподымаясь.

Ты должна помочь мнѣ! о добрыя женщины, посмотрите только на меня, она должна мнѣ отдать мою дочь.

ФАНШЕТА.

Бѣдная Жервеза, у Магдалины нѣтъ ея, право нѣтъ; лишь бы только этотъ ужасный медвѣдь....

ЖЕРВЕЗА, прерывая ее.

Ты говоришь, медвѣдь разорвалъ моего ребенка, о! о! страшно! ужасно! Но нѣтъ, это невозможно! Есть Богъ на небесахъ! Если бы хищный звѣрь впустилъ свои кровавые когти въ грудь моего дитяти, если бы своими острыми зубами сталъ онъ грызть ея личико, лизать кровь ея своимъ жаднымъ языкомъ... *(Съ крикомъ)*. О! нѣтъ! Боже мой, нѣтъ, Ты бы обрушилъ на него сводъ небесный.

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, крестьянинъ, съ правой стороны.

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Эй, люди, люди, сюда, на помощь, если ужъ не поздно.

(Всѣ бросаются къ нему.)

ВСѢ.

Что случилось? Что такое?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Тамъ въ лѣсу встрѣтился мнѣ цыганъ на тощей клячѣ, за нимъ сидѣла отвратительная старуха; передъ собой на сѣдлѣ держалъ онъ дѣвочку, которая горько плакала, кричала, билась руками и ногами; онъ крѣпко ударилъ ее кулакомъ по лицу—кровь брызнула. Я хотѣлъ къ ней броситься, но онъ со смѣхомъ стегнулъ лошадь и ускакалъ, какъ будто нечистый сидѣлъ у него за плечами.

ЖЕРВЕЗА, слушала въ окаменѣніи.

Флорета! Флорета! Не онали это, не моя ли малютка?

КРЕСТЬЯНИНЪ, подавая алый башмачокъ, шитый золотомъ.

Вотъ этакіе башмаки были на бѣдняжкѣ: одинъ свалился у нея съ ноги и лежалъ на дорогѣ.

(Жервеза съ воплемъ бросается къ башмаку, прижимаетъ его къ груди, хочетъ говорить, но не можетъ и падаетъ замертво.)

ВСѢ, съ величайшимъ участіемъ.

Ахъ! бѣдная! несчастная!

ПУСЕ.

Скорѣй за мною, сѣдлайте лошадей, въ погоню за хищникомъ!

(Уходитъ съ многими крестьянами.)

МАГДАЛИНА, суетится около нея.

Какъ мнѣ жаль, что я такъ грубо обошлась съ нею сегодня.

ФАНШЕТА.

Посмотрите, Боже мой, она разбила себѣ въ кровь голову.

ЖЕРВЕЗА, открываетъ глаза, озирается съ улыбкой, и нѣсколько приподымаясь.

Неправдали? Медвѣдь не разорвалъ ея? *(Вскакиваетъ.)* Ахъ! Да! Я знаю! Цыганы увезли ее! *(Вспоминая.)* Что мнѣ разсказывалъ графъ въ Парижѣ? *(Однимъ тономъ.)* Цыганы, Египетское племя, съ востока разсыпалось по всему свѣту; они промышляютъ тайными науками, молодятъ старыхъ богачей, употребляя на то свѣжую кровь, добытую изъ жилъ невинныхъ дѣтей... *(Вскрикиваетъ, какъ будто глубоко раненая.)* Ахъ! ахъ! А у моей прелестной дочки много крови, я сама выдавливала ее, когда она себѣ уколола палецъ. *(Смѣется.)* Что за миленькія ручки у нея! а ножки! О! я гордилась ими! ея ножки... Боже мой! Башмачокъ! — Гдѣ ея башмачокъ? Башмачокъ моей дочери. *(Подымая съ пола.)* Вотъ онъ... *(Цалуетъ его.)* Ахъ! *(Рыдаетъ.)* Мнѣ ничего больше неосталось на свѣтѣ... Ничего... только это... *(Прячетъ за пазуху.)* Нѣтъ, нѣтъ... тамъ лежитъ еще что то... Смотрите, смотрите... Это ручка моей Флоретты, а тамъ... *(Указывая какъ бы видя члены дочери.)* Тамъ ножка... О! они выпустили изъ нея всю кровь и разбросали нѣжные, маленькіе члены ея повсему божьему свѣту!

ФАНШЕТА, плача.

Бѣдная женщина!

ЖЕРВЕЗА.

Послушайте, между вами есть матери, не такъ ли? вы тоже матери? вы рожали въ ужасныхъ мукахъ и страданіяхъ.... вы думаете, что вы страдали?... О нѣтъ, нѣтъ!.. Вамъ надо лишиться вашихъ дѣтей, чтобы понять, что такое страданіе! У меня похитили дочь, увезли далеко, били ее, кровь текла изъ ея лица. *(Въ изступленіи.)* Проснись, пробудись, дремлющее небо, подыми на нихъ вѣтры свои, обрушь на нихъ лѣса... сжальтесь хоть вы, крылатые ястреба, выклюйте глаза убійцамъ, чтобъ они немогли видѣть сердца моего дитяти..васъ призываетъ мать, услышьте меня! я хочу моего дитя... мою малютку... хотя трупъ ея... одинъ только членъ, ея...и... *(съ безумною радостію)* Смотрите

какъ прирастаютъ крылья къ плечамъ моимъ... они несутъ меня... дайте мѣсто... мать летитъ чрезъ горы и лѣса. Къ своему ребенку... прочь, прочь...

(Быстро убѣгаетъ.)

ВСѢ.

Несчастная! Боже! Умилосердись надъ нею!

(Иные слѣдуютъ за нею, другіе падаютъ на колѣна.)

ЗАТВОРНИЦА.

КАРТИНА 1-Я.

(Дѣйствіе происходитъ чрезъ 12 лѣтъ.)

Площадь въ Антверпенѣ. Вправо у кулисы на нѣсколькихъ ступеняхъ дубовый столбъ, къ которому прикрѣплена желѣзная цѣпь съ кольцомъ. Влѣво отъ зрителей, мрачный готическій домъ, съ старинными украшеніями. Изъ первой кулисы выходитъ невысокая пристройка, внутри видны сѣрыя стѣны, внутренее пространство небольшое, съ острой кровелькой: она должна походить на старинную часовеньку. Внутри каменная скамья. Жервеза, въ сѣрой шерстяной блузѣ, опоясана веревкой, волосы висятъ поблѣдному лицу, сидитъ согнувшись на скамьѣ, не принимая никакого участія въ дѣйствіи подлѣ нея кружка воды. У часовни маленькая, черная желѣзная дверь на сцену; низъ весь желѣзный, верхняя половина рѣшетчетая.—При поднятіи завѣсы, слышенъ вдали маршъ, трубы; богато одѣтые горожане выходятъ изъ глубины на сцену, потомъ наряженные за маскированные; чертями, шутами, дикими, изъ сосновыхъ вѣтвей короны и передъ ними толпа народа. Изъ второй кулисы справа выходитъ лавочница Ренарда, Марія, ея двоюродная сестра Магдалина, одѣтая какъ богатая мѣщанка: всѣ три въ высокихъ чепцахъ въ видѣ золотаго рога, который прикрѣпленъ ко лбу кружевами и убранъ лентами; сверху приколото узкое покрывало.

ЯВЛЕНІЕ I.

РЕНАРДА, МАРІЯ, МАГДАЛИНА, ЖЕРВЕЗА.

РЕНАРДА, несетъ пирогъ.

Ну, надо же поработать локтями, чтобъ пробраться сквозь всю толпу народа на этой площади.

МАРІЯ, съ серебряной кружкой.

Я совсѣмъ изъ силъ выбилась; еслибъ крышка не была такъ крѣпка у моей кружки, Антверпенская мостовая напилась бы моимъ душистымъ виномъ.

МАГДАЛИНА.

Чтожъ у васъ здѣсь дѣлается въ Антверпенѣ? Нѣтъ, сестра, я бы этаго и непридумала Брюггъ, гдѣ я живу, кажется не маленькой городокъ, но и въ 20 лѣтъ тамъ неуслышишъ крика, какъ здѣсь въ одинъ день.

РЕНАРДА, смѣется.

Э, милая сестра, вѣдь зато нынче послѣдній день масляницы, въ который всѣ дурачатся, всѣ веселятся, даже и колодники. Стоитъ придти сюда вамъ, чтобъ хоть разъ взглянуть на это. *(Въ полголоса съ осторожностію.)* Загляника Марія, въ мышачью нору,—тихій-ли часъ нашелъ на сестру Гудулу?

(Марія, на цыпочкахъ, приближается къ часовнѣ, которая открыта къ публикѣ, и смотритъ сквозь рѣшетку.)

МАГДАЛИНА.

Да что жъ вамъ здѣсь нужно? И кто за-

саженъ въ эту мышачью нору, какъ вы ее называете.

РЕНАРДА, съ важностію.

Ахъ! Тамъ набожная сестра Гудула!... Эту часовню пристроила графиня Роландъ для кающихся молельщицъ, сама жила въ ней 20 лѣтъ, и завѣщала ее тѣмъ, кто захочетъ въ ней жить на покаяніи.— Тутъ уже живетъ 12 лѣтъ бѣдная сестра, которую народъ зоветъ Гудулой; лѣто и зиму сидитъ она на каменной скамьѣ, безъ огня, питается тѣмъ, что ей подаютъ въ ея келью сострадательныя души, и хочетъ умереть тамъ, потому что велѣла заклепать на-глухо желѣзную дверь.

МАГДАЛИНА.

Это ужасно! Да кто она такая?

РЕНАРДА.

Никто этого не знаетъ. Она часто мѣшается въ умѣ, и тогда не ѣстъ по цѣлымъ днямъ? Впрочемъ, она такъ тиха! Упасъ въ семействѣ не пропускаютъ ни одного праздника, чтобъ не вспомнить о Гудулѣ, а такъ какъ сегодня послѣдній день масляницы, то я и принесла бѣдняжкѣ пищу.

МАРІЯ, въ это время старалась обратить на себя вниманіе Жервезы, но возвращается съ огорченіемъ.

Сегодня она опять, какъ мертвая...

РЕНАРДА.

Надо кликнуть ее. *(Идетъ къ рѣшеткѣ.)* Сестра Гудула! сестра Гудула! слышишъ ли ты?

МАГДАЛИНА, приближается на цыпочкахъ и со страхомъ протягиваетъ шею, чтобъ увидѣть ее!

Не кусается ли она?

РЕНАРДА.

Оне, бойтесь ее! Посмотрите только на бѣдняжку, какъ она тамъ сидитъ—камень бы тронулся! Вотъ она опять держитъ свой башмачекъ, который мокрехонекъ отъ слезъ ея, и до того цалуетъ его, что онъ совсѣмъ полинялъ.

МАГДАЛИНА.

Что говоришь ты, сестра? Маленькій башмачокъ? *(Стишитъ къ рѣшеткѣ.)* Ахъ, вѣдь это несчастная Жервеза. *(Зоветъ.)* Жервеза! Жервеза Шато-Флёри!..

ЖЕРВЕЗА, вскакиваетъ въ бѣшенствѣ.

О! о! цыганка зоветъ меня!.. дочь Египта, похитительница дѣтей... я проклинаю тебя... *(Тихо опускается на скамейку.)* Я проклинаю тебя!

МАГДАЛИНА.

Боже милостивый, это она! О, страдалица! Жервеза, узнаешь ли ты меня? Я Магдалина Мюнье! Ахъ, какое счастіе, что я нашла тебя! Мужъ твой, графъ, пріѣзжалъ безъ тебя, терзаемый болѣзнію и раскаяніемъ; онъ справлялся о тебѣ; умеръ и оставилъ тебѣ полный мѣшокъ золота; ужъ шесть мѣсяцевъ, какъ правительство ищетъ тебя по всей Фландріи: ты все получишь ты, можешъ теперь купить помѣстье, виноградники; ты стала очень богата.

ЖЕРВЕЗА, молча смотритъ на нее, ничего не понимая; потомъ будто какъ что—то вспомнила, потерла лобъ рукою, стараясь все припомнить.

Адольфъ умеръ! Ахъ! да! да! онъ умеръ! Какъ солоны мои слезы! Давно ужъ я не имѣю вкуса пріятнаго, сладкаго.

МАГДАЛИНА.

Вы возьмете однако свое добро?

ЖЕРВЕЗА.

Увѣдомь правительство, гдѣ скрывается сестра Гудула; они сами придутъ ко мнѣ. Тогда скажу, что сдѣлаю съ моимъ золотомъ. *(Весело хлопая руками.)* Такъ я получила наслѣдство? Много денегъ? славно!—*(Глухо.)* Я уже знаю, что буду съ ними дѣлать.

РЕНАРДА, плача.

О несчастная.

ЖЕРВЕЗА, снова забывшись.

Холодъ! о нестерпимый, холодъ!

(Дышитъ на руки.)

РЕНАРДА.

Теперь зима! Боже мой, какъ мнѣ жаль ее! Нельзя ли намъ дать ей огня?

ЖЕРВЕЗА, кладетъ руку ко лбу и качаетъ головой.

Огня? Разведете ли вы немного огня для моей малютки, которая лежитъ въ сырой землѣ?

МАРІЯ.

Не хочешь огня? Ну, такъ выпей вина: оно согрѣетъ тебя.

(Протягиваетъ къ ней кружку.)

ЖЕРВЕЗА, глухо.

Нѣтъ! одной воды!

РЕНАРДА.

Ты не откажешься однако отъ этого жирнаго пирога?

ЖЕРВЕЗА.

Я хочу чернаго хлѣба.

РЕНАРДА.

Вѣдь нынче праздникъ, всѣ веселятся, пьютъ, ѣдятъ, и ты можешь сдѣлать маленькое отступленіе.

ЖЕРВЕЗА, дико.

Праздникъ!... Да! я это вижу! да, вы справляете праздникъ, — а о бѣдной, бездѣтной матери никто не пожалѣетъ. Ахъ! тогда былъ тоже праздникъ, когда цыганы украли мою милую дочку. Посмотри на меня пристально... Геенны съѣли ее—а вамъ и дѣла нѣтъ. *(Слышенъ издали барабанчикъ и кастаньеты)* Слушайте, слушайте,—цыганка... она сейчасъ придетъ сюда и украдетъ у васъ дѣтей вашихъ. Проклятіе... проклятіе ей...

(Падаетъ на колѣна, прислонясь къ стѣнѣ, и остается безъ движенія).

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ И КЛОДЕ ФРЕЛО. Во время этой рѣчи съ правой стороны, высокій мужчина 36 лѣтъ, блѣдный; На немъ длинное черное платье; въ складкахъ, подъ нимъ, тоже черное, нѣсколько короче; за поясомъ кинжалъ. На головѣ черная шапочка безъ перьевъ. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, останавливается среди сцены; слыша послѣднія слова Жервезы, онъ говоритъ глухимъ голосомъ:

Такъ! да будетъ проклята цыганка!

(Тѣмъ же шагомъ проходитъ мѣрно въ лѣвую сторону чрезъ всю сцену за кулису. Всѣ три женщины, испугавшись его голоса, озираются на него и прижавшись одна къ другой, стоятъ въ молчаніи до ухода)

МАГДАЛИНА.

Это что за таинственная фигура?

РЕНАРДА.

Тише, сестра, тише, ради Бога. У него ухо востро и руки длинны. Это антверпенскій синдикъ, ученѣйшій и богатѣйшій мужъ, о которомъ однако же разсказываютъ ужаснѣйшія вещи: онъ дѣлаетъ золото.

МАГДАЛИНА, испугавшись.

Что ты говоришь?

МАРІЯ, вдали слышна музыка

Пойдемъ же; Гудула ужъ не слышитъ насъ.

РЕНАРДА, смотря въ кулису направо.

Нѣтъ, погоди, взойдемъ лучше на эти ступеньки *(Указывая на каменные ступени дома, на правой сторонѣ, въ первой кулисѣ.)* Тамъ пляшетъ хорошенькая цыганочка; она скоро кончитъ и придетъ сюда; это ея обыкновенная дорога, а тебѣ надобно на нее взглянуть сестра. Она должна быть вѣдьма-только премиленькая, и пока ей не запретятъ пѣть и плясать, нѣтъ грѣха смотрѣть на нее.

ФЕБЪ ДЕ ШАТОПЕРЪ, входитъ пока три женщины становятся на ступени, въ блестящемъ вооруженіи, бѣлой мантіи, токъ надвинутъ на глаза.

Тамъ раздается ее барабанчикъ и звучатъ кастанеты. Волшебный звукъ, отъ котораго я напрасно убѣгаю. Всегда ли ты будешь преслѣдовать меня? Эсмеральда!

(Уходитъ направо.)

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ: шумъ и ропотъ; слышны голоса.

Это стыдъ! срамъ! Нарушать наши права! такъ обходиться съ гражданами!

(Толпа народа высыпаетъ на сцену. — Студенты, мѣщане, крестьяне, оборванные молодые люди, нищіе въ разныхъ видахъ, мошенники, маски). ЖЕНЩИНЫ, съ ними ОДОАРДА, КЛОПЕНЪ ТРУЛЬФО, ПЬЕРЪ ГРИГОАРЪ, ЖАНЪ ФЛЕТРИ, ЭТЬЕНЪ ЛАМАРТИНЪ. КЛОПЕНЪ на деревянной ногѣ, въ лахмотьяхъ, правая рука засунута за камзолъ, такъ что онъ похожъ

на безрукаго; въ другой рукѣ палка; красный колпакъ криво надѣтъ на плѣшивой маковкѣ; изъ подъ него по бокамъ выбиваются сѣдые волосы; онъ выходитъ на аван-сцену къ Гудулиной кельѣ. Пьеръ Григоаръ и Жанъ Флетри подъ руку вблизи его. Этьень Ламартинъ несетъ высокій колпакъ изъ золотой бумаги и золотой жезлъ.

Это нестерпимо! неслыханно! Этакъ-то поступаютъ съ антверпенскими гражданами! Это стыдъ! Запрещать намъ выбрать короля масляницы.

ПЬЕРЪ ГРИГОАРЪ.

Безъ короля масляницы нѣтъ и масляницы. Отнимать у насъ лучшее удовольствіе! Ужъ полно—студенты ли мы? молодцы ли? А вы настоящіе ли Антверпенскіе граждане? Неужели мы это потерпимъ.

(Общій ропотъ.)

КЛОПЕНЪ.

Дрянь! вотъ какъ надо назвать насъ, съ позволенія вашего, почтенные господа, архидрянь! Я могу говорить, я здѣшній привилегированный нищій, плачу свои шесть гульденовъ подати, такъ какъ и всякой честный мѣщанинъ, и дѣлаю честь моему ремеслу. Какъ? болѣе 50 лѣтъ народъ выбираетъ на масляницѣ самаго гадкаго урода и провозглашаетъ его королемъ масляницы, возитъ его въ торжествѣ по городу, а сегодня вдругъ намъ хотятъ запретить это? Ого! черти и дьяволы! мы увидимъ это. Нѣтъ, нынче масляница, и у насъ долженъ быть король.

(Суетится на деревяшкѣ).

ВСѢ, ревутъ.

Да, да, мы хотимъ выбрать короля масляницы! Давай, давай его!

НѢКОТОРЫЕ ГОЛОСА.

Тише, тише вы, ревуны, вотъ идетъ Эсмеральда.

ВСѢ, обрадовавшись.

Эсмеральда? тише, смирно, мѣсто! Эсмеральда! Эсмеральда!

РЕНАРДА, Магдалинѣ.

Примѣчай, вотъ идетъ маленькая вѣдьма.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И ЭСМЕРАЛЬДА. Во время послѣдней рѣчи Клопена, входитъ тихо Клоде Фрелло, слѣва, пробирается сквозь толпу и становится на самой авансценѣ, прислонясь спиной къ кельѣ Жервезы. Взглядъ его устремленъ черезъ сцену на право, и когда закричатъ: Эсмеральда! онъ вздрагиваетъ, глаза его сверкаютъ и онъ чрезъ всѣхъ съ напряженіемъ смотритъ въ эту сторону. Народъ очищаетъ сцену и составляетъ полукругъ, гдѣ должна плясать Эсмеральда. Музыка, цитры кастаньеты и барабанчикъ приближается.—Голосъ Испанской пѣсни. Сперва входятъ пестро одѣтые два цыгана, потомъ входитъ Эсмеральда съ поднятымъ къ верху тамбуриномъ, которымъ она съ ловкостію играетъ подъ музыку. Она одѣта въ пунцовой шерстяной тюникъ, разрѣзанный на лѣвой сторонѣ, вышитый разноцвѣтными снурками; подъ нимъ платье изъ золотой матеріи до колѣнъ, съ цвѣтнымъ бордюромъ; надъ ея красными полусапожками на ногахъ золотые кольца, руки голыя, золотыя браслеты, волосы заплетены въ четыре косы: двѣ по спинѣ, двѣ по сторонамъ со вплетенными разноцвѣтными бантами на концахъ, на головѣ золотой обручъ, у котораго на срединѣ лба большой зеленый камень. На шеѣ рядъ кораллокъ, на которыхъ виситъ мѣшечекъ, гдѣ спрятанъ башмачокъ. За нею Пеппо и Кролло въ пестрыхъ цыганскихъ платьяхъ. Одинъ играетъ на цитрѣ, другой на кастаньетахъ. За нею входитъ еще толпа народа, между ними Квазимодо, который однако остается въ глубинѣ до того времени, пока его послѣ не выведутъ оттуда. Фебъ также входитъ съ толпою на сцену, становится прямо противъ Клоде Фрелло, предъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ столбъ,

НАРОДЪ, на встрѣчу Эсмеральдѣ кричитъ, пока она станетъ въ кружокъ.

Цыганка, хорошенькая цыганка! прекрасная Эсмеральда!

КЛОПЕНЪ, кидая кверху колпакъ.

Да здраствуетъ черноглазая вѣдьма!

КЛОДЕ ФРЕЛЛО, про себя.

Проклятіе на нее...

ЭСМЕРАЛЬДА, съ пріятностію присѣдаетъ всѣмъ, даетъ знакъ Пеппо; онъ подаетъ ей цитру.

ФЕБЪ ДЕ ШАТОПЕРЪ.

Какъ хороша она! божественное созданіе!

ЭСМЕРАЛЬДА, послѣ прелюдіи поетъ испанскую пѣсню.

Гдѣ струятся ручьи
Вдоль луговъ ароматныхъ,

Гдѣ поютъ соловьи
На деревьяхъ гранатныхъ,
Гдѣ гитары звучатъ
За рѣшеткой желѣзной —
Мы въ страну серенадъ
Полетимъ, мой любезный!

(Послѣ пѣнія беретъ тамбуринъ и танцуетъ фанданго. Въ это время говорятъ).

МАГДАЛИНА.

Господи, что за милое твореніе!

РЕНАРДА.

Не правда ли? поетъ какъ сирена! а какъ поворачивается на ножкахъ! чудо!. Впрочемъ, чего вѣдьма не сможетъ!

МАГДАЛИНА.

Полно! у нея такой невинный видъ! она слишкомъ хороша для вѣдьмы.

РЕНАРДА.

Что вы смыслите! Въ томъ то штука—по этому-то ихъ не узнаешь.

МАГДАЛИНА.

А что за ручки! хоть бы кисейкой прикрыла! Какъ она еще выдерживаетъ?

РЕНАРДА.

Э! у кого внутри огонь, тому сатана не даетъ озябнуть. (*Фрелло слѣдуетъ сверкающими глазами за каждымъ движеніемъ Эсмеральды; Фебъ не спускаетъ съ нея глазъ; когда она кончитъ, есть кричатъ*). Что за красотка! Этакъ никто непропляшетъ! славно! чудо!

ЭСМЕРАЛЬДА, довольная приседаетъ.

Благодарю почтеные господа! Не угодно ли теперь посмотрѣть мои египетскія штуки?

ВСѢ.

Да! да! хорошо! хорошо! посмотримъ! посмотримъ!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Если бъ вы мнѣ только пожаловали денегъ, одну монету, талеръ, крейцеръ, гульденъ—все равно.

ПЬЕРЪ.

Здѣсь, красавица, здѣсь у меня талеръ.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Покорно благодарю; я вамъ сейчасъ возвращу его. Кто хочетъ держать деньги крѣпче

МОЛОДОЙ КРЕСТЬЯНИНЪ.

Я!

ЭСМЕРАЛЬДА, кладетъ деньги ему въ руку.

Вотъ онъ! вы всѣ видите?

(Крестьянинъ закрываетъ ладонь; всѣ смотрятъ съ любопытствомъ.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

Хорошо! спрячь его въ карманъ. (*Онъ прячетъ въ боковой карманъ запазуху.*) Фокусъ—покусъ. У тебя ли онъ?

КРЕТЬЯНИНЪ.

Ужъ конечно.

Эзмеральда, съ насмѣшкою качая головою.

Полно, такъ-ли?

КРЕСТЬЯНИНЪ.

Да ужъ точно у меня.

ВСѢ.

Да, да, у него!

ЭСМЕРАЛЬДА, притворно сердясь.

Это вамъ такъ кажется! покажи-ка сюда.

КРЕСТЬЯНИНЪ, запуская руку въ боковой карманъ.

Вотъ онъ! (*Вынимаетъ зеленый листокъ.*) Это что? Березовый листъ! Гдѣ же талеръ! (*Ищетъ, выворачиваетъ карманъ наизнанку, и говоритъ съ дурацкой миной.*) Вотъ-те на! Убѣжалъ!

ВСѢ.

Право? убѣжалъ?

ЭСМЕРАЛЬДА, смѣясь, указываетъ на Клопена.

Натурально! Вотъ онъ у кого—у стараго нищаго на деревяшкѣ.

КЛОПЕНЪ.

У меня? талеръ! мой карманъ и талеръ, какъ сѣверъ съ югомъ никогда не сходятся.

ЭСМЕРАЛЬДА, шутовски.

Однако жъ деньги у тебя.

КЛОПЕНЪ.

Да полно! Я сегодня послѣдніе пропилъ. Поставьте меня къ верху ногами, и если выкатится талеръ, такъ берите его себѣ.

ЭСМЕРАЛЬДА.

О, талеръ у тебя подъ колпакомъ.

КЛОПЕНЪ.

Посмотримъ!

(Снимаетъ колпакъ, талеръ катится на полъ, Эсмеральда поднимаетъ его съ полу и держитъ къ верху.)

ВСѢ.

Вотъ онъ! Вотъ онъ!

ФРЕЛЛО, торжественно глухимъ голосомъ.

Это колдовство.

Вмѣстѣ.

ОДОАРДА.

Страсти какія!

РЕНАРДА.

Видѣла, сестра?

ЭСМЕРАЛЬДА, испугавшись, при звукахъ голоса Фрелло, со страхомъ посмотрѣла на него, идетъ къ Пьеру, и присѣдая, отдаетъ ему деньги.

Покорно васъ благодарю.

ПЬЕРЪ, трепля ее по щекѣ.

Оставь его себѣ, миленькая колдунья.

ЭСМЕРАЛЬДА, отнимая голову.

Нѣтъ, это много, слишкомъ много.

(Отходитъ и опрокинувъ тамбуринъ, сбираетъ въ него кругомъ деньги. Начинаетъ отъ середины, идя направо до Феба, къ которому также протягиваетъ тамбуринъ; Фебъ, когда она подходитъ, опускаетъ мантію, которою закрывалъ лице.)

ЭСМЕРАЛЬДА, въ изумленіи, тамбуринъ дрожитъ въ ея лѣвой рукѣ; она опускаетъ глаза.

Ахъ! Это ты!

ФЕБЪ, съ нѣжностію.

Эсмеральда, придешь ли ты сегодня къ воротамъ Св. Виктора?

(Эсмеральда, улыбаясь, качаетъ головой и идетъ къ сторонѣ, гдѣ Фрелло, и протягиваетъ тамбуритъ къ нему.)

ФРЕЛЛО, который пристально смотрѣлъ на нихъ, не перемѣняя однако положенія, ударяетъ крѣпко по тамбурину, который падаетъ на землю.

Ни одного крейцера, проклятая колдунья!

ЭСМЕРАЛЬДА, со страхомъ подымаетъ тамбуринъ.

Ахъ! Этотъ человѣкъ... онъ опять тутъ.

ЖЕРВЕЗА, которая до сихъ поръ была недвижима, по окончаніи танцевъ, прислонилась къ стѣнѣ и подняла голову, при звукѣ падающаго барабанчика, бросается, какъ гіена, къ рѣшеткѣ и смотритъ на Эсмеральду.

Ты здѣсь, цыганская стрекоза! Долой, цыганское порожденіе! Долой! Я проклинаю тебя.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Горе мнѣ! Злые люди, что я вамъ сдѣлала? Кролло, Пеппо, пойдемте, у меня сердце замерло отъ страха. Уйдемъ!

(Убѣгаетъ налѣво, цыганы прибираютъ коверъ и слѣдуютъ за нею, иные въ народѣ ропщутъ. Жервеза по уходѣ цыганъ снова падаетъ на скамью.)

ФЕБЪ, въ ярости.

Бѣдное, беззащитное дитя! О фанатики!

(Фрелло, бросивъ на него свирѣпый взоръ, уходитъ за ними же. Ренарда, Магдалина, Марія уходятъ въ другую сторону.)

ПЬЕРЪ.

Этотъ ехидный синдикъ и безумная Гудула—чтобъ ихъ чортъ побралъ! Они прогнали нашу плясунью. Сперва отняли у насъ короля масляницы, а теперь...

КЛОПЕНЪ.

Чтобъ имъ всѣмъ очутиться у Вельзевула! И мы позволимъ это? Пусть лѣвчонка бѣжитъ, куда хочетъ—теперь выберемъ короля масляницы.

ВСѢ.

Конечно! Конечно! Выберемъ себѣ!

КЛОПЕНЪ.

Вотъ любо! Молодцы! Выходи сюда, кто всѣхъ гаже. Кто со мной поспоритъ! Кто потянется съ нищимъ Трульфо. *(Два урода лѣзутъ къ нему.)* Мы! Мы!

КЛОПЕНЪ.

Ахъ вы, животныя!—Надо однакожъ признаться—красавцы!— Эй ты, купидонъ! Кто это тебѣ носъ-то къ лѣвому уху придвинулъ? А ты, голубчикъ, вѣрно раза три срывался

съ висѣлицы, а все еще заглядѣнье! Хороши вы всѣ, нечего сказать, а кажись до меня все далеко! Пусть дамы выберутъ, кто изъ насъ гаже.

много дѣвушекъ и женщинъ.

Правда, правда, онъ всѣхъ гаже.

клопенъ.

Ахъ вы, красавицы, спасибо вамъ. Ну, что жъ? гожусь ли я вамъ?

пьеръ, увидя Квазимодо.

Погодите минутку, вотъ вамъ король масляницы, *(Выводя его напередъ.)* Что? Этотъ, небось, не гаже всѣхъ?

=

ЯВЛЕНІЕ V.

тѣ же и квазимодо.

(Хохотъ, женщины отступаютъ, закрываютъ глаза руками.)

Фи! Гадость какая! Нѣтъ! Ужъ это черезъ-чуръ! Это что? Чортъ сущій! Господи, помилуй!

(Квазимодо одѣтъ въ колпакъ—правая сторона красная, лѣвая черная; такое же трико двухъ цвѣтовъ. Сверху полуштаны вырѣзанные языками, на концѣ каждаго серебряные шишки, лѣвая нога кривая, короче правой. Во всю спину и грудь горбы. Рожа, какъ можно скверное разрисована, ротъ до ушей, всѣ зубы заклеены чернымъ. Правый глазъ разрисованъ красной краской; брови и волосы красные. Онъ стоитъ въ полукружіи, опустя руки и озираясь изъ подлобья.)

жанъ флетри.

Ахъ! Да это Квазимодо!

клопенъ.

Антверпенскій звонарь! Его за сто шаговъ узнаешь, по платью звонаря.

студенты.

Это Квазимодо! Горбунъ!

другіе.

Кривой... Хромой...

одоарда.

Уродъ, котораго ребенкомъ подкинули у воротъ магистрата. Нашъ синдикъ Клоде Фрелло сжалился надъ нимъ, воспиталъ и помѣстилъ въ звонари. Лучше бы, еслибъ этотъ почтенный человѣкъ оставилъ умереть съ голоду это дьявольское отродье, чѣмъ допустить его вырости и пугать по улицамъ честныхъ людей.

клопенъ.

Погубить такое сокровище! Въ умѣ ли ты? Да гдѣ ты найдешь ему дружку? *(Ударяя его по плечу.)* Квазимодо! Я уступаю тебѣ первенство! Ты перещеголялъ насъ! Ты стоишь чести быть королемъ масляницы.

всѣ, смѣясь и шумя.

Да! Да! Вотъ нашъ король масляницы.

клопенъ.

Ну, что? согласенъ ли ты, красная башка? *(Квазимодо глядитъ на всѣхъ выторащась и ничего не понимая.)* Что жъ этотъ уродъ не отвѣчаетъ?

одоарда.

Да развѣ вы не знаете, что большой колоколъ оглушилъ его? Онъ глухъ.

пьеръ, катаясь со смѣху.

И глухъ тоже? Этого только недоставало? Ну, любезный, ты баловень природы.

клопенъ.

Ну, такъ мы прибѣгнемъ къ пантомимѣ. *(Беретъ бумажной колпакъ.)* Достопочтенный Квазимодо! Прими этотъ колпакъ. *(Надѣваетъ ему на голову.)* А вмѣстѣ съ нимъ наше поздравленіе и высокопочитаніе. *(Даетъ ему въ руки жезлъ.)* На колѣна вы, народы! А мнѣ мѣшаетъ моя деревяшка исполнить этотъ маневръ.

всѣ мужчины, съ хохотомъ бросаются на колѣна.

Да здравствуетъ герой масляницы!

квазимодо, ничего не понимая, начинаетъ смѣяться.

клопенъ.

Эге! Разсмѣялся пріятель! Любо что за рожа? Подымай его и неси на монетный мостъ, авось найдемъ ему приличную колесницу, а до тѣхъ поръ не жалѣй плечъ, ребята.

(Всѣ окружаютъ его и подымаютъ на плеча. Клопенъ идетъ впередъ.) Да здравствуетъ король масляницы!

(Квазимодо сидитъ у нихъ на плечахъ; его несутъ съ восклицаніями до лѣвой кулисы.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI

капитанъ, въ полномъ вооруженіи; за нимъ восемь стражей. Градской судья и 6 сержантовъ.

капитанъ, схвативъ за воротъ Квазимодо, стаскиваетъ его на полъ.

Бездѣльникъ! Нарушитель закона! Долой съ твоимъ дурацкимъ колпакомъ. *(Срываетъ и бросаетъ колпакъ.)* Я проучу тебя! Кто ты такой?

пьеръ, къ Флетри.

Стерпимъ ли мы это?

флетри.

Молчи—они вооружены.

капитанъ.

Не отвѣчаешь, собака? Я не дамъ тебѣ умничать! Г. судья, велите схватить этого урода и привязать его на два часа къ этому столбу, чтобъ онъ имѣлъ время раскаяться въ своемъ безстыдствѣ.

одоарда.

Остерегитесь, достопочтенный. г. капитанъ: это антверпенскій звонарь, извѣстенъ своею силой всему городу. Кого онъ хватитъ объ землю, тотъ не скоро станетъ на ноги.

капитанъ.

Молчать, старая колдунья! Берите его, служивые!

(Общее движеніе; сержанты приближаются къ Квазимодо, который стоялъ опустя руки. На лицѣ его видно усиліе, узнать въ чемъ дѣло; какъ только онъ пойметъ, что хотятъ брать его, протягиваетъ руки, схватываетъ каждою по два сержанта, придвигаетъ ихъ къ себѣ и вдругъ отбрасываетъ направо и налѣво по 2 на землю. Всѣ хохочутъ.)

капитанъ, въ бѣшенствѣ.

Сатана! Я съ тобою скоро справлюсь. *(Ударяетъ его сзади по головѣ; Квазимодо вскрикиваетъ ужаснымъ голосомъ, шатается и падаетъ.)* Теперь вяжите его.

(Сержанты, вставши, бросаются и связываютъ ему на задъ руки).

клопенъ, ближайшимъ.

Капитанъ сущій дьяволъ! онъ этакъ и до насъ доберется. Какъ бы выпутаться? По счастію, звонарь-то глухъ. *(Жалобнымъ голосомъ.)* Ахъ, ваша милость, слава Богу, что вы этого урода уняли. Не смѣшивайте невинныхъ съ виноватымъ Квазимодо: этотъ кривоногой бѣсъ попуталъ насъ — обрадовался, что гаже всѣхъ и что ему будетъ почесть за его рожу. *(Другимъ.)* Не правда ли, вѣдь полѣломъ вору и мука?

всѣ.

Да, да, по дѣломъ ему!

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

тѣ же и эсмеральда, во время послѣдней рѣчи входитъ, озирается и остается удивленная позади толпы.

капитанъ, съ презрѣніемъ.

Ахъ вы мошенники. *(Сержантамъ.)* Привяжите его къ столбу.

(Квазимодо, обезпамятавшаго, привязываютъ къ столбу, надѣваютъ на поясъ желѣзное кольцо и оставляютъ его; голова его виситъ на груди, онъ самъ прислоненъ къ столбу.)

капитанъ.

Вы, бездѣльники, служите же вашему королю мясницы, да смотрите, чуръ смирно, а не то, и вамъ тоже будетъ.

(Уходитъ со стражей и судьей; сержанты становятся стеречь Квазимодо.)

пьеръ.

Каково поговариваетъ съ гражданами! Называетъ насъ бездѣльниками!

клопенъ, съ сердцемъ.

Надо бы дать знать себя г. капитану.

пьеръ.

Молчать, безстыдный нищій. Посмотри ко на нашего красавца. Не долго мы имъ потѣшились.

одоарда.

По дѣломъ ему, чортова перечница! Онъ у меня сглазилъ чудесную кошку, и она окатилась котенкомъ съ 6-ю головами.

квазимодо, приподымаетъ голову, старается развязаться и говоритъ помолчавъ.

Дайте мнѣ пить.

этьенъ ламартинъ.

Вотъ еще выдумалъ! Поганый уродъ! Знаешь ли, сосѣдъ, отчего мой жако горбатъ?

Этотъ мерзавецъ разъ погладилъ его рукою по спинѣ.

Эсмеральда приближается и глядитъ съ сострадaніемъ на Квазимодо.)

КВАЗИМОДО, громко кричитъ.

Дайте мнѣ воды, воды! хотя одну каплю!

МНОГІЕ ГОЛОСА.

Не подходите къ нему! онъ привязанъ у столба!

(Эсмеральда живо выходитъ напередъ.)

ВСѢ, смотря на нее въ изумленіи.

Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА, Кролло.

Подай ему.

КРОЛЛО.

Сохрани Богъ—онъ опальный.

ЭСМЕРАЛЬДА.

А я развѣ не опальная? *(Глядитъ съ участіемъ на Квазимодо.)* Фи! Какъ онъ скверенъ! Но онъ въ крови и страждетъ!

(Беретъ соломенную фляжку у Кролло, подходитъ къ Квазимодо на двѣ ступени, и на цыпочкахъ протягиваетъ ему фляжку ко рту; пока онъ пьетъ, она отворачивается; ропотъ удивленія и одобренія; Фебъ стоитъ въ толпѣ, за нимъ Клоде Фролло.)

КВАЗИМОДО, глубоко вздыхая.

Благодарю тебя.

(Снова опускаетъ голову.)

ЭСМЕРАЛЬДА, съ отвращеніемъ отходитъ отъ него, и попадаетъ на Клоде Фролло, который изъ толпы идетъ на встрѣчу.

О ужасъ! Синдикъ!

(Съ этимъ крикомъ убѣгаетъ. Всѣ, со страхомъ отступаютъ.)

ФРОЛЛО, повелительно сержантамъ.

Развяжите его! Какая дерзость! Развѣ вы не знаете, что онъ принадлежитъ магистрату! Если онъ виновенъ, то магистратъ и накажетъ его.

(Сержанты освобождаютъ Квазимодо, который при приближеніи Фролло сдѣлалъ радостное движеніе.

ЭТЬЕНЪ, тихо Клопену.

Это тотъ, что дѣлаетъ золото.

КЛОПЕНЪ, также тихо.

Тише ты! Этотъ черный шутитъ не любитъ.

(Квазимодо, по освобожденіи, падаетъ къ ногамъ Фролло, сложа руки крестообразно на груди, Фролло даетъ ему знакъ встать и съ поднятою головою идетъ сквозь толпу, которая со страхомъ разступается до самой глубины сцены. Квазимодо, шатаясь, встаетъ, беретъ голову обѣими руками, смотритъ какъ будто старался что вспомнить, и покачавъ головой, опускаетъ ее къ груди и въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдуетъ за Фролло. Народъ остается въ разныхъ группахъ, смотря съ боязнію вслѣдъ Фролло.)

ЛЮБОВЬ ЮНОШИ.

КАРТИНА 2-Я.

Короткая улица; свѣтлый мѣсяцъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ФЕБЪ ДЕ ШАТОПЕРЪ, одинъ ходитъ взадъ и впередъ, закутанный въ плащъ; городскіе часы бьютъ 11 часовъ.

Ужъ одиннадцать! А ея все нѣтъ еще! Чего я хочу? чего надѣюсь? Я ожидаю ее съ нетерпѣніемъ—ее, для которой готовъ все сдѣлать, на все осмѣлиться, отречься отъ прежней жизни моей, той жизни, которая была предметомъ заботъ и надеждъ моихъ родителей! И для кого хочу я разорвать всѣ узы? Для дѣвушки, пляшущей по улицамъ, дорожащей взглядомъ каждаго бездѣльника, принимающей деньги изъ каждой за-

пачканой, руки; безъ отечества, безъ родителей, презрѣнной честными людьми, слывущей колдуньей у дураковъ, которые не понимаютъ ея невинныхъ штукъ, живущей подъ опалой... и для нея хочу я... безумный... *(Ходитъ взадъ и впередъ.)* Но не могу ли я поднять жемчужину, валяющуюся въ пыли? Немогули сорвать розу, растущую въ крапивникѣ? Жемчужина не остается ли все также жемчужиной? И запахъ розы развѣ не все также пріятенъ?—Нѣтъ, я хочу того,—я мужъ... и самъ выбираю себѣ путь, не предоставляя того безумному случаю.

=

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭСМЕРАЛЬДА, ФЕБЪ.

ЭСМЕРАЛЬДА, вбѣгаетъ, запыхавшись, вся покрытая краснымъ покрываломъ.

Фебъ! Фебъ!

ФЕБЪ, простирая къ ней объятія.

Вотъ она!.. Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, благодареніе всѣмъ ангеламъ. — Это ты! Слѣдуетъ ли онъ?... Гонится ли онъ еще за мною... Не видишь ли ты чего?

ФЕБЪ.

Ты въ моихъ объятіяхъ—я ничего не вижу кромѣ тебя, божественное созданіе! Что съ тобою? Ты вся дрожишь.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Какъ разсказать тебѣ? когда я съ тобою, то слышу и вижуодноготебя—забываю обо всемъ.. Ахъ! мнѣ сегодня было много трудовъ, очень много! Нынче послѣдняя ночь масляницы, и весь городъ хотѣлъ видѣть танцы маленькой Эсмеральды!.. Когда я, давича, ушла отъ тебя, встрѣтила меня знатная дама и приказала въ 10 часовъ придти къ ней въ домъ плясать фанданго для ея гостей!.. Я не могла скрыть этого, потому что Феппо пересказалъ бы нашему атаману; онъ наказалъ бы меня, если бъ я пропустила такое счастіе. Я тотчасъ однако жъ вернулась на площадь Св. Іакова предупредить тебя, чтобъ ты не ждалъ меня... но тебя тамъ ужъ не было.

ФЕБЪ.

Напротивъ, я былъ тамъ, и видѣлъ, какъ ты, подобно ангелу, сжалилась надъ несчастнымъ.

ЭСМЕРАЛЬДА.

И я не нашла тебя! Какъ могло это случиться! Но видишь ли, я на этой площади бываю всегда такъ робка... Тамъ, у тюрьмы, келья кающейся Гудулы, а эта злая женщина всегда проклинаетъ меня. *(Простосердечно.)* И повѣрь же мнѣ, я ей никогда никакого зла не сдѣлала.

ФЕБЪ, нѣжно.

Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Слушай же до конца!.. На возвратномъ пути изъ дома знатной госпожи, я отпустила отъ себя Феппо и Кролло, сказавъ имъ, что я и одна найду къ намъ во дворъ дорогу; потомъ, какъ я поворотила за переулокъ, увидѣла за собою длинную черную тѣнь.

(Прижимается къ груди его; Фрелло въ это время показывается такъ, чтобъ публика могла его увидѣть, и тотчасъ скрывается.)

ЭСМЕРАЛЬДА, продолжая.

Она приковалась къ слѣдамъ моимъ!... Я ускоряю шаги... она не отстаетъ... я бѣгу...она также бѣжитъ за мною... черная мантія развѣвается по воздуху, два черные крыла подымаются и опускаются. Задыхаясь я лечу, ожидая каждую минуту, что холодная рука схватитъ меня сзади. *(Пятясь къ сторонѣ, не видя однако Фрелло.)* Видишь ли ты тамъ.... тамъ... О какъ страшно! Что-то шевелится....

ФЕБЪ.

Ты мучишь себя, бѣдное дитя! И это одна игра твоего воображенія! Какъ ты дрожишь! Ты озябла, милая Эсмеральда. *(Снимаетъ съ себя плащъ и окутываетъ ее.)* Надѣнь этотъ плащъ, согрѣйся.

ЭСМЕРАЛЬДА.

О нѣтъ.

ФЕБЪ.

Эсмеральда, мнѣ нужно поговорить съ то-

бою о многомъ. Скоро полночь! Вѣтеръ сильно дуетъ. Слѣдуй за мною.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Куда?

ФЕБЪ.

На концѣ этой улицы, шагахъ въ двухъ отсюда, есть маленькій домикъ; въ немъ живетъ моя старая кормилица изъ Лангедока, Одоарда. Она ожидаетъ насъ въ теплой комнаткѣ. Тамъ страхъ твой пройдетъ, и ты спокойно можешь меня выслушать.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Мои руки окоченѣли отъ холода. — Я бы желала согрѣться; мѣсяцъ такъ печаленъ; мнѣ пріятнѣе бы видѣть твои свѣтлые глаза; но сердце мое такъ сильно бьется, какъ будто въ ожиданіи чего дурнаго.

ФЕБЪ.

Ты идешь съ человѣкомъ, который любитъ тебя, какъ честь свою, а честь священна для мужчины! — Если ты точно принадлежишь мнѣ, то слѣдуй за мною.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Я твоя здѣсь и вездѣ! Веди меня, куда хочешь. Я буду думать, что у меня есть мать, и ты заступишь ея мѣсто,—а мать учитъ только добру.

ФЕБЪ, обнимая и ведя ее.

О! проклятіе мужчинѣ, который обманулъ бы такое чистосердечіе.

(Уходятъ направо.)

ЯВЛЕНІЕ III.

КЛОДЕ ФРЕЛЛО, выходитъ изъ глубины, въ черной висячей мантіи; черты его блѣдны и искажены; говоритъ прерывисто.

Да! проклятіе! Проклятіе ему! *(Молчаніе.)* Я знаю вдову Одоарду, знаю домъ ея и садъ, знаю также и дорогу черезъ дворъ. *(Вынимаетъ кинжалъ изъ-за пояса, пробуетъ конецъ его на ладонь, и помолчавъ.)* Остеръ, какъ жало любви, ядовитъ какъ совѣсть, твердъ какъ сердце ревнивца. *(Рѣшаясь.)* Хорошо; мѣра исполнена.

(Летитъ за ними.)

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ

Комната среднихъ вѣковъ: стѣны дубовыя, въ глубинѣ окно готическое; въ задней занавѣсѣ видны виноградники, покрытые снѣгомъ, и мѣсяцъ, освѣщающій садъ. Налѣво дверь; направо топится каминъ; у самой задней занавѣси прежняго явленія, которая представляла улицу, сидитъ приподнятіи ея, старая Одоарда за самопрялкой; подлѣ нея столикъ; на немъ лампа.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ОДОАРДА, одна сидитъ и дремлетъ; вздрогнувши, пугается.

Тьфу пропасть! Я было совсѣмъ уснула! Не мудрено, устала до смерти! Бѣгала за сумасшедшимъ народомъ изъ улицы въ улицу! Признаться, закружишься въ эту дурацкую масляницу. Боже мой, лампа-то какъ нагорѣла! — Долго же ты заставляешь ждать себя, милый мой Фебъ! И то сказать: влюбленные никогда не помнятъ часовъ; было и мое время. Я любопытна увидѣть красотку, которая приворожила моего красавца. *(Слышенъ стукъ у дверей.)* Это они!

(Встаетъ, беретъ ключи, идетъ къ боковой двери съ лампой. На сценѣ ночь, въ окнѣ свѣтъ мѣсяца; по нѣкоторомъ молчаніи, у окна приподнимается съ низу Фрелло, смотритъ въ комнату съ вниманіемъ, потомъ выбиваетъ стекло и, просунувъ руку, старается отодвинуть задвижку у окна. Слышны шаги приближающихся и звонъ шпоръ, при словахъ Одоарды онъ отнимаетъ руку и прячется.)

ЯВЛЕНІЕ V.

ОДОАРДА, ФЕБЪ, ЭСМЕРАЛЬДА.

ОДОАРДА, за кулисой.

Сюда, рыцарь, осторожнѣе; тише, сударыня, ступеньки ветхи..

(Старается разглядѣть лице Эсмеральды; полузакрытое покрываломъ; она встревожена, держитъ Феба за руку и закутана въ его плащъ.)

ФЕБЪ, снимая плащъ.

Небойся ничего, ты здѣсь безопасна; дай снять съ себя плащъ; онъ тяжелъ для твоихъ нѣжныхъ плечъ.

ЭСМЕРАЛЬДА, сбрасывая покрывало.

О, какъ ты добръ, мой Фебъ.

ОДОАРДА, въ ужасѣ отскакивает.

Что я вижу... Эсмеральда!

ФЕБЪ.

Что ты закричала?

ОДОАРДА, скороговоркой.

Господи помилуй насъ! Цыганка, уличная плясунья, колдунья... обращающая талеры въ березовые листья... эта тварь похитила твое сердце! (*Заплакавъ.*) До чего я дожила.

ФЕБЪ.

Молчи глупая, и оставь насъ.

ОДОАРДА.

Уйду, уйду, непремѣнно. Избави меня, Св. Женевьева, оставаться съ бѣсовскимъ отродьемъ. Берегись, мой родимый: не успѣешь оглянуться, какъ эта вѣдьма вылетитъ въ трубу и унесетъ съ собою твою душеньку. (*Уходя.*) Вотъ до чего я дожила! Вотъ грѣхъ какой!

ЯВЛЕНІЕ VI.

ЭСМЕРАЛЬДА И ФЕБЪ.

ЭСМЕРАЛЬДА, заливаясь слезами.

Боже мой! Какъ я несчастна! Ты станешь презирать меня, покинешь, а я не знаю, за что всѣ люди ненавидятъ меня—я имъ ничего не сдѣлала.

ФЕБЪ.

Не плачь, моя Эсмеральда, твои драгоцѣнныя слезы должны литься только отъ радости, отъ любви, а не огорченія. (*Подавая ей скамейку.*) Сядь здѣсь, выслушай меня. (*Эсмеральда садится, опираясь подбородкомъ на руку, и смотритъ на него съ нѣжностію.*) Это отголосокъ всего города! умные говорятъ мало, а дураки заглушаютъ весь свѣтъ! Я знаю цѣну тебѣ, презираю народъ, но онъ тебѣ опасенъ... и потому ты теперь же должна узнать мое рѣшеніе. Ахъ! твоя чистая душа не постигаетъ всей моей??? Эсмеральда, хочешь ли отвѣчать на мои вопросы прямо, отъ чистаго сердца?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Спрашивай, мой Фебъ, спрашивай! Не солнце ли твое имя? Не солнце ли ты мое? И что можетъ скрыться отъ солнечнаго свѣта?

ФЕБЪ.

Кроткое существо!—Скажи же мнѣ, кто твои родители? Цыганы ли, которымъ ты принадлежишь?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, нѣтъ, я никому не принадлежу—у меня нѣтъ родителей. Меня украли у нихъ въ младенчествѣ.—Такъ сказала мнѣ старая цыганка, когда мы были въ Испаніи, гдѣ она умерла.

ФЕБЪ.

Какое злодѣйство!

ЭСМЕРАЛЬДА.

О! я очень помню, что прежде была у меня мать; она ласкала, любила меня, была добра и прекрасна, учила меня молиться, и отъ нея то вѣрно выучилась я моему языку, потому что въ Испаніи, откуда мы сюда пріѣхали, никто непонималъ его! Однако жъ въ Испаніи было лучше! О! что за божественная земля, гдѣ цвѣтутъ гранаты, гдѣ я спала подъ голубымъ сводомъ небесъ, при благоуханіи цвѣтовъ! Тамъ не было зимы, какъ здѣсь! О, какой рай!

ФЕБЪ, глядя на нее съ нѣжностію.

Ну, а здѣсь?

ЭСМЕРАЛЬДА, какъ бы пробуждаясь.

Здѣсь? О здѣсь совсѣмъ другое! Цыганъ мой отецъ, нашъ атаманъ. Ты знаешь... это въ той части города.

(Останавливается.)

ФЕБЪ.

Гдѣ гнѣздятся нищета, воровство и преступленіе, потому что, платя подати, они не принадлежатъ закону. Бѣдное дитя! И тамъ ты живешь съ отверженцами человѣчества!

ЭСМЕРАЛЬДА, добродушно.

Они однако никогда никакого зла мнѣ не дѣлали; они боятся отца моего и любятъ меня всѣ, да, всѣ услуживаютъ мнѣ, и когда я вечеромъ, утомленная, возвращаюсь къ

нимъ, они встрѣчаютъ меня, какъ госпожу, и дѣлаютъ все, что я имъ велю.

ФЕБЪ, съ нѣжностію, но запинаясь.

И ты до сего времени не любила ни одного мужчины?

ЭСМЕРАЛЬДА, съ чуствомъ, но простосердечно.

Какъ же это возможно! Вѣдь я еще не видѣла тебя!

ФЕБЪ.

О Эсмеральда! Какъ ты могла въ этой безднѣ сохранить свой чистый блескъ?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Слушай, вотъ какъ это было. (*Приподнимаетъ ящичекъ, который виситъ на кораллахъ.*) Старая цыганка, мать моя, умирая, отдала мнѣ этотъ ящичекъ и сказала: Эсмеральда, ты слишкомъ чиста для нашей жизни. Богъ, которому ты молишься, спасетъ тебя когда нибудь изъ рукъ нашихъ. Въ этомъ ящикѣ заключенъ талисманъ, по которому твоя мать наконецъ узнаетъ тебя. Но тогда только, когда ты останешься чиста и не отдашь своего сердца мужчинѣ; въ противномъ случаѣ талисманъ теряетъ свою силу, и ты никогда не увидишь своей матери. (*Съ глубокимъ чувствомъ.*) Видишь ли ты, Фебъ; найдти мать мою, было до сихъ поръ единственное мое желаніе, и я отвращала взоры отъ всѣхъ мужинъ до тѣхъ поръ, пока увидѣла тебя. (*Растроганная.*) Ахъ, Фебъ, — и такъ мнѣ никогда невидать моей матери!

(Опускаетъ глаза.)

ФЕБЪ.

Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА, какъ бы утѣшая себя.

Но она мнѣ теперь не нужна болѣе, неправда ли мой Фебъ? Я отказываюсь отъ нея; я хочу принадлежать тебѣ—ты будешь мнѣ мать, отецъ—свѣтъ, и небо... всё, всё!

(Падаетъ ему на грудь).

ФЕБЪ, внѣ себя.

Такъ, Эсмеральда, я все замѣню тебѣ, и ты, обитающій на небесахъ, зрящій глубину сердецъ, Тебя призываю я въ свидѣтели.

ФРЕЛЛО,

Всю сцену былъ видѣнъ подъ окномъ; во время послѣдней рѣчи онъ просовываетъ руку въ окно, отпираетъ задвижку, осторожно спускается въ комнату, и стоитъ въ глубинѣ, прижавъ руку къ груди).

ФЕБЪ, вставая.

Мы не можемъ здѣсь долѣе оставаться. Я пріѣхалъ сюда, чтобъ вступить въ службу герцога, и вдругъ увидѣлъ тебя! Тогда я забылъ всё! Эсмеральда, мы убѣжимъ отсюда еще нынѣшнею ночью. Я увезу тебя въ Германію. Императоръ принимаетъ людей всѣхъ націй—можно служить съ честію вездѣ. Тамъ будешь ты вѣрною моей женой, и скоро станешь вспоминать, какъ сонъ, горестную юность свою—хочешь ли ты этого?

ЭСМЕРАЛЬДА, въ восхищеніи.

Мнѣ быть твоею женой, мнѣ, бѣдной цыганкѣ, отверженной, безсемейной, безъ отца и метери!.. Ахъ, если бы ты принялъ меня въ служанки, я бы слѣдовала за тобой на край земли — я бы служила тебѣ какъ вѣрная собака, которая лижетъ ноги своего господина—и счастлива! И быть твоей женой, мой благородный, прекрасный рыцарь, мой защитникъ, мой супругъ! Ахъ, вези меня туда,—Эсмеральда твоя, и каждая капля ея крови, каждый помыслъ души ея, каждая молитва сердца ея... твои... твои... твои...

(Обхватываетъ руками его шею.)

ФЕБЪ, прижимая ее къ сердцу.

О волшебница!

ФРЕЛЛО,

(Подошедшій къ нимъ сзади, подымаетъ кинжалъ надъ головою. Эсмеральда, при шумѣ его приближенія, испуганная, подымаетъ голову; увидѣвъ, хочетъ кричать, но не имѣетъ голоса. Фрелло въ туже минуту поражаетъ Феба сзади кинжаломъ.)

ФЕБЪ, со стономъ изгибаясь.

О!... убійство! убійство!

(Падаетъ на полъ).

ЭСМЕРАЛЬДА, съ крикомъ бросясь на шею.

Ахъ! мой Фебъ! мое солнце! Ахъ! оно погасло!

(Эсмеральда лежитъ въ обморокѣ на шеѣ Феба, Фрелло поспѣшно спускается въ заднее окно.)

ОДОАРДА. вбѣгаетъ, и увидѣвъ Феба, всплескиваетъ руками.

Что я вижу! Убійство! убійство!

(Выбѣгаетъ въ дверь, въ которую ввела Феба и Эсмеральду).

ЛЮБОВЬ ПРЕСТУПНИКА.

КАРТИНА 3-Я.

Короткая подземная тюрьма, на 3-й кулисѣ вся кругомъ закрытая. Ночь. Налѣво на землѣ солома; подлѣ маленькій камень; на немъ кусокъ хлѣба. Въ глубинѣ небольшая желѣзная дверь.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЭСМЕРАЛЬДА.

(Одна, лежитъ на соломѣ и спитъ. На ней бѣлая шерстяная блуза, черный поясъ, и широкіе рукава незастегнутые у кисти. На рукахъ тяжелыя цѣпи; волосы распущены по плечамъ; лицо блѣдно; Нитка коралловъ съ ящикомъ все еще на шеѣ. Она во снѣ вздыхаетъ, въ безпокойныхъ движеніяхъ, и говоритъ прерывисто).

Нѣтъ... нѣтъ... отыми свои окровавленныя руки... (*Жалобно.*) Прочь, прочь, ужасныя клещи. (*Стеня.*) Не надо пытки... Я хочу во всемъ признаться. Да... я.. я зарѣзала моего Феба. (*Просыпается съ крикомъ.*) Нѣтъ, нѣтъ, я не убивала Феба. О! мой Фебъ! (*Озирается кругомъ, глядитъ на солому и припоминаетъ.*) Все еще здѣсь! Ахъ! скоро ли они придутъ!... Не говорили ли они, что черезъ три дня выведутъ меня изъ этой могилы!.. Ахъ! это очень долго... три дня! (*Сидитъ на соломѣ, положа руки на колѣна.*) Сколько лѣтъ я ужъ здѣсь? Не помню ничего!... ночь! вѣчная ночь! Здѣсь нѣтъ утра, нѣтъ ни восхода, ни заката солнечнаго!... (*Прижавъ руку ко лбу.*) Ахъ, да!.. эти черные люди обѣщали мнѣ положить меня въ другую могилу... въ ней мнѣ будетъ гораздо лучше...тамъ я буду спокойна... мертва! (*Горько плачетъ*) Ахъ!.. я очень несчастна! (*Беретъ голову обими руками.*) О Эсмеральда! бѣдное созданіе! Какъ могла ты дойдти до такого несчастія! (*Слышенъ звукъ цѣпей и затворовъ; она слушаетъ*) Не они ли это? Ахъ! если бъ это были они!

ЯВЛЕНІЕ II.

ЭСМЕРАЛЬДА, КЛОДЕ ФРЕЛЛО, входитъ осторожно, неся лампу, и запираетъ за собою дверь. Онъ покрытъ до земли чернымъ плащемъ и все лицо закрыто капишономъ.

ЭСМЕРАЛЬДА, вскрикиваетъ, когда свѣтъ ударяетъ ей въ глаза; она закрываетъ ихъ обѣими руками.

Ахъ! больно! солнце жжетъ, рѣжетъ глаза мои.

ФРЕЛЛО.

(Ставитъ лампу на камень направо и подходитъ къ ней; онъ въ страшномъ движеніи, грудь его сильно подымается, смотритъ на нее пристально и въ отчаяніи ломаетъ руки).

ЭСМЕРАЛЬДА, понемногу отымая руки отъ глазъ, и привыкнувъ къ свѣту, въ испугѣ глядитъ на него.

Кто ты, грозное привидѣніе!

ФРЕЛЛО, глухо.

Твой судія.

ЭСМЕРАЛЬДА, вскакиваетъ,

Ахъ! между ними есть конечно добрые, справедливые люди!... но я знаю одного!.. *(Трепеща)* О! оставь! оставь меня!

ФРЕЛЛО

Приготовилась ли ты.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Къ чему?

ФРЕЛЛО.

Къ смерти.

ЭСМЕРАЛЬДА, радостно.

О! да! да! Скоро ли она придетъ ко мнѣ?

ФРЕЛЛО.

Съ восходомъ солнца.

ЭСМЕРАЛЬДА.

А теперь что? Полдень, или ночь?

ФРЕЛЛО.

Черезъ два часа настанетъ день.

ЭСМЕРАЛЬДА, опустивъ голову.

Ахъ! Еще какъ долго!

ФРЕЛЛО.

Такъ ты оченьнесчастна?

ЭСМЕРАЛЬДА, дрожа.

Мнѣ холодно.

ФРЕЛЛО, глядя кругомъ.

Безъ свѣта, безъ огня, въ этой сырой могилѣ, гдѣ вѣчное молчаніе прерывается только каплями воды, падающими со стѣнъ... это ужасно!

ЭСМЕРАЛЬДА, глядя пристально противъ себя.

Да, день свѣтитъ для всѣхъ; зачѣмъ же я одна осуждена на вѣчную ночь?

ФРЕЛЛО.

Знаешь ли ты, зачѣмъ ты здѣсь?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Я знала прежде! Но это ужъ такъ давно... постой... *(Потеревъ глаза.)* Я хочу вспомнить. Ахъ!.. да! да!... они втащили меня въ большую мрачную залу, тамъ сидѣло много черныхъ людей, вокругъ длиннаго стола... и нѣсколько тысячъ народа слушали, толпились, шумѣли; мнѣ было жарко и страшно! Тамъ говорили мнѣ, что я колдунья, служу дьяволу и съ помощію его я зарѣзала моего Феба. *(Съ глубокою горестію.)* Моего Феба! мое солнце! мою жизнь... Я отвѣчала имъ... нѣтъ! нѣтъ! черный призракъ сдѣлалъ это, чудовище, которое ненавидитъ меня! *(Живѣе и горячѣе)*... и тогда потащили меня въ темную келью, обвѣшанную клещами и острыми орудіями; они привязали меня къ желѣзной кровати, хотѣли пытать!... о! о! *(простирая руки)*... когда я увидѣла страшное желѣзо, созналась во всемъ, что у меня спрашивали, потому что я испугалась боли. *(Жалобно.)* Ахъ! тѣлесная боль невыносима!

ФРЕЛЛО.

Ты созналась, что ты колдунья, связана съ сатаною, убійца Феба и достойна смерти?—Не правда ли, ты призналась въ этомъ?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, да, да, я теперь все вспомнила.

ФРЕЛЛО.

Ты ужъ давно здѣсь... Знаешь ли ты это? Уже цѣлый мѣсяцъ.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, дольше, гораздо дольше!

ФРЕЛЛО.

Ты бы хотѣла выйдти отсюда?

ЭСМЕРАЛЬДА, плача.

Ахъ! да, да!.. мнѣ здѣсь холодно, отъ цѣпей болятъ мои руки; мнѣ здѣсь такъ страшно.. *(Вздрагивая.)* Здѣсь есть насѣкомыя, скользкія, холодныя, какъ ледъ,—они ползаютъ по мнѣ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось выйдти отсюда.

ФРЕЛЛО, схвативъ ее крѣпко за руку и таща ее съ соломы.

Хорошо же, слѣдуй за мною.

ЭСМЕРАЛЬДА, съ ужасомъ отступая.

Ахъ! это ледяная рука смерти! Но кто же ты?

ФРЕЛЛО, откидывая капишонъ; на головѣ его шапочка; говоритъ страстно.

Это я, Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА, съ крикомъ вырывая руку.

А! это ты!... теперь все ясно для меня! Нѣтъ, это былъ не сонъ! Все, все ужасное, была истина. *(Въ себя)* Окончи же, окончи все скорѣе... послѣдній ударъ.

ФРЕЛЛО, дрожа всѣмъ тѣломъ

Я ненавистенъ тебѣ? (*Настоятельно.*) Ненавистенъ ли я тебѣ? Говори.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Да! да!... ты убилъ моего Феба, ужасный человѣкъ! Ты будешь причиной и моей смерти... ты разрушилъ мое блаженство, несчастный (*Заплакавъ.*) Что я тебѣ сдѣлала? за что ненавидишь ты бѣдную Эсмеральду?

ФРЕЛЛО, вдругъ падаетъ къ ея ногамъ, и скрываетъ лицо свое въ складкахъ ея платья.

Эсмеральда! Я не ненавижу нѣтъ нѣтъ... я люблю тебя!

ЭСМЕРАЛЬДА, въ остолбенѣніи глядитъ на него.

ФРЕЛЛО.

Развѣ ты не слышала, несчастная... я люблю тебя?!

ЭСМЕРАЛЬДА, съ ужасомъ отвращаясь отъ него.

Какая любовь!

ФРЕЛЛО.

Ужасная... мучительнѣе всѣхъ истязаній пытки, мучительнѣе самой смерти, потому что эта любовь есть преступленіе!... Я хочу тебѣ все сказать... ввѣрить то, что я скрываю отъ самого себя, даже во глубинѣ ночей, когда мы думаемъ, что Богъ не видитъ насъ во мракѣ! Ахъ, Эсмеральда!.. пока я не встрѣтилъ тебя, я былъ очень счастливъ!

ЭСМЕРАЛЬДА, съ горестію закрывая лице руками.

Я тоже! Я тоже!

ФРЕЛЛО.

Цѣломудренный, чистый мужъ! вдругъ я увидѣлъ тебя!... передъ галлереями нашего магистрата, ты плясала фанданго, порхая, какъ мотылекъ при солнечныхъ лучахъ, пышная, какъ персидская роза, игривая, какъ долина Прованса!... ноги мои приросли къ камню, душа моя перешла въ глаза чрезъ нихъ запала въ грудь твою и моя погибель!. Я проклялъ тебя, какъ злую волшебницу; но въ ушахъ моихъ безпрестанно раздавался звукъ твоего тамбурина... онъ всюду слѣдовалъ за мною. Я не могъ постичь этого очарованія, и счелъ себя заколдованнымъ! Горячими молитвами хотѣлъ я изгнать безуміе, овладѣвшее мною, — напрасно! Голосъ дремлющей природы проснулся, и чѣмъ позже, тѣмъ сильнѣе!... Одна твоя смерть могла спасти меня! Я распустилъ слухи въ народѣ, который тебя, безпечное созданіе, считаетъ колдуньей... Я обратилъ на тебя вниманіе правительства. Все зависѣло отъ меня. Я могъ каждую минуту представить тебя передъ грозное духовное судилище. Но я былъ не въ силахъ выговорить роковое слово, которое бы уничтожило тебя, потому что любовь моя безпрестанно усиливалась и возрастала... тогда явилась ревность, этотъ новый ужасный демонъ, съ адскими муками... Я не видѣлъ болѣе ни неба, ни земли. Передъ глазами моими была только ты... ты, любящая другаго... (*Глухо.*) И ты знаешь, что совершилось.

ЭСМЕРАЛЬДА, съ воплемъ бросаясь на ложе.

Ты убилъ моего Феба!

ФРЕЛЛО, съ ужаснымъ взглядомъ.

Да, я убилъ его!... Ахъ! Что значатъ всѣ твои страданія въ сравненіи съ тѣми, которыя я съ тѣхъ поръ вынесъ!.. Я засѣдалъ между твоими судіями, присутствовалъ при допросѣ. (*Трепеща.*) Я долженъ былъ проводить тебя къ пыткѣ, и молчать, потому что я самъ былъ убійца! Эсмеральда, ты и не знала, что прежде, нежели орудія пытки коснулись бы тебя, я задушилъ бы палача и умертвилъ самого себя!.. Эсмеральда, ты называешь себя несчастною! Ахъ! Ты не знаешь, что такое несчастіе! отречься отъ брака и любить женщину! Любить ее совсѣмъ жаромъ своего существованія, каждымъ біеніемъ сердца, всѣми помыслами души чувствовать, что за одну улыбку, за одинъ взглядъ ея, готовъ отдать свою кровь, свою жизнь, свое спасеніе, и видѣть ея любовь къ другому — вотъ, вотъ несчастіе!

(Падаетъ въ слезахъ у ногъ ея.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

О! прочь! прочь! Ты ужасаешь меня!

(Отодвигаясь отъ него.)

ФРЕЛЛО, ползая за нею.

Сжалься надо мною, Эсмеральда, сжалься, сжалься, не ненавидь меня! Постигаешь ли ты

всѣ мученія безсонныхъ, длинныхъ ночей, когда голова моя горитъ, жилы трепещатъ; и сердце разрывается? сжалься, сжалься, не отвергай меня, коснись нѣжною рукою своею до моего чела, покрытаго смертнымъ потомъ, и потомъ убей меня.

ЭСМЕРАЛЬДА.

О, мой Фебъ.

ФРЕЛЛО, вскакивая.

О! Это разскаленные клещи дьявола! Неповторяй этого имени! Произнося его, ты рвешь зубами мои жилы. О! Я несчастный! Презрѣнный! Бей меня по лицу, топчи ногами—но не произноси этого имени! Скажи мнѣ что ты волшебница, чародѣйка, и если ты принадлежишь аду, я иду съ тобою въ адъ, но не произноси этого имени!—О, Эсмеральда, мы еще можемъ быть счастливы! Я спасу тебя! Отведу тебя въ неприкосновенное убѣжище, гдѣ не достигнетъ до тебя никакая свѣтская рука; самая церковь теряетъ свою силу у его порога! сперва иди туда со мною, потомъ, когда городъ успокоится, когда забудутъ о тебѣ, мы убѣжимъ въ другія края, гдѣ мы оба неизвѣстны... Я спасу тебя!.. Почувствуй состраданіе! Слѣдуй за мною!.. И ты будешь жить! (*Эсмеральда качаетъ головою.*) Ты не хочешь! Эсмеральда несчастное дитя! Опомнись! Пойми меня! Чрезъ нѣсколько минутъ пойдешъ ты босыми ногами по антверпенскимъ улицамъ... смотри... на тебя ужь надѣли одежду кающейся грѣшницы: въ ней вытерпишь ты ругательство черни, потомъ приведутъ тебя на лобное мѣсто... ахъ! Сжалься надъ собою! Ненавидь меня, но слѣдуй за мною и живи.

ЭСМЕРАЛЬДА, съ пылающимъ лицомъ.

Что сталось съ моимъ Фебомъ?

ФРЕЛЛО, каменѣетъ, руки его опускаются, голосъ угасаетъ.

Ахъ! она безчувственна какъ камень.

ЭСМЕРАЛЬДА, схвативъ его за руку.

Что сталось съ Фебомъ?

ФРЕЛЛО, съ ужаснымъ хохотомъ.

Онъ умеръ!

ЭСМЕРАЛЬДА, внѣ себя.

Умеръ! умеръ! А я должна жить?.. Прочь! Прочь, чудовище! убійца! Прочь отъ меня! Я не хочу жить тамъ, гдѣ ты живешь! Я хочу въ могилу, въ землю, глубоко, глубоко, туда, гдѣ ты не имѣешь болѣе власти терзать меня! Я не хочу быть спасена... отъ тебя не приму я жизни! Ничто не должно соединять насъ—ни небо, ни адъ... Прочь отъ меня, проклятый! Я ненавижу тебя, вѣчно... вѣчно!

ФРЕЛЛО, въ бѣшенствѣ.

А! фурія!.. чародѣйка! Ты погубила меня! Такъ умирай же!.. Смерть твоя спасетъ меня!...

(Слышны звуки затворовъ.)

ФРЕЛЛО, складываетъ руки подъ мантіей, принимая видъ холодный и спокойный.

Теперь все кончено!

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ГЛАВНЫЙ СУДЬЯ, четыре воина съ факелами у растворенныхъ дверей; служитель судилища идетъ впередъ.

ФРЕЛЛО, холодно и спокойно.

Осужденная къ казни готова умереть! Берите ее!

ЭСМЕРАЛЬДА, бросаясь къ нимъ.

Умереть! Умереть! Наконецъ вы пришли за мной. О счастіе! Поведете ли вы меня къ смерти? Скороли конецъ мой?

СЛУЖИТЕЛЬ.

Часъ твой пробилъ! Иди въ послѣдній свой путь!

ЭСМЕРАЛЬДА, въ безумной радости.

О, какъ я давно ждала васъ! Какъ я вамъ благодарна! Мой послѣдній путь! О! какъ легокъ онъ для меня! Онъ ведетъ къ моему Фебу! Къ нему скорѣе! Скорѣе!

(Убѣгаетъ; всѣ идутъ за нею.)

ПЕРЕМѢНА ДЕКОРАЦІЙ.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Задняя занавѣсь представляетъ антверпенскій магистратъ. Боковыя кулисы—зданія на площади; двери магистрата заперты. На галлереѣ стоитъ Квазимодо и со вниманіемъ смотритъ на толпу, которая движется около магистрата, на ступеняхъ коего направо и налѣво толпу, стражи съ аллебардами. При перемѣнѣ декораціи всѣ выходятъ на авансцену, которая покрывается всякаго званія народомъ, какъ во 2 й картинѣ. ГРИГОАРЪ, ЖАНЪ ФЛЕТРИ, КЛОПЕНЪ, ТРУЛЬФО, ПЕННО КРОЛЛО; два послѣдніе ужъ не въ цыганскомъ платьѣ, всѣ становятся отдѣльными группами на серединѣ. ПЬЕРЪ, ЖАНЪ и СТУДЕНТЫ; правѣе ОДОАРДА и МАРІЯ съ нѣсколькими молодыми и старыми женщинами, которыя окружаютъ ее; она разсказываетъ имъ съ большимъ жаромъ; налѣво КЛОПЕНЪ. ПЕННО и КРОЛЛО въ особомъ разговорѣ.

ОДОАРДА.

Да, да. могу сказать, мнѣ городъ обязанъ этимъ праздникомъ, потому-что видѣть казнь колдуньи должно быть пріятно всякому доброму христіанину. Ахъ, еслибъ мой молодой баринъ могъ это видѣть! Но нѣтъ! съ нимъ уже все кончено!

МАРІЯ.

А развѣ онъ умеръ?

ОДОАРДА.

Не совсѣмъ умеръ; но вчера мнѣ сказали въ больницѣ, что онъ не проживетъ и трехъ дней. Онъ лежитъ при послѣднемъ издыханіи! Ахъ! Зачѣмъ онъ не послушалъ меня! Самъ виноватъ! Подумайте только—она въ связи съ сатаной! (*Всѣ дѣвушки пугаются.*) И ужъ многихъ православныхъ христіанъ заманила къ нему въ сѣти.

ЖЕНЩИНЫ И ДѢВУШКИ.

Да! этакая связь ужасна, признаться!

ПЬЕРЪ.

Да, оно невкусно! Бѣдняжка! Свяжись она со мною, лучше бы ей было.

ЖАНЪ.

Конечно, оно все легче, чѣмъ быть повѣшеной.

(Студенты смѣются.)

ПЕННО, тихо Клопену.

Я бы передавилъ ихъ, какъ мышей. Народъ смѣется и радуется несчастію Эсмеральды, а недавно еще рукоплескалъ ей.

КЛОПЕНЪ, такъ же тихо.

Глупецъ! Это удивляетъ тебя? Всегда такъ бываетъ на бѣломъ свѣтѣ.

КРОЛЛО.

Бѣдная Эсмеральда! Неужели мы ничего для нея не сдѣлаемъ?

КЛОПЕНЪ.

Сдѣлаемъ? Какъ? Что? Будь еще это ночью, тогда мы господа, а теперь, осмотрись кругомъ: вездѣ солдаты герцога; куда ни взглянешь, вездѣ алебарды; нѣтъ, никто не спасетъ ея!

(Утираетъ рукою слезу.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ТѢ ЖЕ, МАГДАЛИНА И РЕНАРДА.

РЕНАРДА.

Проходи, проходи, не то, мы ничего не увидимъ. Что ты такъ молчалива, Магдалина? Это не твой обычай.

МАГДАЛИНА.

Ахъ, сестра, я больнехонька; не привыкла къ вашимъ городскимъ ужасамъ. Какъ вспомню о судилищѣ—морозъ деретъ! И эта безумная Гудула. Ухъ! (*Дрожитъ.*) Когда мы шли сюда мимо ея, то страшный вашъ синдикъ Фрелло поровнялся съ нею и закричалъ ей: Сестра Гудула! сегодня вѣшаютъ цыганку! Глаза его сверкали, какъ у тигра, при взглядѣ на свою добычу, и онъ исчезъ, какъ привидѣніе; тогда безумная заревѣла, какъ звѣрь, запрыгала отъ радости въ своей кельѣ. Не знаю отчего, но дрожь пробѣжала по всему моему тѣлу. Мнѣ жаль стало бѣдняжки Эсмеральды. Что, если она невинна?

РЕНАРДА.

Полно, полно, въ умѣ ли ты?

ПЬЕРЪ, замѣтивъ Квазимодо, который, какъ безумный, побѣжалъпо галлереѣ и спустился надъ дверьми магистрата.

Что это красавецъ Квазимодо разъигрался, какъ кошка, которой къ хвосту привязали гремушку?

(Всѣ глядятъ на него; раздается нѣсколько разъ звонъ колокольчика.)

ВСѢ.

Колокольчикъ? Она идетъ! идетъ!

СТРАЖА.

Мѣсто! мѣсто!

(Народъ волнуется, раздвигается и очищаетъ доро"у до самаго магистрата, у котораго всѣ свободны отъ народа.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, приближается весь ходъ; впереди солдаты съ капитаномъ попарно съ обнаженными мечами; сзади главный судья съ сержантами; наконецъ эсмеральда безъ цѣпей, съ распущенными волосами, на шеѣ веревка, два раза обвитая кругомъ шеи, концы висятъ закинуты по спинѣ. Сзади ея тюремный служитель съ палкой въ рукѣ; потомъ судьи въ красныхъ и черныхъ робахъ. Солдаты заключаютъ шествіе.

ВСѢ, увидя ее.

Вотъ она! Вотъ она!

(Движеніе въ народѣ.)

ПЬЕРЪ, сосѣдямъ.

Какъ она хороша! Какая жалость!

НѢКОТОРЫЕ, въ народѣ.

Правда, жалко.

МАГДАЛИНА, Репардъ.

Какъ она блѣдна! Бѣдняжка!

МАРІЯ.

Умереть въ эти лѣта! Это ужасно!

ПЕННО.

Лучше бы мнѣ ослѣпнуть.

КЛОПЕНЪ.

Будь она точно колдунья, я все бы хотѣлъ спасти ее.

Эсмеральда не показываетъ знака, что видитъ или слышитъ, вся свита раздѣляется на двѣ стороны до самой глубины; судьи становятся передъ магистратомъ. Когда Эсмеральда остается одна на серединѣ, двери въ него вдругъ растворяются; глубокая тишина. Видна внутренность магистрата, который весь внутри обитъ чернымъ, и мрачность котораго составляетъ большую противоположность съ освѣщеніемъ сцены.)

ТЮРЕМНЫЙ СЛУЖИТЕЛЬ.

На колѣна, грѣшница!

(Эсмеральда, испуганная въ просонкахъ, падаетъ будто колѣни подогнулись у нея. Фрелло выходитъ изъ магистрата въ сопровожденіи шести сенаторовъ. Эсмеральда; подымаетъ голову; когда онъ становится подлѣ нея, она, увидя его, трепещетъ.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, это опять онъ!

(Съ ужасомъ отвращается.

ТЮРЕМНЫЙ СТРАЖЪ, по знаку Фрелло, подходитъ къ ней съ лѣвой стороны, открываетъ пергаменъ, и громко читаетъ.

Сія осужденная грѣшница признается предъ лицемъ всего народа въ чародѣйствѣ, въ связяхъ съ сатаною, и смертоубійствѣ, за которое сама готова принять казнь.

(Тюремный служитель отходитъ.)

ФРЕЛЛО, громко, наклонясь къ ней.

Молилась ли ты о прощеніи грѣховъ твоихъ? (*Тихо.*) Люби меня, и я могу еще спасти тебя!

ЭСМЕРАЛЬДА, пристально глядя на него; губы ея дрожатъ.

Исчезни отъ меня, сатана.

ФРЕЛЛО, тихо, но настоятельно.

Согласна ли ты? согласна ли?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Отдай мнѣ моего Феба.

ФРЕЛЛО, тихо, но съ бѣшенствомъ.

Никто не долженъ владѣть тобою. (*Выпрямляясь и громко.*) Она упорствуетъ! Да погибнетъ она!

(Ломаетъ надъ головою ея палку и возвращается въ магистратъ. Сенаторы за нимъ. Двери остаются настежь; тюремный служитель, подавшій палку Фрелло, хочетъ поднять Эсмеральду, которая въ безпамятствѣ все еще на колѣнахъ.)

ФЕБЪ, блѣдный, какъ мертвецъ, съ развѣвающимися волосами, въ мантіи, изъ подъ которой видна лосиная одежда, продирается съ лѣвой стороны, изъ первой кулисы, сквозь народъ, въ отчаяніи.

Пустите, пустите меня! Эсмеральда!

ЭСМЕРАЛЬДА, вдругъ вскакиваетъ и обращается въ ту сторону.

Фебъ! Мой Фебъ!

ФЕБЪ.

Ахъ! Это она!

(Падаетъ на полъ за солдатами.)

(Эсмеральда хочетъ броситься къ нему; тюремный служитель крѣпко держитъ ее; всѣ смотрятъ на Феба съ участіемъ. Квазимодо, который смотрѣлъ внимательно на происходящее, выжидаетъ, пока уйдетъ Фрелло, и когда тюремный служитель схватываетъ Эсмеральду, онъ соскакиваетъ внизъ, повергаетъ его на землю, беретъ Эсмеральду, тащитъ ее по ступенямъ магистрата, и остановясь въ дверяхъ его, кричитъ громкимъ голосомъ.)

КВАЗИМОДО.

Убѣжище!

(Все это должно сдѣлаться, съ быстротою молніи.)

НАРОДЪ, смотрѣвшій въ оцѣпенѣніи, вскрикиваетъ единогласно.

Убѣжище! убѣжище!...

(Квазимодо съ Эсмеральдой скрываются въ магистратѣ, коего двери разомъ за ними захлопываются. Народъ покрываетъ сцену съ шумомъ и криками: »Она спасена. Храбрый звонарь! Убѣжище! убѣжище!« Квазимодо показывается на галлереѣ. Эсмеральда въ обморокѣ виситъ у него на шеѣ; онъ съ торжествомъ показываетъ ее народу, приподымая ее на рукахъ, какъ ребенка и съ крикомъ: »Убѣжище! убѣжище!« исчезаетъ подъ сводомъ галлереи; народъ обнимается, радуется, бросаетъ къ верху шляпы и до паденія занавѣси кричитъ: »Убѣжище! Убѣжище!«)

ЛЮБОВЬ УРОДА.

КАРТИНА 4-Я.

Внутренностьстарой башни на 4 кулисы: по стѣнамъ видны амбразуры, бреши, въ иныхъ мѣстахъ стѣна открыта и выросли кустарники. Видна снаружи луна. Среди сцены виситъ на толстой веревкѣ толстая палка, къ которой прикрѣплены на желѣзныхъ кольцахъ горящіе факелы; передняя часть сцены освѣщена краснымъ огнемъ; налѣво на первомъ мѣстѣ полуразваливаяся печь; въ ней, на желѣзныхъ прутьяхъ, котелъ, подъ которымъ пылаетъ огонь. На вертелѣ нѣсколько гусей; старая, оборванная цыганка вертитъ ихъ; у печи сидятъ на полу нѣсколько женщинъ и считаютъ деньги. Около нихъ ободранные мальчики играютъ, ударяя щепками по старому котлу, который лежитъ между ними. Налѣво огромная бочка, на которой маленькая скамейка. На ней старый нищій царапаетъ на скрипкѣ. Передъ бочкой нѣсколько игроковъ въ косточки на полу. Посреди нѣсколько цыганъ и цыганокъ пляшутъ какъ безумные. У задней занавѣси, лѣвѣе, длинная скамья, на которой растянувшись, лежитъ молодой нищій, молодая дѣвушка наливаетъ ему въ стаканъ и поитъ его. Правѣе также скамья; на ней сидятъ нищіе самаго страннаго вида, какъ то: горбатые съ пластыремъ наглазу цыганы и прочіе, платья пестрыя и въ лохмотьяхъ; крикъ, шумъ и движеніе; передъ поднятіемъ занавѣса, слышна плясовая музыка и голосъ пѣсни поющаго хора. Нищіе поютъ, скрыпачъ играетъ для танцующихъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХОРЪ.

Стукъ стакановъ и восклнковъ оканчиваетъ пѣніе; танцовавшіе, запыхавшись, бросаются, на скамьи.)

МОЛОДОЙ НИЩІЙ, лѣжащіе на скамьѣ.

Сегодня я спроворилъ часы у богатаго господина; поцалуй меня, красавица, я подарю ихъ тебѣ.

ДѢВУШКА.

Спасибо, Этьенъ, ты самый честный нищій во всемъ городѣ.

1-Й ИГРОКЪ.

Чортъ бы тебя побралъ, баранье рыло! у тебя вѣрно фальшивыя кости. *(Ударяя кулакомъ объ полъ.)* Три раза сряду 18-ть: клянусь честью, это недаромъ!

2 й ИГРОКЪ.

Ахъ, ты каторжный! Сними-ко пластырь-то съ глаза, да и смотри въ оба!

1-й ИГРОКЪ, срываетъ пластырь; видно лице здоровое и молодое.

Ну, увидимъ!

СКРЫПАЧЪ, слѣзъ съ бочки и подошелъ къ печи.

Старуха, дай-ко мнѣ отвѣдать твоего гуся. *(Нюхаетъ.)* Славно пахнетъ!

СТАРУХА.

Я сама его для себя украла. Не дамъ тебѣ ни кусочка. Если не умѣлъ воровать, такъ голодай, а не обижай честныхъ людей, которые дѣлаютъ свое дѣло.

1-й ИГРОКЪ.

Ты сплутовалъ, мерзавецъ! Я поймалъ тебя. Отдай назадъ мои деньги.

2-й ИГРОКЪ.

Впередъ будь умнѣе, оселъ! Учись замѣнять счастіе ловкостію.

1-й ИГРОКЪ, даетъ ему пощечину.

Вотъ же тебѣ заурокъ!

(Старуха, которая подошла было послушать ихъ ссору, возвращается къ печи, и видитъ, что скрыпачъ укралъ у нея гуся. Онъ стащилъ его съ вертѣла и перекидывая изъ руки въ руку, чтобъ не обжечься, съ смѣшными ужимками прячется за бочку, готовясь ѣсть.)

СТАРУХА.

Гусь! гдѣ мой гусь? Этотъ мошенникъ укралъ его!

(Бѣжитъ и отыскиваетъ его за бочкой.)

1-й МАЛЬЧИКЪ, ударивъ 2-го.

Ты сломалъ мою щепку.

2-й МАЛЬЧИКЪ, заплакавъ.

Пусти меня!.. Матушка, онъ деретъ меня за волосы!

Все это происходитъ скоро.

—

ЯВЛЕНІЕ II.

ТѢ ЖЕ, КЛОПЕНЪ ТРУЛЬФО, сзади его ПЕППО и КРОЛЛО.

КЛОПЕНЪ, поднявъ палку, громко.

Эй вы, твари! Что за содомъ? Такъ ли вы встрѣчаете атамана? *(Общее молчаніе и тишина.)* Такъ ли должны поступать честные цыганы, которыхъ все могущество въ единодушіи? Пеппо! Кролло! Знаки моего званія!

(Пеппо уходитъ и возвращается съ желтымъ странной формы колпакомъ. Пеппо также въ минуту приноситъ плетку съ большими кожаными бичовками, наконцѣ которыхъ колечки изъ свѣтлаго металла.

КЛОПЕНЪ, срываетъ съ себя парикъ съ плѣшью и сѣдыми волосами; видно лице 40 лѣтняго здороваго мужчины, волосы темные; вытаскиваетъ рукавъ и высвобождаетъ запрятанную руку подъ камзоломъ: на немъ красное трико. Подбѣжавшій нищій отвязываетъ дерявшку отъ его ноги— все это въ одну минуту.

Хорошо! *(Надѣваетъ колпакъ, беретъ плетку и восшедъ на бочку, величественно садится.)* Гдѣ шахъ персидскій? Гдѣ египетскій паша? *(Цыганъ и нищій становятся по сторонамъ его.)* Что здѣсь дѣлается? Это ли мои подданные? *Мои ли свободные цыганы?* Съ тѣхъ поръ какъ небо отняло у насъ Эсмеральду, какой-то демонъ овладѣлъ вами? Нашъ геній хранитель исчезъ; всякій разъ, по возвращеніи моемъ, нахожу я, что вы вцѣпившись другъ другу въ волосы! Я обремененъ правленіемъ моего народа! *(Грозно.)* Что здѣсь было? говорите! Мы будемъ васъ судить и произнесемъ рѣшеніе.

СТАРУХА, продираясь къ нему.

Могущественный атаманъ, этотъ негодяй скрыпачъ....

КЛОПЕНЪ.

Назадъ!.. Женщины послѣ мужчинъ.

1-й ИГРОКЪ, подходя съ низкимъ поклономъ.

Могущественный властелинъ! Аннибалъ обыгралъ меня фальшивыми костями.

КЛОПЕНЪ.

И хорошо сдѣлалъ, коли ты дуракъ не догадался; деньги остаются у него—помиритесь, потому что мы люди вольные. *(Проситель отходитъ; Клопенъ, подымая бичевку)* Справедливъ ли судъ?

ВСЕ.

Справедливъ! справедливъ!

КЛОПЕНЪ.

Ну, дальше!

СТАРУХА.

Властитель, сегодня украла я себѣ гуся, а плутъ Матье укралъ его у меня съ вертѣла.

КЛОПЕНЪ.

Поймала ли ты его на дѣлѣ?

СТАРУХА.

Нѣтъ, я только отвернулась, а онъ схватилъ его у меня за спиною.

КЛОПЕНЪ.

Онъ, какъ честный мошенникъ, исполнилъ свою обязанность; гусь принадлежидъ ему по всей справедливости, потому что мы люди вольные.

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ, ФЕБЪ, ВХОДИТЪ БЫСТРО.

ВСѢ, КРИЧАТЪ.

Чужой! Непріятель!

КЛОПЕНЪ.

Кто смѣетъ вступить сюда, когда я творю судъ и расправу? (*Цыганы схватываютъ Феба и подводятъ его.*) Вижу по твоей одеждѣ, чтоты не имѣешь чести принадлежать къ нашему вольному обществу. Знаешь ли ты, что мы также неумолимо изрекаемъ приговоры здѣсь, какъ и вы у себя, и что мы безъ всякаго разбора вѣшаемъ всякаго, кто къ намъ залѣзетъ, если онъ ненищій, не тунеядецъ или не мошенникъ? Говори свое имя, званіе, чтобъ я могъ рѣшить: долженъ ли ты вступить въ число моихъ подданныхъ или плясать на воздухѣ?

ФЕБЪ.

Я не изъ числа твоихъ подданныхъ и не имѣю тѣхъ достоинствъ, которыхъ ты отъ меня требуешь. Но спустился въ гнѣздо несчастій и пороковъ, чтобъ найдти здѣсь людей, потому что тамъ у насъ только маски.

КЛОПЕНЪ.

Вѣрно хорошо же они проучили тебя. Хочешь ли вступить въ наше сословіе?

ФЕБЪ.

Нѣтъ; но хочу заключить съ вами союзъ на жизнь и смерть.

КЛОПЕНЪ.

Это, хоть и звучно... но, (*Дѣлаетъ какъ будто считаетъ деньги,*) все не настоящій звукъ.

ФЕБЪ.

Терпѣніе! меня зовутъ Фебъ де Шатоперъ.

КРОЛЛО И НЕППО.

Любезный Эсмеральды, котораго она будто бы убила.

ФЕБЪ.

Я самый, за кого страдаетъ эта несчастная.

КЛОПЕНЪ.

Но она жива еще.

ФЕБЪ.

Жива, но съ веревкою на шеѣ и въ р у кахъ жестокаго синдика Фрелло.

(Всѣ окружаютъ его.)

КЛОПЕНЪ. живо сходя съ бочки.

Ты имѣешь объ ней извѣстіе? въ безопасности ли она?

ФЕБЪ.

Слушайте только.—Въ объятіяхъ Эсмеральды нанесенъ мнѣ ударъ. Кѣмъ—одному Богу извѣстно. Меня отнесли въ городскую больницу; тамъ лежалъ я между жизнію и смертію. Синдикъ Фрелло часто навѣщалъ меня; теперь только узналъ я, что онъ выдавалъ меня предъ судилищемъ за умершаго; когда же мнѣ стало легче, и я началъ справляться объ Эсмеральдѣ, то увидѣлъ, что меня содержатъ, какъ заключеннаго. Въ одно утро вижу я только одного моего стража; другіе всѣ ушли смотрѣть судъ какой-то колдуньи... я улучаю минуту..... и свободенъ.... выбѣгаю на улицу, толпа народа увлекаетъ меня съ собою къ магистрату; слушаю, смотрю, и каменѣю... Это моя Эсмеральда, моя любезная, которую хотятъ казнить! Пришедши въ память, я увидѣлъ ея убѣжище: я являюсь предъ судей, объявляю, что не она была моимъ убійцей. Великій Боже! я слышу ужасный отвѣтъ, что мое убійство есть меньшее изъ ея преступленій; что она должна умереть, потому-что сама созналась въ колдовствѣ. Въ отчаяніи, я, лечу изъ судилища, и какъ безумный объ

гаю весь городъ. Тщетно стараюсь проникнуть въ магистратъ: кругомъ его стоятъ вооруженные люди, готовые схватить свою добычу, если бъ она вздумала покинуть свое убѣжище.

КЛОПЕНЪ.

Они могутъ простоять тамъ 10 лѣтъ; потому, что малютка такъ благоразумна, что не покинетъ безопасное мѣсто, недоступное самому закону.

ФЕБЪ.

Часъ назадъ, я услышалъ отъ знакомаго мнѣ капитана извѣстіе которое лишаетъ меня разсудка: дано повелѣніе съ восходомъ солнца исторгнуть Эсмеральду изъ убѣжища и предать ее палачу.

КЛОПЕНЪ, въ бѣшенствѣ.

Стыдъ и посрамленіе! Наругаться надъ святостію убѣжища, уничтожить вѣковые обычаи.

ВСѢ.

Неслыханно! безчестно! Бѣдная Эсмеральда!

ФЕБЪ.

Слушайте! слушайте! Если бы даже Эсмеральда и освободилась, она не можетъ долѣе жить между вами. Когда даже не уважаютъ священныхъ правъ, то что значатъ для нихъ ваши права? Вы погибнете вмѣстѣ съ нею. *(Вынимаетъ изъ подъ плаща мѣшокъ съ деньгами и бросаетъ на землю.)* Здѣсь тысяча червонныхъ; хотите ли отдать мнѣ Эсмеральду и помочь ей убѣжать со мною?

КЛОПЕНЪ, съ жадностію подви мая мѣшокъ и смотря на окружающихъ.

Но чести, будь она у насъ—мы бы вамъ ее отдали.

ФЕБЪ.

Я укажу вамъ средство къ тому; поклянитесь прежде, что вы уступите ее мнѣ, а я клянусь вамъ сдѣлать ее моею женой.

КЛОПЕНЪ, съ жаромъ.

Даемъ честное слово, которому ни одинъ честный мошенникъ никогда не измѣнялъ, что отдадимъ ее тебѣ.

ВСѢ, протягивая руки.

Клянемся честью.

ФЕБЪ.

Довольно! Я вамъ вѣрю: деньги ваши. Сколько васъ всѣхъ-на-всѣхъ?

КЛОПЕНЪ.

Семь тысячъ человѣкъ составляютъ наше вольное общество, исключая женъ и дѣтей.

ФЕБЪ.

Есть ли у васъ оружіе?

КЛОПЕНЪ.

Э! ого! не шутите нами! на каждаго человѣка по мечу, по кинжалу и по косѣ.

ФЕБЪ, съ силою.

Хорошо же! ночь еще длинна; вооруженная стража не многочисленна. Я поведу васъ, мы осадимъ магистратъ и силой освободимъ Эсмеральду. Лошади мои готовы и передъ разсвѣтомъ еще, до прихода палача, мы будемъ далеко отъ Антверпена.

ВСѢ.

Конечно! конечно! мы успѣемъ еще.

КЛОПЕНЪ, въ восхищеніи

Славное дѣло! Ребята, чудесно мы приставимъ носъ судьямъ, пошаримъ по кладовымъ магистрата, и унесемъ серебряную статую правосудія.

ВСѢ.

Да, да, мы унесемъ ее.

ФЕБЪ, закрывая лицо руками.

Боже мой! прости мнѣ, что я разбудилъ гіенну! Но не долженъ ли я былъ искать помощи у порока, когда добродѣтель страждетъ отъ злодѣйства.

КЛОПЕНЪ.

По совѣсти, г. офицеръ, надо же, чтобъ и мошенникамъ было чѣмъ жить на свѣтѣ. Старуха, береги деньги: 1000 червонныхъ. *(Отдаетъ ей.)* Смотри—ты знаешь меня? *(Она успокоиваетъ его.)* Въ дорогу, въ дорогу. Подымите всѣхъ нашихъ на ноги. Вставайте, цыганы, вставайте, вольные люди. Эсмеральда и добыча!

ВСѢ.

Добыча, и Эсмеральда!

(Всѣ бѣгутъ за Фебомъ и Клопеномъ. Женщины, еще прежде, непримѣтно прибрали все со сцены, скамьи, котлы, бочку и подвижную старую печь въ ближайшія кулисы.)

ПЕРЕМѢНА ДИКОРАЦІЙ.

Платформа магистрата освѣщена луною и звѣздами. Лѣвая сторона сцены изображаетъ зданіе магистрата до самой крышки. — Правая и глубина сцены обведены каменной галлереей. Въ нѣкоторомъ разстояніи видны зубцы; за задней декораціей видны трубы и крыши зданій; въ срединѣ платформы спускная дверь, полуподнятая цѣпью.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ЭСМЕРАЛЬДА, ПОТОМЪ КВАЗИМОДО.

ЭСМЕРАЛЬДА, стоитъ въ глубинѣ, прислонясь къ зубцамъ; она все еще въ бѣломъ платьѣ, но безъ чернаго пояса; волосы снова заплетены въ 4 косы; лицо снова свѣжо и покойно; она смотритъ въ даль.

Милосердый Боже! какъ свѣтъ прекрасенъ, какъ сладка свобода, какъ пріятенъ свѣжій ночной воздухъ! Шельда, какъ серебряная змѣя, извивается вокругъ острововъ *(Вздыхая.)* Хотѣла бы и я нестись съ нею искать моего Феба *(Выходя на авансцену.)* Мой Фебъ! ты жцвъ! чего жъ мнѣ еще болѣе! ты живъ и еще все любишь Эсмеральду! По тише, я слышу, идутъ по лѣстницѣ. Это Квазимодо! Его лицо пугаетъ [меня... но онъ такъ добръ *(Квазимодо подымается на лѣстницу неся маленькую корзинку и кружку и увидя ее, останавливается въ испугѣ.)*

ЭСМЕРАЛЬДА.

Подойди, Квазимодо, подойди.

(Манитъ его рукою.)

КВАЗИМОДО, становитъ, что принесъ, наполъ, съ робостію приближается и говоритъ страннымъ и глухимъ голосомъ.

Ты здѣсь? Послѣ полночи? Отвернись, не смотри на меня, я не хочу оскорблять твоихъ взоровъ и пугать твою душу.—Я думалъ, что ты спишь, и пришелъ, по обыкновенію, поставить у твоей кельи тебѣ на завтра пищу. Ахъ! днемъ бѣдный Квазимодо не смѣетъ тебѣ показываться. Какъ ты несчастна! одна; покинута въ этомъ зданіи, которое не можетъ тебѣ быть мило, такъ, какъ мнѣ!.. и ни одного человѣка подлѣ тебя, кромѣ отвратительнаго Квазимодо! Собака была бы для тебя пріятнѣе.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Бѣдный, добрый Квазимодо! хотя ты и не пригожь, но я люблю тебя. Я обязана тебѣ жизнію, всѣмъ!

КВАЗИМОДО, пристально смотря на нее.

Я не слышу твоего голоса... Ахъ, какъ онъ долженъ быть сладостенъ! Но я вижу по глазамъ твоимъ, по движенію губъ, что ты говоришь со мною ласково! Ахъ! со мною еще никто не говорилъ ласково! Я былъ такъ доволенъ, когда большой колоколъ оглушилъ меня своимъ громовымъ звукомъ, потому что я до тѣхъ поръ ничего не слыхалъ въ мірѣ, кромѣ уроковъ моего грознаго господина, синдика Клоде Фрелло, насмѣшекъ и ругательствъ людей за то, что я найденышъ и уродъ! О! какъ теперь хотѣлось бы слышать! *(Молчаніе.)* Я никогда никого не любилъ, кромѣ моего учителя, который взялъ меня подкинутаго, назвалъ Квазимодо, въ память того дня, когда я былъ найденъ, научилъ меня говорить и сдѣлалъ здѣсь звонаремъ своимъ—и мой колоколъ, вотъ все, что я любилъ на свѣтѣ; теперь не то уже! Я не люблю болѣе моего учителя, потому что ты ненавидишь его! Я видѣлъ твою блѣдность, когда онъ взошелъ сюда, видѣлъ, какъ страшно онъ взглянулъ на тебя —и мнѣ сдается, что я долженъ скрывать тебя отъ него! Не правда ли?

ЭСМЕРАЛЬДА, кивая головою закрывъ лицо руками.

Ахъ! да, да — я ненавижу его!

КВАЗИМОДО.

Видишь ли, я понимаю каждое твое движеніе. Онъ врагъ твой! Когда я спасъ тебя, онъ съ яростію толкнулъ меня ногою, какъ пса! Онъ ненавидитъ тебя, и я ужъ не люблю его болѣе, и мои колокола *(качая печально головою)* мои прекрасные колокола также, уже рѣдко видятъ меня. *(Съ пылающимъ взоромъ.)* Слыхала ли ты ихъ когда по праздникамъ? Чувствовала ли ты, какъ, вся огромная, крѣпкая башня дрожала до основанія, когда раздавался могущественный звонъ, слышный за три мили въ окружности! О! сколько разъ я становился подлѣ качающагося колокола и когда звукъ его проникалъ до моего слуха, я бросался на ревущее чудовище, обхватывалъ руками мѣдную шею его и вмѣстѣ съ

звучащимъ металломъ леталъ по воздуху надъ головами слабыхъ смертныхъ. Это было чувство божественное, единственное наслажденіе, которое я вкушалъ на землѣ. *(Вдругъ утихаетъ, руки его опускаются, голосъ становится глухимъ.)* Но съ тѣхъ поръ, какъ ты напоила меня изъ рукъ своихъ у позорнаго столба, я покинулъ колокола мои, металлическій языкъ ихъ онѣмѣлъ: они печальны и молчаливы, какъ Квазимодо!

ЭСМЕРАЛЬДА.

О, несчастный! я плачу о тебѣ. *(Слышенъ дальній шумъ, который продолжается въ слѣдующую сцену.)* Слушай! слушай, что это!

(Отходитъ и прислушивается.)

КВАЗИМОДО, съ боязнію.

Что съ тобою? Что безпокоитъ тебя.

ЭСМЕРАЛЬДА, бѣжитъ къ глубинѣ и отскакиваетъ въ ужасѣ.

Горе мнѣ! Что это? У крыльца движется черная маска; вся площадь покрыта народомъ; тамъ, въ концѣ улицы, мелькаютъ люди съ факелами, все болѣе и болѣе...точно растутъ изъ земли. Что это значитъ?

КВАЗИМОДО, смотря на нее съ изумленіемъ.

Что ты видишъ вдали? Что это значитъ?

ГОЛОСА.

Эсмеральду? отдайте намъ Эсмеральду!

ЭСМЕРАЛЬДА, съ воплемъ бѣжитъ на авансцену ломая руки.

Горе, горе мнѣ! Квазимодо, сжалься надо мною! это народъ! онъ хочетъ исторгнуть меня отсюда! хочетъ выдать меня палачу! О, Квазимодо, единственный другъ мой, защитникъ, спаситель мой... сжалься, сжалься! Ахъ! мой Фебъ живъ еще, я не могу теперь умереть Ахъ! эта ночь, этотъ мѣсяцъ, весь свѣтъ такъ прекрасенъ! Я не могу покинуть его, спаси, спаси, меня, я должна—я хочу жить!

(Падаетъ передъ нимъ.]

КВАЗИМОДО, съ отчаяніемъ.

Небо! сжалься надъ несчастнѣйшимъ своимъ твореніемъ! Возврати мнѣ слухъ, хотя на одно мгновеніе: она у ногъ моихъ, плачетъ, ломаетъ нѣжныя руки свои; она коснулась меня безъ омѣрзенія, безъ ужаса.... этого еще никто не дѣлалъ... и я не слышу ея, не знаю, что ее страшитъ. О ты, какъ долженъ я назвать тебя, я даже не знаю твоего имени... Марія...такъ прозвалъ я тебя... Марія... хотя знаками дай мнѣ понять, чего ты отъ меня хочешь.

(Шумъ все продолжается, но какъ бы изъ пропасти.)

ЭСМЕРАЛЬДА, схвативъ его за руку, тащитъ къ глубинѣ и указываетъ внизъ и на себя.

Тамъ... тамъ,,, смотри—они осаждаютъ двери, хотятъ завладѣть убѣжищемъ; меня, меня требуютъ они, чтобъ предать палачу!

КВАЗИМОДО, пробуждаясь.

А! понимаю! это твои убійцы? они хотятъ вырвать тебя у меня, убить, въ позоръ самому закону. *(Страшно хохочетъ и поднимаетъ руки къ верху.)* Ха! ха! ха! знаете ли вы меня?— Я Квазимодо, звонарь, найденышъ, горбунъ, хромоногій, кривой! Я Квазимодо, отверженный природою и людьми, я хочу спасти мою Марію! Вы думаете, что эти безобразныя каменныя громады бездушны? Я тотъ духъ, который одушевляетъ эти гранитныя массы! Мои колокола разбудятъ весь городъ и заговорятъ съ вами, разбойники! *(Эсмеральда съ ужасомъ отходитъ отъ него.)* Не трепещи, Марія—Квазимодо живъ еще! Когда проснется городъ, то самъ герцогъ пришлетъ тебѣ спасителей! Тамъ, надъ главнымъ входомъ, лежатъ бревна для строенія: я скачу ихъ на головы этихъ тварей.—Тамъ груды заготовленныхъ дровъ—я спущу ихъ по свинцовымъ желобамъ: они раздавятъ враговъ нашихъ! Я сорву головы со статуй стоящихъ на галлереѣ и побросаю ихъ на твоихъ злодѣевъ! А! настало мгновеніе, когда звонарь Квазимодо поплатится съ вами, насмѣшники! Часъ мщенія моего наступилъ.

(Спускается въ опускную дверь и исчезаетъ; слышны удары въ желѣзныя двери.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

О! ужасно! ужасно! Какъ страшенъ Квазимодо въ гнѣвѣ! Ахъ! шумъ, подобный отдаленному грому несется сюда на высоту. *(Раздается звонъ большаго колокола.)* Колоколъ!—О ужасъ! Звонъ его потрясаетъ все

зданіе! Они хотятъ выломать дверь (*Слышенъ звукъ пожарнаго рога.*) Пожарный рогъ! Спящіе проснутся, больные умрутъ отъ страха! много погибнетъ людей отъ Квазимодо, и за меня! Но что же я такое сдѣлала, Боже мой, что Ты бѣдную, отверженную цыганку назначилъ къ столькимъ бѣдствіямъ! О! лучше бы Ты вовсе не далъ мнѣ родиться на свѣтъ!

(Фрелло при словахъ, «Но что же я», отпираетъ малѣйшую дверь въ углубленіи въ 1-й кулисѣ задняя декорація освѣщается краснымъ огнемъ.)

ЯВЛЕНІЕ V.

КЛОПЕ-ФРЕЛЛО, ЭСМЕРАЛЬДА.

ФРЕЛЛО, подходя.

Лучше бы было для тебя и для меня!

ЭСМЕРАЛЬДА, бѣжитъ отъ него.

Горе! горе мнѣ! это опять онъ.

ФРЕЛЛО.

Да, это я! Пока ты живешь, я не могу быть спокоенъ! Ты должна принадлежать мнѣ или смерти?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Смерти! Смерти!

ФРЕЛЛО.

Если бъ ты умерла въ то время, какъ я предалъ тебя палачу, мы оба были бы спокойны! Безумный Квазимодо! онъ, кому я благодѣтельствовалъ, кто долженъ бы любить меня, онъ спасъ погибавшаго уже скорпіона! ты живешь! Нѣтъ, мы оба должны или жить вмѣстѣ или умереть!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Умереть! Мнѣ умереть! Ахъ! А мой Фебъ живетъ!

ФРЕЛЛО, смѣясь страшно.

Твой Фебъ живъ еще, потому-то я и не отстану отъ тебя! онъ никогда не долженъ обладать тобою.

(Шумъ усиливается, свѣтъ становится ярче.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

Боже милостивый, сжалься! здѣсь ужасный призракъ, тамъ, — яростный народъ, враги, жаждущіе моей крови.

ФРЕЛЛО, смѣясь громко.

Враги? ха! ха! это забавно! И ты сама раздражила на нихъ Квазимодо, и отъ нихъ то онъ такъ храбро защищаетъ тебя? (*Отошедъ и посмотря въ ту сторону.*) А! точно! вотъ онъ! стоитъ, какъ Циклопъ, освѣщенный свѣтильниками толпы. Браво, Квазимодо! Сегодня платишь ты мнѣ за все, что я тебѣ сдѣлалъ! Браво, могучій богатырь! Вотъ летитъ бревно въ средину толпы! А! съ какимъ трескомъ оно падаетъ! съ какимъ видомъ валятся они другъ на друга! Славно, Квазимодо! славно! Ха! ха! ха... И чтобъ ты знала, Эсмеральда, зачѣмъ должна ты слѣдовать за мной—то слушай: это друзья твои, все цыганское поколѣніе, которое возстало затѣмъ, чтобы освободить тебя, и Фебъ предводительствуетъ ими (*Эсмеральда отъ ужаса падаетъ на колѣна. Фрелло продолжаетъ повелительно.*) Теперь слѣдуй за мною: этотъ выходъ освободитъ тебя! Квазимодо на галлереѣ, и мы исчезнемъ, какъ привидѣнія.—Иди!

(Схватываетъ ее за руку.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Я не хочу, не хочу!

(*Вырывается, бѣжитъ въ глубину и зоветъ.*) Квазимодо! Квазимодо! Остановись! Остановись! Это друзья мои! Это Фебъ.

ФРЕЛЛО, подойдя и снова схватя ее за руку.

Зови, зови его; если твой голосъ не сравняется съ звономъ большаго колокола, то онъ не услышитъ его! Но что я вижу: тамъ приближаются герцогскіе всадники; теперь пора, они спѣшатъ, чтобы взять тебя; но ты не достанешься ни врагамъ, ни друзьямъ своимъ — мнѣ, мнѣ одному принадлежишь ты! Иди!

ЭСМЕРАЛЬДА, въ отчаяніи.

Нѣтъ! нѣтъ! я не хочу.

ФРЕЛЛО, схватывая ее и увлекая.

Слабая горлица, ты въ когтяхъ у коршуна! пойдемъ! Пойдемъ!

(Исчезаетъ съ нею, откуда пришелъ; дверь запирается.)

КВАЗИМОДО, показываясь изъ опускной двери.

Маріе! Маріе! Герцогскіе всадники при-

ближаются. (*Останавливается и озирается.*) Гдѣ же ты, Марія? Уйдемъ отсюда! ты спасена! (*Бѣжитъ къ маленькой двери въ глубинѣ.*) Ея келья пуста! Она исчезла! ее похитили у меня. (*Ударяя себя въ голову.*) Умри, умри. Квазимодо! ее нѣтъ! она погибла!

(Падаетъ на полъ, шумъ увеличивается, занавѣсъ опускается.)

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ.

КАРТИНА 5-Я.

Площадь 1-й картины. Свѣтлая ночь; спереди полусвѣтъ отъ лампы, горящей надъ рѣшеткой Гудулиной комнаты.

ЯВЛЕНІЕ I.

ЖЕРВЕЗА, одна, у рѣшетки, смотритъ на мѣсяцъ.

ЖЕРВЕЗА.

Какъ свѣтелъ мѣсяцъ! какъ пріятна ночь! всѣ люди спятъ! бѣдная Жервеза! для тебя нѣтъ ни сна, ни покоя! я не хочу смотрѣть на мѣсяцъ: онъ насмѣхается надо мной! 12 лѣтъ взываю я къ нему! Едва взойдетъ онъ надъ этой площадью, я всегда спрашиваю его: мѣсяцъ! ты обходилъ всю землю! мѣсяцъ, не видалъ ли ты гдѣ моей малютки? Но онъ въ молчаніи проходитъ мимо съ своимъ блѣднымъ, холоднымъ ликомъ, онъ не чувствуетъ состраданія на высотѣ своей! Когда я согрѣвала ее на груди, цаловала прелестные ножки ея... ахъ нѣтъ! Тогда ты вѣрно не видалъ меня, иначе, ты бы теперь сжалился надо мною! Боже мой! Возврати мнѣ ее хотя на одинъ день, на одинъ часъ, на одну минуту, только на одну минуту, Боже мой! и потомъ низвергни меня на вѣчность, въ адъ! Чтобы я хотя еще одинъ разъ могла примѣрить этотъ башмачекъ на ея маленькую, прелестную ножку, и я умру, благословляя Тебя... Ахъ!.. 12 лѣтъ прошло; теперь она была бы взрослая дѣвушка!..Бѣдное дитя!.. Какъ? Такъ это правда, я не увижу ее болѣе!.. О горе! горе мнѣ! . Что можетъ быть ужаснѣе моего положенія? говорить: вотъ ея башмачекъ,—гдѣ же ножка ея, гдѣ сама она?.. О дитя мое! дитя мое!

(Падаетъ лицомъ на скамью и остается недвижима.)

ЯВЛЕНІЕ II.

ЖЕРВЕЗА, ФРЕЛЛО, съ правой стороны тащитъ за руку ослабѣвшую Эсмеральду.

ФРЕЛЛО.

Наконецъ мы пришли.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Чудовище, куда влечешь ты меня по темнымъ улицамъ, въ безмолвную ночь... ноги мои измѣняютъ мнѣ, колѣна подгибаются... окончи это смертельное мученіе!

ФРЕЛЛО.

Оно сейчасъ окончится: мы на мѣстѣ, выслушай меня! Судьба предаетъ насъ другъ другу: въ моей власти твоя жизнь, въ твоей моя душа; вотъ мѣсто и ночь, за которыми уже ничего не видно. Слушай же: во первыхъ, не говори о твоемъ Фебѣ, не говори объ немъ Если же ты произнесешь это имя.... я незнаю, что я сдѣлаю, но это будетъ нѣчто ужасное!.. Я люблю тебя... молчи, не прерывай меня... ты хочешь сказать мнѣ еще разъ, что ты ненавидишь меня... я рѣшился ничего болѣе не слушать: я спасъ тебя, и могу спасти совсѣмъ—все приготовлено. Дѣло теперь за тобою—пожелай—и ты спасена..нѣтъ, я не то говорю тебѣ. (*Показывая въ кулису*) Видишь ли ты эти черныя ворота, которыя отдѣльно и грозно возвышаются посреди ночи?Видишь ли, какъ блѣдный,дрожащій свѣтъ луны отражается на нихъ? Видишь ли черную тѣнь, которая носится отъ нихъ на окружности? Это врата смерти, это висѣлица! Выбирай между нами двумя.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Она все не столько ненавистна мнѣ, какъ ты!

ФРЕЛЛО.

А я!.. Я люблю тебя!.. Неужели огонь, пожирающій мое сердце, не вырывается наружу! Увы! юная дѣва! ночь и день, да, ночь и день! Неужели это не заслуживаетъ никакой жалости? Любовь вседневная, всенощная—это пытка! О! какъ я страдаю! Бѣдное дитя! чѣмъ виноватъ мужчина, что онъ любитъ женщину!.. О Боже мой!.. Какъ? Неужели ты никогда не простишь меня, ты вѣчно будешь меня ненавидѣть?.. Это кончено? Вотъ, что дѣлаетъ меня злымъ и мерзкимъ самому себѣ!—Ты не хочешь взглянуть на меня! Ты думаешь, можетъ быть, совсѣмъ о другомъ въ то время, какъ я говорю тебѣ съ трепетомъ, на порогѣ вѣчности для насъ обоихъ! Какъ! Если бъ я бросился къ твоимъ ногамъ, облобызалъ бы, не ноги твои, ты этого не хочешь, но землю, которая подъ твоими ногами, если бъ я рыдалъ какъ ребенокъ вырвалъ бы изъ груди моей, не слова, но сердце и внутренность мою, чтобъ сказать тебѣ, что я люблю тебя—все это будетъ безполезно, все? и между тѣмъ душа твоя нѣжна и человѣколюбива, ты блещешь кротостью, ты добра, прелестна, великодушна, жалостлива ко всѣмъ, кромѣ меня! (*Отирая слезу, шопотомъ.*) Какъ! Неужели я плачу? (*Эсмеральда смотритъ на него съ холодностію.*) Увы! ты холодно смотришь на мои слезы! Дитя, знаешь ли ты, что эти слезы—лава? Неужели въ немиломъ человѣкѣ все ненавистно! Я буду умирать предъ твоими глазами, а ты станешь смѣяться! Но я не хочу видѣть твоей смерти!.. Одно слово! Одного слово прощенія? Не говори мнѣ, что ты меня любишь; скажи только, что ты хотѣла бы меня любить... этого будетъ довольно, я спасу тебя... иначе... О! минута приближается! Заклинаю тебя всѣмъ, что ни есть священнаго, не ожидай, чтобъ я превратился въ камень, подобно висѣлицѣ, которая ожидаетъ тебя!—Вспомни, что наша участь у меня въ рукахъ, что я въ безуміи. Это ужасно! Вспомни, что я могу выпустить ее изъ рукъ, и что подъ ногами нашими бездонная пропасть, несчастная, гдѣ паденіе мое будетъ преслѣдовать тебѣ цѣлую вѣчность! Одно ласковое слово... только одно слово!

(Бросается на колѣна, чтобъ не проронить ни одного ея слова.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ты убійца.

ФРЕЛЛО, схватываетъ ее съ яростію и злобно смѣясь.

Да, убійца, и ты будешь моя.—Ты не хочешь меня имѣть своимъ рабомъ, такъ я буду твоимъ властелиномъ: ты послѣдуешь за мною, или я предамъ тебя: должно умереть, красавица, или принадлежать мнѣ, убійцѣ, въ эту же ночь—слышишь ли ты?.. Будь веселѣй, поцалуй меня!.. Брачная постель или могила!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Не прикасайся ко мнѣ, чудовище! Повторяю тебѣ, что я люблю моего Феба, что я принадлежу одному Фебу, что мой Фебъ красавецъ, а ты старъ, гадокъ.. Оставь меня!

ФРЕЛЛО, сперва страшно вскрикнувъ.

Въ послѣдній разъ: хочешь ли ты быть моею?

ЭСМЕРАЛЬДА.

Нѣтъ!

ФРЕЛЛО, смѣясь.

Хорошо! Теперь все погибло. (*Взявъ ее обѣими руками, тащитъ къ кельѣ Гудулы.*) Ты соединишься съ грознымъ женихомъ твоимъ, я самъ вручу тебя ему! (*Громкимъ голосомъ.*) Сестра Гудула! Сестра Гудула! (*Гудула приподымается; онъ передаетъ ей руку Эсмеральды.*) Вотъ бѣглая цыганка, отмсти за себя: держи крѣпче, не выпускай ее; я иду сейчасъ за стражей,—ты должна видѣть казнь ея!

(Убѣгаетъ.)

ЯВЛЕНІЕ III.

ЖЕРВЕЗА И ЭСМЕРАЛЬДА.

ЖЕРВЕЗА, бросившись изъ рѣшетки и обѣими руками схватя руку Эсмеральды.

Ха! ха! ха! ты моя! ты моя! О! какое блаженство!

ЭСМЕРАЛЬДА, порываясь отъ нея.

Ахъ! ахъ! Боже всемогущій! Эти костяныя руки какъ клещи палача держатъ меня! О! пусти меня!

(Ноги ея подгибаются.)

ЖЕРВЕЗА, со смѣхомъ.

Я! нѣтъ! нѣтъ, дочь Египта, цыганское отродье! они казнятъ тебя!.. (*Смѣется*). И я полюбуюсь твоею казнью. (*Какъ на распѣвъ.*) Я не выпущу тебя! Я не выпущу тебя!

ЭСМЕРАЛЬДА, полумертвая отъ страха и вся дрожа.

О, пусти меня!—Ты женщина! позволь мнѣ убѣжать! ахъ! жизнь такъ прекрасна! и мой Фебъ любитъ меня! Маленькая мошка рѣзвится при солнечныхъ лучахъ! Я также невинна какъ она, и также отъ Бога получила бытіе свое! Я такъ молода еще! О! пусти, пусти меня!

ЖЕРВЕЗА.

Она также была невинна, и также рѣзвилась при солнечныхъ лучахъ! Дочь Египта, цыганское порожденіе! ты не должна жить! Не должна!

ЭСМЕРАЛЬДА, заливаясь слезами.

Немилосердая! что я тебѣ сдѣлала?

ЖЕРВЕЗА.

Цыганка, ты хочешь знать? слушай же, я скажу тебѣ!—У меня бы дочь! слышишь ли ты, дочь, говорю я тебѣ! Цыганы украли, съѣли моего ребенка! 12 лѣтъ я здѣсь въ этой кельѣ, 12 лѣтъ страдаю, молюсь, бьюсь головою объ эти стѣны. Кто довелъ меня до этого? Цыганы!.. Есть ли у тебя сердце, дочь Египта? Представь себѣ, что значитъ для матери ребенокъ, безпечный, рѣзвый, играющій, ангелъ и его-то они отняли у меня, зарѣзали, пили кровь его! Богу все извѣстно, спроси у него, онъ видѣлъ это злодѣйство.. Сего дня моя очередь А! цыганскіе матери, вы сожрали моего ребенка! Придите же, полюбуйтесь на своего.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Несчастная женщина! Я ничего не знаю! Сжалься надо мной! Ахъ, ты должна быть сострадательна.

ЖЕРВЕЗА, въ ярости.

Отдай мнѣ моего ребенка.

ЭСМЕРАЛЬДА.

Сжалься! Сжалься!

ЖЕРВЕЗА.

Отдай мнѣ моего ребенка! Ты не знаешь, гдѣ она? И такъ умри! Когда Цыганка, твоя мать, придетъ за тобою, я скажу ей: Мать! мать, посмотри на эту висѣлицу! Или нѣтъ отдай мнѣ моего ребенка! Знаешь ли, ты, что моя дочька? Постой, я покажу тебѣ... Видишь ли ты этотъ башмачокъ? (*Дергая ее къ рѣшеткѣ.*) Вотъ все, что осталось бѣдной матери отъ ея ребенка! Не правда ли, тебѣ не вѣрится, чтобъ тутъ могла помѣститься ножка!.. Ахъ! однакожъ оно было такъ! Онъ былъ прежде аленькой, какъ щечки моей малютки. Теперь онъ пожелтѣлъ отъ моихъ слезъ, пожелтѣлъ также, какъ изображеніе моего дитяти въ блѣдной лунѣ! Знаешь ли, гдѣ пара этому башмачку? Если ты знаешь, скажи мнѣ и хотя бы онъ былъ на другомъ концѣ свѣта, я на колѣнахъ пойду отыскивать его.

ЭСМЕРАЛЬДА, быстро вырываясь, одна рука ея освобождается.

Боже, великій Боже! Боже милостивый! (*Срываетъ съ себя лящичекъ, и кладетъ башмачокъ въ руку Жервезы, которая, увидѣвъ ее свободною, высовывается изъ за рѣшетки.*) Смотри, смотри, по этому башмачку должна была узнать меня мать моя.

ЖЕРВЕЗА, посмотрѣвъ пристально на башмачекъ, страшно вскрикиваетъ.

Дитя мое? Мое дитя! Боже! это моя Флоретта.

ЭСМЕРАЛЬДА, просовывая обѣ руки къ матери въ рѣшетку.

Ахъ! Матушка! Матушка!

ЖЕРВЕЗА.

Дитя мое! Ты со мною... и я немогу поцаловать тебя, прижать къ моему сердцу, которое разрывается отъ восторга! Великій Боже! Ты отдалъ матери дитя ее! Дай ей также и силу! Ты пошлешь ее мнѣ. (*Съ яростію и крикомъ трясетъ рѣшетку.*) Львица хочетъ достать своего львенка! львица

хочетъ ласкать его! *(Беретъ со скамьи камень, который клала себѣ подъ голову во время сна, и имъ сбиваетъ замокъ и ломаетъ рѣшетку; рѣшетка подается и отскакиваетъ; она выбѣгаетъ, обхватываетъ дочь въ безумной радости, плачетъ и смѣется.)* Дитя мое, моя Флоретта! У меня опять есть дочь.

(Падаетъ къ ея ногамъ, обнимаетъ и цалуетъ ихъ.)

ЭСМЕРАЛЬДА, наклонясь къ ней и цалуя ея голову.

Матушка! Матушка.

ЖЕРВЕЗА.

Дочь моя! Дочь моя! Ты опять со мною! *(Беретъ ея голову въ обѣ руки.)* Боже мой! Какъ ты хороша! Господь Богъ взялъ тебя у меня, заставилъ ждать 12-ть лѣтъ, чтобъ возвратить еще прекраснѣе!... Благодарю Тебя, Боже мой! Благодарю Тебя. Добрые цыганы, я люблю васъ!.. Вы не зарѣзали мою малютку, вы сберегли ее!..Ахъ, это ты! отъ того-то и билось мое сердце, когда я видѣла тебя; я думала что это ненависть!... О! нѣтъ!... это была любовь!... Ахъ! какъ ты должна сердиться на меня, какъ я была зла къ тебѣ.—О! прости, прости мнѣ! О! да какъ же ты прекрасна; это у тебя мои большіе глаза! у меня они прежде были точно такіе! Поцалуй меня! о! поцалуй меня тысячу разъ! Подитесюда, добрые люди.. посмотрите, посмотрите вотъ дочь моя! это ея личико, ея глазки, ея волосы, ея ручки. Ахъ! И какъ все хорошо! все мило! прекрасно! Посмотрите, посмотрите, и это все моей дочери.

ЭСМЕРАЛЬДА, ласкаясь къ ней.

Матушка! добрая, нѣжная матушка.

ЖЕРВЕЗА.

О! какъ мы будемъ счастливы! Тамъ у меня въ кельѣ лежитъ мѣшокъ полный, золота; мнѣ прислали его въ наслѣдство послѣ отца твоего! этимъ мы будемъ жить съ тобой!

ЭСМЕРАЛЬДА.

Ахъ, матушка! они хотятъ убить меня! Этотъ злой синдикъ Фролло.

ЖЕРВЕЗА, опомнясь.

Что ты говоришь?.. Какъ? 12 лѣтъ я была въ разлукѣ съ моею дочерью и свидѣлась съ нею только на одну минуту? И у меня отнимутъ ее! Теперь, когда она выросла, по хорошѣла, когда она говоритъ со мною, любитъ меня... теперь, они съѣдятъ предъ моими глазами, передъ глазами матери! о нѣтъ, нѣтъ, это невозможно! Господь Богъ не допуститъ до этого! Слушай.. слушай!.. Идутъ.. Люди.. свѣтильники! Боже милосердый! Не бойся, не бойся, дитя мое! поди поди сюда! *(Втаскиваетъ ее въ келью, сажаетъ на скамью захлопываетъ дверь, говоря)* Здѣсь, здѣсь ты въ безопасности!... Они не замѣтятъ, что старый замокъ сломанъ... я закрою тебя, собою, своимъ тѣломъ, о! тѣло матери крѣпкой щитъ для ея ребенка! Не шевелись только! сиди смирно!

(Заслоняетъ рѣшетку собою.)

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ КАПИТАНЪ СО СТРАЖЕЙ И СЕРЖАНТАМИ, театръ освѣщается отъ ихъ факеловъ.

КАПИТАНЪ, идя прямо къ Гудулѣ.

Она должна быть здѣсь! Я не вижу ея! Гдѣ она?—Сестра Гудула, куда дѣвала ты цыганку колдунью, которую отдалъ тебѣ нашъ синдикъ.

ЖЕРВЕЗА, дрожащимъ голосомъ.

Я не знаю, чего вы хотите.

КАПИТАНЪ.

Что жъ намъ наврала этотъ черный синдикъ? Гдѣ онъ?

1-й СЕРЖАНТЪ.

Онъ скрылся, капитанъ.

КАПИТАНЪ.

Слушай ты, безумная! Чуръ не лгать! что ты сдѣлала съ колдуньей.

ЖЕРВЕЗА, оправляясь по немногу.

Вы спрашиваете о хорошенькой дѣвушкѣ, которую онъ отдалъ мнѣ держать, объ ней, что ли?... Она больно укусила мнѣ руку, и я выпустила ее, оставьте меня въ покоѣ.

КАПИТАНЪ.

Не лги! Герцогъ предалъ ее суду! А ты знаешь, что это значитъ! Повелѣніе герцога исполняется здѣсь на площади, понимаешь ли ты?

ЖЕРВЕЗА, еще смѣлѣе.

Не боюсь я герцога! Что онъ мнѣ можетъ сдѣлать!... Она убѣжала, и только! Я не затѣмъ здѣсь, чтобы стеречь вашихъ цыганокъ! Стерегите ихъ сами!...

КАПИТАНЪ.

Каково поговариваетъ? А куда же убѣжала дѣвчонка?

ЖЕРВЕЗА, какъ бы облегченная.

Въ улицу Св. Антонія, кажется.

КАПИТАНЪ.

Хорошо же, отправляйся туда.

(Дастъ знакъ сержанту, который хочетъ идти мимо кельи.)

1-й СОЛДАТЪ, остановясь.

Г. капитанъ, спросите ка у безумной-то, отчего покривились желѣзные прутья у рѣшетки, и одинъ совсѣмъ выломленъ?

ЖЕРВЕЗА, скоро, съ ужасомъ.

Это всегда такъ было.

1-й СОЛДАТЪ.

Какъ же не такъ!

КАПИТАНЪ.

Она что-то путается!

ЖЕРВЕЗА, съ дерзостію отчаянія.

Годъ тому назадъ, телѣга съ каменьями задѣла за мою рѣшетку и вдавила ее.

(Квазимодо показывается въ глубинѣ, переходитъ справа налѣво; видно, время отъ времени, что онъ ищетъ.)

2-й СОЛДАТЪ.

Это правда, я самъ видѣлъ.

1-й СОЛДАТЪ.

Еслибъ телѣга задѣла за рѣшетку, то прутья вдавились бы внутрь.

КАПИТАНЪ.

Браво, тебѣ бы только допрашивать въ судѣ!... А какъ давно, говоришь ты, телѣга задѣла за рѣшетку?

ЖЕРВЕЗА, дрожащимъ голосомъ.

Нѣсколько недѣль!... Я хорошенько не помню.

КАПИТАНЪ.

Это новое! Прежде былъ годъ тому назадъ!

СЕРЖАНТЪ, который по знаку капитана уходитъ, и потомъ возвращается.

Капитанъ въ улицу Св. Антонія не могла она убѣжать: тамъ закинуты еще цѣпи и ночные сторожа никого не видали.

ЖЕРВЕЗА въ отчаяніи.

Ея нѣтъ у меня... я ничего объ ней не знаю; теперь ночь, можно ошибиться, оставьте меня въ покоѣ, я не стану больше отвѣчать вамъ.

КАПИТАНЪ.

Знаешь ли что? Мнѣ хочется вмѣсто убѣжавшей колдуньи прибрать эту! Пытка заставитъ тебя говорить.

ЖЕРВЕЗА.

Какъ вамъ угодно, пожалуй, я готова. Ведите меня на пытку, скорѣе, скорѣе. *(Въ сторону.)* Она въ это время успѣетъ скрыться.

(Эсмеральда, которая все сидѣла на полу прижавшись къ матери и пряча голову въ ея платье, обнимаетъ ее колѣна. Жервеза крѣпко держится за рѣшетку.)

КАПИТАНЪ.

Выломите дверь! (*Солдаты съ робостію идутъ и отступаютъ.*) Ну, что выстали? Возмите эту женщину.

2-й СОЛДАТЪ.

Вы называете ее женщиной, капитанъ. Вѣдь вы знаете, что она безумная.

СЕРЖАНТЪ, подходя.

Она точно сумасшедшая, капитанъ! и если выпустила цыганку, то ужъ не ей вина! Она ненавидитъ цыганъ! 12 лѣтъ хожу я дозоромъ по здѣшнему кварталу, и всегда слышу по ночамъ, какъ проклинаетъ она цыганъ!... Если жъ вы ищете уличную плясунью, то ее то она болѣе всѣхъ ненавидитъ.

ЖЕРВЕЗА, съ усиліемъ.

Да... Я ненавижу ее.

1 и 2 СОЛДАТЫ.

Г. сержантъ говоритъ правду. Мы сами слышали, когда про одила та цыганка; Гудула кричала: будь проклята!

КАПИТАНЪ.

Когда такъ, Богъ съ ней! Пойдемъ! у ма

гистрата все еще жарко! Взглянемъ туда! Маршъ!

(Уходитъ съ солдатами въ самую глубину направо.)

ЖЕРВЕЗА, падаетъ подлѣ дочери, обнимаетъ ее, тихо.

Ты спасена, дочь моя.

ЭСМЕРАЛЬДА.

О, матушка!

ЖЕРВЕЗА.

О! молчи! ради Бога, молчи! Недыши! Мнѣ все кажется, я слышу голосъ палача твоего! Слушай! новый шумъ! Дочь моя! о! Боже мой! она безъ памяти! (*Эсмеральда опускаетъ голову на грудь матери.*) Ахъ! она умираетъ.

(Суетится вокругъ нея.)

=

ЯВЛЕНІЕ V.

ЖЕРВЕЗА, ЭСМЕРАЛЬДА и КВАЗИМОДО.

КВАЗИМОДО, выходя изъ глубины.

Я все понялъ! Все для меня ясно! Онъ похитилъ ее у меня! Мой учитель сдѣлалъ это? И кто, кромѣ его, могъ попасть на платформу! Когда я встрѣтилъ его съ солдатами, онъ показывалъ имъ дорогу сюда... онъ хотѣлъ погубить ее!.. Они искали ее... затворница должна была сказать имъ, гдѣ она! О, Квазимодо ни вовсе безуменъ!.. Онъ все понимаетъ, хотя ничего не слышитъ! Но гдѣ же она! Гдѣ моя Марія? Оттуда идетъ сюда толпа? Не поймали ль они ее? Если такъ! то они всѣ погибнутъ или возвратятъ мнѣ ее.

(Нѣсколько отходитъ.)

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ, КЛОПЕНЪ, КРОЛЛО, ПЕРНО, и еще 12 изъ ихъ шайки. Фебъ передъ ними; они со свѣтильниками входятъ изъ второй кулисы направо.

КЛОПЕНЪ.

Куда вы еще насъ тащите? Мы не найдемъ ее, а наши люди окружены на площади магистрата и дорого защищаютъ жизнь свою. Много крови, и никакой прибыли! Мы были въ самомъ магистратѣ! Она убѣжала оттуда и вѣрно теперь ужъ въ безопасности. Не безпокойтесь объ ней, и ступите съ нами на цыганскій дворъ!

ФЕБЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! сердце мое говоритъ мнѣ, что она еще не въ безопасности! Останьтесь со мною! не покидайте меня, помогите сыскать ее.

ЭСМЕРАЛЬДА, приподнявшись при первомъ звукѣ его голоса, громко.

Это мой Фебъ! (*Вырывается изъ объятій Жервезы, открываетъ дверь, летитъ къ нему, какъ стрѣла, и бросается на него.*) О! это онъ! онъ! онъ опять со мною.

ВСѢ, въ удивленіи.

Эсмеральда! Ты ли это!

ФЕБЪ, внѣ себя.

Эсмеральда! мое счастіе, сокровище! Жена моя!

(Стоятъ обнявшись.)

ЖЕРВЕЗА, которая со страхомъ летѣла за дочерью, падаетъ къ ногамъ его.

Ты любишь дочь мою! О! дай обнять твои колѣна!... Я ея мать!

(Квазимодо, увидя Эсмеральду, приближается, становится налѣво, передъ кельей, смотритъ на обнимающихся и прислоняется головою къ стѣнѣ. Фрелло. Выходитъ изъ 2-й кулисы налѣво, съ видомъ безумнаго; увидя группу, остается съ неподвижнымъ взглядомъ, какъ мертвецъ, въ окаменѣніи; никто не примѣчаетъ его, кромѣ Квазимодо, который устремляетъ на него пылающій взоръ, дрожа всѣмъ тѣломъ.)

КЛОПЕНЪ.

Я плачу, но это отъ радости..... Въ первый разъ взываю къ тебѣ, Господи! Прими мое грѣшное благодареніе.

ФРЕЛЛО.

Я шелъ за трупомъ ея — и что теперь вижу!

ФЕБЪ.

Ну, друзья мои, сдержите слово!.. Еще есть время: мы можемъ спастись! Лошади мои готовы, городъ спокоенъ! Шельда тиха; тамъ ждетъ меня моя лодка; туда проводите

вы насъ. Вся кровожадная толпа у магистрата; чрезъ 10 минутъ мы въ безопасности. Теперь самъ Богъ не отыметъ ея у меня.

ФРЕЛЛО, про себя.

Но дьяволъ сдѣлаетъ это.

(Хоч[illegible] [illegible].)

КВАЗИМОДО, мимо дѣйствующихъ бросается, какъ молнія отталкиваетъ цыганъ, которые стояли предъ Фрелло, не видя его, схватываетъ его обѣими руками за горло, и тащитъ на средину [illegible] ревомъ.

Стой, стой, злодѣй!... Я все знаю! Ты хочешь погубить ее.

(Всѣ въ ужасѣ отступаютъ.)

ЭСМЕРАЛЬДА, съ крикомъ прячетъ голову на груди Феба.

ФРЕЛЛО, обороняясь, въ ярости.

Пусти меня, безумный! Дьяволъ, выпусти меня!

КВАЗИМОДО, не выпуская.

Ты не пойдешь съ этого мѣста! Ты хочешь убить ее! Я не выпущу тебя! (*Фрелло высвобождаетъ руку, достаетъ кинжалъ и поражаетъ въ грудь Квазимодо, который со стономъ дѣлаетъ послѣднее усиліе и задавя его за горло, вмѣстѣ падаетъ на землю. Фрелло страшно вздыхаетъ и вздрогнувъ нѣсколько разъ, остается безъ движенія.*)

КВАЗИМОДО.

Мы съ тобой оба не встанемъ больше.

ЭСМЕРАЛЬДА, падая на колѣне возлѣ него.

Ахъ! онъ Въ крови! Онъ умираетъ!

(Беретъ его за руку.)

КВАЗИМОДО.

Ты плачешь объ ужасномъ Квазимодо—о, какъ это сладостно! Жизнь моя была мученье! Смерть моя блаженство! Я умираю за тебя.

(Умираетъ.)

ЭСМЕРАЛЬДА.

Прекрасная душа! Ты вылетаешь изъ ужаснаго тѣла? А этого... (*Указывая на Фрелло.*) Да проститъ Господь!

ФЕБЪ, приподнимая ее.

Теперь ты моя, Эсмеральда! Пойдемъ!

ЖЕРВЕЗА, смѣясь въ восторгѣ.

Она наша, наша!

(Клопенъ и всѣ. Цыганы поднимаютъ ее наплеча, окружаютъ со свѣтильниками; Фебъ идетъ впереди съ обнаженнымъ мечемъ; Жервеза держитъ висящую рукудочери, занавѣсь упадаетъ.)

ДОНЪ РАНУДО

ДЕ КАЛИБРАДОСЪ,

ИЛИ

ЧТО И ЧЕСТЬ, КОЛИ НЕЧЕГО ЕСТЬ.

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ

П. Каратыгина.

(Сюжетъ заимствованъ изъ старинной комедіи сего же названія.)

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Донъ Рануло де Калибрадосъ.
Дона Лукреція, жена его.
Дона Изабелла, ихъ племянница.
Филиппъ Альварецъ.
Альфонсъ, его племянникъ.
Педро, слуга Донъ Рануло.
Берта, жена его.
Балтазаръ Фанфаронико, Алгвазилъ.
Нотаріусъ.

Театръ представляетъ площадь; на лѣвой сторонѣ полуразвалившійся замокъ Рануло.

ЯВЛЕНІЕ I.

АЛЬФОНСЪ, ДОНА ИЗАБЕЛЛА, ВЪ ОКНѢ, ПОТОМЪ, АЛЬВАРЕЦЪ.

ИЗАБЕЛЛА.

Перестаньте, перестаньте, не пойте больше... Тетушка проснулась.

АЛЬФОНСЪ.

Но скажите мнѣ только одно слово...

ИЗАБЕЛЛА.

Уйдите, уйдите поскорѣе... Вонъ кто-то идетъ сюда. Прощайте, прощайте.

(Скрывается.)

АЛЬВАРЕЦЪ, ВХОДИТЪ

Чортъ возьми! Я не ошибаюсь—это племянникъ.

АЛЬФОНСЪ.

Боже мой, дядюшка!

АЛЬВАРЕЦЪ.

Что ты здѣсь линдоришь, любезный?

АЛЬФОНСЪ.

Я? Я такъ... я прогуливаюсь.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Прогуливаешься, не сходя съ мѣста? неутомительная прогулка! И съ гитарой! Браво, это все въ національномъ духѣ.—Нель-

зя ли тронуть тебя за слабую струну, то есть, попросить быть со мной откровеннымъ: какое женское имя ты помѣстилъ въ своемъ нѣжномъ романсѣ?

АЛЬФОНСЪ.

Шутки въ сторону, дядюшка; я влюбленъ до безумія въ Дону Изабеллу, племянницу Калибрадоса.

АЛВАРЕЦЪ.

Вотъ что! Ну, въ самомъ дѣлѣ, надо быть безумнымъ, чтобы сдѣлать такой выборъ.

АЛЬФОНСЪ.

Что это значитъ?

АЛВАРЕЦЪ.

Развѣ ты забылъ, что Донъ Ранудо помѣшанъ на своихъ предкахъ, бредитъ знатностью, и никогда не унизится до того, чтобъ выдать племянницу свою за простаго дворянина. Конечно, онъ кромѣ долговъ ничего не имѣетъ, но родословное дерево есть жалкій пунктъ его сумасшествія.

Ему подобныхъ много есть —
Порокъ его лѣнивцамъ сроденъ;
Иной по слуху знаетъ честь,
По роду только благороденъ.
Другой же занятый собой,
Свой знатный родъ честитъ и славитъ;
А право, головѣ пустой
Ума дворянство не прибавитъ.

АЛЬФОНСЪ.

Можетъ быть, онъ склонится моимъ богатствомъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Какой вздоръ! Этотъ толедскій оригиналъ скорѣе умретъ съ голоду, нежели согласится жить чужою помощью. — Но Дона Изабелла знаетъ ли о твоей страсти?

АЛЬФОНСЪ.

Да, дядюшка, я любимъ взаимно.

АЛВАРЕЦЪ.

Право; чѣмъ же ты можешь это доказать?

АЛЬФОНСЪ.

Ея письмами.

АЛВАРЕЦЪ.

А, стало ваша любовь уже оперилась. Это не шутка. — Ну, изволь, любезный племянникъ, я вступлюсь въ твое горе. Я въ старые годы, или лучше сказать, въ молодые, былъ на это молодецъ. Кто-то выходитъ изъ дому?.. Это Педро; онъ мнѣ нѣсколько знакомъ. Всѣ любовныя интриги должны начинаться съ этихъ людей. Уйди же поскорѣе, а я постараюсь отъ него что нибудь вывѣдать. — (*Альфонсъ уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

АЛВАРЕЦЪ И ПЕДРО.

ПЕДРО.

Прекрасно! Посылаютъ за кастрюлей, а на кой чортъ она? Что въ ней будутъ варить, желалъ бы я знать? Если бъ мои господа положили въ нее всѣ свои титулы, дипломы и родословное дерево съ лавровыми листьями, такъ все-таки это было бы нѣчто въ родѣ грязной водицы. Дворянство, знатность и почести очень хороши сами по себѣ; но когда дѣло дойдетъ до желудка, о! тутъ плохая шутка. Хорошо, что я не гордъ и хожу иногда обѣдать къ своимъ пріятелямъ, а-то-бы... Тсъ!.. Я не одинъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Здравствуй, Педро.

ПЕДРО.

Ахъ, г. Алварецъ... Я васъ было не узналъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Ну, каково поживаютъ твои господа?

ПЕДРО.

Мои господа? Хорошо... очень хорошо... прекрасно. Сегодня имянинница супруга нашего господина: у нихъ обѣдаютъ нѣсколько знатныхъ господъ; столъ будетъ великолѣпный; меня послали за кострюл... закупить десертъ, дюжину аликантскаго и прочихъ столовыхъ винъ; что же касается до повара, такъ у насъ самый лучшій въ свѣтѣ — (*въ сторону*) голодъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Стало, твои господа живутъ довольно пышно?

ПЕДРО.

Д. Ранудо де Калибрадосъ привыкъ жить роскошно.

АЛВАРЕЦЪ.

Глядя на его дворецкаго, трудно этому повѣрить.

ПЕДРО.

Наружность обманчива.

АЛВАРЕЦЪ.

Но скажи пожалуйста, отчего же нѣтъ никогда у вашего подъѣзда ни одного экипажа?

ПЕДРО.

Боже мой! Неужели вы вѣрите болѣе лошадямъ, нежели мнѣ?

АЛВАРЕЦЪ.

Отчего, напримѣръ, никогда не видно освѣщенія въ окнахъ вашего замка?

ПЕДРО.

Вотъ хорошо! Не видно! Неужели вы думаете, что только и свѣту, что въ вашихъ окошкахъ?

АЛВАРЕЦЪ.

Гдѣ намъ! Мы люди темные; но отчего же, спрошу я наконецъ: кредиторы не даютъ вамъ покоя? они оттоптали весь порогъ въ вашей передней.

ПЕДРО.

Оттого, что въ знатныхъ домахъ такое обыкновеніе.

Пусть кредиторы трутъ порогъ —
Они безстыдны по породѣ.

АЛВАРЕЦЪ.

Но не платить долги порокъ.

ПЕДРО.

Порокъ, который нынче въ модѣ.
Долговъ, извѣстно, никогда
Не платитъ господинъ богатый.

АЛВАРЕЦЪ.

Но у тебя за то всегда,
Куда ни взглянешь—все заплаты.

Да, г. дворецкій, отчего же это?

ПЕДРО.

Заплаты оттого, чтобъ не было дыръ, а дыры оттого, что я довольно потерся на бѣломъ свѣтѣ; и коли дѣло пошло на правду, такъ знайте жъ, что я надѣлъ сегодня это платье въ воспоминаніе того славнаго сраженія, въ которомъ одинъ изъ предковъ моего господина отбилъ изодранное знамя; оно было все въ дырахъ; вотъ, напримѣръ, какъ этотъ платокъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Полно, Петро, притворяться; я все знаю.

ПЕДРО.

Право-съ? Ну, я этого не зналъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Ты бережешь честь своего господина, и достоинъ награды: возьми этотъ червонецъ за свое притворство.

ПЕДРО.

Много чести, сударь... Червонецъ! О, да это презолотой человѣкъ!

=

ЯВЛЕНІЕ III.

ТѢ ЖЕ И БЕРТА.

БЕРТА.

Что ты тутъ дѣлаешь, пустомеля? Тебя послали за дѣломъ, а ты не можешь не заболтаться, негодяй, лѣнивецъ! На что это похоже?.. У тебя на каждомъ шагу знакомые... Если бъ я не вышла сюда, такъ ты бы не возвратился до завтраго.

ПЕДРО.

Рекомендую вамъ — жена;
Преобходительная дама,
Мила, любезна и умна,
Да только черезъ-чуръ упряма.
Шумитъ частенько безъ причинъ;
Нравъ у нее немножко вздорный;
Но я, какъ знатный господинъ,
Передъ женой — слуга покорный.

Да, сударь, это моя женушка; она вспыльчива, какъ порохъ; но я терпѣливъ, какъ писчая бумага.

БЕРТА.

Ты въ жизнь свою не сказалъ путнаго слова, дурачина... Гдѣ десертъ? Гдѣ вина? Что жъ ты за ними нейдешь? А?

ПЕДРО.

Прошу васъ вѣрить вполовину моей дражайшей половинѣ.

БЕРТА.

Какъ! Что? Ахъ, ты негодяй! Безсовѣстный, безмозглый, безстыдный!..

ПЕДРО.

Полно, полно, Бертушка, коли дѣло пошло на правду, такъ лгать очень дурно, а особливо при добрыхъ людяхъ.

БЕРТА.

Такъ, у тебя все добрые люди.

ПЕДРО.

А если я тебѣ покажу ясное доказательство, что онъ точно добрый человѣкъ?

БЕРТА.

Ну, показывай.

ПЕДРО.

Это что?

БЕРТА.

Червонецъ!

ПЕДРО.

Необрѣзанный! Его милость былъ такъ ко мнѣ милостивъ, что по своей милости мнѣ его пожаловалъ.

БЕРТА.

Ахъ, милостивый государь, извините. Этотъ пустомеля никогда не скажетъ толкомъ; оттого-то я всегда попадаюсь въ просакъ. А вы сами знаете, что добрая ложь лучше худой правды.

АЛВАРЕЦЪ.

Знаю, знаю, вотъ и тебѣ задатокъ.

БЕРТА.

Ахъ, сударь, чѣмъ мы можемъ отплатить вамъ за вашу ласку? Приказывайте: мы съ мужемъ готовы служить.

ПЕДРО.

Такъ точно-съ, я и жена моя...

БЕРТА.

Пустомеля, молчи, когда тебя не спрашиваютъ.

АЛВАРЕЦЪ.

Вотъ въ чемъ сила, друзья мои. Вся Толеда знаетъ, что ваши господа кругомъ разорились; иные смѣются надъ ихъ вздорнымъ тщеславіемъ, другіе напротивъ, ненавидятъ ихъ за глупую гордость; но я не принадлежу ни къ тѣмъ, ни къ другимъ; я даже хочу помочь вашему господину.

ПЕДРО.

Неужели? Ахъ, какой прекрасный, умный, безподобный человѣкъ!..

БЕРТА.

Полно врать! Не перебивай его милости.

АЛВАРЕЦЪ.

Слушайте жъ: мой племянникъ влюбленъ въ вашу барышню, и если вы согласитесь ему помогать, то... но вотъ онъ и самъ.

=

ЯВЛЕНІЕ IV.

ТѢ ЖЕ И АЛЬФОНСЪ.

АЛЬФОНСЪ.

Что, дядюшка?

АЛВАРЕЦЪ.

Я началъ; изволь продолжать.

АЛЬФОНСЪ.

Такъ они все уже знаютъ? Ну, друзья, вотъ вамъ вмѣсто моего предисловія.

ПЕДРО.

О, какое блистательное начало!

БЕРТА.

Какъ онъ хорошо говоритъ.

АЛЬФОНСЪ.

Это только задатокъ; но не будемъ терять времени. Утѣшьте меня, друзья мои, скажите, надѣетесь ли вы, что ваши господа согласятся на мою свадьбу?

БЕРТА.

Богъ вѣсть, сударь. Вамъ извѣстна ихъ неукротимая гордость.

ПЕДРО.

Пустяки! Вчера я бы, можетъ быть, еще призадумался, а сегодня почти увѣренъ въ успѣхѣ.

АЛЬФОНСЪ.

Отчего?

ПЕДРО.

Оттого, что они вчера обѣдали, а сегодня ихъ желудки также пусты, какъ и разорванные карманы.

АЛЬФОНСЪ.

Неужели? Боже мой, какая жалость!

ПЕДРО.

Ахъ, сударь, г. Ранудо удивительный человѣкъ своего времени. Если ему нечего ѣсть, такъ онъ говоритъ, что въ память какого нибудь достопамятнаго сраженія, надобно воздержаться отъ пищи; если нечего пить—онъ ссылается на своего древняго предка, который жилъ до потопа и ничего не пилъ, кромѣ воды. Вотъ, напримѣръ, у него уже третій день нѣтъ ни зернышка въ табакеркѣ, а онъ все ее открываетъ и нюхаетъ по привычкѣ—пересыпать изъ пустаго въ порожнее. (*Показываетъ на голову.*)

АЛВАРЕЦЪ.

Стало быть, мы должны голодомъ прину-

дить къ сдачѣ эту крѣпость. О! Это будетъ слишкомъ уже по военному.

АЛЬФОНСЪ.

Что дѣлать, дядюшка? Въ любви все позволительно.

АЛВАРЕЦЪ.

Прекрасно. Если ты умираешь отъ любви, такъ они должны умирать отъ голода... ну, здѣсь затѣвается самая уморительная интрига. И такъ, вы предупредите обо всемъ Дону Изабеллу.—Сегодня явлюсь я въ вашъ замокъ, и буду сватать Альфонса; если жъ Д. Ранудо заупрямится, тогда мы придумаемъ какую нибудь хитрость, въ которой ваша помощь намъ будетъ необходима.

ПЕДРО.

Слушаю, сударь. Впрочемъ, я заранѣе поздравляю васъ съ побѣдой; такъ ли, этакъ ли, иначе, или другимъ манеромъ, а все таки будетъ на нашей улицѣ праздникъ!

АЛВАРЕЦЪ.

Когда за дѣло я взялся,
То хоть съ какимъ управлюсь дѣломъ;
Намъ гарнизонъ передался,

ПЕДРО.

И преданъ вамъ душей и тѣломъ.

Вмѣстѣ.

АЛЬФОНСЪ И АЛВАРЕЦЪ.

Теперь всѣ по своимъ мѣстамъ.
За всѣмъ вѣрнѣе наблюдайте,
И если все удастся намъ,
Себѣ награды ожидайте.

БЕРТА И ПЕДРО.

Идемъ мы по своимъ мѣстамъ,
Побѣды вѣрной ожидайте;
Конечно—все удастся вамъ;
Надѣйтеся—не унывайте!

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ, какъ мнѣ страшенъ этотъ часъ!

АЛВАРЕЦЪ.

Стыдись; на что жъ у насъ разсудокъ?

АЛЬФОНСЪ.

Друзья, надѣюсь я на васъ.

ПЕДРО.

А я на ихъ пустой желудокъ.

ХОРЪ.

Теперь всѣ по своимъ мѣстамъ *и проч.*

(Всѣ уходятъ.)

=

ПЕРЕМѢНА.

Театръ представляетъ готическую залу; шелковая, вызолоченная мебель; но все полиняло и разорвано; столъ и кресло о трехъ ножкахъ. На стѣнѣ большая родословная.

=

ЯВЛЕНІЕ V.

Д. РАНУДО, ПЕДРО, ЛУКРЕЦІЯ.

Д. РАНУДО.

Что съ тобою, мой другъ? Безпокойство написано на твоемъ лицѣ; скажи, что причиной этой перемѣны?

ЛУКРЕЦІЯ.

Такъ, мой другъ.

РАНУДО.

Быть не можетъ. Говорите, Дона Лукреція, не скрывайте вашей печали передъ супругомъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Но это тебя также огорчитъ, какъ и меня.

РАНУДО.

Все равно, говорите.

ЛУКРЕЦІЯ.

Нынче день моего ангела.

РАНУДО.

Знаю; я уже тебя имѣлъ честь поздравить, мой ангелъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Хорошо, да все это холодная проза; но ни одинъ поэтъ не принесъ мнѣ сегодня поздравленія стихами, какъ это бывало прежде.

РАНУДО.

Такъ эта причина твоей грусти?

ЛУКРЕЦІЯ.

Признаюсь...

ПЕДРО.

И! и! сударыня! Есть о чемъ хлопотать?—Вѣдь они хвалятъ только людей и богатыхъ... Я это знаю по опыту, потому что я самъ отчасти стихотворецъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ты?

ПЕДРО.

Такъ точно-съ; въ моей роднѣ было цѣлыхъ четыре стихотворца.

РАНУДО.

Да ты-то самъ не стихотворецъ.

ПЕДРО.

Вотъ хорошо, такъ по этому я то же могу сказать про васъ, что и вы не знатный человѣкъ, хотя и происходите отъ знатныхъ. Повторяю вамъ, сударыня, что я очень хорошо знаю гг. сочинителей.

Какъ жалко нашего мнѣ брата,
Онъ часто ходитъ на легкѣ;
Послушаешь — ума палата,
А самъ живетъ на чердакѣ.
Онъ хвалитъ красоту старухи,
Глупца — Гомеромъ радъ назвать;
Какого вздора съ голодухи
Поэтъ не станетъ сочинять!
Лишь накормите посытнѣе,
Такъ скажетъ вамъ любой поэтъ:
(ему) Что вы на свѣтѣ всѣхъ умнѣе,
(ей) А вамъ пятнадцать только лѣтъ.

Не хлопочите, сударыня, объ этихъ пустякахъ. Подумайте лучше о сегодняшнемъ обѣдѣ; это будетъ умнѣе.

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая дерзость! Ты забываешься, Педро!

РАНУДО.

Не мѣшай ему, Лукреція, это мой придворный шутъ; наши предки ими славились. — Скажи мнѣ, Педро, отчего ты цѣлый день бредишь обѣдомъ?

ПЕДРО.

Оттого сударь, что я голоденъ.

РАНУДО.

Старайся лучше наполнить свою пустую голову.

ПЕДРО.

И, сударь, вѣдь я не дворянинъ.

РАНУДО.

Ты со всѣми своими шутками пошлый дуракъ.

ПЕДРО.

Нѣтъ, я только не далекъ отъ него.

=

ЯВЛЕНІЕ VI.

ТѢ ЖЕ И БЕРТА.

БЕРТА.

Дворянинъ Филиппъ Альварецъ проситъ позволенія войдти.

РАНУДО.

Простой дворянинъ? Что ему надобно?

БЕРТА.

Не знаю, сударь.

РАНУДО.

Простой дворянинъ... Какъ ты думаешь, Лукреція, оказать ли ему честь? Впустить ли его?

ЛУКРЕЦІЯ.

Можетъ быть, онъ пришелъ за какимъ нибудь важнымъ дѣломъ.

РАНУДО.

Фи! Развѣ у простаго дворянина могутъ быть важныя дѣла?

ЛУКРЕЦІЯ.

Или поздравить меня.

РАНУДО.

Твоя правда. И такъ я согласенъ. Введи его. (*Берта уходитъ.*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, Боже мой! Какъ дурно я сегодня одѣта!

ПЕДРО, въ сторону.

Сегодня!

РАНУДО.

Э, мой другъ, вѣдь онъ простой дворянинъ. Однако жъ очень досадно, что у меня разодранъ сапогъ; онъ можетъ вывести изъ этого какое нибудь обидное заключеніе. Впрочемъ, мы его примемъ сидя, такъ я спрячу ногу подъ кресло.

ПЕДРО.

Да какъ намъ быть, сударь, и у креселъ-то ноги не крѣпче вашей; а вотъ у этого четвертая и совсѣмъ отвалилась.

РАНУДО.

Все равно. Ты стань позади моего кресла, вмѣсто пажа, и поддерживай его.

ПЕДРО.

Слушаю-съ. Я поддержу вашу честь.

РАНУДО.

Тсъ! Онъ входитъ. (*Садятся.*)

=

ЯВЛЕНІЕ VII.

ТѢ ЖЕ И АЛЬВАРЕЦЪ.

РАНУДО.

Извините насъ, что при всемъ нашемъ желаніи, мы не можемъ принять васъ стоя. Вы, конечно, сами согласитесь, что знаменитый Д. Ранудо де Калибрадосъ не

должен обходиться на короткой ноге съ простымъ дворяниномъ.

ПЕДРО, тихо ему.

Да, сударь, вы начинаете съ нимъ знакомство на самой худой ногѣ.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Помилуйте, я очень помню то безпредѣльное уваженіе, которымъ обязанъ вашей древней фамиліи.

РАНУДО, женѣ.

Онъ довольно-хорошо воспитанъ. Прошу васъ объяснить побудительную причину вашего посѣщенія.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Я пришелъ, милостивый государь, ходатайствовать у васъ за одного молодаго человѣка.

РАНУДО.

А! Вѣрно ему нужны рекомендательныя письма? Не ѣдетъ ли онъ въ Мадритъ? Пожалуй, я готовъ ими ссудить его, хоть на имя самого короля.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Благодарю васъ. Моя просьба не простирается такъ далеко.

РАНУДО.

Подойдите поближе. Что же ему надобно?

АЛЬВАРЕЦЪ.

Онъ мой племянникъ.

РАНУДО.

Хорошо.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Изъ дворянской фамиліи.

РАНУДО.

Прекрасно.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Съ большимъ состояніемъ.

РАНУДО.

Это дѣлаетъ ему честь.

АЛЬВАРЕЦЪ.

И наконецъ... онъ влюбленъ.

РАНУДО.

А!

АЛЬВАРЕЦЪ.

И даже страстно.

РАНУДО.

Могу ли я, не оскорбляя вашей скромности, узнать: въ кого?

АЛЬВАРЕЦЪ.

Въ вашу племянницу.

РАНУДО.

Что?

АЛЬВАРЕЦЪ.

И которая также его любитъ.

РАНУДО.

Какъ?

АЛЬВАРЕЦЪ.

Наконецъ, онъ просилъ меня исходатайствовать ваше согласіе на бракъ его.

РАНУДО.

Слышишь, Лукреція?

ЛУКРЕЦІЯ.

Какая дерзость!

РАНУДО.

Какое неслыханное безтыдство!

АЛЬВАРЕЦЪ.

И я въ надеждѣ, что вы...

РАНУДО.

Чтобъ я!.. *(Дѣлаетъ сильное движеніе.)*

ПЕДРО.

Удержитесь, сударь, вы себя уроните.

РАНУДО.

Мнѣ остается только удивляться вашей смѣлости.

Чтобъ Донъ Ранудо де Калибрадосъ,
Позволить могъ такое оскорбленье!
Чей предокъ всю вселенную потресъ —
И довершилъ Испаніи спасенье!
Чей дѣдушка былъ Фердинандъ Гомецъ!
Чья бабушка была женой Альфреда!
Чья тетушка ѣзжала во дворецъ!
А дядюшки страшилась вся Толеда!
Чей батюшка изволилъ заслужить
За подвиги названіе героя!!

АЛЬВАРЕЦЪ.

Позвольте жъ мнѣ васъ наконецъ спросить:
Да сами вы что сдѣлали такое?

РАНУДО.

Что? Что? Наши предки столько свершили славныхъ дѣлъ, что ихъ потомкамъ совершенно уже нечего дѣлать.

АЛЬВАРЕЦЪ.

Что вы и дѣлаете, какъ кажется? Но будьте разсудительны, Донъ Ранудо; ваша племянница, выйдя за богатаго человѣка, могла бы вамъ помогать въ вашей бѣдности.

РАПУДО.

Въ нашей бѣдности! Кто вамъ сказалъ, что мы бѣдны?

АЛВАРЕЦЪ.

Все, что я здѣсь вижу, гораздо откровеннѣе хозяина.

РАПУДО, вскакиваетъ.

Это уже слишкомъ!

ЛУКРЕЦІЯ.

Успокойся, мой другъ. Займи свое мѣсто. — Неужели вы думаете, сударь, что богатство можетъ быть такъ важно въ глазахъ настоящихъ дворянъ? Нѣтъ, государь мой, намъ всего дороже честь.

ПЕДРО, въ сторону.

Что и честь, коли нечего ѣсть.

АЛВАРЕЦЪ.

Но любовь не разбираетъ званій: она слѣдуетъ влеченію сердца.

ЛУКРЕЦІЯ.

Ошибаетесь: я сама въ дѣвицахъ была страстно влюблена въ одного богатаго молодаго человѣка, даже была съ нимъ въ перепискѣ; но пожертвовала своею страстію славѣ и почестямъ, и выбрала себѣ супруга изъ первыхъ дворянъ во всей Испаніи. (*Встаетъ и кланяется мужу, а онъ ей, и опять садятся.*)

РАПУДО.

А? Что вы на это скажете?

АЛВАРЕЦЪ.

Вотъ, что, Донъ Рапудо:

Тщеславье, гордость — шутовство
Они достойны порицанья,
Дворянство намъ даетъ родство,
А славу — наши дарованья.
И кто же любитъ гордеца?
Примѣры въ свѣтѣ есть такіе:
Что дѣти славнаго отца
Сыны отечества плохіе!

РАПУДО.

Какъ? И вы осмѣлились. Извольте вонъ идти.

АЛВАРЕЦЪ.

Дайте мнѣ сказать вамъ...

РАПУДО, затыкая уши.

Ничего не хочу слушать. Вонъ! вонъ! Педро! отвори ему двери! (*Педро бѣжитъ къ двери; Рапудо падаетъ.*)

АЛВАРЕЦЪ.

Видите, Донъ Рапудо, какъ гнѣвъ унижаетъ человѣка.

РАПУДО.

Вонъ! вонъ! Чтобъ нога ваша не была здѣсь болѣе.

АЛВАРЕЦЪ.

Чортъ возьми! Я хотѣлъ помочь племяннику, а навредилъ ему столько, что врядъ ли и поправимъ. (*Уходитъ.*)

РАПУДО.

Вонъ! вонъ!

=

ЯВЛЕНІЕ VIII.

РАПУДО, ЛУКРЕЦІЯ, ПЕДРО.

РАПУДО, Лукреціи.

Какая дерзость!

ЛУКРЕЦІЯ.

Это ужасно!

РАПУДО.

Это неслыханно! Это невѣроятно!..

ЛУКРЕЦІЯ.

Онъ съ ума сошелъ.

РАПУДО.

И хорошо сдѣлалъ, что ушелъ; а то бы, я не знаю, что изъ этого вышло.

ЛУКРЕЦІЯ.

Я задыхаюсь отъ злости.

РАПУДО.

И я тоже, а все оттого, что мы слишкомъ добры!.. Однако жъ, Лукреція, здѣсь довольно холодно: меня трясетъ, какъ въ лихорадкѣ!...

ЛУКРЕЦІЯ.

Это отъ досады.

РАПУДО.

Нѣтъ, кажется, просто отъ холоду... Здѣсь недѣли двѣ ужъ не топлено. Прикажи положить нѣсколько дровецъ въ каминъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

Да гдѣ ихъ взять? У насъ нѣтъ ни одного полѣна.

ПЕДРО.

А родословное-то дерево.

РАПУДО.

Молчи, шутъ!

ПЕДРО.

Вотъ, сударь, если бы вы согласились принять предложеніе г. Алвареца...

РАНУДО.

Ни слова! Чтобъ я унизилъ себя и принялъ вспоможеніе отъ простаго дворянина.

ПЕДРО.

Но г. Альфонсъ, говорятъ, предобрый человѣкъ.

РАНУДО.

Ни одной буквы! Поди къ нашему заимодавцу, Стефану Квебрантадору, и спроси на мое имя сто червонцевъ. Вотъ ему моя росписка.

ПЕДРО.

Помилуйте, онъ вамъ двухъ мороведисовъ не дастъ. Развѣ вы забыли, что онъ уже съ полгода пересталъ намъ вѣрить?

РАНУДО.

Скажи ему, что черезъ недѣлю я все выплачу.

ПЕДРО.

Нѣтъ, сударь, это не дѣльно...

РАНУДО.

Какъ?

ПЕДРО.

Странное обыкновеніе у нашихъ дворянъ: принять помощь отъ честнаго человѣка безчестно, а обмануть кредитора благородно.

РАНУДО.

Это ужъ слишкомъ дерзко. *(Хочетъ его ударить.)*

ПЕДРО.

Я придворный шутъ.

РАНУДО.

Ступай! *(Педро уходитъ.)*

=

ЯВЛЕНІЕ IX.

РАНУДО И ЛУКРЕЦІЯ.

РАНУДО.

А что̀ мы будемъ сегодня обѣдать, мой другъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Картофель.

РАНУДО,

Съ чѣмъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Съ солью

РАНУДО.

А! Но мнѣ помнится, что вчера было у насъ точно такое же блюдо.

ЛУКРЕЦІЯ.

Кажется.

РАНУДО.

И третьяго дня?

ЛУКРЕЦІЯ.

Можетъ быть.

РАНУДО.

И даже цѣлую недѣлю?

ЛУКРЕЦІЯ.

Не спорю.

РАНУДО.

Отъ этого однообразнаго кушанья, я что-то очень ослабъ, и особенно въ ногахъ; другимъ бы я сказалъ, что это отъ подагры, а тебѣ *(оглядывается)*, безъ церемоніи, это отъ голода.

Картофель — это въ самомъ дѣлѣ,
Плохая пища, ангелъ мой!
Какъ предки наши славно ѣли,
Какъ дурно мы ѣдимъ съ тобой!
Голодной смерти не боюся,
Свое геройство докажу:
Хоть на ногахъ едва держуся,
А честь свою я поддержу!

Однако жъ эта сильная выходка меня совсѣмъ обезсилила, и потому прошу васъ, Д. Лукреція де Калибрадосъ, извинить меня, что я сяду въ вашемъ присутствіи.

(Садится у окна.)

ЛУКРЕЦІЯ.

Сядь, мой другъ, сядь, это тебя подкрѣпитъ вмѣсто хорошой пищи.

РАНУДО.

Посмотри, Лукреція, у нашего за́мка сидитъ бѣдный крестьянинъ; взгляни, съ какимъ аппетитомъ онъ ѣстъ черный хлѣбъ. Признаться ли тебѣ, мой другъ, я ему завидую: онъ счастливѣе насъ...

ЛУКРЕЦІЯ.

Какой вздоръ! Какъ это возможно? Все таки онъ крестьянинъ, а мы знатные дворяне. Бѣднякъ! Онъ долженъ обѣдать на улицѣ.

РАНУДО.

А какъ ты думаешь, Лукреція, что хуже, быть сыту на улицѣ, или сидѣть голоднымъ въ хорошихъ покояхъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Все дурно: одно низко, да сытно, а другое благородно, да голодно.

=

ЯВЛЕНІЕ X.

тѣ же, и педро, входитъ.

РАНУДО.

Что это значитъ? Ты ужъ возвратился?

ПЕДРО.

Какъ видите.

РАНУДО.

Ну, что новаго?

ПЕДРО.

Ничего-съ, совершенно ничего.

РАНУДО.

Какъ ничего? Что̀ это значитъ? Ты встревоженъ... Что̀ съ тобою?

ПЕДРО, сквозь слезы.

Меня прибили, сударь, по вашей милости; но впрочемъ это не новое, все бывалое: только та бѣда, что я по сіе время имѣлъ честь получать побои отъ знатныхъ господъ, а теперь...

РАНУДО.

Что, что? Тебя въ самомъ дѣлѣ прибили, да какъ?

ПЕДРО.

Что́ за вопросъ? Ну, такъ, какъ бьютъ порядочныхъ людей...

РАНУДО.

Да кто и за что́?

ПЕДРО.

За что̀! Вамъ хорошо: вы занимаете деньги, а заимодавцы пишутъ росписки на нашихъ щекахъ.

РАНУДО.

Педро! Если ты не лжешь...

ПЕДРО.

То говорю правду? Не такъ-ли?

РАНУДО.

Разскажи, разскажи мнѣ все подробно.

ПЕДРО.

Извольте-съ, я встрѣтилъ г. Квебрантадора на улицѣ, остановилъ его: поклонился ему, какъ проситель, и только хотѣлъ заикнуться о деньгахъ, какъ онъ перебилъ меня своимъ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: пошелъ къ чорту! Я повернулся и хотѣлъ идти къ вамъ, чтобъ доложить объ этомъ грубомъ отвѣтѣ; но онъ схватилъ меня за шиворотъ...

РАНУДО.

За шиворотъ? Это съ одной стороны очень дурно.

ПЕДРО.

Подождите, съ другой будетъ еще хуже. «Ты вѣрно опять за деньгами? бездѣльникъ.» Я, сударь, совсѣмъ не бездѣльникъ, но мой баринъ...«Что твой баринъ?» закричалъ онъ во все горло. Проситъ у васъ сто червонныхъ. «Сто червонныхъ!» Да, сударь, вотъ и росписка.—Онъ ее разорвалъ въ мелкіе куски, и пошла писать... (*Дѣлаетъ знаки пощечинъ.*)

РАНУДО.

Если это правда, я ему ужасно отмщу за обиду, нанесенную моему знаменитому дому!

ПЕДРО.

Покорно благодарю, сударь; да вѣдь мнѣ отъ этого легче не будетъ.

РАНУДО.

И такъ ты ничего мнѣ не принесъ?

ПЕДРО.

Кромѣ моей жалобы на этого бездѣльника, ничего, сударь.

РАНУДО.

Утѣшься, Педро: если мнѣ не удастся отмстить за тебя, то ожидай щедрой награды за свои страданія, клянусь моими предками...

ПЕДРО.

Не клянитесь, сударь, вѣдь я не кредиторъ, я вамъ и въ долгъ повѣрю. Но вы думаете, что этимъ вся исторія и кончилась? Нѣтъ-съ, онъ и до васъ добирается.

РАНУДО.

Педро!

ПЕДРО.

Да, сударь, онъ кричалъ мнѣ вслѣдъ, что сейчасъ же пойдетъ просить, чтобъ за долги посадили васъ въ тюрьму, чтобъ опечатали ваше имѣніе, на которое, между нами сказать, не много пойдетъ сургучу.

РАНУДО.

Вздоръ, пустяки: онъ побоится обидѣть толедское дворянство въ моемъ лицѣ.

ПЕДРО.

Ну, Богъ знаетъ, этотъ мошенникъ способенъ на всякую личность. (*Третъ щеку.*)

РАНУДО.

Чтобъ прибить слугу, нужны только руки; но чтобъ посадить Калибрадоса въ тюрьму...

ПЕДРО.

Нужна тюрьма?

РАНУДО

Нѣтъ, нѣтъ, мой глупый шутъ, это не такъ легко.

ПЕДРО.

Ахъ, мой умный господинъ, чего не сдѣлаютъ тамъ, гдѣ есть правосудіе.

РАНУДО.

Мой предокъ, Д. Санхо Калибрадосъ, повѣсилъ въ Палестинѣ жида, который осмѣлился требовать съ него долгъ. И твой Квебрантадоръ можетъ быть страшенъ одному только тебѣ.

Онъ не осмѣлится, повѣрь.

ПЕДРО.

Нѣтъ, сударь, вы совсѣмъ неправы.
Другія времена теперь,
И стало быть, другіе нравы.

РАНУДО.

Ты знаешь мой горячій нравъ!

ПЕДРО.

О, да, вы дьявольски сердиты?

РАНУДО.

И какъ силенъ — къ тому прибавь.

ПЕДРО.

Да, можетъ быть, когда вы сыты?

РАНУДО.

Педро! Шутки могутъ быть сносны тогда только, когда онѣ не трогаютъ личности; но если ты станешь смѣяться надъ своимъ господиномъ, то...

ПЕДРО.

Нѣтъ, сударь, сохрани Богъ! Я знаю, что съ вами дурныя шутки; но впрочемъ, развѣ можно сердиться на нашего брата?

Шутовъ огромная семья.
Не перечтете нашей братьи:
Иной одѣтъ почти, какъ я,
Другой, напротивъ, въ модномъ платьѣ.
Бѣднякъ пустился въ хвастовство,
И бредитъ пышностью столичной.
Ахъ, все на свѣтѣ шутовство, —
Да только шутятъ-то различно.

=

ЯВЛЕНІЕ XI.

ТѢ ЖЕ, БЕРТА, ПОТОМЪ ФАНФАРОННКО.

БЕРТА.

Алгвазилъ пришелъ.

РАНУДО.

Что́ слышу!

БЕРТА.

Онъ проситъ позволенія войдти?

ПЕДРО.

Видите!

РАНУДО.

Проситъ? Какъ ты думаешь, Лукреція, позволить ли?

ЛУКРЕЦІЯ.

Ахъ, Рануло, если ты не позволишь, такъ онъ войдетъ безъ позволенія.

РАНУДО.

Твоя правда. Введи его.

ФАНФАРОННКО, съ низкими поклонами.

Позвольте, милостивый государь, мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое нижайшее почтеніе.

РАНУДО.

Что́ вамъ угодно?

ФАНФАРОННКО.

Я присланъ сюда г-мъ алкадомъ, для конфискаціи вашего имѣнія, милостивый государь. Векселя и заемныя письма были давно уже протестованы; сегодня же, по просьбѣ Стефана Квебрантадора, г. алкадъ принужденнымъ нашелся приступить къ рѣшительнымъ мѣрамъ... на меня возложена эта непріятная обязанность... Какъ полицейскому чиновнику, мнѣ весьма лестно такое порученіе; но какъ человѣку, очень, очень горько.

ПЕДРО, въ сторону.

Какъ сладко говоритъ.

РАНУДО.

И вы будете такъ дерзки?

ФАНФАРОННКО.

Я не что иное, какъ машина, которая дѣйствуетъ посредствомъ пружины правосудія.

РАНУДО.

Что же вы хотите дѣлать въ моемъ замкѣ?

ФАНФАРОННКО.

Прошу покорнѣйше позволить опечатать все ваше движимое и недвижимое имѣніе.

РАНУДО.

И вы думаете, что я буду такъ слабъ, что вамъ это позволю?

ФАНФАРОННКО, кланяется.

Если вамъ не угодно, то... (*Уходитъ*

РАНУДО.

Ага! Струсилъ! Я говорилъ, что его ненадо бояться... На этихъ людей стоитъ только прикрикнуть... а ты, дуракъ, смѣлъ вообразить... Видишь ли, стало быть полиція приказала опечатать мое имѣніе только тогда, когда я самъ позволю.

ФАНФАРОНИКО, съ полицейскими.

Войдите! Вы видите, что я по неволѣ, долженъ употребить силу.

ПЕДРО.

Сильно сказано, и славно сдѣлано! Ну, что̀, сударь?

ФАНФАРОНИКО.

По приказанію г. алкада, мы должны приступить къ конфискаціи. Тяжелыя вещи останутся здѣсь за печатью, а легкія должны быть отобраны.

ПЕДРО.

Какъ легкія?

РАНУДО.

Я едва дышу!... (*Жент.*) Слышишь, мой другъ? Я страшусь помыслить... (*Глядя на родословную.*) Неужели вы все, безъ исключенія, опечатаете?

ФАНФАРОНИКО.

Формально.

ПЕДРО.

Позвольте вамъ сказать, милостивый государь, вы можете господское печатать все, что вамъ угодно, но до моей собственности прошу васъ не дотрогиваться. — Пойдемъ, жена!

ФАНФАРОНИКО.

Ни съ мѣста!

РАНУДО.

Останься, Педро, останься; не теряй присутствія духа. Бери примѣръ съ своего осподина. Я очень покоенъ. (*Нюхаетъ изъ табакерки.*)

ФАНФАРОНИКО.

Позвольте-съ.

РАНУДО.

Вы хотите табаку?

ФАНФАРОНИКО.

Нѣтъ-съ, табакерку.

РАНУДО.

Что̀ это значитъ?

ФАНФАРОНИКО.

Она золотая, если не ошибаюсь, и потому.... (*Прячетъ въ карманъ.*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Боже мой! До какого безчестія мы дожили... Мнѣ дурно... (*Садится.*)

РАНУДО

И мнѣ не очень хорошо...

ЛУКРЕЦІЯ.

Берта! Берта!

БЕРТА.

Я здѣсь, сударыня.

ЛУКРЕЦІЯ.

Гдѣ мой флакончикъ, съ нюхательнымъ спиртомъ?

БЕРТА.

Вотъ онъ.

ФАНФАРОНИКО.

Позвольте-съ, эта вещица въ серебряной оправѣ, и должна быть также отобрана.

ЛУКРЕЦІЯ.

Варваръ, чудовище, злодѣй! Ты не дашь мнѣ и умереть!

РАНУДО.

Въ самомъ дѣлѣ, это съ вашей стороны очень неучтиво.

ФАНФАРОНИКО.

Что жъ дѣлать! Законъ не разбираетъ ни по̀ла, ни званія.

РАНУДО.

Какъ не разбираетъ? Знаете ли, кто я таковъ?

ФАНФАРОНИКО.

Донъ Ранудо де Калибрадосъ.

РАНУДО.

Слыхали ли вы о моихъ предкахъ?

ФАНФАРОНИКО, подумавъ.

Очень мало, или, лучше сказать по совѣсти, совсѣмъ ничего.

РАНУДО.

Боже! Этого только не доставало, — прислать ко мнѣ такого невѣжду, который не слыхалъ о моихъ предкахъ! Онъ не знаетъ по совѣсти... по совѣсти!... Ужаснѣе этого полиція ничего не могла придумать!...

ФАНФАРОНИКО.

Извините-съ, я еще не совсѣмъ выполнилъ данное мнѣ приказаніе. Съ крайнимъ прискорбіемъ извѣщаю васъ, что по опечатаніи вашего имѣнія, я обязанъ препроводить васъ подъ карауломъ въ тюрьму.

ВСѢ.

Въ тюрьму.

ФАНФАРОНИКО.

Такъ точно, только съ условіемъ, если вы не найдете достаточныхъ за себя поручителей.

Коль вы не сыщете порукъ,
Свое исполню порученіе:
За исключеньемъ вашихъ слугъ,
Всѣхъ отведу я въ заключенье.

ПЕДРО.

Да гдѣ жъ они найдутъ порукъ?
Что мудренѣе этой штуки?
Совсѣмъ отбился отъ рукъ
Всѣ наши знатныя поруки!

ФАНФАРОНИКО.

Теперь, исполнивъ долгъ человѣка и аккуратнаго чиновника, прошу приказать меня проводить въ прочія ваши комнаты.

РАНУДО.

Берта! Проводи ихъ.

ПЕДРО.

Смотри, Берта, не зѣвай, чтобъ моего добра не трогали.

ФАНФАРОНИКО.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію, имѣю честь быть вашимъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугою. (*Уходитъ съ Бертою.*)

ЯВЛЕНІЕ XII.

ТѢ ЖЕ, безъ КОММИССАРА.

ПЕДРО.

Еслибъ этого господина заставили содрать съ живыхъ насъ кожу, такъ онъ бы исполнилъ это порученіе съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію.

РАНУДО, обнимая жену.

Почтенная супруга!

ЛУКРЕЦІЯ.

Дражайшій мой супругъ!

РАНУДО.

Ахъ, до какого стыда дожили Калибрадосы!

ЛУКРЕЦІЯ.

Достанетъ ли у насъ силы его пережить?

ПЕДРО.

Да, хорошо тому жить, у кого бабушка ворожитъ.

РАНУДО.

Я не забуду долго
Такихъ ужасныхъ дѣлъ!
Чтобъ изъ пустова долга
Мой замокъ опустѣлъ;
Но что ужаснѣй вдвое,
Меня съ женой берутъ.

ПЕДРО.

Утѣшьтесь — все пустое!
Пустое — не возьмутъ.

РАНУДО.

Нѣтъ, мой добрый Педро, ты намъ льстишь, льстишь пустою надеждою.

ПЕДРО.

Право, нельщу, сударь. (*Слышенъ стукъ экипажа.*) Но что за шумъ?... Это кто то подъѣхалъ къ нашему замку.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

ТѢ ЖЕ, Д. ИЗАБЕЛЛА, ПОТОМЪ БЕРТА.

ИЗАБЕЛЛА.

Ахъ, дядюшка!

РАНУДО.

Что такое?

ИЗАБЕЛЛА.

Посмотрите, посмотрите какіе прекрасные экипажи подъѣхали къ нашему крыльцу.

РАНУДО.

Въ самомъ дѣлѣ.

ПЕДРО, у окна.

Точно, сударь, цѣлыхъ четыре кареты, какія богатыя.

ЛУКРЕЦІЯ.

Что бы это значило?

РАНУДО.

Я догадываюсь, вѣрно толедскіе вельможи узнали о моемъ приключеніи и спѣшатъ принять во мнѣ участіе.

БЕРТА, вбѣгаетъ.

Ахъ, сударь, посмотрите, посмотрите въ окошко.

ПЕДРО.

Знаемъ, знаемъ, опоздала.

БЕРТА, тихо Педро.

Это они!

ПЕДРО.

Знаю.

ИЗАБЕЛЛА.

Какъ я боюсь...

БЕРТА.

Будьте смѣлѣе, сударыня.

ЯВЛЕНІЕ XIV.

ТѢ ЖЕ, АЛВАРЕЦЪ ВЪ БОГАТОМЪ ПЛАТЬѢ, СЪ БОРОДОЮ.

РАНУДО.

Прежде, нежели я узнаю ваше имя, сударь, позвольте спросить: почему вы входите къ намъ безъ доклада? Развѣ не могли сказать швейцару?...

АЛВАРЕЦЪ.

Извините, внизу никого не было.

РАНУДО.

Въ самомъ дѣлѣ?... Ахъ, я и забылъ, что вчера только его отпустилъ отъ себя.

ПЕДРО.

Ай да баринъ — отпустилъ!

РАПУДО.

Что же вамъ угодно?

АЛВАРЕЦЪ.

Его сіятельство, графъ Антоній Виллагомброза, проситъ позволенія войдти.

РАПУДО.

Графъ Виллагомброза? Это не внукъ ли того славнаго полководца, съ которымъ мы были неизмѣнными друзьями?

АЛВАРЕЦЪ.

Такъ точно, а я его секретарь: графъ недавно возвратился изъ путешествія и имѣетъ до васъ просьбу.

РАПУДО И ЛУКРЕЦІЯ.

Просьбу!

АЛВАРЕЦЪ.

О которой онъ самъ лично съ вами поговоритъ.

РАПУДО.

Въ чемъ же состоитъ эта просьба?

АЛВАРЕЦЪ

Ваша племянница... Впрочемъ я ничего не знаю.

РАПУДО И ЛУКРЕЦІЯ.

Возможно ли?

ПЕДРО.

Г. секретарь не мастеръ секретничать.

АЛВАРЕЦЪ.

Его сіятельство дожидается въ каретѣ позволенія войдти сюда.

РАПУДО.

Просите его. Постойте, постойте; скажите графу, что я его приму, но только не иначе, какъ въ шляпѣ.

АЛВАРЕЦЪ.

Помилуйте! не въ шляпѣ дѣло. (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

ТѢ ЖЕ, КРОМѢ АЛВАРЕЦА.

РАПУДО.

Лукреція! Ты понимаешь, зачѣмъ онъ пріѣхалъ?

ЛУКРЕЦІЯ.

Понимаю.

РАПУДО.

Теперь надобно подумать о пріемѣ графа.

ЛУКРЕЦІЯ.

Твоя правда, мой другъ.

РАПУДО.

Гдѣ мой камердинеръ?

ПЕДРО.

Здѣсь, сударь.

ЛУКРЕЦІЯ.

Гдѣ моя горничная?

БЕРТА.

Здѣсь, сударыня.

РАПУДО.

Гдѣ мой конюшій?

ПЕДРО.

Здѣсь, сударь.

ЛУКРЕЦІЯ.

Гдѣ моя ключница?

БЕРТА.

Здѣсь, сударыня.

РАПУДО.

Гдѣ мой дворецкій?

ПЕДРО.

Здѣсь.

РАПУДО.

Мой пажъ?

ПЕДРО.

Здѣсь.

РАПУДО.

Хорошо, друзья мои, я радъ, что вы всѣ здѣсь на лицо... идутъ... становитесь по мѣстамъ!

ЯВЛЕНІЕ XI. XVI.

ТѢ ЖЕ, АЛЬФОНСЪ переодѣтый, АЛВАРЕЦЪ И НѢСКОЛЬКО ИХЪ ДРУЗЕЙ.

АЛЬФОНСЪ.

Привѣтствую благороднѣйшую фамилію Д. Рапудо де Калибрадоса.

РАПУДО.

Графъ, я надѣюсь... но что я вижу!

ИЗАБЕЛЛА, Бертѣ.

Ужъ не догадался ли онъ!

БЕРТА.

Успокойтесь, онъ его никогда не видалъ.

РАПУДО.

Это живой портретъ покойника.

АЛЬФОНСЪ.

Въ самъ дѣлѣ?

РАПУДО.

Двѣ капли... только...

ПЕДРО, въ сторону.

Только совсѣмъ другое лицо.

РАПУДО.

Только помоложе и потоньше, не правда ли, Лукреція?

ЛУКРЕЦІЯ.

Разительное сходство!

АЛВАРЕЦЪ.

Они сами намъ помогаютъ.

АЛЬФОНСЪ.

Вы, можетъ быть, догадались уже о причинѣ моего посѣщенія? Въ двухъ словахъ

я объясню все дѣло. Я люблю вашу племянницу! Моя сіятельная порода, блистательная слава моихъ предковъ, и наконецъ дружба ваша съ моимъ дѣдушкою, даютъ мнѣ право надѣяться, что вы не откажете графу Виллагомброзу въ рукѣ прелестной Изабеллы.

РАНУДО.

Какъ ты думаешь, Лукреція? Его предки были славны за 400 лѣтъ.

ЛУКРЕЦІЯ.

А наши за 500 лѣтъ; но въ критическихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ мы теперь, намъ нельзя быть слишкомъ разборчивыми.

РАНУДО.

Твоя правда. Кончимъ скорѣе, пока не вышелъ алгвазилъ... но вотъ и онъ... мы пропали!

(*Фанфаронико съ писаремъ и солдатами проходятъ въ другіе комнаты.*)

АЛЬФОНСЪ.

Что это значитъ, Д. Ранудо? Что это за люди?

РАНУДО.

Это... это... ну, теперь все пойдетъ къ чорту... Педро, поди сюда. Что мнѣ ему сказать?

ПЕДРО.

И, сударь, зачѣмъ секретничать съ будущимъ зятемъ. Онъ вѣрно за васъ поручится и даже можетъ быть заплатитъ долги.

РАНУДО.

Нѣтъ, нѣтъ, никогда я не унижу себя.

ПЕДРО.

Такъ позвольте я за васъ... (*Подходитъ къ Альфонсу.*)

Ахъ ваше сіятельство,
Помогите намъ:
Наши обстоятельства
Просто — стыдъ и срамъ.
Нужно поручительство,
Гдѣ порукъ найдти?
Ваше покровительство
Можетъ ихъ спасти.
Онъ на васъ надѣется.
Онъ въ долгу кругомъ;
Долгъ же, разумѣется,
Красенъ платежемъ.

Ахъ, ваше сіятельство... *и проч.*

АЛЬФОСЪ.

Вы стыдились, Д. Ранудо, признаться мнѣ въ этомъ? Я узнаю гордаго Калибрадоса. Если я получу руку вашей племянницы, то готовъ поручиться не только за васъ, но даже за честность самого алгвазила.

РАНУДО.

Только отъ такого благороднаго зятя, какъ вы, я рѣшаюсь принять помощь. Дона Изабелла, согласна ли ты отдать ему свою руку?

ИЗАБЕЛЛА.

Я всегда была вамъ послушна, дядюшка.

РАНУДО.

Графъ! Она твоя.

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ, вы дѣлаете меня счастливымъ человѣкомъ. Г. нотаріусъ, займитесь контрактомъ. А вы, мой секретарь, дайте росписку отъ моего имени алгвазилу, что я ручаюсь за Д. Ранудо.

=

ЯВЛЕНІЕ XVII.

ТѢ ЖЕ И ФАНФАРОНИКО.

ФАНФАТОНИКО.

Въ этой комнатѣ еще пустѣе.

ПЕДРО.

Ну, не говорилъ ли я вамъ, что вы изъ пустого хлопочете!

РАНУДО.

Г. алгвазилъ! Графъ Антоній Виллагомброза ручается за меня.

ФАНФАРОНИКО.

Графъ Виллагомброза! Позвольте...

АЛВАРЕЦЪ.

Вотъ росписка. (*Тихо.*) И вотъ кошелекъ, понимаете!

ФАНФАРОНИКО.

Понимаю-съ. (*Смотритъ на бумагу.*) Но извините, я не знаю, могу ли я, не нарушая совѣсти...

АЛЬФОНСЪ.

Вотъ вамъ и другой.

ФАНФАРОНИКО.

Однако жъ честь должна быть для насъ всего дороже.

АЛЬФОНСЪ.

Вотъ вамъ и третій: довольны ли вы теперь?

ФАНФАГОНИКО.

Въ надеждѣ, что вы не забудете моихъ

услугъ, остаюсь вашимъ покорнымъ слугою. (*Уходитъ.*)

ПЕДРО.

Видно, что этому алгвазилу честь всего дороже: онъ за нее получилъ цѣлыхъ три кошелька.

НОТАРІУСЪ, у стола.

Контрактъ совсѣмъ готовъ, стоитъ только подписать... По роду, по званію и по родству, вамъ, Ранудо, первому; потомъ вашей супругѣ, потомъ женихъ съ невѣстою, а въ заключеніе свидѣтели.

(*Подписываются.*)

ПЕДРО.

Ну, Берта, дѣло подходитъ къ развязкѣ; чтобъ тутъ не завязалось какой нибудь исторіи, еще пожалуй, и насъ съ тобой свяжутъ.

БЕРТА.

Полно, трусъ, ты недостоинъ обѣщанной награды.

РАНУДО.

Теперь извольте прочесть вслухъ, чтобъ всѣ мои вассалы могли слышать.

НОТАРІУСЪ, Альфонсу.

Вы позволяете?

АЛЬФОНСЪ.

Читайте.

НОТАРІУСЪ, читаетъ.

Съ согласія благородныхъ нашихъ родственниковъ, мы Дона Изабелла де Калибрадосъ и дворянинъ Альфонсъ Алварецъ!...

РАНУДО.

Какъ? Что?

ЛУКРЕЦІЯ.

Что это значитъ?

АЛЬФОНСЪ.

Д. Ранудо, простите мою хитрость, къ которой вы сами меня принудили.

РАНУДО.

Какъ? Такъ онъ не графъ?

АЛВАРЕЦЪ.

Увы! Не графъ, клянусь моею бородою. (*Снимаетъ бороду.*)

РАНУДО.

Этотъ контрактъ недѣйствителенъ.

НОТАРІУСЪ.

Напротивъ, онъ написанъ по формѣ.

РАНУДО.

Д. Изабелла, сейчасъ откажись отъ своего недостойнаго жениха.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, дядюшка, я не могу этого сдѣлать.

РАНУДО.

Не можешь?

ИЗАБЕЛЛА.

Я люблю Альфонса.

РАНУДО.

Любишь! Если такъ. (*Беретъ перо и подходитъ къ родословной.*) Смотри... одна минута, и я вычеркну твое имя изъ нашей знаменитой родословной... опомнись! еще есть время... Ты молчишь... Все кончено. (*Вычеркиваетъ.*)

ЛУКРЕЦІЯ.

Наказаніе ужасно, но справедливо.

РАНУДО.

Дайте мнѣ свою руку, Д. Лукреція, и пойдемте въ наши покои; Педро, не впускай никого. Мы сегодня не будемъ обѣдать...

(*Уходятъ.*)

ПЕДРО.

И завтра тоже.

АЛЬФОНСЪ.

Ахъ, Изабелла, мы счастливы.

ИЗАБЕЛЛА.

Нѣтъ, Альфонсъ, моя радость еще не совершенна: они на меня сердятся.

АЛЬФОНСЪ.

Мы постараемся ихъ уговорить.

ПЕДРО.

Ничего-съ, проголодаются.

ВСѢ.

Теперь остался нашъ вопросъ.
Вопросъ довольно щекотливый,
Рѣшите, нашъ Калибрадосъ
Ждетъ приговоръ вашъ справедливый.
Хотя мы гордость и бранимъ,
Однако жъ, должно согласиться,
Что одобреніемъ своимъ
Вы насъ заставите гордиться.

АВГУСТЪ ФОНЪ КОЦЕБУ.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ драматическихъ писателей прошедшаго вѣка принадлежитъ и Августъ фонъ Коцебу. Въ свое время, онъ имѣлъ чрезвычайный успѣхъ; но теперь почти забытъ. Трудно объяснить, какимъ образомъ попалъ онъ такъ скоро въ Лету; неблагодарные потомки, мы нехотимъ восхищаться имъ, не заботясь о томъ, что наши отцы и матушки плакали надъ *Гуситами*, надъ *Сыномъ любви*.

Августъ Фридрихъ Коцебу родился въ Веймарѣ, 3-го Мая (по старому стилю, 21-го Апрѣля) 1761 года. Образованіемъ обязанъ онъ дядѣ своему, профессору Музеусу. Въ Веймарѣ, въ то время находилась знаменитая труппа актеровъ. Брандесъ, Бекъ, Зейлеръ, отличные артисты, восхищали веймарскую публику. Коцебу часто ходилъ смотрѣть ихъ и, вѣроятно, въ то время получилъ пристрастіе къ театру, которое такъ сильно развилось въ немъ впослѣдствіи. Отецъ его, совѣтникъ посольства въ Веймарѣ, могъ доставлять ему это невинное наслажденіе, ибо самъ имѣлъ независимое состояніе. На шестнадцатомъ году, Коцебу распрощался съ родимымъ городомъ и дядею, и отправился въ Іенскій университетъ изучать права. Его готовили въ судьи; но юноша ходилъ чаще въ театръ, чѣмъ въ университетъ, и сухія, спокойныя лекціи профессоровъ охотно мѣнялъ на живое представленіе страстей человѣческихъ. Одиночество скоро ему наскучило; онъ переѣхалъ въ Дуисбургъ, гдѣ жила сестра его съ мужемъ, и въ тамошнемъ университетѣ продолжалъ изучать права. Но и тутъ нашелъ онъ одиночество другаго рода: въ Дуисбургѣ не было театра. Коцебу воротился въ Іену (въ 1779 году) и отдалъ на театръ любителей первую піесу свою: *Модныя женщины*. Восемнадцати-лѣтняго автора осыпали похвалами; первый успѣхъ увлекъ его на литературное поприще. Выдержавъ экзаменъ и получилъ званіе адвоката, Коцебу возвратился въ родительскій домъ, въ Веймаръ, и принялся писать такъ много и такъ скоро, что Гейнзіусъ удивлялся его изумительной плодовитости. Въ одинъ годъ, Коцебу написалъ нѣсколько драмъ и кучу повѣстей.

Совершенно неожиданный случай польстилъ честолюбію молодаго автора. Графъ Герцъ, прусскій посланникъ въ Петербургѣ, старинный другъ стараго отца Коцебу, вызвалъ сына его въ Петербургъ, обѣщая ему мѣсто секретаря при тогдашнемъ инженеръ-генералѣ графѣ Баурѣ. Слухи дошли до Коцебу, что Бауръ пользуется особенною милостію Императрицы Екатерины и можетъ доставить ему полезное покровительство. Не медля, Коцебу поѣхалъ въ Петербургъ (въ 1781 году), получилъ обѣщанное мѣсто секретаря, и тутъ же, къ величайшей радости своей, узналъ, что генералу Бауру поручено завѣдываніе нѣмецкимъ театромъ. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ написалъ трагедію: *Лжедимитрій*. Она имѣла чрезвычайный успѣхъ, который можетъ быть только объясненъ покровительствомъ самаго Баура, бывшаго въ то время петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Журналы хвалили новую трагедію, зрители усердно

хлопали, Коцебу отдыхалъ на лаврахъ и готовился къ новымъ побѣдамъ. Вдругъ все перемѣнилось. Бауръ умеръ; Коцебу остался безъ покровителя, безъ мѣста, не зналъ что дѣлать. Но счастіе и тутъ не оставило его; въ своемъ завѣщаніи, добрый генералъ поручалъ молодаго секретаря милостивому вниманію Императрицы. Коцебу, по приказанію Государыни, получилъ мѣсто ассесора въ ревельскомъ аппелляціонномъ судѣ (въ 1783 году,) а черезъ два года пожалованъ дворянскимъ достоинствомъ и назначенъ президентомъ эстляндскаго магистрата. Не смотря на многочисленныя свои занятія и заботы по службѣ, онъ удѣлялъ досуги свои на удовлетвореніе страсти своей къ литературѣ и, бывши президентомъ, написалъ сочиненіе *О дворянствѣ*, переведенное и изданное въ Москвѣ въ 1804 году. Рѣзко, умно и основательно показалъ онъ необходимость и важность наслѣдственнаго дворянства въ монархическомъ правленіи. Сочиненіе его очень не понравилось въ Германіи; многіе возстали на него и осыпали автора колкими, насмѣшливыми замѣчаніями. Коцебу отвѣчалъ комедіей, въ которой выставилъ вредныхъ сумазбродовъ, прикрывающихъ именемъ свободы пагубное свое ученіе и разрушительные замыслы. Съ этой минуты началась въ германскихъ юношахъ ненависть къ Коцебу, породившая ужасныя послѣдствія. Но не смотря на эту нелюбовь, Германія съ похвалами приняла новое произведеніе эстлянскаго президента, драму *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Успѣхъ этой піесы памятенъ даже новому нашему поколѣнію, которое не забыло еще Семеновой. Въ Парижѣ, новая драма имѣла чрезвычайный успѣхъ, хотя тогдашніе Французы терпѣть не могли *la tragedie bourgeoise*. Въ то же время Коцебу издалъ собраніе мелкихъ своихъ сочиненій и романъ, нынѣ забытый, а тогда возбудившій всеобщее вниманіе: *Страданія ортенберговой фамиліи*. Переводъ этого романа напечатанъ въ Москвѣ въ 1802 году.

Отъ безпрерывныхъ трудовъ по службѣ и безпрестанныхъ литературныхъ занятій, здоровье его до того разстроилось, что онъ принужденъ былъ ѣхать къ пирмонтскимъ водамъ. Но и тутъ не могъ онъ не писать и издалъ книгу: *Докторъ Бартъ съ желѣзнымъ лбомъ*. Не смѣя подписать своего имени, онъ издалъ ее подъ псевдонимомъ *Книге*. Всѣ германскія знаменитости полверглись, въ этой несчастной книгѣ, порицанію, насмѣшкамъ. Общее негодованіе возгорѣлось во всей Германіи. Молодой человѣкъ, которому приписывали это сочиненіе, лишился мѣста; наконецъ узнали настоящаго автора, и онъ былъ принужденъ публично признаться въ своей несправедливости. Этимъ еще болѣе увеличилось число его враговъ, и онъ принужденъ былъ скорѣе возвратиться въ Россію. Здѣсь ожидала его новая горесть: первая супруга его скончалась въ цвѣтѣ лѣтъ; Коцебу отъ тоски, бѣжалъ въ Парижъ, жилъ тамъ нѣсколько времени, былъ принятъ ласково и радушно, а потомъ, въ *Парижскихъ своихъ воспоминаніяхъ*, представилъ Парижанъ не совсѣмъ въ хорошемъ свѣтѣ. Разумѣется, что въ Германіи не преминули воспользоваться этою мнимою неблагодарностію, и еще болѣе раздували пламя недоброжелательства къ Коцебу.

Оскорбленный на родинѣ, измученный трудами и непріятностями, Коцебу рѣшился удалиться отъ свѣта, вышелъ въ отставку (1795) построилъ себѣ мызу *Фриденталь* близь Нарвы, и намѣревался кончить жизнь въ уединеніи, далеко отъ людей и отъ свѣтскихъ треволненій. Но не долго устоялъ онъ въ своемъ намѣреніи, и въ это недолгое время написалъ онъ такъ много, что не знаешь чему болѣе удивляться: его авторской плодовитости или механическому труду *писанія?* Въ нѣсколько мѣсяцевъ написалъ онъ болѣе двадцати піесъ для театра и большое сочиненіе: *Младшія дѣти моего веселаго духа*, переведенное и напечатанное, въ 1802 году, въ Смоленскѣ.

Въ 1796 году, Коцебу былъ вызванъ въ Вѣну, для занятія мѣста директора придворнаго театра. Два года могъ онъ возиться съ несносною театральною труппою, и находилъ еще время писать. Тутъ успѣлъ онъ сочинить большую часть сво-

ихъ піесъ, которыя были изданы въ пятидесяти шести томахъ. Трудолюбіе невѣроятное! Черезъ два года, Коцебу попросился въ отставку, и при увольненіи получилъ пенсію въ тысячу гульденовъ. За это опять бранили его въ Германіи, представляя его человѣкомъ корыстолюбивымъ и жаднымъ, *Nul n'est héros dans son pays!* Коцебу зналъ, что его не любятъ въ Германіи; но любовь къ родинѣ взяла верхъ надъ житейскими расчетами; онъ поѣхалъ въ Веймаръ, желая тамъ найти убѣжище и прежнихъ друзей.

Спокойно прожилъ онъ пять лѣтъ въ Веймарѣ; но желаніе видѣть дѣтей своихъ (отъ перваго брака) вызвало его въ Петербургъ. Они воспитывались въ кадетскомъ корпусѣ, и сиротство ихъ заставило Коцебу предпринять путешествіе въ Россію. Въ 1800 году, отправился онъ изъ Берлина, съ паспортомъ, выданнымъ отъ русскаго посланника въ Берлинѣ, барона Криденера. Коцебу ѣхалъ съ супругою и малолѣтными дѣтьми отъ втораго брака. Пусть онъ самъ разскажетъ намъ, что случилось съ нимъ въ это путешествіе.

«Въ мѣстечкѣ Полангенѣ коляска наша остановилась у пограничной таможни. Начальникомъ тамъ былъ нѣкто подполковникъ Селинъ, человѣкъ предобрый. Онъ прежде служилъ въ полку, долгое время стоявшемъ въ Нарвѣ и окружныхъ мѣстахъ, а его квартира была тогда въ помѣстьѣ, сосѣдственномъ съ деревнями жены моей. Потому мы были старые знакомые, и за три года на этой же самой границѣ съ крайнею пріязнію разстались мы другъ съ другомъ. Да и дорогою уже радовался я съ женою моею, узнавъ, что онъ все еще при этомъ мѣстѣ.

Я первый выскочилъ изъ коляски. Селинъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ. Я обнялъ его; но онъ какъ-то чинно отвѣчалъ мнѣ. Я спросилъ его, развѣ онъ меня не знаетъ, и сказалъ ему свое имя. Онъ молчалъ, поклонился и принуждалъ себя казаться ласковымъ. Я это замѣтилъ и огорчился.

Тутъ вышла и жена моя. Онъ принялъ ее учтиво, но не ловко. Она это увидѣла и сердце у нея замерзло. Онъ вводитъ насъ въ покои. Актеръ Вейраухъ, изъ Мемеля возлѣ коляски нашей верхомъ ѣхавшій, безпрепятственно слѣдуетъ за нами. Жена моя напрасно старается завести радостный разговоръ, обыкновенно употребляемый съ старымъ знакомымъ. Онъ отвѣчаетъ кротко; потомъ, оборотясь ко мнѣ, требуетъ моего паспорта. — «Онъ еще у казачьяго офицера.» — Онъ молчитъ; примѣтно, что у добраго человѣка есть что-то на сердцѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ приносятъ паспортъ. Селинъ читаетъ, а я стою въ боязненномъ ожиданіи. «Такъ вы г. Коцебу?» говоритъ онъ, прочитавъ паспортъ. — Не мудрено, что этотъ вопросъ удивилъ меня, когда мы другъ друга знали. Конечно я, отвѣчалъ я ему.

«Ну такъ! продолжаетъ онъ, оборотясь къ женѣ моей и поблѣднѣвъ самъ. Не пугайтесь, сударыня; я имѣю повелѣніе арестовать вашего супруга.» — Жена моя громко ахнула и ноги ея подкосились. Она бросается ко мнѣ, крѣпко обнимаетъ меня и дѣлаетъ себѣ самые жестокіе упреки; малютки дѣти мои стоятъ тутъ, и не знаютъ, что это значитъ. Я самъ ужасно испугался; но увидя жену почти въ обморокѣ, въ мигъ оправляюсь. Беру ее на руки свои, сажаю на стулъ, и прошу, убѣждаю быть покойной, потому что это отнюдь не можетъ имѣть худыхъ слѣдствій: словомъ, говорю ей все, что внушаетъ мнѣ ея состояніе. Она опамятывается. Тутъ только вздумалъ я о себѣ и, поворотясь вдругъ къ Селину, спрашиваю: Какъ сказано въ повелѣніи вамъ? Откройте мнѣ все.

«Я долженъ отобрать всѣ ваши бумаги, и отправить ихъ вмѣстѣ съ вами въ Митаву, къ губернатору.»

А тамъ что будетъ?

«Тамъ разсмотрятъ ваши бумаги, и губернаторъ поступитъ по дальнѣйшему повелѣнію.»

А болѣе ничего?

«Болѣе ничего.»

Можетъ ли семейство мое ѣхать со мною?

«Конечно.»

Въ Митавѣ объявили ему, что повезутъ его въ Петербургъ. Коцебу разлучился съ

женой, поѣхалъ съ радостною надеждою; но выѣхавъ изъ Риги, замѣтилъ, что его везутъ не по знакомой ему петербургской дорогѣ. На первой станціи, сенатскій курьеръ Шульгинъ, сопровождавшій Коцебу, сказалъ ему, что они ѣдутъ прямо въ Тобольскъ. Коцебу пришелъ въ отчаяніе, и мысль о побѣгѣ запала въ его душу. Слѣдовало бѣжать въ Лифляндію; въ Россіи Коцебу не могъ скрыться, потому что говорилъ по русски очень дурно.

Въ Штокмансгофѣ, Коцебу притворился больнымъ и уговорилъ провожатаго своего, надворнаго совѣтника Щ-на, остановиться въ жидовской корчмѣ.

«Тотчасъ», говоритъ Коцебу, «стали готовить все для спанья. Въ комнатѣ была только одна кровать, которую преимущественно мнѣ хотѣли предоставить. Но какъ она стояла въ дальнемъ углу, то я сказалъ, что она для меня очень нечиста, и я боюсь клоповъ; а для того просилъ сдѣлать мнѣ постель у самаго окна на стульяхъ. Тотчасъ согласились на это. Принесли стульевъ, наклали на нихъ сѣна, послали сверхъ того мой шлафрокъ и положили шинель мою вмѣсто одѣяла. Я хотѣлъ лечь совсѣмъ не раздѣвшись, но долженъ былъ по крайней мѣрѣ позволить курьеру стянуть сапоги мои. По счастію, поставилъ онъ ихъ близко ко мнѣ. Тогда бросился я на жесткую свою постель и притворился, будто отъ усталости тотчасъ заснулъ. Можно себѣ представить, сколь далекъ былъ сонъ отъ меня.

«Провожатые мои еще по тѣхъ поръ не ложились, пока оставалось что ѣсть и пить; а тамъ и они пошли спать. Щ—нъ легъ на шагъ отъ меня на лавкѣ; между нами стоялъ столъ, а надъ столомъ было мое окно. Курьеръ спалъ на дворѣ, въ колескѣ, стоявшей подъ самымъ окномъ.

«Скоро удостовѣрился я, что Щ—нъ спитъ. Теперь было часовъ одиннадцать. Тогда былъ полный мѣсяцъ, но небо облачно. Минута была благопріятна, и я готовился приступить къ выполненію намѣренія, какъ вдругъ совсѣмъ непредвидѣнное препятствіе помѣшало мнѣ. Именно, къ несчастію моему, была тогда ночь съ пятницы на субботу. Суббота, какъ извѣстно, у Евреевъ шабашный день, и хозяину для приготовленій къ сему дню много было дѣла въ смежной коморкѣ; онъ часто, съ женою и дѣтьми, со свѣчами бѣгалъ черезъ нашу горницу, а въ другой, возлѣ насъ, такъ много бормотали и пѣли, что Щ—нъ оттого поминутно просыпался. Я самъ притворился, будто и мнѣ также спать мѣшаютъ, и вмѣстѣ съ нимъ сильно ругался. Между тѣмъ, конечно, къ моей бѣдѣ, продолжался шумъ до двухъ часовъ, а тогда, наконецъ, въ домѣ всѣ успокоились.

«Я понемногу приподнялся на колѣни, распуталъ ленточку у окна и благополучно открылъ его. Открывъ его, услышалъ я, что курьеръ въ колескѣ храпѣлъ. Я щупалъ въ потьмахъ около себя, искалъ сапоговъ моихъ и шляпы, и нашелъ ихъ. Шляпу я надѣлъ, сапоги взялъ въ лѣвую руку, а шинель накинулъ на руку. Потомъ сталъ какъ можно тише на столъ, удерживая духъ свой и пріостанавливаясь, когда казалось мнѣ, что Щ—нъ шевелится. Тамъ высунулъ я правую ногу изъ окна и искалъ, гдѣ опереться ею на бревна; но тщетно. До земли я еще меньше того могъ скоро достать, ибо окно было почти въ вышину человѣка отъ земли. Высунуть другую ногу, не держась за что нибудь обѣими руками, также было невозможно; у меня только одна рука была свободна, въ лѣвой держалъ я необходимо нужные сапоги. Потому мнѣ должно было рѣшиться бросить внизъ шинель и сапоги, не смотря на опасность, что если Щ—нъ проснется прежде, нежели я самъ выскочу, то намѣреніе мое, по выброшеннымъ вещамъ явно откроется. Однако жъ нечего было мѣшкать. Я полегоньку спустилъ шинель; сапоги тихонько скатились на нее. Теперь свободны были у меня обѣ руки; я выскочилъ, одною ногою сталъ на колесо, а другою благополучно на земь. Курьеръ все храпѣлъ; я опять тихонько прислонилъ окно, дабы сквозной вѣтеръ не разбудилъ Щ—на, схватилъ тотчасъ шинель и сапоги, забѣжалъ за корчму и былъ на свободѣ.

«Немедленно надѣлъ я сапоги, закутался въ шинель, отбѣжалъ далѣе отъ корчмы

по мокрому лугу и скоро опять очутился на проѣзжей дорогѣ. Намѣреніе мое было идти назадъ въ Кокенгузенъ и склонить почтмейстера, чтобъ онъ скрылъ меня. Надежда моя на этого человѣка и его семейство основывалась отчасти на человѣколюбивой его физіономіи, отчасти на досадѣ, причиненной ему вчера Щ—нымъ, которая вѣроятно расположила его благосклонно ко мнѣ; а наконецъ большею частію, на знатной суммѣ денегъ, которую хотѣлъ дать ему. Если бъ въ домѣ его не было скрытнаго мѣста, то я намѣренъ былъ оставаться въ развалинахъ стараго Кокенгузенскаго замка, когда бъ онъ только доставлялъ мнѣ пищу туда. Потомъ хотѣлъ я черезъ него увѣдомить барона Левенштерна о пребываніи моемъ, а баронъ сообщилъ бы о томъ, подъ рукою, женѣ, а она нѣкоторымъ извѣданнымъ друзьямъ; словомъ, я сдѣлалъ такой планъ, коего выполненіе отнюдь не казалось несбыточнымъ.

«Конечно, надѣялся я, что еще въ ту же ночь дойду до Кокенгузена, какъ необходимо нужно было, чтобъ Щ—нъ не предупредилъ меня; но Еврей набожностію своею испортилъ расположеніе мое. Теперь было почти три часа, и еще ночь, слабо освѣщаемая закрываемымъ облаками мѣсяцомъ; но мнѣ, по крайней мѣрѣ, надобно было четыре или пять часовъ, чтобъ перейти три нѣмецкія мили, и должно было ожидать, что Щ—нъ рано встанетъ, хватится меня, погонится за мною и настигнетъ. Но положимъ, что онъ и долѣе проспитъ и не такъ скоро узнаетъ о моемъ побѣгѣ, то все не могъ я отважиться середи дня показаться въ Кокенгузенъ. Не можетъ ли какой крестьянинъ замѣтить тогда меня, и даже увидѣть, какъ я войду къ почтмейстеру, или стану взбираться къ развалинамъ! А Щ—ну непремѣнно надобно будетъ развѣдывать, да и за всякое показаніе обѣщать награжденіе. Слѣдовательно, все зависѣло оттого, чтобъ никто не видѣлъ меня, кромѣ того, кому *должно* видѣть; для того я перемѣнилъ планъ свой въ томъ, что рѣшился, пока еще темнота благопріятствовала мнѣ, идти безостановочно, а какъ скоро настанетъ измѣняющій день, скрыться на лѣсистыхъ холмахъ, и не прежде слѣдующей ночи продолжать путь свой.

Съ такимъ намѣреніемъ шелъ я далѣе; но уклонялся съ проѣзжей дороги, когда только позволялъ то прилежащій къ ней лугъ, и придерживался ея въ недальнемъ разстояніи. Я недалеко еще отошелъ, какъ сквозь томный лунный сумракъ увидѣлъ домъ, который я вчера призналъ такъ называемымъ квартирнымъ домомъ. Въ Лифляндіи и Эстляндіи находятся много такихъ домовъ по разнымъ мѣстамъ, въ которыхъ живутъ офицеры, когда полки стоятъ въ той странѣ, домы запираются и бываютъ пусты, когда полки выступаютъ. Проѣзжая наканунѣ ввечеру мимо этого дома, я его очень запримѣтилъ, и усмотрѣлъ притомъ, что какъ дверь, такъ и всѣ ставни были затворены; будка также была пуста; я заключилъ изъ того, что теперь никто тутъ не живетъ. Въ такой увѣренности и какъ онъ только на нѣсколько сотъ шаговъ былъ отъ проѣзжей дороги, хотѣлъ я пройти у самаго дома; но какъ испугался я, какъ вдругъ громовой голосъ изъ будки закричалъ мнѣ: *кто идетъ?* —Я тотчасъ спохватился и отвѣчалъ по обыкновенію: *здѣшній*.

«Что жъ ты тутъ за до у нашелъ? Куда ты идешь?»

«Я иду въ Штокмансгофъ.»

«Да вонъ тамъ дорога!»

«Я въ темнотѣ сбился съ нее.» (Тутъ хотѣлъ я поспѣшно удалиться). «Стой! кто ты таковъ?» закричалъ часовой гораздо громче.

«Тише, братъ! Я учитель въ Штокмансгофѣ и ходилъ ночью къ хорошенькой жидовкѣ. Не сказывай никому, что ты меня видѣлъ.» И я тотчасъ пошелъ на дорогу. Я слышалъ, что часовой вслѣдъ мнѣ что-то бормоталъ; но пустилъ меня, усмирясь моею выдумкою. Это неважное приключеніе такъ меня напугало, что я рѣшился теперь лучше идти по большой дорогѣ, гдѣ, по крайней мѣрѣ, не странно казалось встрѣтить пѣшеходца, и по которой я, сверхъ того, какъ она была ровна, могъ гораздо скорѣе идти.

«Едва отошелъ я опять нѣсколько верстъ, какъ очень далеко за собою услышалъ обыкновенную по селамъ тревогу. Во всей Россіи по деревнямъ и въ отдаленныхъ городскихъ частяхъ, вѣшаютъ толстую доску промежду двухъ шестовъ, и когда надобно сбирать слугъ къ ѣдѣ, или бить часы, или вдругъ какую тревогу сдѣлать, то колотятъ по ней большимъ деревяннымъ биломъ изо всей силы и очень часто; такой стукъ очень далеко слышенъ. Онъ потрясъ теперь всѣ члены мои. Это не можетъ быть для сбору людей на какомъ нибудь близкомъ барскомъ дворѣ, думалъ я про себя; ибо завтракать еще слишкомъ рано. Также и не часы это бьютъ, потому что тогда, послѣ частыхъ ударовъ, колотятъ гораздо рѣже; а теперь не перестаютъ барабанить по доскѣ. Но всему видно, что Щ—нъ хватился меня, и дѣлаетъ эту тревогу, или, прибывъ уже къ квартирному дому, тамъ узналъ, что я прошелъ мимо, и бросясь тотчасъ за мною въ погоню, велѣлъ собрать всѣхъ крестьянъ.

«Я никогда не узналъ, справедлива ли была моя догадка, потому что по легкоугадываемымъ причинамъ никогда не могъ говорить объ этомъ приключеніи. Довольно, что набатъ мнѣ показался очень подозрительнымъ, и я вмигъ своротилъ съ большой дороги и пошелъ въ самый густой кустарникъ. Я уже не держался параллельно съ нею, а старался сколько можно далѣе отъ нея отойти.

«Сначала попадалъ я по временамъ на малыя площади, или и большіе покосы, черезъ которые опрометью пробѣгалъ, ища крова подъ деревами. Мало по малу кустарникъ становился чаще. Мнѣ оставалось около тысячи шаговъ до лѣсистаго холма, до котораго мнѣ хотѣлось добраться; я пошелъ прямо къ нему, не смотря на то, что земля подо мною все влажнѣе становилась; но вдругъ очутился я середи болота и на каждомъ шагу по колѣни увязалъ въ тинѣ. Черезъ полчаса я такъ обезсилѣлъ, что принужденъ былъ отдыхать въ самой тинѣ. Между тѣмъ насталъ день, но не принесъ мнѣ никакого утѣшенія; густые кусты и множество около лежащихъ сосенъ, съ торчащими ихъ сухими вѣтвями, не допускали мнѣ видѣть впередъ и на десять шаговъ. Однако жъ я рѣшился скорѣе погибнуть въ этомъ болотѣ, нежели искать дороги назадъ.

«Отдохнувъ немного, я снова изо всѣхъ силъ сталъ пробираться далѣе, и черезъ цѣлый мучительный часъ, наконецъ дошелъ до подошвы холма. Я вскарабкался на него, но онъ показался мнѣ еще очень рѣдокъ, и потому я съ холма на холмъ таскался далѣе. Мнѣ все казалось, будто вдали влѣвѣ слышу плескъ Двины, и этотъ шумъ поставилъ я себѣ въ примѣту, чтобы не слишкомъ отдалиться отъ большой дороги. Часто находилъ я небольшія, крестьянами проложенныя въ лѣсу, дорожки, идущія иногда къ малымъ, среди самаго лѣса лежащимъ, пашнямъ; тогда я тотчасъ сворачивалъ, и такъ часто, и такъ разно, что я наконецъ, особливо, какъ небо было облачно, совсѣмъ не зналъ, въ которую сторону мнѣ повернуть. Только шумъ рѣки утѣшалъ меня въ этомъ страхѣ, и послѣ двадцати, то принятыхъ, то опять отвергнутыхъ, выборовъ убѣжища, наконецъ усмотрѣлъ я густой, самой темный еловый кустарникъ, въ которомъ стояли двѣ, изъ одного пня выросшія и между собою сплетшіяся, березы. Эти березы возвратили мнѣ первое сладостное чувствованіе: я сталъ опять думать о доброй женѣ моей; думалъ, что подъ этими березами не можетъ случиться мнѣ бѣды, и потому спокойно избралъ ихъ жилищемъ моимъ на нынѣшній день.

«Теперь было часовъ шесть. Прежде десяти часовъ вечера я не могъ оставить своего убѣжища; и такъ мнѣ довольно времени было размыслить о моемъ положеніи, и о томъ, что для меня можетъ выгоднѣе быть. Напередъ очистился я отъ тины, какъ могъ. Хотѣлось мнѣ и обсушиться; но земля, гдѣ я стоялъ, была очень влажна и воздухъ очень холоденъ. Также не могъ я ходить взадъ и впередъ потому, что дерева были очень часты; и такъ я закутался въ шинель, сѣлъ и прислонился спиною къ березамъ. Вокругъ меня составляли ели частый заборъ. За нимъ находился мо-

крый покосъ, ограничиваемый голымъ холмомъ. Сквозь вѣтви мнѣ видно было, если кто бы проходилъ покосомъ или съ холма. Съ обѣихъ сторонъ у меня и за мною, такъ далеко, какъ только глазами обнять можно, былъ все лѣсъ.

«Тогда я разсуждалъ такъ: Штокмансгофъ долженъ находиться недалеко отсюда. Помѣщикъ этой дачи, камергеръ Беръ, тесть барона Левенштерна. Мнѣ хвалили его благороднымъ человѣкомъ; да и дочь его едва ли бы могла быть такою отличною женщиною, если бъ не обязана была своимъ воспитаніемъ самымъ благородномыслящимъ родителямъ. И такъ я, въ нужномъ случаѣ, сегодня ввечеру могу отнестись и къ камергеру, и по его расположенію могу ожидать отъ него, если не помощи, то тотя пощады, а можетъ быть, хорошаго совѣта. Но—эту мысль оспоривали опять разныя причины. Не поѣдетъ ли Щ—нъ тотчасъ на эту дачу, и не потребуетъ ли какъ отъ помѣщика, такъ и отъ крестьянъ, именемъ Государя, чтобъ искали меня, или когда я самъ собою туда явлюся, чтобъ взяли меня?—Могуль я дойти до господина Беера, не продравшись напередъ сквозь толпу слугъ, которые всѣ меня увидятъ, и потому уже господину своему невозможнымъ сдѣлаютъ принять меня подъ свою защиту?—При томъ камергеръ такой человѣкъ, котораго собственное его сердце должно убѣдить, и я не смѣю надѣятся склонить его на свою сторону увѣщаніями корысти.—И такъ лучше остаться мнѣ при первомъ моемъ планѣ, добраться до кокенгузенскаго почтоваго двора; ибо хотя и тамъ Щ—нъ сдѣлаетъ тревогу и упредитъ, то я однако жъ увѣренъ, что тамъ еще болѣе радоваться будутъ его заботѣ и мнѣ охотнѣе помогутъ, особливо, когда я сумму, которую онъ будетъ обѣщать за пойманіе меня, удвою, чтобъ меня не брали.—Между тѣмъ, имѣя теперь цѣлый день времени, не худо будетъ, если и приготовлюсь на всѣ возможные случаи.

«Послѣ такого монолога вынулъ я изъ кармана листъбумаги, которой въ прошедшій вечеръ взялъ съ собою, разодралъ на его разныя части, и карандашемъ, на колѣнѣ, мокрыми, почти окостенѣлыми пальцами, написалъ письмо къ господину Беру, другое къ женѣ моей, и еще нѣсколько записочекъ, о содержаніи коихъ теперь не могу упомянуть. Въ этомъ дѣлѣ помѣшала мнѣ возстающая гроза, которая сильными ударами все ближе подходила и шла надъ моею головою. Хотя я очень зналъ, что во время грозы опасно останавливаться подъ высокими деревами, однако жъ я совсѣмъ не думалъ уйти изъ моего убѣжища; да и признаюсь еще, что не одинъ разъ отъ всего сердца желалъ, чтобъ благодѣтельный ударъ громовой прекратилъ мою жизнь. Я безъ того всегда представлялъ себѣ такую смерть самою желательнѣйшею; а въ теперѣшнемъ положеніи моемъ она была мнѣ вдвое пріятнѣе. Желаніе мое не исполнилось. Гроза прошла мимо съ ужаснымъ градомъ, которой мало по малу сталъ проливнымъ дождемъ.

«До тѣхъ поръ, только ноги мои до колѣнъ были мокры; а теперь и прочія части тѣла промокли до костей, и сверхъ того земля такъ была мокра, что я не могъ долѣе сидѣть на ней. Однако жъ этотъ дождь доставилъ мнѣ чревычайное услажденіе, потому что пересохшій языкъ мой прильнулъ во рту. Я подставлялъ ротъ подъ каждую еловую иглу, гдѣ только висѣла капелька, и жадно всасывалъ ее. Никогда не чувствовалъ я болѣе, какъ сильно начертано библейское изображеніе богача во адѣ, когда онъ проситъ только капли воды на языкъ свой.—Обсосавъ всѣ капли вокругъ, отважился я на нѣсколько шаговъ далѣе, и вездѣ слизывалъ дождь, гдѣ только могъ достать. Но и это надобно было съ великою осторожностью дѣлать, ибо часто, когда манила меня капелька на вѣткѣ и я съ алчностію только не осторожно приближался, то упадала она, когда еще я не подставилъ рта. Такъ я сначала много капель потерялъ; однако жъ скоро примѣтилъ, какъ мнѣ дѣлать, чтобъ отвратить такую неудачу, и послѣ у меня не много ихъ пропадало. Но къ несчастію, скоро безъ зову явилось солнце ко мнѣ въ гости:—оно показалось и отняло у меня скудное мое питье. Около полудня ни одной уже кап-

ли не было, и слѣды ихъ на вѣтвяхъ засохли.

«Доселѣ ухо мое не слыхало никакого отъ человѣка происходящаго движенія, кромѣ скорой ѣзды по недальней дорогѣ, которую почиталъ я большою дорогою, и потому я воображалъ, что Щ—нъ разъѣзжаетъ въ моей колескѣ. Теперь (это было около полудни), вдругъ испугалъ меня звукъ, который былъ для меня страшнѣе грома; я услышалъ лошадиный топотъ. Тогда я задержалъ духъ въ себѣ и прислушивался. По лугу вдоль и поперегъ скакалъ крестьянинъ, оглядывался вездѣ, взъѣхалъ на голый холмъ, съѣхалъ опять, и смотрѣлъ по всѣмъ кустамъ, наконецъ проѣхалъ онъ и возлѣ самаго убѣжища моего; но закрывающія вѣтви составляли непроникаемый заборъ передо мною: онъ не замѣтилъ меня и поскакалъ далѣе. Какъ по прежнему моему удостовѣренію, не было дороги черезъ этотъ покосъ, то крестьянинъ конечно былъ изъ тѣхъ, которыхъ разослали за мною въ погоню.

«Съ полчаса послѣ того показался другой крестьянинъ въ телѣжкѣ, на томъ же самомъ покосѣ; но проѣхалъ только поперегъ черезъ него и не оглядывался такъ, какъ прежній. Каждый разъ бросался я на земь, и только голову не много приподнималъ, дабы промежду ней видѣть всѣ его движенія.

«Послѣ полудня замѣтилъ я, что лѣсъ за мною не такъ далеко простирался, какъ я сначала думалъ; потому что я часто слышалъ проѣзжающихъ довольно близко, и одинъ разъ голоса трехъ или четырехъ рѣзвящихся крестьянскихъ дѣвокъ. Какъ онѣ, конечно, не изъ числа ищущихъ меня были, то я удостовѣрился, что должна быть недалеко дорога черезъ лѣсъ.

«Пять часовъ вечеру уже было, какъ я напугался несравненно болѣе прежняго: именно, я услышалъ, сначала вдали, а тамъ все ближе, гончихъ собакъ, ищущихъ съ громкимъ лаемъ, и, между тѣмъ, какъ онѣ переставали, голосъ, побуждающій ихъ. Я вспомнилъ Іосифа Пиньяту, котораго также послѣ побѣга его изъ инквизиціонной тюрьмы, травили гончими собаками. Конечно я зналъ, что въ Лифляндіи не травятъ людей собаками, что собаки не моего слѣда ищутъ, но заяцъ, или лисица, за которою онѣ гонятся, легко могли бы побѣжать черезъ самой тотъ кустарникъ, гдѣ я лежалъ; собаки могли бы меня найти, залаять на меня (а таковой лай, какъ я будучи самъ охотникъ, изъ опыту зналъ, совсѣмъ отличенъ отъ того, когда собаки ищутъ), и тогда, натурально, скачущіе за ними люди найдутъ меня. Одинъ разъ собаки были не далѣе какъ на двѣсти шаговъ отъ меня. Я сѣлъ на земь, закутался въ шинель, и предался моей участи, но по счастію, звѣрь повернулъ въ другую сторону, лай удалился и не слыхать уже было его такъ близко. По сіе время, не знаю, не для меня ли затѣяна была эта охота, но не безъ основанія думаю, что какъ объ эту пору еще не травятъ зайцевъ, а напротивъ, для молодыхъ всячески удерживаютъ собакъ, то вѣрно тогда на охоту выѣхали для меня.

Кромѣ страху отъ дѣйствительности, я долженъ былъ преодолѣвать и разныя мечты воображенія моего. Черный обгорѣвшій пень, въ вышину человѣка, торчавшій на покосѣ шагахъ въ двухъ стахъ отъ меня, почиталъ я разъ двадцать за человѣка; а какъ начало смеркаться, то воображеніе мое еще гораздо худшую шутку сыграло со мною. Мнѣ почудился шагахъ въ осмидесяти въ кустарникѣ дородный человѣкъ, въ зеленой лѣтней шляпѣ на головѣ и будто ружьемъ прицѣлился на меня. Я видѣлъ не только фигуру, платье, но различалъ явственно и черты лица, пріятныя, дружелюбныя. Почитавъ нѣсколько минутъ мечтаніе воображенія моего подлинностію, и думая, что человѣкъ принимаетъ меня за звѣря, я всталъ, скинулъ шинель, трогался съ мѣста на мѣсто, дабы его вывесть изъ заблужденія; пока я самъ наконецъ выведенъ былъ изъ своего собственнаго.

Вообще думаю я, что если бъ еще долѣе пробылъ въ лѣсу, то сдѣлалось бы разстройство въ разсудкѣ моемъ. Голова у меня горѣла, въ ушахъ у меня шумѣло и въ глазахъ сверкали искры; при томъ руки и ноги были у меня какъ ледъ холодны, все мое тѣло мокрехонько, и пульсъ бился

какъ въ судорогѣ. Я чувствовалъ, что не здоровъ, очень не здоровъ; и — сказать ли, что подкрѣпляло меня при всѣхъ этихъ страданіяхъ тѣла и души? Мысль о женѣ, доброй, любезной женѣ моей.—Когда только готова была потухнуть послѣдняя искрасилъ моихъ, тогда всякій разъ вспыхивала она отъ имени жены, которое я тихонько лепеталъ между губами. Иногда бормоталъ я при томъ еще имя моей Эммы, и каждый разъ ободрялся унывающій духъ мой. Но, конечно, эти милыя имена были только талисманъ для души, а истощенное тѣло сильно требовало пищи.

«Теперь былъ вечеръ субботы. Въ среду послѣ обѣда, на послѣдней станціи передъ Митавой, я впослѣдніе съѣлъ хлѣбъ съ масломъ, а на другое утро, въ Митавѣ, только сухарь. Во весь четвертокъ и пятницу я кромѣ ложекъ двухъ плохой курьерской похлебки ничего не ѣлъ, да и сегодня еще, выключая немногія дождевыя капли, ничѣмъне подкрѣплялъ себя. Я чувствовалъ, что непремѣнно долженъ въ скоромъ времени подкрѣпить себя пищею, чтобъ не свалиться, тутъ или на дорогѣ, безъ силъ.— Какая пустая вещь деньги! Со мною было рублей около семи сотъ, и я не могъ купить себѣ ни куска хлѣба!—Къ тому прибавить еще должно, что съ середы у меня и сна не было; ибо короткій безпокойный сонъ въ коляскѣ не укрѣпилъ меня.

«Когда стало темнѣе, пролетѣлъ надо мною бекасъ. Скрипъ и свистъ его произвелъ во мнѣ крайне прискорбное чувство. Весною всегда самая лучшая моя забава была ходить за бекасами; въ Германіи ихъ не много бываетъ, и потому я давно уже радовался тому, что, прибывъ въ Лифляндію, съ нѣсколькими пріятелями буду провожать веселые весенніе вечера на сторожѣ. Къ этому воспоминанію такъ жестоко разрушившейся надежды, съ быстротою молніи присоединились еще разныя другія, и я со вздохомъ смотрѣлъ бекасу вслѣдъ. Впрочемъ онъ напомнилъ мнѣ, что онъ никогда ранѣе солнечнаго заката не перелетаетъ, и потому пора мнѣ было выйдти изъ моего убѣжища.

«Я пошелъ въ ту сторону, гдѣ думалъ прямѣе выйдти на большую дорогу. Мнѣ должно было перейдти лѣсную дорогу, и я только что ступилъ на нее, какъ вдругъ показался длинный рядъ порожнихъ крестьянскихъ телѣгъ, ѣдущихъ скорою рысью. Я только что успѣлъ отскочить въ рѣдкій кустарникъ, едва ли на десять шаговъ отъ дороги, броситься наземь и предоставить рѣшить судьбѣ — замѣтятъ ли меня крестьяне. Они проѣхали мимо, а я продолжалъ путь свой въ предположенную сторону, но скоро узналъ, что я не только далѣе въ лѣсъ уходилъ, но что и шумъ, который я доселѣ почиталъ за волненіе Двины, былъ только шорохъ древесныхъ вершинъ, слышный мнѣ совсѣхъ сторонъ.—Что дѣлать? Идти ли въ темнотѣ по болотистой, непроложенной дорогѣ? Навѣрное предполагать я могъ, что если еще разъ въ тинѣ увязну, какъ поутру, то не достанетъ моихъ силъ выбиться изъ нея. Тогда долженъ я умереть съ голоду, холоду и ослабленія, и тѣло мое сдѣлается добычею волковъ. И такъ я старался воротиться назадъ на лѣсную дорогу, съ которой свернулъ, испугавшись крестьянскихъ телѣгъ. Но и это теперь не легко было, потому что уже стало очень темно, и не прежде, какъ черезъ добрые полчаса удалось мнѣ попасть на нее.

«Я скоро пошелъ по дорогѣ. Мнѣ казалось, какъ будто я сбиваюсь слишкомъ въ сторону, и подлинно такъ было: когда я послѣ многихъ извилинъ дошелъ наконецъ до большой дороги и на первой верстѣ въ темнотѣ кой-какъ разобралъ число, то увидѣлъ, что я едва въ трехъ верстахъ отъ корчмы, гдѣ оставилъ моихъ провожатыхъ. Такъ мнѣ еще надобно было идти добрыхъ четыре часа съ половиною, чтобъ добраться до Кокенгузена. Безъ подкрѣпленія это совсѣмъ не возможно было. Двина, шумѣвшая теперь дѣйствительно у ногъ моихъ, призывала меня; я соскочилъ въ нее, почерпнулъ воды шляпою, и утолилъ палящую меня жажду, съ нѣкоторою неосторожностію. Скоро почувствовалъ я ужасный рѣзъ въ животѣ и горло мое такъ болѣло и опухло, что я на силу могъ глотать. Но движеніемъ отъ ходьбы я надѣялся однакожъ все это перемочь. Я шелъ; но по большой дорогѣ еще показывались люди, и я не могъ продолжать безпрепятственно путь мой. То должно было мнѣ вдругъ сворачивать въ ближній кустарникъ, чтобъ скрыться отъ встрѣчающихся,

то обходить далеко кругомъ, чтобъ миновать корчму, въ которой слышалъ шумящихъ крестьянъ. Часто сторожевая собака, почуявъ меня, издали на меня лаяла и принуждала сворачивать далеко въ сторону; ибо не только по лаю собаки могли меня найдти, но у меня для обороны отъ лихой крестьянской собаки ничего не было, кромѣ маленькихъ ножницъ, которыя нечаянно нашелъ я въ карманѣ. Правда, я уже въ лѣсу вздумалъ отломить себѣ толстую дубину; но силъ у меня на то не было. Я надѣялся было на случай идти по берегу Двины; но весь берегъ занятъ былъ большими плотами, на которыхъ горѣли огни и ходили люди. Въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ должно было то прокрадываться по большой дорогѣ, то ползти кустарникомъ, то карабкаться по берегу; и такъ прибылъ я наконецъ съ трудомъ въ дачу Штокмансгофъ. Она лежитъ на холмѣ, по которому простирается садъ съ террасами до большой дороги, куда выходятъ рѣшетчатыя садовыя ворота. Въ домѣ на холмѣ видѣлъ я еще кой-гдѣ огонь; но въ верхнемъ жильѣ онъ скоро погасъ совсѣмъ, а въ нижнемъ осталось только нѣсколько освѣщенныхъ оконъ.

«Я попытался отворить защелку у воротъ,— онѣ отворились. Теперь стоялъ я въ нерѣшимости. Я чувствовалъ, что едва ли дойду до Кокенгузена: ибо я уже не шелъ, а шатался только, какъ хмѣльной; боль въ животѣ также не унялась, и опухоль въ горлѣ почти задушала меня. Наконецъ я вошелъ въ садъ, гдѣ аллея между высокими кустами шла прямо къ дому. Я вдали увидѣлъ бѣлую фигуру. Станется, думалъ я, что это прогуливающаяся женщина. Для меня бы теперь всего лучше было встрѣтиться съ нею; ибо въ женщинахъ обыкновенно состраданіе гораздо сильнѣе, и онѣ скорѣе помогаютъ, не взвѣшивая напередъ холодно каждое *но*. Я пошелъ прямо на эту фигуру; это былъ каменный Нептунъ въ бассейнѣ.

«Тутъ я опять остановился и размышлялъ. Снова представились мнѣ всѣ причины, которыя я поутру приводилъ себѣ противъ убѣжища въ этомъ домѣ. Я опять собрался съ силами, поспѣшно вышелъ изъ саду, и продолжалъ путь свой. Съ полверсты еще упорствовала душа моя противъ тѣла, но теперь вопіющая потребность его преодолѣла, и я не могъ далѣе брести. Изнуренный голодомъ, усталостію и болью, бросился я на песокъ и едва не предался отчаянію. Признаюсь, что тогда впервые представилась въ душѣ моей мысль о самоубійствѣ, и если бъ вмѣсто маленькихъ ножницъ, былъ у меня кинжалъ, который прежде обыкновенно бывалъ у меня въ дорогѣ въ карманѣ, то, можетъ быть, я самовластно прекратилъ бы жизнь свою. Но этотъ кинжалъ, я, прощаясь съ женой, отдалъ ей, думавъ тогда, что если въ Петербургѣ его у меня примѣтятъ, то — Богъ знаетъ, что подумаютъ. Тому бы, можетъ быть, никакъ не повѣрили, что я имѣлъ его для обороны, когда часто на цѣлыя мили уходилъ впередъ отъ своей кареты и когда злыя собаки легко могли напасть на меня. И такъ одна дальновидная предосторожность побудила меня вручить кинжалъ женѣ моей; и теперь еще благословляю я эту предосторожность: ибо «мудрый, говоритъ Сенека, не долженъ *торопливо* оставлять свѣтъ, хотя бы разумъ и повелѣвалъ умереть; онъ не убѣгаетъ, а отступаетъ.»

«Но—о Боже!—съ какими, по видимому, неважными бездѣлицами сопряжена судьба наша! Если бъ я поутру, въ ту минуту, какъ вылѣзалъ изъ окна, протянулъ только руку и взялъ лежавшій еще на столѣ хлѣбъ, то конечно онъ бы подкрѣпилъ меня къ выполненію перваго моего намѣренія. Теперь оставались мнѣ двѣ дороги: или на всякую опасность идти на дачу Штокмансгофъ, или до слѣдующаго утра опять искать убѣжища въ лѣсу. Послѣднее было совсѣмъ невозможно, ибо откуда бы я на другой вечеръ безъ всякаго подкрѣпленія взялъ болѣе теперешняго силъ? И такъ оставалось мнѣ только первое отчаянное средство, и отдохнувъ немного, потащился я съ трудомъ назадъ къ садовымъ воротамъ.

«Огонь еще сверкалъ въ нижнемъ этажѣ налѣво. Я пошелъ черезъ садъ, и взошедъ на двѣ террасы, былъ у другихъ воротъ, ведущихъ на дорогу между домомъ и садомъ, которые также были заложены только защелкою. Отворивъ ихъ тихонько, очутился я въ трехъ шагахъ отъ лѣстницы и сѣнныхъ дверей. Я взошелъ на лѣстницу, поворотилъ къ окну влѣво и посмотрѣлъ въ покой, откуда свѣтился огонь. Я увидѣлъ трехъ молодыхъ дѣвушекъ, конечно горничныхъ, которыя готовили

себѣ постели. Разъ десять изгибалъ я пальцы свои, чтобъ постучать въ окно, и разъ десять опять отнималъ ихъ. Однако жъ наконецъ, преодолѣло чувство совершенной безпомощности моей, я постучался: дѣло было уже сдѣлано.

«Одна изъ дѣвушекъ вышла со свѣчею, отворила сѣнныя двери и спрашивала, что мнѣ надобно? — Я охриплымъ голосомъ просилъ у нее куска хлѣба. — Она съ удивленіемъ на меня смотрѣла. Она была пригожая дѣвушка, съ доброжелательнымъ лицомъ, но весь мой видъ и робость натурально внушали ей подозрѣніе. Она сказала, что уже поздно: господа почиваютъ, и всѣ мужчины изъ слугъ спятъ уже, и потому она не можетъ мнѣ теперь достать хлѣба. — «Сжалься, моя милая!» отвѣчалъ я, «я весь день пробылъ въ лѣсу, не ѣлъ и не пилъ ничего и ни какъ не могу идти далѣе.»

— Боже мой! въ лѣсу? въ такую погоду? а зачѣмъ? — При этихъ словахъ она окинула меня съ головы до ногъ и потомъ съ робостію поотступила.

Я угадалъ ея мысли. «Не бойся ничего, сказалъ я, я не разбойникъ, не нищій. Вотъ у меня довольно денегъ; (я вынулъ кошелекъ мой изъ кармана и показалъ ей золотую мою часовую цѣпочку.) — Но участь моя плачевна; мнѣ надобно поговорить съ твоимъ господиномъ.»

— Онъ почиваетъ.

— «Здѣсь ли баронъ Левенштернъ?»

— Нѣтъ, онъ въ Кокенгузенѣ и завтра только пріѣдетъ.

— «Но семейство его?»

— Почиваетъ вверху.

«Здѣсь ли и дѣвица Платеръ? — (Эта дѣвица Платеръ прелюбезная молодая дама, живущая у Левенштерновъ и бывшая съ ними въ Лейпцигѣ.)

— Здѣсь.

— «Нельзя ли ее разбудить?»

— Я не смѣю. — Какъ я ее убѣдительнѣйшимъ образомъ просилъ, то совѣтовала она мнѣ, покамѣсть идти къ писарю и тамъ пробыть до утра. Но между этимъ разговоромъ я мало по малу пробрался въ комнату. Крайняя нужда заставила меня быть безчиннымъ, и я сказалъ, что съ мѣста не тронусь, и остануcь, на ночь на столвшей тутъ софѣ. Всѣ три дѣвушки были въ крайнемъ недоумѣніи, ибо между тѣмъ и тѣ обѣ подошли и любопытно осматривали меня.

Богъ знаетъ, чѣмъ бы еще кончилось это происшествіе, если бъ отъ происшедшаго шуму непроснулись камергеръ съ своею супругою, спавшіе возлѣ той комнаты направо. Госпожа Бееръ позвала дѣвушку. Я тотчасъ хватился въ карманъ, отдалъ ей писаное въ лѣсу письмо и просилъ ее вручить его своему барину. Она пошла, а я въ сомнительномъ ожиданіи бросился на софу.

«Черезъ нѣкоторое время дѣвушка пришла назадъ и сказала, чтобъ я не много подождалъ; она скоро достанетъ мнѣ кушанья, и баринъ ея тотчасъ самъ будетъ. Она ушла, а я остался опять одинъ на нѣсколько минутъ: — минутъ такихъ, которыя не должно считать по обыкновенному времени.

«Наконецъ вошелъ камергеръ, человѣколюбивый и довольно старый, но крайнее затрудненіе примѣтно было на лицѣ его. Я теперь не помню, что насказалъ ему тогда; это были только отрывистыя слова, а письмо мое увѣдомило его уже обо всемъ. Онъ просилъ меня быть спокойнымъ, и напередъ укрѣпить себя пищею и питьемъ; а послѣ мы посовѣтуемъ, сказалъ онъ, что можно сдѣлать. Вскорѣ пришла и супруга его. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ непонятную судьбу мою и видѣлъ состраданіе ихъ, однако жъ, не безъ примѣси удивленія, а, можетъ быть, и подозрѣнія, что я не совсѣмъ же правъ.

«Между тѣмъ поставили мнѣ всякаго холоднаго кушанья, и я съ жадностію проглотилъ нѣсколько кусковъ. Но какъ скоро первая, самая нудящая, потребность утолена была, то возобновилъ я просьбу мою о помощи и спасеніи, надѣясь получить ее, если камергеръ отошлетъ меня въ дальнія свои деревни, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, покможно будетъ взять другія мѣры. Я примѣтилъ ясно, что господинъ Бееръ колебался и клонился на мою сторону. На лицѣ супруги его также мелькала надежда для меня, какъ вдругъ вошелъ человѣкъ, о которомъ и теперь еще не могу вспомнить безъ крайняго отвращенія. Мнѣ представили господина Простепіуса — имя его что-то на это похо-

же (*)—изъ Риги, какъ пріятеля домашняго. Онъ самъ утверждалъ, что прежде зналъ меня; но я не могъ о немъ вспомнить. Читатель да вообразитъ себѣ его пригожимъ человѣкомъ, съ ласковѣйшею наружностію и самою учтивою холодностію въ лицѣ, который непріятнѣйшія вещи, раздирающія сердце другаго, могъ разсказать съ равнодушною улыбкою, какъ будто сообщаетъ радостнѣйшія вѣсти.

«Теперь свѣдалъ я, что Щ—нъ въ самомъ дѣлѣ былъ уже здѣсь въ крайнихъ суетахъ; что онъ повѣстилъ во всемъ околодкѣ, чтобъ меня поймали; что онъ въ тотъ еще день обѣдалъ на этой дачѣ и тотчасъ отправился въ Ригу, куда вѣроятно уже теперь пріѣхалъ. Г. Простеніусъ, не знавъ совершенно расположенія къ спасенію моему, объявилъ, что оно совсѣмъ неудобоисполнимо. Онъ утверждалъ, что камергеръ подвергнетъ себя опасности и такимъ образомъ отнюдь мнѣ помочь не можетъ; но, думалъ онъ, я все-де довольно времени выигралъ моимъ побѣгомъ, и меня теперь должно подъ вѣрнѣйшимъ присмотромъ отправить въ Ригу. Тамошній губернаторъ ни о чемъ несвѣдущъ; и потому непремѣнно долженъ будетъ донести обо мнѣ въ Петербургъ, а тамъ можетъ многое перемѣниться.

«Камергеръ, которому г. Простеніусъ не давалъ до сихъ поръ слова выговорить, а какъ будто предписалъ ему все, что ему дѣлать или не дѣлать, теперь для утѣшенія моего перебилъ: да вы можете отсюда написать къ Государю.

«Могу ль я это? возразилъ я тотчасъ.

—О конечно! сказалъ Бееръ; и я даже беру на себя доставить эту просьбу черезъ двоюроднаго моего брата, генерала Ребиндера, теперешняго коменданта петербургскаго.

«Я усердно благодарилъ его за его доброе намѣреніе. Любезный г. Простеніусъ хотя и тутъ думалъ было дѣлать возраженія однако жъ дѣло при этомъ осталось.

—Но, спросилъ ласковый дѣтина, чего жъ вы впрочемъ боитесь ѣхать въ Тобольскъ? —Я посмотрѣлъ на него и горько усмѣхнулся. — Не шутя, продолжалъ онъ. туда посылаютъ многихъ людей и, сказываютъ, что тамъ теперь очень хорошее общество.

«Я не требую никакого другаго общества, сказалъ я, кромѣ жены моей и дѣтей.»

—Какимъ же образомъ васъ отправили? спросилъ онъ далѣе.

«Я отвѣчалъ ему, что надворный совѣтникъ Щ. изъ Петербурга и сенатскій курьеръ провожали меня.

—А другаго караула не было? Безъ солдатъ?

«Нѣтъ.»

—Ну, извольте видѣть, съ какою честію! чего жъ вы еще хотите?... Надобно покориться тому, продолжалъ онъ, увидя, что представленіе такой чести не дѣлало никакого впечатлѣнія во мнѣ: вѣдь вы философъ?

«Я мужъ и отецъ!» отвѣчалъ я.

«Г. Простеніусъ улыбнулся, у госпожи Бееръ навернулись на глазахъ слезы; камергеръ напомнилъ, что уже поздно и что мнѣ нужно укрѣпиться сномъ, дабы завтра съ новыми силами отправиться обратно въ Ригу. Не знаю, отчего мнѣ совсѣмъ не противна была мысль, ѣхать назадъ въ Ригу. Послѣ, конечно, чувствовалъ я, что это въ самомъ дѣлѣ было только обольщеніе сердца моего, мечтавшаго быть счастливымъ вблизи жены и дѣтей. По настоящему же, все равно было, тутъ ли бы меня тотчасъ выдали Щ—ну, или еще бы опять послали въ Ригу.

—Во флигелѣ, сказалъ камергеръ, стоитъ готовая постель; пожалуйте, извольте на ней почивать.

«Я пошелъ. Вышедъ изъ сѣнныхъ дверей примѣтилъ я, что меня около полудесятка крестьянъ провожали на маломъ разстояніи до флигеля. Я подумалъ, что это было изъ любопытства, и не воображалъ, чтобъ вліяніе г-на Простеніуса могло склонить благородномыслящаго человѣка сдѣлать тюрьму изъ гостиной своей.

«Въ спальной комнатѣ нашелъ я нѣсколько занятыхъ уже постелей, гдѣ всѣ крѣпко спали. Не заботясь болѣе объ нихъ, я пошелъ тотчасъ къ назначенной для меня. Раздѣваясь, примѣтилъ я, что ставни снаружи закрывали. Какъ я никогда не могъ терпѣть спать такъ, какъ бы въ мѣшкѣ, то просилъ уволить меня отъ этой учтивости; ибо я считалъ, что это потому дѣ-

(*) Его не такъ звали, какъ я узналъ послѣ: но — зачѣмъ мнѣ его называть?

лается. (Обыкновенно думаютъ, затворивъ ставни, доставить черезъ это гостямъ продолжительный и покойный утренній сонъ.) Но человѣкъ вышелъ изъ комнаты, не отвѣчая мнѣ; а на дворѣ продолжали все затворять, дабы я не выскочилъ въ другой разъ изъ клѣтки.

«Отъ совершеннаго изнуренія я скоро погрузился въ безпокойный, но до пяти часовъ утра продолжавшійся, сонъ. Пробудясь, я тотчасъ вздумалъ о прошеніи Государю. Я всталъ, одѣлся, сѣлъ къ столу, на которомъ нашелъ чернила, и писалъ, что внушали мнѣ сердце мое, невинность и возмущенное чувство. Во время моего занятія, принесъ мнѣ слуга завтракъ, а прочіе спавшіе въ этой комнатѣ встали. Я ни о чемъ не заботился; кончивъ прошеніе къ Государю, написалъ письмо къ графу Палену, третье къ графу Кобенцелю, австрійскому посланнику въ Петербургѣ, и наконецъ четвертое къ милой женѣ моей. Я было началъ уже пятое къ генералъ-прокурору, какъ ласковой г. Простеніусъ съ гадкой рожей вошелъ ко мнѣ и, улыбаясь, увѣдомилъ меня, что вчерашнее намѣреніе наше послать меня въ Ригу, разрушилось оттого, что сейчасъ явился Щ—нъ и требуетъ меня.

«Такъ меня ему выдадутъ?

«Онъ пожалъ плечами. Что дѣлать?... Даже и прошеніе къ Государю не можетъ камергеръ никакъ доставить черезъ брата своего, генерала Ребиндера.

«Но онъ мнѣ это не одинъ разъ самъ собою обѣщалъ!»

— Онъ не смѣетъ, чтобъ самому не попасть въ бѣду; онъ долженъ будетъ послать прошеніе къ рижскому губернатору, который доставитъ его куда слѣдуетъ.

«А прочія письма?»

—Къ супругѣ вашей письмо пойдетъ также черезъ губернаторскія руки; а прочія совѣтывалъ бы я вамъ теперь оставить. —При этихъ словахъ онъ взялъ прошеніе къ Государю и письмо къ женѣ моей, и пропалъ. Что съ ними сдѣлано, того и теперь не знаю. Можетъ быть, г. Простеніусъ жестокосердіемъ своимъ оказалъ мнѣ великую услугу.

«Два письма, къ графамъ Палену и Кобенцелю, остались въ моихъ рукахъ. Я тогда былъ одинъ съ молодымъ человѣкомъ, ночевавшимъ въ той же комнатѣ, и въ чертахъ лица его видѣлъ доброжелательство и состраданіе. Я поспѣшно оборотился къ нему. «Если у васъ человѣческое сердце, говорилъ я, отдайте эти письма на почту.» —Онъ оторопѣлъ и какъ будто опасался. «Письма не запечатаны, продолжалъ я: прочтите сами невинное ихъ содержаніе, запечатайте сами какою нибудь простою печатью.» Онъ обѣщалъ мнѣ, что если и не тотчасъ это сдѣлаетъ, то когда минуется первая тревога, выполнитъ, что только въ силахъ будетъ. —Сдержалъ ли онъ слово? Не знаю. Имѣлъ ль письма какое дѣйствіе? Не знаю, а потому, что не знаю, я и сомнѣюсь.

«Молодой человѣкъ, лѣтъ осьмнадцати или двадцати, котораго я по лицу принялъ за сына барона Левенштерна, вошелъ теперь и наскоро прибралъ со стола бумагу и чернила, для того, говорилъ онъ, что Щ—нъ, котораго по сіе время удерживали, тотчасъ сюда будетъ. Онъ спросилъ меня, не нужно ли мнѣ что надорогу? Я попросилъ не много кремортартару. Онъ вышелъ. Тотчасъ за нимъ явился Щ—нъ съ курьеромъ. Онъ ласково поклонился мнѣ и никакого упреку не сдѣлалъ. Я сказалъ ему, какъ думалъ: чтобъ онъ извинилъ мою недовѣрчивость, что я натурально долженъ былъ повѣрить болѣе губернатору курляндскому, нежели ему, совсѣмъ мнѣ незнакомому человѣку. Онъ, по видимому, доволенъ былъ моимъ извиненіемъ, всю вину слагалъ на неумѣстное человѣколюбіе губернатора. —Я видѣлъ, что онъ вынулъ записную свою книжку, далъ карауливщимъ меня крестьянамъ сто рублей. Если вы думаете, сказалъ я, что эти крестьяне меня поймали, то ошибаетесь; я самъ собою пришелъ. —Онъ, не удостоивъ меня отвѣта, со вздохомъ отдалъ сто рублей.

«Когда онъ потомъ вышелъ для распоряженія всего къ немедленному нашему отъѣзду, вошла добрая дѣвушка, которая въ прошедшій вечеръ первая со мною говорила, и озираясь безпокойно, шепнула что-то господамъ, тутъ еще бывшимъ. Они тотчасъ ушли, а она тогда поспѣшно подала мнѣ, отъ имени своей госпожи, холстинный мѣшечекъ съ двумя тесемками, и просила, чтобъ я тотчасъ обвязалъ около тѣла. Тутъ зашито сто рублей, говорила она. Васъ станутъ обыскивать и отни-

муть всѣ деньги. Съ этими словами она ускользнула въ дверь.

«Я не совсѣмъ понялъ, чего она хотѣла: однако жъ машинально сдѣлалъ то, что она сказала, и только что успѣлъ, какъ Щ—нъ опять вошелъ.

«Добрая, благородная женская душа, толь усердно пособившая мнѣ въ нуждѣ! Понынѣ еще храню я въ цѣлости этотъ мѣшечекъ, какъ память твоего человѣколюбія.—Всегда, какъ я смотрю на него, омочаются глаза мои слезами, и я съ тихою горестію вспоминаю, что въ самое страшное время жизни моей благородная душа чувствовала состраданіе ко мнѣ. Этотъ шовъ, шитый на-скоро вспомогательною рукою для подаянія хотя нѣкотораго утѣшенія несчастному, распорется ножемъ моимъ только въ самой крайней нуждѣ. Я съ тѣхъ поръ часто имѣлъ недостатокъ и лишался всѣхъ привычныхъ удобностей; но никогда не могъ рѣшиться дотронуться до этой священной вещи. Это моя ладонка, съ нею сопряжено благословеніе доброй матери: и я не теряю еще надежды, что нѣкогда возвращу ее въ ея руки. Тогда слезами благодарности заплачу ей проценты за ея вспоможеніе!

«Настала минута отъѣзда. Молодой Левенштернъ принесъ мнѣ, кромѣ просимаго лекарства, еще тулубъ, суконную шинель, пару бумажныхъ колпаковъ, пару сапоговъ и Богъ знаетъ, что еще. Я обнялъ его и просилъ его только увѣдомить жену о моей участи. Онъ мнѣ свято обѣщалъ это. Слезы, навернувшіяся на глазахъ его, ручались мнѣ въ томъ, что онъ сдержитъ слово. Со всѣмъ жаромъ перваго неиспорченнаго чувства и съ полною довѣренностію къ другихъ людямъ, часто толь обманчиво внушаемою этимъ чувствомъ, взялъ онъ руку Щ—на, и умолялъ его поступать хорошо со мною и не мстить мнѣ за покушеніе къ побѣгу. Щ—нъ отвѣчалъ учтивостію. точно такъ, какъ онъ отвѣчалъ женѣ моей.—Добродушная горничная, коей лицо незабвенно для меня, стояла у окна и плакала.—Г. Простеніусъ, сдѣлавъ свое дѣло, не казался болѣе, по крайней мѣрѣ я его болѣе не замѣтилъ, и прочіе жители дачи совсѣмъ не показывались.—Запряженная *телѣга* стояла у флигеля, а коляска моя осталась на станціи.

Теперь посадили меня съ вещами моими на открытую телѣгу; любопытная толпа зѣвала на меня, и не многіе жалѣли обо мнѣ.—Щ—нъ подсѣлъ ко мнѣ, курьеръ за мною, и черезъ часъ пріѣхали мы опять на станцію на витебской границѣ.»

Такъ неудачно кончилось покушеніе къ побѣгу—и къ счастію Коцебу. Еслибъ онъ могъ убѣжать, то его невинность никогда бы не открылась, и на немъ осталось бы пятно подозрѣнія. По пріѣздѣ въ Тобольскъ, Коцебу съ ужасомъ узналъ, гдѣ его пошлютъ еще далѣе, въ Курганъ. Тамъ, живя между надеждою и страхомъ, онъ написалъ записки о происшествіи, которое мы разсказываемъ, и потомъ издалъ ихъ, подъ заглавіемъ: *Достопамятный годъ моей жизни.* (*)

Очень любопытны путевыя замѣтки Коцебу, и разсказы его о томъ, что видѣлъ онъ въ Сибири; но они не касаются до нашего предмета, и безполезно увеличили бы нашу статью, въ которой мы хотимъ только познакомить читателей съ плодовитымъ драматическимъ писателемъ.

Минута освобожденія настала для него вовсе неожиданно, по особенному случаю, котораго никто не могъ предвидѣть. Весною 1801 года, курьеръ повезъ его въ Петербургъ, гдѣ онъ встрѣтился съ женою и дѣтьми. Самъ онъ говоритъ въ своихъ запискахъ:

«Августа 13-го получилъ я копію съ указа, по которому Государь пожаловалъ мнѣ въ Лифляндіи находящуюся казенную дачу Воррокюль, безъ всякихъ повинностей. Эта дача, въ которой около 400 душъ мужескаго пола, съ покойнымъ домомъ и всѣми желаемыми угодьями, доставляющая мнѣ 4000 рублей серебромъ ежегоднаго откупу, есть подлинно царскій даръ и при томъ неопровергаемое доказательство невинности моей.

«Теперь бы я охотно желалъ ѣхать опять въ Германію, чтобъ забыть сонъ страданій моихъ; но друзья мои основательно не совѣтывали мнѣ просить о позволеніи на то. Я послушался ихъ совѣта и въ благодареніи моемъ къ Государю, въ Гатчину по-

(*) Записки его переведены на русскій языкъ и изданы въ Москвѣ въ 1806 году.

сланномъ, упомянулъ только, что намѣренъ ѣхать въ деревню, дабы тамъ въ тишинѣ наслаждаться Его щедротами.

«Письмо мое произвело самое неожидаемое дѣйствіе. На другой же день поутру получилъ я отъ статсъ-секретаря, господина тайнаго совѣтника Брискорна, слѣдующій кабинетскій указъ:

«Имѣвъ счастіе читать Его Императорскому Величеству благодарительное ваше письмо, получилъ я Высочайшее повелѣніе заготовить указъ объ опредѣленіи васъ Директоромъ Придворнаго Нѣмецкаго Театра, съ чиномъ надворнаго совѣтника и тысячью двумя стами рублей жалованья; когда же дошелъ до того мѣста въ письмѣ вашемъ, гдѣ вы изъясняете намѣреніе ваше ѣхать въ деревню, то Его Величеству благоугодно было повелѣть мнѣ истребовать отъ васъ соглашеніе ваше на вышепомянутое опредѣленіе. Исполняя симъ долгъ мой, прошу васъ незамедлительно увѣдомить меня, согласны ли вы принять Всемилостивѣйшее предложеніе Всеавгустѣйшаго нашего Государя; увѣряя васъ впрочемъ объ отличномъ почитаніи, и проч.

Брискорнъ.»

Приписка. По дирекціи вашей будете состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ господина оберъ-гофмаршала Нарышкина.

«Недоумѣніе мое при полученіи письма было также велико, какъ испугъ. Мнѣ должно опять принять дирекцію театра?— *Мнѣ*, когда уже и въ Вѣнѣ, при самой дружеской связи съ праводушнымъ барономъ Брауномъ, она мнѣ наскучила; когда я часто себѣ и женѣ моей клялся, что никакія розы никогда опять не заманятъ меня на эту терновую дорогу; когда по многимъ опытамъ зналъ, что самые достойнѣйшіе актеры часто, къ горю, бываютъ самые дурные люди; что одно охуждающее слово противъ актера, хотя бъ ты прежде его до небесъ превозносилъ, заставляетъ быть непримиримѣйшимъ врагомъ твоимъ, хотя онъ самъ же часто со всѣми признаками откровенности и скромности просилъ о твоемъ сужденіи; что большая часть актеровъ и даже лучшіе изъ нихъ любятъ въ себѣ не *искусство*, но только *искусника*. Однако жъ какое отступленіе заставилъ меня сдѣлать двадцати лѣтній, часто горкій опытъ! Довольно! скажу только словами Шекспира: *Тщеславіе — настоящее имя твое, актеръ!*

«Должно мнѣ было принять начальство надъ театромъ, который содержатель, по имени Мире, составилъ изъ остатковъ бродящихъ труппъ, и нѣкоторыми изъ Германіи выписанными членами хотя поправилъ, но по истинѣ еще не довелъ до совершенства! До сихъ поръ поддерживало его общество купцовъ взносами, но теперь онъ близокъ былъ къ разрушенію. По представленію графа фонъ-деръ Палена, Государь рѣшился принять ихъ на свой счетъ. По несчастію, возвращеніе мое случилось въ самое это время, и потому натурально было, что Государю пришло на мысль поручить мнѣ управленіе новаго Его придворнаго театра. Явно, что благоволеніе и желаніе сдѣлать мнѣ пріятное, внушили Ему это; труднѣе было отклонить милость.

«Однако жъ я старался, самыми тонкими изворотами, какіе только выдумать могъ, какъ нибудь отдѣлаться, и равно сильными выраженіями изъявить, какъ признательность мою, такъ и неохоту. Но все было напрасно! Вмѣсто того получилъ я копіи съ трехъ указовъ, изъ коихъ по одному, данному оберъ-гофмаршалу, назначенъ я былъ директоромъ, по другому сенату, пожалованъ надворнымъ совѣтникомъ, а по третьему указано было получать мнѣ жалованье изъ Кабинета. Къ сему, по видимому, небольшому жалованью присовокуплялись еще 1800 рублей изъ кассы придворнаго театра на экипажъ, и сверхъ того опредѣлена мнѣ, сверхъ дровъ и свѣчь, прекрасная, просторная квартира. Въ экономическомъ отношеніи, долженъ съ благодареніемъ признаться, я царски былъ обезпеченъ, получая вдругъ ежегодно, со включеніемъ откупа съ дачи моей, по меньшей мѣрѣ, 9000 рублей, и сверхъ того назначенъ былъ мнѣ сборъ отъ втораго представленія всѣхъ моихъ новыхъ піесъ, отчего также доходъ мой пѣ-

сколькими тысячами умножился.(*) Но—надобно ль мнѣ было все это? Можно ль за золото получить покой, довольство, здоровье? — Не имѣлъ ли я въ Іенѣ и Веймарѣ не столь великолѣпную квартиру, не столь богатое, но достаточное, содержаніе? — А наконецъ — что всего болѣе! — тамъ была мать моя, любви которой обязанъ я всѣмъ моимъ образованіемъ, ожидавшая меня съ крайнимъ нетерпѣніемъ, дабы я веселилъ немощную ея старость! —

Но всѣ мои желанія и разсужденія должны были покориться необходимости. Я послѣдовалъ судьбѣ своей и вступилъ въ должность.

Не-за-долго передъ тѣмъ изъ тайной экспедиціи возвратили мнѣ всѣ мои на границѣ отнятыя бумаги. Все до листочка было цѣло, и я долженъ здѣсь съ признательностію упомянуть о крайне важномъ обстоятельствѣ.

«Какъ я въ дальнемъ моемъ заточеніи ни увѣренъ былъ, что во всѣхъ моихъ бумагахъ нѣтъ ни одной строчки, которая могла бъ подать поводъ къ строгому со мною обращенію; однако жъ точно была тамъ строка, которая, если бъ попалась на глаза Государя, можетъ быть, усугубила бы мое несчастіе, или, конечно бы, продлила его. Эта строка находилась въ дневной моей запискѣ, веденной въ Вѣнѣ. И тамъ, пока короче меня узнали, подозрѣвали меня якобинцемъ. Вскорѣ по прибытіи моемъ въ Вѣну объяснилъ я опасенія мои о томъ барону Брауну, который однако жъ успокоилъ меня увѣреніемъ, «что императоръ Францъ крайне правосуденъ, и никакого обвиненнаго не осудитъ безъ строжайшаго изслѣдованія.» Относительно къ этимъ словамъ написалъ я въ денной запискѣ своей нѣкоторыя, не очень осторожныя слова.

«Я совсѣмъ забылъ эти несчастныя, конечно, жестокія слова. Можно себѣ представить ужасъ мой, когда они, при разбираніи бумагъ моихъ, попались мнѣ на глаза! Но да представятъ себѣ и трогательную радость мою, когда я притомъ примѣтилъ, что благородная, доброжелательная рука такъ густо *помарала* эту строку чернилами, что и я самъ едва могъ угадать, что тутъ было! господинъ статской совѣтникъ Макаровъ вообще пріобрѣлъ себѣ уваженіе и похвалу; часто собственныя его слезы текли вмѣстѣ со слезами несчастныхъ. Не знаю, ему ли, или господину статскому совѣтнику Фуксу, или кому третьему поручено было разсмотрѣніе бумагъ, и при всемъ моемъ стараніи, я того ни какъ свѣдать не могъ. И такъ я долженъ удовольствоваться тѣмъ, чтобъ гласно предъ свѣтомъ и тихо предъ Богомъ изъявить мою признательность. Счастіе мое, что я попалъ въ руки этого благороднаго неизвѣстнаго!

«Впрочемъ нашелъ я кой-гдѣ многія неважныя мѣста въ бумагахъ моихъ подчеркнутыя карандашемъ; но ничего такого, что бы могло вредить мнѣ, а только разныя статистическія замѣчанія, анекдоты и тому подобное, все такое, что я записалъ для памяти, и при чемъ дѣлалъ свои разсужденія.

«Читатель, конечно, какъ и я самъ, любопытенъ узнать, *какому* благопріятному обстоятельству я подлинно обязанъ моимъ освобожденіемъ. Оно не послѣдовало по отправленной отъ меня изъ Тобольска просьбѣ къ Государю, ибо везшій мою просьбу, около Казани встрѣтился уже съ курьеромъ, который за мною былъ посланъ. — Здѣсь сообщу я, что собралъ о томъ изъ достовѣрныхъ извѣстій.

«Четыре недѣли, такъ увѣряютъ, лежали бумаги мои безъ напамятованія о несчастномъ, который за эти неразсмотрѣнныя бумаги страдалъ уже въ заточеніи. Наконецъ Государь спросилъ о содержаніи ихъ; тогда должно было доложить о томъ, и невинность этихъ бумагъ, конечно, была первою причиною къ перемѣнѣ мыслей Государя. Но добрый геній мой присоединилъ къ тому еще другое обстоятельство, которое случилось въ благопріятнѣйшее для меня время.

«Маленькую драму: *Лейбкучеръ Петра Третьяго*, которую написалъ я за четыре года отъ чистой радости о благодушномъ дѣлѣ Императора, ни мало не думая, какое важное вліяніе она нѣкогда имѣть будетъ на судьбу мою — эту маленькую драму теперь только молодой человѣкъ, *Краснопольскій*, перевелъ по-русски. Онъ желалъ посвятить ее Государю, и для того спрашивал-

(*) Въ одномъ листѣ газеты: Zeitung für elegante Welt сказано было, что я въ бытность мою въ Петербургѣ, получилъ *шестьнатцать* бенефисовъ; но я знаю только *шесть*, въ которые собралъ не многимъ болѣе трехъ тысячъ рублей.

ся многихъ сильныхъ особъ. Но ему этого не совѣтовали; по крайней мѣрѣ говорили, чтобъ онъ не ставилъ моего имени въ заглавіи, какъ это има все можетъ испортить.

«Праводушный молодой человѣкъ не посмотрѣлъ ни на что. Піеса эта, говорилъ онъ, *моя;* онъ не можетъ убирать себя чужими перьями, и слѣдовательно мое имя должно остаться. Находя затрудненія въ поднесеніи, послалъ онъ ее отважно по почтѣ на имя Государя.

«Она произвела сильное впечатлѣніе на Государя. Онъ читалъ ее, былъ тронутъ и доволенъ, повелѣлъ тотчасъ послать переводчику дорогой перстень, — однако жъ думалъ, чтобъ манускриптъ не печатать. Черезъ нѣсколько часовъ Онъ потребовалъ ее въ другой разъ, просмотрѣлъ еще, и позволилъ печатать, съ выпущеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, между коими — и *то* было, гдѣ старый Лейбкучеръ говоритъ: «Государь мнѣ поклонился! Онъ кланяется всѣмъ честнымъ людямъ!» — Въ тотъ же день потребовалъ Онъ піесу въ третій разъ, еще просмотрѣлъ ее и позволилъ тогда печатать безъ всякой перемѣны. «Мнѣ, говорилъ Онъ, мнѣ долженъ Онъ удовлетворить, и по крайней мѣрѣ подарить столько жъ, сколько подарилъ старому Лейбкучеру (*).» Тотчасъ отправленъ былъ курьеръ за мною.

«Вскорѣ потомъ получено было прошеніе мое изъ Тобольска. Государь прочелъ его съ начала до конца, и слѣдствіемъ того было отъ нѣжнаго чувства происходящее повелѣніе эстляндскому губернатору: Выбрать для меня *прекрасную* казенную дачу въ сосѣдствѣ моего *Фриденталя.*» И такъ Онъ не только *жаловать* хотѣлъ, но и самымъ пріятнѣйшимъ для меня образомъ. Конечно неоспоримо, что эта черта происходила отъ нѣжно чувствующаго сердца. — Близь Фриденталя, однако жъ, не нашлось такой казенной дачи.

«Вотъ все, что я съ достовѣрностію могъ узнать о причинахъ освобожденія моего. Если бъ столько жъ свѣдалъ о причинахъ арестованія! Но сомнѣваюсь, чтобъ когда либо рука времени открыла эту завѣсу.

(*) Двадцать тысячь рублей.

«Однажды, 16-го декабря, поутру въ восемь часовъ, графъ фонъ деръ Паленъ прислалъ ко мнѣ полицейскаго офицера съ приказаніемъ тотчасъ къ нему явиться.

«Когда я пришелъ къ графу фонъ деръ Палену, онъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: Государь хочетъ обнародовать вызовъ на каруселъ всѣхъ европейскихъ государей и министровъ ихъ. Вы должны его написать, а потомъ онъ помѣщенъ будетъ въ газетахъ. Надобно, чтобъ черезъ часъ онъ былъ готовъ; Государь повелѣлъ, чтобъ я лично представилъ ему вами написанное.

«Я повиновался и черезъ часъ принесъ вызовъ. Графу, лучше знавшему мысли Государя, показался онъ не довольно колкимъ. Я сѣлъ въ кабинетѣ его, и написалъ другой, который показался ему лучше. Теперь поѣхали мы во дворецъ. Въ первый разъ должно было мнѣ предстать предъ того человѣка, который для меня строгостію и щедротами, страхомъ и радостію, горестію и благоларностію, сталъ такъ достопамятенъ.

«Долго ждали мы въ передней. Государь поѣхалъ верхомъ прогуляться; наконецъ Онъ пріѣхалъ. Графъ Паленъ пошелъ къ нему съ бумагою, — пробылъ довольно долго, вышелъ съ досадою, и мимоходомъ сказалъ мнѣ: Приходите ко мнѣ въ два часа; надобно написать еще колче.

«И такъ я поѣхалъ домой въ полной увѣренности, что не пріобрѣту благоволенія Государя. Едва я пробылъ съ полчаса дома, какъ придворный лакей, запыхавшись, вбѣжалъ въ мою комнату и сказалъ, чтобъ я сейчасъ явился къ Государю.—Я спѣшилъ, сколько могъ.

«Я вошелъ въ Государевъ кабинетъ, гдѣ кромѣ Его, былъ только графъ Паленъ. Онъ всталъ изъ-за стола Своего, выступилъ нашагъ ко мнѣ и, поклонясь, сказалъ неизъяснимо привлекательнымъ тономъ: «Господинъ Коцебу, я долженъ напередъ помириться съ вами.»

«Меня крайне разстрогалъ такой неожидаемый пріемъ. Какую волшебную силу имѣютъ Государи — *Милость!* — Все прошедшее истребилось изъ сердца моего.

«По обряду, хотѣлъ я, ставъ на колѣни, поцаловать руку у Государя; но Онъ ласково поднялъ меня, поцаловалъ меня въ лобъ и продолжалъ чисто по нѣмецки:

«Вамъ довольно-извѣстны политическія обстоятельства. Я желаю, чтобъ это—(у Него въ рукѣ была бумага) — помѣщено было въ гамбургскихъ и другихъ газетахъ.»

Потомъ взялъ Онъ меня снисходительно за руку, повелъ къ окну и прочелъ по французски собственноручно написанную бумагу.

При концѣ Онъ Самъ отъ всего сердца засмѣялся. И я обязанъ былъ смѣяться.

«Чему вы смѣялись? спросилъ Онъ меня два раза наскоро, все еще Самъ смѣясь. —

Тому, что Ваше Величество такъ хорошо обо всемъ знаете, отвѣчалъ я.

«Вотъ, вотъ! сказалъ Онъ, подавая мнѣ бумагу: переведите это. Оставьте у себя подлинникъ, Мнѣ принесите копію.»

Я пошелъ и сталъ переводить. — Въ два часа по полудни я опять поѣхалъ во дворецъ, и графъ Кутайсовъ доложилъ обо мнѣ Государю. Меня тотчасъ впустили и теперь нашелъ я Его одного.

«Садитесь, сказалъ Онъ очень ласково. Изъ благоговѣнія я не тотчасъ повиновался. «Нѣтъ, нѣтъ, садитесь!» повторилъ онъ нѣсколько важно. И такъ я взялъ стулъ и сѣлъ противъ него у письменнаго стола.

Онъ взялъ французскій подлинникъ. «Прочтите.» Я читалъ не скоро, и взглядывалъ иногда черезъ бумагу. Онъ кивалъ головою въ знакъ одобренія; потомъ благодарилъ меня ласково и сердечно за такой малой трудъ, и отпустилъ истинно разстроганнаго и восхищеннаго снисходительнымъ Его обращеніемъ. Когда только бывалъ кто близокъ къ Нему, тотъ подтвердитъ, что Онъ умѣлъ чрезвычайно плѣнять, и трудно, да почти и невозможно было не быть къ Нему приверженнымъ.

Мнѣ подарилъ онъ черезъ два дня послѣ того табакерку, осыпанную брилліантами, цѣною около двухъ тысячь рублей. Вѣрно никогда не заплаченъ былъ щедрѣе переводъ слово въ слово двадцати строкъ!

Императрицѣ сказывалъ Онъ, что познакомился со мною. C'est à present un de mes meilleurs sujets. (*) Я это знаю отъ человѣка, при томъ бывшаго. — Не знаю, почему Государь почиталъ меня теперь лучшимъ подданнымъ, нежели до поѣздки моей въ Сибирь.

«Были люди, которые осуждали меня, что я не воспользовался прекраснымъ случаемъ, просить Государя о новыхъ щедротахъ. Правда, Онъ Самъ какъ будто ожидалъ такой просьбы; снисходительно милостивый взоръ Его какъ будто ободрялъ меня къ тому; но чувство мое не дозволяло того и, можетъ быть, я никогда не буду жалѣть о томъ, что тутъ потерялъ.

«Послѣ того разговора видѣлъ я множество опытовъ милости Государевой; когда только встрѣчался я съ Нимъ на улицѣ, Онъ всегда останавливался и съ минуту благоволительно со мною разговаривалъ. Ко мнѣ остался Онъ по кончину Свою всегда одинаковъ, милостивъ, снисходителенъ и благодушенъ. Признаюсь, что слезы мои льются, усыпая этими цвѣтами благодарности гробъ Его! —

Въ январѣ назначили французскіе актеры играть въ *Эрмитажѣ* Ненависть къ людямъ и раскаяніе. Извѣстно, что съ прежнихъ временъ въ этотъ тѣсной кругъ двора, кромѣ офицеровъ гвардіи, имѣютъ доступъ только четыре первые класса; но Государь для меня сдѣлалъ исключеніе, и повелѣлъ именно пригласить меня въ театръ. Съ того времени я имѣлъ свободный входъ всегда, когда только играли въ Эрмитажѣ.

«Легко себѣ представить, что сердце мое билось, когда я шелъ къ представленію Ненависти къ людямъ и раскаянія. Отличной игрѣ госпожи Вальвиль, въ роли Эйлаліи, обязанъ я особенно, что Государь чрезвычайно былъ тронутъ. Болѣе нежели семидесятилѣтній Офренъ, который славенъ и въ Германіи, игралъ старика. — Государь сидѣлъ за самымъ оркестромъ и во все время представленія Мальтійскій гвардеецъ стоялъ за его креслами.

Если бы, при всемъ благорасположеніи и отличіи начальника моего, оберъ-гофмаршала Нарышкина, коего обращеніемъ я съ признательностію похвалиться долженъ, премножествомъ досадъ не надоѣдала мнѣ моя личная дирекція театра, то бы я могъ утверждать, что велъ въ то время счастливую жизнь: ибо я составилъ себѣ небольшой, любезный кругъ, и пріобрѣлъ *не многихъ* друзей: *немногихъ*

(*) Онъ теперь изъ лучшихъ моихъ подданныхъ.

только, однако жъ они стоили *многихъ*. Въ числѣ ихъ былъ коллежскій совѣтникъ *Шторхъ*, всякому образованному Нѣмцу извѣстный писатель, котораго я сверхъ того еще почитаю преблагороднымъ, чувствительнымъ человѣкомъ; также праводушный статскій совѣтникъ *Сутгофъ*, съ любезною его супругою; статскій совѣтникъ *Вельцинъ*, особенно любезный человѣкъ. У насъ бывали вечеринки, гдѣ проводилъ я часы, которые долго еще въ радостно-горестной памяти у меня пребудутъ. О, я увѣренъ, что и эти друзья мои часто будутъ вспоминать обо мнѣ въ дружескихъ своихъ собраніяхъ!

«Но и отъ тягостной театральной дирекціи я вдругъ случайно пріятнѣйшимъ образомъ избавился. Государь перешелъ зимою изъ такъ называемаго *Зимняго* въ новый, такъ называемый Михайловскій дворецъ, стоившій отъ 15 до 18 милліоновъ рублей, и Ему тамъ чрезвычайно нравилось. Онъ радъ былъ водить Самъ гостей Своихъ и показывать сокровища мрамора и бронзы, выписанныя имъ изъ Рима и Парижа. Похвалы произвели наконецъ въ Немъ мысль, сдѣлать описаніе сего замка. Самымъ лестнымъ образомъ *поручилъ* Онъ мнѣ это дѣло. Не одинъ разъ сказывалъ мнѣ Самъ, что ожидаетъ отъ меня чрезвычайнаго, и такимъ образомъ приводилъ меня въ немалое затрудненіе. Изъ собственной Его библіотеки получилъ я описаніе Берлина и Потсдама, и при томъ изъявилъ Онъ желаніе, чтобъ я описалъ предметъ свой точно такъ, но только сколько можно *еще подробнѣе*.

«Натурально, что я тотчасъ повиновался волѣ Его, но признался при томъ, что я не имѣю многихъ къ сему дѣлу потребныхъ свѣдѣній; что я не умѣю по искусству судить о красотахъ архитектуры, картинъ, статуй, и для того просилъ позволенія дать мнѣ знающихъ въ этихъ частяхъ людей. Позволеніе на то тотчасъ мнѣ дано было. Я представилъ для древностей надворнаго Совѣтника *Келера*, который имѣетъ присмотръ за находящимися въ Эрмитажѣ искусственными собраніями, и свѣдущій, добрый, услужливый человѣкъ. Для архитектуры выпросилъ я себѣ римскаго архитектора *Бренна*, а для живописи искусныхъ и любезныхъ братьевъ *Кюгельхеновъ*.

Государь ласково назначалъ мнѣ всякое пособіе, и повелѣлъ меня всегда и вездѣ впускать въ замкѣ. Оберъ-гофмаршалъ, какъ капитанъ отъ замка, въ первый разъ самъ водилъ меня по всему дворцу, а потомъ я смѣло принялся за дѣло.

«Всякій день, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, и часто до поздняго вечера, проводилъ я время въ Михайловскомъ дворцѣ. Не проходило почти дня, въ который бы Государь не встрѣчался мнѣ здѣсь или тамъ, когда я съ записною книжкою въ рукѣ записывалъ многоразличные предметы, и всякой разъ останавливался Онъ и съ минуту разговаривалъ со мною съ плѣнительнѣйшею снисходительностію, а иногда и напоминалъ, чтобъ я ничего слегка, но все очень подробно описывалъ.

«При такихъ обстоятельствахъ вздумалъ я, что могу осмѣлиться просить о увольненіи меня отъ дирекціи Нѣмецкаго Придворнаго Театра. Февраля 8-го, подалъ я *письменно* о томъ просьбу начальнику моему. Онъ по милости своей дѣлалъ разныя лестныя возраженія, и когда я настоялъ въ моемъ намѣреніи, то онъ по крайней мѣрѣ отложилъ это до неозначеннаго времени. Черезъ нѣсколько дней я опять о томъ напомнилъ ему, и не переставалъ такъ часто напоминать, пока ясно увидѣлъ, что все это напрасно. Тогда пошелъ я другой дорогой, чтобъ облегчить себѣ тягостныя театральныя дѣла. Я представилъ, что при безпрестанной работѣ моей въ Михайловскомъ замкѣ, мнѣ никакъ невозможно употребить нужное время для театра, и потому, когда мнѣ отказывали въ увольненіи, по крайней мѣрѣ просилъ опредѣлить помощника. На эту просьбу согласились, и выборъ помощника предоставили мнѣ самому. Такъ получилъ я наконецъ одного изъ любезныхъ друзей моихъ помощникомъ, которому назначено было 1500 рублей жалованья и сборъ съ одного бенефиснаго представленія. На него могъ я сложить тягостнѣйшее бремя и избавиться отъ премножества досадъ.

«По кончинѣ Государя, я рѣшился, коль скоро только удобно будетъ утрудить государственными дѣлами обремененнаго Императора, просить его объ увольненіи. Марта 30-го

дня, исполнилъ я это намѣреніе, подавъ просьбу мою чрезъ генералъ-адъютанта князя Зубова. Апрѣля 2-го, получилъ я черезъ него лестный отвѣтъ: «чтобъ я остался въ службѣ.» — Такая благость, такая честь, натурально, воспрепятствовали исполненію моего намѣренія. Съ чувствительнѣйшею признательностію представилъ я, что за счастіе почту служить Александру Достолюбимому; но при теперешнемъ положеніи Нѣмецкаго Придворнаго Театра неудобно мнѣ быть начальникомъ его. Когда угодно будетъ Государю сдѣлать въ немъ полезную перемѣну, учредить его настоящимъ придворнымъ театромъ и во всемъ уравнить съ французскимъ, то я съ радостію всѣ силы употреблю довести нѣмецкій театръ до того, чтобъ онъ достоинъ былъ одобренія двора.

«По сему получилъ я повелѣніе подать планъ къ усовершенствованію Нѣмецкаго Придворнаго Театра. Я повиновался. Этотъ планъ сдѣланъ былъ со всевозможною бережливостію. Вмѣсто того, что французскій театръ ежегодно однимъ жалованьемъ стоитъ болѣе ста тысячь рублей, обязался я содержать за шестьдесятъ тысячь такую труппу, которая бы не уступала французской.

«Государь отдалъ планъ мой на разсмотрѣніе оберъ-гофмаршала, который и одобрилъ его.

«Сколько жъ по этому плану будетъ стоить нѣмецкій театръ?» спросилъ Государь.

Шестьдесятъ тысячь рублей каждый годъ.

«А по сіе время сколько стоилъ?»

Ничего.

Натурально, что такой отвѣтъ удивилъ Государя. Нѣкоторымъ образомъ это было справедливо. Поощряемый усердіемъ и честолюбіемъ, я трудами и стараніемъ довелъ до того, что въ прошедшіе зимніе полгода сбору было до 32,000 рублей, и изъ этой суммы платилъ *всѣ* издержки. Но господинъ оберъ-гофмаршалъ позабылъ, что въ семь недѣль поста совсѣмъ никакого, а лѣтомъ очень малый сборъ былъ; что сверхъ того театръ былъ самый посредственный и очень много починокъ нужно было. Конечно, Государю нельзя было входить въ такія мелочныя подробности, тѣмъ болѣе, что объ нихъ и не упомянуто было. По тому мудрено ли, что та сумма показалась Ему велика!

«Я достаточно зналъ расположеніе къ нѣмецкому театру, и слѣдовательно приготовился на этотъ случай, и — когда Государю не показался планъ мой — присовокупилъ къ тому вторичную просьбу о увольненіи моемъ, по чему и получилъ я отставку и при томъ Всемилостивѣйше пожалованъ коллежскимъ совѣтникомъ.

«29-го апрѣля выѣхалъ я съ моимъ семействомъ изъ Петербурга, исполненъ признательности къ покойному и здравствующему Государямъ. Въ Ievѣ пробыли мы еще нѣсколько недѣль у Пробста Коха и благороднаго его семейства. Напутствуемые ихъ истинно дружескими желаніями, продолжали мы путь свой до Вельмерсгофа, помѣстья праводушнаго барона Левенштерна, куда мы приглашены были не многими сердечными строчками.

«О! какъ билось мое сердце, когда мы подъѣхали къ этому жилищу честности и благодушія! Наконецъ исполнялось усерднѣйшее мое желаніе! Я думалъ увидѣть здѣсь ту женщину, которая въ самую грустную минуту жизни моей прислала мнѣ воспоминаніе, какое могла! Какъ нетерпѣливо я желалъ прижать ея руку къ устамъ, къ сердцу моему! — Я думалъ также увидѣть молодаго человѣка, который проливалъ слезы обо мнѣ и съ братскою любовью старался облегчить тяжкую участь мою! — Первый, кто мнѣ встрѣтился, какъ я выскочилъ изъ кареты, былъ — камергеръ Беверъ. Какія разнообразныя чувствованія взволновали мою душу при его встрѣчѣ! — Тотчасъ потомъ пришла и госпожа Левенштернъ. Я не могъ ничего сказать ей; но признательныя слезы на глазахъ моихъ вѣрно говорили вмѣсто меня. Заботливо искалъ я добраго сына ея; онъ спѣшилъ въ мои объятія и я съ братскою любовью прижалъ его къ моему сердцу. — О, какъ сладостно воспоминаніе претерпѣнныхъ страданій въ кругу участвующихъ друзей!» —

Причина ссылки Коцебу очень понятна, хотя онъ самъ не хотѣлъ понять ее: его почитали авторомъ пасквилей на Россію. Поводомъ къ такому заключенію послужило прежнее его сочиненіе, въ которомъ онъ,

прикрываясь щитомъ псевдонима, нападалъ на всѣ знаменитости Германіи. Кратковременныя его бѣдствія были награждены безчисленными благодѣяніями и доставили ему и семейству его обезпеченныя средства къ жизни!

Поживъ нѣсколько времени въ Веймарѣ, Коцебу переѣхалъ въ Іену, но и тутъ не могъ долго оставаться. Поссорившись съ Гёте, онъ былъ принужденъ, въ 1802 году, уѣхать въ Берлинъ. Тамъ принялся онъ издавать журналъ: *Откровенный* (Der Freimütige). Соиздателемъ его былъ Меркель. Оба они жестоко напали на Гёте, Шлегеля, Гердера, Шиллера и почти на всѣхъ другихъ писателей, любимыхъ въ Германіи. Это еще болѣе увеличило ненависть германскаго молодаго поколѣнія къ Коцебу. Въ неровной борьбѣ, Коцебу долженъ былъ пасть. Такъ и случилось. Вся Германія держала сторону любимыхъ и многоуважаемыхъ писателей. Іенская битва принудила Коцебу удалиться въ Россію. Когда померкла звѣзда Наполеона, Коцебу получилъ мѣсто русскаго генеральнаго консула въ Кенигсбергѣ; въ 1816 году получилъ чинъ статскаго совѣтника, а въ 1817 отправленъ въ Германію наблюдать за этою страною въ отношеніи литературномъ, политическомъ и нравственномъ. Такое порученіе прежде было сдѣлано Гримму и Лагарпу. Не довольствуясь исполненіемъ возложеннаго на него труднаго порученія, онъ началъ издавать въ Веймарѣ *Литературный Еженедѣльный Журналъ;* издавалъ его одинъ, ибо Меркель не хотѣлъ уже идти противъ общаго мнѣнія всей Германіи. Тогда же написана имъ извѣстная статья, *Козацкая тактика*, въ которой онъ дѣльно порицалъ пагубное направленіе молодыхъ умовъ германскихъ. Прежняя борьба съ веймарскими учеными возобновилась и доставила ему еще болѣе враговъ непримиримыхъ и опасныхъ. Наконецъ одинъ студентъ, Карлъ Лудвигъ Зандъ, движимый литературнымъ и политическимъ фанатизмомъ рѣшился возстать съ кинжаломъ противъ Коцебу. Для объясненія его преступленія, мы должны узнать этого человѣка короче.

Зандъ родился въ Вунзиделѣ (въ Баваріи.) Въ юности вынесъ онъ жестокую горячку, и никакъ не могъ поправиться. Въ немъ осталась чрезвычайная раздражительность и еще болѣе увеличила врожденную его склонность жить въ особенномъ фантастическомъ мірѣ, который онъ самъ себѣ создалъ. Прилежно и усердно учился онъ въ германскихъ университетахъ, когда возвращеніе Наполеона, съ острова Эльбы, вызвало Занда подъ знамена германскихъ войскъ. Война кончилась, прежде чѣмъ Зандъ пришелъ на поля битвы. Онъ воротился въ Эрлангенъ, вступилъ въ университетъ, и отличался тихимъ, скромнымъ поведеніемъ и особеннымъ стараніемъ перегнать всѣхъ своихъ товарищей. Въ 1817 году, съ нимъ случилось несчастіе, имѣвшее на него пагубное вліяніе. Единственный другъ его, купаясь съ нимъ вмѣстѣ въ рѣкѣ, утонулъ въ его глазахъ. Зандъ не могъ спасти его, съ тоски впалъ въ тяжкую болѣзнь, сталъ еще болѣе задумчивъ и мраченъ, и уже безвыходно жилъ въ своемъ частномъ мірѣ. Въ день празднованія лейпцигской битвы, въ Вартбургѣ сожгли одно изъ сочиненій Коцебу. Зандъ, бывшій на праздникѣ, въ первый разъ услышалъ имя этого писателя и, изъ любопытства, прочелъ его сочиненія. Мгновенно родилась въ немъ преступная мысль, отмстить Коцебу за насмѣшки надъ юными Германцами. 9-го Марта 1819 года, въ четыре часа утра отправился онъ въ Мангеймъ, гдѣ жилъ тогда Коцебу. Зандъ нарядился въ парадное свое платье, въ древній германскій костюмъ; надѣлъ красную шерстяную куртку, черные штаны, черные ботинки и черный бархатный токъ; взялъ съ собою циркуль, карту Швабіи, Новый завѣтъ и извѣстную оду Кёрнера: *Лира и Мечъ*. Дорогою пѣлъ онъ изъ нея стихи: «*Зачѣмъ трепетать? Великими подвигами, раздавивъ безъ трепета главу змія, можемъ мы спастись.*» (*) Кромѣ того взялъ онъ съ собою кинжалъ и большой ножъ, купленный имъ на Эрлангенской ярмаркѣ. Въ Мангеймъ пришелъ онъ въ девять часовъ, утромъ 23-го марта, а въ одиннадцать стоялъ уже въ передней Коцебу. Служанка сказала, что Коцебу нѣтъ дома и спросила его имя. — Меня зовутъ Генрихомъ Митау, отвѣчалъ Зандъ съ улыбкою.

(*) Всѣ эти подробности заимствуемъ мы изъ слѣдственнаго дѣла о Зандѣ, напечатаннаго въ Штутгартѣ, статсъ-совѣтникомъ Гогенгорстомъ.

«Улыбка и злодѣйство вмѣстѣ могутъ быть!»

Служанка попросила его придти въ четыре часа. Зандъ поклонился и хладнокровно пошелъ осматривать городскія достопримѣчательности: церковь Іезуитовъ и Музей Естественной исторіи. Но эти зданія были заперты; онъ вернулся въ гостиницу *Вейнбергъ*, обѣдалъ за общимъ столомъ и жарко спорилъ о реформѣ Лютера, съ своими сосѣдями. Въ пять часовъ, онъ стучался опять въ двери дома Коцебу. Служанка впустила его въ переднюю и пошла докладывать. Въ это время вошли въ домъ двѣ дамы, которымъ Зандъ вѣжливо и спокойно поклонился. Черезъ минуту, Занда впустили въ рабочій кабинетъ, куда тотчасъ вошелъ и несчастный Коцебу, въ радостной надеждѣ, что получитъ письмо отъ своей матери.

Въ эту минуту, постороннихъ не было въ комнатѣ; а потому мы должны сослаться на собственное признаніе Занда. «Когда Коцебу вошелъ, говорилъ онъ въ своемъ слѣдственномъ показаніи, я выступилъ на нѣсколько шаговъ впередъ и поклонился ему. Коцебу отступилъ назадъ, къ двери, въ которую вошелъ. Я сказалъ ему, что, прибывъ въ Мангеймъ, считаю долгомъ посѣтить его. Трудно было мнѣ притвориться. Потомъ я сказалъ ему: Уважаю... (и выдернулъ кинжалъ)... Но не тебя!... И поразилъ его кинжаломъ. Онъ упалъ. Не помню, сколько нанесъ ему ударовъ. Все было кончено въ одну секунду. Я выдернулъ кинжалъ изъ лѣваго рукава, и ударилъ Коцебу въ лѣвый бокъ. Коцебу не успѣлъ произнести слова и упавъ, не могъ говорить. Онъ только простеръ ко мнѣ руки, и упалъ на лѣвый локоть, шагахъ въ трехъ отъ двери. Я посмотрѣлъ ему въ глаза, желая узнать, что съ нимъ дѣлается. Глаза его страшно вращались, и я могъ видѣть только бѣлки.... Обернувшись, я увидѣлъ ребенка, который вошелъ съ лѣвой стороны, въ ту самую минуту, когда я ударилъ Коцебу кинжаломъ. Крики его навели на меня ужасъ, и я ударилъ себя кинжаломъ въ лѣвый бокъ, и тотчасъ жеизвлекъ желѣзо изъ глубокой раны, бросился на лѣстницу, но боль мѣшала мнѣ бѣжать.»

Лакей и дочь Коцебу первые прибѣжали на помощь раненому. Лакей поднялъ его и повелъ въ другую комнату. Коцебу произносилъ невнятныя слова, протащился шаговъ пять, упалъ въ объятія дочери и скончался. Такъ несчастно, бѣдственно погибъ человѣкъ съ замѣчательнымъ талантомъ, достойный лучшей участи!

Выбѣжавъ на лѣстницу, Зандъ встрѣтилъ кухарку и служанку; но онѣ не посмѣли остановить его, испугавшись окровавленнаго кинжала. У дверей дома, онъ отдалъ лакею кинжалъ и свое сочиненіе, въ которомъ описывалъ свое гнусное намѣреніе. Изъ оконъ начали кричать: *Держите убійцу!* Услышавъ крики, Зандъ обернулся и громко закричалъ: «*Да! Я убилъ его! Такъ да погибнутъ всѣ враги юной Германіи!*» Толпа окружила его; обращаясь къ ней, онъ бросился на колѣни, началъ молиться, обѣими руками вдавилъ въ грудь свою ножъ по самую рукоять, и упалъ безъ чувствъ. Его взяли и отвезли въ больницу. Судъ приговорилъ его къ смертной казни. 20 мая, въ пять часовъ утра, на дорогѣ изъ Мангейма въ Гейдельбергъ, на мѣстѣ, называемомъ *Viewelde*, ему отрубили голову, при многочисленномъ стеченіи зрителей. Занду былъ двадцать пятый годъ; никто не жалѣлъ его; даже женщины, не смотря на его красоту и молодость, не принимали въ немъ участія. Гнусное его дѣло не могло возбудить состраданія.

Коцебу погибъ на пятьдесятъ-второмъ году жизни, полный силы и дѣятельности, окруженный милымъ семействомъ, удобствами жизни. Несчастная жертва фанатика, безпрерывно находившагося въ болѣзненномъ изступленіи!

Мы знаемъ Коцебу по весьма хорошимъ переводамъ, изъ которыхъ иные устарѣли. Лучшія сценическія его произведенія переведены и два раза изданы въ Москвѣ. *Воспоминаніе о Парижѣ, Вѣрная Амалія, Голубокъ, Достопамятный годъ жизни, Жертва супружескаго тщеславія, Жизнь моего отца, Занда, Мечтательница, Леонтина, Мальчикъ у ручья, Опасный закладъ, Письма двухъ любовниковъ, Прекрасная незнакомка, Страданія Ортенберговъ*, восхищали, въ свое время, русскихъ читателей. Многіе изъ этихъ романовъ были изданы на нѣсколько разъ.

Статья наша ужъ такъ длинна, что мы откладываемъ оцѣнку сценическихъ произведеній Коцебу до другаго разу. Подробный разборъ его драмъ и трагедій можетъ быть поучителенъ во многихъ отношеніяхъ. Разрѣшимъ только одинъ вопросъ: почему драмы Коцебу, имѣвшія *въ свое время* такой огромный успѣхъ, *теперь* почти забыты?

Ключъ къ разрѣшенію этого вопроса даетъ намъ г-жа Сталь. По ея мнѣнію, Коцебу не умѣлъ выводить лицъ въ своихъ піесахъ ни съ отличительными признаками вѣка, въ которомъ они жили, ни съ народными ихъ чертами, ни съ характеромъ, который даетъ имъ исторія. Гдѣ ни происходило бы дѣйствіе, къ какой бы эпохѣ ни принадлежали дѣйствующія лица, они являются (у Коцебу) нашими современниками, съ нашими преходящими мнѣніями и ничтожными привычками. Коцебу мастеръ изобрѣтать положенія, но не подымается до высоты ихъ, и передаетъ ихъ слабо, безъ піитическаго одушевленія. Въ этомъ, можетъ быть, виновна его торопливость: онъ ничего не отдѣлывалъ, спѣшилъ, писалъ коекакъ. Преходящія мнѣнія, старыя вѣрованія прошлаго вѣка, умерли вмѣстѣ съ прошлымъ вѣкомъ и съ прошлымъ поколѣніемъ; мы не имѣемъ сочувствія къ нимъ, почти не можемъ ни понимать, ни цѣнить ихъ; у насъ другія вѣрованія, другія потребности, другія условія жизни.

Вотъ почему мы спокойно и хладнокровно смотримъ на тѣ самыя драмы, отъ которыхъ такъ усердно плакали наши дѣды и бабушки.

В. В. В.

ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

ПИСЬМО Г-ЖИ СТАЛЬ КЪ ТАЛЬМѢ (*).

Ліонъ, 5 Іюня.

«Тампліеры» переведены на испанскій языкъ, и даются въ Мадритѣ. Вы уѣхали вчера, мой милый Орестъ, и видили сами, какъ тяжка мнѣ была разлука; я долго буду грустить, потому что восторгъ, возбуждаемый вами, не можетъ изгладиться. Вы единственны въ своемъ родѣ, и до васъ никто не достигалъ такой степени превосходства, чтобъ искусство соединить съ вдохновеніемъ, размышленіе съ невольными порывами, геній съ разсудкомъ. Вы мнѣ сдѣлали зло: я живѣе почувствовала свое изгнаніе и поняла болѣе, нежели когда нибудь, власть Императора, потому что, независимо отъ этой маленькой Европы, онъ вами дѣйствуетъ на идеальный міръ поэзіи. Едва вы уѣхали, какъ сенаторъ Радеръ пріѣхалъ ко мнѣ, изъ Испаніи, проѣздомъ въ Страсбургъ. Мы разговаривали часа три, и ко всему примѣшивали ваше имя. Онъ былъ въ воскресенье *въ Гамлетѣ*, и вы его привели въ восторгъ. Мы спорили о достоинствѣ самой піесы; онъ мнѣ показался очень религіозенъ, и увѣряетъ, что Императоръ таковъ же. Я ему высказала свое мнѣніе о вашей игрѣ, объ этомъ удивительномъ соединеніи французской правильности съ чужеземной энергіей: онъ утверждалъ, что есть французскія классическія піесы, въ которыхъ вы еще не совершенны, а когда я спросила его—въ какихъ именно? онъ не могъ мнѣ назвать ни одной. Но въ Парижѣ вы должны превосходно играть Танкреда и Оросмана; вы можете это, если захотите. Объ эти роли должно играть какъ можно естественнѣе: онѣ этого требуютъ; а какъ уже всѣ привыкли видѣть что-то натянутое въ исполненіи ихъ, то глубокая истина сдѣлаетъ изъ нихъ совершенно новыя роли. Я бы не должна была говорить вамъ то, что вамъ извѣстно, въ тысячу разъ лучше меня; но я принимаю такое же участіе въ вашей славѣ, какъ въ своей собственной. Вы должны писать; вы должны также повелѣвать мыслью, какъ и чувствомъ; вы это можете, если захотите. Я видѣла г-жу Тальму послѣ вашего послѣдняго посѣщенія; ея вниманіе ко мнѣ глубоко меня тронуло. Скажите это ей, пожалуста: *она достойна васъ*; въ этихъ словахъ моихъ очень много похвалы. Когда же увижу я васъ обоихъ? Ахъ, при этомъ вопросѣ у меня сжалось сердце: я не могу выговорить его безъ грустнаго чувства...

Я буду писать о драматическомъ искусствѣ и половину моихъ мыслей заимствую отъ васъ. Адріенъ де Монморанси, верховный судья всего, что касается до хорошаго вкуса и благородныхъ манеръ, говоритъ, что г-жа Тальма и вы совершенны и въ этомъ отношеніи. Всѣ мои друзья преданы вамъ обоимъ.

Въ городѣ повторяютъ мои гимны на счетъ вашего таланта; когда Камилла прочла мнѣ ихъ, мнѣ показались они пиндарическими. Но я не даромъ слыву *Коринной*, и мнѣ можно позволить выражать, что я чувствую.

Директоръ театра пришелъ ко мнѣ, послѣ вашего отъѣзда, чтобъ поговорить объ васъ; за это я была ему очень благодарна. Онъ былъ забавенъ: я не была расположена смѣяться, и предоставила ему говорить все, что ему хотѣлось, и чѣмъ онъ думалъ заслужить мое доброе мнѣніе. Такъ-то все волнуется для успѣха; одинъ геній торжествуетъ, не зная

(*) Это письмо г-жи Сталь было неизвѣстно до сихъ поръ: оно любопытно въ двухъ отношеніяхъ — какъ фактъ историческій о дружескихъ отношеніяхъ г-жи Сталь къ знаменитому артисту, и какъ образецъ милаго, непринужденаго письменнаго языка женщины. *Ред.*

почти самъ того, такъ какъ вы. Прощайте, напишите мнѣ нѣсколько строкъ о вашемъ здоровьи, о вашихъ успѣхахъ и возможности увидаться съ вами. Мой адресъ въ Коппетъ (въ Швейцаріи.) Прощайте, прощайте, тысячу привѣтствій г-жѣ Тальма!

Я ѣду черезъ часъ.

Неккеръ Сталь-Гольстейнъ.

—

ОРЕСТЪ и ПИЛАДЪ.

Тальма былъ такимъ же хорошимъ товарищемъ, какъ и превосходнымъ актеромъ: доброта его сердца не уступала нисколько его таланту.

Въ одинъ день, или лучше, въ одинъ вечеръ, (Тальма давалъ въ то время представленія на Брюссельскомъ театрѣ), великій трагикъ, игравши въ Андромахѣ, едва вошелъ въ свою ложу, какъ дверь его отворилась и онъ увидалъ передъ собою человѣка, черты котораго были ему не совсѣмъ незнакомы.

Здравствуй, Орестъ, вскричалъ незнакомецъ, подходя въ великому актеру.

Какъ! это ты, мой милый Дей? воскликнулъ Тальма.

И онъ обнялъ его. Послѣ перваго искренняго изліянія дружбы, Тальма поспѣшилъ спросить Дея, какой благодѣтельный случай соединилъ ихъ послѣ столь долгой разлуки.

Очень-простой, отвѣчалъ пріѣзжій: какъ изгнанникъ, я долженъ былъ бѣжать и искать убѣжища въ Брюсселѣ, гдѣ, сейчасъ, въ партерѣ, я былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ твоихъ поклонниковъ. Я не могъ утерпѣть, чтобы не выказать тебѣ искренняго восторга, и пришелъ сюда.

Пока онъ говорилъ, Тальма разсматривалъ, не оскорбляя однако жъ самолюбія Дея, костюмъ своего стараго товарища; опрятность не могла скрыть ветхости одежды, которая доказывала крайнюю бѣдность. Онъ старался вызвать своего друга на откровенное признаніе о его положеніи, его бѣдности; но Дей какъ будто не понималъ Тальму и продолжалъ хранить упорное молчаніе, источникъ котораго скрывался въ его непреклонной гордости. Тальма былъ увѣренъ, что предложенная имъ помощь будетъ принята за оскорбленіе и придумалъ другое средство пособить своему старому пріятелю.

— Чортъ возьми! вскричалъ Тальма: я чрезвычайно радъ воспользоваться случаемъ, который представляется мнѣ; я очень хорошо знаю, что у тебя тонкій вкусъ, что ты страстно любишь театръ, и отлично знаешь публику, и потому хочу просить твоихъ совѣтовъ: дня черезъ три я долженъ играть въ Андромахѣ, въ мой бенефисъ, и чувствую, не смотря на твое благосклонное ободреніе, что мнѣ долго еще изучать эту роль, чтобъ достигнуть превосходства.

Короче, Тальма такъ убѣдительно настаивалъ въ своей просьбѣ, что Дей, старый отставной комедіянтъ, согласился на требованія друга, и скоро въ Брюсселѣ ни о чемъ болѣе не говорили, какъ о представленіи, въ которомъ великій трагикъ долженъ былъ, со всѣмъ въ новомъ видѣ, играть роль Ореста; всѣ ожидали этого спектакля съ нетерпѣливымъ любопытствомъ. Въ день представленія театръ былъ полнехонекъ. Тальма выбралъ Андромаху для своего бенефиса. Онъ превзошелъ себя и брюссельскіе журналы отдали полную справедливость артисту, говоря, что въ этотъ разъ онъ показалъ новые эффекты, возбудилъ новыя ощущенія, однимъ словомъ, сыгралъ роль Ореста съ новымъ превосходствомъ.

На другой день, въ восемь часовъ утра, кто-то постучался въ дверь маленькой комнаты, въ третьемъ этажѣ, въ улицѣ Монтань: — Кто тамъ? спросилъ извнутри голосъ.

— Я.

— Кто?

— Да я, Тальма: отворяй поскорѣе. И Дей отворилъ дверь; онъ былъ еще не совсѣмъ одѣтъ.

Тальма сѣлъ, вынулъ изъ кармана три свертка, и положилъ ихъ на маленькій столикъ.

— Что это такое? сказалъ Дей...

— Твоя доля въ сборѣ.

— Въ какомъ сборѣ?

— Вчерашняго моего бенефиса, какъ ты это самъ знаешь.

— Да, я тамъ былъ.

— И надѣюсь, остался доволенъ.

— Совершенно.

— Ну, мой милый, а такъ какъ я тебѣ обязанъ моимъ успѣхомъ, то долженъ отдать то, что̀ тебѣ принадлежитъ; раздѣлимся по-братски. Безъ тебя, безъ твоихъ совѣтовъ, мой бенефисъ не принесъ бы мнѣ больше шести тысячъ франковъ; а вчера сборъ дошелъ до двѣнадцати тысячъ...

— Какъ! ты не шутишь?

— Право нѣтъ, и если ты откажешься взять свою долю, предупреждаю тебя, я разсержусь. Когда я возвращусь въ Брюссель, надѣюсь, что̀ ты не откажешься дать мнѣ еще нѣсколько уроковъ.

Говоря это, Тальма сжалъ руку Дея, который, въ изумленіи, едва могъ сказать нѣсколько возраженій на великодушное предложеніе своего друга. Тальма поспѣшно вышелъ.

Въ десять часовъ, французскій Росціусъ сѣлъ въ почтовую коляску и поѣхалъ въ Парижъ. Проѣзжая черезъ заставу, онъ все еще смѣялся надъ искусствомъ, съ какимъ обманулъ щекотливость своего друга, облегчивъ насильно его бѣдное и жалкое положеніе.

СМѢСЬ.

АНЕКДОТЫ.

ХЛОПОТЫ КОСТЮМЕРА.

Извѣстный флейтистъ Г. вамѣревался играть въ концертѣ, въ представленіи живыхъ картинъ, фантазію своего сочиненія на пѣсню: Соловей. Услышавъ объ этомъ, костюмеръ пришелъ къ режиссеру, и съ добродушнымъ лицомъ сказалъ ему: «Я, право, затрудняюсь, какъ одѣть господина, который будетъ играть соловья, потому что для костюма его *надо много перьевъ!*»

—

ОТЪ ПИРУЭТА ДО БОГАТСТВА ОДИНЪ ТОЛЬКО ШАГЪ.

Одинъ богатый молодой человѣкъ, въ Парижѣ, передалъ все свое имѣніе прекрасной танцовщицѣ В. При этомъ случаѣ невольно вспомнишь слова славнаго танцора Вестриса: D'une pirouette à la fortune il n'y a qu'un pas.

—

ВЫБОРЪ РОЛЕЙ.

Бездарный актеръ жаловался директору, что ему никогда не даютъ самому выбрать роли, гдѣ бы вполнѣ развернулись его способности. Директоръ, раздавая роли новой піесы, оставилъ одну, весьма-незначительную, и сказалъ актеру: Вотъ, выбирайте.

Здѣсь только осталась одна не занятая роль, отвѣчалъ актеръ: изъ чего жъ прикажете выбрать?

— Э! любезнѣйшій, возразилъ директоръ: вамъ еще остался выборъ — взять роль или оставить театръ.

—

КУПЛЕТЫ.

НѢТЪ ИМЕНИ ЕМУ! (*)

Нѣтъ имени Ему! Отецъ, благотворитель —
Онъ нашъ кумиръ, Онъ все для насъ:
Хранитель, геній нашъ, и просвѣтитель.
Полъ-міра Онъ несетъ на плечахъ, какъ Атласъ.
Онъ все — строитель и работникъ,
Механикъ, врачъ, токарь, артиллеристъ,
Онъ лоцманъ, слесарь, инженеръ, и плотникъ.
Россіи Онъ сказалъ: Да будетъ свѣтъ — и бысть!
Младенцемъ взявъ Россію изъ пеленокъ,
Побѣдой окрестилъ, училъ ее ходить,
И смотритъ, какъ растетъ теперь ребенокъ, —
Самъ учится, чтобы Его всему учить.
Объ Немъ вездѣ несутся славы клики —
И доблестямъ, и сердцу, и уму...
Другіе пусть зовутъ и *Первый* и *Великій*,
У насъ же русскихъ Онъ... *Нѣтъ имени Ему!!*

—

ВСѢ ЛЮДИ ВЪ ЛИЦАХЪ НЕБЫЛИЦЫ!

(Изъ водевиля: Авось!)

Да не ужли мѣняютъ лица
Одни актеры? — Цѣлый свѣтъ!
Всѣ люди въ лицахъ небылицы,
А неизмѣнныхъ вовсе нѣтъ.
Замѣтьте, какъ проситель скромно
Въ передней очереди ждетъ,
И какъ напротивъ изъ пріемной
Отъ покровителя пойдетъ;
Замѣтьте вы, какъ денегъ просятъ —
Съ какой улыбкой ихъ берутъ,
И какъ потомъ проценты вносятъ —
Съ какимъ лицемъ ихъ отдаютъ;
Какъ, напримѣръ, судья зѣваетъ,
Когда бѣднякъ просить начнетъ,
И какъ лицо перемѣняетъ,
Когда богачъ къ нему придетъ.

(*) Изъ піесы *Саардамскій корабельный мастеръ*, съ восторгомъ принятой петербургской публикою, въ бенефисѣ И. И. Сосницкаго, 18-го декабря, 1840 года.

Мужья и жены и дѣвицы,
Такіе ль дома, какъ въ гостяхъ? —
Нѣтъ, съ платьемъ перемѣнятъ лица, —
Ихъ не узнаешь на балахъ.
Взгляните, вдовушка иная
Скромна, печальна и тиха, —
И вдругъ потомъ со всѣмъ другая,
Когда отъищетъ жениха.
Лица и чувства измѣненья —
Не на театрѣ, а вездѣ;
И въ жизни всѣ безъ исключенья
Мѣняютъ лица по нуждѣ!
Такъ что жъ на насъ вамъ удивляться?
Однообразье намъ бѣда:
Разъ десять слишкомъ измѣняться
Придется въ вечеръ иногда.
Гдѣ быть актеру не случится?
Съ нимъ то и дѣло чудеса:
То въ адъ кромѣшный провалится,
То вдругъ взлетитъ на небеса,
То всѣ четыре части свѣта,
Шутя, играя обойдетъ,
Пока казенная карета
Его домой не отвезетъ!..

П. А. Каратыгинъ.

—

ПРИЗНАНІЕ СТАРАГО ХОЛОСТЯКА.

(Изъ водевиля: «Вотъ тебѣ разъ!»)

Я прежде самъ въ полку служилъ,
И въ этихъ штукахъ отличался:
Враговъ кололъ, стрѣлялъ, рубилъ,
А за красотками гонялся;
И признаюсь вамъ, господа,
Не разъ плѣнялъ своей бесѣдой,
За то отъ дѣвушекъ всегда
И возвращался я съ побѣдой.

—

КУКУРЕКУ.

(Изъ ненапечатаннаго водевиля.)

Я подъ злосчастною звѣздою
На бѣломъ свѣтѣ порожденъ;
Мой первый шагъ *на свѣтъ* тоскою,
Да вѣчной грустью надѣленъ!
Чего со мною не случалось
При коловратахъ на вѣку?
Душа дрожала, сердце жалось —
И что жъ? — Я пѣлъ *кукуреку!* (2)

Подросъ, — меня служить послали;
Но въ службѣ ль счастье мнѣ найдти?
Меня замучили, загнали,
Не отыскавъ во мнѣ пути.
Тотчасъ въ отставку протурили...
Не нужно быть тутъ далеку,
Чтобъ знать, какъ тѣмъ мнѣ удружили...
Сидѣлось, я пѣлъ *кукуреку!* (2)

Въ домашней жизни лежебочной
Мечтавъ, я замки громоздилъ,
И, какъ мужикъ мечтамъ оброчной
Не хуже всякаго я жилъ!...
А въ томъ-то я и заблуждался:
Я принялъ Карпа за Луку
Сдружился съ Карпомъ — проигрался
И закричалъ — *кукуреку!* (2)

Безъ денегъ, часто, съ пустяками,
Бродилъ я долго тамъ и сямъ;
Но Карпъ столкнулъ меня съ плутами, —
Я отыгралъ кое-что самъ.
Сталъ жить и — снова прибодрился,
Ужъ не лежалъ я на боку,
Поддѣлъ жену — обогатился,
И — громко пѣлъ *кукуреку!* (2)

Вдругъ, по безпечности ничтожной,
Я надоѣлъ женѣ моей;
Сталъ виноватъ — неосторожной!
Измѣны часто строилъ ей:
И оттого мы развелися —
Пришелъ матъ горю-дураку!
Деньжонки всѣ порастрелися —
Что жъ дѣлать! — Пѣть *кукуреку!* (2)

Теперь я старъ и дряхлъ ужасно,
Впередъ нейду — ползу, какъ ракъ,
Прожившъ на свѣтѣ вѣкъ несчастно,
Во всемъ запутавшись въ просакъ,
Я къ смерти съ просьбой обращаюсь:
Молю пріюта старику;
Но какъ не мучуся, не маюсь,
Еще пою *кукуреку!* (2)

Быстротцкій.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ

РЕПЕРТУАРА РУССКАГО ТЕАТРА.

Нынѣшнею, *двѣнадцатою*, книжкою оканчивается *второй* годъ изданія Репертуара Русскаго Театра. Издатель считаетъ обязанностію, при концѣ года, сказать нѣсколько словъ отъ себя, чтобы, съ одной стороны, отдать публикѣ отчетъ въ прошедшихъ своихъ дѣйствіяхъ, а съ другой показать свои будущія намѣренія.

Первоначальною и главною цѣлію Репертуара было — передавать публикѣ *всѣ замѣчательныя новости русскаго театра*, то есть, всѣ лучшія піесы, игранныя на театрахъ обѣихъ столицъ. Эта мысль, новая у насъ въ Россіи, принята была со всеобщимъ одобреніемъ, и успѣхъ Репертуара, въ первый годъ его существованія, превзошелъ всѣ ожиданія издателя. Такой пріемъ заставилъ его думать, что онъ понялъ потребность публики, и что, стало быть, изданіе Репертуара, не должно ограничиться *первымъ* годомъ, который назначилъ онъ собственно для *перваго опыта*.

Репертуаръ перешелъ на *второй* годъ своего существованія. Издатель увеличилъ число печатаемыхъ экземпляровъ, не много распространивъ, въ тоже время, предѣлы своего изданія; не прошло полугода — число подписчиковъ *четвертою* частію увеличилось противъ числа ихъ въ 1839 году, и, къ удивленію издателя, остававшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры Репертуара перваго года, въ истекающемъ 1840-мъ разошлись всѣ, такъ-что теперь полный экземпляръ Репертуара за прошлый 1839-й годъ онъ и самъ собрать едва ли можетъ.

Все это убѣдило его еще болѣе въ томъ, что онъ не только *можетъ*, но *долженъ* продолжать изданіе, которое публика принимаетъ такъ благосклонно. Въ наступающемъ 1841-мъ онъ уже не усумнится увеличить число печатаемыхъ экземпляровъ еще *четвертою* долею противъ истекающаго 1840 года.

Между тѣмъ, еще при концѣ перваго года существованія Репертуара, издатель неожиданно былъ обрадованъ тѣмъ, что его мысль нашла себѣ подражаніе — въ *Пантеонѣ Русскаго и всѣхъ Европейскихъ Театровъ*. Пантеонъ, заимствуя идею свою отъ Репертуара, обѣщалъ быть однакожъ совершенно-отличнымъ отъ него изданіемъ, какъ и должно было ожидать: Репертуаръ, ограничивъ предѣлы своего изданія только *игранными*

на сценѣ піесами, исключилъ всѣ драматическія произведенія, небывшія на русской сценѣ; думали, что Пантеонъ, съ своей стороны, предоставивъ Репертуару то, что было *играно* на русскихъ театрахъ, станетъ передавать публикѣ замѣчательнѣйшія драматическія произведенія, переводныя и оригинальныя, но такія, которыхъ на русской сценѣ не видали; тогда русская публика имѣла бы два изданія, родственныя по предмету, но совершенно-различныя по содержанію: цѣль Пантеона была бы понятна.

Къ сожалѣнію Пантеонъ измѣнилъ своему назначенію и ожиданіямъ публики; представивъ читателямъ своимъ двѣ-три піесы, соотвѣтствующія первоначальной программѣ, остальныя книжки онъ наполнялъ бо́льшею частію статьями, которыя къ театру относятся такъ, какъ театръ, напримѣръ, къ анатомической залѣ. Постепенно отдаляясь отъ цѣли, онъ началъ печатать потомъ *игранные водевили*; и наконецъ простеръ мысль подражанія Репертуару до того, что сдѣлавъ *новое* особое приложеніе, назвалъ его *текущимъ Репертуаромъ*!! Теперь издателямъ *Пантеона*, для поддержанія своего изданія, осталось только одно: ставить на заглавномъ листѣ каждой книжки ихъ *мое имя*: кажется больше нечего?!

Все это очень забавно и только... Идя своей дорогой, я не боюсь соперничества, и отъ души желаю успѣха Пантеону.

Согласно съ мнѣніемъ публики, всѣ почти русскіе журналы и газеты благосклонно отзывались о Репертуарѣ и поддерживали его своимъ ободреніемъ. Правда, между ними нашелся только одинъ журналъ и одна газета, связанныя тѣсными, родственными узами съ Пантеономъ, которые, журналъ и газета, положили себѣ за правило изо всей мочи хулить каждую книжку Репертуара и превозносить до-небесъ каждую книжку Пантеона; но издатель Репертуара не имѣетъ права обращать вниманіе на ихъ отзывы, когда сама публика на нихъ вниманія не обращаетъ. Что дѣлать, господа! Я печатаю книги *для публики*, а не для малаго круга моихъ друзей и пріятелей; какъ скоро я увижу, что публика охотнѣе читаетъ вашъ журналъ и газету, я тотчасъ брошу изданіе Репертуара, и вмѣсто его стану издавать журналъ, наполненный безконечно-длинными и скучными романами, безконечно-длинными и туманными статьями, безконечно-длинными и добросовѣстными, *по вашему* критиками, и, само собой разумѣется, тогда обращусь къ вамъ, потому-что во всемъ этомъ, кромѣ васъ, никто помочь мнѣ не будетъ въ состояніи.

Впрочемъ все это я замѣтилъ мимоходомъ; обращаюсь собственно къ Репертуару.

Въ нынѣшнемъ году, могу сказать смѣло, читатели *Репертуара* познакомились со *всѣми* замѣчательными новостями русской сцены, въ теченіе 1840 года; если въ иные мѣсяцы замѣчательныхъ новостей на нашей сценѣ не было, издатель Репертуара, чтобы не печатать піесъ, недостойныхъ вниманія публики, рѣшался помѣщать на страницахъ своего изданія хотя не новыя, но занимательныя, и прежде никогда ненапечатанныя піесы. Такъ въ нынѣшней книжкѣ Репертуара помѣщены *Донъ Ранудо де Калибрадосъ*, прекрасный водевиль П. А. Каратыгина, совершенно-вновь передѣланный авторомъ; въ этой же книжкѣ, по желанію многихъ, здѣшнихъ и иногородныхъ особъ, напечатана *Эсмеральда*, драма, съ огромнымъ у-

спѣхомъ играиная, и по сіе время играемая, какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ.

Кромѣ театральныхъ піесъ, публика видѣла въ Репертуарѣ нѣсколько очень любопытныхъ матеріаловъ для исторіи русскаго театра: современемъ эти статьи будутъ служить драгоцѣннымъ пособіемъ для того, кто станетъ писать полную исторію сценическаго искусства въ Россіи.

Кромѣ всего этого при Репертуарѣ изданы два особыя приложенія, которыя однако жъ издатель Репертуара не назвалъ, хоть напримѣръ, *стоящимъ Пантеономъ*, въ противоположность его съ Пантеономъ *падающимъ*. Эти приложенія суть *Антоній и Клеопатра*, драма Шекспира, и *Клевета*, комедія Скриба. Не обѣщаю непремѣнно дѣлать это въ будущемъ году, но очень-радъ буду, если случай дастъ мнѣ возможность представить публикѣ, сверхъ обѣщанія, что нибудь въ подобномъ родѣ; непремѣннымъ условіемъ однако жъ почту, чтобы подобныя піесы, въ видѣ приложеній раздаваемыя при Репертуарѣ, если *не были* играны, то *могли бъ быть играны на сценѣ*.

Короче сказать, издатель Репертуара исполнилъ передъ публикой болѣе, нежели обѣщалъ; но несмотря на это, на душѣ его тяжелымъ камнемъ лежатъ два обстоятельства.

Во-первыхъ, онъ не помѣстилъ всего, что̀ обѣщалъ отъ имени Н. А. Полеваго; причиною этому была тяжкая, продолжительная болѣзнь почтеннаго нашего литератора, которая помѣшала ему докончить начатое.

Во-вторыхъ, онъ не разослалъ при Репертуарѣ обѣщаннаго портрета любимой московской артистки Н. В. Рѣпиной. Портретъ этотъ посланъ былъ для гравированія въ Лондонъ въ началѣ іюня мѣсяца; обѣщали его сдѣлать въ сентябрѣ, потомъ хотѣли прислать съ послѣднимъ пароходомъ— и по сію пору, несмотря на многократныя просьбы и понужденія, не доставили. Поджидая этого портрета изъ Лондона, издатель задерживалъ иногда книжки Репертуара, основываясь на обѣщаніи лондонскихъ художниковъ, но портрета все не было! Впрочемъ г-мъ подписчикамъ на Репертуаръ 1840 года портретъ г-жи Рѣпиной непремѣнно разошлется въ будущемъ 1841-мъ году, для чего, при нынѣшней книжкѣ Репертуара, прилагается билетъ на полученіе сего портрета.

Изъ программы Репертуара, прежде разосланной, публика можетъ видѣть нѣкоторыя — не перемѣны, но улучшенія — предполагаемыя въ семъ изданіи на будущій годъ, а потому распространяться объ этомъ не стану. Скажу только, что ободренный благосклоннымъ вниманіемъ публики, я употреблю всѣ силы и средства, чтобъ сдѣлаться болѣе достойнымъ его.

Наконецъ еще одно замѣчаніе: меня иные спрашиваютъ, *кто* редакторъ Репертуара? Этимъ инымъ непремѣнно хочется, чтобы я, подобно Пантеону, назвалъ какого нибудь *опытнаго литератора и драматическаго писателя*, принявшаго на себя редакцію моего изданія. Извольте, я скажу: редакторъ Репертуара — Публика. Отъ нея зависитъ выборъ піесъ для Репертуара: что̀ удостоилось ея вниманія и одобренія, то и помѣщается въ Репертуарѣ. Надѣюсь, что лучшаго Редактора для Репертуара сыскать не возможно!

Что̀ касается до другихъ статей, печатаемыхъ въ Репертуарѣ, читатели видѣли подъ ними, бо́льшею частію, имена почтенныхъ и извѣстныхъ русскихъ литераторовъ, которые и на

будущій годъ не оставятъ Репертуаръ своимъ участіемъ. Составленіе же книжекъ Репертуара вообще, выборъ матеріаловъ и статей, ихъ наружная отдѣлка, правильность и чистота языка, однимъ словомъ *литературное достоинство* изданія, съ слѣдующаго года, будетъ предметомъ постояннаго наблюденія и трудовъ одного молодаго литератора, знающаго свое дѣло и горячо-любящаго театръ. Въ помощь ему выбраны сотрудники *грамотные* и дѣятельные. Однимъ словомъ, редакція Репертуара устроена такъ, чтобъ все способствовало какъ правильному и успѣшному входу книжекъ, такъ равно занимательности и разнообразію ихъ содержанія.

И. НЕСОЦКІЙ.

ГОСУДАРСТВЕН. АКАДЕМ.
Ленинградская Театральная
БИБЛИОТЕКА
имени А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

РЕПЕРТУАРЪ
САНКТПЕТЕРБУРГСКИХЪ И МОСКОВСКИХЪ
РУССКИХЪ ТЕАТРОВЪ,
Съ 1-го Ноября по 1-е Декабря 1840 года.

Санктпетербургскіе.	*Московскіе.*
1. Бол. т. Морской разбойникъ, бал, въ 2 д. Жени, оп. въ 1 д. Ал. т. Параша Сибирячка, быль въ 2 д. Архиваріусъ, вод. въ 1 д. Чиновникъ по особымъ порученіямъ, вод. въ 1 д.	1. Бол. т. Параша Сибирячка, быль въ 2 д. Сиротка Сусанна, к.-вод. въ 2 отд.
3. Ал. т. Юрій Милославскій, ром. пред. въ 5 д. Сюрпризъ дочкамъ, вод. въ 1 д. Бол. т. Луція де Ламермуръ, оп. въ 3 д. Лиза и Коленъ, б. въ 3 д.	3. Бол. т. Скопинъ-Шуйскій, др. въ 5 д.
4. Ал. т. Ревизоръ, к. въ 5 д. Стрянчій подъ столомъ, вод. въ 2 д.	4. Бол. т. Сильфида, б. въ 2 д. Замужняя вдова, к. въ 2 д.
5. Ал. т. Керимъ Гирей, т. въ 3 д. Дѣловой человѣкъ, к. въ 1 д. Громкая слава женѣ не нужна, к. 1 д.	5. Бол. т. Параша Сибирячка, русск. быль въ 2 д. Мужъ красавецъ, вод. въ 1 д. Пріѣздъ жениха, интер.
6. Ал. т. Левъ Гурычъ, Синичкинъ, к.-вод. въ 5 д. Воспитанникъ любви, к.-вод. въ 4 д.	
7. Ал. т. Шекспиръ на родинѣ, д. въ 4 д. Авось! вод. въ 1 д. Деньги, к.-вод. въ 1 д. Донъ Рапудо, вод. въ 1 д.	7. Бол. т. Цампа въ 3 д. Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.
8. Ал. т. Авось! вод. въ 1 д. Деньги к.-вод. въ 1 д. Иванъ Иванычъ Недотрога, к.-в. въ 1 д. Покойная ночь, вод. въ 1 д.	8. Мал. т. Хороша и дурна, вод. въ 1 д.
10. Ал. т. Керимъ Гирей, т. въ 3 д. Донъ Рапудо, вод. въ 1 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.	10. Мал. т. Ревизоръ, к. въ 5 д.
11. Бол. т. Тѣнь, б. въ 3 д. Ал. т. Шекспиръ на родинѣ, др. въ 4 д. Авось! вод. въ 1 д. Первая морщинка, к. въ 1 д.	11. Мал. т. Горе отъ ума, к. въ 4 д.
12. Ал. т. Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д. Деревенскій докторъ, к. въ 2 д.	12. Мал. т. Дездемона и Отелло, т. въ 5 д. Домъ на Петербургской сторонѣ, вод. въ 1 д.
13. Ал. т. Катерина или Золотой крестикъ, к.-вод. въ 2 д. Мнимый больной, др. въ 3 д. Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д.	
14. Ал. т. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оперет. въ 1 д. Авось! вод. въ 1 д. Деньги, к.-вод. въ 1 д. Жена кавалериста, к.-вод. въ 1 д.	14. Бол. т. Возстаніе въ Сералѣ, бал. въ 3 д.
15. Бол. т. Гитана, б. въ 3 д. Ал. т. Шекспиръ на родинѣ, др. въ 4 д. Пожилая дѣвушка к.-вод. въ 1 д. Донъ Рапудо, вод. въ. 1 д.	15. Бол. т. Въ тихомъ омутѣ, вод. въ 1 д. Велизарій, оп. въ 3 д.
17. Ал. т. Гризельда, т. въ 5 д. Студентъ хористъ и аферистъ, оперет. въ 2 д.	17. Бол. т. Король Лиръ, т. въ 5 д.

Санктпетербургскіе.	*Московскіе.*
18. Ал. т. Тайна, др. въ 3 д. Пари, к. въ 1 д. Домовой, к.-вод. въ 2 д. Бол. т. Морской разбойникъ, б. въ 2 д. Волшебный стрѣлокъ. 1 д. оп.	18. Мал. т. Благородный театръ, к. въ 4 д. Бездѣтная вдова, вод. въ 1 д.
19. Ал. т. Харьковскій женихъ, вод. въ 2 д. Заемный мужъ, вод. въ 1 д. Артистъ, к.-вод. въ 1 д. Не влюбляйся безъ памяти, вод. въ 1 д.	19. Бол. т. Робертъ, оп. въ 5 д.
20. Ал. т. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оперет. въ 1 д. Дѣдушка русскаго флота, быль въ 1 д. Авось! вод. въ 1. д.	
21. Бол. т. Жизнь за Царя, оп. въ 4 д. м. т. Дочь адвоката, др. въ 2 д. Петербургскія квартиры, к.-вод. въ 5 квар.	21. Бол. т. Искусство платить долги, вод. въ 1 д. Параша Сибирячка, др. въ 2 д. Филатка и Мирошка, инт. въ 1 д.
22. Бол. т. Возстаніе въ Сералѣ, б. въ 3 д. Два слова, оп. въ 1 д. Ал. т. Коварство и любовь, т. въ 5 д. Таинственный гость, вод. въ 1 д.	22. Бол. т. 900,000 злотыхъ, инт. въ 2 кар. Загадка, к. въ 1 д. Деревенскій докторъ, к. въ 2 д. 3-й актъ бал. Возстаніе въ Сералѣ.
24. Ал. т. Тридцать лѣтъ, др. въ 3 сутк. Деньги, к.-вод. въ 1 д.	24. Бол. т. Жизнь игрока, д. въ 5 др. Татьяна прекрасная, инт. въ 1 д.
25. Ал. т. Тайна, др. въ 3 д. Иголкинъ, ист. быль въ 1 д. Хочу быть актрисой, вод. въ 1 д.	25. Бол. т. Загадка, к. въ 1 д. Деревенскій докторъ. к. въ 2 д. 900,000 злотыхъ, инт. въ 2 карт.
26. Ал. т. Макаръ Алексѣевичъ Губкинъ, оперет. въ 1 д. Сиротка Сусанна, к.-вод. въ 2 отд. Донъ Ранудо, вод, въ 1 д.	26. Мал. т. Хоть тресни, а женись, к. въ 1 д. Сиротка Сусанна, вод. въ 2 д. Маскарадъ въ клубѣ, вод. въ 1 д.
27. Бол. т. Озеро волшебницъ, б. въ 4 карт. Женни, оп. въ 1 д. Ал. т. Елизавета и Графъ Эссексъ, т. въ 5 д. Левъ Гурычъ, к.-вод. въ 5 д.	27. Бол. т. Параша Сибирячка, др. въ 2 д. Русскій человѣкъ добро помнитъ, др. въ 1 д. Два мужа, вод. въ 1 д.
28. Ал. т. Параша Сибирячка, быль въ 2 д. Чудное приключеніе Дандини, вод. въ 3 д. Авось! вод. въ 1 д.	28. Бол. т. Замужняя вдова, к. въ 2 д. Дѣва Дуная, б. въ 2 д.
29. Бол. т. Озеро волшебницъ, б. въ 4. карт. Ал. т. Русскій человѣкъ добро помнитъ, быль въ 1 д. Ложа 1-го яруса, вод. въ 2 карт. Чиновникъ по особымъ порученіямъ вод. въ 1 д.	29. Бол. т. Петербургскія квартиры, вод. въ 5 квар. Мочаловъ въ провинціи, вод. въ 2 д. Покойная ночь, вод. въ 1 д.

7937.6978

СОДЕРЖАНІЕ 2-го ТОМА.

1. ТРАГЕДІИ И ДРАМЫ.

1. СолдатскоеСердце, или Бивуаки въ Саволаксѣ, драм. въ 2 д. соч. Н. А. Полеваго. . . . . (Кн. — 8.)
2. Антоній и Клеопатра, траг. въ 5 д., соч. Шекспира (особенное приложеніе) . . . . . (Кн. — 9.)
3. Безыменное Письмо, драм. въ 3 д., соч. В. М. Строева (Кн. — 10.)
4. Деревенскій Докторъ, драм. вод. въ 2 д. перев. съ Французскаго А. Ж. . . . . (Кн. — 11.)
5. Эсмеральда, драм. въ 4 д., съ Эпилогомъ . . . . . (Кн. — 12.)

2. КОМЕДІИ И ВОДЕВИЛИ.

1. Урокъ Матушкамъ, ком. въ 3-хъ д., соч. М. Н. Загоскина. (Кн. — 7.)
2. Хочу быть Актрисой! или двое за шестерыхъ, вод. въ 1 д. соч. П. С. Ѳедорова . . . (Кн. — 7.)
3. Замужняя Вдова и Мужъ Холостякъ, ком. въ 1 д. соч. Р. М. Зотова . . . . . (Кн. — 8.)
4. Иванъ Ивановичь Недотрога, ком. въ 1. д. соч. Н. А. Полеваго . . . . . (Кн. — 9.)
5. Жена и Зонтикъ, или разстроенный настройщикъ, вод. въ 1 д. перев. съ Французскаго П. А. Каратыгина . . (Кн. — 9.)
6. Балъ у Банкира, ком. - вод. въ 1 д. перев. съ Французскаго П. С. Ѳедоровымъ . . (Кн. — 10.)
7. Клевета, ком. въ 5 д. соч. Скриба, перев. съ Француз. В. М. Строевымъ (Особенное приложеніе) . . . . . (Кн. — 10.)
8. Друзья Журналисты или нельзя безъ шарлатанства! вод. въ 1 д., перев. Л. Л. и П. И. Григорьевымъ 1-мъ. . . . (Кн. — 11.)
9. Донъ Ронудо де Калибралосъ, или Что и честь, коли нечего ѣсть. П. А. Каратыгина. . . (Кн. — 12.)

3. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ТЕАТРА.

1. И моивоспоминанія о Театрѣ, періодъ второй, соч. Р. М. Зотова. ст. 2-я. . . . . (Кн. — 7.)
2. И моивоспоминанія о Театрѣ, періодъ третій и послѣдній, (Кн. — 9.)
3. Біографія Капельмйстера Каволса, соч. Р. М. Зотова . . (Кн. — 10.)
4. Августъ Фонъ Копебу, соч. В. В. В. . . . . (Кн. — 12.)

4. ИСТОРІЯ РУССКАГО ТЕАТРА.

Лѣтопись Русскаго Театра, статья 2-я. Соч. Князя А. А. Шаховскаго . . . . . (Кн. — 11.)

5 ХРОНИКА ТЕАТРА.

1. Хроника Петербургскаго Театра (Л. Л.) . . . . . (Кн. — 7.)
2. Хроника Петербургскаго Театра (Л. Л.) . . . . . (Кн. — 8.)
3. Русскій Театръ въ Петербургѣ и Москвѣ (Л. Л.) . . . . (Кн. — 11.)

7. ПРОВИНЦІЯЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ.

1. Одесскій Театръ. . . . . (Кн. — 7.)
2. Воронежескій Театръ
3. Казанскій Театръ . } . . . . (Кн. — 8.)
4. Нижегородскій Театръ . . . . (Кн. — 9.)

8. ТЕАТРАЛЬНАЯ МОЗАИКА.

1. Лекенъ и Вольтеръ. 2. Импровизація Россини. 3. Вольтеръ и Фреронъ. 4. Шиллеровы лошадки. 5. Откуда Шекспиръ заимствовалъ своего Макбета. 6. Рожденіе, путешествіе и приключенія одного водевиля. (Кн. — 8.)
7. Письмо г-жи Сталькъ Тальмѣ. Орстъ и Пиладъ. Анекдотъ изъ жизни Тальмы. . . . . (Кн. — 12.)

9 ТЕАТРАЛЬНЫЕ АНЕКДОТЫ.

1. Разъ да гораздъ. 2. Диво за диво 3. Русскій Мужичокъ въ Театрѣ. 4 Дичь . . . . . (Кн. — 7.)

9. Сивильской Цирюльникъ. 6. Остроумный отвѣтъ. 7. Басил, а не Трагедія. 8. Коварство и любовь. 9. Прекрасныя уловки. . . . . (Кн. – 8.)
10. Адъ и Рай. 11. Удивительная мѣткость. 12. Полковой Театръ. 13. На память узелокъ. 14 Какъ аукнется, такъ и откликнется . . . . . (Кн. – 10.)
15. Хлопоты Костюмера. 16. Отъ пируэта до богатства одинъ только шагъ. 17. Выборъ ролей. (Кн. – 12.)

10. СТИХОТВОРЕНІЯ.

ВОДЕВИЛЬНЫЕ КУПЛЕТЫ, РОМАНСЫ, ПѢСНИ И ПРОЧ.

1. Искусственныя воды. 2. Искусство выходить замужъ. 3. Вельможа (пѣсня изъ Беранже) Игроки. . . . . (Кн. – 7.)
5. Нищая (пѣсня изъ Беранже.) 6. Романсъ. 7. Хорошенькая торговка. 8. Петръ Ивановичь Злословъ . . . . . (Кн. – 8,)
9. Умѣнье жить въ свѣтѣ. Нынѣшніе родные. 11. Трусость зубнаго врача. 12. Отецъ по неволѣ. 13. Отцы и Литераторы. 14 Дружба. 15. Усы. 16. Деньги . . . . . (Кн. – 9.)
17. Пятиноводчикъ и Дегатеръ. 18 Заключительные куплеты изъ водевиля: Друзья Журналисты. 19. Рецензенту Пасквилянту. 20. Игра въ вопросы и отвѣты. Импровизація. А. И. Писарева. 21 Антрепренеръ. (Кн. – 10.)
22. Нѣтъ имяни Ему! 23. Всѣ люди въ лицахъ Исбылицы! въ 1 разъ водев. въ 1 д. *П. А. Каратыгина.*
24. Кукуреку, *Быстрорѣцкаго.* 25. Старый холостякъ. . (Кн. – 12.)

11. МУЗЫКАЛЬНЫЯ ПІЭСЫ.

1. Стансы. Даръ напрасный, даръ случайный, слова А. С. Пушкина, музыка Г. Боле (Кн. – 8.)
2. Маршъ, изъ оперы: Густавъ соч. Обера . . . . . } (Кн. – 11.)
3. Тарантелло Галопъ. соч. Ланпера . . . . . }

12. ПОРТРЕТЫ.

1. Портретъ С. Петербургскаго Театра Артистки В. Н. Асенковой, гравированный на сталн въ Лондонѣ.
2. Портретъ Московскаго Театра Артистки, Н. В. Рѣпиной, гравированный тоже на сталн въ Лондонѣ.

13. СМѢСЬ.

Театральные извѣстія, слухи, отрывки изъ ком. и пр.

14. ТЕАТРАЛЬНЫЙ РЕПЕРТУАРЪ.

Всѣ игранные пьесы какъ на С. Петербургскомъ, такъ и на Московскомъ Театрахъ, съ 21 Апрѣля по 1 Декабря.

Дополнения к содержанию II-го тома Репетуара русского театра на 1840 г.

Русский театр в Москве и Петербурге:
Дебют г-жи Дюр - кн. 11